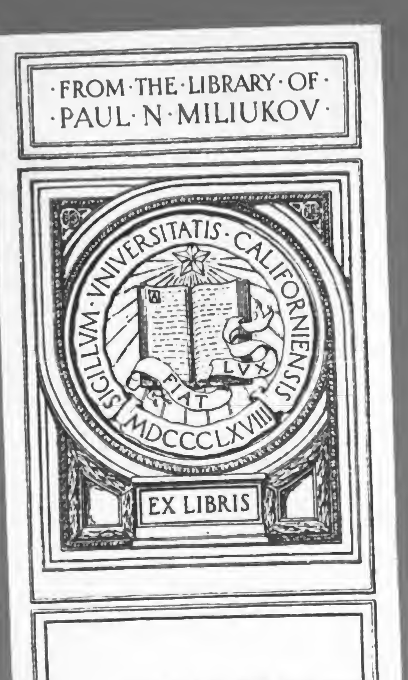
Kīevskai͡a starina


·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL·N·MILIUKOV·
SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ТОМЪ XXXII.

1891 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 15-го января 1891 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXII, 1891 г. Январь, Февраль и Мартъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXII. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Максима Илляшенка.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1891.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА"

будетъ выходить въ **1891 году** *(десятый годъ изданія)* по той же программѣ и въ томъ же объемѣ, какъ и въ предшествующіе годы; къ книжкамъ прилагаются портреты и рисунки.

Въ распоряженіи редакціи находятся слѣдующіе матеріалы и статьи: **Записки Мих. Чайковскаго (Садыкъ-паши); Записки О. А. Савичевскаго;** П. И. Житецкаго, **О языкѣ и поэтическомъ стилѣ мало русскихъ народныхъ думъ;** Н. Ѳ. Сумцова, **О вліяніи южно-русской схоластической литературы XVII ст. на раскольническую литературу XVIII ст.;** А. М. Лазаревскаго, **Очерки изъ исторіи южно-русскихъ селъ;** П. В. Голубовскаго, **Сѣверщина въ смутное время;** О. И. Левицкаго, **Очерки стариннаго быта Волыни и Украины;** Н. В. Молчановскаго, **Населеніе кіевской губерніи въ началѣ текущаго столѣтія;** Его-же, **П. А. Кулишъ, какъ историкъ;** Ѳ. Р. Рыльскаго, **Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія;** Н. В. Шугурова, **Илья Ѳедоровичъ Тимковскій—педагогъ начала текущаго столѣтія;** С. П. Моравскаго, **Новгородсѣверскій сотникъ Лисовскій;** А. В. Стороженка, **Очерки Переяславщины;** Д. И. Багалѣя, **Историческіе очерки малороссійскихъ городовъ** и мн. друг.

Подписная цѣна со всѣми приложеніями:

	на годъ.	на полг.
Съ пересылкой и доставкой .	**10** *р.* —	**5** *р.*
Безъ доставки	**8** *р.* **50** *к.*	**5** *р.*
За границу.	**13** *р.* —	**7** *р.*

Подписка принимается въ редакціи: Кіевъ, Малая-Владимірская, домъ № 32.

Лубенскій полковникъ Максимъ Илляшенко.

ИЗЪ ИСТОРІИ СЕЛЪ и СЕЛЯНЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ МАЛОРОССІИ.

После освобожденія Малороссіи отъ польской зависимости, народъ рѣшилъ, что прежнія крѣпости на земельныя имѣнія „козацкою шаблею скасованы“ и что засимъ земля можетъ принадлежать только народу, прогнавшему поляковъ и завоевавшему себѣ свободу. Дѣйствительно, всѣ крѣпости, по которымъ поляки владѣли имѣніями въ Малороссіи, были „скасованы“, потому что сами владѣльцы частью были прогнаны, частью убиты, а принадлежавшія имъ земли перешли въ неограниченное владѣніе сидѣвшаго на нихъ крестьянства. Но кромѣ поляковъ были въ Малороссіи и другіе владѣльцы: монастыри и отчасти—православная шляхта. Монастырское землевладѣніе Хмельницкій началъ подтверждать чуть не въ первый годъ начатой съ поляками войны. Православная шляхта выждала нѣкоторое время, пока прошло первое возбужденіе народа, и тоже обратилась къ Хмельницкому за подтвердительными универсалами. Но маетностей, подтвержденныхъ монастырямъ и православной шляхтѣ, было сравнительно немного. Огромное большинство селъ оставалось послѣ изгнанія поляковъ все таки свободнымъ отъ владѣльцевъ и народъ мнилъ себя нѣкоторое время единственнымъ владѣльцемъ земельныхъ богатствъ... Но такое положеніе вещей долго продолжаться не могло. Козацкая старшина, освоившись съ тою властью, которая начала сосредоточиваться въ ея рукахъ, стала эту власть расширать и съ помощью ея стала захватывать и свободныя земли, и сидѣвшихъ на нихъ крестьянъ. Послѣдніе уступали не безъ со-

противленія. Старшинскіе захваты стали узаконяться гетманскими универсалами: и къ концу XVII в. старшинѣ было роздано столько маетностей, что Мазепа, въ виду „пререканія посполства", началъ было отбирать ихъ отъ лицъ безвліятельныхъ назадъ. По этому поводу гетманъ писалъ въ Москву, въ 1692 г.,—„о отданныхъ маетностяхъ разнымъ особамъ такъ у себя мы, гетманъ, съ старшиною и съ полковниками разсудили: которые особы (изъ старшины) еще въ войску и въ народѣ мнятся быть къ службѣ негодны, а за нашими универсалами къ маетностямъ приобщилися, тѣхъ угодно бы отъ того владѣнія отставити... И какъ уже нѣкоторыхъ такихъ въ полтавскомъ полку отъ маетностей оставили есмы... и тѣ маетности въ общую городовую власть привратили, *угождая тому, дабы посполство пререканія не чинило...*" Но такія распоряженія ограничивались единичными случаями. Видно, что Мазепа вынужденъ былъ такъ дѣйствовать подъ давленіемъ угрозъ, которыя слало ему Запорожье... [1]). Между тѣмъ старшина, не ограничиваясь землями, на которыхъ сидѣли крестьяне, стала простирать руки и къ землямъ козачьимъ... Протестъ козаковъ вызвалъ интересный универсалъ Мазепы, написанный въ ноябрѣ 1691 г., въ которомъ гетманъ пояснялъ старшинѣ, далѣе какихъ предѣловъ не должны простираться ея вожделѣнія. Донесено намъ, писалъ Мазепа, что нѣкоторыя какъ духовныя, такъ и свѣтскія особы, получивъ, по милости Божьей и монаршей и нашему изволенію, маетности, не обращаютъ вниманія ни на здѣшнія малороссійскія обыкновенія, ни на войсковые порядки и неугодливо поступаютъ съ жителями тѣхъ маетностей: тяглыхъ крестьянъ безъ мѣры отягчаютъ повинностями, а козаковъ приневоливаютъ въ крестьянство... И если который козакъ силится остаться въ войсковыхъ спискахъ, такого владѣлецъ маетности начинаетъ разными способами тѣснить, стараясь или приневолить его къ переходу въ „мужицство" или совсѣмъ вытѣснить изъ своей маетности. А кромѣ того, слышимъ мы, что нѣкоторые владѣльцы маетностей, развѣдавъ—какія изъ козачьихъ земель въ ихъ селахъ принадлежали за польской дер-

---

[1]) Подробности см. у Костомарова, Мазепа и Мазепинцы, стр. 93 и слѣд.

жавы „панамъ", стали отбирать эти земли подъ свою власть. Эти дѣйствія владѣльцевъ маетностей противны и праву войсковому, и волѣ нашей гетманской, потому что тѣ земли, которыя отвагою „рыцарства войска запорожскаго" отняты въ войну Хмельницкаго у польскихъ пановъ и немалое время уже находятся въ козацкомъ владѣніи, не могутъ быть у козаковъ отнимаемы. Всѣмъ извѣстно, что война Хмельницкаго и начата была какъ за вѣру святую и церкви православныя, обращенныя въ „римскую" унію, такъ и за войсковыя вольности, которыя ярмомъ тяжкимъ были придавлены. По этому одному нельзя отнять права у нашихъ „отважниковъ" на владѣніе всѣмъ тѣмъ, что̀ ими тогда было завоевано саблей и кровью... Въ силу этого симъ нашимъ универсаломъ приказываемъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина людямъ, чтобы они власть свою при владѣніи маетностями выражали „мѣрно", какъ слѣдуетъ по „малороссійскому обыкновенію", не чиня подданнымъ разныхъ вымысловъ и тяжестей, особливо дабы козаковъ, изстари въ тѣхъ маетностяхъ живущихъ, не притѣсняли и земель, издавна ими владѣемыхъ, не отнимали, хоть бы и доказано было, что тѣ земли при полякахъ были „панскія" [1]).

Гетманъ публично признавалъ безспорность права половины народа (козаковъ) на находившуюся въ его владѣніи землю, но тѣмъ не менѣе это признаніе обращалось въ мертвую букву, потому что всѣ гетманскія распоряженія въ защиту народа должны были оставаться безъ результата, такъ какъ за исполненіемъ этихъ распоряженій должна была наблюдать та самая старшина, противъ которой направлялись подобные приведенному универсалы.

Процессъ порабощенія народа старшиною продолжался безостановочно, несмотря на всѣ распоряженія власти какъ мѣстной, такъ и центральной. Съ одной стороны захватъ маетностей съ жившими въ нихъ крестьянами, а съ другой—„скупля" козачьихъ

[1]) Универсалъ Мазепы, изъ котораго взятъ приведенный отрывокъ, записанъ въ бориспольскихъ „мѣскихъ" книгахъ XVII в., рукописью которыхъ, находящеюся въ собраніи барона Шодуара (м. Ивница, житомирскаго уѣзда), мы пользовались при обязательномъ посредствѣ Н. И. Петрова. См. Извѣстія Цер. арх. общ. за 1888 годъ, стр. 21.

земель и обращеніе ихъ владѣльцевъ въ „подсосѣдковъ“, составляютъ едва не главное содержаніе той части исторіи Малороссіи въ періодъ гетманщины, которая остается еще не написанною... Какъ извѣстно, процессъ подчиненія народа старшинѣ закончился указомъ 3 мая 1783 года.

Какъ производился старшиною захватъ маетностей, въ какое отношеніе становилась она къ народу и какое сопротивленіе оказывалъ при этомъ народъ—объ этомъ и говорятъ приводимые здѣсь эпизодическіе очерки изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи.

---

1. Село Грицовка [1]).

Село Грицовка, расположенное по берегу незначительной рѣчки Лисогора, возникло въ первой половинѣ XVII в. и первое время, при гетманахъ, находилось въ „послушаніи“ ратуши сотеннаго мѣстечка Срѣбнаго, т. е. грицовскіе крестьяне помогали своему сотенному мѣстечку въ исполненіи разнаго рода „общенародныхъ повинностей“. Затѣмъ, при Мазепѣ, село это попало во владѣніе какого-то Аѳанасія Мокіевскаго, вѣроятно родственника Мазепы, котораго мать была изъ рода Мокіевскихъ [2]). Но послѣ измѣны Мазепы, всѣ родичи его были устранены отъ владѣнія маетностями и Грицовку сейчасъ же послѣ этого (въ 1709 г.) выпросилъ у новопоставленнаго гетмана Скоропадскаго прилуцкій полковой писарь Андрей Себастіановичъ; а послѣ его смерти (въ 1718 г.) Грицовка, вмѣстѣ съ другими маетностями, перешла къ сыновьямъ Андрея—Ивану, Василію и Матвѣю. По малолѣтству послѣднихъ двухъ, старшій братъ Иванъ захватилъ большую часть отцовскихъ имѣній, въ томъ числѣ и Грицовку, и владѣлъ ими, не дѣлясь съ братьями, лѣтъ двадцать. Вотъ въ это время и случились тѣ „пререканія“ гри-

---

[1]) Прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи.

[2]) Можетъ быть Аѳанасій Мокіевскій былъ сынъ кіевскаго полковника Константина Мокіевскаго, сыну котораго Мазепа могъ дать маетность по родству, „за службы отца“, какъ тогда говорилось.

цовскихъ жителей съ владѣльцемъ ихъ села, о которыхъ мы здѣсь разскажемъ.

Учрежденіе Петромъ В., въ 1722 г., малороссійской коллегіи возбудило въ народѣ большія надежды на улучшеніе его соотношеній съ старшиною. Въ данной царемъ президенту коллегіи инструкціи, между прочимъ, говорилось: „ежели усмотрѣно будетъ, что генеральная старшина и полковники козаковъ и посполитыхъ людей впредь отягощать станутъ работами и прочими трудностями, и хотя отъ нихъ козаковъ и челобитья не будетъ, и оное коллегіи, съ совѣту г. гетмана, пристойнымъ образомъ отвращать, а посполъству въ томъ помогать по истинѣ“. Этотъ и другіе пункты той же инструкціи возбудили во многихъ мѣстахъ Малороссіи крестьянскія волненія. Болѣе замѣтныя волненія возникли въ тѣхъ селахъ, державцы которыхъ отличались суровостью своихъ отношеній къ крестьянамъ. Иванъ Себастіановичъ былъ однимъ изъ самыхъ суровыхъ державцевъ; сама мать его писала, что онъ „бивалъ своихъ подданныхъ кіями, безъ всякой пощады“. Въ Грицовкѣ было нѣсколько крестьянъ, происходившихъ изъ козаковъ. Они первые попробовали—нельзя ли, при помощи коллегіи, вернуться въ козачество и тѣмъ избавиться отъ насилій Себастіановича. Между ними былъ и Степанъ Быховецъ, который подалъ въ апрѣлѣ 1727 г. въ генеральную канцелярію такое прошеніе: „будетъ тому нѣсколько годъ, якъ я въ с. Грицовкѣ, маетности бунчуковаго товарища Ивана Себастіановича, сталъ жить и всякія подданническія повинности отбывать даже до сихъ поръ. А нынѣ, когда я пожелалъ себѣ козацкую отбывать повинность съ грунта козацкаго, для того, что дѣдъ мой и отецъ козаковали и въ компутахъ (спискахъ) полковыхъ прилуцкихъ вписаны, то владѣлица с. Грицовки, Ивана Себастіановича жена, о томъ извѣстившись (самъ Себастіановичъ былъ въ это время въ гилянскомъ походѣ), приказала людямъ своимъ—меня и сыновъ моихъ бить, которые въ томъ бою мене съ сынами окровавили, а женѣ моей голову розбили. Да сверхъ того бою, взяла она, Себастіановичка, у меня изъ скота товару рогатаго—9, овецъ 24 и коня одного“. Въ заключеніе, Быховецъ просилъ „принять его въ козацкій ком-

путь". По этому прошенію генеральная канцелярія навела справку—какъ записанъ Быховецъ по ревизіи 1723 г., и когда оказалось, что онъ записанъ „между посполитыми подданными бунчуковаго товарища Ивана Себастіановича", то въ просьбѣ Быховцу отказала. Тогда Быховецъ обратился въ коллегію, жалуясь, что генеральная канцелярія неправильно отказала ему въ козачествѣ, не справившись съ старыми компутами и руководствуясь одною лишь ревизіею 1723 г. Коллегія навела лучшія справки и въ іюнѣ 1727 г. выдала Быховцу копію своего указа на имя прилуцкаго полковника, что „по справкѣ съ козацкими компутами прошлыхъ 1695 и 1715 гг., въ полковой прилуцкой сотнѣ, куреня мульковскаго (с. Молекъ) написанъ отецъ Степана Быховца, Иванъ Быховецъ—атаманомъ, а братъ родной Петръ—козакомъ. А по именному указу 1722 г., велѣно таковыхъ, по справкѣ съ прежними давними и нынѣшними козацкими реестрами, по ихъ челобитью, писать въ козаки по прежнему; и того ради о написаніи Степана Быховца въ козацкіе компуты и о выключеніи изъ подданства, и чтобъ владѣлецъ впредь до него въ подданническихъ повинностяхъ не интересовался, послать къ тебѣ, полковнику прилуцкому, указъ..." Кромѣ того, въ указѣ значилось, чтобы Галаганъ распорядился о возвращеніи Быховцу отнятаго у него Себастіановичкою скота. Получивъ этотъ указъ, Быховецъ отказался отъ „послушенства" Себастіановичамъ. По этому случаю младшій братъ Ивана Себастіановича, Матвѣй (служившій въ это время канцеляристомъ въ генеральной канцеляріи), въ концѣ 1727 г., жаловался Апостолу: „изъ посполитыхъ селянъ сельца Грицовки, Леско Цигуренко, Юско Мирошникъ и Давидъ Романченко, наполнясь какимъ то легкомысліемъ и стремясь выбиться изъ крестьянства въ козачество, отказались отъ послушанія, а между тѣмъ продолжаютъ жить на мужицкихъ грунтахъ. До сего-жъ году, того жъ сельца Грицовки житель Степанъ Быховецъ, смотря на реченныхъ самовластниковъ, изстари мужикомъ будучи, билъ челомъ передъ симъ въ генеральную канцелярію, также желая попасть въ козаки; а потомъ, повинившись, тутъ же въ генеральную канцелярію подалъ мировое челобитье, выразивши

именно, что останется по прежнему, какъ и былъ, мужикомъ. Когда жъ повернулся тотъ Быховецъ отсюда (изъ Глухова) въ домъ свой и тамъ хотѣли его „скарать“ (наказать) за тое, что не хотѣлъ послушенствовать, то онъ, заупрямившись, снова пріѣхалъ въ Глуховъ, и мимо генеральной канцеляріи, билъ челомъ о своемъ козачествѣ въ бывшую коллегію, гдѣ безъ всякаго розыску и допросу моего, написано того Быховца въ козаки...“ Затѣмъ Себастіановичъ проситъ гетмана произвести слѣдствіе какъ о козачествѣ Цигуренка и другихъ, такъ и о побояхъ, нанесенныхъ Быховцомъ людямъ Себастіановичей. По этой просьбѣ высланы были въ Грицовку, полковой есаулъ Панкевичъ и бунчуковый товарищъ Прокоповичъ, изъ произведеннаго которыми слѣдствія—приводимъ здѣсь лишь то, что оказалось по дѣлу Быховца. Когда слѣдователи спросили послѣдняго—почему онъ считаетъ себя козакомъ, то онъ отвѣчалъ, что отецъ его козаковалъ въ сосѣднемъ селѣ Молькахъ, да и братъ меньшій, Петръ, записанъ въ компутѣ полковомъ полковника Дмитрія Горленка; а онъ Степанъ Быховецъ, передъ дорогимъ годомъ [1]), отъ отца въ с. Харитоновкѣ женился и „прислушалъ до ратуши срѣбрянской, потому что Харитоновка принадлежитъ той ратушѣ. А оттуда перезвалъ его въ Грицовку, Аѳанасій Мокіевскій, бывшій владѣлецъ грицовскій, и поставилъ его надъ своею маетностію „господаремъ“, и господаровалъ онъ, Быховецъ, у Мокіевскаго шесть лѣтъ. А живя въ Грицовкѣ, купилъ онъ себѣ тамъ грунтъ, у грицовскихъ посполитыхъ Дробковъ...“ Спрошены были Дробки—чей грунтъ продали они Быховцу?—Тотъ грунтъ, гдѣ живетъ теперь Быховецъ, отвѣчали Дробки, называется Походнящина и былъ тотъ грунтъ козацкій, какъ говорилъ имъ отецъ, купившій тотъ грунтъ около ста лѣтъ назадъ. Распросили затѣмъ слѣдователи и о тѣхъ побояхъ, которые нанесены были Быховцемъ людямъ Себастіановича. Ѳедоръ Василенко, войтъ грицовскій, объ этомъ разсказалъ такъ: какъ приказала мнѣ „панѣ“, чтобъ я изготовилъ на панщину шесть подводъ,

---

[1]) Часто упоминаемый въ актахъ первой половины XVIII в. „дорогой годъ“ былъ, кажется, 1690-й.

пошелъ я и до Быховца, чтобы и онъ ѣхалъ; но Быховецъ мнѣ отвѣтилъ: „не пойду я на панщину, бо я теперь босый, чоботъ нема!“ А когда я донесъ панеи объ отказѣ Быховца, такъ она велѣла взять за то у Быховца двое коней; а какъ привели тѣхъ коней въ дворъ, такъ пани приказала еще для коней взять у Быховца и сѣна. За сѣномъ былъ посланъ староста верхомъ на быховцовомъ конѣ, и—какъ пріѣхалъ онъ къ Быховцу, тотъ коня сейчасъ отнялъ, а старосту, взявъ за волосы, ударилъ ó-земь и билъ его кулаками, сколько захотѣлъ... Вернувшись во дворъ, староста крикнулъ панеи: „ты посылаешь насъ грабить людей, а насъ за то бьютъ!“ Тогда пани приказала старостѣ идти къ Быховцу уже съ людьми, чтобъ позвать его самаго во дворъ, а если не пойдетъ, то привести силою. Пошли къ Быховцу снова. Но тотъ, вмѣстѣ съ сыновьями, встрѣтилъ людей цѣпами... И избили Быховцы людей тѣхъ сильно: старостѣ и еще одному разбили головы, другому посланному — перебили руку, да и остальнымъ досталось... Спросили слѣдователи и Быховца, чтобы тотъ самъ разсказалъ какъ было дѣло; но тотъ не захотѣлъ отвѣчать, а только сказалъ: „не слушаю я васъ! мы еще обождемъ счастливаго вѣтру!“ На другой день снова былъ позванъ Быховецъ, которому предложили указать хотя свидѣтелей драки. „Нѣтъ у меня свидѣтелей“, отвѣчалъ Быховецъ, „а дѣло было такъ: какъ пришли панскіе люди ко мнѣ во дворъ, чтобы пограбить [1]), то я грабежа не далъ и оттого случилась драка съ моими дѣтьми. А когда Михайло Хуторненко ударилъ мою жену палкою по головѣ и я увидѣлъ, что она упала, облитая кровью, такъ я крикнулъ дѣтямъ—гнать панскихъ людей изъ двора! При этомъ мы и били людей, выгоняя ихъ на улицу“. Къ этому Быховецъ добавилъ, что въ то время, когда происхо-

---

[1]) Слово „грабить“ употреблено здѣсь въ смыслѣ—насильно взять въ подлежащемъ „грабежу“ дворѣ что-нибудь изъ домашней рухляди, въ залогъ исполненія того или другаго требованія властей. Сельскіе урядники въ Малороссіи и теперь, посылая „гонителей“ (нѣчто въ родѣ помощниковъ сборщиковъ податей) взыскивать съ крестьянъ подати, приказываютъ имъ, въ случаѣ неплатежа, „пограбить“ недоимщиковъ, т. е. взять у нихъ какую нибудь одежду или что другое, чтобы тѣмъ заставить скорѣе заплатить подати.

дила эта драка, у него еще не было указа коллегіи объ исключеніи изъ крестьянства. А потомъ была еще и другая драка, когда, выхлопотавши указъ о козачествѣ, онъ, Быховецъ, вернулся изъ Глухова, такъ снова присылалъ за нимъ самъ Иванъ Себастіановичъ, вернувшійся изъ гилянскаго похода, чтобъ шелъ во дворъ и показалъ указъ, по которому онъ отказывался „отдавать послушаніе". Присланному за нимъ войту Быховецъ отвѣчалъ: „не пойду я къ твоему пану! есть у меня панъ полковникъ, а твоего пана я не слушаю!" За такой отвѣтъ Себастіановичъ послалъ старосту съ войтомъ въ „череду" (стадо) „пограбить" пару воловъ Быховца. Услыхавъ объ этомъ, Быховецъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ сосѣдей, побѣжалъ къ стаду и, заставъ тамъ войта, билъ его цѣпомъ по плечамъ, но билъ немного, потому что отпросила войта дочь Быховца, говоря: „не бей, тату! человѣкъ этотъ передъ нами ничѣмъ не виненъ!"

Въ такомъ видѣ слѣдствіе представлено было гетману съ заключеніемъ, что всѣмъ просителямъ, кромѣ Быховца, слѣдуетъ отказать въ козачествѣ, Быховца же, признавъ козакомъ, наказать за то, что пересталъ слушать своихъ пановъ прежде полученія указа коллегіи. Заключеніе слѣдователей было утверждено Апостоломъ.

Только что кончили Себастіановичи дѣло съ крестьянами, искавшими козачества, какъ началось у нихъ въ Грицовкѣ, другое дѣло, уже со всѣми остальными крестьянами. Грицовское посполитство, не дождавшись отъ коллегіи никакихъ облегченій въ „работизнахъ", рѣшило просить этихъ облегченій у новаго гетмана, Апостола. Въ октябрѣ 1728 г., всею „громадою" Грицовки подано было гетману слѣдующее прошеніе: „мы, грицовскіе подданные пана Ивана Себастіановича, доносимъ вашей ясневельможности, о причиняемыхъ намъ отъ него обидахъ: въ сѣнокосное время держитъ онъ насъ на своихъ сѣнокосахъ недѣль по семь и притомъ на нашихъ харчахъ, а какъ не станетъ у насъ харчей, то выпрашиваемъ хлѣбъ по сосѣднимъ хатамъ, потому что панскіе дозорцы—домой за хлѣбомъ не пускаютъ ходить. Въ „жнива" накидаетъ на каждую семью—сжать копъ по 10, 15 и по 20, одной ржи, кромѣ яроваго хлѣба. А

когда попросимъ панскихъ дозорцовъ, чтобы и намъ дано было немного времени—накосить сѣна и нажать хлѣба на своемъ полѣ, такъ дозорцы отвѣчаютъ: „намъ дѣла нѣтъ до вашего хлѣба, пусть онъ хоть погніетъ, лишь бы панское было собрано!“ А староста панскій грозитъ намъ: „велитъ мнѣ панъ, чтобъ я выгонялъ изъ хаты каждый день по работнику; и—если хоть годъ проживу я у пана, то всѣхъ васъ поровняю, богатыхъ съ бѣдными!“ Каждый годъ сгоняютъ насъ орать панскія поля своими плугами; весною—на недѣлю и въ петровку—на недѣлю. А какъ настанетъ зима, то отдаетъ панъ для прокорму на дворъ—по коню или по двое рогатаго скота. А случится, что волкъ съѣстъ эту скотину или воръ украдетъ, то панъ беретъ за такую скотину вдвое. Такъ Василь Сущенко за кобылку-двухгодовалку, которую задавилъ волкъ въ хлѣву, заплатилъ шесть копъ, Ѳедоръ Рудь за украденнаго бычка, заплатилъ четыре съ половиною копы... Пригнаны были разъ изъ другаго села въ Грицовку панскіе волы; на другой день будто не досчитались одного вола, такъ панъ взялъ за того вола съ войта Кузьменка восемь копъ, а войтъ въ то время и въ дворѣ не былъ и совсѣмъ не зналъ былъ ли тотъ волъ и пригнанъ, за котораго панъ взялъ деньги. Да съ тѣмъ же Кузьменкомъ помѣнялся панъ на коней и договорился дать въ придачу два талера (1 р. 20 к.), но и копѣйки не далъ. У многихъ крестьянъ порубилъ панъ лѣса̀. У Прохоренка срубилъ лѣсокъ за то, что поповъ гусь ходилъ на панское гумно и что того гуся Прохоренко позволилъ попу взять съ гумна; а срубленный лѣсъ стоилъ золотыхъ сорокъ. Сторожей ежедневно трехъ высылаемъ: двухъ въ панскіе дворы, а третьяго—въ шинокъ къ жиду. А какъ жидъ сбѣжалъ изъ шинка, такъ за недоставшую водку заплатили мы, селяне, и при этомъ платили и тѣ, которые и въ шинкѣ никогда не бывали... А въ этомъ году въ февралѣ, когда выгнали насъ на панщину, сѣно возить, такъ староста приказалъ, чтобы днемъ возили панское сѣно, а ночью—чужое. И набрали мы ночью у срѣбрянской жительки Калинки сѣна на всѣ подводы и привезли то сѣно въ панскій дворъ... А Калинка нашла свое сѣно по слѣду и пожаловалась нашему пану,

который, будто ничего не зная, созвалъ насъ всѣхъ и приказалъ присягать, что именно привезли то сѣно на его дворъ. И не присягали потому только, что одинъ хлопецъ видѣлъ, какъ везли мы Калинкино сѣно на панскій дворъ и разсказалъ объ этомъ. А за то сѣно Калинка взяла одного коня у Жадапенка, а другаго—у Шибѣки, и работала она тѣми лошадьми семь недѣль, пока за то сѣно мы не заплатили ей.

Спрошенный по этой жалобѣ Себастіановичъ большею частію отрицалъ обвиненія крестьянъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснялъ, что такъ дѣлается „по давнему обыкновенію". О сѣнѣ, взятомъ у Калинки, онъ отвѣтилъ: „я не зналъ о сѣнѣ, взятомъ у Калинки; а когда срѣбрянская ратуша выслала своего войта, чтобы разслѣдовать дѣло, такъ войтъ обвинилъ моего „господаря", которому я назначилъ заплатить за сѣно, 80 золотыхъ; а когда деньги заплатили Калинкѣ, такъ и лошади были возвращены крестьянамъ..." Изъ этого отвѣта видно, что за украденное для Себастіановича сѣно заплатили деньги крестьяне; а что украдено было сѣно у Калинки съ вѣдома Себастіановича, видно изъ жалобы одного козака Яненка, который былъ избитъ Себастіановичемъ за то, что будто онъ разсказалъ Калинкѣ—что украденное у нея сѣно свезено къ Себастіановичу, въ дворъ. Никакой вины въ дѣйствіяхъ Себастіановича гетманъ не усмотрѣлъ, почему и распорядился, чтобы прилуцкій полковникъ, вызвавъ изъ Грицовки въ Прилуку „возмутителей", сначала бы ихъ „по приличію", наказалъ, а потомъ—приказалъ бы имъ во всемъ слушать Себастіановичей. За „возмутителями" полковникъ послалъ въ Грицовку сотеннаго хоружаго; но грицовцы отвѣчали, что не поѣдутъ и—не поѣхали. Полковникъ послалъ въ другой разъ значковаго товарища Донца, уже съ козаками, приказавъ Донцу только прочесть передъ грицовцами гетманскій приказъ. Но и это порученіе не могло быть исполнено. Ставъ квартирою у Себастіановичей, Донецъ послалъ за крестьянами, чтобъ тѣ шли въ панскій дворъ для выслушанія гетманскаго приказа; но крестьяне не только не пошли, а собравшись „громадою", вооружились цѣпами и стали ждать что̀ дальше будетъ Донецъ дѣлать... Тотъ пошелъ самъ къ гро-

мадѣ и прочелъ ей гетманское рѣшеніе на ихъ жалобу.—„Не будемъ слушать Себастіановича“, отвѣчали крестьяне, „пока не услышимъ о томъ приказа отъ самаго гетмана!“ Вернувшись на квартиру, Донецъ приказалъ позвать войта, чтобы тотъ распорядился—дать козакамъ его харчей и сѣна. Войтъ не послушалъ. Тогда Донецъ послалъ своего козака взять сѣна изъ ближайшаго двора, но тамъ хозяинъ встрѣтилъ посланнаго вилами. Донецъ приказалъ взять этого крестьянина и „забить въ колодки“. Услыхавъ объ этомъ, громада подошла къ панскому двору и стала требовать освобожденія забитаго въ колодки; а когда Донецъ отказалъ, то громада направилась къ священнику попросить благословенія бить набатъ, („благословитись гвалтъ въ дзвони бити“). Разбуженный священникъ (дѣло было уже ночью) попробовалъ было успокоить народъ, но онъ, ничего не слушая, пошелъ къ церкви и началъ „гвалтъ бити“... Грицовскій козачій атаманъ, услыхавъ, что бьютъ набатъ, прибѣжалъ къ церкви и встрѣтилъ тамъ „громаду мужиковъ съ цѣпами и вилами“, часть которой побѣжала къ панскому двору. Увидавъ атамана, крестьяне послали его къ Донцу, чтобъ тотъ немедленно освободилъ взятаго крестьянина. Донецъ отказалъ и атаману. Тогда толпа сама подошла къ панскому двору и требуя забитаго въ колодки, кричала, что хоть цѣлую сотню пришлютъ изъ Прилуки, то они не позволятъ взять его изъ села. Видя расходившуюся толпу, Донецъ отпустилъ взятаго крестьянина, а самъ поспѣшилъ уѣхать изъ Грицовки. Чѣмъ кончился протестъ грицовскихъ крестьянъ, подробностей изъ архивныхъ бумагъ не видно, но, конечно, гетманскій приказъ бытъ исполненъ и грицовцы стали отдавать Себастіановичамъ надлежащее послушаніе...

---

2. Село Озеряне [1]).

Озеряне возникли, повидимому, во второй половинѣ XVII в., такъ какъ только въ 1703 г. строилась здѣсь первая церковь. Будучи незначительнымъ сельцомъ, Озеряне до начала XVIII в.

[1]) Лохвицкаго уѣзда, полтавск. губ.

оставались свободными. Намѣтилъ ихъ только Игнатій Галаганъ, ставъ прилуцкимъ полковникомъ, и въ продолженіе десяти лѣтъ окончательно завладѣлъ Озерянами при слѣдующихъ обстоятельствахъ, какъ разсказали сами озерянцы въ 1724 г.

„Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда Андрей Себастіановичъ [1]) не имѣлъ еще никакого старшинскаго чина, а держалъ въ Озерянахъ только „оранду" (корчму или шинокъ), пріѣхалъ онъ разъ въ наше село и созвавши всѣхъ селянъ „до оранды" своей (т. е. въ корчму), сталъ просить, чтобъ позволили ему—„занять леваду" надъ Мамотовымъ ставомъ, на вольной сельской землѣ, и хуторокъ тамъ построить. При этомъ, Себастіановичъ обѣщалъ дать зато на нашу церковь, „золотыхъ десятокъ денегъ", а церковь въ Озерянахъ тогда была еще не достроена. Озерянцы и позволили ему занять ту леваду. Занявши леваду, Себастіановичъ денегъ на церковь не давалъ да и леваду недолго продержалъ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ „въ чинъ старшинства случай его позвалъ" и онъ въ это же время, по сосѣдству, въ Брагинцахъ, сталъ „хуторомъ осѣдать". И запустѣла та левада, пока не насталъ полковникомъ панъ Игнатій Галаганъ. А какъ сталъ Галаганъ полковникомъ и случилось ему разъ съѣхаться у насъ въ Озерянахъ (это было въ 1718 г.) съ Себастіановичемъ, бывшимъ тогда уже полковымъ судьею. И какъ пошли мы, селяне, до пріѣхавшихъ пановъ на поклонъ, то и слыхали, какъ панъ полковникъ просилъ пана судью—подарить ему ту леваду, которую занялъ онъ у насъ, въ Озерянахъ. Судья исполнилъ просьбу полковника, говоря, что хоть озерянцы и позволили ему занять ту леваду, но она ему не нужна и при насъ же сказалъ: за вѣдомомъ сихъ же поселянъ, я „вашецѣ добродію, дарую!" И тогда же панъ полковникъ, получивши отъ судьи тотъ „дарунокъ", о томъ оповѣстилъ намъ, озерянскимъ обывателямъ. Эта левада и послужила для Галагана основою для завладѣнія всѣмъ селомъ. Какъ видно, стоило только вліятельному старшинѣ пріобрѣсть въ селѣ одинъ участокъ и посадить на немъ подсосѣдка, чтобы начать потомъ, съ помощью по-

---

[1]) См. выше, село Грицовку.

саженнаго своего человѣка, „скуплю“ козачьихъ и крестьянскихъ дворовъ и обращеніе бывшихъ хозяевъ ихъ въ подсосѣдковъ. Съ одной стороны льготы отъ „общенародныхъ“ повинностей, которыя вліятельный старшина обѣщалъ козаку или крестьянину, если тотъ продастъ ему свой дворъ и изъ свободнаго хозяина обратится въ „панскаго“ подсосѣдка, а съ другой стороны—незаконное пользованіе правомъ суда, когда тотъ или другой селянинъ „впадалъ въ проступство“ (большею частію—воровство и прелюбодѣяніе) и долженъ былъ судиться у своей старшины, были главными средствами, съ помощью которыхъ старшина производила „скуплю“ преимущественно козачьихъ дворовъ и заселеніе ихъ подсосѣдками—будущими „подданными“. Для избѣжанія нареканій за „скуплю“ со стороны гетмана или замѣнявшихъ его правителей, старшина старалась селить подсосѣдковъ на новыхъ мѣстахъ, а не въ старыхъ дворахъ. Купивъ въ селѣ участки, еще не бывшіе подъ поселеніемъ, новый пріобрѣтатель строилъ тутъ хаты, селилъ въ нихъ подсосѣдковъ, а потомъ—утверждалъ передъ властями, что онъ никакихъ дворовъ не скупалъ, а „посадилъ новую слободку“. Такъ старался дѣлать и Галаганъ, такъ сдѣлалъ онъ и въ Озерянахъ. Получивъ отъ Себастіановича въ этомъ селѣ леваду, Галаганъ года въ три-четыре, поселилъ въ Озерянахъ нѣсколько подсосѣдковъ и сдѣлалъ первую попытку подчинить себѣ и все остальное крестьянское населеніе Озерянъ. Подавъ, въ февралѣ 1722 г., челобитную въ коллегію иностранныхъ дѣлъ о выдачѣ царской грамоты на маетности которыми Галаганъ уже владѣлъ передъ тѣмъ, по универсаламъ гетмана, онъ включилъ въ число ихъ и Озеряне. А когда коллегія спросила Скоропадскаго—принадлежатъ ли Галагану перечисленныя въ его челобитной маетности, то гетманъ объ Озерянахъ отвѣчалъ: „Озерянами селомъ не вѣдаю коимъ образомъ онъ, полковникъ, завладѣлъ и тщится упросить на оное грамоту, ибо на тое село моего универсалу не имѣетъ“. По этому отвѣту гетмана, грамоты на Озеряне выдано не было. Между тѣмъ умеръ Андрей Себастіановичъ, вдова его вспомнила о подаренной въ Озерянахъ мужу левадѣ и стала заявлять претензію на поселенныхъ тамъ Гала-

ланомъ подсосѣдковъ. Въ февралѣ 1724 г., она жаловалась правителямъ генеральной канцеляріи: „въ прошломъ 1719 г., полковникъ Галаганъ, завладѣвшій самовольно селомъ Озерянами, осадилъ слободку на купленномъ при томъ селѣ мужемъ моимъ грунтѣ, а тою слободкою покойный гетманъ Скоропадскій владѣть мнѣ приказалъ, на что и выдалъ полковнику Галагану три указа; но онъ, полковникъ, по тѣмъ указамъ слободки мнѣ не уступилъ и владѣетъ ею съ того времени самъ..." Спрошенный по этой жалобѣ, Галаганъ отвѣчалъ: „леваду въ Озерянахъ, а не слободку, покойный судья Себастіановичъ, мужъ жалобщицы, подарилъ мнѣ при многихъ людяхъ озерянскихъ, которыхъ свидѣтельство, для доказательства, при семъ же прилагаю (изъ него и взятъ приведенный разсказъ озерянцевъ), а я на той левадкѣ позволилъ тамошнимъ же жителямъ озерянскимъ, *не для своего, а ради ихъ пожитковъ, огороды позанимать*". Въ этомъ объясненіи и состоялъ весь отвѣтъ Галагана, которому, повидимому, неудобно было въ данномъ случаѣ распространяться. Галаганъ здѣсь какъ будто отказывается даже отъ права своего и на леваду, несмотря на то, что за два года передъ тѣмъ онъ же просилъ грамоту на все крестьянское населеніе Озерянъ.

Приведеннымъ отвѣтомъ безсильные правители генеральной канцеляріи должно быть удовлетворились, потому что просьба вдовы Себастіановича не получила дальнѣйшаго движенія. А когда въ 1727 года. Галаганъ сталъ просить у новопоставленнаго гетмана Апостола дать ему одно изъ прилуцкихъ селъ, то гетманъ, отвѣчая отказомъ, замѣтилъ, что во владѣніи Галагана и безъ того уже имѣется болѣе 800 крестьянскихъ дворовъ и въ томъ числѣ 154 двора въ Озерянахъ. Отсюда и видно, что въ десять лѣтъ Галаганъ подчинилъ было себѣ въ Озерянахъ 150 дворовъ, безъ всякаго гетманскаго универсала. Не получилъ Галаганъ этого универсала и отъ Апостола, хотя послѣдній, какъ видно, признавалъ фактъ принадлежности ему Озерянъ. Поэтому Галаганъ снова попробовалъ обратиться непосредственно въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ просьбою о выдачѣ царской грамоты на пріобрѣтенныя безъ гетманскихъ универсаловъ владѣнія. Узнавъ объ этой просьбѣ Галагана, Апостолъ поручилъ находя-

щемуся въ Петербургѣ срѣбрянскому сотнику Троцинѣ узнать—на какія именно маетности Галаганъ проситъ грамоту?—Троцина отвѣчалъ, что ему удалось прочитать челобитную Галагана и онъ нашелъ нужнымъ подать туда же „спорную челобитную", въ которой, какъ прилуцкій полчанинъ, заявилъ, что названный Галаганомъ *хуторъ* Озерянскій есть старинное село Озеряне, въ которомъ болѣе 150 хатъ, которыми онъ, полковникъ, самовластно завладѣлъ... Такимъ образомъ Галагану снова помѣшали укрѣпить за собою Озеряне. Удалось ему укрѣпить за собою это село только въ 1737 г., когда Галаганъ выпросилъ себѣ на Озеряне не грамоту, а универсалъ отъ тогдашняго правителя Малороссіи А. И. Румянцева... Получивъ этотъ универсалъ, Галаганъ успокоился, зная, что актъ, выданный такимъ сильнымъ человѣкомъ, укрѣпляетъ за нимъ Озеряне безповоротно.

---

3. Село Дегтяри [1]).

Въ ревизіи 1729 г., о крестьянскомъ поселеніи села Дегтярей сказано: „посполитыхъ до ратуши належныхъ—5 дворовъ" и „*въ томъ же селѣ—слободка* п. полковника Игнатія Галагана—48 дворовъ". Видно, что ревизію 1729 г. писали люди умѣлые, умѣвшіе защитить интересы старшины. Ревизоры написали, что Галаганъ *поселилъ слободку въ селѣ.* Такъ нужно было написать, чтобы узаконить захватъ полковникомъ цѣлаго села. Хотя „слободъ" и нельзя уже было садить въ XVIII в., безъ гетманскаго разрѣшенія, но разъ слобода была посажена—некуда было ее дѣвать и она оставалась за тѣмъ, на чьей землѣ садилась; но захватить село въ свое владѣніе безъ гетманскаго универсала—было дѣло хлопотливое, какъ это мы видѣли на селѣ Озерянахъ. Ревизія 1729 г. произведена была исключительно съ цѣлью разслѣдовать правильность старшинскаго владѣнія маетностями (поэтому въ

---

[1]) Прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи.

ревизіи 1729 г. козаки и не показаны); отсюда и понятно—почему для Галагана важно было, чтобы Дехтяри показаны были его слободою. Разумѣется, что старое село нельзя было все назвать слободою,—подлогъ былъ бы очевиденъ; поэтому умѣлые ревизоры и показали нѣсколько крестьянскихъ дворовъ въ Дехтяряхъ за сотенною ратушею. Въ дѣйствительности, никакой Галагановской „слободки" въ Дехтяряхъ не было, а были скупленные крестьянскіе и козачьи дворы, съ поселенными на нихъ подсосѣдками. „Скуплю грунтовъ" въ Дехтяряхъ Галаганъ началъ уже съ 1716 г. [1]), и скупалъ здѣсь какъ козачьи, такъ и крестьянскіе дворы,—безразлично. Для образца проводимъ двѣ такихъ купчихъ. „Я, Агафья Коваленкова, чиню вѣдомо симъ моимъ писанемъ, что продала гай (лѣсъ) въ с. Дехтяряхъ п. полковнику прилуцкому за гроши, за полчварта золотыхъ (3½ з.=70 к. ас.), а тотъ гай она, Ковалиха, имѣетъ съ того еще времени какъ были вольные гаи; и дала она мировѣ за той гай: сало и десять квартъ горѣлки; и вольно обладать его мил. п. полковнику тѣмъ гаемъ, какъ своимъ собственнымъ" (1733 г.). Другая купчая показываетъ, какъ скупались козачьи дворы: „мы, нижей именованные, чинимъ вѣдомо симъ нашимъ писанемъ, что хотя покойные отцы наши, а по нихъ и мы, козацко, а не посполито служачи, воинскую повинность до сихъ временъ отбывали, однакожъ теперъ, до крайняго убожества и скудости пришедши и не будучи въ силахъ впредь службы козачей отбывать, продали мы его м. п. Игнатію Галагану, полковнику прилуцкому, дворовую землю нашу, на которой хаты наши построены, гдѣ мы продолжая жить, обязываемся служить п. полковнику *посполито, а не козацко,* и всякія повинности отбывать и на будущее время не повинны уже будемъ ссылаться на нашъ козацкій чинъ, чего ради и сіе наше писаніе до рукъ его мил. п. полковника прилуцкаго выдаемъ. Степанъ Манджуренко, Кирикъ Гриценко, жители дехтяревскіе".—По ревизіи 1740 г., крестьянское населеніе въ Дехтяряхъ показано такъ: 1, посполитые свободные, скупленные полковникомъ прилуцкимъ Игнатіемъ Галаганомъ, въ 1736 г.,—4 двора и 2, „сло-

---

[1]) Прилуцкимъ полковникомъ Галаганъ сталъ въ 1715 г

бодка Дехтяровка полковника прилуцкаго Галагана, на купленной его землѣ осаженная",—39 дворовъ.—Здѣсь мы видимъ, что ревизоры крестьянское населеніе Дехтярей уже поголовно записали за Галаганомъ, но все таки обозначая несуществовавшую „слободку", на всякій случай, такъ какъ, вѣроятно, въ это время Галаганъ еще не имѣлъ крѣпости на это село...

Ал. Лазаревскій.

ОЧЕРКИ СТАРИННАГО БЫТА ВОЛЫНИ И УКРАИНЫ.

3. Превелебный сватъ [1]).

I.

Верстахъ въ 17-ти отъ Луцка, на рѣчкѣ Полонкѣ, среди холмистой мѣстности, лежитъ убогое село Несвичъ. Окруженное со всѣхъ сторонъ лѣсами, оно стыдливо прячется въ глубокой впадинѣ, словно сознавая, что его нынѣшній захолустный видъ нимало не соотвѣтствуетъ его историческому прошлому. Вѣдь было же время, когда это убогое село было родовымъ гнѣздомъ знаменитыхъ въ лѣтописяхъ Волыни князей Несвицкихъ, несомнѣнныхъ потомковъ одного изъ древнихъ удѣльныхъ княжескихъ родовъ! Въ XV ст. князья Несвицкіе настолько разбогатѣли и родъ ихъ такъ разросся, что изъ него выдѣлились четыре новыхъ княжескихъ фамиліи: Збаражскіе, Вишневецкіе, Порыцкіе и Воронецкіе. Тогда съ ними случилось то, что нерѣдко приходится наблюдать въ мірѣ растительномъ: молодые побѣги со временемъ росли и крѣпли, а старый стволъ сталъ хирѣть

[1]) Настоящій очеркъ представляетъ точный пересказъ судебнаго дѣла, отысканнаго нами въ луцкихъ актовыхъ книгахъ 1648 и послѣдующихъ годовъ (№ 2490, лл. 222, 291, 436; № 2492, л. 104 и др.). Сверхъ того мы пользовались очеркомъ А. Пршездѣцкаго „Nieświcz. Omelanik“, помѣщеннымъ въ 1 № „Atheneum“ 1844 г. и составленнымъ на основаніи копій тѣхъ же самыхъ документовъ, найденныхъ имъ въ коростышевскомъ фамильномъ архивѣ. Полубеллетристическая форма изложенія, отчасти заимствованная нами у Пршездѣцкаго, наиболѣе соотвѣтствуетъ обилію бытовыхъ подробностей, заключающихся въ самихъ матеріалахъ,—О. Л.

и чахнуть, и къ концу XVI ст. Несвицкіе окончательно выродились въ мелкихъ шляхтичей и утратили свой княжескій титулъ. Имъ не удалось удержать даже въ своихъ рукахъ древнее родовое свое гнѣздо: въ половинѣ XVII ст. Несвичъ принадлежалъ уже брацлавскому каштеляну Гавріилу Стемпковскому—человѣку пришлому, представителю той стаи польскихъ выходцевъ, которые такъ быстро умѣли богатѣть на южнорусской почвѣ.

Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ (6 февраля, 1648 г.), панъ каштелянъ хоронилъ свою мать. По этому случаю въ Несвичъ съѣхалась огромная масса и крупной, и въ особенности мелкой шляхты со всего волынскаго воеводства. Ждали самого воеводу, князя Адама Сангушка-Коширскаго, но его удержалъ въ Локачахъ злой приступъ подагры; за то прибылъ изъ Луцка его племянникъ ясне-превелебный ксендзъ - бискупъ аргивенскій, суффраганъ (викарій) луцкій, инфулатъ олыцкій, Николай Красицкій, который лично, въ сослуженіи нѣсколькихъ каноннковъ, правилъ похоронную службу въ несвицкомъ костелѣ, построенномъ уже новымъ владѣльцемъ.

Окончился печальный обрядъ, тѣло предали землѣ, и шляхта толпой повалила въ замокъ на поминальный обѣдъ.

Въ обширной столовой, на самомъ почетномъ мѣстѣ возсѣдаетъ ксендзъ бискупъ, человѣкъ еще не старый, высокаго роста и умѣренной полноты. Орлиный носъ, плотно сжатыя губы, густыя сросшіяся брови, поминутно вспыхивающіе стальнымъ блескомъ черные глаза—свидѣтельствуютъ о присутствіи въ этомъ человѣкѣ желѣзной воли или, лучше сказать, несокрушимаго упорства, невѣдающаго препятствій, и вмѣстѣ съ тѣмъ производятъ непріятное, отталкивающее впечатлѣніе, еще болѣе усиливающееся благодаря рѣзкому голосу и быстрымъ, порывистымъ движеніямъ бискупа, такъ мало соотвѣтствующимъ его сану. За тѣмъ же столомъ размѣстились каноники и болѣе почетныя лица изъ гостей: вельможный панъ Генрихъ Кашовскій, каштелянъ венденскій; князь Владиславъ-Доминикъ Заславскій, староста луцкій; князь Григорій Четвертинскій, подкоморій луцкій; панъ Андрей Линевскій, судья земскій луц-

кій; п. Филонъ Еловицкій, войскій владимірскій; Юрій Гораннъ, писарь земскій владимірскій, и другіе primores. Самъ хозяинъ не садился за столъ и поминутно переходилъ отъ одного стола къ другому.

Среди застольной бесѣды панъ Липевскій выразилъ удивленіе, что въ числѣ присутствовавшихъ не видно никого изъ пановъ Станишевскихъ, шляхтичей довольно богатыхъ и близкихъ сосѣдей хозяина. При одномъ упоминаніи этого имени въ глазахъ бискупа зажглись искры, и онъ такъ порывисто откинулся на спинку кресла, что дубовая мебель слабо заскрипѣла.

— Я хорошо знаю, почему нѣтъ здѣсь ихъ-мостей Станишевскихъ! Нечистая совѣсть не позволяетъ имъ являться туда, гдѣ они могутъ встрѣтиться со мной.

Всѣмъ присутствовавшимъ хорошо было извѣстно, на что намекалъ ксендзъ-бискупъ. Когда то онъ жилъ въ дружбѣ съ покойнымъ Яномъ Станишевскимъ, ключникомъ луцкимъ и секретаремъ королевскимъ, и послѣдній, умирая, назначилъ его, совмѣстно съ литовскимъ канцлеромъ княземъ Альбрехтомъ-Станиславомъ Радзивилломъ, опекуномъ своей малолѣтней дочери, удаливъ отъ права опеки родныхъ братьевъ, въ виду ихъ молодости. Бискупъ помѣстилъ малолѣтнюю сироту въ кляшторъ луцкихъ бригитокъ, а самъ принялся хозяйничать въ ея наслѣдственныхъ имѣніяхъ. Такъ прошло лѣтъ пять-шесть. Но вотъ братья Станишевскаго возмужали и поженились: Петръ взялъ Гальшку Гулевичевну [1]), а Войтехъ панну Подгороденскую. Они заявили свои законныя права на опеку надъ племянницей, и Петръ, какъ старшій, взялъ ее изъ кляштора и отобралъ въ свое распоряженіе ея имѣнія. Ганнуся (такъ звали сироту) какъ нельзя болѣе была довольна совершившейся перемѣной въ ея положеніи. Она успѣла вырости въ молодую дѣвушку, и къ ней стали навѣдываться уже и женихи. И теперь было два искателя ея руки: панъ Константинъ Гулевичъ и п. Янъ Липевскій, сынъ луцкаго судьи. Ходили слухи, будто первый пользовался пре-

[1]) Родственницу одноименной съ нею извѣстной благотворительницы кіевскаго Братскаго монастыря.

мущественнымъ расположеніемъ невѣсты и ея опекуна и что въ скоромъ времени, до наступленія великаго поста, должна состояться его свадьба. Слухи эти чрезвычайно волновали пановъ Линевскихъ и не столько самого жениха, сколько его отца, луцкаго земскаго судью. Упрямый и тщеславный старикъ не хотѣлъ ни-за-что примириться съ мыслью, что его сыну предпочтенъ какой-то мелкій шляхтичъ. Онъ самъ намѣтилъ панну Станишевскую въ невѣсты для своего сына, заранѣе оцѣнилъ всѣ выгоды, какія должны произойти, если присоединить ея наслѣдственныя имѣнія къ его собственнымъ маетностямъ (благо, ихъ земли были смежными) и заранѣе былъ увѣренъ, что Станишевскіе сочтутъ за особую честь породниться съ нимъ. И вдругъ, всѣ его разсчеты грозили разсѣяться дымомъ! Онъ рѣшился добиться своего не тѣмъ, такъ другимъ путемъ—и вошелъ въ сдѣлку съ бискупомъ. Какъ юристъ, Линевскій понималъ, конечно, что опекунскія права Красицкаго весьма шатки: литовскій статутъ категорически устранялъ отъ опеки лицъ духовныхъ, въ особенности же такихъ, которыя не имѣли недвижимой собственности въ томъ повѣтѣ, гдѣ жили опекаемые [1]); но онъ болѣе всего разсчитывалъ на рѣшительный характеръ бискупа, ибо зналъ по опыту, что отвага и рѣшительность иной разъ больше значили, чѣмъ отвлеченное право, и что законъ сплошь и рядомъ пасовалъ передъ принципомъ beati possidentes. Сегодняшняя встрѣча его съ бискупомъ въ домѣ Стемпковскаго, который, въ качествѣ двоюроднаго брата Линевскаго, заранѣе былъ посвященъ въ его планы и обѣщалъ ему полное содѣйствіе, представляла весьма удобный случай подбить, наконецъ, Красицкаго на что-нибудь болѣе рѣшительное, чѣмъ одни обѣщанія, и условиться относительно плана дѣйствія. Въ этихъ видахъ онъ и завелъ рѣчь о Станишевскихъ, и надо было видѣть, какимъ лукавствомъ свѣтились его глаза на заплывшемъ жиромъ лицѣ по мѣрѣ того, какъ горячился бискупъ.

— Мнѣ, а не братьямъ, небожчикъ панъ ключникъ довѣрилъ въ опеку свою дочь, гремѣлъ, между тѣмъ, суффраганъ

[1]) Лит. Статутъ 3-й ред., разд. VI, арт. 3.

луцкій,—и только потому, что мой духовный санъ не позволяетъ мнѣ держать при себѣ въ домѣ женщинъ, я равнодушно отнесся къ тому, что панъ Петръ Станишевскій насильно похитилъ ее изъ кляштора. Къ тому же, въ то время она была ребенкомъ. Но теперь, когда панна уже невѣста, я одинъ имѣю право распорядиться ея судьбой, и горе тому, кто захочетъ стать мнѣ поперекъ дороги! Панъ судья луцкій! при всемъ честномъ собраніи я торжественно повторяю свое прежнее обѣщаніе: рука панны Станишевской будетъ принадлежать вашему сыну и никому болѣе!

— Кланяюсь въ ноги ксендзу-бискупу и до гроба не позабуду его милостиваго ко мнѣ и къ моему дому расположенія,— умильнымъ тономъ и съ низкимъ поклономъ отвѣтилъ старикъ Линевскій. Но, ваша превелебность, позвольте напомнить, что до наступленія великаго поста остается всего лишь нѣсколько дней, между тѣмъ до меня доходятъ слухи, будто панъ Станишевскій выбралъ для племянницы другого жениха, схизматика, который не постыдился пообѣщать ему за то двадцать тысячъ злотыхъ, и что на дняхъ панна насильно будетъ съ нимъ обвѣнчана.

— О, на счетъ этого можете быть совершенно спокойны, любезнѣйшій. Я такъ же, какъ и вы, не спускаю глазъ съ того, что дѣлается въ Омелянникѣ, и съ своей стороны принялъ нѣкоторыя мѣры противъ всевозможныхъ случайностей. Почтеннѣйшій ксендзъ-кустошъ и каноникъ Гоголинскій, здѣсь присутствующій, можетъ удостовѣрить вашу милость, что на дняхъ, по моему настоянію, луцкая консисторія выдала тайную ингибицію (запрещеніе), дабы никто изъ ксендзовъ, подъ угрозою низверженія, не смѣлъ вѣнчать панны Станишевской, такъ какъ она сдѣлала тайное признаніе своему духовнику, что имѣетъ склонность посвятить свою жизнь на служеніе Богу въ одномъ изъ монастырей, а въ такихъ случаяхъ св. Тридентскій соборъ повелѣваетъ, чтобы подобныя „девотки“ не были вѣнчаемы до окончательнаго испытанія ихъ намѣреній со стороны мѣстнаго бискупа. Не пугайтесь, однако, почтеннѣйшій панъ судья, прибавилъ со смѣхомъ Красицкій, замѣтивъ, что при послѣднихъ

его словахъ на лицѣ Линевскаго выразилось что-то въ родѣ пугливаго недоумѣнія: моя pupilla [1]), сколько мнѣ извѣстно, не отличается, къ моему прискорбію, особенною набожностію, и отъ вашего сына будетъ зависѣть отклонить ее отъ благочестивыхъ намѣреній, если еще правда, что подобныя намѣренія могли зародиться въ ея легкомысленной головкѣ. Вспомните, что говоритъ поэтъ о женщинѣ:

Nec cras, nec heri
Non credas mulieri.

— Ваша превелебность рѣшаетесь давать слишкомъ смѣлыя обѣщанія,—вмѣшался подошедшій хозяинъ,—пока панна Станишевская не въ вашихъ рукахъ, ея дядя-опекунъ можетъ завтра же распорядиться ея рукой, какъ захочетъ. Какую же цѣну для пана Линевскаго можетъ имѣть ваше торжественнѣйшее обѣщаніе?

— Какъ какую?! вскричалъ бискупъ. Развѣ въ нашемъ королевствѣ право потеряло уже всякую силу? Да вы слышали, что говорилъ я сейчасъ объ ингибиціи?

— Слышалъ, слышалъ; но вѣдь ваша ингибиція можетъ имѣть силу только для ксендзовъ (и то, если плохо съ ними торговаться), а вы слышали, что нареченный вашей pupillae—схизматикъ. Вотъ ихъ русскій попъ и окрутитъ задешево хоть въ страстную пятницу. Правду ли я говорю, князь-подкоморій? обратился онъ со смѣхомъ къ благообразному, довольно плотному старику въ аксамитной зеленой ферезіи съ рубиновыми пуговицами, который до сихъ поръ не вмѣшивался въ общій разговоръ и тихо бесѣдовалъ со своимъ сосѣдомъ паномъ Кашовскимъ.

Старикъ (то былъ князь Григорій Святополкъ-Четвертинскій, дѣятельнѣйшій членъ православнаго луцкаго братства и человѣкъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ за свой умъ, безупречную честность и мягкій, мирный характеръ) съ улыбкой посмотрѣлъ на хозяина и на гостей, видимо ждавшихъ, какъ онъ найдется отпарировать колкую шутку Стемпковскаго, и добродушно отвѣтилъ:

---

[1]) Pupilla (лат.)—сиротка.

— Не знаю, рѣшится ли нашъ попъ на такое дѣло; развѣ перейдетъ сначала въ вашъ законъ и предварительно купитъ индульгенцію на предположенный еще къ совершенію смертный грѣхъ,—тогда, пожалуй, можетъ отважиться и не на такое дѣло.

— Браво, князь! Вы никогда не останетесь въ долгу,—съ любезной улыбкой похвалилъ хозяинъ. Но revertamur ad propositum. Какое ручательство имѣетъ представить reverendissimus ксендзъ-бискупъ въ томъ, что панъ Линевскій можетъ положиться на торжественное обѣщаніе его превелебности?

— Если панъ каштелянъ осмѣливается сомнѣваться въ моемъ епископскомъ словѣ,—вскричалъ разъяренный Красицкій, то я докажу на дѣлѣ, что не привыкъ, подобно ему, бросать слова на вѣтеръ. Объявляю всѣмъ присутствующимъ, что завтра же панна Станишевская будетъ возвращена къ законному ея опекуну, а послѣ завтра ее будутъ величать паніей Линевской.

— Optime! но позвольте узнать, какимъ способомъ вамъ удастся достигнуть этого? допытывался неугомонный хозяинъ.

— Это уже мое дѣло! зарычалъ красный, какъ кармазинъ, бискупъ.

— А вотъ какимъ способомъ—вмѣшался Юрій Горайнъ: слѣдуетъ позвать пана Станишевскаго въ земскій судъ съ требованіемъ, чтобы онъ, впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла, возвратилъ племянницу въ кляшторъ, подъ власть ея опекуна; а въ такомъ случаѣ ужъ отъ пана судьи (причемъ онъ улыбнулся въ сторону пана Линевскаго) будетъ зависѣть дать то или другое направленіе дѣлу.

— Пустой совѣтъ! безцеремонно рѣшилъ Стемпковскій.— Пока будутъ разнесены позвы, Станишевскій успѣетъ десять разъ выдать племянницу замужъ. Нѣтъ, что касается меня, я никого не позываю: мой нѣмецъ Ганнусъ за вознаго мнѣ служитъ и всегда—съ полнымъ успѣхомъ! многозначительно прибавилъ каштелянъ, и его румяное, выхоленное лицо засвѣтилось недоброй улыбкой.

— Не всякій имѣетъ такого исправнаго вознаго, хихикнулъ панъ Линевскій. Вашъ слуга—вамъ вѣрно и служитъ.

— О нѣтъ, не одному мнѣ! Мой Ганнусъ съ такимъ же усердіемъ служитъ иногда и моимъ друзьямъ, процѣдилъ сквозь зубы Стемпковскій.

Бискупъ вскинулъ на него свои глаза, въ которыхъ свѣтилось недоброе. Казалось, онъ что то обдумывалъ.

— Панъ господарь! вдругъ обратился онъ къ хозяину дѣловымъ тономъ, значительно понизивъ голосъ, имѣю нужду сказать вамъ наединѣ два слова.

— Къ вашимъ услугамъ! съ ловкимъ поклономъ отвѣтилъ хозяинъ, и оба они скрылись во внутреннихъ покояхъ замка.

Гости многозначительно переглянулись. Линевскій сидѣлъ какъ на иголкахъ и черезъ нѣсколько минутъ, подъ говоръ возобновившейся застольной бесѣды, незамѣтно ускользнулъ изъ столовой.

А въ сосѣднихъ комнатахъ стоялъ дымъ коромысломъ: тамъ угощалась мелкая шляхта, густыми рядами обсѣвъ „лавы“ подъ стѣнами и „ослоны“ передъ столами. Служатъ ей драгуны и гайдуки пана каштеляна, а распоряжается ими высокій, сухощавый мужчина, съ блѣднымъ лицемъ, рыжими усами и глазами на выкатѣ: это и есть нѣмецъ Ганнусъ, капитанъ надворной милиціи пана каштеляна.

Ужъ шляхта изрядно выпила и начала заводить обычныя въ такихъ случаяхъ свары. Шумъ стоялъ невообразимый. Въ одномъ углу замѣтно было особенное оживленіе.

— Нечего сказать, надсаживался какой-то пьяный ораторъ. панъ каштелянъ—панъ на всю губу! Въ его погребахъ неистощимые запасы меду и вина, въ амбарахъ много провизіи, и каждаго шляхтича онъ угощаетъ, какъ равнаго. Vivat панъ каштелянъ брацлавскій!

— Vivat et pereat, кто не желаетъ ему добра! поддержалъ панъ Янъ Вальда, слуга князя воеводы Сангушка.—Однакожъ, счастье ваше, панове, что панъ каштелянъ состоитъ обывателемъ волынскаго воеводства и, значитъ, нуждается въ вашихъ голосахъ на сеймикахъ; будь иначе—не одинъ изъ васъ гулялъ бы ужъ безъ ушей, какъ то и случилось со многими изъ нашей братьи въ Полѣсьи.

— Ужъ это вѣрно: панъ каштелянъ никому не позволитъ наступить себѣ на ногу! подтвердилъ нѣкто панъ Витвинскій.— Кто на сеймикахъ идетъ противъ него, пусть не взыщетъ, если такъ плохо кончитъ, какъ панъ Остафій Облапскій или панъ Филиппъ Левковичъ Гуляницкій.

— А чтоже съ ними было?—спросили разомъ нѣсколько любопытныхъ.

— Давнее это дѣло, панове! равнодушнымъ тономъ началъ Витвинскій.—Лѣтъ семь тому назадъ возвращались они однажды съ Козина въ Гуляники и повстрѣчалъ ихъ на пути панъ Балтазаръ Раецкій, что былъ у пана каштеляна капитаномъ, пока не выискался этотъ нынѣшній нѣмецъ. Слово за слово и дошло у нихъ дѣло до драки, да какъ-то такъ случилось, что обоихъ ихъ мостей и посѣкли въ куски.

— И чѣмъ же дѣло окончилось? спросилъ какой-то молодой шляхтичъ.

— Чѣмъ окончилось? продолжаетъ Витвинскій. А чѣмъ же обыкновенно оканчиваются подобныя дѣла? Родственники убитыхъ позвали пана каштеляна на судъ, но его слуги присягли, что на нихъ напали, а они только лишь защищались.

— Худое дѣло,—заключилъ панъ Вальда, наливая меду въ кружки собесѣдниковъ,—когда въ шляхетскія „справы" вмѣшивается всякая дрянь. Пусть подерется шляхтичъ съ шляхтичемъ— это въ порядкѣ вещей; но связываться съ такимъ вотъ молодцомъ (Вальда кивнулъ въ сторону Ганнуса)—совсѣмъ неблагородное дѣло. Поглядите-ка, панове, какъ принарядился этотъ верзило: ферезія полъ-гранатовая, доломанъ атласный, шапка подбита соболями! Сказалъ-бы—настоящій шляхтичъ, а на дѣлѣ— нѣмецкій бѣсъ! А узнаете, панове, чье на немъ убранье? Нѣтъ? То я вамъ напомню: покойника пана Войны!

Слушатели оживленно переглянулись, какъ-бы припоминая что-то полузабытое.

— Да, небожчика пана Войны! подтвердилъ Вальда заплетающимся отъ хмеля языкомъ. Не нравилось пану каштеляну, что панъ Война проживалъ, какъ близкій пріятель, въ домѣ его сестры пани Вылежинской, подчашиной волынской, въ с. Вербнѣ.

Ну, проживалъ, такъ проживалъ—что за бѣда такая! Должно быть, однако, панъ каштелянъ заподозрилъ тутъ что-нибудь неладное. Ну, и радоваться бы ему, что панъ Война выѣхалъ наконецъ, изъ Вербны въ белзское воеводство, къ своему дядѣ, чашнику белзскому! Не тутъ то было! На дорогѣ, у Перемильской корчмы, нападаютъ на него каштелянскіе драгуны. Былъ тамъ и Ганнусъ, но главное предводительство надъ ними имѣлъ панъ Станиславъ Стемпковскій, родственникъ каштеляна! Схватили пана Войну, бросили въ сани и связаннаго привезли сюда, въ Несвичъ. И что же вы думаете, панове? Панъ каштелянъ приказалъ нѣмцу-собакѣ утопить Войну, и Ганнусъ преспокойно пустилъ его подъ ледъ! За то и досталось ему въ награду „убранье" небожчика, а въ доломанѣ, навѣрное, нашелъ онъ сверхъ того сотню—другую червонцевъ. Чтобъ онъ, собака, подавился ими! А негдѣ правды дѣть и панъ каштелянъ крѣпко нечистъ въ этомъ дѣлѣ!

— Что онъ тамъ мелетъ о панѣ каштелянѣ? разомъ закричало нѣсколько совершенно пьяныхъ шляхтичей, хватаясь за сабли. Ужъ не думаетъ ли водить насъ за носъ этотъ Сангушковецъ? Подайте его сюда! вскричали болѣе горячіе сторонники Стемпковскаго.

Нашлись и такіе, что вступились за пана Вальду, и во мгновеніе ока столы были опрокинуты, засверкали сабли и столовая превратилась въ адъ.

Прибѣжалъ сюда встревоженный хозяинъ съ бискупомъ, канониками и со всѣми почетными гостями, и немалаго труда стоило всѣмъ имъ усмирить эту безсмысленную „бурду".

II.

Кто изъ жителей Луцка не знаетъ дер. Омеляника—любимѣйшаго мѣста ихъ загородныхъ прогулокъ! Это дѣйствительно одно изъ самыхъ прелестныхъ мѣстъ между окрестностями Луцка. На довольно возвышенномъ холмѣ, отлого спускающемся къ долинѣ р. Стыра, растетъ старинный липовый паркъ, съ тѣнистыми аллеями и съ развалинами какихъ-то причудливыхъ

построекъ. Съ его опушки открывается чудный видъ на городъ, на широкій просторъ рѣчной долины, на разсѣянныя вдоль нея села и деревни. Къ парку примыкаетъ опустѣвшая панская усадьба съ полуразвалившимися строеніями. Старинный барскій домъ съ облупившейся штукатуркою и забитыми окнами мрачно выглядитъ среди обступившей его зелени кустарниковъ, будто хранитъ въ своихъ стѣнахъ какую-то страшную тайну; широкій подъѣздъ весь заросъ сиренью и шиповникомъ, а съ покосившихся перилъ балкона ниспадаютъ ярко-зеленыя гирлянды хмеля. Чѣмъ-то романтичнымъ вѣетъ отъ этого, словно заколдованнаго, дома и тихо шумящаго, вѣковаго парка. Сохранилось преданіе, что здѣсь когда-то гостилъ Петръ Великій съ княземъ Меншиковымъ и даже вырѣзалъ будто-бы свое имя на одномъ изъ деревьевъ парка[1]). Но вѣковыя липы омелянинкаго парка бывали свидѣтелями не однихъ торжественныхъ зрѣлищъ: чаще на ихъ глазахъ совершались страшныя, кровавыя исторіи. Еще въ 1599 г. здѣсь произошло возмутительное по своей жестокости убійство паномъ Мартиномъ Сѣмашкомъ пана Демьяна Гулевича и съ нимъ 30-ти человѣкъ его родственниковъ, пріятелей и слугъ. Не менѣе возмутительное дѣло совершилось въ Омеляникѣ и 8-го февраля 1648 года, т. е. на третій день послѣ описаннаго въ предыдущей главѣ несвичскаго поминальнаго обѣда.

Какъ и теперь, въ Омеляникѣ въ то время стояла панская усадьба, примыкавшая къ парку, только паркъ этотъ именовался тогда по-просту „гаемъ". Быть можетъ, на мѣстѣ нынѣшняго заколдованнаго дома стоялъ въ то время панскій „будынокъ" среди широкаго двора, кругомъ обстроеннаго службами. Неказистъ былъ наружный видъ этого „будынка": низкія стѣны, высокая „гонтовая" кровля, узкія окна и обширное, съ точеными

[1]) По предположенію Ал. Пршездѣцкаго, это посѣщеніе могло произойти въ 1698 г. во время возвращенія Петра съ Равы-Русской (въ Галичинѣ), гдѣ онъ имѣлъ свиданіе съ польскимъ королемъ Августомъ II; Стецкій-же („Łuck", стр. 114) категорически утверждаетъ, что это было въ 1707 г., когда Петръ возвращался изъ Варшавы и, не найдя въ Луцкѣ приличнаго помѣщенія (по случаю недавняго пожара), принялъ приглашеніе тогдашняго владѣльца Омеляника графа Олизара и гостилъ у него три дня.

„балясами“ крыльцо, или „кганокъ“—все это свидѣтельствовало о томъ, что домъ выстроенъ былъ кѣмъ-либо изъ предковъ нынѣшняго владѣльца, въ „старосвѣтскомъ“ вкусѣ, когда строители заботились болѣе о теплѣ и прочности жилья, нежели объ архитектурной красотѣ. Внутреннее убранство дома также мало отступало отъ старинной простоты, но было богаче предковскаго: по стѣнамъ развѣшаны персидскіе ковры яркихъ цвѣтовъ; „лавы“ покрыты турецкими „килимами“, вмѣсто старинныхъ „полавниковъ“ изъ краснаго сукна. Въ спальномъ „покоѣ“, гдѣ мы застаемъ теперь хозяевъ, стояла массивная дубовая кровать съ пурпуровымъ полбгомъ, а на ней постель, вышитая шелками и золотомъ.

Хозяинъ, человѣкъ еще молодой, въ зеленомъ жупанѣ, подбитомъ рысьимъ мѣхомъ, сидитъ у стола и держитъ на колѣняхъ трехъ-лѣтнюю дѣвочку, которая играетъ эфесомъ его сабли. На его мужественномъ лицѣ лежитъ печать задумчивости, и онъ, видимо, плохо слышитъ, что болтаетъ его любимица, и не впопадъ отвѣчаетъ на ея вопросы. По другую сторону стола, въ покойномъ креслѣ сидитъ молодая женщина лѣтъ 25-ти. Круглая бархатная шапка, отороченная темнымъ мѣхомъ, красиво оттѣняетъ бѣлизну ея блѣднаго лица и ласковый блескъ карихъ глазъ, въ которыхъ свѣтится какая-то скорбная мысль. Простое домашнее платье красивыми складками маскируетъ довольно полный станъ молодой дамы, а ея ножки, обутыя въ красныя сафьяновыя туфли съ золотымъ шитьемъ, кокетливо прячутся въ густомъ медвѣжьемъ мѣху, разостланномъ на полу. Возлѣ нея стоятъ пяльцы съ неоконченнымъ „гаптованьемъ“, но ей трудно склоняться надъ работой, и она съ видомъ крайней усталости отдыхаетъ, довольная тѣмъ, что шалунья-дочка, съ приходомъ отца, перекочевала къ нему на колѣни, а ее оставила въ покоѣ.

Въ глубинѣ комнаты молодая дѣвушка качаетъ въ люлькѣ годовалаго ребенка, тихо напѣвая колыбельную пѣсню. На ней голубой бархатный „саянъ“ съ большимъ вырѣзомъ на груди, изъ подъ котораго видна „кошулька“—родъ шемизетки изъ батиста, съ красными шелковыми прошвами, расшитая жемчугомъ;

густые каштановые волосы заплетены въ одну косу и перевиты цвѣтными лентами. Чѣмъ-то крайне юнымъ и свѣжимъ дышетъ стройная фигура молодой особы съ узкими плечиками, тонкой шейкой и чисто дѣтскою миловидностью свѣжаго лица; и только въ голубыхъ глазахъ ея, красиво оттѣненныхъ бархатными бровями и густыми, темными рѣсницами, свѣтится отблескъ какой-то недѣтской думы, дающей понять, что эта пятнадцатилѣтняя дѣвочка-подростокъ уже пережила пору беззаботнаго дѣтства, и въ ея красивой головкѣ давно совершается трудная работа. Да, въ тѣ времена дѣвушкамъ нельзя было долго оставаться дѣтьми, если въ 12 лѣтъ ихъ отдавали замужъ. Вотъ и Ганнусѣ Станишевской есть о чемъ задумываться: она вѣдь тоже невѣста, и не сегодня-завтра ей предстоитъ стать подъ вѣнецъ съ человѣкомъ, въ выборѣ котораго участвовало и ея сердце, а не одна воля дяди-опекуна. Сейчасъ, до прихода дяди, она много говорила съ теткой о женихѣ. Тетка одобряетъ ея выборъ: она вѣдь сама Гулевичевна, и панъ Константинъ Гулевичъ приходится ей двоюроднымъ братомъ. Смущаетъ Ганнусю лишь то, что ея женихъ православный, а въ кляшторѣ бригитокъ ей внушали: если католичка выйдетъ за „схизматика", то по смерти душа ея навѣки застрянетъ въ чистилищѣ. Тетка увѣряетъ, что монахини нарочно говорили ей такъ, по наущенію бискупа-суффрагана, чтобъ легче было склонить ее выйти за этого толстаго и рыжаго Линевскаго, котораго ксендзъ-бискупъ выбралъ ей въ женихи, а что отцы іезуиты совѣтуютъ даже католичкамъ выбирать мужей между знатными схизматиками, чтобы впослѣдствіи и ихъ склонить къ св. вѣрѣ.

Можетъ быть, тетка и права: она вѣдь сама добрая католичка, хотя родомъ русинка, изъ схизматицкой семьи. Вотъ и п. Константинъ—тоже русинъ; но это ни мало не смущаетъ Ганнусю: она лучше говоритъ по-русски, нежели по-польски, и любитъ все русское; не даромъ говорятъ, что ея мать была русинка (сама она очень мало помнитъ ее). И теперь, убаюкивая маленькаго Михайлика, она напѣваетъ пѣсню, которую пѣли и надъ ея колыбелью:

Ой ты, котко, не ходы,
Спыть дытына, не збуды...

и думаетъ: былъ ли бы доволенъ ея женихъ, когда бы слышалъ, что она поетъ поетъ русскую пѣсню? Еще подумалъ бы, пожалуй, что это дѣлается нарочно ему въ угоду; а она право же не знаетъ другихъ пѣсенъ, кромѣ русскихъ (дядя называетъ ихъ „хлопскими"). Не пѣть же ей надъ ребенкомъ костельныя пѣсни, которымъ научили ее у бригитокъ!

Ганнуся такъ углубилась въ свои думы, что и не слышала, о чемъ говорили дядя съ теткой. Ее вдругъ поразилъ необыкновенно скорбный тонъ, какимъ послѣдняя произнесла:

— Ты хорошо сдѣлалъ, милый, что отложилъ поѣздку къ князю-воеводѣ. О побудь со мною! Мнѣ такъ страшно безъ тебя!

— Да хранитъ тебя Езусъ и Марія!—воскликнулъ встревоженный п. Станишевскій, схватывая руку жены.—Что же пугаетъ тебя, моя ласточка?

— Не знаю. Я видѣла дурной сонъ. Мнѣ снилось, будто мы выдавали замужъ Ганнусю, и въ домѣ у насъ было много гостей. Ты вышелъ въ свѣтлицу, чтобъ поблагословить молодыхъ. Я иду за тобой... И вдругъ, откуда ни возьмись, огромный черный медвѣдь съ разинутой пастью бросается на тебя... Я хочу крикнуть—и не могу. Хватаю тебя за руки... но вдругъ свѣтлицу заливаетъ море крови, и я чувствую, что захлебываюсь въ ней и тону вмѣстѣ съ тобой... О милый! я и теперь дрожу, будто все еще вижу страшную пасть звѣря...—и молодая женщина съ рыданіемъ припала къ плечу мужа.

Петръ Станишевскій замѣтно поблѣднѣлъ: его также съ самаго утра терзали мрачныя предчувствія, подъ впечатлѣніемъ которыхъ онъ рѣшился даже отложить условленную раньше поѣздку къ князю Сангушку. Зловѣщій сонъ жены показался ему недобрымъ предзнаменованіемъ, и ощущеніе ужаса закралось въ его сердце. Призвавъ на помощь всю силу самообладанія, онъ разсмѣялся какъ то ненатурально и по возможности спокойнымъ тономъ отвѣтилъ женѣ:

— Успокойся, милая! Въ твоемъ снѣ я вижу для себя не болѣе, какъ доброе предостереженіе, которымъ постараюсь воспользоваться. Видишь ли, я хотѣлъ сегодня поразвлечься немного охотой: мнѣ доложили, что въ нашемъ лѣсу отыскали берлогу

медвѣдя. Очень вѣроятно, что тамъ ждетъ меня большая опасность, отъ которой Богу угодно предостеречь меня твоимъ сномъ. Не бойся, милая, я приму мѣры, чтобы онъ не исполнился, и останусь дома. Надѣюсь, что съ тобой я внѣ всякой опасности.

— Да, да! останься здѣсь со мною. И знаешь ли, я возьму тебя вотъ такъ за руку и весь день не отпущу отъ себя ни на шагъ,—смѣясь сквозь слезы, сказала нѣсколько успокоенная пани Станишевская.

— Дѣлай со мною, что хочешь, подъ защитою твоей любви я чувствую себя болѣе безопаснымъ, чѣмъ за стѣнами королевскаго замка—со смѣхомъ заключилъ разговоръ п. Станишевскій, цѣлуя жену.

— Знаешь ли, милая, что я думаю?—продолжалъ онъ далѣе, видимо стараясь перевести бесѣду на другую, болѣе радостную тему.—Когда Господь осчастливитъ насъ третьимъ ребенкомъ, то, если это будетъ дочка, я хочу назвать ее *Гальшкой*. Ты согласна на это, мое сердце?

— Согласна, мой коханый! Но я больше желала бы, чтобъ это былъ мальчикъ и чтобъ его звали *Петрусь*...

Интимная бесѣда супруговъ была прервана появленіемъ „пахолка“, доложившаго, что на дворъ въѣхалъ какой то ксендзъ верхомъ, въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ слугъ.

— Вотъ ужъ именно: не въ пору гость хуже татарина!— сказалъ съ досадой Петръ Станишевскій.—Не тревожься, мой другъ!—прибавилъ онъ съ улыбкой, замѣтивъ на лицѣ жены выраженіе испуга: надѣюсь, что между медвѣдемъ и служителемъ алтаря Божія нѣтъ ничего общаго...

Вышелъ хозяинъ на „ганокъ“ и не могъ удержаться отъ улыбки, при видѣ того, какъ тучная фигура гостя безпомощно барахталась на конѣ, не будучи въ силахъ высвободить ноги изъ стременъ, а слуги и не думали спѣшить на помощь господиву, видимо забавляясь потѣшнымъ зрѣлищемъ.

— Чтожъ вы стоите, лайдаки!... — гаркнулъ пріѣзжій и поднялъ красное отъ гнѣва и потугъ лицо. Тутъ только Станишевскій узналъ, что ему предстоитъ принять у себя старшаго каноника и кустоша луцкаго, ксендза Францишка Гоголинскаго.

Онъ учтиво привѣтствовалъ его и съ поклономъ пригласилъ въ свѣтлицу.

Ксендзъ оказался очень милымъ гостемъ; едва переводя духъ отъ усталости, онъ такъ и сыпалъ любезностями по адресу хозяина: похвалилъ домъ, усадьбу, упомянулъ о необыкновенной будто бы древности и знатности шляхетскаго рода Станишевскихъ, похвалилъ ихъ исконную приверженность къ св. католической вѣрѣ и почтительность къ ея пастырямъ и въ заключеніе прибавилъ:

— А сегодня утромъ заѣзжалъ ко мнѣ п. Вальда, служебникъ князя воеводы, и хвалился, что князь съ нетерпѣніемъ ожидаетъ видѣть вашу милость у себя въ Локачахъ. Признаюсь, я и не надѣялся уже застать дома шановнаго господаря.

— Да, я точно обѣщалъ князю быть сегодня у него, но моя жена не совсѣмъ здорова, и я вынужденъ былъ отложить это посѣщеніе на другое время.

— О, ваша милость будете всегда желаннымъ гостемъ въ Локачахъ: князь такъ любитъ и почитаетъ васъ! Сколько разъ онъ высказывалъ это своему родственнику ксендзу-суффрагану!... Кстати, разъ ужъ о немъ зашла рѣчь: ксендзъ-бискупъ поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать его глубокое къ вашей милости уваженіе и сообщить вамъ нѣкоторые пункты...

— Не трудитесь, велебный отче; ксендзъ-бискупъ, вѣроятно, сейчасъ лично сообщитъ ихъ: вотъ онъ и самъ жалуетъ ко мнѣ,—перебилъ хозяинъ, подходя къ окну. Красное лицо Гоголинскаго сдѣлалось багровымъ, а хозяинъ замѣтно поблѣднѣлъ и поспѣшилъ выйти на встрѣчу неожиданному гостю.

Въ дворъ въѣзжала цѣлая кавалькада и остановилась у „ганка“. Два „машталѣра“ поспѣшно бросились къ сидѣвшему верхомъ бискупу и почтительно помогли ему сойти съ лошади. Бискупъ молодцовато соскочилъ съ сѣдла и, оборотившись, увидѣлъ низко кланяющагося ему хозяина.

— Какъ! вы дома?—тономъ недовольнаго изумленія привѣтствовалъ его бискупъ. А мнѣ сказали, что вы приглашены въ Локачи, къ моему дядюшкѣ.

Станишевскій объяснилъ, почему остался дома.

— Напрасно не поѣхали—наставительно замѣтилъ бискупъ. Коли знатные люди оказываютъ вамъ высокую честь своимъ приглашеніемъ, надо пользоваться ею, а не сидѣть пришитымъ къ юбкѣ жены... Ну, какъ поживаетъ моя pupilla, панна ключниковна?

Блѣдный Станишевскій едва владѣлъ собой. Съ его устъ готова была сорваться рѣзкая отповѣдь дерзкому гостю; но въ это время изъ-за опушки лѣса выѣхала карета бискупа, окруженная драгунами каштеляна брацлавскаго, во главѣ которыхъ ѣхалъ страшный Ганнусъ, держа въ рукѣ обнаженную саблю. Закусивъ губу, хозяинъ сдержанно отвѣтилъ.

— Племянница моя, хвала Богу, здорова. Не угодно ли вашей превелебности пожаловать въ домъ? Можетъ быть, съ дороги соблаговолите откушать водочки или закусить, чѣмъ Богъ пошлетъ.

— Послѣ объ этомъ. Идемъ въ покои, я хочу видѣть панну,—и бискупъ скорыми шагами направился въ домъ.

— А, и ксендзъ кустошъ здѣсь!—притворно удивился онъ при видѣ Гоголинскаго.—Привѣтствую вашу милость! Чтожъ это, однако! Свѣтлица пуста? Гдѣ жъ Ганнуся?—и бискупъ рѣшительно направился къ дверямъ, ведущимъ во внутреннія комнаты.

— Прошу прощенія!—не вытерпѣлъ хозяинъ, загораживая дорогу.—Жена моя больна, при ней малыя дѣти. Племянницу я сейчасъ вышлю.

— Ну, что скажешь, ксендзъ-кустошъ?—со смѣхомъ обратился бискупъ къ Гоголинскому по уходѣ хозяина.—Не такъ трудно справиться съ паномъ Станишевскимъ, какъ тебѣ раньше казалось? Готова ли, однако, карета?

— Вотъ она въѣзжаетъ во дворъ—отвѣтилъ кустошъ. Нехорошо лишь одно, что панъ Станишевскій оказался дома: это можетъ осложнить дѣло.

— Да, лукавый надоумилъ его остаться сегодня дома! Впрочемъ, это пустяки—справимся и съ нимъ! А это что?—прибавилъ онъ, подходя къ окну.—Въѣзжаетъ панъ Ганнусъ съ своими драгунами. Да, панъ каштелянъ умно выразился: лучше

Ганнусъ съ драгунами, нежели возный съ позвами. А вотъ и панна!

Въ дверяхъ показался Петръ Станишевскій, ведя за руку дрожавшую отъ страха дѣвушку.

— Здравствуй, дитя мое! Какъ твое здоровье? Ты такъ блѣдна! Что же ты смутилась? Или не узнаешь меня? Я—твой опекунъ и къ тому бискупъ; перестань же пугаться меня, Ганнусю... А, я догадываюсь, кто здѣсь причина смущенія бѣдной моей дѣвочки—дядя! Панъ господарь, прошу васъ оставить насъ на минуту: мнѣ нужно поговорить съ нею наединѣ; а безъ васъ навѣрное уже скучаетъ ваша больная супруга. До свиданія!— и движеніемъ руки бискупъ указалъ Станишевскому дверь.

Тотъ блеснулъ глазами и безсознательно схватился за эфесъ сабли; но, взглянувъ случайно въ окно, онъ увидѣлъ драгунъ, окружившихъ домъ, и благоразуміе одержало въ немъ верхъ надъ природной горячностью. Послѣ минутнаго колебанія онъ молча вышелъ изъ комнаты, чтобы успокоить жену и собрать своихъ людей.

Между тѣмъ ксендзы усадили между собою едва помнившую себя отъ страха дѣвушку и принялись убѣждать ее довѣриться во всемъ бискупу, какъ ея законному опекуну.

— Помни, дитя мое — наставлялъ послѣдній — что твой отецъ, умирая, со слезами просилъ и даже заклиналъ меня вѣчнымъ спасеніемъ взять тебя на свое попеченіе. Я исполнилъ свой долгъ, но не до конца. Я помѣстилъ тебя въ монастырь бригитокъ, гдѣ ты имѣла возможность получить приличное твоему званію, истинно-христіанское воспитаніе, и не моя въ томъ вина, что твой дядюшка, изъ своекорыстныхъ видовъ, вырвалъ тебя оттуда прежде времени. Теперь ты невѣста, и мой долгъ до конца исполнить священную волю твоего родителя, т. е. пріискать для тебя приличную партію.

— Ахъ, я еще не хочу замужъ!—перебила его Ганнуся, вспомнивъ со страхомъ рыжеусаго п. Липевскаго.—Мнѣ и такъ хорошо у дяди и тети...

— Какъ это „не хочу замужъ?"—разомъ набросились на нее ксендзы.—Бракъ -это первая обязанность и вмѣстѣ съ тѣмъ

истинное счастіе женщины-христіанки. Такъ повелѣваетъ мыслить слово Божіе.

— Слушай же, глупенькая!—продолжалъ ксендзъ-бискупъ, видимо начинавшій терять терпѣніе: я уже позаботился о твоей судьбѣ и пріискалъ тебѣ въ мужья человѣка знатнаго, родовитаго и богатаго; съ нимъ ты будешь счастлива. Это — сынъ луцкаго судьи п. Линевскій. Нравится ли тебѣ мой выборъ?

— Не хочу, не хочу за него! Не лежитъ къ нему мое сердце!—вскричала дѣвушка, дрожа отъ ужаса.

— Не лежитъ твое сердце?—сурово протянулъ бискупъ. При чемъ же здѣсь сердце? Развѣ такъ должна отвѣчать честная дѣвушка-христіанка? Твое сердце всецѣло должно принадлежать Богу и Его святому закону, а не прилѣпляться къ людямъ. Такъ вотъ зачѣмъ вырвалъ тебя милый дядюшка изъ кляштора— чтобы вскормить еретическими бреднями? Не о сердцѣ идетъ рѣчь, а о послушаніи. Кайся, несчастная заблудшая овца, и съ покорностью внимай рѣшенію твоей судьбы: карета моя наготовѣ; я отвезу тебя сейчасъ въ кляшторъ бригитокъ—и ты не выйдешь оттуда иначе, какъ женой п. Линевскаго!

Какъ ужаленная, вскочила Ганнуся съ мѣста и хотѣла убѣжать во внутреннія комнаты. Ее, однако, успѣлъ схватить за руку ксендзъ Гоголинскій, а за другую бискупъ, и потащили къ выходнымъ дверямъ. На крикъ дѣвушки прибѣжалъ взволнованный п. Станишевскій.

— Что вы дѣлаете, святые отцы? Опомнитесь! Вѣдь это насиліе! Я не позволю позорить мой шляхетскій домъ!—и онъ изо всей силы оттолкнулъ въ сторону тучнаго ксендза-кустоша и вырвалъ у него руку дѣвушки.

Какъ разъяренный тигръ подскочилъ къ Станишевскому бискупъ и съ крикомъ: „Бей, кто цнотливы!“ нанесъ ему ударъ по лицу. Въ ту же минуту ксендзъ-кустошъ сильнымъ ударомъ въ затылокъ свалилъ его съ ногъ. На крикъ бискупа вбѣжало нѣсколько человѣкъ его слугъ и козаковъ п. Стемпковскаго и принялись бить Станишевскаго чеканами. Обливаясь кровью, онъ судорожно вцѣпился въ племянницу и, какъ ни били его по рукамъ, не хотѣлъ выпустить ее. Тутъ вбѣжала челядь хозяй-

ская—кто съ кіемъ, кто съ рогатиной, а поваръ съ ножемъ. Завязалась свалка—и рогатина едва не угодила бискупу въ животъ. Эта опасность окончательно лишила его разсудка: быстро разстегнувъ на себѣ сутану, онъ выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ и съ крикомъ: „такъ пусть же льется кровь, коли нáчала!"—разсѣкъ имъ черепъ п. Станишевскому. „Бый—забый, хто цнотливый!" неистово оралъ онъ, потрясая окровавленнымъ клинкомъ. Вбѣжалъ, наконецъ, страшный Ганнусъ съ драгунами и, не замѣчая, что его содѣйствіе не нужно болѣе, ткнулъ рапиромъ въ високъ Станишевскаго и раскроилъ ему голову до затылка. Несчастный не издалъ даже звука, такъ какъ еще послѣ перваго удара у него отнялся языкъ. Бискупъ, какъ будто понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко. „Кто цнотливый, перерѣжь горло паннѣ!"—вдругъ скомандовалъ онъ въ умоизступленіи... Но въ эту минуту на порогѣ показалась жена Станишевскаго съ годовымъ ребенкомъ на рукахъ и трехлѣтнею дѣвочкою, вцѣпившеюся въ подолъ ея платья. Съ нечеловѣческимъ воплемъ упала она на окровавленнаго мужа, какъ бы желая укрыть его отъ сыпавшихся со всѣхъ сторонъ ударовъ. Эта потрясающая сцена на минуту ошеломила самихъ палачей. „Уберите ее отсюда!" командовалъ бискупъ; но никто не спѣшилъ исполнить его приказаніе. Тогда онъ самъ подбѣжалъ къ несчастной, ударилъ ее ногою по головѣ, сбилъ съ нея шапку и, схвативъ за волосы, старался оттащить въ сторону, а челядь била ее чеканами и рвала на ней платье. Въ это время изъ сосѣдней комнаты кто-то выстрѣлилъ и ранилъ слугу бискупа. Драгуны отвѣтили ружейнымъ залпомъ. Заслыша выстрѣлы, стоявшіе вокругъ дома козаки и гайдуки Стемпковскаго начали стрѣлять въ окна. Зазвенѣли стекла, пули градомъ сыпались въ кафельную печь, комната наполнилась дымомъ и противники перестали различать другъ-друга.

— „Довольно! выходи на дворъ!"—скомандовалъ Ганнусъ своему отряду.

— „А гдѣ же панна? Ищите панну!"—метался бискупъ.

Но панны и слѣдъ простылъ; пользуясь суматохой, она незамѣтно проскользнула въ сосѣднюю комнату и словно канула

въ воду. Ксендзы метались, какъ угорѣлые. Перерыли весь домъ и дворъ, разграбили при этомъ не мало добра—но панны не нашли.

Между тѣмъ начинало смеркаться. Ганнусъ нашелъ, что ему здѣсь нечего больше дѣлать и, собравъ свою команду, выступилъ въ сосѣднее село Гнидаву, гдѣ находился въ то время его принципалъ Стемпковскій въ ожиданіи привоза невѣсты, чтобы везти ее тотчасъ въ Несвичъ и на другой день обвѣнчать съ Линевскимъ. Туда же уѣхали и бискупъ съ кустошемъ въ той самой каретѣ, которая предназначалась для Ганнуси. Панъ судья Линевскій, находившійся неподалеку въ с. Заборолѣ, какъ ближайшемъ наблюдательномъ пунктѣ, узнавъ о томъ, что произошло въ Омелянникѣ, поспѣшилъ уѣхать домой, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность отречься отъ всякаго, хотя бы косвеннаго, участія въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ.

Сошлись изъ деревни крестьяне на панскій дворъ—и ахнули при видѣ того, что оставили послѣ себя превелебные гости! Среди свѣтлицы, въ лужѣ крови, лежалъ ихъ панъ съ едва примѣтными признаками жизни, а на немъ избитая, „ошарпанная", полумертвая пани; возлѣ нихъ пищали полузатоптанныя дѣти, а по угламъ комнаты и въ сѣняхъ стонали раненые слуги. Съ плачемъ и громкими причитаніями женщины принялись оказывать всѣмъ пострадавшимъ первую помощь. Тотчасъ послали въ городъ за „цируликомъ" (фельдшеромъ) и дали знать о случившемся панской роднѣ. Вспомнили и о Ганнусѣ. Одинъ изъ раненыхъ челядинцевъ видѣлъ, какъ она убѣгала черезъ пекарню въ огородъ. Долго искали ее тамъ и наконецъ нашли—въ „пашеной" ямѣ, куда прятали хлѣбъ на зиму. Несчастная дѣвушка впослѣдствіи и сама не могла припомнить, какъ она попала въ это опасное мѣсто, откуда нельзя вылѣзть безъ посторонней помощи. Ее вынули совершенно окоченѣвшею отъ холода, и едва къ утру удалось привести ее въ чувство.

О. Левицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).

Авторъ печатаемыхъ ниже воспоминаній лучшую пору своей жизни провелъ внѣ Россіи. Послѣ неудачнаго исхода польскаго движенія 1831 года, Чайковскій состоялъ въ роли политическаго агента при извѣстномъ дѣятелѣ эмиграціи кн. Адамѣ Чарторыйскомъ, но всѣ усилія его оказывались безплодными; перспектива вѣчнаго скитанія, безъ всякой опоры среди окружающихъ, была печальна неизмѣримо, и возможность встрѣтить въ Турціи почву для сколько нибудь опредѣленной дѣятельности казалась заманчивою для нѣкоторыхъ эмигрантовъ. Турецкое правительство не прочь было воспользоваться этой силой для своихъ политическихъ цѣлей, но не больше. О какомъ либо прямомъ содѣйствіи цѣлямъ эмигрантовъ турецкіе государственные люди, конечно, и не думали, и разсчеты, основанные на такомъ хрупкомъ фундаментѣ, оказались въ дѣйствительности только наивными. Проходя сперва различныя ступени службы въ качествѣ турецкаго гражданскаго чиновника и оффиціально принявъ мусульманство, М. Чайковскій или Мехмедъ-Садыкъ-паша былъ поставленъ во главѣ такъ наз. козацкаго полка, навербованнаго изъ представителей самыхъ разнообразныхъ славянскихъ и полуславянскихъ національностей. Вообще говоря, отряды, находившіеся подъ командой Садыкъ-паши, отправляли обыкновенную гарнизонную службу, и лишь при извѣстной путаницѣ понятій можно было считать такую дѣятельность полез-

ной общеславянскому дѣлу. Какъ бы ни былъ расшатанъ турецкій государственный строй, но онъ былъ достаточно проченъ, чтобы переработать въ своихъ цѣляхъ организованные такимъ образомъ чужеродные элементы—или выбросить ихъ за бортъ, какъ и случилось въ дѣйствительности. Что переработка сдѣлала большіе успѣхи—въ значительной степени подтверждается личнымъ примѣромъ Садыкъ-паши. Весьма нерѣдко и самымъ недвусмысленнымъ образомъ заявлялъ покойный печатно, что онъ былъ вѣрнымъ и аккуратнымъ исполнителемъ предначертаній, исходившихъ изъ Стамбула. Въ этомъ отношеніи турецкая служба Садыкъ-паши ничѣмъ, въ сущности, не отличалась отъ службы прочихъ турецкихъ генераловъ изъ иностранцевъ, принявшихъ мусульманство или даже независимо отъ послѣдняго условія, которому турецкое правительство никогда не придавало особеннаго значенія. Нѣкоторый подъемъ уровня военной дисциплины, объясняемый привходившими этимъ путемъ культурными вліяніями, безъ сомнѣнія могъ имѣть благопріятное значеніе, но только въ пользу того самаго порядка, при которомъ интересы славянскихъ національностей не находили правильнаго удовлетворенія.

Не лишеннымъ интереса отзвукомъ такого запутаннаго положенія дѣлъ служитъ изданная въ 1857 г. въ Парижѣ на польскомъ языкѣ книжка подъ заглавіемъ: „Козаччина въ Турціи“ (Kozaczyzna w Turcyi, przez X. K. O. W druk. L. Martinet). Здѣсь приводятся оффиціальные документы объ организаціи козацкихъ ополченій, нѣкоторыя историческія справки о связяхъ организованныхъ въ турецкихъ предѣлахъ козацкихъ поселеній съ запорожскими козаками, странныя выдержки изъ памятниковъ мѣстнаго пѣсеннаго и музыкальнаго творчества. Отбрасывая спеціально-политическую сторону этого труда, авторъ котораго задался цѣлью возвеличить Садыкъ-пашу, нельзя не признать однако, что книга производитъ крайне смутное и тягостное впечатлѣніе. Стремленіе нѣкоторыхъ остатковъ стараго козачества въ турецкіе предѣлы имѣетъ свое естественное историческое объясненіе; обрисовать тѣ новыя условія, въ которыхъ оказалось пришлое населеніе въ Турціи, разъяснить особенности его быта и обста-

новки—задача, нерѣдко привлекавшая къ себѣ вниманіе ученыхъ изслѣдователей; съ этой стороны, ничего нельзя возразить противъ попытокъ въ этомъ направленіи, съ какой бы стороны онѣ ни исходили. Но издатели помянутой книги взглянули на дѣло нѣсколько иначе — съ узко-политической точки зрѣнія. Историческій обзоръ малорусской колонизаціи въ турецкихъ предѣлахъ занимаетъ въ книгѣ второстепенное мѣсто. Стремленіе народныхъ группъ отыскать свойственныя имъ условія существованія не находитъ правильной оцѣнки въ книгѣ, которая такимъ образомъ имѣетъ цѣну обыкновеннаго политическаго памфлета, т. е. цѣну весьма относительнаго достоинства.

Такъ какъ связанные съ указаннымъ явленіемъ вопросы далеко еще не выяснены надлежаще, то казалось, что всякій новый матеріалъ въ этомъ отношеніи представляетъ самостоятельный интересъ, независимо отъ спеціальнаго освѣщенія его съ точки зрѣнія опредѣленной политической партіи. Соображеніе это побуждаетъ редакцію дать мѣсто на страницахъ „Кіев. Старины“ воспоминаніямъ заслуженнаго турецкаго дѣятеля, принимавшаго близкое и непосредственное участіе въ дѣлахъ сопредѣленныхъ съ нашимъ отечествомъ славянскихъ областей Турціи. Факты личной дѣятельности покойнаго Садыкъ-паши представляютъ сами по себѣ интересъ второстепенный, но по ходу разсказа выясняются обстоятельства, которыя заслуживаютъ вниманія любителей историческаго чтенія, облегчая знакомство съ событіями и лицами малоизвѣстными или и вовсе неизвѣстными.

Квартируя съ своими отрядами главнымъ образомъ въ предѣлахъ нынѣшней Болгаріи, Садыкъ-паша, естественно, становился иногда въ самыя непримиримыя коллизіи съ своимъ славянскимъ призваніемъ, на которомъ онъ настаиваетъ неизмѣнно. Самая теорія его о роли козачества, какъ основной формирующей и организующей силы славянскаго племени, имѣетъ значеніе развѣ въ смыслѣ оправданія личной непослѣдовательности поведенія автора и неясности конечныхъ цѣлей дѣятельности. Какъ одно изъ своеобразныхъ теченій мысли, выбитой изъ логической колеи, теорія эта тѣмъ не менѣе представляетъ свой интересъ въ смыслѣ историческаго изученія. Небезъизвѣстно, что

факты суровой дѣйствительности возникаютъ не въ силу теорій, а, наоборотъ, послѣднія обыкновенно примыкаютъ къ фактамъ, почерпая изъ нихъ матеріалъ для спекулятивныхъ построеній. Быть можетъ, никогда еще не возникало построеній столь произвольныхъ и смутныхъ, какъ теорія, которую развивалъ покойный турецкій военачальникъ. Между тѣмъ, теорія имѣла притязаніе опереться на историческихъ посылкахъ. Здѣсь будетъ у мѣста обратить вниманіе на то обстоятельство, что для правильной постановки этихъ посылокъ требовалось бы подробное историческое изученіе, а такого изученія именно не доставало покойному Садыкъ-пашѣ. Его экскурсіи въ область польско-русской исторіи до такой степени элементарно-неумѣлы и произвольны въ самыхъ основаніяхъ своихъ, что представляется излишнимъ каждый разъ возстановлять истинной смыслъ и характеръ историческаго явленія, на которое ссылается авторъ. Посвятивъ свои силы, въ качествѣ литератора, главнымъ образомъ беллетристикѣ, Садыкъ-паша считалъ себя не слишкомъ связаннымъ требованіями историческаго безпристрастія, и беллетристическую манеру свою перенесъ на обсужденіе вопросовъ чисто-историческихъ и культурныхъ. Здѣсь не мѣсто входить въ ближайшую оцѣнку беллетристическихъ работъ покойнаго. Принадлежность ихъ къ т. наз. украинской школѣ въ польской литературѣ, т. е. къ циклу работъ, связанныхъ съ именами Мальчевскаго, Іосифа Залѣсскаго, Северина Гощинскаго и др. польскихъ литераторовъ, не можетъ быть установлена на сколько-нибудь прочныхъ основаніяхъ. По выраженію одного изъ историковъ литературы, Чайковскій въ своихъ украинско-польскихъ повѣстяхъ „опошлилъ“ козачество Украины и ея преданія, и такой суровый приговоръ едва ли можно оспаривать безусловно. Лишь незначительная часть повѣстей и разсказовъ покойнаго переведена на русскій языкъ, а что переведено, то забыто навѣки. Поэтому, быть можетъ, будетъ умѣстнѣе не возвращаться къ этому вопросу. Въ посмертныхъ запискахъ покойнаго имѣется богатый матеріалъ для объясненія характера его литературныхъ работъ.

Къ концу 1870 г. служебныя обстоятельства Садыкъ-паши сложились самымъ неблагопріятнымъ образомъ, онъ долженъ

былъ выйти въ отставку, а въ декабрѣ 1872 года возвратился, съ разрѣшенія властей, въ Россію. Быть можетъ, многимъ еще памятна его политическая исповѣдь (напеч. въ газ. „Кіевлянинъ" за 1873 г., № 4), имѣвшая цѣлью объяснить поворотъ во взглядахъ, который казался нѣсколько неожиданнымъ для многихъ его соратниковъ и друзей. Полемика, завязавшаяся у Чайковскаго съ заграничной прессой въ связи съ тѣмъ же вопросомъ, кромѣ общей принципіальной основы своей, имѣла цѣлью выяснить также и нѣкоторые факты личной дѣятельности его въ Турціи въ качествѣ генерала и человѣка, близкаго къ эмигрантамъ по своимъ стремленіямъ. Нѣкоторыя выдержки изъ этой полемической переписки были напечатаны въ газ. „Кіевлянинъ" 1873 г. (№№ 134—136). Въ той же газетѣ Чайковскій помѣстилъ небольшую повѣсть „Съ устьевъ Дуная" („Кіевл." 1873 г. №№ 9—27). Кромѣ того, въ „Рус. Вѣстникѣ" за 1873 г. была напечатана большая повѣсть его „Болгарія" (№№ 6—11). Повидимому, покойный намѣренъ былъ остаться на жительствѣ въ Кіевѣ и продолжать литературную дѣятельность въ духѣ своей политической исповѣди, но обстоятельства сложились неблагопріятно для литературной работы сколько нибудь замѣтной и вліятельной. Въ уединеніи черниговской деревни покойный собралъ свои воспоминанія съ самаго ранняго дѣтства и вплоть до окончанія служебной карьеры въ Турціи, постарался разсказать свою жизнь въ связной формѣ и вмѣстѣ съ этимъ выяснить обстоятельства и характеризовать лицъ, среди которыхъ ему приходилось вращаться. Въ извѣстной степени, автобіографія Чайковскаго есть вмѣстѣ съ тѣмъ и его profession de foi, и его самооправданіе. Огромный рукописный трудъ покойнаго нерѣдко затрогиваетъ лица и событія, характеристика которыхъ не входитъ въ задачи журнала. Поэтому, извлеченъ былъ главнымъ образомъ матеріалъ, имѣющій значеніе для историческаго изданія. Воспоминанія изъ дней юности, повидимому, утратили въ умѣ покойнаго свою первоначальную свѣжесть, и пробѣлы памяти иногда пополняются поэтому нѣсколько поспѣшно, но самыя ошибки эти представляютъ нѣкоторый интересъ для характеристики настроенія

писателя, жизнь котораго сложилась столь необычнымъ образомъ.

Отдѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ существенное отъ случайнаго, навѣяннаго настроеніемъ и предвзятой доктриной, весьма нетрудно; поэтому записки печатаются въ неизмѣненномъ видѣ, за исключеніемъ необходимыхъ выпусковъ.

Вопросу о такъ называемомъ козакофильствѣ и роли М. Чайковскаго въ этомъ движеніи была посвящена особая статья въ „Кіевской Старинѣ“, выходившей въ то время подъ редакціей покойнаго Θ. Г. Лебединцева („Кіевская Старина“ 1886 г. № 4, стр. 763—777—изложеніе статьи Фр. Равиты въ №№ 7 и 8 польскаго журнала „Нед. Обозрѣніе“ за 1886 г.).

I.

Мое рожденіе и воспитаніе.—Отецъ моей матери.—Хроника Брюховецкаго.—Моя мать.—Учебное заведеніе Вольсея.—Учителя; ихъ политическій сеймъ.

Я родился въ селѣ Гальчинцѣ, волынской губ. житомирскаго уѣзда, въ коднепскомъ приходѣ, въ 13 верстахъ отъ Бердичева, этого торговаго Іерусалима израиля, въ приднѣпровской Руси, въ 9 верстахъ отъ „святой“ Кодни, гдѣ карали гайдамаковъ Гонты и Желѣзняка мечемъ, коломъ и висѣлицей во славу короля польскаго и Рѣчи Посполитой. Такой страхъ былъ наведенъ тогда на украинскій людъ, что до сего дня этотъ людъ, произнося угрозу или проклятіе, повторяетъ: „щобъ тебе свята Кодня не мынула!“.

Отецъ мой, Станиславъ Чайковскій, былъ почетнымъ городничимъ кіевскимъ, старостой даничевскимъ, подкоморіемъ житомирскимъ и посломъ на сеймъ 3 мая отъ воеводства кіевскаго. Мать моя была дочь Михаила Гленбоцкаго, войскаго овручскаго и маршалка того же повѣта, и Елены, урожденной Брюховецкой, отъ ея второго брака. Она была внучкой извѣстнаго запорожскаго атамана Ивана Брюховецкаго, который послѣ сорока четырехъ походовъ на Крымъ, Молдавію, московское государство и Польшу, всегда побѣдоносныхъ и ознаменованныхъ убійствами

и пожарами, умеръ отъ горя и гнѣва, что долженъ былъ вернуться отъ Перекопа, сжегши только три города и десятка три селъ и взявши въ ясыръ лишь около трехъ тысячъ татаръ. Онъ не дошелъ до Сѣчи, сердце его разорвалось отъ боли и онъ скончался въ пустынной степи. Козаки насыпали надъ его тѣломъ высокую могилу.

Послѣ него моей матери досталось въ наслѣдство семь огромныхъ книгъ, переплетенныхъ въ пергаментъ, исписанныхъ имъ собственноручно прозой и стихами по польски, по русски и по латыни. То была странная мозаика разсказовъ, сентенцій, сужденій, рецептовъ, правилъ, исполненныхъ остроумія и мудрости, очень любопытныхъ. Когда я научился азбукѣ и читалъ уже по печатному, я любилъ разбирать по складамъ, а потомъ и читать въ такихъ родовыхъ хроникахъ эти драгоцѣнныя писанья. Это было вторымъ Евангеліемъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ.

Отецъ моей матери, Михаилъ Глембоцкій, былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей на Волыни и Украинѣ шляхты, занятой озорничествомъ и наѣздами. Онъ былъ грознымъ шляхтичемъ для козаковъ, гордымъ козакомъ для ляховъ и завзятымъ полякомъ для русскихъ и нѣмцевъ. Хоть человѣкъ стариннаго покроя, онъ былъ не дуракъ, умѣлъ и скопить, и пожить.

Назначенный вмѣстѣ съ региментаремъ Стемпковскимъ судить и карать гайдамаковъ Гонты и Желѣзняка, имѣя въ своихъ рукахъ jus gladii (право жизни и смерти), онъ разсудилъ такъ: „если убьешь или повѣсишь человѣка, онъ не будетъ уже отрабатывать ни „панщины“, ни „даровизны“. Онъ поилъ токайскимъ и портвейномъ региментаря Стемпковскаго, а гайдамаковъ по десятку и по два выпускалъ на свѣтъ Божій, и отправлялъ на слободы, чтобы они каялись въ грѣхахъ, отбывая панщину во славу Божію и на пользу пана войскаго овруцкаго. Такимъ образомъ онъ населилъ шесть селъ: Солотвинъ, Гальчинецъ, Зарбинцы, Сѣмаки, Агатовку и Раскопаную Могилу.

Кодня и три села принадлежали стольнику Глембоцкому, племяннику войскаго. Послѣ смерти первой жены, отъ которой онъ имѣлъ троихъ дѣтей: мою мать, Михаила и Фелиціана Глембоцкихъ, войскій женился на вдовѣ племянника, имѣвшей

отъ перваго мужа двухъ дочерей: Станиславу и Анну, и прижилъ съ этой второй женой двухъ сыновей: Яна-Канта и Іосифа Глембоцкихъ. Тогда то онъ завладѣлъ Кодненщиной, а послѣ первой жены получилъ Пархимовщину въ дальней Украинѣ, Зороковщину въ житомирскомъ повѣтѣ; отъ предковъ же онъ унаслѣдовалъ Голубовщину въ лѣсахъ овруцкихъ, и Видыборъ и Жадки въ радомысльскомъ повѣтѣ, словомъ онъ былъ, какъ говорится, *панъ на всю губу.* И вездѣ хозяйство его шло наилучшимъ образомъ.

Когда я сталъ уже одѣваться по козацки, Глембоцкій, хотя войска Наполеона уже ушли изъ Россіи, безпрестанно собирался на войну, на помощь великому Наполеону, но самъ то онъ едва могъ двигать ногами. Русское правительство, принимая во вниманіе возрастъ, значеніе среди мѣстныхъ помѣщиковъ и состоятельность моего дѣда, а также въ виду заслугъ одного изъ моихъ дядей въ русскомъ императорскомъ войскѣ, смотрѣло сквозь пальцы на несбыточныя фантазіи стараго войскаго.

На его дворѣ было 300 вооруженныхъ конныхъ козаковъ подъ предводительствомъ усатаго атамана, по прозванію Пшеничнаго. Было у дѣда много „резидентовъ“ или личныхъ адъютантовъ, а именно: ротмистръ драгунскаго полка королевы Ядвиги панъ Дрозджевскій, панъ Игнатій Стржемецкій, придворный поэтъ панъ Кожуховскій, который писалъ стихи безъ риѳмы и безъ соблюденія размѣра, нѣсколько длинные для уразумѣнія содержанія, и русскій статскій совѣтникъ панъ Шильнехтъ, лѣкарь-курляндецъ, который лѣчилъ пана войскаго и редактировалъ для него газетныя извѣстія о побѣдахъ Наполеона и воззваніяхъ этого богатыря къ пану войсковому овруцкому, и за это получилъ въ подарокъ хорошенькое сельцо изъ ключа, тянувшаго къ Зорокову, гдѣ проживалъ мой дѣдушка.

Людно было у пана войскаго, и все онъ собирался на войну: трубы трубили подъ окнами, козаки Пшеничнаго на украинскихъ скакунахъ гарцовали по двору, вороной конь пана войскаго, на котораго онъ никогда не садился, богато осѣдланный, ржалъ у крыльца, а самъ панъ войскій поглаживалъ пистолеты и саблю, хотѣлъ подняться, не поднялся, упалъ въ

кресло и закричалъ: „Ну, бѣда не велика. Василько! дай ромашки, завтра поѣдемъ, пускай Пшеничный велитъ завтра готовиться въ походъ, а пана совѣтника Шилькнехта попроси написать великому Наполеону отъ меня, что я мигомъ поспѣшу!“

И эти сборы, и это откладыванье похода на завтра повторялись ежедневно.

Когда мой отецъ прислалъ къ дѣдушкѣ гонца съ увѣдомленіемъ, что у него родился внукъ, панъ войскій обрадовался и воскликнулъ: „пускай его назовутъ Михаиломъ и не прибавляютъ больше ни одного имени, пускай Архангелъ будетъ его хранителемъ и никто другой, такъ будетъ хорошо!“.

Удивительный человѣкъ былъ панъ Михаилъ Гленбоцкій. Гордый шляхтичъ, оригиналъ въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ имѣлъ и хозяйственный умъ, и сердце, любилъ Польшу, но по своему, и когда гордость овладѣвала имъ, все отходило на второй планъ; какъ настоящій лѣсной вепрь, онъ фыркалъ и разилъ клыкомъ направо и налѣво, куда попало, и безпрестанно повторялъ:

„Я шляхтичъ, но не нынѣшній; еще при Ягеллонахъ славны были Доливы (гербъ Гленбоцкихъ); когда имъ не хватило мѣста, они пошли козаковать на Днѣпръ и за пороги. Гленбоцкій заложилъ Глубокое, и полкъ глубоцкій былъ такъ же славенъ, какъ полтавскій, нѣжинскій. Когда Мазепа наварилъ пива, Гленбоцкіе пили его до дна вмѣстѣ съ Войнаровскими, Киселевскими, Городинскими. То были Гленбоцкіе, а не кто другой!

Такъ онъ настраивалъ себя, ворча подъ носъ, а потомъ кричалъ по своему обыкновенію.

Генералъ Корженевскій, въ то время бригадиръ литовской народной кавалеріи, владѣлецъ трехъ городовъ и нѣсколькихъ десятковъ селъ, добивался руки моей тетки Станиславы Гленбоцкой. Такъ какъ войскій слышалъ, что бригадиръ былъ противникомъ барской конфедераціи и имѣлъ сношенія съ гетманомъ Браницкимъ, то не хотѣлъ согласиться на этотъ бракъ. Дѣвушка, съ согласія и вѣдома матери и братьевъ, убѣжала; послѣ вѣнца молодые пріѣхали и пали въ ноги войскому. Войскій схватилъ

палку и до тѣхъ поръ билъ лежавшаго бригадира, пока палка не сломалась. Тотчасъ однако далъ за дочерью Коднию, сдѣлалъ пышное приданое, не жалѣлъ денегъ, но до смерти не хотѣлъ видѣть этихъ супруговъ.

Таковъ то былъ мой дѣдушка, любимцемъ котораго я сталъ съ самаго рожденія. Умирая, отецъ оставилъ меня почти груднымъ ребенкомъ, а мать, молодая, одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ на Украинѣ, умная, богатая, не хотѣла вступить въ новый бракъ, хотя ея руки искали многіе. Она хотѣла выростить изъ единственнаго сына настоящаго козака. По волѣ дѣда, меня одѣли по козацки, на голову надѣли козацкую шапку, къ которой было прикрѣплено перо цапли, какъ у давнихъ гетмановъ украинскихъ и запорожскихъ.

Разъ дѣдъ пригласилъ мѣстнаго старосту, и двухъ почтенныхъ помѣщиковъ сосѣдей, въ качествѣ свидѣтелей, и сдѣлалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ записалъ мнѣ все свое значительное имѣніе, выдѣливъ своимъ четыремъ сыновьямъ части, которыми они владѣли, а дочерямъ то, что было уже отдано имъ въ приданое. Взявъ меня за подбородокъ, онъ сказалъ:

„По мнѣ козакъ—это и есть шляхтичъ!" и, показывая гербовую печать отца, прочиталъ на ней девизъ: „Богъ и я со мною!"

„Видишь, ваша милость, ни на кого не надѣйся, какъ только на Бога и на себя, а Богъ тебя не оставитъ!"

Все это врѣзалось мнѣ въ память.

Это завѣщаніе мать моя, по смерти дѣда, возвратила роднымъ и на мою долю не досталось ничего, кромѣ настроенія на высокій тонъ, да козацко-шляхетскаго воспитанія, какое было мнѣ дано.

Мать моя, помимо любви и привязанности, которыя она питала къ своему единственному сыну, всѣми силами старалась сдѣлать изъ меня козака и по духу, и по плоти. Гончихъ, лошадей, соколовъ — всего было у меня въ избыткѣ. Первымъ моимъ учителемъ былъ панъ А., страстный украинецъ — козакъ, и большую часть своихъ уроковъ я бралъ, сидя на конѣ. Кромѣ этого учителя, у меня былъ старикъ дядька, по имени Левко, который разсказывалъ мнѣ сказки о знахаряхъ и чаро-

дѣяхъ, передавалъ казацкія преданія, показывалъ въ окрестностяхъ урочища, гдѣ происходили различныя битвы, и пѣлъ козацкія думки. Мать мнѣ всегда повторяла: „Не трогай чужого имущества и не вмѣшивайся въ чужія дѣла, но и не позволяй мѣшаться въ твои; совѣта слушай, но имѣй свое мнѣніе, а если что началъ дѣлать, то дѣлай, не позволяй себѣ бросать начатаго дѣла ни изъ-за трудности его, ни изъ страха; никому не навязывайся со своимъ мнѣніемъ, но никому не позволяй пренебрегать имъ; въ своей жизни будь не тростью, а дубомъ; въ сто разъ лучше позволить сломить себя, разбить въ дребезги, чѣмъ гнуться то въ ту, то въ другую сторону; предъ низшими не задирай головы, а предъ высшими не гнись въ дугу; на людскія дѣянія не смотри, а за свои отвѣчай предъ Богомъ и самимъ собою. Живи по божески.

Кромѣ меня у моихъ родителей было пять дочерей. Старшая, Маріанна, вышла замужъ за Карла Ружицкаго; Анна умерла на седьмомъ году; Пелагея, умершая на 18-мъ, была чрезвычайно красива; Катерина вышла за Іосифа Сосницкаго, надворнаго совѣтника; и Алоиза, которая, по неосторожности мамки, осталась калѣкой. Въ семьѣ мы очень любили другъ друга. Я былъ любимцемъ не только моихъ сестръ, но и всей фамиліи Чайковскихъ, а особенно Ѳеодосіи Чайковской, впослѣдствіи жены маршалка Третьяка, женщины съ горячимъ сердцемъ и пылкимъ воображеніемъ, рожденной быть женщиной — богатыремъ прежнихъ временъ; родъ Ястрембцевъ былъ для нея святыней; слава и значеніе этого рода были для нея навѣрное дороже ея личнаго счастья. Она и моя сестра Ружицкая дали мнѣ наиболѣе доказательствъ своей привязанности; моя сестра любила меня, какъ брата, а Ѳеодосія Третьякова, какъ Чайковскаго-Ястрембца.

На девятомъ году меня отдали въ школу.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ войны 1812 г. нѣкто Вольсей, изъ знатной англійской фамиліи, въ награду за преподаваніе великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, братьямъ императора Александра I, былъ назначенъ директоромъ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ. Наплывъ учениковъ былъ большой и лицей пользовался отличной репутаціей, вполнѣ заслуженной. Ве-

ликороссы, поляки и украинцы различныхъ фамилій присылали своихъ дѣтей въ это заведеніе. По ничтожному поводу возникло разногласіе между княземъ Воронцовымъ, намѣстникомъ Новороссіи, и Вольсемъ; гордый англичанъ подалъ въ отставку и переселился въ Бердичевъ, гдѣ князь Матвѣй Радзивиллъ далъ ему обширный домъ съ прекраснымъ паркомъ и 300,000 злотыхъ польскихъ на устройство лицея.

Три четверти учениковъ и почти всѣ учителя перешли изъ Одессы въ Бердичевъ.

Вольсей очень любилъ разсказывать о причинѣ своего перехода и проводить параллель между кн. Воронцовымъ и кн. М. Радзивилломъ.

Обыкновенно въ Одессѣ при Вольсеѣ каждое воскресенье десять учениковъ по очереди бывали на обѣдѣ и на вечерѣ у новороссійскаго намѣстника. Однажды, по случаю прибытія гетманши Браницкой, кн. Воронцовъ прислалъ къ Вольсею адъютанта, скорѣе, вѣроятно, съ просьбой, чѣмъ съ приказаніемъ, чтобы въ числѣ 10 учениковъ находился и молодой Воронцовъ. Вольсей отвѣтилъ, что за лѣность молодой Воронцовъ не пойдетъ на вечеръ. Адъютантъ явился вторично, но уже съ приказаніемъ, чтобы молодой Воронцовъ былъ на вечерѣ. Тогда Вольсей велѣлъ ему вывернуть мундиръ подкладкой наружу и такъ одѣтаго привезъ самъ во дворецъ и сдалъ на руки отцу, вручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ прошеніе объ отставкѣ. Ничто не могло отклонить его отъ этого шага, даже настоянія кн. Воронцова и другихъ лицъ.

Въ Бердичевѣ въ школѣ Вольсея былъ родной племянникъ князя Матвѣя, князь Францискъ Радзивиллъ. Онъ питалъ величайшее отвращеніе ко всякой наукѣ. Послѣ всевозможныхъ попытокъ и наказаній, Вольсей отослалъ его къ дядѣ съ письмомъ, гдѣ говорилъ, что было бы безсовѣстно брать деньги за такого олуха, котораго нельзя ничему научить. Князь Матвѣй оставилъ племянника у себя, а Вольсею послалъ новую запись на 50,000 злотыхъ польскихъ, долженствовавшихъ служить вѣчнымъ фундушемъ для воспитанія двухъ Ржевускихъ, разысканіе которыхъ между бѣдными Ржевускими возлагалъ на Вольсея, говоря, что

старая польская пословица гласитъ: „никто еще не видѣлъ умнаго Радзивилла такъ же, какъ никому не случалось встрѣтить глупаго Ржевускаго“, поэтому, если Радзивиллы не хотятъ учиться, а имѣютъ деньги, то пусть платятъ, а Ржевускіе пусть учатся, потому что Польшѣ нужны умные люди.

Заведеніе Вольсея было совершенно отлично отъ всѣхъ другихъ, какія существовали въ краѣ и какія мнѣ приходилось встрѣчать въ моихъ путешествіяхъ по чужимъ странамъ.

Въ основаніи его лежали военные порядки въ полномъ смыслѣ этого слова. Приходящихъ не было, были только одни интерны. Въ училищѣ было шесть классовъ; каждый классъ отличался отъ другихъ выпушками различныхъ цвѣтовъ на гранатовомъ мундирѣ уланскаго покроя. Въ первомъ классѣ воротникъ, обшлага, лампасы и выпушки были ярко зеленые, во 2-мъ — свѣтло-голубые, въ 3-мъ — желтые, въ 4-мъ — бѣлые, въ 5-мъ—пунсовые, въ 6-мъ—малиновые. У всѣхъ были пики со значками и деревянные палаши. Воспитанники по очереди исполняли обязанности унтеръ-офицеровъ, а въ каждомъ классѣ былъ инспекторъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ обязанности офицера.

Ночью, по очереди, отбывали караулы въ разныхъ мѣстахъ у воротъ. Обходы и патрули ходили по огромному дубовому парку, чтобы воспитанники привыкали къ службѣ и отвагѣ.

Обязательно учили обращаться съ оружіемъ и ѣздить на конѣ. Кто хотѣлъ, могъ держать своего коня, а у кого коня не было, тотъ ѣздилъ на лошадяхъ заведенія.

Въ каждой комнатѣ жило по десяти учениковъ, и къ нимъ былъ приставленъ особый инспекторъ; по очереди каждый ученикъ въ комнатѣ былъ служителемъ; на немъ лежала обязанность заботиться о чистотѣ комнаты и самихъ учениковъ; каждый ученикъ долженъ былъ самъ стлать постель и держать въ порядкѣ свои вещи; служителя должны были только чистить сапоги и одежду и приготовлять воду для умыванья.

Одѣвшись, всѣ выходили въ большую залу, а въ хорошіе и теплые дни на крыльцо въ садъ, гдѣ за столами съ приборами для кофе и чаю сидѣла г-жа Вольсей и другія по-

ченныя дамы, которыхъ въ заведеніи было нѣсколько, и наливали кто чего хотѣлъ, кофе или чаю. Съ учениками обходились какъ со взрослыми людьми. Если кто чѣмъ нибудь злоупотреблялъ или велъ себя неприлично, то его не наказывали тотчасъ, а инспектора зорко слѣдили за нимъ и все, что замѣчали, тотчасъ записывали въ книжечки и вносили въ рапорты.

Послѣ чаю шли учиться.

Въ десятомъ часу утра былъ завтракъ изъ двухъ или трехъ блюдъ, отлично приготовленныхъ. Было шесть большихъ столовъ. За однимъ предсѣдательствовалъ самъ Вольсей, за другимъ—г-жа Вольсей, за прочими—наиболѣе уважаемые профессора. Передъ завтракомъ всѣ служащіе подавали Вольсею письменные рапорты. Онъ ихъ читалъ, часто вызывалъ какого нибудь ученика изъ-за стола, осматривалъ его одежу, смотрѣлъ, вымыты ли у него уши и руки. Приходили съ рапортами учителя и инспектора. Передъ обѣдомъ читалось о назначенныхъ наказаніяхъ и замѣчаніяхъ или похвалахъ, кто чего заслужилъ. Послѣ обѣда—прогулка въ паркѣ или за городомъ, а послѣ прогулки — въ комнатахъ — чай, разговоры и разныя забавы.

По воскресеньямъ и праздникамъ чаще всего приходилъ пансіонъ пани Вигилиновой, состоявшій изъ нѣсколькихъ десятковъ дѣвицъ; приходили и разные гости; была музыка, танцы. Каждый ученикъ долженъ былъ учиться танцовать и играть на какомъ нибудь инструментѣ, который самъ себѣ выбиралъ. Иногда ходили на вечера къ пани Вигилиновой и въ частные дома, нѣсколько человѣкъ по очереди. На этихъ собраніяхъ Вольсей больше всего остерегался наказывать учениковъ, но старался обходиться съ ними какъ съ людьми взрослыми, свѣтскими, а ихъ прегрѣшенія заносились въ рапорты, куда записывались успѣхи въ наукахъ, выговоры, наказанія, какія кто заслужилъ.

Тѣлесныхъ наказаній не было, но были разныя другія; о нѣкоторыхъ изъ нихъ упомяну. На малую порцію, въ больницу—велятъ хворать въ видѣ наказанія; кормили тамъ овсянымъ супомъ, въ учебные часы одѣвали въ мундиръ и отправляли въ

классы, по окончаніи уроковъ опять надѣвали халатъ и колпакъ, и маршъ въ больницу! И такъ иногда держали по цѣлымъ недѣлямъ. Военные аресты, двойная служба, устраненіе отъ забавъ и прогулокъ.

По понедѣльникамъ и вторникамъ мы говорили обязательно по французски, по средамъ по русски, по четвергамъ по польски, по пятницамъ по нѣмецки, по субботамъ по латыни, въ воскресенье кто на какомъ языкѣ хотѣлъ; за нарушеніе правилъ о языкахъ полагались денежные штрафы въ пользу бѣдныхъ.

Науки проходились по программамъ, предписаннымъ коммиссіей, въ которой предсѣдательствовалъ кн. Адамъ Чарторыйскій, а однимъ изъ членовъ былъ Ѳаддей Чацкій.

Преподаватели были выборные. Между ними были: Артымовскій, впослѣдствіе профессоръ польской литературы въ петербургскомъ университетѣ и ректоръ этого университета (?), два Антоновича, одинъ математикъ, другой физикъ, Максимовичъ, которому Украина обязана сборникомъ народныхъ пѣсенъ (?), Падура, пѣвецъ козачества, Кисловскій, издатель бердичевскаго календаря босыхъ кармелитовъ, астрономъ бердичевской обсерваторіи, генералъ графъ де-Линьи, французскій эмигрантъ, Курцъ, знаменитый танцоръ изъ балета короля Станислава, и Черни, извѣстный въ музыкальномъ мірѣ музыкантъ и композиторъ. Полковникъ Ободынскій давалъ уроки верховой ѣзды, какъ знатокъ искусства.

Науки преподавались такъ хорошо, что послѣ посѣщеній графа Плятера и фельдмаршала Гудовича, попечителя учебныхъ въ юго-западной Россіи Украинѣ, заведеніе Вольсея было сдѣлано губернской гимназіей и получило всѣ права съ этимъ связанныя. Я долженъ сказать, что когда я по смерти Вольсея оставилъ Бердичевъ и отправился въ межирицкій лицей ксендзовъ піаровъ, то все, что я проходилъ въ 3-мъ классѣ въ Бердичевѣ, проходилось на курсахъ въ Межиричѣ и даже въ варшавскомъ университетѣ.

Учениковъ было 180. Поляки и козаки разныхъ фамилій составляли большинство учениковъ, но было много и русскихъ, какъ напр. Козловъ, впослѣдствіе извѣстный поэтъ (?), Лавровъ,

беллетристъ, три брата Игнатьевы, Александръ, Константинъ и Сергѣй, нѣсколько братьевъ Игельстромовъ; изъ поляковъ Баневскій, Проскура, Краевскіе и мн. др.; изъ козаковъ—Иловайскіе, Дмитріевъ, Чернозубовъ, нѣсколько Орловыхъ и Денисовыхъ, Платовъ и два брата Гиреи изъ Крыма. Это была славянская мозаика, но козацкій духъ бралъ верхъ и первенствовалъ потому, что преподаватели были горячими украинцами, и потому, что въ этомъ бердичевскомъ кружкѣ приготовлялись: запорожская старина, дума объ украинскихъ гетманахъ, пѣсни козацкія и малорусскія и столько иныхъ произведеній, которыя позднѣе вышли въ свѣтъ въ Харьковѣ, такъ какъ всѣ эти знаменитые люди, по смерти Вольсея, перешли въ харьковскій университетъ и были его профессорами. Они были творцами украинской школы, которая потомъ перешла за Днѣпръ и дала извѣстныхъ литераторовъ, поляковъ-украинофиловъ, и достойно вниманія, что почти всѣ эти господа были родомъ изъ окрестностей Махновки Мурованой (?) въ нынѣшнемъ бердичевскомъ уѣздѣ.

Какъ въ Бердичевѣ, такъ и въ Гальчинцѣ, куда въ каникулярное время съѣзжались эти профессора посѣтить мою мать, какъ дочь шляхтича-козака, я не разъ былъ свидѣтелемъ ихъ разговоровъ. По своимъ мнѣніямъ они дѣлились на два лагеря.

Одни были за возстановленіе козачества, какъ рыцарскаго сословія, которое въ славянщинѣ должно быть тѣмъ, чѣмъ крестоносцы и меченосцы были въ Германіи, тампліеры и мальтійскіе рыцари въ странахъ латинскихъ; доказывали, что при посредствѣ козацкаго сословія можно снова облагородить польское и русское дворянство, которое уже начало забывать о воинственности, которое пересаживается съ коня въ экипажи и готовитъ себѣ плохую будущность, упадокъ; доказывали, что въ козачествѣ сила, потому что, когда послѣ пораженія подъ Берестечкомъ Богданъ Хмельницкій, этотъ обновитель Руси, не могъ найти въ ней ни жизненности, ни силы и отчаявался въ Путивлѣ, тогда Иванъ Выговскій написалъ универсалъ: „отъ Донца и низовыхъ степей по Случь и за Случь каждому быть козакомъ!“ Черезъ нѣсколько дней Богданъ имѣлъ 100,000 ко-

заковъ, готовыхъ къ бою, и шелъ подъ Бѣлую Церковь вознаграждать злую случайность Берестечка; потому что козакъ—шляхтичъ, рыцарь, а посполитство—хлопство, община, громада, чернь, сволочь!

Противники отвѣчали, что предъ Богомъ всѣ люди равны, что такъ должно быть и по человѣческому праву, припоминали какіе то порядки великаго Новгорода, древнія учрежденія стараго Кіева. Прочь со шляхетствомъ и съ козачествомъ! говорили они, мы хотимъ свободы общины и основанной на ней свободы народности! Хотимъ Руси!

Первые возражали: безъ козачества, безъ дворянства у васъ будетъ демократія Гонты и Желѣзняка, убійства, пожары и опустошенія. Вотъ ваша Русь!

Тѣ опять отвѣчали: ваше козачество—бичъ на людъ Божій.

Вынимались старыя книги: лѣтописи Нестора, новгородскія, обращались даже къ хроникѣ моего прапрадѣда Брюховецкаго. Спорили, даже ссорились, расходились и снова сходились и остановились на томъ, что сынъ вдовы Остафій, сынъ Дашка Вишневецкаго, Богданъ Ружинскій, Петръ Конашевичъ-Сагайдачный и Иванъ Выговскій были дѣйствительно великіе вожди козацкаго сословія, славные мужи, аристократы рыцарства не только козацкаго, но и всеславянскаго, что Богданъ Хмельницкій, въ пьяномъ видѣ (?), изъ-за личныхъ счетовъ, изъ-за вынесенныхъ обидъ, оживилъ древнюю Русь, которая, разъ добровольно пристала къ Россіи и Литвѣ, не можетъ существовать иначе, какъ подъ скипетромъ царя русскаго или короля польскаго. Тотъ надъ ней господствуетъ, кто сильнѣе и разумнѣе. Русь Хмельницкаго была накипью, которая приводила къ накипи, къ демократіи, которая перевернула столько властей, истребила столько народа въ старое время, что Мазепа нечистыми способами, потому что они были іезуитскими, хотя самъ онъ и былъ православнымъ, хотѣлъ вернуться къ аристократіи, но ему это не удалось и онъ *нашелъ выходъ*, который былъ пагубнымъ для всякой народности; что Гонта былъ явнымъ вождемъ демократіи убійствъ, пожаровъ и истребленія, стремившейся къ уравненію всего.

Наконецъ согласились, что все зло не можетъ быть исправлено ничѣмъ инымъ, какъ всеславянствомъ, столицей котораго долженъ быть старый Кіевъ; что кто будетъ владѣтъ этимъ городомъ, чьей столицей онъ станетъ, тотъ будетъ господиномъ и владыкой стомилліоннаго славянства.

Все это я усердно слушалъ и запомнилъ, какъ Отче нашъ, какъ десять заповѣдей. Съ того дня, я безпрестанно думалъ объ этомъ козацко-славянскомъ союзѣ, ночью видѣлъ его во снѣ. Вся номенклатура: козачество, аристократія, демократія, всеславянство—гвоздемъ засѣла въ моей головѣ; съ этими понятіями я росъ, не отступалъ отъ нихъ въ моей политической жизни, и на мнѣ оправдалась пословица: каковъ съ молоду, таковъ и на старость.

II.

Закрытіе лицея Вольсея.—Фельдмаршалъ Гудовичъ —Русскіе гусары и польскіе офицеры.—Тампліеры.—Императоръ Александръ.—Графъ Ururгъ.—Староста Бахтинскій.—Піары и базиліане.

Учебное заведеніе Вольсея существовало только три года. Этотъ знаменитый человѣкъ умеръ, и его заведеніе, несмотря на правительственное признаніе его гимназіей кіевской губерніи, распалось. Среди людей науки, которыми тогда изобиловала русская земля, можно было найти директора на мѣсто Вольсея, но возникли недоразумѣнія, учебнаго и политическаго характера, между графомъ Плятеромъ, визитаторомъ трехъ губерній отъ имени виленскаго университета, и фельдмаршаломъ Гудовичемъ, главнымъ попечителемъ учебныхъ заведеній въ этихъ губерніяхъ.

Графъ Плятеръ, человѣкъ просвѣщенный и ученый, но воспитанный іезуитами, приверженецъ ихъ доктрины, которая прежде всего имѣла въ виду римско-католическую церковь, единую и всеобщую, укрѣпленіе связи польской народности съ западомъ и отторженіе ея отъ востока, съ опасеніемъ смотрѣлъ на лицей, который въ полномъ смыслѣ слова тянулъ къ востоку и который, вслѣдствіе военныхъ основъ своихъ, прихо-

дился по сердцу польской шляхтѣ, бывшей въ ту пору очень воинственной и нерасположенной къ іезуитскимъ доктринамъ. Первѣйшія семейства посылали своихъ дѣтей въ лицей Вольсея. Кременецъ,—этотъ истинный свѣточъ на Волыни, дѣло князя Адама Чарторыйскаго и Ѳаддея Чацкаго,—который выпустилъ столько людей, славныхъ въ различныхъ отрасляхъ наукъ и искусствъ, который вводилъ въ польскіе салоны французскіе обычаи и языкъ, который былъ исключительно польскимъ по своимъ стремленіямъ, безъ всякаго братанья съ прочими славянами россійской имперіи,—сталъ неспокойнымъ окомъ поглядывать на новое заведеніе, на его политическое направленіе и внутренній строй, и вліялъ на усиленіе опасеній графа Плятера, которому училище кременецкое было милѣе бердичевскаго.

Графъ Плятеръ былъ весьма ревностный католикъ, но все же его не такъ тревожило кременецкое вольтерьянство, къ которому онъ такъ привыкъ, какъ бердичевское козачество, напоминавшее ему злые часы Польши и Литвы и вѣшанье іезуитовъ, которыхъ братали съ жидами на висѣлицахъ. По смерти Вольсея онъ хотѣлъ, чтобы директоромъ былъ назначенъ католическій ксендзъ. Кн. Матвѣй Радзивиллъ отказывался отъ записи на лицей подъ управленіемъ ксендза; онъ имѣлъ большія неудовольствія съ католическимъ духовенствомъ, которое вытянуло у него большія суммы за разводъ его племянницы Юліи Радзивиллъ съ маршалкомъ Юдицкимъ и за разрѣшеніе вступить съ нею въ бракъ. Фельдмаршалъ Гудовичъ не утвердилъ ксендза и присоединилъ свой любимый лицей къ харьковскому университету.

Благодаря ревностному католицизму была сдѣлана великая ошибка. Не съумѣли воспользоваться расположеніемъ Гудовича, какъ умѣлъ пользоваться Чацкій.

Фельдмаршалъ Гудовичъ былъ истиннымъ украинскимъ козакомъ, гордый своимъ польскимъ шляхетствомъ, пожалованный за взятіе Анапы, крѣпости на чистомъ пескѣ, фельдмаршаломъ, онъ считалъ себя лучшимъ воиномъ на свѣтѣ. Онъ былъ человѣкъ мало образованный, но почтенный и очень любилъ козачество.

По удаленіи кн. Адама Чарторыйскаго отъ должности попечителя учебныхъ заведеній, на это мѣсто былъ назначенъ

фельдмаршалъ Гудовичъ, а Θаддей Чацкій попалъ подъ его начальство.

Разсказывали что когда то въ случайномъ разговорѣ, фельдмаршалъ спросилъ Чацкаго, кого онъ считаетъ первымъ изъ живущихъ теперь полководцевъ.

— Покорителя Анапы.

Фельдмаршалъ вскочилъ съ кресла и обнялъ Чацкаго.

— Вижу, справедливо, что ты первый мудрецъ въ теперешнее время.

Съ этого времени Чацкій что хотѣлъ, то и дѣлалъ, а фельдмаршалъ на все соглашался, все утверждалъ.

Одинъ изъ сыновей фельдмаршала былъ женатъ на Залѣсской, сестрѣ маршалка Северина Залѣсскаго, нашего сосѣда. Фельдмаршалъ, который давалъ банкетъ профессорамъ, уѣзжавшимъ въ Харьковъ, пригласилъ на этотъ пиръ маршалка Залѣсскаго, моего дядю Яна-Канта Гленбоцкаго, бывшаго товарищемъ по полку сыновей Гудовича, и велѣлъ, чтобы и меня привезли съ собою. Въ теченіе нѣсколькихъ дней шли великіе пиры, охоты, рыбныя ловли, танцы, пѣніе, музыка. Вся окрестная шляхта была приглашена. Была большая охота и облава съ гончими и сѣтями на волковъ. Я видѣлъ тогда, какъ старый фельдмаршалъ подходилъ къ мужикамъ, называлъ ихъ по именамъ, припоминалъ прежнія охоты, у одного выпилъ водки, у другого взялъ кусокъ запеченной солонины на пробу, хороша ли. Мальчишкамъ давалъ лакомства, садился у костра, и мужики пѣли ему украинскія думы, а мальчишки плясали передъ нимъ трепака и въ присядку, а онъ приговаривалъ: „туды-сюды", и въ этомъ былъ секретъ привязанности мужиковъ къ фельдмаршалу Гудовичу, которая доходила до обожанія. Фельдмаршальское величіе онъ оставлялъ во дворцѣ къ Чечельникѣ, а на охотѣ Гудовичъ, козакъ-шляхтичъ, братался съ народомъ.

Цѣлые три мѣсяца я оставался у матери и родственниковъ по закрытіи заведенія Вольсея, гдѣ провелъ лучшіе часы моей жизни. Пользовавшійся расположеніемъ директора, оцѣненный моими учителями, любимый товарищами, особенно козаками и русскими, которые впослѣдствіи дали мнѣ доказатель-

ства своей пріязни, горячей и постоянной, сознаюсь, что если я чему нибудь научился и что нибудь теперь знаю, то всѣмъ я обязанъ славнымъ учителямъ этой школы.

Падура, упрошенный дядей Кантомъ Гленбоцкимъ, оставался при мнѣ въ качествѣ учителя. Съ нимъ проводили мы цѣлые часы за перечитываніемъ хроники атамана Брюховецкаго. Остальное время мы охотились и ѣздили къ сосѣдямъ. Въ домѣ моей матери всегда было полно гостей и между ними очень много военныхъ, поляковъ и русскихъ. Это было въ послѣдніе годы царствованія Александра I, когда замѣтно было стремленіе правительства къ сближенію поляковъ и русскихъ, особенно военныхъ. Въ Бердичевѣ была главная квартира гусарской дивизіи, состоявшей изъ 4 полковъ: александрійскаго, ахтырскаго, маріампольскаго и принца Оранскаго. Это были полки, кутившіе, можетъ быть, слишкомъ по гусарски, но состоявшіе изъ офицеровъ, прекрасно воспитанныхъ и принадлежавшихъ къ лучшимъ фамиліямъ Россіи, Польши и Курляндіи.

Въ Ковлѣ былъ штабъ отряда польской пѣхоты, пяти конныхъ стрѣлковыхъ полковъ и четырехъ уланскихъ. Тамъ также былъ очень старательный подборъ офицеровъ, это все были люди, отличившіеся въ наполеоновскихъ войнахъ, изъ почтенныхъ семействъ и хорошаго воспитанія.

Въ Житомирѣ была главная квартира корпуснаго командира, генерала Рота, родомъ эльзасца, бывшаго до французской революціи капитаномъ королевскаго нормандскаго полка, впослѣдствіи эмигрировавшаго и вступившаго въ русскую службу. Онъ былъ хорошій генералъ, отлично воспитанный человѣкъ, но суровый и требовательный по службѣ. Поэтому къ нему была прислана третья дивизія гусаръ для исправленія и вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было ознакомить другъ съ другомъ и сблизить поляковъ и русскихъ.

Скажу нѣсколько словъ, каковы были эти гусары. Не видано было ничего красивѣе, ничего воинственнѣе, какъ гусары на коняхъ на учебномъ плацу: кивера на бекрень, ментики развѣваются вѣтромъ, кони рвутся подъ всадниками, сабли свистятъ въ воздухѣ, а земля трескалась съ шумомъ и стономъ,

когда кони ударяли по ней копытами, а гусары кричали „ура! ура!" Первый полкъ былъ маріампольскій, темносиній съ золотомъ, на гнѣдыхъ коняхъ; командовалъ имъ полковникъ Снарскій, литвинъ, зять фельдмаршала Витгенштейна. Другой, ахтырскій, табачнаго цвѣта съ золотомъ, на караковыхъ коняхъ; имъ командовалъ богачъ полковникъ Пашковъ, который покупалъ на свои деньги лошадей для полка. Третій, александрійскій, черный съ серебромъ, на вороныхъ коняхъ, подъ командой полковника Катарджи, бессарабца, дѣятельнаго командира. Четвертый, принца Оранскаго, темносиній, доломаны красные съ серебромъ и красные кивера, на сѣрыхъ коняхъ, подъ командой барона... курляндца, потомка рыцарей-меченосцевъ; полкъ этотъ назывался полкомъ Георгіевъ па коняхъ.

Въ салонахъ гусары, вопреки стихамъ Давидова, танцовали на паркетѣ, разговаривали о Жомини, и конечно ни въ одной странѣ не было болѣе образованныхъ и свѣтскихъ офицеровъ и быть не могло.

Ихъ гусарскія штуки, при всей своей жесткости, заключали въ себѣ много забавнаго, много остроумнаго, много оригинальнаго. Душею этихъ проказъ былъ графъ Штакельбергъ, ротмистръ александрійскаго полка. Разскажу о нѣкоторыхъ.

Феликсъ Залѣсскій, маршалокъ кіевскаго повѣта, имѣлъ обыкновеніе обращать вниманіе на количество лошадей, запряженныхъ въ экипажи пріѣзжавшихъ къ нему гостей и сообразно этому количеству назначалъ гостямъ высшее или низшее мѣсто за своимъ столомъ. Графъ Штакельбергъ зналъ объ этомъ обыкновеніи. Въ день имянинъ, на которыя съѣхались важные сановники—фельдмаршалъ баронъ Сакенъ, генералъ Ротъ, губернаторъ, генералы,—когда всѣ уже были въ гостиныхъ, вдругъ услышали звонъ колокольчиковъ, а на длинной плотинѣ, ведшей ко двору маршалка, увидѣли рядъ троекъ. Впереди десять троекъ, одна за другой и на каждой только ямщикъ, за десятой тройкой ѣхалъ экипажъ, въ которомъ возсѣдалъ, развалившись, ротмистръ Штакельбергъ въ парадной формѣ. Подъѣхавши къ крыльцу, онъ выскочилъ изъ экипажа, вбѣжалъ въ въ столовую и стремительно сѣлъ на первое мѣсто за накрытымъ столомъ, крича:

— Неуступлю своего мѣста, я добился перваго мѣста по праву и обычаю; прошу провѣрить.

Этому много смѣялись и Штакельбергъ остался на первомъ мѣстѣ.

Однажды въ нашемъ домѣ этотъ ужасный ротмистръ съѣхался съ докторомъ Шлемеромъ, чехомъ по происхожденію, извѣстнымъ въ окрестности не столько своимъ врачебнымъ искусствомъ, сколько остроуміемъ и веселымъ нравомъ. Они сидѣли за однимъ столомъ, но не были знакомы. Шлемеръ началъ разсказывать о бердичевской ярмаркѣ и о гусарскихъ проказахъ.

— Нужно вамъ знать, господа, что все творитъ этотъ бездѣльникъ Штакельбергъ; знаете его?

Штакельбергъ поправилъ усъ:

— Честь имѣю представиться, я и есть тотъ самый бездѣльникъ.

Шлемеръ спокойно сказалъ:

— Дайте стараго вина; выпьемъ за здоровье этого бездѣльника.

Выпили за его здоровье, и съ тѣхъ поръ завязалась сердечная дружба между ротмистромъ и докторомъ.

На ученьи генералъ Ротъ сказалъ Штакельбергу:

— Ротмистръ! ваша лошадь дурна.

Тотъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ лошадь хорошая, а только ротъ дурной.

Ротъ ничего не отвѣтилъ, но замѣтилъ это себѣ на память. Расхрабрившіеся гусары въ тотъ же самый день устроили печальный кортежъ, неся гробъ, подъ погребальнымъ покровомъ; подполковникъ Милорадовичъ предводительствовалъ процессіей; всѣ были въ полной парадной формѣ съ крепомъ на рукавахъ. Ротъ выслалъ своего адъютанта, Стенбока, узнать, чьи это похороны. Отвѣчали: „хоронимъ генерала Рота". Ротъ велѣлъ внести гробъ въ домъ. Открываютъ, а тамъ живая свинья. Безъ выраженій гнѣва, безъ крика посадилъ онъ гусаръ подъ арестъ. Состоялся формальный судъ. Восемь офицеровъ, съ подполковникомъ Милорадовичемъ во главѣ, были присуждены къ разжалованію въ солдаты. Штакельбергъ изъ гусарскихъ ротмистровъ

былъ сдѣланъ драгунскимъ капитаномъ. Представившись генералу въ карикатурной драгунской формѣ, онъ подалъ въ отставку и гусары успокоились, а Ротъ добился своего, сдѣлалъ изъ своевольныхъ баричей дѣльныхъ офицеровъ, потому что эта третья дивизія стала одной изъ лучшихъ кавалерійскихъ дивизій.

Говорили, что своеволіе этого рода проникло во всѣ гусарскіе полки изъ сумскаго полка, у котораго за подобныя своеволія еще въ началѣ царствованія Императора Александра I были отняты темносиніе мундиры и даны сѣрые. Но во время наполеоновскихъ войнъ этотъ полкъ такъ отличился, что получилъ всѣ награды, какія только могли быть даны, и ему опять были возвращены темносиніе мундиры.

Боуеръ, Вѣжалинъ, Нѣстоенскій, Ururгъ, Игельстромъ, Штакельбергъ, Крыжановскіе, Порадовскій, Моргулецъ—были истинными патріархами гусарства. И родъ оружія, и названіе вошли въ моду, а генералъ Давидовъ своими возвышенными и истинно народными стихотвореніями высоко поднялъ славу гусарства. Какъ же было шляхтичамъ, сынамъ высокой фантазіи, не стремиться въ гусары? И стремились. Гусары въ салонахъ волочились за барышнями такъ, что любо было, а мазурку отплясывали такъ, что душа радовалась и сердце замирало. На охотѣ они истребляли звѣриный родъ, на войнѣ были головорѣзами; къ тому же еще хорошо пили и водку и вино, но и о Жомини, и объ Окуневѣ и Броневскомъ говорили; кутили, чтобы не утратить традицій старыхъ гусаръ; читали и учились, чтобы идти въ уровень съ вѣкомъ и усовершенствовать новаго гусара.

Иная была физіономія у офицеровъ войска польскаго. Ихъ выборъ былъ сдѣланъ цесаревичемъ Константиномъ. Блендовскій, истинный Баярдъ польскаго рыцарства, Крыжановскій, мужъ непоколебимой доблести, самый щепетильный рабъ военной чести, Маевскій, который мечталъ о Польшѣ и только ту минуту своей жизни считалъ не потерянной, которую посвящалъ работѣ на пользу Польшѣ. Въ числѣ этихъ офицеровъ былъ и Карлъ Ружицкій, который женился на моей старшей сестрѣ.

Всѣ эти польскіе офицеры участвовали въ наполеоновскихъ войнахъ и каждый изъ нихъ, принимая участіе въ трудахъ, пріобрѣлъ часть вполнѣ заслуженной боевой славы. Всѣ почти были люди много читавшіе, много видѣвшіе и не могли не заслужить себѣ уваженія русскихъ офицеровъ. Они сразу вступили тогда въ самыя лучшія отношенія между собой. Я не слыхалъ ни объ одномъ поединкѣ, ни объ одномъ недоразумѣніи между офицерами двухъ славянскихъ народовъ.

Когда въ эту гусарскую дивизію вступили два Муравьева, Артамонъ командиромъ ахтырскаго, а Александръ—александрійскаго полка, Пашковъ былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ, а Лашкаревъ дивизіоннымъ, нѣмцы стали выходить изъ дивизіи, а на ихъ мѣста стали поступать русскіе. Тотчасъ же завязались болѣе тѣсныя отношенія между офицерами русскаго и польскаго войскъ и начались разсужденія о славянскомъ вопросѣ, который русскіе офицеры уже хорошо понимали и о которомъ польскіе офицеры услышали, какъ о вещи для нихъ совершенно новой, чего имъ нельзя ставить въ вину, потому что поляки, отдѣлившись добровольно отъ славянъ въ религіи и политикѣ и отдавшись, такъ сказать, въ услуженіе нѣмцамъ и латинянамъ, утвердились въ своемъ заблужденіи, а въ литературѣ или не говорили о славянахъ, или извращали истину, чтобы не выказать своего заблужеенія, и погрязали все глубже и глубже въ нѣмецкую ложь.

Собранія и разговоры чаще всего происходили у двухъ полковниковъ Муравьевыхъ, къ которымъ съѣзжались офицеры всѣхъ родовъ оружія. За польскими офицерами и помѣщики стали посѣщать и принимать въ своихъ домахъ русскихъ офицеровъ. Началось настоящее братанье, и тогда то Маевскій, капитанъ польскихъ уланъ, одинъ изъ товарищей Козетульскаго, предсѣдатель Корвицкій и два брата Муравьевы, основали общество рыцарей-тампліеровъ, которые, какъ я слышалъ тогда отъ Карла Ружицкаго, имѣли цѣлью, по словамъ русскихъ, привести славянъ къ единству, а по словамъ поляковъ—къ установленію республикъ русской и польской отдѣльно. Хотя, повидимому, они не столковались другъ съ другомъ, но приняли посвя-

щеніе въ рыцари и остались тампліерами. Тогда то въ первый разъ сказалось открыто общее отвращеніе русскихъ и поляковъ къ австрійскимъ и прусскимъ нѣмцамъ. Говорилось о вѣроломствѣ, неблагодарности и злыхъ замыслахъ нѣмцевъ. Позднѣе тампліерство привело къ обществу зеленой книги, увы! не славянской, а американской. Кто знаетъ, быть можетъ, злой духъ ввелъ туда нѣмцевъ, чтобы извратить славянскую мысль? Нѣмцы готовы на все!

Принятіе въ тампліеры и разговоры о тампліерствѣ были такъ явны, что генералъ Гижицкій, волынскій губернаторъ, былъ нѣкоторымъ образомъ того мнѣнія, что цесаревичъ Константинъ видѣлъ въ этомъ тампліерствѣ, средства чтобы сблизить русскихъ съ поляками, такъ что, когда Северинъ Залѣсскій, маршалокъ житомирскій, самъ уже тампліеръ, предлагалъ даже самому Гижицкому вступить въ общество.

Падура и младшій А., который собирался уже выѣзжать въ Харьковъ, сильно противились этому названію тампліеры. Не разъ они спорили объ этомъ съ Карломъ Ружицкимъ и капитаномъ Маевскимъ. Зачѣмъ было не называться козаками, потому что это были единственные славянскіе рыцари. Мнѣ они безпрестанно повторяли: „когда выростешь, не становись тампліеромъ, а стань козакомъ, это истинные славянскіе рыцари!“

Въ тотъ годъ императоръ Александръ I проѣзжалъ чрезъ Житомиръ и соизволилъ принять приглашеніе на балъ, даваемый мѣстными помѣщиками. Губернаторомъ былъ тогда генералъ Гижицкій, зять мѣстнаго сенатора Ильинскаго, любимца императора Павла, маршалкомъ губернскимъ былъ Винцентій Ледоховскій, мужъ моей тетки, предсѣдателемъ перваго департамента генералъ Корженевскій, мужъ моей другой тетки. Мать привезла меня на это великое торжество. Меня одѣли въ мальтійскій мундиръ, потому что, когда я былъ еще въ колыбели, для меня было куплено за 6,000 рублей ассигнаціями мальтійское кавалерство, и я былъ представленъ императору.

До 14 лѣтъ я былъ очень малъ ростомъ и худъ, и выглядѣлъ какъ настоящій вдовинъ сынъ.

Императоръ велѣлъ мнѣ влѣзть на столъ, чтобы ему можно было разговаривать съ такимъ рослымъ помѣщикомъ.

Въ это время вблизи императора, возлѣ гетманши Ржевуской, стояли три прекраснѣйшія дамы на балу: Анеля Прушинская, жена президента Прушинскаго, истинная русалка чародѣйка съ Украйны, панна Пилявская, племянница президента Домбровскаго, и пани Орловская, урожденная Ярошинская.

Императоръ велѣлъ мнѣ пригласить одну изъ этихъ дамъ на мазурку; я, не колеблясь, выбралъ пани Орловскую, признаюсь, ради ея брилліантоваго мѣсяца.

Императоръ улыбнулся и сказалъ по французски Артуру Потоцкому:

— Rien d'étonnant, les chevaliers de Malte ont un culte pour Sainte Madelaine.

Самъ государь пригласилъ пани Прушинскую, Артуръ Потоцкій панну Пилявскую. Мазурка мнѣ удалась прекрасно. За ужиномъ я сидѣлъ возлѣ пани Орловской, пилъ шампанское и чувствовалъ себѣ очень хорошо.

Я не въ силалъ описать того энтузіазма, съ какимъ принимали императора Александра. Каждый полякъ готовъ былъ пожертвовать жизнью, имуществомъ, всѣмъ по одному его мановенію, а польки сходили съ ума отъ любезности государя.

Генералъ Уругъ, о которомъ я уже упоминалъ, былъ храбрый воинъ. Въ 1810 г. онъ командовалъ волынскими уланами. Когда подъ Рущукомъ, послѣ купанья въ Дунаѣ, на обозъ напали турецкіе спаги, то онъ и его уланы вскочили въ однѣхъ рубашкахъ на неосѣдланныхъ коней и, схвативъ пики, отразили нападеніе и нанесли страшное пораженіе спагамъ. Мой дядя, Янъ-Кантъ, служилъ въ то время подъ начальствомъ Уруга. Увлеченный необузданной лошадью, которая была изъ табуна моей матери, онъ нечаянно попалъ въ толпу турецкихъ спаговъ. Перепуганные спаги кричали: „аманъ, аманъ!" а мой дядя, знавшій нѣсколько словъ по турецки, повернулъ коня къ обозу и крикнулъ:—«бераберъ гиль»! (идите за мной), и отпустилъ повода лошади, которая привезла его къ обозу, а спаги слѣдовали за нимъ, и такъ они вступили въ обозъ. Турокъ было 36, но въ

рапортѣ гр. Ургъ велѣлъ написать 360, а когда дядя исправилъ цифру, сказалъ: „не жалѣй бусурмановъ, пиши!“ И дядя за этотъ подвигъ былъ произведенъ въ ротмистры и получилъ саблю за храбрость.

Этотъ годъ былъ у насъ очень удаченъ для бѣлыхъ польскихъ уланъ. Трое ихъ пріѣхало регментарами и всѣ трое поженились. Одинъ изъ нихъ, Карлъ Ружицкій, женился на моей старшей сестрѣ, Маріаннѣ. На свадьбу сестры съѣхались всѣ родственники отца и матери. Среди всѣхъ ихъ выдѣлялся Каетанъ Чайковскій, староста бехтынскій, богачъ и скупецъ, который превосходилъ мольеровскаго скупца. Изъ за скупости онъ не женился; изъ за той же скупости въ своихъ имѣніяхъ въ роскошныхъ домахъ устроилъ на верхнихъ этажахъ амбары, а въ нижнихъ хлѣвы для телятъ; самъ онъ жилъ въ плохой хатѣ, въ такомъ лѣсистомъ и болотистомъ мѣстѣ, что туда трудно было добраться на повозкѣ. На весь домъ у него былъ одинъ слуга, Данило, который въ одно и то же время исполнялъ обязанности повара, камердинера, кучера и сторожа.

Староста бехтынскій былъ человѣкъ ученый, на древнихъ и новыхъ языкахъ говорилъ какъ по польски, много читалъ, особенно онъ любилъ предаваться историческимъ розысканіямъ и со своимъ намѣстникомъ паномъ Микульскимъ, скарбникомъ нурскимъ, постоянно диспутировалъ о происхожденіи ятвяговъ. Послѣ десятилѣтнихъ изысканій, они пришли къ тому выводу, что ятвяги были народъ кроткій, добрый, какъ всѣ славяне, потомъ въ ихъ край вторглись ляхи,—татарское племя съ Кавказа,—и съ помощью кнута стали заставлять работать и служить имъ. Грозя кнутомъ, они приговаривали: „Гей, двигайся, лѣнтяй, тунеядецъ!“ Какъ завоеватели записали на шкурѣ покоренныхъ, такъ эти послѣдніе записали себѣ въ память, а впослѣдствіи „Гей двигайся“ (Ha dzwigaj się) было передѣлано въ ятвяговъ (Hadzwingów или Iadzwingów) и такъ и осталось.

Староста бехтынскій нашелъ въ Гальчинцѣ огромную псарню, принадлежавшую мнѣ. Онъ сталъ говорить моей матери, что эта саранча много съѣдаетъ, а пользы приноситъ мало, потому что онъ часто слыхалъ отъ пана маршалка Завиши изъ Черни-

хова, что если бы охота была прибыльнымъ дѣломъ, то евреи давно бы его захватили, а ему еще не случалось видѣть еврея охотника.

Моя мать утверждала, что страсть къ охотѣ развиваетъ рыцарскій духъ—единственную истинно шляхетскую доблесть, что эта страсть можетъ отвлечь отъ другихъ страстей. Всѣ эти поэтическіе и козацкіе аргументы не очень то подѣйствовали на дядю. Въ это время я вошелъ въ комнату съ платкомъ, въ которомъ было 300 рублевиковъ, полученныхъ отъ бердичевскаго еврея Іоселя за шкурки заячьи, лисьи и волчьи, добытыя зимою на охотѣ. Звонкій аргументъ оказался дѣйствительнѣе. Староста сталъ меня распрашивать, а я ему обстоятельно разсказалъ, сколько каждая борзая затравитъ за зиму зайцевъ, лисицъ и волковъ. Я совсѣмъ ошеломилъ разсчетливаго дядюшку. Онъ уже не смѣялся, а серьезно и внимательно смотрѣлъ на меня. Наконецъ, онъ обратился къ матери: „Поздравляю, вѣдь знаешь, невѣстка, изъ твоего сына выйдетъ великій экономистъ: онъ разрѣшилъ еще незатронутый до сихъ поръ вопросъ—наложилъ панщину на собакъ“.

Послѣ свадьбы моей сестры, меня отвезли въ Межиричъ Корецкій, въ волынскій лицей, которымъ завѣдывали оо. піары. Когда я пріѣхалъ, ректоромъ тамъ былъ ксендзъ Грабовскій, истинный монахъ, человѣкъ добрый и хорошо воспитанный; вице-ректоромъ былъ ксендзъ Бартошевичъ, большой охотникъ до лисицъ. Кс. Кмита былъ префектомъ лицея; сухой, увядшій, онъ скорѣе походилъ на пергаментнаго іезуита, чѣмъ на піара. Былъ тамъ также кс. Младановичъ, сынъ уманскаго губернатора (управителя) во время рѣзни; онъ былъ крестнымъ сыномъ Гонты и былъ имъ спасенъ. Теперь онъ былъ инвалидомъ монастыря и не несъ никакихъ обязанностей, а все только разсказывалъ объ уманской рѣзнѣ, объ Украинѣ, гайдамакахъ, Запорожьѣ. Онъ все помнилъ и все рисовалъ въ своихъ разсказахъ живыми красками.

Удивительная вещь—онъ не выражалъ ни ненависти, ни раздраженія противъ Гонты. Всю вину преступленія онъ приписывалъ Феликсу Потоцкому и польской шляхтѣ. Вотъ слова, которыя я часто слышалъ отъ него: „выучили его читать, писать

и понемножку всякимъ наукамъ, а потомъ хотѣли его бить, сажать въ „гусакъ"; сдѣлали его полковникомъ,—а полковникъ онъ былъ дѣльный, потому что онъ лучше зналъ военное дѣло, чѣмъ регементари, бригадиры и ротмистры,—а потомъ хотѣли его ошельмовать, какъ хама, мужика; и муравей кусаетъ, если ему досаждаютъ, а что же человѣкъ, да еще такой какъ Гонта? Паны наварили этого пива, а людъ Божій долженъ былъ его пить—и пьетъ, да никакъ не выпьетъ до дна".

Въ лицеѣ было до 900, а порой и до 1000 человѣкъ молодежи. Я жилъ вмѣстѣ съ Александромъ Подгороденскимъ, двумя Залѣсскими, съ Дмитріемъ Четвертинскимъ у кс. Заржецкаго, чуть ли не лучшаго изъ всѣхъ, потому что онъ не употреблялъ канчука и другихъ мѣръ строгости.

Кормили насъ недурно, но давали кушанья порціями, отсюда подкупы служителей, даже поваровъ, надувательство другъ друга. Какова же была эта перемѣна для насъ, вышедшихъ изъ школы Вольсея!

Свѣтскіе профессора, присланные изъ Вильны, были люди способные, свѣдущіе въ предметахъ, которые они излагали; но мнѣ не приходилось слышать ни объ одной изъ школъ губернскихъ или уѣздныхъ, бывшихъ подъ управленіемъ свѣтскихъ профессоровъ, которая снискала бы себѣ славу или выпустила знаменитыхъ учениковъ. Всѣ ученики, выходившіе изъ нихъ, оказывались посредственностями и не выдавались ни по способностямъ, ни по образованію; эти школы не дали выдающихся людей ни въ литературѣ, ни въ военномъ дѣлѣ, ни въ дѣятельности на пользу родины. Эти профессора не умѣли стоять на высотѣ своего званія, являлись скорѣе правительственными чиновниками, чѣмъ наставниками молодежи. Причиной этого кажется, были порядки правительствен. учебн. заведеній того времени и недостаточно тѣсныя отношенія между профессорами и помѣщиками.

Кромѣ Кременца, который сталъ во главѣ научнаго образованія въ юго-западныхъ земляхъ русскихъ, забота о воспитаніи въ этихъ земляхъ была въ рукахъ трехъ товариществъ или обществъ.

Одни ограничивались тѣмъ, что исполняли свои служебныя обязанности, но не шли далѣе, и потому не могли сами стать на болѣе широкую точку зрѣнія. Ни одинъ зажиточный помѣщикъ не отдавалъ своихъ дѣтей въ школы, находившіяся въ завѣдываніи свѣтскихъ учителей. Эти школы наполнялись по большей части мѣщанами, и число учениковъ въ нихъ было очень ограничено.

Двѣ другія категоріи школъ—школы, находившіяся подъ управленіемъ оо. базиліанъ и оо. піаровъ—имѣли совершенно иныя отличительныя черты; совершенно свободныя отъ давленія и даже отъ надзора правительственныхъ чиновниковъ, тѣсно связанныя съ помѣщиками, въ средѣ которыхъ онѣ находили и матеріальную помощь и нравственную поддержку, школы эти группировали въ себѣ всю лучшую молодежь и имѣли возможность довести до широкихъ размѣровъ систему школьнаго образованія.

Общество оо. базиліанъ, исключительно состоявшее изъ гербовной шляхты, во главѣ котораго почти всегда стояли представители знатнѣйшихъ мѣстныхъ семействъ, уніатское, болѣе славянское, не льнуло къ западной цивилизаціи и западнымъ модамъ. Внѣшней политикѣ, которая, несмотря на всѣ толки доктринеровъ и предпринимаемыя мѣры должна налагать свою печать на воспитаніе, какъ и на всякую иную отрасль умственнаго развитія и прогресса, они слѣдовали анти-нѣмецкой, антилатинской, чисто польской[1], постепенно и легко приближавшейся къ славянской идеѣ. На всей системѣ воспитанія у оо. базиліанъ лежала печать консерватизма, монархизма и даже аристократизма. Исторія Польши была основной наукой въ этихъ школахъ. Учили ей не по книжкѣ кс. Ваги, не по педантическому труду бискупа Нарушевича, а по рукописямъ кс. Стройновскаго, Михальскаго и иныхъ писателей, принадлежавшихъ къ славянскому монашескому ордену св. Василія, по хроникамъ, по запискамъ, учили философски, научно и поэтически, чтобы воспитать добрыхъ и разумныхъ поляковъ. Оо. базиліане не позволяли своимъ ученикамъ увлекаться космополитическими идеями и забывать о польской, но напротивъ наталкивали ихъ на эту послѣднюю, повторяя всегда козацкую поговорку, что

сорочка ближе къ тѣлу, чѣмъ свита. Въ базиліанскихъ школахъ въ Умани, Любарѣ, Овручѣ и др. считалось по 1,000 и болѣе учениковъ, принадлежавшихъ притомъ къ самымъ знатнымъ семействамъ. Школы этого ордена могутъ похвалиться Мальчевскимъ, Гощинскимъ, Богданомъ Залѣсскимъ, Ржевускимъ, Михаиломъ Грабовскимъ и даже фельдмаршаломъ Паскевичемъ, который изъ этихъ школъ вступилъ въ русское войско.

Оо. піары были, если можно такъ выразиться, орденъ демократическій, универсальный, а не чисто польскій. Науки ихъ отличались тѣмъ же духомъ; польская исторія у нихъ представляла часть исторіи всеобщей; о славянахъ знали столько же, какъ и объ афганцахъ, за то новѣйшую исторію великой Франціи, Италіи, Испаніи и друг. выдающихъ государствъ знали какъ десять заповѣдей. Вмѣсто базиліанской строгости и послушанія тамъ всегда были въ ходу протесты и прокламаціи, памфлеты въ стихахъ и въ прозѣ. Правда, кс. Жебровскій разбивалъ памфлеты на спинахъ авторовъ, протестовавшихъ и возмущавшихся сажали подъ арестъ на хлѣбъ и воду, но этимъ не искореняли подобныхъ выходокъ, а напротивъ нѣкоторымъ образомъ поощряли къ нимъ, чтобы развить самостоятельность въ жизни и независимость воли. Ученики межиричской школы не уступали въ салонахъ ученикамъ школы кременецкой, и превосходили въ этомъ отношеніи учениковъ школъ базиліанскихъ. Ученики оо. піаровъ изъ надменныхъ поляковъ становились полированными французами, настоящими сѣверными французами. Въ нихъ не вселяли племенной ненависти ко всякому другому племени, что не мѣшало, однако, чуткости къ польской идеѣ. При каждомъ слухѣ о войнѣ ксендзы піары и учителя бросали реверенды и облекались въ артиллерійскіе и уланскіе мундиры. Такъ же поступали и ученики. Во всѣ возстанія, во всѣ войны больше всего волонтеровъ доставляли піарскія школы.

Среди помѣщиковъ большинство мужчинъ стояло за школы базиліанскія, большинство женщинъ за піарскія; правительство покровительствовало послѣднимъ, къ первымъ же относилось нѣсколько недовѣрчиво.

Попечителемъ межирической гимназіи, а впослѣдствіи лицея былъ Іосифъ Стецкій, владѣлецъ Межирича и многихъ помѣстій на Волыни и Украинѣ, маршалокъ ровенскаго повѣта. Онъ происходилъ изъ козацкой старшины и, подобно фельдмаршалу Гудовичу, былъ человѣкъ необразованный. Онъ всегда говорилъ, что Стецкій по самой природѣ, по духу и крови, не можетъ пойти дальше второго класса, но что всѣ Стецкіе имѣютъ инстинктивныя симпатіи къ наукѣ и учащимся, и далъ доказательства этихъ симпатій, записавъ въ неприкосновенный фундушъ піарамъ большое село Гаручу и 300,000 злотыхъ польскихъ, и сверхъ того пожертвовавъ 100,000 зл. пол. на приборы для физическаго кабинета и химической лабораторіи, и 100,000 на библіотеку и географическія карты. По праздникамъ и воскресеньямъ его гостинныя были открыты для учениковъ, а самъ онъ, если не охотился, то цѣлые дни просиживалъ въ монастырѣ. Дай Богъ всѣмъ научнымъ учрежденіямъ имѣть такихъ попечителей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ. [1]

ГЛАВА IV.

Мѣщане.

Для ознакомленія съ нуждами, желаніями и стремленіями малороссійскихъ мѣщанъ екатерининскаго времени въ нашемъ распоряженіи находятся шесть наказовъ отъ городовъ--Глухова, Чернигова, Погара, Стародуба, Полтавы и Лубенъ, т. е., исключая Погаръ, отъ лучшихъ городовъ Малороссіи. Изъ нихъ Черниговъ, Стародубъ, Полтава и Лубны были полковыми, т. е. по сравненію съ настоящимъ дѣленіемъ городовъ -- губернскими, Глуховъ же былъ резиденціей главнаго малороссійскаго правленія, но такой случайный подборъ наказовъ по существу нисколько не измѣняетъ дѣла, такъ какъ нужды и желанія городовъ были общи всѣмъ безъ различія. Чтобы при изложеніи содержанія наказовъ не отвлекаться въ сторону, мы прежде всего должны сказать, что въ Малороссіи существовали города двоякаго типа: одни изъ нихъ наиболѣе старые и развитые, какъ напримѣръ, Кіевъ, Переяславъ, Черниговъ, Стародубъ, Нѣжинъ, пользовались, такъ называемымъ, магдебургскимъ правомъ, на основаніи котораго жители ихъ сами управлялись и судились, другіе же города, какъ напр. Глуховъ, Лубны, Полтава и пр., не пользовались упомянутымъ правомъ и жители ихъ въ отношеніи управленія и суда находились въ вѣдомствѣ общаго вой-

---

[1] „Кіевская Старина". 1890, 12.

сковаго правленія, т. е. полковыхъ канцелярій или сотенныхъ правленій, смотря по мѣсту, занимаемому городомъ въ административномъ дѣленіи Малороссіи. Магдебургское право было пожаловано малорусскимъ городамъ еще польскими королями; основная черта его и самый смыслъ дарованія его городамъ заключались въ томъ, чтобы предоставить городскимъ общинамъ самоуправленіе и самосудъ и спасти ихъ отъ подавленія военнымъ сословіемъ и отъ произвола намѣстниковъ и воеводъ. Согласно этому, города, получившіе привилегіи на устройство по магдебургскому праву, ни отъ кого не зависѣли и сами себя вѣдали. Во главѣ ихъ стояло правящее учрежденіе, составлявшееся изъ выборныхъ урядниковъ—магистратъ; онъ распадался на двѣ коллегіи—административную и судебную, первая завѣдывала городскимъ имуществомъ, полиціей, торговлей и судомъ по гражданскимъ искамъ, вторая судила уголовныя преступленія. Члены коллегій были выборные, во главѣ ихъ стоялъ войтъ, избиравшійся изъ природныхъ мѣщанъ даннаго города. Магистратъ вообще составлялся изъ природныхъ мѣщанъ, но, какъ административное и судебное учрежденіе, онъ вѣдалъ всѣхъ жителей даннаго города, безъ различія сословій, лишь бы только лица изъ другихъ сословій сидѣли на мѣщанскихъ земляхъ, имѣли домъ, торгъ или ремесло. Не завися ни въ чемъ отъ другаго правленія, кромѣ магистрата, мѣщане въ привилегированныхъ городахъ должны были бы пользоваться, кажется, совокупностію всѣхъ условій, чтобы играть въ городахъ видную роль и значеніе, но наказы показываютъ, что въ дѣйствительности этого не было и мѣщане въ магистратскихъ городахъ одинаково жаловались на свое положеніе, какъ и въ не магистратскихъ. Что касается городовъ послѣдняго типа, т. е. непривилегированныхъ, то о нихъ слѣдуетъ сказать, что они ни въ судѣ, ни въ управленіи не пользовались никакой самостоятельностью; мѣщане въ нихъ не выдѣлялись въ особую группу ни въ порядкѣ суда, ни въ порядкѣ управленія, которые были слиты въ такихъ городахъ обще съ козацкими, воинскими, почему положеніе мѣщанъ въ нихъ было значительно хуже, чѣмъ въ городахъ магистратскихъ. Предпославъ эти нѣсколько строкъ, мы пере-

ходимъ къ обозрѣнію состоянія малороссійскихъ городовъ, къ ихъ нуждамъ и соотвѣтственно этому къ желаніямъ мѣщанства исправить существовавшіе у нихъ недостатки.

Напрасно бы читатель, знакомый съ прекраснымъ состояніемъ западныхъ городовъ, развившихся на основѣ магдебургскаго права, искалъ бы въ городскихъ наказахъ хотя тѣни чего либо подобнаго для городовъ Малороссіи. Не по винѣ, конечно, магдебургскаго права, а по общимъ экономическимъ невзгодамъ, тяготѣвшимъ надъ жизнію Украйны, всѣ вообще города, и привилегированные и непривилегированные, выглядятъ въ наказахъ въ самомъ мрачномъ и неприглядномъ свѣтѣ. Городскіе наказы—это неполная, но правдивая и яркая картина упадка и разложенія городовъ Малороссіи. Бѣдные по количеству населенія города [1]), по свидѣтельству наказовъ, были еще бѣднѣе въ матеріальномъ отношеніи; жалкіе по своей политической ничтожности они были еще болѣе жалки по господствовавшимъ внутри нихъ безпорядкамъ и хаосу въ сферахъ суда, городскаго хозяйства и управленія; ничтожные по своей политической роли въ общемъ государственномъ тѣлѣ Россіи, малороссійскіе города поражаютъ при разсмотрѣніи наказовъ, ничтожностію своего главнаго сословія—мѣщанства. Торговыя дѣла, промышленность, цехи, ремесла, все это, поражаетъ изслѣдователя наказовъ, своимъ крайнимъ убожествомъ или даже полнѣйшимъ отсутствіемъ.... Мѣщане, эта основа городовъ екатерининскаго времени, составляли въ малороссійскихъ городахъ чуть ли не самую бѣдную часть населенія; ихъ наказы—это безконечный рядъ жалобъ на свое нищенское существованіе, на свое безнарядье, на свою задавленность другими сословіями. Соотвѣтственно такому положенію главнаго городскаго сословія, самый внѣшній видъ малороссійскихъ городовъ былъ крайне невзрачный и болѣе чѣмъ безпорядочный. Города, по имѣющимся у насъ наказамъ, нисколько не изображали изъ себя центровъ экономическихъ богатствъ, сосредоточія торговой, промышленной и ум-

[1]) Въ Черниговѣ, напримѣръ, было немногимъ болѣе 400 домовъ, считая и пустыя избы (Нак. 8), въ Лубнахъ считалось всего 363 двора, включая туда и дворы духовенства.

ственной дѣятельности. О послѣдней въ наказахъ даже не было и рѣчи... Развѣ только присутствіе полковыхъ или сотенныхъ правленій да изобиліе квартировавшихъ великорусскихъ войскъ и начальства выдѣляли городскую жизнь отъ жизни остальныхъ захолустій земледѣльческой Украйны.

Въ такомъ мрачномъ видѣ представляются намъ малорусскіе города половины 18-го вѣка по извѣстнымъ наказамъ; въ такомъ же видѣ представлены они и въ наказѣ, данномъ малорос. коллегіей своему депутату Натальину [1]). Коллегія писала, что строеніе въ городахъ „вездѣ деревянное, безпорядочное, видъ безобразный имѣющее и для огня крайне опасное" и что законы, какъ-то: „Статутъ" и „Порядокъ правъ гражданскихъ", хотя и достаточно содержатъ въ себѣ полицейскихъ постановленій, относящихся къ чистотѣ и украшенію городовъ, но все, что ни дѣлается подъ видомъ полиціи, къ сожалѣнію, служитъ только къ народному отягощенію. Художества, цехи, ремесла, торговля, по словамъ наказа той же коллегіи, также въ городахъ пали или находились въ эмбріологическомъ состояніи. Сами мѣщане сознавались въ наказахъ въ своемъ плачевномъ матеріальномъ и соціальномъ положеніи и указывали этому различныя причины. Мы не будемъ касаться покамѣстъ этихъ причинъ, а укажемъ только, какъ рисовали наказы положеніе представляемыхъ ими городовъ. Глуховцы, напримѣръ, жаловались, что ихъ городъ находится въ состояніи крайняго разоренія; что его въ періодъ отъ 1724—48 г. трижды разоряли пожары, истребившіе дома, лавки, церкви и пр. имущество; что, кромѣ всего этого, они, глуховцы, терпятъ нѣсколько лѣтъ къ ряду недородъ хлѣба, истребленіе его саранчею; что цехи въ Глуховѣ упали, мастеровые изъ нихъ разбѣгаются, уходятъ подъ владѣльцевъ и пр. [2]).

Въ такомъ же родѣ описывали положеніе своего города и черниговцы: сначала польская и турецкая войны, затѣмъ моро-

[1]) 43 т. Сб. И. Р. И. Об 224 стр. Наказъ м. коллегіи, при сравненіи его съ запиской Румянцева о непорядкахъ въ Малороссіи, представляетъ только болѣе распространенную ея редакцію и написанъ тѣмъ же языкомъ и въ тѣхъ же выраженіяхъ.

[2]) Нак. 72.

вая язва и „преужасній пожаръ“ довели горожанъ до такой бѣдности, что, когда отъ многочисленныхъ дворовъ Чернигова послѣ пожара осталось незначительное количество, то сгорѣвшіе дома такъ и остались въ теченіи 50 лѣтъ незастроенными [1]) и городъ представлялъ пепелище. О Погарѣ составители наказа чистосердечно сознавались, что онъ находится въ такой бѣдности, что не имѣетъ средствъ для починки своего магистрата и для уплаты присутствующимъ въ немъ урядникамъ, писарямъ и канцелярскимъ служителямъ жалованья [2]).

Не лучше было и положеніе Стародуба, жители котораго въ первомъ же пунктѣ своего наказа представляли императрицѣ, что городъ ихъ рѣшительно обнищалъ, что мѣщанъ осталось подъ вѣдѣніемъ магистрата самое незначительное число, а остальные, избѣгая многочисленныхъ тягостей, отошли вмѣстѣ о своими дворами, пашенными и сѣнокосными землями подъ различныхъ владѣльцевъ, старшинъ и поповъ. Городскіе доходы Стародуба были до того ничтожны, что на нихъ едва содержался (городской) магистратскій писарь, подписки и служители, да покупались дрова, бумага, сургучъ и свѣчи, содержаніе же городскихъ часовъ и полкового лѣкаря съ жалованьемъ въ 140 руб. было положительно уже свыше силъ стародубскаго самоуправленія и никто не удивится этому, если добавить, что источникомъ доходовъ Стародуба была одна мельница на р. Бабинцѣ [3]).

Полтава и Лубны, не пользовавшіеся привилегированнымъ положеніемъ, а находившіеся: первая въ вѣдомствѣ полковой канцеляріи, а вторые—въ вѣдомствѣ войскового скарба терпѣли въ матеріальномъ отношеніи тѣ же недостатки, что и города перечисленные выше съ той разницей, что мѣщанамъ, не защищаемымъ никакими привилегіями, жилось въ нихъ еще хуже.

Полтавцы жаловались, что, благодаря полковому управленію, городъ ихъ пришелъ въ совершенное запустѣніе и разстройство: нѣтъ ни крѣпости, какая была устроена послѣ шведской войны, ни хорошихъ общественныхъ строеній, ни приличныхъ городу

[1]) Ibid. 81.
[2]) Ibid. 92.
[3]) Ibid. 108

украшеній; городскія земли расхищены полковникомъ и старшиной, мѣщане или записались въ козаки, или вышли въ чины, или записались за частныхъ владѣльцевъ, а въ результатѣ городскія повинности упали на оставшихся мѣщанъ, а такъ какъ эти повинности были крайне тяжелы, то и „послѣднее гражданство"—писали полтавцы—ежечасно вмаляется[1]). Лубны, по свидѣтельству ихъ наказа, находились также въ безусловномъ „изнеможеніи", о которомъ—говорилось въ наказѣ—можетъ свидѣтельствовать и обветшалость городскихъ зданій и опустѣніе города, состоявшаго всего изъ 363 дворовъ! Словомъ, всѣ малороссійскіе города находились въ самомъ возмутительномъ состояніи: разоренные, безъ населенія и безъ доходовъ они не могли даже содержать, какъ слѣдуетъ, органовъ своего управленія, равно какъ были далеки отъ благоустройства и необходимаго для ихъ процвѣтанія порядка и спокойствія. Въ городахъ не было даже полиціи. Такъ, Глуховъ[2]), бывшій много лѣтъ резиденціей главнаго малороссійскаго правленія, не имѣлъ ни полиціи, ни надзора за чистотой города, ни наблюденія за предупрежденіемъ и тушеніемъ пожаровъ, составлявшихъ самый ужасный бичъ Малороссіи. О Переяславѣ намъ извѣстно[3]), что тамъ, хотя и существовала полиція, но съ переходомъ магистрата въ вѣдѣніе полковой канцеляріи она была отдана въ распоряженіе послѣдней и „невѣдомо почему—писали члены переяславскаго магистрата въ 1765 г.—была переведена за городъ, за браму илтицкую" и поручена сотнику терехтемировскому, который могъ собрать служащихъ въ нее только насильственнымъ образомъ. Самъ магистратъ объявлялъ, что содержать ему особую полицію „не изъ чего".

Бѣдность городовъ отражалась и на торговлѣ, и на промышленности: недостатокъ въ капиталахъ не дозволялъ мѣщанамъ развить ни того, ни другого. Глуховцы о себѣ говорили[4]), что у нихъ нѣтъ ни пенечныхъ, ни табачныхъ, ни другихъ заводовъ,

[1]) Ibid. 116.
[2]) Ibid. 76.
[3]) К. С. 82 г. Авг. 381 стр.
[4]) Ibid. 74.

что они только тѣмъ и питаютъ себя, что перепродаютъ въ лавкахъ разный товаръ, также соль, рыбу и другія дробязки (т. е. мелочь) врознь „въ локтѣ и фунты“. Черниговцы въ свою очередь подтверждали, что у нихъ также не имѣется ни заводовъ, ни промысловъ табачныхъ и пенечныхъ, ни занятія скотоводствомъ, ничего другого, кромѣ винокуренія, шинкованія и продажи съѣстныхъ припасовъ. Полтавскіе мѣщане писали, что главное занятіе ихъ состоитъ въ торговлѣ скотомъ[1]). Другіе наказы только жаловались на бѣдность, на слабые торговые обороты, но не объясняли, что составляло предметъ ихъ торговли. Впрочемъ, стародубцы въ одномъ мѣстѣ наказа обмолвились, что предметомъ ихъ торговли служатъ: пенька, воскъ, олей (масло) медъ, звѣри и пр., т. е. вообще сырыя произведенія сельскаго хозяйства.

Откуда-же возникло описанное неблагоустройство и безобразное экономическое состояніе городовъ Малороссіи? Отвѣтъ на это содержатъ наказы. Главныя причины упадка городскаго быта, по объясненію ихъ, заключались въ общихъ государственныхъ бѣдствіяхъ, въ тяжелыхъ налогахъ и повинностяхъ, въ подрывѣ малорусской торговли великорусскими купцами, въ подавленіи городскаго сословія военнымъ элементомъ, въ упадкѣ въ городахъ силы магдебургскаго права подъ преобладающимъ вліяніемъ пристрастной козацкой администраціи и, наконецъ, въ расхищеніи городскихъ земель, угодій и оброчныхъ статей, составлявшихъ источникъ городскихъ доходовъ. Оставляя покамѣстъ въ сторонѣ всѣ другія изъясненія причинъ дурной экономической обстановки городовъ, мы послушаемъ сначала, что говорятъ наказы по поводу расхищенія городскихъ земель и доходовъ и по поводу нарушеній въ городахъ магдебургскаго права, нарушеній, положительно колебавшихъ всякій порядокъ городскаго управленія.

Мы уже говорили, что малорусскіе города со стороны устройства и управленія раздѣлялись на привилегированные и непривилегированные; какъ тѣ такъ и другіе для содержанія сво-

[1]) Ibid. 122.

его хозяйства и органовъ управленія еще отъ королей польскихъ, а затѣмъ царей московскихъ и малорусскихъ гетмановъ были пожалованы землями, деревнями, селами и различными угодьями. При малочисленности, непостоянствѣ и бѣдности городскаго населенія недвижимыя имѣнія были самымъ вѣрнымъ источникомъ городскихъ доходовъ, почему всѣ города особенно заботились о томъ, чтобы ихъ имѣнія были по возможности обширнѣе и доходнѣе. Однако, къ разсматриваемому нами времени, кажется, ни одинъ малорусскій городъ не могъ похвалиться цѣлостью своихъ имѣній: и привилегированные, и непривилегированные города одинаково жаловались на расхищеніе городскихъ имуществъ, на упадокъ черезъ это матеріальнаго благосостоянія городовъ и просили о возвращеніи имъ пожалованныхъ имѣній для содержанія магистрата, войта, бургомистровъ и писаря. Такихъ указаній цѣлая масса: черниговскіе мѣщане писали, что многія ихъ владѣнія, земли и угодья „по разности временъ“ вышли изъ магистратскаго вѣдѣнія въ постороннія руки; погарскіе мѣщане заявляли, что „на погарское войтовство, бургомистерство, райчество, лавничество, которіе засѣдаютъ, и на писарей мѣскихъ, на фольварокъ ратушній и до скринки мѣской (городской казны)“ были пожалованы двѣ деревни Чаусы и Яковлевичи съ мельницей, но онѣ отошли изъ подъ магистрата потому, что Чаусами завладѣлъ генеральный хорунжій Ник. Ханенко, а Яковлевичами погарскій сотникъ Соболевскій“ [1]). Завладѣніе въ описанномъ духѣ было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, имъ не смущались и сами городскіе урядники: въ Стародубѣ, напр., однимъ изъ пожалованныхъ на войтовство селъ завладѣлъ еще при гетманѣ Скоропадскомъ войтъ Ермоланчевъ и его преемникамъ приходилось ужъ пользоваться только половиной села Озаровки [2]). Полтавскіе мѣщане прямо указывали, что издревле, по пожалованію отъ Петра I и гетмана Скоропадскаго, ихъ городу принадлежали села: Ивашки, Ивочинцы, Грабиновка, Осьмачки, Мачухи и еще нѣсколько и что въ это

---

[1]) Нак. 90 стр.

[2]) Нак. 104.

время въ вѣдомствѣ полтавскаго магистрата было много мѣщанъ, отбывавшихъ городскія повинности безъ изъятія, такъ какъ универсаломъ Мазепы отъ 1703 г. было запрещено всѣмъ чинамъ укрывать кого-бы то ни было отъ повинностей, но съ тѣхъ поръ, какъ полтавскій магистратъ былъ взятъ подъ команду полковой канцеляріи и уступилъ свою власть полковнику и старшинѣ, городскія дѣла пошатнулись: полковникъ и старшина не только сами завладѣли мѣщанскими дворами и землями, но допустили къ тому и другихъ, такъ что большая часть земель и людей вышли изъ-подъ магистратскаго вѣдѣнія. Кромѣ того, старшина нѣкоторыхъ людей незаконно записала въ козаки, а другихъ даже произвела въ чины, чѣмъ также умалила мѣщанское сословіе[1]). Въ Лубнахъ[2]), кромѣ захвата городскихъ земель владѣльцами и старшиной, захваты производились и великорусскими войсками: тамъ городской выгонъ и общественный лугъ за рѣкой Сулой были самовластно заняты ряжскимъ пѣхотнымъ полкомъ и горожане жаловались, что они терпятъ нужду въ сѣнѣ и лишены возможности выпускать на выгонъ свой рабочій скотъ и птицу. Здѣсь нѣтъ нужды приводить всѣхъ указаній наказовъ, но нѣтъ сомнѣнія, что городскія и спеціально магистратскія земли подверглись расхищенію. Это признавала и малороссійская коллегія въ наказѣ своему депутату[3]), говоря, что многіе города и мѣстечки розданы владѣльцамъ, что жители ихъ, опасаясь раздачъ, принуждены писаться въ козаки, что гражданское начальство ни за чѣмъ не наблюдаетъ, но подъ разными видами присваиваетъ городскія имѣнія и доходы въ свою пользу, что города остаются пустыми, публичныя строенія „исходятъ сами собою“ и т. д.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что расхищеніе городскихъ земель оказало на доходы малороссійскихъ городовъ, не блиставшихъ ни торговыми оборотами, ни промышленностью, и большею частью съ земледѣльческимъ населеніемъ, дурное вліяніе.

---

[1]) Ibid. 116.
[2]) Ibid. 127.
[3]) 43 т. Сб. Рос. Имп. ист. об.

Нѣтъ основаній, напримѣръ, не вѣрить стародубцамъ, что городскіе доходы ихъ были настолько плохи, что бурмистру доводилось получать всего 36 р., райцѣ 24 р., а лавнику 12 р. [1]), между тѣмъ, эти люди отрывались отъ своихъ занятій и должны были имѣть постоянное присутствіе въ магистратѣ. Какъ ни велико было расхищеніе городскихъ доходовъ, однако нельзя не признать, что не оно было главной бѣдой и причиной экономической несостоятельности городовъ: оно поражало города только, такъ сказать, съ внѣшней стороны, главный же недугъ и причина городской неурядицы заключался въ антагонизмѣ и въ столкновеніи въ городахъ двухъ элементовъ—воинскаго съ гражданскимъ, въ экономической и общественной розни, существовавшей между ними, и въ подавленіи городскаго сословія и органовъ его управленія общей козацкой администраціей, т. е. полковыми канцеляріями, сотенными правленіями и пр. Подавленіе это обозначилось тѣмъ болѣе печальными послѣдствіями, что бороться съ нимъ городамъ пришлось какъ разъ въ ту пору, когда они еще не успѣли развиться и окрѣпнуть и когда городское сословіе еще не отлилось въ устойчивую форму. О городахъ, пользовавшихся магдебургіей, въ особенности нужно сказать, что они имѣли всѣ шансы къ созданію у себя сильнаго, развитаго и промышленнаго сословія; имъ завидовали города, не пользовавшіеся магдебургіей, и стремились копировать ихъ учрежденія, но ни тѣмъ, ни другимъ не пришлось еще развить свой бытъ, какъ на нихъ хлынула козацкая волна и дала имъ новое направленіе. Южнорусскимъ городамъ противъ ихъ воли пришлось слиться съ козачествомъ. Городское управленіе потеряло черты самостоятельности и пошло на помочахъ за козацкой администраціей. Въ городахъ установилось два начальства: военное и гражданское, но послѣднее, какъ слабѣйшее, не могло съ должной силой поддерживать городскіе интересы, противоположные козацкимъ. Фактъ поглощенія въ Малороссіи городскаго, такъ сказать, начала козацкимъ, военнымъ—извѣстенъ изъ исторіи и засвидѣтельствованъ наказами: черниговцы, напри-

---

[1]) Нак. 104.

мѣръ, утверждали, что ихъ городъ „до тѣхъ временъ во множествѣ гражданъ въ лутчемъ довольствіи пребывалъ, поколь жалованіе оному Высочайшіе грамоты и привилегіи оставались безъ нарушенія“, а погарскіе мѣщане жаловались, что съ 1757 года въ малороссійскіе города, въ томъ числѣ и въ Погаръ, стали насылаться войты съ войсковаго званія, которые состоятъ въ должностяхъ „не для должнаго правосудія и гражданскаго благопорядочія, но для собственнаго ихъ обогащенія и корыстей, а мѣщанамъ въ немалое изобижденіе“ [1]). Неудовольствіе по поводу замѣны выборнаго войта назначаемымъ „отъ малороссійской команды“ заявляли и стародубскіе жители, у которыхъ войтомъ состоялъ войсковой товарищъ Грозинскій „не по выбору гражданскому, не изъ мѣщанъ тамошнихъ прироженныхъ“. Полтавцы, въ свою очередь, находили, что городскіе интересы страдаютъ оттого, что полковникъ и старшина, „не сохраняя установленій въ правахъ магдебургскихъ узаконенныхъ“, стѣсняютъ полтавскій магистратъ въ его дѣятельности и „чинятъ ему помѣшательство и обиды“. Кромѣ наказовъ, у насъ есть еще и другія данныя, напр. относительно Переяслава [2]), свидѣтельствующія, что подчиненіе магистратовъ вѣдомству полковыхъ канцелярій, только увеличивало городскіе безпорядки и вызывало неудовольствіе мѣщанъ, лишавшихся своихъ вольностей. Глуховцы жаловались, что уменьшеніе числа мѣщанъ происходитъ по неимѣнію надъ ними настоящихъ урядниковъ, войта съ потребными товарищами и вслѣдствіе управленія городомъ чуждымъ ему сотеннымъ правленіемъ. Въ Полтавѣ, гдѣ не было магистрата, а городъ управлялся одною полковою старшиною, мѣщане жаловались, что чрезъ это владѣльческіе дома исключены изъ общаго обложенія и просили, чтобы впредь они исключаемы не были. Такого рода жалобы были общи и намъ неизвѣстно ни одного наказа, который не содержалъ бы въ себѣ просьбъ объ учрежденіи въ представляемомъ имъ городѣ магистрата „во всемъ на основаніи правъ магдебургскихъ“, т. е. и въ отношеніи суда и

---

[1]) Нак. 92.

[2]) Кіев. Ст. 1882 г., авг., 381.

управленія. Въ засѣданіи коммиссіи депутатъ отъ г. Кіева также защищалъ благія начала магдебургскаго права, утверждалъ, что имъ довольны всѣ кіевляне и просилъ утвердить его Кіеву и на будущее время [2]). Города же, не имѣвшіе у себя привилегій на магдебургію, какъ напр. Полтава или Глуховъ, усердно просили пожаловать имъ таковыя, ибо это было, по убѣжденію мѣщанъ, единственнымъ средствомъ для возрожденія городовъ и городскаго сословія. Полтавцы писали [3]): „просимъ всемилостивѣйше пожаловать на магистратъ высочайшую привилегію, въ которой особливо... указать: *присутствіе въ ономъ магистратѣ имѣть и онымъ управлять такъ, какъ до сего съ давнихъ годовъ въ насъ бывало и нынѣ есть, войту, яко первому, и съ нимъ бурмистрамъ, писару, райцамъ и лавникамъ, предъ которыми въ магистратѣ судъ и расправу имѣть... по тѣмъ магдебургскимъ правамъ и на убылыя оныхъ войта и урядниковъ мѣста избирать намъ другихъ вольными голосами зъ между себя*". Полтавскіе мѣщане яснѣе другихъ формулировали свои желанія имѣть независимое городское управленіе; глуховцы же изобразили свои желанія нѣсколько конкретнѣе: они просили учредить у нихъ магистратъ на такомъ основаніи, какъ въ г. Нѣжинѣ. Отсутствіе въ г. Глуховѣ магистрата „по примѣру тому, какъ въ другихъ знатныхъ городахъ имѣются" было, по мнѣнію просителей, главной причиной существовавшаго въ Глуховѣ безпорядка и дурнаго состоянія мѣщанства. Глуховскіе мѣщане притомъ выражали въ своемъ наказѣ мысль, что жители привилегированныхъ мѣстъ находятся „*въ лутшемъ и примѣрномъ состояніи*", можно же себѣ представить, каково было положеніе Глухова, если привилегированные города, сами себя изобразившіе въ наимрачнѣйшихъ краскахъ, были для него вожделѣннымъ идеаломъ!

Итакъ, если отсутствіе магистратскаго управленія и подавленіе его воинскимъ составляли больную сторону городовъ, то остается спросить, въ чемъ же наказы усматривали гнетъ и проявленіе старшинскаго самовластія?

[2]) Сб. Рус. И. И. Об. VIII т. 338 стр.

[3]) Нак. 114.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что по идеѣ магдебургскаго права магистрату въ составѣ его выборныхъ урядниковъ должна была принадлежать полная власть надъ городомъ и въ судебномъ, и въ административномъ отношеніяхъ, причемъ эта власть распространялась не на одно мѣщанское, но и на другія сословія, если только они проживали въ городѣ и промышляли ремесломъ или торгомъ. Магистратъ, несмотря на свой сословный, мѣщанскій характеръ, какъ правящее учрежденіе, вѣдалъ всесословный городъ—т. е., кромѣ мѣщанъ, и шляхетства, и козаковъ, и вольныхъ людей, если они занимали мѣщанскіе дома или грунты. На эту черту магдебургскаго права обратили вниманіе многіе наказы, полтавскій же въ подкрѣпленіе описаннаго характера магистрата поставилъ на видъ еще и законоположеніе Л. Статута, въ 25-мъ арт. III раздѣла котораго говорилось, что если шляхтичъ, „запехаевши имення и обистя своего шляхетскаго", станетъ вести торговлю, или заниматься ремеслами, или будетъ имѣть въ своемъ домѣ шинокъ—то уже вольностями своими шляхетскими „веселитись не маетъ" [1]). Этимъ закономъ справедливо поддерживалась цѣлостность городскаго общества, но послѣдняя совершенно исчезла, когда въ городахъ восторжествовало воинское управленіе. Оно внесло въ города элементъ сословной розни, раскололо среду горожанъ на нѣсколько враждебныхъ группъ и дало однѣмъ группамъ—шляхетству и козакамъ—предпочтеніе предъ мѣщанствомъ.

Первымъ послѣдствіемъ примирующаго положенія въ городахъ козацкой, а не мѣщанской администраціи было то, что многіе городскіе жители вышли изъ мѣщанскаго званія и записались въ козаки или же за владѣльцами; и тому, и другому явленію козацкая администрація нисколько не препятствовала, а напротивъ, какъ видно изъ наказовъ, мирволила и благопріятствовала. Положимъ, что бѣгству мѣщанъ изъ своего сословія въ козаки или подданные способствовалъ еще и факторъ экономическій—несостоятельность мѣщанства предъ бременемъ государственныхъ повинностей, но тѣмъ не менѣе на малороссій-

---

[1]) Нак. 115.

скомъ правленіи лежитъ грѣхъ обращенія подобнаго бѣгства въ систематическое явленіе. Полтавскіе мѣщане по этому поводу высказали, что они съ горестью замѣчаютъ[1]), какъ переходъ мѣщанъ въ козаки сталъ обычнымъ, ежедневнымъ явленіемъ и что онъ болѣе всего обиденъ потому, что имъ пользуются ихъ собратья мѣщане съ цѣлью освобожденія себя отъ гражданскихъ повинностей, отъ постоевъ, выставленія подводъ и прочаго. Само собою разумѣется, что если бы козацкая старшина не поддерживала перехода мѣщанъ въ козаки, то его бы не существовало и „гражданство не вмалялося бы".

Смыслъ перехода мѣщанъ въ козаки заключался, какъ мы видимъ, въ стремленіи избѣжать тяжелыхъ городскихъ повинностей и сбросить ихъ на чужія плечи; потворствуя этому, козацкая старшина сознательно обезсиливала городъ въ числѣ мѣщанъ, которые тѣмъ болѣе бѣднѣли, что на оставшуюся часть ихъ перелагалось бремя повинностей „исшедшихъ" товарищей. Пагубныя послѣдствія такого явленія сами собой очевидны, чтобы комментировать ихъ далѣе. Слѣдуетъ только добавить, что, способствуя уменьшенію мѣщанскаго населенія, воинское правленіе въ то же время не принимало никакихъ мѣръ къ его увеличенію и даже, можно сказать, своимъ нерадѣніемъ заглушало естественный ростъ городскаго населенія. Дѣло въ томъ, что въ Малороссіи существовалъ классъ посполитыхъ людей, пользовавшихся правомъ свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто; эти люди по большей части жили на владѣльческихъ земляхъ, но, какъ свободные въ переходѣ, они иногда покупали себѣ мѣщанскіе грунты или на другихъ условіяхъ селились въ мѣщанскихъ дворахъ, бросивъ своихъ владѣльцевъ и ихъ земли. Между тѣмъ, владѣльцы старались, конечно, не упускать изъ своихъ рукъ посполитыхъ и при помощи своихъ союзниковъ—старшинъ, составлявшихъ городскую администрацію, отыскивали сошедшихъ въ города посполитыхъ, какъ бы своихъ крѣпостныхъ, отданныхъ въ вѣчность и даже взыскивали „пожилыя деньги"[2]). Та-

---

[1]) Нак. 119 стр.

[2]) Нак. 100.

кимъ образомъ, владѣльцы не давали посполитымъ осѣсться въ городахъ, и послѣдніе лишались трудящагося населенія, способнаго раздѣлить бремя городскихъ повинностей. Въ виду этого погарскіе мѣщане выразили просьбу, чтобы всякому свободному человѣку, который самъ или съ семьей перейдетъ на жительство въ Погаръ, дозволено бы жить подъ вѣдомствомъ магистрата и чтобы владѣльцы не имѣли права отыскивать такихъ лицъ и водворять въ прежнее мѣстожительство.

Вторымъ крупнымъ недостаткомъ въ жизни городовъ, обязаннымъ воинской администраціи, необходимо признать устраненіе проживавшихъ и промышлявшихъ въ городахъ владѣльцевъ, старшинъ, козаковъ и разночинцевъ отъ участія въ городскихъ повинностяхъ. Несправедливость такой льготы для упомянутыхъ лицъ станетъ еще болѣе очевидной, если вспомнить, что эти лица не только пользовались удобствами городской жизни, но и успѣшно конкуррировали въ торговыхъ дѣлахъ и „художествахъ" съ мѣщанами, для которыхъ торгъ и ремесло были средствами оплаты городскихъ повинностей. Погарскіе мѣщане по поводу этой аномаліи замѣчали[1]), что „всѣ владѣльцы, старшины всѣхъ приказовъ воинскихъ, разночинцы и козаки, какъ въ городѣ Погарѣ, такъ и въ сотнѣ погарской жіючіе и тѣхъ подданніе *зъ допущенія командующихъ не мѣщанскаго званія, но воинскаго, войтовъ и другихъ старшинъ поустроили лавки и постоялые домы и шинки, понаселили въ городѣ на мѣщанской землѣ и не отбуваютъ зъ оныхъ къ магистрату никакой общенародной повинности.....*, а отнявши промыслы торговіе въ мѣщанъ, сами владѣльци старшины и разночинцы и подданніе ихъ, не записавшись въ мѣщанство и цехи, торгуютъ и всякое ремесло дѣлаютъ, а и съ того мѣщанству погарскому во всякихъ повинностяхъ жадного воспомоществованія не чинятъ и цехмистрамъ по ихъ цеховымъ порядкамъ послушенства.... не дѣлаютъ". Стародубцы писали, что нѣкоторые владѣльцы и козаки выстроили на базарной площади дома, лавки и амбары и отдаютъ ихъ въ наемъ, но магистрату „никакова платежа не чинятъ"; что нѣ-

---

[1]) Ibid. 75.

которые изъ нихъ купили мѣщанскіе дворы, ведутъ торговлю, имѣютъ винокуреніе и шинки, но повинностей не отбываютъ, а *„щитять себя иные шляхетствомъ, а другіе козачествомъ“*, въ силу каковой несправедливости остальные мѣщане приходятъ въ оскудѣніе и принуждены продавать свои грунты лицамъ другого сословія [1]). Обнищаніе и разложеніе мѣщанской среды вслѣдствіе исключительнаго обложенія ея городскими повинностями несомнѣнно, равно какъ несомнѣнно и то, что эту исключительность поддерживала воинская администрація. Упомянувши о жалобахъ мѣщанъ на подрывъ торговли и промысловъ отъ владѣльцевъ, ихъ подданныхъ, старшинъ, козаковъ и разночинцевъ, необходимо еще прибавить, что довольно большую роль въ этомъ мѣщане приписывали еще великорусскимъ и иногороднимъ купцамъ и даже раскольникамъ, т. е. вообще лицамъ, торговавшимъ въ чужомъ городѣ и не платившимъ въ его пользу повинностей.

Туземные мѣщане и купцы утверждали, что благодаря торговлѣ великорусскихъ и иногороднихъ купцовъ, а также раскольниковъ, которые ничто иное какъ великорусскіе выходцы, *мѣстная торговля упала*, а они, мѣстные купцы, „прежняго промыслу своего вовсе лишились и въ такомъ предъ оными иностранными заѣзжими иногородцами упослѣженіи остались, что ни мѣста, ни свободы—какой къ продажѣ по своей волѣ не имѣютъ“ [2]). Отсюда прямой выводъ: туземные купцы просили запретить иногородцамъ торговлю, дозволивъ имъ вести только оптовый торгъ изъ складовъ или на ярмаркахъ, какъ это было установлено таможеннымъ уставомъ 1755 г. Но уставъ этотъ въ торговой практикѣ не соблюдался. Такъ, въ Стародубѣ и его уѣздѣ великороссійскіе купцы и ихъ прикащики, помимо мѣстныхъ горожанъ, скупали у владѣльцевъ пеньку, воскъ, медъ, олей (масло), звѣрей и отпускали ихъ къ портамъ; въ городахъ же они, вмѣсто склада своихъ товаровъ въ гостинныхъ дворахъ и торговли оптомъ, купили себѣ мѣщанскіе дворы, выстроили лавки и вели оптовую и розничную торговлю, не встрѣчая со

---

[1]) Ibid. 103, 106 стр.

[2]) Ibid. 74, 97, 107, 115, 130 стр.

стороны парализованнаго городскаго управленія надлежащаго запрещенія.

Что касается права торговли владѣльцевъ, козаковъ и разночинцевъ, то мѣщане также находили необходимымъ запретить всѣмъ означеннымъ классамъ торговлю, какъ профессію, и разрѣшить только сбытъ въ города собственныхъ сырыхъ произведеній, продуктовъ сельскаго хозяйства. Въ общемъ, большинство наказовъ высказалась въ томъ смыслѣ, что торгъ и ремесло должны быть исключительной принадлежностью мѣщанина, а погарскій и стародубскій наказы даже находили для развитія городовъ цѣлесообразнымъ запретить торги и ярмарки въ селахъ, допустивши торговлю только въ однихъ городахъ, причемъ стародубцы ссылались въ этомъ случаѣ на 4 п. 10-ой гл. тамож. устава, разрѣшавшаго крестьянамъ въ селахъ только торговлю „мелочнымъ ядломъ", по извѣстному реестру. Одни только лубенцы, къ нашему удивленію, согласились, чтобы всѣмъ гражданамъ „разного войскового званія людемъ промыслы, торгъ и ремесло были и напредки по прежнему здешнему обыкновенію свободны"; но эта уступка естественна, такъ какъ ихъ наказъ подписанъ громаднымъ большинствомъ козаковъ, а не мѣщанъ [1]). Такимъ образомъ безсильное и бѣдное малороссійское мѣщанство льстило себя надеждой удержать въ своихъ рукахъ торговлю путемъ монополіи, но оно ошибалось, такъ какъ у него не было для этой цѣли капиталовъ; города же отъ запрещенія торговли иногороднимъ купцамъ также не выиграли-бы, ибо ихъ казна не обогатилась-бы никакими доходами. Для развитія городовъ и торговли необходимы были иныя мѣры.

Слѣдующимъ важнымъ послѣдствіемъ вторженія воинскаго элемента въ городское управленіе нужно признать пагубное вліяніе его на состояніе въ городахъ правосудія. Вмѣсто одной судебной власти въ городахъ ихъ стало нѣсколько, вслѣдствіе раздробленія городскаго класса на сословія; горожане, связанные общностью интересовъ, тѣмъ не менѣе вѣдались не однимъ судомъ, какъ это начертало магдебургское право, но различными,

---

[1]) Ibid. 134 стр.

смотря по своему сословному положенію, а въ концѣ концовъ мѣщане жаловались, что они остаются „въ изобиждденіи", такъ какъ старшины, козаки, разночинцы и даже всякаго званія пріѣзжіе люди, „щитясь своими званіями и чинами" отклоняются отъ магистратскаго суда и обращаются къ своимъ командамъ, гдѣ мѣщанамъ тягаться съ ними было не подъ силу. Уклоненіе отъ магистратскаго суда было для мѣщанъ равносильно отсутствію правосудія и ставило личное достоинство, честь и безопасность мѣщанина положительно внѣ охраны законовъ. Погарцы, напримѣръ, приносили жалобу [1]), что всѣ чиновники, шляхетство, козаки и даже недавніе мѣщане, вышедшіе въ козаки или шляхетство, сравниваютъ мѣщанъ съ подданными, порицаютъ ихъ мужиками и причиняютъ „разніе гвалты, нападенія, бои и въ здоровьи увѣтча". Особенно же много и часто приходилось мѣщанамъ сносить возмутительное съ собою обхожденіе и униженіе своего сословія отъ квартировавшихъ въ городахъ великорусскихъ войскъ и ихъ начальниковъ, такъ какъ на нихъ не было ни суда, ни расправы. Полтавцы заявляли, что они всѣ „отъ большаго до меньшаго", отъ простаго мѣщанина до урядника, третируются великороссійскими чинами *и даже солдатами* безусловно, какъ мужики и выносятъ отъ всѣхъ безконечныя руганія, утѣсненія и обиды, за которыя имъ въ законѣ положенъ крайне незначительный штрафъ. Полтавцы сознавались, что при такомъ положеніи дѣлъ у нихъ теряется „куражъ къ купеческой жизни", а отъ унынія они теряютъ все, „въ чемъ могли бы сыскать себѣ авантажъ, а царской казнѣ доходъ" [2]).

Едва ли нужно добавлять, что въ словахъ полтавцевъ не было преувеличенія дѣйствительности, такъ какъ обиды великорусскихъ войскъ составляли несомнѣннѣйшій фактъ и жалобами на нихъ можно было завалить нѣсколько коммиссій. Недовольные состояніемъ правосудія мѣщане стояли въ наказахъ на той точкѣ зрѣнія, чтобы всякій, „*кто только обнялъ домъ или огородъ и промыслъ или ремесломъ пользовался, былъ подсуденъ уряду*

---

[1]) Нак. 86 стр.
[2]) Ibid. 117 стр.

мѣскому", т. е. магистрату, безъ различія гражданъ мѣстныхъ отъ пріѣзжихъ, и только черниговскіе мѣщане просили по дѣламъ мѣщанъ съ воинскаго званія людьми допустить судъ магистрата при участіи въ немъ депутата [1]).

Мѣщане хлопотали, чтобы судебная компетенція магистрата одинаково простиралась на всѣхъ горожанъ какъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и *гражданскимъ* и просили, чтобы пріѣзжіе торговцы ни въ какомъ случаѣ не отбивались отъ магистратскаго суда, а судились по мѣстнымъ малороссійскимъ правамъ и обычаямъ, такъ какъ уклоненіе отъ магистратскаго суда, говорили черниговцы, ведетъ къ тому, что великорусскіе купцы „лакомятся чужимъ имѣніемъ" и объявляютъ себя банкротами [2]).

Глуховскіе мѣщане также жаловались, что великорусскіе и пріѣзжіе на ярмарки купцы вѣдаются въ отношеніи суда комендантской канцеляріей, а не „гражданскимъ правомъ", и просили, чтобы на будущее время всѣ мѣщане и подгородніе люди были изъяты изъ вѣдомства коменд. канцеляріи при разрѣшеніи ихъ дѣлъ съ великороссійскими купцами [3]).

Здѣсь же умѣстно сказать, что мѣщане выразили нѣкоторую заботливость и о приведеніи въ порядокъ своего матеріальнаго права, а именно погарцы и стародубцы просили о переводѣ на русскій языкъ магдебургскаго права, употреблявшагося въ магистратскихъ судахъ Малороссіи. Мы не ошибемся, если скажемъ, что упадокъ магистратскихъ судовъ въ значительной степени зависѣлъ отъ крайне дурнаго состоянія практиковавшагося въ нихъ гражданскаго права, такъ какъ истинное магдебургское право было извѣстно въ XVIII вѣкѣ въ Малороссіи только по имени изъ жалованныхъ королевскихъ грамотъ.

Самъ сводъ, какъ саксонскихъ законовъ (Speculum Saxonicum) вообще, такъ и городскаго магдебургскаго уложенія въ частности—говоритъ проф. Антоновичъ [4])—положительно не были извѣстны и даже никогда не доходили до южно-русскихъ горожанъ.

---

[1]) Ibid. 86 стр.

[2]) Ibid. 87.

[3]) Ibid. 76.

[4]) Антоновичъ. Изслѣд. о городахъ юго-зап. Россіи, стр. 59.

Употреблявшіеся же въ судахъ „Саксонъ" или Саксонское Зерцало и Порядокъ правъ гражданскихъ (Porządek sądow y praw mieyskich prawa maydeburskiego) представляли не кодексы права, но лишь компилятивныя работы частныхъ юристовъ и, странно сказать, но въ южно-русскихъ городахъ они употреблялись въ польскихъ редакціяхъ къ тому же мало распространенныхъ. Относительно юго-западныхъ городовъ проф. Антоновичъ утверждаетъ, что мѣщане не изучали даже и этихъ редакцій своего права и очень рѣдко ссылались на него въ своихъ рѣшеніяхъ; что касается лѣвобережныхъ городовъ, то, несмотря на утвержденіе погарскихъ мѣщанъ, что ихъ предки и они судились и судятся на основаніи правъ, изображенныхъ въ „Порядкѣ" и дополняющемъ его Саксонѣ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что и лѣвобережнымъ мѣщанамъ ихъ права были очень мало извѣстны, иначе трудно себѣ представить, почему эти права не были переведены на русскій языкъ и употреблялись въ польскихъ редакціяхъ. При переводѣ магдебургскихъ правъ на русскій языкъ погарцы просили дополнить ихъ новыми положеніями, касающимися и матеріальнаго, и процессуальнаго права. Изъ наиболѣе интересныхъ можно отмѣтить: установленіе новыхъ сроковъ для вызова сторонъ въ судъ, запрещеніе мѣщанамъ отчуждать свои земли лицамъ не мѣщанскаго званія, установленіе при отчужденіи мѣщанской недвижимости формъ, практиковавшихся у шляхетства, возвышеніе штрафа за обиды, наносимыя мѣщанамъ и пр. [1]). Какъ курьезную съ нынѣшней точки зрѣнія претензію слѣдуетъ также отмѣтить просьбу погарцевъ о дозволеніи имъ ходить *„при шабляхъ"* въ знакъ высочайшей къ нимъ милости. Изъ другихъ наказовъ только черниговскій высказалъ еще просьбу, чтобы въ новомъ уложеніи были постановлены строгіе законы для банкротовъ, остальные же наказы обошли вопросъ исправленія права совершеннымъ молчаніемъ, а лубенцы, составившіе свой наказъ подъ сильнымъ вліяніемъ козаковъ, просили, чтобы въ случаѣ сочиненія въ коммиссіи одного на все государство

---

[1]) Ibid. 93.

уложенія, для нихъ были оставлены права Л. Статута и положены въ особую главу въ уложеніи [1]).

Мы изложили, насколько позволяютъ наказы, спеціальныя, такъ сказать, причины дурнаго состоянія городовъ и мѣщанства, остается еще сказать о причинахъ болѣе общаго свойства, которыя были способны и самые цвѣтущіе города привести въ состояніе дезорганизаціи и упадка. Мы подразумѣваемъ здѣсь тяжелыя государственныя повинности и налоги. Извѣстно, что XVIII вѣкъ былъ временемъ самаго сильнаго напряженія податныхъ силъ страны: для содержанія громадныхъ армій, для безконечныхъ завоевательныхъ войнъ были необходимы массы людей и огромныя средства, ихъ между прочимъ поставляла Малороссія и въ частности мѣщане. Въ другихъ главахъ нами уже описано, какое экономическое давленіе и разстройство податныхъ силъ страны оказывало это бремя во имя государственной славы; здѣсь остается только сказать о немъ въ примѣненіи къ мѣщанамъ. Вопервыхъ, не нужно забывать, что отъ эпохи козацкихъ войнъ до описываемаго времени прошло всего столѣтіе, во время котораго Малороссія, не оправившись послѣ собственныхъ потрясеній, вынесла еще нѣсколько разорительныхъ войнъ. Въ военное время отъ горожанъ требовали высылки людей въ погонщики, для лолоненья льду, для перевозки провіанта, ремесленниковъ требовали для соотвѣтствующихъ занятій въ арміи, которой нужно было поставлять къ тому же и воловъ, и возы, и сѣно, и провіантъ и пр., и все это въ такомъ количествѣ, что даже описать въ наказѣ черниговцы не находили удобнымъ. Жалобамъ на отягощеніе мѣщанъ всякими „выстаченіями" въ пользу войска въ наказахъ нѣтъ числа: лубенскіе мѣщане, напримѣръ, писали, что во время войны съ турками у нихъ брались волы, возы и погонщики, а сами они въ зимнія стужи высылались на Днѣпръ для лолоненья льду въ предупрежденіе непріятельскаго нашествія; что во время прусской войны имъ пришлось безмездно содержать на квартирахъ мобилизованныя войска, довольствовать ихъ провіантомъ, давать подводы подъ больныхъ и т. д.

[1]) Ibid. 140.

Но и въ мирное время мѣщанъ не оставляли въ спокойствіи: въ Черниговѣ гетманъ Разумовскій бралъ мѣщанъ и мастеровыхъ людей на свои деревенскіе салотопенные и поташенные заводы, требовалъ ихъ для рубки и клейменья мачтоваго лѣса, высылалъ на разныя работы въ Козелецъ и Батуринъ и т. д. Въ Глуховѣ мѣщанамъ приходилось испытывать тоже самое по распоряженіямъ сотеннаго правленія; но кромѣ этихъ тягостей, обязанныхъ произволу мѣстнаго управленія, мѣщане больше всего разорялись въ мирное время постойной повинностію. Города въ Малороссіи были маленькіе, между тѣмъ войскъ въ нихъ стояло великое множество и такъ какъ козаки, старшины и владѣльцы „щитились" отъ постоевъ своими привилегіями, то они всей тяжестью ложились на мѣщанство. Отсюда безконечный рядъ жалобъ и враждебное отношеніе мѣщанъ къ козацкой старшинѣ, завѣдывавшей размѣщеніемъ войскъ. Черниговцы писали—„всегдашній офицерскій постой гражданамъ тѣмъ, въ коихъ они квартируютъ весма есть тяжестній", ибо хозяева квартиръ, не пользуются ими, но принуждены платить и налогъ съ домовъ, и на свой счетъ отапливать ихъ. Погарцы указывали [1]), что сотенная старшина при размѣщеніи войскъ допускала большія злоупотребленія: она миновала села уѣздныхъ владѣльцевъ и пристрастно выбирала для постоевъ самые лучшіе мѣщанскіе дворы, конюшни и амбары, не соблюдая приэтомъ даже очереди. Стародубцы жаловались [2]), что чрезъ отводъ квартиръ и мобилизацію войскъ во время прусской войны гражданству стародубскому причинено было много стѣсненій, а въ торгахъ и промыслахъ помѣшательство и остановки; они же просили о выводѣ псковскаго полка и о болѣе правильномъ размѣщеніи ростовскаго. Полтавскіе мѣщане также жаловались [3]), что полковникъ, вопреки закону, не велѣлъ ставить войскъ ни у войсковыхъ, ни у бунчуковыхъ и значковыхъ товарищей, ни въ загородныхъ старшинскихъ, козачьихъ и владѣльческихъ до-

[1]) Нак. 99 стр.
[2]) Ibid. 107.
[3]) Нак. 119.

махъ, между тѣмъ какъ многіе изъ упомянутыхъ чиновниковъ жили на мѣщанскихъ дворахъ и занимались купеческимъ промысломъ. Для предотвращенія на будущее время злоупотребленій, полтавцы просили узаконить, чтобы размѣщеніе войскъ въ городахъ происходило по указанію магистрата. Постойная повинность была особенно тяжела для мѣщанъ, по свидѣтельству наказовъ, еще и потому, что имъ приходилось не только давать квартиры, но и отапливать ихъ, и освѣщать на свой счетъ, между тѣмъ въ городахъ была масса мѣщанъ, которые едва себѣ могли сыскивать пропитаніе. Естественно, что наказы хлопотали объ освобожденіи мѣщанъ отъ этихъ незаконныхъ поборовъ и о болѣе равномѣрномъ и справедливомъ распредѣленіи квартирной повинности. Сами по себѣ великорусскія войска составляли также извѣстнаго рода тягость для городовъ Малороссіи: нами уже говорилось, какъ они третировали мѣщанство, но нужно добавить, что они, опираясь на свою силу, имущественно положительно объѣдали и разоряли населеніе. Жалобъ на дѣйствія великорусскихъ войскъ накопилась такая масса, что черниговцы просили [1]) для разбора ихъ учредить въ Глуховѣ *при резиденціи* губернаторской военную коммиссію съ равнымъ числомъ великороссійскихъ и малороссійскихъ членовъ.

Изъ числа другихъ тягостей, лежавшихъ на мѣщанахъ, слѣдуетъ еще отмѣтить уплату недоимокъ за старые годы. Всѣ наказы единогласно указывали, что недоимщики, съ которыхъ слѣдовало-бы производить взысканіе, или давно посходили съ своихъ мѣстъ, или поумирали, что послѣ нихъ остались однѣ хаты и настоящимъ ихъ владѣльцамъ приходится уплачивать чужія недоимки, въ виду чего они просили сложить ихъ съ мѣщанъ и не взыскивать на будущее время [2]) Кстати по вопросу о налогахъ сказать, что погарскіе и полтавскіе мѣщане привѣтствовали замѣну консистентскихъ дачъ рублевымъ окладомъ и просили объ удержаніи такого порядка на будущее время, но съ освобожденіемъ мѣщанъ отъ всѣхъ натуральныхъ повинностей.

---

[1]) Ibid. 86.

[2]) Ibid. 99, 123 стр.

О лубенцахъ можно прибавить, что они въ числѣ другихъ тягостей просили отмѣнить генеральную опись Малороссіи, какъ несходственную ихъ обыкновеніямъ.

Мы разсмотрѣли теперь въ главныхъ чертахъ все содержаніе городскихъ наказовъ, придерживаясь ихъ же точки зрѣнія, т. е. со стороны объясненія причинъ дурнаго состоянія городовъ и разложенія среды мѣщанства, но мы полагаемъ не будетъ лишнимъ остановиться и суммировать мѣры, рекомендованныя наказами для исправленія нуждъ и недостатковъ мѣщанства. Мѣры эти, соотвѣтственно нуждамъ и недостаткамъ городовъ и мѣщанства, были двоякаго рода: однѣ можно назвать финансовыми, податными, онѣ были крайне просты, имѣли въ виду податное облегченіе мѣщанъ и состояли частью въ отмѣнѣ, частью въ болѣе справедливомъ распредѣленіи податныхъ тягостей денежнаго и натуральнаго вида. Недопущеніе злоупотребленій при взысканіи и равенство всѣхъ горожанъ безъ различія сословій предъ обложеніемъ—вотъ идеалы мѣщанства, противъ которыхъ нельзя ничего возразить и въ наше время. Другія мѣры можно назвать мѣрами административно-судебнаго характера. Онѣ состояли въ томъ, чтобы уничтожить вмѣшательство въ городскія дѣла воинскаго элемента и возстановить, а частью и вновь учредить, въ городахъ самоуправленіе на основаніи магдебургскаго права. Не вникая въ глубину этого права, городскіе наказы просили о возстановленіи его въ томъ видѣ, какъ оно уже дѣйствовало въ городахъ Малороссіи, а именно хлопотали объ учрежденіи независимыхъ магистратовъ съ административной и судебной властью. Составъ ихъ долженъ быть чисто мѣщанскій („изъ выборныхъ мѣщанъ прироженныхъ“), но они должны вѣдать всесословный городъ. Въ управленіи ихъ вѣдѣнію подлежали: городское хозяйство, полиція, чистота города, предупрежденіе пожаровъ, надзоръ за рынками, завѣдываніе городскими доходами, землями, различными сборами, распредѣленіе постойной повинности и проч.; въ судѣ—судъ гражданскій и уголовный по всѣмъ искамъ и преступленіямъ. Какъ на отдѣльныя мѣры, слѣдуетъ указать: въ дѣлѣ правосудія—на исправленіе и переводъ магдебургскаго права; въ торговлѣ—на

монополизацію ея въ рукахъ мѣщанъ; въ ремеслахъ—на запрещеніе заниматься ими внѣ принадлежности къ цехамъ. Монополіями и стѣсненіемъ ремесленной дѣятельности исключительнымъ кругомъ цеховыхъ обществъ мѣщане думали поднять свою торговлю и промыслы, но изъ болѣе серьезныхъ мѣръ только одни полтавцы просили объ учрежденіи при малороссійской коллегіи банка, а лубенцы хлопотали объ уменьшеніи таможеннаго тарифа на соль, вино и бакалейные товары, привозимые изъ Крыма. По вопросу о заграничной торговлѣ городскимъ депутатамъ пришлось выслушать въ засѣданіяхъ коммиссіи крайне стѣснительный для малорусской ввозной торговли проектъ депутата отъ коммерцъ-коллегіи, Меженинова. Названный депутатъ предложилъ запретить ввозъ заграничныхъ товаровъ изъ Гданска (Данцига), Кенигсберга, Бреславля и проч. чрезъ Польшу и установить для удобства взиманія тарифа исключительный ввозъ чрезъ С.-Петербургъ. Меженинову возражалъ депутатъ отъ г. Нѣжина—Костевичъ. Онъ доказывалъ, что запрещеніе вести торговлю чрезъ пограничныя малороссійскія таможни противно привилегіямъ, и что исключительный ввозъ и вывозъ товаровъ чрезъ петербургскую таможню поведетъ къ тому, что малороссійскіе купцы будутъ покупать заграничные товары изъ вторыхъ рукъ—отъ петербургскихъ купцовъ, и отъ нихъ же стоять въ зависимости въ сбытѣ своихъ произведеній—мѣра совершенно безполезная и даже вредная для развитія торговли тѣмъ болѣе, что ввозныя пошлины чрезъ Польшу очень невелики. Съ возраженіемъ Костевича согласились всѣ малороссіяне.

Вотъ краткое резюме всѣхъ мѣръ, рекомендованныхъ мѣщанствомъ. Другихъ желаній внѣ круга узкихъ сословныхъ интересовъ, у мѣщанъ намъ не извѣстно; ихъ не интересовалъ ни политическій кризисъ, переживавшійся Малороссіей въ послѣдніе годы, ни общія задачи родины, ни ея просвѣщеніе... и въ этомъ отношеніи мѣщанскіе наказы стоятъ значительно ниже шляхетскихъ и наказовъ духовенства.

И. В. Теличенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году. [1]

III.

Кіевъ.

Путешествіе въ южныя губерніи окончательно было рѣшено въ 1784 году и тогда же, въ іюнѣ, фельдмаршалу Румянцеву поручено было заняться приготовленіями къ пріѣзду императрицы въ Кіевъ. „Графъ Петръ Александровичь [2]) (писала императрица въ іюнѣ 1784 года). Дворецъ кіевскій прикажите только починить въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ нынѣ находится, не дѣлая новыхъ пристроекъ комнатъ, ибо я видѣла по плану, что для меня на время пребыванія моего въ Кіевѣ весьма достаточно будетъ тѣхъ, кои теперь есть; въ потребномъ же случаѣ, для помѣщенія свиты моей, какъ то будетъ въ лѣтнее время, могутъ служить и находящіяся въ саду разныя бесѣдки, естьли они починены быть могутъ.—На уборы, кои также должны быть простые и только самые нужные, приказано отъ меня отпустить къ вамъ 8000 руб. Я сожалѣю, что вы нездоровы и, желая вамъ искренно совершеннаго возстановленія въ здоровьѣ вашемъ, пребуду всегда вамъ благосклонная“ [3]). Такъ писала императрица, судя только по плану и не зная въ какомъ состояніи самое зданіе дворца, а на самомъ дѣлѣ много нужно было строить, пристраивать и чинить: кіевскій дворецъ

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 12.

[2]) Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій, род. 1725 г. ум. 8 дек. 1796 г.

[3]) Въ архивѣ мин. имп. двора кн. Высоч. повелѣній № 497.

былъ тогда въ жалкомъ положеніи, почти въ развалинахъ; приходилось исправлять стѣны, пристраивать флигеля, конюшни, огораживать сады и пр. На все нужно было денегъ.

Румянцевъ хлопоталъ, писалъ въ Петербургъ, обращался даже съ требованіемъ къ сенату, и получилъ разрѣшеніе только въ мартѣ 1786 г., а къ маю 1786 г. все было исправлено, оставалось только докончить внутреннія украшенія дворца и меблировать его. Безбородко [1]) повторялъ Румянцеву желаніе императрицы, чтобы мебель во дворцѣ была не роскошная, но только необходимая. Румянцевъ однако же выписалъ мебель изъ Москвы и отдѣлалъ 6 комнатъ императрицы шелковыми обоями. Все это сдѣлано очень экономно, на 8,000 рубл. Приготовили также и помѣщеніе для австрійскаго императора, въ ожиданіи его пріѣзда.

26 октября 1786 года Безбородко прислалъ Румянцеву списокъ лицъ, назначенныхъ въ свиту императрицы, и увѣдомилъ, что римскій императоръ [2]) „вновь подтвердилъ намѣреніе свое быть для свиданія съ ея величествомъ, естьли непредвидѣнныя обстоятельства тому не помѣшаютъ“.

15 ноября Безбородко сообщилъ Румянцеву списокъ лицъ свиты великихъ князей Александра и Константина Павловичей, присовокупляя, что препятствіемъ къ путешествію ихъ можетъ послужить одна лишь суровость зимы. Мы видѣли въ предъидущей главѣ, что великіе князья не поѣхали по другой причинѣ.

3 декабря 1786 года Безбородко сообщилъ Румянцеву, что въ кіевскомъ дворцѣ, кромѣ великихъ князей, надобны комнаты для помѣщенія камеръ-фрейлины Анны Степановны Протасовой, первой камеръ-юнгферы Марьи Савишны Перекусихиной съ двумя камеръ-медхенами, и для Александра Матвѣевича Мамонова [3]). „Если императоръ Іосифъ II не пріѣдетъ,

---

[1]) Безбородко, гр. Александръ Андреев. род. 8 марта 1747 г. ум. 6 апр. 1796 года, пожалованъ въ графы 1789 г.

[2]) Іосифъ II, сынъ императора Францискa I-го и Маріи Терезіи, род 2/13 марта 1741 г., ум. 9/20 февр. 1790 г.

[3]) Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ Александръ Матвѣевичъ род. 19 сент. 1758 г. ум. 29 сент. 1803 г.

„писалъ Безбородко, то можно помѣстить дежурнаго генералъ-адъютанта графа Ангальта [1]) или еще кого изъ такихъ, коимъ немногіе надобны покои и обязаны быть ближе ко дворцу". Не забылъ при этомъ Безбородко о себѣ. Что касается до меня, то я совершенно полагаюсь на милостивое расположеніе вашего сіятельства, осмѣливаюсь донести, что по качеству министра иностранныхъ дѣлъ, нельзя мнѣ обойтиться безъ нѣкотораго рода репрезентаціи, слѣдственно я предпочту хотя и не ближній домъ, но который немного пообширнѣе и выгоднѣе, тѣмъ болѣе, что однажды или дважды пріѣхать во дворецъ, въ извѣстное и обыкновенное время, не будетъ мнѣ въ тягость". Затѣмъ Безбородко высказалъ желаніе императрицы, чтобы вся свита вмѣстилась въ верхней части города, не касаясь стараго и нижняго городовъ.

Безбородку легко было изъ Петербурга сообщить Румянцеву такія условія для размѣщенія свиты. Румянцевъ зналъ, что и всѣ лица изъ свиты, подобно Безбородку, пожелаютъ имѣть помѣщеніе пообширнѣе и выгоднѣе. Но было ли это тогда возможно въ Кіевѣ? Богачи—поляки: графъ Потоцкій, Браницкій и др., а также богатые кіевскіе помѣщики къ пріѣзду императрицы спѣшили нанимать квартиры, а между тѣмъ въ это время въ Кіевѣ было всего 127 домовъ, въ которыхъ можно было найти порядочныя комнаты и въ рѣдкихъ домахъ было болѣе пяти комнатъ.

Любопытно описаніе тогдашняго Кіева, оставленное намъ однимъ изъ спутниковъ Екатерины во время ея путешествія.

„Городъ этотъ представляетъ собою ландшафтъ рѣдкой красоты; особенную прелесть производятъ находящіяся на высокихъ горахъ церкви съ зелеными или вполнѣ вызолоченными куполами, но совсѣмъ другое, когда вы вступите внутрь этого города. Кіевъ состоитъ собственно изъ трехъ городовъ: Печерскъ съ новою крѣпостью и Старый городъ на значительной возвышенности. Подолъ расположенъ на 40 саженъ ниже этой воз-

---

[1]) Графъ Өедоръ Астафьевичъ, род. 10 мая 1732 г., ум. 2 мая 1794 г. Въ русской службѣ съ 1783 г.

вышенности, на берегу Днѣпра. Всё, что доставляется водою: лѣса и товары, необходимо перевозить съ Подола въ верхнія части города, въ которыхъ иногда недостаетъ воды для питья. Подолъ очень близко примкнутъ къ горѣ, а Днѣпръ ежегодно, въ половодье, смываетъ отъ 20 до 30 избъ (Hütten), которыя опять вновь строятъ. На Подолѣ, по случаю глубокой грязи, улицы вымощены сплоченными брусьями, а если во время сухой погоды случается пожаръ, то весьма легко обхватываетъ огонь и дома, и улицу. На Печерскѣ я видѣлъ какъ экипажъ (Wagen), запряженный въ двѣ лошади, а другой въ шесть лошадей, не могли выбраться изъ грязи. Въ верхнемъ городѣ есть одинъ только каменный красивый домъ, который построенъ монахами, а теперь принадлежитъ казнѣ. Дворецъ въ Кіевѣ выстроенъ изъ дерева и не близко отъ всѣхъ трехъ городовъ, при дворцѣ разведенъ большой садъ, красотѣ коего способствуетъ мѣстоположеніе, но не хорошо содержится. Для императрицы устроена была въ одной комнатѣ ванна... Зимою простыя женщины въ Кіевѣ носятъ сапоги, а лѣтомъ ходятъ босыя. При малѣйшемъ дождѣ или оттепели дѣлается непроходимая грязь, а пыль лѣтомъ нестерпима. Въ Кіевѣ, по прибытіи императрицы, три дня продолжались праздники, все это время лавки были заперты и мы не имѣли возможности достать что намъ нужно"...

„Въ Кіевѣ обыковенные жизненные припасы чрезвычайно дешевы. Прежде стоилъ фунтъ говядины много если одинъ су; несмотря на прошлогодній неурожай и всеобщую отъ него дороговизну, фунтъ говядины стоитъ только два су".

„Здѣсь рыба, дичина и пр. очень дешевы; но рыба далеко не такъ вкусна, какъ въ Петербургѣ. Волошскія вина тоже дешевы; но привозные товары изъ чужихъ далекихъ странъ вдвое дороже; жители однакоже успѣли воспользоваться присутствіемъ двора и продавали все необыкновенно дорого. За наемъ квартиры на шесть недѣль требовали столько же, иногда даже больше, сколько стоилъ самъ домъ; въ такой же пропорціи брали и извощики [1])".

[1]) См. Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II, aus dem Englischen übersetzt. Koblenz 1799.

Несмотря на неблагопріятныя мѣстныя обстоятельства, Румянцевъ, распоряжаясь съ энергіею, успѣлъ приготовить помѣщенія для главныхъ лицъ свиты императрицы: статсъ-дамамъ графинѣ Браницкой [1]) и Скавропской [2]), Льву Александровичу Нарышкину [3]) и др. О князѣ Потемкинѣ, не любя его, Румянцевъ съ радостію не хлопоталъ, потому что князь самъ назначилъ себѣ квартиру въ Кіево-Печерской лаврѣ. Но сверхъ недостатка въ помѣщеніяхъ, Румянцевъ боялся и зимней погоды. „Къ нашему прискорбію (писалъ Румянцевъ къ Безбородку 20 ноября 1786 г.), зима очень рано здѣсь настала, она мѣшаетъ намъ и строить, и убирать, но боюсь, что дома будутъ вездѣ или студены, или сыры, и чтобы дорога сама при жестокой стужѣ и буряхъ, кои обыкновенно въ сіе время здѣсь бываютъ, и худобѣ саннаго пути, не навела многихъ и большихъ безпокойствъ, а чтобы Малороссія и самый Кіевъ, кои лѣтомъ, подъ пріятностію зелени и своихъ видовъ, кажутся всѣмъ веселы, тогда не показались бы и грустны, и скучны".

Сверхъ помѣщеній для свиты, Румянцеву удалось, хотя и съ большимъ затрудненіемъ, заготовить еще квартиры для начальствующихъ военныхъ лицъ,—такъ какъ къ пріѣзду императрицы собрались въ Кіевъ полки: лейбъ-кирасирскій, днѣпровскій пѣхотный, артиллерійскіе: первый канонирскій, второй фузелерскій и понтонныя роты [4]).

19-го января 1787 г. все было готово и Румянцевъ поспѣшилъ на встрѣчу императрицѣ въ мѣстечко Чечерскъ, откуда провожалъ императрицу до самаго Кіева.

29-го января, послѣ обѣденнаго стола, изъ Броваровъ,—20 верстъ отъ Кіева,—Высочайшій поѣздъ двинулся къ Кіеву. Въ

---

[1]) Браницкая, графиня Александра Васильевна урожд. Энгельгардтъ, племянница Потемкина, жена графа Ксаверія Петровича Браницкаго, польскаго коронпаго гетмана. Она род. въ 1754 г., ум. 15 августа 1838 г.

[2]) Скавронская, графиня Екатерина Васильевна, урожд. Энгельгардтъ, племянница кн. Потемкина; жена графа Павла Мартыновича Скавронскаго.

[3]) Нарышкинъ Левъ Александровичъ, оберъ-шталмейстеръ, род. 23 февраля 1733 г., умеръ 9 ноября 1799 г.

[4]) Госуд. архивъ. Донесенія изъ Кіева. XVI. 742.

шестимѣстной каретѣ сидѣли Протасова, Ив. Ив. Шуваловъ [1]), Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ Сегюръ [2]), Фицъ-Гербертъ; за каретою слѣдовали верхами кіевскій уѣздный предводитель, дворяне и поселяне.

Не доѣзжая трехъ верстъ до Днѣпра, императрица пересѣла въ двухмѣстную карету, заложенную императорской собственной конюшни десятью лошадьми; за каретою послѣдовали верхами шталмейстеръ генералъ-поручикъ Ребиндеръ, унтеръ-шталмейстеръ Ремезовъ и два камеръ-пажа. Вскорѣ выѣхали на встрѣчу генералъ-маіоръ Энгельгардтъ съ штабъ и оберъ-офицерами и съ эскадрономъ лейбъ-кирасирскаго полка. Отдавъ честь съ музыкою и преклоненіемъ штандарта, эскадронъ конвоировалъ карету ея величества. Также слѣдовали за каретою начальствующіе артиллеріею и инженерною частью съ ихъ командами. Съ приближеніемъ поѣзда къ Днѣпру, пущена ракета, и по этому сигналу съ Печерской крѣпости началась пальба (71 выстрѣлъ), а въ соборахъ и церквахъ колокольный звонъ..

Мостъ чрезъ Днѣпръ былъ сдѣланъ по льду изъ брусьевъ, а для перилъ служили зеленыя сосновыя вѣтви, весь мостъ уставленъ былъ матросами съ ихъ офицерами въ зеленой одеждѣ, съ красными воротниками и бѣлыми эполетами [3]), передъ въѣздомъ на мостъ встрѣтилъ вице-адмиралъ Петръ Ивановичъ Пущинъ.

„Я думала найти въ сихъ полуденныхъ мѣстахъ и подъ 49 градусомъ, воздухъ теплый, писала императрица на другой день къ Еропкину [4]), опасалась, что черезъ Днѣпръ переѣздъ по льду будетъ почти невозможный, а напротивъ того, мы въѣхали въ сей городъ съ двадцати градуснымъ морозомъ, который

---

[1]) Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ, оберъ-камергеръ, основатель московскаго университета. род. 1727 г., умеръ 1797 г.

[2]) Сегюръ, графъ Людвигъ Филиппъ, извѣстный писатель—въ это время посланникъ французскій при нашемъ дворѣ. род. въ 1753 г., умеръ 15—27 августа 1830 года.

[3]) См. книгу: Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II. Koblenz 1799. Стр. 65.

[4]) См. сочин. Екатерины II, изд. Смирдина, т. I, стр. 338.

и въ Петербургѣ рѣдкость. Однако все воздухъ здѣсь имѣетъ менѣе суровости, понеже при величайшемъ людствѣ и встрѣчѣ непримѣтно было, чтобъ кто отморозилъ уши или носъ, чтобы конечно, на сѣверѣ воспослѣдовало".

У первыхъ тріумфальныхъ воротъ (на городской сторонѣ), названныхъ *Зелеными*, вышли на встрѣчу городничій и магистратъ; городской голова съ купечествомъ поднесли императрицѣ хлѣбъ и соль, волошское бѣлое и красное вино; городничій, мѣщане и рыцарство бывшихъ малороссійскихъ козаковъ и дворянъ, съ предводителями ѣхали передъ каретою императрицы.

На крѣпостномъ гласисѣ, у вторыхъ тріумфальныхъ воротъ, ведущихъ въ Печерскую крѣпость, на горѣ, встрѣчали губернаторъ, предсѣдатели и члены судебныхъ мѣстъ, дворянство и поселяне. Тутъ же кіевскій оберъ-комендантъ Кохіусъ поднесъ императрицѣ ключи отъ крѣпости, съ которой въ это время сдѣлали 101 выстрѣлъ. При проѣздѣ черезъ тріумфальныя ворота встрѣчали женщины и дѣвушки изъ простаго народа въ малороссійскихъ кафтанахъ. У первыхъ на головахъ были кораблики, у дѣвушекъ въ косахъ были вплетены цвѣты, и сверхъ того изъ корзинъ онѣ бросали цвѣты подъ карету императрицы. Женщинъ и дѣвушекъ было до трехсотъ [1]).

По обѣимъ сторонамъ дороги, отъ тріумфальныхъ воротъ до святыхъ вратъ Печерской лавры, стоялъ днѣпровскій пѣхотный полкъ, подъ командою князя Дашкова [2]). Передъ Кіево-Печерскою лаврою у Свято-Троицкихъ воротъ императрица вышла изъ кареты и встрѣчена была преосвященнымъ Викторомъ, епископомъ переяславскимъ и коадъюторомъ кіевской митрополіи. Самуилъ, митрополитъ кіевскій, по болѣзни не могъ участвовать въ этой торжественной встрѣчѣ. Императрица приложилась ко кресту и, выслушавъ краткую привѣтственную рѣчь епископа, вступила въ монастырь: передъ нею шли сорокъ канархистовъ

---

[1]) См. Памятная книжка кіевской губерніи. Кіевъ, 1858. Стр. 33.

[2]) Дашковъ, князь Михаилъ Михаиловичъ, сынъ знаменитой кн. Дашковой. Род. 1761 г., умеръ 1807 г.

въ стихаряхъ, 16 іеродіаконовъ по два въ рядъ, 16 іеромонаховъ, хоръ монастырскихъ пѣвчихъ, шесть архимандритовъ, митрополиты: грузинскій Антоній и лакедемонскій Серафимъ и послѣднимъ шелъ епископъ Викторъ съ крестомъ.

Въ Успенскомъ соборѣ, послѣ молебна и возглашенія многолѣтія, императрица прикладывалась къ чудотворной иконѣ Успенія Богородицы и къ мощамъ; императрицу водилъ подъ руку графъ Румянцевъ. Церковь наполнена была дамами [1]).

Дамы собрались въ церковь еще до прибытія императрицы и за холодами (было 20° мороза) стояли въ шубахъ; но при входѣ государыни, шедшей черезъ весь монастырь пѣшкомъ, онѣ съ поспѣшностію сбросили шубы долой и удостоились довольно хорошо видѣть царицу; потомъ разъѣхались по домамъ [2]).

Въ половинѣ шестого императрица прибыла изъ лавры во дворецъ, передъ которымъ кіевское дворянство построило отъ себя третьи тріумфальныя ворота. Здѣсь поставленъ былъ почетный караулъ отъ полковъ лейбъ-кирасирскаго и днѣпровскаго пѣхотнаго; во время переѣзда императрицы изъ лавры во дворецъ изъ Старокіевской крѣпости сдѣлали 33 выстрѣла.

На нижней площадкѣ дворцоваго крыльца ожидали императрицу: графиня Александра Васильевна Браницкая, графиня Екатерина Васильевна Скавронская, фельдмаршалъ графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій, губернаторъ Семенъ Ермолаевичъ Ширковъ, гофмаршалъ князь Θедоръ Сергѣевичъ Барятинскій; а также пріѣхавшіе изъ Польши: графъ Браницкій, графъ Потоцкій, князь Сапѣга; мѣстный дивизіонный генералитетъ, дворянство и чиновники. Пройдя въ покои,—императрица принимала и жаловала къ рукѣ только племянницъ князя Потемкина: графиню Браницкую и графиню Скавронскую; вечеромъ, позабавившись въ карты, императрица въ 8 часовъ удалилась въ свои покои.

Старикъ Румянцевъ былъ совершенно счастливъ, принимая дорогую гостью, а императрица съ своей стороны, несмотря на

---

[1]) Памятная книжка кіевской губерніи 1858 года.

[2]) Дневникъ, веденный во время пребыванія императрицы Екатерины II въ Кіевѣ въ 1787 г. Андреемъ Полетикою. Напеч. въ Сынѣ Отечества 1843 г. Мартъ. Стран. 3.

интриги Потемкина противъ Румянцева, любила старика. При каждомъ случаѣ она доказывала ему свое искреннее расположеніе. Такъ, въ апрѣлѣ 1786 г., Румянцевъ понесъ большую потерю—умерла родная его сестра, бывшая за Брюсомъ, любимая императрицею, и съ которою Румянцевъ жилъ душа въ душу;—императрица утѣшила старика сочувственнымъ письмомъ. „Графъ Петръ Александровичъ, на сихъ дняхъ я получила извѣстіе о кончинѣ сестры вашей графини Прасковьи Александровны. Въ приключеніи семъ сугубое принимаю участіе, какъ по моимъ собственнымъ расположеніямъ къ покойной, такъ и зная коликую печаль принесетъ вамъ сія потеря. Искренно желаю, чтобъ она, не имѣла дѣйствія надъ здоровьемъ вашимъ для меня и государства драгоцѣннымъ".—Передъ отъѣздомъ въ путешествіе, 1-го января, дочь Румянцева была пожалована во фрейлины.

Во дворцѣ, во внутреннихъ комнатахъ, у дверей стояли часовые отъ лейбъ-кирасирскаго полка, а у третьей комнаты, со входу изъ тронной залы два сержанта того-же полка съ обнаженными саблями. Изъ лицъ свиты во дворцѣ помѣщены были только: камеръ-фрейлина А. С. Протасова, генералъ-адъютантъ Ангальтъ, генералъ-адъютантъ и дѣйствительный камергеръ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, Марья Савишна Перекусихина, камеръ-юнгферы, камеръ-медхены и камердинеръ Зотовъ. Остальныя лица свиты размѣщены на квартирахъ въ разныхъ домахъ города [1]).

На слѣдующій день, съ 11 часовъ утра, начался съѣздъ во дворецъ. Императрица вышла изъ внутреннихъ покоевъ въ 12 часу и принимала поздравленія отъ знатнаго духовенства и всѣхъ мѣстныхъ начальниковъ. Всѣ они были допущены къ рукѣ, сперва архіерей слуцкій Викторъ съ печерскими монахами, принесшими пять хлѣбовъ и двѣ иконы, а потомъ всѣ прочіе.

Императрица жаловала каждому руку съ веселымъ видомъ и была благосклонна. Въ комнатѣ во время представленія по правую сторону возлѣ императрицы стояли придворные, генералы и посланники, а по лѣвую двѣ статсъ-дамы, графини Бра-

[1]) Камеръ-Фурьерскій журналъ 1787 года.

ницкая и Скавронская. При представленіи дворянъ, губернскій предводитель гвардіи подпоручикъ Капнистъ сказалъ рѣчь:

„Всемилостивѣйшая государыня! Ваше императорское величество вожделѣннымъ въ сей край пришествіемъ дополняете всѣ несчетныя милости, коими вы осчастливили его. Мы, падая къ стопамъ вашего величества, приносимъ за то нашу всеподданнѣйшую благодарность и просимъ быть удостовѣренною о неизрѣченной радости, съ которою мы видѣли васъ, нашу благотворительницу, въ отечествѣ нашемъ“ [1]). Затѣмъ купечество и мѣщане поднесли хлѣбъ и соль на большомъ кругломъ серебряномъ блюдѣ, разные фрукты въ плетеныхъ подъ зеленою тафтою корзинахъ и волошскія вина въ стеклянныхъ сосудахъ [2]). Потомъ графъ Александръ Андреевичъ Безбородко представлялъ пріѣхавшихъ изъ Польши: графа Браницкаго, великаго гетмана короннаго, литовскаго маршала графа Потоцкаго, графа Мнишка, князя Сапѣгу, графа Вьельгорскаго и камергера польскаго Суходольскаго.

Обѣдъ въ тронномъ залѣ былъ приготовленъ на 81 персону; столъ сервированъ былъ парижскимъ серебрянымъ сервизомъ. Къ столу приглашены были между прочими: статсъ-дамы графини Браницкая и Скавронская, также прибывшія изъ Польши: графы Браницкій и Потоцкій и князь Сапѣга (К. Ф. ж. 1787 г.). Съ правой стороны императрицы сидѣлъ преосвященный Викторъ, а съ лѣвой австрійскій посланникъ графъ Кобенцель [3]). (Памятная книжка кіевской губерніи 1858 г.).

31-го января въ воскресенье, по утру, народъ толпился передъ Софійскимъ соборомъ. Появилась карета императрицы, раздались восторженные крики, народъ, кидая въ воздухѣ шапки, бросился къ монастырскимъ воротамъ посмотрѣть на государыню. Здѣсь ожидалъ епископъ Викторъ. При пѣніи хора митрополичьихъ пѣвчихъ и колокольномъ звонѣ, предшествуемая епи-

---

[1]) Рѣчь Капниста выписана изъ рукописи, хранящейся въ архивѣ министерства императорскаго двора, подъ заглавіемъ *„Журналъ путешествій“* 1787 года.

[2]) Камеръ-Фурьерскій журналъ 1787 года.

[3]) *Кобенцель*, графъ, австрійскій посланникъ при россійск. дворѣ съ 1779 по 1797 годъ, род. въ 1753 г. ум. въ 1809 г.

скопомъ императрица, войдя въ Софійскій соборъ, прикладывалась къ образамъ и мощамъ св. митрополита кіевскаго Макарія и потомъ перешла въ келлію митрополита Самуила[1]), къ которому накапунѣ посылала придворнаго доктора, по случаю его болѣзни.

Въ это время въ домовой митрополичьей церкви Воскресенія Христова совершалъ литургію епископъ Викторъ. Митрополитъ былъ еще такъ слабъ, что не могъ самъ служить, а находился въ алтарѣ, но по окончаніи служенія, онъ въ церкви привѣтствовалъ императрицу рѣчью:

„Всемилостивѣйшая государыня! Коль горячимъ усердіемъ, коль ревностными и алчными желаніями воспламеняемы были сердца и души наши зрѣти твое матернее и монаршее лице въ сихъ благословенныхъ предѣлахъ, въ семъ древнѣйшемъ и высокихъ твоихъ родоначальниковъ престольномъ градѣ, не находимъ къ изъявленію нашихъ чувствованій ни словъ, ни выраженій, ни доказательствъ довольныхъ“.

„Когда Небесный Учитель вліялъ въ сердца любезныхъ своихъ учениковъ живое ощущеніе блаженства, проистекающаго отъ лицезрѣнія Превѣчнаго Отца, тогда одинъ изъ нихъ въ радостномъ восторгѣ воскликнулъ: Господи! покажи намъ Отца и довлѣетъ“.

„Единое возвѣщеніе всевожделѣннаго твоего путешествія къ намъ, толикія произвело въ сердцахъ нашихъ движенія, что мы, возведъ очи и воздѣвъ руки къ небесамъ, непрерывно взывали: Господи! Покажи намъ благоутробнѣйшую нашу матерь и довлѣетъ! Покажи намъ кроткую и милосердную нашу самодержицу и довлѣетъ! Покажи намъ человѣколюбивую и премудрую нашу законодательницу и довлѣетъ!“

„Се нынѣ исполпися во благихъ желаніе наше! Се знаменанася на насъ свѣтъ лица твоего! Зримъ очи, сіяющія человѣколюбіемъ, лобызаемъ десницу, подписующую наше сча-

---

[1]) Самуилъ въ 1768 году назначенъ епископомъ въ Бѣлгородъ, въ 1772 г. крутицкимъ, въ 1776 г. архіепископомъ въ Ростовъ, въ 1783 году митрополитомъ въ Кіевъ.

стіе, слышимъ уста, испускающія сладость, веселіе и премудрость".

„Но чѣмъ откроемъ чувства сердецъ нашихъ, неизрѣченною благодарностію и радостію кипящихъ?"

„Ликаонскіе народы, увидѣвъ божественныхъ мужей, возвѣщающихъ имъ миръ и спасеніе, и плѣнясь сладостію глаголовъ ихъ, толикою пронзены были благодарностію, что, признавъ въ нихъ нѣкое божество, устремились на принесеніе имъ жертвъ, единому Богу свойственныхъ".

„Мы во власти твоей монаршей со благоговѣніемъ почитаемъ и исповѣдуемъ власть, силу и могущество небеснаго Божества; мы во благодѣяніяхъ тобою прещедро на насъ изливаемыхъ благословимъ десницу, исполняющую всяческая благости; мы въ матернемъ твоемъ лицѣ признаемъ и созерцаемъ лице Превѣчнаго Отца".

„Какіе убо воздвигнемъ тебѣ алтари? Какіе поставимъ жертвенники? Какой на нихъ воскуримъ ѳиміамъ?

„Сердца, искренностію и вѣрностію возженныя, да будутъ алтарями. Чистѣйшія желанія и горячія молитвы, Всевышнему возсылаемыя, да будутъ жертвами".

„Сію воню благоуханія, изъ глубины сердецъ и нѣдръ душъ нашихъ восходящаго, да обоняетъ самъ Царь царей, а ваше величество, яко всеавгустѣйшая помазанница, сего чистосердечнаго жертвоприношенія не презри, но милостиво и благоутробно приняти благоволи" [1]).

Изъ Софійскаго собора, императрица возвратилась во дворецъ при пушечной пальбѣ съ Печерской и Старокіевской крѣпостей.

Передъ обѣдомъ императрица играла въ шахматы съ Мамоновымъ, Кобенцелемъ и Сегюромъ.

Въ вечеру, передъ баломъ были представлены и жалованы къ рукѣ дамы какъ иностранныя и изъ Петербурга пріѣхавшія, такъ и кіевскія; сверхъ того императрицѣ представлены были

---

[1]) Изъ рукописи, хранящейся въ придв. архивѣ, подъ заглавіемъ: Журналъ путешествія въ 1787 году.

три армянки, — семейство одного вступившаго въ подданство и пожалованнаго статскимъ совѣтникомъ,—въ платьяхъ ихъ покроя и обычая. На балу было до 500 гостей [1]). Императрица одѣта была въ зеленое русское платье, волосы причесаны низко; на лѣвой сторонѣ приколоты брилліантовыя тросавки. (Дневникъ Полетики. Сынъ Отечества, 1843 г., мартъ. Стр. 4).

Балъ открылъ оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ польскимъ танцемъ, потомъ послѣдовали три менуэта, контрдансы и наконецъ козачекъ [2]) Во время бала императрица играла въ карты съ Мамоновымъ, Кобенцелемъ и Сегюромъ [3]).

1-го февраля наступила масляница и принесла теплую погоду. „Послѣ сильныхъ морозовъ писала императрица 3-го февраля къ Еропкину, вчерашній день стало таять, и сегодня почти уже весь снѣгъ пропалъ" [4]).

Весь первый день масляницы императрица провела не выѣзжая изъ дворца,—но на обѣдъ приглашено было 25 персонъ; до обѣда и послѣ обѣда и вечеромъ императрица играла то въ шахматы, то въ карты, но, по обыкновенію, удалялась въ свои комнаты въ 9 часовъ вечера.

2-го февраля въ праздникъ Срѣтенія Господня императрица выѣзжала къ литургіи въ Кіево-Печерскую лавру; у Святыхъ воротъ ее встрѣтилъ намѣстникъ іеромонахъ Каллистъ съ братіею; литургію императрица слушала въ церкви св. Николая Чудотворца, служилъ грузинскій митрополитъ преосвященный Антоній, пѣли придворные пѣвчіе. По возвращеніи изъ лавры во дворецъ, императрица до обѣда играла въ шахматы съ графомъ Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ, Степаномъ Ѳедоровичемъ Стрекаловымъ и англійскимъ посланникомъ Фицъ-Гербертомъ. Къ обѣду были приглашены графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ, и сверхъ кіевскихъ начальствующихъ лицъ, пріѣхавшіе въ Кіевъ знатные поляки: графъ Браницкій, графъ

---

[1]) См. Соч. Екатер. II изд. Смирдина, т. III, стр. 336 и Дневникъ Полетики.

[2]) Памятная книжка кіевской губерніи 1858 г.

[3]) Камеръ-Фурьерскій жур. 1787.

[4]) Сочиненія императрицы Екатерины II, т. III. Изданіе Смирдина. Спб. 1850. Стр. 336.

Потоцкій, князь Сапѣга, графъ Мнишекъ, графъ Вьельгорскій и камергеръ Суходольскій.

3-го февраля опять большой обѣдъ на 45 персонъ, но выѣзду не было, по случаю оттепели и грязи. Вечеромъ пріѣхалъ въ Кіевъ князь Потемкинъ [1]), остановился въ лаврѣ, и до послѣдняго дня масляницы не являлся къ императрицѣ.

Въ четвергъ 4-го февраля, въ день рожденія великой княжны Маріи Павловны, императрица снова посѣщаетъ лавру при пушечной пальбѣ и съ большою свитою, потомъ, во дворцѣ, пріемъ придворныхъ и пріѣзжихъ съ поздравленіями, и тутъ же оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ представилъ присланныхъ отъ дворянства харьковской губерніи депутатовъ.— Шидловскій, губернскій предводитель, сказалъ императрицѣ рѣчь:

„Всемилостивѣйшая государыня! Харьковское дворянское общество, торжествовавъ нынѣ въ третій разъ свое блаженство возобновленіемъ выборовъ по мудрымъ, благотворительнымъ и святочтимымъ монаршимъ твоимъ узаконеніямъ, избрало насъ повергнуться къ освященнѣйшимъ стопамъ твоимъ со всеглубочайшею благодарностію, коею преисполнены сердца наши! Тщетно бъ дерзнули мы изобразить коль велико сіе чувствіе! Оно выше словъ и единыя благодѣянія твои его превыше. Но да исполнится сладчайшая наша надежда! Да увидимъ мы въ странѣ своей, ожиданіемъ уже восхищенной, великую свою обладательницу и несравненную мать отечества! Тогда всеобщій восторгъ цѣлаго нашего общества, радостныя лица и восклицанія щастливыхъ обитателей обильныхъ полей нашихъ внушатъ болѣе чувствительной душѣ твоей и содѣланное тобою благополучіе твоихъ вѣрноподданныхъ, и признаніе ихъ къ непрестанно изливаемымъ твоимъ щедротамъ“.

Передъ обѣдомъ императрица забавлялась въ шахматы вчетверомъ: съ оберъ-камергеромъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, графомъ Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ и англійскимъ посланникомъ. На великолѣпный обѣдъ, между прочимъ, приглашены были польскіе магнаты: графъ Браницкій,

[1]) Дневникъ Полетики. Стр. 5.

графъ Потоцкій, князь Сапѣга, графъ Мнишекъ и графъ Вьельгорскій. Первый тостъ за здоровье великой княжны Маріи Павловны провозглашенъ былъ самою императрицею, при пушечной пальбѣ съ Печерской крѣпости. Кубокъ императрицѣ подавалъ гофмаршалъ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинской. Вечеромъ во дворцѣ балъ и когда стемнѣло, въ 8 часу, зажженъ былъ фейерверкъ.—Императрица смотрѣла въ окна изъ билліардной комнаты.

На другой день, 5-го февраля, опять балъ и маскарадъ у генералъ-губернатора графа П. А. Румянцева. Сверхъ придворныхъ, особо было приглашено по билетамъ 120 человѣкъ, начиная съ бригадирскаго ранга. Вотъ описаніе этого бала очевидцемъ:

„Императрица пріѣхала въ 8-мъ часу, ее встрѣтили на парадномъ крыльцѣ придворные и генералитетъ въ черныхъ, розовыхъ и орѣховыхъ епанчахъ (домино), безъ мазокъ и всѣ провожали ее въ залъ.

Пройдя съ графомъ въ другіе покои, осматривала ихъ и, возвратясь въ послѣднюю комнату, назначенную для ея пребыванія, разговаривала съ графомъ Безбородко, а по окончаніи разговоровъ вышла въ другую комнату, гдѣ для ея величества приготовлено было мѣсто.

Посмотрѣвъ пристально съ улыбкою на портретъ свой, висѣвшій на этомъ мѣстѣ, ея величество сѣла на свое мѣсто и начала съ тремя мужчинами играть въ карты, а на другихъ столахъ играли другіе господа. Послѣ начали съѣзжаться дамы въ маскарадныхъ платьяхъ, которыя при входѣ являлись къ государынѣ, и по отданіи поклона, отходили обратно въ покои на другую половину черезъ сѣни.

Государыня была не въ маскарадномъ платьѣ, но въ женскомъ кирасирскомъ мундирѣ. Городъ весь былъ иллюминованъ и передъ дворомъ графскимъ иллюминація съ разными рисунками, а особенно стоялъ одинъ большой кругъ, освѣщенный огнями, съ вензелемъ ея величества, а вокругъ него вензели всей царской фамиліи. По сторонамъ этого круга поставлены были два небольшіе круга съ вырѣзкою деревъ еловыхъ, кото-

рые въ 9-мъ часу были зажжены и горѣли голубымъ огнемъ, представляя изъ себя и другіе огни" [1]).

На другой день, по приглашенію графа Румянцева, вся свита и придворные были на маскарадѣ, въ зданіи магистрата на Подолѣ; угощеніе было на счетъ графа Румянцева. Но императрица не изволила быть [2]).

Послѣдній день масляницы (7 февраля) начался богомольемъ въ Фроловскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. У св. воротъ встрѣтила игуменья Августина, изъ фамиліи Апраксиныхъ, съ иконою, а монахини поднесли хлѣбъ и соль на фаянсовомъ блюдѣ *безъ солонки*. Посѣтивъ игуменью въ ея келліи, императрица возвратилась во дворецъ, гдѣ ей были представлены прибывшіе въ Кіевъ: принцъ Нассау [3]) и воевода русскій, польскій графъ Потоцкій. Въ этотъ день въ первый разъ записано въ К.-ф. журналѣ появленіе ко двору князя Потемкина,— онъ былъ приглашенъ къ обѣду. Вечеромъ, въ 9 часу, окончивъ партію въ вистъ съ посланниками, императрица, по случаю наступающаго великаго поста, „откланялась" собравшимся знатнымъ особамъ и удалилась во внутренніе свои аппартаменты [4]). Такимъ образомъ, съ перваго дня пріѣзда императрицы все время проходило въ пріемахъ оффиціальныхъ, въ празднествахъ, балахъ и маскарадахъ. Французскій посланникъ графъ Сегюръ, неимѣвшій достаточно времени, чтобъ осматривать подробно все любопытное, проговорился кому то изъ придворныхъ, что ему очень досадно проѣхать такъ далеко для того только, чтобы видѣть дворъ, слушать греческія обѣдни и присутствовать на балахъ. Кто то пересказалъ объ этомъ императрицѣ; при первомъ же удобномъ случаѣ она сказала Сегюру: „меня увѣряютъ, вы будто осуждаете меня, что я путешествую по

---

[1]) Изъ Дневника Полетики. Сынъ Отеч. 1843. Мартъ. Стр. 6.—Въ Камеръ-фурьер жур. 1787 г. записано, что императрица была въ обыкновенномъ русскомъ платьѣ. К.-ф. ж., 1787, 5 февр.—Въ Херс. Губ. Вѣд. 1871 г., № 33 напечатано тоже въ кирасирскомъ мундирѣ.

[2]) Дневникъ Полетики. Стр. 6.

[3]) Нассау-Зигенъ, принцъ, род. 1745 г. ум. 10 апрѣля 1808, вступилъ въ русскую службу въ 1788 году.

[4]) К.-ф. журналъ. 1787.

моей имперіи для того только, чтобъ давать во всѣхъ городахъ аудіенціи и праздники—вы очень ошибаетесь: я путешествую не для осмотра мѣстностей, а чтобъ высмотрѣть людей; по планамъ и описаніямъ я знаю все то, чего при быстрой ѣздѣ я не могу увидѣть. Для меня же необходимо, чтобъ народъ могъ приближаться ко мнѣ, чтобъ я могла дать доступъ ко мнѣ его жалобамъ и чтобы могла заставить бояться тѣхъ, которые могутъ злоупотреблять предоставленною имъ отъ меня властью, и надѣюсь, что я открою ихъ ошибки, ихъ небрежность или ихъ несправедливость—вотъ польза, которую я ожидаю отъ моихъ путешествій; одно разглашеніе объ нихъ уже приноситъ пользу. Я держусь пословицы „отъ глаза хозяина толстѣетъ и здоровѣетъ лошадь“.

Всѣ эти празднества, балы и оффиціальные пріемы утомили императрицу. Съ наступленіемъ великаго поста она усердно принялась за богомолье и за переписку съ друзьями.

Одинъ изъ нихъ особенно пользовался ея довѣріемъ —это былъ баронъ Гриммъ, жившій въ Парижѣ. Въ письмахъ къ нему она повѣряла самыя сокровенныя тайны о близкихъ ей людяхъ и дѣлахъ: о Бобринскомъ и о своихъ любимцахъ, особенно объ умершемъ Ланскомъ, о Потемкинѣ и даже о несчастной герцогинѣ виртембергской, которая, наканунѣ отъѣзда императрицы изъ Петербурга, бѣжала отъ побоевъ своего мужа во дворецъ [1]). Первое письмо къ Гримму изъ Кіева отъ 8 февраля: „Я пріѣхала сюда 29 января въ добромъ здоровьѣ при морозѣ въ 20 градусовъ, несмотря на этотъ холодъ не было отмороженныхъ ни ушей, ни носовъ. Мы проводили всѣ дни въ балахъ, въ празднествахъ, маскарадахъ, и сегодня, въ понедѣльникъ, слава Богу, начался постъ и прекратился весь этотъ шумъ (bruit). Половина Польши здѣсь, принцъ нассаускій, испанскій грандъ, пріѣхалъ сюда и одинъ испанецъ по имени Мирондо. Когда они всѣ уѣдутъ отсюда, они скажутъ, что не стоило пріѣзжать. Странный этотъ городъ Кіевъ, здѣсь только крѣпости и пред-

---

[1]) Смотри письма Екатерины къ Гримму, напечатанныя въ 23 томѣ Сборника, изд. Императорскимъ Историческимъ Обществомъ.

мѣстье, и мнѣ наскучило отыскивать городъ, который, по всѣмъ признакамъ, въ старину былъ такъ же великъ, какъ Москва". „Отыскивая городъ", императрица однако же интересовалась узнать, какое впечатлѣніе произвелъ Кіевъ на ея спутниковъ посланниковъ. „Какъ вы находите Кіевъ?" спросила она австрійскаго посланника. „Государыня, я не видѣлъ города прекраснѣе, величественнѣе, великолѣпнѣе Кіева", отвѣчалъ Кобенцель. Сегюръ отвѣчалъ какъ поэтъ: „Государыня! Кіевъ представляетъ собою прошедшее и будущее великаго города". На Фицъ-Герберта, вѣроятно, нашелъ въ это время отечественный сплинъ и онъ отвѣчалъ: „Это очень грустное мѣсто, видны только развалины и избушки" [1]).

Въ продолженіе первой недѣли великаго поста императрица никуда не выѣзжала. Посланники не приглашались болѣе къ обѣду по случаю поста и веселились въ отведенныхъ имъ квартирахъ.—Вотъ какъ описываетъ ихъ житье—бытье французскій посланникъ графъ Сегюръ:

„Домъ, гдѣ жили Кобенцель, Фитцъ-Гербертъ и я, и гдѣ мы принимали и русскихъ, и иностранцевъ, принялъ видъ какой—нибудь европейской кофейни, которая была всегда полна, и въ которой сходились разноплеменные люди; здѣсь раздавалась рѣчь на различныхъ языкахъ и употреблялись блюда, фрукты и вина разныхъ странъ. Время проходило въ общей бесѣдѣ или въ частныхъ толкахъ о разныхъ предметахъ отъ важнѣйшихъ до самыхъ обыкновенныхъ". (Записки гр. Сегюра 1785—1789 г. изд. 1865 г. стр. 164).

„Такъ какъ мы всѣ, Кобенцель, Фитцъ-Гербертъ и я, предвидѣли, что, можетъ, принуждены будемъ прожить въ Кіевѣ мѣсяцъ или два, то приказали нашимъ людямъ пріѣхать къ намъ, чтобы намъ можно было устроиться порядочно и принимать знатныхъ особъ здѣшнихъ и пріѣзжихъ. Но всѣ наши приготовленія и сборы были напрасны, и мы должны были отослать нашу прислугу. Императрица непремѣнно хотѣла, чтобы въ продол-

[1]) Записки графа Сегюра о пребываніи его въ Россіи въ царствованіе Екатерины II. Переводъ съ франц. Спб. 1865 г., стр. 159.

женіе всей дороги мы жили на ея счетъ. Я остановился въ прекрасномъ домѣ, назначенномъ для меня и снабженномъ всѣмъ, что мнѣ было нужно. Императрица прислала мнѣ дворецкаго, камердинеровъ, поваровъ, оффиціантовъ, гайдуковъ, кучеровъ, форейторовъ, чудесное серебро, бѣлье и фарфоровый сервизъ, прекрасныя вина, такъ что у меня было все, чтобы жить роскошно. Она запретила принимать отъ насъ какую либо плату, такъ что впродолженіе всего путешествія единственно дозволенною для насъ издержкою были подарки, какіе бы намъ заблагоразсудилось дѣлать хозяевамъ домовъ, въ которыхъ насъ помѣщали. Мы соображались съ волею императрицы, и какъ нѣкогда въ Польшѣ я прожилъ нѣсколько дней настоящимъ польскимъ паномъ, такъ и въ Кіевѣ жилъ своимъ дворомъ, какъ любой русскій бояринъ или какой нибудь потомокъ Рюрика или Владиміра. Когда императрица не приглашала насъ къ своему столу, что случалось раза два въ недѣлю, мы давали обѣды у себя. Но скоро намъ надоѣло жить раздѣльно, и мы согласились сходиться у графа Кобенцеля, потому что домъ его былъ просторнѣе и покойнѣе и могъ свободно вмѣщать большее число гостей, что для насъ было пріятнѣе. Сообща намъ было легче нести тягостную обязанность принимать множество иностранцевъ, прибывшихъ въ Кіевъ. По этому распорядку, мнѣ приходилось обѣдать дома только тогда, когда я былъ нездоровъ или хотѣлъ принять у себя только своихъ пріятелей. (Зап. гр. Сегюра 1785—1789 гг. изд. 1865 г. стр. 155).

Сегюръ, въ своихъ запискахъ, оставилъ намъ любопытный разсказъ о Суворовѣ.—Въ числѣ иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ Кіевъ посмотрѣть на императрицу, былъ знаменитый французскій полковникъ Ламетъ, посѣщавшій часто Сегюра. Одинъ разъ онъ встрѣтился тутъ и съ Суворовымъ.—„Ваше отечество?“ спросилъ Суворовъ отрывисто.—„Франція“. „Ваше званіе?“—„Солдатъ“.—„Вашъ чинъ?“.—„Полковникъ“.—„Имя?“—„Александръ Ламетъ“.—„Хорошо“. Ламетъ, не совсѣмъ довольный этимъ небольшимъ допросомъ, въ свою очередь обратился къ генералу, смотря на него пристально: „Какой вы націи?“—„Должно быть русскій.—„Ваше званіе?.“—„Солдатъ.“—„Вашъ

чинъ?"—„Генералъ".—„Имя?"—„Александръ Суворовъ".—„Хорошо". Оба расхохотались и съ тѣхъ поръ были очень хороши между собою. (Запис. гр. Сегюра 1785—1789 г., изд. 1865 г. стр. 161).

Между тѣмъ во дворцѣ первая недѣля великаго поста проходила, сравнительно съ обыкновенными днями, безъ всякихъ особенныхъ увеселеній. Игры въ шахматы, билліардъ и карты прекратились. Поутру, въ 10 часу, духовникъ Иванъ Ивановичъ Панфиловъ отправлялъ церковныя службы. Къ обѣду приглашались только лица свиты, изъ постороннихъ же только графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ и одинъ разъ англійскій посланникъ.

Обѣденный столъ и дессертъ изготовлялись постные.—Въ 5 часу отправлялись ефимоны. До 8 ч. вечера императрица проводила съ приближенными въ разговорахъ.

Въ среду передъ аудіенцъ-камерою въ кавалерской столовой комнатѣ поставлена была пѣхотнаго днѣпровскаго полка походная церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла, въ тотъ же день она освящена и въ ней отслужена духовникомъ утреня, часы и преждеосвященная литургія. Въ пятницу вечеромъ, послѣ исповѣди у духовника своего, императрица изъ своихъ комнатъ въ собраніе не выходила. Духовнику за исповѣдь пожалована тысяча рублей. Въ субботу государыня во внутреннихъ своихъ покояхъ слушала правило къ св. Причащенію, а между тѣмъ съѣхалась вся свита. Сопровождаемая ею императрица, въ 9 часу утра, выѣхала въ Кіево-Печерскій монастырь къ литургіи. По начатіи канона государыня прикладывалась къ св. иконамъ, за нею прикладывались: камеръ-фрейлина Протасова, фрейлина графиня Е. И. Чернышева и прочія изъ свиты, въ это время постившіеся. По окончаніи канона и молитвъ къ св. Причащенію, для пріобщенія св. Христовыхъ Таинъ, императрица взошла въ царскія врата и близь оныхъ, противъ престола въ алтарѣ, приняла св. Дары, потомъ, по выходѣ въ царскіе же врата, духовникъ ея поднесъ антидоръ, гофмаршалъ князь Барятинскій теплоту и камергеры Чертковъ

и Нелединскій воду и утиральникъ (К.-ф. ж. 1787). Послѣ императрицы пріобщались лица свиты. Къ обѣду были приглашены не много лицъ изъ свиты и сверхъ того Румянцевъ и Потемкинъ, который во всю недѣлю не являлся во дворецъ. Вечеромъ, послѣ церковнаго служенія, походная церковь была вынесена изъ дворца (К.-ф. ж. 1787 г.).

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Семенъ Вакуленко, сотникъ пирятинскій.

(1696 — 1720 г.).

Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка сотникомъ пирятинскимъ былъ, впродолженіе четверти столѣтія, Семенъ Вакуленко, принявшій сотничій урядъ въ началѣ 1696 г. отъ Андрея Гладкого и уступившій его въ 1720 г. Григорію Корнѣевичу.

I.

Семенъ Вакуленко не выдавался изъ рядовъ малороссійской старшины ни своимъ ооразованіемъ, ни какими-либо военными или гражданскими доблестями и, по всей вѣроятности, не заслуживалъ бы особеннаго вниманія историка и могъ бы быть причисленъ съ перваго взгляда къ сонму ему подобныхъ представителей старшины, если-бы прошлое лѣвобережной Украины было разработано и изучено въ деталяхъ. Въ настоящее время, когда еще такъ мало изслѣдованій по исторіи гетманщины и, въ частности, совсѣмъ нѣтъ ихъ по исторіи лубенскаго полка, заключавшаго въ себѣ и пирятинскую сотню и занимавшаго обширную территорію по бассейну р. Сулы отъ истоковъ ея до устья, весьма важно ознакомиться съ личностью сотника, пановавшаго столь долгое время въ благодатныхъ пирятинскихъ степяхъ и доставившаго своимъ потомкамъ крупицы отъ обильной трапезы знаменитаго въ лѣтописяхъ малороссійскаго землевладѣнія лубенскаго полковника, Леонтія Назаровича Свѣчки, чуть не сравнявшагося по своимъ, правымъ и не правымъ путемъ

нажитымъ, земельнымъ богатствомъ со своимъ предшественникомъ въ Лубенщинѣ блестящимъ княземъ „na Lubniach“ Іереміей Вишневецкимъ.

Семенъ Вакуленко является типичнымъ представителемъ сотенной старшины, подбиравшей къ своимъ рукамъ, благодаря своему общественному положенію, неинтересные для „великихъ пановъ“, генеральныхъ и полковыхъ урядниковъ, „гайки, нивки, млинки“, методически собиравшей эти крохи, формировавшей такимъ образомъ среднее землевладѣніе и положившей этимъ путемъ прочныя основы благосостоянію позднѣйшихъ потомковъ своихъ, нынѣшняго малороссійскаго дворянства. Изучая дѣятельность Семена Вакуленка и его ближайшаго потомства, мы можемъ выяснить съ достаточной подробностью вопросъ объ образованіи малороссійской старшины, позднѣйшаго шляхетства, объ ея постепенномъ выдѣленіи изъ состава рядоваго козачества и усиленіи, при помощи эксплуатаціи своихъ же собратовъ козаковъ и безправныхъ посполитыхъ.

Разнообразны были виды эксплуатаціи, средства къ обогащенію.

Наиболѣе выгодною и всякому доступною отраслью сельскаго хозяйства въ старой Малороссіи были мельницы: водяная сила—даровая, лѣсъ, по малочисленности населенія, тоже ничего не стоилъ, нужно было лишь приложить личный трудъ и въ рукахъ было дѣло, доставлявшее живецъ для дальнѣйшаго развитія благосостоянія; поэтому не было рѣки или рѣченки въ лѣвобережной Украинѣ, которая не была бы запружена въ разныхъ мѣстахъ по своему теченію гатями съ большими и малыми „млинами“.

И въ дѣлѣ устройства плотинъ съ мельницами болѣе сильные имѣли преимущества—они выбирали лучшія мѣста, пользовались въ большемъ размѣрѣ даровымъ трудомъ „черни“, эксплуатируя ее на разные лады.

Для иллюстраціи этого, мы прослѣдимъ устройство трехъ плотинъ съ мельницами по теченію р. Удая въ предѣлахъ пирятинской сотни—при с. Новой Греблѣ, с. Великой Кручѣ и с. Кейбаловкѣ. Первыя двѣ существуютъ и по-нынѣ, будучи выгачены по волѣ представителей высшей старшины въ наилуч-

шихъ, конечно, мѣстахъ р. Удая, отъ третьей не осталось и слѣда.

Ново-гребельская плотина была устроена по желанію знаменитой гетманши Настасьи Марковны Скоропадской. Въ бытность лубенскаго полковника Василія Савича весной 1712 г. въ Глуховѣ, гетманша сообщила ему, что на р. Удаѣ около с. Гурбинецъ одинъ козакъ устроилъ запруду и поставилъ небольшую мельницу, которая и куплена ею у него „для потреби двору рейментарского“, но что запруда устроена плохо, а потому она просила полковника сдѣлать распоряженіе жителямъ окрестныхъ селъ о надлежащей насыпкѣ плотины въ указанномъ мѣстѣ. Вернувшись въ Лубны, Савичъ разослалъ ордеръ пирятинскому сотнику, городовому атаману и войту, а также сельскимъ атаманамъ с. Дащенокъ, с. Яцынъ, с. Бѣлоцерковецъ, с. Кейбаловки, с. Харьковецъ, с. Усовки, с. Мокляковъ, с. Кротовъ, с. Гурбинецъ, с. Леляковъ, с. Митченокъ, с. Сосиновки, с. Давидовки, с. Гробаровки, с. Вечурокъ, товариству и войтамъ тамошнимъ съ посполитыми людьми, о томъ, чтобы они выгатили, какъ слѣдуетъ быть, новую плотину (греблю) и впредь, „по давнему обикновенію“ исправляли, когда нужно. Пирятинской же сотенной старшинѣ приказывалось особенно, чтобы она „в виганяню тих селян в час потребний неоспалое ложила старання, а вишеупомянутих сюл жители якъ козаки, такъ и посполитие без жаднои очурности предречепую новую греблю гатити повинни, а найбарзѣй в час сей, в котории, за нераденнемъ тамошних мелниковъ, подлуг належитости оная не зостает уфундована“, кромѣ того пирятинскому сотнику приказывалось, „вичитавши сей ордеръ, одослати до рукъ его милости пана сотника прилуцкого полкового, а соби такийже список зоставивши, подлуг указу, в нем виражeного, справу тею мѣти“. Конечно, воля властолюбивой гетманши была въ точности исполнена и „новая гребля“ существуетъ и по-нынѣ около одноименнаго села и съ трудомъ поддерживается, безъ содѣйствія, само собою разумѣется, обывателей болѣе чѣмъ тридцативерстной окружности.

Ясновельможной гетманшѣ можно было, конечно, въ широкой степени пользоваться даровымъ трудомъ „черни"; полковая старшина, при всемъ своемъ значеніи, не всегда могла прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ, для приведенія въ исполненіе своихъ корыстолюбивыхъ желаній, и измышляла другіе способы, оформливая ихъ въ видѣ договоровъ, внесенныхъ въ „мѣскія книги", договоровъ, напоминающихъ игру кота съ мышью.

Въ 1675 г. къ лубенскому полковнику Ивану Өедоровичу (Сербину) обратился одинъ изъ мельниковъ пирятинскихъ, Семенъ Пацъ, съ просьбой разрѣшить устроить мельницу ниже пирятинской гребли на р. Удаѣ въ урочищѣ „Круча", слѣдствіемъ чего былъ слѣдующій ордеръ:

„Иванъ Өедоровичъ, полковникъ в. е. ц. п. в. з. лубенскій. Пану сотникови в. е. ц. п. в. з. пирятинскому, атамановѣ городовому, войтови и всему в той сотнѣ товариству, такъ же мелникамъ тамошнимъ и посполитымъ людемъ подаю вѣдати, ижъ хотячи ми аби скарбъ войсковий з млиновъ в полку моемъ множился; а людемъ посполитымъ в молотю збожа слушная подъ часъ засухи лѣтней была выгода, теди позволилемъ пану Семену Паценковѣ, мелниковѣ пирятинскому, ниже млиновъ пирятинскихъ в Кручи, подле лѣса Турчининого, яко повѣдѣлъ той-же Семенъ, же жадному не будетъ перешкоди, на волномъ фундуши новий млинъ фундовати з еднимъ коломъ, которому то Семеновѣ Паценковѣ мелниковѣ, аби такъ от старшины и черни пирятинское, яко и от мелников пирятинских найменшое уфундованню и диспонованню млина не было перешкоди, пилно жадаю и приказую. Данъ з Лубенъ, августа 15 дня 1675 року. Звишменований полковникъ лубенскій". (М. п. полковника Сербина).

Несмотря на полковничій приказъ, чтобы никто „от старшины" не мѣшалъ Пацу въ его предпріятіи, новоустраиваемой греблей заинтересовался лубенскій полковой асаулъ, Леонтій Назаровичъ Свѣчка. Онъ послалъ въ с. Повстинъ, находящееся въ полуторѣ верстѣ отъ кручанской гребли, своего довѣреннаго человѣка Демьяна Малахвіенка расспросить „старожитнихъ" людей, на какомъ основаніи Семенъ Пацъ считаетъ себя владѣль-

цемъ того мѣста на р. Удаѣ, гдѣ онъ задумалъ, съ разрѣшенія полковника, устраивать мельницы, тогда какъ извѣстно, что еще прежде устроенная на этомъ мѣстѣ небольшая гребля называется „Селѣтрениковою“, по имени своего фундатора. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ повстинскій священникъ, отецъ Михайло, сказалъ:

„Панъ Селѣтреникъ былъ господаремъ до тоей греблѣ, а Пацъ мѣрочникомъ, такъ якъ тепер у пана асаула полкового лубенского Дмитро Заруднeнко млини строитъ“.

Повстинскій атаманъ Ярушъ, Демьянъ Смаглій и Клѣщарь и „многіе люде старинніе“ стали говорить: „мы того часу, якъ греблю Семенъ Селѣтреникъ займавъ, своимъ власнимъ коштомъ и скарбомъ гачовали, и намъ былъ такій могоричъ, кто привезе десятокъ албо и два десятки палей, то каждую паль по чеху платилъ, а хворосту хто привезе килко вузъ, то за каждій по осмаку платилъ, бо того часу не трудно было на хворостъ, на Слепородѣ лузѣ было безъ числа, хто хотѣвъ заробити, то возами двома и трома той хворостъ возили, а гды тую греблю зробили якъ потреба и скрипѣ построили, мѣли южъ млинъ будовати, такъ Хмелничина устала и не сталося скуткомъ слушнимъ“. Малафіенко дѣлалъ распросы эти въ 1679 г. Дѣлалось это не спроста. Корыстолюбивому асаулу хотѣлось, опираясь на свидѣтельства „старожитнихъ“ людей, что де Пацъ незаконно захватилъ чужую греблю, заставить послѣдняго отказаться отъ своихъ правъ и перейти на положеніе наймита, мирошника, работающаго въ пользу Свѣчки. Въ 1682 г. Свѣчка выпросилъ у новаго полковника Максима Ильяшенка ордеръ, разрѣшающій устроить гать и поставить мельницу объ одномъ колесѣ въ Кручѣ, такъ какъ будто бы до этого времени тамъ ничего еще не было устроено. Заручившись этимъ ордеромъ, Свѣчка является 20 августа 1684 г. къ пирятинскому сотенному уряду, въ лицѣ сотника Власа Семашка, атамана городоваго Андрея Гладкого, войта Семена Ковелскаго и бурмистра Гаврила Кириловича и заявляетъ:

„Пане вряде городовий перятинскій! Добродѣй мой, его милость панъ Максимъ Иляшенко, полковникъ в. е. ц. п. в. з.

лубенский з ласки своее панское на прозбу мою позволилъ млинокъ на рецѣ Удаѣ, низче греблѣ мѣское пѣрятинское в Кручи, под селомъ Повстиномъ реставровати, который млинокъ за ласкою Божнею моглемъ бы зо всѣмъ своимъ коштомъ, якъ пристоитъ пофундовати, еднакъ до того с приязнѣ моей принялемъ Семена Паценка, мелника и обывателя перятинского, под такою кондицнею: мое толко мѣстце, где зоставатеметъ млинъ, з ласки добродѣя моего его милости пана полковника, а Семенъ Пацъ повиненъ старатис деревнею, камѣнемъ, залѣзомъ и своею працею, албо рачей маетностію, той млинъ фундовати, а моя повинность толко додати ему помощи, еслибы трафилося бити палѣ на другий камѣнь, албо ступы ставити и гребельки гатити. З якого млина, кгди пофундованъ будетъ за помочию Божиею и ступы поставлены, также, если дастъ Богъ здорове, еще к томуж млинкови поставити другий камѣнь, зо всѣхъ тѣхъ млинковихъ пожитковъ и з ступъ маемо и повинни будемо з Семеномъ Пацомъ, мелникомъ и обывателемъ перятинскимъ, користовати и пожитковати сами, жоны и потомство наше на вѣчние часы по половици. Еслибы въ томъ моемъ млину мѣла быти часть войсковая, з ласки добродѣя нашего ясневелможного его милости пана гетмана, приходовъ борошенныхъ оддалена, то еднакъ другою частю, албо рачей половицею вшелякого приходу млинового с тимже Семеномъ Пацомъ будемъ делитися по половици".

Попавшемуся въ лапы хищнаго асаула, Семену Пацу ничего не оставалось, конечно, сдѣлать, какъ, „дякуючи велце пану асаулови за таковую доброту, поднятис тие всѣ потреби млиновие своимъ коштомъ вистарчати и мастерствомъ своимъ млинъ въ томъ мѣстцю и чого толко до млина того потреба указоватиметъ дѣлностю своею старатись".

Грабежъ этотъ, или, по взглядамъ того времени, „доброволний способъ", былъ узаконенъ занесеніемъ въ „мѣскую книгу" и упроченъ залогомъ въ 100 таляровъ, внесенныхъ въ войсковую казну.

Но, видно, Пацъ не вполнѣ примирился съ совершившимся фактомъ и хлопоталъ о возстановленіи своего права на владѣніе

кручинскою греблею, такъ какъ въ 1696 г. уже Свѣчка снова обратился къ содѣйствію памяти „старожитнихъ людей“, на этотъ разъ изъ с. Деймановки—Грицко Кривецъ, Тишко Рудко, Семенъ Хурса и Грицко Сичь заявили слѣдующее:

„За пана Вишневецкого, державци сихъ повѣтовъ, бувъ нѣякій панъ, именно Семенъ Селѣтренникъ, и займавъ овую греблю своимъ власнимъ коштомъ такимъ способомъ, хто привюзъ дубувъ на палѣ, то каждую паль плативъ по чеху, а за вузъ хворосту плативъ по осмаку, а тие палѣ деймановци и повстинци вожували, которому фундованню греблѣ Пацъ старий майстромъ найдовався, и гды южъ угатили греблю и скринѣ построили, теди ми в своихъ потребахъ через греблю ежджовали в степь косити сѣновъ и жати пашень, а построивши греблю и скринѣ, мѣли млини будовати, токмож Хмеличчина стала и не пришла в совершение, що мы, вѣдаючи певне, сознаемъ“.

Попытки Паца возвратить себѣ захваченное Свѣчкой владѣніе не увѣнчались, очевидно, успѣхомъ, такъ какъ изъ духовнаго завѣщанія Леонтія Свѣчки видно, что кручанская гребля досталась сыну послѣдняго, Ивану. Злосчастный мельникъ польстился на черезчуръ лакомый кусочекъ, пришедшійся тоже по вкусу болѣе сильному, за что и поплатился, попавши въ кабалу къ послѣднему. Мѣстами удобными для устройства большихъ плотинъ съ нѣсколькими мельницами интересовались „великіе паны“, мелкая же сошка должна была довольствоваться худшими угодьями, гдѣ можно было скромными средствами устроить запруду, „гать езовимъ способомъ“, т. е. забивши колья одинъ около другого и переплетши ихъ лозою, если не хотѣла подвергнуться участи Семена Паца.

Такого рода гать устроилъ па р. Удаѣ около с. Кейбаловки козакъ и мельникъ пирятинскій, Семенъ Вакуленко. Въ томъ же году, что и Семенъ Пацъ, онъ обратился къ лубенскому полковнику Ивану Өедоровичу Сербину съ просьбой дозволить ему загатить Удай противъ с. Кейбаловки, верстахъ въ трехъ выше Пирятина, и поставить мельницу. Получивши разрѣшеніе, онъ устроилъ „греблю, албо рачей гать езовимъ способомъ“, и построилъ мельницу объ одномъ камнѣ, заготовивши, впрочемъ,

заставку и для другого колеса. Такъ какъ предпріятіе Семена Вакуленка по условіямъ мѣстности было очень скромное, то оно не только не возбудило аппетита Леонтія Свѣчки, но даже упрочилось и расширилось, при содѣйствіи послѣдняго. Когда въ 1685 г. Семенъ Вакуленко задумалъ воспользоваться другой заставкой и устроить другое колесо, то ему пришлось просить разрѣшенія у лубенскаго полковника Максима Ильяшенка. Опасаясь, чтобы это не повредило пирятинскимъ мельницамъ, послѣдній обратился съ соотвѣтствующимъ запросомъ къ своему асаулу, какъ пирятинскому обывателю, и получилъ отъ него, вѣроятно, „подкупленнаго" Вакуленкомъ, самый благопріятный отзывъ, вслѣдствіе чего и далъ разрѣшеніе Вакуленку на устройство другаго колеса, хотя и сомнѣвался, очевидно, въ правильности мнѣнія Свѣчки объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ въ ордерѣ пирятинской сотенной старшинѣ полковникъ приказываетъ, чтобы ни старшина, ни *„особливе" мельники пирятинскіе*, „не важилися жадноп и наименшои в том млинѣ чинити перешкоди".

Какъ видимъ, Семенъ Вакуленко былъ первоначально простымъ козакомъ и мирошникомъ на пирятинскихъ мельницахъ. Въ 1675 г. онъ сдѣлалъ первую попытку превратиться изъ наймита въ самостоятельнаго хозяина и, соорудивши собственными руками мельницу около с. Кейбаловки, сталъ на ноги и дѣлался постепенно все болѣе зажиточнымъ. Покровительство вліятельнаго Леонтія Свѣчки очень поспособствовало его обогащенію и возвышенію.

Хронологическій перечень сдѣланныхъ Семеномъ Вакуленкомъ земельныхъ пріобрѣтеній былъ бы крайне утомителенъ въ виду ихъ многочисленности и дробности, а потому мы упомянемъ здѣсь лишь о наиболѣе своеобразныхъ и типичныхъ способахъ пріобрѣтенія недвижимой собственности, которые онъ практиковалъ. Мы можемъ ознакомиться съ ними въ подробностяхъ, благодаря примѣрной предусмотрительности и аккуратности нашего сотника, который въ срединѣ своей службы, въ 1705 г., послѣ того какъ скупилъ немало пахатной земли и угодій, завелъ, для памяти и удостовѣренія права владѣнія, „книгу господарскую", въ которую внесъ и затѣмъ продолжалъ

вносить копіи съ жалованныхъ гетманскихъ универсаловъ, разрѣшительныхъ и подтвердительныхъ полковничьихъ ордеровъ, съ уступочныхъ записей и купчихъ крѣпостей; въ эту же книгу вносились записи мелкихъ покупокъ, въ формѣ реестра, или, какъ тамъ называется, „мамрама“ (memorandum?), которыя потомъ обыкновенно всѣ вмѣстѣ представлялись на утвержденіе сотеннаго уряда. Книга эта, равно какъ и нѣкоторые другіе подлинные документы, относящіеся къ роду Вакуленковъ, сохранялись у наслѣдницы Вакуленковскихъ маетностей графини Екатерины Петровны О'Руркъ, урожденной Селецкой, бабушка которой по отцу, Марья Даниловна († 1844 г.), была послѣдней представительницей рода Вакуленковъ, или Вакуловичей, какъ стали называть себя для большаго эффекта потомки Семена Вакуленка, въ усадьбѣ ея „Отрада“, около с. Малютинецъ пирятинскаго уѣзда. Въ приложеніи къ настоящей статьѣ мы помѣстимъ нѣкоторые документы, какъ прямо относящіеся къ роду Вакуловичей, такъ и посторонніе, представляющіе значительный научный интересъ и сохранившіеся вмѣстѣ съ книгой господарской Семена Вакуленка.

II

Когда Семенъ Вакуленко утвердился въ с. Кейбаловкѣ, еще въ качествѣ скромнаго мельника, онъ началъ хлопотать объ увеличеніи своей недвижимой собственности. Первоначально онъ сталъ подбирать мелкія крупицы; такъ, напримѣръ, въ 1686 г. онъ купилъ у пирятинскаго козака Григорія Додоки небольшой земельный участокъ, поросшій лозой, за стогъ сѣна. Когда же у него завелись деньги, онъ сталъ давать ихъ подъ залогъ недвижимости, а то и прямо, конечно за безцѣнокъ, покупать „нивки, гайки, ставища“.

Въ концѣ декабря 1687 г. къ пирятинскому сотенному уряду, въ лицѣ сотника Леонтія Кичкаровскаго, атамана городового Тимоѳея Куриленка, войта Стефана Левченка, бурмистровъ Марка Стефановича и Ивана Стефановича, явился козакъ изъ с. Митченокъ, Иванъ Карпенко, и заявилъ слѣдующее:

„Пане вряде, чиню вѣдомо милостемъ вашимъ, иж будучи я виноватъ за напой в аренду в селѣ своем шинкару сто золотихъ, немѣючи чимъ оддати, в томъ року 1686 визичилемъ золотихъ сто у пана Семена Вакуленка и далемъ ему свой лѣсъ в заставѣ под такою кондициею: если бымъ того лѣса не викупилъ в року 1687 о пятюнкахъ за копъ пятдесятъ, то южъ ся его вѣчне немаю упоминати; що тежъ, немаючи готовой сумы, чимъ оддати, хотя и поддеръ Семенъ Вакуленко виждалъ од пятюнокъ всюю Пилиповку, я варую и записую увесь той лѣсъ, килко его есть, пану Семену Вакуленку за тую суму за пятдесят копъ даю".

Въ 1694 г. козакъ изъ с. Леляковъ, Василій Погорѣлко продалъ Вакуленку „безъ жадного примусу" лѣсъ свой подъ с. Кейбаловкой.

Пока Вакуленко былъ частнымъ человѣкомъ, округленіе имущества шло медленно, такъ какъ приходилось довольствоваться лишь тѣми кусочками, что давались въ руки сами, послѣ предварительнаго займа, надобность въ которомъ могла случаться лишь у бѣдняковъ, не имѣвшихъ возможности вынутаться и уплатить долгъ и „записавшихъ" Вакуленку свои микроскопическіе участки. Съ 1696 г. дѣло пошло иначе. Въ началѣ этого года Семенъ Вакуленко попалъ въ ряды старшины—благодаря вліянію Леонтія Назаровича Свѣчки, бывшаго уже лубенскимъ полковникомъ, онъ сдѣлался пирятинскимъ сотникомъ прямо, минуя, противъ обыкновенія, низшій урядъ городоваго атамана. Внезапное возвышеніе сразу отразилось на характерѣ покупокъ—онѣ становятся крупнѣе и, кромѣ того, замѣтно насиліе, обусловливаемое высшимъ общественнымъ положеніемъ и авторитетомъ власти покупщика, хотя впрочемъ на первыхъ порахъ Вакуленко не рѣшался еще дѣйствовать самъ на свой страхъ и дѣлилъ добытое со своими сослуживцами, дабы не возбуждать ихъ зависти, а, слѣдовательно, и наговоровъ.

Въ 1696 году 24 мая житель г. Переяслава Никита Жеребило заявилъ пирятинскому сотенному писарю Демьяну Даниловичу, въ присутствіи Стефана, довбыша лубенскаго полка, слѣдующее:

„Чиню вѣдомо тепер и в потомние часы, ижъ з доброи волѣ моей, щомъ одстоялъ лѣсъ, гребелку, ставище, стѣнку, сѣножати, дядкувщину свою над Оржицею од Андрея Филовенка, що перво отецъ его у посессии мѣлъ и продалъ Дмитру Коноваленку, тепер я, дойшовши всего того кгрунту, з наказу суду енерального войскового в Батуринѣ, продалемъ у вѣчность до спокойного вживання двомъ персонамъ, паномъ Семену Вакуленку, сотникови пирятинскому, и Тимоѳею Куриловичу, отаманови городовому тожъ пирятинскому за певную и готовую суму сто золотихъ“.

Дальнѣйшей скупкѣ разнаго рода недвижимаго имущества помѣшалъ предпринятый Петромъ Великимъ, весною 1696 года, второй азовскій походъ, въ которомъ приняли участіе и малороссійскіе козаки, подъ предводительствомъ наказнаго гетмана Якова Лизогуба, въ томъ числѣ и лубенскій полкъ, а въ частности и Вакуленко со своей пирятинской сотней. Впрочемъ нашего сотника, какъ увидимъ дальше, и среди воинскихъ подвиговъ и невзгодъ войны не покидали хозяйственныя соображенія, не мѣшавшія ему, вѣроятно, наравнѣ съ прочими козаками, показывать воинскія доблести, о которыхъ съ такой похвалой отзывается Петръ въ своей грамотѣ патріарху послѣ взятія Азова:

„Сего же настоящаго іюля мѣсяца 17 числа, въ пятокъ, малороссійскія нашія войска, по жребію своему въ тѣхъ трудѣхъ пребывающія, при которѣхъ неотступно пребывая мужъ въ добродѣтели и въ военныхъ трудѣхъ искусный гетманъ наказный Яковъ Лизогубъ, обще донскаго нашего войска съ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ и съ донскими козаками предварили непріятельской роскатъ подкопать, и на него мужественно взойтить, и съ непріятели бившись довольно, и тѣмъ роскатомъ овладѣли, и дождався ночи, съ того роската четыре пушки стащили; а въ 18 числѣ, въ субботу, о полудни, непріятели, азовскіе сидѣльцы, видя войскъ нашихъ крѣпкое на градъ наступленіе и промыслъ радѣтельной, а свою конечную погибель, замахали шапками и знамена приклонили и выслали для договора отъ себя двухъ человѣкъ знатныхъ людей, и били челомъ, чтобъ даровать животомъ и отпустить бы ихъ съ женами и съ дѣтьми, а на знакъ

увѣренія въ твердости и въ правѣ оставили двухъ человѣкъ аманатовъ и отдали Нѣмчина Якушку, который, измѣня, изъ войскъ нашихъ ушелъ къ нимъ въ Азовъ и обусурманился прошлаго году. А въ 19 числѣ азовскіе сидѣльцы городъ Азовъ со всѣмъ что въ немъ было отдали [1])".

И въ то время, когда рѣшалась судьба грозной турецкой твердыни, когда Петръ Великій становился твердою ногой на берегу южныхъ морей, 16-го іюля, наканунѣ успѣшнаго штурма, которымъ хвалится царь патріарху, хозяйстливый сотникъ, взвѣсивъ выгодность дѣла и забывая про то, что, быть можетъ, черезъ нѣсколько часовъ онъ ни въ чемъ земномъ не будетъ нуждаться, заставляетъ козака изъ с. Кейбаловки, Романа Матвѣенка, одного изъ своихъ подчиненныхъ, держать въ „таборѣ", въ присутствіи своего полковника Леонтія Свѣчки, полкового судьи Андрея Яковича, асаула Григорія Таволги и многочисленнаго „товариства", слѣдующую рѣчь:

„Я, Романъ Матвѣенко, з села Кейбаловки повѣту пирятинскаго, зайшлий на Дунъ до города Черкаскаго, а зостаючий тепер на служби монаршой его царскаго пресвѣтлаго величества подъ городомъ Азовомъ, и вѣдаючий певне, же брати мои, еденъ попалъ в неволю бѣсурманскую, а о другомъ гдѣ подѣлся жаднои не мѣю вѣсти, прето кгрунтъ отцевский стоячий и лежачий, яко то лѣси, поля пахатние и инии кгрунта, а особливое дворище лежачое, продалемъ пану Семену Вакулѣ, сотникови пиратинскому, за суму певную купъ двадцять у вѣчность. Поневажъ отецъ нашъ зийшов нагле изъ сего свѣта, не распорадившись (в лѣтехъ недорослихъ) жаднимъ тестаментомъ, теди еслибы хто из кревнихъ моихъ тими кгрунтами владѣлъ, или куплею набувши держалъ, то повиненъ зо всего прреченому пану сотникови уступити, а у кого куповавъ в того вложеной суми своей доправлятися и доходити маетъ. А я, яко тихъ добръ отцевскихъ поссессоръ, овие кгрунта всѣ сполне ему пану сотникови пускаю до спокойного уживання, варуючи, аби нѣхто оного нѣв-

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XIV, стр. 214.

чомъ турбовати не важився, хочби и братъ мой, который появився, то зо мною мѣтиметъ росправу".

Вакуленко поспѣшилъ, конечно, занести на бумагу эти „доброволние слова" Романа Матвѣенка, но при этомъ спохватился, что Матвѣенко забылъ оговорить, что онъ продаетъ также свое право на рыбную ловлю на рѣчкѣ Перевозѣ, а потому, чтобы придать болѣе значенія этой дополнительной продажѣ, нашъ сотникъ обратился съ просьбой къ донскому атаману Фролу Минаеву, чтобы онъ взялъ у Матвѣенка дополнительную уступочную запись на рыбную ловлю, что тотъ и исполнилъ, передавши Вакуленку слѣдующее „письмо":

„Я, Романъ Матвѣенко, продалъ кгрунтъ, лесы, поле и ези на воде в Перевозе пану Семену Вакулѣ, сотникови перятинскому, за десять рублей, а той кгрунтъ продалъ я в вѣчние часи, ни братя, ни родичи не мають уступатись, а если хто схочеть уступатись, нехай на Дону мене шукае, Романа Матвѣева.

„А сее писмо, по челобиттю Романа, приказалъ дать. Атаманъ Фролъ Минаевъ". (М. п. Фрола Минаева).

Вернувшись изъ подъ Азова въ родную Кейбаловку, Вакуленко сейчасъ же сталъ разыскивать купленные имъ у Матвѣенка участки около Кейбаловки и „оддалеце села" и разспрашивать старожилыхъ людей, кто и на какомъ правѣ владѣетъ ими. Тогда нѣкоторые старики—кейбаловскій сельскій атаманъ Яцько Ващенко, Овдѣй Старый, Семенъ *Кейбало* и Лукьянъ Пляшечникъ стали вспоминать старину, и Кейбало разсказалъ слѣдующее:

„По смерти Матвѣя и его жони осталися три сини в молодихъ лѣтехъ, под часъ той же хлѣбъ бувъ доругъ и тии дѣти розийшлися, едно о другомъ незнаючи, а кгрунта пустовали. Приехавши з Прилуки чоловѣкъ повѣдавъ ся бути дядко тихъ дѣтей Матвѣевихъ, по рожаю матчиному, и продавъ самий еденъ лѣсъ Грицкови Ситниченкови за три таляри..."—„Я—прибавилъ Лукьянъ Пляшечникъ—и позичивъ Грицкови, шуринови свому, бо и мене мѣвъ прийняти до половици".—„Знаючи Грицко Ситниченко,—продолжалъ Кейбало—же еденъ синъ Матвѣевъ, Гаврило, пасъ бидлята не подалецѣ в селѣ Каплинцяхъ, вишукавши

того хлопця, гроши ему дававъ, а онъ мовивъ, плачучи: „на що мени гроши, де ихъ подимъ“, и, узявши, дядькови давъ. Другий синъ Матвѣевъ бувъ въ селѣ в килко лѣтехъ, того лѣса не достосвавъ. И незнати де ся они подѣли тии дѣти Матвѣеви. До того лѣса принято дарма гай и всѣ кгрунта Матвѣевскии. По смерти зась Грицка Ситниченка, жона его продала той лѣсъ самий Андрѣю Кушнеру за пять копъ, говоря такъ: стоитъ той лѣсъ и десяти копъ, тилко онъ непеный, у пяти копахъ пускаю тобѣ, якъ хто одзовется, жеби менше ворочати, а не будетъ нѣкого до него, вѣчний твой будеть; а гаю и нѣякого кгрунта нѣхто не продававъ, тилко самий лѣсъ у продажи ходить“.

Видя изъ этихъ разсказовъ, что настоящаго хозяина не оказывается, Вакуленко, ссылаясь на эти свидѣтельства старожилыхъ людей, обратился съ просьбой къ лубенскому полковому уряду, чтобы было утверждено за нимъ проданное ему Романомъ Матвѣенкомъ недвижимое имущество. Полковникъ Леонтій Свѣчка, въ бытность свою 14 сентября 1696 года въ Пирятинѣ, вызвалъ кейбаловскихъ стариковъ и, выслушавъ ихъ показанія, постановилъ, совмѣстно съ городовымъ пирятинскимъ урядомъ, слѣдующее:

„Чуючи мы признання людское, що дарма держано гай и поля, привертаемо до вживання пану сотникови, а ведлугъ лѣса купленого казали книги читати правние, где у статутѣ великого князства литовского в роздѣлѣ шестомъ въ артикулѣ дванацатомъ написано: уставуемъ, еслибы килко братовъ дорослихъ рожоних и недорослихъ зостало, а мали имѣния сполнии отчистии и материстии, которий би з нихъ продавъ якую часть доросши, могутъ ся упомянути з кого будетъ, и той, хто держитъ, повиненъ удѣлъ пустити, що купивъ, и на томъ дѣлу зостати, якъ и всѣ; теди, ведлугъ того артикулу, тилко третую часть лѣса маетъ держати Андрѣй Кушнѣръ, а двѣ части панъ сотникъ маетъ користовати. Такъ сей декретъ кончачи, пану сотникови казали видати при печати нашой полковой“.

Это курьезное рѣшеніе утвердило навсегда за Семеномъ Вакуленкомъ его выгодную покупку.

Мирно осѣвшись на мѣстѣ, послѣ военныхъ передрягъ, Вакуленко расширилъ районъ своей пріобрѣтательской дѣятельности, не ограничиваясь уже Кейбаловкой. Осенью 1696 года козакъ изъ с. Сосиновки Грицко Даниленко продалъ ему свой лѣсъ подъ Сосиновкой за 10 таляровъ; вскорѣ онъ купилъ у Лукьяна Леонтьевича Свѣчки гать съ мельницей о трехъ колесахъ на р. Удаѣ, верстахъ въ 10 выше Пирятина, подъ с. Каплинцами и выхлопоталъ затѣмъ у гетмана Мазепы разрѣшеніе не давать „войсковой части". Особенно обиленъ покупками былъ 1699 годъ, втеченіе котораго Вакуленко скупилъ лѣсныхъ участковъ около Пирятина, с. Каплинецъ, с. Гурбинецъ и с. Харьковецъ на сумму до 200 золотыхъ, т. е. около 40 р. ассигн., кромѣ того, пріобрѣлъ „дворище" въ Пирятинѣ у Агриппины Мураювны Михайлихи Черевченковой за 6 копъ.

Въ этомъ же году, какъ разъ въ разгаръ столь успѣшнаго округленія недвижимаго имущества, постигло нашего сотника большое горе—умеръ, столь долго покровительствовавшій ему лубенскій полковникъ Леонтій Назаровичъ Свѣчка.

Еще 1-го августа Вакуленко получилъ отъ него ордеръ, разрѣшающій устроить въ кейбаловской мельницѣ колесо, а 4-го августа его уже не было въ живыхъ.

Изъ трехъ сыновей Леонтія Назаровича,—Василья, Лукьяна и Ивана,—Вакуленко былъ болѣе всего близокъ съ Лукьяномъ, что и отразилось на сдѣланномъ Леонтіемъ Назаровичемъ раздѣлѣ маетностей между сыновьями. Согласно нижеслѣдующему „писму", вошедшему въ духовное завѣщаніе Леонтія Назаровича, отъ 4 августа 1699 г., и составленному подъ вліяніемъ Вакуленка 25 февраля 1699 г., Лукьяну досталось с. Малютинцы и с. Давидовка, и, кромѣ того, онъ получилъ еще различныя угодія:

„Въ потомніе часы, я, Леонтій Свѣчка, полковникъ лубенскій, кому колвекъ вѣдати будетъ потреба, вѣдомо чиню, якъ з доброе своее волѣ милихъ синовъ своихъ, Василія, Лукьяна и Ивана, кгрунтами стоячими и лежачими розделилемъ за живота своего и в поссессию имъ подалемъ, такъ завѣдомо пирятинского сотника Семена Вакулы, а также атамана Ѳедора Губки,

войта Василія Орадиненка, на тотъ часъ будучихъ, з претомностю Леонтія Кичкарувского, Уласа Семашка, виражаю на семъ писмѣ, в року 1699 февраля 25 дня въ Пирятинѣ волю свою.

Синови нашому Лукьянови в вѣчистое владѣніе полецаю тое все:

На греблѣ Гурбинское млины, знову на Новой Гребли два камени, и на греблѣ Каплинское камень и ступи подданихъ нашихъ, монаршею грамотою стверженныхъ, з ласки ясневелможного добродѣя, его милости пана гетмана и войсковой, наданіе на рецѣ Удаѣ. Къ тѣмъ тежъ млинамъ лѣсы: купленний лѣсъ у Ничипора Ющенка, лѣсъ у Грицка Хижняка виминяний, а стоячий в концѣ греблѣ Борисовой, лѣсъ у Боженка куплений, подъ Гурбинцами, у Юска Ткача лѣсъ Хавкувский з садомъ, у Кислого лѣсъ изъ садомъ, у Олексы Сенченка лѣсъ, гай подъ Кейбаловкою у Удаи стоячій (у одномъ окопе, гдѣ и Василю зъ Иваномъ) по дорогу. Лѣсовъ межи Енковцами и Гурбинцами у многихъ людей покупленихъ часть третюю Лукяну (где Василеви и Иванови тежъ по части). Емужъ Лукянови лѣсовъ въ Бзову, од многихъ людей покупленихъ половина, и гаевъ, и лѣсовъ подъ Короваями селомъ стоячихъ, надъ Оржицею, половина, а другая половина в Бзовѣ и подъ Короваями Иванови, садъ Киселювский на вижшомъ Булатцѣ Лукянови. В селѣ Малютинцахъ люде черезъ насъ осаженіе, особливе село Давидовка, стверженое монаршою грамотою (однакъ до волѣ и ласки ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана) полецаю в державу и поссессию и все тое вишеналоженое записью вѣчисто Лукянови сынови нашому. Также Лукянови подъ Харкувцями у трехъ человѣка купление лѣса у Миска Рябчука, Матвѣя Киселенка, Степана Шульги, лекгуемъ. А ще болшъ не попускаю в роздѣлъ млины, лѣсы, сады и инии кгрунты, мененимъ синамъ нашимъ, тое все еще для себѣ зъ жоною на далший часъ оставляемъ. Якое мое распоряжение в далние часы, для всякое певности, при подпису руки писарское, печатю нашою полковою и звиклею городовою пирятинскою ствердити велѣлемъ, року и дня вишеменованого. Максимъ Троцкий, писаръ полку Лубенского, к сей лекгаціи рукою".

Дружба Семена Вакуленка съ Лукьяномъ Свѣчкою не помѣшала однако послѣднему отказать Вакуленку въ его настоятельной просьбѣ. Однажды, по смерти Леонтія Назаровича, сотникъ пришелъ, въ сопровожденіи пирятинскаго протопопа Якова Филиповича и Наталки Курилихи, жены городоваго атамана, ко вдовѣ покойнаго Свѣчки, Домникіи Мартыновнѣ, и стали говорить, что они просили бы возвратить уступленную ими покойному мужу ея стѣнку подъ Каплинцами, такъ какъ имъ не откуда брать хворость для исправленія каплинской гребли, находящейся въ ихъ общемъ владѣніи. Свѣчиха позвала своего сына Лукьяна, который получилъ во владѣніе эту стѣнку и передала ему ихъ просьбу; но Лукьянъ „сталъ при упорѣ, жеби оной стѣнки не попустить онимъ, якую даровали, и упоминался в матки своей, же ежели бы мѣла оддать оную дарованную стѣнку, то жеби инший лѣсъ дано было ему, Лукянови". Тогда Домникія Мартыновна, не имѣя возможности исполнить требованія сына, чтобы хотя нѣсколько удовлетворить просьбу Вакуленка, дала ему и его совладѣльцамъ за стѣнку 20 таляровъ, „абы не отнимать ее у Лукьяна".

Такого рода столкновенія не помѣшали однако Вакуленку остаться въ наилучшихъ отношеніяхъ со Свѣчками.

III.

Въ новомъ столѣтіи и при новомъ полковникѣ Дмитріи Зеленскомъ, получившемъ урядъ послѣ смерти Свѣчки, Вакуленку жилось не хуже, чѣмъ прежде. Въ 1700-мъ же году ему удалось дешево купить два лѣска надъ р. Оржицею и подъ Пирятиномъ—за 90 золотыхъ (18 р. асс.) и „ставище" за три копы и настолько заручиться благорасположеніемъ новаго полковника, что 16 января 1701 года послѣдній далъ ему на урядъ сотничій село Грабаровку, приказавъ тамошнему войту со всѣми посполитыми „по замислу его пана сотника оддавати послушенство"; въ этомъ же ордерѣ с. Леляки было отдано на пирятинскую ратушу. Въ 1703-мъ году Вакуленко купилъ у козака с.

Малютинецъ Грицька Геродовича большой лѣсной участокъ подъ с. Митченками за 150 злотыхъ.

Освоившись съ новымъ начальствомъ, Вакуленко все болѣе и болѣе округлялъ свое состояніе, не брезгая никакими средствами, причемъ его эксплуататорскій талантъ проявлялся въ самой разнообразной и часто комичной формѣ. Въ 1704 г. пирятинскій козакъ Иванъ Лобасенко продалъ Вакуленку свой лѣсъ „Мураювщину" подъ Пирятиномъ за десять таляровъ да въ придачу „панъ сотникъ подаровавъ (Лобасенку) изъ ласки своей *за для огрьваня вьчне кущъ гаю Хуржинский*, стоячий неподалецѣ одъ дороги, идучой одъ Пирятина до Прилуки". Въ 1707 г. козакъ Назаръ Старый съ сыновьями, Максимомъ и Иваномъ, продалъ х. Липовый около с. Сурмачевки за 60 таляровъ. Въ 1712 г. нѣкій Матвѣй Чиркуненко продалъ Вакуленку за 8 копъ „дворище свое з стѣнкою" въ с. Смотрикахъ. Когда „добровольная" продажа была записана въ копіи въ книгу *господарскую,* то нашъ сотникъ безъ всякаго стѣсненія замѣтилъ себѣ для памяти:

„Сее дворище з стѣнкою такимъ способомъ мнѣ, Семену Вакулѣ, сотникови пирятинскому, досталося. Же з посвѣдченя ткача Левка довелося на Матвѣя Чиркуненка, що онъ, Чиркуненко, у Андрея Степанцевого брата выкравши з пасѣки бджоли поднесъ на подступъ до Ивана Сидоренка, аже якъ доткнулася тая справа до пана полковника лубенского Дмитрія Зеленского, теди зъ показанія суду полкового лубенского осуженно было Ивану Сидоренку од тоей невинности одприсягтися, а Матвѣя Чиркуненка, яко подступцу на честь людскую чигаючого шибеницею карати. Однакже за злеценнемъ мнѣ Семену Вакуленковѣ, сотнику пирятинскому, до конченя тоей ихъ справы, укончилемъ уважаючи на обѣ сторони, яко на сторону жалуючой стороны, такъ и на сторону Матвѣя Чиркуненка. З тоей причины мнѣ досталося дворище зъ стѣнкою".

Чтобы не было какихъ либо недоразумѣній и чтобы дѣлаемыя пріобрѣтенія лучше закрѣплялись въ его рукахъ, Вакуленко заставлялъ обыкновенно обираемыхъ имъ лицъ являться передъ городовымъ пирятинскимъ урядомъ и „очевисте" заяв-

лять о своей „добровольной“ продажѣ, что и вписывалось въ „мѣскую“ книгу. Но иногда случалось, что владѣльцы заинтересовывавшихъ Вакуленка земельныхъ участковъ отсутствовали, тогда онъ прибѣгалъ къ содѣйствію урядовъ по мѣстожительству отсутствующаго и даже къ удостовѣренію какого либо извѣстнаго лица, въ истинности письменнаго свидѣтельства котораго никто не усумнится; такъ, напримѣръ, въ 1706 г. економъ Кіево-Печерской лавры, іеромонахъ Илія, переслалъ Вакуленку „листъ“, удостовѣряющій пріобрѣтеніе имъ у бывшаго яготинскаго обывателя Микиты Сахарячоза лѣса, ставища и стѣнки, надъ рѣкою Оржицею, за 100 золотыхъ и 10 таляровъ.

Скупая лѣса, поля и грунты, Вакуленко не брезгалъ и мелкими „доброхотними“ подношеніями, своеобразно награждая за это дарящихъ. 25 мая 1707 г. козакъ с. Гурбинецъ, Ярема Снигирь, заявилъ пирятинскому городовому уряду слѣдующее:... „одменилемъ дзвонокъ с[illegible]побожности моей в село Грабаровку до храма святого Христова Михайла за отпущенье грѣховъ своихъ тотъ дзвонокъ при томъ реченомъ храмѣ неотъемлемо мѣетъ вѣчными часы зоставати, за якое мое старане его милость панъ сотникъ пирятинский Семенъ Вакуленко зволилъ опустити мене двѣ дорозѣ войсковыи, уволняючи мене од походу войскового теперешнего дороги и послѣ сеей другую дорогу; аще ли дасть Господь Богъ бути живымъ и здоровымъ и мѣты вряд сотницкий тими пришлыми часы, когда сыи двѣ дороги будутъ одправоватися, а ежели мѣло бы судьбами Божими тое иначе статися, то и сее уволнене можетъ отмѣнено бути“.

Въ концѣ концовъ Семенъ Вакуленко настолько разбогатѣлъ, что занялъ прочное положеніе среди старшины и даже имѣлъ возможность породниться съ богачами Свѣчками: сынъ его Иванъ, значный товарищъ войсковый, женился на одной изъ двухъ дочерей Лукьяна Леонтьевича Свѣчки, на другой дочери котораго былъ женатъ бунчуковый товарищъ Александръ Гамалѣя.

Свадьба молодого Вакуленка была сыграна настолько пышно, что у Свѣчки не хватило даже наличныхъ денегъ и ему пришлось заложить нѣсколько грунтовъ. Вакуленко получилъ

за женой изрядное приданое, состоящее изъ лѣсовъ, садовъ, мельницъ и грунтовъ въ Пирятинѣ, Деймановкѣ и Оробьяхъ; было дано также богатое вношеніе: дорогіе пистолеты, ронды, сѣдла, сабли, ложки, кубки, роструханы, пояса, перстни, роскошные кунтуши, плахты, запаски, шубы, бѣлье и много лошадей и скота. Кромѣ того, Вакуленко получилъ отъ своего тестя за полъ-цѣны хуторъ Сурмачевку. Изъ платежной росписки, данной Лукьяномъ Свѣчкой 29 іюня 1719 г., въ присутствіи священника Преображенской глуховской церкви Власія Полотковскаго, значнаго товарища глуховской сотни Якима Ѳедоровича, посланныхъ въ Пирятинъ по разнымъ дѣламъ, видно, что Лукьянъ Леонтьевичъ получилъ отъ Вакуленка 1500 золотыхъ, да, кромѣ того, занялъ у него 500 золотыхъ на годъ, но такъ какъ эти деньги не были отданы, то слѣдовательно, Вакуленко уплатилъ Свѣчкѣ за Сурмачевку 2000 золотыхъ, т. е. около 400 р. асс. Цѣна эта была болѣе чѣмъ сходною, такъ какъ Сурмачевка представляла изъ себя очень лакомый кусочекъ: степи было верстъ на десять, большой лѣсъ, прекрасный садъ съ двумя обильными рыбой ставками, дворъ хорошо обстроенный—три рубленныя свѣтлицы со многими хорошо написанными образами, съ двумя дорогими печами (по 24 рубля каждая печь) и со всѣми необходимыми принадлежностями, рубленная комора и всѣ другія нужныя хозяйственныя постройки.

Обзаведшись значительной недвижимой собственностью, Вакуленко нуждался, конечно, и въ толковыхъ слугахъ. Этимъ объясняется ордеръ лубенскаго полковника Андрея Марковича къ пирятинской сотенной старшинѣ, отъ 8 мая 1719 г., согласно которому было опредѣлено „для послуги“ Вакуленка въ Пирятинѣ и въ с. Грабаровкѣ нѣсколько грабаровскихъ козаковъ-ремесленниковъ: по одному портному, сапожнику и кузнецу и двое рыбалокъ, которые были освобождены отъ всякихъ повинностей, кромѣ „ралцевой и дорочной“.

Женивши сына на Свѣчковнѣ, Вакуленко еще болѣе усилился и, будучи уже въ преклонномъ возрастѣ, выхлопоталъ у гетмана Скоропадскаго подтвержденіе на право владѣнія с. Грабаровкой, с. Смотриками и другими земельными участками и,

сверхъ того, выпросилъ еще себѣ с. Сосиновку, по универсалу отъ 7 ноября 1720 г. Вскорѣ послѣ этого, Вакуленко уступилъ сотничій урядъ, по преклонности лѣтъ, Григорію Корнѣевичу и въ непродолжительномъ времени умеръ, оставивши двухъ сыновей: извѣстнаго уже намъ Ивана и Петра, тоже значковаго товарища. Не занимая никакого уряда, они очутились послѣ смерти отца въ весьма затруднительномъ положеніи, подвергшись различнымъ обидамъ.

Желая получить подтвердительный универсалъ на доставшуюся имъ отъ отца недвижимую собственность, они передали своему однополчанину Мойсѣю Худолѣю выданные ихъ отцу жалованные универсалы, съ просьбой похлопотать объ ихъ подтвержденіи въ малороссійской коллегіи. Но Худолѣй долженъ былъ участвовать въ походѣ на Низъ и оставилъ документы Вакуленковъ дома. Когда Вакуленки потребовали у жены Худолѣя, Маріи, урожденной Войцеховичъ, возвращенія документовъ, то та отказала имъ; тогда они обратились съ жалобой къ новому гетману Даніилу Апостолу, вслѣдствіе чего былъ посланъ къ Худолѣйшѣ козакъ глуховской сотни Ярема Өедоровъ съ тѣмъ, что если онъ не получитъ документовъ, то чтобы бралъ Худолѣйшу съ собой въ Глуховъ для объясненій. Но видно, послѣднюю не легко было въ чемъ либо убѣдить, по крайней мѣрѣ, она не отдала документовъ гетманскому посланцу и не захотѣла ѣхать съ нимъ. Тогда гетманъ послалъ „листъ" къ полковому лубенскому обозному и наказному полковнику, Павлу Мартосу, и лубенской старшинѣ, чтобы они, „зыскавши означенную жену Худолѣеву въ судъ полковий лубенский за преслушаніе посилавого къ ней указу нашего пострафовали и за тое ей зганили, а унѣверсалъ на села суплѣкуючихъ Вакуленковъ, отъ еи отобравши, оддалибъ імъ же Вакуленкамъ и въ показанніе села Грабаровку и Смотрикъ отъ полкового правленія справного якого чоловѣка вислалибъ зъ приказомъ, чтобъ тихъ селъ жители помянутимъ Вакуленкамъ надлежащую повинность и послушенство оддавали по прежнему до далшого нашего указу и подтвержденія имъ онымъ унѣверсаломъ нашимъ приказуемъ".

Черезъ два года послѣ этой передряги, у Ивана Семеновича опять возникъ споръ за право владѣнія земельнымъ участкомъ съ козакомъ с. Митченокъ Ѳеськомъ Ильяшенкомъ. Еще въ 1698 г. Семенъ Вакуленко купилъ у Ѳеська, его братьевъ Андрея и Степана и у жены ихъ дяди Агафіи Юрчихи ставища и кусокъ обложной (непаханной) земли, около с. Лемешовки, между тѣмъ Ильяшенко, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Вакуленка и болѣе чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ совершенія купчей крѣпости, запродалъ одно ставище и часть сѣнокоса дубогаевскому старостѣ Богдану Загоровскому; тогда Вакуленко обратился съ жалобой на Ильяшенка къ лубенскому полковнику Петру Апостолу. Посланные для производства слѣдствія лохвицкій сотникъ Василій Стефановичъ и бунчуковый товарищъ Петръ Троцкій удостовѣрили „неслушность и явное праволомство“ со стороны Ильяшенка и „приговорили проданный грунтъ въ прежнее пана Вакуленка владѣніе“.

Но все это были небольшія непріятности сравнительно съ семейной распрей, которая возникла въ 1731 г.

У тестя Вакуленка, Лукьяна Свѣчки, былъ еще и другой зять, какъ было уже выше сказано, бунчуковый товарищъ Александръ Гамалѣя, который вошелъ въ довѣріе къ тестю и ссорилъ его съ Вакуленкомъ. Наконецъ, въ 1731 г. Лукьянъ Леонтьевичъ, помимо Вакуленка, взялъ да и продалъ часть земель около х. Сурмачевки, подъ названіемъ яръ Кононовскій, уступленныхъ въ 1719 г. зятю по заручной купчей, генеральному обозному Якову Лизогубу. Узнавши про это, Вакуленко жаловался на тестя сначала лубенскому полковнику, съ просьбой заставить Свѣчку дать ему что либо взамѣнъ самовольно проданнаго имущества. Получивъ полковничій ордеръ, Свѣчка увидѣлъ, что шутить не приходится и рѣшилъ уступить обиженному с. Малютинцы, но на требованіе полковника явиться къ нему для объясненія онъ самъ не поѣхалъ, а послалъ своего зятя Гамалѣя, со слѣдующей запиской на имя пирятинскаго атамана:

„Пане велможный атамане куринный пѣрятинскій, мой зичливый пріятелю.

Самъ не могучи ехати до велможного его милости пана полковника нашего за важкостью здоровія, крѣпости на село Малютинцѣ и унѣверсалы гетманскіе посылаю черезъ Александра Гамалѣя, зятя своего, до его велможности, сіе вмти прикладаю. Вашъ зичливий пріятель Лукьянъ Свѣчка. З Малютинецъ, ноября 22 року 1732".

Вакуленко не удовлетворился этимъ и жаловался на тестя въ генеральный судъ, вслѣдствіе чего Свѣчка былъ вызванъ въ Глуховъ и допрошенъ: сознавшись въ своей виновности, онъ помирился съ зятемъ и взамѣнъ проданныхъ Лизогубу угодій уступилъ Вакуленку пахатныя и сѣнокосныя земли около с. Малютинецъ, Ахремовскій ставокъ и леваду. Передача эта была оформлена составленной въ Глуховѣ же 11 декабря 1732 г. уступочной записью, скрѣпленной подписью генеральнаго подскарбія Андрея Марковича и двухъ свидѣтелей: Клима Хукала, значнаго товарища чорнушской сотни, и Ивана Шабелника, жителя глуховскаго.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1733 г. былъ полученъ пирятинскимъ сотеннымъ урядомъ ордеръ лубенскаго полковника Петра Апостола, которымъ, во исполненіе приговора генеральнаго суда, подтверждалось право владѣнія Ивана Вакуленка уступленными ему Свѣчкой землями и угодіями.

Такимъ образомъ семейная распря окончилась въ пользу Вакуленка, такъ какъ онъ получилъ больше, чѣмъ у него отняли.

Такъ какъ Вакуленки не занимали никакого служебнаго положенія, то о нихъ не сохранилось болѣе никакихъ данныхъ. Петръ умеръ, повидимому, бездѣтнымъ, а у Ивана былъ сынъ Андрей, у этого же послѣдняго былъ сынъ Даніилъ, отецъ послѣдней представительницы рода Вакуленковъ или Вакуловичей, Марьи Даниловны, по мужу Селецкой, о которой мы упоминали выше. Очевидно, потомки Семена Вакуленка не продолжали его пріобрѣтательской дѣятельности, но за то, не развѣтвляясь, сохранили до момента прекращенія рода все пріобрѣтенное родоначальникомъ, кромѣ мелкихъ земельныхъ участковъ. Послѣдніе представители рода Вакуленковъ принадлежали, очевидно, къ обычному типу зажиточныхъ малороссійскихъ пановъ, пользо-

вавшихся плодами дѣятельности своего родоначальника, выдвинувшагося, благодаря уму и пронырливости, изъ рядового козачества и доставившаго своему потомству возможность попасть въ ряды привилегированнаго шляхетскаго сословія.

Н. В. Стороженко.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Охранный универсалъ гетмана Юрія Хмельницкаго, данный жителямъ с. Яблоновки пирятинскаго уѣзда. 1660 г.

Юрыи Хмелницький гетманъ з войскомъ его королевской милости запорозкимъ.

Всѣмъ вобецъ и кождому з особъна кому о том вѣдати належит, меновите ихъ милостем паном, так кварцяным войска коронного, яко и затягового чужоземского оффѣциромъ и всей старшини и черни воиска его королевскои милости запорозкого в Украине на Заднѣпрю будучим вшелякое кондиціи людем ознаймуемъ симъ писанемъ нашимъ, ижъ видячи мы щирую прихилност до его к. м. и статечную зычливост противко войску запорозкому всѣхъ обывателей яблуновскихъ. которые освѣдчаючи приязни под нашу утѣкаются оборону, варуемъ ихъ симъ нашимъ универсаломъ пилно их мл. пановъ кварцяных жадаючи, абы оным обывателем яблуновским, приохочаючи до далшого его к. м. поданства наименшого не чинили утяженя и не исправовали нѣяких станцыи. О чомъ и вся старшина и черньвойска его к. м. запорозкого вѣдаючи помененным обывателем жадного абы не важилися чинити опустошеня и шарпанини во всѣх их добрахъ ани до мѣстечка Яблунова над нашу виражену волю не впиралися. Бо хто колвекъ з своеволников, так татаръ, яко и козаковъ, поважится учинити наименшую им крывду, позволяем теды преречоным мешканцом яблуновским таковых, яко противниковъ волѣ нашои, бити, имати, вязати и до нас отсылати, где и мы назначаем срокгое би и на горле каранне войсковое. З Чигрина дня 24 декабря 1660. Юрыи Хмелницький рукою власною. (М. П.).

---

2. Письмо генеральнаго судьи Саввы Прокоповича къ лубенскому полковнику Леонтію Свѣчкѣ по дѣлу о правѣ владѣнія дубровою надъ р. Оржицею. 1696 г.

Листъ од суду генералного.

Мосьцѣ пане полковнику лубенский, мнѣ вельце ласкавий приятелю.

При одданю писання од вм. мл. пана за Дмитром Коноваленком, товаришем сотнѣ пѣрятинской, полчаниномъ лубенскимъ, до суду войскового енералного писаного, роспиралися межи собою судовне речоний Дмитро Коноваленко з Никитою Радионовичем, жителем киевопечерским, о дуброву, над Оржицею рѣчкою положенеюся помеж скокового займища дубровного знайдуючую, речоному Никитѣ Родионовичу тестаментом од небожчика Опанася Захаряшенка, дядька его, легкованую и записанную, а чрезъ помененого Дмитра Коноваленка и Филона Бородича за двадцять талярей купленую, котрий Филонъ Бородичъ любо также тую дуброву в поссессии своей купним правом мѣл, еднакъже од неналежной продавцѣ тоеж од жони небожчиковское Захаряшенковое, бо кгдижъ оная до той дуброви права южъ немѣла, поневажъ мужъ оное небожчикъ речоний Захаряшенко тестаментом помененому Никитѣ Радионовичу записал, о чом и оная жона небожчикова свѣдома была и любо у килка десятолѣтнюю давность тая дуброва завелася, еднакъ помененний Никита тоею давностью тоей дуброви не утерял з розних причин, едно же иимо давнихъ прошлихъ роковъ тутъ в Малороссіи не бывъ, але на той сторонѣ Днепра за границею знайдовался, другое в неволю бѣсурманскую попавши, десять лѣтъ зоставался, потом при Хмелничепку служил, одслуговуючи закуп, чрез котрий з неволѣ свободился, а третое же почавши тутъ мешкати отнюд давности земское не премолчал, але частокротне упоминался о тую дуброву. Теди судъ войсковий енералний, по вислуханю обосторонихъ споровъ, уважаючи всѣ тии вишпоменение причини, речонему Никитѣ Родионовичу, право до тоей дуброви незотворенное маючому, оную дуброву в спокойное держанне и у вѣчистое владѣние присужаетъ и подаетъ, а що ся дотичетъ двадцять талярей суми чрез помененого Дмитра Коноваленка за тую дуброву небожчику Филону Бородичу данное на той сумѣ то есть на двадцяти золотихъ повинен Дмитро шкодовати, взглядом того, же южъ тоеюду бровою пожитковал, а сорок золотих нехай синъ Филоновъ Андрушко, в Пиратинѣ мешкаючий, сему Дмитру вернетъ, бо кгдиж небожчик отецъ его Андрушковъ веспол з ниже Андрушком болше тоею дубровою пожитковали и много онои випустошили нѣжли сей Дмитро, нехайже болше и на

суме шкодуетъ, о томъ вм. мсцѣ пану доносячи, вѣдати доброи приятелскои оддаюся зичливости. З Батурина мая 10 дня 1696 г.

Вмсти м. пану всего добра зичливий приятель Сава Прокоповичъ, судия в. е. ц. п. в. з. генералний.

(М. П. С.).

Надпись: Е. ц. п. в. в. з. п. л. его млсти Леонтию Свѣтцѣ мнѣ велце ласкавому приятелеви до одання.

---

3. Духовное завѣщаніе лубенскаго полковника Леонтія Назаровича Свѣчки, отъ 4 августа 1699 г.

Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Его ц. п. в. в. з. п. л. азъ Леонтій Назаревичъ Свѣчка, по милости Божіей будучи хоробою обдаренный и видячи себе ближнимъ до смерти, нежели ко животу сего временного бытіа, яко лѣкгаціи на грунта мои власніи и купленніе, стоячіе и лежачие, синомъ моимъ далемъ для спокойнѣйшаго уживання и владѣнія в поссессію доживотную и вѣчную, такъ се теперъ осталной доброй волѣ моей тестаментомъ стверждаючи, роспоряжаю, лекгую и записую, что кому з добръ моихъ власнихъ оддати будетъ належало. Во первихъ, иже водхну, Богу всещедрому и человѣколюбивому вручаю душу, тѣло земли, по писаніемъ: земля еси и в землю пойдеши; за душу, о сорокоусту и молитви просячи, на монастирѣ, в реестрѣ мененніе, одписую грошей суммы готовой тисячей пять, на якіи что дати приналежит, реестровне вѣсть синъ мой Василій, ему же вручилъ. Священникомъ мѣскимъ перятинскимъ, в мѣскихъ цирквахъ служащимъ, парохіалнимъ настоятелемъ з дяками, з паламарями, за все про все на сорокоусти по десять талярей одписую; вѣкарим пирятинскимъ, в мѣскихъ цирквахъ служащимъ, особно на сорокоусти по десять золотихъ, бы священници одправляли сорокоусти. Священникомъ сѣлскимъ парохіалнимъ всѣмъ уезду пирятинского з дяками, з паламарями за все про все на сорокоусти по десять копъ. Особно на дробніе расходы десять золотихъ. Отцемъ протопопомъ лохвицкому и лубенскому по десять талярей, отцу протопопу пирятинскому Якову Филиповичу, зятевѣ нашему, особно сто золотихъ дати; духовному отцу Іліи и отцу Григорію лубенскому по десять талярей; іерею Ѳеодору Соколовскому, презвитеру свято-спасскому также сто золотихъ. Настѣ Яцисѣ, братовой моей, з сими дѣтми двома малими при ней будучими дати пятдесять талярій. Дмитровѣ Котляревѣ талярій пятдесять и хату, в якой мешкаетъ, и лѣсъ у Високомъ Ковелского

зовемій. Садокъ на Приходкахъ з лѣсомъ и мазкою и огород на озерцѣ. Тимофѣевихи бывшой атаманихи дѣтемъ при ней зостаючимъ сто золотихъ. Зѣнцѣ Омеляновой дщерѣ Захарчисѣ талярій десять и Марчисѣ Омеляновой дщерѣ талярій десять. Омеляновѣ з малими дѣтми пятдесять золотихъ. Івановѣ Протопопенку внуковѣ нашему грошей готовой сумми тисячу золотихъ одписую и сребра в рожнихъ штукахъ десять гривенъ одписую; то хтож якъ гроши, такъ и сребро в той час оддати ему внуку, когда в совершенный возрастъ и разумъ прійдетъ. Василевѣ и Хвилоповѣ хлопцямъ при мнѣ бывшимъ служащимъ обомъ по сто золотихъ дати и оболшъ, и по коневѣ, и по ручницѣ, одежда вся, якая имъ посправована, а оны повинни служити при двору нашомъ, аж покій станъ малженства по изволенію Божомъ себѣ обберутъ. Сія убо доброхотнои волѣ моеи осталной изобразивши начертаніемъ, что за душу и кревнимъ нашимъ приналежить дати, до роспоряжения вручаю сыновѣ нашому Василію и неотмѣнно хотячи мѣти отцевско приказую. Сымъ же осталной волѣ моей тестаментомъ домъ мой правяще ко всемирному и безмятежному мешканню любой малжонце моей Домникіи вручаю и приказую, бы матки своей слухали во всемъ и повиновалися, якъ наилучше и между собою любовь должную братерскую мѣли. однакъ отцевско в потомніе часи сыновъ и дщерей моихъ роспоряжаю. Во первихъ Василіевѣ сыновѣ нашому старшому дворъ сей, в якомъ теперъ мешкаемъ, з Иваномъ сиюмъ нашимъ наименшимъ увесь по половинѣ одписую, повинни будуть два ихъ обополне радѣти и жити братерско. Емуж Василіевѣ, синовѣ нашому старшому, в вѣчистое владѣние полецаю и одписую греблю воробювскую власнимъ коштомъ нашимъ занятую на рецѣ Удай и млини власніе, нашимъ коштомъ на той же греблѣ построенние, и всѣ пожитки з млиновъ тоя греблѣ належніе од монаршой и рейментарской ласки наданни, ему ж до заживання легую. До той же греблѣ лѣсъ, купленній у отца игумена лубенского, тамъ же подъ селомъ Воробями. Лѣсъ од козака Карниловскаго из садомъ от Маріи Евфимихи купленныи. Лѣсъ от Кондрата Якубенка. Лѣсъ, от Воробіевой дочки Василихи купленный. Лѣсъ от Саливона з Яковомъ и Кондратомъ братаничами купленній. Лѣсъ от Ивана Дроценка. Лѣсъ от Ѳедора Хвепенка купленній. Лѣсъ от Гафтаря Матвѣя Довбышового зятя такъ же купленній. Лѣсъ от Ивана Воробіенка; от Стефана Радченка Біевскаго грунта купленніе. Хата з садомъ и лѣсъ особливе под Пирятиномъ. Лѣсъ в Турчишиномъ стоячій. Гаю половина емуж Василію, а другая половина Ивановѣ синовѣ нашему меншому гаю от перевода стоячого, где и Лукіяновѣ синовѣ нашему середулшому гай от Удяя стоячий з тиже в едномъ окопѣ под Кейбаловкою по дорогу. Лѣсовъ межи

Енковцями и Губским у многих людей покупленних часть третую и на Вишшом Булатцѣ саду Дрохвинского по половинѣ, а другую половину Ивановѣ меншому синовѣ нашому. Емуж Василію хутор над рекою Оржицею, прозиваемій Городище, со всѣми лѣсами, гаями, стѣнками и лозами, тамже аж вниз Корнѣевки покупленними. Сіе всѣ мененніе грунта Василію старшому синовѣ нашому вѣчисте леgую и записую. Тутеж Стефану Василіеву сину, внуковѣ нашому, лѣс з садом в Біевцах и из хатою, у Игната Москаля купленній, леgую и записую. Людей в Корнѣевцѣ и Городищи з наших грунтов и лѣсов през нас новоосаженних, особливе село Антоновку з ласки реиментарской, по унѣверсалу виданном, еднакже монаршою грамотою его царскаго пресвѣтлаго величества стверженное (еднакже до волѣ и ласки велможного добродѣя его милости пана гетмана) емуж Василіевѣ синовѣ нашому в заживання полецаю и в поссессию подаю. Лукіановѣ синовѣ нашому середулшому двор новопофундованный стоячій ведле Чиркавского одписую до спокойного мешкання вѣчисте. Емуж Лукіану сыновѣ нашому в вѣчистое владѣніе полѣцаю и одписую на греблѣ Гурбинской млини власним нашим коштом построенные. Знову на Новой Греблѣ два каменѣ и на греблѣ Каплинской камень и ступи подданих наших, з ласки ясневелможного добродѣя монаршою грамотою стверженніе, часть войсковую одбирання (еднакже до волѣ и ласки реиментарской) одписую тіи кола на рецѣ Удаи рабочіе. К тим же млинам лѣс купленій у Ничипора Ющенка. Лѣс од Грицка Хижняка вимѣняній, а стоячій в концѣ греблѣ Борисовской. Лѣс у Боженка купленній под Гурбинцами, лѣс од Юска ткача харкувского з садом. Лѣс з садом от Кислого. Лѣс од Алекси Сенченка. Гай под Кейбаловскую од Удая стоячій в едном окопѣ, где и Василію з Иваном по дорогу лѣсов межи Енковцями и Губским, у многих людей покупленних, часть третую одписую емуж Лукіану. Где Василію и Ивановѣ по части тойже. Емуж Лукіановѣ лѣсов у Бзовѣ од многих людей покупленних половина. Лѣсов и гаюв под селом Короваями стоячих над Оржицею половина, а другая половина в Бзовѣ и под Короваями Ивановѣ синовѣ нашому. Сад Киселювский на вишшом Булатцѣ Лукіановѣ. Лѣси под Харковцями у трох чоловѣков, у Миска Рабчука, Матвѣя Кисленка и Степана Шулги купленніе. Сіе всѣ мененніе грунта Лукіановѣ середулшому сыновѣ нашому вѣчисте леgую и записую. Люде в селѣ Малютинцах черех нас осажденніе, особливе село Давидовку з ласки реиментарскои по унѣверсалѣ виданном монаршою его царского пресвѣтлого величества грамотою стверженніе (еднак до волѣ и ласки ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана) емуж Лукіановѣ

синовѣ нашому в заживання полѣцаю и в поссессію подаю. Ивановѣ синовѣ нашому меншому дворъ сей в якомъ теперъ мешкаемъ з Василіемъ старшимъ синомъ нашимъ увесь по половинѣ одписую, повинни будуть два ихъ обополне ралѣти и жити братерско. Емуж Ивановѣ сыновѣ нашому меншому гребля и млини власнимъ нашимъ коштомъ занята и построенна в кручи под Повстиномъ будучіе со всѣми пожитками одписую. К тим же млиномъ лѣсъ по семъ и потомъ боку стоячій. Луку з березникомъ Трохимовскую также лежачую. Лѣса прозиваемою Довгенкого половину емуж Ивановѣ. Лѣсовъ межи Енковцями и Губскимъ у многихъ людей покупленнихъ третую часть емуж Ивановѣ. Также Василію и Лукіану по части. Садъ Неборявковскихъ Ивановѣ на вишшомъ Булатцѣ под Лубнями, половину сада Дрохвинского, а другая половина Василію также. В Бзовѣ од многихъ людей лѣсовъ покупленнихъ половина и под Короваями также лѣсовъ и гаювъ половина Ивановѣ (где другая Лукіановѣ половина), под Кейбаловкою гаю половина (где Василію другая) од Переводу стоячого по дорогу вздовжъ лежачую. Садъ у Ивана Мацюченка Енковского купленній къ Неборавковскому саду емуж Ивановѣ. Лѣсъ од Любки Лавринихи бывшой сотнички чорнуской купленій Ивановѣ. Сіи всѣ мененніе грунта Ивановѣ меншому синовѣ нашому вѣчисте лeȣую и записую. Хуторъ в селѣ Короваяхъ ему ж Ивановѣ и въ селѣ Короваяхъ люде при хуторѣ нашомъ чрезъ насъ и з нашихъ лѣсовъ и грунтовъ осаженніе. А видячи Ивана сина нашого слабого здоровя, то ежелибъ мѣлъ змерти хуторъ Короваювский и з людми при немъ поселенними повиненъ бути Лукіану синовѣ нашому вѣчисте леȣую. Для того же ему хуторъ еще нѣгде не опредѣленъ. Особливе село Деймановку з ласки рейментарской по унѣверсалу виданномъ монаршою его царского пресвѣтлого величества грамотою стверженное (еднакъ до волѣ и ласки велможного добродѣя его милости пана гетмана) емуж Ивановѣ сыновѣ нашому меншому полецаю в заживания и поссессию подаю. Дворъ вновъ з садомъ Давидовъ Шинкарувъ емуж Ивановѣ—сыновѣ нашому во вѣчное владѣніе подаю. А що болшъ млиновъ и грунтовъ в роздѣлъ синомъ моимъ не попускаю и не записую, тимъ всѣмъ жена моя доживотне повинна владѣти, яко то млини два на греблѣ Зарѣцкой, нашимъ коштомъ занятой построенніе, и на мѣской греблѣ млинъ купленній близко башти, и сади, лѣси, подворки и всѣми грунтами впред не описанними повинна владѣти доживотне, а впредніе часи и сіе млини три, сади, и лѣси, и всѣ грунта, якіе еще ненаписанніе в роздѣлъ такимъ же способомъ в ровній дѣлъ на три части повинни быти роздѣленніе синомъ нашимъ Василію, Лукіановѣ и Ивановѣ. Млини

на греблѣ Оржицкой Короваювской нашимъ коштомъ занятой, якіе позволилисмо пану Хведору хоружому полковому и Василію Лутаю построити цѣле имъ мененнимъ господарямъ со всѣми пожитками до часу слушного быти повинни. А уховай Боже якой пригоди, или нужди, или убожества, теди тіе млини сыномъ нашимъ Василію, Лукіану и Ивану повинни быти со всѣми пожитками непремѣнно, яко власніе наши. Пуздерка три подокладавши сребромъ, абы всѣ три важили по сорокъ гривенъ в ровной ценѣ, жеби были синомъ нашимъ Василію, Лукіану и Ивану одписую во вѣчистое заживанія. А что сребра останется рухомого, то в ровній дѣлъ на шисть частій повинно бути роздѣленно. Якъ малжонцѣ моей Домникіи, такъ сыномъ нашимъ Василію, Лукіану и Ивану и дщерямъ нашимъ дѣвчатамъ, Любцѣ и Ганнусѣ. Оружжа все и ронди в ровній подѣлъ синомъ нашимъ тромъ Василію, Лукіану и Ивановѣ на три части бути повинно противъ поясовъ дѣвчатамъ легованнихъ. Пояси сребрніе всѣ дѣвчатамъ двомъ Любцѣ и Ганнусѣ дщеремъ нашимъ в ровній дѣлъ на двѣ части повинно бути противъ рондовъ синамъ легованнихъ. Грошей якъ много винайдется в набытку нашомъ, то всѣ в ровній дѣлъ на шисть частій повинни роздѣленны бути, якъ малжонцѣ моей Домникіи, такъ синомъ нашимъ Василію, Лукіану и Ивану, и дщерямъ нашимъ Любцѣ и Ганнусѣ. Сукмани, якіе юж посправовани Василію, Лукіану и Ивану такіе жъ повинни дати, или справленни быти противъ тихъ, а инніе в ровній дѣлъ на три части синамъ нашимъ повинни бути роздѣленни. Цѣнь и мѣдь вся синомъ нашимъ Василію, Лукіану и Ивану на три части в ровній дѣлъ бути повинна. Стадо и бидло все повинно бути в купѣ и до заживання якъ малжонка моя Домникія въ господарствѣ, такъ и сини наши, Василій, Лукіанъ и Иванъ повинни имъ владѣти, аще потребно которому до войска или на домовое господарство, якъ слушно повинни заживати в ровномъ владѣніи. А дѣвчата кгди видани будуть замуж, Любка и Ганнуся, теди з того жъ гуртового единокупне повинни имъ дати, якъ звичай несетъ при виправѣ чого ради. Пчоли в купѣ тожъ, якъ и стадо, повинни бути до заживання ровно. А в потомніе часи стадо, и бидло, и пчоли, все од мала и до велика, в набитку нашомъ что иле винайдется, то сини наши, Василій, Лукіанъ и Иванъ, на три части в равній дѣлъ повинни будуть себѣ роздѣлити. Довжка другая половина Василіевѣ синовѣ нашому, где и Ивановѣ синовѣ нашому меншому записалемъ лѣса Довжка половину, над Чумгакомъ стѣнка од небожчика суддѣ Андрея дарованна емуж Василію синовѣ нашому. Лѣси дѣдовскіе Мартина Лещенка под Антоновкою селомъ будучіе двѣ паи, что Василію синовѣ нашому була пай, а другая Лукіановѣ, обидвѣ тіи

пан лѣса Лукіановѣ сиковѣ нашому однисую. В Медвежомъ яру лѣси всѣ и сади з ставомъ купленны емуж Лукіановѣ синовѣ нашому однисую вѣчисте в заживаиня. Шелехувская дуброва з двома стѣнками над Чумгакомъ также стоячіе до всѣхъ млиновъ и до хуторовъ, любъ до двора для вшелякихъ надубковъ повинна заживанна бути. Хощу и записую, року 1699, мѣсяца августа 4 дня.

При семъ будучій Яковъ Филиповичъ протопопъ пирятинскій рукою.

Его царского пресвѣтлого величества войска запорожского полковихъ особъ на той часъ будучихъ на подписѣ: Григорій Таволга, есаулъ полковій лубенскій, Максимъ Троцкій, писарь полковій лубенскій, Θеодоръ Ярмоленко, хоружій полковій лубенскій, Семенъ Вакуленко, сотникъ пирятинскій, Θеодоръ Губка, атаманъ пирятинскій. Василь Ородиненко, войтъ пирятинскій, Леонтій Ивановичъ Кичкаровъ синъ, знатпий товаришъ сотнѣ пирятинской, Михайло Якимовичъ, писарь мѣскій пирятинскій, тутъ же іерей Θеодоръ Соколовский презвитеръ церкви Спаской пирятинской иописавши тестаментъ сей подписуюся.

---

4. Купчая крѣпость на половину гребли на р. Переводѣ подъ с. Гурбинцами, купленную г. Пирятиномъ 1716 г.

Року тисяча семсотъ шестогонадцеть мѣсяца марта первого дня.

Ми урядъ городовий пиратинский Семенъ Вакуленко сотникъ, Павелъ Тимофѣевичъ атаманъ городовий, Михайло Θомовичъ войтъ, Герасимъ Евхименко и Василь Опанасенко бурмистри з притомностю товариства сотни нашои пиратинскои Якова Кичкаровского, Павла Бусла, Ивана Пасютенка, Ивана Григориевича, чинимъ вѣдомо кому того потреба укажеть теперъ и в потомние часи, иж купилем у вѣчности половину гребли на Переводѣ лежачои у мосту Гурбинского з частю лози и з березничкомъ здавна до тое гребли прилеглимъ у Леска Яценка обывателя нашего пиратинского ценою за сто купъ ровно, никому иншому якъ з насъ старшини товариства и посполитихъ горожанъ нашихъ притомнихъ, но тилко на самий городъ нашъ Пиратинъ и вѣчними часи отнюдъ на тое мененое части гребли нихто немѣеть фундовати млина, але такъ в потомніе часи даби без всякого фундованя лежала, на чомъ сие наше врядовое писаніе ему Леску Яценку видаемо под таким выраженіемъ, аще би я сотникъ или атаманъ или по насъ дѣти наши мѣли тамъ коштъ уложивши млинъ построити ку своему пожиткованю, то волно ему Леску Яценку без всякого затрудненя в готовий коштъ увой-

шедши владѣти, а тотъ хто будетъ строити свои коштъ, яко неналежне построилъ мѣетъ тратити такъ и з товариства, яко и з посполства тамъ не повиненъ строити, в чомъ теди ми вряд звшименований пературинский з мененимъ товариствомъ розказалемъ записати при звиклое печати нашое мѣское пературинское з подписанием руки писарское року мѣсяца и дне спецѣфѣкованого.

Сава Ивановичъ на той часъ писарь мѣский (М. П.).

---

5. Рядная запись имущества полученнаго значковымъ товарищемъ Иваномъ Семеновичемъ Вакуловичемъ за женой, дочерью бунчуковаго товарища Лукъяна Свѣчки.

Реестръ добръ Лукяна Свѣчки за Иваномъ Вакуловичемъ ставшимъ его зятемъ сколько якого добра за нимъ знайдуется, а именно ниже сего явствуетъ.

Лѣсъ подъ Пирятиномъ, зовемий Злодяжинъ, которому цена 40 рублей.

Лѣсъ подъ тимъ же Пирятиномъ, зовемий Довжокъ, которому цена сѣмъдесятъ рублей.

Лѣсъ такожъ подъ Пирятиномъ, зовемий Митченский, которому цѣна двѣстѣ рублей.

Лѣсъ подъ селомъ Деймановкою, которому цена сто шестьдесятъ рублей.

Лѣсъ такожъ подъ тоею Деймановкою, которому цена шестьдесятъ рублей.

Садъ в томъ же селѣ Деймановцѣ, при которомъ саду двор з свѣтлицею рубленою и з прочіимъ дворовимъ строениемъ, за якій то садъ и двор рублей сорокъ.

Млинъ о двохъ колахъ подъ самимъ Пирятиномъ на рецѣ Удаи цена чотириста рублей.

Млинъ такожъ на рецѣ Удаи, зовемий Гатчиний о двохъ колахъ, цена такожъ чтириста рублей.

Лѣсъ под Оробями зовемий Скрикувский, який онъ самъ Вакуловичъ кровному своему Павлу, асаулу полку лубенского, продалъ невѣдомо за что и исказалъ, что толко взялъ за него сто рублей, а оному цена лѣсу триста рублей.

Садъ такожъ в Подворкахъ Пирятинскихъ, зовемий Пасютинский, албо Сулженский, якому цена сѣмъдесятъ рублей.

Лѣсъ под Пирятиномъ у Великомъ Островѣ и оному цена сто рублей.

Лѣсъ, прозиваемий Кругликъ, який ценою двадцять рублей.

Лѣсъ, зовемий Момотовщина якій ценою восемь рублей.

Лѣсъ Мартосовщина, якій ценою двѣнадцать рублей.

Лѣсъ Черкасовщина, якій ценою десять рублей.

Лѣсъ Кротовщина, якій ценою восемь рублей.

Лѣсъ Коленковщина, цена оному пятдесятъ рублей.

Садъ на гаткахъ пирятинскихъ з двором цена тридцать руб.

Футоръ Сурмачовский тожъ з великимъ лѣсомъ и садомъ, якій садъ то вже вигноенъ оного Вакуловича статкомъ и з двома рибними ставками и з доволнимъ степомъ, где самого поля на десять верстей и болѣе знайдуется, за якій то футоръ давано тисяча чтири ста рублей, при коемъ тоономъ же футорѣ досталъ оному Ивану Вакуловичу совсѣмъ належнимъ былъ встроеній двор с кошарами и с повѣтами, с погребами и з рубленими трома свѣтлицами и з единою комнатою из коморою рубленою и з протчими тожъ хатами, в якихъ и люде били живющіе, да и у оних же свѣтлицахъ било двѣ печи покацованнихъ, якимъ цѣна двадцать четыри рубли и коштовно пятдесятма малеованними образами да и з многими доволними в томъ дворѣ посудами ему Ивану Вакуловичу достало, якій то дворъ безъ самого того футора триста рублей и з онимъ же футоромъ цена двѣ тисячи рублей.

Да и когда оному веселя на дочери своей чинилъ тесть, тежъ то немалий коштъ из добръ онихъ на оное веселя ронилъ, где не толко з доволнихъ взятихъ невистачено користей, но еще и в людей денгами заратовувался на оное, за якое то его веселя и нинѣча грунта у арештѣ у людей остаютъ.

Лѣсъ Печорскій, якому цена восѣмдесятъ рублей.

Лѣсъ Качановскій, цена сорокъ рублей.

Лѣсъ у Великомъ Островѣ цена тожъ сорокъ рублей.

Дворъ на подъворку и з двома добрими огородами и з свѣтлицами двома рубленними, з единою коморою рубленною, з олѣйницею, тожъ за его веселя одойшол, якому то двору из огородами и з хатами цена тридцять рублей.

Комора на мѣстѣ за егож веселя тожъ в арештѣ в людей, цена двадцять рублей.

Движимие пожитки.

Пистолетовъ пара, которимъ цена шесть рублей.

Рондъ добрій сребраній, на якомъ штучакъ было за восемъдесятъ рублей.

Кульбаку добрую на сукнѣ тонкомъ золотомъ гафтованомъ, якой цена шестьдесятъ рублей.

Шаблю добрую подъ срѣбромъ, которой цена восѣмнадцать руб.

Коня доброго верхового, якому цена сорокъ рублей.

Пару коней цуговыхъ, якимъ цена тожъ сорокъ рублей.

Пять кобилъ з лошатами каждой цена шестнадцать рублей, итого за пять кобилъ восѣмдесятъ рублей.

Коров пять чабаних с телятами, которимъ цена всякой по пяти рублей итого двадцать пять рублей.

Посуду сребраною.

Ложокъ сребранихъ два тузнѣ, еден позлоцаніи, а другіе саміе срѣбніе, цена пятдесятъ рублей.

Кубокъ великій Срѣбній, цена оному шесть рублей.

Рострухановъ два позлоцанихъ, онимъ цѣна сорокъ рублей.

Кубков три срѣбнихъ позлоцанихъ, онимъ цена десять рублей.

Поясовъ срѣбнихъ позлоцанихъ три, якимъ цена сто рублей.

Перстень щирозлотній з діамантомъ добримъ каменемъ, якому цена сто двадцать рублей.

Перелъ уріанскихъ великихъ шнуровъ десять, якимъ цена чтириста рублей.

Сукманы.

Кунтушъ едомашковий, венецкой едомашки, зеленой, сѣбѣрками добрими подшитий, цена оному сорокъ рублей.

Кунтушъ аксамитній, сѣбѣрками добрими подъшитий, огонами соболѣми обложений, цена оному семдесятъ три рубля.

Кунтушъ блакитний, злотогловній, добрими сѣбѣрками тожъ подшитий, с карунами золотими добрими, якому цена восѣмъдесятъ руб.

Кунтушъ чирвоній, сутозлотогловній, луданомъ великой руки подшитий, с карунами золотими добрими, якому цена сто шестьдесятъ рублей.

Кунтушъ чорній, злотогловній, сѣбѣрками подшитій, с карунами золотими, якому цена шестьдесятъ восемь рублей.

На два кунтушѣ сукна тонкого цвѣтовъ едно маковое, а другое рудое одинадцять локоть, якого сукна локоть по два рублѣ, итого двадцать два рублѣ.

Сподницъ двѣ, една штофовая добрая, другая яштаметовая, якихъ цена двадцать рублей.

Плахотъ шесть добрихъ шолковихъ, якихъ цена тридцать руб.

Запасокъ три, една злотоглавная шестнадцать рублей, другая табиновая три рублѣ, третяя штаметовая рубль без двох гривенъ, якимъ запаскамъ цена без двох двадцать рублей.

Лисицъ десять на футро дано, цена дванадцять рублей.

Лисее футро доброе и зайковое двадцать два рублѣ.

Постѣлъ добрая, цена оной двадцать рублей.

Другая постѣлъ пятнадцать рублей.

Двѣ постелѣ заполочанихъ, кромѣ тихъ, якимъ цена десять руб.

Кошулъ шитихъ золотомъ и прочихъ шистдесятъ, якимъ цена шистдесятъ рублей.

Баволницъ пять, якимъ цена двадцать рублей.

Опрочъ скринѣ с хустками, якихъ било то, золотомъ шитихъ, к тому ручниковъ, скатертей и полотенъ скриня, якимъ цены уже не покладалося.

Кромѣ же того за онимъ Вакуловичемъ, село Малютинцѣ с полями и з грунтами покойного тестя нашего Свѣчки во владѣніи содержится, цена оному три тысячи рублей.

Реестръ вторичний, сколко чего по умертвіи тестя его оставшихъ пожитков онимъ Вакуловичемъ з дому от жени его тестя насилно забрано.

Коней шестеро, воловъ семнадцать, коров шистнадцать, овецъ восемдесятъ, свиней двадцать една, дробини разнои на сотню, да и рухоміе нѣкоторие вещи, мотковъ, клубковъ, вовни на восѣмдесятъ рублей и прочее в господарствѣ знайдуючееся позабиралъ, пашню, будучую в ямахъ и в полѣ, сколко било, всю тожъ позабиралъ. А сколько оной пашнѣ именно за его насилномъ и нечаянномъ заборѣ не упомнимъ и того всего движимого и недвижимого имѣнія ценою девять тисячъ сорокъ девять рублей, кромѣ скринѣ з рухомостями и что забралъ по умертвию по сему реестру.

Подлѣнний реестръ по листамъ закрепленъ тако: къ сему реестру бунчуковий товаришъ Александръ Гамалѣя за себе и мѣсто бунчукового товариша Лукяна Свѣчки жени его Ирини Свѣчихи руку приложилъ.

Памятникъ украинской литературы конца XVIII вѣка.

Въ библіотекѣ А. М. Лазаревскаго есть любопытная рукопись, заключающая въ себѣ стихотворную исторію козаковъ. Она носитъ такое заглавіе: „Героични стихи о славнихъ военнихъ дѣйствіяхъ войскъ запорожскихъ, вкратцѣ зъ разнихъ гисторій просторѣчно сочиненны. Писанни же года ҂аѱпд (1784).

Кто былъ авторомъ этихъ „Героичныхъ стиховъ“, мы не могли догадаться. Свое имя онъ скрылъ подъ такой загадкой:

„Кто сочинителя хочетъ имя знати,
Сто осмдесятъ одно изволь въ немъ счислити;
Имя благодатно во священствѣ носитъ,
За благодѣтелей и всѣхъ Бога проситъ.

Другимъ указаніемъ, могущимъ содѣйствовать открытію имени автора, служитъ помѣта, что рукопись писана „года 1784, мѣсяца августа дня 21 *въ ключу уманскомъ*“.

Несомнѣнно, что авторомъ было лицо духовное и къ тому же, кажется, монахъ. По крайней мѣрѣ онъ относится съ большимъ уваженіемъ къ „безженству“ запорожцевъ. Съ исторіей онъ хорошо знакомъ, ссылается на „Лѣтопись древній“, Баронія, Кронѣку польскую, Лѣтопись украинскую.

Съ фактической стороны изложеніе отличается односторонностью. Авторъ изображаетъ только удачи запорожцевъ, совершенно опуская тѣ обстоятельства, которыя такъ или иначе могли бы бросить тѣнь на „козацкую славу“. Это объясняется самой цѣлью произведенія. Вотъ что говоритъ авторъ въ „дедикацѣи“, помѣщенной въ концѣ „Героичныхъ стиховъ“: „Ревнителемъ

сущимъ по славѣ народа своего дорогше всякаго дара и пріятнѣе бываетъ вѣрное описаніе о знатнихъ дѣйствіяхъ предковъ, которое не только къ собственной ихъ чести и похвалѣ касается, но и къ подобнымъ дѣламъ поощряетъ. Немало въ семъ примѣровъ можно сыскать; вси древніе храбріи народы, греки, римляне и прочіи гисторіи о тѣхъ яко зерцало себѣ представляли послѣдніи и симъ ревностно къ дѣламъ предковъ своихъ зъ немалою похвалою приподоблялися; въ чемъ и тебѣ славенороссійскій войскъ запорожских пароде надобно подражать; и не треба съ чуждихъ народовъ о храбрости, мужествѣ взискивать образцовъ. Посмотри прилѣжно на предковъ своихъ, которихъ я по едной ревности зъ разнихъ гисторій самократчайшимъ описаніемъ безъ опущенія главныхъ дѣйствій, не только о началѣ рода ихъ, но и яже зъ тѣхъ были своего времени славніи и храбріи воини и доселѣ суть, для понятія всѣмъ просторѣчно изобразилъ на сей картинѣ и оную яко зерцало живое любителемъ козацкой слави не только честь и похвалу ихъ, но и ради ревностнаго подражанія представляю вначалѣ содержащему правленіе запорозскаго коша, главному командеру, по немъ войсковымъ и куреннымъ старшинамъ, потомъ и всему войску запорозскому желаніемъ всѣхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ, ежели къ принятію благопріятно будетъ, въ даръ усердно посвящаю“.

Конечно, посвящая свое произведеніе кошу запорожскому, авторъ счелъ умѣстнымъ опустить все болѣе или менѣе неблагопріятное. Такъ напр., описывая борьбу козаковъ съ поляками, авторъ совсѣмъ не говоритъ объ измѣнѣ крымскаго хана и о послѣдствіяхъ ея, преувеличиваетъ военныя дѣйствія „прехрабраго Алексѣя“, которыя, какъ извѣстно, были только въ началѣ удачны, а затѣмъ свелись къ нулю; говоритъ, что взятіе козаками Азова принудило Турцію заключить миръ, тогда какъ извѣстно, что произошло совершенно обратное явленіе: миръ былъ разорванъ и т. д.

Понятно, разсматриваемый памятникъ не можетъ служить историческимъ источникомъ; новыхъ свѣдѣній не почерпнешь здѣсь. Онъ любопытенъ только, какъ памятникъ литературы.

Явился онъ, несомнѣнно, подъ польскимъ вліяніемъ. Русская литература не знала такихъ стихотворныхъ „гисторій". Въ Польшѣ же онѣ существовали давно, и выдающимися изъ нихъ были соч. Самуэля Твардовскаго „Wojna domowa z kozaki, tatary, szwedami i węgry" и „Wojna kozacka poźniejsza", посвященныя какъ разъ тому же предмету, которымъ занимаются и наши „Героични стихи".

Ниже мы съ достаточной подробностью излагаемъ этотъ литературный памятникъ. Стихи его не всегда гладки, но въ общемъ отличаются выдержанностью, читаются довольно легко и должны быть, по нашему мнѣнію, отнесены къ лучшимъ силлабическимъ стихамъ на русскомъ языкѣ,—главное, они не „высижены": авторъ, несомнѣнно, обладалъ стихотворнымъ и литературнымъ талантомъ.

По примѣру лѣтописей, авторъ начинаетъ свой разсказъ отъ временъ Ноя. Отъ сына Іафетова Гомера „изійде народъ словѣнскій".

Сперва отъ Гомера всѣ звались гомеры,
Отъ римлянъ цымбри, отъ грековъ кумери;
Когдажъ обладали разними странами,
Разними по дѣйству звались именами:
Козары отъ козъ (мнятъ) прозваніемъ слилы,
За скорость воинску ту почесть имѣли;
Приличнѣе жъ пишутъ, отъ вожда названны
Ковака—козары поименованны [1]).

Такимъ образомъ, козаки и козары являются однимъ народомъ. Часть ихъ „съ готѳами связалась" и прошла побѣдоносно чрезъ Европу, Азію, Африку; другіе остались на прежнихъ мѣстахъ, вели счастливыя и удачныя войны,

Околичній народъ себѣ покорили
И Кіевъ во своей области имѣли,
Такъ же ляховъ, угровъ, сербовъ и болгаровъ
И грековъ въ Азіи стращалъ мечъ козаровъ,
А за Владимера въ вѣрѣ просвѣщенны,
Той же духъ храбрости имѣли военній
Всегда княземъ,рымскимъ (?) соблюдали вѣру,

---

[1]) Мы удерживаемъ правописаніе автора.

Были страшни врагомъ отчества чрезъ мѣру.
Когда жъ Тавріею турковъ возобладалъ,
А Кіевъ з удѣломъ полякомъ голдовалъ,
Тогда и козари храбріи и славни
По всей Украинѣ стали разъсѣянни.
З сихъ рода козаки начали, безженны,
Селитись близъ Днѣпра, чтобъ были военны.
Забава ихъ въ степѣ, ловъ звѣрей, татаровъ
И другихъ плѣняти безбожнихъ варваровъ;
Во всомъ своихъ предковъ дѣламъ ревновали,
Землею и моремъ вездѣ ратовали,
Нестрашно имъ было, легкими судами
Переплывши море, брань имѣть з врагами.

Въ Азіи они взяли Синопъ, Трапезонтъ, „побрали корысти" подъ Цареградомъ и тѣмъ заслужили себѣ такую славу,

Что королѣ слали бунчуки, булави
И, стражами своей признавши границѣ,
Дали имъ пороги за крѣпки фортеци;
Оттоль запорозци зватись заобикли,
А сѣчовіе, что не разъ враговъ сѣкли;
Отъ того времени стали и гетманы
Отъ королей польскихъ, по ихъ волѣ даны.
Жигмунтъ, Баторій въ чести ихъ имѣли
И козацку вольность на вѣкъ утвердили.
Яку честь гетманску войско сѣчовое
Приняввши, чинили вѣрно пользу вдвое.

Они защищали отъ враговъ Польшу и все христіанство,

Гоняли якъ зайцовъ татаръ боязливихъ.
Губили якъ волковъ драпѣжнихъ и льстивихъ,

часто вели войны съ Крымомъ, съ турками и тѣмъ сильно раздражали этихъ своихъ сосѣдей:

На се смотря яро очима, кримскій ханъ
А турецкій зубами воскрежеталъ султанъ,

учинили совѣтъ и порѣшили уничтожить кошъ запорожскій. Но эта попытка ихъ кончилась неудачей. Запорожцы,

Принявъ оружіе, храбрствовали в многѣ,
Татаръ, янчаръ жаждныхъ кровью напоили,
Трупъ ихъ птицамъ, звѣремъ на снѣдь порубили.

Крымскій ханъ убѣжалъ, прославляя храбрость козацкую.— Скоро затѣмъ послѣдовало нашествіе турецкаго султана на По-

долію. Подъ Хотиномъ поляки терпѣли нужду, были „гладомъ изморены“ и призвали на помощь запорожцевъ,

Смотря запорозци окомъ жалосливимъ
На ту бѣду ляховъ, съ духомъ запальчивимъ,

бросились ночью на турецкій обозъ,

Якъ туча съ громомъ преужасиимъ,
Обливши весь обозъ крвавимъ дождемъ страшнимъ.

Турецкій султанъ принужденъ былъ заключить съ Польшей договоръ.

Въ награду за всѣ эти подвиги, за то, что

Козаки бѣдни кровъ свою за нихъ проливали
Панство ихъ своими грудми защищали,
Ляхи жъ, злобни, горди, за то мужиками
Защитниковъ своихъ з всѣми ихъ племями
Починили, иго на нихъ наложивши
Неволниче; еще жъ и вѣру зломивши
Греческу, унію ввели въ Украину.

Но Богъ не оставилъ запорожцевъ безъ призрѣнія, онъ отомстилъ ляхамъ за все, что претерпѣли отъ нихъ козаки.

Вдхнулъ Богъ, якъ Моисею, по вѣрѣ и роду
Ревность Хмельницкому, чтобъ отдалъ свободу
Подъ игомъ поляковъ стенячой роднинѣ
И православну вѣру Украинѣ.
Богданъ ревностью бѣжитъ роспаленный
Въ Сѣчъ запорожскую, и такъ угашенний
Огонь храбрости давно началъ разжигати
Въ козакахъ, промовляя: „Украина мати
Проситъ о ратунокъ, часъ на конь всѣдати,
Вѣру, родъ и вольность мочемъ защищати!“
Козаки, якъ орлы, въ юность обновленни,
Мщеніемъ паляще, якъ стрѣли огненни,
Призвавъ себѣ въ помощь Бога Правосуда,
Да исполнитъ лица обидящихъ студа,
Зъ Богданомъ на враговъ быстро полетѣли
И многія войны зъ ляхами имѣли.

Далѣе идетъ мастерское описаніе богатаго вооруженія польскаго войска, какъ противоположность бѣдности запорожцевъ, которые

Не въ зелѣзни зброи, но въ храбрость убрани,
Силою крѣпкою свишъ препоясани,
Зъ чего вси до бою просто сердце мѣли,

Къ отмщенію враговъ, якъ пламень, горѣли,
Страшни, якъ львы противъ звѣрей боязливихъ,
Всякъ з нихъ смѣли гонитъ ляховъ полохливихъ.

Чтобъ въ войскѣ не было безпорядка,

Запорожци зъ чорню избрали Богдана
Мужа мудра, храбра себѣ за гетмана.

Съ нимъ вступилъ въ союзъ и крымскій ханъ, древній врагъ запорожцевъ.

Послѣдовавшая затѣмъ война между Польшей и козаками описана въ „Героичныхъ стихахъ", какъ мы выше сказали, односторонне. Козаки одержали побѣду у Желтыхъ водъ, подъ Корсунемъ. Здѣсь битва была особенно удачна:

Всѣхъ ляховъ избито, гетмановъ забрано
Въ неволю зъ панами и хану ихъ дано,
Гетманскіе знаки, бунчуки, булавы
Взялъ Богданъ Хмельницкій для козацкой славы,
Войско жъ разграбивши, обозъ пребогатій,
Измѣняли свои лати на шкарлати,
Агумѣ на кунѣ, бурки на мармурки
И другіи военны, дорогіи раштунки
Въ ронди, конѣ, деньги и сребну посуду,
Такъ всѣмъ зботатились козаки отсюду,
Что прежде ихъ ляхи звали харпаками,
Тогда почнинили знатними панами.

Затѣмъ слѣдовали битвы подъ Пилявою, Збаражемъ, Зборовымъ, наконецъ зборовскій договоръ, который, впрочемъ, имѣлъ силу только очень недолго. Скоро ляхи

Вщали людемъ чинить незносны обиды,
И се имъ нанесло остатніе бѣды.

Война кончилась полнѣйшимъ пораженіемъ поляковъ:

И где были войска польскіе собраны,
Козаками сбиты, албо розегнаны,
Крѣпки городы, фортецы добиты,
Паны, шляхты, жиды, жолнѣры побиты.
Якъ ляховъ не стало по всей Украинѣ,
Мало на Полѣсю, Подолю, Волинѣ,
Якъ зайци за Вислу гуртомъ утѣкали,
Много жъ ихъ въ неволю татары забрали;
З чего пуста Польща, бывши всѣмъ обфита;
Въ укоризнѣ стала у цѣлого свѣта;
Якъ Богъ отомстилъ ляхамъ гордимъ за обиды,

Смиреннимъ козакамъ далъ славни побѣды,
Тогда запорожскій Марсъ мечъ успокоилъ
И границу по Случъ отъ Польщи устроилъ,
Гдѣ во знакъ поставилъ трофей тріумфальной
Ляхамъ на страхъ, своимъ для памяти славной.

Козацкая слава быстро облетѣла весь свѣтъ. Къ Хмельницкому начали приходить послы и отъ султана турецкаго, и отъ королей шведскаго и венгерскаго. Но Хмельницкій, „учинивши совѣтъ", отдался со всѣмъ войскомъ „подъ высокую царей россійскихъ державу", обѣщаясь служить имъ вѣрно:

Украина жъ іго лядзке извергнула,
Подъ россійскимъ кровомъ мирно отдохнула,
Церкви отъ Уніи стали очищенны
И россійской свято присовокупленны.

Ляхи и турки еще разъ сдѣлали попытку завоевать Украину, но „Алексѣй прехрабрый" не допустилъ ихъ до этого:

„Литва и Русь бѣла устрашилась,
До самихъ Курляндовъ совсѣмъ (?) покорилась,
Смоленскъ з всѣмъ удѣломъ взятъ и побѣжденній
И оттолѣ ляхамъ сталъ невозвращённій.

На Украинѣ всѣ враги были усмирены:

Татаре, якъ щурѣ, въ свои мѣста скрылись,

ляхи заключили миръ; къ этому же были принуждены и турки, послѣ того, какъ козаки овладѣли Азовомъ (?)

Вездѣ жъ запорозци вѣрность оказали,
Въ приступахъ и бою храбро поступали,
Между тимъ бывали облудны гетманы
Въ Украйнѣ, горды и непостоянны,
Якъ Выговскій, Юрась и други подобны,
Вѣроломны, хитры, зловѣрны и злобны,
Войскомъ запорожскимъ чрезъ зрады мутили
И вѣчну погибель себѣ заслужили.
Однакъ запорозци, на се обозрѣвшись,
Въ своемъ постоянствѣ напередъ утвердившись,
Стали служить вѣрно россійской державѣ,
Ревнуючи предкомъ храбрости и славѣ.

Это они доказали и въ турецкую войну „за Августы Анны", когда турки были побѣждены и Порта должна была просить мира.

Въ заключеніе авторъ касается устройства запорожскаго коша:

Кромѣ сего, кто знать хочетъ ихъ порядки,
И яки въ безженствѣ спасенны обрядки:
Едному почести зъ совѣтомъ ввѣряютъ,
Правленіе; когда жъ хотятъ, отмѣтаютъ;
Судъ у нихъ скоръ, но правъ по дѣламъ бываетъ,
Тимъ зло скореняютъ, страхъ же насаждаютъ;
Разнимъ сокровище трудомъ набиваютъ,
На странныхъ и бѣдныхъ оними снабдѣваютъ,
Любовъ, милостиня якъ бы въ нихъ врожденна,
Въ многихъ церквахъ Богу в жертву освященна.
За все жъ слава громка такъ своему люду
Вѣватъ запорожскій кошъ гласитъ повсюду.

Н. В.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо Петра I о полтавской побѣдѣ. Kopia listu naiasnieyszego Cara jego mości do jasniewelmożnego jego mości pana woiewody Bełzkiego, hetmana wielkiego koronnego, z pod Pułtawy, die 27 junij (8 julij) anno 1709 pisanego.

Obiawiamy wmci o bardzo wielkiey y niespodziewaney wiktoryey, ktorą Pan Bog nam przez nieopisane męstwo sołdatow naszych darować raczył z małym woysk naszych krwie rozlaniem, takim sposobem:

Dnia dzisieyszego, narozświtaniu, hardy y gorący nieprzyiaciel attakował kawaleryą naszę ze wszyskim woyskiem konnym y pieszym, ktora choc według należytości trzymała się, iednak musiała była ustąpić, ale z wielką utratą nieprzyiacielską. Potym nieprzyiaciel stanął frontem przeciwko naszemu obozowi, przeciwko ktoremu zaraz wszytkie piechoty nasze z transzamentu wyprowadziliśmy y przed oczyma nieprzyiacielskiemi postawiliśmy, a kawalerya na obodwoch flankach stała. Co widząc nieprzyiaciel zaraz ruszył się y stanął przy lesie; przeciwko ktorego nasi spotykaiąc poszli y tak spotkali, iż go zaraz z pola zbili; chorągwi y dział wiele wzięli, przy tym generała feltmarszała Renszelda wespoł z czterema generałami, to iest: Szlipenbachem, Sztakelberkem, Hamiltonem i Rosenem. Wzięty także pierwszy minister graff Piper z dwoma sekretarzami Helmelinem y Cyderhelmem, przy ktorych kilka tysięcy officyerow y prostych żołnierzy dostało się. O tem fusius wkrotce pisać będziemy, a teraz dla prętkości nie można; y iednym słowem mowiąc: całe nieprzyiacielskie woysko Faetonow koniec otrzymało.

O krolu ieszcze nie możemy wiedzieć, ieżeli tu z nami, albo oycami naszemi znayduie się.

Za rozpłoszonym y rosproszonym nieprzyiacielem posłani z kawaleryą: xiąże iego mość general leytenant Galiczyn i iego mość pan Baur. I tą u nas niesłychaną nowiną w-mci pozdrawiamy. Piotr.

P. S. Przyprowadzono ieszcze x-cia Wittemberskiego, krewnego krola Szwedzkiego.

Переводъ: Копія письма пресвѣтлѣйшаго царя его милости къ ясневельможному его милости пану воеводѣ белзскому, гетману великому коронному, изъ-подъ Полтавы, 27 іюня (8 іюля) 1709 года.

Извѣщаемъ вашу милость о весьма значительной и неожиданной побѣдѣ, которую Господь Богъ благоволилъ даровать намъ, благодаря неописанному мужеству нашихъ солдатъ, и притомъ безъ большого пролитія крови войскъ нашихъ. Дѣло происходило такъ:

Сегодня, на разсвѣтѣ, гордый и пылкій непріятель со всѣмъ войскомъ коннымъ и пѣшимъ атаковалъ нашу кавалерію, которая хотя съ надлежащею стойкостью выдерживала натискъ, но должна была отступить, причинивъ однако въ непріятельскомъ войскѣ большія потери. Послѣ того непріятель обернулся фронтомъ къ нашему лагерю, а мы тотчасъ вывели противъ него изъ ретраншементовъ всю нашу пѣхоту и поставили ее предъ лицемъ непріятеля, кавалерія же расположилась на обоихъ флангахъ. Увидѣвъ это, непріятель тотчасъ двинулся и сталъ у лѣса. Наши вступили съ нимъ въ бой и нанесли такое пораженіе, что онъ былъ прогнанъ съ поля битвы. Взяли много знаменъ и пушекъ, плѣнили генерала-фельдмаршала Реншильда вмѣстѣ съ четырьмя генералами: Шлиппенбахомъ, Штакельбергомъ, Гамильтономъ и Розеномъ (Роосомъ?); взятъ также первый министръ графъ Пиперъ съ двумя секретарями: Гельмелиномъ и Цидергельмомъ—и съ ними нѣсколько тысячъ офицеровъ и простыхъ солдатъ. Въ скоромъ времени напишемъ объ этомъ пространнѣе, теперь же не можемъ по причинѣ спѣшности. Словомъ сказать—все непріятельское войско постигла судьба Фаетона [1]).

О королѣ еще не имѣемъ свѣдѣній—живъ ли онъ, или переселился къ праотцамъ.

Въ погоню за разгромленнымъ и разсѣяннымъ непріятелемъ посланы съ кавалеріей генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ и Бауръ (Боуеръ).

Поздравляемъ вашу милость съ этой неслыханной новостью.

Петръ.

PS. Привели еще князя виртембергскаго, родственника шведскаго короля.

---

[1]) Намекъ на извѣстный миѳологическій разсказъ о Фаетонѣ, сынѣ Геліоса погибшемъ вслѣдствіе неумѣнія управлять солнечной колесницей.

Письмо это было адресовано польскому коронному гетману Адаму-Николаю Сенявскому, воеводѣ белзскому, который былъ однимъ изъ главныхъ сторонниковъ короля Августа и противникомъ покровительствуемаго шведами Станислава Лещинскаго. Петръ лично зналъ его и неоднократно приказывалъ гетману Мазепѣ посылать ему въ помощь козацкіе отряды противъ шведскихъ партизановъ. Въ его интересахъ было какъ можно скорѣе увѣдомить Сенявскаго объ одержанной имъ блестящей побѣдѣ надъ Карломъ XII, такъ какъ онъ зналъ, что это извѣстіе должно было рѣшительно подорвать въ Польшѣ шансы партіи Лещинскаго и укрѣпить положеніе дружественной Россіи партіи Августа.

Что письмо писано въ самый день полтавской побѣды—это явствуетъ изъ самаго его содержанія, не говоря уже объ его датѣ. Петръ еще ничего не знаетъ о судьбѣ Карла, даже не увѣренъ въ томъ, остался ли онъ въ живыхъ, или убитъ. Судя по упоминанію о посылкѣ князя Голицына и Боуера въ погоню за остатками шведской арміи, можно съ точностью сказать, что письмо было написано вечеромъ или ночью 27 іюня: извѣстно, что Петръ въ такой степени увлекся торжествомъ по случаю одержанной побѣды, что не прежде какъ уже вечеромъ спохватился отправить въ погоню за отступившимъ съ поля непріятелемъ.

Съ фактической стороны письмо не прибавляетъ почти ничего новаго къ тѣмъ подробностямъ о полтавской битвѣ, какія уже извѣстны изъ другихъ источниковъ; но оно драгоцѣнно въ томъ отношеніи, что отражаетъ въ себѣ довольно явственно душевное настроеніе Петра въ одинъ изъ радостнѣйшихъ дней его жизни. Въ каждой фразѣ сквозитъ радостное чувство счастливаго побѣдителя, но нѣтъ ни обычной въ подобныхъ случаяхъ похвальбы, ни кичливости, ни презрительнаго отношенія къ противникамъ. Несмотря на краткость реляціи, Петръ съ замѣчательною правдивостью не забываетъ упомянуть и о томъ, что начало битвы не было особенно благопріятно русскимъ—наша кавалерія должна была отступить, да и самую побѣду онъ откровенно называетъ «неожиданной», какою она и была на самомъ дѣлѣ. Подобныхъ сдержанныхъ по тону и замѣчательно правдивыхъ реляцій не много найдется въ исторіи.

Настоящее письмо, сколько намъ извѣстно, не было еще издано. Современная копія его отыскана въ бумагахъ Н. Д. Иванишева и, какъ кажется, была получена имъ изъ архива К. Свидзинскаго.

Ор. Левицкій.

Малоизвѣстныя историческія лица и событія конца XVIII в.

XVIII-й вѣкъ, особенно въ началѣ и концѣ, былъ для Россіи и временемъ быстраго внутренняго развитія вслѣдствіе реформъ петровскаго и екатерининскаго царствованія, и временемъ ея наибольшаго территоріальнаго распространенія; само собою разумѣется, что быстрое развитіе государственной жизни вызывало много недовольныхъ среди тѣхъ лицъ, сословій и національностей, которымъ приходилось примѣняться къ новымъ условіямъ жизни; разъ зародившееся чувство неудовольствія стремилось перейти въ открытое противодѣйствіе власти, принимая нерѣдко широкіе размѣры. Забота послѣдней о предупрежденіи такого перехода была причиною того, что многіе факты общественной жизни не допускались до всеобщаго свѣдѣнія, а участвовавшія въ нихъ лица ставились въ такое положеніе, при которомъ они не могли оказать воздѣйствія на общественное мнѣніе. Въ наше время нѣкоторые изъ этихъ фактовъ могутъ казаться имѣющими весьма слабое значеніе, но тогда, въ тревожный XVIII вѣкъ, въ моментъ своего совершенія, они были въ глазахъ современниковъ весьма серьезны, важны и опасны для общественнаго спокойствія. Возникавшія по поводу такихъ фактовъ дѣла восходили обыкновенно на высочайшее разсмотрѣніе и служили предметомъ болѣе или менѣе обширной переписки, быстраго обмѣна всякаго рода указовъ, ордеровъ, репортовъ, доношеній, слѣдствій, приговоровъ и проч. до тѣхъ поръ, пока обнаружившееся неудовольствіе не подавлялось вполнѣ. Будучи въ свое время предметами первостепенной государственной важности, эти малоизвѣстные факты, хотя и вызывали переписку въ провинціи, но главнѣйшая ея часть, въ которой разъяснялась самая сущность дѣла, должна была оставаться въ архивахъ высшихъ правительственныхъ учрежденій сообразно своему содержанію; въ архивахъ же учрежденій провинціальныхъ, даже такихъ, какимъ была существовавшая нѣкогда въ Кіевѣ губернская канцелярія, этотъ главный центръ управленія южной Россіей въ XVIII вѣкѣ, сохранялась лишь часть дѣлъ, поэтому при разборѣ провинціальныхъ архивовъ мы встрѣчаемъ или начало дѣла и не имѣемъ конца, или конецъ дѣла, дающій поводъ къ разнаго рода предположеніямъ о его происхожденіи и сущности. А между тѣмъ эти отрывки указываютъ, какъ мы уже сказали, на важныя событія своего времени. Изъ такихъ отрывочныхъ дѣлъ я изложу четыре, расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, такъ какъ никакой внутренней связи между ними

нѣтъ и они отдѣляются одно отъ другаго значительнымъ промежуткомъ времени.

Въ 1749 году въ кіевской губернской и въ малороссійской генеральной войсковой канцеляріяхъ былъ полученъ высочайшій указъ имп. Елисаветы; въ немъ, между прочимъ, говорится, что «обрѣтается въ Казани нѣкоторая женщина польской націи Авдотья Устрицкая, которая, по той причинѣ, что въ ея отечество отпущена быть не можетъ, имѣетъ остаться въ здѣшней имперіи вѣчно; и велено нынѣ съ Казани отпустить ее въ Москву или на Украину, а для пропитанія ей по смерть или по замужество, буде похочетъ, всемилостивѣйше опредѣлено ея императорскимъ величествомъ по сту по петьдесятъ рублевъ на годъ». Дальше въ указѣ сообщаются менѣе важныя подробности о томъ, что деньги (150 руб.) за 1749 г. уже выданы ей въ Казани, а въ слѣдующіе годы должны выдаваться по мѣсту жительства Устрицкой или въ Москвѣ изъ штатъ-конторы или въ Кіевѣ изъ губернской канцеляріи. Послѣдняя, получивъ указъ, немедленно объявила его всѣмъ форпостнымъ командирамъ по западно-русской границѣ, обязавъ ихъ особой подпиской ни подъ какимъ видомъ не пропускать Авдотьи Устрицкой въ Польшу. Мы не находимъ въ дѣлѣ ни малѣйшаго указанія на вину Устрицкой и можемъ лишь догадываться, что она была жертвой тогдашнихъ дипломатическихъ отношеній Россіи и Польши, и притомъ жертвой, дорого цѣнившейся, если судить по тому, сколько назначено было ей «для пропитанія», а назначено ей было немного меньше, чѣмъ на содержаніе всей кіевской академіи, которая по грамотѣ 1742 г. должна была довольствоваться всего лишь 200 руб. Мало разъясняетъ судьбу Устрицкой и разсмотрѣніе отношеній русскаго двора къ польскому въ 1749—1750 гг. Русское правительство въ то время старалось поддержать добрыя отношенія къ Польшѣ, нарушавшіяся часто жалобами православнаго русскаго населенія на гоненія отъ католиковъ. Поэтому русское правительство могло лицъ, особенно громко и настойчиво жаловавшихся на польскіе порядки забирать къ себѣ, давать имъ средства къ безбѣдному существованію, но не выпускать въ Польшу. Хотя Устрицкая, судя по имени и фамиліи, и могла быть польской подданной православнаго исповѣданія, но, принявъ во вниманіе ея полъ и молодой возрастъ (въ указѣ предусматривается возможность выхода ея замужъ), трудно допустить ея причастность къ религіознымъ распрямъ двухъ народностей.

Но если люди «польской націи» порождали въ русскомъ правительствѣ опасенія за свои интересы въ дѣлахъ сосѣдняго государства, то не меньше хлопотъ ему дѣлали и запорожцы, среди которыхъ «шаткость и измѣны» не прекращались и изрѣдка обнаруживались; чаще всего вся измѣна сводилась къ желанію запорожцевъ остаться при старыхъ правахъ и вольностяхъ, и обвиненіе оказывалось извѣтомъ; кажется таковымъ же оказалось и громкое дѣло 1750 г. объ измѣнѣ бывшаго кошевымъ атаманомъ Василія Григорьева Сыча; мы не имѣемъ конца этого дѣла, но сущность его заключается въ слѣдующемъ: харьковскаго полка козакъ Власъ Титаренко еще въ 1748 году отправился на заработки въ Калміусъ, а оттуда прошелъ въ Сѣчь и сталъ работать въ нижне-стебловскомъ куренѣ у куреннаго атамана Грицка Лобура; атаманъ отправилъ Титаренка работать въ своемъ зимовникѣ на уроч. Бузулукѣ.

Въ началѣ октября того же года въ зимовникъ пріѣхали навѣстить атамана запорожцы Василій Бочмакъ, Иванъ Донъ, Яцко Голодный и два неизвѣстные Титаренку по имени; собравшіеся козаки стали спрашивать Бочмака, возвратившагося незадолго передъ тѣмъ изъ какой-то поѣздки, что новаго слышалъ онъ. Бочмакъ, отвѣтствуя, сказывалъ: «слава де Богу, же гараздъ!», только слышалъ, что бывшій войска запорожскаго атаманъ Сычь измѣнилъ и они-де то знаютъ четверо, то есть онъ, Сычь, да брюховецкаго куреня куренной атаманъ Передери, а кто два другіе ихъ «согласники» того Бочмакъ «не выговорилъ и не сказывалъ». Предполагая въ слышанномъ разговорѣ предметъ великой важности, Титаренко немедленно отправился къ стоявшему въ м. Богородичномъ форпостному командиру и объявилъ за собою «слово и дѣло»; тутъ же онъ, кромѣ того слышалъ отъ козака пашковскаго куреня, «что ихъ куренной атаманъ приказываетъ чтобы козаки его куреня ружемъ и протчимъ были во всякой исправности и гдѣ будутъ оные обрѣтаться, чтобъ де только онъ, атаманъ, зналъ»; кромѣ того Титаренко примѣтилъ, что будучи еще лѣтомъ у моря, въ Калміусѣ, слышалъ отъ пріѣхавшихъ туда многихъ запорожцевъ-козаковъ, что бывшій кошевой атаманъ Василій Сычь «далъ позволеніе, дабы запорожцы, а особливо бѣдные, шли подъ поляковъ для воровства и будто за то стоящій подъ Чернымъ лѣсомъ москаль, а кто таковъ и подлинно ль такъ не знаетъ, даетъ жалованья, а бывшій же де брюховецкій куренный атаманъ Передери съ полковникомъ Капнистомъ уже за одно гуляютъ и съ нимъ цукомъ ѣздятъ; и онъ де, Капнистъ, наставлялъ

его Передерія наказнымъ полковникомъ, гдѣ и надъ какою командою, не знаетъ; что услыша многіе изъ запорожцевъ, хотя бы кто имѣлъ заработки и на комъ деньги, но оставя оное, туда шли». Въ этихъ немногихъ словахъ, слышанныхъ Титаренкомъ въ разное время и отъ разныхъ лицъ, заключается сущность объявленнаго имъ за собою «слова и дѣла» государева. Несомнѣнно, что изъ этихъ отрывочныхъ разговоровъ въ живомъ воображеніи Титаренка создалось представленіе о какихъ-то тайныхъ намѣреніяхъ кошеваго о какомъ-то броженіи среди козачества и приготовленіи къ чему-то важному. Къ сожалѣнію въ имѣющемся у меня дѣлѣ нѣтъ показаній оговоренныхъ Титаренкомъ лицъ, особенно же Сыча и Передерія. Вся длинная переписка въ этомъ дѣлѣ состоитъ изъ репортовъ форпостнаго командира начальнику украинской линіи генералъ-маіору Лукину, которому подчинялся Титаренко, какъ харьковскій козакъ; доношенія объ этомъ Лукина въ сенатъ, указъ императрицы Елисаветы за подписью канцлера гр. Алексѣя Бестужева-Рюмина кіевскому генералъ-губернатору Леонтьеву, которому поручалось произвести разслѣдованіе самому, не посылая свидѣтелей «въ извѣстную коммиссію»; указъ государыни былъ полученъ въ Кіевѣ 29 ноября 1750 г.; съ этого времени изъ канцеляріи посылаются ордеры о доставкѣ обвиняемыхъ и свидѣтелей въ Кіевъ, заклепавъ ихъ въ ручныя и ножныя желѣза за строгимъ карауломъ, чтобы въ пути «дурна какого надъ собою не учинили». Весьма вѣроятно, что арестованные запорожцы были переданы для допроса и слѣдствія въ ту коммиссію, которая разсматривала дѣло миргородскаго полковника Капниста; передача являлась сама собой необходимой, потому что въ показаніи Титаренка Капнистъ упоминается какъ близко стоявшій къ атаману Передерію. По сообщенію Соловьева и Бантыша-Каменскаго, Капнистъ обвинялся въ намѣреніи отравить только что назначеннаго тогда на гетманство Разумовскаго и въ претензіяхъ на гетманское достоинство, котораго онъ надѣялся достигнуть при содѣйствіи татаръ; доносъ оказался ложнымъ, но слухъ о немъ, дойдя до Запорожья, какъ видно изъ показанія Титаренка, вызвалъ если не броженіе, то разговоры. Дѣло о судѣ надъ Капнистомъ хранится въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ и состоитъ изъ трехъ огромныхъ томовъ; оно было произведено въ особой секретной коммиссіи, назначенной кіев. губернаторомъ Леонтьевымъ; тамъ, намъ кажется, должно искать и результатовъ слѣдствія надъ кошевымъ Сычемъ и атаманомъ Передеріемъ, которые, если и могли быть въ чемъ либо виновны, то лишь въ рас-

пространеніи нелѣпыхъ толковъ о Капнистѣ, да въ большемъ или меньшемъ довѣріи этимъ толкамъ. Русское правительство, всегда недовѣрчиво относившееся къ козацкой вѣрности, считало опасными подобные толки и, вѣроятно, примѣрно наказало всѣхъ оговоренныхъ Титаренкомъ лицъ, хотя самъ Капнистъ былъ оправданъ.

Но если правительство строго наказывало за всякое возбужденіе козацкой вольницы или даже за попытку къ этому, то мы имѣемъ примѣръ, что оно не оставляло безъ награды всякое проявленіе вѣрности къ себѣ и молчаніе о такихъ фактахъ, которые могли подать поводъ къ смутѣ среди козацкой черни.

Такимъ было секретное дѣло о подговорѣ крымскимъ ханомъ запорожцевъ къ соединенію съ нимъ и отпаденію отъ Россіи. Оно возникло по слѣдующему поводу: въ началѣ августа 1762 года кошевой атаманъ Калнишевскій посылалъ въ Каушаны къ крымскому хану Крымъ-Гирею съ письмами, по поводу какихъ-то столкновеній запорожцевъ съ татарами, одного изъ козацкихъ старшинъ Самуила Недзельскаго. Послѣдній, вручивъ письма ханскому переводчику Якубу-агѣ [1]), жилъ на опредѣленной ему квартирѣ три дня въ ожиданіи отвѣта. При свиданіяхъ съ нимъ Якубъ-ага подъ клятвой заявлялъ: «счастливо де ваше войско и все сегобочное поселеніе, что въ Россіи извѣстная перемѣна сдѣлана, а какъ бы де такъ не перемѣнилось, то бъ де государь бывшій запорожскія и всѣ сегобочныя земли хану крымскому жаловалъ, а запорожцы де за Кубань переведены бъ были и уже де обѣщалъ». Въ другой разъ, указывая Недзельскому на приготовленія татаръ къ войнѣ, прибавлялъ: «ханъ въ нинешнюю осень въ холодное время хочетъ погулять и проходитца съ войсками, показать себе». На распросы Недзельскаго, куда ханъ хочетъ идти погулять, Якубъ-ага увѣрялъ только «увидите до вскорѣ». При этомъ переводчикъ прибавлялъ: «щастливо де ваше мѣсто и Божее есть знать тамъ особое призрѣніе, а именно, много де-намъ воспрепятствовала нынѣшняя въ Россіи перемѣна (т. е. вступленіе на престолъ Екатерины) тѣмъ, что земля вся, которою запорожцы владѣютъ уже обѣщана была чрезъ прусскаго короля хану крымскому къ присовокупленію до Крыму и бывшій государь непремѣнно бъ согласился, а ханъ бы за то заслужилъ». Подготовивъ такимъ образомъ слушателя своего, Якубъ-ага сталъ выражаться прямо и откровенно;

---

[1]) Матеріалы для исторіи южно-русскаго края въ XVIII стол. (1715—1774 г.), изд. Импер. одес. общ. ист. и древн. Одесса. 1886 г., стр. 392.

«открылъ такови перемѣни»: «его де свѣтлость ханъ примѣтилъ тебе, что ты грамотенъ и въ дѣлахъ довѣренъ, приказалъ, чтобъ ты господину кошевому атаману нинешнему, старшинамъ, атаманамъ и старикамъ запорожскимъ отъ его свѣтлости секретной поклонъ представилъ и объявилъ имъ, что его свѣтлость ханъ желаетъ и совѣтуетъ, дабы запорожское войско по прежнему вступило съ нимъ въ дружбу и присовокупилось до Крыму, а онъ, ханъ, по нивешнимъ своимъ силамъ и обстоятельствамъ съ запорожцами, зная ихъ издревле храбрость, много бъ де здѣлать могъ слави и запорожскому войску великое добро сыскать». Недзельскій, понявъ всю опасность и безполезность предложенія, отговаривался тѣмъ, что онъ въ кошѣ новый человѣкъ, и притомъ «небольшой», не рѣшался вести переговоры такой важности и просилъ, чтобы ханъ изволилъ написать въ кошъ письмо; переводчикъ тотчасъ же пошелъ къ хану; болѣе двухъ часовъ совѣтовались они, какъ поступить. Наконецъ, переводчикъ, возвратясь, сказалъ, что «ханъ предразсудилъ о семъ дѣлѣ послать въ кошъ Запорожскій особо нарочныхъ и черезъ нихъ писать вскорѣ». Послѣ этого Недзельскій былъ отпущенъ «учтиво и ласково» домой. Прибывъ въ кошъ 24 августа, онъ сообщилъ объ этомъ предложеніи хана Кальнишевскому. Кальнишевскій передалъ все отъ слова до слова пограничному съ Турціей коммиссару маіору Чугуевцу; Чугуевецъ сообщилъ кіевскому губернатору Глѣбову; послѣдній тотчасъ же донесъ о такомъ чрезвычайномъ случаѣ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ для сообщенія государынѣ, а самъ распорядился, чтобы послы хана, поставленные въ невозможность сговариваться съ простыми козаками, были приняты, письмо отъ нихъ взято кошевымъ и коммиссаромъ вмѣстѣ и тотчасъ словесно было бы отвѣчено, что «оное его ханское покушеніе, простирающееся въ противность вѣчно заключеннымъ между Россійской Имперіей и Портой Оттоманской трактатамъ и вѣрноподданнической ихъ къ ея императорскому величеству рабской должности тщетнымъ и презрительнымъ на всегдашнее время имѣетъ оставаться». Затѣмъ губернаторъ предписалъ выслать пословъ съ надлежащимъ конвоемъ заграницу и строго смотрѣть, чтобы на будущее время «подсылокъ» отъ хана происходить не могло, а въ самомъ войскѣ запорожскомъ содержались бы «добрые порядки». Недзельскаго губернаторъ требовалъ къ себѣ для объясненій въ крѣпость св. Елисаветы. Вообще же приказывалъ все это дѣло хранить въ великой тайнѣ; «найвышшемъ секретѣ» отъ товариства.

Изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ полученъ былъ между тѣмъ указъ, которымъ одобрялись и утверждались распоряженія губернатора, Недзельскому посылалась отъ государыни въ награду сабля съ надписью «за усердіе», а Кальнишевскому предписывалось отписать съ похвалою за его благородное поведеніе; но все это должно было сдѣлать секретно и не разглашать среди черни. Исполняя этотъ указъ, губернаторъ въ своемъ ордерѣ Кальнишевскому отъ 31 іюля 1763 г. выражается такъ: «понеже сей вашъ поступокъ дѣйствительно доказалъ благоразумное ваше поведеніе и ревностное къ службѣ ея имп. вел. усердіе и справедливо заслуживаетъ апробацію и особливую вамъ похвалу, то въ разсужденіи того рекомендуется вамъ и впредь въ таковыхъ и сему подобныхъ случаяхъ поступать съ равномѣрнымъ усердіемъ и всегда стараться за поступками войска запорожскаго примѣчать и отъ худыхъ предпріятій воздерживать, что не инако, какъ пріобрѣсть можетъ высочайшее ея имп. вел. благоволѣніе; но однакожъ сего ордера въ войскѣ запорожскомъ не показывать и не разглашать, чтобы совсѣмъ объ извѣстномъ обстоятельствѣ козаки не знали». Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ Глѣбовъ приказываетъ кошевому выслать въ Кіевъ Недзельскаго для врученія сабли, но подъ какимъ-нибудь «приличнымъ претекстомъ» «для неизвѣстности козакамъ»; придумать «приличный претекстъ» предоставлялось «на разсужденіе» кошеваго. Но простыя похвалы не удовлетворили Кальнишевскаго. Конечно по его просьбѣ въ сентябрѣ того же 1763 года, когда кошевымъ атаманомъ былъ уже вмѣсто него Григорій Өедоровъ, послѣдній ходатайствовалъ предъ губернаторомъ о назначеніи какой-либо болѣе существенной награды своему предшественнику; но ходатайство не имѣло успѣха. Недзельскій же былъ отправленъ новымъ кошевымъ Филиппомъ Өедоровымъ въ Кіевъ за полученіемъ сабли только 29 января 1764 г., а въ мартѣ губернаторъ донесъ коллегіи иностр. дѣлъ, что сабля Недзельскому вручена и о храненіи тайны подтверждено. Судьба другихъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ очень скоро измѣнилась: Крымъ-Гирей ханъ былъ лишенъ Портой сана за свои широкія стремленія къ самостоятельности въ сентябрѣ того же 1764 года; бывшій при немъ переводчикомъ Якубъ-ханъ возвысился до званія дубоссарскаго гетмана; его расположеніемъ дорожило русское правительтство и въ 1766 году платило ему жалованья по 900 руб. въ годъ; конечно онъ такъ же усердно хлопоталъ теперь о присоединеніи Крыма къ Россіи, какъ прежде старался отторгнуть отъ нея Запорожье.

Къ концу XVIII в. количество лицъ, оказавшихся виновными или подозрѣвавшихся въ какихъ либо тайныхъ замыслахъ, могущихъ нарушить общественное спокойствіе, увеличилось; о нихъ не всегда даже производилось судебное дознаніе, нерѣдко по секретнымъ распоряженіямъ ихъ постригали въ монастыри, отправляли въ темницы и больницы или ссылали въ Сибирь, гдѣ они и оканчивали свою жизнь. Такихъ лицъ, несомнѣнно опасныхъ или только предполагавшихся таковыми, вѣроятно было довольно много потому, что въ началѣ царствованія Александра I явилась необходимость назначить коммиссію для пересмотра уголовныхъ дѣлъ прежнихъ царствованій съ цѣлью отдѣленія виновныхъ отъ мнимо-преступныхъ. 4 октября 1802 г. эта коммиссія представила на высочайшее усмотрѣніе списокъ дѣлъ, по которымъ многимъ осужденнымъ давалось облегченіе или даже свобода; надо думать, что коммиссія 1802 г. не могла почему-либо собрать свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, томившихся въ заключеніи, особенно вѣроятно о такихъ, ссылка или заключеніе которыхъ не сопровождалось производствомъ дѣла на бумагѣ; только вслѣдствіе этого обстоятельства я думаю указомъ отъ 13 января 1807 г. учрежденъ былъ новый комитетъ, который, между прочимъ, отъ всѣхъ губернскихъ административныхъ учрежденій потребовалъ сообщеній «о содержащихся въ монастыряхъ или другихъ тому подобныхъ мѣстахъ, независящихъ отъ гражданскаго вѣдомства разнаго званія людяхъ, присланныхъ въ оные по дѣламъ особенной важности или по секретнымъ повелѣніямъ, даже въ видѣ безумныхъ или помѣшавшихся въ разсудкѣ». Комитетъ 1807 г. или поздно открылъ свои дѣйствія, или былъ обремененъ дѣлами, или дѣйствовалъ медленно, но только свѣдѣнія о такихъ лицахъ потребованы были комитетомъ и отъ кіевскаго гражданскаго губернатора П. С. Черепанова лишь во второй половинѣ 1816 г.; губернаторъ тотчасъ же отнесся съ запросомъ объ этомъ къ кіевскому коменданту и кіевскому митрополиту Серапіону. Изъ отвѣта коменданта видно, что въ подвѣдомственныхъ ему мѣстахъ заключеній секретныхъ арестованныхъ нѣтъ; митрополитъ же въ своемъ сообщеніи заявилъ, что такія свѣдѣнія уже потребованы отъ него непосредственно оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода кн. А. Н. Голицынымъ для удовлетворенія предъявленнаго къ послѣднему требованія генералъ-фельдмаршала кн. Н. И. Салтыкова еще въ началѣ 1816 г.; тѣмъ не менѣе, пославъ уже отвѣтъ кн. Голицыну, митрополитъ Серапіонъ сообщаетъ имѣющіяся у него свѣдѣнія и губернатору Черепанову; изъ нихъ мы узнаемъ, что ка-

кая-то дѣвица или женщина, въ силу высочайшаго повелѣнія имп. Екатерины, была пострижена въ монастырь (когда и какой не сказано) подъ именемъ монахини Піоры; впослѣдствіи этой карательной мѣры оказалось недостаточно и по именному повелѣнію государыни монахиня Піора была разстрижена, переименована въ Анну Яковлеву и сослана въ г. Туруханскъ тобольской губ.; тамъ она оставалась до 1802 г., когда коммиссія, пересматривавшая уголовныя дѣла, нашла возможнымъ облегчить и положеніе Анны Яковлевой; она была переведена на жительство, въ качествѣ послушницы, въ Кіево-Фроловскій монастырь и освобождена отъ всякаго надзора. 11 декабря 1803 г. Яковлева доставлена была въ Кіевъ. Излагаемая нами переписка застала ее еще въ живыхъ; отъ роду ей было въ это время (т. е. въ 1816 г.) 65 лѣтъ, слѣдовательно она родилась въ 1751 году; по донесеніямъ игуменьи монастыря Смарагды, Яковлева вела жизнь самую строгую; вслѣдствіе болѣзни и слабости она по большей части находилась въ монастырской больницѣ.

Кто была въ дѣйствительности монахиня Піора, а потомъ Анна Яковлева, за что постигла ее жестокая кара, въ сохранившейся переписке не говорится; мы знаемъ только, что все случилось по именному повелѣнію и по секретному дѣлу; что и не даетъ возможности сдѣлать какихъ либо опредѣленныхъ предположеній. Анна Яковлева, по всей вѣроятности, вскорѣ и умерла во Флоровскомъ монастырѣ, но мнѣ не удалось собрать о ней никакихъ ни воспоминаній, ни преданій.

Указаніемъ на имена этихъ загадочныхъ женщинъ, съ печальной судьбою которыхъ соединяются болѣе или менѣе интересныя, неизвѣстныя намъ событія, и приведеніемъ фактовъ изъ жизни Запорожья я хотѣлъ бы обратить на нихъ вниманіе болѣе счастливаго изслѣдователя и дать ему руководящую нить для отысканія документовъ, могущихъ пролить свѣтъ на эти темные факты, а также указать на необходимость подбора другихъ однородныхъ дѣлъ для болѣе точной обрисовки и характеристики той или другой эпохи XVIII в.

И. Каманинъ.

Содержаніе одного изъ Чепинскихъ сборниковъ историческихъ бумагъ о Малороссіи. Раньше мы напечатали («Кіев Стар.» 1890 г., май, 364—369) два письма извѣстнаго собирателя письменныхъ памятниковъ по исторіи Малороссіи А. И. Чепы. Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ говоритъ о своихъ сборникахъ матеріаловъ для исторіи Малороссіи, которые были имъ отданы рано умершему Як. Мих. Марковичу, имѣвшему будто бы намѣреніе писать исторію Малороссіи, и которые погибли послѣ смерти Марковича въ Петербургѣ. Два тома изъ этихъ сборниковъ Чепѣ удалось впослѣдствіи получить и содержаніе одного изъ нихъ онъ сообщилъ пріятелю своему В. Гр. Полетикѣ, въ бумагахъ котораго и найдено оно нами. Приводимъ здѣсь полностью это содержаніе для знакомства съ Чепинскими сборниками, которые, вѣроятно, навсегда погибли для насъ. Слышно, что послѣ смерти Чепы осталось еще собраніе какихъ то старинныхъ бумагъ, хранившихся въ его усадьбѣ, въ с. Чепурковкѣ, пирятинскаго уѣзда, которые будто бы въ недавнее время проданы на вѣсъ мѣстному еврею... А. Л.

Реестръ моей книги, возвратившейся изъ пропажи, послѣ покойнаго Я. М. Марковича.

Оглавленіе или сто 11 выписокъ (sic).

А) Экстрактъ изъ польской исторіи Стриковскаго и изъ россійской Эмина, для доказательства о рыцарствѣ и жолнерахъ малороссійскихъ—1 стр.

Б) Сокращенное увѣдомленіе о Малороссіи, почти сходное съ находящимся въ книгѣ, изданной и напечатанной въ Санктпетербургѣ 1773 года, Василіемъ Вербовскимъ; даже и расположеніе одинаково, яко то: 1) Географическое описаніе—18 стр.; 2) Рѣки; 3) Раздѣленіе; 4) Примѣчательные города; 5) О воздухѣ, болѣзняхъ и плодоносіи, 22 стр.; 6) О воинскомъ и гражданскомъ правительствѣ, 24 стр.; 7) О чинахъ военныхъ, 26 стр.; 8) Объ артилеріи, 27 стр.; 9) О гражданскомъ управленіи, 29 стр. и 10) О приключеніи народа малороссійскаго, 32 стр. [1]). Экстрактъ изъ конституцій, собранныхъ Станиславомъ Кожуховскимъ, чесникомъ земли волынской, 1732 года.

[1]) Никакой книги Вербовскаго о Малороссіи, до сихъ поръ мы не знаемъ. Ни Сопиковъ, ни Смирдинъ даже не упоминаютъ имени этого автора..

В) О отборѣ добръ коронныхъ, что сіе до Малороссіи не касается, такъ же о правахъ, волностяхъ и прерогативахъ малороссійскаго народа 1504, 1562, 1563, 1569, 1588, 1590, 1601, 1607, 1611, 1633, 1635, 1638, 1641 годовъ, итого изъ 13-ти конституцій,—28 стр.

Г) О судахъ городскихъ и земскихъ и о трибуналѣ въ Малой Россіи—1569, 1601, 1607, 1616, 1607, 1601, 1607, 1635, 1633, 1590 годовъ итого изъ десяти,—43 стр.

Д) О дессидентахъ 1573, 1587, 1632, 1674, 1717 годовъ итого изъ пяти, 44 стр.

Е) О отнятіи отъ войска малороссійскаго правъ, свободъ и волностей 1635, 1638 годовъ, 45 стр.

Ж) Изъ конституцій, учиненныхъ въ пользу народа малороссійскаго, уже по присоединеніи онаго къ Россіи, 46 стр.

З) Копія привилегіи короля Сигизмунда-Августа, о уравненіи литовскаго и русскаго шляхетства, и рыцарства съ шляхетствомъ польскимъ 1563 года, іюня 7,—48 стр.

И) Копія привилегіи короля Сигизмунда-Августа, въ подтвержденіе вышепоказанной 1563 г. июня 7, съ дополненіями 1568 г. іюля 1,—53 стр.

І) Выписка изъ Статута великаго княженія литовскаго роздѣла 3 артикулъ 19 о доказательствѣ шляхетства, когда кто упрекнетъ, 62 стр.

К) Конституція 1654 г. сентября 15, о безопасности честей и имѣній воеводствъ кіевскаго, браславскаго и черниговскаго, и примѣчаніе на овую, 65 стр.

Л) Гетманскіе статьи о шляхтѣ:

— Хмельницкаго 7162 года 3—66 стр.

— Игнатовича 7177 » 6— стр.

— Самойловича 7180 » 6—67 стр.

— Мазепы 7195 » 4— стр.

М) Примѣчаніе на оные статьи о дворянствѣ и войсковыхъ чинахъ, 68 стр.

Н) Копія привилегіи короля Жигмунта-Августа 1569 года, о присоединеніи княженія кіевскаго до короны польской съ подтвержденіемъ преимуществъ, 70 стр.

О) Универсалъ гетмана Хмельницкаго, побуждающій малороссіянъ къ сверженію ига поляковъ 1648 года, маія 18, списокъ, кажется, исправнѣе другихъ, 81 стр.

П) Универсалъ гетмана Хмельницкаго 1655 года, генваря 15, съ утвержденіемъ запорожскому кошевому и войску, земель, городовъ,

селъ и прочихъ угодій, пожалованныхъ имъ отъ короля Стефана Баторія грамотою 1577 года, августа 20, 92 стр.

Р) Одинадцать вопросовъ, о прежнемъ политическомъ состояніи Малой Россіи, 94 стр.

С) Разсужденіе, по случаю послѣдовавшаго изъ правительствующаго сената въ малороссійскіе казенные палаты указовъ, о отборѣ въ казенное вѣдомство подсусѣдковъ отъ купцовъ, мѣщанъ и другихъ званій людей, неимѣющихъ шляхетскаго права, о правахъ шляхетства, рыцарства, духовенства и козаковъ малороссійскихъ и запорожскихъ, 98 стр.

Письмо графа П. А. Румянцева-Задунайскаго къ генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому, о награжденіи малороссіянъ чинами. (Изъ яготинскаго архива князя Н. В. Репнина).

Милостивій государь мой, князь Александръ Алексѣевичъ.

На сихъ днахъ получилъ я изъ Правительствующаго Сената указъ о присилки обьясненія о каждомъ особо изъ удостоенныхъ от меня малороссійскихъ чиновникахъ, какіе имъ поручаеми были комисіи и в чемъ состояли заслуги ихъ. Симъ новимъ запросомъ я приведенъ былъ во удивленіе! тѣмъ болѣе что во всѣхъ моихъ представленіяхъ, о сихъ чиновникахъ здѣланнихъ, не проминулъ я изобразить каждого службу и производство, развѣ не сказанно было о томъ при докладѣ оныхъ, и не моглъ ожидать, чтобъ в дѣлѣ семъ могли вьстрѣтится какіе либо трудности и препятствія. Ваше сіятельство извѣстны, что чиновники малороссійскіе в прежніе времена пользовались награжденіями в полной мѣри вь службі ихъ, раздаваемыми от гетмановъ, недвижимими имѣніями, приносящими великіе доходи, и чинами в сей землѣ довольно почитаемими, а пребывали большою частію в домовствахъ ихъ, между собою не имѣя они надобности искать сравненія себѣ с россійскими, но теперь по совмѣстной службѣ в обращенію возимѣли ревнованіе о равенствѣ своемъ из соземцами, и я, вступивши по всевысочайшей ея императорскаго величества волѣ в правленіе краю малороссійского, не полагалъ, чтобы причтенно было мнѣ в какую либо неосмотрительность, когда, по исканіямъ некоторыхъ о награжденіи ихъ россійскими чинами, посредствовалъ моимъ свидѣтельствомъ о служби ихъ и ходатайствомъ, но напротивъ того въ долгъ себѣ поставлялъ возъжечь в нихъ вящую охоту къ служби государевой на пользу той, в чемъ

и успѣлъ тѣмъ, что великое множество с крайнею охотою вступають в регулярніе войска и въ оних отличаются усердіемъ и способностми, съ другой стороны, и остаючіесь въ тамошнихъ чинахъ, хотя уже и не существують тѣ большіе воздаянія, способомъ коихъ предки ихъ основали фортуны всего потомства своего, усердствують, однакожъ въ службѣ, поставляя цель всѣхъ приобрѣтеній своихъ равенство въ преимуществахъ съ единородцами великороссіянами. Не мню я, чтобъ за полезно признанно было приводить во ослабленіе в сихъ людяхъ любочестіе лутчую и надежнѣйшую подпору службы, ниже противополагаю затруднѣнія въ награжденіи мною удостоенныхъ отнять у меня способы ко ободренію и поощренію моихъ подчиненныхъ. Ежели въ протчемъ поданъ к сему поводъ из стороны представленія моего о бунчуковомъ товарищѣ Голюнкѣ, то в дружеской откровенности скажу вамъ, милостивій мой князь, что служба сего человѣка без сомненія есть менше заслугъ другихъ от мене удостоенныхъ, но за внесеніе въ его пользу ходатайства я убѣжденъ былъ прозьбою Алексѣя Михайловича Обърескова, которой обявилъ мнѣ надобность свою употребить его, по знанію чужестранныхъ языковъ и обьстоятельствъ краю турецкого, в дела министерскіе. Увѣренъ я, милостивій государь, что вы, зная образъ мислей мнѣ свойственныхъ, всѣ сія израженія примѣте за дѣйствіе моего к вамъ чистосердечія и надѣянія по склонность вашу, что вы, в семъ видѣ ихъ пріемля, не отречетесь милостиво пособствовать всѣмъ от меня удостоеннымъ къ полученію принадлежащого имъ воздаянія; ожидая въ протчемъ дружеской вашей отповиди, з безпределнимъ высокопочитаніемъ остаюсь навсегда графъ Румянцевъ.

1774 года мая 2.

Сообщ. **Н. В. Стороженко.**

Четыре письма жены полковаго обознаго Евдокіи Сахновской къ мужу. 1743—44 гг. Частная переписка нашихъ предковъ представляетъ одинъ изъ лучшихъ источниковъ для знакомства съ тѣмъ ихъ внутреннимъ міромъ, который въ другихъ, оставленныхъ ими, письменныхъ памятникахъ остается закрытымъ. Переписка близкихъ людей между собою наиболѣе должна представлять интереса, а переписка супруговъ и того больше. Къ сожалѣнію, письма женъ малороссійской старшины до половины XVIII в. большею частью писаны не ими самими, а домашними писарями, потому что сами «матроны», за весьма

немногими исключеніями, кое какъ читать иногда еще умѣли, а писать—совсѣмъ не умѣли. Изъ достаточнаго количества пересмотрѣнныхъ нами частныхъ писемъ прошлаго вѣка, въ письмахъ женщинъ *собственноручныя подписи* ихъ начинаютъ встрѣчаться лишь со второй половины XVIII в., а собственноручно писанныя письма женщинъ видимъ лишь въ концѣ того вѣка, да и то рѣдко. Тѣмъ не менѣе письма женщинъ, хотя писанныя и не лично ими, имѣютъ не малый для насъ интересъ, рисуя то положеніе, которое они занимали какъ въ обществѣ, такъ и въ семьѣ. Въ этомъ смыслѣ интересны и печатаемыя здѣсь четыре письма жены черниговскаго полковаго обознаго Евдокіи Михайловны Сахновской, которая, выпроводивъ мужа по его личнымъ дѣламъ въ Петербургъ и оставшись распорядительницею дома и хозяйства, отдаетъ ему въ этихъ письмахъ отчетъ «о домашнемъ поведеніи» и о ходѣ «господарства».

Иванъ Сахновскій среди современной ему старшины, былъ homo novus, который вышелъ въ люди благодаря тому, что женившись на дочери генер. судьи Михайла Забѣлы, сталъ свояком такого сильнаго человѣка, какимъ былъ при «правителяхъ» Малороссіи генер. писарь Безбородко. Яготинскій сотникъ Купчинскій въ извѣстномъ своемъ доносѣ на Безбородка, говоритъ, что послѣдній, раздавая полковые и сотенные уряды за деньги и подарки, кромѣ того, сажалъ на эти уряды родичей своихъ, безъ всякой ихъ заслуги, причемъ указываетъ, что Безбородко далъ мѣста: свояку Ивану Сахновскому—черниговскаго обознаго, а сыновей его, Григорія и Якима, поставилъ сотниками, перваго въ Ст. Санжары, а втораго въ м. Мену, гдѣ Сахновскіе и жили. По доносу Купчинскаго Безбородко въ ноябрѣ 1742 г. былъ отрѣшенъ отъ писарства и такимъ образомъ потерялъ все то вліяніе, которое давало значеніе и родичамъ его. Померкло значеніе въ Черниговщинѣ и Сахновскихъ, особенно когда въ декабрѣ того же 1742 г., въ Мену назначенъ былъ, по именному указу, сотникомъ Григорій Кузминскій, который, какъ видно изъ этихъ писемъ, сильно сталъ тѣснить Сахновскихъ. Кажется, что эти притѣсненія и были одною изъ причинъ поѣздки стараго Сахновскаго въ Петербургъ. Была надежда, что оттуда поможетъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, мать котораго удостоивала Сахновскихъ своими посѣщеніями и не отказывалась предстательствовать за нихъ предъ старшимъ сыномъ [1]).

А. Л.

---

[1]) См. конецъ четвертаго письма.

1) Любезнѣйшій мой сожителю, мосцѣ пане Іване Сахновскій. Писма ваши съ Питербурха и изъ дороги, числомъ шѣсть, въ цѣлости за печатю вашею, получени, въ которихъ изволите писать о здоровіи своемъ и о поведеніи тамошнемъ, въ чемъ я Создателя своего благодару и желаю вамъ здоровимъ намѣреніе свое исполнить. О домашнемъ поведеніи обявляю вамъ, что какъ я, такъ и дѣтки наши въ добромъ здоровю находятся, а меншіи дѣти наши на ученіе пилнуютъ. Въ домѣ же, въ господарствѣ, за Божескимъ изволеніемъ, состоитъ все благополучно; толко тѣмъ прешкода, что васъ въ домѣ нѣтъ; а въ хуторѣ Нагорновскомъ родилося телятъ 29, между тѣми чорнихъ толко 2, а то болшъ сивихъ и половихъ; лошатъ родилось 11, между которими родилось въ ğалаğановского жеребця 2 коники, а въ петрового жеребця 2 лошачки и 2 кобилки; а тѣ разніе масти имѣютъ и росліе лошатка; егнятъ родилось 100, кромѣ тѣхъ, которіе порѣзали и пали. Бондарця въ дорогу кримскую отправила, при которомъ возовъ 14, воловъ старихъ 56, а молодихъ доморослихъ 4, и надежно, что будутъ воли не худіе; другіе же волики, которіе остались въ дому, тѣ работаютъ въ плузѣ и очень къ роботѣ понялись, денегъ Бондарцю дала 100 рублей ровно, тако жъ доволно число провянта на дорогу дано.

Минцю опредѣлили возъ конскій, подъ которимъ лошадей 2, а именно строкатая кобила и зѣкратій [1]) кунь, денегъ 15 рублей, горѣлки куфу, и велѣла ему домовіе дробязки покупить. Солѣ еще осталось непроданой 4 вози, а и тѣ вози, которіе попродани, очень мало заважило; продажа еи нинѣ по 10 алтинъ. Пашнѣ коло хутора Нагурновского и около другихъ селъ, благодареніе Богу, очень хорошѣ и всякіе господарства нашего заводи за милостю всемогущаго Бога состоитъ понинѣ все благополучно и дѣлается такъ, какъ надобно. Скорбѣть вамъ о домовцѣ не надобно, ибо я сама къ тому неусипнихъ своихъ трудовъ прилагаю и стараюсь, чтобъ нѣчего впущено не било. Впротчемъ желаю васъ въ добромъ здоровю и во всякомъ благополучіи вскоростѣ въ домѣ видѣть.

---

[1]) По Миклошичу, *зекръ*, *зерхъ*, *зѣрхъ*—caesios oculos habens, т. е. имѣющій сиціе или голубые глаза; отсюда можно думать, что зѣкратый конь означаетъ коня съ бѣльмомъ.

Вамъ, любезнѣйшому другу моему, доброжелателная жена Ев. З. Івановая Сахновская об. полк.

1743 году, юля [1]) 3 д. Мена.

2) Любезнѣйшій сожителю мой, мосцѣ пане Іванъ Сахновскій.

Обявляю вамъ о неприятелѣ нашемъ Кузминскомъ, что великіе и незносніе обѣди дому нашему дѣлаетъ и всячески тщится и видираетъ, щобъ на домъ нашъ всякіе злоумишленія (sic). Величковскіе подданіе наши Вакула Горенко и Трофимъ Орелъ въ козаки сотникомъ, злопріятелемъ нашимъ, вписани безъ всякого иску где надлежитъ; тако же и подсусѣдка менского Шрамка отобравъ сотникъ; и всѣ тѣ якъ въ податяхъ на конспстентовъ, такъ панщини нѣ вчемъ не дѣлаютъ; при томъ и коваль еще нѣ въ сюмъ, нѣ въ тумъ; да и тѣ панщини не дѣлаютъ и въ податяхъ не пособляютъ. Сини наши, Якимъ и Петро, въ войсковой генералной канцеляріи ходатайствовали указъ, чтобъ тѣ всѣ подданіе наши до окончанія о нихъ слѣдствія общенародніе повиности отбували и панщину по приказу нашому дѣлали, по которому указу посилала я Еснпа, чтобъ ихъ къ панщинѣ вигналъ и пограбилъ ихъ билъ; токмо тамошній атаманъ величковскій Чуйко, собравъ зъ собою нѣсколко человѣкъ козаковъ, пришолъ въ шинкъ нашъ, и комору отбилъ; и тѣ грабежѣ поотдавалъ плутамъ Гогамъ съ товарищи и Еспна, буде би не втекъ, тоби убили, похваляючися, что сотникъ приказавъ де наше где поиметъ въ полусмерть прибить, а забивши въ колодки, въ городъ отправить. Огородъ въ величковской нашей поданой Ювги Процихи козакъ Кузма Буникъ, по приказу сотничомъ, отобравъ и засѣявъ пашнею; въ чомъ и протестъ отъ мене поданъ въ сотеную сосницкую канцелярію. Хату тую, которая осталась по умершомъ подданомъ нашимъ Поддубню, оную жена его безъ всякого права козаку Потапченку продала, а грунтомъ сама завладѣла, въ чомъ протестъ въ сотеную сосницкую и менскую канцелярію отъ меня подани. На сина нашего Якима собравъ билъ команду и хотѣлъ ночу напасть, толко знать его пріятелѣ перебили; атамана бившого Василя въ турмѣ мучивъ, а величковского плетми билъ. Въ протчемъ желаю васъ въ добромъ здоровю видѣть.

---

[1]) Кажется, вмѣсто іюля, нужно читать іюня. По упоминанію о полученіи писемъ, писанныхъ „съ дороги“, можно думать, что это есть первое письмо, писанное къ Сахновскому, по отъѣздѣ его изъ дому въ Спб.

Вамъ, любезнѣйшому моему сожителю, доброжелателная жена Ев. З. Івановая Сахновская об(озная) пол(ковая).

1743 году, юля 3 д. Мена.

PS. Писмо инстанцѣялное отъ ея високопревосходителства госпожѣ Разумовской въ семъ ковпертѣ (т. е. конвертѣ) сообщено въ цѣлости.

PS. Сего пожалуйте нѣкому не обявляй, что команду собравъ на сина нашего, ибо совершено еще не довѣдались.

Сего іюля 7 числа матушка его високопревосходителства Алексѣя Григориевича (Разумовскаго) била въ домѣ нашомъ и изволила ночовать. Синъ же нашъ Яким отехалъ конвоемъ зъ матушкою его високопревосходителства до Ропска.

3) Вселюбезнѣйшій мой сожителю Іванъ Сахновскій.

Обявляю вамъ, серденко, что я, по милости Божеской, зъ дѣтками нашими въ добромъ здравіи нахожусь, и вамъ, серденко, желаю всякыхъ благополучій и при благополучіи щасливаго въ домъ прибитія. А при томъ извѣствую, яко я сего жъ марта первихъ чиселъ, чрезъ сина полковника нашего Николая Владимеровича, писмо къ вамъ отправила и въ ономъ такъ о домашномъ поведеніи, яко и о своемъ здравіи предъвпомянуть не минула, и содержу заподленно оное писмо вашыхъ рукъ доити можетъ. Противу нинѣшныхъ писемъ вашихъ, отпущенныхъ февраля 18, рада зъ души моей требуемое послать, понеже оніе писма Минця не застали, которій отправился въ неделю, на сами заговѣнии, однакъ и чрезъ его толикое число водки и сивухи на трохъ возахъ зъ дачею ему на проходъ шестидесяти рублей денегъ, отпущенъ, точію непомалу скорблю дойшлось оное до вашыхъ рукъ заподлинно или нѣтъ, извѣстія по ся пори не имѣю; и егда оной Минець къ вамъ въ Москву прибилъ и что отъ него приняли, ко мнѣ отписать чрезъ окказѣю прошу. Синъ нашъ Петро зъ Чернѣгова прибилъ, которій ездилъ по дѣлу атамана величковского Савки Чуйка просить апробацѣи зъ дѣла, учиненного сотникомъ березинскимъ Лисенкомъ, якое опорочилъ и апелляцѣю занеслъ билъ атаманъ Чуйко (хотя и не отъ себе, но зъ наущенія сотника Кузмѣнского); однакъ, благодарить Бога, не намъ, но себѣ спортилъ: велено ему платится 24 рубля, по приговору первому и сему въ полковой канцеляріи учиненному, въ которомъ и сіе упомянуто: егда атаманъ Чуйко толикого числа денегъ уплатить не можетъ, а хотя и можетъ, а оскудѣетъ и не изъ чего служби ему козачой отбувать

оскудно будетъ, то даби и другіе такова самоволства дѣлать не дерзали, тамъ же въ селѣ Величковцѣ, по малороссійскомъ обичаю, висѣчь кіями, дать ему 60 киевихъ ударовъ; и что онъ впредь того дѣлать не будетъ, взять отъ него подписку, преторп и убитки допросить о томъ особливимъ указомъ, а сотнику березинскому Лисенку предложено затѣмъ послѣдней неделѣ съехать и оное окончить твердое обещаніе положилъ. Что Гоженко Есппа господара побилъ, одежу и сѣдла поотбиралъ, велено его вислать въ полковую канцелярію, а забранное имъ все отобрать и намъ отдать, другія наши дела бондарцовъ Дудки, Примака и другихъ, кои бютъ челомъ о козачествѣ, до приезду вашего комисия отсрочила, а якіи имѣются повшехніи тіи помалу очищать начали, и надежда въ Бозѣ, якъ ми прави, такъ дѣла наши могутъ насъ во всюмъ очищать. Впротчемъ желаю вамъ, серденко, душеспасителна окончанія дней великаго поста препроводить и Свѣтлаго Воскресенія Христова дочекать.

Вамъ, серденко, доброжелателная жена Евдокія Сахновская.

1744 году, марта 18 д. Мена.

4) Любезній мой сожителю.

Обявляю вамъ серденко, что по милости всемогущаго Бога въ добромъ зъ дѣтками и внучками и со всѣмъ домомъ нахожусь здоровю, за что создателю моему воздаю благодареніе. При семъ же въ господарствѣ нашемъ вамъ серденко, извѣствую, что все благополучно и радително поводится; толко въ насъ уездѣ жита подлѣйшіе нинѣ прошлоголѣтнихъ; что же изволили ви, серденко, писать, даби я отца своего паки просила прошлоголѣтной трави, то я того жъ времени посилала просить и онъ по милости своей отческой, изволилъ дать толко три частѣ прошлоголѣтной, а отецъ ігуменъ по милости своей Максаковскій далъ мнѣ трави скиртъ на пять. Сѣно наше уже инное пороблено, а инное еще робится, и надѣюсь на милость Божеску, що сѣна станетъ на зиму. Скотъ нашъ въ добромъ смотреніи нинѣ находится. Бондарця въ дорогу випровадила денегъ ему дала 100 рублей; возовъ зъ нимъ пошло 14, а воловъ 50, а Менцю возъ одинъ да денегъ 15 рублей и куфу горѣлки. Солѣ въ насъ, серденко, воловъ еще чотири стоять, темъ что очень дешева, по полкопи пудъ. Впротчемъ желаю вамъ серденко, зъ дѣтками и внуками, благополучно въ домѣ здоровихъ оглядить.

Вамъ щирозичливая супруга Евдокія З. С.

1743 года, юля. Зъ Мени.

PS. Рада бъ вседушне, даби атестати къ вамъ прислани били, толко сина нашего Якима нетъ въ дому: въ конвояхъ при матушки его високопревосходителства Алексѣя Григориевича Разумовского нинѣ обрѣтается; а скоро прииде, то какъ того старатся будетъ, чтобъ къ вамъ прислать. Матушка его високопревосходителства Алексѣя Григориевича изволили бить въ домѣ нашемъ зъ милими своими дщерями, едучи въ Ропскъ, а ежели возвратится, то я намѣрена просить писма о неоставки насъ, къ Алексѣю Григориевичу [1]).

Надпись на письмѣ: «Любезному моему сожителю его милости обозному полковому черпѣговскому, пожаловать въ Пѣтербурхи».

Расхищеніе церковныхъ древностей на Волыни. Въ одномъ изъ ноябрьскихъ померовъ (№ 250) «Кіевлянина» за 1890 г., напечатано слѣдующее извѣстіе: «Многіе археологи, посѣщавшіе Волынь, забрали съ собою изъ церквей и монастырей очень цѣнные какъ по времени, такъ и по матеріалу предметы, съ обѣщаніемъ возвратить ихъ обратно въ непродолжительномъ времени, но такъ какъ до сего времени не возвращаютъ, то мѣстная консисторія, по предложенію епархіальнаго преосвященнаго, предписала благочиннымъ доставить свѣдѣнія, какія вещи не возвращены, по какимъ причинамъ, требовали ли настоятели возвращенія вещей и какіе получили отвѣты. Впредь же на будущее время, по сообщенію столичныхъ газетъ, воспрещено давать, безъ особаго на то для каждаго отдѣльнаго случая разрѣшенія, какія бы то ни было вещи».

Объ этихъ расхищеніяхъ давно уже ходятъ слухи, причемъ молва называетъ даже и имена нѣкоторыхъ «любителей», «посѣщавшихъ Волынь и забравшихъ очень цѣнные предметы», какъ въ болѣе раннее время (лѣтъ до десяти назадъ), такъ и въ позднѣйшее (года три-четыре назадъ). Говорятъ, что даже и Почаевская лавра потерпѣла нѣкоторые ущербы... Повидимому, лучшимъ средствомъ для возвращенія хотя части расхищенныхъ вещей, было бы опубликованіе списковъ забранныхъ вещей, по донесеніямъ благочинныхъ съ названіемъ лицъ, взявшихъ эти вещи...

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1890 г., ноябрь, стр. 333.

Г. П. Данилевскій. (Некрологъ). 6 декабря 1890 г. скончался въ Петербургѣ извѣстный писатель Григорій Петровичъ Данилевскій. Покойный родился въ 1829 г. въ изюмскомъ уѣздѣ харьковской губ., учился въ московскомъ дворянскомъ институтѣ и петербургскомъ университетѣ. По окончаніи курса Г. П. до 1857 г. служилъ по министерству народн. просвѣщенія. Въ это время онъ не разъ былъ командируемъ министерствомъ въ южную Россію для археологическихъ и археографическихъ изслѣдованій. Сверхъ того покойный, по порученію морского министерства, совершилъ поѣздку на берега Дона и Азовскаго моря для описанія быта и промысловъ тамошнихъ жителей. Выйдя въ 1857 г. въ отставку, Г. П. поселился на родинѣ и втеченіе 12 лѣтъ занималъ различныя общественныя должности. Въ 1869 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ съ прикомандированіемъ къ редакціи «Правительственнаго Вѣстника». Вскорѣ онъ былъ назначенъ помощникомъ редактора, а въ 1881 г. редакторомъ этой газеты и занималъ эту должность до самой смерти.

Литературная дѣятельность покойнаго началась, когда онъ былъ еще на школьной скамьѣ. Первыми его произведеніями были стихотворенія. Съ начала 50-хъ годовъ стали появляться въ журналахъ разсказы его изъ украинскаго быта, собранные впослѣдствіи вмѣстѣ подъ заглавіемъ «Слобожане». Къ тому же времени относятся и его переводы съ малорусскаго «Украинскія сказки». Въ началѣ 60-хъ годовъ были напечатаны и два романа Д—го изъ южно-русской жизни «Бѣглые въ Новороссіи» и «Бѣглые воротились». Украинской исторіи покойнымъ было посвящено много разсказовъ и повѣстей. Крупные его романы: «Девятый валъ», «Мировичъ», «Княжна Тараканова», «Сожженная Москва», «Черный годъ» хорошо извѣстны читающей публикѣ. Сверхъ того Г. П. не мало потрудился и надъ разработкой исторіи просвѣщенія своей родины—Слободской Украины; работы послѣдняго рода собраны въ его сборникѣ «Украинская Старина».

Премія имени Г. Ө. Карпова. Въ «Правительственомъ Вѣстн.» напечатано, что вдова извѣстнаго историка Г. Ө. Карпова, А. Т. Карпова заявила московскому обществу исторіи и древностей россійскихъ о готовности пожертвовать обществу капиталъ въ 11,500 руб. для основанія въ память Г. Ө. Карпова преміи въ 500 р. за лучшія ра-

боты по русской исторіи. Жертвовательница желаетъ, чтобы эта премія выдавалась ежегодно 24 апрѣля, въ день кончины ея супруга, за работы, основанныя на изученіи первоисточниковъ русской исторіи, а въ случаѣ представленія двухъ или нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства, предпочтеніе отдавалось бы тому, которое относилось бы къ малороссійской исторіи, одному изъ главныхъ предметовъ занятій покойнаго Г. Ѳ. Карпова. Общество выразило А. Т. Карповой признательность за пожертвованіе и избрало ее въ почетные члены.

МАКСИМЪ ИЛЛЯШЕНКО

ПОЛКОВНИКЪ ЛУБЕНСКІЙ.

1677 — 1687.

(Къ портрету).

Максимъ Илляшенко въ гетманство Многогрѣшнаго былъ роменскимъ сотникомъ (1669—1672 г.), а затѣмъ, при Самойловичѣ, изъ сотниковъ онъ становится лубенскимъ полковникомъ и занимаетъ этотъ урядъ десять лѣтъ, до 1687 г. Поставленіе Илляшенка полковникомъ прямо изъ сотниковъ можетъ быть объяснено свойствомъ его съ гетманомъ Самойловичемъ, родной племянникъ, котораго гадяцкій полковникъ Михайло Самойловичъ, былъ женатъ на одной изъ дочерей Илляшенка. При низложеніи Самойловича на Коломакѣ, низложенъ былъ и Илляшенко, замѣненный Григоріемъ Гамалѣею. Илляшенко, по рожденію, былъ рядовой козакъ изъ с. Коровинецъ, роменскаго уѣзда, и послѣ своего полковничества, сталъ по обычаю XVII в., въ ряды войсковыхъ товарищей. И тѣмъ не менѣе Мазепа даетъ этому войсковому товарищу въ 1689 г. с. Коровинцы, говоря въ универсалѣ, что даетъ эту маетность бывшему лубенскому полковнику за его службы въ чигиринскія войны... Эта гетманская милость, такъ непохожая на манеру дѣйствій Мазепы, можетъ быть объяснена лишь тѣмъ, что по проискамъ его же, Мазепы, бывшій гадяцкій полковникъ Михайло Самойловичъ былъ взятъ сначала въ Москву и затѣмъ сосланъ оттуда въ Сибирь, а жена его, дочь Илляшенка, поѣхавшая вмѣстѣ съ мужемъ въ Москву,

умерла тамъ, въ августѣ 1688 г. [1])... Очень вѣроятно, что старый лубенскій полковникъ пользовался въ „войскѣ" популярностью и Мазепа нашелъ нужнымъ утѣшить этого популярнаго человѣка въ его потерѣ, которой былъ главнымъ виновникомъ, давъ ему въ „послушаніе" то самое село, изъ котораго Илляшенко былъ и родомъ... Иначе трудно объяснить себѣ такой необычный для Мазепы поступокъ, какъ надѣленіе маетностью человѣка, въ которомъ онъ уже не могъ нуждаться.—Получивъ отъ гетмана универсалъ на Коровинцы, Илляшенко выхлопоталъ въ 1690 г. на это село и царскую грамоту. Вскорѣ затѣмъ Илляшенко умеръ, оставивъ одного сына Осипа и нѣсколькихъ дочерей [2]). Сынъ Илляшенка скоро тоже умеръ, оставивъ одну дочь, у которой потомства не было. Изъ пяти дочерей Илляшенка, двѣ хотя и оставили потомство (Ефросинья, бывшая замужемъ за какимъ то Остапомъ Ласченкомъ и Варвара—жена лубенскаго обозпаго Ивана Сохацкаго), но это потомство представлялось людьми настолько незначительными, что Мазепа не затруднился утвержденное за Илляшенкомъ и потомками его, царскою грамотою с. Коровинцы отобрать у этихъ потомковъ и отдать своему племяннику Обидовскому. Во владѣніи наслѣдниковъ лубенскаго полковника остались только тѣ коровинскія земли, которыя принадлежали Максиму Илляшенку по наслѣдству и по куплѣ. Послѣ измѣны Мазепы Коровинцы успѣлъ выпросить себѣ, въ числѣ другихъ „измѣнничьихъ" маетностей, Павелъ Полуботокъ, которому тоже дана была при этомъ на Коровинцы царская грамота. Спустя лѣтъ двадцать послѣ этого одинъ изъ внуковъ Максима Илляшенка, сынъ Остапа Ласченка—Семенъ Ласченко [3]), добившись роменскаго сотничества, рѣшился

---

[1]) Истор. Опис. Моск. Новодѣвичьяго монастыря (М. 1885) стр. 82. Умершая въ Москвѣ Марья Максимовна Самойловичъ похоронена въ этомъ монастырѣ.

[2]) Въ дѣлѣ о родѣ переяславскихъ Илляшенковъ, въ арх. полтавск. двор. собранія, говорится, что ихъ родоначальникъ—переяславскій сотникъ Иванъ Илляшенко († 1727 г.) былъ тоже сыномъ Максима Илляшенка, но это не вѣрно: изъ подробнаго современнаго свѣдѣнія о дѣтяхъ Максима Илляшенка видно, что у послѣдняго былъ только одинъ сынъ Осипъ.

[3]) Родоначальникъ теперешнихъ роменскихъ Ласкевичей.

начать съ Полуботкомъ за Коровинцы судебный споръ, опираясь на царскую грамоту 1690 г., которою это село утверждалось за Илляшенкомъ и потомками его. Начатый Ласченкомъ споръ кончился однакожъ для него неудачно: по рѣшенію 1734 г. сенатъ Ласченку въ этомъ искѣ отказалъ, за пропускомъ давности со времени отобранія Коровинецъ Мазепою для Обидовскаго. Но кромѣ Семена Ласченка были еще наслѣдники Максима Илляшенка—двѣ дочери младшаго брата того же Семена Ласченка—Ивана Ласченка; на старшей изъ нихъ женился переселившійся въ Роменъ полтавскій козакъ Андрей Полетика, который потомъ былъ роменскимъ войтомъ. Послѣднее обстоятельство показываетъ, что это былъ незаурядный человѣкъ: получить войтовттво въ богатомъ Ромнѣ чужому человѣку было не легко. Вотъ этотъ Полетика, несмотря на неудачу Семена Ласченка, рѣшился еще разъ поспорить на судѣ съ Полуботками за Коровинцы. Началъ онъ это дѣло отъ имени своей жены и ея родственниковъ въ 1742 г., причемъ, въ доказательство правъ своихъ довѣрителей, сослался на ту же самую грамоту 1690 г., которая была главнымъ доказательствомъ и въ искѣ Семена Ласченка; но это обстоятельство не помѣшало тому же сенату рѣшить на этотъ разъ дѣло о Коровинцахъ (въ 1749 г.) въ пользу наслѣдниковъ Илляшенка, причемъ по вопросу о давности въ рѣшеніи было сказано, что „давность противъ грамотъ великихъ государей причесться не можетъ“. Къ этому можно добавить, что, по словамъ Андрея Полетики, на этотъ процессъ имъ было издержано 1750 рублей... Несомнѣнно, что процессъ былъ выигранъ благодаря ловкости Полетики, который прежде рѣшенія дѣла успѣлъ уже захватить около Коровинецъ обширную степь и настолько „утѣснилъ“ это село, что часть жителей его принуждена была уйти на слободы...[1]) Затѣмъ Полетика, скупивъ нѣсколько выигранныхъ частей процесса у родственниковъ жены, сталъ почти единственнымъ владѣльцемъ Коровинецъ. И теперь значительною еще частью Коровинецъ владѣютъ потомки Максима Илляшенка въ лицѣ тѣхъ же Полетикъ, въ родѣ кото-

[1]) См. у Марковича, Днevн. Записки, II, 148.

рыхъ и сохранился прилагаемый здѣсь портретъ этого ихъ предка[1]).

Этотъ портретъ, изображая малозамѣтнаго малороссійскаго полковника к. XVII в., имѣетъ значеніе главнымъ образомъ археологическое. Очень интересна на этомъ портретѣ стрижка волосъ; такой стрижки на другихъ портретахъ того же времени, мы не встрѣчали. Мы видимъ здѣсь, что всѣ волосы на головѣ острижены очень коротко (или быть можетъ выбриты), а надъ лбомъ оставленъ клокъ вершка въ два длиною. Клокъ этотъ ни по своему мѣсту, ни по величинѣ не похожъ на тотъ историческій „оселедецъ", который дольше всего сохранялся у запорожцевъ. „Чубъ" Максима Илляшенка напоминаетъ ту стрижку волосъ, которая существовала въ лѣвобережной Малороссіи еще лѣтъ тридцать - сорокъ назадъ (а можетъ и теперь существуетъ въ захолустьяхъ) у мальчиковъ: имъ коротко выстригали волоса на всей головѣ, оставляя надо лбомъ такой же клокъ, какой видимъ и на портретѣ Илляшенка, носившій непонятное для насъ названіе *леверджета*... Конечно, этотъ чубъ или леверджетъ представляетъ лишь видоизмѣненіе того же запорожскаго оселедца... Интересна на портретѣ Илляшенка и борода. Мы видимъ эту бороду на лицѣ человѣка еще не стараго, имѣвшаго можетъ быть лѣтъ около пятидесяти; значитъ—борода была принадлежностью не только старцевъ, какъ говоритъ Максимовичъ (II, 483) но и людей только зрѣлаго возраста. И теперь мы видимъ въ народѣ—относительно бритья бороды—такой обычай: крестьянинъ зрѣлаго возраста, лѣтъ 40—50, съ осени перестаетъ брить бороду и затѣмъ сбриваетъ ее въ іюнѣ, передъ началомъ сѣнокоса.. Послѣ этого, бритье снова продолжается до осени.

А. Л.

[1]) Портретъ Максима Илляшенка, писанный на полотнѣ масляными красками, нынѣ пріобрѣтенъ, вмѣстѣ съ остатками Полетикинскаго семейнаго архива, В. В. Тарновскимъ. Имъ же пріобрѣтенъ и портретъ Андрея Полетики (р. 1692 † 1773).

БИБЛІОГРАФІЯ.

С. Т. Аксаковъ: Исторія моего знакомства съ Гоголемъ со включеніемъ всей переписки съ 1832 по 1852 г. М. 1890 (206 стр.).

Вотъ книга, отъ которой невозможно оторваться: такъ полна она занимательности и вмѣстѣ съ тѣмъ значительности содержанія. Въ полномъ видѣ она является теперь, какъ всѣмъ безъ сомнѣнія извѣстно, впервые; доселѣ было извѣстно лишь начало этихъ замѣчательныхъ воспоминаній, да и то съ сокращеніями, напечатанное покойнымъ И. С. Аксаковымъ въ его «Руси» за 1880 г.; кромѣ того разсѣянныя тамъ и сямъ въ нихъ письма Гоголя были напечатаны въ изданіи г. Кулиша; прочее все является теперь въ свѣтъ, повторяемъ, впервые. Нечего и говорить о важности отмѣчаемой нами книги для историка русской литературы: въ ней ярко и чрезвычайно наглядно и полно отразились два прекрасные литературные образа: самого Гоголя и его глубокаго почитателя и въ то же время довольно значительнаго писателя С. Т. Аксакова, извѣстнаго автора «Семейной Хроники», которую зналъ и Гоголь и «Дѣтскихъ годовъ Багрова внука». Достаточно сказать, что теперь, послѣ появленія книги С. Аксакова, Гоголь, какъ писатель, и еще болѣе какъ человѣкъ, становится несравненно болѣе понятнымъ и яснымъ для насъ, чѣмъ это было прежде, многое, что казалось непонятнымъ въ его характерѣ, что объяснялось нерѣдко вкривь и вкось какъ почитателями великаго писателя, такъ и еще болѣе его врагами, теперь получило совершенно иное, новое освѣщеніе... Правда, и послѣ появленія означенной книги кое что какъ въ характерѣ Гоголя, такъ и изъ особенностей его личной, внутренней жизни, остается все еще безъ достаточнаго объясненія, да, вѣроятно, и останется таковымъ навсегда, чему виною служитъ отчасти необычайная недовѣрчивость

и скрытность Гоголя, которую онъ обнаруживалъ даже по отношенію къ своимъ друзьямъ, даже къ присным...; но, повторяемъ, книга Аксакова много пролила свѣта на особенности какъ міросозерцанія великаго писателя, такъ и свойствъ его личнаго характера, поступковъ по отношенію къ ближнимъ и пр.

Невозможно, разумѣется, передать въ краткомъ отзывѣ всю полноту содержанія такой книги, какъ книга С. Аксакова, заключающая въ себѣ послѣдовательныя, въ строгомъ порядкѣ времени, воспоминанія, полныя какъ чрезвычайно-крупныхъ обстоятельствъ жизни и дѣятельности Гоголя, такъ и мельчайшихъ, часто совершенно незначительныхъ случаевъ, разговоровъ и пр. Добросовѣстный авторъ чрезвычайно любовно и заботливо занесъ въ свою записную книгу все, что только сохранилось въ его памяти или уцѣлѣло въ житейской обстановкѣ касательно подробностей жизни и дѣятельности великаго его друга, огромное, необычное значеніе котораго онъ сознавалъ такъ, какъ рѣдко кто другой изъ его современниковъ. Нужно прочесть всю книгу, чтобы видѣть, сколько трогательной, нѣжной любви къ Гоголю, сколько искренности и чистоты душевной вложилъ авторъ въ свои воспоминанія о великомъ писателѣ. Да, въ этихъ запискахъ все—правда, все—свѣтъ, все заслуживаетъ самаго глубокаго, самаго непререкаемаго довѣрія, и мы еще разъ повторяемъ, что сколько нибудь дѣльное, толковое и обстоятельное жизнеописаніе Гоголя стало возможнымъ лишь теперь, послѣ появленія этой книги, составляющей сущій кладъ для біографа великаго писателя, такъ какъ она написана его ближайшимъ другомъ, посвященнымъ, какъ только это было возможно по особенностямъ личнаго характера Гоголя, въ самые тайники его непонятнаго духа. (Извѣстно, что первый біографъ Гоголя Кулишъ, издавшій въ 1856 г., т. е. всего лишь чрезъ четыре года послѣ смерти творца «Мертвыхъ душъ» свои «Записки о жизни Гоголя» лично даже не зналъ его). Это тѣмъ важнѣе, что Аксаковъ вообще чрезвычайно трезво смотрѣлъ на вещи, никогда не позволялъ себѣ увлекаться мистицизмомъ своего друга и, при всемъ своемъ благоговѣйномъ отношеніи къ нему, съумѣлъ, въ противоположность нѣкоторымъ другимъ друзьямъ его, сохранить въ себѣ независимость взглядовъ и критическое, тонкое отношеніе ко всей дѣятельности и міросозерцанію его [1]). Не имѣя возможности по-

---

[1]) Такъ, напр., общеизвѣстно, что С. Т. Аксаковъ рѣшительно не одобрялъ той страсти къ назиданію и поученію другихъ, которая такъ развилась въ Гоголѣ

дробнѣе останавливаться на содержаніи книги Аксакова и отсылая читателя къ ней самой, мы не можемъ однакоже воздержаться отъ желанія указать нашему читающему обществу, въ виду истеченія въ текущемъ году пятидесятилѣтія со дня смерти Лермонтова, что Гоголь довольно высоко цѣнилъ огромное дарованіе этого поэта, хотя и понималъ его нѣсколько по своему. На знакомствѣ двухъ великихъ современниковъ въ запискахъ Аксакова есть два указанія: на стр. 35, гдѣ разсказано объ именинномъ обѣдѣ, который устроилъ Гоголь для своихъ друзей 9 мая 1840 г. и на которомъ былъ между прочими и Лермонтовъ, прекрасно читавшій наизусть Николаю Васильевичу и другимъ, кто тамъ случился, отрывокъ изъ своей новой тогда поэмы «Мцыри»; и на стр. 40, гдѣ авторъ, по поводу только что прочитаннаго имъ въ связи «Героя нашего времени», передаетъ слова Гоголя, которыя онъ «живо помнитъ», что «Лермонтовъ—прозаикъ будетъ выше Лермонтова—стихотворца».

Не можемъ также не отмѣтить слѣдующее любопытное мѣсто изъ записокъ, по поводу смерти Пушкина, впрочемъ уже извѣстное, (13 стр.), раскрывающее кажется, преувеличенный взглядъ Аксакова на основную причину страшнаго перелома, образовавшагося въ жизни и міросозерцаніи Гоголя, какъ извѣстно, именно послѣ этого рокового событія: «Изъ писемъ Гоголя извѣстно, какимъ громовымъ ударомъ была эта потеря (гибель Пушкина). Я прибавлю, что, по моему мнѣнію, онъ уже никогда не выздоравливалъ совершенно, и что *смерть Пушкина была единственной причиной всѣхъ болѣзненныхъ явленій его духа*, вслѣдствіе которыхъ онъ задавалъ себѣ неразрѣшимые вопросы, на которые великій талантъ его, изнеможенный борьбою съ направленіемъ отшельника, не могъ дать сколько нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ».

Въ концѣ книги, желая указать особенности чрезвычайно сложнаго и непонятнаго духовнаго склада Гоголя, обращавшагося къ разнымъ лицамъ и разными, соотвѣтственными имъ, сторонами своего характера, такъ что онъ «съ разными людьми казался разнымъ человѣкомъ», авторъ прямо заявляетъ, что Гоголь можетъ быть узнанъ только тогда, когда въ распоряженіи русской литературы окажется возможно болѣе записокъ о Гоголѣ, составленныхъ его друзьями, пріятелями и вообще лицами бывшими съ нимъ въ какихъ либо

во 2-ю половину его жизни и зачатки которой онъ замѣтилъ еще въ 1843 г. (См. 113 и 115 стр. „Исторіи").

отношеніяхъ. Такія записки, «будучи объяснены обстоятельствами и побудительными причинами, освѣтили бы многія, до сихъ поръ неясныя для иныхъ стороны жизни Гоголя», потому, конечно, что хотя иные изъ друзей и пріятелей и хорошо знали Гоголя, но, какъ справедливо говоритъ авторъ, знали его, такъ сказать, по частямъ. Къ сожалѣнію, сколько намъ извѣстно, эта мысль благороднаго друга Гоголя доселѣ еще не можетъ считаться исполненною, и количество явившихся воспоминаній о Гоголѣ и другихъ матеріаловъ о немъ далеко еще не соотвѣтствуетъ всей полнотѣ ея, хотя въ самое послѣднее время замѣтки А. Данилевскаго, О. Смирновой, статьи Шенрока и пр. и подаютъ надежду на исполненіе симпатичной идеи Аксакова по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ. Въ заключеніе не можемъ не сказать, что во всей міровой литературѣ немного найдется примѣровъ такой безкорыстной, чистой и идеальной дружбы, соединенной, можно сказать, съ благоговѣніемъ, хотя и независимымъ, какъ дружба С. Т. Аксакова къ Гоголю, нагляднымъ выраженіемъ которой и является отмѣченная нами книга. Вотъ напримѣръ, какъ тепло написаны заключительныя строки книги, въ которыхъ указывается великое общественное значеніе хорошей внутренней біографіи Гоголя, которая была бы основана какъ на запискахъ о немъ друзей и вообще лицъ, болѣе или менѣе близко знавшихъ его, такъ и въ особенности на всей огромной перепискѣ (нужно сказать, что Аксаковъ приблизительно полагалъ число писемъ Гоголя къ разнымъ лицамъ въ нѣсколько сотъ): «Какое наслажденіе для мыслящихъ читателей прослѣдить, разсмотрѣть въ подробности духовную жизнь великаго писателя и высоконравственнаго человѣка! Сколько борьбы въ примиреніи художника съ христіаниномъ, сколько подвиговъ послушанія и сколько ошибокъ, увлеченій зыбкаго человѣческаго ума, никогда однако же не помрачавшихъ чистоты душевной, открыла бы такая біографія! Сколько умилительнаго и поучительнаго нашли бы въ ней даже такіе читатели, которые чужды литературнаго направленія! Да исполнится когда нибудь это желаніе, безъ сомнѣнія раздѣляемое многими, и да будетъ оправданъ и оцѣненъ Гоголь по достоинству, какъ художникъ и какъ человѣкъ!»

А. Стоповичъ.

Опытъ указателя книгъ и статей, относящихся къ херсонской губ. Состав. А. П. Леонтьевъ. Херсонъ. 1890 г.

Составитель, носящій званіе дѣйствительнаго члена Импер. русск. геогр. общества, подъ чертою повторяетъ приведенное заглавіе въ переводѣ на французскій языкъ, что для насъ кажется немного странно и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ претенціозно. Другую, еще большую странность нашли мы въ предисловіи къ настоящему труду, гдѣ г. Леонтьевъ заявляетъ: «.... я *глубоко убѣжденъ*, что въ выпускаемомъ «указателѣ» найдется *много* недостатковъ, *ошибокъ* и *пропусковъ*; за указаніе ихъ впередъ приношу благодарность» и т. д. Рѣшительно не понимаемъ, какъ рѣшился г. Леонтьевъ обращаться къ читателямъ съ подобной просьбою, не потрудившись самолично освободить свой трудъ отъ недостатковъ, и не приводя для того никакихъ оправданій.

Переходимъ къ разсмотрѣнію самаго указателя. Перелистывая его, мы находимъ въ немъ слѣдующіе отдѣлы: 1) богословіе; 2) правовѣдѣніе; 3) законы, сборники (?), уставы, правила, проекты, отчеты и проч. разныхъ правительственныхъ мѣстъ и частныхъ учрежденій; 4) исторія, археологія и нумизматика; 5) политическая экономія, статистика, торговля; 6) географія, этнографія, путешествія, картографія; 7) естествознаніе: общая часть, антропологія, біологія, ботаника, зоологія, минералогія, геологія, геогнозія, палеонтологія, химія, физика, метеорологія, математика, механика, астрономія, медицина, ветеринарія, гигіена; 8) военныя и морскія науки; 9) сельское хозяйство: общая часть, обработка, посѣвъ и уборка, удобреніе, орошеніе и водоснабженіе, сельско-хозяйственныя машины и орудія, растеньеводство, луговодство, травосѣяніе и сорныя травы, садоводство, огородничество, виноградарство, лѣсоводство, животноводство, шелководство, пчеловодство, сельско-хозяйственныя общества, съѣзды, выставки, опытныя поля и станціи; 10) строительное искусство, технологія, промышленность; 11) педагогика. Въ концѣ находимъ алфавитный указатель съ двумя удивительными примѣчаніями, а именно: 1) что *многие* номера алфавитнаго указателя авторовъ идутъ на одинъ номеръ выше или (!) ниже соотвѣтствующихъ номеровъ текста и 2) что въ текстѣ встрѣчаются ошибки въ именахъ авторовъ, которыя рекомендуется исправлять (o sancta simplicitas!) при помощи указателя (не вѣрнаго!). Самый планъ книги также привелъ насъ въ изумленіе. Въ самомъ дѣлѣ, неудивительно ли, что по классификаціи

дѣйствительнаго члена импер. русск. геогр. общ. А. Н. Леонтьева, математика, механика, астрономія, медицина, ветеринарія, гигіена очутились въ ближайшемъ сосѣдствѣ, въ качествѣ естественныхъ наукъ? Не удивителенъ ли принятый имъ порядокъ отдѣловъ, по которому между естественными науками и сельскимъ хозяйствомъ втиснуты военныя и морскія науки, а педагогика поставлена въ концѣ, вслѣдъ за строительнымъ искусствомъ, технологіей и промышленностью. Не удивительно ли, наконецъ, что всѣ перечисленные отдѣлы имѣютъ отношеніе къ херсонской губерніи, и что есть на свѣтѣ какое то херсонское богословіе и какая то херсонская политическая экономія? Въ крайнемъ случаѣ, можно бы подумать, что г. Леонтьевъ желалъ дать каталогъ книгъ, напечатанныхъ въ херсонской губ., но этому противорѣчатъ указанія на книги, изданныя въ Петербургѣ, Парижѣ, Аѳинахъ, Кіевѣ и пр. городахъ (см. №№ 4, 23, 24, 36 и 32 перваго отд.). Если бы даже предположеніе это было вѣрно, то почему же нѣтъ отдѣловъ философіи, всеобщей исторіи, психологіи, логики, изящной словесности, по которымъ также печаталось кое что въ херсонской губерніи? Намъ думается, что авторъ недостаточно обдуманно отнесся къ вопросу о томъ, что именно «относится къ херсонской губ.»? Какое, напр., отношеніе къ херсонской губ. имѣетъ Сборникъ мѣстныхъ въ Бессарабіи узаконеній по предметамъ гражданскаго права (№ 165)?

Переходя затѣмъ къ отдѣламъ IV и VI (исторіи и географіи), наиболѣе близкимъ къ задачамъ «Кіевской Старины», мы замѣтимъ, во первыхъ, что, къ сожалѣнію, мы не нашли въ нихъ никакихъ указаній на статьи въ мѣстныхъ газетахъ и въ нѣкоторыхъ журналахъ, какова, въ частности, и «Кіевская Старина», и довольно мало указаній на матеріалы и статьи въ Зап. одесск. общ. ист. и древн. Пересмотръ мѣстныхъ газетъ за все время ихъ существованія—трудъ нелегкій, но крайне необходимый для указателя, подобнаго разбираемому нами.

Далѣе, встрѣчаемъ довольно много сочиненій безъ указанія года и мѣста изданія, а иногда и автора, хотя послѣдній извѣстенъ (см. №№ 498, 528, 536, 553, 671, 688, 689, 1041, 1069, 1070, 629—весьма извѣстное изслѣдованіе проф. Латышева); находимъ указанія неполныя и небрежныя; кому можетъ быть, напр. полезно такое указаніе: «Исторія Россіи. Соловьева. Москва»?... (№ 550) или какъ вамъ понравится № 617, подъ которымъ стоитъ: «Записки одесскаго общ. ист. и древн., т. 1—5 съ VI литогр. лист. Одесса. 1843—1865»,

какъ будто послѣ 1865 года не было издано еще 10 томовъ Записокъ, о которыхъ въ «Указателѣ» нѣтъ извѣстій. Точно такой же неполнотой, могущей повести къ недоразумѣніямъ, отличаются №№ 619, 621, 703 (оттискъ изъ XIV т. Зап. од. общ. ист. и др.). Небрежностью же слѣдуетъ объяснить и то, что сочиненіе Клауса «Наши колоніи» (опыты и матеріалы по исторіи и статистикѣ иностранной колонизаціи въ Россіи) очутилось въ VI отдѣлѣ «Указателя». Отмѣтимъ затѣмъ ошибки и неправильности: № 497 напечатанъ въ «Сборн. херсонск. земства» и отдѣльно не выходилъ, №№ 554 и 555—одно и тоже сочиненіе и изданіе (Ист. о козак. запорож. князя Мышецкаго), № 599 и 602—два изданія одного и того же труда. Одно и тоже сочиненіе указывается иногда два раза; такъ случилось съ соч. гр. Уварова «Изслѣдов. о древн. южн. Россіи», повтореннымъ въ одномъ и томъ же отдѣлѣ (№№ 541 и 697) и съ соч. Руссова «Русскіе тракты», названнымъ въ IV и въ VI отд. (№№ 536 и 1030) съ неправильнымъ указаніемъ разныхъ годовъ изданія. Въ то же время находимъ въ «Указателѣ» много лишняго. Таковы въ IV отдѣлѣ (исторія, археологія и нумизматика) №№ 494 (С. Глинки «Опис. пересел. армянъ), 570 (В. Б. Антоновича Ист. литовск. Руси), 642 (Пирогова Собр. литературн. статей), 657 (О выборѣ городоваго раввина въ Одессѣ), 660 (Некрасовъ, Отзывъ о комедіи «Свищи»), 667 (Леонарда «Соціальная боль»), 674 (Чествованіе памяти Тургенева въ «Новой Школѣ»), 700 (Дашкевича «Болоховская земля»); особенное же пристрастіе г. Леонтьевъ имѣетъ къ Бессарабіи, которой посвящены №№ 508—513 въ IV отд.; и №№ 1062—1065 въ VI отдѣлѣ; никакого отношенія къ херсонск. губ. не имѣютъ и №№ 1119, 1120, 1121, 1122, 1137: всѣ эти указанія, конечно, получены изъ вторыхъ рукъ. Излишними же признаемъ и указанія на рукописныя карты и атласы въ VI отд., иногда лишенныя даже свѣдѣній, гдѣ эти карты и атласы искать.

Общее впечатлѣніе Указателя г. Леонтьева неблагопріятное: работа мало обдуманная и неряшливая; правда, найдутся свѣдѣнія, которыя могли бы пригодиться, но какъ имъ довѣриться, въ виду общей неудовлетворительности «Указателя»? Самъ г. Леонтьевъ налагаетъ руку на свой трудъ, на первыхъ же страницахъ изрекая надъ нимъ справедливый, хотя и наивно-строгій судъ свой. И за такую книгу онъ хочетъ еще получить 2 р.! (Стр. IV+208+9+1 нен.). Это ужъ какъ будто дороговато... **В. Я.**

Списки черниговскихъ дворянъ 1783 года. Матеріалы для исторіи мѣстнаго дворянства. Черниговъ 1890. 186 стр.

Малороссійское шляхетство образовалось главнымъ образомъ изъ войсковой старшины, вышедшей изъ среды рядоваго козачества, съумѣвшей всякими правдами и неправдами собрать въ своихъ рукахъ поземельныя владѣнія, богатства, и тѣмъ занять привилегированное положеніе. Юридическихъ основаній для такого положенія не было. Даровать ихъ могла только русская государственная власть. Русское же правительство даже не признавало малороссійскую старшину за шляхетство. Мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, указъ сената изъ временъ Елизаветы, которымъ запрещалось принимать малороссіянъ въ шляхетскій кадетскій корпусъ на томъ основаніи, что въ Малой Россіи нѣтъ дворянъ [1]).

Естественно было, поэтому, стремленіе шляхетства слиться съ великорусскимъ дворянствомъ, чтобы удержать за собою всѣ привилегіи и то имущественное положеніе, которое выработалось уродливой малороссійской жизнью конца XVII и начала XVIII вв. Особенно сильно это стремленіе выразилось въ эпоху екатерининской коммиссіи; и это тѣмъ болѣе понятно, что не задолго предъ тѣмъ шляхетству грозила бѣда, и оно, если не сознавалось, то должно было чувствовать, что не имѣетъ никакихъ юридическихъ основаній для своего существованія.

Въ приложеніи къ «Спискамъ» (стр. 176—186) напечатанъ любопытный, до сихъ поръ, кажется, неизвѣстный указъ Петра III гетману Разумовскому, которымъ предписывалось «всему малороссійскому шляхетству прислать въ герольдію списки съ точными доказательствами о ихъ шляхетствѣ и показаніемъ полученныхъ тѣмъ шляхетствомъ отъ польскихъ королей и отъ россійскихъ государей грамотъ».

Большинство малороссійскихъ дворянъ было новѣйшей формаціи, послѣ Хмельницкаго, и не могло, конечно, представить ни привилегій польскихъ королей, ни грамотъ русскаго правительства. Въ то время изъ малороссовъ только очень немногіе поступали на русскую службу и дослуживались до чиновъ, дававшихъ право на дворянство.

Чрезвычайно любопытнымъ, поэтому, является отвѣтъ шляхетства на указъ Петра III.

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи стр. 104.

Шляхетство указываетъ на договорные «пункты» Хмельницкаго, много разъ подтверждавшіеся русскимъ правительствомъ и въ последній разъ, даже очень недавно, при назначеніи Разумовскаго въ гетманы. «Пункты» утверждали за малороссами всѣ права и привилегіи, данные королями польскими, великими князьями литовскими— право избирать «старшихъ на уряды судовые, земскіе и гродскіе», владѣть маетностями, судиться и быть подъ царскою рукою «по своимъ прежнимъ правамъ и привилегіямъ *въ вольностяхъ шляхетскихъ*». Въ доказательство такихъ привилегій приводится грамота Яна Казимира, выданная запорожскому полковнику Кириллу Андреевичу на мѣстечко Кременчугъ, «въ которой оного полковника и прочихъ малороссіянъ написано шляхетными и утверждено имъ и обывателямъ кременчуцкимъ права, вольности и слобода отъ всѣхъ поборовъ». Судится малороссійскій народъ «шляхетскимъ правомъ статутомъ, каковымъ и въ Польщѣ шляхта судится»; «за бой, безчестіе и гвалтъ» малороссамъ какъ въ полковыхъ и генеральномъ судѣ, такъ и въ сенатѣ присуждается «навязка шляхетская».—Это одно доказательство шляхетскихъ правъ.

Другое заключается въ заслугахъ малорусскаго народа. Въ 26 артикулѣ Статута «напечатано пріобрѣтеніе шляхетства за явніе и знатніе рицерскіе службы мужествомъ оказанніе противу непріятелей». Малороссійскій же народъ всегда вѣрно служилъ русскому правительству и въ черкасскіе походы, въ шведскую и въ турецкую войну. Это доказываютъ грамоты Ѳедора Алексѣевича, Петра 1, наконецъ Елизаветы. «По которимъ службамъ, говорится въ отвѣтѣ, видимъ малороссійской старшины и козаковъ рыцерство въ правѣ статутѣ напечатанное, а потому и по предъизображеннимъ утвержденнимъ Малой Россіи правамъ, свободамъ и вольностямъ доказательно и шляхетство малороссійскаго воинскаго званія народу, ибо какъ кромѣ шляхетства и дворянства никто особыхъ правъ, свободы и вольности имѣть не можетъ, такъ и народу, находячемусь при своихъ правахъ, свободахъ, вольностяхъ и привилегіяхъ не имѣть шляхетства, а именоваться и быть простородными, ни съ которыми обыкновеніями не согласно».

Малороссы, наконецъ, могутъ пріобрѣтать въ Великороссіи деревни, а тамъ «покупать деревень, кромѣ дворянъ никто не можетъ».

Изложивъ предварительно эти шаткія юридическія основанія своихъ правъ, шляхетство заявляетъ, что требуемыхъ указомъ грамотъ и привилегій оно представить не можетъ. «Хотя, говоритъ оно,

въ Малой Россіи фамиліи разніе отъ польскихъ королей привилегіи на шляхетства имѣли, а паче множественнымъ числомъ и едва не всѣ старшины малороссійскіе изъ роду той шляхты, которые въ Малой Россіи православнаго исповѣданія обрѣтались, такожъ и выходцовъ съ Польши шляхти жъ поселившейся жительствомъ въ Малой Россіи, но понеже объ оной обрѣтающейся въ Малой Россіи и после вышедшей съ Польщи шляхтѣ — кто она именно по фамиліямъ была, списка нѣтъ, и оная чрезъ все мимошедшее время съ начала присоединенія Малой Россіи подъ Великороссійскую державу съ 1662 (?) году, чему уже болѣе ста лѣтъ, служили подъ рейментомъ гетманскимъ обще зъ малороссіянами при единихъ правахъ и вольностяхъ рядовыми козаками и чиновниками во всемъ... какъ малороссіяне, а между тѣмъ были войны и разоренія Малой Россіи, какъ то шведская и турецкая, то въ тогдашнее время и привилегіи, въ кого зъ фамилій а на городы и мѣстечка малороссійскіе такъ какъ и на Кременчукъ на урядахъ имѣлись и списки о шляхетствѣ, ежели были, могло пропасть да и имѣть оныхъ списковъ по вышеписанной малороссіянъ и шляхты едности и общемъ ползованіи высокомонаршею милостію при однихъ правахъ и вольностяхъ, нужды не было, зачѣмъ теперь и повѣленныхъ привилегіи на шляхетство по фамиліямъ развѣ самаго малого числа, представить не можно, а доказуютъ все малороссійское воинскаго званія шляхетство вышеизображенніи обстоятельства и привилегія короля польскаго Яна Казимира».

Скоро затѣмъ послѣдовавшая перемѣна на русскомъ престолѣ отсрочила на нѣсколько десятилѣтій разборъ малорусскаго шляхетства.

Въ 1785 году была издана Жалованная грамота дворянству, распространенная и на малорусское шляхетство и такимъ образомъ слившая его съ великорусскимъ дворянствомъ.

По грамотѣ этой въ каждой губерніи требовалось составленіе дворянской родословной книги. Предварительные списки дворянъ, владѣвшихъ въ уѣздѣ недвижимой собственностью, были поручены уѣзднымъ предводителямъ дворянства. Такимъ образомъ явились и «Списки черниговскихъ дворянъ». Обнимаютъ они не всю губернію, а только уѣзды конотопскій, коропскій, кролевецкій, глуховской, погарскій, мглинскій, суражскій, новомѣстскій и сосницкій. Эти только списки издатель имѣлъ въ своемъ распоряженіи.

Составлены они по одной формѣ: «1) имя и прозваніе дворянина, въ томъ уѣздѣ имѣніемъ недвижимымъ владѣющаго и его лѣта; 2) холостъ или женатъ и на комъ или вдовъ; 3) много ли дѣтей

мужскаго или женскаго пола и ихъ имена и лѣта; 4) сколько за нимъ по послѣдней ревизіи наслѣдственныхъ или купленныхъ или вновь пожалованныхъ или въ придапное полученныхъ обоего пола душъ крестьянъ нынѣ состоитъ и во сколькихъ селахъ или деревняхъ; 5) въ уѣздѣ ли живетъ тотъ дворянинъ или въ отлучкѣ; 6) какого онъ чина и 7) въ какой именно службѣ или отставкѣ». Въ коропскомъ уѣздѣ показаны сверхъ этихъ свѣдѣній происхожденіе предковъ, а также, кто изъ дворянъ имѣетъ дипломъ на чинъ.

Къ нѣкоторымъ изъ фамилій издатель присоединилъ небольшія примѣчанія, касающіяся ихъ происхожденія или содержащія въ себѣ біографическія свѣдѣнія о выдающихся ихъ членахъ. **Н. В.**

Лѣтопись историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ Университетѣ. I. (Посвящается 25 лѣтію Им. новороссійскаго университета). Одесса 1890 г.

Въ 1889 г. при И. новороссійскомъ университетѣ открылось историческо-филологическое общество, въ составъ котораго вошли всѣ преподаватели истор.-филол. факультета этого университета и еще нѣкоторые профессора, а также и многіе одесскіе ученые и любители. Первымъ предсѣдателемъ общества избранъ былъ извѣстный ученый Ѳ. И. Успенскій. Судя по отчету, находящемуся въ книжкѣ, заглавіе которой приведено нами выше, общество въ первомъ же году проявило оживленную дѣятельность, читанные рефераты касались самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, причемъ общество не оставило безъ вниманія и исторію Южной Руси; наконецъ общество, несмотря на свои болѣе чѣмъ скромныя средства (какой либо субсидіи оно не получаетъ), въ прошломъ году издало I выпускъ своей Лѣтописи. Совершенно естественно, что общество этотъ свой трудъ посвятило 25-лѣтію И. новороссійскаго университета, которое исполнилось именно въ 1890 году; не менѣе понятно и то, что въ I вып. Лѣтописи, кромѣ устава общества и отчета за первый годъ дѣятельности, напечатаны труды, посвященные знаменитому славису В. И. Григоровичу, бывшему долго профессоромъ новороссійскаго университета и безъ сомнѣнія самому крупному ученому ист.-филол. факультета въ этомъ университетѣ, причемъ позднѣйшая дѣятельность этого ученаго была, какъ извѣстно, цѣликомъ посвящена изученію Новороссіи.

Проф. Успенскій напечаталъ въ Лѣтописи воспоминанія о Григоровичѣ—свою актовую университетскую рѣчь 1 мая 1890 года,—къ которой приложены хорошій портретъ Григоровича и списокъ его трудовъ въ хронологическомъ порядкѣ, составленный тоже однимъ изъ профессоровъ. Проф. Успенскій сдѣлалъ весьма многое для разъясненія личности В. И. Григоровича, его идей, и убѣжденій, причемъ ему посчастливилось найти дневникъ Григоровича съ чрезвычайно интересными воспоминаніями о пребываніи его въ Римѣ въ $18^{40}/_{41}$ году.

Какъ ни важны новооткрытые проф. Успенскимъ факты для біографіи Григоровича, но нельзя умолчать и о томъ, что извѣстный славистъ А. А. Кочубинскій, хотя и мимоходомъ, въ примѣчаніи къ статьѣ «Наука не политика», напечатанной въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (№ 239 и слѣд.) и посвященной разбору Русско-Славянскаго календаря, заподозрилъ достовѣрность пребыванія Григоровича въ Римѣ въ $18^{40}/_{41}$ г., сопоставивъ другіе извѣстные факты изъ его біографіи, съ этимъ пребываніемъ совершенно несогласные. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ такъ и остался не выясненнымъ, вѣроятно потому, что былъ затронутъ лишь въ газетѣ.

Вторая статья лѣтописи—В. Н. Мочульскаго: «Описаніе рукописей, пожертвованныхъ В. И. Григоровичемъ новороссійскому университету». Рукописей этихъ 64, причемъ 54 на разныхъ славянскихъ языкахъ; онѣ, вмѣстѣ съ пожертвованными имъ же книгами, составляютъ особый—Григоровичевскій отдѣлъ университетской библіотеки. Между Григоровичевскими рукописями есть нѣкоторыя величайшей важности, поэтому описаніе В. Н. Мочульскаго, сдѣланное согласно общепринятымъ правиламъ, является весьма кстати. Хотя нѣкоторыя рукописи уже описаны были раньше, и дѣло описанія другихъ подготовилъ самъ Григоровичъ, сдѣлавъ на своихъ рукописяхъ обильныя замѣтки, но и при всемъ этомъ трудъ В. Н. Мочульскаго весьма почтенный и, благодаря ему, можно познакомиться наконецъ съ тѣмъ, что находится въ драгоцѣнномъ Григоровичевскомъ собраніи. Не останавливаемся подробно на этомъ описаніи, такъ какъ рукописей, которыя касались бы исторіи или литературы Южной Руси, мы здѣсь почти не находимъ.

А. М.

Случайная библіографія. [1]

Księga smierci albo krzyż Chrystusow. Przez Lazarza Baranowicza, archiepiskopa Czernihowskiego. Новгородъ-Сѣверскій. 1676. 4° min. 66 лист.

Сочиненіе Л. Барановича, заглавіе котораго мы выписали, совершенно неизвѣстно библіографамъ. Проф. Сумцовъ въ своемъ изслѣдованіи объ І. Галятовскомъ только лишь называетъ его [2]) рядомъ съ другимъ, ненайденнымъ еще, произведеніемъ Барановича «Księg'ою rodzaju», поставивъ при нихъ знакъ вопроса [3]). Въ своей же монографіи объ Л. Барановичѣ онъ ничего не говоритъ объ этихъ книгахъ, совершенно какъ бы исключая ихъ изъ числа произведеній нашего писателя. Названное нами сочиненіе Барановича подарено въ библіотеку кіевской духовной академіи гр. Гр. Ал. Милорадовичемъ [4]), и первое извѣстіе о немъ далъ проф. Петровъ [5]). «Księga smierci» написана [6]) и издана Л. Барановичемъ въ 1676 г. in 4° (малое) въ его новгородъ-сѣверской типографіи на польскомъ языкѣ и заключаетъ въ себѣ 66 листиковъ. На первой страницѣ находится ея пол-

---

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ открываемъ особый отдѣлъ библіографіи, въ которомъ будемъ говорить о книгахъ русскихъ и нерусскихъ, преимущественно старыхъ и болѣе или менѣе малоизвѣстныхъ, но разумѣется имѣющихъ предметомъ своимъ южнорусскую исторію во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ. *Ред.*

[2]) Іоанникій Галятовскій. Кіевъ. 1884 г., стр. 63.

[3]) Первое указаніе на эти два произведенія Барановича мы находимъ въ посвященіи ему Галятовскимъ „Фига".

[4]) Эту книжку и нѣсколько другихъ сочиненій Лазаря Барановича и Галятовскаго гр. Милорадовичъ пріобрѣлъ въ Черниговѣ, у еврея-букиниста, купившаго эти книги въ 1884 г., въ числѣ другихъ, *на вѣсъ*, въ тамошней духовной семинаріи. Тутъ, между прочимъ, было нѣсколько экземпляровъ книги Лазаря Барановича — Żywoty swiętych, (Кіевъ, 1670), Лексиконъ Памвы Берынды... Тутъ же была и извѣстная книга *Legenda Aurea* (I. de Voragine), въ венеціанскомъ изданіи 1485 г. Очень вѣроятно, что эту послѣднюю книгу внесъ въ библіотеку старинныхъ „черниговскихъ латинскихъ школъ" еще Лазарь Барановичъ, для котораго она могла служить однимъ изъ источниковъ для его книги—Żywoty swiętych.—*Ред.*

[5]) Извѣстія церковно-археолог. общества при кіевск. духовн. акад. 1889 г. стр. 17.

[6]) Szostá książeczká | siedmdźieśiat szostego |
Ze na świát wyszlá | wielbie wszechmocnego,
Jego to sprawá.... Ks. sm. 95 стр.

Въ Кіевск. Дух. Акад. Księga smerci означена № 286.

ное заглавіе: «*Księga smierci, albo krzyż Chrystusow ná ktorey żywot nasz umarł, ale śmierć samą życ nauczył, przez jaśnie w Bogu przeoświeconego jego mości oyca Łazarza Baranowicza z Bożey łaski archiepiskopa czernihowskiego, nowgorodzkiego y wszytkiego Siewierza smiertelnego smiertelnym podana. Z typographiey archiepiskopskiey w Nowogrodku Siewierskim zostającey. R. P. 1676*».

На второй страницѣ приведены два псалма: «Strach smierci przypadł na mię» и «Posluszny był aż do smierci». Первый изъ этихъ псалмовъ ясно обнаруживаетъ поводъ и цѣль произведенія. Вступивъ уже въ послѣдній періодъ жизни, когда человѣкъ начинаетъ помышлять о смерти, Л. Барановичъ естественно пришелъ къ мысли написать «Księgą smierci» [1]), чтобы воспѣть крестныя страданія Спасителя и избавленіе отъ смерти чрезъ нихъ рода человѣческаго.

Подобный сюжетъ, говоритъ Л. Барановичъ [2]), воспѣтъ имъ и въ «Lutnie», написанной имъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Но то было другое время: Барановичъ былъ еще бодръ, въ немъ сильнѣе бился пульсъ общественной жизни, и онъ въ своемъ произведеніи отозвался на всѣ тѣ вопросы, какіе подинмались въ южно-русскомъ обществѣ. Теперь же онъ исключительно занятъ своей темой, лишь изрѣдка бросая замѣчанія относительно насущныхъ вопросовъ минуты: у него за спиною смерть, и ему некогда слѣдить за волненіями жизни. Всѣ его мысли сосредоточены на прославленіи благости Спасителя, который своею временною смертью спасъ людей отъ вѣчной погибели. Интересно посмотрѣть на тѣ пріемы, которыми пользуется для этого авторъ: тутъ мы имѣемъ дѣло съ риѳмоплетствомъ, съ схоластикой. Перемѣшивая прозу со стихами, авторъ на пространствѣ 66 листиковъ кружится около одной мысли, что чрезъ крестную смерть Спасителя мы избавились отъ вѣчной смерти. При этомъ онъ пользуется всякимъ поводомъ, всякимъ случаемъ изъ исторіи крестныхъ страданій, чтобы написать или вирши, или разсужденіе. Такъ, буквы таблицы, прибитой ко кресту Спасителя, псалмы, относящіеся къ событію крестныхъ страданій, всевозможныя поговорки, подходящія къ данному положенію—все это даетъ обильный матеріалъ для виршъ и прозы. Затѣмъ на 26 листикахъ тянутся вирши, которыя можно

---

[1]) Nim śmierć nadeszlá, jużem smierći księgą
Wydáł od smierći bym już y wźiał ćięgę ibid.

[2]) Jesli tu mało Krzyżow | pátrz w mey Lutnie |
U tam Krzyżyki Pana pieją smutnié. Ks. sm. 7 стр.

назвать алфавитными: на буквы въ алфавитномъ порядкѣ подобраны большею частью латинскія слова, смыслъ которыхъ подходитъ къ событію крестныхъ страданій, и на нихъ написаны вирши. Пишутся эти вирши, раздѣленныя по срединѣ стиха крестомъ, окруженнымъ латинскимъ словомъ, напр.

Acre Dość ostro — A / c —|— R / e — Krzyż mi się postavił |
Nawylot rany — w rękach | nogach spravił [1]).

Остальная часть книги написана таже на какіе нибудь псалмы или поговорки, или самимъ авторомъ придуманныя заглавія, напр.

Pan wzdrawia ucho,
Nie puczcza glucho [2]),

гдѣ разсказывается о томъ, какъ Іисусъ Христосъ исцѣлилъ ухо Малху.

Послѣднія вирши могутъ служить также нагляднымъ примѣромъ того схоластическаго пустословія, до какого доходили южно русскіе виршеплеты въ XVII в. Барановичъ говоритъ, что мы имѣемъ обыкновеніе закладывать за ухо перо. Малхъ же, лишившись уха, не могъ бы уже этого дѣлать и, только благодаря исцѣленію, получилъ возможность опять пользоваться такимъ удобнымъ помѣщеніемъ пера [3]).

Но рядомъ съ этимъ проскальзываютъ въ «Księg'ѣ smierci» и нѣкоторыя интересныя черты. Прежде всего мы точно можемъ опредѣлить время, когда Л. Барановичъ получилъ санъ епископа: девятнадцать лѣтъ тому назадъ, говоритъ онъ [4]), получилъ я санъ пастырскій, а еще до сихъ поръ ничего хорошаго не сдѣлалъ. Дата эта подтверждается и посвятительной грамотой, приведенной прот. Страдомскимъ въ Жур. мин. нар. пр. 1852 г. LXXV. Обязанности своего пастырскаго сана Барановичъ ставитъ очень высоко и требуетъ, чтобы пастырь душу свою полагалъ за овцы свои [5]). Фраза эта въ устахъ Барановича имѣетъ дѣйствительный, реальный смыслъ, такъ какъ вся его жизнь прошла въ борьбѣ за живые интересы народа, изъ котораго онъ вышелъ. И даже въ этомъ старческомъ произведеніи

---

[1]) Księga smierći стр. 13.

[2]) Ibid. 76.

[3]) Ibid 76. Издана „Księga smerći" безъ особыхъ картинъ, если не считать образа Купятицкой Богоматери и 2-хъ крестовъ, на одномъ изъ нихъ находится глава Спасителя, на другомъ сердце

[4]) Lat temu dźiewiętnáśćie ják krzyż noszę z łoty
Pasterski | a pasterskiey nie wypełniam cnoty. стр. 7.

[5]) Стр. 41.

мы видимъ, какъ дороги были Барановичу его овцы. Онъ и въ этомъ произведеніи не забываетъ тѣхъ золъ, какія причиняли евреи его родному краю и, вспоминая, какъ жиды мучили Христа, говоритъ, что отъ нихъ была хорошая школа и для русиновъ [1]). Вспоминаетъ онъ и вѣчныхъ, непримиримыхъ своихъ враговъ—турокъ и, подобно тому какъ въ «Lutnie», посылаетъ на нихъ «громы небесные», называетъ ихъ проклятыми (93), говоритъ, что отецъ ихъ діаволъ (94) и умоляетъ славянскіе народы дружно воевать съ заклятымъ врагомъ христіанства.

Разсказавъ о томъ, какъ птицы, перелетая черезъ моря, помогаютъ другъ другу, онъ прибавляетъ: «Tak orła polskiego orzeł moskiewski przeciwko turkow ratuie» [2]). Его завѣтный идеалъ состоитъ въ томъ, чтобы отнять Палестину у турокъ, освободить патріарха изъ турецкой неволи [3]) и вообще изгнать турокъ изъ Европы [4]). Дважды, говоритъ Барановичъ [5]), въ землѣ турецкой родятъ и плоды, и хлѣбъ, а вы не хотите достать себѣ такой плодородной земли, которою, кромѣ того, лѣнивый мусульманинъ пренебрегаетъ! И его рѣчь звучитъ здѣсь очень сильно! Онъ побуждаетъ къ войнѣ не только свѣтскихъ, но и духовныхъ лицъ [6]), давая тѣмъ подтвержденіе той любопытной черты южно-русской жизни XVII в., что и духовныя лица принимали участіе въ войнахъ, смѣняя нѣсколько разъ рясу на боевые доспѣхи [7]).

---

[1]) Chrześćanom inna od żydowskich szkoła 43.

[2]) Księga śmierci 92.

[3]) 127.

[4]) 93. Такимъ образомъ, тотъ „восточный вопросъ", который волновалъ русское правительство въ теченіи XVIII в. и занималъ умы передовыхъ русскихъ дѣятелей, какъ напр. Потемкина, достался въ наслѣдство отъ XVII в. изъ южной Руси.

[5]) Dwakroć płodne winnice w rok owoc dawają |
Dwakroć się na swych drzewach jabłka dostawają
Dwakroć oracz stokratne z roley żniwo zbiera |
Pásterz owiec swych źimie w chlewy nie zawiera.
Na tak żyzną czemu się nie kwapisz Polâku
Ziemię? y nie pomagasz czemu mu Rusaku?
Wszak y patryarchowie w Turca w niewoli |
Pasterze są to twoi | czy cię nie boli?
Chrześcianie nadzię mieycie w swoim Bogu |
Cynthia Othomańska na doł spuści rogu.

[6]) 94.

[7]) См. „Кіевск. Стар." 1888 г., VII и Лѣтопись Грабянки 18[2].

Къ своимъ сосѣдямъ полякамъ Барановичъ относится безъ задорной вражды. Играя словами и придавая латинскому слову «praelum» значеніе литературной борьбы, а «praelium»—войны вооруженной, онъ бросаетъ глубокій взглядъ на тѣ событія, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть, и говоритъ, что «praelum»—т. е. литературная борьба между поляками и русскими повела къ кровавой вооруженной войнѣ, что во время литературной борьбы много было написано книгъ во славу и честь Христа и его Матери, но что въ послѣднее время только лишь и слышно о борьбѣ вооруженной. Такая борьба «dokuczyła» уже и русинамъ, и полякамъ, и писатель молитъ о томъ, чтобы наступилъ наконецъ покой [1]).

Краеваго южно-русскаго элемента въ Księg'ѣ smerći почти нѣтъ, если не считать одной поговорки: Obiecał kożych Pan y słowo grzieie [2]) (III) и намека на то, что Л. Барановичу былъ извѣстенъ апокрифъ «О древѣ крестномъ» въ южно-русской редакціи. Составляя свои алфавитныя вирши, Л. Барановичъ по поводу Адама пишетъ слѣд.:

Za drzewo ná tym — Adamowi było
Być drzewie | wtorym — Adamem złożyło (13).

A
D—|—A
M

или

Cave. Strzeż grzechá | grzech mię na Krzyż ostry wsadził |
Drzewem Adam świedziony | jam drzewem poradźił (22).

Въ заключеніе считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить благодарность проф. П. В. Владимірову, который доставилъ мнѣ возможность пользоваться книгой Л. Барановича.

М. М.

---

[1]) Praelum, Prasá papierowá |
Praelium bitwa Mársowá
. . . .
Nasze Praelum Praelio wstępować musi |
Praelium dokuczyło Polakam y Rusi.
Praelo by się woleli Chrzescianie bávić |
Od Chrześcian Praelium rácz Panno odstavić
To bysmy kśięgi rożne na twą cześć y spore
Pisali | a wielbili cię przedwieczną Corę.
Wczyń pokoy.... стр. 130.

[2]) Казавъ панъ кожухъ дамъ, та слово его тепле.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы, № 12.—Русская Мысль, № 12.—Русская Старина, № 12.—Историческій Вѣстникъ, № 12.—Сѣверный Вѣстникъ, № 12.

Вѣстникъ Европы XII. 1890. А. Н. Пыпина: «Послѣдніе труды Н. И. Костомарова». Краткое изложеніе автобіографіи Костомарова, напечатанной въ послѣдней книжкѣ его трудовъ: «Литературное наслѣдіе», вышедшей въ текущемъ году (стр. 788—82).

В. Шенрока: «Н. В. Гоголь и его письмо къ В. А. Жуковскому»—разборъ письма Гоголя къ Жуковскому въ связи съ его «Авторской исповѣдью» (594—613).

Русская Мысль XII. 1890. Въ отдѣлѣ библіографіи: краткое содержаніе посмертнаго сборника трудовъ Н. И. Костомарова: «Литературное наслѣдіе» (стр. 563), рецензія на книгу: «Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова», гдѣ помѣщена біографія Н. В. Гоголя (стр. 563—564); Отзывъ о книгѣ Н. В. Воскресенскаго: «Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (Историческій очеркъ). Томъ первый (стр. 564—565); содержаніе писемъ Н. В. Гоголя къ Плетневу, помѣщенныхъ г. Шенрокомъ въ ноябрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника (стр. 591--593).

Русская Старина XII. 1890. В. И. Шенрока. «Николай Васильевичъ Гоголь» (окончаніе). Приведено еще 7 писемъ къ Гоголю А. О. Смирновой (стр. 655—664).

Историческій Вѣстникъ XII. 1890. *М. Городецкій.* «Поѣздка въ Холмъ, Подолію и Бессарабію». Путевыя впечатлѣнія и наброски изъ путешествія автора въ Каменецъ-Подольскъ, Кишиневъ и Одессу (стр. 763—793).

Д. Эварницкій. «Музей А. Н. Поля». Краткая біографія извѣстнаго дѣятеля А. Н. Поля, скончавшагося 26 іюля 1890 г. и оставившаго богатѣйшую коллекцію древностей (стр. 794—7981).

Въ отдѣлѣ библіографіи—краткая замѣтка о книгѣ «Листочки до вінка на могилу Шевченка. Львів. 1890» (стр. 822—824).

Въ отдѣлѣ смѣси: Краткій некрологъ Ивана Петровича Новицкаго извѣстнаго знатока исторіи и этнографіи юго-западнаго края, талантливаго публициста «Кіевлянина» и дѣятельнаго сотрудника «Кіев. Стар.» (стр. 853—854).

Редакція „Кіевской Старины“ покорнѣйше проситъ лицо, у котораго находятся Воспоминанія Пашкова о харьковскомъ университетѣ доставить ихъ въ редакцію.

Алексѣя Н. Веселовскаго, Э. А. Вольтера, Н. Л. Гондатти, В. П. Горленка. М. В. Готовицкаго, А. Н. Грена, С. Я. Дерунова, М. А. Дикарева. М. В. Довнаръ-Запольскаго. М. Довойно-Сильвестровича, проф. М. С. Дринова, И. Е. Забѣлина, Н. К. Зейдлица, А. П. Звонкова, А. А. Ивановскаго, П. В. Иванова, А. А. Казмина, В. В. Каллаша, В. В. Кандинскаго, проф. А. И. Кирпичникова, М. М. Ковалевскаго, проф. Ѳ. Е. Корша, Г. И. Куликовскаго, Ю. Н. Мельгунова, проф. В. Ѳ Миллера, П. Н. Милюкова, А. Н. Минха, В. М. Михайловскаго, Г. Н. Потанина, А. Н. Пыпина, Е. Р. Романова, А. П. Сопунова, В. И. Сизова, проф. И. Н. Смирнова, проф. А. И. Соболевскаго, проф. М. И. Соколова, Е. Т. Соловьева, проф. Н. Ѳ. Сумцова. А. А. Титова, акад. Н. С. Тихонравова, В. Тихонова, В. К. Трутовскаго, профес. Г. А. Халатова, А. Н. Харузина, Н. Н. Харузина, А. С. Хаханова, Н. В. Шейна, Н. М. Ядринцева, Е. И. Якушкина и др.

Изданія посвящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи, при чемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій будутъ служить слѣдующіе вопросы:

1. Вѣрованія, обычаи, обряды.
2. Народная словесность, языкъ.
3. Народная музыка и др. искусства.
4. Народная медицина
5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д
6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ.
7. Историческая и доисторическая этнографія
8. Обзоръ жизни и дѣятельности русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, будутъ помѣщаться также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе.

Обширный библіографическій отдѣлъ изданія заключаетъ въ себѣ:

1. Отзывы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, по скольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи.

2. Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ періодическихъ изданій: ежемѣсячныхъ, еженедѣльныхъ, ежедневныхъ и др., съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3 Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Въ отдѣлѣ „Смѣси“ сообщаются мелкіе этнографическіе матеріалы.

Наконецъ, въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также приложенія, портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ и т. п.

„ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ выходитъ 4-мя книжками въ годъ (въ 12—15 листовъ каждая) приблизительно въ слѣдующіе сроки. 1-я кн.—въ началѣ марта. 2-я—въ началѣ іюня, 3-я—въ концѣ сентября, 4-я—въ концѣ декабря.

Цѣна годовому изданію безъ перес. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р., за границу 6 р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшія, продаются въ складѣ Общества (Москва, Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ по 1 р. 50 к. съ перес. Учащимся, сельскимъ учителямъ и священникамъ дѣлается уступка 40%.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (Москва, Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина, (Москва и Петерб.), Н. П. Карбасникова, (Моск., Петерб. и Варшава), А. А. Карцева (Москва), Н. И. Мамонтова (Москва) и А. Ланга (Москва).

№ 4. 3—3

Открыта подписка на 1891 годъ на иллюстрированную, литературную, общественную и политическую газету

ЗАРЯ, которая будетъ выходить съ 1-го января 1891 г., вмѣсто „Газеты А. Гатцука", еженедѣльно, въ случаѣ же надобности по два раза въ недѣлю, въ объемѣ 2—3 л. въ каждомъ №, съ рисунками, портретами и картинами.

Съ ежемѣсячными книжками приложеній,

которыя представятъ собою какъ бы отдѣльный ежемѣсячный журналъ. Въ книжкахъ „Зари" будутъ помѣщаемы не только беллетристическія произведенія, но также и научныя, публицистическія и критическія статьи по общей программѣ всѣхъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Съ 1890 года изданіе „Газеты А. Гатцука", какъ извѣстно, перешло въ другія руки, и направленіе этой газеты въ теченіи истекшаго года выяснилось съ надлежащею полнотою. Тому же направленію будетъ слѣдовать и газета „Заря", которая не будетъ служить, какъ другія иллюстрированныя изданія, ни украшеніемъ гостиныхъ, ни матеріаломъ для развлеченія въ часы празднаго досуга. „Заря" имѣетъ совсѣмъ иныя задачи. Во всѣхъ своихъ отдѣлахъ она будетъ стремиться внести въ жизнь русской семьи общечеловѣческія идеи правды, добра и красоты и ясное, сознательное, справедливое отношеніе ко всѣмъ выдвигаемымъ текущею жизнью вопросамъ, ко всему, что день за днемъ совершается какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и во всемъ мірѣ. Редакція „Зари" обратитъ особенное вниманіе на отдѣлы внутренній и политическій, составъ и направленіе которыхъ извѣстны русской читающей публикѣ по изданію „Газеты А. Гатцука" за 1890 годъ. Говорить одну только правду, снимать маску со всякой лжи, ратовать противъ всякаго угнетенія, произвола и насилія, радоваться каждому проявленію свѣтлой мысли, свѣтлаго и честнаго чувства—такова должна быть, по мнѣнію редакціи, программа русскаго органа печати, желающаго сослужить свою службу русскому государству, русскому обществу и русскому народу. При сравнительно низкомъ уровнѣ общественнаго самосознанія, при малочисленности интеллигентныхъ силъ и при другихъ условіяхъ нашей современной общественной жизни, печать въ Россіи поставлена въ совершенно исключительныя условія: она является единственной почти каѳедрой живаго слова, единственной выразительницей общественныхъ и народныхъ нуждъ. Русская печать еще должна учить, должна идти впереди общественныхъ теченій, должна проливать лучи свѣта въ вѣковую тьму, пробивая ими толстую кору невѣжества и предразсудковъ.

По мѣрѣ силъ и возможности, „Заря" будетъ служить тому, чтобы приблизился часъ разсвѣта,—часъ, въ который дѣйствительная заря просвѣщенія освѣтитъ русскую землю.

Въ каждомъ № „Зари", кромѣ текущаго матеріала, будутъ печататься два-три беллетристическія произведенія (романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія драматическія произведенія), статьи по отдѣльнымъ вопросамъ, фельетонъ, научная хроника (новыя открытія и изобрѣтенія) и пр.

Въ числѣ двѣнадцати книгъ приложеній редакціей будутъ изданы (послѣ 15-го іюля 1891 г., т. е. по истеченіи срока на право литературной собственности)

сочиненія М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ четырехъ томахъ съ роскошными иллюстраціями.

тельности, что придаетъ намъ еще большую энергію къ выполненію поставленныхъ нами задачъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, распространенность нашей газеты въ самой Одессѣ также доказываетъ, что она въ должной мѣрѣ удовлетворяетъ и мѣстнымъ интерессамъ.

Что же касается до внѣшняго вида газеты, то мы улучшили бумагу, обновили типографію, и пріобрѣли новый шрифтъ.

Подписная цѣна на 1891 годъ:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На 1 годъ	7 р. 20 к.	На одинъ годъ	8 р. — к.
„ 6 мѣсяц.	4 р. 50 к.	„ 6 мѣсяц.	5 р. — к.
„ 3 „	2 р. 50 к	„ 3 „	2 р. 75 к.
„ 1 „	— р. 90 к.	„ 1 „	1 р. — к.

За-границу доплачивается по 60 коп. въ мѣсяцъ.

Разсрочка допускается только для подписавшихся чрезъ главную контору.

Подписка принимается:

Въ Одессѣ: въ главной конторѣ—Ланжероновская ул. (въ Пале-Роялѣ), собственный домъ.

Въ отдѣленіи конторы—Пушкинская ул., д. № 11.

Въ отдѣленіи конторы на Молдаванкѣ—Прохоровская ул., домъ № 11.

Въ отдѣленіи конторы на Пересыпи—Московская, д. № 37.

Отдѣленія наши находятся:

Въ Херсонѣ — магазинъ А. Медвѣдовскаго, Суворовская улица, домъ Финкельштейна.

Въ Кременчугѣ—у Александра Давидовича Клейфа.

Въ Полтавѣ—книжный и писчебумажный магазинъ С. М. Шилянскаго.

Въ Харьковѣ—въ редакціи „Харьковскихъ губернскихъ Вѣдомостей,—у В. С. Лапидуса.

Въ Николаевѣ—контора Фефербойма.

Въ Кишиневѣ—книжный магазинъ Шаха.

Въ Аккерманѣ—магазинъ Д. М. Асвадурова, Николаевская улица.

Въ Екатеринославѣ—книжный магазинъ Шафермана, Екатерининскій проспектъ.

Въ Елисаветградѣ—у г. Розенберга, Большая улица, домъ Канона.

Въ Балтѣ—магазинъ И. Барскаго, уголъ Соборной и Тюремной.

Въ Бендерахъ—магазинъ Бота.

Въ Вознесенскѣ—Купеческая ул., д. Ф. Ланцмана, кв. В. Айзикевичъ.

Въ Винницѣ—магазинъ Л. Красносельскаго, по Почтовой улицѣ.

Въ Могилевѣ-Подольскомъ—топографія Б. Г. Кваши, Владимірская ул.

Въ Александріи—у г. Брудпаго.

Въ Бердянскѣ—у А. Е. Цвибака, Воронцовская улица, домъ Никитина.

Въ Тирасполѣ—у г. Гринштона.

Въ Измаилѣ—въ агентствѣ страховаго общества „Надежда“, у г. Гамшіевича.

Въ Керчи—кв. Н. Н. Мазуренко, Строгоновская ул., домъ Головина.

Въ Ялтѣ—магазинъ Синани.

Въ Севастополѣ—магазинъ Шишмана.

тинъ В. Н., Оршанскій М. О., Онуфровичъ А. И., Песковскій М. Л., Петръ Шлемиль (Д. Л. Слонимскій), Позняковъ Н. И.. г-жа Р.-Хинъ (псевдонимъ), Ромбро Я. С., Рубакинъ Н. А, Рускинъ Д. (Н. Н. Фирсовъ), Русскій (псевдонимъ), Сементковскій Р. И., Скрипицынъ В. А., Станиславскій С. М., Фругъ, С. Г., Фофановъ К. М., Цедербаумъ А. А., Шафиръ М. П., Штейнбергъ О. Н., Ярошевскій С. О. и другіе.

Цѣна на годъ журнала „Восходъ" и газеты „Недѣльная хроника Восхода" 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За границей на годъ 12 р, на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го января на годъ 2—слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р. Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 3 и 2 а, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

1—3 Редакторъ-издатель А. Ландау.

1891 годъ. БИБЛІОГРАФЪ годъ VII.

ИЗДАНІЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ (12 №№ ВЪ ГОДЪ).

Ученымъ Комит. М-ства Народн. Просв. рекомендованъ для основн. библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ одобренъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученаго Комитета помѣщенъ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; теорія и практика библіографіи; прикладныя библіографич. знанія; библіотечное, издательское и книжно-торговое дѣло прежде и теперь.

Отд. 2-й. (справочный). Лѣтопись русскаго книгопечатанія: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica: 4) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 5) библіографическія извѣстія (хроника) и объявленія.

Съ основанія „Библіографа" въ немъ принимали участіе: В. А. Алексѣевъ, И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Ѳ. Боцяновскій, С. Н. Брайловскій, С. К. Буличъ, П. В. Быковъ, А. Е. Бѣловъ, Н. Н. Вакуловскій, А. Васильевъ, К. П. Галлеръ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, І. І. Змигродскій, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, М. А. Куплетскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. Ф. Леонтьевъ, И. А. Линниченко, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, Л. Н. Майковъ, А. І. Малеинъ, В. И. Межовъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, А. Е. Молчановъ, И. Я. Морошкинъ, Н. Н. Оглоблинъ, С. Ѳ. Платоновъ, Н. И. Позняковъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, Э. Л. Радловъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, А. Ѳ. Селивановъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, И. Ѳ. Токмаковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за-границу 6 р. отдѣльно нумеръ 50 к., съ перес. 60 к.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1891 г. продолжается:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 15-го января 1891 г.

Kievskaia Starina

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ.

God desiatyi Tom Fevral' God

Годъ десятый. ТОМЪ XXXII. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Михайловская церковь въ г. Переяславѣ.
2) Письмо Т. Г. Шевченка.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

Свѣтопечать С. В. Кульженко.

ДВА ПИСЬМА Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

(1840 и 1847 гг.).

Давно стоящее на очереди изданіе сборника писемъ Шевченка напоминаетъ о себѣ время отъ времени открытіемъ новыхъ матеріаловъ. Въ тридцатую годовщину смерти поэта, печатаемъ два письма его, относящіяся къ двумъ разнымъ эпохамъ его жизни: первое къ годамъ пребыванія въ академіи художествъ и первому времени его творчества; второе—къ первоначальнымъ днямъ десятилѣтней его ссылки. Письмо къ брату Никитѣ найдено въ с. Кириловкѣ, звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи, у племянника поэта Петра Шевченка г. Талько-Грынцевичемъ, сообщившимъ любопытныя свѣдѣнія о семьѣ Шевченковъ на страницахъ „Кіевской Старины" (1889 г. № 9). Второе письмо 1847 г. писано къ земляку его, недавно умершему Вас. Матв. Лазаревскому († 1890 г.), съ которымъ Шевченко въ это время былъ знакомъ только заочно. Петербургское письмо Шевченка писано на третьемъ году пребыванія его въ академіи художествъ и въ годъ изданія перваго, маленькаго „Кобзаря", заключавшаго въ себѣ только нѣсколько лирическихъ піесъ и „Катерину". Со времени разлуки его съ родными въ то время прошло одиннадцать лѣтъ (онъ взятъ былъ въ услуженіе къ помѣщику Энгельгардту пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ 1829 году). Этотъ промежутокъ времени, какъ свидѣтельствуетъ письмо, не ослабилъ любви его къ роднымъ и духовной связи съ ними. Онъ пишетъ старшему брату, оставшемуся послѣ смерти отца какъ бы главою семьи, но вспоми-

наетъ отдѣльно каждаго члена семейства, отъ братьевъ и сестеръ, судьба которыхъ особенно озабочиваетъ его, до стараго дѣда Ивана, вѣроятно, разсказчика преданій о гайдамакахъ. Письмо это сопровождается посылкою пятидесяти рублей ассигнаціями, деньгами безотносительно небольшими, но въ тогдашнемъ положеніи Шевченка очень и очень не малыми. Вспомнимъ, что посылавшій эти деньги былъ только два года назадъ крѣпостнымъ подмастерьемъ у маляра Ширяева, что самъ онъ, былъ проданъ еще недавно помѣщикомъ добрымъ людямъ, давшимъ этимъ способомъ ему свободу, и что для жизни своей въ Петербургѣ онъ имѣлъ, какъ кажется, лишь небольшую стипендію общества поощренія художниковъ [1]).

Заработки отъ небольшихъ заказовъ, иллюстрацій книгъ и т. п. могли у него быть лишь незначительные. Никита, какъ видно, просилъ у него денегъ въ займы, но Т. Г. энергично отвергаетъ даже мысль о займѣ между родными братьями. Дымовскій, упоминаемый въ припискѣ, по разсказу родныхъ Шевченка, переданному г. Талько-Грынцевичемъ, былъ управляющимъ въ имѣніи Энгельгардта, оставившимъ по себѣ хорошую память. Въ книгѣ г. Чалаго управляющій этотъ называется Дмитренкомъ, но не знаемъ, произошло ли тутъ смѣшеніе лицъ или дѣло идетъ о лицахъ различныхъ.

Письмо изъ Орской крѣпости не требуетъ комментаріевъ. Оно писано на шестой мѣсяцъ послѣ ссылки, въ то время, когда изъ частной квартиры Шевченка перевели въ казармы, съ строгимъ запрещеніемъ писать и рисовать. При посредствѣ земляка своего, поэтъ обращается къ Брюллову, Далю, Плетневу, ко всѣмъ въ комъ можетъ предположить участіе къ своему ужасному положенію, заклиная ихъ выхлопотать ему хотя право рисовать, какъ единственное еще, за что онъ можетъ ухватиться среди окружающаго его безпросвѣтнаго мрака. Плетневу онъ

---

[1]) Біографы Шевченка не говорятъ почти ничего о матеріальномъ положеніи его во время пребыванія въ академіи. Изъ повѣсти „Художникъ", на половину автобіографической, можно заключить почти достовѣрно, что по освобожденіи своемъ, Шевченко сдѣлался пансіонеромъ общества поощренія художниковъ (Поэмы, повѣсти и разсказы Шевченка, стр. 293).

желаетъ напомнить о себѣ, вспомнивъ П. Бориспольца. Это былъ вѣроятно академическій товарищъ Шевченка. Въ кіевской церкви св. Андрея находится большая картина этого художника, изображающая водруженіе св. Андреемъ креста на кіевскихъ горахъ. Упоминаемыя въ этомъ письмѣ лица объяснены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Петербургскаго письма прилагается къ настоящей книжкѣ фототипія, сдѣланная въ заведеніи Кульженка.

Санктпетербургъ. Марта 2. 1840 г.

Брате Микито, треба бъ тебе полаять, та я не сырдытый. Нехай буде такъ, якъ робыця, бачъ за що я тебе хочу лаять, чомъ ты, якъ тилько получивъ мое письмо, до мене на написавъ, бо я тутъ турбувався. Трапляецця, шо письма зъ . . . . . . (слово стерлось) пропадають,—а вдруге за те, шо я твого письма не второпаю, чортъ зна по якому ты ёго скомпанувавъ, ни по нашому, ни по московскому—ни се, ни те, а я ще тебе просывъ, шобъ ты писавъ по своему, шобъ я хочъ съ твоимъ пись(мо)мъ побалакавъ на чужій сторони языкомъ людскимъ. Ну та й за те спасыби, а теперъ ще ось що. Просышъ грошей . . . . . . (нѣсколько словъ стерто) чи бигато тоби ихъ треба. Ну та гроши така ричъ, шо хочъ и сто рублинъ, то не пошкодять, а покы ихъ у мене не трапылось, то возьмы поки що *50 руб. асигнація,* а колы треба буде ще, то напиши. Та знай, шо мыни грихъ позычать братамъ гроши,—колы трапляця, то такъ дамъ, а колы ни, то выбачайте. Шо то якъ маляръ, то вже скризь понамалевуе всякои всячини, ты выбачай, забувъ, шо письмо до тебе, та й ну малювать—задумую иноди, не тоби кажучи. Поцилуй старого дида Ивана за мене и поклонися всій ридни нашій яка есть. Доглядай сестру Марусю, та колы можно, помагай и бидный Ярыни—а малярови поганому скажи, колы винъ не схаменеця, то опыныця тамъ де ёму и ны снылось. Кланяйся сестри Катерини и Антонови, братови Ёсыпови и всимъ, хто мене не забувъ. Може я литомъ приниду побачиця, колы матыму часъ, та наврядъ, треба першъ добре вывчиця малю(ва)ть.

Скажи Иванови Федёрци нехай винъ до мене напише письмо окроме та тилько . . . . (не разобрано), а и читаты не буду. Кланяйся ему.

Оставайся здоровъ

Твій братъ Тарасъ Шевченко.

Якъ тилько получишъ мое письмо, заразъ пиши до мене та поклоныся Ивану Станиславичу Дымовскому.

---

20 декабря 1847 г. К: О: (крѣпость Орская).

Зъ новимъ годомъ будьте здорови, любій и щирый мій земляче, де васъ Богъ носыть, чи вы вже во Питери, чи ще й доси во Одесси? Нехай де хоче носыть, та тилько шляхи таланомъ стеле, ... Тяжко, брате мій добрый, каратыся и самому не знаты за що. Отже такъ зо мною трапилося, спершу я смилыво заглянувъ лыхови въ очи и думавъ, шо то була сила воли надъ собою, ажъ ни, то була гордость слипая. Я не розглядивъ дна тіи бездны, въ котору впавъ. А теперъ якъ розглядивъ, то душа моя убогая разсыпалась мовъ пилына передъ лицемъ витра. Не по христіанскій, брате мій, знаю, а що жъ діяты? Опричe того шо нема съ кимъ щыре слово промовиты, опричъ нудьги, що въ серце впилася, мовъ люта гадина, опричe всихъ лыхъ, шо душу катують,—Богъ покаравъ мене ще й тилеснымъ недугомъ, занедужавъ я спершу ремaтизмомъ, тяжкій недугъ, та я все таки потроху боровся зъ нымъ, и ликаръ, спасыби ёму, трохи помагавъ, и те шо я прозябавъ соби хочъ у поганій, та все таки вольніи хатыни, такъ бачите, шобъ я не зрисувавъ (бо мени рисуваты заказано) свого недуга (углемъ у комени), то и положили за благо перевесты мене въ казарми, до люлекъ, смороду и зыку. Ставъ я потрохи привыкать, а тутъ спиткала мене *цынга* лютая, и я теперъ мовъ Іовъ на гноищи, тилько мене нихто не провидае. Такъ мени теперъ тяжко, такъ тяжко, шо якбы не надія, хочъ колы небудь побачить свою безталанную краину, то благавъ бы Господа о смерти.

Такъ Днипро крутоберегій
И надія, брате,

Не дають мени въ неволи
О смерти благаты.

Иноди такъ мене нудьга за серце здавыть, що (безъ сорома казка) ажъ заплачу.

Якбы все те росказувать, що я терплю теперъ . . . . то и за тыждень не росказавъ бы. Цуръ же йому. Нехай воно сныця тому, хто людямъ добра не хоче.

Поклонитесь гарненько одъ мене Дзюбину, якъ побачете. Добряга чоловикъ (зачеркнуто: колы вы знакомы). Нагадайте йому про *Излера* и *ростягаи*, про Адольфинку, и прочіи дывà. Скажить, що я його частенько згадую, N. N. Плетеневъ повиненъ мене знать, тилько нагадайте йому *П Борисполыца*. Та будьте ласкави побачтесь зъ Чернышовымъ [1]), винъ теперъ уже въ Петербурги (спытайте въ а. художествъ де винъ живе), а якъ побачитесь, то роспитайте його, чи винъ поотдававъ мои письма, що я посылавъ черезъ його, и що йому сказано на ти письма, та попросить його одъ мене, щобъ винъ докучавъ моею прозьбою надто *Карлу Павловичу*, а зъ *Дубельтомъ* щобъ притьмомъ побачився. Якъ побачитеся зъ В. И. Далемъ, то поклонывшеся йому одъ мене, попросить його, щобъ винъ ублагавъ В. Перовского, щобъ той визволывъ мене хочъ изъ *казармъ* (сиричъ випросывъ мени позволеніе рисовать). Даль чоловикъ добрый, розумный и могущій, винъ добре знае, якъ тутъ мы пропадаемо, то тяжкій грихъ йому буде (слово зачеркнуто), якъ не схоче промовить за мене хочъ одно слово.

Докучаю я вамъ, добрый мій земляче! Та що жъ я маю робить? Якбы мени тилько рисувать було можна, то я и не журився бъ, ходивъ бы соби въ сирій шенели, поки дійшовъ бы до домовины, та все бъ таки хвалывъ Бога, а теперъ!... (зачеркнуто: цуръ) ой лышенько! и вимовить не хочиця!

Напишить до мене, колы матымете часъ, хочъ малесенькій лысточокъ, нехай хочъ трошки я зап(л)ачу добрими слиозами.

Бутьте ласкави роспитайте гарненько, де теперъ живе *Василій Андреевичъ Жуковскій*, винъ перше живъ у *Досель-*

[1]) Художникъ, посѣщавшій около этого времени Оренбургскій край.

дорфи на Рейни, а теперъ не знаю, та й прышлить мени його адресъ, а колы надрюкована його *Одисея*, то и іи пришлить, прочитавши, я отдамъ вамъ, або Ѳ. Матвѣевичу [1]). Бо, ей Богу, окроме Библіи, нема въ мене ни однисинькои кныжички.

(*1-я приписка сбоку*). Та вже чи разъ батька по лобу вдарить, чи двичи однаково, хочъ воно трохи и не до речи просыть, мовъ той старець, та що жъ робить колы нигде взять, пришлить ради поэзіи святои *Лермонтова* хочъ одинъ томъ, велыку привелыку радисть пришлете зъным вашому удачному и безталанному землякови Т. Ш.

(*2-я приписка на поль сверху*). Здаецця, вы знакоми зъ Василемъ Езучевскимъ [2]), колы винъ вернувся зъ дому, то якъ побачитесь, гарненько вылайте його за мене, за й(о)го щирость и добри(с)ть, и *Галузу* свояка його, добри и щыри люде, шобъ ты знавъ, земляче.

(*3-я приписка сбоку на 1-й стр.*). Не здывуйте, Бога рады, шо на такому клаптыкови пишу до васъ, бо въ цёму Божому краи папиръ почтовый на вдывовижу.

[1]) Одинъ изъ пріятелей поэта—Ѳедоръ Матвѣевичъ Лазаревскій († 1890 г.), служившій въ это время въ Оренбургѣ.

[2]) Василій Осиповичъ Езучевскій и своякъ его Галузовскій — черниговцы, служившіе въ Спб.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

Со второй недѣли Великаго поста, т. е. съ 14 февраля, до Страстной недѣли (22 марта) по воскреснымъ днямъ начались во дворцѣ *куртаги*. Въ прочіе дни утромъ, послѣ выслушанія докладовъ и поѣздки къ литургіи въ какой нибудь монастырь или церковь и послѣ представленій вновь пріѣхавшихъ, передъ обѣдомъ, императрица обыкновенно играла въ билліардъ съ Мамоновымъ или въ алагеръ—въ этой игрѣ всегда участвовали и другіе приглашенные, число которыхъ доходило иногда до 12 человѣкъ. Къ обѣду приглашались по очереди одинъ изъ посланниковъ, Мамоновъ всегда, очень часто Потемкинъ, графъ Штакельбергъ[2]), нашъ посланникъ въ Варшавѣ, и другіе ближайшіе люди изъ свиты, и знатные поляки, но не всѣ, а преимущественно Потоцкій, Браницкій, Сапѣга, Мнишекъ и Вьельгорскій; во время обѣда и по вечерамъ очень часто играла музыка и пѣлъ хоръ придворныхъ пѣвчихъ. Къ великому посту вытребованъ былъ музыкантъ Дицъ съ тремя его товарищами. Безбородко писалъ 7 февраля къ Соймонову, управлявшему придворнымъ театромъ, „не худо если велите имъ взять araторію Паизіелло или другую духовную музыку для составленія духовнаго концерта, ибо здѣсь есть большой оркестръ графа П. А. Румянцева, къ которому не достаетъ только нѣсколько лучшихъ талантовъ. Пѣвчіе же придворные и его могутъ пѣть

---

[1]) См. „Кіев. Старина“, 1891 г. № 1.

[2]) Штакельбергъ, графъ Отто Магнусъ, посланникъ нашъ въ Варшавѣ, род. 7 февраля 1736, ум. въ 1799 г.

всякіе роли въ священныхъ таковыхъ концертахъ, гдѣ лишняго жара и искусства не требуется [1]). Вечеромъ императрица забавлялась въ шахматы, а чаще въ карты, и къ карточной игрѣ приглашались большею частію посланники, Мамоновъ и Потемкинъ.—Мамоновъ очень хорошо рисовалъ и часто во время игры въ карты, набрасывалъ мѣломъ на столѣ каррикатуры. Императрицу это такъ забавляло, что она въ это время съ картами въ рукахъ дожидалась, когда онъ кончитъ свой рисунокъ,—конечно, игра пріостанавливалась, а потомъ всѣ посмѣются и опять за карты [2]). Въ 9 часовъ обыкновенно императрица удалялясь въ свои покои, гдѣ занималась перепискою съ великою княжною, внучкою, съ Н. И. Салтыковымъ, Брюсомъ, Еропкинымъ, Гриммомъ и др.

14 февраля, въ воскресенье, утромъ, императрица была у обѣдни въ Михайловскомъ монастырѣ [3]). Послѣ большого обѣденнаго стола въ 54 куверта, по повѣсткамъ съѣхались въ 5 часовъ во дворецъ званныя лица и посланники. Императрица, поговоривъ немного съ приглашенною во дворецъ на этотъ вечеръ графинею Потоцкою, сѣла играть въ карты съ Потемкинымъ, Мамоновымъ и англійскимъ посланникомъ; къ дверямъ у входа сѣли придворныя дамы съ кавалерами на два стола, на другомъ мѣстѣ также играли въ карты на два стола, а прочіе стояли и сидѣли, оставаясь зрителями; музыки не было; въ 10 часовъ разъѣхались [4]).

Въ придворной музыкѣ, какъ мы видѣли былъ недостатокъ, но 18 февраля прибыли изъ Петербурга вытребованные музыканты Дицъ, Раббе, Реми и Бееръ, послѣдній былъ въ числѣ солистовъ и необходимъ для Паизіелловой ораторіи, а 2-го

---

[1]) Изъ дѣлъ Трощинскаго въ Придвор. Архивѣ, св. 449.

[2]) Vie de Catherina II par Castera. Paris 1797.

[3]) По приказанію императрицы изготовлена была въ С.-Петербургѣ на суммы кабинета золотая лампада къ мощамъ святыя великомученицы Варвары, покоящимся въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ; лампада привезена въ Кіевъ въ мартѣ 1788 года. При изготовленіи ее употреблено: золота 12 фун. 9 золотн. на 3,889 р. 35 к., брилліантовъ вставлено на 7,185 р., жемчугу на 1950 р., за работу заплочено 4,500 р. (выписано изъ приходорасходной книги каб. ея величества).

[4]) Дневникъ Полетики, стр. 8.

апрѣля отправили изъ Петербурга въ Кіевъ еще 12 человѣкъ „духовыхъ“ музыкантовъ; всѣ были нѣмцы, кромѣ флейтреверсиста, Осипова [1]).

До сихъ поръ, императрица нѣсколько разъ была въ лаврѣ, но не въ пещерахъ. Духовникъ ея Іоаннъ Іоанновичъ Панфиловъ, уговорилъ ее поклониться угодникамъ Божіимъ и 15 февраля въ началѣ 12 часа, императрица, съ камеръ-фрейлиною Анною Степановною Протасовою, въ каретѣ выѣхала въ лавру; приложившись въ Успенскомъ соборѣ къ чудотворной иконѣ Успенія и къ мощамъ св. угодниковъ, въ предслѣдованіи Кіево-Печерскаго монастыря намѣстника іеромонаха Калликста и сопровождаемая духовникомъ своимъ Панфиловымъ, камеръ-фрейлиною и другими пріѣхавшими съ нею въ монастырь лицами своей свиты, императрица спустилась сперва въ верхнія пещеры; намѣстникъ называлъ святыхъ и разсказывалъ объ ихъ жизни; отсюда императрица пошла въ дальнія пещеры, гдѣ встрѣтилъ начальникъ тѣхъ пещеръ іеромонахъ Виталій; здѣсь она приняла помазаніе муромъ изъ *мироточивыя главы* и окончила богомолье въ пещерахъ въ половинѣ 2-го часа. Послѣдствіемъ посѣщенія императрицею пещеръ было пожалованіе ею денегъ въ распоряженіе духовника для изготовленія на нѣкоторыя мощи новыхъ парчевыхъ пеленъ съ позументомъ, бахрамою и кистями [2]).

На другой день, 16 февраля, императрица писала къ Брюсу:

„Я вижу, что морозы и оттепели у васъ и здѣсь въ одно время, но градусовъ восемь или десять разница; вчерась опять было градусовъ до двѣнадцати, а когда я возвращалась во второмъ часу изъ пещеръ, тогда солнце пекло такъ сильно, что въ каретѣ нестерпимо было жарко... Сіе письмо есть сего дня девятое, которое я пишу, и сама сему дивлюсь, ибо здѣсь я и всѣ чувствуютъ лѣнь и отличную охоту спать, mais aussi quand je suis sur pied, je suis leste, comme un oiseau, temoin la terrible promenade que nous avons fait hier par les catacombes et a duré au moins deux heures, car nous avons été tout partout et

---

[1]) Изъ дѣлъ Государственнаго архива. XIV, 47.

[2]) См. К.-Ф. ж. 1787 г. и Записки и письма Екатерины къ Храповицкому, № 22.

dans les plus hautes et les plus basses, et les tout à pied, aussi mon confrere l'ignorant [1]) n'en pouvait plus. A propos de cela faites mes compliments à Анна Никитична и скажи ей, что я скоро къ ней пришлю гостинцу, да такого, на который она долго будетъ радоваться. Прощайте, Богъ съ вами, мы всѣ здоровы" [2]).

О посѣщеніи пещеръ императрица писала и къ Еропкину: „Въ верхнихъ пещерахъ мы всѣ были безъ шубъ, а въ нижнія сошедъ, было такъ жарко, что, изъ оныхъ вышедъ, не было ни единаго человѣка, который бы не вспотѣлъ такъ, какъ въ жарчайшія дни" [3]).

18 февраля императрица провела вечеръ у графа Браницкаго. Жена его, графиня Александра Васильевна, урожденная Энгельгардтъ, была очень дружна съ императрицею; въ Кіевъ пріѣхала она съ двумя своими сыновьями. Одинъ изъ нихъ, Владиславъ, пятилѣтній мальчикъ, очень понравился императрицѣ. „Мать, насмотрясь какъ содержали великихъ князей, точно наблюдаетъ съ своимъ сыномъ мои правила, (пишетъ императрица къ Н. И. Салтыкову 20 февр.) и то столь удачно, что сей мальчикъ не только прекрасенъ собою, но притомъ таковъ, какъ только по его лѣтамъ желать можно: здоровъ, проворенъ, не упрямъ и такаго свободнаго обращенія, какъ будто съ нами вѣкъ жилъ, отнюдь не дикъ, не боязливъ, но уменъ и веселъ, такъ что кто его увидитъ, всякій къ нему привяжется. Константину Павловичу чаю бы по рукѣ пришелъ" [4]). Молодому мальчику привили, по совѣту императрицы, оспу. „По выздоровленіи еще сталъ веселѣе и забавнѣе, и ежедневно отцу и матери покою не даетъ, чтобъ его повезли ко мнѣ (письмо къ Салтыкову апр. 18), и онъ всякій вечеръ часа по четыре и болѣе въ моей компатѣ рѣзвится со мною, и наконецъ приступилъ ко мнѣ рѣшительно съ просьбою ѣхать со мною, и я беру съ со-

---

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о Львѣ Александровичѣ Нарышкинѣ.

[2]) Письма къ Брюсу, напечатанные въ приложеніи къ Камеръ-Фурьерскому журналу 1787 г. подъ № 18.

[3]) См. Сочин. Екатерины II. Изд. Смирдина, стр. 337.

[4]) Р. Архивъ, 1864, стр. 954.

бою до Кременчуга, а тамъ какъ растанемся не вѣдаю: это дѣло его родителей. Надобно смотрѣть, какъ онъ дерется на шпагахъ съ prince de Ligne и тотъ съ превеликою шпагою, а маленькой Браницкой съ палкою парируетъ и съ такой замашкою, что удивительно! Этотъ мальчикъ сокровище и всѣхъ насъ очень забавляетъ“ [1]).

20 февраля были имянины любимца императрицы Льва Александровича Нарышкина. Онъ жилъ въ домѣ совѣтника Вишневскаго. Поутру всѣ придворные, и кіевляне, и иностранцы, познакомившіеся съ нимъ, пріѣхали поздравить его. Онъ пригласилъ всѣхъ на балъ, назначенный въ тотъ же день.

Вся улица была освѣщена плошками на собственный счетъ Льва Александровича, а передъ домомъ играла духовая музыка. Императрица пріѣхала въ 7 часовъ, играла въ карты съ кн. Потемкинымъ, Мамоновымъ и Кобенцелемъ и послѣ ужина возвратилась въ 11 часу во дворецъ [2]).

Духовникъ императрицы руководилъ ее въ предпринимаемомъ ею посѣщеніи монастырей и церквей. 21 февраля, въ воскресенье, онъ служилъ литургію въ церкви св. апостола Андрея Первозваннаго. Церковь эта, расположенная на крутомъ холмѣ, составляющемъ сѣверную оконечность Старо-Кіевской возвышенности, считается однимъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ зодчества въ Россіи. Съ паперти открывается одинъ изъ лучшихъ въ Кіевѣ видовъ на Днѣпръ, сливающіяся съ горизонтомъ луговые пространства, древній Вышгородъ и низменныя части города: Подолъ и предмѣстья. Первый камень въ основаніе этой церкви положенъ императрицею Елисаветою Петровною, посѣтившій Кіевъ въ 1744 г. [3])

Императрица пріѣхала слушать литургію, въ сопровожденіи свиты, и послѣ обѣдни обошла кругомъ церкви и любовалась прелестнѣйшимъ видомъ; потомъ, какъ записано въ К.-Ф. жур-

---

[1]) Русскій Архивъ, 1864 г. стр. 964.

[2]) См. Херсон. Губ. Вѣд. 1871 г. № 33. Камеръ-Ф. журналъ 1787 г. и Дневникъ Политики, стр. 9.

[3]) См. Путеводитель по Кіеву В. Д. Бублика, 1890 г. Стр. 89.

палъ, „сшедъ пѣша съ имѣющейся горы и сѣвъ въ карету, шествовать изволила ко дворцу, но недоѣзжая до онаго, благоволила остановиться у церкви, именующей *Десятинной*, гдѣ прикладывалась къ иконамъ“. Возвратясь во дворецъ, она поздравила Мамонова съ подаркомъ отъ короля польскаго, который прислалъ ему въ этотъ день орденъ Бѣлаго Орла. Маіору, который привезъ этотъ орденъ, пожалована была табакерка въ 1000 руб. [1]).

22 февраля балъ у австрійскаго посланника Кобенцеля. Мѣсто хозяйки заступила племянница Потемкина статсъ-дама графиня Екатерина Васильевна Скавронская.

25 февраля генералъ-адъютантъ графъ Ангальтъ осматривалъ на Подолѣ всѣ училища и экзаменовалъ учителей и многихъ учениковъ, которые говорили рѣчи на латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, греческомъ и еврейскомъ языкахъ [2]).

26 февраля императрица писала къ Брюсу: „Мы всѣ здоровы и ожидаемъ вскрытія Днѣпра, котораго на прошедшей недѣлѣ проходили не инако какъ пѣшкомъ, но со вторника навернулъ чухонской зефиръ градусовъ въ десять; сей продолжаетъ до днесь, однако, когда солнце часа на два просіяетъ, тогда не видать ни снѣга, ни льду, земля голая“.

Наконецъ явились положительные признаки наступающей весенней погоды.

„Солнечные лучи въ два, три часа, разкрываютъ намъ землю безъ снѣга и льда“ писала императрица 26 февраля къ великой княгинѣ въ Петербургъ. „Въ прошедшее воскресенье мы видѣли травки, росшія пучками. Къ тому же такъ было тепло, что вездѣ окна были открыты съ 12 часовъ до пяти; птицы пѣли, какъ весною“.—Погода ободряла къ прогулкамъ.

4-го марта, народъ толпился около дворца, въ ожиданіи увидѣть императрицу. У подъѣзда стояла шестимѣстная карета, запряженная цугомъ, сзади нея тянулась вереница придворныхъ каретъ и колясокъ. Императрица сѣла въ карету, пригласивъ

---

[1]) См. Дневникъ Полетики, стр. 10.

[2]) Дневникъ Полетики, стр. 10.

съ собою Анну Степановну Протасову, Льва Александровича Нарышкина, Александра Матвѣевича Мамонова, посланниковъ: графа Кобенцеля и графа Сегюра. Всѣ лица свиты послѣдовали за императорскою каретою въ придворныхъ экипажахъ. Прогулка продолжалась около двухъ часовъ, на Подолъ и по другимъ улицамъ.

Во время этого осмотра города и прежде, при поѣздкахъ въ монастыри и церкви, императрица замѣтила много шатающихся нищихъ, иногда же нѣкоторые просители подбѣгали къ каретѣ, или у крыльца, или при входѣ въ церковь старались подать лично императрицѣ прошеніе и почти всегда становились на колѣни, а духовникъ, Иванъ Ивановичъ Панфиловъ, постоянно жаловался государынѣ, что нищіе не даютъ ему покоя, осаждая его въ квартирѣ съ утра до ночи съ воплями и стенаніями. Императрица нѣсколько разъ говорила объ этомъ Румянцеву, который очень огорчался, подозрѣвая въ этихъ замѣчаніяхъ императрицы навѣты на него Потемкина. Желая объяснить императрицѣ причину большого количества нищихъ, онъ донесъ императрицѣ, что „въ трехъ кіевскихъ богадѣльняхъ помѣщено только 136 мужчинъ и женщинъ и всѣ они по міру шатаются, а другіе и не нищіе, увидѣвъ теперь щедрое, милостивое подаяніе, притворяясь старостью и калѣчествомъ, надѣваютъ на себя рубище и, несмотря на строгое наблюденіе полиціи, собираются толпами около церквей, а особливо Печерской лавры и у пещеръ, а особливо безпокоятъ вашего духовника“...

Императрица отвѣчала Румянцеву въ рескриптѣ отъ 4-го марта: „принять мѣры и сдѣлать соображенія объ уменьшеніи числа шатающихся по городу Кіеву нищихъ, оставленныхъ безъ призрѣнія, отъ чего кромѣ безпокойствъ для людей могутъ происходить и другіе безпорядки“ [1]).

Кромѣ нищихъ, императрицу безпокоили *просители* разныхъ сословій, пользовавшіеся всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы подать просьбу лично императрицѣ, большею частью падая къ ногамъ или становясь на колѣни... „Во время нашего

---

[1]) Изъ дѣлъ архива К. Е. В., св. 442.

здѣсь пребыванія—писала императрица 4-го марта Румянцеву: поданы намъ самолично отъ многихъ просителей жалобы и просьбы; всѣ почти опыя найдены неосновательными и по существу дѣлъ къ подачѣ намъ не надлежащія"; вслѣдствіе чего велѣно объявить во всеобщее свѣдѣніе, чтобъ никто не смѣлъ подавать просьбы прямо императрицѣ подъ опасеніемъ строгаго взысканія [1]).

Наконецъ и Потемкинъ [2]) дождался посѣщенія его императрицею. Онъ жилъ, по собственному его желанію и выбору, въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ домѣ архимадрита лавры.

Выборъ Потемкинымъ помѣщенія для себя въ монастырѣ, а не во дворцѣ, на время пребыванія императрицы въ Кіевѣ, удивлялъ многихъ и подалъ поводъ къ слухамъ, что князь въ немилости и что графъ Румянцевъ и графъ Ангальтъ, личные его враги, успѣли очернить его въ глазахъ императрицы. Но это были только слухи ни на чемъ не основанные и Потемкинъ, въ предвидѣніи, что довѣріе къ нему императрицы не пошатнется, а увеличится, послѣ того, что онъ покажетъ ей въ южныхъ губерніяхъ и въ Крыму, велъ въ монастырѣ жизнь своеобразную, странную, повидимому, желая доказать, что онъ не потерялъ своего могущества при дворѣ и что онъ относится съ презрѣніемъ ко всѣмъ придворнымъ противъ него интригамъ.

Несмотря, однако, на неблагопріятные для него слухи, всѣ старались побывать почаще у сильнаго вельможи. Онъ принималъ пріѣзжающихъ къ нему очень разнообразно: иной разъ въ богатомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, въ орденахъ, въ кружевахъ, напудренный въ букляхъ, а иногда, лежа на широкомъ диванѣ, закутанный въ шубу, безъ галстуха, ноги полунагія въ широкихъ туфляхъ, непричесанный, немытый; рѣдко приглашалъ гостя садиться, и, будто не замѣчая его присутствія, занимался шахматною игрою. Но внѣ оффиціальныхъ пріемовъ, онъ проводилъ время въ кругу приближенныхъ и съ своими красавицами племянницами, графинями Скавронскою и

---

[1]) Архивъ каб., св. 442, д. 2.

[2]) Онъ пріѣхалъ въ Кіевъ 3 февраля. Херсон. Губ. Вѣд. 1871 г. № 33.

Браницкою. Въ этихъ бесѣдахъ онъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ: въ высшей степени оригинальный съ блестящимъ умомъ и способностями [1]).

7 марта, послѣ аудіенціи, на которой графъ Безбородко представилъ императрицѣ новыхъ пріѣзжихъ въ Кіевъ: великаго подскарбія литовскаго князя Станислава Понятовскаго, сициліанца и испанскаго гранда князя де-Бельмонти де-Вентиманео и англійскаго посланника при польскомъ дворѣ, г. Витфортна, императрица съ большою свитою была въ лаврѣ у обѣдни, послѣ которой прошла въ кельи архимандрита къ Потемкину.

Пріѣздъ къ нему императрицы въ монастырь не былъ для него неожиданностью. Онъ, наконецъ, пригласилъ ее къ себѣ на обѣдъ. Князь и племянница его, статсъ-дама графиня Скавронская, встрѣтили императрицу у подъѣзда. Передъ обѣдомъ съ императрицею играли въ шахматы: графъ А. П. Шуваловъ, графъ Кобенцель и графъ Сегюръ. Къ обѣду приглашено было 36 персонъ. Послѣ обѣда, императрица, отъѣзжая, пригласила къ себѣ пріѣхать въ тотъ же день на *куртагъ* всѣхъ гостей Потемкина и самого хозяина.

Имянины императора Іосифа, будущаго спутника императрицы во время путешествія ея въ Крыму, были великолѣпно отпразднованы въ Кіевѣ 8 марта посланникомъ его графомъ Кобенцелемъ. Вся придворная свита, всѣ знатные поляки и пріѣзжіе иностранцы были приглашены на балъ. Хозяйкою праздника графъ Кобенцель упросилъ быть статсъ-даму графиню Александру Васильевну Браницкую; этимъ выборомъ Кобенцель сдѣлалъ удовольствіе и императрицѣ, которая очень любила Браницкую, и Потемкину, какъ дядѣ графини. Императрица со всею свитою пріѣхала въ 7 часовъ, посланникъ, вмѣстѣ съ графинею Браницкою, встрѣтили ее на подъѣздѣ, при выходѣ изъ кареты. При вступленіи императрицы въ залѣ загремѣла музыка и, когда императрица сѣла играть въ карты, тотчасъ начался балъ, на которомъ жены польскихъ магнатовъ щеголяли одна передъ другою нарядами, брилліантами и жем-

[1]) См. Записки Сегюра.

чугами; въ 10 часовъ всѣ были приглашены къ ужину,—для императрицы на особенномъ столѣ съ 16-ю персонами; во время ужина императрица, поднявшись со стула, стоя, провозгласила тостъ за здоровье имянинника. На другой день изъ кабинета послано, по приказанію императрицы, прислугѣ графа Кобенцеля тысячу червонныхъ, что въ то время составляло 2,900 р.[1]). Между тѣмъ пріѣзды въ Кіевъ и представленія знатныхъ поляковъ и иностранцевъ не прекращались. 11 марта графъ Безбородко представлялъ сперва въ билліардной комнатѣ, а потомъ въ аудіенцъ-камерѣ: племянника короля польскаго гетмана Тышкевича, польскаго камергера Пулавскаго, состоявшаго въ австрійской службѣ полковника князя Іосифа Понятовскаго, графа Моравскаго и шевалье де-Ламета.

О наплывѣ пріѣзжихъ въ Кіевъ императрица писала къ Н. Н. Салтыкову: „у насъ здѣсь четыре графа, грандъ д'Еспань, князья имперіи безъ счета, поляковъ тьма, англичане, американцы, французы, нѣмцы, швейцарцы, на многихъ страницахъ именъ всѣхъ не перепишешь; съ роду столько иноязычныхъ и не видала, даже и киргизы и тѣ здѣсь очутились, и все сіе по кіевскимъ хижинамъ живетъ и непонятно какъ умѣщаются“ [2]).

Послѣ представленій императрица поѣхала въ Софійскій монастырь и тамъ, въ соборной церкви Рождества Богородицы, слушала литургію, совершенную протоіереемъ собора Іоанномъ Левандою. По окончаніи службы, митрополитъ Самуилъ вышелъ изъ алтаря и сказалъ императрицѣ привѣтственное слово: „Всемилостивѣйшая государыня! Сей Божественный храмъ, на которой угодно было твоему величеству обратить свой монаршій взоръ, есть одинъ изъ достопамятнѣйшихъ древностей, въ семъ градѣ созерцаемыхъ.

Онъ есть доказательство теплоты вѣры и усердія къ Богу, великаго князя Ярослава и знакъ его благодарности за одержанную на семъ мѣстѣ преславную побѣду.

---

[1]) Изъ приходо-расходной книги кабинета.

[2]) Рус. Архивъ. 1864 г., стр. 958.

Онъ во внутренности своей открываетъ нѣкоторое начертаніе храма святыя Софіи, великимъ Константиномъ воздвигнутаго въ Византіи.

Въ немъ великій князь Владиміръ Мономахъ возложилъ первый на себя всѣ украшенія царскаго сана, со всѣмъ великолѣпіемъ христіанскимъ, обладателямъ свойственнымъ.

Въ немъ безсмертный Петръ, увѣнчанный лаврами побѣды подъ Полтавою, приносилъ торжественное благодареніе Всевышнему.

Все сіе сдѣлало его привлекательнымъ и знаменитымъ. Но отнынѣ воспріемлетъ онъ новое сіяніе славы и преимуществъ, бывъ озаренный лучами присутствія въ немъ такой монархини, которая и горячностію любви своей къ Богу, и сооруженіемъ многочисленныхъ, великолѣпнѣйшихъ храмовъ Господнихъ несравненно превзошла высокихъ своихъ предковъ, которая, держа въ десницѣ своей скипетръ, возвысила Россію паче всѣхъ царствій земныхъ и славою побѣдъ своихъ возгремѣла въ концахъ вселенныя.

Благость только Божія да соблюдетъ дражайшее твое здравіе невредимо для совершенія великихъ и богоугодныхъ твоихъ намѣреній.

Премудрость Превѣчная, Ей же сей храмъ посвященъ, да откроетъ тебѣ путь къ возстановленію того храма, котораго сей представляетъ нѣкоторое изображеніе, а насъ подъ благословенною твоею державою, да сподобитъ намъ воспѣти сію побѣдную пѣснь: „Тебѣ Бога хвалимъ!“

Императрица была очень довольна рѣчью митрополита и службою протоіерея Леванды, на котораго тутъ же, въ церкви, когда онъ подходилъ къ рукѣ ея, возложила крестъ, бриллiантами украшенный, на красной лентѣ.

12 марта утромъ до 12 часа, въ столовой комнатѣ, императрица, какъ записано въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ: „была воспріемницею младенца урожденнаго отъ кіевскаго губернскаго предводителя дворянства Капниста“ [1]). А потомъ въ билліард-

[1]) Автора комедіи Ябеда. Онъ получилъ въ этотъ день на крестины табакерку съ бриллiантами въ 900 руб. изъ кабинета е. в.

ной комнатѣ графъ Безбородко представилъ принца де-Линь, который въ тотъ же день былъ приглашенъ къ обѣду.

Принцъ де-Линь, пріѣхавшій въ Кіевъ, старый знакомый императрицы, былъ въ Петербургѣ въ 1786 году и, за мѣсяцъ до отъѣзда императрицы въ Крымъ, уѣхалъ въ Вѣну съ письмомъ отъ нея къ императору Іосифу II; въ письмѣ этомъ былъ маршрутъ ея путешествія. Вотъ какъ описываетъ въ это время принца де-Линя графъ Сегюръ: „онъ снова явился, какъ былъ всегда—непринужденно веселый и остроумный, полный благородства и естественности въ обращеніи, всегда въ одинаковомъ расположеніи духа, какъ человѣкъ умный и благонамѣренный, съ тѣмъ творческимъ разнообразнымъ воображеніемъ, которое всегда находитъ пищу для разговора и, несмотря на придворный этикетъ, разгоняетъ скуку“ [1]).

Принцъ де-Линь пользовался особеннымъ снисхожденіемъ императрицы на этихъ вечеринкахъ: разсказывалъ все, что только приходило ему въ голову, сочинялъ мадригалы, пѣсни, разныя смѣшныя исторіи, не оскорбляя никого, заставляя отъ души смѣяться. Въ это время императрицѣ захотѣлось выучиться писать стихи и она пригласила Сегюра быть ея учителемъ. Сегюръ старался изъ всѣхъ силъ, но безуспѣшно. Императрица оказалась неспособною къ стихотворству и сама сознала неудачу своего опыта. Англійскій посланникъ, несмотря на эти усилія и Сегюра, и императрицы, сказалъ ей: нельзя же стремиться во всемъ къ славѣ, надобно удовольствоваться стихами, которые вы сочинили для вашей собачки и для вашего медика:

Ci git la Duchesse Anderson [2])
Qui mordit monsieur Rogerson [3]).

Между тѣмъ изъ Кіева переговоры шли съ королемъ польскимъ о свиданіи съ нимъ во время путешествія.

13 марта пріѣхалъ въ Кіевъ коронный маршалъ графъ Мнишекъ, женатый на племянницѣ польскаго короля Стани-

---

[1]) Записки графа Сегюра 1785—1789 гг. Изд. 1865 г., стр. 135.

[2]) Любимая собачка Екатерины II.

[3]) Докторъ императрицы.

слава-Августа Понятовскаго [1]). Онъ привезъ письмо отъ короля, который увѣдомлялъ императрицу, что будетъ ожидать ее въ Каневѣ. Мнишекъ въ тотъ же день явился во дворецъ, и, представленный императрицѣ графомъ Безбородко, подалъ ей письмо короля. Императрица съ большимъ участіемъ распрашивала графа Мнишека о польскомъ королѣ, объ его здоровьѣ, о его путешествіи и о послѣднемъ пребываніи въ Вишніовицѣ [2]). Послѣ разговоровъ съ Мнишкомъ императрица вышла въ билліардную палату, гдѣ и были представлены графъ Мошинскій и князь Любомирскій, но это еще не былъ конецъ представленіямъ,— рядомъ съ билліардною комнатою ее ожидали графъ Потоцкій, графъ Диланъ и два сына принца де-Линя. По возвращеніи отъ обѣдни изъ лавры, опять представленіе, но только женское: статсъ-дама графиня Александра Васильевна Браницкая представила ей графиню Мнишекъ, которую императрица приняла необыкновенно ласково и также распрашивала о королѣ Станиславѣ. Графъ и графиня Мнишекъ были приглашены къ обѣду, за которымъ находились только самые ближніе, въ томъ числѣ и Потемкинъ [3]). Въ этотъ день графъ Мнишекъ получилъ въ подарокъ табакерку съ портретомъ императрицы въ 6,500 р.

Депутаты киргизской меньшой орды пріѣхали еще 4 марта [4]), но чтобы великолѣпнѣе было ихъ представленіе императрицѣ, по совѣту Потемкина, имъ сшили платья и убранства. Они пріѣхали, по обыкновенію, съ приставомъ и своею прислугою. На одежду, на кормленіе и на жалованье приставу и прислугѣ, во время пребыванія ихъ въ Кіевѣ, употреблено изъ суммъ кабинета 3,600 руб. [5]).

) Станиславъ-Августъ Понятовскій, послѣдній король польскій, род. 7 января 1732 г. Избранъ королемъ въ сентябрѣ 1764 года, отрекся отъ престола въ Гроднѣ въ ноябрѣ 1795 г., ум. въ Петербургѣ 31 января 1798 г.

[2]) Дневникъ, веденный во время пребыванія императрицы Екатерины II въ Кіевѣ и въ Каневѣ „одною изъ придворныхъ дамъ короля Станислава-Августа". „Сынъ Отечества". 1843 г. Мартъ, стр. 25.

[3]) К.-ф. ж. 1787 г.

[4]) Дневникъ Полетики, стр. 12.

[5]) Книга приходо-расходная кабинета е. в.

14 марта султанъ Джіангиръ, и при немъ шесть старшинъ, двое первостатейныхъ киргизовъ и изъ россійскихъ татаръ, одинъ мулла и приставъ, иркутскаго драгунскаго полка капитанъ Суворовъ, привезены были во дворецъ въ придворныхъ экипажахъ и ожидали императрицу въ аудіенцъ-залѣ, гдѣ постъ сержантовъ. Императрица отправляясь къ литургіи въ лавру и проходя черезъ аудіенцъ-камеру, пожаловала всѣхъ киргизовъ и бывшихъ съ ними къ рукѣ, послѣ рѣчи, которую сказалъ государынѣ султанъ на своемъ языкѣ [1]).

Несмотря на частыя празднества, почти ежедневные оффиціальные пріемы, балы и поѣздки въ монастыри и церкви, императрица не утомлялась благодаря правильному распредѣленію часовъ своего дня. Удаляясь въ 9 час. вечера въ свой кабинетъ, она занималась перепискою съ великою княгинею, съ внучатами, съ Н. И. Салтыковымъ, съ Брюсомъ, Еропкинымъ и съ иностранцами-друзьями. Ближнимъ своимъ посылала подарки.

15 марта она писала къ Брюсу: „письмо ваше отъ 7 марта я получила и съ приложеніями, здѣсь слѣдуютъ мои отвѣты. Прилагаю три золотыя кольца великомученицы Варвары, прошу оныхъ разослать къ графинѣ Марьѣ Андреевнѣ Румянцевой, къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Матюшкиной [2]) да къ кн. Дарьѣ Алексѣевнѣ Голицыной [3]). Еще приказала къ вамъ отправить превеликаго тюка съ турецкими парчами здѣшней ярмарки, прошу оныхъ отдать такъ, какъ на каждой связкѣ на обѣ стороны надписано, а именно: графинѣ Марьѣ Андреевнѣ Румянцевой, графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Матюшкиной, кн. Дарьѣ Алексѣевнѣ Голицыной, Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной (сей вы скажите, что парча есть другой гостинецъ, а третій вскорѣ послѣдуетъ [4]); еще генеральшѣ Ливеной; буде онѣ моими пар-

[1]) К.-ф. журналъ 1787 г.

[2]) Оберъ-гофмейстерина, супруга дѣйствительнаго камергера графа Дмитрія Михайловича Матюшкина, урожденная княжна Гагарина.

[3]) Статсъ-дама, супруга генералъ-фельдмаршала князя Алекс. Михайловича Голицына, урожденная княжна Гагарина, родная сестра графини А. А. Матюшкиной.

[4]) Третій подарокъ, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ императрицы, былъ орденъ св. Екатерины, пожалованный Нарышкиной черезъ нѣсколько дней (21 марта) и посланный ей въ Петербургъ съ нарочнымъ.

чами недовольны будутъ или имъ покажется мало на платье, то выпросите у нихъ оныхъ себѣ на покрытье тулупа. Я здорова. Погода паки поправляется, а Днѣпръ пребываетъ недвижимъ, такъ какъ я пребываю къ вамъ доброжелательна".

17 марта, послѣ обѣда, въ 3 часу, императрица со всею свитою, въ экипажахъ сдѣлала большую прогулку къ Китаеву монастырю, на р. Днѣпръ, гдѣ стояли приготовленныя для воданаго путешествія галеры и суда. Императрица осмотрѣла галеру „Днѣпръ", для нея предназначенную. Показывалъ императрицѣ адмиралъ Петръ Ивановичъ Пущинъ; она благодарила его и всѣхъ тутъ бывшихъ флотскихъ офицеровъ [1]).

Приближалась Страстная недѣля, для церковной службы во дворцѣ, по неимѣнію тутъ постоянной церкви, 19 марта, въ пятницу Вербной недѣли, въ столовой комнатѣ, передъ заломъ, поставлена была походная церковь лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка во имя Святителя Николая и въ тотъ же день освящена духовникомъ императрицы.

Прибытіе въ Кіевъ польской знати не прекращалось. Въ Вербное Воскресеніе особенно многолюдно было представленіе, такъ что графу Александру Андреевичу Безбородко одному уже не подъ силу было и въ помощь ему для представленія императрицѣ пріѣзжихъ явился камергеръ Валуевъ. До отъѣзда императрицы въ лавру къ обѣднѣ ей были представлены: нашъ посланникъ въ Неаполѣ, графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, бискупъ смоленскій и коадъюторъ Адамъ Нарушевичъ, польскіе графы Плятеръ, Сангушко, Северинъ Потоцкій, шамбеланъ Сватовскій, депутаты отъ дворянства бѣлорусской губерніи. По возвращеніи изъ лавры, передъ обѣдомъ, къ которому приглашены, между прочими, съ женами графъ Мнишекъ и графъ Браницкій, императрица пригласила къ себѣ въ спальню графиню Мнишекъ и графиню Браницкую. Всѣ съѣхавшіеся по приглашенію къ обѣду ожидали выхода императрицы и загадывали, отчего такъ долго. Вдругъ императрица вышла въ залу и обратясь къ гр. Мнишеку, спросила его: „не безпокоитесь ли

---

[1]) К.-ф. журналъ. 1787 г.

вы о женѣ вашей? Она скоро выйдетъ, а теперь занята туалетомъ". Вслѣдъ за этими словами взошли въ залу графиня Мнишекъ и графиня Браницкая въ орденскихъ знакахъ св. Екатерины. Мужья пожалованныхъ приносили благодаренія императрицѣ, а также Потемкинъ за свою племянницу (Сынъ Отечества. 1843 г. Мартъ, стр. 25 и К.-ф. журналъ 1787 г.). Пожалованныя екатерининскіе кавалеры разсказали о милости къ нимъ императрицы, которая сама надѣвала на нихъ этотъ орденъ.

Придворный кружокъ въ это время ожидалъ въ билліардной и шептались между собою, особенно дамы, дѣлая разныя предположенія, для чего Браницкая и Мнишекъ были приглашены къ императрицѣ. Недолго пришлось имъ ожидать развязки. Императрица сама привела къ придворному кружку новыхъ *„екатерининскихъ" кавалеровъ.*

Можно представить себѣ удовольствіе графа Мнишека за жену свою, потому что въ это время всѣ пріѣзжія польскія дамы добивались и хлопотали черезъ Мамонова и Потемкина о пожалованіи имъ этого ордена (Смоленск. Губ. Вѣд., 1871 г. и К.-ф. ж. 1787 г.).

Въ этотъ же день императрица послала съ нарочнымъ орденъ св. Екатерины и Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной. „Надѣюсь, писала 23 марта императрица къ гр. Брюсу, что третій гостинецъ до Анны Никитичны доѣхалъ. Увѣдомьте меня, какое дѣйствіе учинилъ?" Дѣйствіе было слѣдующее: Анна Никитична получила *гостинецъ* 29 марта вечеромъ и тотчасъ разослала всѣхъ оффиціантовъ въ разныя церкви для принесенія благодарственныхъ Богу моленій (см. Записки Гарновскаго. Рус. Старина. 1876 г.).

По поводу этихъ пожалованій графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, находившійся въ Кіевѣ съ дочерью своею въ свитѣ императрицы, писалъ 21 марта въ Москву къ другу своему бывшему оберъ-камергеру князю Александру Михайловичу Голицыну: „севодня, въ Вербное Воскресеніе, ея величество пожаловала кавалерскимъ орденомъ св. Екатерины графиню Мнишекъ, жену коронпаго оберъ-маршала, короля польскаго пле-

мянницу, графиню Браницкую и Анну Никитичну Нарышкину. *Я чай никогда еще не бывало, чтобъ три вдругъ сдѣланы были*".

Вмѣстѣ съ этимъ Чернышевъ, зная какъ любитъ Москва всякія придворныя извѣстія, сообщилъ о Румянцевѣ: „Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ дѣйствительно былъ нездоровъ, выкидалось на головѣ и на лицѣ, однако теперь легче, но со всѣмъ тѣмъ говоритъ, будто онъ думаетъ отъ всѣхъ дѣлъ увольненія просить, считая себя совершенно слабымъ и не въ состояніи продолжать болѣе никакой службы, а особливо военной".

Голицынъ отвѣчалъ Чернышеву: „что скажутъ наши древнія статсъ-дамы о пожалованныхъ орденахъ? Хотя, впрочемъ, сія отличность и не слѣдуетъ старшинству, а милости". О намѣреніи же Румянцева выйти въ отставку Голицынъ отвѣчалъ: „графъ Задунайскій давно говоритъ о своей отставкѣ, но говорить и дѣлать двѣ вещи весьма разныя, а какъ онъ и до сихъ поръ онаго не исполнилъ, то можетъ быть, по примѣру себѣ подобныхъ знатныхъ мужей, умретъ безъ отставки. Кажется, что люди, пріобыкшіе къ знатности и командовать и любя оныя почести, рѣдко сами съ ними разстаются" [1]).

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Бумаги князей Голицыныхъ въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ. [1]

(ОКОНЧАНІЕ).

ГЛАВА V.

Козаки.

Въ этой главѣ намъ предстоитъ закончить нашъ очеркъ изложеніемъ наказовъ малороссійскихъ козаковъ и Запорожья— такихъ общественныхъ группъ, которыя вскорѣ послѣ созыва екатерининской коммиссіи сошли со сцены и сдѣлались нынѣ достояніемъ исторіи. Что касается малороссійскихъ козаковъ, отъ которыхъ у насъ имѣется всего 4 наказа, то о нихъ необходимо сказать, что въ эпоху призыва ихъ въ коммиссію они не составляли уже того могущественнаго съ политическимъ вѣсомъ и силою сословія, какъ во время Б. Хмельницкаго и „возсоединенія". Въ екатерининскіе дни козачество переживало уже состояніе полнѣйшаго разложенія полу-военнаго—полу-гражданскаго быта и устройства; оно выжило изъ традиціонныхъ формъ, созданныхъ предъидущимъ столѣтіемъ и исторической обстановкой, но не вступило на новый соціальный путь и кое-какъ сохраняло свой историческій обликъ, хотя подъ нимъ ужъ таилось новое содержаніе и завязывались новые ростки жизни.

Козаки формально еще основывали свое устройство и управленіе на пунктахъ Б. Хмельницкаго, но политическія условія

[1] „Кіевская Старина", 1891, 1.

Малороссіи, быта и организаціи козаковъ уже измѣнились: козачество, войдя въ составъ новаго политическаго тѣла, потеряло свои историческія функціи. Втеченіе болѣе полувѣка его основы были расшатаны, а наступившіе порядки не давали ему никакой опоры, и оно, такъ сказать, претворяясь въ другую массу, медленно сбрасывало съ себя свои соціальныя оболочки. Во время призыва въ коммиссію, хотя договорные пункты не были отмѣнены, отъ нихъ въ сущности ничего не осталось: у козаковъ не было гетмана, генер. старшина не была выбираема, не было обычая созыва „радъ" по дѣламъ первой важности, не существовало на дѣлѣ и вольнаго избранія полковниковъ, сотниковъ и пр. Малороссія давно потеряла характеръ автономной области, заполнилась великорусскими войсками и чиновниками, и Румянцевъ распоряжался въ ней, какъ губернаторъ въ любомъ русскомъ городѣ... Но это преобразованіе гетманщины пока двигалось сверху, снимались, такъ сказать, верхніе слои, выдѣлявшіе Украйну отъ остальныхъ частей россійской имперіи, наиболѣе же глубокимъ слоямъ предоставлялось разлагаться самимъ собою, хотя въ то же время необходимость радикальной реформы Малороссіи сверху до низу и, главное, козацкихъ порядковъ была сознана и стояла на очереди.

Дѣйствительно, нельзя не признать, что во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка военный строй Малороссіи съ его архаическими, крайне несложными, не дифференцированными, но произвольными порядками, представлялъ рѣшительный контрастъ своему времени и даже тѣмъ слабымъ требованіямъ цивилизованнаго государства, которыя были тогда доступны пониманію русскихъ политиковъ.

Обособленность козаковъ и ихъ порядковъ съ теченіемъ времени стала анахронизмомъ едва ли полезнымъ для самаго козачества. Это отчасти поняли уже его верхніе слои—старшины и шляхетство, хлопотавшіе въ своихъ наказахъ не столько о козацкихъ, сколько о своихъ панскихъ, землевладѣльческихъ интересахъ.

Какъ военная сила, козаки также утратили свое нѣкогда весьма внушительное значеніе. Въ XVII вѣкѣ они составляли

главное населеніе Украйны, съ которымъ приходилось считаться; они были сильны не только, какъ войско, но и нравственно—единствомъ и ясностью своихъ идеаловъ и сознаніемъ своего политическаго значенія. Тогда русское правительство вынуждено было ласкать козаковъ и ладить съ ними даже цѣною сохраненія ихъ привилегій, такъ какъ этимъ, во-первыхъ, закрѣплялся за нимъ присоединившійся край, а во-вторыхъ, въ его распоряженіи являлась всегда готовая военная сила противъ общихъ враговъ—турокъ, поляковъ, татаръ. Самъ Петръ Великій, безпощадно ломавшій все, что противорѣчило его идеѣ государства, не отказывалъ въ нѣкоторыхъ уступкахъ козакамъ. Но со временемъ эта необходимость исчезла: край былъ закрѣпленъ, а военное значеніе козаковъ пало. Что могла значить при Екатеринѣ II, въ дни развитія военнаго искусства и огромныхъ регулярныхъ армій, двадцатитысячная армія плохо дисциплинированныхъ и вооруженныхъ козаковъ? Естественно, что эта сторона дѣла не могла уже оправдывать существованія особой гетманщины и не могла остановить сліянія съ Россіей.

Сколько можно судить по наказамъ, козаки сами не были довольны своими порядками, своимъ экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ и желали реформъ, но въ томъ ли духѣ какъ и правительство или въ иномъ,—это читатель увидитъ изъ нашего бѣглаго обзора содержанія ихъ наказовъ. Посмотримъ сначала, каково было сословное положеніе козаковъ.

Какъ мы сказали, козаки сохраняли еще свою историческую, соціальную форму: они составляли свободное сословіе людей, пользовавшихся извѣстными правами и обязанныхъ исключительно военною службой. Права ихъ, какъ сословія, по закону, ничѣмъ не отличались отъ шляхетскихъ, такъ какъ само шляхетство представляло изъ себя ничто иное, какъ верхній, чиновный слой того же козачества. Если и было между такъ называемымъ шляхетствомъ и козачествомъ какое-либо соціальное отличіе, то не въ правахъ, а въ экономическомъ положеніи, съ чѣмъ связывалось и извѣстное предпочтеніе одному сословію передъ другимъ, то предпочтеніе, которое оказываютъ богатству передъ бѣдностью. Шляхетство владѣло населенными деревнями

и селами, козаки владѣли только грунтами, за которые и отбывали военную службу. Въ этомъ ихъ отличіе; но и простому козаку, какъ мы говорили въ предшествовавшихъ главахъ, не былъ закрытъ доступъ въ ряды шляхетства: достаточно было быть избраннымъ въ старшинскія должности, получить извѣстный урядъ, чтобы выйти изъ рядовъ простолюдиновъ и попасть въ „значные“ козаки, а затѣмъ и въ шляхетство. Такъ и было въ старину: среда козаковъ, какъ волна, колыхалась, одни лица подымались вверхъ по ступенямъ общестьенной службы и вытягивали за собой своихъ родственниковъ, другія опускались и въ своемъ паденіи увлекали и своихъ приближенныхъ, такъ что пока было избраніе старшинъ вольными голосами, пока не было рѣзкой экономической розни, подняться и опуститься въ козацкой средѣ было очень легко. Но когда вольное избраніе стало пустой формальностью, когда правящая старшина обзавелась по пожалованіямъ отъ гетмановъ и царей, а часто и по праву сильнаго, деревнями и различными маетностями, то колебаніе козацкой среды стало утихать и возникло сначала слабое, а затѣмъ проведенное съ рѣзкостью, указывающей на оформленіе сословій—различіе простыхъ козаковъ отъ старшинскихъ родовъ—шляхетства. Въ екатерининское время козаки составляли уже сѣрую безгласную массу, не только не воздерживавшую старшинъ своимъ правомъ вольнаго избранія, но безусловно ставшую отъ нихъ въ зависимость и въ жизни экономической, и въ управленіи. Шляхетское право козаковъ, о которомъ упоминаютъ наказы, не имѣло въ жизни почти никакого примѣненія. Въ социальномъ отношеніи козаки представляли классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, стоявшій среди двухъ общественныхъ группъ: шляхетства и посполитыхъ.

Къ первымъ они примыкали по историческому, такъ сказать, родству, по общности своей воинской службы и связаннымъ съ ней послѣдствіямъ—козацкому управленію и суду; со вторыми они были связаны экономическимъ положеніемъ, яснѣе говоря матеріальной бѣдностью. Затѣмъ социальная связь этихъ сословій поддерживалась тѣмъ, что среда козаковъ не отличалась замкнутостью: продавшій свой грунтъ козакъ записывался

за владѣльца, а купившій его посполитый крестьянинъ могъ записаться въ ряды козаковъ или подпомощниковъ, такъ какъ пріобрѣтеніе козацкаго грунта, по свидѣтельству наказа малороссійской коллегіи, было первымъ къ тому средствомъ. Впослѣдствіи вышедшій изъ козаковъ могъ снова отыскивать свое право па козачье званіе и такіе случаи были настолько часты, что по свидѣтельству того же наказа, „смѣшеніе козаковъ съ посполитымъ народомъ свойствомъ и грунтами было безконечное и безпрерывное“, и малороссійская коллегія, находя его вреднымъ, просила запретить „писаніе въ козачество“, повелѣвъ, чтобы „кто при нынѣшней въ Малой Россіи генеральной описи гдѣ состоитъ, тому ужъ такъ быть и о козачествѣ молчать“ [1]. Съ посполитыми козаковъ связывала также и общность исполняемыхъ работъ и государственныхъ повинностей.

Такимъ образомъ положеніе козаковъ, какъ сословія, съ одной стороны имѣвшихъ право на пользованіе „шляхетской“ честью и правами, а съ другой, нерѣдко добровольно, а иногда и вынужденно записывавшихся за владѣльцевъ и обремененныхъ мужичьими повинностями, было довольно неопредѣленное и скорѣе приближало ихъ къ посполъству, чѣмъ къ шляхетству. Однако, несмотря на совершавшійся въ этомъ духѣ процессъ, у козаковъ не утратились живыя понятія о своей чести и о своей связи съ малороссійскимъ шляхетствомъ и объ обѣщаніи русскаго правительства содержать козачество при его правахъ и вольностяхъ. Поэтому въ козацкихъ наказахъ мы постоянно встрѣчаемся со ссылками на привилегіи о томъ, что *„козакъ долженъ пользоваться козацкою вольностью и честью дворянской“* [2], что *„козаки издревле состояли на тѣхъ же которыя для шляхетства узаконены правахъ и... тѣми же, что и шляхетство преимуществами пользовались“* [3] и т. д. Нечего и говорить, что при такихъ идеализированныхъ взглядахъ на положеніе козаковъ въ старину и при крайне незавидномъ совре-

---

[1] Сб. Р. Им. Ист. Об. т. 43, стр. 233.

[2] Нак. 142.

[3] Ibid. 153.

менномъ положеніи козаки тянулись къ прошлому, въ такомъ розовомъ видѣ имъ представлявшемуся. Во всѣхъ наказахъ они просили, „чтобы имъ было подтверждено дворянское достоинство и честь, чтобъ они въ томъ въ вольности козацкой пользовались и пребывали ненарушно“ [1]) или, какъ выражались стародубскіе козаки, „чтобы въ правахъ и выгодахъ содержаны были противъ шляхетства“ [2]). Козаки, стоя на исторической почвѣ, не различали себя отъ шляхетства и, закрывая глаза на дѣйствительность, не желали видѣть, что время уже положило рѣзкую грань между ними и заправскимъ шляхетствомъ и что главный факторъ въ этомъ процессѣ былъ экономическій. Установивъ фактъ, нельзя не остановиться на вопросѣ, что же собственно представляли собой стремленія козаковъ и хлопоты ихъ о шляхетскомъ правѣ, чести и достоинствѣ? Понималось-ли ими шляхетское достоинство въ томъ смыслѣ, какъ его понимало само шляхетство, т. е. добивались ли козаки нобилитаціи и заботились объ укрѣпленіи па „потомніе часы“ своего благородства, или здѣсь шло дѣло не о такихъ недоступныхъ сѣрой массѣ желаніяхъ, а о болѣе насущныхъ потребностяхъ? Не нужно много доказывать, что генеалогическіе предразсудки не могли занимать козаковъ и что ихъ просьбы о шляхетскомъ правѣ имѣли въ наказахъ совершенно экономическую подкладку. Нужно замѣтить, выраженіе „шляхетскія права“ въ наказахъ очень часто фигурируетъ вмѣстѣ съ выраженіемъ „козацкія вольности“; они другъ друга дополняютъ и замѣняютъ, и хлопоты козаковъ о шляхетскихъ правахъ были въ сущности хлопотами о козацкихъ вольностяхъ, состоявшихъ, по исчисленію черниговскаго наказа, въ вольномъ избраніи старшинъ для суда и управленія, въ свободѣ въ своихъ „добрахъ“, въ винномъ промыслѣ, продажѣ вина, пива, меду и др. напитковъ въ своихъ домахъ, по городамъ и селамъ, въ исключительной обязанности отбыванія военной службы и въ свободѣ отъ податей и прочихъ тягостей. Это былъ составъ обычныхъ козацкихъ вольностей, а по

---

[1]) Нак. 159.

[2]) Ibid. 153.

позднѣйшему выраженію, шляхетскихъ правъ, такъ какъ въ послѣднее время козаки уже не пользовались всѣми своими вольностями и онѣ только до нѣкоторой степени сохранялись еще въ шляхетской средѣ, составляя ея „права“. Главная часть ихъ, какъ мы видимъ, состояла въ экономическихъ льготахъ—свободѣ промысловъ и въ особенности свободѣ отъ податей и другихъ повинностей, кромѣ военной службы; потому-то этихъ шляхетскихъ „правъ“ и добивались козаки, сравненные въ послѣднее время по отбыванію многихъ повинностей съ посполитыми крестьянами, а не съ шляхетствомъ. Переходя къ экономическому состоянію козаковъ, мы должны сказать, что и въ этомъ отношеніи козаки занимали средину между шляхетствомъ и поспольствомъ. Не обладая такими достатками, какъ первое, они не были въ то же время и вполнѣ безземельными, какъ большинство посполитыхъ, хотя и среди нихъ была масса „малогрунтовыхъ“, предпочитавшихъ иногда, во избѣжаніе тягостей службы, переходить въ посполитые. Козаки представляли классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, переходную ступень отъ шляхетства къ посполитымъ и въ общемъ ихъ экономическое положеніе было довольно плохое. Въ наказахъ находится не мало жалобъ козаковъ на свое нищенство, разореніе, оплошность и несостоятельность къ козачьей службѣ. Причинъ этого явленія, по указанію самихъ козаковъ, двѣ: одна внутренняя—разложеніе недифференцированной козацкой среды на старшинскую аристократію или шляхетство и простое козачество, а вторая внѣшняя—нарушеніе козацкихъ вольностей тяжестью государственныхъ работъ, повинностей и налоговъ. Обращаясь къ первой, мы замѣтимъ, что по мѣрѣ обособленія въ Малороссіи крупнаго старшинскаго землевладѣнія и шляхетства съ одной стороны и обезземеленнаго поспольства съ другой, положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ-козаковъ становилось крайне не безопаснымъ въ смыслѣ ихъ гражданской свободы и устойчивости земельной собственности отъ натиска болѣе крупныхъ и вліятельныхъ старшинъ-землевладѣльцевъ; на Малороссіи подтвердился еще разъ общій законъ, что крупные и сильные поземельные собственники всегда имѣютъ склонность порабощать болѣе мелкихъ,—

козацкіе грунты сплошь и рядомъ стали переходить въ старшинскія и владѣльческія руки и козаки обезземеливались. Этому много способствовали и побочныя явленія козацкой жизни, какъ то: тягость военной службы, обременительные налоги, далекіе походы, высылка на изнурительныя работы и пр., такъ что выгоднѣе и спокойнѣе было иногда продать свой грунтъ и записаться за богатаго владѣльца. Чтобы воспрепятствовать умаленію числа козаковъ, вызываемому продажей грунтовъ, русское правительство стремилось ограничить эти продажи и въ этомъ смыслѣ были изданы указы, запрещавшіе скуплю козачьихъ грунтовъ, такъ какъ козаковъ желательно было сохранить для военныхъ надобностей. Появленіе этихъ указовъ, направленныхъ къ поддержанію козачества, мы полагаемъ, не только констатируетъ экономическое разореніе козаковъ, но и доказываетъ, что оно шло извнутри отъ своихъ же собратьевъ-старшинъ, утратившихъ истый козацкій духъ и превратившихся въ пановъ-землевладѣльцевъ. Чѣмъ выше поднимались по соціальной лѣстницѣ украинскіе „державцы", тѣмъ сильнѣе они забывали дѣйствительные интересы козачества и тѣмъ дальше оттѣсняли его къ посполитымъ крестьянамъ. Къ разсматриваемому времени масса козаковъ состояла уже въ подданствѣ частныхъ владѣльцевъ, выйти изъ-подъ власти которыхъ было очень мало шансовъ; даже при счастливомъ исходѣ отысканіе козачества не всегда было полезно, такъ какъ козакъ выходилъ отъ владѣльца безъ грунта и становился пролетаріемъ. Уменьшеніе въ числѣ козаковъ, однако, пополнялось вступленіемъ въ этотъ классъ лицъ изъ мѣщанъ и посполитыхъ крестьянъ, такъ что въ Малороссіи постоянно происходила перетасовка сословій и мѣстъ жительства—козачество поступало въ посполъство, а посполъство по старинному обычаю рвалось въ козачество или хотя бы въ козацкіе подсусѣдки. Такимъ образомъ между козачествомъ и посполъствомъ установилась близкая связь, но за то, благодаря именно этой близости, козаки отдалялись отъ шляхетства, правами котораго они стремились пользоваться. Благодаря перетасовкѣ сословій, число козаковъ не уменьшилось, ихъ было по

послѣдней ревизіи 71,604 хаты [1]), но экономическое положеніе ихъ настолько разстроилось, что рѣдко какой козакъ былъ въ состояніи въ полной исправности нести свою службу. При Аннѣ Іоанновнѣ въ 1736 году въ Малороссіи едва могло сыскаться 20 т. годныхъ къ службѣ козаковъ, ихъ принуждены были разбирать по статьямъ и убогихъ отдавать въ подмогу зажиточнѣйшимъ, т. е. въ такъ называемые подпомощники, но въ 1764 г. старшина и шляхетство писали [2]) въ своемъ прошеніи о возстановленіи правъ, что изъ 20 т. едва-ли половина найдется исправныхъ къ службѣ. Мы не можемъ рѣшить, насколько тяжесть службъ и повинностей, а насколько обезземеленіе державцами и старшинами привели козаковъ къ такой маломощности, но фактъ остается фактомъ и козаки въ эпоху призыва въ коммиссію представляли совершенно безсильное и въ экономическомъ и въ соціальномъ отношеніи сословіе.

Черниговскій наказъ даетъ несомнѣнныя свидѣтельства, что многимъ въ своей неприглядной жизни козаки были обязаны именно владѣльцамъ и старшинамъ. Въ старое время—говорится въ немъ [3]),—козаки отправляли военную службу успѣшно потому, что имѣли у себя достаточно пахатныхъ полей, сѣнокосовъ, лѣсовъ, мельницъ и др. угодій, но въ описываемые дни, за утѣсненіемъ владѣльцевъ и всякаго званія старшинъ, эта служба стала имъ въ тягость, такъ какъ означенныя лица лишаютъ всякими способами ихъ владѣній. Происходитъ это, по описанію наказа, обыкновенно такимъ образомъ, что, какъ только неосѣдлые сотникъ и сотенная старшина вступятъ въ свою должность, то сейчасъ же начинаютъ искать козачьяго грунта для устройства двора и постройки на немъ жилой избы, затѣмъ къ дворамъ прикупаютъ у козаковъ черезъ „угроженія и ласкательства“ пахатныя поля, лѣса, сѣнные покосы и всѣ лучшіе грунта, причемъ даже не столько покупаютъ, какъ „завлаживаютъ“, а самихъ козаковъ „хитрыми способами утискиваютъ“. Вытѣснивъ козаковъ со дворовъ, старшина ихъ же къ

---

[1]) Малороссія въ 1767 г. Авсѣенко. 149 стр.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1883 г. № 7.

[3]) Нак. 144.

себѣ „привлащиваетъ“, т. е. обращаетъ въ владѣльческихъ крестьянъ, кромѣ того иныхъ козаковъ старшина употребляетъ въ партикулярныя работы, а другихъ укрываетъ отъ законныхъ повинностей, отчего козаки, не пользующіеся покровительствомъ, несутъ двойную службу. Но самоуправство старшины на этомъ не останавливалось: „отъ великихъ тяжебъ, боевъ и страховъ“, причиняемыхъ ею, иные козаки даже бросали своихъ женъ, дѣтей и имущество и уходили въ подсусѣдки, за рубежъ и вообще въ безвѣстныя мѣста, лишь бы освободиться отъ старшинскаго своевольства и беззаконія. Причины „отпаденія“ козаковъ отъ военной службы, черниговскій наказъ видѣлъ именно въ томъ, что „многіе духовные и мірскіе владѣльцы и старшины не только имѣнія козачьи поотнимали насильно по куплѣ и всякимъ сдѣлкамъ, но и самихъ козаковъ во владѣніе къ себѣ поподвергали въ подданство и несутъ общія съ мужиками тяжбы... (тягости). Почему въ умаленіи козачьихъ грунтовъ немалое изъ вольностей козачьихъ отошло и козаковъ отъ службы военной отпало; а которые нынѣ еще въ службѣ на лицо имѣются, то тѣ за таковыхъ несучи излишнюю службу, приходятъ въ крайнее разореніе и оплошность“. Процессъ „завлаживанія“ земель и „привлащенія“ козаковъ, по словамъ того же наказа, продолжался и въ самые послѣдніе дни, такъ какъ владѣльцы и старшины не обращали никакого вниманія на запретительные по этому предмету указы. Чтобы учинить козакамъ облегченіе и охранить ихъ службу на будущее время, черниговскій наказъ просилъ, чтобы вольныя козацкія земли и люди были отобраны отъ владѣльцевъ и чтобы послѣднимъ и старшинамъ было запрещено „завлаживать куплей и всякими способами козацкими землями“, а для того, чтобы козаки могли оказывать давленіе на свою старшину, они просили подтвердить привилегію избранія старшинъ вольными голосами. Съ этимъ разумнымъ желаніемъ черниговцевъ ограничить переходъ козачьихъ земель новымъ узаконеніемъ соглашались, однако, не всѣ наказы. Прилуцкіе и миргородскіе козаки, въ явный ущербъ себѣ, просили, чтобъ имъ было подтверждено [1]) имѣть куплю и продажу своихъ имѣній, чтобы

[1]) Нак. 159, 164.

„всякъ бы свободенъ свое имѣніе кому хотя продавать и даровать“, но мы сомнѣваемся, не было ли это желаніе внушено козакамъ ихъ старшинами, такъ какъ намъ уже извѣстно, что иногда сами сотенные повѣренные не хотѣли вносить въ наказы вопроса о скуплѣ козачьихъ грунтовъ, чтобы не выносить изъ избы сору. Кромѣ черниговскаго ни одинъ наказъ не далъ намъ такой картины старшинскихъ злоупотребленій въ козацкомъ землевладѣніи. Козацкая земельная собственность занимала ихъ съ другой стороны—козаки просили, чтобы „всѣ ихъ добра якъ-то: грунта, мельницы, отчины и всякія угодья, наслѣдныя, наданныя, купленныя и занятыя, по крѣпостямъ и по природному праву владѣемыя, въ безпрепятственномъ владѣніи и употребленіи намъ (т. е. козакамъ) всегда тверды были“ [1])—та же просьба, съ которой мы уже встрѣчались въ шляхетскихъ наказахъ.

Владѣніе козаковъ перечисленными „добрами“ составляло, какъ извѣстно, одну изъ вольностей, съ которыхъ они отбывали свою службу и отправляли повинности; обыкновенно русскіе государи при вступленіи на царство подтверждали эти вольности жалованными грамотами, такъ что козацкія земли были уже подтверждены козакамъ нѣсколько разъ, но въ виду того, что на большинство козацкихъ земель не имѣлось никакихъ актовъ укрѣпленія, козаки и теперь не забыли попросить императрицу, чтобы ихъ земли были имъ „тверды“ даже въ тѣхъ случаяхъ, если на нихъ нѣтъ крѣпостей. Вмѣстѣ съ этимъ козаки просили, чтобы ихъ землевладѣніе, подобно шляхетскому, свободно было отъ обложенія налогами.

Возвращаясь къ другимъ причинамъ экономическаго обнищанія козаковъ, мы должны сказать, что онѣ были тѣ же, съ которыми мы познакомились при разсмотрѣніи экономическаго упадка другихъ сословій. Поэтому о нихъ мы скажемъ съ возможной краткостью. Во-первыхъ, козаки много жаловались на постойную повинность, которою по грамотамъ они вовсе не были обязаны. Козаки писали, что ихъ дома въ отношеніи этой по-

---

[1]) Ibid, 152.

винности сравниваются съ мужичьими и занимаются подъ постой квартирующихъ и проходящихъ полковъ и командъ, а сами они посылаются съ лошадьми въ „подводы" и проводники „къ чувствительному ихъ отягощенію". Распоряженіе русскаго правительства о назначеніи козаковъ на различныя черныя работы, какъ извѣстно, началась очень рано. Прежде всего козаками не какъ войскомъ, а какъ рабочей силой, началъ пользоваться Петръ I, сначала для возведенія во время шведской войны крѣпостей, а затѣмъ и для земельныхъ работъ, ничего не имѣвшихъ общаго ни съ войнами, ни съ Малороссіей. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше въ этомъ отношеніи церемонились съ козаками: послѣ полтавской битвы козаки рѣдко видѣли поле сраженія, имъ большею частью приходилось исполнять тяжелую работу рытья каналовъ, насыпей, валовъ, устройства ретраншементовъ, шанцевъ, засѣкъ и т. п. на отдаленномъ сѣверѣ, югѣ и востокѣ. Извѣстно, сколькихъ тысячъ жизней стоили какъ козакамъ, такъ и великоруссамъ работы на берегахъ Ладоги, Онеги, Невы, производившіяся ими въ началѣ XVIII вѣка, но онѣ продолжались, хотя и въ другихъ мѣстахъ, до самаго послѣдняго времени. Въ наказѣ [1]) козаки жалуются, что ихъ болѣе 10 лѣтъ подрядъ посылаютъ дѣлать на границѣ съ Польшей засѣки, строить редуты, расчищать въ лѣсныхъ мѣстахъ дороги, мостить болотистыя мѣста, а въ послѣднія нѣсколько лѣтъ еще посылаютъ и на Донъ для устройства въ Ростовѣ крѣпости, причемъ имъ приходится брать съ собой подводы, возить колоды, мачты, и исполнять всѣ „мужицкія" работы, отчего ихъ служба „въ противность ихъ правъ уже не вмѣняется въ военную, а сами они часъ отъ часу приходятъ въ оскудѣніе и ополошность" [2]).

Причина незаконной высылки козаковъ на упомянутыя работы, по утвержденію черниговскаго наказа, происходитъ оттого, что въ Малороссіи, благодаря политикѣ гетмановъ, раздававшихъ свободныхъ людей частнымъ владѣльцамъ, остались только два сословія—козаки да владѣльческіе подданные, свободные же

[1]) Нак. 147, 155.
[2]) Нак. 147.

люди, бывшіе ранѣе въ весьма многочисленномъ количествѣ и отправлявшіе многія работы, совершенно исчезли. Но такъ какъ владѣльцы не допускаютъ своихъ людей къ государственнымъ работамъ и укрываютъ ихъ отъ исполненія повинностей, то все бремя послѣднихъ падаетъ на козаковъ. Далѣе, тотъ же наказъ развивалъ мысль, что козацкая служба до того времени отличалась исправностью, пока ихъ не одолѣли неустройства „отъ многихъ команду надъ Малороссіей имѣющихъ и вольности нарушившихъ отъ вѣка заключенные, непорядки устроившихъ и всѣхъ ихъ отяготившихъ", для того же, чтобы козацкая служба снова пришла въ цвѣтущее состояніе, черниговскіе козаки просили пожаловать ихъ прежними милостями и освободить отъ несвойственныхъ военному сословію мужицкихъ работъ и повинностей. Въ этомъ отношеніи съ черниговскимъ были солидарны и другіе наказы и, глядя теперь со стороны, нельзя не согласиться, что описанныя обязанности, возлагавшіяся на козаковъ, не только не соотвѣтствовали имъ, какъ сословію, обязанному уже исключительной военной службой, но рѣшительно имъ противорѣчили, ибо разстраивали и понижали ихъ военную среду, обращая воиновъ въ какихъ-то землекоповъ. При такихъ условіяхъ естественно, что козацкій духъ воинственности, героизмъ, жажда славы и идеала утрачивались въ малорусскихъ козакахъ сами собой, и они превращались въ простыхъ земледѣльцевъ, а историческія традиціи, понятія о козакѣ, какъ о народномъ героѣ, само право козаковъ на шляхетскую честь оттѣснялись въ глубь и постепенно сглаживались, оставляя въ душѣ развѣ только смутный осадокъ горечи да сожалѣніе о славныхъ прошлыхъ временахъ. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ наказовъ, наклонность къ традиціоннымъ функціямъ у козаковъ, несмотря на всѣ невзгоды еще не была окончательно вытравлена и желаніе служить „какъ предки служили" было заявлено всѣми наказами. Изъ другихъ повинностей, кромѣ постоевъ и государственныхъ работъ, козаки больше всего жаловались на извѣстное обложеніе рублевыми окладами. По своимъ привилегіямъ, неоднократно подтвержденнымъ русскими государями, козаки долженствовали быть свободными отъ всякаго рода обложенія или,

какъ они выражались, „пребывали въ вольностяхъ", но и въ этомъ отношеніи такой порядокъ уже давно поколебался, и козаки по обложенію повинностями были сравнены съ крестьянами, что въ свою очередь не могло иначе, какъ дурно, отражаться на козачьей службѣ. Поэтому, во всѣхъ наказахъ [1]) находятся жалобы, что съ тѣхъ поръ какъ козаковъ-подпомощниковъ сравняли съ мужиками и обязали ихъ и подсосѣдковъ ихъ выстачать порціоны и раціоны на квартирующіе въ Малороссіи полки, они стали приходить въ нищенство и ослабленіе, усилившіяся съ 1765 года тѣмъ болѣе, что ранѣе козаки выстачали порціоны и раціоны только *въ половину* противъ мужиковъ, а съ 1765 г., т. е. съ замѣной дачъ рублевымъ окладомъ, послѣдній стали взимать *въ полномъ размѣрѣ* и съ козаковъ, и съ ихъ подсосѣдковъ. Рублевый окладъ, положенный на хаты, возмущалъ козаковъ, равно какъ и другія сословія, потому что имъ были „отягощены и великія, и малыя жилища, и бѣдные, и ожнѣйшіе подсусѣдки, въ козачьихъ домахъ живущіе не различены, въ иного же козака почти и худобы нема болѣе рубля, но и на того такъ положено по рублю съ хаты грошей, а они и всякую государеву службу сверхъ окладу отбуваютъ, за чѣмъ уже часъ отъ часу и военной службы отправлять не въ состояніе приходятъ" [2]). Естественно, что для облегченія службы козаки просили о сложеніи съ нихъ этого налога, а стародубцы въ крайнемъ случаѣ просили объ уменьшеніи его до половины. Вмѣстѣ съ этимъ, стародубскимъ наказомъ было высказано желаніе, чтобы „вдовы козачіи, остаючіяся послѣ смерти мужей съ малолѣтними вольности предковъ ихъ имѣли и до возрасту таковыхъ дѣтей отъ козачьихъ повинностей были увольнены" [3]).

Помимо разсмотрѣнныхъ прошеній, въ экономической области козаки еще хлопотали о свободѣ торговли и промысловъ, которыми они занимались искони и конкуррировали съ мѣщанами. Свои просьбы козаки какъ бы противопоставляли просьбамъ мѣщанъ, хлопотавшихъ о запрещеніи торговли всѣмъ со-

---

[1]) Нак. 144, 154, 158, 164.

[2]) Нак. 159.

[3]) Ibid. 153.

словіямъ, исключая ихъ. Стародубцы писали[1]): „подтвердить, чтобъ свободный былъ намъ промыселъ, особливо винокуреніе, продажа разныхъ напитковъ въ своихъ домахъ, а сверхъ того родячимись здѣсь продуктами, т. е. пенькою, олеемъ, медомъ, воскомъ и тому подобными, найпаче же тѣмъ козакамъ, кои достаточно грунта не имѣютъ, а живутъ въ городѣ и вышеозначенными продуктами промышляютъ, снабдѣвая тѣмъ себя къ службѣ в. и. в—ства“. По данному вопросу съ стародубскимъ наказомъ были въ принципѣ согласны и остальные[2]), но нѣкоторые изъ нихъ, какъ черниговскій и прилуцкій, понимали свободу торговли еще обширнѣе: они просили о дозволеніи торговать „безъ всякого отъ кого-либо запрещенія и пошлинъ“, чтобы и „промыслы бъ имъ имѣть всякіе было свободно и безпошлинно внутрь М. Россіи, съ чего бъ они могли себе снабдѣть въ войсковой козачей службѣ“.

Изъ сказаннаго о соціально-экономическомъ положеніи козаковъ достаточно ясно видно, что козаки не были удовлетворены, что они смотрѣли на него какъ на упадокъ, выйти изъ котораго можно только путемъ возрожденія старинныхъ вольностей; эта точка зрѣнія господствуетъ и въ прошеніяхъ козаковъ, касавшихся судебнаго, административнаго и военнаго устройства и управленія, которыя также измѣнились не въ пользу козаковъ, сравнительно съ имѣвшимися у нихъ жалованными грамотами. Козаки были недовольны, но мы не можемъ сказать, чтобы они высказали какіе-нибудь опредѣленные взгляды на свое устройство и управленіе, чему мѣшало, конечно, неразвитіе общественной мысли и сама сложность даннаго предмета. Въ общемъ же духъ наказовъ таковъ, чтобы козачество на будущее время „содержалось“ при всѣхъ его вольностяхъ, какъ обозначено въ пунктахъ Б. Хмельницкаго и жалованныхъ грамотахъ. Въ выраженіи своихъ желаній козаки подчеркнули только главные желательные порядки козацкой организаціи, безъ которыхъ было немыслимо само существованіе козачества въ его старомъ,

[1]) Нак. 152.

[2]) Ibid. 160.

украинскомъ духѣ. Это были просьбы о подтвержденіи вольностей, „чтобы по прежнему въ М. Россіи выборъ былъ всѣхъ старшинъ вольными отъ общества голосами“ [1]). Какіе это старшины, каковы ихъ функціи, какимъ образомъ выборъ ихъ долженъ происходить „вольными голосами“ и гдѣ тѣ законы, на основаніи которыхъ они должны управлять и судить, большинство наказовъ не упоминало, но глухо ссылалось на старинные обычаи. Такъ, даже наиболѣе подробный въ этомъ случаѣ переяславскій наказъ, упомянувъ, что въ М. Россіи первый недостатокъ въ томъ, что не имѣется „гетмана“, ограничивался одной просьбой о выборѣ гетмана, полковниковъ, полковой старшины, сотниковъ и сотенной старшины вольными голосами изъ осѣдлыхъ лицъ „по постановленнымъ гетманскимъ статьямъ“ [2]), но насколько эти статьи соотвѣтствуютъ времени и какъ онѣ опредѣляютъ дѣятельность старшинъ—наказы не разбирали. Въ этомъ случаѣ въ политическихъ представленіяхъ козаковъ незамѣтно никакого прогресса сравнительно съ предъидущимъ вѣкомъ, и мы думаемъ, что онѣ были такъ слабы, что козаки не имѣли отвлеченнаго понятія о правительственныхъ учрежденіяхъ и ихъ функціяхъ, а понимали правительство не иначе, какъ въ лицахъ, почему и заботы ихъ касались не учрежденій, а только лицъ и порядка ихъ избранія.

Переходя къ суду и праву, мы можемъ замѣтить, что этимъ предметамъ козацкіе наказы посвятили нѣсколько болѣе мѣста, чѣмъ вопросу о козацкомъ управленіи. Козаки, придерживаясь историческихъ правъ, выразили желаніе [3]), „чтобы въ силу прежнихъ узаконеній и волностей ни воеводы, ни бояринъ, ни стольникъ въ суды войсковые не вступалися, но отъ старшинъ своихъ товариства сужены были; гдѣ три козаковъ, то два третего судили кроме криминалу; и чего по статьямъ не доставатиметь для судовъ, тѣ недостатки дополнено съ права малороссійскаго книги Статута“. Въ стародубскомъ наказѣ [4]) эта же мысль была

---

[1]) Нак. 165.
[2]) Ibid. 157.
[3]) Ibid. 164.
[4]) Ibid. 153.

высказана такимъ образомъ: „что же принадлежитъ до права, то какъ малороссійскіе козаки состояли издревле на тѣхъ же, которые для шляхетства узаконены правахъ и какъ особливыми по своимъ правамъ и привилегіямъ вольностями, такъ тѣми же, что шляхетство преимуществами по правамъ пользовались, исключая что по статьямъ гетмана Б. Хмельницкаго козаки никакому другому, точію отъ старшинъ своихъ подвержены“. Привязанность къ своему краевому суду и праву составляетъ въ наказахъ характеристичнѣйшую черту малороссіянъ, такъ что, несмотря на явные недостатки въ правосудіи, противъ него не раздавалось враждебныхъ голосовъ, и даже столь недовольные дѣйствіями старшины черниговцы все же ревниво хлопотали, „чтобы козакамъ всѣмъ обще быть судимымъ по войсковымъ правамъ постановленнымъ пунктами“.

О судебныхъ реформахъ для улучшенія средствъ „къ скорѣйшему достиженію прямаго правосудія“ и о необходимости исправленія матеріальнаго малороссійскаго права изъ всѣхъ козаковъ проронили нѣсколько словъ только одни стародубцы, но и они не предложили никакихъ мѣръ, а ссылаясь на свою неопытность, „яко военно-служащихъ и въ судныхъ порядкахъ и процессахъ рѣдко упражняющихся и больше не имущественныхъ“, предоставили совершить судебныя реформы самой императрицѣ, крѣпко надѣясь, что она „по данной отъ Бога прозорливости... доставитъ совершенное и съ обычаями нашими сродное правило къ благоденствію всего народа малороссійскаго“ [1]).

Мы закончили нашъ бѣглый обзоръ желаній и нуждъ малороссійскаго козачества. Подводя имъ итогъ и оцѣнивая ихъ содержаніе, мы должны сказать, что главное вниманіе козаковъ было поглощено заботами экономическаго свойства, вопросы же политическіе и соціальные заняли въ наказахъ второстепенное мѣсто и слабо развиты ими, но мы не можемъ окончательно судить о высотѣ и цѣлесообразности содержанія козачьихъ наказовъ, такъ какъ изъ десяти ихъ пока напечатано всего лишь

---

[1]) Нак. 153.

четыре. Извѣстное же содержаніе даетъ намъ основаніе думать, что козаки правильно, хотя и неполно, указали причины своего экономическаго обнищанія, но въ вопросахъ внутренней политики и во взглядахъ на свое благоустройство они стояли внѣ своего вѣка, хотя и были субъективно правы, такъ какъ въ силу сложившихся условій жизни этотъ вѣкъ не принесъ имъ ничего, кромѣ обнищанія и политическаго упадка.

Едва ли слѣдуетъ добавлять, что желанія козаковъ не получили никакого удовлетворенія.

Въ началѣ 1785 года Румянцевымъ-Задунайскимъ козацкіе полки были обращены въ 10 регулярныхъ карабинерныхъ и причислены къ его дивизіи, козацкіе же старшины были переименованы въ великорусскіе чины и оставлены при войскѣ или увольнены. Такимъ образомъ заявленія, сдѣланныя въ коммиссіи, были послѣдними словами козачества передъ его политической смертью.

Такимъ же предсмертнымъ словомъ былъ и наказъ отъ Запорожья.

Извѣстно, что Запорожье, обладавшее отдѣльной „войсковой" территоріей, имѣвшее свое независимое устройство, свои порядки и вольности, долгое время оставалось только механически связаннымъ съ русскимъ государствомъ, а въ сущности представляло самостоятельную политическую общину—status in statu. Было время, когда правительство должно было терпѣть это непокорное и буйное Запорожье и щадить его вольности, но чѣмъ дальше русское государство раздвигало свои границы, чѣмъ быстрѣе росло его единство, тѣмъ меньше оставалось шансовъ на самостоятельное значеніе и роль Запорожья и въ моментъ призыва его въ коммиссію уже не было сомнѣнія, что русское государство поглотитъ маленькую запорожскую общину, какъ оно поглотило ранѣе нѣсколько гораздо большихъ самостоятельныхъ государствъ. Дѣйствительно, Запорожью въ послѣдніе годы приходилось терпѣть много стѣсненій: на запорожскихъ земляхъ въ видѣ надзора были раскинуты великорусскія команды, вокругъ него образовались новыя провинціи и укрѣпленія, запорожская территорія отдавалась иностраннымъ

пришельцамъ и т. д. Видя паденіе своихъ вольностей и отнятіе земель, Запорожье неоднократно, но безуспѣшно хлопотало передъ правительствомъ, екатерининская же коммиссія открыла этимъ хлопотамъ самый удобный случай. Запорожье высказало въ своемъ наказѣ самыя завѣтныя нужды и желанія. Запорожье просило:

a) Прежде всего, конечно, подтвердить ему договорныя статьи Б. Хмельницкаго, на которыхъ оно поступило подъ державу всероссійскую;

b) возвратить ему безвинно отнятыя земли, отошедшія къ донскому войску (по берегу Азовскаго моря) и подъ елисаветградскую и екатерининскую провинціи;

c) вывести великорусскія войска изъ запорожскихъ ретраншаментовъ и редутовъ, такъ какъ отъ нихъ чинятся одни разоренія;

d) вывести великорусскія команды, расположенныя на границѣ Запорожья, такъ какъ войско запорожское по долгу своей службы само оберегаетъ свои границы;

e) освободить Запорожье изъ подъ вѣдомства малороссійскаго правительства, третирующаго его „нибы подчиненную команду" и повелѣть запорожскому войску быть подъ вѣдомствомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ;

f) освободить по старому ввозную и вывозную торговлю Запорожья отъ всякихъ пошлинъ;

g) остановить предполагаемое переселеніе раскольниковъ на запорожскія земли и т. д. Словомъ, оно просило сохранить его въ прежнемъ видѣ и строѣ.

Въ засѣданіи коммиссіи запорожскій депутатъ М. Скапа [1]) ревностно поддерживалъ интересы избравшаго его войска; онъ доказывалъ „почтеннѣйшему собранію", что обыкновенія запорожскаго войска самыя древнія и потому самыя основательныя и выражалъ надежду, что императрица по справедливому милосердію своему и во вниманіе предъидущихъ заслугъ не оставитъ запорожское войско безъ своихъ милостей.

Однако Скапа ошибся—его надежда не осуществилась: въ 1775 году Запорожья не стало; обширныя его земли были рас-

---

[1]) „Кіев. Стар." 1883 г. 3.

предѣлены между колонистами, вельможами и чиновниками, а представители Запорожья окончили свои дни въ ссылкѣ.

Каковъ же общій смыслъ нуждъ, желаній и стремленій, волновавшихъ въ 1767 г. Малороссію? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо припомнить, что такъ какъ Малороссія составляли въ русскомъ государствѣ особый „благоприсоединившійся“ край, отличный отъ великорусскаго по своимъ этнографическимъ особенностямъ, по культурно-историческому развитію, по политическимъ формамъ общежитія, то нужды и желанія малороссіянъ были окрашены совершенно особымъ оттѣнкомъ. Малороссія и заявляла себя не только какъ совокупность отдѣльныхъ сословій, но и какъ особый край, какъ особая часть россійской имперіи. Нужды и желанія малороссіянъ были, помимо сословныхъ, еще и краевыя, съ политическимъ оттѣнкомъ. Такъ, въ наказахъ всѣхъ сословій—шляхетства, духовенства, горожанъ и козаковъ—мы встрѣчаемъ несомнѣнныя политическія тенденціи, чтобы Малороссія содержалась на основаніи договорныхъ статей 1654 года, чтобы была сохранена „историческая“, такъ сказать, Малороссія и законы къ ней относящіеся были, положены въ особую главу въ проектируемомъ Уложеніи. Какой смыслъ имѣли эти стремленія? Желаніе ли это только административныхъ, судебныхъ и финансовыхъ льготъ, или нѣчто большее? Мы не отрицаемъ, что сословія Малороссіи не обладали политическимъ безпристрастіемъ и развитіемъ настолько, чтобы не увлекаться своими сословными интересами болѣе общегосударственныхъ и чтобы не стремиться къ тѣмъ или инымъ политическимъ формамъ жизни ради извѣстныхъ льготъ административнаго или экономическаго характера, но мы думаемъ, что въ стремленіяхъ малороссіянъ сохранить себя на особомъ положеніи дѣйствовали не только эти мотивы, но и культурныя, и историческія отличія края отъ другихъ частей россійской имперіи. Что эти отличія были,—никто спорить не будетъ, а что они ясно сознавались—на это указываютъ прежде всего заботы малороссіянъ о сохраненіи имъ ихъ частныхъ и публичныхъ правъ и обыкновеній, а гдѣ же какъ не въ правахъ и обычаяхъ болѣе всего

отливаются особенности и юридическаго, и нравственнаго міровоззрѣнія народа? Во вторыхъ, на это указываютъ и хлопоты малороссіянъ, чтобы управленіе краемъ было поручено „*прирожденнымъ*“ украинцамъ, знакомымъ, слѣдовательно, съ духомъ и строемъ народной жизни; тѣмъ же объясняются и просьбы, чтобы въ пастыри, въ духовные воспитатели народа, были избираемы лица только малороссійскаго происхожденія, знакомыя не только съ обрядами богослуженія, но и съ нравственными требованіями своего народа. Какъ ни плохи были свои порядки, но малороссіяне и привыкли къ нимъ, и были связаны съ ними соотвѣтствіемъ коренныхъ началъ ихъ народному духу; они не помышляли отрекаться отъ этихъ порядковъ, и эта привязанность объясняется столько же экономическими выгодами, какъ и вытекаетъ изъ особенностей историческаго существованія Малороссіи. Мы согласны, что низшія сословія въ своихъ стремленіяхъ преслѣдовали болѣе экономическія, чѣмъ политическія задачи, но нельзя сказать, чтобы и шляхетство было проникнуто только жаждой экономическихъ выгодъ и нѣкоторыхъ административныхъ льготъ: оно желало большаго—областной обособленности и самоуправленія Украйны, иначе къ чему были-бы просьбы о подтвержденіи привилегій, о вольномъ избраніи старшинъ, объ особыхъ правахъ малороссійскаго шляхетства? Еслибы взгляды шляхетства были направлены только на экономическія выгоды, то ихъ всего легче можно было бы достигнуть, отрекшись отъ всякихъ договорныхъ статей и особенностей малороссійскаго края, но шляхетство этого не желало, потому что у него были другія политическія желанія, въ чемъ мы особенно убѣждаемся изъ поданнаго всѣми депутатами Бибикову прошенія, а также изъ прошенія 1764 г. о возстановленіи старинныхъ правъ въ Малороссіи. Въ этомъ случаѣ кіевскій митрополитъ Арсеній своими просьбами въ „пунктахъ“ о независимомъ положеніи и самоуправленіи малороссійскаго духовенства оказалъ поддержку общему направленію малороссійскаго общества. При такомъ настроеніи малороссіянъ, естественно, мысль Румянцева, проведенная имъ въ циркулярахъ, что „въ основаніе всѣхъ государственныхъ законовъ принято быть должно по страхѣ Бо-

жіемъ честь и слава государская и... благосостояніе государственное *во всѣхъ обширныхъ оного частяхъ*", не была принята малороссіянами во вниманіе. Румянцевъ былъ ярый государственникъ; предъ его идеей государства, ради чести и славы послѣдняго, должны были пасть не только права отдѣльнаго человѣка, но и права цѣлаго племени, его индивидуальныя особенности. Малороссіяне, которымъ приходилось подвергнуться тяжелымъ для нихъ соціальнымъ реформамъ, не были, конечно, поборниками государственнаго централизма и остались въ наказахъ при особомъ мнѣніи. Почему малороссіяне, проживъ болѣе вѣка въ составѣ русскаго государства, тѣмъ не менѣе въ 1767 г. стремились не къ слiянію съ принявшимъ ихъ государствомъ, а къ подтвержденію договорныхъ статей—мы полагаемъ, достаточно объясняется дѣйствіями правительственной политики, которая, по мнѣнію покойнаго Костомарова [1]), присоединеніе Украйны къ московскому государству понимала не иначе, какъ въ смыслѣ обращенія вольныхъ козаковъ въ такихъ же вѣрноподданныхъ какъ и великоруссы и желала притомъ чтобъ народъ южно-русскій сроднился съ народомъ сѣверно-русскимъ и слился съ государствомъ такъ, чтобы не представлялось разницы ни въ администраціи, ни въ задачахъ внутренней общественной жизни, чтобы всякія этнографическія особенности изгладились. Это направленіе въ екатерининскую эпоху и удерживало малороссіянъ отъ стремленія къ окончательному „слiянію". Мы не жалѣемъ, конечно, что Екатерина не возстановила договорныхъ статей 1654 года, что она упразднила отжившіе порядки и положила конецъ саморазложенію Малороссіи. Но возникаетъ вопросъ, ввела ли Екатерина II своими реформами благія начала на пользу малороссійскаго народа; освободила ли она его, какъ обѣщала, отъ „маленькихъ тирановъ" (старшинъ) и возвела ли „на высшую степень счастья?"

Обратимся снова къ только что цитованному историку,— который по вопросу, были ли сдѣланы такія измѣненія въ пользу народа, выражаетъ такое мнѣніе: если и были, то мало,—и

[1]) Мазепа, Н. Костомарова. 1885. Стр. 598.

едва ли не приходилось изъ видовъ политики держаться извѣстнаго правила: divide et impera. Опасались, чтобы уничтоженіе порядка, къ которому страна привыкла уже вѣками, не возбудило въ ней смутъ, и вотъ, создали небывалое въ Малороссіи дворянство, которое, какъ показываетъ исторія, приноситъ вредъ тамъ, гдѣ не вырабатывается само собою изъ исторической жизни, а навязывается по теоріи. Посполъство закрѣпощается во власть этого новоизмышленнаго дворянства и, такимъ образомъ, народъ разбивается на два сословія, противоположныя по своимъ интересамъ. Правда, зародыши такого строя существовали уже прежде въ отношеніяхъ между богатыми землевладѣльцами и селившимися у нихъ бѣдняками. Но то бывали злоупотребленія, всегда сознаваемыя, какъ таковыя, а съ новаго порядка вещей онѣ узаконились и Малороссія, наравнѣ со всей остальной Россіей, подверглась надолго всей тяжести крѣпостничества, отъ котораго освободилась только въ недавнее время [1]).

Такимъ образомъ Екатерина лишь замѣнила однихъ „маленькихъ тирановъ", другими, пожалуй, еще большими, но наказы малороссіянъ въ этомъ ничуть не повинны. Они прошли безслѣдно для внутренней екатерининской политики и остались потомству для изученія міросозерцанія этой эпохи.

Ив. Теличенко.

---

[1]) Мазепа, Ник. Костомарова 1885. Стр. 590.

ЗАПИСКИ

МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

III.

Іосифъ Стецкій.—Нѣкоторыя приключенія въ монастырѣ.—Окончаніе ученья и возвращеніе домой.—Картежная игра.—Общество Зеленой книги.

Домъ пана Стецкаго былъ типичнымъ домомъ зажиточнаго польскаго шляхтича, куда еще не проникли иностранные обычаи и который не былъ замкнутъ, какъ дома польскихъ магнатовъ. Домъ этотъ былъ открытъ для всѣхъ. Всякаго, кто бы ни пріѣхалъ въ гости, радушно принимали и хорошо угощали. Палацъ былъ старый, но обширный; многочисленная прислуга, одѣтая, за исключеніемъ камердинеровъ, по козацки; лошадей, собакъ, экипажей—всего было довольно; домашній оркестръ состоялъ изъ 24 музыкантовъ-нѣмцевъ; пѣли козаки. Гостепріимство здѣсь было самое широкое и круглый годъ всѣ комнаты были полны народа. Насколько п. Стецкій не былъ охотникомъ до писанья и чтенія, настолько пани Стецкая любила и читать, и писать. У нихъ былъ единственный сынъ, Людвикъ, очень достойный и добрый полякъ, но, несмотря на всѣ усилія ксендза Жебровскаго, не могшій добраться до третьяго класса. Онъ остался вѣренъ фамильнымъ традиціямъ, но это нисколько не помѣшало ему сдѣлаться предсѣдателемъ главнаго волынскаго суда въ Житомирѣ и исправлять эту должность къ великому удовольствію мѣстныхъ помѣщиковъ.

---

[1]) „Кіевская Старина" 1891 г., № 1.

На охотахъ пана Стецкаго, которыя были навѣрно самыя великолѣпныя изъ всѣхъ, какія только устраивались когда нибудь и кѣмъ нибудь въ Польшѣ и Литвѣ, быть можетъ даже великолѣпнѣе охотъ пана-коханка, наиболѣе отличался Николай Ворцель; на жмудскомъ конькѣ, напоминавшемъ скакуновъ Кейстутовой конницы, настигалъ онъ самаго страшнаго кабана. Какъ скоро Ривка со Срулемъ или Хайка съ Мошкомъ (всѣ собаки носили израильскія имена) атаковали кабана, Ворцель перескакивалъ со своей лошадки на звѣря и закалывалъ его подъ лѣвую лопатку. Чаще всего кабанъ падалъ мертвымъ на мѣстѣ, но бывали случаи, что онъ вырывался отъ собакъ и уносилъ своего всадника въ пущу. И никогда въ такихъ случаяхъ отвага, присутствіе духа и хладнокровіе не покидали Николая Ворцеля; всегда кабанъ бывалъ убитъ.

Въ этихъ охотахъ принимали участіе и дамы; очень рѣдко кто нибудь изъ нихъ былъ верхомъ; для дамъ обыкновенно выбирались лучшія мѣста въ просѣкахъ, въ тѣни деревьевъ и вблизи воды. Тамъ былъ сборный пунктъ и тамъ же устраивалась закуска для охотниковъ. Здѣсь же на кольяхъ развѣшивалась дичь, музыка играла, собаки визжали и выли, охотники шумѣли, пили, ѣли, разговаривали. Таковы были забавы пана Стецкаго.

Не могу не сказать, что послѣ Вольсеевской школы школа межиричская производила на меня впечатлѣніе какого то шарлатанскаго и грубаго балагана, но человѣкъ ко всему привыкаетъ; привыкъ и я. На лѣтнія вакаціи, которыя начинались 4 іюля и оканчивались 4 сентября, на рождественныя и пасхальныя, продолжавшіяся двѣ недѣли, я ѣздилъ за 200 верстъ въ Гальчинецъ. На зеленые святки и на масляницу я уѣзжалъ въ Березное, имѣніе генерала Корженевскаго, куда пріѣзжали моя мать и тетка. Для меня, уроженца Украины, это Полѣсье вдоль Случи было совершенно новымъ міромъ.

Сосѣди охотно съѣзжались къ генералу, потому что онъ былъ важной особой въ пинскихъ болотахъ и полѣсскихъ лѣсахъ. Этотъ Михаилъ Корнѣевичъ Корженевскій былъ хорошо извѣстенъ въ Петербургѣ, и при дворѣ, и въ сенатѣ, притомъ

же онъ былъ владѣльцемъ березнянскаго и мельницкаго ключей, Кодни и Жеребокъ. Да еще къ тому же „панъ на всю губу“ и такой остроумецъ, что Третьякъ, капитанъ гусаръ Тулинскаго, овручскій помѣщикъ, владѣлецъ Залѣсья, привязался къ нему и служилъ ему вѣрно единственно за его остроуміе. Случилось это по слѣдующему поводу.

Въ Березномъ жилъ очень богатый мужикъ, считавшій свое имущество тысячами рублей. Сыну своему онъ далъ образованіе въ дубровицкой школѣ, посылалъ его заграницу, въ Германію, Данію и Швецію, и хотѣлъ добыть ему свободу отъ крѣпостной зависимости. Онъ отправился къ генералу, какъ къ своему господину. Генералъ согласился дать вольную за шесть тысячъ рублей серебромъ. Сумма эта была выплачена и вольная выдана на бумагѣ съ соблюденіемъ законныхъ формальностей. Въ Россіи въ то время нельзя было остаться внѣ всякаго сословія, безъ званія, а такъ какъ освобожденный не могъ стать дворяниномъ, то отецъ приписалъ его въ мѣщане. Едва формальности были исполнены, какъ мѣщане,—злые языки утверждали, по наущенію генерала,—схватили юношу, чтобы отдать его въ рекруты. Отецъ къ генералу. Послѣ долгихъ просьбъ и хлопотъ, уплативши снова шесть тысячъ, успѣлъ онъ выписать сына изъ мѣщанскихъ списковъ и записать опять въ крѣпостные генерала Корженевскаго, а потомъ, года черезъ два, когда молодой человѣкъ, проникшійся революціонными идеями въ Дубровицѣ, сталъ проповѣдывать мужикамъ о правахъ человѣка, его отдали на исправленіе въ рекруты. Отецъ гордился деньгами, сынъ ученостью,—у отца генералъ вытянулъ 12,000 рублей, ученаго сына отдалъ въ солдаты. Третьяку, человѣку почтенному, но все таки польскому шляхтичу стараго закала, такъ понравилась генеральская продѣлка съ хамомъ, что онъ безъ всякой платы, бросивъ свое имѣніе, сталъ повѣреннымъ и управителемъ ген. Корженевскаго и исполнялъ эти обязанности вплоть до 1831 года. Третьякъ былъ хорошій солдатъ и честный человѣкъ, но къ мужикамъ былъ очень суровъ. Если бы онъ могъ, то, кажется, истребилъ бы ихъ всѣхъ безъ милосердія.

Три года пробылъ я въ межиричской школѣ и не скажу, чттбы это время оставило во мнѣ какое нибудь непріятное впечатлѣніе. Я полюбилъ своихъ учителей, которые въ сущности были людьми свѣдущими въ своихъ предметахъ, разумными, преданными наукѣ и горячими патріотами.

Монастырь былъ очень обширенъ, и хотя большая часть его была обитаема, все таки въ немъ были развалины для разнообразія, чтобы напоминать руины Пальмиры и Бэльбека, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Вольнея, который былъ въ большой чести у оо. піаровъ,—его всегда противопоставляли Вольтеру и Жанъ-Жаку Руссо. Въ этихъ развалинахъ были щели и разсѣлины, чрезъ которыя можно было выходить изъ монастыря и входить въ него. Привратникъ, человѣкъ отличавшійся чистой совѣстью и суровымъ нравомъ, не зналъ ни о чемъ и смѣло могъ присягнуть, что послѣ восьми часовъ изъ монастыря никто не выходитъ, и если почти всѣхъ учителей и большей части учениковъ не оказывалось въ пансіонѣ, то это были штуки дворецкаго Сущинскаго, умершаго еще во времена Августа II; трупъ его былъ похороненъ въ склепѣ подъ костеломъ, и такъ какъ существовало убѣжденіе, что онъ былъ упыремъ, то кости его рукъ и ногъ были связаны конопляной веревкой и прибиты къ землѣ большимъ осиновымъ коломъ. Привратникъ-слесарь, Личинскій, отецъ очень хорошенькой дочки, разсказывалъ, что былъ свидѣтелемъ заклинанія колдуна и поэтому просилъ учениковъ, чтобы они не дѣлали пакостей, ибо онъ можетъ поплатиться жизнью, какъ единственный живой свидѣтель этого обряда.

Александръ Омецинскій, изъ ровенскаго повѣта, одинъ изъ самыхъ падкихъ до всякихъ шалостей учениковъ, который былъ тогда въ 3-мъ классѣ, хотя и имѣлъ уже хорошенькіе усики, чувствовалъ большую склонность къ слесарству, какъ рыцарскому ремеслу, и обучался ему у панны Личинской; это не понравилось нашему физику ксендзу Паевскому, у котораго жилъ Омецинскій. Онъ всегда заставалъ тамъ лишняго работника, а такъ какъ физикъ былъ очень практиченъ въ житейскихъ дѣлахъ, то тотчасъ шепнулъ на ухо старику Личинскому: „поколоти этого трутня, чтобы онъ не съѣлъ меду, который пригo-

дится и для лучшихъ ртовъ". Профессоръ былъ панъ, а привратникъ слуга. Старый слесарь порядкомъ разрисовалъ спину непрошеннаго подмастерья. Побитый Олесь, пригласивши съ собой Дмитрія Четвертинскаго и Чарнецкаго, отправился въ склепъ; тамъ они вытащили осиновый колъ и разорвали конопляныя веревки; никто объ этомъ не зналъ, но ксендзъ-физикъ, который проводилъ безсонную ночь въ мастерской слесаря, слышалъ хрипѣніе и стоны стараго привратника. Проснувшись, тотъ разсказалъ, что его душилъ покойникъ Сущинскій и едва не задушилъ. Ксендзъ былъ очень предупредителенъ по отношенію къ слесарю, такъ какъ рука руку моетъ, сейчасъ отправился въ склепъ, увидѣлъ безпорядокъ, покропилъ святой водой, связалъ кости новой веревкой, вбилъ новый колъ и все успокоилось. У Личинскаго къ должностямъ слесаря и привратника прибавилась еще третья: звонаря. Все шло хорошо въ мастерской, только Александра Омецинскаго совсѣмъ удалили отъ обученія слесарному ремеслу. Но такъ какъ у него были сношенія съ крѣпостью, то онъ зналъ, что тамъ дѣлается, и рѣшилъ заставить плясать подъ свою дудку. Ксендзъ-физикъ спалъ въ своей келліи, а Олесь съ двумя старыми пріятелями освободилъ отъ узъ покойника Сущинскаго. И вотъ въ огромной кафельной печкѣ, обогрѣвавшей двѣ келліи, одну, въ которой спалъ самъ ксендзъ съ избранными учениками, и другую, гдѣ спали остальные его ученики, начался какой то шумъ, а потомъ смѣхъ,—сущая чертовщина. Ксендзъ вскочилъ съ постели, накинулъ на себя реверенду и поднялъ тревогу; въ корридорѣ произошла суматоха. Профессора и ученики, какіе только были въ монастырѣ, поднялись на ноги. Ксендзъ Бартошевичъ явился со святой водой; дьяволъ фыркаетъ и хрюкаетъ; по корридорамъ бѣгаютъ и распѣваютъ молитвы. Такъ прогоняли дьявола даже изъ самыхъ укромныхъ закоулковъ. Бѣготня продолжалась до утра, а разсказы о случившемся разошлись по всему мѣстечку. Почти всѣ побывали въ монастырѣ, рѣдко кого не было. Толпа любопытныхъ стояла передъ монастыремъ, а къ заутрени все не звонятъ. Бѣгутъ къ Личинскому; двери заперты; стучатъ; никто не отвѣчаетъ; вы-

ламываютъ дверь; посинѣвшій трупъ стараго слесаря одинъ лежитъ въ избѣ. Въ склепѣ кости покойника Сущинскаго найдены развязанными, а въ кафельной печи, при содѣйствіи трубочиста, нашли—кого бы вы думали? Молодую Личинскую и Олеся! Вытащили обоихъ, какъ волковъ изъ ямы, покорныхъ, тихихъ.

Тотчасъ произведено было слѣдствіе; результаты его были представлены кс. Жебровскому, и рѣшено все случившееся хранить въ глубочайшей тайнѣ.

Олесь, какъ взрослый, былъ отосланъ домой съ волчьимъ аттестатомъ. Дмитрій Четвертинскій помутился въ умѣ и на всю жизнь остался придурковатымъ, а Чарнецкій совсѣмъ сошелъ съ ума и умеръ помѣшаннымъ.

Хотя насъ, бывшихъ воспитанниковъ училища Вольсея, было и немного, но мы давали тонъ всей школѣ. Мы вселили въ товарищей такую ненависть къ нѣмцамъ, что на уроки нѣмецкаго языка, которые можно было посѣщать или не посѣщать, изъ 900 учениковъ ходило только трое, да и тѣмъ попадали отъ молодыхъ сорванцовъ тумаки, щелчки, а подчасъ и камни въ голову. За то уроки русскаго языка, который тогда тоже не былъ обязательнымъ предметомъ, посѣщались почти всѣми, какъ уроки языка славянскаго, за исключеніемъ трехъ нѣмцевъ, которыхъ и звали „niemowami" (т. е. нѣмыми).

Все славянское вошло въ такую моду, а все латинское попало въ такое презрѣніе, что по воскресеньямъ на уніатскихъ богослуженіяхъ кс. Лихачевскаго, базиліана, который былъ прикомандированъ къ межиричскому монастырю для отправленія богослуженія по славянски, бывали всѣ, хотя никто къ тому не принуждалъ. Оо. піары по меньшей мѣрѣ не препятствовали этимъ стремленіямъ, и это подало поводъ подозрѣвать ихъ въ желаніи основать народную польскую церковь, въ которой богослуженіе отправлялось бы по польски. Первенство въ проведеніи этой мысли приписывали кс. Заржецкому и кс. Бенчковскому: первый изъ нихъ, уже по выходѣ моемъ изъ школы, перешелъ въ унію, а когда его стали преслѣдовать, сдѣлался православнымъ священникомъ. Онъ былъ добрый полякъ, готовый на всякое самопожертвованіе и очень способный. Не под-

говоры, не честолюбіе, не корыстолюбивые разсчеты, но глубокое убѣжденіе привело его къ этому шагу. Онъ былъ префектомъ гимназіи, а сталъ сельскимъ священникомъ и въ тиши отдался наукамъ и добрымъ дѣламъ. Кс. Бенчковскій всегда говорилъ о необходимости введенія въ богослуженіе польскаго языка, а еще лучше славянскаго, языка свв. Кирилла и Меѳодія. Но онъ до конца жизни оставался префектомъ.

По поводу употребленія латинскаго языка при богослуженіи случилась печальная исторія. Однажды кс. Лихачевскій захворалъ. Кс. Бартошевичъ, въ его часъ и на его мѣстѣ, служилъ обѣдню. Ничего не зная, ученики, по обыкновенію, пришли къ этой обѣднѣ, но услышавъ латынь, когда ксендзъ возгласилъ: „Oremus!“, стали кричать: „Не позволяемъ! Пусть ксендзъ перестанетъ!“ А когда возгласилъ: „Ite, missa est!“ закричали: „И миссы этой не хотимъ, потому что она никуда негодна!“, а какой то негодяй бросилъ камнемъ, да такъ несчастливо, что вышибъ глазъ о. Бартошевичу.

Профанація была страшная, неслыханная! Кс. бискупъ Цецишевскій прислалъ для разслѣдованія дѣла кс. суффрагана Пивницкаго. Бѣдный попечитель былъ какъ на иголкахъ, не зналъ, что дѣлать, такъ какъ и правительствомъ былъ присланъ артиллерійскій полковникъ Ловцовъ, бригада котораго квартировала въ ровенскомъ повѣтѣ и въ Межиричѣ.

Почтенный человѣкъ былъ этотъ полковникъ. Тотчасъ по прибытіи онъ держалъ рѣчь ко всѣмъ ученикамъ, собраннымъ на площади передъ школой. Помню его слова. „Видите ли въ чемъ дѣло, мои молодые друзья, если виновникъ будетъ отысканъ, то его накажутъ, и строго, потому что пострадалъ ксендзъ, а съ религіей шутить нельзя. Когда я васъ по одиночкѣ буду спрашивать: „Ты вышибъ глазъ ксендзу?“ и каждый отвѣтитъ: „нѣтъ, не я!“, тогда я спрошу: „Однако, кто нибудь долженъ былъ бросить камень и вышибить глазъ, само собой это не сдѣлалось?“ Вы отвѣчайте: „мы всѣ!“ Тогда вѣдь не будутъ наказывать 900 человѣкъ за одинъ глазъ и дѣло кончится ничѣмъ“.

Почти всѣ профессора были очень довольны рѣчью полковника, потому что кс. Бартошевичъ былъ вице-ректоромъ,

начальникомъ монастыря и частенько допекалъ ихъ; вообще старый брюзга всегда путался въ чужія дѣла.

Попечитель шепнулъ на ухо полковнику, чтобы онъ велѣлъ артиллеристамъ забрать стоги сѣна, стоявшіе надъ гарускимъ ставомъ. Слѣдствіе было произведено и дѣло окончилось такъ, какъ предполагалъ полковникъ Ловцовъ.

Я разсказалъ эти два случая потому, что они лучше всего рисуютъ настроеніе учителей и учениковъ знаменитой межиричской школы, которая послѣ кременецкой, наравнѣ съ уманской, наиболѣе способствовала распространенію славы школъ такъ называемыхъ „русскихъ" земель.

До какой высокой степени была развита въ этой школѣ религіозная и политическая терпимость, насколько старались развить въ ученикахъ самостоятельность и какъ за нее награждали, свидѣтельствуетъ слѣдующій случай, гдѣ я былъ дѣйствующимъ лицомъ.

Когда я былъ на второмъ курсѣ, у насъ были произведены чрезвычайные экзамены Малецкимъ, ректоромъ виленскаго университета, и Яномъ Вылежинскимъ, маршалкомъ новградъволынскаго повѣта и визитаторомъ школъ въ „земляхъ русскихъ". Экзаменовали насъ по польской исторіи, которая проходилась очень хорошо. Мнѣ предложили перечислить тѣхъ изъ польскихъ королей, которые наиболѣе оказали услугъ Польшѣ, и тѣхъ, которые наиболѣе принесли ей вреда, но прибавили, чтобы въ этой оцѣнкѣ я руководствовался своимъ собственнымъ мнѣніемъ, не принимая во вниманіе взглядовъ историковъ, которыхъ я изучалъ.

Я отвѣчалъ, что наиболѣе услугъ оказали: Болеславъ Храбрый, который хотѣлъ пріобщить Польшу къ славянству и царствовать, какъ король польскій милостью Божіею, а не нѣмецкою, надъ всѣми славянами; Болеславъ Смѣлый, который, видя, что политикѣ его предшественника наиболѣе повредилъ католицизмъ, нанесъ ударъ католической церкви въ Польшѣ, съ цѣлью оторвать Польшу отъ западной церкви и вліяній, возвратить ее на лоно восточной церкви и поставить во главѣ славянскихъ народовъ. Мысль великая, мощная! Владиславъ IV Ваза, кото-

рый, видя, какъ іезуиты опутываютъ шляхту католицизмомъ и привилегіями, съ цѣлью истребить единственную серьезную вооруженную силу—козачество, удерживать поляковъ въ повиновеніи нѣмцамъ и латинской церкви и уничтожить разъ навсегда мечты о самобытности и славянствѣ, давалъ привилегіи козакамъ, подговаривалъ даже ихъ утереть носъ шляхтѣ и снести головы іезуитамъ. Онъ сознавалъ, что козаки были войско постоянное, а шляхетскія и кварцяныя хоругви были ополченіе,—сегодня гроза, а завтра мыльный пузырь. Этимъ шагомъ онъ воздалъ должное Стефану Баторію, который создалъ козацкое войско, и потому столь же великъ, какъ и Владиславъ. Наиболѣе вреда принесли Польшѣ: Янъ Собѣсскій защитой нѣмцевъ, которыхъ слѣдовало предоставить ихъ участи и самому помочь бить ихъ, чтобы и на сѣмена не осталось, и два саксонца, которые развратили въ конецъ польскую шляхту, одѣли ее во фраки и парики, ссадили съ коня и посадили въ экипажи.

Я разсказалъ все это, какъ по писанному. Это мнѣніе вызвало сильное удивленіе, но мнѣ ничего не сказали. Всю ночь я не могъ спать отъ безпокойства. Утромъ меня, по обыкновенію, встрѣтили ласково. Мнѣ дали четыре чрезвычайныя награды и право носить шпагу, которое принадлежало свѣтскимъ профессорамъ.

Я сталъ важнымъ человѣкомъ въ школѣ и съ такой репутаціей оставилъ, по окончаніе третьяго курса, гимназію, удостоившись самаго похвальнаго аттестата зрѣлости.

На 16-мъ году я былъ уже баккалавромъ наукъ точныхъ и наукъ гуманныхъ,—съ помѣщичьей точки зрѣнія, человѣкомъ, окончившимъ полный курсъ наукъ. Мать моя очень этому радовалась, а еще больше, какъ сама она говорила, тому, что всѣ эти успѣхи вовсе не вскружили мнѣ головы. Я былъ любимъ слугами и крестьянами и имѣлъ истинныхъ друзей.

Въ Кіевѣ въ это время шла большая игра. Два зятя, Витославскій, Денбовскій, владѣлецъ Старо-Константинова, генералъ Завадовскій, атаманъ черноморскихъ козаковъ, генералъ Исленьевъ и князь Голицынъ играли въ фараонъ и діабелку истинно по дьявольски. Державшій банкъ не переставалъ играть,

пока кучи ассигнацій, плотно сложенныхъ, не достигали ему до носа. По 100,000 рублей ставилось на карту, а ревизскія души переходили изъ рукъ въ руки, точно рублевики.

Менѣе крупная игра шла у генерала Гацкевича и у полковника Млокосѣвича. Тамъ офицеры, мелкіе помѣщики и адвокаты приносили послѣдніе гроши въ жертву фараону.

Если въ то время можно было сказать, что въ Варшавѣ танцовали, въ Краковѣ молились, во Львовѣ влюблялись, въ Вильнѣ охотились, то въ древнемъ Кіевѣ играли въ карты, и до возникновенія университета св. Владиміра Кіевъ, казалось, забылъ, что онъ и Богомъ, и людьми предназначенъ быть столицей всего славянства.

Тотчасъ по возвращеніи изъ школы, я былъ поставленъ матерью въ положеніе почти независимаго человѣка. У меня былъ экипажъ, лошади, особая прислуга и я располагалъ доходами съ агатовскаго имѣнія. Мать отпустила меня одного, безъ всякаго ментора или спутника, въ приличномъ экипажѣ, посѣтить родственниковъ, начиная съ дядюшки, старосты бахтынскаго, и дала мнѣ 300 дукатовъ на путевые расходы. Признаться, я не безъ тревоги пустился въ путь одинъ; слава Богу еще, что за мною неотступно слѣдовалъ Игнатъ, мой камердинеръ и дядька съ самой колыбели.

Прежде всего я поѣхалъ въ Радомысль, гдѣ былъ повѣтовымъ хорунжимъ мой двоюродный братъ Симфоріанъ Чайковскій,—великій гуляка. Гарнизономъ въ Радомыслѣ стоялъ алексопольскій пѣхотный полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Повало-Швейковскій, родомъ изъ полтавской губерніи, одинъ изъ главныхъ представителей общества зеленой книги, бывшій при самой катастрофѣ.

Въ день моего пріѣзда у полковника былъ большой обѣдъ и балъ, по поводу происшедшаго наканунѣ обрученія его съ дѣвицей Юліей Вонсовичъ, которая ранѣе была обручена съ княземъ Александромъ Ипсиланти, умершимъ въ Ольмюцѣ, въ австрійской темницѣ, и которая, по мнѣнію старыхъ богомолокъ, должна была приносить несчастье своимъ женихамъ, потому что она, будучи католичкой, обручилась съ православнымъ. Я былъ

представленъ полковнику и любезно имъ принятъ, словомъ, я сталъ играть роль взрослаго человѣка. На этомъ пиршествѣ я встрѣтилъ подполковника Муравьева-Апостола, которому я былъ представленъ Повало-Швейковскимъ, какъ шляхтичъ козацкаго рода, Бестужева-Рюмина и многихъ другихъ заговорщиковъ. На меня, человѣка новаго, это собраніе произвело какое то странное впечатлѣніе. Таинственныя перешептыванія, любопытные взоры и безпокойство. На лицахъ однихъ лежала печать задумчивости, разогнать которую они не могли, несмотря на всѣ усилія. Другіе были притворно веселы, а всѣ прислушивались, не раздастся ли на улицѣ звонъ колокольчика. Чего то ждали и къ чему то готовились. И неудивительно, потому что большая часть присутствовавшихъ должна была на разсвѣтѣ ѣхать въ несчастные Трилѣсы, хозяинъ же завтра готовился идти подъ вѣнецъ, а потомъ, можетъ быть, и на смерть. Несмотря на все это, играли въ карты, и игра была крупная. Всѣ, и задумчивые, и веселые, подходили понтировать. Извѣстный Обревскій держалъ банкъ. Я тоже началъ понтировать и во мгновеніе ока спустилъ свои 300 дукатовъ. Мнѣ стало очень не по себѣ. Я всталъ изъ-за картъ и чистосердечно разсказалъ двоюродному брату о своемъ положеніи. Онъ предложилъ мнѣ взаймы, но я имѣлъ достаточно твердости, чтобы поблагодарить и отказаться. Потихоньку ушелъ я на постоялый дворъ, гдѣ были мои лошади, и повѣдалъ обо всемъ случившемся Игнату. Тотъ почесалъ затылокъ и сказалъ: „У меня есть еще деньги, чтобы расплатиться и сейчасъ же вернуться домой; тутъ оставаться нельзя, вѣдь кто его знаетъ, пожалуй дьяволъ и соблазнитъ панича, если станутъ уговаривать". Слова его поразили меня въ самое сердце. Тотчасъ лошади были запряжены, и прежде чѣмъ меня хватились на вечерѣ, мой пятерикъ дружно мчался по дорогѣ въ Ловковъ. На другой день къ вечеру я былъ уже въ Гальчинцѣ. Я разсказалъ матери обо всемъ откровенно. Ни слова наставленія, ни слова укоризны не услышалъ я отъ нея, только на губахъ ея мелькнула чуть замѣтная усмѣшка, которая показалась мнѣ очень грустной. Это было для меня тяжелѣе, чѣмъ если бы меня встрѣтили заслуженными

упреками. Я былъ самъ не свой. Пошелъ въ садъ, въ конюшни, на псарню, самъ не зная зачѣмъ. Когда я возвратился къ себѣ, то увидѣлъ на своемъ столѣ 300 дукатовъ, а мать, позвавши меня въ свою комнату, сказала, что мнѣ нужно ѣхать въ гости, такъ какъ я долженъ это сдѣлать. Мы долго разговаривали, но ни слова не было сказано о радомысльскомъ приключеніи.

Поѣздку я совершилъ, но съ этого времени потерялъ всякую склонность къ картамъ, которую, признаюсь, я имѣлъ въ значительной степени. Умная мать заставила меня устыдиться предъ самимъ собой, а не передъ людьми.

Я не буду писать объ обществѣ зеленой книги, потому что о немъ столько писано оффиціально и неоффиціально, что желая разсказать о немъ что нибудь, нужно было бы выписывать или, лучше сказать, переписывать уже напечатанное. Наконецъ, едва соскочивши со школьной скамейки, я былъ слишкомъ молодъ, чтобы знать тогда о немъ что нибудь важное. а тѣмъ болѣе судить о немъ. Однако, насколько я помню разсказы людей посвященныхъ и здравомыслящихъ, мнѣ кажется, что идея славянская или панславистская была извращена нѣмцами, которые вошли въ общество, или, можетъ быть, это извращеніе было слѣдствіемъ англійскихъ вліяній на полковника Пестеля, который былъ главнымъ зачинщикомъ въ дѣлѣ уничтоженія славянской окраски общества и направленія его дѣятельности противъ правительства. Панславизмъ является грозою для нѣмцевъ и англичанъ, которые принадлежатъ къ германскому племени и слѣдуютъ нѣмецкой политикѣ. Пропаганда, имѣвшая цѣлью соглашеніе русскихъ съ поляками, дарованіе политической свободы всѣмъ славянскимъ народамъ и призываніе ихъ къ совмѣстной дѣятельности, хотя бы и не предопредѣляя формы правленія, превратилась въ простой бунтъ съ нелѣпыми выдумками о царѣ Константинѣ и его супругѣ Конституціи, какія выдумки распускались между солдатами и даже между простымъ людомъ.

Два гусарскихъ полка, александрійскій изъ Троянова, подъ командой полковника Александра Муравьева, и ахтырскій изъ Любара, подъ командой Артамона Муравьева, выступили, съ

генераломъ Гейсмаромъ во главѣ, для усмиренія бунта московскаго пѣхотнаго полка, командованіе которымъ захватилъ подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ, устранившій полковаго командира. Взбунтовавшіяся войска находились въ Трилѣсахъ на Украинѣ, кажется, въ бѣлоцерковскихъ помѣстьяхъ гр. Браницкой. При генералѣ Гейсмарѣ былъ адъютантомъ Флоріанъ Ржевускій, сынъ Северина Ржевускаго, бывшаго эскадроннымъ командиромъ въ наполеоновской арміи. Это былъ человѣкъ очень способный и энергичный, какъ и всѣ Ржевускіе. Онъ находился съ нами въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и то, что я здѣсь разсказываю, есть повтореніе словъ этого офицера.

Братья Муравьевы, Александръ и Артамонъ, которые принадлежали къ самымъ ревностнымъ тампліерамъ и наиболѣе вліяли на сближеніе русскихъ съ поляками, по развитіи общества зеленой книги, совершенно охладѣли къ своей прежней дѣятельности, но изъ чувства военной чести и товарищества, не имѣли достаточно мужества, чтобы выйти изъ общества; они оставались его членами, но играли пассивную роль. Генералъ Гейсмаръ зналъ объ этомъ, какъ говорилъ Ржевускій, и хотя не особенно былъ расположенъ къ этимъ почтеннымъ и хорошимъ офицерамъ, но взялъ ихъ въ эту экспедицію, по приказанію генерала Рота, чтобы, въ случаѣ какого нибудь доноса или открытія въ бумагахъ именъ этихъ полковниковъ, имѣть возможность объяснить ихъ поведеніе передъ правительствомъ и избавить ихъ отъ отвѣтственности. Въ этихъ полкахъ было еще нѣсколько офицеровъ, принадлежавшихъ къ обществу, а солдаты болтали о цесаревичѣ Константинѣ и его супругѣ Конституціи.

Муравьевъ-Апостолъ разсчитывалъ навѣрное, что высланные гусарскіе полки соединятся съ нимъ и потому не велѣлъ зарядить ружей, развернулъ фронтъ для принятія вновь прибывшихъ и самъ выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Гусарскіе полки шли рысью, колоннами, поэскадронно; полковники находились передъ фронтомъ, а генералъ Гейсмаръ между двумя колоннами. Когда войска приблизились къ мятежникамъ, наступавшія колонны, безъ всякой команды, пошли шагомъ. Генералъ Гейсмаръ поворотилъ

коня назадъ и понялъ это какъ дурный признакъ. Въ этотъ моментъ Флоріанъ Ржевускій, съ крикомъ „ура!" и съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ, пустилъ коня въ галопъ прямо на Муравьева-Апостола. Какъ разсказывалъ самъ Ржевускій, онъ ни рукою, ни палашомъ не тронулъ Муравьева-Апостола, но его лошадь, очень горячая и норовистая, ударила грудью коня Муравьева-Апостола и всадникъ свалился на землю.

Гусары, увидѣвъ, что полковникъ лежитъ на землѣ, тотчасъ, по приказанію своихъ командировъ, тронулись курцъ-галопомъ, а пѣхотные солдаты московскаго полка побросали свои ружья въ знакъ того, что они сдаются, и все было кончено. Тогда оба полковника, вмѣстѣ съ Флоріаномъ Ржевускимъ, выѣхали на встрѣчу къ генералу Геймару и отрапортовали объ исходѣ дѣла.

Гейсмаръ, который, несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе, былъ храбрымъ солдатомъ и честнымъ человѣкомъ, донесъ генералу Роту обо всемъ такъ, какъ дѣло было въ дѣйствительности, и всецѣло приписалъ счастливый исходъ отвагѣ и присутствію духа Флоріана Ржевускаго.

Несмотря на самый благопріятный рапортъ ген. Гейсмара и ген. Рота относительно обоихъ Муравьевыхъ, былъ полученъ прямо изъ Петербурга приказъ объ арестѣ и препровожденіи ихъ подъ конвоемъ жандармовъ въ столицу. Это приписали тогда проискамъ нѣмцевъ, которые были воодушевлены величайшей ненавистью ко всему роду Муравьевыхъ, извѣстному своими славянскими симпатіями.

Тогда же былъ арестованъ полковникъ Повало-Швейковскій и много другихъ русскихъ офицеровъ. Изъ помѣщиковъ были арестованы: Петръ Мощинскій, волынскій губернскій предводитель дворянства, Карвицкій, предсѣдатель главнаго волынскаго суда и еще нѣсколько помѣщиковъ изъ Волыни, Подоліи и Украины, между ними и Людвигъ Собанскій. Изъ польскихъ офицеровъ были арестованы полковникъ Крыжановскій и маіоръ Маевскій, но судъ надъ ними происходилъ въ Варшавѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ СТАРИННАГО БЫТА ВОЛЫНИ И УКРАИНЫ.[1]

3. Превелебный сватъ.

(ОКОНЧАНІЕ).

III.

Вѣсть объ Омеляницкой „трагедіи“ съ быстротою молніи облетѣла окрестности и глубоко взволновала все населеніе. Какъ ни было привычно тогдашнее общество къ подобнымъ кровавымъ исторіямъ, но данное происшествіе слишкомъ выходило изъ ряда обыкновенныхъ насилій какъ по своему отчаянному звѣрству, такъ въ особенности потому, что его виновниками оказывались высокопоставленныя духовныя лица. При существовавшихъ въ то время на Волыни острыхъ религіозныхъ несогласіяхъ и раздорахъ, кровавое насиліе, среди бѣла дня совершенное католическимъ епископомъ и каноникомъ, порождало величайшій скандалъ, усердно эксплоатируемый православными и протестантами съ цѣлью опозорить всю католическую іерархію. Бывшій въ то время луцкимъ бискупомъ Андрей Гембицкій, человѣкъ умный и вліятельный, понималъ это лучше другихъ, поэтому онъ съ рѣзкимъ порицаніемъ отнесся къ поступку своего викарія и далъ понять, что не намѣренъ оказывать ему никакой защиты и поддержки въ этомъ позорномъ дѣлѣ. Красицкій и самъ сознавалъ, что зашелъ слишкомъ далеко, да ужъ прошлаго

---

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1891 г. № 1.

не воротишь! Къ тому же онъ видѣлъ, что его малодушно оставляютъ недавніе союзники: кустошъ Гоголинскій открыто сваливалъ на него всю вину, выгораживая себя, а судья Линевскій, теперь совершенно потерявшій надежду женить сына на паннѣ Станишевской, и подавно умывалъ руки въ этомъ дѣлѣ. Оставалась одна надежда—на брацлавскаго каштеляна Стемпковскаго. Къ нему и обратился бискупъ Красицкій за совѣтомъ, что предпринять.

— Эхъ, reverendissime! погорячились вы ужъ очень! Надо было предоставить все дѣло моему Ганнусу — повѣрьте, онъ много опытнѣе вашей милости въ подобныхъ „справахъ!"— издѣвался каштелянъ надъ присмирѣвшимъ бискупомъ.

— А что слышно о Станишевскомъ? останется ли онъ въ живыхъ?—спросилъ послѣдній.

— Плоха надежда! Рука то у васъ тяжеленька: шутка-ли однимъ ударомъ раскроить черепъ! Даже мой Ганнусъ удивляется—а ужъ онъ ли не мастеръ въ этомъ искусствѣ!... Да и пани Станишевская, слышно, очень плоха. Смотрите, какъ-бы вашей милости не пришлось быть у нея кумомъ прежде времени...

— Оставьте неумѣстныя шутки!—перебилъ бискупъ, не привыкшій сносить чьи-либо издѣвательства.—Лучше посовѣтуйте, если можете: что намъ предпринять?

— Что *намъ* предпринять?—лукаво переспросилъ Стемпковскій.—Ваше превелебіе изволите забывать, что мое и ваше положеніе въ данномъ дѣлѣ весьма различны: я вѣдь не былъ въ Омелянникѣ, и меня, надѣюсь, не станутъ обвинять въ намѣреніи похитить панну Станишевскую... Но, такъ и быть, не отказываюсь служить вашей милости и въ этомъ случаѣ. Я самъ, какъ вы знаете, плохой законникъ, но у меня есть вѣрный человѣкъ—отличный юристъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умная, изворотливая и изобрѣтательная голова. Гдѣ не справится Ганнусъ, туда я посылаю пана Тетерю. Я сейчасъ велю прислать его къ вамъ для консультаціи, но предупреждаю—жаденъ бестія! и вашей милости придется подѣлиться съ нимъ тѣми двумястами червонцевъ, которые вручилъ вамъ мой родственникъ Линевскій въ видѣ „контентаціи" за неудавшееся сватовство...

Съ этими словами Стемпковскій вышелъ изъ комнаты, а черезъ нѣсколько минутъ сюда вошелъ высокій, худощавый человѣкъ, съ лицомъ простонароднаго украинскаго типа, и низко поклонившись, почтительно остановился у порога. На видъ ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ: въ его невзрачной фигурѣ не было ничего замѣчательнаго, и только выпуклый лобъ и пронизывающій взглядъ сѣрыхъ глазъ свидѣтельствовали объ его умѣ. Это былъ никто иной, какъ Павелъ Ивановичъ Тетеря—будущій малороссійскій гетманъ. Не задолго предъ тѣмъ онъ состоялъ „реентомъ" (правителемъ) канцеляріи гродскаго суда во Владимірѣ-Волынскомъ, но Стемпковскій, оцѣнивъ его способности, сманилъ его къ себѣ на службу и сдѣлалъ главнымъ своимъ „агентомъ", т. е. повѣреннымъ.

Началась консультація.

— Вашей милости слѣдовало бы первому выступить на судѣ въ роли потерпѣвшаго—поучалъ Тетеря. Къ сожалѣнію, вы уже опоздали: не далѣе какъ сегодня утромъ родственникъ Станишевскихъ п. Маркъ Гулевичъ занесъ на васъ жалобу и истребовалъ возныхъ для освидѣтельствованія слѣдовъ наѣзда. Вамъ не остается ничего, какъ возбудить встрѣчный искъ. Повѣрьте, что на судѣ, какъ и на войнѣ, наступательная тактика чаще приводитъ къ успѣху, нежели оборонительная. Еслибы вамъ и не удалось выиграть процессъ, по крайней мѣрѣ вы этимъ значительно затормозите ходъ дѣла для противной стороны.

— Ну, хорошо, мнѣ самому больше по душѣ наступательная роль,—согласился бискупъ. Но съ какимъ оружіемъ мы выступимъ, т. е. какія представимъ доказательства?

— О, за этимъ не будетъ остановки. Вѣроятно, между вашими слугами, что были съ вами въ Омеляникѣ, найдутся раненые; если же нѣтъ, то любой цырюльникъ въ полчаса сфабрикуетъ какія угодно раны изъ категоріи тѣхъ, что предусмотрѣны въ Статутѣ: и „синія", и „спухлыя", и „кровью набѣглыя"... А господа возные плохіе вѣдь эксперты по медицинской части!—съ улыбкой закончилъ Тетеря.

Бискупъ Красицкій послушался опытнаго юриста и въ тотъ же день явился въ судъ съ жалобой. Тамъ въ это время

происходилъ разборъ какого-то дѣла, но, въ виду прибытія столь важной особы, судьи прервали на время свои занятія и объявили бискупу, что готовы выслушать его. Довольно многочисленная публика, всегда наполнявшая залы и канцелярію во время судебныхъ засѣданій, густою толпою придвинулась къ судьямъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, что послѣдуетъ далѣе. Всѣ присутствовавшіе хорошо знали обстоятельства дѣла, по которому прибылъ сюда Красицкій, и успѣли уже составить объ немъ довольно опредѣленное мнѣніе, мало благопріятное для обвиняемаго, поэтому каждому хотѣлось услышать, что скажетъ онъ въ свое оправданіе. Каково же было ихъ удивленіе, когда изъ устъ бискупа полилась громовая обвинительная рѣчь! Присутствіе многочисленныхъ слушателей нимало его не смущало, напротивъ увеличивало его воодушевленіе. Его голосъ дрожалъ отъ негодованія, глаза метали искры. Онъ не находилъ словъ для порицанія преступнаго поведенія п. Станишевскаго, осмѣлившагося нанести ему, „князю церкви", неслыханное оскорбленіе и святотатственно дерзнувшаго поднять на него руку. Какъ христіанинъ, онъ умѣетъ прощать личныя обиды, но въ его лицѣ оскорбленъ высшій представитель церковной іерархіи, преемникъ апостольской власти—и потому виновный долженъ понести заслуженное наказаніе. Онъ отправился въ Омеляникъ съ самыми благими намѣреніями, (optimo ductus affectu), чтобы пріятельски переговорить съ Станишевскимъ объ устройствѣ судьбы его племянницы, которую послѣдній безъ вѣдома ея опекуновъ порѣшилъ выдать замужъ cum summo ejus detrimento. Въ то время, когда жалобщикъ бесѣдовалъ съ своей питомицей, Станишевскій „поразсажалъ по коморахъ челядь свою съ шефелинами, ощепами[1]) и иншимъ оружьемъ и на село по хлоповъ послалъ". Бискупъ хотѣлъ уже проститься и сталъ упрашивать Станишевскаго возвратить дѣвушку въ кляшторъ, такъ какъ она, extra mentem in libertate будучи, не въ состояніи обдуманно рѣшить вопросъ о своей будущности. Въ эту минуту вошелъ слуга бискупа съ сообщеніемъ о засадѣ. Станишевскій

---

[1]) *Шефелинъ*—копье; *ощепъ*—дротикъ.

началъ его бить. На крикъ сбѣжалась вооруженная челядь хозяина. Прибѣжали и слуги бискупа „ратовать“ его, но ихъ начали бить и ранить. Какой-то impius satelles намѣревался заколоть жалобщика рогатиной, но Богъ чудеснымъ образомъ violentem satellitem ослѣпилъ, а его, бискупа, безоружнаго и неповиннаго, защитилъ вышнею десницею. Жалобщикъ слезно упрашивалъ всѣхъ, „абы угамовались“, но Станишевскій и его челядь, „вызувши зъ себе врожденную людскость и огнемъ hostilitatis палаючи“, хотѣли напиться его невинной крови. Опасаясь, какъ бы не вышло изъ того большей бѣды, бискупъ „зъ невымовнымъ жалемъ“ по поводу неслыханныхъ оскорбленій, какимъ онъ подвергался, поспѣшно созвалъ свою „челядку“ и уѣхалъ „in summa patientia, зоставивши зомсту Пану Богу“. Что же касается обвиненія противной стороны, будто онъ имѣлъ намѣреніе violenter похитить панну Станишевскую, то это дерзкая и гнусная клевета: „будучи ad vota spiritualia alligatus“, можетъ ли онъ послѣ того „ad secularia (а тѣмъ паче ad raptum virginum) transire!“ Какъ и подобало духовной особѣ, Красицкій закончилъ свою жалобу слѣдующимъ молитвеннымъ обращеніемъ (по латыни): „Призываю во свидѣтели Того (какъ выразился въ подобномъ же случаѣ папа Иннокентій III), Кто, взирая съ неба, истинно можетъ посвидѣтельствовать, что я вступилъ въ домъ опекаемой съ чистымъ сердцемъ и добрымъ намѣреніемъ. Ты, Владыко неба и земли, вѣдаешь тайное, испытуешь сердца и проникаешь сокровенное; передъ Твоимъ небеснымъ судомъ открыта жизнь всякой твари, и Ты имѣешь власть и содѣянный грѣхъ очистить, и дать соизволеніе на то, что должно еще совершиться. Сего ради предъ Твоимъ божественнымъ величествомъ склоняю колѣни и проливаю слезы, смиренно моля: яви волю Твою святую среди одержащихъ мя тяжкихъ обидъ и поношеній и благоволи открыть невинность мою!“

Не успѣлъ бискупъ окончить эту патетическую тираду, какъ въ залу стремительно вошелъ молодой п. Гулевичъ и съ волненіемъ произнесъ:

— Милостивый пане подстаросто! Доношу вашей милости, что п. Петръ Станишевскій сію минуту отдалъ Богу душу, а

пани Станишевская родила преждевременно и Богъ вѣдаетъ, останется ли въ живыхъ. Прошу отрядить вознаго для освидѣтельствованія ранъ на тѣлѣ умершаго, послужившихъ причиною его смерти...

IV.

Въ теченіе одной недѣли въ Омеляникѣ произошло нѣсколько важныхъ событій. Послѣ трехъ-дневной агоніи Петръ Станишевскій скончался, ни на одну минуту не прійдя въ чувство. Маленькій Михайликъ, котораго во время побоища затоптали чуть не до смерти, еще хирѣлъ нѣкоторое время и черезъ недѣлю послѣдовалъ за отцемъ. Гальшка Станишевская раньше срока родила дочь, которую назвали *Петрусей* (Петронелей) въ память несчастнаго отца. Одна Ганнуся довольно благополучно перенесла снѣжную ванну въ „пашенной" ямѣ, поплатившись за нее лихорадкой. Съѣхались многочисленные родичи и не знали, о чемъ раньше хлопотать—о крестинахъ или о похоронахъ. Но сперва надо было совершить обрядъ „обволанья", или „проклямаціи" надъ тѣломъ убитаго, какъ того требовалъ законъ.

Утромъ 15-го февраля гробъ съ покойникомъ положили на сани и въ сопровожденіи родныхъ, пріятелей и толпы народа отправили въ Луцкъ. Лишь только печальный кортежъ вступилъ въ черту города, какъ во многихъ костелахъ и даже церквахъ начался похоронный перезвонъ, и толпы горожанъ присоединились къ шествію. Торговцы спѣшили запереть свои „крамницы", ремесленники бросали работу, даже ученики братской школы толпой высыпали изъ училищнаго дома—всѣ спѣшили посмотрѣть на интересное зрѣлище, случайно принявшее характеръ манифестаціи, направленной противъ высшаго католическаго духовенства. Одни студенты іезуитскаго коллегіума, вопреки всегдашней своей склонности ко всякаго рода публичнымъ зрѣлищамъ, теперь совершенно отсутствовали, но и то потому лишь, что, по особому распоряженію бискупа, они на цѣлый день были заперты въ коллегіумѣ и не смѣли показать

и носа на улицу. За гробомъ шелъ братъ покойнаго п. Войтехъ Станишевскій и другіе близкіе родственники. Въ глубокомъ безмолвіи, лишь изрѣдка нарушаемомъ женскимъ плачемъ и возгласами негодованія въ толпѣ, кортежъ вступилъ въ замокъ и остановился у дома, гдѣ помѣщалась канцелярія гродскаго суда. Оттуда вышли урядники: подстароста, судья, подсудокъ и писарь, а за ними толпа шляхтичей, прибывшихъ изъ разныхъ мѣстъ по случаю открытія въ Луцкѣ судебной сессіи. Войтехъ Станишевскій, согласно обычаю, сталъ излагать жалобу. Въ пространной рѣчи онъ съ мелчайшими подробностями передалъ исторію совершившагося преступленія и съ особенною яркостью изобразилъ возмутительную сцену убійства, когда бискупъ, подобно изступленному звѣрю, почуявшему запахъ крови, однимъ ударомъ раскроилъ черепъ несчастному „не якъ чоловѣкови, але якъ быдляти", билъ каблуками обезумѣвшую отъ горя беременную женщину, топталъ невинныхъ дѣтей и съ окровавленнымъ кинжаломъ бѣгалъ по всему дому, чтобъ перерѣзать горло сиротѣ-дѣвушкѣ. Въ заключеніе Станишевскій просилъ урядъ лично освидѣтельствовать слѣды побоевъ и ранъ на тѣлѣ покойника, отъ которыхъ онъ „тотъ свѣтъ дочасный пожегналъ, а малжонку жалостную и дѣтки осиротѣлые позоставилъ". Тотчасъ сняли крышку съ гроба; трупъ, прикрытый лишь однимъ саваномъ, былъ осмотрѣнъ, и подстароста велѣлъ записать писарю, что въ головѣ оказались двѣ раны „вельми шкодливые, смертельные, до мозку перетятые", лѣвая рука „обухами зкгрухотанная", а все тѣло покрыто „знаками синими, побитыми".

Послѣ того, по просьбѣ родныхъ, судъ поручилъ возному произвести обрядъ „проклямаціи" надъ тѣломъ убитаго и „позоланья" виновниковъ его смерти. Любопытно, что объ этомъ обрядѣ нѣтъ даже упоминанія въ литовскомъ Статутѣ, тѣмъ не менѣе онъ неизмѣнно соблюдался на Волыни въ XVI—XVII ст., можетъ быть, какъ остатокъ обычнаго права иной, отдаленной эпохи, когда публичное провозглашеніе имени убійцы надъ трупомъ убитаго имѣло значеніе общественнаго приговора, обрекающаго виновнаго на жертву родовой мести. Со времени введенія Статута, узаконившаго процессуальный порядокъ для

уголовныхъ дѣлъ, обычай преждевременной диффамаціи обвиняемыхъ въ убійствѣ, задолго до произнесенія надъ ними судебнаго приговора, представлялся, конечно, странной аномаліей: тѣмъ не менѣе, повторяемъ, онъ строго соблюдался какъ „правный“ (законный) обрядъ, и противъ него не возражали даже тѣ, кому онъ причинялъ величайшій позоръ—сами обвиняемые. И въ данномъ случаѣ обрядъ этотъ былъ выполненъ со всею точностью. Гробъ съ покойникомъ вывезенъ былъ на средину замковой площади; окружающая толпа притихла. Возный, сидя верхомъ на лошади, громогласно объявилъ, что „небожчикъ панъ Петръ Станишевскій есть окрутне (тирански) забитый и замордованый (замученъ) за гвалтовнымъ наѣздомъ на его домъ чрезъ его милость ксендза Миколая Красицкаго, бискупа-суффрагана луцкаго, и его милость ксендза Францишка Гоголинскаго, кустоша луцкаго, и чрезъ людъ его милости п. Стемпковскаго, каштеляна брацлавскаго, на то умыслне посланный, съ причины и оказыи его милости п. Линевскаго, судьи земскаго луцкаго, за спольною всихъ радою, помочью и намовою есть забитый и замордованый“.

Послѣ этого шествіе направилось обратно въ прежнемъ порядкѣ. Среди „окольнаго“ замка, между каѳедральнымъ костеломъ и іезуитскимъ коллегіумомъ, почти подъ окнами квартиръ Красицкаго и Гоголинскаго, кортежъ остановился, и возный вторично провозгласилъ имена обвиняемыхъ. Въ третій разъ „обволанье“ было совершено среди рынка и въ четвертый—„надъ право“ (т. е. сверхъ предписанія закона)—при выѣздѣ изъ города. Затѣмъ гробъ съ покойникомъ былъ отправленъ въ кляшторъ бернардиновъ, находившійся въ предмѣстьи Луцка, и оставленъ тамъ до похоронъ.

Не трудно представить, какое впечатлѣніе на окружающую толпу должны были производить эти многократныя возглашенія именъ католическихъ сановниковъ надъ гробомъ ихъ жертвы. То были капли, переполнявшія чашу народнаго долготерпѣнія, краснорѣчивыя внушенія для безправной массы, чего ей ждать отъ правящихъ классовъ, гдѣ рѣдкій изъ вельможныхъ пановъ не запятнанъ тяжкимъ преступленіемъ, гдѣ даже высокопоставленныя духовныя лица не брезгаютъ упражняться въ раз-

боѣ и убійствахъ; наконецъ, то были опасныя искры, падавшія на почву религіозныхъ и національныхъ страстей, достаточно уже приготовленную для взрыва. Бискупъ Гембицкій зналъ, что дѣлалъ, отдавая приказъ запереть іезуитскихъ студентовъ: надо было слышать, какіе возгласы раздавались изъ толпы мѣщанъ по адресу „ляховъ“ и ксендзовъ, съ какимъ задоромъ братскіе школьники дразнили своихъ постоянныхъ противниковъ—студентовъ, и не будь послѣдніе подъ замкомъ—кровавыя событія, совершившіяся въ Луцкѣ въ августѣ 1648 года, могли бы произойти полугодомъ раньше.

Черезъ нѣсколько дней происходили похороны Петра Станишевскаго, причемъ, согласно установившемуся обычаю, предъ опущеніемъ гроба въ могилу снова былъ совершенъ вознымъ обрядъ „обволанья“ виновниковъ его смерти.

V.

Начался уголовный процессъ одновременно въ свѣтскомъ и духовномъ судѣ. Но прежде нежели состоялось рѣшеніе въ судѣ человѣческомъ, судъ Божій произнесъ свой грозный приговоръ надъ самыми основами польско-шляхетскаго общественнаго строя, въ которомъ такимъ пышнымъ цвѣтомъ процвѣтали самоуправство, насиліе и всевозможныя преступленія и земля наполнилась злодѣяніями. Не задолго до происшествія въ Омелянникѣ, въ отдаленномъ Суботовѣ совершилось подобное же кровавое насиліе: шляхтичъ Чаплинскій учинилъ „гвалтовный“ наѣздъ на хуторъ козака Хмельницкаго, отнялъ у него жену и засѣкъ до смерти малолѣтняго сына. За это насиліе Польша поплатилась Желтыми-Водами, Корсунемъ, Пилявцами, Збаражемъ и цѣлыми потоками крови. Пламя возстанія охватило и Волынь. Въ августѣ 1648 года луцкіе мѣщане безъ сопротивленія сдали козакамъ городъ съ замкомъ и вмѣстѣ съ ними занялись истребленіемъ „ляховъ“, ксендзовъ и евреевъ. Бернардинскій кляшторъ былъ сожженъ до тла, каѳедральный, іезуитскій, доминиканскій и другіе костелы и монастыри были разграблены и осквернены; захваченные ксендзы (въ томъ числѣ пріоръ домини-

канскаго кляштора) подверглись позорной смерти. Бурмистры и райцы, предводительствуя толпами мѣщанъ, въ неистовствѣ бѣгали по улицамъ съ криками: „Бийте ляховъ, поганскихъ сыновъ,—теперъ часъ маете!“ [1]). Такъ продолжалось всю осень и зиму 1648—49 гг. и затѣмъ подобныя сцены повторялись на Волыни и въ послѣдующіе годы, послѣ каждаго пораженія Хмельницкимъ польскихъ ополченій.

Ни одинъ изъ героевъ нашего разсказа не былъ, однако, свидѣтелемъ этихъ ужасовъ: и правые, и виноватые—всѣ заблаговременно бѣжали предъ лицомъ народнаго гнѣва и спѣшили найти убѣжище въ отдаленныхъ мѣстахъ коренной Польши и Литвы. Одинъ лишь панъ Тетеря не послѣдовалъ за своимъ патрономъ Стемпковскимъ, но присоединился къ козакамъ и вмѣстѣ съ ними грабилъ и разорялъ панскія имѣнія на Волыни.

Послѣ зборовскаго перемирія наступило временное затишье, и волынскіе изгнанники получили возможность возвратиться изъ „забѣговъ“ на родину, въ свои разоренныя гнѣзда. Вдова Станишевская, вмѣстѣ съ своимъ деверемъ, немедленно возобновила прерванный процессъ съ убійцами ея мужа. Въ февралѣ 1650 года папа Иннокентій X, на рѣшеніе котораго восходило дѣло о Красицкомъ и Гоголинскомъ, назначилъ луцкаго бискупа Андрея Гембицкаго коммиссаромъ апостольскаго престола и поручилъ ему произвести судъ надъ своимъ викаріемъ и каноникомъ. Гембицкій безъ лицепріятія исполнилъ это важное порученіе: онъ приговорилъ обоихъ обвиняемыхъ къ изверженію изъ духовнаго сана и предалъ ихъ церковному отлученію. Но бискупъ Красицкій не даромъ служилъ когда-то протонотаріемъ при дворѣ римскаго первосвященника; онъ лично отправился въ Римъ съ апелляціей на постигшій его суровый приговоръ и добился того, что папа въ томъ же году отмѣнилъ декретъ Гембицкаго, какъ несогласный будто бы съ церковными канонами, и поручилъ польскому примасу Мацѣю Лубенскому заново разсмотрѣть дѣло.

Въ свѣтскихъ судахъ дѣло тянулось еще медленнѣе. Едва луцкій гродскій судъ приступилъ къ его разсмотрѣнію, какъ

[1]) Актовая книга луцкаго гродскаго суда, № 2491.

обвиняемые потребовали перенесенія дѣла въ люблинскій трибуналъ, гдѣ оно откладывалось отъ одной сессіи до другой. Тѣмъ временемъ для Польши наступили, казалось, послѣднія времена. Царь Алексѣй Михайловичъ овладѣлъ Литвой и Бѣлоруссіей; шведскій король Карлъ X взялъ Познань, Варшаву и Краковъ; Хмельницкій вступилъ въ Червоную Русь, разбилъ польское войско подъ Гродскомъ и осадилъ Львовъ. Польша была на краю гибели, и король Янъ-Казимиръ бѣжалъ въ Силезію. Въ эти бѣдственные годы какая же была возможность для правосудія совершать свои отправленія!

Время шло и приносило все новыя перемѣны. Умеръ бискупъ Красицкій вдали отъ родины; за нимъ одинъ за другимъ сошли со сцены и остальные обвиняемые: Стемпковскій, Гоголинскій и Линевскій. Въ семьѣ Станишевскихъ также не все осталось по-прежнему: Ганнуся вышла наконецъ замужъ за своего прежняго жениха Константина Гулевича; даже сама безутѣшная вдова Гальшка Станишевская пришла къ заключенію, что не вѣчно же ей оплакивать погибшаго мужа, и вступила во вторичный бракъ съ холмскимъ каштеляномъ Яномъ Песочинскимъ.

Казалось, со смертью обвиняемыхъ долженъ былъ бы прекратиться и самый процессъ объ убійствѣ Станишевскаго; однако же, онъ не былъ прекращенъ, а только измѣнилъ свой характеръ. Теперь дѣло шло уже не о карѣ виновныхъ, ушедшихъ отъ суда человѣческаго, а о взысканіи *„головщины“*—денежнаго вознагражденія за голову убитаго, и искъ былъ предъявленъ къ наслѣдникамъ виновниковъ его смерти. Лишь только въ Польшѣ вновь наступили спокойныя времена, бывшая пани Станишевская, поддерживаемая теперь вліятельнымъ опекуномъ-мужемъ, съ новой энергіей возобновила полузабытый процессъ и хотя поздно, но добилась своего. Въ 1663 году послѣдовалъ наконецъ трибунальскій декретъ, которымъ п. Даніилъ Стемпковскій, каштелянъ брацлавскій и староста владимірскій, въ качествѣ наслѣдника отцовскихъ имѣній, былъ приговоренъ къ уплатѣ 240 гривенъ за голову Петра Станишевскаго, а черезъ два года такому же взысканію (въ суммѣ 1800 злотыхъ) под-

верглись племянники, двоюродные братья и другіе родственники и наслѣдники бискупа Красицкаго. У п. Стемпковскаго въ ту пору не случилось наличныхъ денегъ, и онъ уплатилъ свою часть цѣнными „клейнотами“: перстнями, серьгами, „манеллями“ (браслетами), брошками и другими золотыми украшеніями съ рубинами и „діаментами“. Для бывшей паніи Станишевской были какъ нельзя болѣе кстати эти драгоцѣнности: въ то время она готовилась разомъ къ двумъ свадьбамъ—свою старшую дочь Маріанну выдавала она за кіевскаго подсудка Яна-Александра Олизара-Волчкевича, а младшая Петруся, никогда не видѣвшая своего отца, выходила за п. Песочинскаго—пасынка своей матери.

Ор. Левицкій.

ГАЛИЦКО-РУССКІЙ „SAVOIR VIVRE“.

Въ извѣстномъ „Дополненіи къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго“, составленномъ Я. Ѳ. Головацкимъ (Приложеніе къ XXIV тому Записокъ императорской академіи наукъ, № 3. С.-Петербургъ. 1874) обозначено на страницѣ 40 подъ № 203 довольно загадочное сочиненіе подъ заглавіемъ „Полѣтика свѣтска“, въ 12 долю (безъ обозначенія мѣста и года печати, вѣроятно, въ Почаевѣ, около 1800 года). Покойный галицко-русскій ученый не отмѣтилъ одного довольно важнаго обстоятельства: что экземпляръ сочиненія, который по всей вѣроятности былъ у него подъ рукой, есть только отрывокъ, а не самостоятельное сочиненіе. Быть можетъ, это былъ тотъ самый отрывокъ, который составлялъ собственность русинскаго депутата о. Ивана Озаркевича, когда то хорошо знакомъ съ покойнымъ Головацкимъ; отрывокъ этотъ въ настоящее время находится у П. И. Житецкаго.

На библіографическо-археологической выставкѣ Ставропигійскаго института во Львовѣ 1888 года, въ числѣ прочихъ рѣдкихъ изданій и рукописей, находилась также книжечка, часть которой составляла названная выше „Полѣтика свѣцкая“. Книжечка эта въ настоящее время составляетъ большую библіографическую рѣдкость; единственный извѣстный намъ экземпляръ хранится въ библіотекѣ епископскаго собора въ Перемышлѣ. Вотъ почему, чтобъ исправить библіографическую неточность, допущенную Я. Ѳ. Головацкимъ, а также въ виду несомнѣннаго культурнаго интереса, который представляетъ эта кни-

жечка, мы предлагаемъ ея точное описаніе и изложеніе содержанія и перепечатываемъ вполнѣ ея послѣднія страницы.

Заглавіе книжечки, о которой идетъ рѣчь, слѣдующее: „Букварь, языка славенскаго, чтенія и писанія оучащимся, въ полезное руковожденіе типомъ изданъ, при храмѣ Оуспенія прстыя Бцы въ Бгоспасаемомъ Градѣ Львовѣ. Року Бжія афч. Мца октоврія а дня“. Форматъ—малое 8°, страницъ ненумерованныхъ 52. Какъ видимъ, почти всѣ обозначенія и предположенія Головацкаго оказываются невѣрными. Изданіе вышло не въ Почаевѣ, но во Львовѣ, не около 1800, а въ 1790 году, не въ 12, но въ 8 долю листа. О какомъ нибудь особенномъ, второмъ изданіи „Свѣцкой полѣтики“ безъ „Букваря“, которое могъ бы имѣть подъ рукой Головацкій, не можетъ быть и рѣчи, уже по тому одному, что и онъ не имѣлъ цѣлой книжки, но только отрывокъ безъ заглавнаго листа, да и отрывка того не описалъ такъ, какъ бы слѣдовало.

Вотъ содержаніе книжечки:

Листъ 1 (заглавный) verso: Писмена; л. 2 verso—3 recto: Слоги изъ двохъ писменъ; л. 4 v. Реченія изъ единаго триписменнаго слога; л. 5 r. Реченія изъ двохъ четырeписменныхъ слоговъ; 5 v. Реченія изъ разнаго числа слоговъ; л. 6 v. Реченія единаго слога, составленнаго изъ разнаго числа писменъ; л. 7 r. Рѣчъ изъ реченій составленная; л. 8 r. Слоги подъ титлами; 10 v. Просодія строчная (знаки препинанія) и просодія верхняя; л. 11 r. *Примѣчаніе*: Знай яко ко доброму и искусному чтенію не токмо писмена и слоги, но и просодію разумѣти потребно есть. Тѣмже по слогахъ прими абіе начертаній просодійскихъ истолкованіе, и отрокомъ оучащимся предлагай сицевó изясненіе, и проч.

Л. 12 r. О Бозѣ, что и каковъ и коликій есть Богъ нашъ.

Л. 13 v. О Божіемъ промыслѣ, какóвый имѣетъ Богъ и обще ко всѣмъ тваремъ своимъ, и особливо къ человѣку о вѣчномъ его спасеніи.

Л. 17 r. Тайны Нóваго Завѣта.

Л. 17 v. Заповѣди церковнаго правителства.

Л. 17 v. О законѣ Божій, которымъ всякъ человѣкъ долженъ оуправляти житіе свое, дабы живота вѣчнаго не лишился.

Л. 24 r. и v. Число (церковное, гражданское, латинское и словами, до 10.000).

Л. 25 r. Молитвы оутренныя, яже должно есть отроча, воставъ отъ сна, Богу благочестно воздати, первѣе оубо да знаменается крестомъ кланяяся и глаголя, и проч.

Л. 25 v. *Примѣчаніе:* Когда отрокъ послѣдующимъ молитвамъ читати оучится, подобаетъ оучителю кождія молитвы содержаніе и силу показовати ему, дабы читая ихъ предъ Богомъ зналъ, чего отъ Бога проситъ. Долженъ такожде и сія славенскія реченія *простимъ рускимъ языкомъ* ему истолковати. А дабы онъ сказуемое и изясняемое лучше оуразумѣлъ и въ памяти затвердити моглъ, потреба по всякомъ изясненіи вопрошати его о томъ, что ему просто показовано.

Л. 29 r. Сумволъ православныя вѣры (конечно, съ уніатскимъ „отъ Отца и Сына исходящаго“).

Л. 30 v. Исповѣдь повседневная.

Л. 33 v. Молитвы предъ обѣдомъ. Благодареніе по обѣдѣ.

Л. 34 r. Молитвы предъ вечерею. Благодареніе по вечери.

Л. 35 r. Молитвы на сонъ грядущымъ.

Л. 37 v. Служенія до службы Божія. Дѣтемъ младымъ благопотребное.

Л. 44 v. до конца: *Полѣтика свѣцкая, отъ иностранныхъ авторовъ вкратцѣ собранная. Младымъ прилична, всѣмъ же обще благопотребная.*

Букварь этотъ, какъ видитъ читатель изъ представленнаго тутъ перечня его содержанія—это въ нѣкоторомъ родѣ цѣлая энциклопедія того, чему въ то время учили въ галицко-русскихъ народныхъ школахъ. Есть здѣсь и элементы чтенія, счеты, молитвы повседневныя, „служеніе до службы Божьей“, нужное особенно въ городахъ, гдѣ и въ уніатскихъ церквахъ, по латинскому обычаю, заведены „тихія“, читанныя службы, при которыхъ священнику прислуживали обыкновенно школьные мальчики, и въ концѣ „Свѣцкая полѣтика“, т. е. правила благоприличія. Изданіе этого букваря съ его примѣчаніями и матеріаломъ

было однимъ изъ проявленій духа западно-европейскаго просвѣщенія въ галицко-русской народной школѣ. Послѣ „Псалтири“ и „Часослова“, служившихъ до сихъ поръ единственными кромѣ азбуки пособіями при элементарномъ обученіи, это былъ значительный шагъ впередъ. И хотя вообще „Букварь“ имѣетъ характеръ церковный, такъ какъ и школа народная въ то время находилась исключительно въ вѣдѣніи церкви и духовенства или причта церковнаго, и писанъ языкомъ церковнымъ, но интересно то, что когда дѣло доходитъ до чисто мірского сюжета, которому авторъ желалъ болѣе широкаго распространенія среди народа, то и языкъ его въ значительной степени приближается къ простонародной рѣчи, или же къ той южнорусской литературной рѣчи, которая выработалась въ XVII стол. подъ перомъ Вишенскаго, Галятовскаго и др. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы австрійское правительство серьезно захотѣло помочь развитію русскаго элемента въ Галиціи или, по крайней мѣрѣ, не задерживать это развитіе, то уже съ концомъ XVIII столѣтія мы имѣли бы здѣсь начатки возрожденія литературы и образованности. Какъ извѣстно, австрійское правительство сначала какъ будто размахнулось сдѣлать нѣчто подобное. Въ 1783 году оно устроило во Львовѣ русскую духовную семинарію, въ которой нѣкоторые предметы преподавались на русскомъ (славено-русскомъ, конечно) языкѣ. Въ 1785 году семинарія эта превращена изъ діецезіальной въ генеральную, въ которую поступали слушатели-уніаты изъ угорской Руси, Хорватіи, Семиградіи. Въ 1786 году приказано настоятелямъ этой семинаріи при повторительныхъ обученіяхъ, было особенно въ богословіи пастырскомъ, нравственномъ и догматическомъ употреблять для русиновъ языкъ русскій; на томъ же языкѣ должны были слушатели сочинять проповѣди, катихизическія науки и другіе уроки, которые ежегодно предлагались правительству для разсмотрѣнія. Съ 1787 г. были учреждены особыя студіи на русскомъ языкѣ въ самомъ университетѣ львовскомъ, гдѣ всѣ обязательные предметы на факультетахъ богословскомъ и философскомъ преподавались для русиновъ по русски. И хотя языкъ этихъ лекцій былъ

мертвый церковно-славянскій и самое содержаніе ихъ не отличалось ни живостью, ни оригинальностью, ни научностью, все таки русины съ неимовѣрной жадностью бросились и на эти крохи европейскаго знанія, какія имъ достались, и въ теченіе одного десятилѣтія не только выдѣлили довольно значительную массу духовенства, несравненно болѣе образованнаго, чѣмъ тѣ полуграмотные дьячки, какіе въ польскія времена поставляемы были въ пресвитеры, но, сверхъ того, произвели значительное число людей съ высшимъ, по тогдашнему европейскимъ образованіемъ [1]).

Заботясь о высшемъ образованіи русиновъ, австрійское правительство въ то же время думало и о первоначальномъ обученіи массъ народныхъ. Для существовавшихъ кое гдѣ церковно-приходскихъ школъ (ихъ въ моментъ перехода Галиціи подъ австрійскую власть не было, кажется, и сотни) изданы: Азбука, Катихизисъ (1786), Букварь (1790), Часословъ (1790). Въ слѣдующемъ году правительство приказало, чтобы по всѣмъ мѣстностямъ восточной Галиціи, гдѣ не было нѣмецкой или польской „тривіальной“ школы, учреждены были русскія тривіальныя школы. Такимъ образомъ „Букварь“ нашъ, изданный Братствомъ Ставропигійскимъ первоначально, можетъ быть, для немногихъ „братскихъ“ и церковно-приходскихъ училищъ, долженъ былъ удовлетворять современемъ нуждамъ значительно большаго числа школъ.

Какъ велико было число русскихъ школъ народныхъ, которыя возникли вслѣдствіе правительственнаго распоряженія 1791 г., мы не знаемъ. Правда, въ 1816 году, во время совѣщаній въ львовской губерніи по дѣлу народныхъ школъ лат. арцибискупъ Анквичъ говорилъ, „что въ продолженіи 44 годовъ ни подъ владѣніемъ Маріиココ Тересіи, ни во время цѣсаря Іосифа II, ни позже о русскихъ школахъ въ Галиціи ничего не было слышно“, но арцибискупъ этотъ отличался тѣмъ, что не слышалъ многихъ вещей слышныхъ всему міру, и хотѣлъ даже залить свинцомъ сердце большого колокола на Успенской церкви, чтобъ не слы-

---

[1]) Я. Ѳ. Головацкій. Первое движеніе русиновъ въ Галиціи. Науковый сборникъ Матицы, II, 1865. Стр. 76, 77 и 79.

шать еженедѣльнаго звона этого „русскаго Кирилла". Что о русскихъ школахъ Анквичъ не слыхалъ ничего потому только, что не хотѣлъ, это мы видимъ изъ письма импер. Франца I. отъ 14 ноября 1817 года, въ которомъ онъ съ большою признательностью высказывался о дѣятельности галицко-русскаго духовенства въ дѣлѣ основанія народныхъ школъ, которыхъ по даннымъ консисторій въ одной перемышльской епархіи въ томъ году было 227. Сколько ихъ было въ епархіи львовской, въ два раза слишкомъ большей, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ можемъ полагать, что въ 1817 году было въ Галиціи, по крайней 500 народныхъ училищъ и школъ грамотности. Мы имѣемъ мѣрѣ, правительственныя показанія, подтверждающія, что русское духовенство въ дѣлѣ народнаго образованія опередило польское, среди котораго только съ половины 30-хъ годовъ началось болѣе замѣтное движеніе въ пользу основанія народныхъ училищъ.

Что эти первоначальныя училища для своего времени совсѣмъ не были плохи, это доказываютъ старанія перемышльскихъ русиновъ объ основаніи въ этомъ городѣ русской (базиліанской) гимназіи, въ которой можно бы было продолжать образованіе, начатое въ народныхъ училищахъ (Головацкій, Первое движеніе, 93). Но дѣло это не выгорѣло, такъ какъ еще во время Леопольда II, а главнымъ образомъ при императорѣ Францѣ I началась въ Австріи бюрократически-шляхетская реакція, которая заставила правительство относиться подозрительно и даже враждебно къ развитію образованія всякихъ демократическихъ элементовъ, въ томъ числѣ, очевидно, и русиновъ. Но преподаваніе русскаго языка въ университетѣ львовскомъ признано излишнимъ уже въ 1800 году, а въ 1806 году и весь этотъ университетъ признанъ былъ тоже излишнимъ и перенесенъ въ Краковъ; львовскій университетъ низведенъ на степень лицея, гдѣ нѣкоторые богословскіе предметы читались еще по русски, но не долго, въ 1808 году русское слово совсѣмъ устранено изъ высшаго образованія вплоть до 1848 года. Не миновала „чаша сія" и народныхъ школъ. Въ 1805 г. русскія народныя школы отданы были въ управленіе латинской консисторіи, и это распоряженіе оставалось въ полномъ дѣйствіи

до 1815 года. Мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о томъ, какое вліяніе имѣло это управленіе на ходъ и развитіе школьнаго дѣла. Кажется, что навязываніе русскимъ дѣтямъ польскаго языка, въ ущербъ всякимъ педагогическимъ резонамъ, началось уже въ ту пору, потому что въ 1817 году митрополитъ Мих. Левицкій, во время совѣщаній въ губерніи, касавшихся реформы школьнаго дѣла, какъ первое требованіе русиновъ, предложилъ, чтобы во всѣхъ русскихъ сельскихъ училищахъ заведено было обученіе русскому языку,—значитъ, до того времени языкъ этотъ въ сельскихъ училищахъ былъ въ пренебреженіи или даже въ загонѣ. Но 1817 и 1818 годы принесли русинамъ еще худшее. Пресловутая „реформа“, о которой велись въ львовской губерніи совѣщанія спеціальной коммиссіи, была проведена по плану самаго худшаго врага русиновъ, львовскаго лат. арцибискупа Анквича. Несмотря на протесты русиновъ: митрополита Левицкаго и каноника Могильницкаго, коммиссія рѣшила, а императоръ въ 1818 г. подтвердилъ, что „считая употребленіе русскаго языка необходимо нужнымъ при катихизаціяхъ, *не воспрещается* священникамъ самимъ или посредствомъ своихъ помощниковъ обучать школьное юношество чтенію и писанію русскому, но *русскій языкъ не можетъ быть предметомъ публичнаго обученія*, ибо языкъ этотъ, въ письмѣ мало употребительный, не имѣетъ никакого общественнаго употребленія ни въ промышленности, ни въ военной службѣ,—и чтобы во всѣхъ школахъ народныхъ и для русиновъ языкъ польскій оставался учебнымъ языкомъ, какъ единственный во всей Галиціи „языкъ краевой“ (Landessprache). Впрочемъ, громадамъ русскимъ не воспрещается заводить и русскія школы, которыя однакожъ будутъ считаться частными заведеніями и не имѣютъ права на пособіе изъ школьнаго фонда“ (Головацкій, Первое движеніе, 96).

Эти нелѣпыя и постыдныя постановленія польскихъ шовинистовъ, подтвержденныя реакціонной бюрократіей, оставались въ полной силѣ вплоть до 1848 г., тормозя развитіе народнаго образованія и отбивая у народа охоту къ школѣ. Впрочемъ, гдѣ всего этого было мало, гдѣ „панщизняные“ мужики въ упоръ стремились къ образованію, тамъ паны пускали въ

ходъ и другіе способы, особенно же давно излюбленное средство—отдавать учителей и дьяковъ въ рекруты. На это жаловались мужики села Гошева митрополичьему визитатору Ник. Шадурскому еще въ 1762 году; на то же самое жалуются и въ 1840 г. крестьяне села Стецевы митрополичьей консисторіи.

Эта печальная страница изъ исторіи школьнаго дѣла въ галицкой Руси пусть будетъ вмѣсто комментарія къ библіографической замѣткѣ о „Букварѣ“ 1790 года, равно какъ и къ слѣдующей извлеченной изъ него статейкѣ. Статейка эта, первая и единственная въ этомъ родѣ работа въ галицко-русской литературѣ, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія не только по своему языку, но и какъ образчикъ нравовъ тогдашней нѣсколько образованной части галицко-русскаго населенія. Безъименный авторъ „Полѣтики свѣцкой“ въ самомъ заглавіи заявляетъ, что статья его—„отъ иностранныхъ авторовъ вкратцѣ собранная“, но все таки кажется, что онъ главнымъ образомъ слѣдовалъ образцамъ польскимъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ придется признать извѣстную долю оригинальности.

Полѣтика свѣцкая [1]) отъ иностранныхъ авторовъ вкратцѣ собра́нная. Мла́дымъ прилична, всѣмъ же о́бще благопотре́бная.

ГЛАВА А҃.

О присто́йномъ уложеню тѣла.

а. Трима́йся про́сто, чи то стоишъ, чи сѣди́шъ, чи кля́чишъ, го́лову тро́хи наклоне́ну маючи на пере́дъ, еднакже не скривля́й а́нѣ въ пра́ву а́нѣ въ лѣву сто́рону. Не оберта́й головы легкомыслне и пло́хо [2]), а́ле если треба, оберни́ зво́лна.

б. Не морщъ чела̀, а ти́мъ ба́рзѣй носа; если́ молча́шъ, не ма́й устъ отво́реныхъ, а́нѣ стиска́й губъ ба́рзо. Нехъ не буде

---

[1]) Въ транскрипціи подлинника я пропускаю надстрочные знаки кромѣ удареній, а также измѣняю буквы оу на у, ѡ на о, ѧ на я, и разставляю болѣе правильно знаки препинанія.

[2]) Плохо—здѣсь въ польскомъ значеніи—безалаберно, безстыже.

тварь [1]) твоя надъ потрéбу смýтна, гнѣвна, удивляющаяся, албо збитъ [2]) весéла, но старайся, абы зъ повагою весéлость, зъ смѣлостію спокóйность злýчена былá.

г. Не стрѣляй очима тамъ и самъ, але пóдлугъ звичаю низпущéни май. Нѣ на кóго не поглядай окомъ кривы́мъ, погоржаючимъ и пишны́мъ. Коли зъ кимъ говóришъ, не дивися на лицѐ его, але нижше пéрсей, особли́ве если́ зъ такимъ, котрогось шановáти пови́ненъ, албо зъ особою иншого пóлу розмовляешъ.

д. Руки, если порóжнѣи, тримай спокойне перéдь (sic!) собою, а не позадъ себѐ, анѣ въ кѣшéняхъ, и вистерѣгайся пилно рухати раменáми, лопаткáми, и розправляти безъ потребы руками.

е. Безъ слушной потребы не стирай рукъ, не мáцайся [3]) по бородѣ, головѣ, по лицѣ безъ потребы, анѣ руками тихъ чáстей тѣла дотикайся, котрымъ завше покрытымъ быти принадлежитъ.

ѕ. Пазногти необрѣзаніи и неумы́тіи носити гнусно есть, а потомъ огризати албо обрѣзовати при людяхъ честныхъ барзо непристойно.

з. Сидячи, тримай ноги просто, крѣпко, ногу на ногу не закладай, анѣ розставляй, анѣ далеко отъ себѐ протѣгай (sic!), а коли стойшъ, ногú предъ нóгу не виставляй.

и. Не чини великого шуму витираючи носъ; до того заживай хустки завше, а вы́чистивши носъ, не заэирай въ хустку.

ѳ. Вистерѣгайся, якъ можешъ, кѣханя, кáшляня гóлосного барзо, и отдихáня такого, щобы могли иншіи чути.

і. Не крути головою, коли говóришъ, и не чини примѣтовъ, то есть знаковъ, я́кобы присвѣдчáючи за кóждымъ словомъ вы́мовленымъ, албо що чуешъ.

аі. Не ти́кайся безъ потрéбы шіи, пóяса, рукави́цъ и иншихъ вéщей. Не залáмляй палцовъ, анѣ витягай зъ составовъ,

[1]) Лицо.

[2]) Слишкомъ.

[3]) Мацати—щупать.

анѣ ихъ заживай нáкшталтъ палцáтовъ, що до бубна заживаютъ. Наконецъ, стоячи́ тримайся на ногахъ крѣпко.

ві. Заховай пристойную хендóгость [1]) сýконь, еднакъ же безъ жадного пристрáстія, котрое по себѣ покажешъ, если́ часто поглядаючи на нихъ, безъ потребы що разъ будешъ поправляти на собѣ.

ГЛАВА Є.

О спóсобѣ захованя ся при столѣ.

а. Сѣдячи́ у стóлу, есть рѣчъ барзо непристойная спирати локтѣ на нѣмъ, албо локтями тручáти другихъ.

в. И то не полѣтика (sic!), розвалятися и ростягати на столцѣ, дрáпатися, кивáти ногами, на ту и на ту стóрону що разъ поглядати.

г. Есть рѣчъ барзо не милая и другимъ не пріемная—кáшляти, плювáти и носъ витирати при столѣ. Если еднáкъ безъ того̀ не можна ся обыйти́, заслонися сервéтою [2]) любъ [3]) хусткою, особливе витераючи носъ, и въ томъ всѣмъ вистерѣгайся, абы не гóлосно.

д. Есть протúвъ полѣтики, розвивати сервéту пéрше, нéжели розвинѐ той, хто есть старшый у стóлу.

е. Есть знакъ лакóмого и не добре вúхованого, стрѣляти очима на всѣ стороны, албо приглядатися особамъ албо потравамъ [4]) передъ собою постáвленымъ.

ѕ. При столáхъ, при котрыхъ звúчай есть бéсѣдовати, вистерѣгайся говорити, мáючи устà полніи.

з. Мовъ мало и ростропне, а найбарзѣй стережися показатися гнѣвнымъ на кого̀ при гóстяхъ.

и. При чужомъ столѣ не виривайся крáяти мяса, албо частовати иншихъ, если въ томъ домý не маешъ поваги особ-

[1]) Опрятность.

[2]) Салфетка.

[3]) Или.

[4]) Кушаньямъ.

лившой, албо если тя господа́ръ о тое не про́ситъ. хиба если зъ такими сѣдишъ, зъ котрыми маешъ поуфа́лость[1]).

ѳ. Ѣжъ по малу, не клади́ въ губу другаго ку́са, першаго не полкнувши, анѣ такъ ве́ликаго, котримъ бысь наполнивъ уста̀.

і. Не схиляйся надъ потраву, але ено тро́хи наклонися, если що рѣдкого ѣси́, и заразъ знову ви́простуйся. Вистерѣгайся также чого на обрусъ албо на себе проліяти.

аі. Есть то вла́сность[2]) лако́маго зъ тимъ ся освѣдчати, же маешъ склонность до потравъ делѣкатныхъ, албо и сами́мъ дѣломъ тое показовати, избираючи лучшыи, албо потяга́ти руку до полу́мисковъ далѐкихъ отъ себѐ, албо мовити о томъ безъ потребы, албо показовати по собѣ, жесь не ко́нтентъ зъ ѣдла и напо́ю.

ві. Не пій россо́лу зъ ча́ры любъ талѣрки (sic!), бо то естъ грубіански.

гі. Не висисай шпѣгу зъ косте́й, анѣ огло́дуй ко́сти.

ді. Не мляцкай, жуючи́ албо пючи́. Не пій отдыхаючи. Не лупа́й косте́й ноже́мъ любъ зуба́ми.

еі. Есть непристойна руками брати мясо, если на тое маешъ ви́лки, албо хлѣбъ тлустими руками. Обтерти перше треба руки, до хлѣба беручи ся.

ѕі. Не мача́й анѣ мяса, анѣ хлѣба въ полу́миску. Не мѣшай ви́лки потравъ вкупу. Не частуй друго́го тимъ, чогось уже самъ скоштова́лъ.

зі. Кости и ости зъ рыбы и скорки фру́ктовъ на краю́ талѣрки складай, а не на обрусѣ, и подъ столъ не ки́дай, абыся отъ нихъ пси не покусали. Косто́къ зъ фруктовъ любъ щоколвекъ не випліо́вуй на тарѣлку (sic!), але зъ устъ въ руку тихо ви́пусти, и пото́мъ на тарѣлку.

иі. Не край хлѣба, спершися на тарѣлку албо обрусъ, бо то рѣчъ непристойная.

ѳі. Шпе́тна есть зливати россолъ зъ полумиска въ ложку, а витирати хлѣбомъ есть знакъ лакомства.

---

[1]) Фамильярность.

[2]) Свойство.

к. Коли подаютъ трунокъ [1]) до напою, бери зъ стороны подлѣйшей, если будешъ зъ особами не рѣвними себѣ въ достоинствѣ.

ка. Не пій нѣгды маючи що въ устахъ; утри уста предъ питіемъ и напившися.

кв. Перестань ѣсти, если другіи перестали; овшемъ, упереди въ томъ иншихъ, если суть надъ тебѣ годнѣйшіи.

кг. Не утирай серветою поту зъ лица, анѣ носа, анѣ тарѣлки.

кд. Не витерѣбляй зубовъ, анѣ вимивай устъ при столѣ и при другихъ.

ГЛАВА Г҃.

О хожденіи.

а. Не ходи збитъ спѣшно, анѣ збитъ помалу, анѣ величаво, анѣ плохо, але мѣрне и зъ повагою себѣ належитою.

в. Идучи не горбся, не кивай собою, не звѣшай рукъ, не стукай велми ногами о землю, не волочи ногъ за собою. Идучи на сходи, по едному ступай.

г. Не смѣйся и не говори самъ до себѣ. Мимо идучи не зривай фруктовъ, цвѣтовъ албо листовъ въ улицѣ огорода того, въ котромъ прохожаешся.

д. Если ходишъ зъ такою особою, котруюсь шановати повиненъ, не зостановляйся [2]), тилко тогда, когда она станетъ. не випережай ей, не обертайся перше нѣмъ она, и то такъ, абысь ся тиломъ не обернувъ.

е. Зъ особою високаго сана неприлично есть ити рѣвно, але потреба зоставатися на полъ-крока за нею, такъ еднакъ, абы могла чути мову твою.

ѕ. Зъ рѣвнею себѣ ходи рѣвно, и не обертайся завше перше, и не застановляйся часто, хиба би того потреба была.

---

[1]) Напитокъ.

[2]) Останавливайся.

з. Если килкохъ рѣвня себѣ въ купѣ прохожаются, полѣтика потребуе, абы тіи, котріи въ серединѣ былй, цофнулися на стороны, доходячи конца улицы или будинку, а середины уступили тымъ, котріи при бокахъ были,—що и тіи повинни учинити, отправивши свою колѣй.

и. Если ся прохожаешъ зъ двома рѣвними себѣ въ годности, надъ котрыхъ ты годнѣйшый, обертайся разъ до едного, другій разъ до другого; если зась не рѣвня они, частѣй до годнѣйшаго. Тіи, що по бокахъ, до того, що въ серединѣ, и зъ нимъ разомъ маютъ обертатися.

ѳ. Если особа годнѣйшая, зъ котрою забавляешся, зъ кимъ иншимъ особно розмовляетъ, отступи ты, абысь не чувъ, що говорятъ; ежели каже приступити, приступи зъ ушанованіемъ; если тя проситъ, абысь о рѣчи, о котрой мовятъ, откривъ свое разумѣніе, мовъ осторожне и мало, не сопротивляйся упорчиве напротивъ разумѣнія того, зъ котрымъ еси въ компанѣи.

і. Полѣтика каже годнѣйшому старшого уступати мѣсця.

аі. Если прохожаешся зъ кимъ далеко отъ тебе достойнѣйшымъ, а той сяде, стояти потреба, ажъ поки каже сѣсти,—того еднакъ за першимъ роскäзомъ не чинити, хиба за другимъ, и то на подлѣйшомъ мѣсцѣ.

ГЛАВА Д҃.

Якъ принадлежитъ зъ людми обходитися.

а. Кланяйся особамъ надъ тебе достойнѣйшимъ приходячи къ нимъ и отходячи. Той же уклонъ тимъ нижшій быти повиненъ, имъ тіи особы, котрымъ кланяешъся, суть отъ тебе вышшіи.

в. Виходи противъ особамъ годнимъ, хотя бы рѣвнымъ тебѣ, если въ гостину до тебе приходятъ, заразъ якъ тилко довѣдаешся о ихъ приходѣ. Тое учинивши и до будинку запросивши, проси сѣсти на честнѣйшомъ мѣсцѣ, и потомъ отходящихъ вивести ажъ за браму. И если не пѣшо, чекай, поки всяде на коня чили возъ,—такъ поклонъ учинивши назадъ повертай.

г. Не всѣдай на коня анѣ на возъ при особѣ надъ тебѐ годнѣйшой, у котрой гостивесь, але належитъ почекати, поки не отиде.

д. Встань, если до тебѐ хто приближается, хотячи зъ тобою бесѣдовати, хотя бы бувъ рѣвня тобѣ.

е. Не входи нѣгди зъ накритою головою до дому годнаго кого, але за порогомъ открый.

ѕ. Не проси нѣгди старшого отъ тебѐ, абы накрывъ голову, и своей не накрывай, ажъ онъ накрые и тебѣ роскаже; анѣ зборонялся упорчиве накрыти, если разъ и другій каже. Зъ рѣвнею своимъ привитавшися и попросившися взаемне, вóлно рáзомъ накрúти.

з. Грѣшитъ протúвъ обычаемъ добримъ, хто не прошéный першое засѣдае мѣсце, албо упорчиве не хоче тамъ сѣсти, где просятъ. Въ дому своéмъ першого хотя рѣвнѣ себѣ належитъ уступати мѣсця.

и. Если значне надъ якую особу не естесь годнѣйшый, не повинесь допускати, абы мала перéдъ тобою стояти зъ открúтою головою, не просивши, абы ю накрила. Ростропность также потребуе не примушати особы далеко отъ тебе подлѣйшой, абы накрывала голову, бо тогò (знаючи ся до своей повинности) не може учинити.

ѳ. Полѣтика тогò потребýетъ, абы уступати зъ дверей и иншихъ тѣсныхъ мѣстъ, если туди особа якая годная проходитъ. На сходахъ выгоднѣйшаго уступай мѣсця.

і. Если особа зацнѣйшая хощетъ мовити зъ тимъ, зъ кимъ ты забавляешъся, забиратися уступити, если не роскаже зостати.

аі. Если особа годнѣйшая прійдè на тое мѣсце, где ты знайдуешся, встань и стой, поки она не усяде и тебѣ сѣсти каже. При нѣй потреба перестати отъ дѣла и розмовы, котрую зачавесь.

ві. Не отворáй нагло дверéй, входячи до будинку, особливе, если въ томъ дому суть особы, которыи шановати приналежитъ; того же вистерѣгай и виходячи зъ дому.

гі. Если кто знакомúтый при себѣ каже сѣсти, избирай нижшее отъ него мѣсце, еднакъ же не хотѣти упорчиве и блúско его, коли каже, сѣсти, есть рѣчь непристойна.

ді. Розмовляючи зъ особами учтивими, не спирайся, анѣ збитъ близко приближайся, але на крокъ отъ нихъ быти приналежитъ.

єі. Не питай особы надъ тебе годнѣйшой, якъ ся мае? хиба бы хора была.

ѕі. Если не умѣешъ лѣкарской штуки, не одважься радити лѣкарства того и того хорому, котрого не вѣдаешъ, анѣ пулсовъ мацай, если не маешъ надъ нимъ власти, а особливе иншого полу особъ нѣгди не тикайся.

зі. Не тягни за сукню албо за плащъ того, зъ кимъ хочешъ розмовляти, анѣ здалека не кличъ чи то словами, чи мѣгами [1]), если есть особа чести годная, але иди до ней. Нѣгди не сказуй рукою на того, о комъ мовишъ.

иі. Не переглядай анѣ ся тикай паперу, книжокъ и иншихъ подобныхъ вещей чужихъ безъ позволеня его, анѣ зазирай въ то, що кто особно читае.

ѳі. Вистерѣгайся, абысь нѣгди не дрѣмавъ тогдѣ, коли другіи розмовляютъ; абысь не сѣвъ, если другіи стоятъ; абысь не ходивъ, если иншіи стоятъ; абысь не поступавъ, если другіи застановятся. Не души блохи албо иншого робака при другихъ.

к. Полѣтика не позволяе роззуватися при другихъ, чести годнихъ, и грѣти ноги.

кв. Не кихай анѣ плюй предъ другихъ, але на сторону отвернутися; не викидати слины далеко отъ себе, албо на стѣну, анѣ чрезъ окно на улицу, а тое, що сплюнешъ, затри ногою.

кг. Вистерѣгайся позѣвати, коли зъ другими розмовляешъ, и если отъ того не можешъ удержатися, то тихо, и не говори на той часъ, и закрыйся рукою албо хусткою, обернися на сторону.

кд. Хотячи що подати албо одобрати отъ другого, зъ далека не витягай руки попередъ старшою особою, але по за тую. Проходячи также зъ едного мѣсця на другое, не преходи попередъ особами честными, хиба би потреба примусила, и то проси о позволеніе.

[1]) Жестами.

ке. Не бався довго у тихъ, котрихъ навѣжаешъ, особливе у хорыхъ, албо у тихъ, котріи собѣ часъ много шацуютъ, якіи суть особы побожніи, пилнующіи науки, и забавніи. Изъ таким мовити, що потреба, коротко, виразнѣ, безъ церемонѣи.

кѕ. Вистерѣгайся церемонѣй змисленыхъ и збытечныхъ. Вистерѣгайся подхлѣбства. Въ церемонѣяхъ зась потребныхъ стосуйся до звичаю мѣсца, часу и особы.

ГЛАВА Ї.

О мовѣ и размовахъ.

а. Говорити не збитъ скваплиде, анѣ збитъ помалу, голосомъ мѣрнымъ, не высокимъ, анѣ такъ тихимъ, якъ бы тіи, зъ котрыми розмовляешъ, не могли чути.

в. Старайся, бы не мовити по простацки; выстерѣгайся словъ плохихъ и такихъ, що двояко могутся розумѣти, а до рѣчей непристойныхъ стосоватися.

г. Заховай завше пристойность и помѣркованіе въ словахъ жартовливыхъ, (котрыи часомъ могут ся мовити для розвеселеня умыслу), абысь не впавъ въ непомѣркованіе тихъ, котріи за звичай въ размовахъ своихъ не маютъ статку, але все въ смѣхъ обертаютъ, якіи суть блазнове надворніи, фѣглями и мовою непристойною, учинками годными смѣху, а що горше, же часомъ смѣючися, и святыя рѣчи албо уломность людскую осмѣваютъ.

д. Не смѣйся безъ причины; и зъ причины если смѣешъся, не смѣйся голосно; не вищирай[1]) зубовъ.

е. Въ розмовахъ поточныхъ не розширай надъ потребу мовы, анѣ желай того, абысь ся показавъ мудрымъ въ словѣ.

ѕ. Не примовляй нѣкому ущипливими словами горделивыми албо кого понижаючими, овшемъ, завше показуй способомъ мовы твоей покорнымъ и ростропнымъ, же шануешъ тихъ, зъ котрыми размовляешъ, особливе нелй (sic!) суть особы поважніи

[1]) Оскаливай.

и надъ тебе годнѣйшіи. При нихъ навѣтъ потреба стримати себе отъ знаку гнѣва и лаяня подручныхъ своихъ.

з. Пристало, абысь самъ о себѣ рѣдко що мовивъ, и о томъ, зъ чого бы похвала тебѣ могла быти. А если прошеный будешъ, абысь що о себѣ сказавъ, учинишъ тое въ килку словахъ, покорне и скромне, не понижаючи иншихъ, и себе надъ инихъ не вивышшай.

и. Велми не пристало мовити о рѣчахъ нестосующихъся до часу и особъ, якъ то о рѣчахъ смутныхъ подъ часъ охоты [1]), о подлыхъ и плохихъ въ компанѣ и особъ розумныхъ и учоныхъ, о субтелныхъ и высокихъ между простими и неуками.

ѳ. Хотячи мовити о интересахъ якихъ, не заживай довгои розмовы, и тогдѣ зачни мовити, коли видишъ способность. Встерѣгайся едно повторати.

і. Не мовъ о рѣчахъ твоихъ приватныхъ и домовыхъ, хиба бы зъ пріятелемъ щирымъ, албо просячи о пораду.

аі. Въ кождомъ дискурсѣ, чи то о интересахъ, чи о иншихъ рѣчахъ, встерѣгайся розширати мовы надъ потребу, особливе если матерія мовы не есть значная, албо домышляешся, же небарзо подобается другимъ.

ві. Мовячи о якой рѣчи, не домогайся, абы присвѣдчали тобѣ, мовячи: албожъ я не правду мовлю? и не важся торкати локтемъ того, котрого о що питати хочешъ.

гі. Не выявляй того, отъ кого чувесь то, що кажешъ, хибабысь бувъ певный, же той, хто тобѣ сказавъ, не будетъ о тое жалковати.

ді. Навѣтъ зъ рѣвными себѣ мовъ скромне и до матеріи, о котрой мовится. Не говори збитъ много, не будь подобенъ тимъ, котрымъ языкъ якъ на коловротѣ.

еі. Не перерывай мовы тымъ, котріи зачали говорити, але слухай и не забавляйся чимъ иншимъ, хибабы того потреба была, и то просити о позволеніе компанѣи, еслись не старшій надъ нею.

ѕі. Межи килкома будучи, не вирывайся першій зъ своимъ зданіемъ въ той матеріи, котрая до розмовы подана есть, хиба

[1]) Веселье.

ажъ попросятъ о тое, если надъ инпшихъ не старшимъ еси албо потребы не видишъ; а коли даешъ свое зданіе, не замовляй зъ далéка, але просто мовъ до пункту питáня.

зі. Не сопротивляйся зданю другихъ, анѣ упирайся при своéмъ, и въ тыхъ рѣчахъ, въ котóрыхъ волно розне розумѣти, не гань тихъ, котріи противне тобѣ розумѣютъ.

иі. Не мовъ нѣчого такóго, о чомъ бысь перше не помысливъ; не отповѣдай другóму перше, нѣжъ скончи́тъ мову. Не поддавай словъ тому́, котрый тяжкую маетъ мову, хибабы тогò самъ онъ хотѣлъ, албо зъ нимъ не самъ говóришъ, и то если зъ нимъ маешъ поуфалость.

ѳі. Прійшовши до компáнѣи, не питай, о чомъ розмовляли, если надъ ними власти не маешъ, и если прервали дѝскурсъ зъ твоей причины, проси полѣтичне, абы кончи́ли. Тогдѣ той, котòрый почавъ мовити, повиненъ повторити корóтко то, що уже мовивъ, если особа, що пришла, годна пошановáня особли́вшаго.

к. Не довѣдуйся о чужихъ справахъ, котріи до тебе не належáтъ, анѣ росповѣдай легкомыслне тогò, що межи людми чувесь.

к. Не мовъ о рѣчахъ пришлыхъ албо непевныхъ, анѣ о ти́хъ, котріи въ секрéтѣ мѣти принадлéжитъ.

кв. Не показуй по себѣ, же неми́ліи суть тебѣ недосконáлости дру́гихъ, анѣ уважай, анѣ мовъ о томъ безъ потребы нѣгды, и не указуй жартуючи, анѣ на очи не викидáй.

кг. Ми́ле пріймай и дякуй, если кто въ чомъ перестерѣгаетъ, и хочай проти́въ поваги твоей другій согрѣшитъ, покривай то розтропне.

кд. Не одвáжайся лаяти албо напоминати тихъ, котріи до тебе не налéжатъ, хиба бы тя до тогò примушала христіанская милость,—и то учинишъ дискрéтне.

ке. Не оставляй тогò, котрый чинивъ що моглъ въ справѣ себѣ поручéнной, хотяй ему не удалося, якъ желавъ.

кѕ. Не напоминай нѣгди нѣкого зъ гнѣвомъ албо зе злости, але зъ помѣркованіемъ, скромне и дискретне.

кз. Въ компанѣи бу́дучи, не говори́ ни з кимъ секретне, а если треба того будетъ, отступи́ мáло на сторону, взявши на тое позволéніе.

Увѣщанія общая.

а. Не хвали себе, анѣ уничижай, анѣ срамоти, ниже дѣло своє албо имя албо родъ возвышай, бо такъ чинятъ тилко тіи, котріи недавно прославилися.

в. Кождого шануй, нѣкого не понижай, себе смирай (sic!) предъ кождимъ,—за тое Богъ и люде любятъ.

г. Въ припадкахъ долеглйвыхъ, въ напастехъ, въ скорбехъ, въ нуждахъ если хощешъ бути терпелйвымъ и не велмй смущатися, памятай, же то бываетъ зъ волѣ Божой, безъ котрой и власъ зъ главы не спадае.

д. Не смѣйся велми, абысь не показався легкомыслнымъ; не удивляйся, бо то знакъ есть, жесь нѣгди нѣчого не видѣвъ.

е. Не доноси, щось чувъ о комъ дочого, и не люби того, хто тебѣ доноситъ слово злое. Такому принадлежитъ отповѣсти въ той способъ: кождый о другихъ такъ судитъ, якъ ся ему здае, а не такъ, якъ есть въ самой рѣчи.

Конецъ

ДѢЛА ПО ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСТВА ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ МАЛОРОССІИ ВЪ XVIII В. ВЪ КІЕВСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ АРХИВѢ.

Источники для исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи за XVII и XVIII вв. и по сію пору еще не всѣ приведены въ извѣстность. Въ значительной степени мѣшаетъ этому уже одна разбросанность ихъ, такъ какъ они находятся и въ Кіевѣ, и въ Черниговѣ, и въ Харьковѣ, и въ Полтавѣ, и въ Москвѣ и, можетъ быть, еще и въ другихъ, менѣе значительныхъ, центрахъ, не говоря уже объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ. Но и архивы названныхъ городовъ сравнительно мало еще изучены по данному вопросу и въ литературѣ мало можно встрѣтить указаній на хранящіеся въ нихъ матеріалы. Въ виду этого, я думаю, не лишена будетъ нѣкотораго интереса для лицъ, занимающихся исторіей мѣстнаго крестьянства, замѣтка о дѣлахъ, относящихся непосредственно къ ней и хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ.

Дѣла эти составляютъ часть переданнаго въ 1886 году въ центр. архивъ, бывшаго архива старыхъ дѣлъ губернскаго правленія. Бо́льшая часть дѣлъ послѣдняго, въ томъ числѣ и касающихся крестьянъ, относится къ правобережной Малороссіи, но по нѣкоторымъ отдѣламъ имѣется значительное число документовъ и лѣваго берега. По передачѣ въ центр. архивъ, всѣ эти бумаги и дѣла разнесены были по рубрикамъ и въ настоящее время документы, имѣющіе отношеніе къ исторіи крестьянъ лѣвобережной Малороссіи за XVIII вѣкъ, сосредоточиваются главнымъ образомъ въ трехъ отдѣлахъ подъ рубриками: „дѣлъ о закрѣпощеніи и отысканіи вольности“, „поземельныхъ спо-

ровъ общихъ и частныхъ лицъ" и „земельныхъ споровъ монастырей". Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что значительная часть этихъ дѣлъ и именно двухъ послѣднихъ рубрикъ подвергнута уже была ученой обработкѣ въ статьѣ профессора И. В. Лучицкаго „Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи. (Юрид. Вѣстн., 1890, № 4). Но пр. Лучицкій воспользовался для своей работы лишь данными этого матеріала относительно общиннаго землевладѣнія, а въ немъ заключается также немалое количество данныхъ, относящихся къ другимъ сторонамъ исторіи крестьянства въ XVIII в. и представляющихъ собою яркія и характерныя страницы изъ его жизни. Указаніе на характеръ и размѣръ этихъ данныхъ и составляетъ задачу настоящей замѣтки. Не передавая здѣсь результатовъ и выводовъ изысканій, веденныхъ мною надъ этимъ матеріаломъ, что составитъ предметъ особой работы, я постараюсь только характеризовать самый матеріалъ и указать, какіе вопросы могутъ быть поставлены на основаніи его и насколько онъ ихъ разрѣшаетъ.

Начать съ того, что по времени большинство этихъ дѣлъ относится ко второй половинѣ XVIII вѣка; лишь значительно меньшая часть спускается до 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, а изъ болѣе ранняго періода дѣла встрѣчаются уже крайне рѣдко, и то по большей части въ видѣ одного, двухъ, рѣдко трехъ документовъ вмѣстѣ. Среди дѣлъ о поземельныхъ спорахъ въ общемъ можно найти болѣе сравнительно раннихъ документовъ изъ первой половины столѣтія, чѣмъ подъ рубрикой дѣлъ о закрѣпощеніи. Оно понятно уже потому, что въ это время закрѣпощеніе въ большинствѣ случаевъ связывалось съ посягательствомъ на земельныя права. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что вообще эти рубрики трудно поддаются разграниченію, такъ какъ въ нихъ находится множество дѣлъ совершенно однородныхъ: споръ о козачествѣ велъ за собою обыкновенно споръ о землѣ и наоборотъ чисто поземельныя дѣла вызывались иногда покушеніями владѣльца на закрѣпощеніе. Что касается мѣстности, районъ которой охватывается этими дѣлами, то она можетъ быть опредѣлена границами переяславскаго полка и при-

легавшихъ къ нему южныхъ сотенъ кіевскаго полка (нынѣ входящихъ въ составъ черниговской губ.) и западныхъ сотенъ полковъ прилуцкаго, лубенскаго и миргородскаго. Главная масса дѣлъ относится именно къ этому району; документы сѣверныхъ полковъ: нѣжинскаго, черниговскаго и стародубскаго встрѣчаются сравнительно уже гораздо рѣже, что-же касается юго-восточной части гетманщины, какъ полки гадяцкій и полтавскій, то изъ перваго мнѣ встрѣтилось крайне мало документовъ, изъ послѣдняго же—ни одного.

Прежде, чѣмъ перейти къ содержанію этихъ документовъ, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ формѣ и внѣшности. За рѣдкими исключеніями они представляютъ изъ себя судебныя дѣла, въ которыхъ въ видѣ приложеній встрѣчаются и различныя частныя бумаги, купчія, договоры, сдѣлки и т. п. (напр. рядъ купчихъ Скоруппъ), и лишь немногіе относятся собственно къ дѣлопроизводству генеральной канцеляріи и малороссійской коллегіи. Но рѣдкія изъ этихъ дѣлъ въ свою очередь дошли до насъ вполнѣ цѣлыми и сохранными. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ настолько попортились отъ сырости за время пребыванія въ подвалахъ губернскаго правленія, что чернила на нихъ слились и они разсыпаются при первомъ неосторожномъ прикосновеніи, что у многихъ другихъ листы на половину совершенно сгнили и вслѣдствіе этого ими нельзя пользоваться, не мало затрудненій встрѣчается и при пользованіи сравнительно болѣе счастливыми, уцѣлѣвшими бумагами. Лишь въ меньшинствѣ дѣлъ сохранились всѣ, относящіеся къ нимъ, документы, въ большинствѣ же мы имѣемъ дѣла неполныя, очень часто безъ конца, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда споръ восходилъ до высшихъ инстанцій, малороссійской коллегіи или же Сената. Нерѣдки также случаи, когда недостаетъ самой интересной части дѣла — слѣдственной. Наконецъ, многія дѣла разбиты на отдѣльныя части, которыя послѣдовательно находятся въ трехъ, иногда пяти и даже шести связкахъ, причемъ, конечно, не легко возстановить общую картину дѣла. Укажу, для примѣра, на громадное дѣло о золотоношскомъ степѣ, разбросанное въ пяти связкахъ, или

дѣло обознаго Кулябки съноваковскими козаками, находящееся въ двухъ связкахъ. Вообще, можно сказать, эти дѣла представляютъ прекрасный примѣръ того, какъ гибнутъ у насъ, благодаря нерадѣнію, памятники прошлаго. И если даже теперь, при такомъ состояніи ихъ, они даютъ цѣнный и поучительный матеріалъ, то невольно приходитъ на мысль, что было бы при иныхъ условіяхъ.

Такое положеніе этихъ документовъ, лишь разнесенныхъ къ тому же по рубрикамъ, но еще не описанныхъ, не позволяетъ дать точныхъ указаній относительно ихъ количества и придется ограничиться лишь приблизительнымъ его опредѣленіемъ. Въ рубрикѣ дѣлъ о закрѣпощеніи и отысканіи вольности имѣется до 50-ти связокъ, но большинство ихъ относится къ правобережной Малороссіи или же къ XIX вѣку. Приблизительно такое же количество связокъ имѣется и въ каждомъ изъ двухъ отдѣловъ поземельныхъ споровъ, но здѣсь, наоборотъ, мы имѣемъ дѣло преимущественно съ лѣвобережной Украиной XVIII вѣка. Въ каждой же отдѣльной связкѣ заключается отъ 30—40 до 70 и болѣе дѣлъ.

Обращаясь теперь къ самому содержанію дѣлъ, надобно будетъ прежде всего сказать, что даваемый ими матеріалъ относится далеко не ко всѣмъ, главнѣйшимъ даже, вопросамъ, входящимъ въ исторію крестьянства. Для исторіи собственно посполитыхъ, для опредѣленія ихъ юридическаго положенія, размѣра повинностей и т. п. здѣсь встрѣчаются лишь отрывочныя и случайныя указанія. Главнымъ же объектомъ дѣлъ служитъ козачество въ его разнообразныхъ отношеніяхъ и столкновеніяхъ съ другими классами населенія. Въ виду этого изъ ряда послѣдовательныхъ моментовъ исторіи крестьянства съ особенною полнотою и яркостью обрисовывается въ документахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, одинъ начальный, именно моментъ закрѣпощенія. Они доставляютъ богатый матеріалъ для уясненія причинъ этого процесса, поскольку послѣднія крылись въ условіяхъ жизни самихъ козаковъ и во внѣшнемъ давленіи на нихъ со стороны владѣльцевъ и старшины. Но и въ этомъ вопросѣ не всѣ его стороны одинаково ярко освѣщаются данными дошед-

шихъ до насъ дѣлъ. Изъ трехъ вопросовъ, входящихъ въ составъ исторіи закрѣпощенія, отношеній экономическихъ, создавшихъ имущественное положеніе старшины, затѣмъ собственно поземельныхъ отношеній и наконецъ административной роли старшины, дававшей ей возможность оказывать сильное давленіе на народную жизнь, первый менѣе всего находитъ для себя матеріаловъ. Сложный процессъ экономической исторіи, имѣвшій своимъ результатомъ созданіе класса крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, какимъ является передъ нами малороссійская старшина XVIII вѣка, лишь изрѣдка, и то случайно и не полно, отражался въ судебныхъ дѣлахъ. Съ бóльшимъ успѣхомъ можно прослѣдить его въ частныхъ документахъ, договорахъ, купчихъ, завѣщаніяхъ и т. п., но такихъ документовъ въ дѣлахъ архива слишкомъ мало, для того, чтобы можно было сдѣлать по нимъ какія-нибудь прочныя заключенія. Значительно богаче уже матеріалъ для обрисовки причинъ и условій закрѣпощенія, поскольку они связывались съ поземельными отношеніями. Дѣла, возбуждавшіяся по жалобамъ козаковъ на скуплю ихъ земли или на насильственный ея захватъ владѣльцами, съ цѣлью обращенія ихъ въ посполитые, довольно нерѣдки. Имѣются въ дѣлахъ архива и слѣдствія, производившіяся особыми коммиссіями по жалобамъ на захватъ земель въ мѣстностяхъ довольно большаго района, какъ напр. во всей яготинской сотнѣ, переяславскаго полка. Послѣднія, къ сожалѣнію, неполны и сильно попорчены. Такимъ образомъ на основаніи этихъ дѣлъ могутъ быть опредѣлены по крайней мѣрѣ главнѣйшія условія, благодаря которымъ земля ускользала изъ рукъ крестьянства. Особенно часты и многочисленны приэтомъ дѣла о захватѣ владѣльцами и старшиной земель общинныхъ или „свободныхъ войсковыхъ“. Помимо вопроса о сокращеніи матеріальнаго обезпеченія крестьянъ съ переходомъ значительной части этихъ земель въ руки владѣльцевъ [1]), они даютъ крайне интересный

[1]) Какіе размѣры принималъ иногда этотъ переходъ, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго факта: въ 1763 году гетманъ Разумовскій пожаловалъ полковому переяславскому судьѣ Якиму Каневскому на 2 версты свободнаго войсковаго золотоношскаго степа, поручивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ остальной степъ „въ цѣлостное наблю-

матеріалъ для обрисовки формъ общиннаго землевладѣнія. Большая часть матеріала, заключающаяся въ нихъ по этому предмету, обработана уже пр. Лучицкимъ въ указанной статьѣ его и я позволю себѣ прибавить только, что въ этихъ же дѣлахъ находятся любопытныя свидѣтельства относительно распаденія этихъ порядковъ и причинъ его. Но мало того—здѣсь мы находимъ не только отношенія между крестьянствомъ въ двухъ главныхъ его группахъ—посполитыхъ и козаковъ—и владѣльцами, но и отношенія между этими двумя группами крестьянскаго населенія, такъ какъ случаи возникновенія между ними поземельныхъ споровъ были также нерѣдки при существованіи общаго владѣнія землей. Не малое количество дѣлъ посвящено также закрѣпощенію отдѣльныхъ лицъ путемъ продажи земли. Если такимъ образомъ въ этихъ бумагахъ архива не имѣется достаточнаго матеріала для выясненія условій первоначальнаго роста экономической силы старшины, то воздѣйствіе этой силы послѣ ея образованія на жизнь населенія можетъ быть прослѣжено по нимъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ сторонъ, и является возможнымъ намѣтить главнѣйшія его формы, ведшія къ закрѣпощенію. О важности этого излишне и говорить, въ виду наблюдаемаго по всѣмъ источникамъ массоваго перехода козаковъ въ посполитые во второй половинѣ XVIII вѣка. Но наиболѣе полный и характерный матеріалъ даютъ дѣла архива для иныхъ отношеній козаковъ къ старшинѣ, составлявшихъ также одну изъ существенныхъ причинъ закрѣпощенія, отношеній, опредѣлявшихся тою властью, какую имѣла старшина въ качествѣ администраціи края и какая особенно усилилась со времени ослабленія, а затѣмъ и исчезновенія изъ жизни выборнаго принципа. Пользуясь этою властью въ свою пользу, отдѣльные представители старшины, не стѣсняемые никакимъ общественнымъ контролемъ, не церемонились эксплуатировать управляемое ими населеніе. Въ числѣ дѣлъ архива хра-

деніе". Каневскій вслѣдъ за тѣмъ послалъ гетману доношеніе, въ которомъ заявлялъ, что изъ степа, простиравшагося на 100 верстъ въ окружность, въ общемъ владѣніи козаковъ и посполитыхъ осталась только площадь на 12 верстъ въ окружности; все остальное расхищено владѣльцами.

нится множество дѣлъ о различныхъ притѣсненіяхъ козаковъ, взяткахъ, вымогательствахъ, насильственномъ отнятіи земель, побояхъ, доходившихъ иногда до убійства, принужденіи къ различнаго рода работамъ, наконецъ прямомъ обращеніи въ посполитые. Крайне цѣннымъ является притомъ то обстоятельство, что большинство имѣющихся дѣлъ касается не верховъ администраціи, вродѣ генеральной старшины или полковниковъ, а сравнительно мелкихъ дѣятелей.

Масса дѣлъ возбуждена противъ сотниковъ, иногда сотенныхъ атамановъ, и такимъ образомъ получается возможность установить средній типъ жизни и прослѣдить на яркихъ примѣрахъ тѣ пути, какими проникало вліяніе администраціи въ народную жизнь. Грубое насиліе, обусловленное возможностью безнаказанности, является здѣсь однимъ изъ наиболѣе постоянныхъ факторовъ. О формахъ, которыя оно принимало, можетъ дать понятіе хотя бы слѣдующій примѣръ. Въ 1743 году сотенное яготинское правленіе доносило полковой канцеляріи, что хотя послѣдняя и предписала обращенныхъ бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Думитрашкомъ козаковъ возвратить снова въ козачье званіе, но сотенное правленіе не можетъ исполнить этого предписанія, такъ какъ Думитрашко угрожаетъ ему, „сказуючи то, что ежели де оныхъ з сотенного правления будетъ между козаки привлекать то кого колвекъ з старшини прибю до полусмерти". Что подобная угроза была не совсѣмъ пустыми словами, показываетъ доношеніе ничипоровскаго атамана, передающее такіе факты. Пріѣхавъ въ с. Ничипоровку, Думитрашко потребовалъ къ себѣ атамана, но послѣдній, опасаясь его, отказался пойти. Тогда, пишетъ атаманъ, „оной Думитрашко з великой своей ярости призвалъ к себѣ в свой шинокъ Петра Сороку старого, которому отъ роду имѣется лѣтъ болѣе какъ осмъдесятъ и, призвавши его, началъ допрашивать, какъ ти желаешь жить и въ какомъ званіи, чили в моемъ подданствѣ или в козачомъ; то оной Сорока отказалъ, я де до окончания жития своего из своими дѣтми готовъ служить государинѣ, понеже и отецъ мой билъ козакъ, тако-жъ и я долженъ, здавну то в козачомъ звании билъ, такожъ и нинѣ желаю бить коза-

комъ. То оной Думитрашко приказалъ оного Сороку взять и положить, да на головѣ и на ногахъ казалъ сѣсти и держать его, а самъ собою плетю билъ нещадно, потимъ велѣлъ его поднять и почалъ повторе питать, где хощешь жить, и оной Сорока отказалъ, воля твоя, что хощешь надо мною дѣлай, токмо-жъ я здавна козакъ и ниньча козакъ. То оной Думитрашко повторе его Сороку велѣлъ положить, да двома плетми бить, отъ которого побою живъ ли чи будетъ". Оба эти доношенія были отправлены 4 марта, а 7 іюня всѣ козаки с. Ничипоровки подали жалобу уже въ генеральный судъ, заявляя, что „оный Думитрашка, наехавши въ оное село, з своимы служителмы, где которого козака ни попадетъ, начавши бить и прибыватъ до полусмерты и находячи слуги его-жъ Думитрашка почной добы гвалтовне разбойнычески виволоча с хатъ, забиваютъ же плѣтми и киями полусмертно", и что на всѣ свои доношенія объ этомъ въ полковую канцелярію они „жадной резолюціи не получили". Конечно, большинство практиковало не такой уже примитивный способъ убѣжденія козаковъ въ неудобствахъ ихъ званія, но нельзя сказать, чтобы и такіе случаи исключительнаго насилія были особенно рѣдки.

Помимо чисто фактической стороны, мы имѣемъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и довольно ясное отраженіе взглядовъ малороссійской старшины на характеръ своихъ отношеній къ козакамъ и можемъ прослѣдить столкновеніе этихъ взглядовъ, образовавшихся подъ вліяніемъ все большей привычки къ бюрократизму и къ независимости отъ управляемыхъ, вслѣдствіе занятія общественныхъ должностей поназначенію, а не по выбору, съ неумиравшими среди народа совершенно иными воззрѣніями на роль и значеніе своихъ властей. Какъ примѣнялись понятія, можно видѣть изъ того, что въ глазахъ сотенной и полковой старшины самовольный выборъ козаками сотеннаго или даже сельскаго атамана представлялся тяжелымъ преступленіемъ, „свирѣпствомъ" и бунтомъ.

Совокупность этихъ, бѣгло очерченныхъ здѣсь фактовъ и массы другихъ, подобныхъ имъ, несмотря на мелочность отдѣльныхъ изъ нихъ, а отчасти даже благодаря ей, позволяетъ,

думается намъ, сдѣлать заключеніе, что разработка даннаго архива можетъ ярче освѣтить, какъ нѣкоторыя изъ коренныхъ причинъ закрѣпощенія, такъ и тѣ условія, ту духовную атмосферу, если позволено будетъ такъ выразиться, среди которой оно совершалось. Для дальнѣйшей исторіи закрѣпощеннаго крестьянства архивъ этотъ, повторяю, даетъ хотя и очень цѣнныя иногда, но случайныя указанія и значеніе его сводится главнымъ образомъ къ двумъ пунктамъ: исторіи закрѣпощенія и изображенію порядковъ землевладѣнія.

Чтобы дать болѣе ясное понятіе о характерѣ дѣлъ, возникавшихъ между козаками и старшиной не на почвѣ непосредственнаго закрѣпощенія, я позволю себѣ разсказать здѣсь два такихъ дѣла, довольно характерныя по своему содержанію.

Первое изъ нихъ относится къ ирклѣевскому сотнику Павлу Завойкѣ. Въ „Мотыжинскомъ архивѣ“ подъ № 86 напечатанъ приказъ Разумовскаго, увольняющій этого сотника отъ должности и назначающаго на его мѣсто Семена Красовскаго. Среди старыхъ дѣлъ центр. архива мнѣ удалось розыскать и дѣло, вызвавшее этотъ приказъ.

Въ маѣ 1761 года нѣсколько козаковъ ирклѣевской сотни подали жалобу на сотника Завойку за скуплю и захватъ земель, въ томъ числѣ свободнаго войсковаго степа на нѣсколько верстъ, за взятки, вымогательства, употребленіе козаковъ въ домашнія и полевыя работы, растрату козачьихъ денегъ и другія обиды. Завойка, по ихъ словамъ, „чрезъ такови здирства козаковъ чрезъ недолгое битіе сотникомъ такъ обогатился, что во время занятія господиномъ брегадиромъ Грамомъ в дому его квартири написалъ на него бригадира отнятіе имѣнія до десяти тисячъ рублей..., а при опредѣленіи его сотникомъ крайне нищій былъ, о якой его нищетѣ всему народу извѣстно“. Всѣ козаки-ремесленники въ сотнѣ безденежно ему сотнику и сотенной старшинѣ работаютъ; за что ихъ освобождаютъ отъ службы, другіе же козаки выгоняются атаманами работать на него въ сѣнокосъ и при устройствѣ мельницы или даромъ, или же за ничтожную плату въ 4 и въ 2 копѣйки за день. Прося защиты отъ всѣхъ этихъ притѣсненій, жалобщики предупреж-

дали, что до сихъ поръ „хто ни заносилъ в полковую переяславскую канцелярію жалобу, то онъ техъ козаковъ билъ нещадно, чего другіе козаки устрашась, в разніе места с причини починеннихъ онымъ обидъ и розошлись, а бить челомъ уже не смѣлы“. Они просили поэтому на время слѣдствія отрѣшить отъ должности сотника и сотенныхъ атамана и писаря, тѣмъ болѣе, что „оніе сотникъ и атаманъ весма охотни бить и безъ и малѣйшей винности козаковъ“. Гетманъ Разумовскій, на имя котораго была подана эта жалоба, 15 іюня назначилъ для разбора дѣла трехъ слѣдователей; они должны были отправиться въ ирклѣевскую сотню и тамъ на мѣстѣ разслѣдовать жалобу. Но просьба козаковъ объ отрѣшеніи сотника отъ должности не была исполнена, а только предписано было слѣдователямъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы Завойка и сотенная старшина „козакамъ обидъ приключать не могли и за послѣдовавшій на нихъ искъ не мстились“. Послѣдствія такого оставленія истцовъ подъ командою отвѣтчика не замедлили обнаружиться. Уже 20 августа отправленъ былъ новый ордеръ Разумовскаго къ слѣдователямъ. Напоминая о своемъ приказаніи не давать козаковъ-истцовъ въ обиду, гетманъ указываетъ на поступившее къ нему доношеніе Завойки, въ которомъ послѣдній сообщалъ о побѣгѣ изъ команды одного изъ жалобщиковъ, козака Доброштана, и ослушаніи другихъ и прибавлялъ, „что оного Доброштана за то подъ карауломъ содержитъ и просилъ, чтобъ и другихъ таковихъ же козаковъ дозволено ему содержать под карауломъ, чтобъ никакихъ отъ нихъ в народѣ возмущеній не чинено“. Излишняя откровенность этой просьбы побудила только гетмана еще разъ повторить слѣдователямъ приказаніе не давать козаковъ въ обиду. Но это мало помогло послѣднимъ. Въ сентябрѣ того же года они подали новое доношеніе Разумовскому, сообщая, что главный слѣдователь, бунчуковый товарищъ Иванъ Александровичъ, уѣхалъ по другому дѣлу и слѣдствіе по ихъ жалобѣ все еще не начинается, а между тѣмъ сотникъ не прекращаетъ своихъ притѣсненій. Съ цѣлью обѣлить себя на судѣ онъ, по словамъ жалобы, ѣздитъ по селамъ и беретъ отъ всѣхъ обиженныхъ имъ козаковъ подписки въ томъ, что

они никакихъ обидъ отъ него не терпѣли и вполнѣ имъ довольны, не дающихъ же такихъ росписокъ бьетъ и грабитъ. Въ виду этого истцы, потерявши, очевидно, надежду на отрѣшеніе Завойки, просятъ, по крайней мѣрѣ, передать ихъ на время слѣдствія подъ команду каневскаго сотника. Эта новая просьба возымѣла лишь то дѣйствіе, что на мѣсто Александровича назначенъ былъ въ октябрѣ слѣдователемъ бунчуковый товарищъ Иванъ Берло. Прошло однако менѣе двухъ мѣсяцевъ и въ декабрѣ тѣ же козаки снова жаловались, что Завойка и не думаетъ прекращать своихъ насилій; такъ, еще „октября послѣднихъ чиселъ куреня мѣского удови козачие жени... какъ пред симъ, такъ и нинѣ в оного сотника во дворѣ хати его мили и мазали за панщину“. Не оставлялъ равнымъ образомъ Завойка и попытокъ силой принудить козаковъ къ прекращенію иска. „И когда еще, говорятъ они, следствия в показанниxъ нашихъ обидахъ не будеть учиненно, то онъ сотникъ из старшиною могуть насъ к такимъ разорениямъ привесть, что принуждени будемъ, оставя жиллие наши двори... розойтись в подданство ради единого защищения себе в здоровьи отъ оного сотника“. Судьба къ тому же рѣшительно преслѣдовала козаковъ: бунчуковый товарищъ Берло умеръ и слѣдствіе опять остановилось. Въ свою очередь Завойка, видя упорство козаковъ, придумалъ новый выходъ изъ затруднительнаго положенія. Собравъ 8-го декабря по пяти человѣкъ козаковъ отъ куреня, онъ объявилъ, что по слабости здоровья не можетъ долѣе быть сотникомъ, но затѣмъ призывалъ ихъ по одному въ свой домъ и, угощая водкой, требовалъ, чтобы они подписали выборъ въ сотники сына его Данила, и „козаки и атамани, вѣдая довольно, что оной Завойка по своей необыкновеной завзятости многихъ козаковъ разорилъ немилосердно, билъ и другіе тягчайшіе обиды приключилъ, и чтобъ и надъ ними, пока что будеть, не помстился, принуждени на тѣхъ выборахъ подписатся“. Но вслѣдъ затѣмъ часть ихъ подала жалобу на такой поступокъ сотника, ссылаясь и на то, что „сынъ его какъ лѣтамы, такъ и службою еще весма младъ и сего чина отець ищеть рады того одного, чтобъ имъ покористоватся степомъ и лугомъ общимы козачимы и грун-

тами насильно отнятимы отъ козаковъ и в конецъ козаковъ сотнѣ ирклѣевской разорить". Жалобщики указывали, что въ сотнѣ имѣется болѣе достойный претендентъ на мѣсто сотника „з прадѣда, дѣда и отца честного состоянія человѣкъ", войсковой канцеляристъ Семенъ Красовскій, который уже разъ, во время отсутствія сотника, съ успѣхомъ замѣщалъ его, не дѣлая никакихъ обидъ козакамъ. Возгорѣлось новое дѣло, но Завойка и теперь не былъ отрѣшенъ отъ должности и по прежнему продолжалъ пользоваться преимуществами своего оффиціальнаго положенія. Всѣ возможныя средства были пущены имъ въ ходъ: тутъ было и вымогательство свидѣтельствъ отъ другихъ козаковъ съ оправданіемъ его сотника и жалобами на слѣдователей, яко бы притѣснявшихъ ихъ, свидѣтельствъ, отъ которыхъ они затѣмъ отказывались, и опороченіе слѣдователей съ цѣлью добиться смѣны ихъ, и отводъ свидѣтелей. Сотникъ припомнилъ даже, что одна козачка, выступившая противъ него съ обвиненіемъ, лѣтъ двадцать назадъ судилась за волшебство, а относительно другого свидѣтеля заявлялъ, что онъ цыганъ и уже по тому одному „подозрительный человѣкъ". Сотенная канцелярія, къ которой обращались слѣдователи за справками, давала ихъ, конечно, въ смыслѣ показаній Завойки и дѣло запутывалось все болѣе и болѣе, хотя преступленія сотника уже и не подлежали сомнѣнію. Послѣднія бумаги слѣдствія по дѣлу о выборѣ сына Завойки въ сотники, бывшія у насъ въ рукахъ, относятся къ веснѣ 1763 года. Въ этомъ же году гетманъ Разумовскій рѣшился наконецъ исполнить просьбу козаковъ и 28 августа назначилъ Семена Красовскаго ирклѣевскимъ сотникомъ. Но въ 1774 году велось еще дѣло о захваченныхъ Завойкой земляхъ; отъ этого послѣдняго сохранилась только опись, въ которой поименована 381 бумага.

Изъ дѣла этого можно видѣть, какъ легко было добиться козакамъ справедливости судебнымъ порядкомъ даже въ томъ случаѣ, когда дѣло велось съ такимъ не особенно виднымъ представителемъ старшины, какимъ былъ сотникъ. Слѣдующій примѣръ можетъ показать, въ какое положеніе попадали они, когда, не надѣясь на судъ, пытались возстановить свои права сами. Въ

1762 г. лубенскій полковой обозный, Василій Кулябка, захвативъ часть общественной земли, принадлежавшей козакамъ селъ Новаковъ, Тарандинцевъ и Высшаго Булатца, сталъ строить на ней шинокъ и клуню. Въ тѣхъ случаяхъ, когда подобные захваты производились рядовымъ козакомъ, козаки не задумывались расправляться съ нимъ сами [1]), но подобная расправа съ полковымъ обознымъ была не такъ удобна и они рѣшились сперва испросить разрѣшеніе на нее. Съ этою цѣлью подали они просьбу полковнику Ивану Кулябкѣ, и указывая на чинимое имъ притѣсненіе, такъ какъ обозный шинка „еще не достроилъ, а началъ немаліе грабителства дѣлать", просили позволенія „шинокъ роскидать, закопъ засипать, клуню разбросать". Полковникъ не далъ имъ, однако, этого позволенія, а велѣлъ обратиться къ суду полковой канцеляріи; въ свою очередь и послѣдняя приказала козакамъ не прибѣгать къ самоуправству, а ожидать судебнаго рѣшенія. Но, очевидно, эта перспектива не особенно прельщала козаковъ. Они отправили своихъ сельскихъ атамановъ заявить обозному, что если онъ добровольно не отступится отъ захваченной земли, возведенныя на ней строенія будутъ разрушены ими. Обозный ограничился тѣмъ, что сообщилъ это къ свѣдѣнію полковой канцеляріи и просилъ у нея защиты. Та приказала мѣстному сотенному правленію воспретить козакамъ прибѣгать къ насилію, но приказъ этотъ не подѣйствовалъ на раздраженные умы. „Нарочито собравшися, по словамъ обозного, в многолюдствѣ коихъ всѣхъ было до тисячи человѣкъ з женами и дѣтми купно и с предводителемъ ихъ, давнимъ чигателемъ на здорове мое и домъ, находячимся в запрещеніи попомъ, подозрителнимъ в многихъ немаловажнихъ винахъ, какъ то в зажигателствѣ, смертноубійствѣ, волшебствѣ и в протчемъ, Андреемъ Бабичемъ, учиня немалое смущеніе, з разними орудіями разбойнически", козаки трехъ названныхъ селъ напали на его шинокъ и затѣмъ клуню и разорили ихъ, причемъ будто бы угрожали убить самого обознаго, если онъ по-

---

[1]) Ср. дѣло атамана с. Ничипоровки въ Рум. Описи, цитированное пр. Лучицкимъ въ указанной статьѣ его, стр. 410.

падется въ ихъ руки. По жалобѣ обознаго полковая канцелярія приступила къ разбору дѣла, арестовала многихъ козаковъ и, такъ какъ они не отрицали своего поступка и не соглашались даже дать обязательства впредь не нападать на обознаго, присудила ихъ къ наказанію. Но жестокость послѣдняго вызвала новую жалобу со стороны козаковъ, на этотъ разъ на всю полковую старшину, въ войсковую генеральную канцелярію. Послѣдняя затребовала объясненій отъ полковника и въ его доношеніи звучатъ любопытныя струнки. Разсказавъ самое дѣло, причемъ онъ особенно напираетъ на „мнимость" жалобъ козаковъ и на упрямство ихъ въ отказѣ дать подписку впредь не повторять подобныхъ дѣйствій, онъ прибавляетъ, что особенно опасны угрозы козаковъ убить обознаго: послѣдній „оставя свой жилой в селѣ Новакахъ домъ, совсѣмъ вибрался и нинѣ живетъ с немалимъ утѣсненіемъ своимъ в Лубняхъ, а между тѣмъ по часто упоминаемимъ похвалкамъ в той маетности его Новакахъ мелница его зажжена сгорѣла совсѣмъ. А такова зла, продолжаетъ полковникъ, ежели срогостію указовъ и правъ не запущая в продолженіе заблаговременно не отвратить, то всякому владѣлци в маетностяхъ и в домахъ своихъ и побувать будетъ за таковими самоволствами весма опасно, а подлой народъ еще горше развратится". Въ виду этихъ соображеній и самое наказаніе, понесенное козаками, не болѣе 60 ударовъ „ординарними плѣтми", представлялось полковнику ни мало не переходящимъ границъ и онъ испрашивалъ у войсковой канцеляріи разрѣшенія наказать и тѣхъ виновныхъ, которые еще не подвергались взысканію. Насколько справедливо было это послѣднее утвержденіе полковника относительно размѣровъ наказанія, мы узнаемъ изъ жалобы козаковъ, сообщающихъ, что били ихъ не плетьми, а кіями, и что „никому менше ста ударовъ не доставалось, от коего бою инныхъ, а паче престарѣлихъ почти неживихъ и облившихся кровю с места, на коемъ бито, на сторону отволикано, а иные от того-жъ бою и приключившихся чрезъ оной несноснихъ ранъ... после того въ недолгомъ времени и померли". Войсковая канцелярія предписала выслать дѣло въ генеральный судъ, не приводя въ исполненіе рѣшенія

полковой канцеляріи, но козаковъ держать подъ карауломъ, пока они не дадутъ подписки въ томъ, что „впредь такихъ самоволствъ чинить" не будутъ. Но послѣ разбора дѣла въ генеральномъ судѣ полковая канцелярія была признана виновною въ истязаніи козаковъ и послѣднимъ присуждена была навязка съ провинившихся старшинъ въ размѣрѣ 14864 рублей на 135 арестованныхъ и битыхъ козаковъ. Рѣшеніе это, постановленное въ маѣ 1764 года, не было однако еще приведено въ исполненіе годъ спустя, несмотря на то, что недовольная имъ старшина не обжаловала его судебнымъ порядкомъ.

Приведенные примѣры могутъ до нѣкоторой степени иллюстрировать высказанныя выше соображенія о характерѣ хранящихся въ кіевскомъ центр. архивѣ дѣлъ по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи. Конечно, въ предѣлахъ настоящей замѣтки намѣчены далеко не всѣ вопросы, въ нихъ затрогиваемые, но это было бы и излишне. Съ помощью этого бѣглаго наброска я хотѣлъ только очертить общій характеръ этихъ данныхъ по исторіи крестьянства, и вмѣстѣ показать до нѣкоторой степени на этомъ частномъ примѣрѣ, насколько цѣнный матеріалъ для внутренней исторіи края можетъ заключаться въ мало еще извѣстныхъ старыхъ дѣлахъ здѣшняго архива.

В. Мякотинъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Метрическая выпись о рожденіи и крещеніи Т. Г. Шевченка. Доселѣ еще твердо не установлено мѣсто рожденія нашего роднаго поэта Т. Г. Шевченка. Одни считаютъ этимъ мѣстомъ село *Моринцы* (звенигородскаго у., кіевской г.), а другіе—сосѣднее село *Кириловку*. Чрезъ посредство священника села *Сегединецъ*, звенигородскаго же уѣзда, о. *Петра Андріевскаго*, живущаго въ сосѣдствѣ съ Моринцами и Кириловкой, мы получили выпись изъ *подлинной* метрической книги о рожденіи и крещеніи Т. Г. Шевченка, удостовѣренную мѣстнымъ священникомъ и благочиннымъ о. *Іоанномъ Березницкимъ*. Изъ этой выписи видно, что Т. Г. Шевченко родился (25 февр. 1814 г.) и крещенъ въ с. Моринцахъ.

Вотъ-эта *выпись* въ томъ видѣ, въ какомъ сообщилъ ее намъ многоуважаемый о. Петръ Андріевскій, коему приносимъ нашу глубокую благодарность:

Метрическая выпись.

Въ метрической валовой книгѣ, хранящейся при Богословской церкви села Моринецъ, кіевской губерніи, звенигородскаго уѣзда, въ части первой: *о родившихся*, за тысяча восемьсотъ четырнадцатый годъ, статья о рожденіи и крещеніи поэта Тараса Григорьевича Шевченка записана подъ № 10-мъ мужеска пола слѣдующими словами: «мѣсяца февраля 25 числа день рожденія и 28 числа того же мѣсяца день крещенія. У жителя села Моринецъ Григорія Шевченка и жены его Екатерины родился сынъ Тарасъ. Молитвовалъ и крестилъ іерей Алексій Базаринскій. Воспріемникомъ при крещеніи былъ Григорій Ивановъ Дяденко, житель моринскій».

Что настоящая статья о рожденіи поэта Тараса Шевченка изъ метрической книги села Моринецъ выписана вѣрно, въ томъ удостовѣряю. 5 октября 1889 г.

Приходскій с. Моринецъ священникъ, благочинный 3-го округа Іоаннъ Березницкій.

Сообщ. **Левъ Мацѣевичъ.**

О затерянной рукописи Н. И. Костомарова Въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» 1889 г. была напечатана замѣтка г. L. о пропавшихъ рукописяхъ Н. И. Костомарова, именно, о тѣхъ сочиненіяхъ и матеріалахъ, которые были отобраны у Костомарова въ Кіевѣ въ 1847 г. Считаю не лишнимъ указать еще на одну важную потерю послѣдняго времени. Въ началѣ 80 годовъ въ «Русской Мысли» было напечатано обширное и цѣнное изслѣдованіе Костомарова: «Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» (218 страницъ). Въ первой главѣ говорится о морскихъ походахъ козаковъ, во второй—объ ихъ сухопутныхъ походахъ, въ третьей—о вторженіи татаръ и турокъ, въ четвертой—о борьбѣ южно-русскаго народа съ Польшею послѣ Хмельницкаго и въ пятой о внутреннихъ общественныхъ явленіяхъ, возникшихъ въ Малороссіи вслѣдствіе борьбы съ Польшею, насколько они отразились въ пѣсняхъ. Цѣнность изслѣдованія обусловлена широкой эрудиціей автора, ясностью изложенія и приведенными въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ неизданными пѣснями. При этихъ крупныхъ достоинствахъ тѣмъ болѣе бросается въ глаза читателя пропускъ всей эпохи Хмельницкаго. Костомаровъ не виновенъ въ существованіи этого пробѣла. Приславъ мнѣ «Исторію козачества въ пѣсняхъ», Н. И. Костомаровъ въ письмѣ отъ 28 августа 1882 г., между прочимъ, писалъ: «въ моемъ сочиненіи вы, конечно, замѣтите странный пробѣлъ. Говоря о народной жизни, отразившейся въ историческихъ пѣсняхъ, я не говорю о Хмельнищинѣ, о самой славной и богатой событіями эпохѣ, которая притомъ полнѣе другихъ отразилась въ народной поэзіи. Вина тому непостижимая и непростительная разсѣянность редакціи «Русской Мысли». Цѣлая глава моего сочиненія у нихъ гдѣ то затерялась, и хотя я писалъ уже два раза объ этомъ, но никакого удовлетворительнаго отвѣта не получилъ. Мнѣ это обстоятельство тѣмъ прискорбнѣе, что редакторъ Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходнѣйшая личность, какой подобной едва

ли съ діогеновскимъ фонаремъ отыскать у насъ можно; но удивительно разсѣянъ и забывчивъ. Придется мнѣ, кажется, идти по слѣдамъ незабвеннаго Василія Кирилловича и снова написать пропавшее для отдѣльнаго изданія всего сочиненія объ историческомъ значеніи южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества». Это намѣреніе Костомарова не получило осуществленія, и въ вышедшемъ въ 1890 г. сборникѣ неизданныхъ сочиненій Костомарова «Литературномъ наслѣдствѣ» нѣтъ статьи о малорусскихъ пѣсняхъ временъ Хмельницкаго.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Указъ кіевскаго митрополитанскаго коллегіума о кулачныхъ бояхъ и вечерницахъ. Въ церковномъ архивѣ с. Есмани, глуховскаго уѣзда, черниг. губ. хранится рядъ указовъ высочайшихъ, Сената, Синода, кіевскаго митрополита, обнимающихъ періодъ съ 1710 г. и приблизительно по царствованіе Павла I. Благодаря просвѣщенной заботливости о памятникахъ старины теперешняго настоятеля церкви протоіерея П. О. Красовскаго указы эти собраны, переплетены вмѣстѣ, распредѣлены по царствованіямъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Располагая короткимъ временемъ, мы имѣли возможность ознакомиться только съ указами 1710—1725 г. Здѣсь мы встрѣтили и указы о рудахъ, о моровомъ повѣтріи, о формѣ суда и пр., которые уже напечатаны отчасти въ Пол. Соб. Зак.

Въ прежнее время, когда не было газетъ, публикація новыхъ законовъ въ Малороссіи, производилась слѣдующимъ образомъ. Сенатъ или Синодъ отправлялъ часть печатныхъ указовъ къ кіевскому митрополиту, тамъ они переписывались и разсылались по протопопіямъ и монастырямъ, гдѣ ихъ должны были читать въ церквахъ; болѣе важные указы прибивались кромѣ того и къ церковнымъ дверямъ. Этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить существованіе такого разнообразнаго собранія указовъ въ архивѣ простой деревенской церкви. Указы препровождались къ протопопамъ и въ монастыри при особыхъ предписаніяхъ митрополіи. Всѣ эти предписанія составлены на одинъ образецъ; послѣ перечисленія указовъ съ ихъ краткимъ содержаніемъ, говорится: «якъ ви, отци протопопи, намѣстники и правители, такожъ отци игумены, строители монастирей мужескихъ и женскихъ, сие премощнѣйшихъ его величества государя императора указовъ, коими при нашомъ архіерейскомъ писаніи полу-

чите, и вы бъ всякъ отецъ протопопъ или намѣстникъ, такожъ отецъ игуменъ и строитель при всенародномъ собраніи оній в церквахъ своихъ опромулдовали и заразъ списки себѣ списавши, велѣли всѣмъ священникамъ своимъ (нѣкоторые) указы вездѣ до церковныхъ дверей для всенароднаго извѣстия поприбивать, а оніе вышеомянутіе указы въ другіе здѣ означеніе мѣста отсилали бъ, по обыкновенію, немедленно, чтобъ всѣ духовнаго и мирскаго чина люди подлепно о томъ вѣдали и непремѣнно по оньмъ исправляли бъ, а о дѣйствительномъ исправленіи репортовали бъ честности ваши зо всѣхъ мѣстъ въ катедру, пастирско деклеруемъ и упоминаемъ».

Въ собраніи, о которомъ мы говоримъ, есть нѣсколько циркуляровъ кіевской митрополіи, не лишенныхъ интереса для исторіи старой Малороссіи.* Одинъ изъ такихъ указовъ «о кулачныхъ бояхъ и вечерницахъ» мы печатаемъ ниже. Но при этомъ считаемъ долгомъ замѣтить, что, по нашему мнѣнію, полагаться на этотъ документъ и дѣлать на основаніи его какія-либо заключенія о народной жизни нельзя. *Вечерницы* явленіе обычное по всей Малороссіи. Такъ наз. интеллигенція и теперь еще приписываетъ имъ развращающее дѣйствіе въ народной жизни, хотя такое мнѣніе не имѣетъ за собой реальныхъ основаній. Г. Рыльскій, близко знающій народную жизнь и самъ многое переживщій, замѣчаетъ, что «для того кто знаетъ нашихъ сельскихъ женщинъ (а всѣ онѣ бывали въ свое время на *досвиткахъ*) мысль о повальной ихъ разнузданности представлялась бы крайне обидною, если бы она не была такъ смѣшна»[1]). Мы пропровѣрилъ это мнѣніе и свѣдѣнія, собранныя нами, подтвердили слова г. Рыльскаго. Трудно, конечно, поручиться, что на вечерницахъ не случаются и «грѣхи блудныя», «дѣвства растлѣнія»; но до «беззаконнаго прижитія дѣтей», а затѣмъ и до «дѣтогубства» дѣло доходитъ чрезвычайно рѣдко, и почти никогда. Такія пары женятся обыкновенно. Не нужно забывать, что духовенство, да и гражданская власть, часто видѣли нежелательныя явленія тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не существовало, и простымъ обрядамъ, обычаямъ приписывалось часто такое значеніе, какого они не имѣли. Вѣдь и теперь еще ведется борьба съ т. наз. «языческими обрядами», отъ которыхъ языческаго-то и осталось одно названіе, а обрядъ обратился въ такой же обычай, какъ гаданье на праздникахъ или въ такую *безсмысленную* игру, какъ «хванты»

---

[1]) *Ѳ. Р. Рыльскій.* Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. „Кіев. Стар.“ 1890 г., сентябрь, стр. 353.

и «сусиды», въ которые играютъ наши поповны на праздникахъ; и теперь еще духовенство приписываетъ *простымъ*, напр., *купальскимъ играмъ* какое-то религіозное значеніе, и ихъ запрещаютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что играющіе *«бѣса веселять»* (?!) [1]).

Н. В.

Катедры киевской указъ ѡ кулачнихъ боихъ и вечерницахъ.

Вамъ пречестнимъ отцемъ протопопамъ остерскому, козелецкому, борзенскому, воронижскому, конотопскому, глуховскому, ивановскому, честнимъ намѣстникомъ презвитеромъ і всему духовному освященному причту, кому гдѣ о семъ вѣдати надлежитъ, Божія благословенія, мирнаго здравія і благополучнаго поведенія отъ превысочайшаго архиерея прошедшаго небеса Господа Бога Спаса нашего Іисуса Христа узичивши извѣстно творитъ, ижъ зайшолъ всего духовнаго митрополитанского консисторіумъ премощній ясневелможного его милости пана гетмана по указу его священнѣйшого царского пресвѣтлаго величества унѣверсалъ, повелѣвающій, даби везде по городамъ и мѣстечкамъ и селамъ в Малой Россіи попрестали богомерзкие молодихъ своеволнихъ людей зборища навкулачки і словомъ ненавистия гуляния, прозиваемая вечерницѣ, на котория многие людие, непостягливие отъ родителей своихъ мужеска полу и женска дѣти, по ночамъ купами собирающияся, неисповѣдимая безчинства и мерзкая беззаконія творятъ, справляющи себѣ пий и танцѣ . . . . . [2]), откуду походятъ галаси, зачѣпки і до соровъ і звидокъ, до чого послѣдуютъ и забойства, а найбардзѣй подчасъ таковихъ нечестивихъ зборовъ ночнихъ розние дѣлаются ексцеси, яко-то грѣхи блудния, дѣвства растлѣния, беззаконія прижития дѣтей, для чего чрез тихъ безчинніковъ, утаевающихъ своя беззаконія, скверная дѣла стаются, дѣтогубства. За якіе беззаконія, умножившияся явствено, праведнаго гнѣва Божия на всѣхъ насъ чаша изливается, яко уже не теперь колколѣтніе неурожаи хлѣбние многие, падежи скотовъ, тяжкие болѣзни у людехъ, а що болшъ морові губителніе язви, страшное повѣтреное время понесла Малая Россія и прочия понесла злоключения. Сего ради ми таковому богомерзкому чинячомуся безаконию весь освященъ духовний соборъ заповѣдаючи і по должности нашей богомолческой премощному ясневельможного добродѣя нашего регементарскому согласуючи унѣверсалу, якие по всѣхъ малороссійскихъ

[1]) „Кіев. Стар." 1890 г. Ноябрь, стр. 327.

[2]) Два слова не разобраны, но, *кажется*, говорится о *пьянствѣ*.

полкахъ уже суть розисланн нилно упоминаемъ пречестностей вашихъ всѣхъ отцевъ протопоповъ со всѣмъ духовенствомъ і повагою всего консисторіумъ нашего митрополитанского кіевского приказуемъ, же бисте пречестность ваша всему духовному чину власти своей подсудствующому приказовали і накрѣпко пригрозили і того всеконечне престеригали мененимъ нечестивимъ зходищамъ, зборищамъ вечерничнимъ не биватъ отъ сего часу і непотребнимъ кулачнимъ боемъ і нечинитися и нѣхто нѣгде на онне сходитися не важился бъ, з чого многие не тилко здравия, лечъ и житня лишаются и злѣ извергаютъ душѣ своя. Аще же би кто поважился бити противнимъ заповѣди Божой, премощънѣйшому монаршому указу рейментарскому ясневельможного пана унѣверсалу і сему отъ всего духовенства нашего виданному патенту, таковаго за первимъ, другимъ и третимъ духовнимъ наказанием повелѣваемъ пречестностемъ вашимъ властію всего консисторіумъ митрополитанского отлучити отъ церкви і отъ сообщення вѣрнихъ, грядетъ бо гнѣвъ на сини противления, не закоснитъ пагуба ихъ, отъ которой всѣхъ православнихъ христианъ, церкви святой покаряющихся и хранящихъ заповѣди Божия, да сохрани Господь, усердствуемъ. Совершеннѣйшаго достовѣрия пречестностямъ вашимъ повелѣваемъ сие духовние наши указн списовать и списки вездѣ по городамъ, мистечкамъ і селамъ, вичитавши, до дверей церковнихъ прибивать. Данъ з катедри митрополитанской кіевской. Року 1719, януарія 27 дня.

Іеромонахъ Варлаамъ Лѣсницкій, игуменъ монастира Свято-Михайловского Золотоверхого кіевскаго, іеромонахъ Григорій Ѳошкевичъ, намѣстникъ катедралний свято-софійскій м. к., іеромонахъ Іоаникій Ѳедоровичъ, консисториста м. к., іеромонахъ Христофоръ Чарнуцкій, игуменъ Свято-Николской-Пустинной к., іеромонахъ Лаврентій Ѳорка, игуменъ Свято-Михайловскій Видубицкій, кіевскій.

(Изъ архива есманской церкви глуховскаго уѣзда, черниго. губ.).

Отрывки изъ фамильныхъ преданій и архивовъ. *I. Премьеръ-маіоръ Александръ Андреевичъ Новицкій* (1748 † 1823 гг.). Однимъ изъ потомковъ охочекомоннаго полковника Ильи Ѳедоровича Новицкаго, краткая характеристика котораго помѣщена нами въ іюльской книгѣ «Кіевской Старины» за 1885 г., во второй половинѣ XVIII в. былъ, между прочимъ, премьеръ-маіоръ Александръ Андреевичъ Новицкій (род. 1748 † 1823 г.), герой турецкихъ войнъ въ царствованіе

императрицы Екатерины II и въ теченіе долгаго времени предводитель дворянства разныхъ уѣздовъ воронежской губерніи.

Отецъ его, Андрей Ивановичъ, долго служилъ въ военной службѣ и вышелъ въ отставку бригадиромъ; мать его, Марья Семеновна († 1798 г.), была изъ рода Сулимъ, что видно изъ изданнаго въ прошломъ году «Мотыжинскаго архива»—жили они въ родовомъ гнѣздѣ Новицкихъ, наслѣдіи полковника Ильяша, селѣ Исачкахъ лубенскаго уѣзда, извѣстномъ теперь своими каменоломнями.

Родившись въ 1748 г., Александръ Андреевичъ провелъ все свое дѣтство и отрочество въ Исачкахъ. 1 февраля 1763 г. его отдали въ сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ, гдѣ онъ весьма успѣшно учился, такъ что 1 іюня 1764 г. былъ сдѣланъ за отличіе капраломъ; 19 іюня 1766 г. онъ окончилъ корпусъ, будучи произведенъ въ поручики ямбургскаго карабинернаго полка.

Вскорѣ судьба поблагопріятствовала ему выказать себя храбрымъ офицеромъ на боевомъ поприщѣ.

Весной 1769 г. началась, такъ называемая, первая турецкая война. Такъ какъ ямбургскій карабинерный полкъ вошелъ въ составъ 2-й арміи, названной украинской или оборонительной, находившейся сначала подъ начальствомъ графа П. А. Румянцева, а потомъ графа П. И. Панина, и оперировавшей главнымъ образомъ противъ татаръ въ Новороссіи, то Новицкому пришлось участвовать въ отраженіи татаръ отъ Бахмута и въ осадѣ Бендеръ. Въ 1770 г. Новицкій участвовалъ 21 августа въ штурмѣ крѣпости Киліи отрядомъ, подъ начальствомъ кн. Н. В. Репнина, паденіе которой передало въ руки русскихъ устье Дуная и доставило большой запасъ военныхъ принадлежностей; 16 сентября онъ участвовалъ въ штурмѣ Бендеръ, окончившемся взятіемъ этой крѣпости послѣ продолжительной осады отрядомъ, подъ предводительствомъ графа П. И. Панина, въ 12,000 человѣкъ, изъ которыхъ большая половина выбыла изъ строя; и, наконецъ, 28 сентября онъ участвовалъ въ штурмѣ Аккермана соединеннымъ отрядомъ 1-й и 2-й арміи, подъ начальствомъ генераловъ Игельстрома и Каменскаго, окончившемся сдачей крѣпости и большаго отряда татаръ. Въ 1771 г. Новицкому пришлось принять участіе въ осадѣ Перекопа и Кафы главнымъ отрядомъ 2-й арміи подъ предводительствомъ князя В. М. Долгорукова (срв. А. Петровъ. Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами, съ 1769—1774 г. Т. I—V. Спб. 1866—74).

Особенно отличился Новицкій въ дѣлѣ подъ Перекопомъ, что видно изъ аттестата, выданнаго ему генералъ-квартирмейстеромъ Михаиломъ Каховскимъ:

«Въ приближеніи арміи къ Перекопу, по должности моей рекогносцировалъ я какъ линію и городъ, такъ и предлежащую ситуацію, употребивъ къ сему важному примѣчанію дивизіонъ квартирмейстера капитанскаго чина Александра Новицкаго, которому и приказалъ подъѣзжать, какъ можно ближе, къ находящимся на оной линіи батареямъ и примѣчать акуратнѣе, что и исполнено было наилучшимъ способомъ. При овладѣніи жъ штурмомъ Перекопской линіи сего 1771 года въ 14 день іюня, когда ввѣренъ былъ мнѣ лѣвой флангъ атаки, то я, раздѣля на двѣ колонны, препоручилъ изъ оныхъ одну въ команду его, какъ довольно уже свѣдущаго положеніе мѣста и оборону линіи, и, положась на его твердо, приказалъ производить атаку. Первоначатой имъ огонь и производимая по линіи безпрерывная стрѣльба мало по малу стекающагося непріятеля понудила наконецъ собраться на сей флангъ великими толпами, но не устрашило нимало сего храбраго офицера, о которомъ по справедливости могу сказать, что онъ отмѣннымъ своимъ раченіемъ и оказанною при семъ случаѣ особливою храбростію заслуживаетъ себѣ отмѣнного и достоинства, и чести. 20 іюня 1771 г.» *(Подпись)*.

Не менѣе храбрымъ и распорядительнымъ выказалъ себя Новицкій при взятіи Кафы и въ другихъ дѣлахъ на Крымскомъ полуостровѣ во время турецкой войны, и также при усмиреніи пугачевскаго бунта, что и было удостовѣрено княземъ В. М. Долгоруковымъ въ аттестатѣ, выданномъ Новицкому въ 1774 году:

«Ямбургскаго карабинернаго полка господинъ секундъ-маіоръ, Александръ Андреевъ сынъ Новицкій, по бытности своей въ генеральномъ штабѣ арміи моего предводительства дивизіонъ-квартирмейстеромъ капитанскаго чина, сверхъ отправляемой имъ со всякимъ раченіемъ службы, той должности соотвѣтствующей, опредѣленъ былъ отъ меня, при взятіи штурмомъ Перекопской линіи съ 13 на 14 іюня прошлаго 1771 года, надъ колонною, производившею къ батареямъ на лѣвомъ флангѣ линіи фосъ-атаку, командиромъ и, не страшась непріятельскаго безпрерывно производящагося огня, до взятія всей линіи мѣсто свое защищалъ храбро. По вступленіи жъ побѣдоноснаго второй ея императорскаго величества арміи оружія во внутрь Крыма, при взятіи города Кафы того жъ года іюня въ 29 день употребляемъ былъ не только къ рекогносцированью города, но и къ препровож-

денію артиллеріи къ самому почти непріятельскому ретраншаменту, во многихъ партіяхъ былъ и, гдѣ только имѣлъ случай, показывалъ усердіе и ревность ко службѣ ея императорскаго величества. По выключеніи изъ онаго штаба и по производствѣ в сей чинъ, препорученные отъ меня по особливой экстрѣ съ четырехъ-сотною командою, для отвращенія партій въ воронежской и другихъ губерніяхъ, чинимыхъ государственнымъ злодѣемъ и измѣнникомъ Пугачевымъ, гдѣ порученные ему къ защищенію отъ злодѣйского навѣта крѣпости и другія мѣста до совершеннаго разбитія варварскаго сонмища и поимки главного злодѣя, предохранялъ порядочно, и даже, до окончанія войны, былъ всегда при особливо поручаемыхъ должностяхъ безотлучно, для чего по справедливости заслуживаетъ по хорошему своему поведенію къ повышенію чина. Сей мой аттестатъ данъ въ главной квартирѣ въ благополучномъ городѣ Полтавѣ, ноября 30 дня 1774 г. Князь Долгоруковъ, ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни моей, генералъ-аншефъ, второй арміи войскъ предводитель и всѣхъ трехъ россійскихъ орденовъ кавалеръ» (М. П.).

17 ноября 1780 г. Новицкій вышелъ въ отставку въ чинѣ премьеръ-маіора, взявши предварительно у Румянцева продолжительный отпускъ, что видно изъ слѣдующаго ордера Румянцева:

«По рапорту вашему въ разсужденіи, что вы за болѣзнію продолжать полевой службы далѣе не можете, увольняетесь отъ меня до полученія точной отставки въ домъ вашъ; но прежде отбытія своего въ оный, имѣете вы находящуюся при васъ для покупки въ полкъ лошадей команду, ремонтныя и фуражныя деньги съ книгами и прочія, данныя вамъ на сей случай отъ полку, наставленія, здать старшему по васъ съ роспискою и кому имянно и въ коликомъ числѣ людей и лошадей команду свою вы поручите, въ оный полкъ отрапортовать, а о уволненіи васъ пашпортъ при семъ прилагается. Румянцевъ-Задунайскій. Января 23 дня 1780 г.» № 101.

Продолжительное пребываніе Новицкаго, во время усмиренія пугачевскаго бунта въ воронежской губерніи, оказало вліяніе на его дальнѣйшую судьбу и обусловило главнымъ образомъ выходъ его въ отставку: въ слободѣ Семейкахъ калитвянскаго уѣзда острогожской провинціи, воронежскаго намѣстничества, проживала богатая молодая вдовушка Марѳа Ивановна Ершевская, урожденная Сатина, владѣвшая въ Семейкахъ и х. Карабутѣ 1037 душами крестьянъ-черкасовъ (малороссіянъ), составившая свое состояніе путемъ передачи ей по завѣщанію части Семеекъ отъ перваго мужа поручика Алексѣя Лукья-

новича Ершевскаго и пріобрѣтенія остальныхъ частей по купчимъ крѣпостямъ отъ деверя, войсковаго жителя, т. е. донскаго козака, Степана Лукьяновича Ершевскаго и отъ своего брата отставного секундъ-маіора Николая Ивановича Сатина; оберегая молодую вдовушку отъ Пугачева, Новицкій полюбилъ ее, женился и затѣмъ вышелъ въ отставку, чтобы заняться приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ по имѣніямъ жены, задолженнымъ во время Пугачевщины.—Марѳѣ Ивановнѣ пришлось занять въ ноябрѣ 1773 г. двадцать тысячъ рублей подъ залогъ Семеекъ у воронежскаго помѣщика, отставного капитана Семена Ѳедоровича Зыбина.

Поселившись въ Семейкахъ, Новицкій прожилъ частнымъ человѣкомъ до 1783 г., когда былъ выбранъ предводителемъ дворянства сначала калитвянскаго, а потомъ бѣловодскаго уѣзда воронежскаго намѣстничества, въ каковой должности и прослужилъ три трехлѣтія съ перерывомъ: съ 1783 г. по 1789 г. и съ 1794 г. по 1-е іюня 1797 г., т. е. по день упраздненія калитвянскаго и бѣловодскаго уѣздовъ и замѣны ихъ старобѣльскимъ. Съ 1797 г. Новицкій прослужилъ нѣсколько трехлѣтій старобѣльскимъ предводителемъ дворянства.

Въ 1796 г. Александръ Андреевичъ овдовѣлъ, оставшись съ двумя дочерьми—Катериной (род. 1783 г.) и Елисаветой (род. 1785 г.), вышедшими впослѣдствіи замужъ, первая—за секретаря русскаго посольства при одномъ изъ итальянскихъ дворовъ Михаила Григорьевича Корсуна, вторая—за генерала Лазарева-Станищева.

Кромѣ Семеекъ и Карабутъ, Александръ Андреевичъ владѣлъ, получивши въ наслѣдство отъ отца, половиной с. Снѣтина лубенскаго уѣзда. Другая половина с. Снѣтина принадлежала его брату—Ивану, умершему безпотомно, а послѣ смерти послѣдняго перешла по завѣщанію къ третьему брату, Акиму Андреевичу, владѣвшему с. Исачками, что и было причиной непріязненныхъ отношеній между Акимомъ и Александромъ Андреевичемъ, а затѣмъ перешла по наслѣдству къ единственной дочери Акима, Марьѣ Акимовнѣ, вышедшей замужъ за Андреева, въ родѣ которыхъ состоитъ и по-нынѣ.

Выдавши дочерей замужъ, Александръ Андреевичъ передалъ имъ во владѣніе воронежскія имѣнія, какъ материнскія, а самъ поселился въ Снѣтинѣ, гдѣ имъ былъ выстроенъ еще въ первые годы настоящаго столѣтія громадный домъ о двухъ этажахъ съ погребами и башенкой посрединѣ крыши, съ нишами и лѣпными украшеніями съ фронта, разобранный въ недавнее время правнукомъ Александра

Андреевича А. К. Вульфертомъ. Акварельный рисунокъ этого дома работы его внука, Александра Михайловича Корсуна сохранился у насъ.

Въ этомъ домѣ и умеръ Александръ Андреевичъ въ 1823 г., 76-ти лѣтъ.

II. Семейство Корсуновъ. Михаилъ Григорьевичъ Корсунъ, женившійся на Екатеринѣ Александровнѣ Новицкой, былъ владѣльцемъ с. Корсуновой слободы миргородскаго уѣзда, полтавской губерніи. У насъ нѣтъ подъ рукою данныхъ для опредѣленія времени основанія Корсуновой слободы, но родъ Корсуновъ—стародавній лубенскій. Родоначальникомъ ихъ былъ, сколько знаемъ, хорунжій лубенскаго полка Степанъ Корсунъ, которому гетманъ Скоропадскій далъ въ 1720 г., с. Гапоновку. Передъ хорунжествомъ Корсунъ «двукратно мѣстовалъ сотницство Сенецкое». Однимъ изъ потомковъ этого Корсуна былъ Александръ Алексѣевичъ Корсунъ, отецъ котораго сдѣлался таганрогскимъ помѣщикомъ, извѣстный издатель малорусскаго альманаха «Снiпъ», вышедшаго въ Харьковѣ въ 1841 г., къ участію въ которомъ онъ привлекъ бывшихъ воспитанниковъ харьковскаго коллегіума—Порфирія Кореницкаго и братьевъ Писаревскихъ, и харьковскаго университета—Іеремію Галку (Н. И. Костомарова) и Михаила Петренка, такъ какъ и самъ Александръ Алексѣевичъ, вмѣстѣ съ другими представителями рода Корсуновъ, что видно дальше, сохраняли постоянно живую связь съ харьковскимъ университетомъ и мѣстными культурными кружками.

Родившись и выросши въ томъ счастливомъ уголкѣ Полтавщины, который прославленъ Гоголемъ, и будучи товарищемъ дѣтства извѣстнаго впослѣдствіи министра юстиціи Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, вслѣдствіе родства и сосѣдства, Михаилъ Григорьевичъ Корсунъ былъ вполнѣ культурнымъ человѣкомъ, а когда же онъ выбралъ дипломатическую карьеру и получилъ мѣсто секретаря при одномъ изъ итальянскихъ дворовъ, то онъ вполнѣ усвоилъ себѣ западно-европейское образованіе и въ особенности развилъ эстетическій вкусъ, что выразилось, между прочимъ, даже такимъ мелкимъ фактомъ, какъ пріобрѣтеніе привезенныхъ изъ Италіи въ Одессу однимъ проживщимся помѣщикомъ четырехъ статуй изъ бѣлаго мрамора, для украшенія корсуновскаго сада. Сохранился его акварельный портретъ, работы его сына Александра, изображающій благообразнаго старика съ безукоризненнымъ жабо на тонкомъ бѣльѣ, въ коричневомъ фракѣ и зеленыхъ перчаткахъ, украшеннаго иностранными орденами.

Вышедши въ отставку и женившись на Екатеринѣ Александровнѣ Новицкой, онъ поселился въ Корсуновой слободѣ въ своемъ обширномъ домѣ, окруженномъ прекраснымъ садомъ, и зажилъ богатымъ паномъ, гостепріимно принимая у себя родныхъ и знакомыхъ.

Изъ ближайшихъ родныхъ у него было двѣ замужнихъ сестры: Агаѳія Григорьевна Огроновичъ, бывшая замужемъ за Григоріемъ Огроновичемъ, владѣвшимъ с. Филипповичи лубенскаго уѣзда, и Ульяна Григорьевна Балясная, жена кременчугскаго уѣзднаго предводителя дворянства. Была у Михаила Григорьевича и еще одна сестра, умершая дѣвицей, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: послѣ смерти отца Михаила Григорьевича, мать его, оставшись молодой вдовой, продолжала жить со своими четырьмя дѣтьми въ Корсуновой слободѣ; однажды зимой напалъ на ихъ усадьбу знаменитый разбойникъ Гаркуша и навелъ, конечно, на всѣхъ ужасъ.—Ульяна Григорьевна побѣжала къ колокольнѣ звонить набатъ, а Прасковья, обезумѣвши отъ страха, побѣжала босая въ сосѣднее м. Сѣнчу, схватила горячку и умерла.

Изъ сосѣдей ближайшимъ былъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, проживавшій послѣдніе годы своей жизни преимущественно въ своемъ имѣніи с. Кибенцахъ и дружившій по прежнему съ Корсуномъ; кромѣ того, Корсуны частенько видались со стариками Гоголями-Яновскими.

Цѣлью жизни Михаила Григорьевича было воспитаніе дѣтей—сыновей Николая, Александра, Григорія, Степана и Михайла, и дочерей Екатерины, Марьи, Варвары и Маѳы. Въ помощь себѣ онъ бралъ на нѣкоторое время бывшаго воспитанника полтавской семинаріи М. М. Макаровскаго, что подтверждается данной изъ біографіи Макаровскаго, помѣщенной у Метлинскаго въ «Южно-русскомъ сборникѣ» (X. 1848 г.), о томъ, что онъ былъ въ 1818 году нѣкоторое время домашнимъ учителемъ у помѣщика Корсуна (срв. Н. И. Петровъ. Очерки исторіи украинской литературы XIX ст. К. 1884 г. Стр. 135). Помимо общаго образованія, онъ старался развить въ дѣтяхъ вкусъ къ живописи: наиболѣе способными вообще къ наукамъ и искусствамъ, и въ частности къ живописи, оказались два старшіе сына—сохранилось не мало акварельныхъ рисунковъ Николая и и Александра Корсуновъ, помѣченныхъ разными годами. Александру особенно удавались акварельные жанровые этюды и портреты, такъ что впослѣдствіи онъ достигъ значительной степени совершенства въ этомъ родѣ живописи: у насъ сохранились портреты его отца и

матери, четы Лазаревыхъ—Станищевыхъ, невѣстки—жены брата Николая, урожденной Подколзиной, красавицы—сестры Марьи Михайловны Безсоновой, свой собственный, знаменитаго адмирала Шишкова, предсѣдателя морского ученаго комитета Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова, портретъ сепіей Трощинскаго и проч.

Подготовивши дома, Михаилъ Григорьевичъ провелъ всѣхъ своихъ сыновей черезъ харьковскій университетъ. Всѣ они окончили университетъ, но особенно успѣшно занимались Николай и Александръ, такъ что, получивши кандидатство, они магистрировались и получили ученыя степени, первый за «разсужденіе о сущности исторіи» (X. 1823 г.), второй за «разсужденіе о предметѣ права» (X. 1823 г.). У насъ сохранилось по экземпляру этихъ двухъ брошюрокъ, въ изящныхъ переплетахъ, съ характерными посвященіями: «милостивому государю глубокоуважаемому батюшкѣ отъ сына-сочинителя».

Николай Михайловичъ, при посредствѣ Трощинскаго и его друга, Логина Ивановича Голенищева-Кутузова, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо отъ Трощинскаго и Гоголь при пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1829 г. (Шенрокъ. Указатель къ письмамъ Гоголя. М. 1886 г. Стр. 43 сл.), получилъ мѣсто въ Петербургѣ при министрѣ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, извѣстномъ любимцѣ императора Александра I, князѣ Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ.

Вышедши въ концѣ 30-хъ годовъ въ отставку, Николай Михайловичъ поселился въ Семейкахъ и женился на одной изъ дочерей богатѣйшаго помѣщика-откупщика Подколзина, Екатеринѣ Максимовнѣ, другая дочь котораго Анна (?) Максимовна была замужемъ за Сухановымъ въ Харьковѣ, присоединившимъ впослѣдствіи къ своей фамиліи фамилію тестя.

Проживая то въ Семейкахъ, то въ Воронежѣ, Николай Михайловичъ сдѣлался попечителемъ воронежской гимназіи, на которую пожертвовалъ однажды 25,000 р. Онъ умеръ, будучи дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и камергеромъ, въ 50-хъ годахъ.

Александръ Михайловичъ также служилъ нѣкоторое время при Голицынѣ, а въ концѣ 20-хъ годовъ перешелъ въ Харьковъ совѣтникомъ правленія харьковскаго университета, попечителемъ котораго, равно какъ и всего громаднаго тогда харьковскаго учебнаго округа, былъ Филатьевъ, о которомъ Н. И. Костомаровъ въ своей «автобіографіи» (стр. 20 сл.) вспоминаетъ, что въ первыхъ мѣсяцахъ 1834 г.

онъ былъ переведенъ на какую-то должность и уѣхалъ, не подписавши утвержденія въ званіи студентовъ болѣе ста лицъ, выдержавшихъ вступительный экзаменъ въ текущемъ академическомъ году, въ числѣ которыхъ былъ и Костомаровъ, чѣмъ поставилъ ихъ въ большое затрудненіе.

Вышедши въ 1836 г. въ отставку, Александръ Михайловичъ вскорѣ женился на молодой вдовѣ, Марьѣ Давидовнѣ Александровичъ, урожденной Горленко, моей бабкѣ по матери, и поселился въ ея имѣніи с. Великой Кручѣ пирятинскаго уѣзда. Здѣсь онъ занялся постройкой прекрасной каменной церкви во имя св. Іоанна Богослова и благоустройствомъ имѣнія. Онъ выписывалъ много книгъ, преимущественно юридическихъ, русскихъ и иностранныхъ, а также журналовъ, въ особенности по зодчеству и живописи. Въ с. Великой Кручѣ и по нынѣ сохранилась его довольно значительная библіотека. Какъ помѣщикъ, онъ отличался большой гуманностью, вслѣдствіе чего и по нынѣ сохранилась добрая о немъ память среди мѣстныхъ крестьянъ.

Въ 1856 г. онъ умеръ, въ чинѣ статскаго совѣтника, сдѣлавшись жертвой тифозной эпидеміи, свирѣпствовавшей тогда, вслѣдствіе провоза съ театра военныхъ дѣйствій массы раненыхъ и больныхъ, и погребенъ въ особомъ склепѣ подъ поломъ выстроенной имъ церкви, по правую сторону царскихъ вратъ, съ другой стороны которыхъ погребена въ 1886 г. его жена, Марья Давидовна.

Степанъ Михайловичъ умеръ въ молодыхъ годахъ, Григорій же и Михайло умерли всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проживая въ Корсуновой слободѣ.

Изо всѣхъ пяти братьевъ только одинъ Григорій оставилъ потомство, и то одного сына.

Изъ дочерей—Варвара умерла 18-ти лѣтъ, а Марья, вышедшая замужъ въ воронежской губерніи за Безсонова, умерла недавно безпотомно. Оставили потомство Мароа Михайловна Вульфертъ и Екатерина Михайловна Рикгофъ, къ которому и перешла большая часть наслѣдія Новицкаго и Корсуновъ.

III. Поѣздка харьковскаго попечителя Филатьева по округу въ 1831 г. Въ 1831 г. Филатьевъ предпринялъ поѣздку по округу, взявши съ собою и Александра Михайловича Корсуна.

Во время поѣздки Корсунъ велъ краткія путевыя замѣтки, не представляющія какого-либо особеннаго значенія въ литературно-научномъ отношеніи, но интересныя по самому факту ихъ существо-

ванія и по нѣкоторымъ даннымъ, которыя мы и приведемъ здѣсь въ выдержкахъ и пересказѣ.

Выѣхали они изъ Харькова 22 сентября, а 23 пріѣхали въ Полтаву. Тогдашній малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Н. Г. Репнинъ приказалъ приготовить квартиру въ домѣ дворянскаго собранія, но Филатьевъ предпочелъ остановиться у директора гимназіи, князя Цертелева. Пробывши сутки въ Полтавѣ, они поѣхали на Хоролъ, Лубны, Пирятинъ, Яготинъ и Бровары въ Кіевъ.

«27 сентября въ 9 часовъ по утру, пишетъ Корсунъ, мы прибыли въ Кіевъ и, не доѣзжая за нѣсколько верстъ, видѣли печерскую колокольню и множество церквей. Со мною была подзорная труба, въ которую я и попечитель смотрѣли на красивые кіевскіе виды. Въ Кіевѣ, по приказанію митрополита Евгенія, показывали намъ пещеры и лавру, церковь Андрея Первозваннаго, новозаложенную церковь во имя Рождества Богородицы, на мѣстѣ древней «Десятьнной», Софійскій соборъ, Михайловскій и Братскій монастыри. Въ Софійскомъ соборѣ и Михайловскомъ монастырѣ особенно примѣчательны мозаическія работы древнихъ, такъ что я взялъ себѣ на память нѣсколько кусочковъ мозаики».

Изъ Кіева выѣхали только 5 октября по направленію къ Житоміру, куда и пріѣхали 6. «Я осмотрѣлъ, —читаемъ далѣе въ замѣткахъ,—вмѣстѣ съ попечителемъ, старую соборную церковь и два католическихъ костела, изъ коихъ одинъ въ древне-готическомъ стилѣ. За городомъ находится женскій монастырь, или, какъ здѣсь называютъ, шпиталь, содержимый сестрами милосердія: здѣсь бѣдныя дѣвушки принимаются на полное иждивеніе, учатся и работаютъ. Всѣхъ живущихъ дѣвушекъ 160, приходятъ и постороннія. Я осмотрѣлъ сіе заведеніе въ сопровожденіи старухи-настоятельницы. Видѣлъ работы бисеромъ, шелкомъ и другія; ихъ церковь. Мы пробыли 6 и 7 въ Житомирѣ, 8 рано поутру отправляемся далѣе». Поѣхали на Корецъ и Острогъ, гдѣ пришлось пробыть день, по недостатку лошадей, вслѣдствіе проѣзда фельдмаршала графа Сакена, и затѣмъ на Дубно въ Кременецъ.

«Кременецъ, пишетъ далѣе Корсунъ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ владимірскаго древле-удѣльнаго княжества. Имя свое онъ получилъ, кажется, отъ свойства земли, его окружающей, которой поверхность, особливо съ сѣверной стороны, усѣяна повсюду кремнями. Ни основатель, ни точное время его основанія точно неизвѣстны; извѣстно лишь, что въ 1240 г. Кременецъ противосталъ

стремительному нападенію Батыя и выдержалъ осаду (Ист. госуд рос. Карамзина. Т. IV, р. 14). Возобновитель Кременца былъ, можетъ статься, Іоаннъ-Владиміръ Васильковичъ, Даніиловъ племянникъ (Кременецъ наз. Даніиловъ городъ), или наслѣдникъ его Мстиславъ Даніиловичъ, при коихъ въ концѣ XIII стол. Галиція и Волынь отдохнули (Ист. Карамзина, р. 140—141). Потомъ Кременецъ переходитъ въ польское владѣніе.

Въ XVI в., при Сигизмундѣ I и при королевѣ Бонѣ (которая впрочемъ никогда не бывала въ Кременцѣ), Кременецъ устроенъ и вооруженъ.

Два деревянныхъ моста составляли единственную въ замокъ дорогу и оканчивались предвъѣздною башнею, въ которой помѣщалась стража и каплички. Самый въѣздъ состоялъ изъ подъемнаго моста и воротъ подъ другою большою башнею, внизу коей находились погреба, а на верху свѣтлицы или комнаты со сводами, на подобіе колпака сдѣланными. Третья башня, называемая червленою, стояла съ лѣвой стороны отъ новаго въѣзда и показывала слѣдъ въѣзда стараго, въ то время уже уничтоженнаго. Внутрь обводной стѣны каменной, покрытой деревяннымъ покладомъ, стояли два дома, построенные изъ дерева, изъ коихъ одинъ, для жилья предназначенный, посредствомъ сходовъ имѣлъ сообщеніе съ большою подъѣздною башнею, а другой домъ, отдѣльно стоявшій, мѣстилъ въ трехъ каменныхъ погребахъ своихъ селитру и порохъ, надъ ними жилые покои, а на самомъ верху бойницу, съ которой можно было оборонять съ трехъ сторонъ замокъ и городъ. Далѣе находилось девять амбаровъ или спижарень на съѣстные припасы, съ девятью отдѣльными кровлями, коихъ рынвы сбирали дождевую воду и посредствомъ трубъ переливали оную въ водоемъ, нарочно для того устроенный. Водоемъ сей, коего каменныя стѣны были обложены деревомъ и облиты смолою, необходимо нуженъ былъ въ замкѣ, совершенно безводномъ, ибо всѣ покушенія выбить колодезь остались безуспѣшными и работа сія оставлена тогда, когда колодезь имѣлъ 40 локтей глубины, что составитъ около 10 саженей. За ссыпными амбарами была кухня, а на самой серединѣ горы и обвода пороховая толчея съ шестью пестами, устроенная на коловоротѣ, по нѣмецкому способу, такъ что одинъ человѣкъ могъ легко приводить ее въ движеніе и производить успѣшно работу.

На всѣхъ сихъ зданіяхъ и на обводной стѣнѣ были разставлены пушки, числомъ 29, а именно: 4 сокола, 2 мортиры, 22 фаль-

конета и одинъ пищикъ. Сверхъ того было въ складѣ ручного оружія: 10 гаковницъ и 33 ручницы, съ надлежащимъ приборомъ. Запасъ пороху, пуль, свинцу, сѣры и уголья столь былъ великъ, что въ семъ отношеніи не только Луцкъ и Владиміръ, но и 10, 20, другихъ такихъ замковъ не могли съ нимъ равняться.

Такъ описалъ Кременецъ Левъ Патей-Тышкевичъ, дьякъ или секретарь Сигизмунда I, посланный въ 1542 г. на ревизію волынскихъ замковъ, передавъ потомству имена епископа луцкаго, князя Павла Альгимунтса Ольшанскаго и кременецкаго старосты, Станислава Фальчевскаго, благоразумно и ревностно занимавшихся устройствомъ и цѣлостью замка. Однакожъ укрѣпленіе и вооруженіе замка, описанное Патеемъ, не было уже соотвѣтственнымъ тогдашнему времени. Въ 1648 г. 7000 козаковъ, подъ предводительствомъ Максима Кривоноса, завладѣли Кременцомъ безъ всякаго сопротивленія, разорили всѣ строенія, произвели убійства и земскіе акты, залогъ безопасности лицъ и огражденіе собственности, хранимые въ погребахъ замка, нашли, изорвали и истребили. Съ того времени древній Кременецъ не возставалъ уже изъ своего запустѣнія, и стѣны замка, около 2-хъ столѣтій, разрушаются рукою времени.

Нынѣшній Кременецъ лежитъ при подошвѣ горы, на которой развалины замка; со всѣхъ сторонъ окружаютъ его амфитеатромъ другія горы, изъ коихъ однѣ увѣнчаны лѣсомъ, другія покрыты кустарниками, иныя изъ-подъ муравы выставляютъ свои каменистыя части. Склоны ихъ и промежутки между ними образуютъ неправильную долину, на которой расположенъ городъ. По косогорамъ разбросаны домики, окруженные почти всѣ садами и огородами. Въ срединѣ возвышается зданіе, прочный и великолѣпный памятникъ падшаго іезуитскаго ордена, воздвигнутый въ 1726 г. князьями Янушемъ и Михаиломъ Вишневецкими.

1 октября 1805 г. открыта волынская гимназія. При семъ случаѣ, по окончаніи богослуженія, прочитаны были: высочайшая грамота и письмо министра народнаго просвѣщенія къ основателю гимназіи, графу Ѳаддею Чацкому, который воскликнулъ: «рѣдко бываетъ торжество, подобное нынѣшнему—народъ и государь воздвигаютъ высшее училище для общія пользы въ безпрерывный рядъ поколѣній!»

Министръ графъ Завадовскій, увѣдомленный о семъ праздникѣ, написалъ къ Чацкому слѣдующее письмо:

«Читая слово Ваше, произнесенное при семъ обрядѣ, я упоялся подобною сладостью, какова дѣйствовала на душу грековъ, рукоплес-

кавшихъ Геродоту, когда сей предлагалъ имъ свою исторію, оглавленную по именамъ Музъ. Состязующимся въ томъ, якобы въ нашемъ вѣкѣ отдыхаетъ Природа въ произведеніи великихъ дарованій, я укажу на Геній Чацкаго, который на польскомъ Парнасѣ воскрешаетъ Музъ, умершихъ въ Аттикѣ, ибо какой даръ знаменуется превосходнѣе таковаго, что просвѣщаетъ настоящее колѣно своихъ согражданъ и ихъ будущіе роды? Тако взираю я съ моей точки на Ваши подвиги, незабвеніемъ и общею благодарностью печатлѣемые. Теките по своему поприщу, посѣвая науки благотворительныя человѣческому роду. Дѣлателю уже близокъ моментъ, дабы сказать: iam opus exegi... и услышитъ къ себѣ общій отголосокъ, который повторитъ и позднее потомство».

По прибытіи въ Кременецъ, какъ обыкновенно, нужно было заняться дѣлами. По первой почтѣ написалъ министру, потомъ, вмѣстѣ съ попечителемъ, осматривали здѣшнюю библіотеку и кабинеты, содержимые въ отмѣнномъ порядкѣ.

Здѣшніе чиновники, обласканные пріемомъ попечителя, наперерывъ начали приглашать насъ на обѣды—всякой день мы прекрасно угощены, пьемъ венгерское и шампанское, и мѣшаемъ дѣло съ бездѣліемъ. Я уже упомянулъ о живописномъ мѣстоположеніи Кременца: особенно примѣчательна «Замкова гора». Какой чудесный видъ съ вершины сей горы! Я два раза былъ на ней, самъ и съ попечителемъ. Мы брали у здѣшняго берейтора верховыхъ лошадей—дорога идетъ вокругъ горы, взъѣзжая по ней, мы видѣли мѣста, гдѣ ломаютъ камни для построекъ. Камень, по увѣренію здѣшнихъ жителей, не проченъ, мягокъ, что доказываютъ и городскія улицы, кои столь неровны, что съ трудомъ можно пройти, не только проѣхать. Главнѣйшія улицы здѣсь: Широкая, Казалани, Mon promenade avec le juif Schimon. Жителей въ Кременцѣ до 15000, изъ коихъ ²/₃ жидовъ.

23 октября въ 3 часа по полудни я поѣхалъ верхомъ осмотрѣть развалины замка, 20 лѣтъ тому назадъ сгорѣвшаго, принадлежавшаго нѣкогда князьямъ Вишневецкимъ и Збаражскимъ. Мѣсто, гдѣ построенъ былъ замокъ, называется Бѣлая Криница. Замокъ стоитъ на нѣкоторомъ возвышеніи, состоящемъ изъ землянаго вала, теперь почти разрушенъ, остались однѣ стѣны и башня при самомъ входѣ, обращенная къ лѣсу. Замокъ представляетъ собою треугольникъ. При входѣ высокая узкая дверь, на стѣнахъ видна красноватая краска, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще остались слѣды старинной

живописи—небольшіе корабли и китайскія бесѣдки съ фигурами, оконныя лутки сѣраго камня, почти квадратныя, стеколъ нѣтъ и вѣтви деревьевъ, близь стѣнъ растущихъ, проходятъ сквозь окна и закрываютъ стѣны, внутри замка растутъ кустарники; въ углу на западъ нѣкоторое углубленіе, двѣ колонны, а на стѣнѣ остатокъ живописи—Спаситель въ облакахъ, вѣроятно, здѣсь была домашняя каплица; внизу—погребъ или какой-то темный ходъ и большой коррядоръ, отчасти уже заваленный обломками стѣнъ. Неподалеку отъ замка находится деревушка, принадлежащая теперешнему владѣльцу разрушеннаго замка, Часноцкому.

27 октября, наканунѣ отъѣзда, я былъ вмѣстѣ съ попечителемъ въ Почаевѣ. Тамошній базиліанскій монастырь обращенъ теперь въ православный. Главная церковь построена Потоцкимъ, называемымъ обыкновенно паномъ Каневскимъ, въ 1771 г. Въ церковномъ погребѣ хранятся бальзамированное тѣло основателя монастыря Потоцкаго, не совсѣмъ сбереженное, и мощи Іова Ѕализо, знаменитаго игумена. Гробъ Іова стоитъ на каменныхъ ножкахъ, крышка гроба стеклянная;—угодникъ лежитъ въ схимнической одеждѣ, руки и ноги открыты; на право пещера весьма узкая, въ которой онъ молился—это скала, въ которой сама природа сдѣлала отверстіе. Сія скала находится внизу церкви въ углѣ, такъ что фундаментъ оной возвышается наравнѣ со скалою такимъ образомъ, что скалы не видно и надобно стать внизъ, чтобы поклониться мощамъ угодника. Выходя изъ церкви, я любовался съ галлереи, устланной камнемъ, чуднымъ видомъ—отсюда до австрійской границы верстъ 6, такъ что виденъ австрійскій монастырь Подкамень. Осмотрѣвши все здѣсь любопытное, мы обѣдали у архіерея житомирскаго, проживающаго теперь здѣсь.

28 мы выѣхали изъ Кременца на Ямполь, принадлежащій гр. Хоткевичу и Теофилполь—княгинѣ Сапѣга».

29 они поѣхали на Старо-Константиновъ, Меджибожъ, Каменецъ-Подольскъ и Винницу.

Въ Меджибожѣ они останавливались въ замкѣ, гдѣ помѣщалось высшее повѣтовое училище. «Смотритель училища отвелъ намъ—пишетъ Корсунъ—свои комнаты. Семейство его, Скимборовича, весьма любезное, дочь его, Целина, забавляла насъ своей игрой на фортепіано и увѣряла меня, что жизнь въ замкѣ весьма скучна. Замокъ здѣшній и мѣстечко принадлежало князю Чарторыйскому. Замокъ уступленъ для училища въ 1808 г., но когда основанъ, неизвѣстно полагаютъ, что стоитъ уже нѣсколько столѣтій.

Въ замкѣ большія залы, въ которыхъ помѣщалось училище, ланкастерская школа взаимнаго обученія, небольшая библіотека и кабинеты. Зданіе выстроено треугольникомъ, дворъ большой, посрединѣ костелъ, а по сторонамъ въ одинъ этажъ кругомъ жилые покои, съ готическими окнами и высокими трубами».

Изъ Винницы поѣхали на Умань и Каневъ въ Кіевъ. Дорогой имъ пришлось довольно долго оставаться въ д. Вороновицы гр. Грохольскаго, по причинѣ поломки коляски. «Усадьба Грохольскаго—пишетъ Корсунъ—прекрасная, въ старинномъ вкусѣ, выстроенная полукружіемъ. Комнаты богато убраны и съ отличнымъ вкусомъ—статуи, бюсты и картины доказываютъ образованность владѣльца, который теперь въ Каменецъ-Подольскѣ; подъ окнами садъ съ каштановыми аллеями и оранжереей».

24 ноября пріѣхали въ Кіевъ. «Въ Кіевѣ я не скучалъ,—читаемъ въ замѣткахъ Корсуна—занимаясь дѣлами, я пользовался свободнымъ временемъ, чтобы повидаться со своими знакомыми, которыхъ впрочемъ у меня въ Кіевѣ немного—домъ Трощинскаго и Семенюты. Въ первомъ меня принимали, какъ своего, со вторымъ я знакомъ по Харькову, гдѣ знавалъ хозяйку дома еще дѣвушкой. 29 ноября былъ въ здѣшнемъ клубѣ вмѣстѣ съ попечителемъ. Мы пріѣхали почти въ 9 часовъ вечера въ домъ генерала Корта, гдѣ бываетъ собраніе. Танцы начались полонезомъ. Я прошелъ два раза въ полонезѣ и затѣмъ уѣхалъ вмѣстѣ съ попечителемъ. Между танцующими я замѣтилъ г-жу Путенкову, генеральшу Купреянову, княженъ Манвеловыхъ, m-lle Маркевичъ, изъ коихъ»...

На этомъ прерываются замѣтки Корсуна. Конецъ, къ сожалѣнію утерянъ.

Н. В. Стороженко.

Новое свѣдѣніе о пребываніи Т. Г. Шевченка въ Раимскомъ укрѣпленіи. По порученію сыръ-дарьинскаго статистическаго комитета г. секретарь этого комитета сообщилъ намъ копію съ архивнаго документа, относящагося къ Тарасу Григорьевичу Шевченку. Хотя документъ этотъ ничего особеннаго въ себѣ не заключаетъ, но для полноты картины жизни, проведенной покойнымъ въ Раимскомъ укрѣпленіи (нынѣ г. Казалинскъ сыръ-дарьинской области) фактъ, изображаемый въ документѣ, можетъ служить нѣкотораго рода иллюстраціей отношеній къ Тарасу Григорьевичу его бывшихъ

сослуживцевъ. Дѣло, изъ котораго извлеченъ этотъ документъ, озаглавлено такъ: Дѣло канцеляріи начальника Раимскаго укрѣпленія по претензіи рядоваго Шевченко, о взысканіи съ подпоручика Бархвица денегъ 68 р. 30 к. серебромъ. Начато 8 апрѣля 1849 г. кончено 10 апрѣля 1849 г.

За сообщеніе этого документа приносимъ искреннюю благодарность сыръ-дарьинскому статистическому комитету.

Копія.

Списокъ съ рапорта и. д. начальника Раимскаго укрѣпленія, г. начальнику 23 пѣхотной дивизіи, отъ 10 апрѣля за № 901.

Состоящій на службѣ въ Раимскомъ укрѣпленіи, а нынѣ въ числѣ экипажа описной экспедиціи Аральскаго моря линейнаго оренбургскаго № 4 батальона рядовой Тарасъ Шевченко объявилъ мнѣ, что батальона № 5 подпоручикъ Бархвицъ состоитъ ему долженъ шестьдесятъ восемь руб. тридцать копѣекъ серебромъ, и просилъ ходатайства моего о взысканіи съ подпоручика Бархвица слѣдующихъ ему денегъ, присовокупляя въ числѣ доказательствъ, что о займѣ этомъ зимою 1848 г. во время служенія Шевченка въ батальонѣ № 5-го извѣстно ротному его командиру штабсъ-капитану Степанову, который засвидѣтельствовалъ о томъ, и г. командиру бригады;— Шевченко росписки отъ Бархвица не имѣетъ, но говоритъ, что давалъ въ заемъ по случаю отъѣзда подпоручика Бархвица въ гор. Оренбургъ, между тѣмъ по отзыву командующаго батальономъ № 4, отъ перваго минувшаго февраля за № 946, Бархвицъ отъ этого займа отказался и просилъ поступить съ рядовымъ Шевченкою по всей строгости законовъ, будто бы за ложное предъявленіе претензіи, и командующій батальономъ № 5-го, которому обстоятельство дѣла было сообщено подпоручикомъ Бархвицъ, не спросивъ даже удостовѣренія штабсъ-капитана Степанова, сообщаетъ командующему батальономъ № 4-го только объ отзывѣ Бархвица и его требованіи.

Обстоятельство это представляя на милостивое благоуваженіе вашего превосходительства, честь имѣю почтительнѣйше испрашивать зависящаго распоряженія о законномъ удовлетвореніи рядоваго Шевченко и огражденіи его отъ подобнаго вышеизложенному притязанія. Подписалъ подполковникъ Матвѣевъ. Скрѣпилъ подпоручикъ Богдановичъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: И. д. секретаря *И. Гейеръ.*

Невѣрное свѣдѣніе о Шевченкѣ. Г. Эварницкій, перепечатывая въ прошломъ году въ газетѣ „Новости“ (№ 56), давно извѣстныя свѣдѣнія о послѣднемъ днѣ жизни Т. Г. Шевченка, между прочимъ, говоритъ, что будто бы „есть разсказъ, что Шевченко желалъ быть погребеннымъ въ роскошной своими красотами природы Каченовкѣ, принадлежащей В. В. Тарновскому, черниг. губ., борзенскаго уѣзда...“ — Считаемъ нужнымъ замѣтить, что если такой разсказъ и есть, то онъ не вѣренъ, такъ какъ Шевченко никогда такого желанія не имѣлъ да и имѣть не могъ по своему міросозерцанію. Ссылаемся, между прочимъ, на недавно напечатанную автобіографію Костомарова, который, будучи однимъ изъ ближайшихъ друзей Шевченка, конечно зналъ бы объ этомъ, а между тѣмъ онъ разсказываетъ о положительномъ желаніи поэта быть похороненнымъ на берегу Днѣпра .. Да и мы должны были бы что нибудь услыхать объ этомъ желаніи Т. Г., когда тѣло его перевозилось на берега Днѣпра, если бы такое желаніе дѣйствительно существовало.

А. Л.

МИХАЙЛОВСКАЯ и ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКВИ

ВЪ Г. ПЕРЕЯСЛАВѢ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(КЪ РИСУНКАМЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА).

Предлагаемые вниманію читателей „Кіевской Старины" рисунки Т. Гр. Шевченка переносятъ насъ на лѣвый берегъ Днѣпра, въ Полтавщину, въ тотъ уголокъ ея, гдѣ

„Соборъ Мазепынъ сяе-биліе,
Батька Богдана могыла мріе;
Кыивськымъ шляхомъ вербы похылы
Требратни давни могылы вкрылы;
Зъ Трубайломъ Альта мижъ осокою
Зійшлысь, зъеднались мовъ братъ съ сестрою" [1]).

Они еще разъ напоминаютъ намъ о томъ, что въ лицѣ Т. Гр. Шевченка Малороссія имѣла не только великаго поэта, но и одушевленнаго изслѣдователя ея природы и всей художественной и бытовой обстановки ея населенія. Въ эпоху самаго полнаго разцвѣта своего поэтическаго дарованія (1843—1847 гг.) незабвенный кобзарь творилъ дивные образы изъ прошлаго и настоящаго Украины и въ то же время прилежно изучалъ дорогую родину, постоянно пользуясь перомъ и карандашомъ какъ для записи слышаннаго и видѣннаго, такъ и для того, чтобы закрѣпить въ рисункѣ внѣшность заинтересовавшихъ его сценъ и предметовъ; особенно—вниманіе его привлекали мало-

[1]) См. Кобзарь, 1883 г., стр. 272.

русскіе храмы, какъ наиболѣе величественные памятники народнаго творчества. Выраженіемъ этой именно струи въ дѣятельности Шевченка являются и воспроизводимые нынѣ наброски Михайловской и Покровской церквей въ г. Переяславѣ.

О Покровской церкви, въ дополненіе къ изображенію ея, Шевченко записываетъ слѣдующее: „Церковь во имя Покрова—неуклюжей и безхарактерной архитектуры, воздвигнута въ знаменіе взятія Азова полковникомъ переяславскимъ Мировичемъ, другомъ и соучастникомъ проклинаемаго Ивана Мазепы. Въ этой церкви хранится замѣчательная историческая картина, кисти, можно думать, Матвѣева, если не иностранца какого. Картина раздѣлена на двѣ части: вверху Покровъ Пресвятыя Богородицы, а внизу Петръ I съ Екатериной I, а вокругъ нихъ всѣ знаменитые сподвижники его, въ томъ числѣ и Мазепа, и ктиторъ храма во всѣхъ своихъ регаліяхъ“ [1]); Михайловскую церковь онъ только изображаетъ, не услышавши, очевидно, ничего любопытнаго, чтобы записать о ней.

Объ историческомъ прошломъ этихъ церквей мы имѣемъ слѣдующія данныя.

Первоначальное основаніе Михайловской церкви относится къ концу XI столѣтія нашей эры. Подъ 1090 г. въ Ипатской лѣтописи повѣствуется: „Въ этомъ году освящена была въ Переяславѣ церковь во имя святаго Михаила—Ефремомъ, митрополитомъ той церкви; онъ далъ ей обширные размѣры, и поднялъ ее высоко надъ землею, и украсилъ ее различными художественными произведеніями и церковными сосудами. Въ эти же годы Ефремъ воздвигнулъ многія постройки при церкви святаго Михаила, окружилъ ее каменной оградой и надъ воротами этой ограды основалъ церковь во имя святыхъ Ѳедора и Андрея; надъ церковью устроилъ онъ каменный куполъ, чего не дѣлалось на Руси; онъ украсилъ переяславскій кремль церковными и иными зданіями“ [2]). Съ этого времени церковь святаго Михаила сдѣлалась какъ бы домовою церковью переяслав-

---

[1]) Поэмы, повѣсти и разсказы Т. Гр. Шевченка, Кіевъ. 1888 г., стр. 152.

[2]) Ипатская лѣтопись, 1871 г., стр. 146.

скихъ князей изъ рода Всеволода Ярославича. Хотя въ 1098 г. Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ и заложилъ на княжьемъ дворѣ особую церковь во имя Пресвятой Богородицы, но очевидно, что эта церковь никогда не имѣла въ глазахъ князей, его потомковъ, того значенія, какое они придавали церкви св. Михаила, при которой проживали и переяславскіе епископы. Сыновья Владиміра Мономаха Святославъ, Ярополкъ, Андрей и Юрій Владиміровичи, внуки его Ростиславъ, Андрей и Глѣбъ Юрьевичи и правнукъ Владиміръ Глѣбовичъ у святаго Михаила молились о своихъ нуждахъ и печаляхъ и тамъ находили мѣсто послѣдняго успокоенія, если имъ приходилось умирать въ Переяславѣ. Ипатская лѣтопись отмѣчаетъ, что именно въ церкви св. Михаила были погребены въ 1114 г. Святославъ Владиміровичъ, въ 1141 г. Андрей Владиміровичъ и въ 1187 г. Владиміръ Глѣбовичъ [1]). Живая изобразительность послѣдняго извѣстія увлекаетъ насъ привести его здѣсь цѣликомъ: „Половцы, услышавши, что на нихъ идутъ русскіе князья, бѣжали за Днѣпръ. Князьямъ же русскимъ нельзя было преслѣдовать ихъ, такъ какъ ледъ тронулся уже на Днѣпрѣ вслѣдствіе наступленія весны и возвратились они восвояси. Во время этого похода получилъ Владиміръ Глѣбовичъ тяжкую болѣзнь, отъ которой и умеръ; и принесли его въ родной ему Переяславъ на носилкахъ и тутъ онъ скончался 18 апрѣля и погребенъ былъ въ церкви святаго Михаила. И плакали о немъ всѣ переяславцы, ибо онъ любилъ дружину; денегъ не собиралъ, имущества своего не сберегалъ, но все раздавалъ дружинѣ; онъ былъ князь добрый, но упорный въ бою; онъ отличался желѣзнымъ мужествомъ и былъ преисполненъ всякихъ добродѣтелей; Украина пролила о немъ много слезъ“.

Изъ XII столѣтія Ипатская лѣтопись сохранила для насъ имена четырехъ переяславскихъ епископовъ, жившихъ при церкви св. Михаила: Лазаря († 1117 г.), Сильвестра († 1123 г.), Марка († 1134 г.) и Евфимія, участвовавшаго на съѣздѣ русскихъ епископовъ въ Кіевѣ въ 1147 году при поставленіи кіев-

[1]) Ипат. лѣтопись, 1871 г., стр. 199, 221, 439.

скимъ митрополитомъ схимника Клима Смолятича. Кромѣ того изъ старинныхъ синодиковъ намъ извѣстны епископы Іоаннъ, Макарій (1134—1141 гг.), Антоній (съ 1168 г.) и Павелъ (съ 1198 г.) [1]. Вѣроятно, епископы также въ случаѣ смерти погребались въ церкви св. Михаила, при которой жили, хотя лѣтопись не даетъ на это прямыхъ указаній. Привязанность князей къ родной святынѣ охраняла ее отъ разрушительнаго вліянія времени, а переяславскій кремль былъ достаточно крѣпокъ, чтобы выдерживать нападенія тогдашнихъ главныхъ враговъ русской земли—половцевъ и защищать отъ ихъ алчности помѣщавшійся внутри кремля храмъ. За все XII столѣтіе одно только бѣдствіе постигло церковь св. Михаила и то чисто стихійнаго характера: 10 мая 1124 года ее повредило землетрясеніе, но, вѣроятно, это повреждeніе скоро было исправлено Ярополкомъ Владиміровичемъ, который былъ, кажется, въ то время княземъ переяславскимъ [2].

Но вотъ приближалось другое великое бѣдствіе, отъ котораго не суждено было оправиться старинной переяславской святынѣ: въ 1237 году нагрянули на южную Русь полчища Батыя. Ипатская лѣтопись такимъ образомъ рисуетъ гибель Переяслава подъ ударами татаръ: „Батый началъ посылать свои полчища на русскіе города; взяли они приступомъ городъ Переяславъ, избили всѣхъ, церковь архангела Михаила разрушили, безчисленные церковные сосуды, золотые и украшенные драгоцѣнными камнями, заграбили, епископа, преподобнаго Симеона, убили“ [3].

Если запустѣніе южной Руси вслѣдъ за нашествіемъ Батыя является послѣ изслѣдованій М. А. Максимовича [4] и В. Б. Антоновича [5] скорѣе вымысломъ лѣтописцевъ и историковъ, чѣмъ фактомъ дѣйствительности, то разрушеніе собственно церкви св. Михаила въ г. Переяславѣ можно, кажется, признать

---

[1] Максимовичъ, Собр. соч., т. I, стр. 115—116.
[2] Ипат. лѣт., 1871 г., стр. 207.
[3] Ипат. лѣт., 1871 г., стр. 520.
[4] Собр. соч., т. I, стр. 131—145.
[5] Монографіи, т. I, стр. 221—264.

несомнѣннымъ и окончательнымъ. Съ тѣхъ поръ мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы утверждать, что церковь эта была реставрирована, а напротивъ преданіе, идущее съ начала XVIII вѣка, увѣряетъ, что отъ временъ Батыя она лежала въ развалинахъ вплоть до 1711 года. Въ этомъ году переяславскій епископъ Захарій Корниловичъ, коадъюторъ кіевской митрополіи, задумалъ возстановить древнюю переяславскую святыню и приступилъ къ устройству церкви и монастыря при ней на тѣхъ развалинахъ, которыя считались по преданію развалинами церкви святаго Михаила. Черезъ два года монастырь былъ устроенъ и въ 1713 году въ него перенесены были изъ переяславской Воскресенской церкви мощи св. Макарія Токаревскаго, архимандрита овручскаго, а потомъ каневскаго, которыя и были поставлены въ деревянной трапезной Благовѣщенской церкви. Между тѣмъ на монастырскомъ дворѣ воздвигалась новая каменная церковь во имя архангела Михаила. Дѣло шло медленно и эта церковь была окончательно достроена только въ 1749 году. Въ 1750 году указомъ Святѣйшаго Синода преосвященному Никодиму повелѣно было перенести мощи св. Макарія изъ Благовѣщенской трапезной церкви во вновь устроенную Михайловскую. Когда въ 1786 году Михайловскій монастырь былъ упраздненъ при введеніи штатовъ, то мощи св. Макарія были перенесены въ переяславскій Вознесенскій монастырь (Мазепинъ соборъ), гдѣ онѣ и нынѣ почиваютъ. Кромѣ церквей трапезной (Благовѣщенской) и соборной (Михайловской), монастырь успѣлъ построить у себя на погостѣ каменную колокольню въ связи съ двухэтажнымъ каменнымъ домомъ для братіи, въ которомъ основана была и третья еще въ монастырѣ, домовая церковь во имя св. Макарія, упраздненная одновременно съ монастыремъ [1]).

Въ лучшее время Михайловскаго монастыря братія его была довольно многочисленна. Въ 1722 году она состояла изъ слѣдующихъ 19-ти лицъ: 1) игуменъ Аполлоній; 2) намѣстникъ Манассія; 3) казначей Ѳеофилъ; 4) уставщикъ Іерофей; 5) Пан-

[1]) Свѣдѣнія заимствованы изъ рукописныхъ дѣлъ Михайловской церкви.

сій Дашковичъ, козакъ г. Лубенъ, псаломщикъ (перешелъ изъ нѣжинскаго монастыря); 6) Іоаннъ Юхневичъ, купецъ изъ г. Зенькова, клирошанинъ; 7) Афанасій Калѣховичъ, купецъ изъ г. Люблина, псаломщикъ; 8) Іоаннъ Величко, козакъ изъ м. Бѣлой Церкви, клирошанинъ; 9) Зосима Рыбаковъ, мѣщанинъ изъ с. Колковичей, палатный; 10) Авксентій Пухтевичъ, мѣщанинъ г. Тисминціи (?), послушникъ; 11) Гермогенъ Голованъ, козакъ г. Богодухова, клирошанинъ (перешелъ изъ ахтырскаго монастыря); 12) Савва Борисовъ, мѣщанинъ г. Переяслава, екклесіархъ; 13) Рафаилъ Романовъ, купецъ изъ г. Козельца, уставщикъ; 14) Іосифъ Богдановъ, козакъ г. Переяслава, экономъ; 15) Вавила Булавскій, мѣщанинъ г. Владиміра, клирошанинъ (перешелъ изъ полтавскаго монастыря); 17) Герасимъ Романовъ, мѣщанинъ изъ г. Минска, палатный (перешелъ изъ Кіево-Кирилловскаго монастыря); 18) Мисаилъ Блажевскій, мѣщанинъ г. Козельца, клирошанинъ; 19) Исаія Ложка (?), посполитый изъ с. Войтовецъ, поваръ.

За время своего непродолжительнаго существованія (1711—1786 гг.) переяславскій Михайловскій монастырь успѣлъ пріобрѣсти довольно значительныя земельныя владѣнія въ видѣ степковъ, нивъ, сѣножатей, гаевъ, млиновъ, а также пляцовъ и грунтовъ съ строеніями и живущими на нихъ посполитыми людьми, обязанными „чинить послушенство“ монастырю. Владѣнія монастыря находились въ селахъ: Помокляхъ, Выползкахъ, Цыбляхъ, Городищѣ, Тамани и Пристромахъ переяславскаго уѣзда и въ селахъ: Нечипоровкѣ и Жоравкѣ пирятинскаго уѣзда. Имѣніе при с. Жоравкѣ составляло „фундушъ“ монастырю отъ основателя его Захарія Корниловича, опредѣленный актомъ отъ 28 ноября 1714 года. Остальныя имѣнія перешли къ монастырю частью въ видѣ приношеній отъ разныхъ благочестивыхъ лицъ, частью путемъ покупки ихъ на средства монастыря“ [1]).

Въ 1786 году Михайловскій монастырь былъ упраздненъ и всѣ имущества его поступили въ казну. Въ замѣнъ ихъ Ми-

---

[1]) За сообщеніе нѣкоторыхъ рукописныхъ данныхъ для исторіи Михайловскаго монастыря приношу искреннюю благодарность П. А. Левицкому.

хайловская церковь, по распоряженію кіевской казенной палаты 1795 года, получила отъ казны ругу вблизи г. Переяслава въ количествѣ 33 десятинъ. Домъ при колокольнѣ сталъ служить для разныхъ казенныхъ потребностей и одно время въ немъ помѣщалось переяславское уѣздное казначейство. Церкви Благовѣщенская и Макарьевская были вовсе упразднены, а Михайловская обращена въ приходскую съ наименованіемъ „Городскимъ соборомъ“. Въ 1815 г. по дозволенію преосвященнаго Анатолія стѣны ея и потолокъ были расписаны иконами, а въ 1823 г. съ дозволенія преосвященнаго Меѳодія обветшавшій деревянный куполъ замѣненъ новымъ. Въ такомъ видѣ церковь существуетъ по настоящее время [1]). Съ 1864 года отъ нея перешелъ къ Успенской церкви и титулъ „Городскаго собора“ [2]).

По нынѣшней терминологіи переяславскихъ жителей Михайловская церковь находится въ „крѣпости“, такъ какъ она стоитъ внутри крѣпостнаго вала, насыпаннаго козаками и плѣнными шведами въ 1709 году. Теперь времена измѣнились: ничего напоминающаго о войнѣ не найдется въ нынѣшнемъ Переяславѣ; по крѣпостнымъ валамъ мирно блуждаютъ жидовскія козы; и только обломокъ пушки, валяющійся на „цвинтари“ Михайловской церкви, напоминаетъ посѣтителю о давно минувшихъ грозныхъ временахъ.

Послѣ упраздненія Михайловскаго монастыря при соборной Михайловской церкви священствовали слѣдующія лица: 1) Ѳедоръ Вельготскій, 2) Артемій Ивановъ, 3) Александръ Лавренко, 4) Яковъ Насвѣтовъ, 5) Григорій Стефановскій, 6) Ѳедоръ Максимовичъ Дзюблевскій (1810—1830 гг.), 7) Михаилъ Фесенко (1830—1835 гг.), 8) Самсонъ Горуновичъ (1836—1848 гг.), 9) Павелъ Діомидовъ (1848—1864 гг.), 10) Николай Клепачевскій (1864 г.), 11) Ѳедоръ Акимовичъ (1864—1866 гг.), 12) Даніилъ Навроцкій (1866—1888 гг.) [3]). Въ настоящее время настоятелемъ церкви состоитъ о. Макарій Соховичъ.

---

[1]) См. ссылку на стр. 341.

[2]) См. указъ Святѣйшаго Синода отъ 2 ноября 1864 г.

[3]) См. ссылку на стр. 341.

Въ церковной библіотекѣ нѣтъ ничего интереснаго; въ церковномъ архивѣ метрическія книги и исповѣдныя росписи сохранились съ 1810 года. Говорятъ, что недавно еще въ церковномъ архивѣ хранились любопытные старинные синодики, но они взяты извѣстнымъ безцеремоннымъ собирателемъ старины г. Кибальчичемъ.

Исторія переяславской Покровской церкви гораздо менѣе интересна, чѣмъ исторія церкви Михайловской.

До 1704 года существовала въ г. Переяславѣ старая церковь во имя Покрова Божіей Матери, которая къ этому времени, очевидно, обветшала и требовала перестройки. Когда и кѣмъ основана была эта старая Покровская церковь, мы не знаемъ. Посвященіе ея имени св. Покрова какъ будто указываетъ на связь ея съ Запорожьемъ, гдѣ особенно почитался этотъ праздникъ, и можно указать много Покровскихъ церквей въ Малороссіи, основанныхъ бывшими запорожцами. Можетъ быть, какой-нибудь запорожецъ былъ „фундаторомъ" и старой переяславской Покровской церкви.

О постройкѣ новой Покровской церкви мы имѣемъ извѣстія хранящейся при церкви рукописной церковной лѣтописи. Болѣе любопытныя мѣста ея мы приводимъ здѣсь въ подлинникѣ.

1) „Року тысяча сѣмъ сотъ четвертого, мѣсецял февруарія 12 дня. По расказаню славетне урожоного его милости пана Іоана Мировича, полковника войска его царскаго пресвѣтлого Величества запорожского переяславского, изволеніемъ Божіимъ новоизбраннаго патрона и фундатора церкве Божественной, храму Честнаго Покрова Пресвятой Богородицы Переяславской, якая въ року теперешнемъ тысяча семь сотъ четвертомъ коштомъ и сумою его милости пана полковника мѣеться почати муровати, на розсмотреніе порядковъ церковныхъ за ктиторства Антона Котляра и измершого недавно товариша его Грицка Пушкара, которіе черезъ пять лѣтъ ктитоpовали, оразъ и на порахунокъ реестровъ ихъ пяторочныхъ, поневажъ рахуби не чинювали, первимъ разомъ его милость панъ Леонтій Панкевичъ, судія полковый переяславскій, и панъ Димитрій Сивѣцкій, войтъ переяславскій, въ дому церковномъ з парафѣянами засѣдали,

и того времени для непорядныхъ реестровъ ктиторскыхъ рахуби не укончили, бо Антунъ Котляръ жадныхъ прибильныхъ реестровъ, а нѣ куплѣ меду канунного не мѣлъ. Повторе и трете на ратуши засѣдали раховати его милость панъ Леонтій Потаповичъ, обозный полковый, его милость панъ Леонтій Панкевичъ, судія полковый, панъ Петро Максимовичъ, товаришъ значній войсковый, панъ Димитрій Сивѣцкій, войтъ переяславскій, зъ урядовыми своими и довелося на немъ долгу отъ товарища своего церковнихъ грошей позиченнимъ способомъ взятихъ тридцять копъ, якій долгъ и самъ Антунъ призналъ. А особливе з реестровъ канунныхъ на немъ-же Антону довелося долгу копъ 18, до которого долгу не признавалъся. Прето наказано ему было тіе осмънадцять копъ отприсягнуть, яко не пожитковалъ ними и не знаетъ о нихъ, на що южъ Антунъ изволилъся былъ. Потомъ уважилъ судъ обополный осмъ копъ опустити ему, не трусячи его сумленьемъ, а десять копъ до позиченихъ тридцяти копъ на виполненіе ста золотихъ казали положити, на що доброволне Антунъ позволившися, далъ на себе священнику Покрувскому отцу Васелію Ржепѣцкому и ктиторамъ новообранимъ Михайлу Камѣннику и Ивану Семивовку урядовій облѣкъ, ассекуруючися безъ жадной сперски, змаги и отмови въ семъ же року тысяча сѣмъ сотъ четвертомъ о десятусѣ пятьдесятъ золотихъ отдати, а другіе пятьдесятъ золотихъ о Покровѣ святой. А особливе здалъ долгу прибили канунной у Левка и Карпа канунниковъ золотихъ вусмъдесятъ без полталяра, у Юрчихи за медъ золотихъ сѣмъ, у Снѣжового золотихъ десять, у Семена Мокійченка золотихъ пять, готовими грошми полсеманадцять золотого, червоныхъ давнихъ три, сигнѣтъ щирозлотній, которому цѣна талярей два; якіе долги церковніе отъ Антуна принявши поданые суть новимъ ктиторамъ Михайлу Каменнику и Ивану Семивовку, которіе повинни будуть тые долги посправляти и за тіе гроши прибиль церкви Божой чинити. Що про память въ потомные часы и записати велѣлисмо“.

2) „За вѣдомомъ еи милости пани Мировичевой Пелагіи Голубовны, полковниковой переяславской, фундаторки Покрова Пресвятой Богородицы, по принесеніи образовъ и всякихъ ве-

щей и украшеній церковныхъ зъ церкви старой въ новую въ року 1709 мѣсеця септеврія 30 передъ праздникомъ Покрова Пресвятой Богородицы, якъ мали церковь посвящовати, у первое расмотряли и злічовали оные ктитори и парафѣяне покровскіе много чого естъ въ року теперешнемъ 1711 мѣсеця марта 1 дня".

Изъ этихъ двухъ записей ясно, что теперешняя каменная Покровская церковь въ г. Переяславѣ выстроена въ промежутокъ времени съ 1704 по 1709 годъ на средства переяславскаго полковника Ивана Ивановича Мировича и жены его Пелагіи Захарьевны Мировичевой изъ дома Голубовъ. Пока Мировичъ былъ дома, онъ самъ наблюдалъ за постройкой церкви, но когда въ 1706 г. обстоятельства великой сѣверной войны увлекли его изъ роднаго Переяслава сначала на поля Бѣлоруссіи, а затѣмъ въ Швецію, то жена его одна оканчивала начатую постройку и заботилась о снабженіи вновь выстроенной церкви всѣмъ необходимымъ. Въ описяхъ церковнаго имущества 1711 и 1719 гг. при многихъ вещахъ упомянуто, что онѣ „наданы зъ двору панѣ Мировичовой".

Такъ какъ вслѣдствіе указа Петра Великаго отъ 8 апрѣля 1712 года на имя гетмана Скоропадскаго вся семья Мировичей за приверженность къ Мазепѣ одного изъ сыновей Ивана Ивановича и Пелагіи Захарьевны Мировичей генеральнаго бунчучнаго Ѳедора Ивановича Мировича была выслана сначала въ Москву, а затѣмъ въ Тобольскъ, откуда Пелагія Захарьевна возвратилась на родину только въ 1745 г. по силѣ всемилостивѣйшаго манифеста императрицы Елисаветы Петровны отъ 15 декабря 1741 года [1]), то заботы о созданной родителями церкви приняла на себя въ это время дочь ихъ Ѳеодора Ивановна, вышедшая замужъ за генеральнаго бунчучнаго Якова Лизогуба. Подъ 1726 годомъ въ церковной лѣтописи, между прочимъ, записано: „1726 года октоврія 9 ей милость панѣ Ѳеодора Мировичовна бунчучна енеральная Іаковина Лизогубиная надала до

---

[1]) Подробности о ссылкѣ Мировичей см. у Костомарова. Мазепа и Мазепинцы. Изд. 2-е 1885 г., стр. 647, 649—51 и особенно 689—700.

церкви нашой Покрова Пресвятыя Богородицы Переяславской аперата червоніе аксамитніе зъ зеленою злотоглавною каміею и епитрахелъ аксамѣтни, воздухъ зелений злотоглавний великій еденъ".

Кромѣ самой Θеодоры Ивановны, нужды Покровской церкви близко принимали къ сердцу мужъ ея Яковъ и сынъ ея Григорій Яковлевичъ Лизогубы.

Подъ 1739 г. въ лѣтописи записано слѣдующее: „По представленію отъ настоятеля церкви Покровской переяславской Александра Бахчевскаго и отъ прихожанъ тоя церкви къ господину обозному генеральному Якову Лизогубу въ Сѣдневъ, что церковній прихожій бабинець розвалился изъ верху до низу и обѣ въ немъ склепенія обвалилися, да и прихожій церкви придѣлъ началъ колотися и цегла падати съ правой сторони отъ окна, онъ господинъ обозній по свойству, что тесть его панъ полковникъ бывшій переяславскій покойній Иванъ Мировичъ церковь коштомъ своимъ соорудилъ, на прошеніе священника и прихожанъ склонясь, для подчинки церковной приславъ сто рублей, которіе деньги по смерти настоятеля Александра Бахчевскаго порученни въ содержаніе тогдашнему ктитору Тихонію Крамару. А понеже безъ настоятеля подчинять церкви не начинано, то когда онъ господинъ обозній Яковъ Лизогубъ по указу всѣ малороссійскіи полки осматривалъ и тогда будучи самъ въ Переяславлѣ усмотрелъ персоналнo не малую порчъ и обветшалость церковную, 1741 года подрядилъ майстра муровщика Мойсея Кондратовича, тогда въ Переяславлѣ жіючого, подчинить прописанную оную порчъ церковную бабынецъ и придѣлъ и всю церковь изъ середины выбѣлить по уговору за сорокъ рублей, и особливо харчъ, на что ему муровщику отъ себе за подписомъ своей руки и при печати далъ контрактъ и приказалъ ктитору Тихонію, приспособившись, на другой годъ начати подчинять церковь и тѣ сто рублей прежде присланные употребить на церковную подчинку, обѣщаясь и напредки чинить вспомоществованіе. Яко онъ господинъ обозній Лизогубъ по смерти въ плѣнѣ тестя своего полковника Миро-

вича [1]) и иконостасъ новій въ церковь Покровскую спорядилъ коштомъ своимъ и отъ дому своего зи Седнева байдакомъ до Переяславля припроводилъ. А книгу отъ его господина обозпаго данную, на что тѣ деньги сто рублей 1742 года при подчинкѣ церковной издержани, онъ ктиторъ Тихоній по приказу его обознаго для показанія и для щоту самъ отвезъ въ Сѣдневъ".

Запись 1743 г. гласитъ: „Когда былъ зимою въ Переяславлѣ господина обозного енеральпого Якова Лизогуба сынъ Григорій и осмотрѣлъ церковную подчинку, а чего еще недокончено и надобно было подчинять, тогда другое сто рублей егожъ господина обозного денегъ на церковное строеніе далъ и емужъ ктитору Тихонію Крамару вручилъ, которіе сто рублей по смерти уже ктитора Тихонія (ибо онъ умеръ 1743 года іюля 1 числа) здержани".

Кромѣ Лизогубовъ, которые поддерживали Покровскую церковь по родству съ фундаторами ея Мировичами, еще очень многіе благочестивые люди находили удовлетвореніе своему религіозному чувству, дѣлая всевозможныя приношенія въ Покровскую церковь. Въ ея лѣтописи мы находимъ длинные списки церковныхъ вещей, какъ то: кіотовъ, иконъ и шатъ на нихъ съ разными привѣсками, коронками, табличками, ожерельями, монистами, ягнусками и ланцужками; оправъ на книги, ризъ, покрововъ, воздуховъ, поясовъ, хустокъ, стихарей, крестовъ, келиховъ, килимовъ, лихтарей, кадильницъ и пр., пожертвованныхъ въ церковь въ разное время разными лицами. Многія изъ этихъ вещей сохранились до настоящаго времени, но онѣ ни по рисункамъ, ни по отдѣлкѣ не представляютъ особаго интереса для церковной археологіи.

Единственное исключеніе представляла престольная икона Покрова Пр. Богородицы, о которой упоминаетъ и Шевченко

---

[1]) Переяславскій полковникъ Иванъ Ивановичъ Мировичъ былъ взятъ въ плѣнъ шведами въ 1706 г. въ м. Ляховичахъ въ Бѣлоруссіи (теперь слуцкаго уѣзда минской губерніи) и отправленъ вмѣстѣ съ другими военноплѣнными сначала въ Штеттинъ, а затѣмъ въ Стокгольмъ, гдѣ онъ и умеръ. См. Костомаровъ, Мазепа и Мазепинцы, 2 е изд. 1885, стр. 290—91.

въ приведенной выше замѣткѣ о Покровской церкви. Изъ описи церковнаго имущества 1711 года видно, что въ то время она находилась уже въ церкви. Объ этой иконѣ писалъ ненаучный, но извѣстный въ 40-хъ годахъ авторъ „Быта русскаго народа" А. В. Терещенко. Замѣтка его объ иконѣ помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ" за 1865 годъ на стр. 318—322. Заимствуемъ изъ нея описаніе иконы: „Посвящая созидаемую церковь Покрову Божіей Матери, Мировичъ въ то же время поручилъ нарисовать запрестольный образъ Покрова, величиною около двухъ аршинъ, и на немъ представлены, по его желанію, государь Петръ I и государыня Екатерина I въ царской одеждѣ. Государь со скипетромъ и державою; подлѣ—гетманъ Мазепа въ своей гетманской одеждѣ; близь государыни—придворныя дамы въ придворномъ нарядѣ; въ сторонѣ козаки въ ихъ народной одеждѣ; напротивъ императора славный Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своемъ полномъ архіерейскомъ облаченіи; около него—священство. Надъ всѣми ими на облакахъ Покровъ Божіей Матери, явившійся въ Греціи въ X вѣкѣ. Образъ Покрова замѣчателенъ изображеніями лицъ и художественною кистью; государь и государыня довольно похожи (сравнительно, конечно, съ признаваемыми наиболѣе близкими къ натурѣ экземплярами ихъ иконографіи), только государь сдѣланъ моложавымъ; Мазепа и Ѳеофанъ Прокоповичъ болѣе всего похожи. Другія особы, какъ то: дамы, козаки и духовенство, неизвѣстны, кто они именно. Строитель храма также нарисованъ здѣсь и, какъ должно думать, онъ тотъ самый, который стоитъ подлѣ гетмана. Живопись вездѣ прекрасная и надобно удивляться, что по тогдашнему состоянію изящнаго искусства въ Малороссіи соблюдена отчетливая отдѣлка въ современныхъ нарядахъ, въ правильной разстановкѣ всей группы, а главное достоинство—превосходныя изображенія лицъ, переданныя вѣрно и живо" [1]).

Икона весьма сходная съ иконою Покровской церкви и даже, можетъ быть, представляющая только копію съ нея,—находится въ Покровской церкви с. Сулимовки переяславскаго уѣзда. Сю-

[1]) См. Рус. Архивъ, 1865 г., стр. 320—21.

жетъ этой иконы не можетъ удивлять насъ. Изображеніе не только святыхъ, но и современныхъ лицъ въ церковной живописи было очень распространено въ старой Малороссіи и портреты епископовъ, фундаторовъ храма и другихъ почетныхъ лицъ часто украшали собою церковныя стѣны. Въ той же переяславской Покровской церкви былъ нарисованъ на стѣнѣ замазанный теперь портретъ преосвященнаго Арсенія Берла.

Съ 1704 по 1837 годъ при Покровской церкви священствовали слѣдующія лица: 1) Василій Ржепѣцкій, 2) Александръ Бахчевскій († 1740 г.), 3) Павелъ Скрипчинскій (1741—1772 гг.), 4) Іоаннъ Савинскій (1772—1808 гг.), 5) Василій Павловскій (1809—1826 гг.), 6) Скачуновъ, 7) Списаровскій, 8) Рекало, 9) Кадьяновъ, 10) Козачковскій, 11) Горуновичъ, 12) Базилевскій, 13) Михайловскій, 14) Романовскій (всѣ эти священники оставались при Покровской церкви короткое время), 15) Даніилъ Бутовскій (съ 11 ноября 1837 г.). О священникахъ позднѣйшаго времени мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній.

Внѣшній видъ церкви со временъ Мировича измѣнился мало, такъ какъ она не подвергалась капитальнымъ перестройкамъ: передѣлывались только куполы, обвалившіеся послѣ пожара 27 апрѣля 1809 года, да разобрана въ 1837 г. старая каменная колокольня, замѣненная деревянной, пристроенной къ западному притвору церкви. Въ настоящее время деревянная колокольня не существуетъ, а новая каменная выстроена уже отдѣльно отъ церкви и отличается поразительно тяжелой и безвкусной архитектурой. Входы въ тайники, устроенные въ стѣнахъ надъ сѣверными и южными дверьми для спрята церковнаго имущества въ случаѣ нападенія непріятеля, завалены теперь обрушившимися кирпичами и въ нихъ трудно проникнуть.

Въ библіотекѣ и въ архивѣ нѣтъ ничего любопытнаго, кромѣ церковной лѣтописи, начатой въ 1704 и прерванной въ 1849 году и изъ которой взяты приведенныя выше выписки.

Съ Покровской церковью связаны нѣкоторыя преданія, а именно: будто куполы на церкви оттого такъ миніатюрны по сравненію съ ея корпусомъ, что Мазепа запретилъ Мировичу

оканчивать церковь по первоначально задуманному плану, боясь, какъ бы она не перещеголяла красотой его Вознесенскаго собора; будто конь Мазепы упалъ передъ Покровской церковью, когда Мазепа уѣзжалъ изъ Переяслава въ послѣдній разъ передъ полтавскою битвою, и это было истолковано народомъ, какъ дурное предзнаменованіе; будто изъ очей чудотворной иконы Божіей Матери капнула слеза, когда Мазепа молился передъ нею, испугавшись случая съ конемъ; но эти преданія относятся къ области поэтическаго народнаго творчества и поэтому разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ нашу задачу.

А. Стороженко.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Д. И. Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ. Историко-топографическій очеркъ. Спб. 1890 г.

Новая книга г. Эварницкаго представляетъ собою до нельзя кропотливый сводъ свѣдѣній по топографіи земель, прежде входившихъ въ составъ запорожскихъ вольностей: о границахъ послѣднихъ, о рѣкахъ, начиная Днѣпромъ и кончая мельчайшими ручьями, о порогахъ и заборахъ на Днѣпрѣ и Бугѣ, о камняхъ, островахъ, плавняхъ и холуяхъ на Днѣпрѣ, объ озерахъ, гирлахъ, лиманахъ, прогноихъ и болотахъ, о балкахъ, оврагахъ и байракахъ, о старинныхъ шляхахъ, рѣчныхъ переправахъ и бродахъ, о лѣсахъ, наконецъ, о производительности земли, климатѣ, растительномъ и животномъ царствѣ. Въ приложеніи находимъ замѣтку екатеринославскаго землевладѣльца И. Д. Яковлева о томъ, гдѣ искать Желтыя Воды, сверхъ того: матеріалы для исторіи запорожскихъ козаковъ, извлеченные изъ частныхъ архивовъ, наконецъ, двѣ карты: Риччи Заннони и Ивана Исленьева и планъ Екатеринослава. И если подумать себѣ, что каждый притокъ Днѣпра, каждая забора или скала, находящаяся на немъ, выслѣживаются по всѣмъ извѣстнымъ автору источникамъ, показанія которыхъ сопоставляются между собою, то трудолюбіе автора останется внѣ всякаго сомнѣнія. Но окупится ли такой египетскій трудъ пользою, какую можетъ оказать настоящая книга, это—другой вопросъ. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что предпріятіе задумано г. Эварницкимъ черезъ-чуръ широко; въ частности, напр., слѣдовало бы выпустить извѣстія Геродота о Скиѳіи, которыя выходятъ далеко за рамки запорожскихъ вольностей. Настоящій трудъ г. Эварницкаго не новъ, такъ какъ авторъ раньше посвящалъ топографіи Запорожья статьи въ «Кіевской Старинѣ» и въ мѣстныхъ газетахъ, а въ недав-

нее время двухтомное сочиненіе «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа». Лежащій нынѣ передъ нами новый его трудъ представляетъ собою болѣе систематическую переработку «Запорожья»; уступая послѣднему въ полнотѣ, легкости и разнообразіи изложенія, онъ превосходитъ его въ степени обработки, хотя, къ сожалѣнію, также не свободенъ отъ недосмотровъ, промаховъ и неточностей.

Во первыхъ, мы замѣтили нѣкоторыя уклоненія отъ плана. Такъ, въ перечисленіи островокъ на Днѣпрѣ, дойдя до Хортицы и упомянувъ о бывшей на ней сѣчи, авторъ не удержался и началъ перечислять и другія сѣчи, хотя онѣ и не имѣли отношенія къ островамъ, т. е. находились на берегахъ рѣки. При обозрѣніи рѣкъ преждевременно было указывать, въ какихъ рѣкахъ какая ловилась рыба, такъ какъ фаунѣ посвящена особая глава, послѣдняя въ книгѣ. Не поставимъ въ вину автору, что онъ спасовалъ передъ исчисленіемъ степныхъ безчисленныхъ балокъ, хотя и нашелъ возможнымъ перечислить рѣчки, камни на Днѣпрѣ и пр., но въ этомъ тоже сказалась невыдержанность плана.

Далѣе методъ автора не вполнѣ удовлетворителенъ: онъ сопоставляетъ показанія источниковъ разновременныхъ и трудно совмѣстимыхъ, начиная Геродотомъ и кончая источниками XVIII в., нерѣдко игнорируя и перепутывая эпохи и свойственныя каждой изъ нихъ географическія названія. Такъ, при Константинѣ Великомъ на Днѣпрѣ оказывается крѣпость Александровская (стр. 41); въ настоящее время, согласно г. Эварницкому, Бугъ течетъ близъ Екатерининскаго шанца (названіе прошлаго столѣтія) (стр. 131), Журавка впадаетъ въ Синюху противъ польскаго города Семлека, Тарговица противъ польскаго города Тарговицы, Мертвоводъ—подъ Соколами (стр. 137), Ингулъ течетъ чрезъ елисаветградскую провинцію, мимо крѣпости св. Елисаветы, гдѣ «въ лѣтнее время онъ почти не виденъ» и гдѣ для пѣшеходовъ кладутъ черезъ него доску (стр. 139); въ Черномъ лѣсѣ и Чутѣ *водятся* волки, лисицы, зайцы, дикіе кабаны, дикія козы (стр. 250).

Въ связи съ этимъ, слѣдуетъ пожелать, чтобы авторъ освободился отъ излишняго пристрастія къ чужимъ словамъ и къ библіографіи. Онъ безъ нужды держится обыкновенія перечислять послѣдовательно мнѣнія, высказанныя когда либо и гдѣ либо по каждому затрогиваемому въ книгѣ вопросу, хотя бы между ними не было никакой взаимной связи и хотя бы дѣло нисколько отъ этого не выигрывало. Напр., нужно г. Эварницкому сказать, сколько есть островов

на Днѣпрѣ, и г. Эварницкій, вмѣсто того, чтобы отвѣтить кратко на этотъ вопросъ, начинаетъ съ Адама: Лассота считаетъ столько то, Бопланъ столько то и пр., и пр. Притомъ, обыкновенно, мнѣнія писателей сами по себѣ, а заключеніе автора—само по себѣ, т. е. мнѣнія эти онъ анализу не подвергаетъ. Иногда чужіе отзывы выписываются цѣлыми страницами, какъ напр. въ главѣ о климатѣ и произведеніяхъ, хотя всѣ они между собою схожи. Не лучше ли было бы сдѣлать изъ нихъ свой собственный очеркъ, вмѣсто того, чтобы чужими руками жаръ загребать?

Въ частности, посовѣтуемъ автору осторожнѣе довѣряться картѣ Риччи Заннони, для того, чтобы избѣжать повторенія его ошибокъ; такъ, на стр. 230 г. Эварницкій, слѣдуя Риччи Заннони, неправильно называетъ правыми притоками Ингула рр. Костоватую и Бобринецъ.

На ряду съ недостаткомъ критическаго отношенія къ источникамъ, авторъ нашъ обнаруживаетъ необъяснимую торопливость и необдуманность, которыя также очень часто вредятъ достоинству книги. Чѣмъ инымъ можно объяснить такія заявленія автора, что, напр. крѣпость св. Елисаветы получила названіе *отъ имени императрицы* Елисаветы (стр. 14); что вслѣдъ за сербами, выведенными въ Россію Хорватомъ, пришли *задунайскіе славяне* съ Ив. Шевичемъ и Р. де Прерадовичемъ во главѣ (стр. 14), тогда какъ на дѣлѣ и они, подобно Хорвату, пришли изъ Австро-Венгріи;—что р. Ингулъ начинается выше м. Цыбулева, *теперь* деревни Ѳедоровки или Бровковой (стр. 139), между тѣмъ какъ это два особыя поселенія; что на степи, вдоль склоновъ Княжихъ Байраковъ въ курганахъ *безъ сомнѣнія* тлѣютъ кости сраженныхъ въ бою противниковъ (214)? Чѣмъ, кромѣ поспѣшности, объясняются неточныя цитаты, вродѣ ссылки на Лассоту въ подкрѣпленіе невѣрнаго заявленія, что «Дикимъ полемъ» называлась степь отъ середины р. Суры до середины р. Домоткани (248), или ссылки на карту елисаветградской провинціи на стр. 123, или, наконецъ, примѣчаніе 3-е на стр. 250 о томъ, что архимандритъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій святилъ гайдамацкіе ножи, что давно уже отвергнуто въ наукѣ?—или подтвержденіе показанія Боплана ссылкой на г. Русова (стр. 287?).

Слабымъ мѣстомъ въ настоящемъ трудѣ мы считаемъ и постоянныя экскурсіи въ сомнительную область словопроизводства. Г. Эварницкій считаетъ «болѣе основательнымъ и болѣе вѣроятнымъ» мнѣніе, что слово Борисѳенъ происходитъ отъ корня *берестъ* (стр. 25),

говоритъ о широкой распространенности слова Самара, не забывая даже палестинской Самаріи (стр. 146) и пр., и пр.

Наконецъ, укажемъ нѣкоторые промахи и недочеты по части формы изложенія. Слѣдовало бы избѣжать употребленія различныхъ мѣръ разстоянія (мили и версты) на двухъ послѣдовательныхъ строчкахъ (стр. 34) и такихъ—приблизительныхъ до курьеза—опредѣленій мѣста, какое находимъ на стр. 115 («близь Мексики въ Америкѣ»); такихъ неясныхъ выраженій какъ на стр. 117: « ... большинство рѣкъ, имѣющихъ рыхлые берега, покрытыхъ лѣсною растительностію *и оттого* ежегодно размываемыхъ водою», или на стр. 270: «въ XVII в., по словамъ Боплана, въ рѣкахъ и озерахъ запорожскаго края водилось множество рыбы и раковъ, каковы: Пселскій и Ворскальскій Омельники, Орель, Самоткань» и пр.; неловкихъ выраженій, какъ «трава, замурованная снѣгомъ» (стр. 244) и небрежныхъ цитатъ, какъ на стр. 297: «Мемуары бар. де Тотта о туркахъ и татарахъ, *въ описаніи* Украины Боплана, 159», которая невѣдущаго можетъ ввести въ курьезное заблужденіе, что мемуары бар. Тотта *помѣщены* въ «Описаніи» Боплана.

Документы, напечатанные въ приложеніи къ книгѣ, не имѣютъ къ ней прямаго отношенія, ибо топографіи запорожскихъ вольностей почти не касаются вовсе. Значительная доля ихъ имѣетъ отношеніе къ предсмертной борьбѣ Запорожья съ сосѣдями на сѣверо-восточной окраинѣ, и эта часть не лишена интереса; но много и такихъ, которые должны быть причислены къ категоріи бумажнаго хлама и издаются совсѣмъ понапрасну, каковъ, напр., № 1: «Жалоба пана Кущинскаго пану Василію Тимоѳеевичу, писаревѣ городовому полтавскому, на портнаго Булавку за дурно сдѣланный кафтанъ», не имѣющая ни малѣйшаго отношенія къ Запорожью, или № IV: «Росписка тульскаго мастера Ананьева о полученіи имъ денегъ (7 рублей) съ запорожскаго атамана Петра Корсунскаго», или № XVIII: «Извѣщеніе о полученныхъ въ Сѣчи рогатомъ скотѣ», какъ слишкомъ мелочнаго и частнаго характера. Къ такимъ же слѣдуетъ причислить и слѣдующіе №№: II, III, VI, VII, VIII, IX, XIX, XXIII, XXIV, XXVIII, XXIX, XXX, XXXII, XXXIII, XXXV, XXXVI, XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XL, XLI, XLII, XLIV, XLV, XLVI. XLVII, XLVIII, XLIX, L, LI, LII, LIV, LV, LVII, LVIII.

За алфавитный указатель главнѣйшихъ (почему только главнѣйшихъ?) собственныхъ именъ и за карты Риччи Заннони и Исленьева,

прекрасно изданные, можно поблагодарить г. Эварницкаго. Планъ Екатеринослава къ настоящему труду не имѣетъ отношенія и могъ бы быть изданъ въ своемъ мѣстѣ, болѣе подходящемъ.

В. Ястребовъ.

Мѣстечко Дмитровка. Опытъ историко-статистическаго и этнографическаго описанія. Свящ. Г. И. Сорокина. Изданіе херсонской губернской земской управы. Стр. II+65.

Въ 1889 году «Сборникъ херсон. земства» обратился къ читателямъ съ просьбой содѣйствовать изученію народной жизни и напечаталъ программу для этнографическаго описанія херсонской губ. Откликомъ на такой призывъ явилась брошюра, заглавіе которой мы только что выписали.

Прочли мы ее съ большимъ удовольствіемъ и пользой. Авторъ, священникъ, слѣдовательно, человѣкъ постоянно живущій въ народной средѣ, располагающій и временемъ, и возможностью ближе ознакомиться съ деталями народной жизни,—даетъ любопытную картину ея въ одномъ изъ населеннѣйшихъ центровъ херсонской губ.

Въ рецензіи трудно исчерпать то богатство свѣдѣній, которое сообщаетъ брошюра. Читатель найдетъ здѣсь топографическія, историческія и этнографическія свѣдѣнія, свѣдѣнія о грамотности, народонаселеніи, сельскомъ хозяйствѣ, платежахъ, промыслахъ, о тяжеломъ кредитѣ для бѣднаго люда и пр., и все это разработано болѣе или менѣе детально, на основаніи данныхъ, собранныхъ на мѣстѣ, которымъ можно довѣриться. Авторъ въ этомъ отношеніи остороженъ (стр. 59).

Мѣстечко Дмитровка представляетъ большой интересъ для наблюдателя. Время основанія ея неизвѣстно, хотя есть указанія, что въ началѣ XVIII в. она уже существовала. Новая жизнь для нея наступила только въ концѣ XVIII в., когда на югѣ насаждалъ культуру Потемкинъ-Таврическій; затѣмъ пришлось пережить времена печальной памяти аракчеевскихъ военныхъ поселеній, этого, по остроумному замѣчанію нашего автора, великаго переселенія, когда цѣлыя вполнѣ устроенныя деревни безъ какой либо видимой надобности перегонялись съ мѣста на мѣсто.

Населеніе Дмитровки, возникшей въ степи, пришлое. Въ настоящее время главный контингентъ его составляютъ двѣ большія группы—великороссы и малороссы. Поселились они давно здѣсь,

лѣтъ 150, но живутъ совершенно отдѣльно, не смѣшиваясь и чуждаясь другъ друга. Они говоритъ о. Сорокинъ, разнятся въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ и костюмахъ. Принадлежа къ одному обществу и бывая въ одной церкви, малороссы и великороссы не имѣютъ другъ на друга почти никакого вліянія и не стараются даже по хозяйственной части перенимать одни у другихъ. Если случается, что сельскій староста и волостной старшина выбраны изъ малороссовъ, то послѣдніе пользуются защитой и покровительствомъ, а преслѣдуются великороссы, и наоборотъ, когда же одинъ изъ нихъ малороссъ, а другой великороссъ, то и они враждуютъ между собой и каждый защищаетъ своихъ. Малороссы и великороссы несближаются: они не женятся между собой, даже не идутъ въ кумовья одинъ къ другому (стр. 5—6).

Взаимное отчужденіе между ними до того велико, что замѣчается стремленіе порвать связи тамъ, гдѣ онѣ установлены и поддерживаются оффиціальнымъ путемъ. «Въ 1888 г. малороссы составили приговоръ о необходимости раздѣла земли на двѣ части малороссійскую и великороссійскую, подали этотъ приговоръ въ крестьянское присутствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ просили, чтобы образовать для малороссовъ и великороссовъ отдѣльныя сельскія правленія, но присутствіе отказало, такъ какъ подписали приговоръ одни малороссы. Великороссы такого раздѣленія не желаютъ, и если назначается сходъ для рѣшенія этого вопроса, то ни одинъ великороссъ не является. Въ 1888 году малороссамъ удалось отдѣлиться *толо́кой*, на которую не имѣетъ права гнать лошадей на пастьбу ни одинъ великороссъ» (стр. 35).

Большую стойкость въ сохраненіи своей самобытности авторъ подмѣтилъ у малороссовъ. «Книжный языкъ въ школѣ, а тѣмъ болѣе внѣ ея плохо усваивается. Несмотря на то, что ужь нѣсколько поколѣній родилось, выросло и умерло, каждый держится своего. Замѣтно вообще, что великороссы болѣе усваиваютъ малороссійскія слова въ разговорѣ, чѣмъ наоборотъ... Малороссы ни одного слова великороссійскаго не употребляютъ, развѣ когда въ ссорѣ возлѣ расправы дразнятъ ихъ» (стр. 22).

При такой обособленности и стремленіи къ ней и великороссовъ и малороссовъ естественно, кажется, было произвести наблюденія надъ ними порознь. Такое сопоставленіе было бы въ высшей степени любопытнымъ: мы ясно видѣли бы, въ чемъ разнится ихъ міровоззрѣніе, образъ и складъ жизни и т. д.

Какъ скоро двѣ общественныя группы, болѣе 150 лѣтъ живущія рядомъ, слѣдовательно, успѣвшія воспитать нѣсколько поколѣній при одинаковыхъ *физическихъ* условіяхъ, сохраняютъ свои національныя особенности, не поддаются вліянію другъ друга,—значитъ, слишкомъ велика пропасть между ихъ умственнымъ складомъ, ихъ міровоззрѣніями, складомъ всей ихъ жизни, происхожденіе которыхъ коренитсяв далекомъ прошломъ того и другаго народа.

Къ сожалѣнію, авторъ разбираемой нами брошюры не всегда имѣлъ это въ виду. Сдѣлавъ наблюденія порознь въ сферѣ семейныхъ отношеній обѣихъ группъ, онъ въ другихъ случаяхъ сваливаетъ ихъ въ кучу. Трудно бываетъ разобрать, о комъ онъ говоритъ; возможны только догадки, благодаря случайно названнымъ именамъ, но всегда ли онѣ будутъ справедливы? Говоря, напр., о постройкахъ, авторъ приводитъ, какъ намъ кажется, планъ великороссійскаго двора; сравнивая богатаго, зажиточнаго, недостаточнаго и бѣднаго крестьянина, авторъ беретъ малоросса (Тихонъ Чепуръ?) и трехъ великороссовъ и т. д. Вообще нужно сказать, въ статистической части своего труда о. Сорокинъ почему то на первый планъ выдвинулъ великоросса, заслонивъ имъ совершенно малоросса. Мы искренно сожалѣемъ о такой несправедливости.

Сравненіе семейныхъ отношеній дмитровскихъ жителей дало возможность автору подмѣтить любопытную черту, характеризующую великороссійское и малорусское племя. Малороссы не знаютъ большой семьи; стремленіе къ самостоятельной, независимой жизни у нихъ до того сильно развито, что женатый малороссъ, при первой же возможности, покидаетъ семью и становится на свое собственное хозяйство. Два женатыхъ сына не уживаются въ семьѣ; главной виною являются невѣстки. Конечно, не отъ сварливости малорусскаго прекраснаго пола зависитъ это, а отъ того, кажется намъ, болѣе или менѣе самостоятельнаго положенія, которое занимаетъ женщина въ малорусской семьѣ. Здѣсь она не «вѣковѣчная работница», а полная, независимая хозяйка, имѣющая право самостоятельно распоряжаться своимъ добромъ. «Женинаго хозяйства, говоритъ о. Сорокинъ, мужъ не касается; мать на свои средства покупаетъ дочерямъ къ праздникамъ обновки и готовитъ приданое»: она имѣетъ «свои неприкосновенныя деньги отъ продажи яицъ, куръ, молока, масла, полотна, огородныхъ овощей и другихъ предметовъ женскаго хозяйства» (стр. 10). Понятно, трудно ужиться тамъ, гдѣ на одномъ хозяйствѣ сидятъ нѣсколько самостоятельныхъ хозяекъ...

Характеръ великорусской семьи совсѣмъ иной; основанъ онъ на подчиненіи, на сведеніи къ нулю личности въ общемъ организмѣ семейнаго хозяйства. «Мужъ вполнѣ глава жены, она ему покоряется раболѣпно, а самъ онъ покоряется отцу, матери и безъ ихъ разрѣшенія ничего не можетъ сдѣлать,—хотя бы такому сыну было около 40 лѣтъ, онъ всегда въ глазахъ отца *«малый»*. Здѣсь бываютъ семьи и душъ по 20 (стр. 10).

Мы не станемъ останавливаться на обычаяхъ дмитровскихъ жителей. Интересующійся найдетъ въ трудѣ о. Сорокина много любопытнаго въ этомъ отношеніи для характеристики народной жизни: описаніе свадьбы, крестинъ, воскреснаго дня у дмитровцевъ. Отмѣтимъ только печальный фактъ—проникновеніе въ среду дмитровскихъ крестьянъ картежной игры на деньги. «Трудно сказать, говоритъ о. Сорокинъ, кто азартнѣе и чаще играетъ, малороссы или великороссы. Кажется, одинаково. Но какъ тѣ, такъ и другіе играютъ только *въ своихъ компаніяхъ*; правда, что между великороссами парней играетъ больше, чѣмъ у малороссовъ. Послѣдніе предпочитаютъ гулять съ *«дивчатами»*; великороссы же съ дѣвками на улицѣ мало гуляютъ» (стр. 18).

Въ заключеніе нельзя не указать на интересный и славный обычай, практикуемый какъ дмитровскими малороссами, такъ и великороссами—обычай *побратимства и посестримства*. Побратимство бываетъ преимущественно между такими лицами, которыя не имѣютъ родныхъ братьевъ и сестеръ и заключается, главнымъ образомъ, на второй день Пасхи. Послѣ извѣстныхъ религіозныхъ и житейскихъ церемоній, въ присутствіи ближайшихъ родственниковъ и сосѣдей, «между побратавшимися устанавливаются самыя близкія отношенія: во всѣхъ семейныхъ случаяхъ—печальныхъ и радостныхъ—мужья и жены побратавшихся или посестрившихся принимаютъ самое горячее участіе; если заболѣетъ изъ нихъ кто-нибудь, то заботится одинъ о другомъ; при случаяхъ сватовства сына или дочери, побратавшіеся безъ совмѣстнаго совѣта и согласія сами не рѣшаются женить сына или выдать дочь. Въ матеріальныхъ затрудненіяхъ побратимы взаимно помогаютъ и притомъ безъ всякихъ счетовъ; но болѣе нуждающійся старается, чтобы не вышло съ его стороны въ этомъ отношеніи злоупотребленія». Побратавшіеся считаютъ себя такими близкими родственниками, что не допускаютъ браковъ между собою и своими дѣтьми (стр. 19).

Мы обратили вниманіе на одну сторону труда о. Сорокина, на этнографическія свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, и, конечно, ихъ далеко

не исчерпали. Живой интересъ, который представляетъ брошюра, заставляетъ искренно желать, чтобы она вызвала подражанія и не въ одной только херсонской губ. Дѣло изученія народа будетъ тогда идти успѣшно, если люди, по своему положенію, имѣющіе возможность близко наблюдать народную жизнь, будутъ оказывать посильное содѣйствіе этому изученію. Какъ велико и какъ полезно можетъ быть это содѣйствіе, показываетъ разобранная нами брошюра о. Сорокина. Позволимъ отмѣтить еще одну особенность ея—объективность и трезвое отношеніе къ фактамъ. Читая брошюру, не замѣтишь, что она написана лицомъ духовнымъ. Явленіе, какъ извѣстно, рѣдкое, хотя и въ высшей степени желательное: только при такомъ отношеніи къ дѣлу можно оказывать содѣйствіе наукѣ...

Н. В.

Полящкій А. Историческая записка объ открытіи елисаветградскихъ духовныхъ училищъ. 124 стр. Одесса. 1890 г.

Содержаніе этой записки довольно однообразно и скучно, какъ скучна, лѣнива и неподвижна была сама тогдашняя жизнь уѣзднаго общества, давшая матеріалъ для названной книжки. Рѣчь идетъ объ открытіи въ 1820 г. 1 сентября въ г. Елисаветградѣ 2 духовныхъ училищъ: уѣзднаго и приходскаго послѣ трехлѣтней нескончаемой переписки и канцелярской волокиты. Дѣло въ томъ, что еще въ 1817 году былъ поднятъ архіепископомъ екатеринославскимъ Іовомъ вопросъ о подысканіи въ г. Елисаветградѣ подходящаго для училищъ дома и о пріисканіи въ этомъ городѣ лицъ, способныхъ занять должности ректора въ будущемъ уѣздномъ училищѣ и учителей въ семъ и приходскомъ училищахъ; но только благодаря тому, что вопросъ попалъ въ руки весьма достойнаго и энергичнаго любителя просвѣщенія въ лицѣ соборнаго елисаветградскаго протоіерея и первоприсутствующаго въ духовномъ правленіи о. Карпа Павловскаго, дѣло пошло на ладъ и благополучно было доведено до конца въ такой сравнительно непродолжительный, по тому времени, срокъ, какъ три года. Добрая половина книжки занята довольно незанимательнымъ разсказомъ, снабженнымъ весьма подробными числовыми данными, о тѣхъ злоключеніяхъ, какими сопровождался вопросъ объ открытіи училищъ съ матеріальной его стороны, и въ частности о томъ, какъ туго и неисправно, не взирая на всевозможныя давленія и даже угрозы со стороны высшей епархіальной власти, собирались пожертвованія,

«добровольно» обѣщанныя духовенствомъ 3 уѣздовъ: елисаветградскаго, ольгопольскаго и александрійскаго на пріобрѣтеніе для училищъ собственныхъ помѣщеній. Вторая половина книги занята разсказомъ о подборѣ учителей для училищъ новоназначеннымъ ректоромъ, или смотрителемъ ихъ протоіереемъ Павловскимъ, о самомъ открытіи училищъ ректоромъ екатеринославской семинаріи архимандритомъ и «богословіи учителемъ» Никифоромъ и наконецъ о привлеченіи въ училища священно-и-церковно служительскихъ дѣтей, что оказалось дѣломъ въ высшей степени хлопотливымъ и тяжелымъ, вслѣдствіе недостатка сочувствія въ самихъ родителяхъ. Достаточно сказать, что только *въ ноябрѣ* мѣсяцѣ кое какъ опредѣлился составъ учащихся—именно въ количествѣ 121, вмѣсто ожидавшихся 226—обстоятельство крайне характеристичное. Составъ преподавателей, насколько можно судить изъ представленныхъ въ книжкѣ скудныхъ данныхъ, былъ довольно удовлетворителенъ.

Изложена «записка» дѣльно и во всякомъ случаѣ составляетъ небезполезный вкладъ въ нашу учебно-историческую литературу.

А. Степовичъ.

Пинчуки, этнографическій сборникъ. Собралъ Д. Г. Булгаковскій. Спб. 1890 г. 200 стр. in 8°.

Это очень обстоятельно и старательно составленный сборникъ. Кромѣ значительнаго количества пѣсенъ (болѣе 250), пословицъ, загадокъ, повѣрій и пр., въ книгѣ есть и объяснительныя замѣчанія, касающіяся какъ содержанія пѣсенъ, такъ и ихъ языка въ звукословномъ и морфологическомъ отношеніяхъ и, хотя довольно безпритязательныя и краткія, но зачастую не лишенныя какъ общаго интереса, такъ даже и извѣстнаго научнаго значенія. Но болѣе всего, конечно, важенъ собранный матеріалъ, принадлежащій столь любопытной въ этнографическомъ отношеніи мѣстности, каково пинское полѣсье, это исконное мѣстопребываніе славянскаго племени, сохранившагося тамъ почти въ первобытной своей чистотѣ. Общеизвѣстно, что населеніе этого полѣсья, въ силу особенности своей природы, недоступности и проч., являлось, до самаго послѣдняго времени, какой то этнографическою, если можно такъ выразиться, окаменѣлостью, анахронизмомъ, обломкомъ XII—XIII вѣка, по какому то чуду уцѣлѣвшимъ въ XIX вѣкѣ.

Съ проведеніемъ полѣсской желѣзной дороги условія жизни пинскаго полѣсья начинаютъ быстро измѣняться, оно теряетъ свою неприступность; вотъ почему весьма важно заняться собраніемъ этнографическаго матеріала у пинчуковъ именно теперь, т. е. въ то время, когда жизнь и обстановка полѣсскаго населенія еще не успѣли потерять своихъ прастарыхъ особенностей. Съ этой точки зрѣнія заслуга г. Булгаковскаго является особенно осязательной...

Въ языкѣ пинчуковъ, кромѣ множества звукословныхъ и морфологическихъ чертъ, дѣлающихъ изъ него какое то промежуточное нарѣчіе между малорусскимъ и бѣлорусскимъ, есть и свои особенности, развитыя въ немъ, какъ ни въ одномъ изъ русскихъ нарѣчій и поднарѣчій. Таково, напр., господство звука *у* (рудный, т. е. родный, свуй, зулье т. е. зелье, вуѣхавъ т. е. выѣхалъ, черномурецъ; это слово встрѣчается напр. на стр. 82 въ пѣснѣ 34 любови. «Три нидѣлюшки лежала, а четверту я не хочу...) и *ю* (приюсъ, дрюбный, юмирати, ютко и пр.; таково опущеніе звуковъ: твэю вм. твоею, еробей, ладыко, озьми вм. воробей, владыко, возьми и пр.

Вслѣдствіе промежуточнаго положенія пинчуковъ между малоруссами и бѣлоруссами, въ употребленіи у нихъ имѣется, кромѣ самобытныхъ полѣсскихъ пѣсенъ, множество пѣсенъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ, только подвергшихся нѣкоторому измѣненію въ языковомъ отношеніи и, вслѣдствіе этого, представляющихъ собою во всякомъ случаѣ любопытные изводы уже извѣстныхъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ.

Такимъ образомъ пинчуку извѣстны, напр., и «Гриць» («Ой не ходи Грыцю») и «Тыхо тыхо Дунай воду несе», и «Туманъ по долини, широкій лыстъ на калыни» и мног. другія пѣсни, столь распространенныя въ Малороссіи. Въ языковомъ отношеніи особенно любопытны пѣсни № 13 (61 стр.), № 8 (56 стр.), № 17 (73 стр.) и еще нѣкоторыя другія, представляющія замѣчательное смѣшеніе малорусскихъ и великорусско-бѣлорусскихъ элементовъ (напр. дѣвчинушка и дзѣвчинушка, дубровушка и хмары, шумити и покидаци, подыте, позовыте и нехай и пр.).

Должно очень пожалѣть, что къ сборнику не приложены *напѣвы*, что произошло, вѣроятно, отъ незнакомства или недостаточнаго знакомства собирателя съ музыкою. Вотъ почему важно, чтобы на Полѣсье проникъ и кто-нибудь изъ нашихъ музыкантовъ: жатва была бы обильная. Мы уже не говоримъ о томъ, что наши музыкальныя училища могли бы здѣсь очень пособить дѣлу, если бы не

сторонились жизни и не чуждались народности, односторонне увлекаясь лишь классическою или по крайней мѣрѣ композиторскою музыкою...

Просматривая приложенный къ книгѣ словарчикъ, мы замѣтили нѣсколько любопытныхъ особенностей, какъ кажется, принадлежащихъ исключительно Полѣсью и не встрѣчающихся въ другихъ русскихъ краяхъ. Таково, напр., слово «зчинальникъ» [собиратель неправильно пишетъ это слово: щинальникъ. Такимъ правописаніемъ окончательно затемняется словопроизводство въ этомъ словѣ, гдѣ з+$\sqrt{\text{чин}}$+ал—ьн—ик—ъ=буквально *начинатель*, начальникъ]. Этимъ выраженіемъ обозначается то понятіе, для котораго у великоруссовъ существуетъ названіе: запѣвало. Вотъ еще нѣсколько подобныхъ словъ: Оболонечка (=форточка, дверца), нэлося=досталось, случилось, нанайдлѣпшій=наилучшій, посагъ=приданое, повужичокъ=возница и мн. др. Въ концѣ концовъ мы должны признать, что изданіемъ разсмотрѣннаго нами труда русское географическое общество оказало не малую услугу русской наукѣ.

А. Степовичъ.

Памятная книжка конотопскаго земства 1865—1890 г. Кіевъ. 1890 г. 8 д. Стр. 144.

Въ 1890 году исполнилось 25 лѣтъ со времени введенія земскихъ учрежденій. Годъ этотъ не является однимъ только формальнымъ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ, но и заканчиваетъ собою особый періодъ дѣятельности земства, такъ какъ въ этомъ году изданъ законъ о коренномъ его преобразованіи.

Подведеніе итоговъ дѣятельности земства за этотъ періодъ является, поэтому, вполнѣ своевременнымъ. Это имѣло въ виду, кажется, и конотопское земство, издавая свою «Памятную книжку».

Благодаря простой и чрезвычайно удобной системѣ, принятой редакціей, читателю не трудно ознакомиться съ главными сторонами дѣятельности конотопскаго земства. Во второй, напр., главѣ «Земскіе доходы и расходы 1867—1889 г.» читатель имѣетъ предъ собой двѣ таблицы, и къ нимъ объяснительный текстъ, гдѣ дается объясненіе той или другой статьи дохода или расхода. Такая же система принята и въ «Историческомъ очеркѣ земской медицинѣ въ конотопскомъ уѣздѣ, 1864—1889 гг.» (3-я глава); въ 3-хъ таблицахъ заключаются свѣдѣнія о развитіи медицинской организаціи, о дѣятельности

больницъ и медиц. персонала, о затратахъ земства на медицину; подробности опять въ объяснительномъ текстѣ. По организаціи медицины конотопское земство занимаетъ, какъ извѣстно, одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи. Получивъ довольно скудное медицинское наслѣдство (стр. 48), земство съумѣло организовать такимъ образомъ медицинскую помощь, что въ настоящее время къ услугамъ населенія имѣются 6 врачей, 3 больницы и въ каждомъ селѣ фельдшеръ.

Для народнаго образованія земство сдѣлало также очень много. Къ сожалѣнію только въ конотоп. уѣздѣ не нашлось человѣка, который бы написалъ историческій очеркъ школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Изъ приложенной таблицы, заключающей въ себѣ свѣдѣнія за одинъ только 1889 г., мы видимъ, что до введенія земства существовало одно только училище въ м. Батуринѣ; теперь же только въ пяти, незначительныхъ по населенію, селахъ нѣтъ земскихъ или министерскихъ школъ. На народное образованіе большая часть расходовъ падаетъ на земство, часть платятъ сельскія общества; казна участвуетъ только въ содержаніи т. н. министерскихъ училищъ, которыхъ въ конот. уѣздѣ 7.

Кромѣ этихъ свѣдѣній интересующійся найдетъ въ «Памятной книжкѣ» свѣдѣнія о распредѣленіи землевладѣнія (гл. 5), о лицахъ, владѣющихъ въ конот. уѣздѣ свыше 200 дес. (гл. 6); списокъ гласныхъ за истекшее двадцатипятилѣтіе (гл. 1). Разсматривая послѣдній, мы замѣтили, что крестьяне и козаки рѣдко бываютъ гласными нѣсколько трехлѣтій. Мы не знаемъ, чѣмъ объяснить это: не вліяетъ ли здѣсь общественное положеніе лица, не выбираются ли старшины, писаря и пр.? Если—да, то можно пожалѣть, что въ «спискѣ гласныхъ» не указано ихъ общественное положеніе въ моментъ избранія.

7-я глава «Памятной книжки» заключаетъ въ себѣ «Историко-статистическія свѣдѣнія о населенныхъ мѣстностяхъ конот. уѣзда». Свѣдѣнія о количествѣ населенія собраны управой (какимъ способомъ?) лѣтомъ 1890 г. Большинство поселеній конот. уѣзда относится къ 1-й половинѣ XVII в. (мы насчитали 27). 4 поселенія—ко 2-й половинѣ XVII в.; 8—къ XVIII в.; 3 поселенія встрѣчаются раньше XVII в. (Крапивная, Бахмачъ и д. Старая).

Въ концѣ «Памятной книжки» помѣщено духовное завѣщаніе М. О. Парпуры, завѣщавшаго по 16 т. на конотоп. повѣтов. училище, на черниговск. или новгородсѣвер. гимназіи и на харьковскій университетъ; кромѣ того 40 тыс. на конотопскую богадѣльню.

М. О. Парпура (1756—1828 гг.) былъ проф. харьков. университета. Онъ напечаталъ на свой счетъ въ 1798 г. «Энеиду» Котляревскаго, безъ согласія послѣдняго. Отвѣтомъ на это явилась извѣстная строфа въ «Энеидѣ»: «якусь особу *мацапуру*» и пр.

Н. В.

Новороссійскій календарь на 1891 годъ. Одесса 1890.

Областные и губернскіе календари съ научно-литературными прибавленіями — явленіе довольно распространенное въ настоящее время. До нынѣшняго года гор. Одесса не имѣлъ такого календаря въ теченіе 16 лѣтъ. Но первый опытъ изданія мѣстнаго календаря (на французскомъ и русскомъ языкахъ) сдѣланъ тамъ еще въ 1821 году. Съ 1835 г. онъ началъ издаваться на одномъ русскомъ языкѣ и усвоилъ себѣ настоящее свое названіе. До 1838 года онъ издавался при канцеляріи генералъ-губернатора, а затѣмъ при Ришельевскомъ лицеѣ, вплоть до 1865 г.; когда лицей былъ преобразованъ въ университетъ, а календарь сталъ издаваться снова при генералъ-губернаторской канцеляріи, что продолжалось до 1874 г., когда изданіе его прекратилось вплоть до настоящаго года; нынѣ оно возобновляется при городской публичной библіотекѣ, на средства городскаго управленія.

Согласно прежней программѣ, которая удержана безъ измѣненія настоящей редакціей календаря, послѣдній раздѣляется на 4 отдѣла. Первый заключаетъ въ себѣ собственно календарныя свѣдѣнія (стр. 1—68), второй—справочныя общія и мѣстныя (69—166), третій—новороссійскій адресъ-календарь, обнимающій губерніи херсонскую, таврическую, бессарабскую и екатеринославскую (стр. 168—320); четвертый отдѣлъ, съ особой пагинаціей (стр. 1—169) занятъ научно-литературными статьями по мѣстнымъ вопросамъ. Въ концѣ находимъ алфавитный указатель собственныхъ именъ, дополненія и поправки; дополненія эти занимаютъ 9 страницъ (I—IX). Несмотря на «дополненія» въ концѣ книги, адресъ-календарь далеко не полонъ. Такъ, въ немъ очень мало свѣдѣній по духовному и духовно-учебному вѣдомству, по мѣстнымъ обществамъ, благотворительнымъ и другимъ, по мѣстнымъ библіотекамъ и пр. Единственное пріятное исключеніе по полнотѣ свѣдѣній представляетъ гор. Одесса. Далѣе, попадаются свѣдѣнія устарѣлыя болѣе чѣмъ на полгода, между прочимъ въ «дополненіяхъ» мы нашли «ростовскій уѣздъ», давно при-

соединенный къ области донскаго войска; встрѣчаются важные пропуски, напр. елисаветградское реальное училище отсутствуетъ; бросается въ глаза довольно много опечатокъ въ фамиліяхъ, опечатокъ, не только не исправленныхъ, но повторяемыхъ и въ алфавитномъ указателѣ.

Литературный отдѣлъ состоитъ изъ слѣдующихъ статей: 1) Библіографическая справка о Новороссійскомъ календарѣ, 2) Аббатъ Николь и первые годы Ришельевскаго лицея—ст. П. Юрченка и В. Яковлева. 3) Опытъ программы-вопросника для собиранія географическо-историческихъ свѣдѣній по Новороссійскому краю, А. Матвѣева, и 4) Артезіанскіе колодцы въ Крыму, Н. Головкинскаго.

Въ первой статейкѣ, кромѣ свѣдѣній о календарѣ, извлеченныхъ нами въ началѣ нашего отзыва, находимъ и перечень научно-литературныхъ статей, напечатанныхъ въ немъ за прежніе годы.

Статья объ аббатѣ Николѣ отличается большою обстоятельностью. Она составлена г. Яковлевымъ на основаніи матеріала, оставшагося послѣ смерти мѣстнахо ученаго Юрченка и отчасти обработаннаго послѣднимъ,—на основаніи данныхъ, извлеченныхъ самимъ г. Яковлевымъ изъ архива Ришельевскаго лицея, хранящагося въ новороссійскомъ университетѣ, изъ устныхъ разсказовъ старожиловъ и печатныхъ статей. Изложеніе г. Яковлева довольно тяжелое и обременяется массою документальныхъ выписокъ; самыя интересныя страницы (61—84) представляютъ дословную перепечатку статей бывшаго воспитанника лицея Сумарокова.

Г. Матвѣевъ, авторъ напечатаннаго въ календарѣ «вопросника», извѣстенъ уже программами по географіи, этнографіи и археологіи, изданными имъ къ VI археологическому съѣзду въ Одессѣ. Нынѣ онъ приступаетъ къ переизданію своихъ программъ въ переработанномъ видѣ и для начала помѣщаетъ «вопросникъ» по физической географіи новороссійскаго края. Признаемся, мысль этого «вопросника» остается для насъ неясною и потому не знаемъ, какую практическую пользу можетъ онъ принести. Самъ авторъ упоминаетъ о существующихъ въ печати капитальныхъ трудахъ по физической географіи новороссійскаго края, таковы многотомные «Матеріалы для статистики и географіи Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба», «Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ.» изд. статистич. отдѣл. херсонск. губернск. земск. управы и пр. Чего желаетъ достигнуть своимъ «вопросникомъ» г. Матвѣевъ—не знаемъ. Правда, онъ говоритъ, будто первое изъ названныхъ изданій устарѣло, но въ чемъ

же? —конечно, не въ области физическаго землеописанія; второе новое (земское) изданіе, по справедливому замѣчанію г. Матвѣева, направлено къ специальной—оцѣночной цѣли, но къ сожалѣнію, онъ не указываетъ, какія стороны этого труда желательно пополнить. Словомъ, г. Матвѣевъ игнорируетъ прежніе труды и начинаетъ съ азовъ, будто Новороссійскій край—совсѣмъ невѣдомая страна,—адресуясь къ провинціаламъ—«не патентованнымъ ученымъ», въ ожиданіи отъ нихъ свѣдѣній о горныхъ лавинахъ, глетчерахъ и моренахъ (стр. 106), фіордахъ, польдерахъ (стр. 108), гейзерахъ (стр. 111) и проч. чудесахъ. Можно бы подумать, что г. Матвѣевъ не пробѣлы намѣренъ пополнять въ прежнихъ трудахъ, а собрать вообще болѣе точныя, болѣе детальныя свѣдѣнія о новороссійскомъ краѣ (если бы была указана и доказана неполнота или неточность прежнихъ трудовъ). Но въ такомъ случаѣ непонятно предпочтніе, оказываемое имъ «не патентованнымъ ученымъ», тѣмъ менѣе это понятно, что и самъ онъ признаетъ, напр., что при настоящемъ состояніи метеорологіи только специалисты могутъ дать цѣнные матеріалы о климатѣ страны и что его программа по климатологіи не удовлетворительна по своей элементарности и краткости. Тоже слѣдуетъ сказать (въ большей или меньшей мѣрѣ) и о всей программѣ-вопросникѣ вообще.

Статья г. Головкинскаго ничего оригинальнаго въ себѣ не заключаетъ. И такъ, привѣтствуя возрожденіе Новороссійскаго календаря, пожелаемъ ему совершенствованія и успѣха.

В. Ястребовъ.

Историческій очеркъ Петровскаго полтавскаго кадетскаго корпуса (1840—1890). По оффиціальнымъ даннымъ составилъ И. Ф. Павловскій. Полтава. 1890. Стр. 183+113+VIII.

50 лѣтъ жизни русскаго учебнаго заведенія—періодъ большой: стоитъ оглянуться назадъ. Нельзя, по этому, не сочувствовать мысли къ этому времени составлять «Историческія очерки» учебныхъ заведеній. При этомъ, конечно, желательно, чтобы «очерки» эти не носили характера оффиціальныхъ записокъ, не касались одной только внѣшней исторіи учебнаго заведенія и оффиціальнаго проявленія его дѣятельности, а затрогивали бы внутреннюю жизнь заведенія, учащихся, такъ какъ училища существуютъ для нихъ только, и ихъ жизнь за время пребыванія въ заведеніи составляетъ жизнь, исторію самого заведенія.

6 декабря 1890 г. праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своего существованія полтавскій корпусъ. Въ связи съ этимъ событіемъ находится и появленіе книги г. Павловскаго, заглавіе которой выписано выше.

Корпусъ въ Полтавѣ открытъ въ 1840 г. на деньги пожертвованныя дворянами. Цѣлью его учрежденія было—«дать возможность молодымъ дворянамъ воспитываться для военной службы вблизи ихъ семействъ» (стр. 10). За 50 лѣтъ корпусъ пережилъ три періода: сначала въ видѣ кадет. корпуса (1840—1865), затѣмъ военной гимназіи (1865—1882), а въ 1882 г. опять воротились къ старому. Сообразно съ этимъ и трудъ г. Павловскаго распадается на три части; состоитъ же онъ вообще изъ 11 главъ; въ концѣ приложенъ списокъ окончившимъ полтавскій корпусъ.

Мы затрудняемся сказать, какая изъ частей труда г. Павловскаго заслуживаетъ большаго вниманія и интереса. Трудъ его совершенно противорѣчитъ желанію, высказанному нами раньше. Онъ является, въ сущности, очеркомъ внѣшней исторіи корпуса, при чемъ авторъ иногда вдается въ ненужныя и ни для кого неинтересныя подробности. Мы не понимаемъ, напр., къ чему автору потребовалось описаніе церемоніала открытія корпуса съ приведеніемъ цѣликомъ очень блѣдной рѣчи преосвящ. Гедеона, разъ уже напечатанной. Еще больше насъ поражаютъ неумѣстныя изысканія объ авторахъ портретовъ Петра (стр. 20—24). Жаль потеряннаго авторомъ времени.... А между тѣмъ внутренняя исторія корпуса, исторія кадетъ отсутствуетъ.

Сознаемся, такую исторію корпуса написать труднѣе. Но намъ кажется, что въ этомъ отношеніи г. павловскій врядъ ли можетъ пожаловаться на безпорядочность полтавскаго корпуснаго архива. Сомнѣваемся, чтобы въ архивѣ не находилось, хоть съ 60-хъ годовъ, свѣдѣній о поступившихъ выпущенныхъ, оставшихся, исключенныхъ штрафованныхъ и пр. Общіе же итоги г. Павловскій нашелъ возможность подвести! (Прил. стр. 93). Такія свѣдѣнія—факты гораздо болѣе освѣщаютъ дѣло, чѣмъ слова «приказовъ». Въ книгѣ г. Павловскаго мы не нашли, напр., подробныхъ указаній даже о библіотекѣ. На стр. 132 говорится о какихъ то возрастныхъ библіотекахъ, въ 1875 г. (почему не въ 1890?) достигшихъ до 1666 том., но неужели забота о чтеніе кадетъ проявилась только въ 1866 г., неужели раньше не существовало библіотекъ? Отчего мы ни слова не встрѣчаемъ объ учебныхъ пособіяхъ, кабинетахъ и пр., неужели ихъ въ корпусѣ

не существуетъ? Изъ книги г. Павловскаго мы вообще вынесли самое смутное представленіе, что такое есть и былъ полтавскій корпусъ, какъ *учебное* заведеніе.

Воспитательная сторона остается также неясной. «Приказы» даютъ въ этомъ отношеніи мало, особенно въ томъ видѣ, какъ приводитъ большинство ихъ г. Павловскій, называя только заглавія. Мы знаемъ, напр., и безъ г. Павловскаго, что въ 50-хъ годахъ въ корпусахъ существовали тѣлесныя наказанія, но за какія проступки, какъ часто—это важно, а между тѣмъ авторъ объ этомъ то намъ ничего и не говоритъ. Даже такіе факты, какъ корпусныя недоразумѣнія конца 50 и начала 60-хъ годовъ (стр. 85 и слѣд.) изложены до того темно, что нѣтъ никакой возможности составить о нихъ понятіе. Авторъ говоритъ между прочимъ о «новыхъ вѣяніяхъ» бывшихъ въ обществѣ и проникшихъ въ среду молодежи. Мы съ любопытствомъ искали въ его книгѣ фактовъ въ подтвержденіе этого, но не нашли ни одного. Приводить же фактъ отказа идти на урокъ географіи въ 1859 году въ связь съ великими вѣяніями того времени, какъ дѣлаетъ г. Павловскій, врядъ ли справедливо...

Въ разбираемомъ нами трудѣ вообще очень много недомолвокъ, и непослѣдовательностей. Поэтому даже тѣ личности, которыхъ г. Павловскій хотѣлъ бы выдвинуть, являются у него тускло или неправильно образованными. Нашъ авторъ говоритъ напр., что «авторитетъ протоіерея Катранова былъ великъ среди учащихся» (стр. 133) и въ доказательство этого приводитъ слова оффиціальнаго отчета. Г. Павловскому, какъ учителю, меньше всего можно было въ данномъ случаѣ полагаться на «отчеты», а слѣдовало поискать фактовъ проявленія силы авторитета Катранова. Очень часто лица, имѣющіе дѣйствитльный авторитетъ среди учащихся, совсемъ не попадаютъ въ оффиціальные отчеты, и наоборотъ, потому у читателя невольно зарождается сомнѣніе. Тоже и относительно директора г. Симашки. Мы не думаемъ отрицать его полезной дѣятельности для полтавскаго корпуса; но отчего же его дѣятельность очерчена только на основаніи «приказовъ» 1866 — 1872 гг., тогда какъ дѣятельность г. Симашки въ Полтавѣ продолжалась до 1883 г.? При такой недосказанности дѣятельность этого педагога дѣлается неясной, и у безпристрастнаго даже человѣка можетъ явиться предположеніе, о замалчиваніи фактовъ.

Въ первое время дѣятельность г. Симашка чрезвычайно симпатична. Г. Симашко ревностно относился къ своей обязанности:

видна забота его о развитіи мальчиковъ, поднятіи личности забитаго кадета. Къ этому же времени относится и интересный фактъ—устройство однимъ изъ воспитателей самосуда между кадетами-товарищами. Г. Павловскій не симпатизируетъ этому факту и, къ сожалѣнію, не сообщаетъ никакихъ подробностей, называя его увлеченіемъ со стороны воспитателя (стр. 130).

Вообще мнѣнія г. Павловскаго отличаются иногда большой наивностью. Какъ доказательство, напр., довѣрія семьи къ школѣ при директорѣ Симашкѣ нашъ авторъ приводитъ, по его мнѣнію *курьезъ*, а по нашему печальный фактъ, какъ одна «бѣдная женщина, обремененная большой семьей, при скудной пенсіи» (стр. 118) просила не исключать ея сына, а высѣчь, причемъ представляла подписку, засвидѣтельствованную городничимъ, что претензіи она и больной ея мужъ имѣть не будутъ. Мы съ грустью прочли этотъ фактъ, намъ извѣстны такіе факты и въ классическихъ гимназіяхъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ. Они вовсе не свидѣтельствуютъ о довѣріи семьи къ школѣ, а являются тѣмъ печальнымъ компромиссомъ, въ который часто приходится становиться семьѣ съ нашей школой, которая ко всѣмъ примѣняетъ одинаковыя правила, мало сообразуясь съ умомъ, развитіемъ, пониманіемъ ребенка.

«Историческій очеркъ полтавскаго корпуса» можетъ быть интересенъ какъ памятная книжка для бывшихъ воспитанниковъ его. Мы же разсматривали книгу, какъ «матеріалъ для исторіи военно-учебнаго дѣла въ Россіи» (стр. 6) и съ этой точки зрѣнія она мало удовлетворила насъ. Историку полтавскаго корпуса трудъ г. Павловскаго дастъ мало.

Н. В.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 1.— Русская Мысль № 1.— Русская Старина № 1.— Историческій Вѣстникъ № 1. — Сѣверный Вѣстникъ № 1. — Наблюдатель № 1. — Русское Обозрѣніе № 1.—Русскій Архивъ № 1.

Вѣстникъ Европы I. 1891 г. Во внутреннемъ обозрѣніи--замѣтка по поводу циркуляра г. черниговскаго губернатора въ волостныя правленія о своевременной выдачѣ паспортовъ (стр. 388—389).

Краткій некрологъ Г. П. Данилевскаго—автора многихъ произведеній изъ жизни и быта юга Россіи (стр. 481—482).

Русская Мысль I. 1891. Въ отдѣлѣ библіографіи: рецензія книги: «Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. 3-я и 4-я» съ указаніемъ на многія доклады, касающіяся южно-русской исторіи гг. Антоновича, Завитневича, Лучицкаго, Владимірскаго-Буданова, Ясинскаго и др. (стр. 13—14).

Краткій разборъ брошюры: «Что даютъ и что могутъ дать подворныя описи. Черниговъ. 1890 г.» Шликевича, извѣстнаго дѣятеля по земской статистикѣ (стр. 41).

Русскій Вѣстникъ I. 1891. Ялагинъ. «Литературно-критическіе очерки». Нѣсколько замѣчаній по поводу «Переписки» и «Авторской исповѣди» Гоголя (стр. 323—326).

Русская Старина I. 1891. «Дневникъ Александра Васильевича Никитенко»—упоминается о встрѣчахъ съ Н. И. Костомаровымъ (стр. 41, 53, 83), вкратцѣ говорится о безпорядкахъ въ петербургскомъ университетѣ и объ отмѣнѣ актовой рѣчи Костомарова (стр. 44—45); дѣлаются неясныя указанія на какія то непріятности со стороны студентовъ кіевскаго университета по адресу Пирогова (стр. 79). Замѣтка И. М. Третьякова и редакціи о 3-хъ существующихъ портретахъ Н. В. Гоголя (стр. 225—226).

Историческій Вѣстникъ I. 1891. Некрологъ Григорія Петровича Данилевскаго, уроженца харьковской губерніи, извѣстнаго беллетриста, бравшаго сюжетомъ многихъ изъ своихъ произведеній исторію и жизнь Украины (стр. 261—304).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1891 годъ. БИБЛІОГРАФЪ годъ VII.

ИЗДАНІЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ (12 №№ ВЪ ГОДЪ).

Ученымъ Комит. М-ства Народн. Просв. рекомендованъ для основн. библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ одобренъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученаго Комитета помѣщенъ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; теорія и практика библіографіи; прикладныя библіографич. знанія; библіотечное, издательское и книжно-торговое дѣло прежде и теперь.

Отд. 2-й. (справочный). Лѣтопись русскаго книгопечатанія: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica; 4) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 5) библіографическія извѣстія (хроника) и объявленія.

Съ основанія „Библіографа" въ немъ принимали участіе: В. А. Алексѣевъ, И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Ѳ. Боцяновскій, С. Н. Браиловскій, С. К. Буличъ, П. В. Быковъ, А. Е. Бѣловъ, Н. Н. Вакуловскій, А. Васильевъ, Б. П. Галлеръ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, І. І. Змигродзкій, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, М. А. Куплетскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. Ф. Леонтьевъ, И. А. Линниченко, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, Л. Н. Майковъ, А. І. Малеинъ, В. И. Межовъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, А. Е. Молчановъ, И. Я. Морошкинъ, Н. Н. Оглоблинъ, С. Ѳ. Платоновъ, Н. И. Позняковъ, С. П. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, Э. Л. Радловъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, А. Ѳ. Селивановъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, И. Ѳ. Токмаковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, Н. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

веннымъ и экономическимъ вопросамъ; статьи по исторіи литературы и культуры; біографіи, критика и библіографія.

Газета посвящена текущимъ внутреннимъ и внѣшнимъ событіямъ, и въ ней по прежнему будутъ помѣщаться:

I. Передовыя статьи: обзоръ выдающихся событій за недѣлю. — II. Небольшія статьи по разнымъ текущимъ вопросамъ.—III. Отголоски печати.—IV. Оффиціальныя извѣстія.—V. Петербургская лѣтопись.—VI. Внутренняя хроника, корреспонденціи, сообщенія и газетныя извѣстія изъ разныхъ пунктовъ Россіи.—VII. Заграничная хроника: корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ заграничныхъ центровъ.—VIII. Замѣтки литературныя, библіографическія, художественныя и т. д.— IX. Фельетонъ: юмористическіе очерки и замѣтки.—X. Объявленія.

Въ „Восходѣ" и „Недѣльной хроникѣ" принимали участіе:

Абрамовичъ М. С., Бершадскій С. А. (профессоръ), Бердяева Елена, Берлинъ I., Блюменфельдъ Г. Ф., Бенъ-Ами, Богровъ Г. И., Вейнбергъ П. И., Ватсонъ Э. К., Вербовъ А., Волынскій А. Л., Гаркави А. Я., Градовскій Г. К., Гордонъ Л. О, Горвицъ М. И. (проф.), Грузенберъ С. О., Дубновъ С. М., Каминка А. И., Коршъ В. Ө., Кайзерлингъ д-ръ, Канторъ Л. О., Кулишеръ М. И., Лазаревъ М. И., Леванда Л. О., Левенсонъ П. Я., Лякубъ П. М., Лиліенблюмъ М. Л., Лифшицъ Г. Г. (Гершонъ-б.-Гершонъ), Минскій Н. М., Манасевичъ Ю. В., Моргулисъ М. Г., Мордовцевъ Д. Л, Мышъ М. И., Мандельштамъ I. Е., Мережковскій Д., Никитинъ В. Н., Оршанскій М. О., Онуфровичъ А. И., Песковскій М. Л., Петръ Шлемиль (Д. Л. Слонимскій), Позняковъ Н. И.. г-жа Р.-Хинъ (псевдонимъ), Ромбро Я. С., Рубакинъ Н. А., Рускинъ Л. (Н. Н. Фирсовъ), Русскій (псевдонимъ), Сементковскій Р. И., Скрипицынъ В. А., Станиславскій С. М., Фругъ, С. Г., Фофановъ К. М., Цедербаумъ А. А., Шафиръ М. И., Штейнбергъ О. Н., Ярошевскій С. О. и другіе.

Цѣна на годъ журнала „Восходъ" и газеты „Недѣльная хроника Восхода" 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го января на годъ 2—слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р. Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ Площадь Большого Театра, 3 и 2 а, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

2—3 Редакторъ-издатель А. Ландау.

Открыта подписка на 1891 г. на

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ"

ЕЖЕДНЕВНУЮ

Политическую, Литературную, Экономическую и Коммерческую газету.

Вступая въ 65-й годъ своего существованія, „Одесскій Вѣстникъ и въ предстоящемъ году, какъ всегда, останется вѣренъ своимъ традиціямъ — быть точнымъ отраженіемъ общественно-экономическихъ интересовъ южно-русск. края

Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" ежедневно помѣщаются:

1. Телеграммы общія.
2. Телеграммы коммерческія.

3. Передовыя статьи по внутрен. и иностран. политикѣ.
4. Газетное обозрѣніе.
5. Маленькая хроника (фельетон. замѣтки на злобы дня).
6. Внутреннія извѣстія.
7. Иностранныя извѣстія.
8. Мѣстная хроника (Одесская и Южно-русск. края).
9. Корреспонденціи (русскія и заграничныя).
10. Искусство и Литература.
11. Судебная хроника (общихъ и военн. судовъ).
12. Отголоски (летучія замѣтки по разн. предметамъ).
13. Смѣсь и Разныя извѣстія.
14. Фельетонъ (литературн., научный, беллетристическій и др.).
15. Торговыя свѣдѣнія.
16. Справочный отдѣлъ.

Для иллюстраціи статей объ особо выдающихся лицахъ или фактахъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" печатаются *портреты* и *рисунки*, относящіеся къ событіямъ дня.

Составъ сотрудниковъ въ предстоящемъ году будетъ значительно пополненъ, въ особенности по части беллетристики и вообще фельетоннаго отдѣла.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для иногороднихъ съ пересылкой и въ Одессѣ съ доставкой:		Въ Одессѣ безъ доставки:	
на 12 мѣсяцевъ.	12 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ.	10 р. — к.
„ 6 „	7 „ — „	„ 6 „	6 „ — „
„ 3 „	3 „ 75 „	„ 3 „	3 „ 30 „

Всѣ новые подписчики „Одесскаго Вѣстника" на 1891 г., подписавшіеся на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, получатъ и всѣ нумера за 1890 г., со дня ихъ подписки.

Разсрочка подписной платы допускается для годовыхъ подписчиковъ по третямъ года, со взносомъ по 4 руб. не позже 1-го января, 1-го апрѣля и 1-го сентября.

Кредитъ допускается: для частныхъ лицъ по соглашенію съ редакціею, а для лицъ, служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, за поручительствомъ ихъ казначеевъ.

Иногородніе благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію: Одесса, Ремесленная ул., д. № 5.

Редакторъ *М. Арнольдъ*. Издатель *В. Кирхнеръ*.

2—3

Подписка на 1891 годъ на

ЕЛИСАВЕТГРАДСКІЙ ВѢСТНИКЪ

XVI-й годъ изданія

выходитъ ежедневно, за исключеніемъ послѣпраздничныхъ дней.

Имѣя въ виду главнымъ образомъ интересы областные и, занимаясь по мѣрѣ силъ и возможности разработкой вопросовъ мѣстныхъ, газета тѣмъ не менѣе

слѣдить за всѣми выдающимися явленіями общественной и государственной жизни нашей страны и за политической дѣятельностью нашихъ сосѣдей, стараясь своевременно дать читателю матерьялъ, могущій, какъ мы полагаемъ, интересовать всякого просвѣщеннаго человѣка.

Считаемъ необходимымъ повторить свое обѣщаніе: служить только обществу, его нуждамъ и интересамъ и не давать мѣста ни узконаціональнымъ, ни сословнымъ, ни партійнымъ предубѣжденіямъ.

Такъ же какъ и въ истекшемъ году особымъ вниманіемъ газеты нашей будутъ пользоваться вопросы, касающіеся нашего земства, общественнаго самоуправленія Елисаветграда, окрестныхъ городовъ и крестьянскихъ общинъ. Свѣдѣнія по сельскому хозяйству и отчеты о состояніи и результатахъ урожаевъ будутъ у насъ помѣщаться спеціалистами по сельскому хозяйству. Кромѣ того въ газетѣ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будутъ помѣщаться фельетоны, разсказы, переводныя повѣсти, новости науки, литературы и искусства и проч

Телеграфныя извѣстія даются подписчикамъ г. Елисаветграда и его окрестностей на два дня или, во всякомъ случаѣ, на одинъ день раньше, чѣмъ другими газетами.

Будутъ приняты всѣ мѣры, чтобы своевременно давались читателю торговыя свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ на крупныхъ рынкахъ и о курсахъ. Въ газетѣ печатаются списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ мѣстномъ окружномъ судѣ и мировомъ съѣздѣ и проч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На годъ (12 мѣсяцевъ)	6 р. — к.	На годъ (12 мѣсяцевъ)	7 р. 20 к.
На 6 мѣсяцовъ	3 „ 50 „	На 6 мѣсяцевъ	4 „ 20 „
На 3 мѣсяца	2 „ — „	На 3 мѣсяца	2 „ 40 „
На 1 мѣсяцъ	— „ 70 „	На 1 мѣсяцъ	— „ 85 „

Контора газеты по углу Большой Перспективной и Петровской ул. д. Пржигодскаго, открыта ежедневно съ 9-ти до 2-хъ час. пополудни и съ 5-ти до 8-ми час. вечера, а въ праздники съ 10-ти до 2-хъ час. пополудни.

Редакція газеты открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 6-ти до 8-ми час. пополудни.

2—3 Редакторъ-издатель *М. К. Хороманскій.*

Открыта подписка на **1891 годъ** на иллюстрированную, литературную, общественную и политическую газету

которая будетъ выходить съ 1-го января 1891 г., вмѣсто „Газеты А. Гатцука“, еженедѣльно, въ случаѣ же надобности по два раза въ недѣлю, въ объемѣ 2—3 л. въ каждомъ №, съ рисунками, портретами и картинами.

Съ ежемѣсячными книжками приложеній,

которыя представятъ собою какъ бы отдѣльный ежемѣсячный журналъ. Въ книжкахъ „Зари“ будутъ помѣщаемы не только беллетристическія произведенія, но также и научныя, публицистическія и критическія статьи по общей программѣ всѣхъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Съ 1890 года изданіе „Газеты А. Гатцука“, какъ извѣстно, перешло въ другія руки, и направленіе этой газеты въ теченіи истекшаго года выяснилось съ

надлежащею полнотою. Тому же направленію будетъ слѣдовать и газета „Заря“, которая не будетъ служить, какъ другія иллюстрированныя изданія, ни украшеніемъ гостинныхъ, ни матеріаломъ для развлеченія въ часы празднаго досуга. „Заря“ имѣетъ совсѣмъ иныя задачи. Во всѣхъ своихъ отдѣлахъ она будетъ стремиться внести въ жизнь русской семьи общечеловѣческія идеи правды, добра и красоты и ясное, сознательное, справедливое отношеніе ко всѣмъ выдвигаемымъ текущею жизнью вопросамъ, ко всему, что день за днемъ совершается какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и во всемъ мірѣ. Редакція „Зари“ обратитъ особенное вниманіе на отдѣлы внутренній и политическій, составъ и направленіе которыхъ извѣстны русской читающей публикѣ по изданію „Газеты А. Гатцука“ за 1890 годъ. Говорить одну только правду, снимать маску со всякой лжи, ратовать противъ всякаго угнетенія, произвола и насилія, радоваться каждому проявленію свѣтлой мысли, свѣтлаго и честнаго чувства—такова должна быть, по мнѣнію редакціи, программа русскаго органа печати, желающаго сослужить свою службу русскому государству, русскому обществу и русскому народу. При сравнительно низкомъ уровнѣ общественнаго самосознанія, при малочисленности интеллигентныхъ силъ и при другихъ условіяхъ нашей современной общественной жизни, печать въ Россіи поставлена въ совершенно исключительныя условія: она является единственной почти каѳедрой живаго слова, единственной выразительницей общественныхъ и народныхъ нуждъ. Русская печать еще должна учить, должна идти впереди общественныхъ теченій, должна проливать лучи свѣта въ вѣковую тьму, пробивая ими толстую кору невѣжества и предразсудковъ.

По мѣрѣ силъ и возможности, „Заря“ будетъ служить тому, чтобы приблизился часъ разсвѣта,—часъ, въ который дѣйствительная заря просвѣщенія освѣтитъ русскую землю.

Въ каждомъ № „Зари“, кромѣ текущаго матеріала, будутъ печататься два-три беллетристическія произведенія (романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія драматическія произведенія), статьи по отдѣльнымъ вопросамъ, фельетонъ, научная хроника (новыя открытія и изобрѣтенія) и пр.

Въ числѣ двѣнадцати книгъ приложеній редакціей будутъ изданы (послѣ 15-го іюля 1891 г., т. е. по истеченіи срока на право литературной собственности)

сочиненія М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ четырехъ томахъ съ роскошными иллюстраціями.

По установившемуся для иллюстрированныхъ изданій обычаю, годовымъ подписчикамъ на „Зарю“ будетъ выдана

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ,

причемъ редакція дѣлаетъ первый опытъ—давать въ премію не олеографію, т. е. не печатную картину, а картину, писанную на полотнѣ масляными красками, на выборъ изъ слѣдующихъ четырехъ картинъ: 1) **ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ**, (пейзажъ), 2) **ЗИМА** (пейзажъ), 3) **ЛУННАЯ НОЧЬ** и 4) **НА РѢКѢ** (пейзажъ).

Подписная цѣна на газету „ЗАРЯ“ съ ежемѣсячными книгами и со всѣми приложеніями, съ пересылкой и доставкой:

на годъ 6 р., на полгода 3 р., на три мѣсяца 1 р. 50 к. За границу на годъ 10 р., на полгода 5 р.

Художественная премія высылается только годовымъ подписчикамъ, причемъ какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики желающіе получить эту премію,

прилагають къ подписной цѣнѣ 2 р. Желающіе получить двѣ, три и болѣе масляныхъ картинъ доплачиваютъ за первую картину 2 р., за слѣдующія по 3 руб.

Годовые подписчики могутъ получить въ качествѣ художественной преміи, вмѣсто писанной картины, большую олеографію на выборъ изъ слѣдующихъ семи картинъ: 1) **СѢНОКОСЪ**, худ. Сергѣева, 2) **НА ПАСТБИЩѢ**, худ. Сергѣева, 3) **ОБИЛЬНЫЙ УРОЖАЙ** (крестный ходъ), худ. Мещерскаго, 4) **ТРОЙКА**, худ. Сверчкова, 5) **ДУБОВАЯ АЛЛЕЯ**, худ. бар. Клодта, 6) **ВЕЧЕРЪ НА ХУТОРѢ**, худ. Сергѣева и 7) **ПОѢЗДЪ СТОИТЪ 3 МИНУТЫ**, худ. Сергѣева. За картину-олеографію доплачивается къ подписной цѣнѣ 1 р.; лица, желающія получить нѣсколько такихъ картинъ, доплачиваютъ за первую 1 рубль, за слѣдующія по 2 рубля.

Всѣ требованія адресуются: въ главную контору газеты „Заря",— Москва, Петровка, д. Кред. Общ., при типографіи И. И. Родзевича.

2—3

Открыта подписка на самую дешевую и распространенную изъ большихъ южныхъ газетъ

„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ"

Газета политическая, литературная, общественная и коммерческая.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Выпавшій на долю нашей газеты успѣхъ, непрерывно возроставшій со времени перехода изданія въ наши руки, даетъ намъ основаніе надѣяться, что и въ будущемъ году избранное нами направленіе и твердая рѣшимость избѣгать всего того, что носитъ характеръ личной полемики, найдетъ сочувствіе среди читателей.

Поставивъ себѣ главною цѣлью—служеніе общимъ краевымъ интересамъ, мы открыли цѣлый рядъ отдѣленій, съ помощью которыхъ мы вступили въ непосредственныя сношенія съ различными пунктами Юга. Распространеніе, достигнутое нашимъ изданіемъ въ краѣ, свидѣтельствуетъ о сочувствіи общества къ нашей дѣятельности, что придаетъ намъ еще большую энергію къ выполненію поставленныхъ нами задачъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, распространенность нашей газеты въ самой Одессѣ также доказываетъ, что она въ должной мѣрѣ удовлетворяетъ и мѣстнымъ интерессамъ.

Что же касается до внѣшняго вида газеты, то мы улучшили бумагу, обновили типографію, и пріобрѣли новый шрифтъ.

Подписная цѣна на 1891 годъ:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На 1 годъ	7 р. 20 к.	На одинъ годъ	8 р. — к.
„ 6 мѣсяц.	4 р. 50 к.	„ 6 мѣсяц.	5 р. — к.
„ 3 „	2 р. 50 к.	„ 3 „	2 р. 75 к.
„ 1 „	— р. 90 к.	„ 1 „	1 р. — к.

За-границу доплачивается по 60 коп. въ мѣсяцъ.

Разсрочка допускается только для подписавшихся чрезъ главную контору.

Дозволено ценз. Кіевъ, 13-го февраля 1891 г.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1891 г. продолжается:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 13-го февраля 1891 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАРТЪ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXII. **1891 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Покровская церковь въ г. Переяславѣ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1891.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Храмъ Покровы Богоматери въ Переяславѣ.

Свѣтопечать С. Ѳ. Кульженко

ТУРБАЕВСКАЯ КАТАСТРОФА.

I.

Еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ углу, образуемомъ впаденіемъ Хорола въ Пселъ (теперешній хорольскій уѣздъ, полтавской губ.) было большое село Турбаи. Теперь вы не отыщете такого названія ни на какой картѣ, какъ не найдете и самаго села. Налетѣвшій общественный шквалъ снесъ его съ лица земли. Весь этотъ любопытный эпизодъ составляетъ содержаніе огромнаго дѣла, на тысячѣ съ лишкомъ листовъ, „О турбаевскихъ жителяхъ, учинившихъ смертное убивство помѣщикамъ своимъ надворнымъ совѣтникамъ Степану и Ивану и сестрѣ ихъ дѣвицѣ Марьи Базилевскимъ", хранящемся въ харьковскомъ историческомъ архивѣ. Но, конечно, самое любопытное въ этомъ дѣлѣ не убійство со всѣми обстоятельствами, его сопровождавшими, бунтомъ, полнымъ разграбленіемъ помѣщичьяго имущества и т. п., а то, что турбаевскіе жители почти четыре года существовали, не признавая властей, пока не выселили ихъ, при содѣйствіи военной силы, „въ степныя мѣста". Сохранились ли у потомковъ турбаевцевъ воспоминанія о ихъ старой малорусской родинѣ, о хуторахъ, топувшихъ въ зелени садковъ, о свѣтломъ Пслѣ съ его живописными берегами?

Смыслъ случившагося лежитъ, какъ это всегда бываетъ, позади разыгравшихся событій. Втеченіе всего предшествующаго столѣтія въ малорусскомъ обществѣ происходило усиленное броженіе общественныхъ элементовъ. Броженіе это обусловливалось разложеніемъ первоначальнаго демократическаго равен-

К.

ства, водворившагося было на одинъ моментъ послѣ Хмельницкаго. Разложеніе выразилось, прежде всего, выдѣленіемъ привилегированнаго класса. Козацкая старшина, сначала исключительно выборная, затѣмъ назначаемая, съ страстной энергіей устремилась на то, чтобъ упрочить за собой положеніе шляхетства, найти себѣ мѣсто въ рядахъ благороднаго россійскаго дворянства. Конечно, все это зависѣло въ концѣ-концовъ отъ санкціи верховной власти, но можно было подготовить положеніе такъ, что санкція это дѣлалась не только возможной, но и необходимой. Для этого надо было обезпечить за собой возможно больше земли и обязательнаго труда. Этой цѣли служили отчасти ранговыя маетности, т. е. населенныя земли, которыя давались козацкому уряду „на рангъ", вмѣсто жалованья, но этого, конечно, было мало, да къ тому же ранговыя маетности не имѣли характера собственности, хотя и обращались часто въ собственность. Помимо ранговыхъ маетностей, козацкая старшина начала пріобрѣтать землю всѣми правдами и неправдами: покупкой, свободной и насильственной, всякими видами захвата земли, какъ общественной (войсковой), такъ и принадлежавшей людямъ, которые по своему общественному положенію были слишкомъ слабы, чтобъ тягаться со старшиной, державшей въ своихъ рукахъ и военную, и административную, и судебную власть. Одновременно, войсковая старшина, пользуясь своимъ положеніемъ, затягивала узы обязательнаго труда— сначала крайне легкія—которыя связывали ее съ населеніемъ, сидѣвшимъ на ея земляхъ. Во всемъ этомъ козацкая старшина проявляла удивительную энергію, которая производила результаты прямо чудесные. Въ какіе-нибудь полстолѣтія съ небольшимъ, безъ всякаго законодательнаго вмѣшательства, старшина проглотила всю войсковую землю, затѣмъ всю посполитскую землю и обратила такъ-называемое свободное посполъство цѣликомъ въ такое состояніе, что знаменитый манифестъ Екатерины II, юридически прикрѣпившій крестьянъ къ землѣ, собственно не внесъ въ ихъ положеніе ничего новаго.

Но, кромѣ посполитыхъ, была и еще группа свободныхъ земледѣльцевъ, по общественному положенію своему вполнѣ зави-

симыхъ отъ старшины—козаки. Однако проглотить козаковъ значило бы для старшины проглотить въ концѣ-концовъ и самое себя; къ тому же и Петербургъ усиленно слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ козаки оставались козаками. А между тѣмъ, съ другой стороны, разыгравшимся аппетитамъ крайне трудно было удержаться отъ того, чтобъ не протянуть въ томъ или другомъ случаѣ руку къ козацкой собственности и личности, такъ соблазнительно предоставленной à discretion пана урядника. Болѣе сильныя лица, гетманъ, вліятельный полковникъ, могли, конечно, и безъ всякихъ церемоній прямо брать свое, гдѣ оно имъ полюбится; но менѣе сильныя прибѣгали къ хитростямъ и подходамъ, какъ-нибудь выводили козака изъ козацкаго компута, а затѣмъ уже обращали въ подданные; чаще же всего, прежде обезземеливали козака, т. е. покупали или отбирали за долгъ его землю, несмотря на прямые запретительные указы изъ Петербурга, а безземельнаго козака уже ничего не стоило обратить въ подданнаго, посадивъ его на свою, часто отъ него-же отобранную, землю въ видѣ такъ наз. подсусѣдка. У всякаго пана были подобныя незаконныя „козачьи скупли“, за которыя панство постоянно дрожало. Но и козаки, чувствуя за собой нѣкоторую юридическую опору, далеко не всегда оставались пассивными передъ натискомъ панства. Въ массѣ случаевъ, они, при первой возможности, старались возвратить себѣ утраченную свободу. Южнорусскіе архивы запружены дѣлами „объ ищущихъ козачества“. Часто ищущіе козачества подданные находили поддержку даже и въ мѣстной власти, если она не видѣла необходимости или интереса, въ томъ или другомъ случаѣ, укрывать беззаконіе.

Въ исторіи Турбаевъ, „какъ солнце въ малой каплѣ воды“, отразилось то, что совершалось по всей Малороссіи.

Еще въ началѣ XVIII стол. „до прутской акціи“, по выраженію документовъ, Турбаи было свободнымъ войсковымъ селомъ, въ которомъ на-ряду съ свободными посполитыми жило и много козаковъ. Но село это имѣло несчастіе лежать на территоріи миргородскаго полка, полковникомъ котораго былъ Даніилъ Апостолъ. Апостолъ былъ хищникъ и пріобрѣтатель, къ тому же

вліятельный полковникъ изъ породы тѣхъ ловкихъ людей, которые умѣютъ всегда выйти сухими изъ воды: втеченіе 44 лѣтъ своего полковничества онъ успѣлъ таки пустить корни въ своемъ полку. Къ Турбаямъ онъ подобрался такъ. При селѣ, на рѣкѣ Хоролѣ, была загачена для переѣзда гребля; у гребли этой одинъ козакъ поставилъ мельницу. Апостолъ купилъ въ 1711 г. эту мельницу и плотину, и такимъ образомъ запустилъ въ село руку. Во многихъ случаяхъ для сильнаго человѣка бывало достаточно такого ничтожнаго обстоятельства, чтобъ овладѣть совершенно территоріей и ея населеніемъ. Въ томъ же году турбаевскіе козаки двинулись въ прутскій походъ. Но Апостолъ, силой своей полковничьей власти, вернулъ ихъ съ дороги назадъ и приказалъ гатить греблю. Съ той поры турбаевскіе козаки исчезаютъ изъ козацкихъ компутовъ, а нѣсколько позже Турбаи уже и прямо появляются въ спискахъ маетностей полковника Апостола. Какъ ни очевидно и грубо было насиліе, сдѣланное Апостоломъ надъ турбаевскими козаками, но „о ихъ привернеіи во власть Апостола просить имъ было“, по выраженію документа, „опасно“: еще бы не опасно, когда Апостолъ былъ и военный начальникъ, и полномочный администраторъ, и судья въ своомъ полку. Конечно, не менѣе опаснымъ стало это и тогда, когда миргородскій полковникъ сдѣлался въ 1727 г. гетманомъ. Только смерть Апостола въ 1733 г. развязала руки турбаевцамъ. Правда, вдова гетмана тотчасъ же послѣ смерти мужа выхлопотала царскую грамоту, утверждавшую за нею и дѣтьми всѣ пріобрѣтенія Апостола, въ числѣ которыхъ упоминаются и Турбаи. Но тѣмъ не менѣе со смертью Апостола начинаются попытки турбаевцевъ возвратить себѣ отнятую свободу. Имъ пришло на помощь такое обстоятельство. Новый миргородскій полковникъ Капнистъ былъ старинный недоброжелатель роду Апостоловъ. Поэтому онъ ничуть не затруднился, опять таки силою своей же полковничьей власти, снова внести въ 1738 г. турбаевцевъ въ козацкіе компуты. Отсюда и потянулась новая вереница путаницы, которой были полны всѣ тогдашнія общественныя отношенія. Права Данiила Апостола на Турбаи перешли къ его внуку Павлу, а отъ него къ дочери, Кате-

ринѣ Павловнѣ Битяговской. Это была слабая линія Апостолова дома. Павелъ Апостолъ умеръ молодымъ и оставилъ дочь всего шести недѣль. Когда она достигла полнаго возраста, ей, вѣроятно, было совсѣмъ не подъ силу „доходить“ своихъ сомнительныхъ правъ, противъ которыхъ были уже и давно истекшіе сроки земской давности. Оставалось одно средство, къ какому постоянно прибѣгали въ подобныхъ случаяхъ,—передать свои шаткія права такому лицу, которое бы было въ состояніи своимъ личнымъ вліяніемъ сдѣлать шаткое твердымъ, сомнительное—несомнѣннымъ. Битяговская передала свои права на Турбаи, путемъ купчей, одному изъ Базилевскихъ.

Генеалогическое древо рода Базилевскихъ, какъ и огромнаго большинства южнорусскихъ дворянскихъ фамилій, не имѣло ни глубокихъ корней, ни величественнаго вида. Базилевскіе происходили изъ рядоваго козачества. За родоначальника ихъ надо признать Василія Онисимовича, который въ началѣ прошлаго столѣтія имѣлъ маленькій чинъ обознаго миргородскаго полка, и былъ бѣденъ, безграмотенъ, и такъ мало значителенъ, что не имѣлъ даже за собой ни одной населенной маетности. Сынъ его былъ сотникомъ, и въ видахъ окруженія себя шляхетскимъ престижемъ, измѣнилъ свое народное прозвище, слѣдовавшее ему по отцу, Василенка въ Базилевскаго. Два его сына, уже съ полонизированнымъ родовымъ прозвищемъ, были сотниками въ миргородскомъ полку, одинъ сотни остаповской (въ районъ которой входили Турбаи), другой—бѣлоцерковской, по сосѣдству. Они-то, повидимому, и положили основаніе тѣмъ большимъ богатствамъ, какими отличался родъ Базилевскихъ въ рядахъ войсковой старшины. Сотничій урядъ не былъ, конечно, важнымъ урядомъ въ тогдашней общественной іерархіи, но тѣмъ не менѣе онъ былъ урядомъ выгоднымъ. Для своей сотни сотникъ былъ тѣмъ же, что полковникъ для полка, и потому при беззастѣнчивости могъ многое выжимать изъ своей большой и сложной власти. Сотники нерѣдко наживали большія состоянія, конечно, главнымъ образомъ земельныя, скупая и иными способами пріобрѣтая земли и обязательный трудъ. Дѣти этихъ Базилевскихъ, хотя и были уже очень обезпеченные люди, про-

должали тѣмъ не менѣе держаться мало замѣтныхъ, но выгодныхъ мѣстныхъ урядовъ, главн. образомъ сотничьяго. Съ наступленіемъ Екатерининскихъ реформъ, Базилевскіе устремились на государственную службу, и благодаря своимъ богатствамъ легко выходили въ чины. Надо сказать, впрочемъ, что они, какъ и вообще малорусское панство, не пренебрегали образованіемъ: между прочимъ, и тѣ два Базилевскіе, которые сдѣлались жертвами катастрофы, учились въ геттингенскомъ университетѣ [1]).

Какъ энергично пріобрѣтали Базилевскіе землю, видно изъ того, что при одной турбаевской экономіи хранилось до пятидесяти купчихъ на однѣ только мѣстныя земли. Все это было скуплено еще до передачи Битяговской въ 1767 г. своихъ правъ Базилевскимъ. Скупали, главн. образомъ, отъ турбаевскихъ козаковъ (самое существованіе которыхъ Базилевскіе позже отвергали совершенно) сотникъ остановскій Өедоръ Базилевскій, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, и его вдова, родители пострадавшихъ братьевъ Базилевскихъ. Скупленныя земли заселялись переселенцами изъ другихъ мѣстностей, которые всѣ оказались послѣ Екатерининскаго манифеста крѣпостными Базилевскихъ. Но и кромѣ Турбаевъ у Базилевскихъ была масса земель. Къ моменту катастрофы, т. е. къ 1789 г., Базилевскимъ принадлежала въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, территорія, захватывавшая нѣсколько теперешнихъ волостей; да еще были земли и въ другихъ мѣстностяхъ, дававшія имъ право числиться помѣщиками трехъ намѣстничествъ: кіевскаго, екатеринославскаго и харьковскаго.

Къ описываемому времени большія маетности Базилевскихъ были подѣлены между шестью братьями. Турбаи, вмѣстѣ съ Кринками, Зубанихой, Очеретоватымъ, достались на долю двухъ—Степана и Ивана Базилевскихъ. Эти Базилевскіе, относительно которыхъ выше было упомянуто, что они оба учились въ Геттингенѣ, сдѣлали Турбаи центромъ своихъ владѣній, центромъ хозяйственной единицы, очень сильной и очень благоустроенной,

---

[1]) Свѣдѣнія о родѣ Базилевскихъ заимствованы нами изъ ст. г. Лазаревскаго: Очерки малороссійскихъ фамилій (Русск. Архивъ, 1875 г. кн. 1-я).

сколько можно судить по сохранившейся описи экономическихъ книгъ и другихъ хозяйственныхъ документовъ турбаевской экономіи. Многія современныя владѣльческія хозяйства могли бы позавидовать той строгой отчетности, какая заведена была Базилевскими. Надо сказать, что хозяйство ихъ было такъ обширно и сложно, что оно и не могло процвѣтать безъ правильнаго хозяйничанья. Это было большое владѣльческое хозяйство патріархальнаго типа. Наряду съ земледѣліемъ, которое велось въ очень большихъ размѣрахъ благодаря обязательному труду, имѣло мѣсто и обширное скотоводство. Оно сосредоточивалось главнымъ образомъ въ очеретоватской экономіи: здѣсь были заводы—конскій, товарячій и овечій. Но кромѣ того, черезъ крестьянъ скупались волы на выпасъ, какъ это дѣлается и теперь на югѣ всюду, гдѣ есть свободныя пастбища. Массу получаемаго сырья старались обрабатывать внутри хозяйства. Зерно обращалось въ вино, солодъ, муку, крупу, льняное и конопляное сѣмя—въ масло; волокно—въ прядиво и холстъ. Шерсть перерабатывалась въ сукно; выдѣлывались кожи, въ большихъ размѣрахъ заготовлялись сыръ и масло, въ собственныхъ, а частью и покупаемыхъ, лѣсахъ, гнался деготь. Винокурня, солодовня, олѣйница, мельницы, фалюши—все это, по преимуществу, сосредоточивалось въ главной экономіи, турбаевской. Но Базилевскіе не пренебрегали и торговыми операціями: продавали и раздавали „на боргъ“ своимъ подданнымъ хлѣбъ и иные продукты своего хозяйства; покупали въ Крыму соль, а въ Кіевѣ желѣзо и перепродавали имъ же. На всей территоріи во владѣльческихъ шинкахъ шинкари, большею частью евреи, продавали, вмѣстѣ съ владѣльческой горѣлкой, вишневкой, пивомъ и т. п. напитками, также владѣльческій деготь, соль, табакъ. Не брезгали владѣльцы даже и раздачей своимъ подданнымъ денегъ въ ростъ. Подданные, кромѣ обработки панской земли и уборки сѣна, обязывались еще ко многимъ другимъ работамъ: имъ раздавалась конопля для мочки, ленъ и конопля для прядива, холстъ для бѣленья, зерно для сушки, мука для печенья сухарей; они должны были дѣлать для экономіи кирпичъ и т. п. На основѣ такого хозяйничанья, защищеннаго отъ риска, кри-

зисовъ, колебаній рынка, легко и свободно росло владѣльческое благосостояніе. Господская усадьба въ Турбаяхъ была переполнена всяческимъ добромъ: комнаты—украшены изысканными „меблями“; въ кладовыхъ заперто множество сундуковъ, ломившихся подъ тяжестью серебра, дорогихъ тканей, разныхъ принадлежностей комфорта и роскоши; сараи были наполнены всевозможными экипажами, между которыми были и англійскіе, очень цѣнные; въ погребахъ хранились дорогія иностранныя вина. По чрезвычайному обилію всяческихъ запасовъ, господская усадьба была то, что называется полною чашей. Мало того: у Базилевскихъ былъ большой запасъ наличныхъ денегъ. которыя они щедрою рукой раздавали подъ векселя, уже не подданнымъ, а лицамъ своего общества. Втеченіе только одного года, предшествовавшаго катастрофѣ, было роздано ими больше 50,000 руб.,—огромная сумма на тогдашнія деньги—подъ шестьдесятъ векселей. Такимъ образомъ, они представляли для своей мѣстности какъ-бы нѣкоторое подобіе кредитнаго учрежденія. Нечего распространяться о томъ, какъ велико было вліяніе. создаваемое и поддерживаемое ими такимъ образомъ. Конечно. должниками ихъ часто оказывались очень нужныя лица. Вѣроятно, въ этомъ надо искать главное объясненіе той полнѣйшей и единодушной готовности оказывать Базилевскимъ содѣйствіе. какое всегда обнаруживали мѣстныя учрежденія.

Но подъ это цвѣтущее благосостояніе была подведена мина. Миной этой были турбаевскіе козаки или „турбаевскіе жители. присваивающіе себѣ мечтательно званіе козачее, а присужденные всѣми правительствами быть мужиками“, по выраженію одного оффиціальнаго документа. Но что турбаевскіе жители лишь мечтательно присваиваютъ себѣ козачье званіе, такъ смотрѣли на дѣло только низшія, мѣстныя „правительства“; высшія же, петербургскія, наоборотъ, склонны были видѣть правоту въ притязаніяхъ турбаевцевъ. Получивъ отъ Битяговской ея сомнительныя права, Базилевскіе съумѣли ихъ осуществить. У нихъ хватило силы на то, чтобъ отобрать у козаковъ документы съ доказательствами ихъ козачьихъ правъ и заставить ихъ отбывать подданническія повинности. До поры до времени

козаки протестовали только побѣгами, но не считали все таки себя побѣжденными окончательно. Они успѣли какъ то найти себѣ повѣренныхъ и ходатаевъ, которые вели отъ ихъ имени искъ въ Сенатѣ. Дѣло шло медленно, но принимало оборотъ благопріятный. Въ іюнѣ 1788 г., ровно за годъ до катастрофы, состоялось рѣшеніе Сената, которымъ признавались козачьи права за всѣми тѣми изъ турбаевскихъ жителей съ ихъ родомъ, кто былъ внесенъ полковникомъ Капнистомъ въ козачьи компуты. Отъ рѣшенія до его осуществленія, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, на какой надѣялись и какого ожидали турбаевцы, было еще очень далеко. Но какъ бы то ни было рѣшеніе состоялось, и объ немъ скоро прослышали какъ Базилевскіе, такъ и турбаевцы. Однако оффиціально объявлено было мѣстными властями о состоявшемся рѣшеніи только въ январѣ: приэтомъ власти увѣщевали турбаевцевъ оставаться въ полномъ повиновеніи у своихъ помѣщиковъ, пока не явится судъ привести указъ въ исполненіе. Но турбаевцы не хотѣли видѣть въ этихъ увѣщаніяхъ ничего, кромѣ угодничества властей передъ Базилевскими; Базилевскіе же своими дѣйствіями подливали масла въ огонь. Они встали прямо на военное положеніе: отнимали скотъ у своихъ враговъ, принуждали къ самымъ тяжелымъ работамъ, запирая ихъ, какъ рабовъ, на ночь въ амбары—въ холодные амбары, зимой, что уже имѣло видъ истязательства и т. п.

Только въ іюнѣ появился въ Турбаяхъ, подъ прикрытіемъ воинской команды, нижній голтвянскій земскій судъ съ совѣтникомъ кіевскаго намѣстническаго правленія Корбе, чтобъ привесть въ исполненіе рѣшеніе Сената.

II.

Роковымъ днемъ для Базилевскихъ было 8 іюня 1789 г. Это былъ день, назначенный судомъ для объявленія указа турбаевской громадѣ и для начала дѣла о приведеніи его въ исполненіе.

Настроеніе турбаевцевъ было самое тревожное. Ничего не было похожаго на то, что они ожидаютъ радостнаго для себя

событія. Наоборотъ, чувствовалось, что наступаетъ самый важный моментъ, когда требуется напряженіе всѣхъ силъ, чтобъ отстоять свои права. Еще наканунѣ, какъ только разослана была повѣстка на счетъ явки въ судъ, всѣ турбаевцы собрались въ домѣ атамана Цапка. Настроеніе выразилось въ общемъ единодушномъ рѣшеніи: не поддаваться до самой послѣдней крайности.

Положеніе дѣлъ объясняло и оправдывало такое настроеніе турбаевскихъ жителей.

Законныя власти съ первыхъ же своихъ шаговъ на турбаевской территоріи заявили себя рѣшительными сторонниками Базилевскихъ. Совѣтникъ Корбе, представлявшій собою лицо губернатора, который не явился самъ, хотя и долженъ былъ явиться въ силу предписанія изъ Петербурга, поселился въ домѣ Базилевскихъ: турбаевцы могли знать то, что знаемъ мы теперь изъ описи векселей, т. е. что онъ былъ у Базилевскихъ въ числѣ крупныхъ должниковъ. Съ нимъ поселился стряпчій и нѣкоторыя другія изъ должностныхъ лицъ. Члены земскаго суда были помѣщены въ домахъ безспорныхъ подданныхъ Базилевскихъ и пользовались содержаніемъ отъ владѣльцевъ. За то воинская команда расквартирована была исключительно въ домахъ ищущихъ козачества. Подъ двойнымъ прикрытіемъ, могучихъ Базилевскихъ и воинской команды, представители власти и правосудія не стѣснялись высказываться громко, въ очень враждебномъ для турбаевцевъ смыслѣ. Они подсмѣивались открыто надъ смятеніемъ, царствовавшимъ въ Турбаяхъ. Исправникъ Клименко даже прямо сказалъ турбаевцамъ, что если кого нибудь изъ нихъ и отберутъ, въ силу указа, отъ Базилевскихъ, то и это будетъ лишь на самое короткое время. Разумѣется, такое поведеніе властей, граничившее съ беззастѣнчивой наглостью, не могло способствовать успокоенію умовъ.

Къ несчастью, самый сенатскій указъ былъ составленъ такъ, что давалъ большой просторъ произволу мѣстныхъ властей. Сенатъ признавалъ козачьи права за 76 родами, внесенными Капнистомъ въ компуты. Но дѣло это было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Чѣмъ могли теперешніе турбаевцы доказать

связь съ этими родами? Письменные документы, у кого они случились, были отобраны Базилевскими, и судъ не предпринялъ ничего, чтобъ ихъ возвратить, а во многихъ случаяхъ ихъ, конечно, и вовсе не было. Родовыя прозвища? Но вѣдь извѣстно, что въ народѣ они никогда не бываютъ постоянными, мѣняются почти съ каждымъ поколѣніемъ. Одно и тоже лицо, даже и теперь, часто называется Григоренкомъ по отцу, Савченкомъ по дѣду, Золотаренкомъ—по оффиціальному, Постриганомъ—по уличному. Конечно, пятьдесятъ лѣтъ не такой срокъ, чтобъ нельзя было возстановить истины по показаніямъ старожиловъ, церковнымъ записямъ и т. п. Но вѣдь это въ томъ лишь случаѣ, еслибъ власти были заинтересованы въ раскрытіи истины; а если онѣ были заинтересованы какъ разъ въ обратномъ?

Безъ сомнѣнія, турбаевцы отлично понимали, что они находятся вполнѣ въ рукахъ мѣстныхъ властей! Судъ могъ признать, для отвода глазъ, козачьи права за отдѣльными единицами, которымъ посчастливилось удержать какія-нибудь несомнѣнныя юридическія доказательства своего козачества, а на счетъ массы остальныхъ ограничиться отпиской: никакихъ, молъ, больше потомковъ старыхъ козацкихъ родовъ въ Турбаяхъ не оказывается. Поди тогда доказывай каждый въ отдѣльности—безъ документовъ, сидя въ подданствѣ у Базилевскихъ—свои права въ сенатѣ: какъ ихъ доказывать тогда, когда ужъ и теперь власти не даютъ билетовъ на выѣздъ изъ Турбаевъ?

Не трудно себѣ представить, съ какими чувствами шли турбаевцы въ судейскую избу 8 іюня. До отхода они еще разъ дали другъ другу обѣщаніе „не поддаваться". Шло ихъ пятьдесятъ человѣкъ; но триста слѣдовало сзади на всякій случай. Другая часть громады оставалась на дворѣ у атамана. Лишь только судъ приступилъ къ разбору правъ, какъ турбаевцы единодушно отказались отвѣчать на какіе-либо относящіеся сюда вопросы, заявляя, что они всѣ козаки. Очевидно, они боялись дать какими-либо своими отвѣтами новое орудіе въ руки враждебной имъ власти. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось,

еслибъ не случилось обстоятельство, которымъ разрѣшилась безвыходная напряженность положенія. Внезапно по селу пробѣжали роковыя слова: „занимаютъ череду" и тотчасъ же достигли какъ до судейской избы, такъ и до двора атамана. „Занимаютъ череду", т. е. забираютъ стадо. Никто, ни тогда, ни послѣ, не могъ дать отчета, откуда взялись эти роковыя слова и какое для нихъ было основаніе. Объясняли при позднѣйшемъ судебномъ разбирательствѣ, что видѣли около череды, одни—какихъ-то незнакомыхъ людей, другіе—козаковъ, третьи—неизвѣстную повозку и т. д. Но, очевидно, дѣло было просто въ томъ, что въ крайне возбужденной турбаевской атмосферѣ было такое рѣзкое единодушное ощущеніе грозящаго насилія, что крики „занимаютъ череду" явились воплощеніемъ того, что жило въ каждой турбаевской душѣ.

Въ одинъ моментъ волненіе охватило село. Воинская команда, зашевелившаяся было при видѣ поднимающейся бури, была тотчасъ же разбросана и обезоружена: впрочемъ, сдѣлать это было нетрудно, такъ какъ оружіе ея самымъ мирнымъ образомъ было сложено въ клунѣ. Всякій захватывалъ въ качествѣ орудія, что попадалось подъ руку. Для чего? Опять таки никто не давалъ себѣ въ этомъ отчета. Вѣроятно, и тотъ кто крикнулъ первый: „въ господскій домъ!" не сознавалъ, что онъ сдѣлалъ. Но слово было выговорено, и страшно возбужденная толпа, вооруженная пиками, дрюками, косами, кольями, дубинами, съ дикими криками кинулась къ усадьбѣ. Часть турбаевцевъ задержалась около судейской избы.

Вѣроятно, вѣсть о происходящемъ—какъ ни быстро все это дѣлалось—достигла до усадьбы раньше, чѣмъ прибѣжалъ народъ; по крайней мѣрѣ, двери были уже заперты. А можетъ быть, Базилевскіе, живя по пански, еще спали, такъ какъ былъ всего только десятый часъ утра. Но что могло задержать этотъ страшный людской потокъ, весь насыщенный мстительной злобой? Онъ ворвался черезъ окна, черезъ выбитыя двери, и въ одинъ моментъ затопилъ, раздавилъ, разнесъ это уютное богатое гнѣздо... Несчастные владѣльцы и ихъ сестра, всѣ трое были—мало сказать—убиты, а заколочены до смерти. Ни

о защитѣ, ни о сопротивленіи не могло быть и рѣчи. Марья умоляла о пощадѣ; но что могла слышать эта обезумѣвшая толпа? Кто-то ударилъ ее по головѣ и схвативши за волосы, бросилъ на землю. Кровавое дѣло было начато. Вслѣдъ за тѣмъ ее видѣли уже всю облитую кровью, съ выступившими на лобъ глазами... Съ ней было кончено быстро. Братья Базилевскіе спрятались подъ кровать; ихъ открыли, и вытащили. Били ихъ долго, съ страшнымъ ожесточеніемъ, били ногами, кольями, дубинами, били, когда они лежали уже безъ признаковъ жизни. Нѣсколько времени спустя, когда комнаты уже опустѣли, Степанъ Базилевскій приподнялся. Одинъ изъ караульныхъ, приставленныхъ атаманомъ къ дому, увидалъ это черезъ окно, и, войдя, еще разъ ударилъ его бичемъ, но, кажется, только лишь для очистки совѣсти. Всѣ счеты съ міромъ были уже порѣшены Базилевскими. Три истерзанныхъ трупа въ лужахъ запекшейся крови лежало въ опустошенныхъ комнатахъ.

Въ господскомъ домѣ находился въ это время совѣтникъ Корбе съ стряпчимъ, земскимъ исправникомъ и другими должностными лицами. Корбе вышелъ къ толпѣ и умолялъ пощадить его жизнь, обѣщая сдѣлать все, что отъ него потребуютъ. И его и другихъ осыпали бранью, угрозами, не обошлось и безъ побоевъ: на Корбе видѣли окровавленный халатъ, у кого-то была перебита рука. Но ни убійствъ, ни истязаній не было больше, хотя побили еще и нѣкоторыхъ слугъ Базилевскихъ; все озлобленіе излилось на пановъ.

Судейской избы смятеніе достигло еще прежде, чѣмъ барской усадьбы. Но здѣсь оно также не разрѣшилось ничѣмъ кровавымъ. Кажется, никто изъ „судейскихъ чиновъ“ не ушелъ безъ хорошаго „памятнаго“; но этимъ и удовлетворилось народное чувство.

Конечно, не могли не знать турбаевцы, что ихъ поступки не останутся безъ тяжелыхъ для нихъ послѣдствій. Но однако въ ихъ средѣ не воцарился хаосъ или прострація, по теперешнему выраженію, а наоборотъ обнаружился духъ организаціи и порядка. Вещи, разбросанныя и разнесенныя изъ господской усадьбы, турбаевская громада собрала и къ вещамъ этимъ, какъ

и вообще къ имуществу, приставила караулъ. Изъ судейской избы турбаевцы также взяли зерцало и судейскія бумаги. На основаніи правила, что утро вечера мудренѣе, всѣхъ должностныхъ лицъ взяли подъ арестъ. Къ утру же былъ готовъ для властей такой ультиматумъ. Они должны были выдать турбаевской громадѣ такіе документы: судебное постановленіе о признаніи ихъ всѣхъ, за небольшимъ исключеніемъ несомнѣнныхъ подданыхъ Базилевскихъ, козаками; бланкъ пропускнаго билета въ Кіевъ, чтобъ ѣхать туда выборнымъ хлопотать по своимъ дѣламъ; удостовѣреніе въ томъ, что все это выдается добровольно. Наивная вѣра въ силу оффиціальной бумаги... Конечно, въ такихъ обстоятельствахъ судъ съ величайшей готовностью подписалъ бы постановленіе о собственной своей ссылкѣ въ вѣчную каторгу. Затѣмъ турбаевцы потребовали, чтобъ судъ приложилъ свои печати ко всему богатому имуществу, оставшемуся послѣ Базилевскихъ. Какъ только все было написано, подписано, припечатано, предоставили властямъ ѣхать на всѣ четыре стороны.

Въ тотъ же день тѣла убитыхъ переданы были дворовымъ людямъ, чтобъ тѣ отвезли ихъ въ Остапье, гдѣ, по всей вѣроятности, находилось фамильное кладбище.

III.

Помѣщики были убиты, начальство выпровожено; турбаевцы остались сами по себѣ. Теперь первою ихъ заботою было предупредить высшія власти о событіяхъ, чтобъ склонить ихъ, по мѣрѣ силъ и возможности, на свою сторону. Тотчасъ же были выбраны и отправлены къ Потемкину ходоки, которые, кстати сказать, несмотря на вынужденный у суда „бланкетъ“, никуда не дошли, потому что были схвачены и арестованы на дорогѣ.

Потемкину, тогдашнему новороссійскому генералъ-губернатору, принадлежитъ значительная роль въ турбаевской исторіи. Не позже какъ черезъ мѣсяцъ Екатерина узнала объ этомъ выдающемся событіи и передала руководительство дѣломъ По-

темкину. Тотъ, со свойственной ему быстротой, рѣшилъ устроить выкупъ подданныхъ у Базилевскихъ-наслѣдниковъ, братьевъ убитыхъ, и выкупленныхъ крестьянъ, также и козаковъ, переселить на свои заднѣпровскія земли. Въ этомъ смыслѣ уже и состоялось его распоряженіе Коховскому, правителю екатеринославскаго намѣстничества. Но прежде чѣмъ могла быть приведена въ исполненіе какая нибудь мѣра въ этомъ родѣ, необходимо было удовлетворить правосудіе. Надо было разыскать и наказать „убійцовъ, разбойниковъ, пролившихъ кровь, которая вопіетъ къ небу о мщеніи“, какъ краснорѣчиво писали въ многочисленныхъ прошеніяхъ и жалобахъ оставшіеся въ живыхъ четыре брата Базилевскіе.

Казалось бы, какія могли быть особенныя затрудненія разыскать преступниковъ, когда преступленіе было совершено среди бѣла дня, на глазахъ сотенъ людей и суда. А между тѣмъ затрудненія оказывались непреодолимыми. Обусловливались эти затрудненія прежде всего тѣмъ, что масса присутствовавшаго народа была не только свидѣтелемъ, но и вольнымъ или невольнымъ соумышленникомъ преступленія, а затѣмъ и другими обстоятельствами, о которыхъ сейчасъ пойдетъ рѣчь.

Дѣло въ томъ, что турбаевская громада твердо установилась на своей своеобразной политикѣ, которую можно назвать политикой пассивнаго сопротивленія. Она не причиняла никакого зла то и дѣло наѣзжавшимъ въ Турбаи властямъ, но рѣшительно не исполняла никакихъ ихъ требованій и предписаній. Притомъ турбаевцы имѣли видъ настолько подозрительный, что власти, повидимому, съ крайнею неохотой появлялись въ Турбаи, и при первой же возможности спѣшили оттуда выбраться. Чего хотѣли добиться турбаевцы своимъ образомъ дѣйствій—трудно сказать: очевидно одно, они были твердо убѣждены, что „высшія правительства“, до которыхъ надо добраться, окажутъ имъ снисхожденіе и правосудіе, а всѣ низшія, которыя къ нимъ наѣзжаютъ, ихъ злые враги, сплошь подкупленные, и готовые утопить ихъ въ ложкѣ воды.

А между тѣмъ, происходили измѣненія и внутри турбаевской громады, перемѣщеніе силъ и настроеній. Болѣе умѣренный эле-

ментъ, желавшій придерживаться, елико возможно, духа легальности и порядка, уступилъ мѣсто крайнему. Усиленію буйства и крайностей способствовало то обстоятельство, что въ Турбаяхъ появился, пользуясь смутой, какой то Красноглазовъ, казенный откупщикъ, и несмотря на то, что юридически село все таки было помѣщичьимъ, завелъ три шинковыхъ дома и спаивалъ народъ. „Триста освирѣпѣвшихъ турбаевцевъ", по свидѣтельству властей, наѣзжавшихъ въ Турбаи, „провожаютъ все время въ непрестанномъ пьянствѣ и чрезъ то не имѣя никакого здраваго разсудка, каковъ долженъ имѣть трезвой человѣкъ, готовы всегда поступить и на самоважнѣйшія неистовства, и въ селѣ Турбаяхъ не видно даже ночью нигдѣ ни самомалѣйшаго благочинія и тишины, но во всякое время жители тамошніе мужчины и женщины со взрослыми дѣтьми, собравшись партіями, ходятъ по тремъ шинковымъ домамъ, и обращаясь въ пьянствѣ, производятъ междуусобную брань и драку".

Все это было преувеличено, но въ основаніи вѣрно. „Триста освирѣпѣвшихъ" изъ двухтысячнаго населенія Турбаевъ управляли теперь теченіемъ турбаевскихъ дѣлъ, и это не замедлило отразиться такими послѣдствіями. Богатое имущество Базилевскихъ послѣ катастрофы было, по требованію самой турбаевской громады, запечатано судомъ и турбаевцы приставили къ нему караулъ. А между тѣмъ триста освирѣпѣвшихъ турбаевцевъ, взявши преобладаніе, начали высказывать такія мнѣнія: Чье же это добро? развѣ оно не наше? развѣ не нашими трудами нажили себѣ все это Базилевскіе? Вѣдь девять лѣтъ мы работали на нихъ неправильно, терпѣли всяческое угнетеніе и порабощеніе... Живо припоминался забранный Базилевскими при обращеніи ихъ, козаковъ, въ подданные скотъ, порубленный лѣсъ, покошенное сѣно, ихъ общественныя церковныя деньги, взятыя Базилевскими у ктитора и т. д. и т. д. При данныхъ обстоятельствахъ немного надо было, чтобъ придти отъ мнѣнія къ дѣйствію. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ. А деньги нужны были прежде всего, чтобъ подмазывать себѣ пути къ власть имущимъ, отъ которыхъ зависѣло дать такой или иной оборотъ всему дѣлу.

Началось расхищеніе имущества, прежде всего съ погреба, гдѣ хранились напитки, и съ винокуреннаго амбара. Затѣмъ атаманъ съ громадой, еще втеченіе 1790 г., раза два доставалъ изъ кладовыхъ деньги. Но легче было встать на эту наклонную плоскость, чѣмъ на ней удержаться. Стали и отдѣльныя лица доставать себѣ потихоньку, подкапываясь подъ стѣнки, ломая замки, то одно, то другое, кто кусокъ сала, кто штуку сукна, кто денегъ. Въ августѣ 1791 г., т. е. черезъ два года послѣ убійства, атаманъ забралъ остальныя деньги и документы, а затѣмъ имущество предоставлено было громадѣ „на потокъ и разграбленіе". Цѣлыхъ шесть дней тянулось это разграбленіе. Нѣкій корнетъ Шкурка, случайно проѣзжавшій черезъ Турбаи въ это время, такъ описываетъ то, что онъ тамъ видѣлъ: „Ѣдучи дорогою, лежащею мимо дома убіенныхъ господъ надворныхъ совѣтниковъ Базилевскихъ, видѣлъ въ ономъ дворѣ и около двора толпу народа, скопившуюся во множественномъ числѣ людей, тамошнихъ турбаевскихъ жителей, во образѣ бунта кричащихъ и грабящихъ тотъ домъ, несущихъ съ онаго за дворъ въ домы ихъ или куда то въ другое мѣсто разное движимое имѣніе, какъ-то шубы, платье, полотна, разную посуду, деньги и пр.". Его увидали и повели въ одинъ дворъ, „гдѣ также было множество турбаевскихъ жителей пьяныхъ и пившихъ горячее вино, начали онымъ его потчивать и принуждать пить, угрожая, если воли ихъ исполнять не будетъ, боемъ, почему онъ, бывъ въ великомъ страхѣ, принужденъ былъ выпить поднесенные ему три румки, далѣе же когда пить отказался, то вдарили его большою палкою", а затѣмъ отпустили. На самомъ концѣ селенія онъ нагналъ двухъ мальчиковъ, несущихъ двѣ книги во французскомъ переплетѣ, и на его спросъ они согласились ихъ продать за двѣ копѣйки. Хлопотало надъ разнесеніемъ панскаго имущества все село, мужчины, женщины и болѣе взрослыя дѣти. Разбили всѣ кладовыя, каморы, каретные, хлѣбные и иные амбары. Все, что оставалось еще „изъ денегъ, платья, столовой каменной, серебряной и золотой посуды, хлѣба, напитковъ, припасовъ и иныхъ вещей", все было разнесено „до послѣдка"; забрали всѣ, какіе оставались, документы. Обор-

вали со строеній полы, потолки, ставни, двери, желѣзныя оковки. Чего не разсудили брать, изъ колясокъ, каретъ и др. повозокъ, оборвавши желѣза и обойки, плисовыя, суконныя и другія, кареты и коляски перебили, словомъ все разорили и истребили. Даже самыя самыя стѣны нѣкоторыхъ строеній были пробиты насквозь. Библіотека расхищена, а многія книги порваны въ куски. Разломали ограду около сада, „заведеннаго на аглицкій маперъ", и пустили туда свой скотъ. Однимъ словомъ, какъ Базилевскіе-наслѣдники старались о томъ, чтобъ „снести съ лица земли самое имя Турбаевъ", съ такимъ же усердіемъ турбаевцы стремились уничтожить всѣ слѣды пребыванія Базилевскихъ на турбаевской землѣ.

Теперь турбаевцы почувствовали себя уже вполнѣ господами. Они начали распоряжаться всякими хозяйственными матеріалами и запасами, которые были скоплены въ экономіи Базилевскихъ; хозяйничали въ ихъ лѣсахъ и т. п. Мало того. Земли Турбаевъ находились въ черезполосномъ владѣніи съ землями Кринокъ и Остапья: слобода Кринки принадлежала убитымъ, мѣстечко Остапье — другимъ братьямъ Базилевскимъ. Турбаевцы, пользуясь близостью, „разсѣяли возмущеніе" и въ тѣхъ мѣстахъ, такъ что населеніе и здѣсь начало „производить разныя буянства и управителей угрожаетъ убивать". Въ особенно тѣсныхъ сношеніяхъ съ Турбаями находилось населеніе Кринокъ: оно частью было склонено турбаевцами на свою сторону и собиралось съ ними „во единое скопище", частью терроризировано турбаевской дерзостью. Турбаевцы ловили рыбу въ тамошнемъ владѣльческомъ ставу, выводили, по приговору своей громады, нѣкоторыхъ криковскихъ подданныхъ въ Турбаи, какъ своихъ козаковъ, и вообще распоряжались тамъ безпрепятственно. Въ то же время турбаевцы всюду открыто заявляли, даже и передъ судомъ, что они намѣрены истребить всѣхъ Базилевскихъ. Базилевскіе не смѣли показаться не только въ Турбаяхъ, но и въ другихъ своихъ ближайшихъ владѣніяхъ. „Оставивъ домы свои, скитаемся мы по чуждымъ, а нынѣ убѣжища и мѣста не находимъ, гдѣ бы могли себя обезопасить и не безпокоиться и принуждены въ отдаленнѣйшія мѣста уда-

литься", пишутъ Базилевскіе. Но и туда доходили до нихъ слухи, что турбаевскіе жители хотятъ, „раздѣлившись на части идти и предать ихъ насильственной смерти". Серьезны или нѣтъ были угрозы турбаевцевъ, но напуганы то ими Базилевскіе были серьезно.

Какъ видно изъ сказаннаго выше, турбаевская исторія все усложнялась. Къ уголовному дѣлу присоединился гражданскій искъ Базилевскихъ. Такимъ образомъ надо было привести къ концу три сложныхъ дѣла. Разыскать преступниковъ, чтобъ удовлетворить правосудіе; разыскать и возвратить разграбленное имущество Базилевскихъ; переселить турбаевцевъ, согласно предположенію Потемкина, утвержденному Екатериной.

А между тѣмъ и внѣшнія обстоятельства тормозили движеніе. Потемкинъ тѣмъ временемъ умеръ. Произошло новое разграниченіе, и Турбаи отошли отъ кіевскаго намѣстничества къ екатеринославскому. Такимъ образомъ это сложное дѣло должно было перейти въ совсѣмъ новыя руки. Именнымъ указомъ руководительство турбаевской исторіей передано было Коховскому, правителю екатеринославскаго намѣстничества; первой же инстанціей былъ теперь градижскій нижній земскій судъ.

Но что было дѣлать новому начальству съ этими людьми, которые „во мѣсто раскаянія приходятъ все въ большое неистовство отъ праздности, въ коей они пребываютъ, отъ безначалія, къ которому они съ начала бунта, ими предпринятаго, обыкли, не повинуясь ни закону, ни мѣстамъ, ни особамъ, отъ разврата, отъ пьянства и всѣхъ онаго послѣдствій?"

Все это были, правда, выраженія Базилевскихъ, очень преувеличенныя; но тѣмъ не менѣе положеніе начальства было не изъ легкихъ.

По поводу выдачи преступниковъ—убійцъ и зачинщиковъ бунта, турбаевцы твердили одно и суду, и спеціально командировавшимся чинамъ, и Коховскому, который рѣшился лично съѣздить въ Турбаи, „что въ содѣланномъ преступленіи никакого они намѣренія не имѣли, слѣдовательно, и нѣтъ между ними ни одного начинщика, но всѣ они начинщики и всѣ равно виновны": все это они подтверждали „иные клятвою, а

иные плачемъ, отдаваясь всѣ равнодушно сужденію строгости законовъ".

Масса разграбленнаго имущества находилась по рукамъ и расходилась на стороны. Но все таки значительная его часть, въ видѣ денегъ и векселей, хранилась въ турбаевской съѣзжей избѣ. Однако турбаевцы рѣшительно отказывались не только разыскивать разграбленныя вещи, но и выдать то, что находилось на лицо. „Съ дерзостью" говорили суду, что „ничего не отдадутъ, покуда помѣщики Базилевскіе не удовольствуютъ ихъ за девятилѣтнее отправленіе имъ подданнической повинности и за какіе то грабежи ихъ имѣній".

О переселеніи пока начальство и не заикалось.

IV.

Если бы администраторы разсматриваемаго нами времени сплошь представляли собою прототипы героевъ „Исторіи одного города", турбаевское дѣло должно было бы имѣть самый трагическій конецъ. Но, благодаря Коховскому, оно распуталось такъ благополучно, какъ только можно было пожелать при этихъ въ высшей степени трудныхъ и сложныхъ обстоятельствахъ. Невольное удивленіе и уваженіе возбуждаетъ гуманность, долготерпѣніе и осторожность, съ какою онъ относился къ турбаевцамъ, наряду съ энергіей, которую обнаруживалъ, направляя дѣйствія „мѣстъ и особъ", ведшихъ турбаевское дѣло. И все это имѣя, съ одной стороны, „дерзкую закоснѣлость", съ какой турбаевцы отталкивали даже то, что дѣлалось въ ихъ прямыхъ интересахъ, съ другой, сутяжничество наслѣдниковъ Базилевскихъ, осаждавшихъ всѣ „правительства" до наивысшихъ просьбами и жалобами на свои бѣдствія и на бездѣйствіе властей, потворствующихъ турбаевскимъ злодѣямъ. Видимо большія усилія приложилъ Коховскій къ тому, чтобъ устранить все, что могло сдѣлать „окончаніе дѣла сего какъ затруднительнымъ и нескорымъ, такъ сомнительнымъ и опаснымъ", какъ выражается онъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ.

Коховскій самъ ѣздилъ въ Турбаи, посылалъ туда лицъ, видимо хорошо ему извѣстныхъ, какъ напр. ассессора Гладкаго; добился того, чтобъ турбаевская громада выслала къ нему выборныхъ, хотя и не въ томъ количествѣ, какого онъ желалъ— очевидно, съ цѣлью повліять на ихъ настроеніе. Старанія его привели къ тому, что въ Турбаяхъ опять начали усиливаться люди, желавшіе найти какой-нибудь выходъ изъ своего положенія на пути законности и порядка. Появились отдѣльныя единицы изъ участвовавшихъ въ убійствѣ, которыя соглашались сознаться въ своей винѣ передъ закономъ, какъ ни отговаривали ихъ болѣе крайніе: „зачѣмъ, де, ты самъ лѣзешь въ огонь?" Девять человѣкъ преступниковъ сами пришли къ Коховскому „безъ всякой стражи въ пути и при двухъ только турбаевскихъ жителяхъ". Вѣроятно, турбаевская громада думала очиститься въ убійствѣ при посредствѣ этихъ искупительныхъ жертвъ; къ нимъ въ дополненіе преподносились еще Ѳемидѣ тѣ изъ участниковъ, которые, опасаясь послѣдствій, успѣли выбраться изъ Турбаевъ въ разныя отдаленныя заднѣпровскія, черноморскія и иныя мѣста: такихъ было не мало, тоже человѣкъ около десяти. Конечно, этимъ десяти „убійцамъ и зачинщикамъ", которые такъ спокойно препровождали себя въ руки правосудія, громада дала на прощанье обстоятельныя наставленія, какъ имъ вести себя, главное же „никого ни въ чемъ не оговаривать". Но тѣмъ не менѣе дѣло приняло такой оборотъ, какого турбаевцы, конечно, не ожидали, хотя оно и не могло быть иначе. Если даже въ числѣ этихъ девяти и не было малодушныхъ, готовыхъ, при малѣйшемъ затрудненіи, поступиться своимъ ближнимъ, то трудно предположить, чтобъ не проговорился наивный турбаевецъ, выступившій изъ-за плечъ своей громады и поставленный лицемъ къ лицу съ судьей, болѣе или менѣе опытнымъ въ судейскихъ подходахъ. Какъ бы то ни было, въ результатѣ судебнаго слѣдствія было пятьдесятъ девять оговоренныхъ, „въ числѣ которыхъ оказываются многіе изъ почетнѣйшихъ турбаевскихъ жителей", а въ дальнѣйшемъ открывалась не совсѣмъ-то и для начальства пріятная перспектива, что эти „оговоренные нынѣ 59 человѣкъ могутъ оговорить еще столько же и

болѣе", какъ опасливо выражается гуманный и осторожный Коховскій.

Но тутъ очнулись и сами турбаевцы, и устроили такое, чего трудно было ожидать и отъ турбаевской „отчаянности". Подсудимые турбаевцы сидѣли въ тюрьмѣ въ Градижскѣ. Правда, тюрьма была не важная „и вовсе къ содержанію въ оной преступниковъ опасная", такъ какъ „будучи крайне обветшалою въ стѣнахъ, совсѣмъ начала разваливаться, и стѣны удержаны однѣми только подпорами". Но тюрьма есть тюрьма. Турбаевская же громада, ничто же сумняшася, рѣшилась освободить изъ нея своихъ. Градижскъ находился верстахъ въ пятидесяти отъ Турбаевъ. Турбаевцы какъ-то устроили тайныя сношенія съ градижской тюрьмой и уговаривали заключенныхъ бѣжать, обѣщая доставить изъ Турбаевъ отважныхъ людей, которые нападутъ ночью на караулъ и освободятъ ихъ изъ тюрьмы. Въ ночь на 2 февраля 1793 г. заключенные турбаевцы, подговоривъ и прочихъ арестантовъ, потушили огонь въ тюрьмѣ, напали на часовыхъ, прибили тяжело унтеръ-офицера, разломали двери и окна, и, отбивши у часовыхъ пики, бѣжали.

Но тутъ уже и Коховскій увидалъ, что безъ содѣйствія военной силы ему не обойтись. Онъ обратился за разрѣшеніемъ къ Екатеринѣ. Отъ 16 апрѣля 1793 г. состоялся высочайшій указъ о введеніи въ Турбаи воинской команды.

Однако ни Коховскій, ни герой Праги и Измаила, который командировалъ въ Турбаи баталіонъ бугскаго егерскаго полка и 200 донскихъ козаковъ, видимо совсѣмъ не имѣли въ виду штурмовать Турбаи. Напротивъ, со всѣхъ сторонъ видны усиленнѣйшія старанія о томъ, чтобъ все обошлось самымъ мирнымъ образомъ. Все дѣлалось въ глубокой тайнѣ. Войска должны были расположиться въ Турбаяхъ, подъ предлогомъ слѣдованія въ Гадячъ, будто-бы мимоходомъ для печенія хлѣбовъ и починки обоза. Войскамъ было строжайше предписано обращаться съ турбаевцами „съ пристойною обывателямъ ласкою". У Коховскаго была одна опредѣленная ближайшая цѣль: извлечь изъ Турбаевъ, по возможности незамѣтно, вожаковъ „огорченнѣйшихъ и строптивѣйшихъ невѣждъ, коихъ мнѣнію и совѣ-

тамъ большая часть жителей слѣпо слѣдуетъ". Нѣкоторые изъ этихъ вожаковъ были настроены въ высшей степени враждебно по отношенію ко всѣмъ примирительнымъ мѣрамъ и компромиссамъ, или, по выраженію одного донесенія, находились „въ крайнѣйшемъ чувствованіи претерпѣннаго ими огорченія, отъ коего вкоренившаяся въ нихъ отчаянность, и довѣренность къ нимъ жителей могла бы многихъ вовлечь въ несчастіе".

Нелегко все было сдѣлать такъ, какъ хотѣлъ Коховскій, но секундъ-майоръ Карповъ, которому это было поручено, оказался на высотѣ своей задачи. Прежде всего надо было захватить атамана Тарасенка. Карповъ „потребовалъ его съ ласковостью" въ лагерь будто бы по поводу дровъ, подводъ и пастбищъ; затѣмъ приказалъ съ квартиръ самимъ жителямъ носить въ лагерь печеный хлѣбъ, а нѣкоторыхъ призвалъ къ себѣ для покупки скота. Этими „и разными подобными симъ предлогами" онъ привлекъ въ лагерь и задержалъ десять человѣкъ, на которыхъ ему было указано Коховскимъ. Сдѣлано все это было такъ просто, незамѣтно, быстро, что турбаевскіе жители не успѣли опомниться; такимъ образомъ секундъ-майоръ Карповъ „своими благоразумными и кроткими поступками удалилъ то происшествіе, о коемъ всѣ здѣсь говорили", т. е. новый взрывъ турбаевской отчаянности. Революціонная турбаевская гидра была обезглавлена безъ всякаго внѣшняго акта насилія, который могъ бы послужить для новой бури. Турбаи смирились. Жители стали „приходить въ раскаяніе въ оказанномъ ими невѣжествѣ, въ неповиновеніи судамъ". 11 іюля 1793 г. въ Турбаяхъ появились уѣздный и нижній земскій судъ и нижняя расправа градижскаго уѣзда и безпрепятственно „вступила въ производство дѣла". „Благодарю Всевышняго, что благословилъ приступить къ начальному производству дѣла въ тишинѣ и кротости", пишетъ одинъ изъ руководителей турбаевскаго дѣла: „молю нынѣ Его да спасетъ мя и дѣтокъ моихъ отъ напасти по случаю иска помѣщиковъ Базилевскихъ на жителяхъ турбаевскихъ. Страшусь сего, испытывая, какъ безъ вины можно быть виновату". Да, всю жизнь вѣрно помнили и разсказывали дѣтямъ и внукамъ участвовавшіе въ разборѣ турбаевскаго дѣла

о той опасности, изъ какой имъ удалось вынести себя цѣлыми и невредимыми.

Теперь уже главнымъ затрудненіемъ для начальства было не дѣло объ убійствѣ, для котораго такъ или иначе, хорошо или худо, да уже были собраны кое-какіе необходимые для правосудія „зачинщики и убійцы". Затрудненіе было въ гражданскомъ искѣ Базилевскихъ, въ возвращеніи разграбленнаго имущества. То, что хранилось въ турбаевской съѣзжей избѣ, возвратить было не трудно: тамъ были документы въ числѣ 731 №№, векселя на 58,000 р., наличными деньгами больше 6,000 р. (впрочемъ, часть этихъ денегъ, 1,000 руб., была истрачена турбаевцами на ходоковъ въ Петербургъ) и двѣнадцать сундуковъ съ разными цѣнными вещами, серебромъ, разной иной посудой, платьемъ, мѣхами, бѣльемъ, дорогой бакалеей и пр. Но какъ было отбирать, а главное разыскивать вещи, находившіяся по рукамъ? Не значило ли это опять идти на явную опасность поголовно раздражить населеніе? Власти, сидя въ Турбаяхъ, конечно, понимали это отлично, и очень охотно замяли бы все это. Но у нихъ на шеѣ сидѣли Базилевскіе, которые не желали поступиться ничѣмъ. Они жаловались на то, что турбаевцы продаютъ принадлежащія имъ вещи на сторону, обвиняли разныхъ лицъ въ передержательствѣ вещей и требовали привлеченія ихъ къ отвѣтственности, просили о томъ, чтобъ былъ наложенъ секвестръ на имущество турбаевцевъ въ цѣляхъ обезпеченія иска и т. п. Все это усложняло и тормозило дѣло, и безъ того очень сложное, а главное требовало такихъ дѣйствій со стороны властей, которыя могли снова сдѣлать окончаніе дѣла „сомнительнымъ и опаснымъ." Коховскій, видимо, былъ крайне раздраженъ безтактнымъ поведеніемъ Базилевскихъ, и раздраженіе проглядываетъ даже въ оффиціальномъ тонѣ его дѣловыхъ бумагъ. Когда Базилевскіе прислали ему, при пріѣздѣ его въ Турбаи, вина и столовые припасы, онъ отвѣтилъ на этотъ простой актъ вѣжливости, который считался въ тѣ времена обязательнымъ даже и по отношенію къ незнакомому проѣзжему своего общества, что „онъ получаетъ на свое содержаніе жалованье".

Однако не могъ же судъ отказать въ признаніи юридической правоты за требованіями Базилевскихъ и долженъ былъ что-нибудь дѣлать для ихъ удовлетворенія. Начали турбаевцы возвращать кое-что, какъ пишутъ Базилевскіе: „изъ каретъ аглицкихъ, колясокъ и др. экипажей доставлена ось желѣзная, два рессора да ступица съ колеса обрубленная; мѣсто серебра, въ нѣсколькихъ пудахъ расхищеннаго, возвращено ничего не значящее количество; мѣсто брильянтовъ и другихъ дорогихъ вещей ни одного камушка не явилося". По дальнѣйшимъ розыскамъ и настояніямъ властей, снесено было довольно много вещей, такъ что составился порядочный ихъ списокъ; но содержаніе этого списка все было сплошь такое: „канапе совсѣмъ оборванное, двери горничныя разламанныя, столикъ побитой, кровать ломанная, съ кареты кусокъ кожи сгнилой, кафтанъ нѣмецкій бархату рытого совсѣмъ сгнилой, полотна голландскаго измоченнаго, вымараннаго и сгнилого кусокъ, сабля подъ серебряною оправою съ позолотою спорченная, кожъ овчинныхъ старыхъ, молью поѣденныхъ" и т. д., и т. д. Еслибъ мы не знали, что турбаевцамъ, и начальству было въ это время не до шутокъ, то могли-бъ подумать, что все это простая насмѣшка надъ претензіями Базилевскихъ. Коховскій сдѣлалъ для удовлетворенія Базилевскихъ все, что онъ считалъ возможнымъ: отдалъ строгій приказъ и распубликовалъ его по всему уѣзду, чтобъ никто, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, не смѣлъ покупать у турбаевцевъ никакого имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго; но терроризировать населеніе, а безъ того нельзя было добиться полнаго удовлетворенія всѣхъ претензій Базилевскихъ, онъ не хотѣлъ. Но такъ какъ эти претензіи угрожали затянуть турбаевское дѣло въ безконечность, то онъ испросилъ у Екатерины разрѣшеніе не задерживать его движенія искомъ Базилевскихъ. Такимъ образомъ, искъ этотъ, съ переселеніемъ турбаевцевъ, прекратился самъ собою.

31 января 1794 г. общее присутствіе градижскаго уѣзднаго суда и нижней расправы изрекло приговоръ надъ жителями турбаевскими, обвинявшимися въ убійствѣ помѣщиковъ

Базилевскихъ и въ прочемъ: приговорено къ смертной казни—7, къ наказанію кнутомъ—42, плетьми—134, освобождено отъ суда—228 душъ. Смертные приговоры всѣ были отмѣнены; наказанія смягчены. Но турбаевцевъ ждало еще общее наказаніе, которому подверглись наравнѣ съ виновными и совсѣмъ невинные. Кровь Базилевскихъ не была, конечно, кровью невинныхъ, но она тѣмъ не менѣе упала не только „на васъ", но „и на чада ваша".

V.

Проектъ Потемкина на счетъ переселенія турбаевцевъ въ Заднѣпровье былъ утвержденъ Екатериной. Тогда же, т. е. еще въ самомъ началѣ турбаевскаго дѣла, въ 1790 г., были выяснены основанія, на коихъ должно было совершиться это переселеніе. Базилевскіе, съ большой и понятной готовностью, отдавали на выкупъ казнѣ всѣхъ своихъ турбаевскихъ крестьянъ: просили за мужескую душу 50 руб., но соглашались и на низшую оцѣнку, согласны были и разсчетъ отъ казны получить не деньгами, а солью таврической, лишь бы „не имѣть сихъ людей передъ своими глазами и не опасаться отъ нихъ злыхъ послѣдствій". Оставался еще вопросъ на счетъ „спорныхъ мужиковъ", т. е. ищущихъ козачества. Дѣйствія суда по разбору козацкихъ правъ турбаевскихъ жителей были прерваны катастрофой. Но тѣмъ не менѣе какъ то состоялось постановленіе, чуть ли не заднимъ числомъ помѣченное (по крайней мѣрѣ такъ утверждали турбаевцы въ одномъ своемъ прошеніи), такъ какъ на немъ стояла дата роковаго дня 8 іюня 1789 г. Вникать во все это теперь уже было некому и не для чего, такъ какъ послѣдующія событія совсѣмъ заслонили эту сторону. Упомянутымъ постановленіемъ признаны были козачьи права за 259 турбаевскими жителями. Земли этихъ спорныхъ мужиковъ Базилевскіе соглашались принять по сдѣланной казною оцѣнкѣ, съ вычетомъ стоимости этихъ земель изъ того, что имъ будетъ причитаться за выкупленныхъ казною крестьянъ.

Такимъ образомъ, все было улажено. Потемкинъ разсчитывалъ, что весной 1791 г. состоится и переселеніе. Но все это разсчитывалось безъ турбаевцевъ, а въ нихъ-то и было дѣло. Когда духъ крайней оппозиціи завладѣлъ Турбаями, начальство не рѣшалось не только предпринимать что-нибудь въ видахъ ихъ переселенія, но даже и заговаривать съ ними объ этомъ предметѣ. И немудрено. „Видя самъ село Турбаи и нѣсколько хуторовъ, принадлежащихъ турбаевцамъ, сужу, что тяжко имъ будетъ разставаться съ ихъ домами, садами, рощами, словомъ со всѣмъ, въ совершенствѣ устроеннымъ, домоводствомъ, и съ мѣстами предковъ ихъ и ихъ рожденія“, пишетъ Коховскій. „Объявилъ я нынѣ турбаевцамъ, что они въ казну покупаются, но о переселеніи ихъ извѣщать воздержуся“, продолжаетъ онъ. Это письмо относится къ времени его личнаго посѣщенія Турбаевъ въ мартѣ 1792 г. Онъ поручилъ другому лицу „предложить турбаевцамъ съ кротостью о переселеніи“. Но тѣ отвѣчали просьбой о разрѣшеніи послать ходоковъ къ государынѣ, заявляя, что до полученія отвѣта они никуда выселяться изъ Турбаевъ не намѣрены, и „готовы хоть бы и смертью пострадать въ Турбаяхъ“. Послѣ того власти уже не заводили больше и рѣчей о переселеніи до самыхъ тѣхъ поръ, пока Турбаи не были окончательно усмирены.

Но теперь выступаетъ вопросъ: куда же переселиться? Потемкинъ проектировалъ поселить турбаевцевъ на своихъ собственныхъ заднѣпровскихъ земляхъ; но онъ умеръ, а наслѣдники его были для казны простые частные владѣльцы, на земляхъ которыхъ не было смысла селить казенныхъ крестьянъ, какими были теперь турбаевцы. Началась переписка на счетъ отысканія подходящихъ казенныхъ мѣстъ. Рѣшено было при выселеніи совсѣмъ отдѣлить козаковъ отъ крестьянъ. Къ веснѣ 1794 г. мѣста были отысканы. Крестьяне должны были переселиться въ таврическую область, гдѣ имъ было отведено для поселенія четыре мѣста по сю сторону Перекопа: на двухъ большихъ дорогахъ, бериславской—въ Черной Долинѣ и Чаплынкѣ, и херсонской—при урочищѣ Буркутъ и въ Каланчакѣ. Козаковъ переселяли за Бугъ, „къ рѣкѣ Днѣстру въ пріобрѣ-

тенную отъ порты оттоманской область", въ селенія Яски и Бѣляевку.

Переселеніе должно было состояться весной 1794 г., лишь тридцати семьямъ разрѣшено было остаться для уборки засѣяннаго хлѣба. Подъ Турбаями былъ расположенъ лагерь воинской команды, подъ наблюденіемъ и конвоемъ которой должно было совершиться переселеніе.

Духъ сопротивленія былъ сломленъ. Но легко-ли было все таки турбаевцамъ покинуть „свои дома, сады и рощи" для того, чтобъ идти въ неизвѣстныя „степныя" мѣста? И вотъ они, какъ утопающій за соломинку, хватаются за всякіе предлоги и отговорки, чтобъ хоть отодвинуть тяжелую минуту. То они представляютъ начальству, что пятьдесятъ подсудимыхъ турбаевцевъ находятся въ Екатеринославѣ до конца дѣла, и что неизвѣстно какъ быть съ ихъ женами и дѣтьми, „которыя могутъ претерпѣть въ семъ переселеніи крайнюю нужду"; то указываютъ на разныя незаконченныя ими дѣла между собой и съ сосѣдями, на необходимость распорядиться имуществомъ; то оказывается, что до 30 человѣкъ турбаевцевъ нѣтъ на мѣстахъ, разошлись въ наймы по разнымъ селеніямъ, а то и вовсе пропали безвѣстно. Но власти не отступали ни на шагъ ни передъ какими доводами, и настоятельно внушали турбаевцамъ, „что ежели они будутъ упорствовать, то наведутъ на себя по всей строгости законовъ жесточайшее наказаніе, а сверхъ того и переселеніе имъ учинено будетъ непремѣнно. Характеренъ одинъ эпизодъ. Начальство, какъ уже сказано было, согласилось оставить на мѣстѣ до осени для уборки хлѣба, тридцать семей по выбору громады, пятнадцать козацкихъ, пятнадцать крестьянскихъ. Но никто не соглашался добровольно оставаться, воображая, что оставляютъ въ подданство Базилевскимъ: даже всѣ ужасы переселенія не могли примирить съ мыслью снова попасть подъ панскую власть. Едва едва удалось суду разсѣять недоразумѣніе.

Назначаемъ былъ срокъ за срокомъ для выступленія; а турбаевцы все не были готовы. Прошелъ и послѣдній срокъ—17 мая 1794 г., турбаевцы не двигались. Тогда въ село вступило войско. Солдаты разведены были по домамъ, чтобъ пону-

ждать жителей къ выступленію. Такимъ образомъ турбаевцы выведены были съ имуществомъ, женами и дѣтьми на дорогу. Здѣсь сдѣлана была имъ повѣрка, и турбаевцы попрощались на вѣки съ родиной и другъ съ другомъ: одна часть двинулась въ таврическую губ. на Александровскъ, другая къ Днѣстру—каждая подъ прикрытіемъ роты егерскаго баталіона и донскихъ козаковъ.

Легко представить себѣ, что дорога нашимъ переселенцамъ не лежала скатертью Вѣдь ихъ было въ одномъ отрядѣ мужескихъ душъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, 560, въ другомъ 468; сверхъ того, солдаты. По нашимъ извѣстнымъ, русскимъ обыкновеніямъ, никто нигдѣ не былъ ни къ чему готовъ, несмотря на строгіе приказы отъ начальства. Напр. въ Александровскѣ не оказалось ротмистра, который былъ командированъ, чтобъ принять переселенцевъ; не оказалось солдатъ для конвоя на смѣну старому конвою и т. д. Разумѣется отъ всего происходила для переселенцевъ „остановка, а въ пропитаніи, равно и въ кормѣ скота отягощеніе и крайнее разореніе". Не лучше было и на мѣстѣ, по крайней мѣрѣ первое время. На счетъ козаковъ, выселенныхъ къ Днѣстру, мѣстное начальство доноситъ: „по нынѣшнему неурожаю въ здѣшнихъ мѣстахъ хлѣба заработать на первый случай не могутъ, и тѣмъ претерпѣваютъ крайнѣйшую нужду, такъ что иные питаются испрошеніемъ милостыни по народу". И это только что разставшись съ своимъ турбаевскимъ „въ совершенствѣ устроеннымъ домоводствомъ..." Наконецъ таки искупили турбаевцы свои многоразличныя вины.

„Селенія Турбаи даже и названіе истребить и не быть болѣе тамъ никакому жилищу по извѣстной причинѣ обагренія онаго кровію", такъ просили Базилевскіе, и просьба ихъ была исполнена.

А. Ефименко.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

25 марта, въ Великій четвергъ, по утру въ 10-мъ часу съѣхались во дворецъ знатный россійскій генералитетъ, вся свита и чужестранные министры.

Въ 11 часовъ утра императрица со свитою выѣхала въ Кіево-Печерскій монастырь; здѣсь при колокольномъ звонѣ ее встрѣтилъ предъ дверьми Соборной Успенія Пресвятыя Богородицы церкви со крестомъ Викторъ, архимандритъ слуцкій и бориспольскій, съ знатнымъ духовенствомъ, всѣ въ облаченіи.

Императрица присутствовала при совершеніи *омовенія ногъ.* При этомъ находились духовные: на амвонѣ, съ правой стороны: 1) императорскій духовникъ, членъ Синода, протоіерей Іоаннъ Іоанновичъ Панфиловъ, 2) греческаго монастыря архимандритъ Іаковъ, 3) лубенскаго монастыря архимандритъ Дамаскинъ, 4) Кіево-Печерской лавры игуменъ іеромонахъ Θеофилактъ, 5) Печерскаго монастыря соборный іеромонахъ Павлинъ, 6) уставщикъ того же монастыря іеромонахъ Кассіанъ. Съ лѣвой стороны: 7) Никольскаго монастыря архимандритъ Амфилохій. 8) Кирилловскаго монастыря архимандритъ, Кіево-Печерской лавры намѣстникъ Каликстъ, 9) сербскій архимардритъ Спиридоній, 10) Кіевопечерской лавры типографъ іеромонахъ Θеофанъ, 11 и 12) Печерскаго монастыря іеромонахи Іафетъ и Балабуха.

При архіереѣ въ послуженіи находились: Кіево-Печерскаго монастыря архидіаконъ Порфирій и находящійся при духовникѣ императрицы діаконъ Петръ Ивановъ, который во

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1891 г. № 2.

время службы начальствовалъ. Церковная служба кончилась по полудни въ 12 часовъ.

Императрица, пожаловавъ въ церкви къ рукѣ всѣхъ духовныхъ, возвратилась во дворецъ. Къ обѣду былъ приглашенъ Потемкинъ.

Въ вечеру, въ 6 часовъ, передъ внутренними покоями, духовникомъ начата Божія служба и отправлялась оная при чтеніи страстей Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.

Въ этотъ день по утру, передъ выѣздомъ къ литургіи, графъ Безбородко представилъ императрицѣ прибывшаго въ Кіевъ графа Соллогуба. 26 марта, въ Великую пятницу, по полудни въ половинѣ 2 часа, съѣхались ко двору въ трауриомъ платьѣ статсъ-дамы, и всѣ находящіяся въ свитѣ и другія знатныя особы и собрались въ парадныхъ покояхъ.

Императрица вышла изъ внутреннихъ своихъ покоевъ въ собраніе, одѣтая въ камеръ-трауръ, и выѣхала въ Кіево-Печерскій монастырь, въ сопровожденіи всей свиты. У Свято-Троицкихъ воротъ встрѣтили императрицу Кіево-Печерской лавры намѣстникъ архимандритъ Калликстъ и монашествующіе въ мантіяхъ; они сопровождали императрицу до церкви во имя святаго Чудотворца Николая, предъ дверьми которой встрѣтилъ съ крестомъ, въ облаченіи, преосвященный Викторъ, архіепископъ слуцкій и бориспольскій, съ знатнымъ духовенствомъ.

Во время Божіей службы изъ церкви святаго Чудотворца Николая въ соборную Успенія Пресвятыя Богородицы церковь учиненъ былъ выносъ плащаницы, чрезъ монастырь, при колокольномъ звонѣ, слѣдующимъ порядкомъ:

1) Отъ церковныхъ дверей святаго Чудотворца Николая, на нѣкоторое разстояніе по сторонамъ пути, стояли по 16 монашествующихъ въ мантіяхъ, безъ облаченія.

2) Отъ тѣхъ монашествующихъ по обѣ стороны стояли разныхъ семинарій семинаристы.

3) До западныхъ дверей соборной Успенія Пресвятыя Богородицы церкви, по сторонамъ же пути, стояли по 12 монашествующихъ въ мантіяхъ, какъ и первые, а между стояв-

шими, по сдѣланному во весь путь деревянному мосту, обитому зеленымъ сукномъ слѣдовала духовная процессія.

4) 18 человѣкъ канархистовъ въ стихаряхъ, по два въ рядъ.

5) Два іеродіакона съ хоругвями.

6) 8 іеродіаконовъ съ фонарями, по два въ рядъ.

7) 1 іеродіаконъ несъ Животворящій Крестъ.

8) 12 іеромонаховъ, по шести на каждой сторонѣ, съ зажженными большими свѣчами, а между ними хоръ придворныхъ пѣвчихъ.

9) Несена плащаница и находились при несеніи оной: архимандриты, впереди съ правой: лубенскаго монастыря Дамаскинъ, съ лѣвой стороны: сербскій Спиридоній, за оными съ правой: греческаго монастыря Іаковъ, съ лѣвой стороны: Кирилловскаго монастыря Калликстъ, за сими съ правой духовникъ императрицы, съ лѣвой стороны: Никольскаго монастыря архимандритъ Амфилохій, средину плащаницы поддерживалъ преосвященный архіепископъ Викторъ.

10) За ними шествовала императрица, сопровождаемая знатными обоего пола придворными и прочими особами, и во время высочайшаго шествія, за плащаницею, отъ стоящаго въ монастырѣ армейскато караула отдана фронтомъ честь съ барабаннымъ боемъ.

По внесеніи плащаницы въ соборную церковь и по прибытіи въ оную императрицы, говорилъ проповѣдь кіевской академіи префектъ Богоявленскаго братскаго монастыря іеромонахъ Димитрій Устимовичъ; по окончаніи проповѣди императрица прикладывалась къ плащаницѣ и къ имѣющимся въ соборной церкви святымъ мощамъ Божіихъ угодниковъ.

По совершеніи всей Божіей службы, которая кончилась по полудни въ половинѣ 4-го часа, въ церкви императрица жаловала къ рукѣ преосвященнаго и прочихъ духовныхъ, потомъ при колокольномъ звонѣ возвратилась во дворецъ и по прибытіи благоволила проходить во внутренніе покои. Обѣденнаго стола не было и въ вечеру при дворѣ особливаго ничего не происходило.

27 марта, въ страстную субботу, въ 10 часовъ утра Днѣпръ очистился отъ льда противъ Кіева и послѣ трехъ сигнальныхъ выстрѣловъ съ Печерской крѣпости выѣхалъ на шлюбкѣ подъ флагомъ и вымпеломъ флота капитанъ-лейтенантъ Пущинъ, и проѣзжая противъ дворца, салютовалъ 21 выстрѣломъ, а матросы кричали ура! Противъ Кіево-Печерской крѣпости дано семь выстрѣловъ. „Днѣпръ открылся (писала 30 марта императрица къ Брюсу), только холодно, чаю нарочно для того, чтобы вы имѣли чѣмъ хвастаться вашею петербургскою погодою". (Изъ писемъ къ Брюсу).

Въ этотъ день по утру, въ 7 часовъ, передъ внутренними покоями духовникомъ отправлялась утреня. Передъ полуднемъ, въ 12-мъ часу, тотъ же духовникъ, въ придворной церкви совершалъ литургію, которую императрица слушала съ придворными обоего пола и прочими знатными особами изъ зала. По окончаніи Божіей службы поднесены духовникомъ присланные изъ монастыря Кіево-Печерской лавры канонники святой пасхи.

Въ этотъ день къ столу императрицы приглашены: Анна Степановна Протасова, Марина Осиповна, супруга господина оберъ-шталмейстера Нарышкина, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, Левъ Александроричъ Нарышкинъ, графъ Ангальтъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій, Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ, Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, Василій Ивановичъ Левашевъ.

28 марта, въ день праздника святыя Пасхи, по полудни, въ часъ, по второму съ Кіево-Печерской крѣпости пушечному сигналу имѣли пріѣздъ ко двору всѣ находящіеся въ свитѣ и чужестранные министры, дамы въ русскомъ, а кавалеры въ обыкновенномъ платьѣ; по тому жъ сигналу, по повѣсткамъ, собрались пребывающія въ Кіевѣ знатнѣйшія обоего пола особы и знатное дворянство въ Кіево-Печерскій монастырь, въ соборную Успенія Пресвятыя Богородицы церковь.

Въ началѣ 3-го часа императрица, въ сопровожденіи свиты, въ экипажахъ выѣхала въ Печерскій монастырь, въ соборную церковь, къ слушанію Божіей службы; здѣсь ее встрѣтилъ предъ дверьми той церкви, преосвященный Викторъ, съ прочимъ знат-

нымъ духовенствомъ въ церковномъ облаченіи; потомъ, императрица слушала начатую при обыкновенныхъ въ сей день обрядахъ Божію службу, которую отправлялъ соборомъ преосвященный Викторъ, и по возглашеніи воскреснаго тропаря съ Печерской крѣпости была пушечная пальба.

По окончаніи всенощной, императрица въ церкви же, у своего императорскаго мѣста, принимала поздравленіе отъ знатнаго генералитета, отъ всей свиты и прочихъ знатныхъ особъ и жаловала всѣхъ къ рукѣ.

Во время литургіи, при чтеніи св. Евангелія произведена была пушечная пальба съ Кіево-Печерской крѣпости.

По окончаніи же литургіи произведена пушечная пальба съ крѣпостей Печерской и Старо-Кіевской и учиненъ 101 выстрѣлъ.

Литургія кончилась въ половинѣ 5-го часа утра, императрица, пожаловавъ къ рукѣ преосвященнаго и прочихъ духовныхъ, возвратилась во дворецъ. Здѣсь по утру, въ 6-мъ часу, былъ обѣденный столъ, къ которому приглашены: Анна Степановна Протасова, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, графъ Ангальтъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій, Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ, Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ, Александръ Юрьевичъ Нелединской.

Въ столовой кавалерскаго стола не было. По полудни, во 2-мъ часу, съѣхались ко двору находящіяся въ свитѣ знатныя придворныя обоего пола особы и чужестранные министры и собрались въ парадныхъ покояхъ; въ то же время, по учиненной предъ тѣмъ отъ губерніи повѣсткѣ, собраніе имѣли россійскія знатныя обоего пола персоны въ соборную святыя Софіи Премудрости Божіей церковь, что въ Старомъ Кіевѣ.

Въ 3-мъ часу императрица, въ сопровожденіи знатныхъ придворныхъ особъ, въ экипажахъ, прибыла въ Софійскій соборъ; предъ дверьми встрѣчена была того собора духовенствомъ со крестомъ при колокольномъ звонѣ; послѣ вечерни, которую отправлялъ помянутаго собора протоіерей Іоаннъ Леванда съ

прочимъ духовенствомъ, преосвященный Самуилъ митрополитъ кіевскій и галицкій, также означенный протоіерей Леванда, съ бывшими въ служеніи духовными приносили ея императорскому величеству поздравленіе и жаловапы къ рукѣ, причемъ говорена поздравительная рѣчь преосвященнымъ Самуиломъ.

„Всемилостивѣйшая государыня! Наслаждаяся радостію, какову воскресшій Христосъ, Спаситель нашъ, вливаетъ въ сердца вѣрующихъ въ Него, не можемъ не представить и тѣхъ человѣколюбія Его знаковъ, каковыми сопровождаемо было возстаніе Его изъ мертвыхъ".

„Онъ разслабленный безпокойствіемъ духъ и трепещущее отъ страха сердце любезныхъ Своихъ учениковъ ободрилъ и укрѣпилъ сими словами: Миръ вамъ!"

„Онъ объятыя ихъ мысли тмою печалей осіялъ немерцающимъ вѣчнаго веселія свѣтомъ, сказавъ имъ: Радуйтеся!"

„Онъ, бесѣдуя съ ними, отверзе имъ умъ разумѣти Писаніе".

„Всѣ сіи, и прочіе столь горячей Его къ намъ любви знаки, чѣмъ живѣе внемлемъ нашимъ воображеніемъ, тѣмъ совершеннѣе удостовѣряемся о чувствіи радости, разливающейся въ сердцѣ и душѣ твоей, вѣрою и благоговѣніемъ къ воскресшему Христу воспаленной".

„Милость мира, какову мы вкушаемъ подъ благословенною твоею державою; обиліе радости, какову мы въ кротости твоего духа, какъ въ неисчерпаемомъ милосердія источникѣ, почерпаемъ; снисхожденіе и матернія твои бесѣды, коими ободряеши и утѣшаеши чадъ твоихъ; неусыпное твое попеченіе о просвѣщеніи ввѣренныхъ тебѣ народовъ, суть совершенныя доказательства твоего воскресшему Христу сообразованія, твоего истиннаго о возстаніи Его изъ мертвыхъ радованія".

„Усердіе сыновнее и долгъ вѣрныхъ подданныхъ обязываетъ насъ молить воскресшаго Христа, да симъ воскресенія своего низпошлетъ тебѣ силы совершить все то, къ чему матернія и монаршія твои намѣренія для блаженства нашего простираются, и по величію щедротъ, тобою всегда обильно на насъ изливаемыхъ, а паче нынѣ безпримѣрно изливаемыхъ, да даруетъ тебѣ къ нашимъ благодарнымъ чувствіямъ и искрен-

нѣйшимъ желаніямъ соотвѣтствующей". (Изъ журнала Зеркало Свѣта № 70, 1787 г.).

Въ вечеру императрица малое время играла въ карты, приглася къ тому князя Григорія Александровича Потемкина, Мамонова и графа Браницкаго.

29 марта, на другой день Свѣтлаго Праздника, императрица была у литургіи въ Софійскомъ соборѣ и снова посѣтила митрополита Самуила; онъ въ это время былъ совершенно счастливъ, получивъ разрѣшеніе на всѣ свои представленія. Во время пребыванія императрицы въ Кіевѣ, онъ всѣ ходатайства и доклады по духовнымъ дѣламъ представлялъ черезъ графа Безбородка и по болѣзни, не будучи въ силахъ объясняться лично, безпрестанно обращался къ Безбородку съ письменными просьбами. Старика часто огорчали недоразумѣнія и неудачи. по причинѣ вмѣшательствъ въ эти дѣла духовника императрицы Ивана Ивановича Панфилова, пользовавшагося большимъ довѣріемъ императрицы и дружбою Безбородка. Иногда страдало самолюбіе митрополита, но Самуилъ сносилъ все съ кротостію. Такъ, при посвященіи въ архимандриты въ Нѣжинъ начальника кіево-печерской типографіи іеромонаха Ѳеофана Самуилъ письменно спрашивалъ Безбородка, кто долженъ послать рапортъ въ Синодъ о произведеніи Ѳеофана въ архимандриты, онъ или духовникъ? „Мнѣ слѣдуетъ потому, писалъ Самуилъ, что онъ былъ въ лаврѣ Печерской подъ моимъ начальствомъ, а его высокопреподобіе отецъ духовникъ можетъ репортовать потому, что ему высочайшее повелѣніе о произведеніи объявлено". Важнѣйшія представленія митрополита Самуила, высочайше утвержденныя и одобренныя, заключались въ слѣдующемъ:

1) Объ оставленіи академіи навсегда на томъ же мѣстѣ и о мѣрахъ къ ея устройству.

2) Посылать студентовъ академіи въ иностранные университеты для науки.—Любопытенъ докладъ Самуила по этому предмету,—вотъ онъ: „Академія кіевская имѣетъ недостатокъ въ учителяхъ, знающихъ основательно науки, для оной академіи нужныя, также нѣмецкій и французскій языки, хотя же изъ иностранцовъ можно отыскать къ сему способныхъ людей, но

оные требуютъ за труды свои большаго награжденія и не могутъ на россійскомъ языкѣ изъяснять учащимся ни наукъ, ни языковъ оныхъ, безъ чего и хорошихъ успѣховъ въ ученіи ожидать не можно. Посему нужно, выбравъ четырехъ человѣкъ изъ студентовъ академіи, пріобрѣтшихъ довольное понятіе о таковыхъ наукахъ и языкахъ, отличившихъ себя честнымъ поведеніемъ и подающихъ хорошую надежду къ достиженію предполагаемаго намѣренія, послать на академическомъ иждивеніи въ иностранные университеты, гдѣ такія науки процвѣтаютъ и правила оныхъ языковъ изъясняются основательно, дабы симъ образомъ академія могла воспользоваться собственными своими учителями". Самуилъ испрашивалъ и впредь „по прошествіи нѣсколькихъ годовъ, когда надобность востребуетъ" отправлять на такомъ же основаніи.

3) Самуилъ хлопоталъ о пенсіи и пособіи архимандриту кіевскаго Николаевскаго монастыря *Епифанію*, которой по престарѣлости и болѣзни не могъ продолжать эту должность. Епифаній былъ человѣкъ ученый, былъ въ разныхъ семинаріяхъ учителемъ, при высочайшемъ дворѣ проповѣдникомъ, потомъ полтавскимъ протоіереемъ и наконецъ архимандритомъ.

4) Хлопоталъ о пенсіи престарѣлому архимандриту переяславскаго второкласснаго Вознесенскаго монастыря.

5) О переводѣ греческаго Кіево-Подольскаго монастыря, по случаю тѣсноты мѣста ветхости и бѣдности строеній,—въ Кіево-Подольскій Петропавловскій монастырь, который въ то время по высочайшему повелѣнію оставленъ для помѣщенія заштатныхъ монаховъ.

6) О прибавкѣ пенсіи сербскому архимандриту Спиридону Витковскому.

7) О прибавкѣ жалованья греческимъ архіереямъ: Серафиму, митрополиту лакедемонскому, проживающему въ лаврѣ, и Никодиму, живущему въ Николаевскомъ монастырѣ. Всѣ эти доклады и представленія были разрѣшены 15 марта 1787 г. (Госуд. архивъ от. XVIII, с. 47).

Въ этотъ же день при дворѣ былъ большой обѣдъ, къ которому были, сверхъ свиты и другихъ лицъ, приглашены

пріѣхавшіе въ Кіевъ иностранцы и поляки: принцъ де Линь, принцъ Нассау, графъ Браницкій, графъ Мнишекъ съ супругою, князь Сапѣга, графъ Северинъ Потоцкій, князь Сангушко, графъ Машинскій, князь Любомирскій, графъ Миро, графъ Потоцкій, староста гузовскій, англійскій министръ г. Витфортъ, господинъ Тишкевичъ, г. Войковичъ и г. Дубской, камергеры польскіе, г. Тарновскій и г. Гласко, генералъ-маіоры польскіе, староста Рациборскій.

Во вторникъ, на третій день праздника Святыя Пасхи, въ 12-мъ часу утра, въ сопровожденіи свиты, императрица прибыла въ экипажѣ въ дѣвичій Богословскій монастырь, что на Подолѣ; здѣсь у Святыхъ воротъ, по выходѣ изъ кареты, встрѣтили той обители игуменья Ксанфія съ монашествующими и поднесли святую икону Іоанна Богослова, потомъ, при колокольномъ звонѣ, черезъ монастырь императрица прошла въ церковь слушать литургію, которую соборомъ совершалъ духовникъ императрицы Панфиловъ.

По возвращеніи изъ монастыря во дворецъ, во 2-мъ часу, въ аудіенцъ-залѣ представлены княземъ Григорьемъ Александровичемъ Потемкинымъ присланные отъ дворянства таврической области пятеро депутатовъ, изъ коихъ коллежскій совѣтникъ Темиръ-ага Симферопольскій говорилъ на татарскомъ языкѣ привѣтственную краткую рѣчь, послѣ которой онъ и прочіе, дворянскій предводитель Абивелій-ага, коллежскій ассессоръ Мехъ-Мечети, мурза Агринской и Іосифъ Ибрагимъ и дворянской секретарь Гуссейнъ-Хаза, мурза Ширинской пожалованы были къ рукѣ. Обѣдъ былъ въ присутствіи императрицы, къ которому, сверхъ свиты, были приглашены: баронъ Елмптъ, Петръ Ивановичъ Пущинъ, Семенъ Ермолаевичъ Ширковъ, графъ Михаилъ Петровичъ Румянцевъ, Иванъ Степановичъ Кохіусъ, графъ Штакельбергъ, Василій Ильичъ Бибиковъ, графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, генералъ-маіоръ Петръ Лукичъ Волковъ, Василій Васильевичъ Энгельгардтъ, Сергѣй Николаевичъ Салтыковъ, бѣлорусской губерніи предводитель Голынскій съ депутатами, таврической области совѣтникъ Темиръ-ага съ депутатами, господа иностранные послы и прочіе иноземцы: принцъ

де-Линь, родственники онаго, принцы же де-Линь, принцъ Нассау, графъ Браницкій, графъ Мнишекъ, князь Сапѣга, князь Сангушко, графъ Машинскій, графъ Миро, графъ Потоцкій, графъ Диланъ, г. Витфортъ, шевалье де-Ламетъ.

Столъ сервированъ былъ серебрянымъ парижскимъ сервизомъ, кончился по полудни въ 2 часа. Потомъ, въ 5 часовъ, по повѣсткамъ, съѣхались ко двору вся кіевская знать, иностранцы, посланники и дворянство.

Въ 6 часовъ императрица вышла изъ внутреннихъ своихъ покоевъ, въ сопровожденіи статсъ-дамъ, камеръ-фрейлины и прочихъ придворныхъ, въ аудіенцъ-залу, гдѣ тогда же при обыкновенной музыкѣ открытъ балъ, во время котораго императрица играла въ карты, приглася въ свою партію князя Григорья Александровича Потемкина, Александра Матвѣевича Мамонова и австрійскаго посла графа Кобенцеля. Балъ кончился въ 9-мъ часу вечера.

Въ этотъ день вечерни не было, поставленная же во дворцѣ, въ столовой комнатѣ, по случаю Страстной недѣли, полковая церковь собрана и вынесена въ принадлежащее ей мѣсто еще заранѣе въ день св. Пасхи послѣ литургіи.

Во время бала, въ этотъ день при дворѣ музыка была употреблена домашняя фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго и часть полковой пѣхотнаго днѣпровскаго полка. (Изъ Камеръ-Фурьерскаго журнала 1787 г.).

Всю свѣтлую недѣлю императрица ѣздила по монастырямъ и церквамъ, а по утрамъ гуляла въ дворцовомъ саду. Передъ обѣдомъ играла въ билліардъ, алагеръ или въ карты, вечеромъ въ карты и любовалась изъ оконъ на народное гульбище, устроенное передъ дворцомъ съ безплатными качелями.

„Днѣпръ вскрылся на Страстной недѣлѣ и я по очищеніи отъ льду Печерской крѣпости велѣла выполнить невскій обрядъ весь и теперь на крѣпости вѣетъ флагъ, и утреннюю и вечернюю зорю стрѣляютъ, какъ у васъ. Однако еще холодновато, а въ Свѣтлый праздникъ была погода мокрая и съ такимъ туманомъ, что плошки на колокольнѣ, стоя у церкви, не видно было. Съ прошедшими праздниками васъ поздравляю и прошу

поздравить отъ меня великихъ князей. Изъ Кіева, марта 30' 1787" [1]).

„Я здорова, но буде сѣверные вѣтры не перестанутъ такъ сильно дуть, то отъѣздъ мой отселѣ замѣшкается: способа нѣтъ быть на водѣ въ таковой стужѣ. Трава нѣсколько разъ зачала показаться, но паки стужею поостановилась, и такъ мы здѣсь, какъ раки на мѣли. Въ другомъ письмѣ, мною подписанномъ, получите для господъ Протасова, Сакена и Бека знаки моего благоволепія. Надѣюсь, что великіе князья прилежаніемъ наградятъ потерянное ученіе въ время сыпи и кори. Разноязычные отселѣ помаленьку разъѣзжаются, но думаю, что городъ Кіевъ не одну сто тысячу выигралъ, ибо платили по восьмидесяти червонныхъ за дурную квартиру на недѣлю, и думаю, что воевода русскій одинъ здѣсь прожилъ тысячъ болѣе тридцати; у него всякій день былъ столъ для всѣхъ находящихся, у Браницкаго почти тоже, не упоминая о Мнишкѣ и прочихъ, кои столами и экипажами здѣсь щеголяли. Изъ Кіева, апрѣля 9, 1787" [2]).

Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, когда Днѣпръ очистится ото льда, всѣхъ занимало желаніе поскорѣе начать оригинальное путешествіе водою. Наконецъ, 10 апрѣля флотилія, назначенная для высочайшаго плаванія по Днѣпру, вышла изъ Михайловскаго залива противъ Выдубецкаго монастыря. Вице-адмиралъ Пущинъ поднялъ свой флагъ при 9 пушечныхъ выстрѣлахъ съ каждаго судна. Поровнявшись съ Кіево-Печерскою крѣпостью обмѣнялся съ нею салютными 9 же выстрѣлами. Флотилія, продолжая плаваніе при противномъ вѣтрѣ и противъ теченія, остановилась близь Подола (К.-Ф. ж.). На другой день, 11 апрѣля, императрица слушала въ большой церкви Братскаго монастыря, что на Подолѣ, обѣдню, куда отъ дворца провожали молодые мѣщане, особливо на таковой случай назначенные, въ богатомъ уборѣ и на хорошихъ лошадяхъ, а пѣшіе со всѣми цехами и знаками стояли отъ подольскихъ тріумфальныхъ во-

---

[1]) Русск. Архивъ 1864 г., стр. 961.

[2]) Русск. Архивъ, 1864 г., стр. 962.

ротъ до монастыря по обѣ стороны. Студенты же, въ четыре ряда, по обѣ стороны отъ монастырской братьи, до самой церкви, стоя со знаками, пѣли во время проѣзда государыни концертъ; на службѣ, совершенной преосвященнымъ слуцкимъ Викторомъ съ духовникомъ и тремя архимандритами и двумя монахами, посвященъ архимандритомъ въ Нѣжинъ отецъ Ѳеофанъ, бывшій въ Печерской лаврѣ типографщикомъ. Послѣ службы онъ говорилъ императрицѣ, по постриженіи, краткую, благодарственную на русскомъ языкѣ рѣчь, а за нимъ всѣ учители также говорили рѣчи императрицѣ на разныхъ языкахъ. По окончаніи допущены были къ рукѣ служащіе и говорившіе рѣчи; а послѣ, выйдя изъ церкви, ѣхали со всѣми кавалерами и придворными къ магистрату, гдѣ общество купцовъ и мѣщанъ города Кіева угощали императрицу. У кареты ее встрѣтили городской голова, магистратскіе члены съ купечествомъ обоего пола съ хлѣбомъ и солью, а въ залѣ оберъ-камергеръ Шуваловъ представилъ старшину Ефима Митюка, который сказалъ императрицѣ рѣчь отъ купечества. За обѣденнымъ столомъ было 65 приглашенныхъ. У графа Петра Александровича на сей случай взятъ былъ серебряный съ позолотою цѣлый сервизъ съ разными приборами, къ тому принадлежащими. Во время стола палили изъ шести пушекъ, нарочно туда привезенныхъ; а по окончаніи всего, императрица отъѣхала во дворецъ съ бывшими тамъ при столѣ кавалерами. Императрица возвращалась во дворецъ изъ магистрата, предшествуемая мѣщанами верхомъ, а въ магистратѣ для всѣхъ хорошо одѣтыхъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, открытъ былъ вольный балъ при духовой музыкѣ, съ разными танцами, продолжавшійся до десятаго часа. Въ этотъ же день императрица отослала къ королю польскому въ подарокъ верховую хорошую лошадь; вечеромъ былъ во дворцѣ куртагъ, какъ и прежніе (Сынъ Отечест. 1873, мартъ).

12 апрѣля, послѣ обѣда, въ 5 часовъ, собрались ко двору магистратскіе члены, кіевское именитое гражданство, ихъ жены и дочери, для принесенія всеподданнѣйшаго благодаренія за высочайшее посѣщеніе вчерашняго дня магистрата, и въ большомъ залѣ ожидали выхода императрицы изъ внутреннихъ покоевъ.

Въ началѣ 7-го часа императрица прибыла въ залъ и ей представлены: во первыхъ, статсъ-дамою графинею Александрою Васильевною Браницкою кіевскаго именитаго гражданства жены и ихъ дочери, а потомъ оберъ-камергеромъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ представлены магистратскіе чины и именитые граждане и всѣ жалованы къ рукѣ.

„Вы пишете,—писала императрица къ Брюсу,—что Свѣтлый праздникъ у васъ растевелилъ людей, а здѣсь и того нѣтъ. Фельдмаршалъ Румянцевъ поставилъ качели и всякія игры, но здѣшній народъ и при веселіяхъ съ такой же nonchalance, какъ всегда; de ma vie je n'ai vu une province, ou les gens soye plus laid et plus bete, à peine cela se remue-t-il. Виватъ Русь! C'est bien autre chose! morgue! Чужестранныхъ было и есть много, живутъ по здѣшнимъ мерзскимъ шалашамъ и платятъ неслыханныя цѣны. Mais toutes les dames Polonaises sont bien singulières aussi; не знаю, что то въ нихъ есть много замоскворецкаго" (Письмо отъ 14 апрѣля).

Хотя императрица и давала полькамъ эпитетъ замоскворѣцкихъ, но въ числѣ ихъ были такія, которыя ее интересовали,—такъ, напримѣръ, графиня Потоцкая, жена воеводы русскаго, у котораго въ Кіевѣ было болѣе двухсотъ человѣкъ челяди шляхетскаго происхожденія. (Костомаровъ, Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Вѣстн. Евр. 1869, IV). Потоцкая пріѣзжала на балы, украшенная бриліантами на нѣсколько сотъ тысячъ.

„Прикажите, пожалуй,—пишетъ императрица къ Брюсу,—спросить на петергофской алмазной мельницѣ у Роде, нѣтъ ли у нихъ стекляной или хрустальной модели того большаго алмаза, который у меня въ скипетрѣ и, если найдете, пришлите оный ко мнѣ, здѣшнія дамы любопытствуютъ оный видѣть, а имянно графиня Потоцкая, воеводина русская, на которой на самой запросто алмазы по крайней мѣрѣ на полъ-милліона, наипаче жемчуги отличной величины...!"

Во вторникъ 20 апрѣля, предъ полуднемъ, въ 12-мъ часу, по собраніи ко двору свиты и чужестранныхъ министровъ, въ сопровожденіи оныхъ, императрица въ экипажахъ выѣхала для обозрѣнія Печерской крѣпости; у Васильковскаго бастіона встрѣ-

тили артиллеріи генералъ-аншефъ, Иванъ Ивановичъ Меллеръ, оберъ-комендантъ Кохіусъ съ штабъ и оберъ-офицерами кіевскихъ баталіоновъ. По выходѣ изъ экипажей, императрица взошла на земляной валъ, гдѣ поднесенъ былъ отъ генерала-аншефа Меллера Печерской крѣпости планъ, потомъ, начавъ съ Васильковскаго бастіона, императрица проходила вокругъ всей крѣпости, сопровождаемая свитою. Въ началѣ 2-го часа она возвратилась во дворецъ.

Въ 6 часовъ, съѣхались ко двору находящіяся въ свитѣ придворныя обоего пола персоны, знатный россійскій генералитетъ и чужестранные министры, и собрались передъ внутренними покоями; въ началѣ 7-го часа императрица изволила выйдти въ камеру собранія и, по случаю наступающаго дня торжества рожденія великой княжны Александры Павловны, принимала поздравленіе во первыхъ отъ статсъ-дамъ, камеръ-фрейлины и фрейлины, потомъ отъ кавалеровъ и всѣхъ жаловала къ рукѣ.

Въ среду, 21 апрѣля, въ день рожденія императрицы и тезоименитства великой княжны Александры Павловны, предъ полуднемъ, въ 12-мъ часу, императрица, въ сопровожденіи свиты, была у божественной литургіи въ соборной святыя Софіи церкви. При входѣ, встрѣтилъ ее въ облаченіи, со крестомъ, преосвященный Викторъ, архіепископъ переяславскій и бориспольскій съ прочимъ знатнымъ духовенствомъ. По окончаніи литургіи, съ крѣпостей Печерской и Старо-Кіевской производилась пушечная пальба и тогда же, въ церкви, императрицѣ приносили поздравленія преосвященные Самуилъ, митрополитъ кіевскій и галицкій, Викторъ, архіепископъ переяславскій и бориспольскій, Антоній, митрополитъ нинасминскій, царевичъ грузинскій, Серафимъ, митрополитъ лакедемонскій и прочее знатное духовенство, причемъ митрополитъ Самуилъ говорилъ краткую поздравительную рѣчь.

„Всемилостивѣйшая государыня! При возсіяніи всевожделѣннаго дня рожденія твоего, возхищенные неописанною радостію, получаемъ новыя побужденія, чувствуемъ новую обязанность ко изліянію благодарныхъ сердецъ предъ престоломъ Божіимъ и твоимъ монаршимъ“.

„Все протекшее время дражайшія твоея жизни было единъ подвигъ, едино вниманіе нашимъ пользамъ“.

„Каждый день умножалъ число твоихъ благодѣяній. Возходящее и заходящее солнце возобновляло благость твою къ намъ“.

„Все сіе содѣлало и тебя Великою, и насъ блаженными. Нынѣ, достигнувъ новаго счастливаго времени къ воспріятію новыхъ отъ тебя благотвореній, въ какомъ должны мы быть радостномъ восторгѣ?“

„Если, по апостолу, никто же себѣ живетъ, то мы не можемъ не признаться торжественно, что твоя жизнь, есть для нашихъ жизней“.

„Твоему величеству угодно было, для увѣренія о семъ, сказать, что ты сотворена для насъ, что желаешь увидѣть Россію, больше всѣхъ процвѣтающею, что сіе цѣнишь равно, какъ свою жизнь“.

„Безсмертныя твои дѣла доказали и утвердили истину таковаго изреченія“.

„Коликаго оно прославленія и благодаренія достойно! Но мы не можемъ ничѣмъ возблагодарить“.

„Молимъ только отъ всего сердца безпредѣльную благость Божію, да мы, чада твои, радуемся въ должайшія лѣта о тебѣ, какъ радуются дѣти о матери своей, какъ радуются твари о Создателѣ и Вседержителѣ своемъ, и какъ онѣ, повѣдая славу Его, воздаютъ Ему хвалу, тако мы, воспоминая благословенный день рожденія твоего, да возвеселимся о Тебѣ во вѣки“. (Журналъ Зерцало свѣта, 1787 г., № 74).

21 апрѣля, въ день своего рожденія, императрица подписала знаменитый манифестъ о дуеляхъ; Храповицкій въ своемъ дневникѣ оставилъ намъ замѣтки, доказывающія, какъ императрица занималась этимъ дѣломъ съ первыхъ дней своего пріѣзда въ Кіевъ.

„1-го февраля, записалъ Храповицкій въ своемъ дневникѣ, въ 8 томахъ „Энциклопедіи“ діискалъ слова, къ дуелямъ относящіяся, и подалъ, обще съ воинскимъ артикуломъ и морскимъ уставомъ, заложа статьи о поединкахъ. 18. Читано начало манифеста о дуеляхъ, состоящее въ випискѣ приличныхъ статей

изъ грамоты, дворянству данной. 23. Показывалъ манифестъ о д(уеляхъ), гдѣ, послѣ статей, сдѣланъ оборотъ къ неистовству молодыхъ людей. 28. Читано продолженіе манифеста, гдѣ включенъ сильный примѣръ о оскорбленіи величества, различаемаго словомъ или дѣломъ. Марта 5. Переписывалъ два листа манифеста; тутъ сказано: мы сами вынули изъ важнѣйшаго закона о оскорбленіи величества неразличіе слова со преступленіемъ, 482-я статья Наказа. 7. Сдѣлана въ манифестѣ прибавка: переписывалъ листъ. 17. Читаны мнѣ заготовленныя запрещенія въ извѣстный манифестъ. 26. Переписывалъ манифестъ о дуэляхъ; тутъ положенъ примиритель, обязанный прекращать ссору. 27. Прежде пріѣзда спрашивали, когда вошелъ, сдѣлали вопросъ о переписыванномъ мною манифестѣ, и будетъ ли имѣть полезное дѣйствіе? Отвѣчалъ, что превращеніе присутствующаго въ примирителя подаетъ великую надежду, говоря примѣрами. Апрѣля 2. Вопросъ о манифестѣ о дуэляхъ, который я для графа классировалъ и переписывалъ. 21. Подписанъ манифестъ о дуеляхъ".

Объ этомъ манифестѣ бывшій оберъ-камергеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ писалъ изъ своего села Пехорки, 20 мая 1787 года, къ графу Брюсу: „Хотя я и живу въ деревнѣ, но получаю изъ города разнаго рода вѣсти. Сказываютъ, между прочимъ, что манифестъ о дуелѣ, котораго я еще не читалъ и ожидаю, дѣлаетъ въ публикѣ великую сансацію. Въ клобахъ,ваксалѣхъ, гуляньяхъ, ничего другова не говорятъ, какъ объ ономъ, всякой толкуя оной по своимъ мыслямъ". (Изъ главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, изъ бумагъ кн. Голицына).

22 апрѣля, въ 8 ч. утра, всѣ военные и гражданскіе чины, имѣющіе пріѣздъ ко двору съѣхались во дворецъ. Въ 9 ч. къ дворцовому крыльцу подъѣхала императорская двухмѣстная карета, передъ которою ожидали верхами городничій съ губернскою штатною командою и дворянство съ предводителемъ. Въ четверть 10-го часа императрица выѣхала изъ дворца въ Кіево-Печерскую лавру, при колокольномъ звонѣ со всѣхъ монастырскихъ и городскихъ церквей. Впереди кареты верхами ѣхало дворянство, позади генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры. Передъ

церковными дверьми Успенскаго собора государыню встрѣтилъ въ полномъ облаченіи съ прочимъ духовенствомъ архіепископъ Викторъ. Во время молебна митрополитъ Самуилъ читалъ молитву о путешествующихъ.

„Всемилостивѣйшая государыня! Протекли нечувствительно тѣ пріятнѣйшія, тѣ восхитительнѣйшія часы и минуты, въ которыя мы наслаждались свѣтомъ матерняго и монаршаго твоего лицезрѣнія“.

„Нынѣ великое свѣтило, для счастія нашего вѣка и грядущихъ времянъ вожженное, обращаетъ свои благотворныя лучи на другія благословенныя своего владычества предѣлы“.

„Коль сіе для насъ горестно и поразительно! Чувствуемъ совершенно, но изобразить ничѣмъ не можемъ“.

„Апостолъ Павелъ желалъ закрыть очи свои отъ дневнаго свѣта, какъ только облисталъ его невечерній свѣтъ, отъ явленія Христа Спасителя нашего возсіявшій“.

„Мы, толикое время лучами августѣйшія помазанницы Вышняго озаряемые, нынѣ лишась сего счастія, восхощемъ ли съ пріятностію взирать на солнечное сіяніе?“

„Едино то услаждаетъ нашу горесть, что Божественный твой зракъ, живо въ сердцахъ и душахъ нашихъ начертанный, пребудетъ съ нами неотъемлемо; что лучи твоего монаршаго вниманія проницаютъ во всѣ внутренности и самихъ отдаленнѣйшихъ твоея державы концовъ; что матернее твое человѣколюбіе не ограничивается никакими предѣлами“.

„Праведный Симеонъ, узрѣвъ во храмѣ Господнемъ Творца своего, съ миромъ окончалъ жизнь свою“.

„Мы, сподобившіеся созерцать въ сихъ предѣлахъ священнѣйшее лице виновницы всѣхъ нашихъ благъ, будемъ провождать остальные дни наши въ спокойствіи и тишинѣ; воспоемъ милости твоя во вѣкъ; возвѣстимъ щедроты твоя, преизобильно на насъ излiянныя, всему роду грядущему; пролiемъ горячія молитвы ко Всевышнему, да сопровождая благословеніемъ Своимъ священныя твои стопы, въ путехъ Ему угодныхъ, хотя многотрудныхъ, ведущихъ къ отверзенію вратъ благополучія

нашего, сохранитъ тебя въ вожделѣннѣйшемъ здравіи, всесильною Своею десницею".

„Токмо со всеглубочайшимъ смиреніемъ молимъ тебя благоутробнѣйшая матерь отечества! ублажившая благоволеніемъ своимъ градъ сей, „да будутъ очи твои на него отверзты, и сердце твое въ немъ во вся дни живота твоего". (Зерцало Свѣта, 1787 г., № 74).

Приложившись къ св. иконамъ и мощамъ, императрица жаловала къ рукѣ преосвященнаго и прочихъ духовныхъ. Архіепископъ Викторъ сказалъ краткую напутственную рѣчь, и затѣмъ императрица выѣхала изъ монастыря при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ съ крѣпости. Эскадронъ лейбъ-кирасирскаго полка подъ командою генералъ-маіора Василія Васильевича Энгельгардта конвоировалъ экипажъ императрицы. У Николаевскаго монастыря вышелъ на встрѣчу съ крестомъ архимандритъ Амфилохій. Отсюда императрица проѣхала въ Старо-Кіевскій Софійскій соборъ, гдѣ ее встрѣтилъ митрополитъ Самуилъ. Посѣтивъ Михайловскій монастырь, государыня проѣхала черезъ Подолъ къ Днѣпру, гдѣ стояла на якорѣ галерная флотилія. По всему протяженію шествія императрицы стояли купцы, мѣщане, ремесленники и прочіе городскіе жители; въ разныхъ мѣстахъ устроены были тріумфальныя ворота, на которыхъ размѣстились музыканты, встрѣчавшіе императрицу игрою на трубахъ и литаврахъ.

Императрица сѣла въ шлюпку и переѣхала на галеру „Десна". Въ шлюпку приглашены были: статсъ-дама графиня Александра Васильевна Браницкая, графиня Катерина Васильевна Скавронская, камеръ-фрейлина Анна Степановна Протасова, князь Потемкинъ, А. М. Мамоновъ и австрійскій посланникъ графъ Кобенцель. За шлюпкою императрицы, въ шлюпкахъ и баркахъ, переѣхали на галеры остальныя лица свиты, посланники, а также принцы де-Линь, Нассаускій и графъ Браницкій.

Во время переѣзда императрицы съ берега, музыканты военныхъ командъ, бывшихъ на галерахъ, играли на трубахъ и литаврахъ, а солдаты „отдавали фронтомъ честь".

Всѣ лица, назначенныя къ слѣдованію въ путешествіи водяномъ, обѣдали на „Деснѣ“ съ императрицею. Съ галеры „Десна“, послѣ обѣда, императрица перешла на свою галеру „Днѣпръ“. Раздался пушечный выстрѣлъ съ галеры „Днѣпръ“ и передовыя галеры снялись съ якоря. Съ берега началась пушечная пальба, въ церквахъ колокольный звонъ, мѣщане и ремесленники на плотахъ около галеръ стрѣляли изъ ружей, а народъ, толпившійся по обѣ стороны Днѣпра, кричалъ „ура!“ За галерами послѣдовали въ лодкахъ: кіевскій губернаторъ, дворяне, купцы и мѣщане съ музыкою и пѣснями. На галерѣ „Днѣпръ“ былъ поднятъ вице-адмиральскій флагъ. Проходя мимо Печерской крѣпости, обмѣнялись салютами, а въ 6 часовъ вечера пушечный выстрѣлъ съ галеры „Днѣпръ“ далъ сигналъ всѣмъ судамъ стать на якорь. Вся флотилія остановилась противъ Китаевской пустыни, проѣхавъ 10 верстъ. Съ галеры „Днѣпръ“ данъ сигналъ флагомъ, чтобы лица, состоявшія въ свитѣ, явились на галеру „Днѣпръ“. Всѣ собрались въ залу, гдѣ бесѣдовала императрица съ ними до 8 часовъ вечера. Въ 10 часу свита ужинала на столовой галерѣ „Десна“, а въ 10 часовъ на всѣхъ галерахъ военные музыканты играли *зарю* и потомъ, послѣ всеобщей вечерней молитвы матросовъ и военной команды, раздался выстрѣлъ съ галеры „Днѣпръ“ и всѣ новые жители галеры улеглись спать.

Отъѣзжая изъ Кіева, императрица писала къ Брюсу: „Сегодня поѣду обѣдать на свои галеры, а послѣ обѣда съ Божьею помощью пустимся въ путь. Въ пятницу или въ субботу остановимся на весь день предъ Каневомъ, гдѣ находится король польскій, съ которымъ тотъ день и проводимъ, а на завтра, аще Богъ изволитъ, пустимся далѣе. На галерѣ „Днѣпръ“, апрѣля 23, 1787 года“. Вмѣстѣ съ императрицею поѣхалъ маленькій Браницкій, о которомъ она писала гр. Н. И. Салтыкову:

„Вѣкъ не отгадать, кто съ нами на галеры поѣдетъ! Маленькой Браницкой, которому, по моему совѣту, привили оспу. По выздоровленіи еще сталъ веселѣе и забавнѣе, и ежедневно отцу и матери покою не даетъ, чтобъ его повезли ко мнѣ, и онъ всякій вечеръ часа по четыре и болѣе въ моей комнатѣ

рѣзвится со мною, и наконецъ приступилъ ко мнѣ рѣшительно съ просьбою ѣхать со мною, и я беру съ собою до Кременчуга, а тамъ какъ растанемся, не вѣдаю: это дѣло его родителей. Надобно смотрѣть, какъ онъ дерется на шпагѣ съ prince de Ligne, и тотъ съ превеликою шпагою, а маленькой Браницкой съ палкою парируетъ и съ такой замашкой, что удивительно! Этотъ мальчикъ сокровище и всѣхъ насъ очень забавляетъ" [1]).

Г. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Русск. Архивъ, 1864 г., стр. 964,

„ОНЪ ПРИСЯГАЛЪ.“

— И щожъ то за невирна людына! Якъ просывъ, якъ молывъ, а винъ хочъ бы тоби два карбованця давъ! Сказано звирюка!—Хова гроши, якъ собака на сини: сама не исть и другому не дае...

„Та, вы, Гаврыловичу звидки знаете, що въ его е гроши? Може воны на людяхъ теперъ?“

— Эхъ, и не кажить мени! уси, чисто уси говорять, що въ его грошей, якъ у жида. Хиба жъ вы не чулы, що винъ зъ батюшкою розмовлявъ и зъ того часу кладе ихъ у банку.

„А хто це бачивъ?“

— Якъ хто?

„Эге, хто жъ, кажу, бачивъ?“ какъ будто поддразнивая, спрашивалъ Герасименко.

— Хто бачывъ, то бачывъ, абы бачывъ... А я жъ его молывъ, а я жъ его, проклятого, просывъ... Риздво не забаромъ, у хати ничого нема, й того, й того треба, такъ винъ: не дамъ та й годи... Ну, оддячу я ему колысь!.. Долго еще слышно было, какъ, идя по улицѣ позднею порою, Иванъ Петренко сердито ворчалъ, а Герасименко поддразнивалъ его.

Вотъ они завернули въ уличку, и ихъ голосовъ не стало слышно.

Рѣчь шла о старомъ дѣдѣ Трофимѣ Мусіенкѣ. Чужой былъ онъ въ селѣ, пришелъ какъ то давно въ Петровку, поселился на краю села у одной вдовы; вдова умерла, а хата осталась какимъ то образомъ за Мусіенкомъ. Съ той поры Мусіенко

никуда не ходилъ, жилъ въ Петровкѣ и занимался понемногу сапожнымъ ремесломъ. Хорошій онъ былъ сапожникъ: такіе бывало сапоги сошьетъ, что и въ городѣ не найдешь.

Но жилъ онъ какъ то странно; самъ суровый на видъ, и жизнь его была какая то деревянная, сухая, не такая, какъ у другихъ людей. Водки никогда не пилъ, компаніи ни съ кѣмъ не водилъ. Бывало самъ и печь вытопитъ, самъ и обѣдать сваритъ. Самъ и бѣлье постираетъ на рѣкѣ; ни онъ никого, ни его никто не трогаетъ.

Баба Зубачиха (извѣстно языкатая баба на все село, никого не пропуститъ) такъ та говоритъ про Мусіенка „живе (выбачайте) якъ собака“.

Когда разжился немного старикъ, сталъ онъ людямъ на проценты деньги взаймы давать. Дастъ нѣсколько рублей, а въ слѣдующемъ году надо ему возвратить капиталъ и съ процентомъ, вотъ и выйдетъ, что за два рубли надо отдать семь рублей. Люди и рады: Гершко хоть и беретъ за два рубли полтора, а черезъ два или три года выйдетъ, что долженъ ему ужъ пятнадцать рублей. Странно какъ то это у Гершка выходитъ. Конечно, грамотный человѣкъ быть можетъ и пойметъ, а простые люди видятъ только, что платятъ, платятъ и конца нѣтъ. Оттого то и идутъ къ Мусіенку. Гершко не притѣсняетъ: есть деньги—беретъ, а нѣтъ, онъ подождетъ, только процентъ большой положитъ. А Мусіенко ни за какія деньги не отсрочитъ, а придетъ и сдеретъ свое, не выйдетъ изъ хаты до тѣхъ поръ, пока своего не возьметъ. Слезы, горе людское, все ему ни почемъ; онъ не посмотритъ, что можетъ быть человѣку ѣсть нечего, свое возьметъ. Бранили его, хотѣли бить, а ему все равно, беретъ деньги и кладетъ въ карманъ.

Такъ жилъ онъ десять лѣтъ, а въ этомъ году что то странное съ нимъ сдѣлалось: ни гроша никому не даетъ. Ходятъ къ нему, просятъ, молятъ его, не даетъ. „Нема“, говоритъ.

— Дежъ ваши гроши? спрашиваютъ его люди.

„Яки гроши? Хиба ты личывъ ихъ? Геть зъ хаты!“—и конецъ разговорамъ. Не знали что и думать. Стали ему предлагать бóльшій процентъ,—не беретъ, и денегъ не даетъ. Думали,

гадали, отчего бы это такъ. Наконецъ попова наймичка всё сразу и „выявила“. Она разсказывала бабѣ Зубачихѣ, что Мусіенко сталъ очень часто батюшку навѣщать; все разспрашивалъ о банкѣ, куда прячутъ деньги; съ батюшкой и въ Одессу ѣздилъ. А Зубачиха уже отъ себя добавила: „хочъ и живе якъ собака, а гроши сбира на щось добре, бо зъ батюшкой розмовля; а грошы держыть у скляной банци и вси бумажки посолывъ, конечне, щобъ не погнылы“. Такую чепуху наплела, что и ума не приложишь. Конечно, этому не повѣрили, а въ селѣ всѣ думали, что старикъ прячетъ деньги у себя въ хатѣ. Что Мусіенко былъ человѣкъ твердый и умѣлъ „дѣла дѣлать“ (какъ говоритъ Гершко), со всякимъ обойтись—это всѣ знали. Ужъ на что Петръ Савродымъ, и съ тѣмъ Мусіенко умѣлъ обойтись, несмотря на то, что отъ Петра люди убѣгаютъ, а Гершко, такъ тотъ его такъ боится, что, хотя Петръ ему и много долженъ, никогда его и не спроситъ про деньги. Савродымъ, еще когда былъ хозяиномъ, бралъ деньги взаймы, а какъ посидѣлъ въ тюрьмѣ и вышелъ оттуда, то прямо и сказалъ: „не дамъ никому, бо ничого не маю“. Лошадей, возъ, волы всё продали за судебныя издержки, а коровъ самъ продалъ и деньги пропилъ, прогулялъ. Послѣ того частенько пропадалъ на недѣлю, другую, а пріѣдетъ домой на хорошихъ лошадяхъ, на нихъ красивая сбруя, самъ хорошо одѣтый. Извѣстно воръ на всё село.

„Я, говоритъ, у васъ не краду, такъ я и не злодій. Не маете силы та воли зослать мене на Сибырь, на вичне поселеніе. Бувъ дурный, въ своему сели кравъ—посадылы у острогъ, а теперъ годи! Не піймали, то й не злодій!“

Вотъ что говорилъ Савродымъ громадѣ, когда къ нему приставали съ разспросами, гдѣ онъ лошадей достаетъ.

Одинъ таки изъ нашихъ селянъ, „одинъ чоловичокъ“ подслушалъ разговоръ Мусіенка съ Савродымомъ. Какъ то вечеромъ этотъ селянинъ, стоя за скирдою на гарманѣ, видитъ, что Мусіенко стоитъ около загаты, а Савродымъ въ огородѣ.

— Ты грошы мени отдасы черезъ тры дни,—какъ будто топоромъ рубнулъ Мусіенко.

„Не дававъ, тай не даватыму“, отвѣчаетъ, усмѣхаясь, Савродымъ.

— Писля завтра—се буде понедилокъ; у понедилокъ оддасы уси чысто зъ процентами — двисти карбованцивъ, — будто не слыша, говоритъ Мусіенко.

„Дежъ я визьму ихъ? Ждали бильше, пидождете ще трохы, а то й зовсимъ не дамъ, та ще“...

— Ну: ще, яке твое ще?

„Та ще буде те, що и другимъ було—бытыму“...

— Бытымешъ?! то й гараздъ. А въ понедилокъ ты мени виддасы уси гроши до копійки. А ты, Петре, чувавъ колы про те, що за пидпалену хату на Сибырь йдуть?

„Чувавъ, такъ що зъ того?“

— А чы не чувавъ ты, що у сели Турбаяхъ була пожежа и коней зъ десятеро пропало на той часъ? Мовчышъ, не чувъ? Кажуть люде, що старій Мусіенко бачывъ того злодія...

„Що вы мене лякаете? Не боюсь я васъ“.

— Кажуть люде, та то може брехни, що Мусіенко ще бачывъ когось зъ сывыми киньми, нимецькими...

„Ты кони купо:ани“, перебилъ его Савродымъ.

— А! а й ты про ихъ знаешъ? Годи, хлопче, шутковать. Памьятай про Сибьрь, понедилокъ и мои гроши—снова отрубилъ Мусіенко и пошелъ къ себѣ.

А что Савродымъ въ воскресенье продалъ и лошадей и сбрую и въ понедѣльникъ отдалъ Мусіенку деньги 200 рублей, такъ это на людяхъ было.

„Невирна людына“ старый Мусіенко, какъ его назвалъ сердитый Иванъ Петренко, странно какъ то обходился съ людьми. Есть въ селѣ баба Горпына. На всё село козакъ. Какъ только открытъ былъ новый судъ, она первая судилась и съ того времени все судится. Каждый годъ сидитъ она подъ арестомъ; отсидитъ свое и опять принимается за прежнее. А „невирна лю-

дына" Мусіенко далъ ей взаймы денегъ и къ Покрову получилъ ихъ обратно. Всѣ сосѣди видѣли, какъ онъ пошелъ къ ней, а Марта Нетуды-витеръ смотрѣла въ окошко и своими собственными глазами видѣла, какъ Мусіенко долго говорилъ съ Горпиною. Черезъ окно не слышно было о чемъ шла рѣчь, а только Горпина махала руками, кричала, бралась за качалку и показывала на дверь, а послѣ успокоилась, сѣла и начала прясть. Тогда заговорилъ что то Мусіенко медленно, тихо; долго говорилъ, всталъ съ лавки и сталъ креститься, показывалъ рукою на образъ св. Николая, грозно смотрѣлъ на Горпину и опять на образъ. Горпина встала, что то сказала, и Марта видѣла, какъ Горпина открыла сундукъ, вынула нѣсколько бумажекъ и отдала ихъ Мусіенку.

Давалъ онъ этимъ и получалъ отъ нихъ безъ слезъ: давали отъ достатка, или краденое, да и Горпина не бѣдная. А были и такіе, что горько плакали...

Вдова Анисья въ позапрошломъ году, какъ ни старалась, но ни хлѣба, ни сѣна не уродило; взяла она у Мусіенка 50 рублей. За три года наросло процентовъ 45 р. За эти деньги Мусіенко всё какъ есть продалъ: и корову, и хлѣбъ, и лошадокъ. Когда уводили съ ея двора скотъ, она плакала, какъ по мертвому. Четверо дѣтей остались безъ куска хлѣба на зиму. А Мусіенку всё равно: „нехай, каже, мруть, колы нема хлиба. То брехни; не мерли и не вмруть. А якъ берешъ, то треба виддаваты"...

Какъ разъ въ Филипповку морозу еще не было, густой туманъ стоялъ стѣною, только изрѣдка онъ разсыпался мелкимъ дождемъ. Темень ночью такая была, что въ двухъ шагахъ человѣка не увидишь.

Петровка спала.

Третьи пѣтухи уже пропѣли. Только на самомъ краю села мерцалъ въ оконцѣ огонекъ: это свѣтилось у Мусіенка. Старый Трофимъ сидѣлъ на печи; подлѣ него горѣла восковая

свѣчка; онъ громко читалъ Священное Писаніе. Мѣрно, ровно раздавался его старческій голосъ: „Iисусъ же рече ученикомъ своимъ: аминь, глаголю вамъ, яко неудобь богатый внидетъ въ царствіе небесное, паки же глаголю вамъ, удобѣе есть верблюду сквозѣ иглины уши пройти, неже богатому въ царствіе Божіе внити“...

И онъ перекрестился. „Охъ, охъ грѣхи мои тяжкіе“...

Подъ окномъ кто то быстро прошелъ; одинъ, два, три человѣка пробѣжали. Петли у двери сорваны, и она съ шумомъ повалилась.

Четыре человѣка быстро вошли въ хату. Мусіенко онѣмѣлъ.....

„Гроши! стара собако!“ прошипѣлъ Петръ Савродымъ и кинулся къ старику. „Бый его!“ сказалъ другой, и одинъ изъ нихъ ударилъ Мусіенка. Мусіенко упалъ съ печи на полъ. „Гроши давай! Умивъ грабувать, та людей обдырать? Одвитъ держы. Годи тоби знущатьця надъ биднотою, та голотою!“

— Гроши! ударилъ его ногою третій разбойникъ.

„Немае, немае, ей же Богу немае“...

— А! Такъ ты такый? Мукы ему проклятому! сказалъ Савродымъ.

Всѣ кинулись къ Мусіенку, связали его и желѣзомъ били по головѣ. Ударятъ и ждутъ, что онъ скажетъ.

Мусіенко молчитъ.

„Ломай ему руки!“ изступленно закричалъ Савродымъ...

Что то хрустнуло, разъ — другой... Мусіенко тяжко застоналъ.

— Дай, дай ще!... и старикъ замеръ и умолкъ.

Разбойники бросились къ сундуку, сняли полъ, развалили печь, лазили на чердакъ и нашли только десять рублей.

— Де гроши, стара собако?

„Ой, нема... вси... вси... отдавъ... Пустить христыянскою смертью вмерты... едва простоналъ Мусіенко.

— Колы такъ,—бый его на смерть, а то выявить! Бый, бый его! сказали трое и подскочили къ нему.

— Геть! Нетреба! Одлый его водою. Отлили, подняли старика и посадили.

Савродымъ снялъ икону, поставилъ на столъ, положилъ и святое Евангеліе, снялъ съ шеи Мусіенка крестъ.

— Присягайся, що не выявишъ насъ, або убьемо якъ собаку, здохнешъ безъ покаянія. Клянысь!

„Присягаюся... Богомъ... клянуся, що не выявлю моихъ ворогивъ... Нехай душа моя горитыме на тому свити... у пекли, якъ выявлю... клянуся! едва, едва промолвилъ Мусіенко, окровавленными губами поцѣловалъ икону, крестъ и Евангеліе и замертво повалился на полъ.

Разбойники быстро выбѣжали изъ хаты... Свѣчка тускло горѣла, вспыхнула разъ, два и потухла. Въ хатѣ стояла мертвая тишина. Старикъ замученный, избитый, весь въ крови, раскинулся и тяжко хрипѣлъ...

Рано утромъ бабы, идя по воду, увидали открытыя двери въ хатѣ Мусіенка. Онѣ подошли ближе и замѣтили, что оттуда выбѣжала собака. Заглянули въ хату и увидѣли Мусіенка: онъ лежалъ весь въ крови безъ чувствъ. Испуганныя бабы побѣжали въ правленіе.

Сбѣжались староста, соцкій, понятые; старикъ Мусіенко едва дышалъ; вскорѣ прибѣжалъ урядникъ и становой. Побитаго Мусіенка положили на возъ и полумертваго повезли въ „земскій пріемный покой“, а начальство стало дознавать, какъ и кто бы могъ совершить такое злодѣяніе. Пошли людей разспрашивать, а вѣдь извѣстно, гдѣ ихъ искать—въ шинкѣ. Позвали Гершка, спрашиваютъ не слышалъ ли чего нибудь. Гершко божится, клянется, что ничего не слышалъ, не видѣлъ; у него никого съ вечера не было, только заходили хозяева—Гера-

сименко, Петренко, Удовинъ, да Петръ Незабудько; а больше никого не было. А это все хозяева—люди честные.

Не слышалъ ли рѣчей какихъ?

Рѣчей не было, а былъ разговоръ, только онъ, Гершко, не знаетъ о комъ.

Говорилъ Петренко, что просилъ у кого то денегъ, а онъ, и тутъ Петренко сказалъ: „старая собака", денегъ не даетъ. А больше ничего не было, потому что у него только хозяева бываютъ, а „шарлатануфъ" онъ къ себѣ не пускаетъ. И еще Петренко сказалъ: „ну оддячу я ему, „пашкидстве". А больше ровно ничего; онъ и десять разъ готовъ присягать; пусть его Богъ сохранитъ, чтобъ у него бывали разбойники и убійцы; у него вѣдь дѣтки и Гершуню, и Лейбуню, и Ривкэ, и Хайкэ...

Призвали Петренка, Герасименка, Ивана Удовина, Незабудька, и дѣйствительно оказалось, что Петренко говорилъ о томъ, какъ былъ съ вечера у Мусіенка, просилъ денегъ, а тотъ не далъ, и Петренко былъ этимъ раздосадованъ. Послѣ этого нечего уже и разговаривать; виновный нашелся. Петренка забрали, связали и посадили въ „холодную".

Только на селѣ этому не повѣрили. Старые молчали, потому что хорошо знали въ какую бѣду попадешь съ разговорами, а молодые, тѣ поубѣгали изъ села, бѣжали отъ бѣды. Только Герасименко, сильно хвативши водочки, такъ и лѣзъ всѣмъ на глаза, его уводятъ люди, а онъ все свое:

— Брехня! Брехня! Петренко лаявъ Мусіенка и я его лаю... Такъ щожъ зъ того?

— Та цыть же ты, скаженный! Хиба й мы не знаемо, що Петренко не такій, але мовчымо.

— А мени що? Лаявъ винъ, и я лаю: собаци—собача смерть...

— Ахъ ты Боже жъ мій! Та собака винъ и е, а ты мовчы, говорилъ соцкій и тащилъ Герасименка прочь отъ волости.

— Що правда, то не грихъ... тихо говорили старики на улицѣ. „Богато винъ грабувавъ".

— За грихы быто, добавилъ дѣдъ Опанасъ; на то Божа воля.

— Гооосподы! й що вы тутъ говорыте диду?“ заговорилъ, подбѣгая соцкій. Разходытесь геть! И якы грихы тамъ?! прибавилъ онъ и побѣжалъ дальше,. почесывая затылокъ.

— Яки грихы? Процентъ—оце й грихъ, велыкій грихъ, проговорилъ дѣдъ и поплелся домой. Люди разошлись, а въ волостномъ правленіи становой приставъ что то скоро, скоро писалъ.

Цѣлыхъ три дня возился докторъ около Мусіенка, пока онъ очнулся и могъ заговорить. Тогда пришелъ судебный слѣдователь и сталъ разспрашивать, какъ было дѣло, какъ мучили и грабили Мусіенка.

Старикъ тихо, слово за словомъ разсказалъ, какъ они вошли, какъ его били, руки ломали, какъ деньги забрали десять рублей, и какъ онъ присягалъ не выдавать своихъ враговъ—мучителей.

Слѣдователь все записалъ и прочелъ Мусіенку написанное:

— Ну что, диду, такъ я записалъ?

— Такъ... по правди.

— Добре, а теперь скажите, кто же это они? Вы же узнали ихъ?

— Пизнавъ и знаю двохъ.

— Кто же они? Какъ ихъ имя и прозвище? Первый, конечно, былъ Петренко?

— Хто такый?

— Петренко, говорю, былъ?

— Ни, Петренка не було...

— Какъ не было? сгоряча спросилъ слѣдователь, а послѣ прибавилъ спокойнѣе,—ну, не было, такъ и не было. А ктожъ былъ?

Старикъ молчалъ.

— Ктожъ, диду, былъ, кто васъ мучилъ?

Дѣдъ смотрѣлъ на слѣдователя, широко открывъ глаза.

— Кто, говорю, диду, билъ васъ?

— Цего... хто бувъ... хто бывъ мене—не скажу.

— Какъ? не скажете имя своихъ вороговъ?

— Не скажу... Я присягавъ, я крестъ цилувавъ.... Я клявся и божывся не сказать...

Долго, долго разспрашивалъ слѣдователь дѣда, говорилъ ему, что это не только его враги, но враги и другихъ людей, что сегодня они его били, а завтра другихъ убьютъ; долго говорилъ онъ со старикомъ, но Мусіенко больше ничего не отвѣчалъ, молчалъ.

Черезъ недѣлю докторъ ужъ и не пошелъ въ покой, сказалъ, что Мусіенко не доживетъ до вечера.

Эта вѣсть облетѣла все село, всѣ ждали, что вотъ-вотъ зазвонятъ по его душѣ. Но никто не пожалѣлъ его—не любили его...

Поздно вечеромъ фельдшеръ пошелъ ужинать, сторожъ тоже ушелъ изъ покоя. Мусіенко тяжело дышалъ.

Среди этой тишины кто то тихонько открылъ двери, вошелъ въ комнату и сталъ около постели умирающаго.

То былъ Петръ Савродымъ. Лицо его было блѣдно, онъ тяжело дышалъ.

Мусіенко открылъ очи и взглядъ его упалъ на Савродыма.

Какъ блескъ молніи, мелькнула на лицѣ старика тихая, ясная, ласковая улыбка, губы его раскрылись...

Сивродымъ бросился, крѣпко припалъ къ старику и что то говорилъ ему, быстро говорилъ...

— Богъ простыть! прошепталъ дѣдъ...

Рано утромъ зазвонили по душѣ Трофима Мусіенка.

Люди крестились и простили ему. Тогда же и виновные были обнаружены. Петръ Савродымъ принесъ повинную и назвалъ своихъ товарищей.

Димитрій Марковичъ.

Нѣсколько новыхъ стоянокъ каменнаго вѣка по Днѣпру и его притокамъ.

Въ моей статьѣ — „Первобытный человѣкъ на берегахъ рѣки Днѣпра вблизи г. Кіева“ [1]) приведено описаніе стоянокъ, расположенныхъ на песчаныхъ буграхъ по обоимъ берегамъ Днѣпра, начиная отъ Кіева, внизъ верстъ на 50.

Лѣтомъ 1890 г. мной были произведены изысканія какъ на томъ же протяженіи, такъ и ниже. Спустившись до Кременчуга, я сдѣлалъ по дорогѣ развѣдки въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ для этого представлялся удобный случай. Такимъ образомъ, настоящая замѣтка, въ которой сообщаются результаты поѣздки, служитъ дополненіемъ и отчасти продолженіемъ вышеназванной статьи.

Характеръ мѣстностей, на которыхъ находятся новыя стоянки, совершенно такой же, какъ и прежнихъ. Именно, песчаные бугры, лежащіе или внизу на луговой террасѣ Днѣпра, или же на средней песчаной. Бугры иногда покрыты лѣсомъ,— въ этомъ случаѣ можно было догадываться о присутствіи здѣсь первобытнаго человѣка, изслѣдуя лишь небольшія котловины или откосы, гдѣ песокъ обнажился; иногда же бугры имѣютъ видъ открытыхъ песчаныхъ розсыпей. Во время настоящихъ изысканій большинство бугровъ было неудобно для наблюденій, т. к. культурный слой почти вездѣ занесенъ пескомъ. Оставались открытыми только небольшія площадки.

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1890 г., апрѣль.

На этотъ разъ мы поднимемся немного выше Кіева и начнемъ съ бугровъ, лежащихъ на лѣвой сторонѣ, между сс. Староссельемъ и Сваромьемъ черниг. губ. остерск. у.

1) Если взойти на гору у Межигорскаго монастыря, то напротивъ, на другой сторонѣ Днѣпра, видна гряда бугровъ, идущая параллельно теченію рѣки. Отъ Днѣпра и отъ виднѣющагося вдали лѣса она отдѣляется довольно широкимъ лугомъ; у подошвы бугровъ въ сторонѣ Днѣпра течетъ небольшая рѣчка Косарь. Почти посреди гряда эта раздѣлена болотцемъ, такъ что получается двѣ группы—одна сѣверная, идущая почти до изгиба, который дѣлаетъ Днѣпръ у с. Сваромья, другая же лежитъ ближе къ с. Староселью; на этой то послѣдней главнымъ образомъ и сосредоточивались находки. Но и здѣсь онѣ встрѣчались только въ самой возвышенной части бугровъ, которая прилегаетъ къ болотцу; также и въ другой, сваромской группѣ, кое что попалось лишь на площадкѣ сейчасъ у болота; въ другихъ же мѣстахъ бугровъ почти ничего не найдено. Культурный слой былъ обнаженъ лишь въ тѣхъ мѣстахъ, которыя наиболѣе подвергались дѣйствію вѣтра, въ остальныхъ же вездѣ занесенъ чистымъ пескомъ. Осколки кремня, кремневыя орудія и черепки указывали, что здѣсь была стоянка. Цѣлыхъ кремневыхъ орудій найдено очень немного: два-три подправленныя острія, скребокъ, да нѣсколько ножичковъ, вотъ и все. Всѣ орудія небольшія и приготовлены на мѣстѣ, такъ какъ тутъ же найдено много осколковъ, оставшихся отъ выдѣлки. Глина почти во всѣхъ, найденныхъ здѣсь, черепкахъ хорошо выдѣлана безъ примѣси кварца; обжигъ также хорошъ—не смотря на то, что стѣнки сосудовъ были иногда довольно толсты, обжигъ прошелъ насквозь и черепковъ съ плохо выжженными прослойками встрѣтилось немного. О формѣ и размѣрахъ сосудовъ трудно судить, т. к. найдены только небольшіе куски; что касается днищъ, то большинство найденныхъ были плоскія; нашлось только одно конусообразное и притомъ орнаментированное. Въ орнаментикѣ сосудовъ первоначальная грубая дырочка встрѣчается рѣдко, преобладаютъ орнаменты изъ неглубокихъ и продолговатыхъ углубленій, расположенныхъ рядами;

былъ также орнаментъ въ видѣ шишекъ и кромѣ того изъ сочетаній прямыхъ линій; орнаментомъ покрыты и края сосудовъ. Чере ки и кремневыя орудія совершенно аналогичны съ таковыми другихъ стоянокъ по Днѣпру.

2) На другой сторонѣ, немного ниже древняго Вышгорода, между опушкой городского лѣса и Днѣпромъ находится группа бугровъ; бугры эти составляютъ конечный сѣверный пунктъ той возвышенности, которая окружаетъ Оболонь.

Одни изъ бугровъ покрыты дерномъ, вершины другихъ развѣяны и состоятъ изъ сыпучаго песка. При осмотрѣ этой группы только на одномъ бугрѣ, стоящемъ крайнимъ къ с. Вышгороду, найдена куча черепковъ; подобравши черепки въ томъ мѣстѣ, при помощи щупа была найдена и отрыта на глубинѣ нѣсколькихъ вершковъ верхняя часть большого сосуда, лежавшаго отверстіемъ внизъ; подобранные на поверхности черепки составляли уже разрушившуюся остальную часть сосуда и но; поперечникъ отверстія 19 снт.; глина приготовлена и выжжена хорошо, ободокъ украшенъ простымъ орнаментомъ, произведеннымъ вдавливаніемъ пальца. Кромѣ этого сосуда бугры подъ Вышгородомъ не дали ничего.

Изъ предметовъ, найденныхъ въ этомъ году на прежнихъ стоянкахъ, интересенъ кремневый ножъ изъ с. Никольской Слободки черниг. губ. остерск. у.; онъ 13 снт. длины и 2—3 снт. ширины, края подправлены мелкими ударами; къ сожалѣнію ножъ найденъ разбитымъ на три части. На стоянкѣ между с. Пироговымъ и д. Литовской Витой кіевск. у. собраны черепки, изъ которыхъ удалось сложить часть сосуда, орнаментированнаго возлѣ ободка продолговатыми углубленіями съ перегородками, какъ извнутри, такъ и снаружи сосудъ густо покрытъ дендритами. Прослѣжено, что бугры этой стоянки тянутся дальше за д. Литовскую Виту, хотя здѣсь они покрыты дерномъ и молодымъ соснякомъ; замѣчено также, что кремневыя орудія и осколки сосредоточиваются въ одномъ мѣстѣ, а черепки въ другомъ.

3) Выше с. Пирогова, у подошвы Китаевской горы, находится дубовый лѣсъ, называемый „Бычки"; лѣсъ этотъ болоти-

стый, но между низменными мѣстами возвышаются песчаные бугры; они покрыты дерномъ и деревьями. Въ одномъ мѣстѣ дернъ разрушился и тамъ поднято нѣсколько грубыхъ черепковъ, на одномъ орнаментъ въ видѣ дырочекъ; сдѣлавши здѣсь пробную яму, я на разной глубинѣ нашелъ нѣсколько такихъ же черепковъ; черепки одинаковой конструкціи съ пироговскими. Противъ этого лѣса въ оврагѣ Китаевской горы находится около десяти выкопанныхъ въ лесѣ пещеръ.

Такіе же незначительные результаты дали и слѣдующія ниже три мѣстности. Онѣ имѣютъ значеніе, какъ указанія на будущее время.

4) Верстъ восемь ниже с. Пирогова, на болотѣ у с. Ходосовки, расположенъ небольшой выселокъ; крестьянскія усадьбы размѣстились на песчаныхъ буграхъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ по бокамъ улицы изъ песка вываливаются грубые черепки.

5) На горѣ за Ходосовкой, по дорогѣ въ с. Креничи, между послѣдними хатами и мельницами, на песчаной поверхности подобрано днище и нѣсколько черепковъ отъ сосудовъ, сдѣланныхъ безъ гончарнаго круга, въ глину примѣшано много крупнаго кварца; эта песчаная возвышенность составляетъ лѣвый берегъ безымяннаго ручья, текущаго изъ става с. Креничей и впадающаго въ р. Король.

6) Ниже Ходосовки версты четыре, противъ с. Подгорецъ, среди болота находится сосновый лѣсъ, а подлѣ него выселокъ, носящіе названіе „Обирокъ“. Лѣсъ растетъ на идущихъ рядами песчаныхъ буграхъ. Въ сѣверо-восточной части лѣса одинъ изъ бугровъ осунулся; вмѣстѣ съ пескомъ обнажилось много черепковъ, на одномъ орнаментъ веревочкой.

Мѣстность села Подгорецъ представляетъ большой интересъ въ виду сдѣланныхъ тамъ находокъ. Въ 1889 году крестьянинъ, вспахивая на горѣ одинъ бугоръ, по мѣстному „шпыль“, носящій названіе „Шовковый садъ“, плугомъ поднялъ изъ земли горшокъ, въ которомъ находился свернутый широкій бронзовый поясъ, покрытый богатымъ звѣринымъ орнаментомъ. Вмѣстѣ съ поясомъ въ горшкѣ находилось что то въ родѣ круглой пряжки и кусочки съѣденнаго ржавчиной желѣза.

Горшокъ, въ которомъ былъ спрятанъ поясъ, разбитъ плугомъ и отъ него сохранилось только нижняя часть; онъ сдѣланъ безъ гончарнаго круга, не совсѣмъ обожженъ, носитъ характеръ совершенно одинаковый съ черепками близъ лежащихъ стоянокъ. Поясъ этотъ переданъ священникомъ с. Подгорецъ о. А. Каменскимъ въ кіевскій церковно-археологическій музей. Въ окрестностяхъ села встрѣчаются также и каменныя орудія; въ моемъ собраніи есть оттуда кремневый наконечникъ съ подправленными краями $9^1/_2$ сант. длины; о другомъ кремневомъ орудіи, по всей вѣроятности, ножѣ крестьянинъ с. Подгорецъ мнѣ разсказывалъ, что находчикъ употреблялъ кремень для выкрешиванія огня, предварительно разбивъ орудіе на куски. Въ Подгорцахъ есть и пещера, она находится въ урочищѣ „Чернечки“ и еще не изслѣдована.

7) Стоянка у д. Зарубинецъ каневскаго у. О существованіи этой стоянки было извѣстно раньше по сообщенію проф. Н. Я. Армашевскаго, который представилъ въ музей древностей университета св. Владиміра нѣсколько черепковъ. Возлѣ д. Зарубинецъ нагорный берегъ входитъ въ долину Днѣпра высокимъ мысомъ, который называется „Зарубына Гора“, плотовщики-бѣлоруссы зовутъ его „Батурова Гора“; на немъ есть курганы и стоятъ каменные кресты. Съ правой стороны Зарубыной Горы находится мысъ, гораздо меньшій, — это „Мала Гирка“; поверхность этой послѣдней состоитъ изъ сыпучаго песка, перемѣшаннаго съ крупнымъ гравіемъ. Вершина горы разрыта и попорчена при добываніи жернововъ, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва не тронута, на поверхности лежитъ и торчитъ изъ песка множество черепковъ. Черепки такіе же, какъ и въ другихъ стоянкахъ [1]); преобладаетъ орнаментъ изъ налѣпленныхъ полосокъ; особенно оригиналенъ одинъ—широкія налѣпленныя полоски, повидимому, составляли прямоугольныя фигуры, на полоскахъ сдѣланы частыя углубленія пальцемъ; черепокъ, орна-

[1]) Скажемъ кстати, для избѣжанія частыхъ повтореній, что и на другихъ песчаныхъ стоянкахъ, которыя ниже слѣдуютъ, всѣ черепки носятъ одинъ и тотъ же характеръ, какъ въ составѣ глины и обжигѣ, такъ и орнаментѣ.

ментированный дырочкой, попался только одинъ; кромѣ того есть орнаменты шишками, насѣчками, веревочкой. Днища были или плоскія, или на кольцеобразной ножкѣ—какъ у м. Триполья. Кремневыхъ орудій и даже осколковъ кремня здѣсь совсѣмъ не встрѣтилось. Найдено нѣсколько кусочковъ бронзы, трехгранная стрѣла и бронзовая полоска, свернутая въ трубочку.

Изъ предметовъ, найденныхъ вблизи Зарубинецъ, отмѣтимъ большой каменный молотъ изъ окрестностей м. Трактомирова, находящійся у А. В. Гудимъ-Левковича; затѣмъ, по словамъ крестьянина Василія Македони изъ лежащей поблизости д. Луковицы, имъ было найдено какое то кремневое орудіе, къ сожалѣнію утраченное.

8) За Каневомъ, ниже Тарасовой Горы, по берегу тянется рядъ урочищъ: „Велыке Городыще", „Мале Городыще", „Марьина Гора", и наконецъ, „Княжа Гора", выдавшаяся мысомъ въ долины Днѣпра и впадающей въ послѣдній въ этомъ мѣстѣ рѣки Роси. Княжа Гора, по всей вѣроятности, составляла часть лѣтописнаго города Родни, находившагося при устьѣ Роси; предметы, отрываемые на горѣ, подтверждають это. Изслѣдователями въ этомъ случаѣ являются крестьяне близъ-лежащаго села Пекарей, которые въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ изрыли почти всю гору. Рыли они не попусту. Не говоря о мелкихъ и не имѣющихъ цѣнности металла вещахъ, каковы желѣзные и мѣдные наконечники стрѣлъ, желѣзные топоры, кирки, косы, серпы, замки, бронзовыя кольца, пряжки, браслеты, различныя бусы, стеклянные браслеты, наконецъ, кресты каменные и бронзовые, тѣльные и складные, кладоискателей привлекають главнымъ образомъ нерѣдко находимыя серебряныя и золотыя вещи, по большей части украшенія: шейныя гривны, головныя повязки, застежки, серьги, браслеты, перстни и кольца. Въ последнее время, кромѣ этихъ предметовъ, стали попадаться вещи и другого рода. Между различными предметами велико-княжеской эпохи, найденными на Княжей Горѣ и пріобрѣтенными мною у крестьянъ с. Пекарей, были также: а) обломокъ каменнаго молотка съ остатками дыры, поверхность молотка сильно разрушена, такъ что сохранились только самые незначительные

слѣды шлифовки; два діоритовые конусообразные стержня, оставшіеся отъ сверленія отверстій; каменное шлифованное орудіе, служившее, можетъ быть, для растиранія зеренъ, верхняя часть его отбита; б) глиняная пряслица, сдѣланная изъ черепка, глиняныя грузила въ видѣ плоскаго цилиндра, конуса и въ видѣ двухъ конусовъ, сложенныхъ основаніями; на нихъ орнаментъ параллельными вертикальными полосками; черепки отъ сосудовъ; выдѣлка глины ихъ другого характера чѣмъ на черепкахъ изъ песчаныхъ стоянокъ—они гораздо плотнѣе и лучше обожжены, хотя все-таки сдѣланы не на гончарномъ кругѣ; орнаментъ на нихъ изъ налѣпленныхъ полосокъ; въ одномъ изъ черепковъ продѣлана сквозная дыра, такъ что онъ могъ служить грузиломъ; в) остріе изъ обломка кости 4-хъ снт. длины, костяное остріе отточенное съ 4-хъ сторонъ, такой же длины; костяной наконечникъ стрѣлы въ видѣ лопатки; г) кусокъ песчаника съ продольными бороздами, получившимися отъ оттачиванія орудій. Эти предметы указываютъ на то, что Княжа Гора была обитаема гораздо раньше великокняжеской эпохи; кромѣ того, нахожденіе конусовъ, полученныхъ при сверленіи, даетъ право считать Княжу Гору мѣстомъ, гдѣ приготовлялись шлифованныя каменныя орудія; на присутствіе здѣсь фабрики указываетъ также поступившій отсюда въ собраніе I. Хойновскаго каменный молотокъ, не вполнѣ еще отшлифованный и безъ дыры. Наканунѣ моего пріѣзда въ с. Пекари евреемъ торговцемъ древностями былъ купленъ, происходящій съ той же Княжей Горы, цѣлый каменный молотокъ, повидимому боевой, какъ можно было судить по разсказамъ крестьянъ; куда онъ поступилъ, не знаю. Кромѣ того, есть указанія на то, что на Горѣ попадаются типичныя вещи бронзоваго вѣка, и что тамъ даже существовало производство таковыхъ. Относительно того, въ какомъ положеніи находились каменныя и костяныя орудія по отношенію къ предметамъ великокняжеской эпохи, крестьяне „копачи" мнѣ говорили, что нѣтъ различія: какъ тѣ, такъ и другія вещи попадаются вмѣстѣ, на одинаковой глубинѣ; во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ можетъ быть выясненъ только систематическими раскопками.

9) Противъ Княжей Горы, на противоположномъ полтавскомъ берегу (золотоношск. у.), обширной площадью раскинулись песчаные бугры. Начиная отъ с. Келеберды бугры поднимаются все выше, подходятъ къ м. Прохоровкѣ, огибаютъ ее и, уже достигши значительной высоты, оканчиваются Михайловой Горой (усадьбы Максимовича и Науменка). Бугры въ дурномъ состояніи; культурнаго слоя почти не видно; обслѣдовавъ часть песковъ на Михайловой Горѣ, я подобралъ нѣсколько кремней, черепковъ и кремневую стрѣлу, имѣющую форму небольшаго долотца въ 2 снт. длины. Раньше, на этихъ же пескахъ сынъ мѣстнаго владѣльца В. П. Науменка нашелъ кремневую треугольную стрѣлу съ подправленными краями. М. А. Максимовичъ, основавшійся на этой мѣстности, собралъ здѣсь цѣлую коллекцію бронзовыхъ стрѣлъ, послужившихъ матеріаломъ для его „велографіи". Между бронзовыми, встрѣтилась ему также и одна кремневая. Относительно кремневыхъ стрѣлъ онъ говоритъ: „Въ прежніе годы находили ихъ въ здѣшнихъ пескахъ часто, и онѣ шли вмѣсто обыкновенныхъ кремней, для *кресанія* огню[1]); черезъ это онѣ мало по малу утратились, избитыя огнивами, и теперь составляютъ здѣсь большую рѣдкость. Всѣ онѣ были, кажется, одного вида—треугольныя... Въ моемъ собраніи находится здѣшняя стрѣла изъ темно-бураго кремня, *треугольная*, вѣсомъ 38 гранъ. На нижнемъ, вогнутомъ ея краю, нѣтъ и не было шейки, и она прямо этимъ краемъ ущемлялась въ древко". (Соб. соч. т. II, стр. 413). Изображеніе этой стрѣлы помѣщено подъ № 1 на первой таблицѣ, приложенной ко II тому сочиненій Максимовича.

10) Г. Черкассы. По дорогѣ въ с. Дахновку, между послѣдними городскими постройками и лѣсомъ, находится открытая песчаная площадь на крутомъ берегу Днѣпра; здѣсь найдено

---

[1]) Въ здѣшней народной пѣснѣ кремни идутъ въ подобіе къ ворогамъ.

Ой выйду я, подивлюся,
Якъ на горѣ кремени крешуть;
Ой выйду-жъ я, послухаю,
Якъ про мене вороги брешуть.

Прим. Максимовича.

довольно много черепковъ, а также ушки отъ сосудовъ. Сейчасъ за избами въ одномъ мѣстѣ виденъ большой кругъ пережженной земли, въ немъ попалось много толстыхъ черепковъ, имѣющихъ черный, маркій цвѣтъ. Между прочимъ, и на этихъ пескахъ найдена трехгранная бронзовая стрѣла.

11) Слѣдующей мѣстностью, которую я посѣтилъ, былъ Бужинъ, село чигиринск. у. кіевск. г.; здѣсь по самому берегу Днѣпра тянется широкая полоса бугровъ, по мѣстному „кучугуровъ". Находки состояли только изъ черепковъ и то въ небольшомъ числѣ. Крестьяне-сторожа, живущіе на буграхъ, мнѣ передавали, что иногда тамъ, гдѣ проявляется черная земля, попадается множество черепковъ; говорили также, что въ одной „балочкѣ" есть много кремней.

12) Дальше отъ Днѣпра, подъ нагорнымъ берегомъ, рядомъ съ Бужиномъ лежитъ с. Шабельники. Обширная площадь „кучугуровъ" окружаетъ это село и подходитъ къ Днѣпру. На пескахъ было найдено нѣсколько черепковъ, два или три кремневые ножичка и небольшое число кремневыхъ осколковъ; эти предметы попадались на обнаженныхъ подошвахъ бугровъ. На горѣ у этого села есть небольшое городище, образованное полукруглымъ валомъ, примыкающимъ съ двухъ сторонъ къ крутому обрыву; часть городища занята подъ кладбище; при копаніи могилъ находятъ много черепковъ, но относящихся къ болѣе поздней эпохѣ, хотя на скатѣ горы, при моемъ осмотрѣ городища, священникомъ с. Шабельниковъ о. І. Ковалевскимъ было поднято ядрище изъ чернаго кремня со слѣдами отколотыхъ ножиковъ. Въ музеѣ древностей университета св. Владиміра хранится собраніе древнихъ предметовъ, найденныхъ на пескахъ с. Шабельниковъ; между болѣе поздними предметами, въ этомъ собраніи есть также діоритовый боевой молотокъ и половина большаго бронзоваго копья, верхняя часть котораго отломана.

13) Совершенно однородные бугры, также не давшіе почти никакихъ находокъ, идутъ, послѣ небольшаго перерыва, выше с. Шабельниковъ, подлѣ с. Боровицы.

При обслѣдованіи трехъ послѣднихъ стоянокъ моимъ спутникомъ былъ Г. Н. Грушевскій, хорошо знающій окрестныя мѣста; считаю долгомъ выразить здѣсь мою искреннюю благодарность за его любезность.

Перебравшись въ долину р. Тясмина черезъ водораздѣльную возвышенность, имѣющую здѣсь, т. е. между с. Шабельниками и с. Мордвой, не болѣе десяти верстъ, мы находимъ на лѣвомъ берегу рѣки непрерывно идущую гряду песчаныхъ открытыхъ бугровъ. Возлѣ г. Чигирина на пескахъ найдено лишь нѣсколько черепковъ; бугры заканчиваются здѣсь у Троицкаго женскаго монастыря. Выше Чигирина бугры по Тясмину прослѣжены до с. Разсошинецъ, но они тянутся вверхъ еще очень далеко. Не знаю, продолжаются ли бугры ниже Чигирина, но у Крылова (Новогеоргіевскъ), при устьѣ Тясмина, я видѣлъ большую площадь бугровъ. Отъ Крылова они идутъ съ перерывами по берегу Днѣпра до Бужина. Пески эти я не обслѣдовалъ, но упоминаю объ нихъ, потому что до сихъ поръ, гдѣ только ни встрѣчались бугры, образованные старымъ теченіемъ Днѣпра, тамъ вездѣ были найдены слѣды первобытной жизни.

14) Въ г. Кременчугѣ, за каменоломнями, на буграхъ, составляющихъ лѣвый берегъ рѣчки, огибающей городъ, найдены грубые черепки; нѣкоторые изъ нихъ орнаментированы полосками.

Кременчугъ былъ послѣдней остановкой.

Такимъ образомъ, обслѣдованіе береговъ Днѣпра на этомъ пространствѣ имѣло характеръ вполнѣ случайный, мѣстность не была изслѣдована систематически, шагъ за шагомъ, но, во всякомъ случаѣ, опредѣленіе пунктовъ, на которыхъ замѣчены слѣды стоянокъ, можетъ, хотя немного, облегчить будущія, болѣе подробныя, изысканія.

Затѣмъ, вышеописанныя стоянки не дали ничего новаго, чтобы характеризовало какую нибудь еще неизвѣстную черту исчезнувшаго быта, но онѣ заслуживаютъ вниманія вслѣдствіе того, что дали возможность продолжить линію днѣпровскихъ

поселеній первобытнаго человѣка и прибавить къ старымъ еще нѣсколько новыхъ; что, вмѣстѣ взятое, близко соприкасается съ вопросами о густотѣ и количествѣ населенія.

Въ заключеніе укажу еще на двѣ стоянки, обслѣдованныя мною раньше—осенью 1889 г. Онѣ расположены на притокахъ Днѣпра, Деснѣ и Сожѣ.

15) Противъ г. Остра черниг. г. на правой сторонѣ рѣки Десны находится с. Выползово. Немного выше села незначительная рѣчка Крымка обмываетъ большой песчаный бугоръ—„кўрганъ", какъ его называютъ крестьяне. На обнаженной вершинѣ кўргана между новыми черепками, кусками кирпича и костями, встрѣтилось также немного черепковъ древнихъ, орнаментированныхъ насѣчками, полосками, веревочкой; преобладаютъ черепки безъ кварца. Ниже Выползова, на песчаной холмистой площади найдены такіе же черепки, нѣсколько кремней и измельченныя окаменѣвшія кости. На этихъ пескахъ находили, кромѣ того, старинныя монеты, каменныя бусы, кости человѣка и т. п. (корресп. въ „Кіевскомъ Словѣ" 1889 г. № 734).

16) Въ могилевской губ. на берегу р. Ипути, притокѣ Сожа, противъ г. Гомля, находится стоянка, состоящая изъ большаго песчанаго бугра и нѣсколькихъ выдувныхъ котловинъ. Культурный слой показывался во многихъ мѣстахъ и поэтому на поверхности удалось собрать большое число отбивныхъ кремневыхъ орудій. Кремень употреблялся исключительно темносѣрый, тогда какъ на прежнихъ стоянкахъ онъ былъ разноцвѣтный. Между массой кремневыхъ осколковъ найдено много ножей, испорченныхъ при выдѣлкѣ, до 20 цѣлыхъ ножиковъ, иногда довольно длинныхъ, два ядрища, нѣсколько остріевъ съ подправленными краями, скребки средней величины и одинъ, прекрасно подправленный наконечникъ дротика въ $6^1/_2$ снт. длины; тутъ же лежалъ и кремневый круглый отбойникъ. Черепковъ найдено немного, по выдѣлкѣ глина была съ кварцемъ, совсѣмъ безъ него, и еще особый родъ—съ примѣсью крупнаго песку. На стоянкѣ изъ песка обнажилось нѣсколько кострищъ,

одно вываливается изъ подъ бугра, угли въ немъ сосновые. Заслуживаетъ вниманія небольшой шлифовальный камень, найденный среди кремней, съ одной шлифованной стороной; онъ очень удобенъ для руки. Изъ бронзовыхъ предметовъ попался лишь отломокъ лезвія какого то орудія и кусочекъ заостренной проволоки.

Ник. Бѣляшевскій.

О ПРЕВРАЩЕНІЯХЪ ВЪ МАЛОРУССКИХЪ СКАЗКАХЪ.

Вѣра народа въ превращенія относится къ тому отдаленному первобытному времени, когда онъ видѣлъ въ камнѣ, деревѣ, животномъ превращеннаго человѣка. На этой ступени развитія самосознанія человѣкъ еще не отдѣлялъ себя отъ неодушевленныхъ предметовъ и полагалъ, что если дерево грозно шумитъ, то это значитъ, что оно ведетъ грозную рѣчь, что вихрь кружится и даже рѣчь говоритъ, что камень, имѣющій человѣкообразную форму, скрываетъ въ себѣ человѣка и можетъ опять превратиться въ живое существо, и т. п.

Если неодушевленную природу человѣкъ на первыхъ ступеняхъ своей сознательной жизни воспринималъ, какъ живую, одухотворенную, то тѣмъ естественнѣе ему было видѣть въ медвѣдѣ, волкѣ, собакѣ, орлѣ, сорокѣ и др. превращенныхъ людей. Въ эпоху зарожденія религіозныхъ понятій, когда человѣкъ дѣлалъ только первые шаги на пути къ составленію міровоззрѣнія, вся природа представлялась ему живою, олицетворенною въ буквальномъ смыслѣ, т. е. каждый даже неодушевленный предметъ, въ его воображеніи, жилъ и чувствовалъ, какъ человѣкъ, потому что представлялъ собою превращеннаго человѣка. Довольно живые слѣды такого воззрѣнія можно наблюдать въ сказкахъ, которыя свидѣтельствуютъ, что вѣра въ превращенія не утратилась въ народѣ и доселѣ, и въ настоящее время передаются разсказы о превращеніяхъ черта, вѣдьмы въ различные образы.

Превращенія, какъ остатокъ миѳическаго міровоззрѣнія, существуютъ въ нашей сказочной поэзіи, если можно такъ вы-

разиться, въ формѣ статики и динамики. Нѣкоторые виды деревьевъ, камней и звѣрей понимаются, какъ превращенные навсегда люди, другія же существа, по большей части миѳическія, способны по желанію принимать различные образы, а равно и снова получать свой первоначальный видъ.

Обладаютъ силою производить превращенія прежде всего миѳическія существа, какимъ является въ одной сказкѣ *водяной дѣдъ*, превращающій двухъ царевичей въ камни. Сказка передаетъ, что царевичъ пошелъ искать чудесный *палацъ* вдовы-царицы. „Иде та й иде, иде та й иде, ажъ прыходыть до мора.

— Ну, думае соби, тутъ трохи седу та спочину и пополудную.—Розложивъ винъ надъ берегомъ свои торбы, накраявъ попаньській хлиба, намазавъ зверху досыть масломъ, сивъ и исть. Колы тута заразъ выходыть изъ мора дидъ старый-старый, ажъ мохомъ порисъ, та такый билый-билый, якъ молоко; а борода ажъ блещить, якъ снигъ на морози. Подходыть той дидъ до царевича да й каже: „Давъ бы ты, сыночку, и мини каваловъ хлиба".

— Е, каже, де-жъ я тоби возьму? Ты-жъ бачишъ, що я й самъ не багато маю.

Той дидъ посваривсе на того царевича пальцемъ, такъ винъ заразъ и ставъ каменемъ и лежить надъ моремъ" [1]).

Такимъ же образомъ водяной дѣдъ и второго брата превращаетъ въ камень и только по просьбѣ третьяго брата—дурня возвращаетъ имъ снова человѣческій образъ.

Нѣчто подобное, но уже составленное подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій, видимъ въ другомъ разсказѣ. Идетъ человѣкъ *позывать витра*. „Иде та й иде, та й иде, ажъ дывытця: стоить дидъ на дорози, да такый старый да сывый, якъ молоко (а то бувъ Богъ въ чоловичому образи"). Далѣе говорится, что этого же человѣка снова встрѣтилъ „дидъ да такый же то сывый и такый сывый, якъ молоко, да вже не той, що тоди винъ стривъ (а й це бувъ Богъ, тылько другый образъ прынявъ") [2]). — *Дидъ* даетъ человѣку матузо-

[1]) Труды этн. эксп. II, 77—78.

[2]) Тр. этн. эксп. II, 345—7, 355—7.

чокъ и говоритъ: „бижы въ корчи. Тамъ лежить два попы; накинь на нихъ цей матузочокъ и скажи: „тпру!“ Онъ такъ и сдѣлалъ. „Тоди зъ тихъ попивъ таки здоровы волы поставалы“ [1]).

Подъ тѣмъ же вліяніемъ христіанскихъ понятій образовались всѣ представленія о превращеніяхъ, приписываемыхъ Господу, или Господу Іисусу Христу, такъ напр. Господь превратилъ мельника въ медвѣдя. Господь проходилъ мимо мельницы, мельникъ одѣлся въ вывороченный кожухъ, влѣзъ подъ мостъ „и закричалъ, словно медвѣдь, а Господь и сказалъ: „щобъ ты ревивъ такъ, покы свита сонця“. Съ тѣхъ поръ начали водиться медвѣди“ [2]).

Господу приписывается превращеніе женщины въ зозулю (кукушку). Женщина убила своего мужа „и была осуждена Богомъ не имѣть пары и скитаться по лѣсамъ“ [3]).

Аистъ—также превращенный Богомъ человѣкъ. Объ этомъ превращеніи народное преданіе говоритъ слѣдующее: „Бусолъ (чорногузъ) съ чоловика. Богъ весь гадъ у мишокъ зибравъ и дае чоловикови: „на цей мишокъ, каже Богъ до чоловика, однесешъ на море и вкинь ёго въ воду. Оно якъ нестымешъ, то не розвязуй и не дывысь у мишокъ; неси соби, шобъ и не знавъ ты, шо тамъ е“. Иде той чоловикъ зъ михомъ до мора,—кортыть: тра подывытысь. „Якъ то можна, буду несты на соби и шобъ я не знавъ, шо я несу. Чого тамъ боятысь? Загляну!“ Роспустывъ того миха, гадъ и полизъ, и полизъ зъ нёго. А Богъ и каже тому чоловикови: „не хтивъ мене слухаты, пустывъ ты гадъ по всихъ усюдахъ,—йды жъ та збирай“... Оттоди и ставъ той чоловикъ бусломъ“ [4]) По другому, болѣе новому, преданію аистъ произошелъ изъ служанки Пресвятой Дѣвы. Служанка должна была отнести рубаху Св. Дѣвы къ морю и не смотрѣть въ нее; служанка посмотрѣла и увидѣла тамъ гадовъ. „Тогда Пресвятая Дѣва сказала: „когда ты такая, то будь черногузомъ

[1]) Ibid. 336.

[2]) Тр. этн. эксп. I, 50—51. Драгомановъ, Малр. нар. преданія, 5—6.

[3]) Драгом. Малр. н. пр. 8.

[4]) Драгомановъ, Млр. н. пр. 8.

и ѣшь этихъ гадовъ". Съ тѣхъ поръ и по это время, черногузы ходятъ и собираютъ всевозможныхъ гадовъ" [1]).

Спасителю приписываются слѣдующія превращенія: *кукушка и чайка*. Эти птицы произошли отъ дѣвушекъ. „Эти дѣвушки вздумали попугать Спасителя, но Спаситель сказалъ, чтобы одна кукала, а другая кишкала, „покы свита сонця" [2]). Тѣмъ же мотивомъ вызвано и превращеніе *собаки*. „Собака есть оборотень дитяти. Когда Спаситель ходилъ по землѣ, то въ одной деревнѣ мальчикъ особенно преслѣдовалъ Его, бѣгая за нимъ и лая подобно собакѣ. Спаситель проклялъ его за это и обратилъ въ собаку" [3]).

За неуваженіе къ Свѣтлому Христову Воскресенію, богатый человѣкъ, одѣвшійся пышно и не пошедшій въ церковь по просьбѣ жены, лежавшей въ постели, превращенъ вмѣстѣ съ женою въ *павлину и паву* [4]).

Подъ сильнымъ вліяніемъ христіанскихъ преданій сложился и разсказъ о превращеніи *свиньи*. Народъ говоритъ, что „во время земной жизни Спасителя, однажды жиды накрыли жидовку „почвами" и спросили Его: „если ты Богъ, то отгадай, что спрятано подъ почвами?" Спаситель, какъ Богъ, зналъ, что подъ почвами жидовка, но въ наказаніе испытующимъ Его отвѣтилъ: „подъ почвами свинья". И изъ жидовки дѣйствительно сдѣлалась свинья. Теперь свинью называютъ жидовской теткой, и жиды не ѣдятъ свиного мяса, какъ своего тѣла" [5]). Подобный же мотивъ лежитъ въ основѣ превращенія *крота*, но къ этому мотиву присоединилось еще воздѣйствіе на народную фантазію, такъ называемой, народной этимологіи. Названіе крота, по малорусски „критъ", послужило къ созданію цѣлой легенды о превращеніи. Эта легенда слѣдующая: „Богачъ вздумалъ сдѣлаться мудрѣе самого Бога; для этого онъ покрылъ сына своего и спросилъ Бога: „Угадай, что тутъ покрыто?" Господь

---

[1]) Тр. этн. эксп. I, 62.

[2]) Тр. этн. эксп. I, 60—61.

[3]) Ibid 52—53.

[4]) Ibid 52.

[5]) Труды этн. эксп., 49—50. Драгом., Малор. нр. пр., 4.

отвѣчалъ ему: „Накрытъ кротъ“. Богачъ открылъ и увидѣлъ, что его сынъ дѣйствительно сдѣлался кротомъ“ [1]).

Темная сила, или чертъ, также способенъ производить превращенія. Несомнѣнно, что чертъ, въ христіанскую эпоху, замѣнилъ собою какое нибудь миѳическое существо. На основаніи сказокъ можно предполагать, что подъ нимъ скрывается подземный духъ. Онъ появляется изъ могилы, какъ бы изъ подземнаго царства, и сказка не называетъ его чертомъ, а даетъ ему названіе „Оха“. Обстоятельства, при которыхъ появляется „Охъ або чортъ“ таковы, что роднятъ его съ Плутономъ. Обстоятельства эти слѣдующія. Старикъ ведетъ сына въ наймы: они увидѣли при дорогѣ могилу, подошли. „Старый сидае и здыхнувъ: „Охъ!“ Колы изъ могылы выскакуе нечыста сыла въ образи чоловичому и пытае:

— На що ты, чоловиче, мене требувавъ?

— Ни, каже той, мыни тебе зовсимъ не треба.

— Якъ жежъ не треба, колы ты клыкавъ мене, „Охъ!“ казавъ, а я Охомъ звуся“ [2]). Этому Оху старикъ отдаетъ въ услуженіе сына, а тотъ превращаетъ его въ *пивныка, селешка*, голубя. Далѣе изъ сказки видно, что сынъ самъ научается искусству превращеній и оборачивается вихремъ и конемъ [3]). По другимъ варіантамъ той же сказки, Охъ превращаетъ своего слугу въ ястреба, жеребца (=огера), орла. Слуга самъ получаетъ возможность превращаться зайцемъ, ястребомъ, шулякомъ, плотвою, окунемъ, перстнемъ, горошиною, макомъ. Равно и Охъ въ различныхъ превращенныхъ видахъ (дѣдомъ, шпакомъ, пивныкомъ, щукою) преслѣдуетъ своего слугу [4]). Чертъ, вообще, по народному повѣрію, можетъ превращаться въ различныя животныя. Подтвержденіе этого взгляда видимъ въ разсказѣ о превращеніи лошади. „Лошадь—это превращенный дьяволъ. Такъ какъ дьяволъ можетъ превращаться во всякое животное, то и превратился когда то въ лошадь, но Господь такъ его

---

[1]) Труды этн. эксп., I, 56.

[2]) Труды этн. эксп., II, 368.

[3]) Труды этн. эксп., II, 368—370.

[4]) Труды этн. эксп., II, 372—379. Драгомановъ. Малр. нр. пр., 326—328.

благословилъ, что онъ уже навѣки остался лошадью"[1]). Павлины—оборотни чертей, которые въ ночь подъ Благовѣщеніе стали наряжаться въ различные цвѣты, но пропѣли пѣтухи, и они остались въ нарядѣ павлиновъ[2]). Черту въ особенности приписываются самые разнообразные виды превращеній; такъ что масса превращеній, которыя, въ миѳическую эпоху, составляли аттрибутъ различныхъ божествъ, теперь сочетаются съ образомъ черта. Вотъ болѣе частые образы его превращеній: въ баранчика, овечку, козленочка, красивую женщину, богача, „панича" и, наконецъ въ существо съ козлиной бородой и рогами—образъ, напоминающій нѣсколько Пана[3]).

Наравнѣ съ существами миѳическими и вообще высшею силою, превращенія могутъ совершать волшебники, чернокнижники, вѣдьмы, которые въ древнюю эпоху были не что иное, какъ кудесники, служители различныхъ божествъ, надѣленные отъ нихъ волшебною силою. Такъ, волшебнику приписывается превращеніе цѣлаго царства въ камень: „А це каменне мисто—було колысь царство; але царъ его зазнався зъ волшебникомъ, и винъ такъ поробывъ, що мисто стало каменемъ, а дочка гадюкою, и вказавъ: „якъ найдеться яка праведна душа, що тебе спокутуе, то ты знову будешъ людыною, а царство — царствомъ"[4]). Чернокнижникъ самъ превращается въ птицу огненную, и его дочери тоже надѣлены способностью превращеній[5]). Названіе *чернокнижникъ* указываетъ на такого человѣка, который читаетъ черную книгу, такъ называемую *черную магію.* Есть сказка, въ которой и самой этой книгѣ приписывается способность производить превращенія. „У мене есть така кныга, говоритъ царевна, що якъ прочитаешъ іи, то заразъ зробысься, чимъ захочешъ: чы звиромъ, то й звиромъ, чы птыцею, то й птыцею"[6]). Волшебницѣ также приписывается способность про-

---

[1]) Труды эт. эксп., I, 49.
[2] Ibid., 58.
[3]) Ibid., 183—189.
[4]) Ibid., II, 438.
[5]) Ibid., 195—203.
[6]) Ibid., 135.

изводить превращенія. Она превращаетъ царевну Оленку въ утку: „Отъ та робитныця-волшебныця (у змѣя) поробыла Оленцѣ такъ, що та перекынулась вуткою, полетила у зміевъ садокъ и сила на озирце, та й плава по нему—золота пиръинка, срибна пиръинка на ній, сама золотоголова“ [1]). — Тоже свойство приписывается *паніи* съ аттрибутами каннибализма: она ѣстъ мертвыхъ. Эта *пани* превратила своего мужа въ пса. Другая *пани* умилосердилась надъ нимъ, ударила его *прутикомъ* и снова сдѣлала его человѣкомъ; потомъ дала ему этотъ прутикъ и сказала: „Иды до дому и спытай слугъ, чы паня спыть; якъ спыть, то ударъ іи прутыкомъ, вона зробытся кобылою [2]).

Вѣдьмы играютъ большую роль въ превращеніяхъ; онѣ могутъ принимать самые разнообразные виды. Въ одной сказкѣ вѣдьма является въ видѣ кобылы: „Отъ разъ пасе дурень у поли свого коня, колы бачыть ходыть кобыла и зъ нею десять коней. А то була видьма — вона хотила стратыть розумныхъ бративъ“ [3]). По народнымъ разсказамъ вѣдьма принимаетъ преимущественно слѣдующіе образы: кошки, *котыка*, собаки, сучки, коня, волка, свиньи, лягушки [4]). — Въ слѣдующемъ разсказѣ знахарка для превращеній даетъ палочку, нѣчто въ родѣ чудодѣйственнаго жезла, способнаго производить превращенія. Любовница царевича, желая извести его жену, получаетъ отъ знахарки эту чудодѣйственную палочку, которою стала бить царевну: „Перекынулась вона мышою, котомъ, собакою, вовкомъ, всякою—всякою звириною перекыдалась, а та все бье... Поты была, поты была, ажъ покы не перекынулась гускою и не полетила“ [5]). Мы уже встрѣчались съ подобнымъ явленіемъ, что ударомъ *прутика* производились превращенія [6]); вѣроятно, въ нѣкоторомъ родствѣ съ этимъ стоятъ превращенія, производимыя ударами прутьевъ. Сказка передаетъ о женѣ пана превра-

---

[1]) Труды этн. эксп., 470.

[2]) Ibid., II, 410—411.

[3]) Ibid., 410.

[4]) Ibid., I, 199—205.

[5]) Ibid., II, 458.

[6]) Ibid., 467.

щенной мачихою въ щуку. Панъ узналъ объ этомъ, велѣлъ забросить сѣть, поймалъ щуку. Потомъ „веливъ нарызаты ризокъ и давай іи сикты. Вже вона сердешна перекыдалась, перекыдалась, и жабою, й гадюкою, й зозулею, винъ усе сиче; дали вже взяла й перекынулась жинкою“ [1]). Въ другомъ варіантѣ этотъ пріемъ объясняется болѣе естественно. Царь узнаетъ, что его дочь превращена бабой въ *уточку*. Царь велѣлъ ее поймать. Она крикнула: „Охъ, *тату, тату, пусты мене на воду*“... „Стали радыты царськи совитныкы що треба іи быты дубцямы, щобъ спало пиръя; былы іи поты, покы пиръя спало, и покы вона стала така, якъ и спершу була“ [2]). Болѣе новый пріемъ видимъ въ сказкѣ, гдѣ за превращеніе баба беретъ *десять карбованцивъ*. „Баба пошептала, почепыла іи на шыю чирвону стенжку, стала вона кишкою, собакою, навпосли жинкою стала“ [3]).

Лѣкарство служитъ также средствомъ производить превращенія. Царевна говоритъ козаку: „я тоби дамъ такого ликарства, що ты его якъ напьешся, то чимъ захочешъ, тымъ и станешъ: чы птыцею, чы конемъ, чы деревомъ, чимъ захочешъ“ [4]). Вслѣдствіе этого лѣкарства козакъ получилъ возможность превратиться въ коня, въ яворъ, въ *качура* и опять въ человѣка [5]).

Клятва, которой въ миѳическую эпоху придавалось чрезвычайно важное значеніе, также имѣетъ силу производить превращенія. Въ одномъ преданіи говорится, что мать зашла къ скупой дочери, которая ѣла курицу. На вопросъ матери, что она ѣстъ, та отвѣчала: черепаху. „Тоди маты іи и заклялa, щобъ вона сама черепахою стала; до такъ вона й доси“ [6]). Проклятіе отца превращаетъ дочь въ кукушку. Дочь „проговорила къ своему любовнику: ахъ ты, моя зозулька (кукушка)“.

---

[1]) Труды этн. эксп., II, 465.
[2]) Ibid., 472—3.
[3]) Ibid., 456.
[4]) Ibid., 441.
[5]) Ibid., 442—3
[6]) Ibid., I, 66,

Отецъ княжны услышалъ это и, въ гнѣвѣ на нее, проговорилъ: „будь же ты и сама кукушка". Княжна тотчасъ же и превратилась въ кукушку" [1]).

Весьма поэтиченъ разсказъ о превращеніи *тополи*, которому содержаніе дала народная этимологія. Названіе *тополя* сочеталось со смысломъ фразы: *то поле*, т. е. вотъ полетъ. Въ тополю обращена матерью дочь по слѣдующему поводу. Мать послала свою дочь полоть ленъ. Потомъ мать, желая видѣть ея работу, пошла къ ней и, увидѣвши ее праздною, сказала: „ото поле! (вотъ какъ полетъ) бодайже ты, доню, полола въ чуди та въ дыви". Испугавшись этихъ роковыхъ словъ, дѣвушка сказала: „Я то полю, то стою", какъ бы такъ говоря: я тополею стаю (дѣлаюсь), и вдругъ при этихъ словахъ, на глазахъ матери, „къ чуду и дыву", ея дочь-дѣвушка стала выростать въ стройный красивый тополь. Такъ и не выполола дочь льну, и не пришла домой на-вѣки. Мать стала плакать по ней, приговаривая: „дочко жъ моя, тополя моя!" [2]).

Вообще слову, какъ и заклятію, въ первобытное время приписывалась возможность осуществляться въ дѣйствительности, чему подтвержденіемъ служитъ сказочный мотивъ о превращеніи голубя. Мужъ въ радости бѣжитъ къ женѣ и говоритъ: „Голубко моя!".—А вона порхъ и вылетила голубкою въ викно". [3]).

Слово во времена миѳическія имѣло болѣе вещественное значеніе, чѣмъ въ настоящее время; первобытный человѣкъ не отдѣлялъ названія предмета отъ самаго предмета; поэтому за названіемъ предмета слѣдовалъ самый предметъ съ обязательной силой. Такая вѣра въ матеріализацію слова не утеряна и до настоящаго времени. На этомъ основана вѣра въ заговоры, вѣра въ то, что всякое благожеланіе и всякое проклятіе сбывается. Полагаютъ, что если мать произнесетъ такое проклятіе: „а щобъ ты дубомъ ставъ, а щобъ ты каминемъ ставъ, а щобъ тебе

[1]) Ibid, 61.
[2]) Ibid., 224.
[3]) Труды этн. эксп., II, 94.

лыхе взяло!" то такое проклятіе непремѣнно исполняется. Этимъ и объясняютъ происхожденіе различныхъ камней, имѣющихъ человѣкообразную форму; такъ, подлѣ села Березной (литинск. у.) есть два камня, о происхожденіи которыхъ существуетъ слѣдующая легенда. Однажды мать вышла съ сыномъ и дочерью въ поле рожь жать. Во время работы дѣти лѣнились и очень часто стояли праздно, о чемъ то между собою разговаривая. Мать до того на нихъ разсердилась, что начала ихъ проклинать и между прочимъ сказала: „а щобъ вы каменямы поставалы". Проклятіе ея сейчасъ же исполнилось: дѣти ея дѣйствительно окаменѣли[1]).

Происхожденіе цвѣтка, извѣстнаго подъ названіемъ „братки" (viola tricolor) также приписывается высказанному желанію и немедленному исполненію. Братъ и сестра долго странствовали и когда сошлись, то не узнали другъ-друга. „Между тѣмъ сестра понравилась брату, и они обвѣнчались. Послѣ узнали, что они—братъ и сестра. Имъ стало стыдно, и братъ сказалъ сестрѣ: „Ну, сестра, пойдемъ въ поле, посѣемся: ты будешь цвѣсть лиловымъ цвѣтомъ, а я желтымъ" [2]). Мотивъ подобнаго превращенія, очевидно, позднѣйшій, и основаніемъ для него послужила форма цвѣтка.

Превращенія въ русской сказочной поэзіи существуютъ такія, въ которыхъ несомнѣнны самыя древнія, первобытныя черты, съ другой стороны, встрѣчается и полное забвеніе миѳическаго мотива, и въ схему превращеній вставляется любое явленіе, въ особенности желательное по условіямъ нашего современнаго быта, какъ напр. превращеніе старика, баранчика въ „гроши" и др.

Обожаніе и почитаніе змѣй, а равно и формы ихъ превращеній относятся къ глубокой древности. Сказки опредѣленно и ясно говорятъ о превращеніи змѣи въ дѣвицу или змѣя въ царевича; затѣмъ есть большой отдѣлъ сказокъ, гдѣ говорится о змѣяхъ трехглавыхъ, шестиглавыхъ и двѣнадцати-

---

[1]) Чуб., Тр. этн. эксп., т. I, 89.

[2]) Тр. этн. эксп., I, 82.

главыхъ; но въ послѣднихъ сказкахъ смыслъ превращеній только въ рѣдкихъ случаяхъ выступаетъ. Въ большинствѣ случаевъ здѣсь змѣй есть выраженіе темной миѳической силы.

Превращеніе змѣи въ дѣвицу обставлено нѣкоторыми миѳическими подробностями; такъ хлопецъ-сирота работаетъ у хозяина за то, чтобъ ему посѣяли „мирку жита"; но лишь сжали и сложили жито въ копы, какъ громъ сжегъ все жито. Хлопецъ служитъ второй годъ на тѣхъ же условіяхъ. Во время жатвы ему снится, что громъ снова ударитъ въ копы, но онъ пусть возьметъ вилы и разбрасываетъ снопы. Онъ такъ и сдѣлалъ. „Колы це изъ поломья якъ вылизе гадюка, та така здорова, якъ той рубель, що снопы утягують, та й учепылась ёму черезъ плечи, якъ москаль чипляе муныцю" [1]). Хлопецъ въ тревогѣ хочетъ оторвать ее, но ничего не можетъ сдѣлать. Хозяинъ даетъ ему слѣдующій совѣтъ: „Ну, подержъ, сыну, Богъ насъ держить на свити, держы ты и еи" [2]). Теперь хозяину приснился вѣщій сонъ, чтобъ повѣнчать ихъ. Какъ только хлопецъ въ церкви сталъ на *рушныкъ*, „вона такъ и впала на землю, перекынулась дивкою и держыть рушныкъ въ рукахъ, щобъ то уже, бачыте, рукы звязать. Отъ, пипъ повинчавъ ихъ якъ слидъ" [3]). Разъ мужъ пожелалъ отправиться *въ дорогу;* жена ему наказываетъ, чтобъ онъ не ругалъ *гадючину матиръ*. Мужъ при возвращеніи увидѣлъ, что жито стоитъ на корню и въ сердцахъ произнесъ: „Отъ, гадюча еи матиръ, дидько бъ еи взявъ зъ еи гадюкою,—ще й доси не выжала жыта" [4]). Какъ услыхала это жена, разсердилась и оставила мужа навсегда. По другому варіанту той же сказки жена снова превращается въ *гадину* [5]). Съ огнемъ, или *багаттямъ* имѣетъ связь превращеніе ужа въ царевича. Иванъ, сынъ бѣдныхъ дѣда и бабы, пошелъ просить хлѣба; разложилъ онъ въ лѣсу огонь, какъ вдругъ слышитъ, что то кричитъ подъ огнемъ: „Не печы мене,

[1]) Тр. эгн. эксп., II, 11.
[2]) Ibid. стр. 12.
[3]) Ibidem.
[4]) Ibid., II, 12.
[5]) Драгомановъ, Мал. нар. пр. 312.

не печы мене!" Онъ взялъ палочку, разгребъ огонь и нашелъ большого ужа.—„Несы мене до царя, каже ужъ:—тоби буде велыка плата за те, що ты мене занесешъ до царя" [1]). Когда ужа внесли въ покой царскій, онъ сталъ *панычемъ*. Сказка о превращеніи змія въ царевича передаетъ, какъ одинъ панъ имѣлъ трехъ дочерей; когда онъ отправляется *у дорогу*, старшія дочери просятъ дорогихъ гостинцевъ, а младшая *квитку хорошу*. Отецъ принужденъ былъ снять со столба *квитку*, но за нее змій потребовалъ къ себѣ меньшую дочь. Она отправляется въ чудесный *палацъ* змія, въ которомъ находитъ все, чего ни пожелаетъ. Она два раза отпрашивается у змія къ родителямъ и оба раза позамѣшкалась. Возвращается—змѣя нѣтъ. „Пошла вона до сажалки, да такъ плаче, такъ плаче. Ажъ тамъ змія качаетьця.—„Рижъ мни, каже, на мни шкуру".—Вона довго не хотила, а потимъ прорizала. Вышовъ зъ теи шкуры царевичъ хорошы, прехорошы. Поциловався заразъ зъ нею, оженывся" [2]). Эта сказка очень близко напоминаетъ великорусскую сказку „Аленькій цвѣточекъ", переработанную С. Аксаковымъ. Въ одной сказкѣ, гдѣ спутано нѣсколько мотивовъ, змій превращается въ птаха, а потомъ въ человѣка: „зновъ стрепенувсь и ставъ зміемъ, паномъ ставъ у чоловичому стани, у польскому" [3]). Подобное же превращеніе замѣчается и въ сказкѣ: „Оленка, Ивашечко та змій", гдѣ змій оборачивается молодцемъ, или же сначала дѣлается птицей: „бувъ горобцемъ, ставъ молодцемъ" [4]). Жены змѣя о 12-ти головахъ также обладаютъ способностью превращаться; онѣ прилетаютъ сороками и говорятъ, что одна обратится въ криницу, отъ которой поразрываетъ богатырей, другая сдѣлается садомъ, третья рукавицами, четвертая *хмарою* [5]).

Нѣкоторую аналогію съ превращеніемъ змѣи имѣетъ превращеніе жабы. Идетъ парубокъ черезъ мостъ, на которомъ,

[1]) Тр. этн. эксп., II, 59.
[2]) Ibid , II, 444—5.
[3]) Ibid II, 180.
[4]) Ibid. II, 468—9.
[5]) Ibid. II, 254

говорятъ, что его лихо возьметъ; на мосту къ нему вскочила жаба, и когда онъ прошелъ мостъ, то она превратилась въ царевну [1]). Другой распространенный сказочный мотивъ о превращеніи жабы въ панну основанъ на выборѣ тремя братьями или тремя царевичами себѣ невѣстъ. Первый бросилъ свою *рушныцю*, и ее нашла королевна, вторую *рушныцю* нашла дочь купца, а третій—дурень бросилъ рушныцю въ болото, и ее нашла жаба, которая потомъ „скынула зъ себе жабъячу шкуру и стала такою гарною панною, що не здумать, не згадать, тилько доброму молодцу въ казци сказаты" [2]). По другому варіанту той же сказки она превращается въ панну *у злотомъ волоссю* [3]). Жаба нѣсколько разъ повторяетъ свои превращенія, пока мужъ не подстерегъ и не бросилъ въ огонь жабью шкуру. Жена заплакала и сказала, что ей оставалось еще шесть дней просидѣть въ жабьей шкурѣ, а теперь она отъ него уйдетъ навсегда и уходитъ въ монастырь, а затѣмъ въ *Золотыя горы*, гдѣ мужъ ее впослѣдствіи находитъ. Сказки о превращеніяхъ царевны-лягушки и царевны-змѣи очень распространены и въ великорусской народной поэзіи [4]). Существуютъ малорусскія сказки о превращеніяхъ жабы, гдѣ она является темной силой. Однажды баба-повитуха пошла въ лѣсъ за дровами, видитъ— „повзе жаба да така-жъ то товста, та здоровенна—недужна була". Баба помогла ей перелѣзть черезъ палочку, а вечеромъ пріѣзжаетъ за бабой карета и привозитъ ее въ богатый домъ, оказывается, что жаба—это *чортица*, у которой надо было принять ребенка [5]).

Цѣлый особый отдѣлъ превращеній въ сказочной поэзіи представляютъ птицы, каковы напр. три орлицы, три утки, 12 утокъ, 12 голубокъ, которыя превращаются въ дѣвицъ. Три орлицы—это три сестрицы; *стрилець—красный молодець* хочетъ застрѣлить старшую, но она отпрашивается у него, объ-

---

[1]) Ibid II, 52, примѣчаніе.

[2]) Ibid., II, 446.

[3]) Драгомановъ, Малр. н. пр. 314.

[4]) Аѳанасьевъ, II, 523—540.

[5]) Тр. этн. эксп., II, 360—2. Драгом. Малр. н. пр. 49.

щая стать ему *въ пригоди*; то же обѣщаетъ и средняя, а младшая обѣщаетъ стать его женой. Дѣйствительно, *она стрепенулась* и „стала така панна, шо ни въ казци сказать, ни перомъ напысать“ [1]). Обѣ другія орлицы также превращаются въ дѣвицъ [2]).

Очень распространенный мотивъ о превращеніи двѣнадцати утокъ въ дѣвицъ состоитъ въ слѣдующемъ. Идетъ добрый молодецъ и приходитъ къ морю; сюда прилетаютъ 12 утокъ; пораздѣвались, сдѣлались всѣ красными дѣвицами и пошли купаться. Молодецъ схватилъ платье двѣнадцатой и спрятался за кустъ. Она вышла изъ воды и спрашиваетъ: кто здѣсь есть? Если старъ человѣкъ, то будетъ мой отецъ, если средній, то будетъ братъ, если „младъ чоловикъ—будь мини вирна дружына!—А винъ заразъ выйшовъ зъ-пидъ куща та й виддае одежу. А вона зрадила,—такъ зрадила, що й не сказаты, бо передъ нею ставъ такій козакъ, що кращчого и въ свити не знайты“ [3]).

Оказывается, что утки—это служанки *морскою дидуся*, который три раза заставляетъ молодца выбирать свою суженую изъ 12 одинаковыхъ дѣвицъ, и каждый разъ по предварительному уговору съ суженою онъ ее выбираетъ. Тогда наконецъ „заручылы ихъ и отгулялы весилле. Дидусь навалывъ ёму золота та срибла цилыхъ дванадцять карабливъ, и поплыла молода пара до батька та до неньки“ [4]). Сходныя черты имѣетъ сказка „Про персыцького царевича“, въ которой говорится о семи дочеряхъ *чернокнижныка* (чародѣя), которыя прилетали къ озеру купаться,—царевичъ спряталъ платье младшей дочери и потомъ на ней женился послѣ исполненія разныхъ миѳическихъ задачъ [5]). Въ этой сказкѣ способъ превращеній нѣсколько затемненъ: здѣсь только говорится, что дочери чародѣя летали, но какой образъ птицъ принимали, объ этомъ не сказано;

---

[1]) Тр. этн. эксп., II, 281.

[2]) Ibid. II, 283.

[3]) Ibid., II, 19—20.

[4]) Ibidem, стр. 24.

[5]) Ibid. 195—203.

о немъ можно судить по аналогіи съ другими сказками.— Три *качечки* прилетаютъ купаться. „Ажъ то не качечки, а тры царевны". Хлопецъ беретъ вѣночекъ старшей, и та безъ *вѣночка не можетъ летѣть*, и дѣлается его женой [1]). Типъ превращеній 12 утокъ почти тождественно выдержанъ и въ сказкѣ о превращеніи 12 голубокъ. Царевичъ получаетъ въ лѣсу указаніе отъ бабы, что къ ставку „прылитае дванадцять голубокъ купатыся: одынадцять виддаваныхъ, а идна ни; котора невиддавана, та буде зъ самого заду скидаты крыла, а ты визьмы та й сховай" [2]). Голубка обращается въ дѣвицу и послѣ исполненія царевичемъ задачъ, указанныхъ отцемъ чародѣемъ, задачъ въ родѣ того, чтобы въ одну ночь была посѣяна пшеница и испечена изъ нея булка, или чтобы въ одну ночь выстроенъ былъ *палацъ*, дѣлается его женою [3]). О превращеніи жены въ голубку по одному слову мужа, произнесшаго въ радости: „голубко моя!" было уже сказано. Подобный же, очевидно, позднѣйшій смыслъ придается и превращенію ласточки. По народному сказанію, это мужъ и жена. „Чоловикъ шось ризавъ та покалявъ рукы у кровъ, а вона до ёго и прыйшла та такъ биля ёго и вьеться. Отъ винъ взявъ іи пидъ бороду: „ластивко, кае, моя". тай поцилувавъ, та въ двохъ и полетилы ластивкамы; отъ-то у неи и знать пидъ горломъ красненьке" [4]).—Новѣйшій фактъ— изображеніе орла на государственномъ гербѣ также вставленъ въ схему превращенія. Народъ говоритъ, что „орлы изъ царей, и потому даже теперь орлы вырѣзаны на царскихъ печатяхъ" [5]).

Существуетъ довольно распространенный отдѣлъ сказокъ, гдѣ волшебница или мачиха дѣлаетъ такъ, что жена царя превращается въ утку, въ птицу, въ щуку.—Царевна Оленка превращена въ уточку. Оленка была женой змія; работница-волшебница, чтобы занять ея мѣсто, превратила ее въ утку—*золота пиръинка, срибна пиръинка на ній, сама золотоголова.*

---

[1]) Ibid. II, 358.

[2]) Ibid , II, 391.

[3]) Ibidem, стр. 392.

[4]) Драгом., Малр. н. пр. 7.

[5]) Тр. этн. экси., I, 64.

Братъ ея сдѣланъ былъ баранчикомъ; онъ прибѣгаетъ къ озеру и поетъ: „Сестрычко Оленко, прыплынь, прыплынь до бережечка, братикъ плаче, исты хоче“ [1]). Когда она прилетаетъ плакать къ своимъ умершимъ дѣткамъ, царь-отецъ велѣлъ схватить ее; потомъ „былы іи поты, покы пиръя спало, и покы вона стала така, якъ и спершу була“ [2]). Дочь бабы превращаетъ свою сводную сестру въ птицу, и та прилетаетъ кормить свое дитя. Мужъ ее схватилъ, „вдарывъ по ній тречы прутыкомъ, и вона стала жинкою“ [3]). Даже умершая мать превращается въ кукушку. У одного человѣка умерла жена, и онъ женился на молодой; было у него пятеро дѣтей, и мачиха такъ возненавидѣла ихъ, что порѣзала ихъ и спрятала *въ комору* подъ по мостъ. „Перва жинка прилетыть зузулею да сяде на покути на колочку дай куе: „Куку, диты, куку, лебедята, горегореваты, де чужая маты поризала, порубала, пидъ мистъ поховала... Охъ мои диточкы!“ [4])—Мачиха превращаетъ свою падчерицу въ щуку. Лакей изъ жалости носитъ къ ней дитя кормить. Панъ, ея мужъ, увидѣлъ это, велѣлъ забросить сѣть и поймать ее. „Панъ веливъ наризаты ризокъ и давай іи сикты. Вже вона сердешна перекыдалась, перекыдалась, и жабою, й гадюкою, й зозулею, винъ усе сиче; дали вже взяла й перекынулась жинкою“ [5]). Эта сказка вводитъ насъ въ ту область миоическаго воззрѣнія, по которому одинъ и тотъ же предметъ могъ принимать многоразличные образы. Сила, которая даетъ возможность принимать различные образы, сохраняется, по народному повѣрью, еще и въ настоящее время; ею теперь обладаютъ темныя, существа—вѣдьма и чертъ.

Такія многоразличныя превращенія одного и того же существа выступаютъ въ сказкѣ „Про царевича жинку, що зроблено гускою“. Любовница царевича получаетъ отъ бабы ленту и палочку, которой бьетъ царевну, и та „перекынулась мышою, котомъ.

---

[1]) Труды этн. эксп., II, 470.

[2]) Ibidem, стр. 473.

[3]) Ibid., стр. 467.

[4]) Ibid., 475.

[5]) Ibid., II. 464—5.

собакою, вовкомъ, всякою-всякою звириною перекыдалась, а та все бье... Поты была, поты была, ажъ покы не перекынулась гускою и не полетила" [1]).—Въ другой сказкѣ богатырь Сучченко добываетъ царевну, но она оборачивается щукой и бросается въ воду,—богатырь Вернывода уничтожаетъ воду и схватываетъ ее, тогда она оборачивается бѣлкой и бросается на дубъ,—богатырь Вернydубъ выворотилъ всѣ дубы и поймалъ ее,—она оборачивается мышью и прячется въ пору (на горѣ),—богатырь Верныгора переворотилъ гору и наконецъ добылъ ее [2]). — Тромъ-сынъ (пріемышъ трехъ: Бога, свв. Петра и Павла) получаетъ способность превращеній. Пошелъ онъ добывать царевну, „черезъ биле поле скынувся голубкомъ та перелетивъ; черезъ густый лисъ скынувся медведемъ та перешовъ; черезъ сыне море скынувся окунцемъ та переплывъ; у домъ влетивъ мушкою; а до царевны пидошовъ комашкою, перекынувся чоловикомъ и ставъ и стоить" [3]). Тромъ-сынъ на вопросъ царевны, какъ онъ къ ней пришелъ, снова принимаетъ всѣ тѣ образы, въ которые онъ превращался.—О томъ, какимъ образомъ *Охъ, або чортъ* принимаетъ различные образы и какъ онъ превращаетъ своихъ слугъ, было уже сказано.

Къ такимъ же многоразличнымъ превращеніямъ относится циклъ сказокъ, гдѣ герои принимаютъ даже сложные образы, такъ, напр., героиня дѣлается стадомъ овецъ, а герой пастухомъ, или же пасѣкой и пасѣчникомъ. Сказки этого рода построены по слѣдующей схемѣ: царевичъ спасаетъ отъ змія царевну,—змій бросается въ погоню; тогда они превращаются въ различные предметы до тѣхъ поръ, пока змій не лопнетъ. Болѣе типичною сказкою для объясненія подобнаго рода превращеній служитъ сказка „Царъ-змій" [4]). Купецъ посылаетъ своего приказчика къ царю-змію достать отъ него три пера; приказчикъ находитъ у змія похищенную имъ царевну, и вмѣстѣ съ нею они рѣшаютъ спастись. Царевна говоритъ, что у нея есть

[1]) Ibid., 458.
[2]) Ibid., II. 268-9.
[3]) Ibid., 338.
[4]) Ibid. 133—138.

такая книга, „що якъ прочитаешъ іи то заразъ зробысься чимъ захочешъ: чы звиромъ, то й звиромъ, чы птыцею, то й птыцею“ [1]). Подѣлались они птицами и полетѣли, а змѣй за ними въ погоню. Царевна говоритъ: сдѣлаюсь я человѣкомъ и послушаю, не гудетъ ли земля; она слышитъ—гудетъ земля отъ погони, и говоритъ: „зроблюсь же я пасикою, а ты старымъ пасичныкомъ; а якъ винъ спытае, чы не бачывъ ты такой то й такои,—то кажы, що бачывъ тоди, якъ бувъ ще молодымъ“. Змѣй возвратился *до палацу*, а они подѣлались птицами и снова полетѣли,—снова погоня. Они сдѣлались *дидомъ и бабою.* Змѣй снова былъ обманутъ и опять пустился въ погоню. Царевна говоритъ: „робысь ты скорійшъ моремъ, а я зроблюсь качкою. А ось и змій прылитае, да такій же злый, що ажъ пина зъ рота котытся. Якъ побачивъ винъ ту качку, такъ заразъ и пизнавъ, що то не качка, а царивна, тай хтивъ винъ еи зловыты. Що кинеться на ню, то вона и пурне; не може ніякъ еи змій зловыты. Винъ тоди почавъ воду пыты, щобъ выпыты все море; пывъ-пывъ, поты пывъ, покы ажъ не лусьнувъ“ [2]). Они дѣлаются людьми и снова еще принимаютъ образъ птицъ. Сказка „про персыцького царевича“ представляетъ варіантъ предыдущей. Здѣсь царевичъ спасается отъ чародѣя, у котораго похищаетъ себѣ въ жены его младшую дочь, при помощи такихъ же сложныхъ образовъ. Они дѣлаются голубемъ и голубкою, *каплыцею и дидомъ,* стадомъ овецъ и пастухомъ, она стала моремъ, а онъ рыбкой. Чародѣй распалился и разгнѣвался до того, что захотѣлъ море выпить; онъ пилъ до тѣхъ поръ, пока не сгинулъ; а они снова сдѣлались голубемъ и голубкой и улетѣли [3]).

Хр. Ящуржинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Ibid. 135.

[2]) Ibidem, 136.

[3]) Ibid., 195—203.

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

IV.

Охотничье настроеніе. — Женщины. — Охоты. — Оригиналы. — Бердичевъ. — Ярмарки.

Я совсѣмъ не имѣю намѣренія говорить ни о политическихъ обществахъ, ни о политическихъ заговорахъ, ни о бунтахъ; я отмѣчаю ихъ лишь постолько, посколько эти обстоятельства вторгались въ жизнь, которою я жилъ. Заговоры были подавлены, бунтъ усмиренъ, а о политическихъ обществахъ остались только преданія, какъ объ обломкахъ потерпѣвшаго крушеніе корабля. Правительство выказало мощный умъ, силу и энергію. Населеніе не дало увлечь себя стремленіямъ, которыхъ оно не понимало и которыя не находили отклика ни въ его умѣ, ни въ его сердцѣ. Наказанія были суровы, но заслужены.

Всѣ эти обстоятельства произвели, однако, сильное возбужденіе на Волыни, Подоліи и Украинѣ. Это возбужденіе наиболѣе отразилось на молодежи и женщинахъ. Люди средняго возраста и состоянія, хотя не принадлежали ни къ какимъ обществамъ и знали о заговорахъ столько же, сколько и о желѣзномъ волкѣ, были выбиты изъ колеи, сидѣли по домамъ, не выѣзжали ни въ города, ни въ мѣстечки, собирались маленькими обществами, и то въ ближайшемъ со-

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1891 г., № 2.

сѣдствѣ, играть въ вистъ и въ марьяжъ, чему былъ несказанно радъ извѣстный игрокъ, п. Струмилло, потому что онъ не только обучалъ ихъ игрѣ, но и сообщалъ имъ новости, о которыхъ они боялись даже услышать. Да и какъ было имъ не бояться, когда въ Житомирѣ сидѣли подъ стражей п. Северинъ Залѣсскій, бывшій маршалъ житомирскій, и п. Адамъ Пулавскій, потомокъ основателя барской конфедераціи, состоявшій въ родствѣ съ знатнѣйшими мѣстными шляхетскими семействами. Если не посмотрѣли на такихъ тузовъ, то что же могутъ сдѣлать съ мелкой шляхтой?

Молодежь начала охотиться, разъѣзжать по ярмаркамъ, вести, точно на масляницѣ, разгульную, кочевую жизнь, и какъ прежде пересѣла съ коней въ экипажи, такъ теперь опять садилась на коней. За нѣсколько лѣтъ предъ этимъ на двадцать миль кругомъ едва можно было найти пару борзыхъ и то большею частью плохихъ, а теперь всѣ наперерывъ хлопотали о борзыхъ и верховыхъ лошадяхъ. Экипажи—фи! они нужны только для стариковъ и больныхъ! Юношѣ-шляхтичу нуженъ осѣдланный конь. Измѣнился свѣтъ, измѣнились люди!

Графъ Туркутъ, предсѣдатель кіевскій, промѣнялъ село съ нѣсколькими десятками душъ крестьянъ на пару борзыхъ, и и въ память такого дѣянія село было прозвано „Два пса“, и осталось съ такимъ названіемъ на послѣдующее время.

Генералъ Корженевскій, мой дядя, который въ продолженіе своей долговременной военной службы командовалъ эскадрономъ и бригадой, не садясь ни разу на коня, добылъ себѣ откуда то изъ Литвы борзыхъ и бѣлую верховую лошадь, доставшуюся впослѣдствіи мнѣ, когда генералъ-лейтенантъ свалился съ нея въ присутствіи государя Николая Павловича.

Такъ какъ борзыя вошли въ моду, то начались и спекуляціи. Какой то старый шляхтичъ, еще изъ барскихъ конфедератовъ, по фамиліи Яголковскій, который проживалъ со времени раздѣла Польши въ Молдавіи и Валахіи и терпѣлъ большую нужду, такъ какъ не хотѣлъ ни работать, ни добывать хлѣбъ при помощи аршина или кварты, чтобы не опозорить шляхетскаго достоинства, но по шляхетскому обычаю—„коли бѣда,

такъ до жида"—жилъ на счетъ евреевъ, узнавъ отъ нихъ, что творится на святой Руси, прибылъ въ окрестности Бердичева съ молдавскими и волошскими борзыми. Сбывши одинъ транспортъ безъ помощи евреевъ,—теперь онъ сталъ даже бить ихъ, потому что нужда уже миновала, — Яголковскій отправился за другимъ, затѣмъ за третьимъ, четвертымъ и т. д., такъ какъ спросъ на этотъ товаръ былъ большой. Черезъ два года купилъ онъ себѣ деревеньку за 40,000 злотыхъ польскихъ. да хозяйственныхъ принадлежностей пріобрѣлъ на 5,000.

Капитанъ Лаговскій, прозванный Капціо, изъ наполеоновской арміи, братъ почтеннаго полковника Петра Лаговскаго, тотъ самый Капціо, который, не умѣя командовать ни по польски, ни по французски, ни на какомъ другомъ языкѣ, имѣлъ привычку отдѣлываться ничего незначущими возгласами: туфъ-тафъ! и наконецъ „маршъ!", такъ вотъ этотъ то Капціо. услышавъ объ Яголковскомъ, взялся самъ за спекуляцію, гдѣ. не имѣя дѣла ни съ аршиномъ, ни съ квартой, онъ не опозорилъ бы шляхетскаго званія, которое, какъ ни какъ, а, ради памяти предковъ, доброй гербовой шляхты, надо сохранять незапятнаннымъ. Купилъ себѣ бродскую бричку, огромную, крытую бѣлымъ полотномъ, точно передвижной шатеръ, запрегъ въ нее четверку лошадей. Въ эту бричку посадилъ нѣсколько борзыхъ для охотниковъ, нѣсколько комнатныхъ собакъ для любителей, нѣсколько обезьянъ для модничающихъ паней. нѣсколько попугаевъ для старыхъ ханжей, сошедшихъ со сцены, и такъ разъѣзжалъ изъ дома въ домъ, какъ бернардинъ за милостыней. И этотъ черезъ два года сталъ помѣщикомъ.

И Крымъ не остался глухимъ къ слухамъ объ этомъ: татары привезли въ Бердичевъ крымскихъ гончихъ, раскрашенныхъ въ красный, зеленый и голубой цвѣта. Моя сестра Ружицкая купила въ подарокъ мнѣ двухъ такихъ гончихъ. Она уже говорила о томъ, какіе будутъ щенки отъ такихъ цвѣтныхъ родителей, когда ея мужъ велѣлъ вымыть собакъ мыломъ и тереть ихъ щеткой, пока они не сдѣлались бѣлыми, какъ снѣгъ. Это подало поводъ ихъ маленькому сынку, Стасю, велѣть раз-

ложить зашедшаго во дворъ цыганенка и мылить его и тереть щеткой, пока не побѣлѣетъ. Цыганенокъ визжалъ, какъ будто съ него сдирали кожу. Его отняли, но ничего нельзя было сказать Стасю: онъ дѣйствовалъ по примѣру отца.

Вся округа была одержима бѣсомъ охоты; у меня было болѣе тридцати борзыхъ.

То, что прежде бывало только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, теперь получило широкое распространеніе во всѣхъ трехъ губерніяхъ: начались собранія охотничьи, танцовальныя, научныя и даже музыкальныя и театральныя. Край раздѣлился на округа и въ каждомъ округѣ сосѣди собирались и ѣхали въ одинъ изъ болѣе зажиточныхъ домовъ, гдѣ проводили нѣсколько дней и снова цѣлымъ поѣздомъ ѣхали въ другой домъ; поѣздъ увеличивался отъ десятковъ до сотенъ. Изъ городовъ, въ назначенные дни, пріѣзжали на эти пиршества чиновники, военные и всякіе вообще люди шляхетскаго званія. Съ утра ѣхали на охоту; въ полдень дамы, одѣтыя по утреннему, привозили завтракъ; послѣ завтрака охотились еще, болѣе изъ угожденія прекраснымъ панямъ, чѣмъ ради дичи; возвращались домой къ обѣду, а послѣ обѣда начиналась музыка, танцы, часто театральныя представленія, пѣніе, ученыя бесѣды, чтеніе литературныхъ произведеній.

Съ 4-го іюля, дня св. Іосифа Каласантскаго, начиналась охота на птицъ: утки, гуси, дупеля, куропатки, тетерева, глухари, ястребы—все это падало подъ выстрѣлами охотниковъ. Старые въ экипажахъ и на смирныхъ лошадяхъ, паничи съ буфетчиками, съ повѣшенными черезъ плечо коробками, приставали къ этимъ охотамъ. Буфетчикъ съ шестомъ въ рукѣ командовалъ, а паны-поваренки и мужики-прислужники маневрировали съ сѣтями и шнурами; лягавыя вертѣли хвостами, загоняли стада и дѣлали стойку; верховые натягивали сѣти, а что ушло отъ верховыхъ, погибало подъ когтями соколовъ и кречетовъ, которыхъ буфетчики пускали съ шеста на бѣдныхъ перепелокъ. Въ это самое время были жнива, сгребанье, вязка и складыванье сноповъ въ копы, и пани и панны украшали себя вѣнками изъ васильковъ, маку, колокольчиковъ, одѣвались

въ батистовыя рубашки, вышитыя бѣлымъ, и, какъ простыя крестьянки, разыгрывали роль жницъ.

Со дня св. Варѳоломея, 15 августа, начиналась охота на волковъ. Молодыхъ звѣрей приманивали, подражая вою старыхъ, а поутру приманивали старыхъ подражаньемъ вою молодыхъ, и обманутыхъ такимъ образомъ отдавали въ жертву выстрѣламъ охотниковъ и зубамъ гончихъ.

Со дня св. Михаила начиналась охота съ борзыми въ степи, съ гончими въ лѣсу, облавы въ тростникахъ на большого и малаго звѣря, въ пущахъ на кабановъ, на лосей, оленей, нерѣдко на рысей, подчасъ на медвѣдей, съ борзыми, облавой, на дрофъ и куропатокъ съ подъѣздомъ, на утокъ и гусей на озерахъ, на тетеревовъ съ чучелами въ будкахъ.

Съ поминальнаго дня, когда сойдетъ снѣгъ, начинали охотиться съ борзыми, съ гончими, съ ружьемъ; начинались ночныя охоты на волковъ съ поросенкомъ и изъ засады. И такъ продолжалось до 15 февраля, когда кончалась охота.

Старшіе мало по малу примкнули къ молодежи. Знакомились другъ съ другомъ; гербовые сходились съ негербовыми. Пріучались къ трудамъ, отвагѣ, сметливости, предусмотрительности, чтобы быть всегда наготовѣ. Младшіе разсказывали, старшіе давали совѣтъ. Женщины поощряли къ охотничьимъ подвигамъ, а въ награду забавлялись и никто не помышлялъ объ усталости, объ отдыхѣ. Гуляли до поздней ночи, а съ разсвѣтомъ были уже на охотѣ. Рыцарство закалялось, знакомилось съ охотой, привыкало умываться дождемъ, обсушиваться на вѣтрѣ, отдыхать на голой землѣ, мало спать и всегда быть на ногахъ.

Учились обращаться съ оружіемъ и убивать; то была рыцарская школа для охотниковъ. А панны-чародѣйки были душею, красою, поэзіей этой школы, такъ какъ, пусть что хотятъ говорятъ, а общество мужчинъ, изъ какихъ бы людей оно ни состояло, какъ только въ немъ нѣтъ женщинъ, должно въ концѣ концовъ или огрубѣть, или демократизироваться,—у насъ были женщины и наше общество осталось рыцарскимъ, польской шляхтой.

Послѣ Іосифа Стецкаго, объ охотахъ котораго я уже говорилъ, самыя извѣстныя охоты были у Чечеля, на Волыни, и у генерала Козловскаго, въ Лозовѣ, на Украинѣ, да еще у гусарскаго маіора Эмме, подъ Любаромъ; эти три охоты различались по своей организаціи и заслуживаютъ упоминанія.

У Чечеля псарня была и немногочисленная, и не отборная, но отличалась нѣмецкой систематичностью, прусскимъ порядкомъ, собаки были отмѣчены клеймомъ съ гербомъ Чечеля и номеромъ; мѣшки съ сѣтями, запасами, съ аммуниціей, съ оружіемъ и самое оружіе—все было заклеймено и занумеровано. Ловчіе, доѣзжачіе, псари, кучера—всѣ были въ зеленыхъ ливреяхъ, съ гербовыми пуговицами и со знаками, показывавшими функціи и должность каждаго. Все было взвѣшено и измѣрено. Каждый день составлялись рапорты, велись формулярные списки охотниковъ и собакъ съ отмѣтками смотрителя, который два раза въ мѣсяцъ дѣлалъ смотръ. Эта охота напоминала, однако, большую тучу, которая разражается маленькимъ дождикомъ. На этихъ охотахъ все было слишкомъ уже по нѣмецки, и крѣпкоголовые русины не могли къ этому привыкнуть.

У генерала Козловскаго было иначе. Онъ былъ козакъ изъ Украины, сынъ генерала и адъютанта Суворова, прозваннаго имъ „знайкой" по слѣдующему поводу. Суворовъ имѣлъ обыкновеніе въ дорогѣ имѣть подлѣ себя адъютанта и спрашивать его: чья это деревня? чей это домъ? чьи лошади? И если только адъютантъ отвѣчалъ ему: „не знаю", кричалъ: „прочь, незнайка!" и тотчасъ высаживалъ изъ повозки и увольнялъ отъ адъютанства. Во время итальянской кампаніи не достало у него адъютантовъ—всѣ были „незнайки"; онъ взялъ перваго уланскаго офицера, попавшагося ему на глаза. Выборъ палъ на поручика Козловскаго, который слышалъ объ этихъ увольненіяхъ и, такъ какъ козачья голова умна, тотчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло. Спрашиваетъ Суворовъ: „чей это дворецъ?" Козловскій безъ запинки отвѣчаетъ: „маркиза Альдобранди".—„Чьи лошади?"—„Аббата Сталинелли". И такъ отвѣчалъ на всѣ вопросы. Суворовъ говорилъ: „знайка" и постепенно подвигалъ его по

службѣ, пока онъ не дослужился до генеральскаго чина. Только смерть Суворова разлучила ихъ другъ съ другомъ.

Какъ отецъ не вѣдалъ слова: „не знаю", такъ сынъ не понималъ слова: „нельзя".

Подъ Эриванью съ 3,000 конницы разбилъ онъ стотысячное войско Аббасъ-Мирзы и Эривань досталась Россіи. Чрезъ горы, по которымъ могутъ ходить только армянскія и курдистанскія козы, перешелъ онъ съ кавалеріей до Эрзерума, и отъ Эрзерума до Требизонта — купать коней въ Черномъ морѣ. Возвратившись въ Лозовъ, онъ занимался охотой съ убѣжденіемъ, что если офицеры хороши, то всякое войско должно быть хорошо, а чтобы офицеры были хороши, надо поднять въ нихъ духъ по старинному. Онъ муштровалъ козаковъ, офицеровъ охоты, отъ нихъ требовалъ много, а отъ собакъ только того, чтобы они шли туда, куда идутъ козаки.

Майоръ Эмме училъ своихъ собакъ палкою и плетью. А что можетъ сдѣлать въ хорошихъ рукахъ добрый арапникъ нетолько созвѣрями но и съ людьми! И въ этомъ отношеніи и люди не отличаются отъ звѣрей, какъ утверждаютъ нѣкоторые.

Четвертымъ, самымъ необыкновеннымъ охотникомъ, безъ собакъ и безъ ловчихъ, какъ король Іоаннъ безъ земли, какъ первый вождь эмигрантовъ безъ войска или диктаторъ безъ страны, былъ камергеръ Вонсовичъ. Онъ охотился языкомъ. Такъ, въ какой то литовской пущѣ, продираясь черезъ кусты, онъ потерялъ ружье, и когда ему встрѣтился медвѣдь, огромное чудовище, камергеръ угостилъ его албанскимъ табакомъ, и пока медвѣдь чихалъ, взялъ его на арканъ и доставилъ королю Станиславу-Августу, чтобы онъ тамъ протанцовалъ менуэтъ съ пани Косовской. Разсказывалъ онъ также, нисколько не смущаясь, какъ въ лѣсу онъ напоилъ водочной брагой стадо кабановъ, и пьяныхъ пригналъ ихъ на господскій дворъ въ Ставки,

гдѣ свирѣпствовалъ такой голодъ, что рѣшили уже бросать жребій, кого изъ крестьянъ и крестьянокъ ѣсть по очереди.

Сенаторъ Илинскій устроилъ даже охоту на лосей въ своемъ Новомъ Римѣ. Сенаторъ Илинскій былъ особой исторической, камергеръ и любимецъ императора Павла, гражданско-военный кардиналъ in partibus, директоръ инквизиціи, управляемой о.о. іезуитами, водворенной на романовскихъ болотахъ, на которыхъ стояла Roma Nuova.

Въ Новомъ Римѣ былъ большой дворецъ съ огромными окнами въ одно стекло, съ колоссальными зеркалами. Панъ сенаторъ сидѣлъ въ кардинальской пурпуровой мантіи, украшенный звѣздами и орденами, возлѣ него пани сенаторша, по одной сторонѣ нѣсколько іезуитовъ, а по другой нѣсколько гусаровъ. Пріемъ былъ панскій; охота, которою распоряжались два сына сенатора, удалась прекрасно. Но что больше всего врѣзалось мнѣ въ память, это итальянская опера „Донъ-Жуанъ", исполненная крѣпостными артистами пана сенатора.

Панъ сенаторъ, пользуясь своимъ значеніемъ въ Римѣ, съ дозволенія св. отца, послалъ нѣсколько десятковъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ его столицу учиться пѣнію и музыкѣ. Такъ какъ это были подданные, записанные въ ревизскія сказки, и представлявшіе собственность пана сенатора, то чтобы имъ не захотѣлось вольности, сенаторъ помѣстилъ ихъ въ іезуитскую коллегію, подъ опеку и начальство о.о. іезуитовъ. Предпріятіе удалось; возвратились артисты,—ни одинъ не остался въ Римѣ,—и въ общемъ очень недурные. Панъ сенаторъ отдавалъ ихъ въ наемъ театрамъ житомирскому, бердичевскому, каменецъ-подольскому, а на время контрактовъ кіевскому, за это получалъ денежки звонкой монетой и дѣло шло хорошо.

Удивительная была въ то время бердичевская округа: полно жизни въ людяхъ, полно высокой фантазіи въ шляхтѣ, а оригиналовъ столько, что можно было подумать, будто разсыпался мѣшокъ съ ними на бердичевской ярмаркѣ. Въ прежнихъ моихъ произведеніяхъ я писалъ о нихъ и мнѣ не хотѣлось бы повто-

ряться, но, мнѣ кажется, нельзя не сказать о нихъ нѣсколько словъ, если, при каждомъ воспоминаніи о прошедшихъ годахъ, сами собой возникаютъ передъ моими очами ихъ образы.

Такимъ оригиналомъ былъ литовскій донъ Кихотъ, польскій шляхтичъ, татаринъ Липка Ахметовичъ, называвшій себя пашей, не сыномъ солнца, ибо этотъ титулъ принадлежитъ султану, но внукомъ князя, частный приставъ сенатора-кардинала Илинскаго, имѣвшій свой престолъ на развалинахъ ратуши Новаго Рима, товарищъ по мысли и перу графа Генриха Ржевускаго, поклонникъ и панегиристъ этого разумнаго человѣка, каратель и бичъ Божій на этого человѣка безъ сердца.

Отсылаю читателя къ написаннымъ мною прежде книжкамъ подъ заглавіемъ „*Gawędy*“, гдѣ я много писалъ объ этомъ литовскомъ донъ Кихотѣ, который, кромѣ рыцарскихъ вкусовъ героя Сервантеса, обладалъ еще даромъ второго вѣдѣнія и предвѣщанія. Онъ былъ лучшимъ предсказателемъ, чѣмъ Вернигора, потому что ни на Гончаровской долинѣ, ни на Перепетихѣ, ни на Янчинѣ не заиграли военныя трубы, англичанинъ поступилъ на службу къ нѣмцамъ, француза нѣмцы обобрали до рубашки, а турку и не снится поить коней въ Вислѣ,—хорошо, что нѣмцы и мадьяры не запрещаютъ ему поить коня дунайской водой.

Помню, какъ Ахметовичъ ѣздилъ изъ дома въ домъ и ворчалъ, какъ бы въ бреду:

— Внутри земли огонь горитъ и тлѣетъ, образуется кратеръ, выльется много лавы, но все кончится ничѣмъ, и такъ будетъ повторяться нѣсколько разъ, пока едино-язычные не соединятся въ единой вѣрѣ и въ единомъ дѣлѣ, тогда воспоютъ: „алиллуйа, алиллуйа“ и люди...

Каждый понималъ это какъ хотѣлъ, а Ахметовичъ прослылъ за предвѣщателя.

Два брата Каменскихъ: подканцлеръ изъ Рачекъ и камергеръ изъ Ружекъ. Подканцлеръ былъ страстный охотникъ и,

женившись, хотѣлъ, какъ говорилъ камергеръ, изъ своихъ дѣтей сдѣлать собакъ. У него было четыре сына: „Шумъ“, „Галасъ“, „Тартасъ“ (крикъ) и „Клопотъ“, и дочь „Бѣда“. Камергеръ первую дочь назвалъ Януаріей, желая имѣть живой календарь, но, какъ говорилъ подканцлеръ, дальше не поѣхалъ.

Оба эти сановника королей-саксонцевъ не вѣрили ни раздѣлу Польши, ни водворенію новой власти; присутствіе русскихъ чиновниковъ и войскъ они объясняли себѣ бунтомъ козаковъ, которые шатались гдѣ то тамъ подлѣ нихъ, на Украинѣ. Въ своихъ домахъ они не насиживали мѣста, были рѣдкими гостями; вся ихъ болѣе цѣнная утварь была сложена въ монастырѣ оо. кармелитовъ подъ охраной Божіей Матери бердичевской; скота они не имѣли, потому что онъ можетъ подохнуть, да и гайдамаки могутъ его угнать; полей не засѣвали, потому что гайдамаки могли бы потоптать хлѣбъ конскими копытами; крестьянъ отпустили на оброкъ; этотъ оброкъ и продажа лѣсовъ давали имъ достаточно дохода. Дочерей оставляли на сохраненіе сосѣдямъ по очереди; „Шумъ“ сдѣлался уланскимъ капитаномъ; „Галасъ“—ксендзомъ; „Тартасъ“ и „Клопотъ“—поручиками; а два старика продолжали ѣздить изъ дома въ домъ.

Пани Грабовская, владѣлица Ягорлыка, Слободищъ и многихъ другихъ деревень, была когда то влюблена въ Казиміра Пулавскаго, когда тотъ былъ еще простымъ „товарищемъ“ народной кавалеріи и лихо танцовалъ мазурку и обертаса; ей было лѣтъ за 70, у нея были уже внуки и правнуки, а она, въ память предмета своей давней любви, наряжалась въ уланскую куртку и подъ звуки цыганской музыки плясала до изнеможенія, а потомъ горько плакала. Она была бѣдовая баба. Въ гусарскомъ ротмистрѣ Гернгроссѣ, хоть и нѣмцѣ, она увидѣла какое-то сходство съ Казиміромъ Пулавскимъ. Это былъ бѣдный нѣмчикъ, одинъ изъ тѣхъ, что ежегодно тянутся изъ Вестфаліи и Гессена въ подкрѣпленіе нѣмцамъ, усѣвшимся въ Россіи. Нѣмчикъ, съ вѣдома полковника, тоже нѣмца, позволилъ полькѣ похитить себя. Нѣмчикъ былъ скромный, понятливый, извѣстно,

какъ нѣмчикъ, высланный на заработокъ въ славянскій край, готовый на все, чтобы только на старость не быть оборваннымъ нѣмцемъ, выучился говорить по польски, какъ Казиміръ Пулавскій, и танцовалъ, какъ и онъ, мазурку и обертаса, носилъ конфедератку. Черезъ годъ, худой какъ копченка, но съ набитыми золотомъ карманами, онъ перевелся въ гвардію и поступилъ въ адъютанты къ княгинѣ Б.

Воздухъ этой бердичевской округи былъ наполненъ духомъ высокой фантазіи, вслѣдствіе плодородной почвы или, можетъ быть, вслѣдствіе еврейскихъ штукъ, такъ какъ въ одномъ Бердичевѣ считалось по переписи 40,000 евреевъ.

Въ Бердичевѣ было ежегодно четыре ярмарки и каждая продолжалась почти 4 недѣли. На ярмаркахъ бывало по 40,000 лошадей въ табунахъ и по 20,000 въ конюшняхъ, по 100,000 головъ скота разнаго рода, а смолы и дегтю столько, что, кажется, хватило бы на всю Россію, а что касается до товаровъ, женскихъ уборовъ и украшеній, золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, то голова шла кругомъ при взглядѣ на все это. Были гастрономическія учрежденія, которыя сдѣлали бы честь Парижу, Лондону, Вѣнѣ и о которыхъ Стамбулу и не снилось; были кондитерскія, былъ театръ, гдѣ давались комедіи, трагедіи, мелодрамы, былъ циркъ. Бердичевъ съ Гнилопятомъ былъ все равно, что Стамбулъ съ Босфоромъ: кто въ немъ побылъ, тотъ никогда о немъ не забывалъ, а кто бывалъ тамъ на ярмаркѣ, тотъ непремѣнно хочетъ вернуться туда.

Шляхта и хлопы гуляли въ Бердичевѣ каждый по своему, но всегда по козацки.

Когда парубокъ хотѣлъ погулять во всю ивановскую, то покупалъ себѣ орѣховое сѣдло, сыромятную уздечку, ногайку и дикаго коня изъ табуна. Въ пятницу подъ вечеръ, когда евреи прекращаютъ торговлю и, готовясь къ шабашу, снуютъ по улицамъ, какъ муравьи, молодецъ сѣдлалъ своего коня передъ махновской, бѣлопольской или житомирской рогаткой, и вскочивши на него, мчался по улицѣ, поворачивалъ на право и на

лѣво, останавливался и, подбадривая нагайкой коня, колотилъ евреевъ; поднималась суматоха, крикъ, визгъ, но ни одинъ еврей не смѣлъ подступить ни къ коню, ни къ козаку, потому что ни отъ ногайки, ни отъ конскихъ копытъ не было защиты; всѣ толпятся, падаютъ другъ на друга, сбиваются въ кучу, какъ саранча, которая еще не можетъ летать. Когда парубокъ проѣдетъ такимъ образомъ до бродскихъ рогатокъ, за Гнилопятъ, то считается удальцемъ.

Шляхта копировала хлоповъ. Три брата Боровецкіе, получивъ огромное наслѣдство послѣ дяди, пропускали его слѣдующимъ образомъ. Въ огромной дядиной коляскѣ, запряженной восемью лошадьми, возсѣдали три брата, а передъ ними и возлѣ нихъ лежали мѣшки съ серебряными рублями; конные козаки ѣхали впереди и позади. Такъ они торжественно въѣзжали чрезъ махновскую рогатку передъ самымъ шабашемъ, когда вездѣ полно евреевъ. Экипажъ ѣхалъ шагомъ, а братья разбрасывали на право и на лѣво рубли. Евреи бросали ради шабаша торговлю, но не поднять рубля—это былъ бы непростительный грѣхъ; рубли падали подъ колеса, подъ лошадей, евреи дрались между собою, и пока братья доѣзжали до бродской рогатки, то была уже цѣлая куча избитыхъ евреевъ.

На жалобы евреевъ полиція отвѣчала:

— Чертъ его знаетъ, что за козакъ это былъ, откуда пріѣхалъ и куда уѣхалъ, ищи теперь вѣтра въ полѣ!

Сажали ихъ же въ холодную и евреи за все сами же платились.

Бердичевскіе пески были, какъ Gieta въ Римѣ, еврейскимъ кварталомъ. Онъ находился въ углу между Житомирской и Бродской улицей и былъ заслоненъ отъ людскихъ очей каменными домами израильскихъ богачей. Это были кучи деревянныхъ домиковъ, тѣснившихся другъ возлѣ друга, перерѣзанныя неправильными уличками въ разныхъ направленіяхъ. За мельницами пески соприкасались съ болотистой частью Гнилопята. На улицахъ въ дождливое время была такая грязь, что до-

ходила коню до брюха. Смрадъ тамъ былъ такой, что, пройдя нѣсколько шаговъ по этимъ пескамъ особаго рода, всякій чувствовалъ головокруженіе. На пескахъ нельзя было найти ни одного христіанина. Квартиры тамъ не отдавались; тамъ жили одни евреи, съ блѣдными, желтыми лицами, подслѣповатыми, гноящимися глазами, а подъ домами были подземныя помѣщенія, гдѣ находилось множество лошадей и несчетное количество различныхъ контрабандныхъ товаровъ. Если полицейскіе бывали вынуждены предпринять экскурсію въ эту часть города, то вымазывались дегтемъ, какъ во время чумы, быстро появлялись и не долго оставались. На этихъ израильскихъ пескахъ жило отъ 10 до 15 тысячъ человѣкъ; тамъ были сосредоточены наибольшія богатства. Были такіе завзятые раввины, что тамъ раждались, тамъ же и умирали, не подышавъ ни разу въ жизни инымъ воздухомъ.

При самомъ въѣздѣ въ Бердичевъ, у махновской рогатки была конная площадь; на небольшомъ отлогомъ возвышеніи обширное пространство, все заставленное клѣтками изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ. Туда во время ярмарокъ загоняли стада лошадей табунныхъ, заводскихъ, татарскихъ, киргизскихъ и всякихъ породъ азіатскихъ. Во всѣхъ конюшняхъ, во всѣхъ дворахъ были лошади. Въ то время лучшіе цуги выходили изъ стадъ президента Ивановскаго. Кромѣ лошадей въ станкахъ на ярмарочной площади, продавали лошадей въ табунахъ за городомъ, на бердичевскихъ лугахъ, и тамъ то выказывалась вся ловкость табунщиковъ и коней, бывшихъ подъ ними. Каждую ярмарку бывали конскіе бѣга на почтовой дорогѣ. Извѣстнѣйшими спортсменами были Запольскіе, Абрамовичи и Мирза-Али. Бывали огромные пари.

Говоря объ ярмаркахъ и о Бердичевѣ, нельзя пройти молчаніемъ Абрамовичей. Это было зажиточное семейство, владѣвшее почти всей округой Мурованой Махновки. Родъ Абрамовичей былъ татарскій, получившій шляхетское достоинство въ очень давнія времена. Абрамовичи были смѣлы, остроумны, расторопны, какъ истые татары; торговали лошадьми,

любили мѣнять товары и по этому поводу вошли въ сношенія съ бердичевскими евреями и спекулировали вмѣстѣ; они были настоящіе представители ярмарочной шляхты; надуть хоть родного отца на лошадяхъ—это былъ подвигъ, которымъ можно было похвастаться. Но между ними были весьма достойные люди.

Въ Бердичевѣ была главная таможня для всѣго приднѣпровья, но не мнѣ не приходилось слышать объ открытіи когда нибудь контрабанды, а ее постоянно искали. Усердны были чиновники; но, должно быть, бердичевскіе евреи были добросовѣстными исполнителями уставовъ и законовъ.

Бердичевъ приносилъ огромные доходы и владѣльцу, и казнѣ. Достаточно сказать, что за одно право продавать дрожжи платилось ежегодно 40,000 злотыхъ польскихъ. Польскій народный банкъ устроилъ два отдѣленія: въ Бердичевѣ и въ Одессѣ.

Я такъ много написалъ объ еврейскомъ Бердичевѣ, какъ будто писалъ о старомъ Кіевѣ, потому что, по моему мнѣнію, только эти два города во всей юго-западной Россіи носятъ особый отпечатокъ, чуждый иноземнаго вліянія, оба не подтянуты подъ западные образцы и формы. Здѣсь еще вѣетъ славянствомъ, шляхетствомъ, козачествомъ... Старый Кіевъ это всеславянская столица славянскаго духа. Послѣ поляковъ-козаковъ явились поляки-русины и должны еще явиться поляки-славяне, потому что это колыбель вѣры славянской, вѣры народной. Въ Кіевѣ пало славянское рыцарство, въ немъ оно ростетъ и выростетъ во всеславянскаго великана.

Бердичевъ былъ скиніей шляхетской гордости; и евреи, и ярмарки были такъ же необходимы для питанія этой гордости, какъ душа для тѣла. Шляхтичъ въ Бердичевѣ не танцовалъ, не развлекался, не набирался ума, а только ярмарковалъ. Вскочилъ на коня, проѣхалъ на немъ галопомъ, рысью, показалъ его, ударилъ по рукамъ, спрыснулъ продажу

венгерскимъ или водкой, на полученныя деньги сыгралъ съ гусарами въ билліардъ или проплясалъ трепака съ дивчиной и снова на коня, продавать или покупать. Когда нѣтъ денегъ,— *настала бѣда—такъ до жида*: „займи Мошко, займи Сруль!". А *послѣ бѣды—берегитесь, жиды!* „гнилоглазый Берка! пархатый Гершко!". Ничего этого не встрѣтишь ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ Германіи. Это было нѣчто чисто польское, шляхетское, гулящее, надменное, рыцарское и изъ этихъ ярмаркующихъ пановъ и балагулъ выйдутъ добрые славяне; они какъ были, такъ и останутся гордой шляхтой.

Въ этой округѣ процвѣтали не только ярмарки, но процвѣтали также и науки. Карлъ Сѣнкевичъ, изъ Калиновки; Янъ Сѣнкевичъ, трудолюбивый историкъ; Алексѣй Фелинскій. авторъ „Барбары"; Симонъ Конопацкій, чувствительный пѣвецъ идиллій; Піотровскій, талантливый изслѣдователь польскаго права и правъ иноземныхъ, имѣвшихъ примѣненіе въ Польшѣ; Словацкій, профессоръ литературы, отецъ Юлія Словацкаго; мои товарищи молодости, товарищи-саратники: Карлъ Ружицкій, Янъ Омецинскій, Михаилъ и Викентій Будзинскіе и др.—всѣ они были шляхтичи изъ бердичевскій округи, и всѣ показали, что умѣли владѣть и саблей, и перомъ.

Во всей Польшѣ, Литвѣ и юго-западной Россіи не было того, что было въ Бердичевѣ и въ его округѣ; тамъ гуляли пышно, шумно, по шляхетски, а не по французски и не по нѣмецки. Слово не говорилось на вѣтеръ, а дѣло было серьезнымъ дѣломъ.

Невозможно не помнить объ этомъ еврейскомъ Бердичевѣ; я уже состарѣлся, а все еще мечтаю о немъ, онъ такъ живо встаетъ передъ моими духовными очами, какъ будто я былъ въ немъ еще вчера, и я такъ люблю его, какъ будто бы долженъ былъ въ немъ жить и умереть.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Реформы въ Малороссіи при гр. Румянцевѣ.

Время Богдана Хмельницкаго, и въ частности 1654 годъ. можно назвать эпохой лишь внѣшняго политическаго соединенія Малороссіи съ русскимъ государствомъ, такъ какъ она сохраняла по прежнему свои національныя отличія, особенности внутренняго быта, самостоятельность административнаго и военнаго устройства, несмотря на частыя сношенія съ центральнымъ правительствомъ и присутствіе въ краѣ великорусскихъ чиновниковъ. Были времена, когда обособленность гетманщины нѣсколько уменьшалась, но наступали новыя, какъ, напримѣръ. въ царствованія императора Петра II и императрицы Елисаветы Петровны, когда ея автономія крѣпла, во всякомъ случаѣ полнаго слиянія Малороссіи съ прочими частями Россіи не было со времени Богдана Хмельницкаго болѣе столѣтія, т. е. съ 1654 года по 1764 годъ. въ которомъ было упразднено гетманское правленіе и который началъ собою новую эпоху въ исторіи Малороссіи, эпоху полнаго внутренняго слиянія Малороссіи съ другими областями обширной россійской имперіи. эпоху, главными дѣятелями которой были Екатерина Великая и графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій.

Послѣ того какъ было упразднено въ 1764 году гетманское правленіе и вмѣсто него учреждена малороссійская коллегія, президентомъ которой былъ назначенъ Румянцевъ, ассимиляція Малороссіи съ другими частями Россіи пошла быстрыми шагами, и наконецъ, указомъ 16 сентября 1780 г. повелѣвалось обсудить на мѣстѣ, какъ удобнѣе всего раздѣлить Малороссію на

три губерніи и каждую губернію на округи или уѣзды, указать губернскіе и уѣздные города и представить обо всемъ этомъ государынѣ для того, чтобы въ слѣдующемъ 1781 г. можно было ввести въ Малороссіи положеніе отъ 7 ноября 1775 г. о губерніяхъ [1]). Вслѣдствіе этого указа, Румянцевъ раздѣлилъ гетманщину на три губерніи: кіевскую, черниговскую и новгородъ-сѣверскую, что и было утверждено указами отъ 16 сентября 1781 г. [2]); одновременно онъ подалъ всеподданнѣйшую записку [3]), въ которой просилъ разрѣшить различные вопросы, возникшіе при новой организаціи управленія Малороссіей, и съ своей стороны предлагалъ различныя мѣропріятія. Записка эта представляетъ собою въ высшей степени важный историческій документъ, живо характеризующій личность Румянцева и его управленіе.

Близко и обстоятельно изучивши Малороссію, Румянцевъ затронулъ въ своей запискѣ столько вопросовъ, что трудно было разрѣшить ихъ, не ознакомившись съ ними предварительно въ подробностяхъ, а потому 26 октября 1781 г. послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя Румянцева, разрѣшавшій лишь нѣкоторые вопросы [4]).

Реформа малороссійскихъ полковъ и сотенъ въ военномъ отношеніи, почтоваго и таможеннаго дѣла и генеральное межеваніе отлагались до будущаго времени.

Съ большею частью проведенныхъ въ запискѣ взглядовъ Румянцева императрица Екатерина II не согласилась.

Румянцевъ находилъ затруднительнымъ создавать на первыхъ же порахъ малороссійское шляхетство или дворянство, хотя бы только и изъ козачьей старшины, такъ какъ далеко не всѣ, нобилитованные польскимъ правительствомъ или получившіе еще при гетманахъ права русскаго дворянства, могли

[1]) Шафонскій. Топографическое описаніе etc. Кіевъ. 1851 г. Стр. 128.

[2]) П. С. З. №№ 15,227, 15,228, 15,229.

[3]) Рукописные матеріалы, на основаніи которыхъ составлена настоящая статья, заимствованы нами изъ яготинскаго архива князя Николая Васильевича Репнина.

[4]) Шафонскій, o. c. pp. 130 sq. Срв. П. С. З. № 15,265.

документально доказать свое „прирожденное“ шляхетское происхожденіе, между тѣмъ какъ многіе „козаки, служа въ войскѣ и по земству, дослужились знатныхъ чиновъ и получили права шляхетства“. Кромѣ того, Румянцевъ находилъ такое оффиціальное выдѣленіе старшины, державшей себя и безъ того, благодаря своимъ земельнымъ богатствамъ, отдѣльно отъ остальной массы козачества, въ особое сословіе пока что и несправедливымъ, такъ какъ съ таковымъ выдѣленіемъ была связана и значительная разница въ правахъ: только утвержденные въ правахъ дворянства имѣли право выбора въ дворянскіе засѣдатели совѣстныхъ и верхнихъ земскихъ судовъ, въ предводители, въ уѣздные судьи и дворянскіе засѣдатели уѣздныхъ и нижнихъ земскихъ судовъ, а также право подсудности всѣмъ этимъ судебнымъ учрежденіямъ, тогда какъ, по мнѣнію Румянцева, и козаки, наравнѣ со шляхетствомъ, должны бы пользоваться уѣздными судами, а не нижними расправами, и что вообще эти послѣднія должны быть учреждены лишь кое-гдѣ, такъ какъ за исключеніемъ монастырскихъ и ранговыхъ крестьянъ, а также мѣщанъ, имѣющихъ свои управленія, коронныхъ или казенныхъ, или, такъ называемыхъ, свободныхъ войсковыхъ, подлежащихъ вѣдѣнію нижнихъ расправъ, оставалось очень мало.

Въ отвѣтъ на всѣ эти возраженія Румянцева, высшее правительство прислало, „для руководства и для наставленія дворянскихъ предводителей съ обществомъ, проектъ главы о дворянствѣ, въ которомъ *ясно и подробно* описаны всѣ тѣ качества и доказательства, которыя къ учрежденію благородства служатъ“. Императрица, желая выдѣлить въ Малороссіи дворянство, на подобіе великорусскаго, находила необходимымъ устроить расправы именно для козаковъ, предоставляя впрочемъ право рѣшать въ нихъ дѣла по старымъ правамъ, „до изданія лучшихъ и достаточнѣйшихъ“, почему и послѣдовало 22 сентября 1784 г. [1]) разъясненіе сената о подсудности козаковъ именно нижнимъ расправамъ, а 7 октября 1785 г. вышелъ

---

[1]) П. С. З. № 16,082.

высочайшій указъ на имя Румянцева объ увеличеніи числа нижнихъ расправъ въ Малороссіи [1]).

Выдѣляя шляхетство, императрица въ тоже время предоставляла козакамъ полную свободу записываться въ мѣщане и купцы, въ каковые были записаны также, по высочайшему повелѣнію, слободскіе раскольники, съ учрежденіемъ въ населенныхъ ими мѣстечкахъ черниговскаго и стародубскаго полковъ ратушъ. Съ увеличеніемъ такимъ образомъ числа мѣщанъ и купцовъ въ Малороссіи и со введеніемъ для нихъ общихъ положеній, не было надобности, конечно, держать особый словесный судъ для великорусскаго купечества въ г. Нѣжинѣ, а потому онъ и былъ уничтоженъ, согласно мнѣнію Румянцева.

Общая нивеллировка коснулась и нѣмецкихъ колоній, поселенныхъ Румянцевымъ въ 1766 г. въ нынѣшнемъ борзенскомъ уѣздѣ черниговской губерніи, подчиненныхъ, было, вѣдѣнію особаго коммиссара по административнымъ и судебнымъ дѣламъ,—нѣмцы приравнивались по своимъ правамъ къ казеннымъ крестьянамъ.

Ходатайство Румянцева объ устройствѣ въ г. Глуховѣ, въ домѣ, выстроенномъ для помѣщенія высшихъ присутственныхъ мѣстъ края, высшаго учебнаго заведенія, подъ названіемъ „Екатерининской коллегіи", также не было уважено императрицей, а самое зданіе было пожаловано приказу общественнаго призрѣнія новгородъ-сѣверской губерніи, для обращенія его „на дѣла полезныя". Отказано было также во временномъ оставленіи „на прежнемъ основаніи", учрежденныхъ за гетмановъ, „фузилерной роты и надворной конной команды" „въ сокращеніе излишнихъ расходовъ".

Какъ видимъ, Екатерина II и Румянцевъ не сходились въ основныхъ взглядахъ по отношенію къ управленію Малороссіей: Румянцевъ находилъ, что полная ломка старыхъ порядковъ еще не своевременна и что ассимиляція края съ остальными частями государства должно произойти постепенно, императрица же стремилась къ скорѣйшему уничтоженію мѣстныхъ особенностей

[1]) П. С. З. № 16,274.

и полному слiянiю, что рѣзко выразилось въ ея рескриптѣ Румянцеву тамъ—были разрѣшены въ благопрiятномъ смыслѣ лишь частные вопросы, во всемъ же, что противорѣчило ея принципiальнымъ взглядамъ было отказано.

Первымъ по важности вопросомъ изъ возбужденныхъ Румянцевымъ въ его запискѣ, но отложенныхъ до болѣе подробнаго и внимательнаго обсужденiя, былъ вопросъ о реформѣ малороссiйскихъ войскъ, къ разрѣшенiю котораго вскорѣ и было приступлено.

I.

Учрежденiе въ Малороссiи карабинерныхъ полковъ.

Румянцевъ писалъ въ своей запискѣ, что съ раздѣленiемъ Малороссiи на губернiи и уѣзды, новыя границы этихъ административныхъ дѣленiй большею частью не совпадаютъ со старыми границами полковъ и сотенъ и что, слѣдовательно, введенная реформа гражданскаго управленiя неизбѣжно ведетъ къ коренной реорганизацiи военнаго дѣла. Румянцевъ былъ того мнѣнiя, что всего правильнѣе замѣнить прежнiе девять малороссiйскихъ полковъ въ военномъ отношенiи десятью регулярными полками, составивши ихъ изъ „настоящихъ выборныхъ козаковъ", т. е. козаковъ по выбору, реестровыхъ, предназначенныхъ исключительно для военнаго дѣла, и раздѣливши ихъ на равные по числу людей эскадроны и роты, не стѣсняясь, конечно, при распредѣленiи козаковъ по полкамъ ихъ принадлежностью по мѣстожительству къ тому или иному уѣзду, и уравнять ихъ старшину въ соотвѣтственныхъ чинахъ съ военнымъ начальствомъ великорусскаго регулярнаго войска. Румянцевъ полагалъ, что такимъ способомъ малороссiйскie козаки могли бы въ непродолжительномъ времени постепенно безо всякой ломки превратиться въ регулярное войско, могущее быть всегда готовымъ на случай войны.

Находя это предложенiе Румянцева не вполнѣ еще всесторонне обдуманнымъ и нѣсколько несоотвѣтствующимъ ея

видамъ, императрица поручила ему подробно обсудить вопросъ о реформѣ малороссійскихъ войскъ по введеніи въ Малороссіи учрежденія о губерніяхъ, и представить ей свое мнѣніе.

Императрицѣ хотѣлось возможно скорѣе замѣнить вооруженныхъ поселянъ-козаковъ спеціально-организованнымъ регулярнымъ войскомъ, составивши его изъ мѣстнаго же населенія, но по общепринятому въ Россіи порядку.

Первымъ шагомъ болѣе ранняго времени въ этомъ направленіи былъ высочайше утвержденный 24 октября 1775 г. докладъ военной коллегіи о преобразованіи трехъ, находившихся въ Малороссіи, вольновербованныхъ компанейскихъ или иначе охочекомонныхъ (вольная конница) полковъ въ регулярные [1])—по своему составу и организаціи эти полки наиболѣе походили на регулярное войско, а потому реформировать ихъ не представляло особеннаго труда.

Въ 1783 г. послѣдовалъ высочайшій указъ военной коллегіи о реформѣ девяти малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ военномъ отношеніи, въ основу котораго легло мнѣніе Румянцева по этому вопросу.

Повелѣвалось набрать изъ малороссійскихъ козаковъ десять регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ, считая въ этомъ числѣ и три вышеупомянутые „легкоконные“ полка. Въ каждомъ полку должно было быть по шести эскадроновъ, по 138 человѣкъ въ эскадронѣ, или 828 человѣкъ въ полку, изъ коихъ 48 человѣкъ наиболѣе рослыхъ, нѣсколько обучившись, должны были ежегодно поступать на укомплектованіе одного кирасирскаго полка, а 120 человѣкъ, т. е. по 20 изъ каждаго эскадрона, должны были выбывать ежегодно изъ полковъ домой въ отставку, „на реверсъ въ ихъ домы“, такъ что срокъ службы былъ шестилѣтній и каждый седьмой годъ составъ полка долженъ былъ обновляться. Что касается офицерства, то оно должно было пополниться изъ представителей малороссійской старшины, по желанію и съ утвержденія высшаго военнаго начальства. Полки эти должны были содержаться изъ подуш-

[1]) П. С. З. № 14,385.

наго сбора, согласно указу отъ 3 мая 1783 г. [1]), съ козаковъ, по 1 р. 20 к. съ души. Уплата жалованья и пользованіе служебными правами должны были производиться соотвѣтственно учрежденію 1765 г. о преобразованіи слободскихъ козачьихъ полковъ въ гусарскіе [2]), а также согласно положенію о кирасирскихъ полкахъ, мундиръ которыхъ и вся аммуниція по новымъ образцамъ присваивалась и вновь учреждаемымъ малороссійскимъ полкамъ. Полки эти должны были квартировать въ селахъ по мѣстожительству козаковъ, входившихъ въ составъ каждаго даннаго полка.

Сверхъ всего этого указомъ отъ 28 іюля 1783 г. повелѣвалось:

1) „На всѣ конные полки вообще по арміи, кромѣ кирасирскихъ, отпускать ремонтныхъ лошадей по 30 р. за лошадь, при основаніи же первомъ каждой полкъ вступаетъ на тѣхъ лошадяхъ, кои у него имѣются; 2) изъ полку ингерманладскаго карабинернаго, которой слѣдуетъ къ упраздненію, укомплектовать прочіе карабинерные полки; 3) ново-троицкому кирасирскому полку вступить въ число полковъ, комплектуемыхъ изъ екатеринославскаго намѣстничества“.

Хотя приведенный указъ императрицы былъ данъ на имя военной коллегіи, которая и не замедлила, конечно, отдать приказанія главному кригсъ-коммиссаріату и провіантской канцеляріи о снабженіи вновь учрежденныхъ полковъ всѣми необходимыми вещами, продовольствіемъ и жалованьемъ, а также озаботилась о наименованіи этихъ полковъ карабинерными, согласно высочайшему указу отъ 9 февраля 1784 г. [3]), и объ утвержденіи въ офицерскихъ чинахъ избранныхъ представителей малороссійской козачьей старшины, но для скорѣйшаго введенія во вновь учрежденныхъ полкахъ полнаго порядка, Румянцевъ счелъ нужнымъ сдѣлать со своей стороны нѣкоторыя распоряженія, посланныя въ копіяхъ двумъ главнымъ началь-

---

[1]) П. С. З. № 15,724.

[2]) П. С З. №№ 12,293 и 12,344.

[3]) П. С. З. № 15,928.

никамъ малороссійскихъ войскъ, генералъ-поручику Нащокину и генералъ-маіору Каульбарсу, 6 февраля 1785 г. за №№ 224 и 225, и губернаторамъ—кіевскому, генералъ-поручику Ширкову, подъ № 226, и черниговскому, генералъ-поручику Милорадовичу, за № 227.

Румянцевъ предлагалъ раздѣлить три прежнихъ легкоконныхъ полка и девять козачьихъ на десять карабинерныхъ, равныхъ по числу людей въ нихъ, и указать квартиры для полковыхъ штабовъ и для размѣщенія эскадроновъ; распредѣлить людей изъ трехъ расформированныхъ легкоконныхъ полковъ по вновь учрежденнымъ полкамъ, приказавъ имъ немедленно явиться къ своимъ новымъ командирамъ, при распредѣленіи же стараться „не разбивать ихъ артелей съ надлежащимъ числомъ оберъ-и унтеръ-офицеровъ“; выбрать, для пополненія новыхъ десяти полковъ до полнаго комплекта, лучшихъ козаковъ изъ прежнихъ сотенъ, „изъ наличныхъ и по одобренію и изъ отлучныхъ“, давъ льготу одинокимъ хозяевамъ и единственнымъ сыновьямъ и свойственникамъ при дряхомъ отцѣ или родственникѣ-хозяинѣ; стараться произвесть наборъ изъ козаковъ тѣхъ бывшихъ сотенныхъ городовъ и мѣстечекъ, въ которыхъ будутъ находиться штабы вновь формируемыхъ полковъ и эскадроновъ, чтобы они могли сами себя содержать, пополняя лишь въ шестой долѣ до полнаго комплекта козаками изъ окрестныхъ селеній; уволить всѣхъ оставшихся за штатомъ при расформированіи сотенъ козаковъ по домамъ; представлять къ утвержденію въ офицерскихъ чинахъ бунчуковыхъ, войсковыхъ и значковыхъ товарищей, а также полковыхъ и сотенныхъ урядниковъ, преимущественно изъ участвовавшихъ въ первой турецкой войнѣ; приказать командирамъ карабинерныхъ полковъ списаться съ коммиссаріатской и провіантской коммиссіями о выдачѣ имъ необходимой обмундировки и продовольствія и назначить особыя команды для пріема всего этого; приказать пользоваться пока что своими лошадьми и прежнимъ оружіемъ, а послѣ полнаго снабженія отъ казны всѣмъ необходимымъ возвратить лошадей домой или ихъ владѣльцамъ, а „пушки и знамена и иныя военныя снаряды, кои полки и сотнѣ по прежней ихъ службѣ

имѣли", сдать комендантамъ городовъ и городничимъ; поручить ближайше вѣдать формированье карабинерныхъ полковъ вновь назначеннымъ бригаднымъ командирамъ, которые и должны были доносить обо всемъ подробно самому Румянцеву по мѣрѣ хода дѣла.

Вновь учрежденные карабинерные полки получили слѣдующія названія: лубенскій, переяславскій, сѣверскій, черниговскій, глуховскій, стародубскій, нѣжинскій, кіевскій, софійскій и тверской.

Для выполненія распоряженія Румянцева объ укомплектованіи карабинерныхъ полковъ по мѣсту стоянокъ въ февралѣ же 1785 г. были собраны предварительныя свѣдѣнія о количествѣ дворовъ по сотнямъ выборныхъ козаковъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ, и о числѣ душъ въ нихъ мужескаго пола.

Карабинерные полки были набраны изъ козаковъ по сотнямъ слѣдующимъ образомъ:

1. Лубенскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ лубенскаго и отчасти прилуцкаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ выборныхъ козаковъ, которые несли воинскую повинность, и число душъ въ нихъ мужескаго пола [1]) въ сотняхъ лубенскаго полка—въ перволубенской 13 дворовъ, 319 душъ, во второлубенской 129 дворовъ, 628 душъ, въ снѣтинской 55 дворовъ, 134 души, въ чернушской 59 дворовъ, 179 душъ, городищенской 47 дворовъ, 226 душъ, первосѣнчанской 85 дворовъ, 318 душъ, второсѣнчанской 106 дворовъ, 445 душъ, перволохвицкой 110 дворовъ, 431 душа, въ части второлохвицкой, сосѣдней съ селеніями перволохвицкой, 82 двора, 266 душъ, въ части янишпольской, сосѣдней съ селеніями второлохвицкой, 30 дворовъ, 130 душъ; въ сотняхъ прилуцкаго полка—въ жоравской 96 дворовъ, 586 душъ, въ первоварвинской 116 дворовъ, 1082 души, во второварвинской 122 двора, 938 душъ, въ сребрянской 147 дворовъ, 1109 душъ, въ части краснpoколядинской сотни, сосѣдней съ селеніями

---

[1]) Шафонскій, о. с. рр. 73—85. Число душъ по ревизіи 1764 г.

сребрянской сотни 78 дворовъ, 486 душъ, а всего набору въ лубенскій карабинерный полкъ подлежали 1275 дворовъ, 7277 душъ мужскаго пола.

2. Сѣверскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ миргородскаго и гадяцкаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ миргородскаго полка—въ первомиргородской 155 дворовъ, 692 души, во второмиргородской 100 дворовъ, 326 душъ, въ хорольской 138 дворовъ, 477 душъ, въ городищенской 132 двора, 411 душъ, въ голтвянской 118 дворовъ, 1135 душъ, въ бѣлоцерковской 65 дворовъ, 479 душъ, въ остаповской 68 дворовъ, 106 душъ, въ богацкой 76 дворовъ, 587 душъ, въ устивицкой 56 дворовъ, 676 душъ, въ хресковской 43 двора, 43 души, въ сорочинской 81 дворъ, 213 душъ, въ шишацкой 82 двора, 403 души; въ сотняхъ гадяцкаго полка—въ первоковалювской 73 двора, 120 душъ, во второковалювской 70 дворовъ, 124 души, въ первоопошанской 127 дворовъ, 189 душъ, во второопошанской 90 дворовъ, 146 душъ, въ третьеопошанской 120 дворовъ, 220 душъ, въ куземинской 104 двора, 173 души, въ груньской 162 двора, 218 душъ, въ лютенской 220 дворовъ, 324 души, въ третьезенковской 146 дворовъ, 197 душъ, а всего набору въ сѣверскій карабинерный полкъ подлежало 2226 дворовъ, 7259 душъ.

3. Софійскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ прилуцкаго и нѣжинскаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ прилуцкаго полка—въ полковой-прилуцкой 123 двора, 1142 души, въ переволочанской 116 дворовъ, 972 души, въ части красноколядинской сотни, сосѣдней съ селеніями иваницкой сотни; 51 дворъ, 442 души, въ иченской 160 дворовъ, 1194 души; въ сотняхъ нѣжинскаго полка—въ конотопской 65 дворовъ, 460 душъ, въ ивангородской 115 дворовъ, 1217 душъ, въ части бахмачской сотни, сосѣдней съ селеніями ивангородской сотни, 30 дворовъ, 135 душъ, а всего набору въ софійскій карабинерный полкъ подлежали 495 дворовъ, 7357 душъ.

4. Тверской карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ кіевскаго, переяславскаго, прилуцкаго, нѣжинскаго и чер-

ниговскаго полковъ, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ кіевскаго полка,—въ козелецкой 7 дворовъ, 257 душъ, въ носовской 4 двора, 131 душа, въ кобыжской 5 дворовъ, 178 душъ, въ кіевской 11 душъ бездомныхъ, въ гоголевской 185 душъ бездомныхъ, въ остерской 3 двора, 236 душъ, въ бобровицкой 15 дворовъ, 219 душъ, въ мринской 4 двора, 151 душа, въ бориспольской 69 дворовъ, 181 душа, въ моравской 12 душъ бездомныхъ. въ олишевской 53 двора, 308 душъ; въ сотняхъ переяславскаго полка—въ третьеполковой переяславской 129 дворовъ, 433 души, въ вороньковской 110 дворовъ, 329 душъ, въ барышевской 55 дворовъ, 140 душъ, въ березанской 203 двора, 502 души, въ басанской 141 дворъ, 341 душа, въ яготинской 130 дворовъ, 473 души; въ монастырищенской сотнѣ прилуцкаго полка 60 дворовъ, 544 души; въ сотняхъ нѣжинскаго полка—въ веркіевской 82 двора, 703 души и въ дѣвицкой 87 дворовъ, 651 душа; въ сотняхъ черниговскаго полка—въ вибельской 106 дворовъ, 517 душъ и въ слабинской 62 двора. 341 душа, а всего набору подлежали въ тверской карабинерный полкъ 1325 дворовъ, 6844 души.

5. Стародубскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ стародубскаго, черниговскаго и нѣжинскаго полковъ. въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ стародубскаго полка—въ первополковой 66 дворовъ. 386 душъ, во второполковой 64 двора, 443 души, въ новомѣстской 74 двора, 471 душа, въ первопочепской 114 дворовъ. 556 душъ, во второпочепской 103 двора, 563 души, въ мглинской 73 двора, 437 душъ, въ топальской 64 двора, 414 душъ, въ новгородской 67 дворовъ, 820 душъ, въ шептаковской 52 двора, 586 душъ, въ погарской 134 двора, 707 душъ, въ бакланской 84 двора, 693 души; въ части понорницкой сотни черниговскаго полка, сосѣдней съ селеніями новгородской сотни, 70 дворовъ, 287 душъ, и въ ямпольской сотнѣ нѣжинскаго полка 129 дворовъ, 854 души, а всего набору въ стародубскій карабинерный полкъ подлежали 1094 двора. 7217 душъ.

6. Глуховскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ нѣжинскаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ воронежской 121 дворъ, 911 душъ, въ глуховской 411 дворъ, 3842 души, въ кролевецкой 102 двора, 1296 душъ, въ коропской 112 дворовъ, 548 душъ, въ батуринской 195 дворовъ, 778 душъ, а всего набору въ глуховскій карабинерный полкъ подлежали 971 дворъ, 7375 душъ.

7. Кіевскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ гадяцкаго и лубенскаго полковъ, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ гадяцкаго полка—въ первогадяцкой 107 дворовъ, 186 душъ, во второгадяцкой 148 дворовъ, 254 души, въ третьегадяцкой 108 дворовъ, 167 душъ, въ рашевской 149 дворовъ, 225 душъ, въ первокамышанской 147 дворовъ, 283 души, во второкамышанской 103 двора, 132 души, въ веприцкой 125 дворовъ, 207 душъ, въ первозеньковской 173 двора, 305 душъ, во второзеньковской 161 дворъ, 264 души; въ сотняхъ лубенскаго полка—въ части янишпольской сотни, сосѣдней съ селеніями глинской сотни, 108 дворовъ, 497 душъ, въ глинской 232 двора, 1039 душъ, въ роменской 198 дворовъ, 665 душъ, въ хмеловской 233 двора, 1184 души, въ смѣлянской 125 дворовъ, 1065 душъ, въ константиновской 101 дворъ, 787 душъ, въ части второлохвицкой сотни, сосѣдней съ селеніями глинской сотни, 25 дворовъ, 103 души, а всего набору въ кіевскій карабинерный полкъ подлежали 2243 двора, 7363 души.

8. Переяславскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ переяславскаго и лубенскаго полковъ, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ переяславскаго полка—въ первополковой 140 дворовъ, 495 душъ; во второполковой 128 дворовъ, 476 душъ, въ трехтемировской 45 дворовъ, 122 души, въ глемязовской 150 дворовъ, 360 душъ, въ золотоношской 101 дворъ, 311 душъ, въ кропивянской 178 дворовъ, 414 душъ, въ прклѣевской 197 дворовъ, 1061 душа, въ каневской 108 дворовъ, 306 душъ, въ пещанской 62 двора, 159 душъ, въ домонтовской 26 дворовъ, 65 душъ, въ бубновской 9 дворовъ, 114 душъ, въ лѣплявской 26 дворовъ,

40 душъ; въ сотняхъ лубенскаго полка—въ чигриндубровской 121 дворъ, 324 души, въ жовнинской 95 дворовъ, 754 души, въ горошинской 17 дворовъ, 179 душъ, въ лукомской 110 дворовъ, 334 души, въ яблуновской 115 дворовъ, 332 души, въ первопирятинской 114 дворовъ, 782 души, во второпирятинской 44 двора, 285 душъ, въ курѣньской 61 дворъ, 221 душа, а всего набору въ переяславскій карабинерный полкъ подлежали 1847 дворовъ, 7134 души.

9. Черниговскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ черниговскаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ черниговской 62 двора, 347 душъ, въ бѣлоусской 68 дворовъ, 599 душъ, въ роѣцкой 89 дворовъ, 707 душъ, въ любецкой 62 двора, 599 душъ, въ сѣдневской 97 дворовъ, 588 душъ, въ городнянской 118 дворовъ, 843 души, въ березинской 91 дворъ, 241 душа, въ менской 175 дворовъ, 1005 душъ, въ столинской 64 двора, 188 душъ, въ сосницкой 155 дворовъ, 876 душъ, въ синявской 82 двора, 329 душъ, въ киселевской 92 двора, 505 душъ, въ волынской 69 дворовъ, 256 душъ, въ части понорницкой сотни, сосѣдней съ селеніями волынской и сосницкой сотенъ, 29 дворовъ, 174 души, а всего набору въ черниговскій карабинерный полкъ подлежали 1253 двора, 7257 душъ.

10. Нѣжинскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ нѣжинскаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ первополковой 83 двора, 835 душъ, во второполковой 81 дворъ, 794 души, въ третьеполковой 95 дворовъ, 751 душа, въ четвертополковой 100 дворовъ, 983 души, въ заньковской 57 дворовъ, 615 душъ, въ прохорской 100 дворовъ, 1156 душъ, въ части бахмачской сотни, сосѣдней съ селеніями второборзенской сотни, 108 дворовъ, 948 душъ, въ поповской 90 дворовъ, 867 душъ, въ первоборзенской 126 дворовъ, 177 душъ, во второборзенской 100 дворовъ, 843 души, въ шаповаловской 125 дворовъ, 101 душа, въ новомлинской 66 дворовъ, 423 души, а всего 1131 дворъ, 8493 души.

Всего выборныхъ или реестровыхъ козаковъ, подлежавшихъ набору въ карабинерные полки, въ бывшей гетман-

щинѣ оказалось: 14,320 дворовъ и 73,576 душъ мужескаго пола. Въ приведенныхъ выше цифровыхъ данныхъ относительно числа козачьихъ дворовъ и числа душъ замѣчается несоотвѣтствіе первыхъ чиселъ со вторыми, такъ, напримѣръ, въ перволубенской сотнѣ показано 13 дворовъ и 319 душъ, что объясняется тѣмъ, что среди выборныхъ или реестровыхъ козаковъ были даже не имѣвшіе грунтовъ.

Штабы эскадроновъ десяти карабинерныхъ полковъ находились въ слѣдующихъ городахъ и мѣстечкахъ:

1. Лубенскаго полка—въ Лубнахъ, Варвѣ, Снѣтинѣ, Чернухахъ, Городищѣ и Сенчѣ.

2. Сѣверскаго—въ Миргородѣ, Зуевцахъ, Устивицѣ, Яресхахъ, Бѣлоцерковкѣ и Голтвѣ.

3. Софійскаго—въ Ичнѣ, Переволочнѣ, Иваницѣ, Прилукѣ, Ивангородѣ и Краснаколядинѣ.

4. Тверскаго—въ Козельцѣ, Носовкѣ, Выбляхъ, Олишевкѣ, Острѣ и Бориснолѣ.

5. Стародубскаго—въ Стародубѣ, Мглинѣ, Погарѣ, Ямполѣ, Почепѣ и Шептакахъ.

6. Глуховскаго—въ Кролевцѣ, Воронежѣ, Глуховѣ, Коропѣ и Батуринѣ.

7. Кіевскаго—въ Гадячѣ, Веприкѣ, Рашевкѣ, Смѣломъ, Камишнѣ и Ромнѣ.

8. Переяславскаго—въ Переяславѣ, Лукомьи, Глемязовѣ, Золотоношѣ и Чигринодубровѣ.

9. Черниговскаго—въ Березнѣ, Менѣ, Сосницѣ, Синявкѣ, Любечѣ и Сѣдневѣ.

10. Нѣжинскаго—въ Борзнѣ, Шаповаловкѣ, Поповкѣ, Новыхъ Млынахъ, Занькахъ и Бахмачѣ.

Карабинерные полки были переходной стадіей, приведшей малороссійскія войска къ полному сліянію и претворенію въ общей массѣ россійскихъ войскъ въ 1789 и 1791 гг. [1]), когда карабинерные полки были раскассированы между кирасирскими, конно-егерскими, гусарскими и драгунскими полками, комплек-

[1]) П. С. З. №№ 16,784, 16,785.

тованіе которыхъ происходило посредствомъ обычныхъ наборовъ.

Еще одной пріуготовительной мѣрой къ полному сліянію малороссійскихъ войскъ съ великорусскими былъ высочайшій указъ военной коллегіи, отъ 10 апрѣля 1786 года, согласно которому долженъ былъ быть составленъ посредствомъ набора изъ малороссійскихъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ одинъ гренадерскій полкъ въ 3,974 человѣка, въ число которыхъ, по указу военной коллегіи, было включено 1,000 человѣкъ изъ козаковъ-карабинеровъ, по сту человѣкъ отъ каждаго карабинернаго полка, въ возмѣщеніе которыхъ должно было поступить въ карабинерные полки по столько же человѣкъ монастырскихъ крестьянъ. Этимъ способомъ устранялась та сословная обособленность малороссійскихъ козаковъ, которая поддерживалась еще при исключительномъ комплектованіи ими карабинерныхъ полковъ.

Въ моментъ введенія этой мѣры, согласно ордеру Румянцева черниговскому намѣстническому правленію, отъ 22 февраля 1787 г., помѣченному Кіевомъ, монастырскихъ крестьянъ по послѣднимъ вѣдомостямъ оказалось: въ кіевской губерніи 41,911 душъ мужескаго пола, въ черниговской 18,961 д. м. п., въ новгородъ-сѣверской 36,525 д. м. п., всего 97,397 д. м. п. Но такъ какъ дополнительное укомплектованіе гренадерскаго полка изъ однихъ монастырскихъ крестьянъ въ количествѣ 2,974 человѣкъ, при ихъ малочисленности, было бы для нихъ крайне обременительнымъ, то Румянцевъ предписывалъ въ своемъ ордерѣ, включивши извѣстную долю монастырскихъ крестьянъ въ составъ формируемаго полка, пополнить до положеннаго комплекта путемъ набора изъ козаковъ вообще, какъ выборныхъ, такъ и подмощниковъ [1]), которыхъ оказалось по послѣднимъ вѣдомостямъ—въ кіевской губерніи 147,564 души муж. пола, въ черниговской 174,069 д. м. п., въ новгородъ-сѣверской 106,809 д. м. п., всего 428,442 д. м. п. По сдѣланному Румянцевымъ расчисленію, нужно было брать одного рекрута изъ

---

[1]) Шафонскій, l. c. § 32.

каждыхъ 132 человѣкъ, что составляло въ кіевской губерніи 1,117 рекрутъ изъ козаковъ и 316 изъ монастырскихъ крестьянъ, въ черниговской 1,318 изъ козаковъ, 143 изъ монастырскихъ крестьянъ, въ новгородъ-сѣверской 804 изъ козаковъ, 276 изъ монастырскихъ крестьянъ. Такимъ образомъ вновь учрежденный малороссійскій карабинерный полкъ составился изъ 1,000 человѣкъ выборныхъ козаковъ, взятыхъ изъ состава карабинерныхъ полковъ и замѣщенныхъ такимъ же количествомъ монастырскихъ крестьянъ, изъ 2,239 козаковъ-подпомощниковъ и изъ 735 монастырскихъ крестьянъ, что и составило полный комплектъ въ 3,974 человѣка; тысяча душъ изъ монастырскихъ крестьянъ, для пополненія карабинерныхъ полковъ, была набрана сверхъ 735 рекрутъ-гренадеровъ.

При наборѣ предписывалось имѣть въ виду выбирать, въ присутствіи главнаго гражданскаго начальника бывшихъ монастырскихъ крестьянъ, экономіи директора [1]), людей здоровыхъ и годныхъ къ военной службѣ, передать выбранныхъ офицерамъ, командированнымъ для принятія рекрутъ отъ карабинерныхъ полковъ, а затѣмъ, чтобы штабъ-офицеръ гренадерскаго полка распредѣлилъ ихъ въ гренадерскій и карабинерные полки, куда ихъ и должны были препроводить карабинерные оберъофицеры.

Въ слѣдующей главѣ мы ознакомимся съ устройствомъ почтъ и таможенъ въ Малороссіи при Румянцевѣ, реформа которыхъ была также отложена на нѣкоторое время Екатериной II въ ея рескриптѣ Румянцеву, отъ 26 октября 1781 года.

Н. В. Стороженко.

[1]) П. С. З. № 16,374. Указъ синоду отъ 10 апрѣля 1786 г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Коллекція рукописей покойнаго проф. А. Ѳ. Кистяковскаго. Никогда еще интересъ къ архивнымъ документамъ по русской исторіи не былъ столь значителенъ, какъ въ настоящее время; и это потому, что центромъ изученія сдѣлались теперь средній и новый періоды нашей исторіи — XVI — XVIII вѣка. Современные изслѣдователи не ограничиваются внѣшнею, политическою исторіею, а сосредоточиваютъ свое вниманіе на внутренней культурной—на бытѣ экономическомъ, юридическомъ и т. д. Вмѣстѣ съ такимъ стремленіемъ существуетъ желаніе расширить границу изслѣдованія въ отношеніи географическомъ и этнографическомъ—изучать не только исторію государственныхъ центровъ, но и областей со всѣми особенностями ихъ быта, ибо только при такомъ изученіи мы сможемъ себѣ составить правильное понятіе о судьбахъ *всей* русской земли и *всего* русскаго народа. При такой постановкѣ дѣла особенный интересъ пріобрѣтаютъ мѣстныя собранія рукописныхъ историческихъ матеріаловъ.

О важномъ значеніи мѣстныхъ областныхъ и губернскихъ архивовъ распространяться нечего: объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ основанные на нихъ труды. Частныя коллекціи рукописей также подчасъ представляютъ большой интересъ для изслѣдователя. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, достаточно вспомнить о богатомъ архивѣ извѣстнаго изслѣдователя южнорусской старины А. М. Лазаревскаго (въ Кіевѣ). Его послѣдняя большая работа (Описаніе Старой Малороссіи. Стародубовскій полкъ) почти цѣликомъ основана на данныхъ этого хранилища.

Что покойный проф. А. Ѳ. Кистяковскій собиралъ историко юридическіе матеріалы, касающіеся южной Россіи, это было извѣстно многимъ; печатныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ этихъ рукописей

сообщены имъ въ его изданіи «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ». Занимаясь въ послѣднее время вопросомъ о магдебургскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной Малороссіи, я сильно заинтересовался рукописными матеріалами А. Ѳ. Кистяковскаго, относящимися къ предмету моего изслѣдованія. Тамъ, между прочимъ, должны были оказаться переводы и передѣлки магдебургскихъ «правныхъ» книгъ, ходившіе по рукамъ у мѣстныхъ юристовъ. Въ январѣ текущаго года я и совершилъ *археографическую* экскурсію въ Кіевъ, гдѣ сдѣлалъ себѣ нѣкоторыя извлеченія изъ архивныхъ документовъ, хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, въ университетской библіотекѣ, у А. М. Лазаревскаго и супруги покойнаго профессора А. И. Кистяковской. Въ настоящей краткой замѣткѣ я остановлюсь только на послѣднихъ.

Въ самомъ началѣ я долженъ впрочемъ оговориться, что мнѣ удалось пересмотрѣть только то собраніе рукописей, которое въ настоящее время приведено въ извѣстность. Что же касается матеріаловъ по обычному праву, еще не разобранныхъ, то я ихъ вовсе не касался.

Число номеровъ рукописей не велико; но большая часть ихъ состоитъ изъ обширныхъ книгъ, или картоновъ, заключающихъ въ себѣ по нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ документовъ.

Видное мѣсто въ коллекціи А. Ѳ. Кистяковскаго должны занять рукописные экземпляры *Литовскаго Статута*, бывшаго, какъ извѣстно, дѣйствующимъ законодательнымъ сборникомъ въ судахъ лѣвобережной Малороссіи. Хотя рукописи эти очень обстоятельно были описаны самимъ Кистяковскимъ, тѣмъ не менѣе они могутъ послужить еще предметомъ изслѣдованія въ виду того, что вопросъ о редакціяхъ Лит. Статута, бывшихъ въ употребленіи въ малорос. судахъ рѣшается далеко не одинаково изслѣдователями (проф. Кистяковскимъ, В. И. Баршевскимъ и И. В. Теличенкомъ); важное значеніе при рѣшеніи этого вопроса имѣетъ языкъ этихъ списковъ, а онъ въ достаточной степени не изученъ. Въ тѣсной связи съ статутами стоятъ *извлеченія и отрывки переводовъ изъ книгъ Магдебургскаго права*—Саксонскаго зерцала и Порядка, помѣщающіеся въ сборникахъ вмѣстѣ съ другими документами. Для рѣшенія вопроса объ измѣненіяхъ, которыя претерпѣло магдебургское нѣмецкое право въ Малороссіи, они представляютъ весьма важный матеріалъ, въ значительной степени впрочемъ исчерпанный самимъ А. Ѳ. Кистяковскимъ. Цехи, какъ извѣстно, составляли органическую часть магистратскаго

самоуправленія. А. Ѳ. Кистяковскій, очевидно, систематически подбиралъ матеріалы для исторіи цеховъ въ Малороссіи: по крайней мѣрѣ *цеховыя книги* составляютъ самую значительную часть его коллекціи. Почти всѣ онѣ, за исключеніемъ двухъ, относятся къ кіевскимъ ремесленнымъ корпораціямъ и обнимаютъ XVIII й и нач. XIX в. Вотъ перечень этихъ книгъ: 1) грамоты *крамарскаго* цеха, 2) книги *гончарскаго* цеха—одна съ 1788—1831 г., 3) другая съ 1776 г. 4) третья ученическая и подмастерская съ 1786 г. 5) четвертая съ 1792 г., 6) пятая ученическая съ 1786 г., 7) приходо-расходная ковальскаго цеха съ 1753 г., 8) книга цехмистра ковальскаго Ст. Козыря съ 1777 г., 9) протокольная книга *ковальскаго* цеха съ 1803 г., 10) записная книга кузнечнаго цеха съ 1816 г., 11) приходо-расходная молодецкая и книга *кравецкаго* цеха (1800 г.), 12) дѣла кушнирскаго цеха 1816 г., 13) расходная книга кушнирскаго цеха съ 1825 г., 14) другая съ 1814 г., 15) книга цеха *мелочныхъ торговцевъ* съ 1815 г., 16) книга цеха *перепечайскаго*, 17) записная книга *рѣзницкаго* цеха съ 1746 г., 18) реестръ рѣзницкаго цеха съ 1772 г., 19) такая же книга съ 1760 г., 20) третья съ 1779 г., 21) расходная книга *ткацкаго* цеха съ 1786 г., 22) записная книга ткацкаго цеха съ 1764 г, 23) такая же съ 1790 г., 24) третья съ 1786 г., 25) журналы *плотницкаго* цеха, съ 1813 г. Двѣ остальныя книги относятся къ *полтавскимъ* цехамъ—26) *рѣзницкому* съ 1765 г. и 27) *бондарскому* съ 1753 г.

Уже изъ этого простаго перечня видно, какой богатый матеріалъ для исторіи цеховъ въ Малороссіи вообще и въ Кіевѣ въ частности заключаетъ въ себѣ библіотека А. Ѳ. Кистяковскаго. Судьба кіевскаго магистратскаго самоуправленія извѣстна намъ очень мало; въ отдѣльныхъ статьяхъ (И. М. Каманина, Ѳ. Г. Лебединцева, Н. В. Молчановскаго, А. А. Андріевскаго) затронуты только отдѣльные эпизоды ея; что же касается собственно цеховыхъ порядковъ, то они намъ извѣстны еще меньше. Печатныхъ матеріаловъ о внутренней организаціи и жизни южнорусскихъ цеховыхъ корпорацій XVIII в. также почти нѣтъ. Такимъ образомъ, цеховыя книги коллекціи А. Ѳ. Кистяковскаго пріобрѣтаютъ особенный интересъ для того лица, которое вздумало бы заняться исторіей южнорусскихъ цеховъ вообще и кіевскихъ въ особенности.

Для исторіи кіевской городской общины въ б-кѣ А. Ѳ. Кистяковскаго есть еще 2 очень цѣнныя рукописныя книги—1) громадный фоліантъ, заключающій въ себѣ всѣ *привилегіи г. Кіеву* (въ до-

вольно древнихъ спискахъ, очевидно, оффиціальнаго происхожденія) и 2) *сборникъ жалованныхъ грамотъ кіевскому магистрату* на его права и вольности. Едва ли кто будетъ спорить, что историческая жизнь «матери городовъ русскихъ»—Кіева изучена далеко не достаточно. Между тѣмъ для исторіи его въ XVII—XVIII ст. имѣются новые и весьма важные документы, проливающіе яркій свѣтъ на мало извѣстныя доселѣ стороны его жизни. Они должны быть извлечены изъ архивовъ—и это можетъ сдѣлать кіевская археографическая коммиссія. Серіи актовъ о городахъ, издаваемыхъ коммиссіей, вышелъ всего одинъ томъ (подъ ред. В. Б. Антоновича), а слѣдующій томъ могъ бы быть посвященъ спеціально г. Кіеву. Намъ извѣстно даже что, одно лицо, не мало потрудившееся надъ собираніемъ архивныхъ матеріаловъ для исторіи г. Кіева, намѣрено заняться такой работой. Остается пожелать, чтобы у кіевской коммиссіи нашлись средства для такого полезнаго предпріятія. А если оно осуществится, то указанные мною сборники А. Ѳ. Кистяковскаго должны будутъ доставить для этого изданія обильную жатву.

Книга судебныхъ рѣшеній полтавской ратуши (съ 1691 г.) представляетъ значительный интересъ для исторіи нашего процесса и суда и съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ полнаго вниманія историка и юриста, тѣмъ болѣе что приговоровъ магистратскихъ судовъ издано немного (протокулы стародубовскаго магистрата и отрывки изъ нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ).

Для исторіи полтавскаго полка имѣется еще и много другихъ матеріаловъ; таковы *компуты полт. полка 1723 и 1731 г.* и цѣлый рядъ отдѣльныхъ документовъ *историко-статистическаго содержанія* (перечень ульевъ на пасѣкахъ, мельницъ и т. п.).

Кромѣ этихъ матеріаловъ, слѣдуетъ отмѣтить еще нѣсколько серій актовъ, относящихся къ различнымъ мѣстностямъ лѣвобережной Малороссіи; таковы документы, доставленные г. Небольсинымъ, собраніе купчихъ и другихъ аналогичныхъ бумагъ, сборникъ автографовъ и другихъ отдѣльныхъ документовъ XVII—XVIII в. (въ количествѣ 100 штукъ) и, собраніе высокомонаршихъ грамотъ, архіерейскихъ указовъ, универсаловъ и т. п. съ 1733 г. (Здѣсь интересенъ Указъ о самозванцѣ Ив. Миницкомъ).

Закончимъ свое обозрѣніе указаніемъ на «Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій съ раздѣленіемъ по матеріямъ на 19 частей. Собрано въ правительствующемъ сенатѣ по малороссійской экспедиціи. 1786 годъ». Вотъ оглавленіе этихъ 19 частей: 1) о

преждебывшемъ въ Малой Россіи и нынѣшнемъ главномъ правленіи; 2) о среднихъ и нижнихъ малороссійскихъ прежнихъ и нынѣ существующихъ судахъ и ихъ должностяхъ, 3) о апелляціяхъ, 4) о правахъ малороссійскаго народа, 5) о доходахъ малороссійскихъ, 6) о бывшихъ въ Малой Россіи ревизіяхъ, 7) о добрахъ, принадлежащихъ государю, 8) о содержаніи въ Малороссіи полковъ, 9) о преимуществахъ прежде данныхъ малороссійскимъ городамъ и о нынѣшнемъ постановленіи, 10) объ имѣніяхъ и преимуществахъ шляхетскихъ, 11) о козацкихъ вольностяхъ и ихъ имѣніяхъ, 12) о охочекомонныхъ компанейскихъ полкахъ, 13) о чинѣ, преимуществахъ и имѣніяхъ духовныхъ, 14) о малороссійскихъ чиновникахъ, 15) о арматѣ или артиллеріи малороссійской и о бывшихъ тамъ пороховыхъ заводахъ, 16) о простомъ народѣ, 17) о грекахъ, 18) о присоединеніи нѣкоторыхъ мѣстечекъ отъ Малороссіи къ екатеринославскому намѣстничеству, 19) о раскольникахъ, поселившихся въ Малороссіи изъ великороссійскихъ и разныхъ людей.

Этотъ «Экстрактъ» оффиціальнаго происхожденія и напоминаетъ намъ «Экстрактъ о слободскихъ полкахъ» (изданный мною во 2-мъ томѣ «Матеріаловъ для исторіи колонизаціи и быта харьк. и сосѣднихъ курской и воронежской губ.»). Онъ весь состоитъ изъ выписокъ, систематически извлеченныхъ изъ оффиціальныхъ документовъ. Значительная часть этихъ документовъ намъ извѣстна, но есть и неизвѣстные. Отдѣльныя части «Экстракта» могутъ явиться полезными конспектами при составленіи монографій по затронутымъ въ нихъ вопросамъ, а въ совокупности своей даютъ хотя краткое, но довольно ясное понятіе о внутреннемъ устройствѣ Малороссіи съ пол. XVII до к. XVIII ст.

Въ заключеніе своей краткой замѣтки приведу два подлинные документы, касающіеся *кіевскаго магистрата* и *ковальскаго цеха*.

1) Въ концѣ сборника, заключающаго въ себѣ привилегіи кіевскаго магистрата, находится слѣдующее извѣстіе о магистратскихъ распорядкахъ: «По давнему обыкновенію, которое оному городу привилегіею отъ короля польскаго Яна Казимира 1649 года апрѣля 3 дня и по жалованнимъ на рангъ войтовскій какъ протчімъ здѣшнимъ войтамъ, такъ и нынѣшнему войту грамотамъ, а особливо и по праву книги Порядокъ, въ придаткахъ до порядку и артикуловъ

права майдебургскаго, на стр. 30 напечатанному, утверждено ежегодно въ день середопостный въ магистратѣ кіевскомъ публѣчно бываетъ элекція, на которой вольными голосами избираются оного магистрата чиновники, яко то бурмистръ, райца, медовій шафарь, лавникъ, пивній шафарь, инстигаторъ и урядники и по избраніи, въ силѣ означеннаго майдебурскаго права книги Порядка части 1-й, на стр. 14, 23 и 25-й напечатаннаго, всѣ оніе чиновники и урядники въ соборной церквѣ приводятся къ присягѣ и по учиненіи той присяги, бурмистръ и райца чрезъ тотъ годъ содержатъ и управляютъ магистратскую экономію и присутствуютъ у дѣлъ; по окончаніи же того года временемъ бываютъ въ разсмотрѣніи по магистрату кіевскомъ колодничьихъ, челобитческихъ и гражданскихъ дѣлъ, а въ семій паки мѣсто свое засѣдаютъ, а писарь при должности своей безпремѣнно ежегодъ бываетъ, прочіе же вышеписанніе чиновники и урядники ежегодно перемѣняются, должность же ихъ черезъ тотъ годъ состоитъ такова: медовій и пивній шафарь содержатъ мѣсніе бровари и зъ оныхъ въ магистратскіе шинки для продажи производятъ медъ и пиво; лавникъ и инстигаторъ присутствуютъ у судѣ и въ другіе случаючіеся по магистрату кіевскому опредѣляются дѣла; урядники опредѣляются въ кварталъ для произвожденія мелкихъ по магистратской экономіи расходовъ и къ смотрѣнію магистратской ваги, въ шпѣхнѣръ для продажи напитковъ, къ смотрѣнію почты, къ содержанію хлѣбныхъ магистратскихъ мѣръ, къ отводу пріѣзжаючимъ въ Кіевъ армейскихъ полковъ штапъ и оберъ и ундеръ офицерамъ и рядовымъ драгунамъ и солдатамъ квартиръ и покупкѣ для необходимыхъ магистратскихъ потребностей лѣсу, къ заготовленію на почтовыя лошади сѣна, къ сбору куничныхъ денегъ и въ другіе случаючіеся по магистратской экономіи дѣла».

(Экстрактъ привил. кіев. магист. и мѣщанамъ 1769 г., № $\frac{XIII}{84}$).

---

2) *Реестръ записки цеху ковальскаго съ 1753 г. отъ марта мѣсяца числа 15 по мартъ же мѣсяцъ 1754 г., въ которомъ значитъ записка приходовъ и расходовъ разнихъ за цехмистровства пана Прокопа Даниловича чрезъ весь годъ.*

Въ началѣ принялъ отъ цехмистра Прокопа Иванова въ цеховой скринцѣ готовыхъ денегъ 4 р. 10 к.; Степанъ Стельмахъ за молодчество далъ 1 р.; Сава Сидоровъ за ключницство — 2 р.; Иванъ

Стельмахъ столповаго—50 к.; Иванъ Нѣжинскій за молодечество--50 к.; Прокопъ Желѣзнякъ столповаго—1 р.; Никита Усъ—1 р.; да еще онъ же Никита далъ 25 к.; Романъ Филиповъ за молодечество—50 к.; отъ пана Луки Лятошевича проценту—2 р.; Наумъ Николаевъ столповаго и ключницства—1 р. 10 к.; отъ Андрея Винаря за ліохъ принято—10 р.; отъ Ивана Острого Шкляра столповаго—1 р.; Степанъ Стельмахъ столповаго и молодечества—1 р; Якимъ Андреевъ конвисаръ до скринки далъ 10 р. 50 к.; Степанъ Думницкій молодечества—1 р.; Романъ Коваль за ключницство—1 р.; Андрей Гребенникъ столповаго—50 к.; Иванъ Нѣжинскій за ключницство—1 р.; Конлратъ Кобець далъ 1 р. 20 к.; Григорій Дзвонникъ за ключницство—2 р.; Федоръ Касьяновичъ за вызволокъ хлопця далъ 40 к.; онъ же Касьяновичъ аксамитнаго далъ 50 к.; Никита Носко за ключницство—2 р.; Романъ Филиповъ за ключницство—1 р.; Стефанъ Думнѣцкій за молодечество--50 к., Даніилъ шафарь за вызволокъ хлопця—40 к.; Стефанъ Думнѣцкій за канунницство—1 р.; Гордѣй Сидоровъ за вызволокъ хлопця—40 к.; Никита Усъ за молодечество—50 к.; Романъ Филиповъ коваль за канунницство—1 р.; онъ же Романъ еще за канунницство—1 р.; Прокопъ Желѣзнякъ далъ 50 к.; Никифоръ Желѣзнякъ далъ 50 к.; Максимъ Гребенникъ за канунницство 2 р.; Лазарь Гребенникъ за молодечество—1 р; Грыцько Гребенникъ за молодечество—1 р.; Желѣзнякъ, що вновь еднал цехъ—1 р.; священникъ отець Алексѣй далъ—8 р.; Василь Желѣзнякъ—50 к.; Сава Сидоровъ коваль за вызволокъ хлопця—40 к.; Лазарь Гребенникъ столповыхъ—50 к.; Степанъ Думнѣцкій за ключницство—1 р.; Афанасій Шкляръ столповыхъ—1 р.; Стефанъ Григорьевъ коваль за вызволокъ хлопця—40 к.; Семенъ Стефановъ такожъ за вызволокъ хлопця—40 к; Стефанъ Думнѣцкій ключницства—50 к.; Захарко Рымарь далъ 50 к.; Андрей Винарь за ліохъ далъ 10 р.; въ прибелѣ за канунъ на реестрѣ 6 р. 3 к.; Василь Тесля далъ 50 к.; сторожевыхъ денегъ съ братіи—3 р. 25 к.; итого всего 94 р. 83 коп.

Расходъ разный: подъ часъ элекціи на вино и на закуску здержано денегъ 4 р., сторожу бочковому Фомѣ Пальчику задатку дано—1 р.; ему жъ Пальчику еще дано 1 р.; къ страстемъ Христовымъ на расходнія свѣчки и на ставникъ, такожъ маляру за работу и свѣчарницѣ сойшло денегъ—6 р. 50 к.; бондару за набивку бочки подъ ратушъ—4 к., Ивану Волошину за писарство дано 1 р., якъ ходили по элекціи спервоначала до пановъ, на хлѣбъ и на вино сойшло—46 к., подъ часъ праздника Воскресенія Христова на ралець до па-

новъ сойшло денегъ 3 р. 60 к.; къ тому жъ празднику до церкви Воведенія сдѣлали прилѣпку, дано денегъ—72 к.; якъ было въ цеху для осмотру правъ сѣножатнихъ панъ лавникъ Кувѣчинскій и панъ Лукьяновичъ, взято вина квартъ двѣ—20 к.; якъ ходили до пана писаря, хлѣба за 2 к.; пану Лукьяновичу, что написали въ Глуховъ вѣрующую, дано 50 к.; до пана Кувичинскаго, якъ ходили въ домъ, на вино и на хлѣбъ сдержано—58 к.; куплено до бочки ведеръ 2, дано 4 к.; отесъ 2 до бочки жъ дано 2 к., якъ былъ панъ лавникъ Кувѣчинскій въ цеху за дѣломъ цеховымъ при сходцѣ, куплено вина квартъ три—30 к., якъ ездили до полковника Де Боскета съ доношеніемъ, куплено вина, хлѣба и барана всего на 83 к., пану Кувѣчинскому на дорогу въ Глуховъ дано 10 р.; тогда жъ ему куплено въ домъ вина квартъ 8—80 коп.; хлѣба за 5 к.; канцеляристѣ Слюсарскому за переписку сѣножатныхъ правъ и за доношеніе писанное до Де Боскета и за протчіе въ томъ его труда дано 1 р., куплено барыло до цеху для потребы дано 7 к., къ празднику Сошествія Св. Духа куплено клечанья и травы за 9 к., за справкою якъ ходили до попадѣ Царяконстантиновской сторони правъ сѣножатнихъ куплено хлѣба за 2 коп.; молодшого якъ нанято до цеху дано задатку—10 к.; да рубашку жъ ему куплено—дано 10 к.; якъ ходили дозволятись до пановъ собирать штиховое на Коренювщинѣ здержано денегъ 70 к., якъ подавали въ губернскую челобитную за римарскую сѣножать на извозчики и на прочее здержано денегъ 50 к., вина взято квартъ семь—70 к., пану писарю за выданье правъ сѣножатныхъ дано 2 р., до его жъ хлѣба за $5^1/_2$ к., къ празднику верховныхъ апостолъ Петра и Павла на братерскій обѣдъ куплено поросятъ 4, дано 30 к.; мяса яловичаго за 36 к., свинаго мяса и колбасъ за 66 к., меду прѣснаго квартъ 2—28 к., ладану и перцю за 6 к., соли за 1 к., цибули за 1 к., булокъ и ситницъ за 28 к., вина квартъ 4—40 к., пива гарцей 4—12 коп., круповъ на начинку до поросятъ—$1^1/_2$ коп., сала за 2 к., на молебенъ копѣекъ—26, звозчику за привозку стравы зъ дому въ цехъ—2 к., на другій день на снѣданье куплено колбасъ за 6 к., мяса свинаго за 6 к., булокъ за 2 к., вина квартъ три—30 к., куховарцѣ за труда дано которая готовила кушать—30 к., звозчику за отвозъ посуды зъ цеху въ домъ дано 2 к., за поправку коляски пана Кувѣчинскаго—35 к., якъ ѣздили на сѣножать съ братіею на хлѣбъ и на мясо здержано денегъ—88 к., пива взято гарнца четыре—12 к., меду гарцей два—20 к., водки квартъ двѣ—20 к., вина квартъ три—30 к., черницъ до вареной горѣлки за 3 к., цибули за 1 к., тудажъ

на сѣножать взято горѣлки ведеръ три по 30 коп. ведро, итого—90 к., якъ отдавали права сѣножатніе въ Глуховъ, на вино сдержано—30 к., потяжнику Никитѣ Кошубѣ на дорогу—10 к, якъ пріѣхалъ панъ Кувѣчинскій зъ Глухова, взято на поклонъ вина квартъ пять—50 коп., хлѣба за $2^1/_2$ к., куплено колесъ пару до бочки подъ ратушъ—14 коп., якъ ѣздили на сѣножать римарскую для осмотру граней зъ братіею на звозчики здержано—40 к., на хлѣбъ—4 к., меду гарцей 2—20 к., къ Успенію пресв. Богородицы воску на ставникъ куплено фунтовъ 8 по 22 к. фунтъ да свѣчарницѣ за работу дано 30 к., итого 2 р. 6 к., якъ ездили въ августѣ мѣсяцѣ съ паномъ Кувѣчинскимъ да съ цехмистрами на сѣножать для осмотру границы на звозчики здержано денегъ—23 к., вина квартъ 4—40 к., меду гарнецъ—10 к., водки квартъ 2 по 10 коп. 20 к., хлѣба за 4 к., до пана писаря якъ ездили въ хуторъ сторони сѣножати куплено вина за 66 к., хлѣба за 6 к., звозчику дано 12 к., якъ ходили до пановъ о дозволеніи медъ ситити, сойшло—1 р. 28 к.; къ празднику Козьмы и Демьяна на обѣдъ, на мясо, на хлѣбъ и на протчое здержано денегъ—1 р. 70 к., да на другій день къ снѣданью на мясо, на колбасы и на хлѣбъ всего--20 к., на панахиду сошло денегъ 85 к., на молебенъ—42 к., до церкви Воведенія на свѣчку куплено воску фунтовъ 14, цѣною фунтъ по 22 к., итого 3 р. 8 к., свѣчарницѣ за работу большой свѣчки—16 к., да за суканье ставника той же свѣчарницѣ—10 к., маляру за малюванье большой свѣчи—25 к., панамарю дано—2 к., до пана Кувѣчинскаго вина куплено квартъ семь—70 к., хлѣба за 3 к., до соборной церкви къ Рождеству Христову на свѣчку куплено воску фунтовъ семь по 18 к. фунтъ, итого 1 р. 26 к., свѣчарницѣ за работу дано 30 к., паламаревѣ—2 к., якъ ходили зъ ральцемъ до пановъ на праздникъ Рождества Христова здержано денегъ 3 р. 60 к., дровъ куплено до грубы въ цехъ за 9 к., священникамъ и черницямъ Петропавловскимъ и дьякамъ, которые были съ кропиломъ роздано денегъ 35 коп., вина для цехмистровъ взято квартъ 5—50 коп., канцеляристѣ Киселевскому, якъ ехалъ въ Глуховъ, за дѣло цеховое дано 1 р. 95 к., отъ водосвятія якъ пришли на закуску куплено булокъ за 3 к., цехмистру шевскому за оплатку священникамъ, за молебенъ о Козьмѣ Демьяну отдано 10 к., на прощальную сходку взято вина квартъ 5 по 10 коп., итого 50 к., якъ молебенъ былъ о пану войту, взято вина кварту 10 к., Николаю Москаленку за писанье дано 1 р. 50 к., якъ сходка была на Матвѣйчука за сворованье деньги, взято вина квартъ 6 за 60 к., бумаги

куплено за $1^1/_2$ к., звозчику, что привезъ въ цехъ отъ дзвонника дзвонъ, дано 1 к., за бумагу и за оправку книги дано 10 к., сторожу Пальчику еще остальныхъ денегъ дано 3 р., за составленіе книги Москаленку дано 50 к., якъ били бурмистры и цехмистры въ Марка, вина взято квартъ 4 по 14 коп., итого 56 к., да еще квартъ 2 такожъ до висланнихъ якъ ходили — 28 к., взято до пана Каневскаго вина квартъ 6 — 60 к., да булокъ за 3 к., такожъ до пана сотника будучого съ нимъ квартъ 6 вина — 60 к., хлѣба за 3 коп., за обмазыванье хаты и за привозъ глины — 80 к., за прорубку окна и замощенье лавокъ плотнику дано 20 к., чрезъ справу Матвѣйчика за воровство его 10 р., въ Мини взято будучи зъ цехмистрами и посторонними людьми квартъ вина 9 по 8 к., итого 72 к., въ Тулѣнского въ кушнерскомъ взято, якъ били панове райци Василій Жукъ и Григорій Богдановичъ и протчіе, вина квартъ 11 по 10 к., итого 1 р. 10 к., якъ порахунокъ былъ за рочное правленіе на закуску, на хлѣбъ, на икру да на оселедци здержано денегъ 20 к., да вина квартъ 2 — 20 к., въ расходѣ всѣхъ денегъ 88 р. $85^1/_2$ коп.; въ недочотѣ остается 5 р. 97 к.

При порахунку сего реестра били ихъ милость панъ шафарь Даніилъ Стефановичъ, панове цехмистры, Федоръ Селивестровичъ, Іоаннъ Бижимъ, Григорій Думницкій, Лука Лятошевичъ, Прокопъ Ивановичъ, въ присутствіи рочного цехмистра пана Андрея Медведя и при бытности его жъ пана Прокопа Даниловича и протчей братіи при сходкѣ въ цеху, якій реестръ зраховавши приходовъ и расходовъ чрезъ ввесь годъ правленія пана Прокопа Даниловича цехмистра признали заслушнимъ и въ несумѣнную твердость для пределѣдуючого времени вышеписанніе персоны подписали. При семъ порахунку былъ шафарь Даніилъ Стефановъ и по его велѣнію сынъ его Демьянъ Даниловъ подписался; къ сему порахунку вмѣсто цехмистровъ Ѳеодора Селивестровича, Іоанна Бижима, Григорія Думницкаго неписьменныхъ по ихъ прошенію Николай Москаленко подписался; зась бы и за Пробопа Иванова, такожъ и Гордѣя Сидорова цехмистровъ Лука Матошевичъ цехмистръ подписался.

Сообщилъ Д. И. Багалѣй.

Къ исторіи попытокъ сокращенія числа праздниковъ. Въ галицко-русскомъ альманахѣ «Зоря Галицкая», изданномъ въ 1860 г. въ честь митрополита Яхимовича, у насъ въ Россіи весьма мало из-

вѣстномъ, находится, между прочимъ, статья Малиновскаго «О лѣтосчисленіи вообще христіанскомъ и русскомъ въ частности», трактующая о возникновеніи юліанскаго и григоріанскаго календарей—и положеніи ихъ въ Галиціи. Въ статьѣ Малиновскаго нѣтъ указаній на тѣ гоненія, которымъ подвергался въ старину въ южной Россіи юліанскій календарь со стороны польско-латинскаго духовенства. Объ этихъ гоненіяхъ подробно говорилъ потомъ Я. Ѳ. Головацкій въ Журн. Минист. Нар. Просвѣщ., и еще подробнѣе Н. Ѳ. Сумцовъ въ статьѣ, напечатанной въ «Кіевской Старинѣ». Любопытной частью статьи Малиновскаго представляются послѣднія шесть страницъ, заключающія въ себѣ хронологическій перечень мѣропріятій галицко-русскихъ властей по сокращенію числа народныхъ праздниковъ. Ни Головацкій, ни г. Сумцовъ не останавливались въ своихъ изслѣдованіяхъ на этихъ мѣропріятіяхъ. Въ виду большаго ихъ значенія въ жизни галицко-русскаго народа и косвеннаго отношенія къ неоднократно возникавшему на страницахъ нашихъ журналовъ вопросу о сокращеніи праздниковъ, краткое извлеченіе ихъ изъ упомянутой выше статьи Малиновскаго представляется не лишеннымъ историческаго и бытоваго интереса.

Въ 1720 г Замойскій соборъ подтвердилъ древнія церковныя постановленія относительно соблюденія постовъ великаго, рождественскаго, спасовскаго и петро-павловскаго; духовенству предоставлено было право освобождать отъ послѣдняго поста вполнѣ или отчасти, «понеже тогда настае жниво»; далѣе, требовалось соблюденіе поста въ день Воздвиженія Честнаго Креста (14 сентября), въ день Усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя (29 августа) и въ среды и пятницы. По постановленію того же собора праздничными днями считались (для краткости буду обозначать ихъ только числами) въ январѣ: 1, 6 и 30; въ февралѣ 2; въ мартѣ 25; въ апрѣлѣ 23; въ маѣ 8 и 9; въ іюнѣ 24 и 29; въ іюлѣ 20 и 25; въ августѣ 6, 15 и 29; въ сентябрѣ 8, 14, 16 (Іосафата) и 26; въ октябрѣ 1; въ ноябрѣ 8 и 21 и въ декабрѣ 6, 9 (пренепорочн. зачатія пресв. Богородицы), 25, 26 и 27. Къ этимъ праздникамъ присоединялись еще подвижные: Воскресеніе Христово, Вознесеніе, Сошествіе Св. Духа, св. Троицы; тѣла Христова (въ четвергъ на первой недѣлѣ всѣхъ святыхъ по Сошествіи Св. Духа) и Сострадания (?) пресв. Богородицы (въ пятницу 2 седмицы по нед. всѣхъ святыхъ). Кромѣ того постановлено праздновать на Волыни день св. муч. Пантелеймона 27-го іюля и въ Литвѣ день св. Романа 2 мая и св. Давида 24 іюля—

уступка мѣстнымъ обычаямъ. Соборъ постановилъ въ «сіи праздничные дни оставляты роботы, піятыку, ялясы, торги и ины мірски дѣла». Постановленія Замойскаго собора были утверждены папой Бенедиктомъ XIII въ 1724 г.

Въ 1773 г. галицкій губернаторъ Пергенъ потребовалъ сокращенія числа праздниковъ; но епископъ львовскій Левъ Шептицкій отвѣтилъ ему категорическимъ отказомъ, сославшись на то, что «престолъ римскій и правительство польское (ранѣе) ихъ оставило русинамъ».

Въ 1781 г. послѣдовало снова отъ губернатора такое же предложеніе, для устраненія «праздности народа», чтобы «вѣрныи могли свои (?) маетки помножаты», и также безуспѣшно.

Въ 1784 и въ 1786 годахъ губернаторъ предлагалъ перенести празднованіе нѣкоторыхъ праздниковъ на ближайшія къ нимъ воскресенія.

Съ конца 80 годовъ прошлаго столѣтія галицко-русское духовенство въ лицѣ львовскаго епископа Петра Бѣлянскаго начало поддаваться давленію областныхъ властей, и послѣдовали «курренды» о сокращеніи числа народныхъ праздниковъ. Въ росписаніи тѣхъ дней, которые надлежитъ праздновать, изданномъ львовскимъ уніатскимъ епископомъ въ 1787 г., мы уже не находимъ праздниковъ св. апостола и евангелиста Іоанна 8 мая, перенесенія мощей св. Николая 9 мая, Успенія св. Анны 25 іюля, Іосафата 16 сентября (уніат. празд.), преставленія св. евангелиста Іоанна 26 сентября, Покрова пр. Богородицы 1 октября и непорочн. зачатія пресв. Богородицы 9 декабря; въ замѣнъ этихъ исключенныхъ праздниковъ вставленъ праздникъ вм. Димитрія 25 октября. Праздники Зачатія пр. Дѣвы Маріи и Тѣла Христова перенесены на ближайшія воскресенія.

Въ 1785 году губернаторъ предложилъ уменьшить «острыи и здоровью вредныи численныи посты греческаго каѳолическаго обряда», на основаніи донесенія «циркулярнаго физика», т. е. областнаго врача Петеры, что отъ постовъ увеличиваются болѣзни. Епископъ Бѣлянскій издалъ разрѣшеніе отъ 40 дневнаго поста, кромѣ середы и пятницы, съ добавленіемъ, что мясо разрѣшается ѣсть въ день не болѣе одного раза. Вскорѣ затѣмъ рождественскій постъ былъ сокращенъ на 9 дней, а петровскій и спасовскій совсѣмъ отмѣнены (30-го мая 1788 г.).

Въ 1792 г. тотъ же епископъ Бѣлянскій, по требованію свѣтской власти, предписалъ перенести празднованіе памяти в. мч. Геор-

гія, пр. Иліи и Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи на ближайшія воскресенія, чтобы «народъ въ оныи дни навыкалъ къ работамъ своимъ».

Въ 1816 г. вышло росписаніе праздничныхъ дней, повторяющее росписаніе 1787 г. съ измѣненіями, учиненными въ 1792 г.

Въ 1857 году католическій праздникъ пренепорочнаго зачатія пр. Богородицы выдвинутъ на свое прежнее мѣсто, т. е. на 9 дек.

Вотъ все, что намъ дала статья Малиновскаго; но и то немногое, что здѣсь отмѣчено, характерно для обрисовки галицко-русскаго религіознаго состоянія. Вторженія въ интимную жизнь народа, въ кругъ его вѣрованій, преданій и привычекъ повторяются часто и безцеремонно. Мотивы сокращенія числа праздниковъ рѣдко выставляются на видъ, да и то, что выставлено по этой части, можетъ быть заподозрѣно въ заднихъ мысляхъ. Трудно повѣрить намѣстнику Галиціи графу Пергену, что галицко-русскіе крестьяне небрегутъ о собственныхъ интересахъ, что онъ, Пергенъ, заботится о сокращеніи числа праздничныхъ дней въ году ради помноженія крестьянскихъ маетковъ. Можно подозрѣвать другіе основные мотивы, какъ то: желаніе католическаго духовенства перестроить галицко-русскіе праздники по латинскому образцу и желаніе пановъ впречь крестьянина въ рабочее ярмо.

Предписанія свѣтскихъ и духовныхъ галицко-русскихъ властей, касающіяся праздниковъ, очень туго проникали въ неуступчивую, консервативную галицко-русскую народную среду. Такой авторитетный знатокъ галицко-русскаго края, какъ скончавшійся недавно С. Качала, года три назадъ писалъ въ «Дѣлѣ», что галицкіе русины справляютъ праздники по стародавнимъ привычкамъ, не справляясь утверждены они или не утверждены высшими властями. **Н. С.**

Къ исторіи козачества въ началѣ XVIII в. Печатаемый ниже документъ найденъ мною въ числѣ разнаго рода росписокъ и долговыхъ обязательствъ (облѣковъ), выданныхъ въ разное время (съ 1763 по 1788 г.) извѣстнымъ Шираямъ (Михаилу Стефановичу Шираю, подкоморому полка стародубовскаго). Написанный на сложенной въ длину четвертушкѣ желтоватой бумаги, онъ не имѣетъ даты, но качество бумаги и характеръ письма съ несомнѣнною ясностью показываютъ, что реестръ писанъ въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII в. и былъ составленъ, по всей вѣроятности, или знаменитымъ старо-

дубскимъ войтомъ Спиридономъ Шираемъ (1681—1708) или его сыномъ Степаномъ. Тѣ движимыя богатства, которыя успѣлъ собрать войтъ Шрай благодаря дѣятельному участію въ торговлѣ пенькою, хлѣбомъ и т. п., дали ему возможность широко пользоваться своими денежными средствами для вліянія, пріобрѣтенія земель и т. д. путемъ отдачи ихъ подъ залогъ недвижимости и за проценты. Длинный рядъ «облѣковъ» Михаила Ширая съ 1763 по 1785 г., «облѣковъ», выданныхъ то старшиною, то козаками, то, наконецъ, посполитыми, и за которые старшина платила около 4%, козаки около 5, а посполитые—до 6% съ обязательствомъ отслуживать и т. п., показываютъ, что родъ Шираевъ былъ банкирскимъ стародубскимъ родомъ, ихъ казна—ссудной кассой для всякаго рода лицъ.

Документъ или реестръ, очевидно, одна изъ страницъ въ дѣятельности ссудной кассы начала XVIII в. Онъ характеренъ для обѣихъ сторонъ, но особенно для обрисовки положенія козаковъ, вѣчно нуждавшихся въ движимомъ имуществѣ, вѣчно обращавшихся за деньгами, выдававшихъ закладныя на свое имущество, терявшихъ его и пополнявшихъ силу и вліяніе старшины. Въ документѣ предъ нами одинъ изъ такихъ нерѣдкихъ типовъ козака XVIII в. Онъ вѣчно въ долгу. «Позичка»—его средство существованія. Онъ беретъ то по 6 таляровъ, то по пяти и болѣе копѣекъ, но не можетъ уплатить долга и отдаетъ всю свою отчину за долгъ. Его зовутъ въ очередь на такъ называвшуюся «канальскую службу». Возвратившись, онъ попадаетъ въ прежнее, даже худшее положеніе и опять обращается къ Шираю. «Позичка» идетъ за «позичкою», она такъ часта, что аккуратный Ширай даже однажды «не упоминаетъ», сколько далъ онъ ему. Чѣмъ и какъ уплатилъ свой новый долгъ козакъ Ворона, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ. Но выходъ былъ одинъ—подданство.

Сопоставленный съ подобными же документами, выдаваемыми козаками въ XVIII в., настоящій курьезный «реестръ» можетъ послужить новымъ матеріаломъ для характеристики и экономическаго положенія козачества, и той почвы, на которой постепенно выросло крупное землевладѣніе старшины. Съ другой стороны, онъ не лишенъ значенія и интереса съ точки зрѣнія разговорнаго языка начала XVIII в.

Реистръ jакъ мною позичалъ Ворона, козакъ, Хромьца Тишка зят, подъ Киевомъ.

Jа двама разамѣ позичил бѣтих таляровъ 6.

Еще позичилъ копѣекъ таляровъ два на кожухъ.

Z Москви прихавши Ворони позичил бѣтий талярѣ.

Еще позичил копѣекъ зол. 5.

Еще Ворони позичилъ изъ своимъ тестемъ бѣтих таляровъ два: еденъ вернули, а другий zосталѣ виновати.

Jакъ Ворона z Оленою хотѣлъ поzиватися, поzичилъ бѣтого талярa, да после сего Ворона позичил едного чирвоного. На якую воронѣну потребу уzявши я у п-на свата копъ подобно двадцать, дал был Воронѣ, которій почекавши наzадъ оддалѣ, тилко z тихъ грошей zолотихъ четири на свою потребу обернули, и четири zолотихъ zосталѣ виновати. Усѣхъ давнихъ, Вороною поzиченихъ, было грошей бѣтихъ таляровъ 9, чирвоний одинъ, копѣекъ zолотихъ 15. Zа сей више пѣсаний поzиченый долгъ доброволне Ворона, ѣдучи на каналную службу, усю отчину мнѣ продал. Чинитъ копъ 28.

Z каналу пришедши роzнимѣ часи Ворона, Хромъцовъ зять, поzичалъ денегъ: скоро повернувши z каналу, поzичилъ копѣекъ zоло 6. Послѣ того поzичил Ворона еще копѣекъ zол. 5.

Еще Ворона поzичил денегъ копу, іакъ јa вижчалемъ на Коломакъ.

Jакъ с кимсь поzивался, щось поzичил, да не упомню.

Недавнимѣ часи на zапусти поzичил zолотий. После того пол zолотого. И еще zолотий. І того копа. При Радку бѣтих рублей два поzичил. И еще рубля третяго онъ же поzичил бѣтого. И еще при Радку викуплялъ кунтушъ, поzичил копѣекъ талярѣ.

Тоже Ворона изъ своею женою поzичил гривну.

Сообщилъ **И. Лучицкій.**

Новые альбомы д-ра де-ля-Флиза. Два альбома д-ра де-ля-Флиза, принадлежащіе одинъ—А. М. Лазаревскому, другой—кіевскому церковно-археологическому музею, были описаны раньше [1]). Въ настоящее время въ библіотеку В. В. Тарновскаго поступили еще два. Первый изъ нихъ, въ большую четвертку, озаглавленъ такъ: «Медико-топографическое описаніе или физическо-медицинская географія государственныхъ имуществъ сквирскаго округа кіевской губерніи... изданное докторомъ де-ля-Флизе... Мала Чернявка сквирск. у. 1849 г.» Это описаніе составлено по программѣ общаго циркуляра по министерству государственныхъ имуществъ 1842 г. Въ первомъ отдѣлѣ

[1]) „Кіевская Старина" 1889 г., іюль.

его опредѣлено пространство сквирскаго округа, число крестьянъ, мѣстоположеніе, климатъ, естественныя произведенія. Во второмъ, описаны господствующія въ округѣ болѣзни, какъ эндемическія, такъ и эпидемическія, тутъ же находятся небольшія статьи о жилищахъ, одѣяніи и обуви, пищѣ и питьѣ, занятіяхъ крестьянъ, вліяніи обычаевъ и привычекъ на болѣзни, степень смертности, способы народнаго лѣченія, далѣе указываются средства, которыя слѣдуетъ употреблять при лѣченіи болѣзней на мѣстѣ, предлагаются также полицейскія и медицинскія мѣры для предупрежденія и устраненія болѣзней.

Третій отдѣлъ заключаетъ болѣзни эпизоотическія. Самую интересную часть этой рукописи представляетъ, слѣдующая далѣе, «Подробная статистика каждой деревни сквирскаго округа съ приложеніемъ видовъ всякой деревни, снятыхъ съ натуры, съ изображеніемъ крестьянскихъ костюмовъ всякаго общества». Села, входящія въ сквирскій округъ, распредѣляются по четыремъ уѣздамъ. Именно, въ сквирскомъ—часть с. Малыхъ Ерчиковъ, д. Ксендзовка, часть с. Новоселицы; въ бердичевскомъ—м. Бѣлиловка, с. Дерганька, слобода Юзвинъ, с. Сестреновка, д. Прилипки, х. Котелянецъ, х. Ксендзовка, х. Козловка, часть с. Кикишевки, ч. с. Глуховцы, ч. с. Пиковцы, ч. с. Сахновъ, ч. с. Лосиевки, с. Скраглевка; въ липовецкомъ—ч. с. Поповки, д. Плакіевка, с. Должикъ; въ таращанскомъ у.—с Телѣжинцы и с. Клюки. Кромѣ довольно неудачныхъ видовъ каждаго поселка, здѣсь находятся заслуживающія полнаго вниманія иллюминованные рисунки костюмовъ крестьянъ ерчиковскаго, бѣлиловскаго, поповскаго и таращанскаго обществъ.

Другая рукопись представляетъ черновую «Медико-топографическаго описанія кіевскаго округа», принадлежащаго А. М. Лазаревскому. Составъ ея однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разнится отъ чистовой. Такъ напр., въ чистовой гораздо больше рисунковъ растеній, находятся тамъ также изображенія животныхъ, каковыхъ въ черновой совсѣмъ нѣтъ. Въ свою очередь въ черновой помѣщены вѣдомости: о числѣ государственныхъ крестьянъ, занимающихся ремеслами, о количествѣ болѣвшихъ въ сентябрѣ 1846 г., о числѣ павшаго скота съ 1840 по 1846 гг., не вошедшія въ чистовую.

Что касается «Подробной статистики каждой деревни кіевскаго округа», то здѣсь находятся также историческія и, главнымъ образомъ, археологическія замѣтки и рисунки древнихъ предметовъ, отчасти вошедшія впослѣдствіи въ «Этнографическія описанія» (цер-

ковно-арх. музея),—въ чистовой ихъ нѣтъ. Не попали туда и нѣкоторыя мелкія указанія, большей частью археологическаго характера. Здѣсь мы приводимъ все, что не достаетъ въ чистовой «Медико-топограф. описанія» и въ «Этнографич. описаніи» и что, поэтому, не вошло въ вышеуказанную замѣтку о работахъ д-ра де-ля-Флиза. Придерживаемся порядка подлинниковъ.

Кіевскій уѣздъ.

С. Стрѣтовка. Въ 1806 г. близъ села около Днѣпра нашли кости мамонта. Въ 1827 г. въ Закрытой горѣ найдено 202 золотыхъ червонныхъ съ изображеніемъ короля Сигизмунда; они были отданы въ церковь, но впослѣдствіи отобраны въ казну.

С. Щучинка. Когда ксендзы владѣли симъ селеніемъ, копали могилу, гдѣ нашли желѣзный гробъ съ попеломъ (sic).

Д. Новоселица. Около деревни находится пять могилъ, изъ нихъ одна называется Довга, а другая Роскопаная.

М. Триполье. Приложенъ рисунокъ найденнаго здѣсь сломаннаго мѣднаго копья или стрѣлы и рисунокъ древней урны (въ «Этн. опис.» урна эта значится найденной въ с. Цесарской Слободѣ черкасск. у.).

Д. Софійская Борщаговка. Возлѣ деревни есть двѣ могилы, изъ которыхъ одна называется Роскопана.

С. Бѣличи. Приложено факсимиле предисловія евангелія кіевской печати 1695 г., принадлежащаго мѣстной церкви.

С. Желяне. Въ 1843 г. крестьянинъ нашелъ въ землѣ 13 фунтовъ серебряныхъ гривниковъ (sic) съ изображеніемъ царя (sic) Ярослава, которые отдалъ въ церковь [1]).

Д. Жорновка. На полѣ, около деревни, находятся двѣ могилы, называемыя Хмеленко.

С. Лютежъ. Приложены надписи со старинныхъ иконъ мѣстной церкви (вошли въ «Этн. опис.»).

С. Великая Бугаевка. Приложенъ планъ находящагося возлѣ села старинниаго укрѣпленія, называемаго Городокъ. Средина его вымощена кирпичемъ на 3 (?) аршина глубины.

Васильковскій уѣздъ.

М. Фастовъ. Около мѣстечка находятся 4 древнія большія могилы.

---

[1]) Это были шестиугольныя гривны кіевскаго типа безъ всякихъ изображеній, найдено ихъ 20 штукъ.—Н. Б.

С. Котлубица. Приложенъ снимокъ древняго креста, найденнаго въ селѣ, въ 1846 г. (вошелъ въ «Этн. опис.»).

Д. Сосновка. Въ 1820 г. нашли около деревни кости мамонта.

Д. Дмитровка. Приложенъ рисунокъ древняго мѣднаго образка, найденнаго тамъ въ 1845 г. (вошелъ въ «Этн. опис.») и рисунокъ маленькаго крестика изъ цвѣтнаго камня (рисунка въ «Этн. опис.» нѣтъ).

С. Дорошика. Въ лѣсу находятся 3 большія древнія могилы.

Радомысльскій уѣздъ.

Д. Старые Шепеличи. Приложенъ планъ находящагося въ 4-хъ верстахъ отъ села стариннаго городища, почти квадратной формы.

За описаніемъ шепелическаго общества помѣщенъ рисунокъ, изображающій колтунъ у крестьянъ шепелическаго, варовичскаго и максимовическаго обществъ.

Въ концѣ этого альбома находится таблица снимковъ разныхъ монетъ, по большей части польскихъ, найденныхъ въ районѣ кіевскаго округа. Изъ нихъ заслуживаетъ вниманія серебряная римская монета съ надписью DIVA FAVSTINA, найденная въ м. Триполье.

Эти двѣ рукописи являются новымъ свидѣтельствомъ громаднаго трудолюбія д-ра де-ля-Флиза.

Н. Б.

Изображеніе галернаго раба XVI вѣка. Въ тяжелые дни южно-русскаго народа XIV—XVII вѣка многіе уведены были татарами и проданы въ рабство. Во всѣхъ странахъ, прилегающихъ къ Черному и Средиземному морямъ, разсѣяны были южно-руссы—рабы. Особенно тягостно было положеніе невольниковъ гребцовъ на галерахъ. Гребцы сидѣли прикованные. Галерный приставъ ударами кнута заставлялъ ихъ приводить въ движеніе тяжелыя весла. Волны хлестали ихъ во всякую погоду. Спали и ѣли они по смѣнамъ, не оставляя своихъ скамей и не останавливая хода галеры. Они не знали отдыха, даже въ праздники, не могли протянуться, перемѣнить мѣсто. Когда корабль входилъ въ гавань для поправокъ или для того, чтобы запастись съѣстными припасами, тогда позволялось нѣсколькимъ каторжникамъ изъ родовитыхъ и знатныхъ козаковъ работать въ гавани надъ земляными и очистительными работами. Въ невольницкихъ плачахъ «кайданы руки-ноги позъѣдали; сирая сирица

до жовтои кости тило козацькое, пропдала». Невольники проклинають «землю турецкую, виру басурманскую», и просять Бога «вызволить ихъ на святорускій берегъ, на край веселый, межъ народъ хрещеный».

Всякая подробность, рисующая положеніе невольниковъ изъ южноруссовъ, представляется, несомнѣнно, весьма цѣнной, и потому мы считаемъ нелишнимъ указать на два любопытныхъ рисунка въ превосходномъ сочиненіи Lacroix, Vie militaire et religieuse du Moyen âge et á l'époque de la Renaissance» 1873 г. на стр. 93. На одномъ рисункѣ изображенъ солдатъ съ галеры XVI в., на другомъ рабъ-гребецъ (rameur) XVI в. Рисунки взяты изъ книги Cesare Vecelios, «Degli habiti antichi» 1590 г., Они отвѣчають по времени возникновенію лучшихъ малорусскихъ историческихъ думъ. Въ фигурѣ раба мы видимъ типичнаго малоросса. Мужественное и добродушное лицо съ выразительными глазами, прямымъ носомъ, безъ бороды и бакенбардъ, съ густыми закрученными къ щекамъ усами. На головѣ раба небольшая шапка, слегка съуживающаяся къ верху, какія и теперь малороссы носятъ зимой (въ родѣ еломка). Свита или кобенякъ съ рукавами средней ширины спускается ниже колѣнъ, съ двумя тесемочными застежками на груди и съ башлыкомъ, или видлогой, спускающимся въ видѣ мѣшка на спину. На ногахъ своеобразная обувь, въ родѣ башмаковъ, съ открытыми пальцами. Отъ щиколотокъ ногъ къ поясу идутъ двѣ длинныя цѣпи, служившія, вѣроятно, для прикрѣпленія раба къ галерѣ, но не мѣшавшія полному шагу по землѣ. Подъ правой рукой рабъ держитъ большой боченокъ съ чопикомъ. Фигура галернаго стражника (какимъ былъ ляхъ Бутурлакъ украинской думы) не имѣетъ опредѣленнаго національнаго обличья: шапка на головѣ съ перомъ; короткій кафтанъ, плотно охватывающій грудь и руки; широкіе штаны съ подвязками на колѣнахъ, на ногахъ башмаки съ завязками спереди, причемъ вся ступня закрыта; на правомъ боку короткій кинжалъ; на лѣвомъ длинный прямой мечъ.

Н. С.

Наборъ въ Кіевѣ пѣвчихъ для придворной капеллы въ 1758 году. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1758 г. командированъ былъ придворный пѣвчій Степанъ Андріевскій «въ Кіевъ и въ Малороссію для сыскиванія и набору какъ при монастыряхъ, такъ при домѣхъ

архіерейскихъ, архимандричьихъ, въ малороссійскихъ полкахъ и въ протчихъ мѣстахъ, и привозу ко двору е. и. в. малыхъ пѣвчихъ, гдѣ и какихъ онъ по способности голосовъ провѣдать и выбрать можетъ». При немъ состоялъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка гренадеръ Морозовъ. Указами изъ кабинета, е. и. в. въ кіевскую генеральную губернскую и въ генеральную войсковую канцеляріи предписывалось оказывать Андріевскому всяческое вспоможеніе и производить, по требованіямъ его, на счетъ кабинета изъ суммъ названныхъ канцелярій необходимые расходы. Набранныхъ пѣвчихъ Андріевскій долженъ былъ представлять въ эти канцеляріи, которыя, «осмотря, ежели изъ нихъ нѣкоторые, по неимуществу своему, явятся недостаточными въ платьѣ, тѣмъ сдѣлавъ потребную одежду», должны были отправлять всѣхъ вмѣстѣ или по нѣсколько человѣкъ ко двору съ надежными провожатыми.

Андріевскій былъ въ Кіевѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, какъ это видно изъ доношеній его въ кіев. губ. канц. отъ 14, 16, 18 и 30 апрѣля. Прежде всего онъ нашелъ и представилъ двухъ человѣкъ пѣвчихъ Ивана Середу и Ивана Новомлинскаго, которымъ и просилъ сдѣлать «платье малороссійское т. е. верхнихъ зеленыхъ два и споднихъ красныхъ два, кушаковъ два, штановъ двое, сапоговъ двое и шапокъ двое». Они были отправлены съ нарочнымъ рейтаромъ 29 апрѣля въ Петербургъ, гдѣ и сданы 12-го іюня полковнику и «уставщику пѣвческой капелы» Марку Ѳедоровичу Полторацкому. Затѣмъ для набираемыхъ мальчиковъ отведена была магистратомъ на Подолѣ особая квартира и назначенъ надзиратель. Когда набралось ихъ 13 человѣкъ, они были отправлены въ Глуховъ, «во опредѣленную тамо для обученія оныхъ пѣвчихъ квартиру», для чего было куплено 7 кибитокъ, а для препровожденія ихъ командированы были два рейтара. Въ заключеніе былъ еще отысканъ и отправленъ отдѣльно въ Глуховъ одинъ «тенористой».

Изъ Кіева для сопровожденія Андріевскаго по Малороссіи данъ былъ особый капралъ. Всего изъ суммъ кіев. губ. канц., по требованіямъ Андріевскаго, израсходовано 342 р. 8 к., въ томъ числѣ на собственные его разъѣзды по Малороссіи на руки ему выдано 200 р., да на прогоны капралу 30 р.

А. А.

БИБЛІОГРАФІЯ.

И. Каманинъ. Переписи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ 1765—1791 г. (Архивъ юго-западной Россіи, часть пятая, томъ II. Два выпуска. Кіевъ, 1890) Стр. 240 + 1045 + IV Ц 4 руб.

Собственно переписи или т. наз. тарифы, составленные между 1765 и 1791 г. для взиманія «поголовной» подати съ евреевъ русскихъ воеводствъ Польши, занимаютъ въ настоящемъ томѣ «Архива» 729 стр, указатель личныхъ и географическихъ именъ—болѣе 300 стр.; предисловіе редактора всего тома, И. М. Каманина—234 стр. Если взять въ разсчетъ, что самыя переписи были вызваны обстоятельствомъ второстепенной важности—желаніемъ поднять доходность еврейскаго «поголовнаго»—и обнимаютъ всего четверть столѣтія, то нельзя не порадоваться извѣстной роскоши, которою обставлено дѣло изученія прошлаго нашего края даже по вопросамъ второстепеннымъ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Недостатокъ ученыхъ силъ, но особенно матеріальныхъ средствъ тормозитъ изученіе даже важнѣйшихъ сторонъ нашего историческаго бытія, и груды матеріаловъ высокаго интереса лежатъ нетронутыми въ архивахъ, ожидая любознательныхъ изслѣдователей. Экономическая исторія края не только не изучена всесторонне по документамъ, но ея нѣтъ даже въ связномъ наброскѣ.

Г. Каманинъ сдѣлалъ попытку открыть уголокъ завѣсы этой таинственной экономики прошлаго. Въ старой Польшѣ нерѣдко слышались жалобы на эксплуатацію евреями народной массы. Для провѣрки справедливости этихъ жалобъ авторъ собралъ статистическія данныя о евреяхъ и постарался сдѣлать изъ нихъ посильные выводы по интересующему его вопросу. По мнѣнію автора, опубликованныя имъ данныя «важны, какъ выраженіе результата отношенія польскаго общества къ еврейскому вопросу въ теченіи всего времени политическаго существованія Польши» (пред., стр. 230).

Нисколько не отрицая всей важности сводки цифровыхъ данныхъ, способныхъ болѣе или менѣе точно установить размѣръ и характеръ общественныхъ явленій, мы думаемъ, что авторъ приписываетъ опубликованнымъ нынѣ матеріаламъ значеніе имъ несвойственное, такое, какого они отнюдь не могутъ имѣть уже по самымъ условіямъ своего возникновенія.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляютъ собою, въ статистическомъ смыслѣ, переписи еврейскаго населенія, занесенныя въ гродскія книги послѣдней трети XVIII в.? Перечисленіе еврейскихъ «головъ» для взиманія «поголовнаго». Каждая «голова», занесенная въ тарифъ поименно или въ видѣ голой цифры, представляетъ тѣ два или три «злотыхъ польскихъ», которые имѣли поступить въ государственную казну. Такъ какъ число этихъ злотыхъ извѣстно съ точностью для всей территоріи Польши въ эпоху кор. Станислава-Августа (см. книгу Т. Корзона, Wewnętr. dzieje Polski za Stan. Aug., т. III, стр. 111, 119 сл., 146, 158 сл.; т. IV, стр. 119. Данныя съ 1 сент. 1786 г. также въ «Relacyi z examinu kom. skarbu koron.» каменецъ-подольскаго каштеляна Морскаго, напеч. въ тип. Дюфура въ 1791 г.), то казалось-бы, что вопросъ о количествѣ еврейскаго населенія не встрѣчается съ какими либо особыми затрудненіями. Тѣмъ не менѣе, историкъ Корзонъ, съ поразительнымъ трудолюбіемъ изучившій внутреннюю жизнь Польши 1764—1794 г., призналъ невозможнымъ опредѣлить число евреевъ по суммѣ «поголовнаго». Еще на сеймѣ 1784 г. воевода познанскій Сулковскій заявилъ, что основанныя на тарифахъ «поголовнаго» статистическія исчисленія очевидно ошибочны, что слѣдуетъ приписать «лукавству этого народа (евреевъ) и неаккуратности, чтобъ не сказать болѣе, люстраторовъ» (Korzon, т. I, стр. 164). Неточность еврейскихъ люстрацій была въ свое время фактомъ общеизвѣстнымъ. Чтобы исправить дѣло, сеймъ увеличилъ вознагражденіе люстраторамъ за каждую «открытую» еврейскую «голову», но пользы было мало отъ такой мѣры. Укрывательство евреевъ отъ «поголовнаго» было очевидно, но ничто не помогало. Въ 1790 году подскарбій Коссовскій предлагалъ даже объявить евреямъ, что люстрація не будетъ повторяться въ теченіи 20 лѣтъ (вмѣсто прежнихъ трехъ), чтобы заохотить евреевъ не уклоняться отъ регистраціи (сессія 252,—23 апр. 1790 г.),—своего рода крикъ отчаянія въ виду безуспѣшности всѣхъ усилій. Въ помянутомъ отчетѣ посла Морскаго (стр. 7 и 8) прямо заявляется, что хотя «поголовное» за 1787 годъ поднялось нѣсколько, но люстрація евреевъ произведена неудовлетво-

рительно и должна быть лучше организована, «дабы люстраторы изъ личныхъ выгодъ не утаивали еврейскихъ головъ и за подкупность подвергались строгому наказанію». Въ этомъ смыслѣ предполагалось представить сейму особый проектъ. Хотя люстраторамъ, по закону 1775 г., выплачено по 3 гр. съ каждой головы, но, поясняетъ Морскій далѣе, необходимо упорядоченіе люстрацій, «aby lustratorowie wiernieysi byli». (Ib., стр. 20).

Если припомнить то анархическое состояніе финансовой техники, которымъ хронически страдала историческая Польша, не исключая періода, обнимаемаго книгою г. Каманина, то невольно думается, что люстраціи евреевъ 1764—1791 г.г. не имѣютъ ровно никакого значенія въ статистическомъ смыслѣ. До такой степени въ свое время никто не вѣрилъ этимъ люстраціямъ, что пинскій посолъ Бутримовичъ, авторъ проекта еврейской реформы и членъ депутаціи, назначенной сеймомъ для разработки этого вопроса, считалъ, что евреевъ въ Польшѣ должно быть не менѣе милліона, а посолъ Езерскій, каштелянъ луковскій и ближайшій сотрудникъ Бутримовича по еврейскому вопросу—не менѣе трехъ милліоновъ. (См. Dziennik czynności Seymu Głównego Ordynaryinego Warsz. etc., 402 сессія, 18 марта 1791). Между тѣмъ, и Бутримовичу, и Езерскому люстраціи были извѣстны, очевидно, ближе, нежели позднѣйшимъ изслѣдователямъ, имѣющимъ дѣло съ голыми актами. Г. Каманинъ, повидимому, склоненъ приписывать значеніе извѣстнымъ таблицамъ Мошинскаго (стр. 215). По нашему мнѣнію, это простое недоразумѣніе: Мошинскій въ своихъ статистическихъ выкладкахъ руководствовался податными списками и потому число евреевъ въ коронныхъ земляхъ показалъ въ 220,000, примѣнительно къ суммѣ поголовнаго въ 1717 году (Korzon, т. I, стр. 164). Что Мошинскій основывался на тарифахъ, видно изъ преній сейма 19 апрѣля 1790 г. (сессія 249). Слѣдуетъ припомнить по этому поводу, что при обсужденіи проекта всеобщей люстраціи въ засѣданіи 15 апрѣля 1790 года сеймовый маршалъ откровенно заявилъ, что, по общему мнѣнію, «государство обманываютъ» (сессія 247).

Поэтому нельзя не пожалѣть, что г. Каманинъ, оперируя надъ цифрами люстрацій 1765—1791 г., отнесся къ нимъ съ чрезмѣрнымъ довѣріемъ, котораго онѣ, въ дѣйствительности, не заслуживаютъ. Авторъ полагаетъ, что учрежденіе скарбовой экономической коммиссіи 1764 года имѣло въ этомъ случаѣ благодѣтельное значеніе, упорядочивъ дѣло собиранія статистическихъ данныхъ, отчего и еврейскія

переписи имѣютъ отнынѣ «всѣ признаки большей или меньшей достовѣрности» (стр. 7 и 9).

Намъ кажется, что если этимъ переписямъ не вѣрили даже современники, то и нынѣ не подобаетъ имъ вѣрить. Дѣятельность скарбовой коммиссіи безспорно имѣла свои хорошія стороры, но «дѣло собиранія статистическихъ данныхъ» и «всесторонняго изученія страны въ экономическомъ отношеніи» находилось въ самомъ жалкомъ положеніи вплоть до окончательнаго раздѣла Польши. Всѣ усилія въ этомъ направленіи привели лишь къ сознанію существовавшихъ неустройствъ и финансовой безурядицы, не больше. Припомнимъ, какихъ усилій стоило историку Корзону установить самыя основныя статистическія данныя относительно населенности Польши конца прошлаго вѣка. Если-бы г. Каманинъ ознакомился съ классическимъ трудомъ Корзона, то, безъ сомнѣнія, отнесся-бы нѣсколько болѣе скептически къ цѣнности опубликованныхъ нынѣ матеріаловъ. Довѣріе автора къ люстраціямъ доходитъ иногда до явныхъ увлеченій. По люстраціи 1789 г., напр., выяснилось, что у житомирскихъ евреевъ оказался большій % женскаго населенія сравнительно съ христіанами. Г. Каманинъ по этому поводу задается вопросомъ: не подтверждаетъ-ли это явленіе замѣчанія нѣкоторыхъ путешественниковъ о большемъ числѣ рожденій дѣтей женскаго пола у восточныхъ народовъ? (стр. 220 пред.).

Если вѣрить даннымъ люстрацій хотя бы 1790 года для брацлавскаго староства или 1791 г. для житомирскаго повѣта (акты, стр. 665- 697), то пришлось-бы установить особые законы рождаемости чуть-ли не для каждаго кагала. Указанное г. Каманинымъ явленіе объясняется, на нашъ взглядъ, гораздо проще, а именно, полною негодностью люстрацій, какъ статистическаго документа. Для иллюстраціи можно указать хотя бы на такой фактъ. Въ 1860 г. минская казенная палата, по распоряженію министерства финансовъ, составила таблицу населенія губерніи по возрастамъ и сословіямъ, по даннымъ 10-й ревизіи; мѣщанъ—христіанъ оказалось 15,999, евреевъ 32,458; у первыхъ оказалось мальчиковъ до 5 лѣтняго возраста 1961, у вторыхъ 645, т. е. у христіанъ было мальчиковъ болѣе 12%, у евреевъ—менѣе 2%. Нѣсколько ранѣе, по гродненской губ. еврейскихъ мальчиковъ былъ исчислено также 2%, вмѣсто обычныхъ 10—13%. Надо думать, что статистическіе законы рождаемости не играли и здѣсь особой роли.

Опубликованные подъ редакціей г. Каманина тарифы крайне неполны и составлены по самымъ разнообразнымъ системамъ: въ

нѣкоторыхъ, еврейскія «головы» приведены огуломъ въ общихъ цифрахъ, въ другихъ—перечислены поименно, съ указаніемъ занятій; возрастный составъ населенія нигдѣ не указанъ съ точностью; изрѣдка выдѣлены малолѣтніе, съ указаніемъ пола. При этихъ условіяхъ, сравненіе тарифовъ различныхъ годовъ уполномочивало бы развѣ на самые элементарные выводы, главнымъ образомъ въ смыслѣ доказательства негодности люстрацій. Но такъ какъ негодность эта уже современниками была откровенно сознана, то излишне было-бы долѣе останавливаться на этомъ второстепенномъ вопросѣ. Намъ кажется, что публикованіе тарифовъ по способу, усвоенному г. Каманинымъ, представляетъ большія неудобства. Въ самомъ дѣлѣ, для чего перепечатывать тарифы цѣликомъ, съ безконечнымъ повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же обычныхъ формулъ? Для характеристики внѣшней формы актовъ, достаточно было бы привести, въ видѣ образца, одинъ-два изъ нихъ; затѣмъ, небезполезно было бы оставить тѣ тарифы, гдѣ «головы» приведены съ указаніемъ занятій, хотя и въ этомъ случаѣ можно-бы ограничиться сводными табличками; всѣ остальные акты могли бы быть, безъ всякаго ущерба для дѣла, сведены въ таблицы весьма элементарныя по конструкціи, и читателю гораздо легче было бы оріентироваться въ такой сводкѣ, незагроможденной безполезнымъ балластомъ. Попытка въ этомъ родѣ и сдѣлана г. Каманинымъ на стр. 235—239 предисловія. Если бы приведенныя въ таблицахъ цифры заслуживали довѣрія, то слѣдовало бы поблагодарить автора за эту короткую сводку данныхъ. Но мы вправѣ сомнѣваться въ значеніи этихъ цифръ. Сомнѣнія наши какъ нельзя болѣе подтверждаются содержаніемъ опубликованныхъ данныхъ. Въ переписи 1784 г., между прочимъ, указано число «открытыхъ» вновь евреевъ, уклонявшихся отъ регистраціи. По одному летичевскому повѣту оказалось укрывающихся болѣе 11% общаго еврейскаго населенія округа, въ луцкомъ—болѣе 6%, во владимірскомъ—болѣе 5%. Г. Каманинъ заключаетъ отсюда, что «регистраторы строго относились къ своей обязанности и что составленныя ими переписки евреевъ имѣютъ большую точность, а для статистики это главнѣйшее условіе, и вполнѣ заслуживаютъ довѣріе» (стр. 143 пред.). Трудно согласиться съ такимъ заключеніемъ, въ виду печатныхъ протоколовъ засѣданій 4-лѣтняго сейма и заявленій посла Морскаго. Но согласимся на сей разъ съ выводомъ автора: что-же остается намъ думать о всѣхъ прочихъ люстраціяхъ? Къ сожалѣнію, г. Каманинъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, хотя от-

вѣтъ такой, на нашъ взглядъ, совершенно необходимъ по самому существу статистическаго изслѣдованія, предпринятаго авторомъ. Если другія люстраціи, какъ должно полагать, довѣрія не заслуживаютъ, чѣмъ нарушается главнѣйшее условіе статистики, то трудно понять, почему авторъ оперируетъ въ предисловіи надъ цифрами люстрацій и дѣлаетъ на основаніи ихъ самые разнообразные выводы о разселеніи евреевъ по округамъ, о передвиженіяхъ евреевъ, о движеніи населенія во времени и т. д. Г. Каманинъ, принимая данныя люстрацій на вѣру, стремится лишь подыскать причины устанавливаемыхъ цифрами перемѣнъ, для чего, какъ онъ выражается, сопоставляетъ эти цифры «съ данными о состояніи культуры въ государствѣ въ избранный періодъ времени» или съ «политико-экономическимъ положеніемъ края» (стр. 2 и 45 пред.). Эта часть труда г. Каманина была бы весьма поучительна, если бы можно было вѣрить даннымъ тарифовъ. Разъ что вѣры такой не можетъ быть, всѣ объясненія автора являются лишь иллюстраціей фактовъ, самое существованіе которыхъ ничѣмъ, въ сущности, не установлено. Ученый изслѣдователь, при такихъ условіяхъ, ставитъ себя въ положеніе крайне невыгодное, такъ какъ находится въ зависимости отъ люстратора, аккуратность, умѣніе и добросовѣстность котораго болѣе чѣмъ сомнительны. Вниманіе г. Каманина было привлечено рѣзкими колебаніями въ цифрахъ переписей за различные годы. Авторъ подыскиваетъ для этихъ цифровыхъ, т. е. бумажныхъ, колебаній самыя разнообразныя объясненія. На первомъ планѣ стоитъ тяжесть крестьянскихъ повинностей. Гдѣ эта тяжесть значительнѣе, туда и стремятся евреи. Если они туда почему либо не стремятся, авторъ отыскиваетъ другія причины: развитіе торговли, политическія обстоятельства, реформа городовъ, торговые трактаты съ иностранными государствами, закрытіе границы, передвиженія войскъ, политическія обстоятельства и даже свиданіе монарховъ въ Каневѣ предполагаются могущими имѣть вліяніе на передвиженія евреевъ. Никто и никогда не сомнѣвался, что всѣ элементы общественной жизни находятся въ непрестанномъ взаимодѣйствіи и что никакое явленіе ея не можетъ быть объяснено удовлетворительно въ его чистомъ, изолированномъ видѣ; но кажется трудно допустить, чтобы частныя реформы, въ родѣ реформы городской, тотчасъ же сказывались на распредѣленіи населенія, хотя бы и подвижнаго, и торговаго, какимъ были польскіе евреи по преимуществу. Между тѣмъ, если вѣрить нашему автору, оказывается напр., что «надежды (польскаго) прави-

тельства на благодѣтельность мѣропріятій относительно городовъ и королевскихъ имѣній возбуждаютъ, надо думать, и надежды евреевъ на усиленіе тяжести крестьянскихъ повинностей, на возвышеніе благосостоянія городовъ и способствуютъ увеличенію количества евреевъ то въ селахъ, то въ городахъ» (Стр. 207 сл.). При всемъ тамъ, «количество евреевъ всегда прямо пропорціонально плотности христіанскаго населенія» (стр. 233). Если къ этому прибавить, что плотность христіанскаго населенія остается неизвѣстною, то получится порочный кругъ, изъ котораго не можетъ быть выхода, такъ какъ ключъ унесенъ въ могилу польскими люстраторами, утверждавшими за присягою присяжныя-же показанія представителей еврейскихъ кагаловъ и обманывавшими государство, если вѣрить сеймовому маршалу.

Считая ошибочнымъ исходный пунктъ работы г. Каманина, полагаемъ излишнимъ приводить здѣсь основныя положенія автора и слѣдить за пріемами, путемъ которыхъ положенія эти добыты. По нашему мнѣнію, всѣ тѣ сложныя причины, которыя указаны въ объясненіи цифръ люстрацій, ничего не поясняютъ, такъ какъ пояснять нечего, да и причины эти избираются авторомъ по каждому случаю безъ достаточныхъ основаній. Не можетъ однако-же не указать здѣсь на то, что нѣкоторые тезисы автора прямо противорѣчатъ содержанію люстрацій. Такъ, тезисъ 10 й гласитъ: «Исключительной профессіей евреевъ въ селахъ было шинкарство и арендаторство» (стр. 233 пред.). Это невѣрно. Прежде всего, профессіи евреевъ указаны лишь въ немногихъ люстраціяхъ, а гдѣ профессіи указаны, тамъ находимъ «винниковъ», «портныхъ», «фурмановъ», «кухарокъ», вообще прислуги «рѣзниковъ», «мытниковъ», «инспекторовъ», стекольщиковъ, пекарей, учителей, мирошниковъ, выдойниковъ, кушнировъ, торговцевъ и т. п. Особенно часто встрѣчаются винники, слѣд. чернорабочіе на винокурняхъ (ср. акты, стр. 14—21, 26 сл., 29—53, 116—173). Не можемъ понять вывода автора, что разселеніе евреевъ было прямо пропорціонально состоянію промышленности и торговли въ краѣ и тяжести крестьянскихъ повинностей (стр. 131 пред.), такъ какъ промышленность и торговля сосредоточивались преимущественно въ рукахъ евреевъ, арендныя же отношенія зависѣли не отъ евреевъ, а отъ помѣщиковъ: вмѣсто одного арендатора не могло явиться двухъ, какъ бы ни усиливались крестьянскія повинности; послѣднія усиливались постепенно, а населеніе еврейское колеблется въ люстраціяхъ постоянно въ ту и дру-

гую сторону. Не можемъ согласиться съ тѣмъ пріемомъ автора, въ силу котораго данныя люстраціи Житомира оказались исходнымъ пунктомъ для характеристики всего вообще городскаго населенія края (стр. 219 — 224): по нашему мнѣнію, такой пріемъ невозможенъ. Если для другихъ городовъ не имѣется такихъ подробныхъ данныхъ, какъ для Житомира, то отсюда еще не слѣдуетъ, что Житомиръ представлялъ собою средній типъ города въ краѣ. Отчего авторъ не избралъ Овручъ?

Г. Каманинъ, какъ сказано, задался цѣлью провѣрить, путемъ статистическихъ данныхъ, справедливость постоянныхъ жалобъ на евреевъ, которые, по его мнѣнію, «были одною изъ главныхъ, хотя и не единственною, причиною внутренняго разложенія польскаго государства" (стр. 45). Если послѣднее положеніе вѣрно, то, кажется, и не стоило задаваться провѣркою того, что очевидно. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ, въ чемъ собственно заключались эти жалобы и чѣмъ онѣ вызывались, хотя богатыя данныя по этому вопросу сведены въ трудѣ В. Смоленскаго „Stan i Sprawa żydów polskich въ XVIII w ». (Warsz., 1876), не поясняетъ, какимъ образомъ данныя люстрацій, весьма лаконическія, скудныя и очевидно ничтожныя въ статистическомъ смыслѣ, могутъ служить предположенной цѣли. Г. Каманинымъ вскользь упомянуты четыре проекта еврейской реформы, клонившіеся къ ограниченію правъ евреевъ. По нашему мнѣнію, въ этомъ случаѣ было бы весьма умѣстно разсказать судьбу проекта пинскаго посла Бутримовича, одного изъ самыхъ энергичныхъ и толковыхъ дѣятелей четырехлѣтняго сейма. Бутримовичъ стремился слить христіанъ и евреевъ въ одинъ народъ путемъ взаимныхъ уступокъ, включить евреевъ въ общегосударственное тѣло путемъ реформы кагаловъ, путемъ общихъ судебныхъ учрежденій и помощью образованія. 8 дек. 1789 года отпечатанный проектъ былъ розданъ посламъ и врученъ королю, съ просьбою оказать свое содѣйствіе. Немалыхъ усилій стоило Бутримовичу и его друзьямъ добиться учрежденія коммиссіи для разработки вопроса: даже для этого пришлось выдержать глухую оппозицію въ сеймѣ, такъ какъ ораторы противной партіи находили это дѣло второстепеннымъ. Брацлавскій посолъ Холоневскій 16 авг. 1790 г. прямо объявилъ, что не допуститъ до обсужденія проекта въ сеймѣ, такъ какъ онъ составленъ безъ участія брацлавскаго воеводства: пока всѣ не обсудятъ и не подпишутъ проекта, нельзя его читать въ сеймѣ. Споръ возобновляется въ слѣдующемъ засѣданіи. По словамъ Холоневскаго, въ

проектѣ нашли отраженіе лишь желанія литовскихъ провинцій, которыя не соотвѣтствуютъ стремленіямъ провинцій коронныхъ. Въ засѣданіи 1 марта 1791 г., при обсужденіи городской реформы, опять было обращено вниманіе на то, что объ евреяхъ какъ бы забыли, ссылаясь на какой то проектъ, который лежитъ подъ спудомъ. Вавжецкій, посолъ брацлавскій, потребовалъ, чтобы проектъ коммиссіи былъ напечатанъ и предварительно обсужденъ при участіи всѣхъ. Езерскій объяснилъ. что коммиссія уже окончила работу, но «воеводства русскія противятся этому проекту, заявляя, что не могутъ обойтись безъ евреевъ (mówiąc iż bez żydow obeyść się nie mogą)». Езерскій добавилъ, что благодаря еврейской реформѣ Польша станетъ вдвое богаче: если 500 тыс. земледѣльцевъ кормятъ столькихъ дармоѣдовъ (próżniaków), то что же будетъ, если и эти будутъ вынуждены взяться за работу? (См. Dziennik Czynności etc., сессія 396). Извѣстно, однако, что реформа не состоялась.

Такимъ образомъ, въ свое время вопросъ былъ поставленъ ясно, и именно русскія воеводства, т. е. конечно сеймовые послы отъ этихъ воеводствъ, всячески старались затормозить дѣло реформы. Такъ какъ книга г. Каманина посвящена евреямъ русскихъ воеводствъ старой Польши, то естественнѣе всего было бы поискать въ ней отвѣта на немаловажный вопросъ, отчего именно шляхетство этихъ воеводствъ горой стояло за сохраненіе statu quo относительно евреевъ. Къ сожалѣнію, г. Каманинъ не даетъ никакихъ указаній по этому поводу, и такимъ образомъ опытъ примѣненія статистическихъ данныхъ къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ оказывается недостаточнымъ и въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ, едва ли можно сомнѣваться, что именно здѣсь ist der Hund begraben и потому, въ методологическомъ отношеніи, было бы всего цѣлесообразнѣе начать изслѣдованіе болѣзни именно отсюда. Будемъ надѣяться, что трудолюбивому автору удастся въ будущемъ разъяснить путемъ архивныхъ изысканій (отчасти обѣщанныхъ имъ—стр. 214) это темное и поистинѣ прискорбное дѣло.

Приведенная выше справка изъ протоколовъ четырехлѣтняго сейма тѣмъ болѣе представляетъ интереса, что евреи никогда не пользовались сочувствіемъ польской шляхты, а наоборотъ всегда служили для послѣдней предметомъ насмѣшки, презрѣнія или фискальной эксплуатаціи. Лишь только заходила на сеймикахъ рѣчь о пожертвованіяхъ на защиту отечества, тотчасъ указывали на евреевъ, какъ на первый и обильнѣйшій источникъ. «Поголовное» казалось

недостаточнымъ, такъ какъ жиды, по словамъ правившей шляхты, извлекаютъ огромные доходы изъ страны, а пользы отъ нихъ государству никакой. Въ инструкціяхъ посламъ встрѣчаются требованія новыхъ платежей отъ евреевъ, подъ угрозой изгнанія и конфискаціи имущества. Евреи считались причиною всѣхъ несчастій Рѣчи Посполитой. Послѣ каждаго возвышенія налога, наступали новыя требованія. Возвышеніе «поголовнаго» — обычный лозунгъ, съ которымъ являлись послы на сеймъ. Но и евреи не дремали: они умѣли находить себѣ «патроцинію на сеймѣ», вельможныхъ покровителей, которые брали подъ свои крылья «невѣрный народъ», очевидно, не безвозмездно. Постоянно толковала шляхта о воспрещеніи евреямъ брать на откупъ таможенные сборы, занимать должности скарбовыя и т. п. Были проекты выселенія евреевъ изъ деревень въ города, для лучшаго контроля за ними въ дѣлѣ податей; не прочь была шляхта и отъ конечнаго exilium евреевъ, такъ какъ они оскорбляютъ «majestat boski» и позволяютъ себѣ святотатство, выкрадывая евхаристію (A. Pawinski, Rządy seymikowe w Polsce 1572—1795. Warsz., 1888. Стр. 99 сл.). Въ то время, какъ татары мирно уживались въ Польшѣ, евреи возбуждали противъ себя безконечныя жалобы и злобу, которая и прорывалась въ удобную минуту. Евреямъ шляхта приписывала и козацкія войны, и колiивщину, уходъ денегъ заграницу, поддѣлку векселей, фальсификацію гербовой бумаги, порчу монеты, утѣсненіе крестьянъ посредствомъ шинкарства, бездѣльничество и т. д. Мѣщане вѣчно жалуются на конкурренцію евреевъ, на разореніе цеховъ. Скарбовая коммиссія воспрещаетъ чиновникамъ пользоваться услугами евреевъ, кредитовать ихъ. Великопольскія воеводства даже воспретили у себя отдачу евреямъ шинковъ въ аренду (Korzon., op. c., т. I, стр. 230 сл.). При такихъ условіяхъ, и евреи чувствовали себя въ Польшѣ чужими людьми, пришельцами. Судьба Рѣчи Посполитой мало интересовала ихъ, и даже болѣе проницательные изъ евреевъ относились къ никнувшему государству съ глубокимъ равнодушіемъ. Масса еврейская, вообще говоря, находилась въ Польшѣ въ самомъ бѣдственномъ матеріальномъ состояніи (Korzon, т. I, стр. 234). Если арендаторы имѣній и шинкари пользовались сравнительнымъ достаткомъ, то лишь въ качествѣ панскихъ слугъ и приспѣшниковъ. Трудъ страны поглощался привилегированнымъ классомъ непроизводительно, и трудящееся населеніе не получало взамѣнъ никакихъ осязательныхъ, матеріальныхъ или духовныхъ благъ. Въ средѣ сосѣднихъ государствъ Польша не устояла благодаря

такой внутренней экономикѣ, а для реформы не хватило уже времени и силъ.

Такъ представляется намъ это дѣло, и потому мы не можемъ согласиться съ г. Каманинымъ, что евреи были одною изъ главныхъ причинъ внутренняго разложенія польскаго государства. Намъ кажется, что и опубликованные нынѣ тарифы нисколько не служатъ опорою такой догадки.

Хотя мы не можемъ присоединиться ни къ одному изъ положеній, высказанныхъ г. Каманинымъ въ предисловіи къ актамъ, тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить здѣсь добросовѣстныхъ усилій автора разъяснить темный вопросъ. Ошибки въ дѣлѣ новомъ и сложномъ неизбѣжны, особенно на первыхъ порахъ, но не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Заслуга г. Каманина уже въ томъ, что онъ рѣшился приступить къ разборкѣ матеріаловъ сухихъ, черствыхъ и не поддающихся правильному сравненію. Легко понять нѣкоторое увлеченіе автора своимъ матеріаломъ. Если когда-либо въ будущемъ понадобится новое изданіе труда г. Каманина, то, по нашему мнѣнію, придется сдѣлать въ немъ множество передѣлокъ и сокращеній — не станемъ указывать ихъ здѣсь подробно,—а указатель именъ можно будетъ выбросить безъ всякаго ущерба для дѣла.

Замѣтимъ въ заключеніе, что у многихъ авторовъ, публикующихъ архивные матеріалы, встрѣчается крупный недостатокъ: они забываютъ или не знаютъ всего что̀ сдѣлано по тому же вопросу ранѣе. Такое положеніе дѣла не можетъ приносить пользы наукѣ, которая нерѣдко загромождается книгами, основанными на чистомъ недоразумѣніи. Лишь всестороннее изученіе исторіи каждаго вопроса можетъ внушить изслѣдователю необходимую осторожность въ выборѣ матеріаловъ для опубликованія и въ оцѣнкѣ ихъ относительнаго значенія. Въ особенности это должно сказать о матеріалахъ статистическаго характера, изученіе которыхъ требуетъ иногда весьма сложныхъ пріемовъ.

Н. М.

В. Мякотинъ. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. С.-Петербургъ. 1889 г.

Вопросъ о реформахъ, задумывавшихся въ Польшѣ въ XVIII в., представляетъ большой научный интересъ въ историческомъ отношеніи. Отъ изученія причинъ неуспѣха ихъ зависитъ въ значитель-

ной степени выясненіе факта паденія Рѣчи Посполитой. Знакомясь съ попытками Польши реформировать въ прошломъ столѣтіи внутренній строй своего государства, невольно припоминаешь подобныя же попытки съ ея стороны въ другую, болѣе блестящую эпоху ея существованія, а именно въ XVI в. Но какъ и въ моментъ процвѣтанія Польши, такъ и ея полнаго упадка, поражаешься неспособностью этого государства произвести у себя необходимыя реформы. Причины указаннаго явленія въ общемъ понятны: онѣ коренились въ безсиліи королевской власти и въ шляхетскомъ строѣ Польши. Но во всѣхъ своихъ деталяхъ причины политической слабости и неустойчивости бывшей Рѣчи Посполитой будутъ выяснены лишь тогда, когда будутъ изслѣдованы всѣ стороны ея внутренней организаціи и жизни, а также будутъ изучены попытки произвести реформы въ государственномъ и общественномъ строѣ.

Въ виду вышесказаннаго нельзя не порадоваться появленію труда г. Мякотина. Не нужно однако ждать отъ его сочиненія какихъ-либо особенно новыхъ данныхъ и выводовъ, а также изслѣдованія крестьянскаго вопроса въ Польшѣ наканунѣ ея паденія на основаніи архивныхъ источниковъ; напротивъ, авторъ не всегда даже имѣлъ возможность непосредственно ознакомиться и со всѣмъ печатнымъ матеріаломъ (впрочемъ, пробѣлы въ этомъ отношеніи не особенно значительны и восполнены при помощи другихъ достойныхъ довѣрія трудовъ). Но важность и полезность труда г. Мякотина основывается главнымъ образомъ на чрезвычайно добросовѣстномъ изученіи источниковъ и литературы предмета, на умѣломъ и критическомъ обращеніи съ послѣдними, а также на лишенномъ всякой тенденціи стремленіи рѣшить вопросъ, «могла ли польская Рѣчь Посполитая сама распутать завязанный вѣками узелъ крестьянскаго вопроса и только чисто внѣшнія враждебныя обстоятельства помѣшали ей въ этомъ, или же нельзя было разсчитывать на благопріятное рѣшеніе этой задачи силами самой Польши». Ознакомившись съ книгою г. Мякотина, нельзя не признать вполнѣ справедливыми тѣхъ словъ его предисловія, гдѣ онъ говоритъ, что «приступалъ къ этому труду съ искреннимъ желаніемъ узнать и передать одну истину»...

Трудъ г. Мякотина распадается на три главныя части, которымъ соотвѣтствуетъ такое же количество главъ. Въ первой главѣ онъ рисуетъ положеніе польскихъ крестьянъ въ XVIII в., въ моментъ раздѣловъ Польши, и предпосылаетъ этому очеркъ ихъ исторіи съ древнѣйшихъ временъ. Вторая глава посвящена публицистикѣ по

крестьянскому вопросу въ эпоху раздѣловъ, а третья и послѣдняя трактуетъ о «мѣрахъ частныхъ лицъ, законодательства и правительственныхъ органовъ по крестьянскому вопросу». Сверхъ того авторъ даетъ въ началѣ своего труда тщательно составленную библіографію крестьянскаго вопроса въ эпоху раздѣловъ Польши.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ автора, что закрѣпощеніе крестьянъ въ Польшѣ пошло быстрыми шагами въ концѣ XV в. Аналогичное явленіе мы замѣчаемъ въ это время почти во всей Европѣ. Положеніе крестьянъ въ Рѣчи Посполитой въ XVI в. было уже очень тяжелое. Правда, на протестантскихъ синодахъ въ разгаръ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ поднимался иногда вопросъ объ облегченіи положенія крестьянъ, но это не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Шляхта, которая въ XVI в. теряетъ все болѣе и болѣе охоту къ занятіямъ военнымъ дѣломъ, обращается теперь къ земледѣлію, а потому заинтересована въ закрѣпощеніи крестьянина и увеличеніи панщины.

Къ сожалѣнію, авторъ не воспользовался для своего очерка положенія крестьянъ въ Польшѣ до XVIII в. превосходнымъ трудомъ А. И. Павинскаго «Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym opisana» (Źródła Dziejowe, t. XII, XIII, XIV, XV). Тутъ онъ могъ бы найти богатый матеріалъ для себя. Относительно же положенія крестьянъ въ духовныхъ имѣніяхъ автору доставило бы много чрезвычайно цѣнныхъ свѣдѣній и данныхъ четырехтомное сочиненіе Korytkowsk'аго «Prałaci i kanonicy katedry gnieźnieńskiej». Напрасно думаетъ г. Мякотинъ, что барщина въ этихъ имѣніяхъ была болѣе легкою, нежели въ шляхетскихъ. Притомъ вообще при изученіи крестьянскаго вопроса въ Польшѣ должно обращать серьезное вниманіе на крѣпостныхъ духовенства, такъ какъ ему принадлежало громадное количество земли. Есть свидѣтельства, что во второй половинѣ XVII в. въ рукахъ духовенства находилось 308,550 деревень, въ то время какъ у короля и у шляхты было въ то же время будто всего 90,000. Если это вѣрно, то судьба громадной массы крестьянъ зависѣла отъ духовенства. Для положенія крѣпостнаго населенія Польши въ XVI и XVII вв., кромѣ вышеуказанныхъ нами сочиненій, авторъ нашелъ бы также не одно цѣнное указаніе въ «Materyały do dziejów rolnictwa w Polsce въ XVI i XVII wieku». Warszawa. 1876 (Biblioteka Ordynacyi Krasińskich).

О литовскихъ крестьянахъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи не имѣетъ возможности почти ничего сказать, такъ какъ этотъ вопросъ

совершенно не разработанъ. «Въ Литвѣ», пишетъ г. Мякотинъ, «гдѣ массу населенія составляло бѣлорусское племя, угнетеніе крестьянъ было нисколько не менѣе, если даже не болѣе, чѣмъ въ собственной Польшѣ, чему содѣйствовалъ въ значительной степени и утвердившійся здѣсь феодальный строй». Относительно термина *феодальный строй* мы не можемъ не обратить вниманія автора на то, что строй Литвы не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ строемъ, который въ исторической наукѣ обозначается словомъ феодальный. О южно-русскихъ крестьянахъ въ указанную эпоху авторъ говоритъ лишь въ общихъ выраженіяхъ.

Очеркъ положенія крестьянъ въ Польшѣ наканунѣ ея раздѣловъ сдѣланъ авторомъ довольно обстоятельно. Онъ исчерпалъ почти всѣ имѣющіеся по этому вопросу печатные источники и литературу. Интересно приведенное имъ свидѣтельство одного русскаго путешественника (Мертваго), проѣзжавшаго въ 1789 году по бывшимъ владѣніямъ Рѣчи Посполитой, относительно крестьянъ, такъ какъ оно вполнѣ подтверждаетъ ту картину ихъ быта и положенія, которую рисовали польскіе публицисты въ своихъ сочиненіяхъ. Что же касается того, будто вслѣдствіе панскаго гнета эмиграція крестьянъ въ сосѣднія государства, а въ особенности въ Пруссію, приняла чрезвычайно большіе размѣры, то въ этомъ отношеніи нельзя вполнѣ согласиться съ авторомъ. Въ нѣмецкой литературѣ чрезвычайно обстоятельно разработана исторія колонизаціи Пруссіи. Въ сочиненіи, напр., Beheim-Schwarzbach'а Hohenzollernsche Colonisationen находятся подробныя свѣдѣнія объ эмиграціи изъ Польши и даже есть не мало статистическихъ данныхъ. Упомянутое изслѣдованіе указываетъ, что значительная часть переселенцевъ изъ Польши была нѣмецкой народности, а слѣдовательно не крестьяне. Такимъ образомъ эмиграція послѣднихъ, по крайней мѣрѣ въ Пруссію, была не особенно значительна.

На волненіяхъ южно-русскихъ крестьянъ въ XVIII в., вызванныхъ гнетомъ польской шляхты, авторъ не останавливается. Онъ говоритъ лишь о движеніи ихъ въ 1768 году; но довольно богатый матеріалъ по этому вопросу, повидимому, ему почти неизвѣстенъ, а вслѣдствіе этого и очеркъ «коліивщины» страдаетъ многими неточностями.

Вторая глава разбираемаго нами сочиненія, какъ мы уже упоминали выше, посвящена публицистикѣ по крестьянскому вопросу. Нельзя не отдать справедливости автору, что она написана живо и

хорошо. Понятно, что такъ какъ г. Мякотинъ не могъ имѣть подъ руками всей публицистической литературы, какъ онъ самъ на это указалъ на стр. 12 своей книги, то онъ не всегда свободенъ отъ неточностей и нѣкоторыхъ промаховъ. Въ одномъ только, главнымъ образомъ, можно упрекнуть автора, а именно, въ томъ, что, говоря о нарожденіи крестьянскаго вопроса въ публицистической литературѣ, имъ упущенъ изъ виду вышедшій въ 1733 году «Свободный голосъ» Станислава Лещинскаго, въ которомъ послѣдній ратовалъ, между прочимъ, за свободный переходъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое или, говоря иначе, за уничтоженіе прикрѣпленія къ землѣ.

Послѣдняя глава посвящена очерку попытокъ отдѣльныхъ лицъ облегчить поселеніе сельскаго населенія въ своихъ имѣніяхъ, а также подробному разсмотрѣнію обсужденія вопроса о крестьянской реформѣ на сеймахъ. Переходя такимъ образомъ отъ публицистики къ дѣйствительной жизни, г. Мякотинъ убѣждается совершенно справедливо въ томъ, что Польша едва ли была бы способна сама произвести крестьянскую реформу. Онъ говоритъ, заканчивая свой трудъ, что «причина неуспѣха этой попытки (освободить крестьянъ), неуспѣха, погубившаго Польшу, лежитъ, однако, не во внѣшнихъ обстоятельствахъ, а въ противодѣйствіи шляхты, длившемся все послѣднее время существованія Рѣчи Посполитой, и хотя ослабѣвавшемъ, но слишкомъ медленно, для того, чтобы эта шляхта добровольно могла рѣшиться на коренную реформу крестьянскихъ отношеній. Шляхта не съумѣла сама разрѣшить крестьянскаго вопроса и, какъ предсказывали ей ея собственные публицисты, разрѣшеніе его перешло въ чужія руки».

Н. Любовичъ.

Сочиненія Гоголя, изданныя подъ редакціей Тихонравова, V т. Москва. 1889—90 г.

Это изданіе Гоголя—десятое по счету и первое строго критическое. Изъ прежнихъ изданій тщательныхъ существуетъ два: одно, начатое самимъ Гоголемъ, долго лежавшее подъ спудомъ, вслѣдствіе опалы, постигшей его сочиненія, и оконченное племянникомъ его Трушковскимъ, другое—извѣстное изданіе Кулиша, самое изящное до сихъ поръ и единственное, заключающее въ себѣ письма Гоголя. Всѣ другія переполнены опечатками, искаженіями текста и пропусками и совершенно чужды всякихъ попытокъ къ обработкѣ и полнотѣ. По

приглашенію книжной фирмы Салаевыхъ, нынѣшняго собственника сочиненій Гоголя, проф. Тихонравовъ предпринялъ теперь пересмотръ его сочиненій, по авторскимъ изданіямъ и подлиннымъ рукописямъ, чтобы установить основной ихъ текстъ и соединить въ возможной полнотѣ.

Установленный такимъ образомъ несомнѣнный основной текстъ снабженъ ссылками на варіанты, которые приводятся въ примѣчаніяхъ, причемъ цитуются разночтенія, какъ происшедшія отъ разновременныхъ передѣлокъ самого Гоголя, такъ и отъ «поправокъ» редакторовъ разныхъ изданій, до цензурныхъ измѣненій включительно. Предшествующія разночтеніямъ примѣчанія служатъ объяснительнымъ введеніемъ къ этому матеріалу. Главная цѣль ихъ «опредѣлить хронологическую дату каждаго произведенія Гоголя и указать, гдѣ возможно, первоначальную выработку отдѣльныхъ печатныхъ сочиненій поэта и тѣ позднѣйшія переработки, которымъ подвергались нѣкоторыя изъ нихъ и выяснить въ какое время и при какихъ условіяхъ совершались эти переработки». Насколько кропотлива и тщательна эта египетская работа, видно ужъ изъ того, что въ первомъ и третьемъ томахъ примѣчанія эти обнимаютъ третью часть книгъ, въ другихъ томахъ ихъ меньше, но въ общемъ занимаютъ они 876 страницъ мелкаго шрифта.

Новостями десятаго изданія, кромѣ провѣрки текста, являются вновь отысканные отрывки и сочиненія, не печатавшіяся въ прежнихъ собраніяхъ. Таковы во второмъ томѣ: отрывки изъ первоначальной редакціи повѣсти «Шинель» и переводъ итальянской комедіи Жиро «Дядько въ затруднительномъ положеніи» [1], въ третьемъ—варіанты перваго тома «Мертвыхъ Душъ», съ «Повѣстью о капитанѣ Копѣйкинѣ» въ двухъ редакціяхъ, въ томъ числѣ одной, зачеркнутой цензурой, въ четвертомъ—недавно отысканное, большое письмо къ Жуковскому объ искусствѣ, «Размышленія о божественной литургіи», прежде въ сочиненіяхъ не печатавшіеся, и одна, почти заново написанная, глава второй части «Мертвыхъ Душъ», въ пятомъ—мелкіе отрывки и наброски завѣдомо принадлежащіе Гоголю, но опускавшіеся также прежними издателями. Включены таже въ текстъ всѣ измѣненныя или исключенныя старинною цензурою мѣста. Въ шестомъ томѣ, еще не вышедшемъ, г. Тихонравовъ обѣщаетъ помѣстить

---

[1]) Изданный раньше С. И. Пономаревымъ въ „Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Филологическаго Института“.

матеріалъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ варіантовъ, совершенно новый, именно: выдержки изъ записныхъ книжекъ Гоголя, всѣ тѣ цѣльныя произведенія, которыя до сихъ поръ оставались въ рукописяхъ, (напр. «Учебная книга словесности»), первоначальныя редакціи «Женитьбы», «Ревизора» и первой части «Мертвыхъ Душъ», со всѣми данными, объясняющими исторію выработки этихъ произведеній, программы университетскихъ лекцій и наброски неоконченныхъ сочиненій. Многое изъ этого имѣетъ, конечно, только біографическій интересъ, но онъ важенъ, когда дѣло идетъ о писателѣ такого значенія, какъ Гоголь. Въ виду педантической кропотливости редактора, отмѣтимъ пропускъ, правда совершенно маловажный, двухъ печатныхъ работъ самой ранней поры писательства Гоголя: перевода статьи «О торговлѣ русскихъ въ XVII в.» изъ «Сѣвернаго Архива» и статейки «Полтава», изъ «Отечественныхъ Записокъ», подправленной Свиньинымъ, но приписываемой Гоголю.

Значительная доля интереса этого изданія лежитъ въ примѣчаніяхъ редактора, которыя даютъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаютъ. Въ нихъ не только исторія гоголевскаго текста, но и библіологическая и литературная исторія каждаго сборника сочиненій поэта и многихъ произведеній отдѣльно. Этюды эти такъ тщательны, что, послѣ цѣлой литературы, уже существующей о Гоголѣ, вносятъ немало новыхъ данныхъ въ изученіе его творчества. Отмѣтимъ то главнѣйшее, что открыто и доказано г. Тихонравовымъ въ этихъ этюдахъ.

Въ примѣчаніяхъ къ «Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки» самый обширный очеркъ посвященъ маленькому разсказу «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала». Вслѣдъ за Надеждинымъ, г Тихонравовъ отмѣчаетъ сходство этого разсказа въ фабулѣ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ съ повѣстью Людвига Тика «Liebeszauber», появившейся въ русскомъ переводѣ въ журналѣ «Галатея». Что касается мотива разсказа, то и у Тика, и у Гоголя онъ взятъ изъ народныхъ повѣрій и очевидно принадлежитъ къ разряду бродячихъ новеллъ, судьбами которыхъ усердно занимается теперь новая школа фольклора. Первоначальный текстъ Гоголя появился до напечатанія повѣсти Тика въ «Галатеѣ», а ознакомиться въ подлинникѣ съ нею Гоголь едва ли могъ по слабому знанію тогда нѣмецкаго языка. Доказательствомъ этому можетъ служить и то, что онъ ввелъ въ свой разсказъ нѣкоторыя подробности изъ повѣсти Тика только *послѣ* появленія ея перевода въ русскомъ журналѣ. Подробности эти, впрочемъ, незначительны. Обстоятельно анализировавъ это почти случайное совпаденіе, г. Ти-

хонравовъ не разсмотрѣлъ нѣкоторыхъ точекъ соприкосновенія, между двумя повѣстями «Миргорода»: «Віемъ» и «Ссорой Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ» и произведеніями Нарѣжнаго. Конечно сходство это не болѣе сходства ученическаго рисунка съ произведеньемъ мастера, но картины бурсацкой жизни въ «Віѣ» несомнѣнно навѣяны изображеніемъ переяславской бурсы у Нарѣжнаго, а мотивъ «Ссоры» тотъ же, что въ «Двухъ Иванахъ или страсти къ тяжбамъ» (1825 г.). Касательно этихъ двухъ-трехъ случаевъ «заимствованія», скажемъ, что въ художественномъ творчествѣ несомнѣнно слѣдуетъ признать «право сильнаго», хотя и въ особомъ значеніи. Тотъ художникъ является собственникомъ и творцомъ извѣстнаго мотива, характера или положенія, кто сильнѣе всѣхъ его выразитъ и запечатлѣетъ въ словѣ. И литературная исторія давно освятила это право. Она помнитъ геніальныхъ силачей, создавшихъ яркіе образы и только въ качествѣ исторической справки вспоминаетъ о писателяхъ, давшихъ тотъ или другой мотивъ и остановившихся на однихъ добрыхъ намѣреніяхъ. Въ области этнографической малороссійской литературы не отмѣчены г. Тихонравовымъ народныя преданія, имѣющія аналогію съ сюжетомъ «Вія».

Чрезвычайно любопытенъ обширный этюдъ, относящійся къ «Тарасу Бульбѣ». Эта повѣсть, первоначально появившаяся въ «Миргородѣ» въ 1835 году, была радикально передѣлана къ первому изданію сочиненій Гоголя, вышедшему въ 1842 г. Послѣдняя передѣлка ея, урывками, конечно, параллельно съ передѣлками другихъ сочиненій, производилась въ теченія трехъ лѣтъ. Она началась въ 1839 году, когда съ особой силой вдохновенье охватило Гоголя. «Занимаюсь и тщусь, сколько возможно, надышаться стариною», пишетъ Гоголь въ одномъ изъ писемъ того времени»; передо мной выясниваются и проходятъ поэтическимъ строемъ времена козачества и если я ничего не сдѣлаю изъ этого, то я буду большой дуракъ. Малороссійскія ли пѣсни, которыя теперь у меня подъ рукою, навѣяли ихъ, или на душу мою нашло само собою ясновидѣніе прошедшаго, только я чую много того, что нынѣ рѣдко случается». Результатомъ этого душевнаго подъема была не одна передѣлка «Тараса Бульбы». Въ то время Гоголемъ написана была запорожская трагедія «Выбритый Усъ», уничтоженная впослѣдствіи кажется подъ вліяніемъ неблагопріятнаго отзыва Жуковскаго. Начало этой трагедіи слышалъ въ чтеніи Гоголя одинъ изъ пріятелей его, Пановъ, сообщившій о ней въ письмѣ слѣдующее: «Дѣйствіе въ Малороссіи. Въ нѣсколькихъ сценахъ, которыя

онъ уже написалъ и прочелъ мнѣ, есть одно лицо комическое, которое, выражаясь не столько въ дѣйствіи, сколько въ словахъ, теперь уже совершенство». Трагедія не появилась, а передѣлка «Бульбы» внесла существенную разницу не только въ подробности, но и въ тонъ повѣсти, послѣднія главы ея отличаются уже тѣмъ дидактическимъ настроеніемъ, которое съ тѣхъ поръ появилось въ произведеніяхъ и письмахъ Гоголя.

Историческими источниками «Тараса Бульбы», какъ видно изъ анализа этой стороны повѣсти, были: «Описаніе Украины» Боплана, «Лѣтописецъ малой Россіи», изданный Туманскимъ [1]), «Исторія Руссовъ», обращавшаяся тогда еще въ рукописи, пѣсни и думы въ сборникахъ Максимовича, Лукашевича и собственномъ рукописномъ, Стрыйковскій, «Исторія о козакахъ запорожскихъ» кн. Мышецкаго, изданная только въ 1847 г., но рукопись которой была у Гоголя и «Annales de la Petite Russie» Шерера, куда рукопись кн. Мышецкаго вошла цѣликомъ съ перестановкою лишь отдѣльныхъ ея главъ [2]). Эти произведенія настолько лишь могутъ быть названы источниками «Бульбы», насколько всякій научный трудъ можетъ быть источникомъ для труда художественнаго. Это источники свѣдѣній Гоголя. Самыми важными источниками онъ считалъ народныя пѣсни, къ которымъ обращался особенно охотно.

Судьба повѣсти «Носъ», довольно своеобразна. Оригинальность ея темы вызвала необходимость множества передѣлокъ и перемѣнъ. Въ первоначальной рукописи, напримѣръ, носъ маіора Ковалева заходилъ въ Казанскій соборъ. По цензурнымъ соображеніямъ Гоголь перевелъ его потомъ въ католическую церковь и, наконецъ, такъ какъ ему непремѣнно надо было показаться въ толпѣ, носъ появился въ гостинномъ дворѣ. Московскіе педанты, изъ друзей Гоголя, забраковали «Носъ» за тривіальность и только Пушкинъ, съ его чистымъ вкусомъ, оцѣнилъ эту шутку и далъ ей мѣсто въ «Современникѣ».

---

[1]) „Россійскій магазинъ" 1793 г. № 2.

[2]) Параллель этой перестановки указана у Тихонравова. Отмѣтимъ, въ свою очередь, мало извѣстную и крайне рѣдкую нѣмецкую передѣлку самого Шерера, сдѣланную нѣкіимъ Карломъ Гамерсдёрферомъ и изданную въ Лейпцигѣ въ 1789 году подъ заглавіемъ „Gechichte der Ukrainichen und Saporogichen Kasaken, nebst einigen nachrichten von der Verfassung und den Sitten derselben". Гамерсдёрферъ измѣнилъ планъ Шереровой книги, дополнилъ ее географическими и топографическими примѣчаніями, но сохранилъ основный текстъ, признавъ его болѣе содержательнымъ, чѣмъ краткія свѣдѣнія о запорожцахъ, извѣстныя до тѣхъ поръ въ Германіи изъ поверхностныхъ сочиненій Мюллера и Бюшинга.

Изъ записокъ С. Аксакова извѣстно уже, что отрывокъ «Римъ» есть часть начатой Гоголемъ повѣсти «Анунціата» въ измѣненномъ видѣ. Взгляды героя повѣсти, римскаго князя, вызвали замѣчанія Бѣлинскаго, на которыя, въ одномъ изъ писемъ, Гоголь даетъ чрезвычайно поучительный отвѣтъ: «Бѣлинскій смѣшенъ. И я могу столкнуться въ художественномъ чутьѣ, но вообще не могу быть одного мнѣнія съ моимъ героемъ. Идея романа состояла въ томъ, чтобы показать значеніе націи отжившей, и отжившей прекрасно, относительно живущихъ націй. И по началу можно видѣть, что дѣло въ томъ, какого рода впечатлѣнія производитъ строющійся вихорь новаго общества на того, для котораго уже почти не существуетъ современность». «Ревизору» г. Тихонравовъ удѣлилъ много страницъ «примѣчаній». Еще раньше имъ изданъ былъ отдѣльною книгою тотъ текстъ знаменитой комедіи, по какому она выполняется на сценѣ. Кромѣ окончательнаго текста печатныхъ изданій имъ же добытъ первоначальный текстъ, который будетъ помѣщенъ въ шестомъ томѣ. «Развязка Ревизора», написанная Гоголемъ въ 1846 г. и напечатанная въ первый разъ только въ 1856, печатается теперь по послѣднему, окончательному списку, сохранившемуся въ бумагахъ Плетнева. Но особенно интересны матеріалы, относящіеся къ «Драматическимъ отрывкамъ». Уцѣлѣвшими страницами цѣлаго, связнаго текста и письмами друзей Гоголя, выясняется несомнѣнно, что пьесы «Утро дѣловаго человѣка», «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывокъ» суть переработанные эпизоды одного и того же произведенія, комедіи «Владиміръ третьей степени», которую Гоголь писалъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Несоотвѣтствіе ея темы съ условіями цензуры и обширность плана, которымъ задался авторъ были, кажется, причиною того, что въ печати изъ пьесы появились только отрывки, послужившіе впослѣдствіи многимъ писателямъ образцами бытовыхъ картинокъ и сценъ. Комментаріи къ «Мертвымъ душамъ», содержащіе хронологію текста и исторію его выработки слишкомъ обширны, чтобъ можно было касаться ихъ въ маленькой замѣткѣ. Въ «Перепискѣ съ друзьями» разъясняются мотивы и обстоятельства, вызвавшіе то или другое письмо. Послѣдній изъ вышедшихъ томовъ— пятый содержитъ въ себѣ «Юношескіе опыты», «Арабески», а также варіантъ «Тараса Бульбы», журнальныя рецензіи и отрывки изъ рукописей.

Редактированное г. Тихонравовымъ изданіе послужитъ безспорно цѣннымъ подспорьемъ для изученія творчества Гоголя и вполнѣ отвѣ-

чаетъ требованьямъ историческаго изданія. Но параллельно съ нимъ необходимо общедоступное изданіе очищеннаго отъ разныхъ наслоеній несомнѣннаго текста Гоголя. Цифры, испещряющія текстъ всегда нѣсколько досадны, въ особенности въ произведеніяхъ художественныхъ. Хотя цѣна новаго изданія сравнительно не особенно высока (8 р. 50 к.), но для новыхъ слоевъ читающей публики, образовавшихся въ Россіи, необходимо собранье дешевое. Теперь такія изданія великихъ писателей появляются только съ окончаніемъ авторскихъ правъ, когда на арену жадно бросается спекуляція, доказывающая своей сатурналіей, что дешевыя книги возможны и у насъ. Къ десятому изданію Гоголя приложено два портрета (по Венеціанову и Мамонову), снимки съ рукописей разныхъ годовъ, копія обложки «Мертвыхъ Душъ», рисованной Гоголемъ и рисунки водяныхъ знаковъ на бумагахъ его рукописей. Портреты гравированы на стали у Брокгауза, съ тою аккуратностью, но съ тою и шаблонностью, которыя характеризуютъ работы анонимныхъ граверовъ его мастерской. Мы предпочитаемъ старинныя литографіи, съ которыхъ они сдѣланы, болѣе индивидуальныя и, вѣроятно, болѣе и схожія. Переходу права собственности на сочиненія Гоголя въ руки предпріимчивой московской фирмы нельзя не порадоваться: изданія наслѣдниковъ были страшно небрежны, а въ послѣдніе годы дѣло дошло до такого невѣроятнаго факта, что даже и эти изданія стали библіографическою рѣдкостью.

Г.

Повѣсти и разсказы Грицька Основьяненка. Т. IV. Харьковъ. 1890 г. Стр. 515.

Настоящимъ томомъ продолжается изданіе полнаго собранія сочиненій Квитки, перваго со времени появленія ихъ въ печати (затѣянное при жизни автора не состоялось). Четвертый томъ содержитъ въ себѣ бытовыя русскія повѣсти и историческія замѣтки. Въ свое время все это печаталось въ журналахъ то петербургскихъ, то московскихъ, въ альманахахъ и газетахъ, и, какъ разбросанное повсюду, пропускалось даже критикой. Для современной публики огромное большинство Квиткиныхъ повѣстей является совершенной новостью. Писательскій обликъ его, по мѣрѣ продолженія этого изданія, становится болѣе доступнымъ общему суду.

Послѣ мелкихъ «пробъ пера», Квитка началъ свое писательское поприще украинскими повѣстями, въ началѣ тридцатыхъ годовъ.

Онъ былъ первымъ авторомъ, выступившимъ въ повѣствовательномъ родѣ на малороссійскомъ языкѣ, не имѣя предшественниковъ. Выступивъ такимъ образомъ по свободному почину и создавъ малороссійскую народную повѣсть, онъ слушался лучшихъ и сильнѣйшихъ сторонъ своей творческой натуры и въ этихъ произведеніяхъ, то наивныхъ, то трогательныхъ, то шутливыхъ, гдѣ его духовный складъ находилъ такія вѣрныя краски въ красотахъ простонароднаго языка, онъ запечатлѣлъ лучшія черты своего таланта. Разсматривая его историческія повѣсти («Кіев. Стар.» 1889 г., № 10), мы видѣли какъ много хорошихъ авторскихъ свойствъ удерживалось еще и въ этихъ изображеніяхъ фигуръ и типовъ прошлаго, несмотря на перемѣну языка и отчасти манеры. Такія произведенія какъ «Панна Сотниковна», «Преданія о Гаркушѣ», «Головатый» еще вполнѣ достойны подписи украинскаго новеллиста. Съ конца тридцатыхъ годовъ Квитка берется за романъ и повѣсть изъ жизни культурныхъ классовъ и становится однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ поставщиковъ столичныхъ изданій. Подстрекаемый журналистами и легкими успѣхами на поприщѣ торопливой работы и неприхотливаго юмора, онъ даетъ, одно за другимъ, цѣлый рядъ произведеній, гдѣ прежній талантъ его блещетъ только мѣстами, сбивается болѣе и болѣе на каррикатуру. Принадлежа къ авторамъ пишущимъ легко и много, онъ не вынашиваетъ своихъ произведеній, не силится дать своимъ образамъ самую сжатую, законченную и совершенную форму, а пишетъ какъ пишется, разсчитывая, что то, что должно бы быть ярко и сильно сказано въ немногихъ сосредоточенныхъ произведеніяхъ, скажется постепенно и по частямъ въ цѣломъ рядѣ ихъ. Отсюда—эта вереница повѣстей и романовъ растянутыхъ, неровныхъ, гдѣ, на ряду съ страницами превосходными, встрѣчается масса ненужнаго, скучныхъ подробностей и невыносимаго шаржа. И несмотря на это Квитка остается авторомъ поучительнымъ, интереснымъ, талантливымъ. И досадно становится, что онъ такъ не щадилъ своего дарованья, такъ разбрасывался и такъ угождалъ духу времени и тому, что Пушкинъ называетъ въ обществѣ «чернью». На поприще романиста Квитка выступилъ поздно и печатался, правда непрерывно, съ небольшимъ всего лишь десять лѣтъ. Собранныя теперь его повѣсти и разсказы относятся къ самому разгару его участія въ журналахъ: «Современникѣ» Плетнева, «Москвитянинѣ», «Литературной Газетѣ» и другихъ.

Повѣсть «Ганнуся» первоначально была, кажется, писана по малороссійски. Погодинъ перевелъ ее и напечаталъ въ «Москвитя-

нинѣ» безъ имени автора, послѣ чего она издана была въ передѣлкѣ. Это романическая исторія дѣвочки, покинутой матерью вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ, выросшей въ Харьковѣ въ бѣдной, рабочей средѣ. Мать разыскиваетъ ее потомъ и находитъ насилу. Бытовыя картины, которыя нашли бы себѣ мѣсто въ повѣсти, будь она разсказана по малороссійски, отсутствуютъ, вслѣдствіе того, что авторъ видимо принаровляется къ шаблонному типу журнальныхъ разсказовъ, съ завлекательнымъ заглавіемъ главъ, съ обращеніями къ «прекраснымъ читательницамъ» и т. п. Реальною осталась лишь картинка посѣщенія деревенской колдуньи, «вѣдьмы». «Ложныя понятія» —очень странная, дидактическая повѣсть, начинающаяся каррикатурой и кончающаяся трагедіей. Пантелеймонъ Стовбырь изъ зажиточныхъ крестьянъ перечисляется въ мѣщане, а потомъ въ купцы, поставивъ себѣ задачею жизни отстать отъ всего «низкаго», что напоминало бы его прежнюю жизнь. Знакомство съ купцами и подъячими, вѣчныя угощенія ихъ, праздность и жизнь не по средствамъ приводятъ его къ нищетѣ. Это—первая жертва ложныхъ понятій. Племянникъ его, Емельянъ, переименовавшій себя въ Эмиля, сынъ богатой сестры, попадаетъ въ Харьковъ и становится какимъ то ходульнымъ романтикомъ въ духѣ Марлинскаго. Онъ влюбляется въ дочь Стовбыря и когда та не соглашается отдаться ему, убиваетъ себя, принявъ яду. Лица повѣсти крайне вычурны. Эмиль—какая то странная смѣсь романтика съ нигилистомъ, Настуся—обыкновенная простушка,—въ концѣ повѣсти становится экзальтированной подвижницей. Она идетъ въ монастырь, что даетъ поводъ изобразить съ большими подробностями картину постриженья въ монахини. Возможно, что повѣсть внушена какимъ нибудь дѣйствительнымъ событіемъ этого рода. О романическихъ самоубійствахъ въ Харьковѣ тридцатыхъ годовъ говорилось когда то и въ нашемъ журналѣ, въ статейкѣ «Харьковскій Вертеръ» («Кіевск. Стар.», 1883 г. № 5). «Добрый панъ», тоже нравоучительный разсказецъ. Молодой помѣщикъ, весельчакъ, вслѣдствіе неудачной любви, дѣлается монахомъ, но потомъ оставляетъ монастырь и живетъ въ мірѣ, дѣлая добро ближнимъ, чѣмъ снискиваетъ названіе «добраго пана». «Ты былъ бы монахъ полезный для себя только, разсуждаетъ онъ. Въ вертоградѣ Христовомъ, въ мірѣ семъ, нужно работать для всѣхъ. Не думай лишь только о себѣ, будь полезенъ ближнимъ.» Эти прекрасныя мысли были бы гораздо убѣдительнѣе, если бы разсказъ былъ написанъ живѣе и не такъ блѣдно. Самъ Квитка въ молодости по-

ступилъ было въ Куряжскій монастырь, но вышелъ оттуда, такъ что въ своемъ разсказѣ онъ несомнѣнно выразилъ субъективныя воззрѣнія.

«Украинскіе дипломаты» воспроизводятъ въ повѣсти сюжетъ «Деньщика-Шельменка», написаннаго въ одинъ и тотъ же 1840 годъ. Помѣщики, забавляющіеся рѣшеніемъ политическихъ вопросовъ по газетамъ, которыя читаютъ за цѣлый годъ разомъ, или сидя за «своимъ бюро», — это и есть дипломаты. Изъ подъ носа ихъ лукавый деньщикъ Шельменко, дипломатъ другой школы, выкрадываетъ дочку-невѣсту и устраиваетъ бракъ ея съ своимъ бариномъ-офицеромъ. Въ повѣсти всѣ эти лица каррикатурны до неправдоподобія, комедія «Шельменко-деньщикъ» неизмѣримо выше. Это живая и веселая вещь, только мѣстами сбивающаяся на шаржъ, но свободная отъ длиннотъ, какими изобилуетъ повѣсть. Шельменко въ «Дипломатахъ» лицо второстепенное. Въ комедіи онъ выдвинутъ на первый планъ и говоритъ типичнымъ малороссійскимъ языкомъ, а не ломаннымъ русскимъ, какъ въ повѣсти. «Дипломаты» комедіи наскучаютъ менѣе повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же фразъ, въ обрисовкѣ ихъ сохранены лучшіе комическіе штрихи. Дѣйствіе идетъ живо и естественно. У Квитки былъ несомнѣнный сценическій нервъ и лучшая изъ пьесъ его «Сватанне на Гончаривци», по живости и искусному развитію интриги, можетъ быть названа произведеніемъ образцовымъ. Часто въ повѣстяхъ и романахъ своихъ Квитка прерываетъ разсказъ и даетъ сцены въ лицахъ, что говоритъ о сродности его таланту драматической формы. Въ комедіи этого названія, Шельменко, этотъ украинскій Фигаро, возвышается до типа. Пьеса эта всегда пользовалась успѣхомъ и дала прекрасный сценическій матеріалъ такимъ артистамъ, какъ Соленикъ, Щепкинъ и Кропивницкій. Повѣсть же «Дипломаты», въ ряду другихъ произведеній Квитки, слѣдуетъ считать одною изъ самыхъ слабыхъ.

Очеркъ «Ярмарка» — едва ли не лучшая вещь въ книгѣ. Тамъ, гдѣ Квитка оставляетъ желанье смѣшить во что бы то ни стало и остается простымъ и естественнымъ, — у него являются прекрасныя реалистическія картинки, вродѣ описанья этой шерстяной ярмарки, съ ея продавцами-помѣщиками, сборищами въ лавкахъ, въ театрѣ, въ собраніи, вывозимыми на показъ дочками-невѣстами и офицерами-женихами. Картина этой убогой «общественности» былаго времени, нарисованная такимъ тонкимъ наблюдателемъ, является теперь поистинѣ исторической. «Основанье Харькова» — семейное преданіе. Предокъ Квитокъ былъ, будто бы, сыномъ московскаго боярина, бѣ-

жавшаго отъ Іоанна Грознаго въ Литву или къ нѣмцамъ. Послѣ какой то трагедіи, случившейся на чужбинѣ, старый слуга привозитъ мальчика въ Кіевъ, гдѣ онъ попадаетъ сначала къ одному изъ горожанъ, а потомъ къ воеводѣ поляку. Выросши, онъ бѣжитъ съ дочерью воеводы въ степи и поселяется близъ нынѣшняго Харькова. По его вызову въ тотъ край явились колонисты изъ Украины и положили начало и Харькову, гдѣ первый храмъ освященъ былъ въ 1646 г. «Укажу боярамъ на здѣшній край, передамъ имъ мысли мои, что благого можно устроить здѣсь и стану покойно доживать вѣкъ въ этомъ уголкѣ, куда Господь привелъ меня». Эти слова, которыя Квитка вкладываетъ въ уста своему предку, необыкновенно шли бы какъ надпись на памятникѣ ему самому, если бъ таковой поставленъ былъ когда либо благодарнымъ Харьковомъ, которому онъ послужилъ въ своей жизни такъ много.

Покуда Харьковъ едва собрался на изданіе его сочиненій, да и то, хотя хорошо редактируемое, выходитъ съ убійственною медленностью. Издателемъ является уѣздное земство, имѣющее, безъ сомнѣнія, и безъ того много расходовъ и дѣлъ. Въ городѣ, ворочающемъ милліонами, какъ Харьковъ, не находится ни одного богатаго и просвѣщеннаго издателя, чтобъ поддержать и ускорить это дѣло, хотя бы изъ того соображенія, что культурный интересъ и ореолъ даютъ извѣстному мѣсту именно только такія, связанныя съ почвой явленія творческаго порядка, какъ напр. Квитка.

Къ повѣстямъ въ этомъ томѣ присоединены историческія замѣтки: «О слободскихъ полкахъ», «Украинцы», «Городъ Харьковъ» и «Исторія театра въ Харьковѣ».

Н. Леопардовъ и Н Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. II. Кіевъ, 1891. VIII табл.+17 стр. текста.

Второй выпускъ по содержанію гораздо разнообразнѣе перваго. Здѣсь, кромѣ снимковъ съ крестовъ и образковъ, которыми исключительно былъ наполненъ первый выпускъ, находится также таблица монетъ и таблица съ изображеніемъ стариннаго ларца. Изъ восьми таблицъ первыя шесть заняты крестами и образками. На *первой* пять энколпіоновъ, два серебряные болѣе новые и два (№ 5 и № 9), которые можно отнесть къ типу переходному отъ энколпіоновъ къ позднѣйшимъ двустороннимъ крестамъ и намъ кажется, что ихъ

нельзя отнесть къ XII—XIII в., какъ это сдѣлано въ объясненіи къ таблицамъ. *Вторая* таблица, оборотныя изображенія предметовъ, помѣщенныхъ на первой. *Третья* заключаетъ три энколпіона и три образка. Одиннадцать крестовъ, принадлежащихъ г. Бѣляшевскому, составляютъ *четвертую* таблицу. Выдѣляется между крестами по своей величинѣ энколпіонъ № 6, помѣщенный по срединѣ. И въ этомъ случаѣ нельзя согласиться съ опредѣленіемъ времени нѣкоторыхъ крестовъ; такъ напр. № 4 по формѣ и работѣ не можетъ относиться къ IX—X в., а относится ко времени гораздо позднѣйшему, тоже самое въ особенности нужно сказать и по отношенію къ кресту № 11, пріуроченному въ объясненіи къ IV—V вѣку. Преувеличена также, по нашему мнѣнію, и древность кипариснаго рѣзнаго креста, помѣщеннаго на таб. *5-ой* и относимаго къ XII — XIII в. На этой же таблицѣ находимъ и другой кипарисный крестъ въ металлической оправѣ, названный уніатскимъ (?), а также два небольшихъ крестика и свинцовый крестъ, служившій для помазанія мvромъ. *Таблица* шестая—обороты крестовъ. На 7-ой табл. даны изображенія пяти серебряныхъ и шести мѣдныхъ монетъ, или до сихъ поръ еще не изданныхъ или отличающихся большой рѣдкостью. Очень рельефно вышли въ фототипіи серебряныя монеты. Между ними отмѣтимъ алтынъ 1710 г. и рубль имп. Елизаветы 1758 г. съ буквами подъ орломъ С--ю. Есть также интересныя и между мѣдными, какъ напр. двухфранковикъ и пятифранковикъ, битые въ Парижѣ въ 1814 г. съ вензелемъ Александра I, и интересные тѣмъ, что они чеканены не на серебрѣ, а на мѣди. На послѣдней *восьмой* табл. снятъ сверху и сбоку небольшой ларецъ, украшенный эмалью на мѣди; хотя въ верхнемъ медальонѣ и значится титулъ Алексѣя Михайловича, но все таки трудно предположить, чтобы этотъ ларецъ служилъ объектомъ царскаго подарка, какъ это высказано въ объясненіи.

Текстъ, принадлежащій Н. Леопардову, состоитъ изъ двухъ частей. Первая—это объясненіе таблицъ, вторая—«О сходствѣ изображеній на нѣкоторыхъ херсонскихъ монетахъ съ изображеніями на Дрогичинскихъ свинцовыхъ знакахъ (пломбахъ)»,—въ статьѣ находится сравнительная таблица монетъ и знаковъ, гдѣ дѣйствительно сходство въ нѣкоторыхъ случаяхъ очевидно, жаль только что таблица сдѣлана небрежно. Въ видѣ приложенія помѣщена въ концѣ статья «О значеніи для Россіи константинопольскаго патріарха Фотія». Мотивомъ помѣщенія въ Сборникѣ этой статьи послужило то, что выходъ этого

выпуска Сборника совпалъ съ временемъ празднованія у насъ тысячелѣтія со дня смерти этого патріарха.

Нужно признать, что и второй выпускъ внесъ свою долю въ дѣло разработки русской археологіи.

Третій выпускъ обѣщаетъ быть также интереснымъ, такъ какъ тамъ предполагается помѣстить снимки съ неизданныхъ еще древнѣйшихъ русскихъ монетъ, найденныхъ въ этомъ краѣ.

Н. В.

В. Щеглов. Историческая справка о полѣ полтавскомъ и его настоящихъ памятникахъ. Полтава. 1890 г. 46 стр.

Въ настоящее время на полѣ полтавской битвы существуютъ три «памятника»: могильный холмъ, возлѣ холма церковь и здѣсь же церковно-приходская школа, основанная въ 1889 году. Объ этихъ то памятникахъ и дѣлаетъ «справку» г. Щегловъ.

Самымъ древнимъ и реальнымъ изъ нихъ является, несомнѣнно, могила, насыпанная на другой день послѣ битвы. Долгое время она оставалась въ первобытномъ состояніи [1]) и только въ 1856 году приведена въ настоящій искусственный видъ (стр. 15), который, по нашему мнѣнію, не является улучшеніемъ памятника, такъ какъ последній въ значительной степени перестаетъ быть современнымъ событію.

Въ 1857 г. возлѣ могилы построена церковь на деньги, пожертвованныя въ началѣ текущаго столѣтія О. С. Судьенкомъ. Сначала думали устроить монастырь, желая такимъ образомъ осуществить волю Петра [2]); но позже ограничились церковью (стр. 26). Часть денегъ изъ капитала Судьенка, оставшаяся за удовлетвореніемъ расходовъ по постройкѣ церкви и по другимъ затратамъ

---

[1]) Видъ шведской могилы въ началѣ текущаго столѣтія помѣщенъ у *Брикнера* Ист. Петра Великаго, т. 2, стр. 450.

[2]) Указъ Петра о постройкѣ Петропавловскаго монастыря на мѣстѣ полтавской битвы былъ изданъ въ іюлѣ 1709 года, но приведенъ въ исполненіе не былъ. Причину этого скорѣй, по нашему мнѣнію, нужно искать въ нерасположеніи Петра къ монахамъ во вторую половину его царствованія (П. С. З. № 4151 и 4183, *Соловьевъ*. Исторія Россіи, т. XVIII (1-е изданіе) стр. 200—

(стр. 28 — 30), хранилась до послѣдняго времени въ казначействѣ, а 27 января 1890 года передана въ распоряженіе Св. Синода. Капитала этого добивались разныя учрежденія, между прочимъ и полтавское земство, желавшее обратить его «на устройство богадѣльни для престарѣлыхъ и увѣчныхъ воиновъ» (стр. 34). Но капиталъ остался за духовнымъ вѣдомствомъ, которое распорядилось одну часть капитала употребить на расширеніе и ремонтировку церкви и на содержаніе при ней причта, а другую — на устройство церковно-приходской школы.

Шведская могила лежитъ верстахъ въ 5 отъ Полтавы, вдали отъ всякаго жилья, среди равнины, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, по словамъ г. Щеглова, въ зимнее время «въ теченіи цѣлыхъ недѣль, а иногда и мѣсяцевъ не встрѣчалось здѣсь ни одной посторонней живой души; только жалобный стонъ пустыннаго вѣтра да сердитыя завыванія зимней вьюги слетались сюда, какъ бы для того, чтобы вмѣстѣ спѣть скорбную пѣснь нѣкогда носившейся здѣсь страшной смерти» (стр. 32). Потому-то намъ и кажется страннымъ существованіе тамъ школы, до которой зимой не всегда, вѣроятно, и добраться можно. Несерьезными кажутся намъ разсужденія г. Щеглова, увѣряющаго, что «болѣе подходящаго мѣста для школы истинно-православнаго патріотическаго духа трудно и отыскать» (стр. 38—39).

Вообще, нужно сказать, чтеніе брошюры г. Щеглова оставляетъ нелестное для автора впечатлѣніе. Если бы авторъ ограничился одной только исторической частью, отбросилъ всѣ свои разсужденія, написалъ бы не 46, а страницъ 10—15, да написалъ бы притомъ обыкновеннымъ русскимъ языкомъ, а не какимъ то особымъ, къ которому читатель совсѣмъ не привыкъ—его оставалось бы только поблагодарить.

Мы считаемъ здѣсь неумѣстнымъ касаться разсужденій г. Щеглова, тѣмъ болѣе, что они состоятъ преимущественно изъ общихъ мѣстъ (стр. 38—39, 42—43). Отмѣтимъ только слѣдующую фразу автора при оцѣнкѣ значенія полтавской битвы: «здѣсь додѣлывалось,

---

204), чѣмъ въ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, будто бы помѣшавшихъ Петру привесть въ исполненіе свое намѣреніе (Щегловъ, стр. 17). Въ 1723 г. Петръ хотѣлъ ограничиться постройкой одной только каменной пирамиды.

говоритъ онъ, историческое окно въ Европу, съ которою Россія послѣ этого вступаетъ въ болѣе живыя и тѣсныя сношенія, пріобщаясь постепенно тѣхъ плодовъ цивилизаціи, *надъ которыми уже столько вѣковъ работало въ ней много сильныхъ и искреннихъ умовъ»* (?!) (стр. 7). Къ сожалѣнію г. Щегловъ не называетъ ни одного изъ этихъ именъ...

Н. В.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 2.—Русская Мысль № 2.—Русскій Вѣстникъ № 2.—Сѣверный Вѣстникъ № 2.—Русское Обозрѣніе № 2.—Наблюдатель № 2.—Русская Старина № 2.—Русскій Архивъ № 2.—Историческій Вѣстникъ № 2.

Вѣстникъ Европы. II. 1891 г. Въ отдѣлѣ: литературное обозрѣніе—подробная рецензія о «Лѣтописи историко-филологическаго общества при Импер. новороссійскомъ университетѣ. I», гдѣ помѣщены: Успенскаго «Воспоминанія о Григоровичѣ» и Мочульскаго: «Описаніе рукописей Григоровича» — бывшаго профессора новороссійскаго университета, слависта, извѣстнаго своими работами по изученію южно-славянской и русской письменности (стр. 896—902). *Н. В. С—жевъ.* «Историографія и Компиляція». Подробный разборъ третьяго тома «Исторіи Россіи» Иловайскаго, обнимающей XVI стол. (стр. 914—929).

Русскій Вѣстникъ. I. 1891 г. Въ отдѣлѣ: «Новости литературы» похвальный отзывъ объ «Исторіи Россіи» Иловайскаго, т. III (стр. 342—346).

Сѣверный Вѣстникъ. I. 1891 г. Въ отдѣлѣ: «Литературныя замѣтки» Волынскаго—краткая замѣтка по поводу напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статьи г. Розанова, въ которой Гоголь подвергнутъ жестокому бичеванію (стр. 160—162).

Русское Обозрѣніе. II. 1891 г. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи статья П. В. Безобразова: «Еще объ «Исторіи» Д. И. Иловайскаго», пред-

ставляющая продолженіе спора этихъ двухъ историковъ, въ которомъ г. Безобразовъ доказываетъ, что исторія г. Иловайскаго (томъ III) не есть самостоятельное изслѣдованіе, а только компиляція (стр. 932—940).

Русская Старина. II. 1891 г. *Ремезовъ. «Ник. Ив. Костомаровъ»*. Приведенъ автобіографическій очеркъ жизни и трудовъ Костомарова, написанный имъ для редакціи «Русскаго художественнаго листка» въ 1860 г. и переданный редакціей въ Императ. публич. библ. (стр. 483—490). Въ замѣткахъ— приведено письмо И. С. Тургенева къ издателю журнала «Народное Чтеніе» Оболонскому (1859—1860 гг.), извѣщающее о томъ, что комитетъ литературнаго фонда озабоченъ улучшеніемъ положенія родственниковъ Т. Г. Шевченко (стр. 406).

Историческій Вѣстникъ. II. 1891 г. *П. Н. Полевой. Историкъ-идеалистъ.* Авторъ на основаніи разбора біографіи Н. И. Костомарова и своего личнаго съ нимъ знакомства старается доказать, что какъ общественный дѣятель, а еще больше какъ ученый Костомаровъ былъ большимъ мечтателемъ и фантазеромъ, неспособнымъ къ критическому и зрѣлому изученію и обсужденію историческихъ фактовъ (стр. 501—520).

О затерянной рукописи Н. И. Костомарова. (Отвѣтъ на замѣтку г. Сумцова, напечатанную въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1891 г., стр. 316—317). Затерянная въ 1880 году редакціей «Русской Мысли» рукопись Н. И. Костомарова, заключавшая въ себѣ начало второй главы изслѣдованія «Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» — *«А) Хмельнищина»*, отыскана въ бумагахъ той же редакціи и напечатана въ «Русской Мысли» въ 1883 году (кн. VII, 269—307 и кн. VIII, стр. 107—143) подъ общимъ главнымъ названіемъ изслѣдованія и со вторымъ, произвольно редакціей измѣненнымъ: «Борьба козаковъ съ поляками» вмѣсто: «Борьба южно-русскаго народа съ Польшею».

Подробныя указанія по этому предмету находятся въ «Библіографическомъ указателѣ сочиненій Н. И. Костомарова», помѣщенномъ въ сборникѣ его неизданныхъ произведеній «Литературное Наслѣдіе». 1890 г. (См. страницы сборника 515—516, № 241 указателя и стр. 519, въ замѣткѣ, слѣдующей за № 290 указателя).

Издат. Литературнаго Наслѣдія“.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

1891 годъ. БИБЛІОГРАФЪ годъ VII.

ИЗДАНІЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ (12 №№ ВЪ ГОДЪ).

Ученымъ Комит. М-ства Народн. Просв. рекомендованъ для основн. библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ одобренъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученаго Комитета помѣщенъ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; теорія и практика библіографіи; прикладныя библіографич. знанія; библіотечное, издательское и книжно-торговое дѣло прежде и теперь.

Отд. 2-й. (справочный). Лѣтопись русскаго книгопечатанія: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica; 4) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 5) библіографическія извѣстія (хроника) и объявленія.

Съ основанія „Библіографа" въ немъ принимали участіе: В. А. Алексѣевъ, И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Ѳ. Боцяновскій, С. Н. Брайловскій, С. К. Буличъ, П. В. Быковъ, А. Е. Бѣловъ, Н. Н. Вакуловскій, А. Васильевъ, К. П. Галлеръ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, І. І. Змигродзкій, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, М. А. Куплетскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. Ф. Леонтьевъ, И. А. Линниченко, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, Л. Н. Майковъ, А. І. Маленнъ, В. И. Межовъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, А. Е. Молчановъ, И. Я. Морошкинъ, Н. Н. Оглоблинъ, С. Ѳ. Платоновъ, Н. И. Позняковъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, Э. Л. Радловъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, А. Ѳ. Селивановъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, И. Ѳ. Токмаковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

веннымъ и экономическимъ вопросамъ; статьи по исторіи литературы и культуры; біографія, критика и библіографія.

Газета посвящена текущимъ внутреннимъ и внѣшнимъ событіямъ, и въ ней по прежнему будутъ помѣщаться:

I. Передовыя статьи: обзоръ выдающихся событій за недѣлю. — II. Небольшія статьи по разнымъ текущимъ вопросамъ. — III. Отголоски печати. — IV. Оффиціальныя извѣстія. — V. Петербургская лѣтопись — VI. Внутренняя хроника, корреспонденціи, сообщенія и газетныя извѣстія изъ разныхъ пунктовъ Россіи. — VII. Заграничная хроника: корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ заграничныхъ центровъ. — VIII. Замѣтки литературныя, библіографическія, художественныя и т. д. — IX. Фельетонъ: юмористическіе очерки и замѣтки. — X. Объявленія.

Въ „Восходѣ“ и „Недѣльной хроникѣ“ принимали участіе:

Абрамовичъ М. С., Бершадскій С. А. (профессоръ), Бердяева Елена, Бернинъ I., Блюменфельдъ Г. Ф., Бенъ-Ами, Богровъ Г. И., Вейнбергъ П. И., Ватсонъ Э. К., Вербовъ А., Волынскій А. Л., Гаркави А. Я., Градовскій Г. К., Гордонъ Л. О., Горвицъ М. И. (проф.), Грузенберъ С. О., Дубновъ С. М., Каминка А. И, Коршъ В. Ѳ., Кайзерлингъ д-ръ, Канторъ Л. О., Кулишеръ М. И., Лазаревъ М. Н., Леванда Л. О., Левенсонъ П. Я., Лякубъ П. М., Лиліенблюмъ М. Л., Лифшицъ Г. Г. (Гершонъ-б.-Гершонъ), Минскій Н. М., Манасевичъ Ю. В., Моргулисъ М. Г., Мордовцевъ Д. Л, Мышъ М. И., Мандельштаммъ I. Е., Мережковскій Д., Никитинъ В. Н., Оршанскій М. О., Онуфровичъ А. И., Песковскій М. Л., Петръ Шлемиль (Д. Л. Слонимскій), Позняковъ Н. И., г-жа Р.-Хинъ (псевдонимъ), Ромбро Я. С., Рубакинъ Н. А, Рускинъ Д. (Н. Н. Фирсовъ), Русскій (псевдонимъ), Сементковскій Р. И., Скриницынъ В. А., Станиславскій С. М., Фругъ, С. Г., Фофановъ К. М., Цедербаумъ А. А., Шафиръ М. П., Штейнбергъ О. Н., Ярошевскій С. О. и другіе.

Цѣна на годъ журнала „Восходъ“ и газеты „Недѣльная хроника Восхода“ 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го января на годъ 2—слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р. Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 3 и 2 а, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

3—3 Редакторъ-издатель **А. Ландау.**

Открыта подписка на 1891 г. на

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ЕЖЕДНЕВНУЮ

Политическую, Литературную, Экономическую и Коммерческую газету.

Вступая въ 65-й годъ своего существованія, „Одесскій Вѣстникъ“ и въ предстоящемъ году, какъ всегда, останется вѣренъ своимъ традиціямъ — быть точнымъ отраженіемъ общественно-экономическихъ интересовъ южно-русск. края

Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ ежедневно помѣщаются:

1. Телеграммы общія.
2. Телеграммы коммерческія.

3. Передовыя статьи по внутрен. и иностран. политикѣ.
4. Газетное обозрѣніе.
5. Маленькая хроника (фельетон. замѣтки на злобы дня).
6. Внутреннія извѣстія.
7. Иностранныя извѣстія.
8. Мѣстная хроника (Одесская и Южно-русск. края).
9. Корреспонденціи (русскія и заграничныя).
10. Искусство и Литература.
11. Судебная хроника (общихъ и военн. судовъ).
12 Отголоски (летучія замѣтки по разн. предметамъ).
13. Смѣсь и Разныя извѣстія.
14 Фельетонъ (литературн., научный, беллетристическій и др.).
15. Торговыя свѣдѣнія.
16. Справочный отдѣлъ.

Для иллюстраціи статей объ особо выдающихся лицахъ или фактахъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" печатаются *портреты* и *рисунки*, относящіеся къ событіямъ дня.

Составъ сотрудниковъ въ предстоящемъ году будетъ значительно пополненъ, въ особенности по части беллетристики и вообще фельетоннаго отдѣла.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для иногородныхъ съ пересылкой и въ Одессѣ съ доставкой:		Въ Одессѣ безъ доставки:	
на 12 мѣсяцевъ	12 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.
„ 6 „	7 „ — „	„ 6 „	6 „ — „
„ 3 „	3 „ 75 „	„ 3 „	3 „ 30 „

Всѣ новые подписчики „Одесскаго Вѣстника" на 1891 г., подписавшіеся на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, получатъ и всѣ нумера за 1890 г., со дня ихъ подписки.

Разсрочка подписной платы допускается для годовыхъ подписчиковъ по третямъ года, со взносомъ по 4 руб. не позже 1-го января, 1-го апрѣля и 1-го сентября.

Кредитъ допускается: для частныхъ лицъ по соглашенію съ редакціею, а для лицъ, служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, за поручительствомъ ихъ казначеевъ.

Иногородніе благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію: Одесса, Ремесленная ул., д. № 5.

Редакторъ *М. Арнольдъ*. Издатель *В. Кирхнеръ*.

3—3

Подписка на 1891 годъ на

ЕЛИСАВЕТГРАДСКІЙ ВѢСТНИКЪ

XVI-й годъ изданія

выходитъ ежедневно, за исключеніемъ послѣпраздничныхъ дней.

Имѣя въ виду главнымъ образомъ интересы областные и, занимаясь по мѣрѣ силъ и возможности разработкой вопросовъ мѣстныхъ, газета тѣмъ не менѣе

слѣдить за всѣми выдающимися явленіями общественной и государственной жизни нашей страны и за политической дѣятельностью нашихъ сосѣдей, стараясь своевременно дать читателю матерьялъ, могущій, какъ мы полагаемъ, интересовать всякого просвѣщеннаго человѣка.

Считаемъ необходимымъ повторить свое обѣщаніе: служить только обществу, его нуждамъ и интересамъ и не давать мѣста ни узконаціональнымъ, ни сословнымъ, ни партійнымъ предубѣжденіямъ.

Такъ же какъ и въ истекшемъ году особымъ вниманіемъ газеты нашей будутъ пользоваться вопросы, касающіеся нашего земства, общественнаго самоуправленія Елисаветграда, окрестныхъ городовъ и крестьянскихъ общинъ. Свѣдѣнія по сельскому хозяйству и отчеты о состояніи и результатахъ урожаевъ будутъ у насъ помѣщаться спеціалистами по сельскому хозяйству. Кромѣ того въ газетѣ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будутъ помѣщаться фельетоны, разсказы, переводныя повѣсти, новости науки, литературы и искусства и проч.

Телеграфныя извѣстія даются подписчикамъ г. Елисаветграда и его окрестностей на два дня или, во всякомъ случаѣ, на одинъ день раньше, чѣмъ другими газетами.

Будутъ приняты всѣ мѣры, чтобы своевременно давались читателю торговыя свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ на крупныхъ рынкахъ и о курсахъ. Въ газетѣ печатаются списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ мѣстномъ окружномъ судѣ и мировомъ съѣздѣ и проч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На годъ (12 мѣсяцевъ)	6 р. — к.	На годъ (12 мѣсяцевъ)	7 р. 20 к.
На 6 мѣсяцовъ	3 „ 50 „	На 6 мѣсяцевъ	4 „ 20 „
На 3 мѣсяца	2 „ — „	На 3 мѣсяца	2 „ 40 „
На 1 мѣсяцъ	— „ 70 „	На 1 мѣсяцъ	— „ 85 „

Контора газеты по углу Большой Перспективной и Петровской ул. д. Пржигодскаго, открыта ежедневно съ 9-ти до 2-хъ час. пополудни и съ 5-ти до 8-ми час. вечера, а въ праздники съ 10-ти до 2-хъ час. пополудни.

Редакція газеты открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 6-ти до 8-ми час. пополудни.

3—3 Редакторъ-издатель *М. К. Хороманскій.*

Открыта подписка на **1891 годъ** на иллюстрированную, литературную, общественную и политическую газету

которая будетъ выходить съ 1-го января 1891 г., вмѣсто „Газеты А. Гатцука", еженедѣльно, въ случаѣ же надобности по два раза въ недѣлю, въ объемѣ 2—3 л. въ каждомъ №, съ рисунками, портретами и картинами.

Съ ежемѣсячными книжками приложеній,

которыя представятъ собою какъ бы отдѣльный ежемѣсячный журналъ. Въ книжкахъ „Зари" будутъ помѣщаемы не только беллетристическія произведенія, но также и научныя, публицистическія и критическія статьи по общей программѣ всѣхъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Съ 1890 года изданіе „Газеты А. Гатцука", какъ извѣстно, перешло въ другія руки, и направленіе этой газеты въ теченіи истекшаго года выяснилось съ

надлежащею полнотою. Тому же направленію будетъ слѣдовать и газета „Заря“, которая не будетъ служить, какъ другія иллюстрированныя изданія, ни украшеніемъ гостинныхъ, ни матеріаломъ для развлеченія въ часы празднаго досуга. „Заря“ имѣетъ совсѣмъ иныя задачи. Во всѣхъ своихъ отдѣлахъ она будетъ стремиться внести въ жизнь русской семьи общечеловѣческія идеи правды, добра и красоты и ясное, сознательное, справедливое отношеніе ко всѣмъ выдвигаемымъ текущею жизнью вопросамъ, ко всему, что день за днемъ совершается какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и во всемъ мірѣ. Редакція „Зари“ обратитъ особенное вниманіе на отдѣлы внутренній и политическій, составъ и направленіе которыхъ извѣстны русской читающей публикѣ по изданію „Газеты А. Гатцука“ за 1890 годъ. Говорить одну только правду, снимать маску со всякой лжи, ратовать противъ всякаго угнетенія, произвола и насилія, радоваться каждому проявленію свѣтлой мысли, свѣтлаго и честнаго чувства—такова должна быть, по мнѣнію редакціи, программа русскаго органа печати, желающаго сослужить свою службу русскому государству, русскому обществу и русскому народу. При сравнительно низкомъ уровнѣ общественнаго самосознанія, при малочисленности интеллигентныхъ силъ и при другихъ условіяхъ нашей современной общественной жизни, печать въ Россіи поставлена въ совершенно исключительныя условія: она является единственной почти каѳедрой живаго слова, единственной выразительницей общественныхъ и народныхъ нуждъ. Русская печать еще должна учить, должна идти впереди общественныхъ теченій, должна проливать лучи свѣта въ вѣковую тьму, пробивая ими толстую кору невѣжества и предразсудковъ.

По мѣрѣ силъ и возможности, „Заря“ будетъ служить тому, чтобы приблизился часъ разсвѣта,—часъ, въ который дѣйствительная заря просвѣщенія освѣтитъ русскую землю.

Въ каждомъ № „Зари“, кромѣ текущаго матеріала, будутъ печататься два-три беллетристическія произведенія (романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія драматическія произведенія), статьи по отдѣльнымъ вопросамъ, фельетонъ, научная хроника (новыя открытія и изобрѣтенія) и пр.

Въ числѣ двѣнадцати книгъ приложеній редакціей будутъ изданы (послѣ 15-го іюля 1891 г., т. е. по истеченіи срока на право литературной собственности)

сочиненія М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ четырехъ томахъ съ роскошными иллюстраціями.

По установившемуся для иллюстрированныхъ изданій обычаю, годовымъ подписчикамъ на „Зарю“ будетъ выдана

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ,

причемъ редакція дѣлаетъ первый опытъ—давать въ премію не олеографію, т. е. не печатную картину, а картину, писанную на полотнѣ масляными красками, на выборъ изъ слѣдующихъ четырехъ картинъ: 1) **ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ**, (пейзажъ), 2) **ЗИМА** (пейзажъ), 3) **ЛУННАЯ НОЧЬ** и 4) **НА РѢКѢ** (пейзажъ).

Подписная цѣна на газету „ЗАРЯ“ съ ежемѣсячными книгами и со всѣми приложеніями, съ пересылкой и доставкой:

на годъ 6 р., на полгода 3 р., на три мѣсяца 1 р. 50 к. За границу на годъ 10 р., на полгода 5 р.

Художественная премія высылается только годовымъ подписчикамъ, причемъ какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики желающіе получить эту премію,

прилагають къ подписной цѣнѣ 2 р. Желающіе получить двѣ, три и болѣе масляныхъ картинъ доплачиваютъ за первую картину 2 р., за слѣдующія по 3 руб.

Годовые подписчики могутъ получить, въ качествѣ художественной преміи, вмѣсто писанной картины, большую олеографію на выборъ изъ слѣдующихъ семи картинъ: 1) **СѢНОКОСЪ**, худ. Сергѣева, 2) **НА ПАСТБИЩѢ**, худ. Сергѣева, 3) **ОБИЛЬНЫЙ УРОЖАЙ** (крестный ходъ), худ. Мещерскаго, 4) **ТРОЙКА**, худ. Сверчкова, 5) **ДУБОВАЯ АЛЛЕЯ**, худ. бар. Клодта, 6) **ВЕЧЕРЪ НА ХУТОРѢ**, худ. Сергѣева и 7) **ПОѢЗДЪ СТОИТЪ 3 МИНУТЫ**, худ. Сергѣева. За картину-олеографію доплачивается къ подписной цѣнѣ 1 р.; лица, желающія получить нѣсколько такихъ картинъ, доплачиваютъ за первую 1 рубль, за слѣдующія по 2 рубля.

Всѣ требованія адресуются: въ главную контору газеты „Заря":— Москва, Петровка, д. Кред. Общ., при типографіи И. И. Родзевича.

3—3

Открыта подписка на самую дешевую и распространенную изъ большихъ южныхъ газетъ

„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ"

Газета политическая, литературная, общественная и коммерческая.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Выпавшій на долю нашей газеты успѣхъ, непрерывно возроставшій со времени перехода изданія въ наши руки, даетъ намъ основаніе надѣяться, что и въ будущемъ году избранное нами направленіе и твердая рѣшимость избѣгать всего того, что носитъ характеръ личной полемики, найдетъ сочувствіе среди читателей.

Поставивъ себѣ главною цѣлью—служеніе общимъ краевымъ интересамъ, мы открыли цѣлый рядъ отдѣленій, съ помощью которыхъ мы вступили въ непосредственныя сношенія съ различными пунктами Юга. Распространеніе, достигнутое нашимъ изданіемъ въ краѣ, свидѣтельствуетъ о сочувствіи общества къ нашей дѣятельности, что придаетъ намъ еще большую энергію къ выполненію поставленныхъ нами задачъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, распространенность нашей газеты въ самой Одессѣ также доказываетъ, что она въ должной мѣрѣ удовлетворяетъ и мѣстнымъ интерессамъ.

Что же касается до внѣшняго вида газеты, то мы улучшили бумагу, обновили типографію, и пріобрѣли новый шрифтъ.

Подписная цѣна на 1891 годъ:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На 1 годъ	7 р. 20 к.	На одинъ годъ	8 р. — к.
„ 6 мѣсяц.	4 р. 50 к.	„ 6 мѣсяц.	5 р. — к.
„ 3 „	2 р. 50 к.	„ 3 „	2 р. 75 к.
„ 1 „	— р. 90 к.	„ 1 „	1 р. — к.

За-границу доплачивается по 60 коп. въ мѣсяцъ.

Разсрочка допускается только для подписавшихся чрезъ главную контору.

Дозволено ценз. Кіевъ, 14-го марта 1891 г.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1891 г. продолжается:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 14-го марта 1891 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ТОМЪ XXXIII.

1891 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензур. Кіевъ, 13-го апрѣля 1891 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXIII, 1891 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АПРѢЛЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXIII. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хрониκъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса
главный Инспекторъ вмѣсто себя и жены своей
Елены Ивановой дочери Гамалѣевны по повѣренно-
сти ея Григорей Полѣтика руку и печать
приложилъ.

ВОЙТОВСТВО ИВАНА СЫЧЕВСКАГО ВЪ КІЕВѢ.

(1754—1766 г.).

I.

По смерти войта Павла Войнича, послѣдовавшей въ октябрѣ мѣсяцѣ 1751 г.[1]), магистратъ кіевскій долго не приступалъ къ обычнымъ выборамъ новаго войта. Какія къ тому были препятствія—неизвѣстно. Надо думать, что возбужденное въ это же время гетманомъ Разумовскимъ ходатайство о томъ, чтобы кіевскій магистратъ былъ подчиненъ исключительно его власти, „такъ чтобы и тамошній губернаторъ до него не интересовался", побуждало кіевлянъ считаться, такъ сказать, со вкусами гетмана при выборѣ четырехъ кандидатовъ на должность войта, что, по всей вѣроятности, и задерживало выборы.

Только въ февралѣ 1754 года полученъ былъ въ Кіевѣ указъ госуд. коллегіи иностранныхъ дѣлъ.[2]), вѣдѣнію которой

[1]) См. „Истор. мат. изъ архива кіев. губ. пр." вып. 8-й стр 9.

[2]) У меня въ рукахъ былъ указъ коллегіи въ кіев. губ. канцелярію отъ 31 января 1754 года такого содержанія. „По учиненному въ кіев. магистратѣ (по посланному во оный изъ коллегіи ин. д. указу) на мѣсто умершаго кіев. войта Павла Войнича, по силѣ имѣющихся у того магистрата привиллегій, по старому обычаю, вольными голосами, и присланному изъ того магистрата къ г. малороссійскому гетману и кав. гр. К. Г. Разумовскому, а отъ него въ коллегію ин. д., выбору въ войты кіевскіе четыремъ кандидатамъ, изъ которыхъ одного, а именно находящагося въ лейбъ-компаніи Е. И. В. гранадира поручика Ивана Сычевскаго, *родимца тогожъ города Кіева*, онъ г. гетманъ и кав., за надежнѣйшаго признавая, къ высочайшей Е. И. В. конфирмаціи представилъ; Ея Имп. Вел. всемилостивѣйше соизволила ука-

подчиненъ былъ тогда кіевскій магистратъ, о состоявшемся высочайшемъ назначеніи на должность кіевскаго войта изъ лейбъ-компаніи гренадера секундъ-маіора Ивана Сычевскаго. Но этотъ „опредѣленный“, какъ онъ всегда подписывался (прежніе войты писались—„упривилiованний“), войтъ прибылъ въ Кіевъ лишь въ 1756 году, и такимъ образомъ Кіевъ больше четырехъ лѣтъ оставался безъ войта.

Почему при этомъ назначеніи остановились на Сычевскомъ и какое значеніе имѣла при самомъ выборѣ кандидатовъ рекомендація графа Разумовскаго,—мнѣ узнать не удалось. Принято было, однако, во вниманіе и то обстоятельство, что Сычевскій былъ уроженецъ г. Кіева, сынъ протопопа Стефана Сыча [1]), имѣвшій въ Кіевѣ родственныя связи съ мѣстными обывателями.

Фамилія Сычевскихъ встрѣчается въ это время въ средѣ кіевскаго духовенства. На Подолѣ въ Преображенской церкви былъ „намѣстникъ“ священникъ Яковъ Сычевскій, умершій въ

зать оного Сычевскаго войтомъ опредѣлить, о чемъ кіев. губ. канц. знать дается, а о томъ же къ г. малорос. гетману и кав. грамота для вѣдома и въ кіев. магистратъ указъ для надлежащаго исполненія изъ кол. и. д. отъ сего жъ числа посланы“.

Въ статьѣ моей „Кіевскія смуты прошлаго столѣтія“ (Кіев. Стар. 1886 г. декабрь) вкралась ошибка относительно времени назначенія Сычевскаго: назначеніе это приписано имп. Екатеринѣ В., тогда какъ оно принадлежало Елизаветѣ Петровнѣ.

[1]) См. „Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр.“ вып. 3-й, стр. 80. Въ описаніи хуторовъ, составленномъ въ маѣ 1782 г., значится подъ н. 83 „хуторъ кіев. мѣщ. Н. Маркевича заведенъ, по дозволенію кіевскаго магистрата, будетъ тому годовъ назадъ 70, кіевскимъ протопопомъ *Стефаномъ Сычемъ*, а по немъ владѣлъ онымъ сынъ его поручикъ и Е. И. В. лейбъ-компаніи гренадеръ Иванъ Сычевскій, и по немъ, по просьбѣ его, Сычевского, оной хуторъ проданъ съ публичного торгу въ 1746 году войту магистрата кіевского Павлу Войнчу, а отъ оного“... и т. д.

Въ „Лѣтописи Самоила Величко“ т. III, стр. 548, въ протоколѣ избранія войта Д. Полоцкаго 1699 г. упоминаются, какъ участвовавшіе въ этомъ избраніи, старшій райца Мартинъ Сычъ и старшій лавникъ Стефанъ Сычевичъ (вѣроятно, сынъ перваго). Не есть ли этотъ послѣдній и протопопъ Стефанъ Сычъ—одно и то же лице? Что нѣкоторые изъ мѣстнаго духовенства, раньше своего посвященія въ іерейскій санъ, служили при магистратѣ, это видно и изъ настоящаго дѣла, въ которомъ находимъ, что бывшій въ 1766 году священникомъ Успенской соборной церкви Леванда служилъ раньше въ канцеляріи магистрата.

1763 г., и сынъ его священникъ же Мартынъ, впослѣдствіи намѣстникъ той же церкви,—люди весьма зажиточные, имѣвшіе и земельную собственность въ лубенскомъ полку [1]).

Для поздравленія Сычевскаго съ „полученною отъ Е. И. В. милостію и войтовства кіевского достоинствомъ“ магистратъ, какъ только стало ему извѣстно объ этомъ назначеніи, отправилъ въ Москву двухъ райцевъ, Семена Козельскаго и Василія Жука, и лавника Ивана Равича, которымъ отпустили изъ магистрата „по небольшой части напитковъ“ и вручили изъ магистратскихъ суммъ тысячу рублей „на разныя общепотребныя нужды“. Въ письмѣ къ войту магистратъ просилъ его „гдѣ надлежитъ о исходатайствованіи милости и граду пользы старательство приложить“. А старательства приходилось тогда затрачивать не мало въ „хожденіяхъ“ по дѣламъ магистрата. И въ этотъ разъ магистратскіе депутаты повезли съ собой обширное „доношеніе“ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, ходатайствуя въ немъ: во 1-хъ, объ освобожденіи города отъ тѣхъ тягостей, какія приходилось ему нести тогда, продовольствуя квартирами, сѣномъ и дровами зимовавшую въ Кіевѣ сербскую команду; во 2-хъ, о защитѣ мѣщанъ отъ разнаго рода обидъ со стороны мѣстныхъ козаковъ и главнымъ образомъ сотника ихъ Павла Гудима; въ 3-хъ, о защитѣ мѣщанъ пограничною коммиссіей отъ разныхъ обидъ со стороны польскихъ жителей; въ 4-хъ, объ уплатѣ городу 14,055 р. 60 к. за „габу, шубы и сапоги и во время военное наемъ подводъ и лоцмановъ“ и въ 5-хъ, объ отмѣнѣ „индукты и эвекты“,—сборовъ съ привоза и вывоза.

---

[1]) См „Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр.“ вып. 8-й стр. 62—70. Кромѣ того въ одномъ дѣлѣ 1788 г. мнѣ попалось свѣдѣніе, что этотъ Мартинъ Сычевскій владѣлъ въ городѣ обширнымъ участкомъ, на которомъ съ уплатою „куницы“ жило особыми дворами пять хозяевъ изъ мѣщанъ и который городская дума въ 1788 г. признала было городскою землею, такъ какъ Сычевскій не представилъ на зее никакихъ крѣпостей, а только сослался на свидѣтелей, знающихъ, что земля эта куплена отцомъ его у мѣщ. Евстафія Назаревича въ 1754 г. за 250 рублей. Въ жалобѣ своей на городскую думу, свящ. Мартинъ Сычевскій, между прочимъ, говоритъ, что суду городской думы „я нипочему и не подлежу *въ разсужденіи моего дворянства*“.

Прибывъ въ Москву въ концѣ марта мѣсяца 1754 г., депутаты очень скоро издержали въ своихъ хожденіяхъ по дѣламъ магистрата привезенную ими тысячу рублей и сдѣлали на счетъ города заемъ у нѣкоего Михаила Каневскаго (пасынокъ кіевскаго бурмистра Тихоновича) въ 100 иностранныхъ червонцевъ, изъ которыхъ „презентовали“ надвор. совѣтнику ин. коллегіи Михаилу Новоторжцеву 50, да протоколисту 15 червонцевъ „за произвожденіе дѣлъ“ магистрата, остальные 35 отдали войту.

Уѣзжая въ маѣ мѣсяцѣ въ Кіевъ, депутаты оставили въ распоряженіе войта канцеляриста Витневича и слугу Бегуненка и обѣщали при этомъ немедленно по пріѣздѣ своемъ въ Кіевъ предложить магистрату, чтобы были отъ него присланы новые депутаты, а съ ними и необходимыя для содержанія войта и для хожденій его по дѣламъ деньги.

Но Сычевскій уже 12 іюня отправилъ отъ себя и магистратскаго слугу, и канцеляриста, который ему по иностранной коллегіи помогать не могъ, а въ ожиданіи новой присылки денегъ занялъ на счетъ магистрата у архимандрита Миткевича 82 р., у купца Кузнецова 100 руб. и у придворнаго пѣвчаго Степана Андріевскаго 310 р. [1]), которые и были впослѣдствіи уплочены магистратомъ безъ всякаго спору.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ коллегія иностранныхъ дѣлъ была переведена изъ Москвы въ С.-Петербургъ, а за нею переѣхалъ и Сычевскій, не спѣшившій, какъ видно, своимъ прибытіемъ въ Кіевъ, но письмами своими частенько напоминавшій магистрату о присылкѣ денегъ на расходы. Магистратъ же, сообщая войту объ отправленныхъ отъ города прошеніяхъ, жаловался на недостатокъ средствъ для расходовъ по этимъ ходатайствамъ. „Что же изволите писать, что не съ чего расходу дѣлать,— отвѣчалъ Сычевскій магистрату,—то вы знаете довольно петер-

---

[1]) Этотъ Степанъ Андріевскій былъ родомъ изъ Кіева, сынъ мѣщанина, бывшаго въ 30-тыхъ годахъ бурмистромъ (см. Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр.“ вып. 3, стр. 43). Въ 1758 г. Степанъ Андріевскій пріѣзжалъ въ Кіевъ и ѣздилъ по Малороссіи для набора пѣвчихъ въ придворную капеллу, причемъ изъ Кіева вывезъ 11 мальчиковъ и трехъ взрослыхъ пѣвчихъ. (См. „Кіев. Стар.“, 1891, мартъ, стр. 512).

бургское житье и содержаніе, и тако какъ возможное для расходовъ имѣть стараніе совѣтую". Въ октябрѣ мѣсяцѣ Сычевскій напоминаетъ магистрату объ уплатѣ занятыхъ имъ въ Москвѣ денегъ и говоритъ, между прочимъ, что, благодаря такой неаккуратности въ уплатѣ занятыхъ на счетъ магистрата денегъ, ему уже и „вѣрить усумнѣваются". „Мое же нынѣ въ Петербургѣ прожитіе вамъ самимъ не безъизвѣстно, что я не для своихъ какихъ приватъ живу, но для подтвержденія мѣской грамоты и другихъ дѣлъ, какъ то и за прежнихъ моихъ антецессоровъ происходило, которые, живучи съ немалою ассистенціею многое время для подтвержденія грамоты, съ мѣской суммы расходы имѣли; такожъ и другіе урядовіе, присылаемые для исправленія нуждъ гродскихъ, коштъ мѣской употребляли". Но магистратъ уклонялся отъ присылки къ войту какъ ассистентовъ, т. е. депутатовъ, такъ и денегъ, выражая лишь въ своихъ письмахъ желаніе поскорѣе видѣть своего войта въ Кіевѣ „не летерально уже, но персонально".

Въ письмѣ отъ 25 августа магистратскіе урядники, не упоминая ничего о деньгахъ, писали, между прочимъ, войту: „сотникъ козачій кіевскій Павелъ Гудимъ, искони пакостникъ, отъ вступленія своего въ козачество въ дому своемъ жиломъ и въ другихъ стороннихъ домахъ шинкъ горѣлчаній явно и беззазору, на подступъ мѣскимъ, производитъ и, недовольствуясь тѣмъ, вящшаго ради магистрату кіевскому въ шинкахъ помѣшательства и препятствія, изъ слугъ мѣскихъ и изъ жителей кіевскихъ, праву майдебурскому будучихъ подсудственнихъ, попринимавъ въ козаки, дозволяетъ и отъ своего дому снабдѣваетъ горѣлкою на шинкъ, и многіе отъ нихъ пакости, обиды, бои мѣщанству дѣлаются, о чемъ кіево-губернской и генеральной войсковой канцеляріи жалобы взнесены [1]) и по нимъ отъ

[1]) Кромѣ жалобъ о незаконномъ шинкованіи, магистратъ въ это время настойчиво жаловался на уклоненіе „новоуписавшихся" козаковъ отъ исполненія постойной повинности. Несмотря на последовавшій изъ в. ген. суда отъ 4 мая указъ о томъ, чтобы для прибывшихъ въ Кіевъ сербовъ отведены были квартиры и въ домахъ этихъ „новоуписавшихся", сотенная старшина не допускала исполнить это. Въ одномъ изъ своихъ доношеній въ кіев. губ. канц. отъ 13 мая этого 1754 г.

ген. войск. суда з начала лѣта любо и зачалась комисія и произвожденіе пристойное начато, токмо за хитростнимъ его сотника вимисломъ, дабы въ познаніе ихъ дѣйствія прійти не могли, опорочена, и вмѣсто той другіе отъ полковъ малороссійскихъ ассигнованы персоны, да надежно, что и сія окончать, за упрямствомъ козаковъ, не может, *а кошты чрезвычайные отъ кіев. магистрата на снабдѣніе оних комисій происходятъ*".

Жалуясь такимъ образомъ на „пакости" сотника Павла Гудима, магистратскіе урядники знали, конечно, что этотъ „искони пакостникъ" доводился близкимъ родственникомъ ихъ новому войту.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1755 года Сычевскій вновь пишетъ магистрату о присылкѣ депутатовъ къ нему „для нуждъ ежечастно приключаемихъ гродскихъ, токмо не съ многолюдствомъ, безъ далнихъ и чрезвычайнихъ проторовъ и убытковъ мѣсту, ибо въ Петербургѣ противъ прочіихъ мѣстъ все подороже и убыточнѣе". Приэтомъ онъ укоряетъ за неисправность присланныхъ дѣловыхъ бумагъ „не по порядкамъ канцелярскимъ, съ надписаніемъ литеръ латинскихъ P.S., которіе токмо въ пріятельскихъ письмахъ надписываются, а не въ дѣлахъ общенароднихъ гродскихъ, присылаемихъ по командѣ".

Но магистратъ не торопился исполнить желаніе войта, который въ іюлѣ мѣсяцѣ уже съ укоромъ обращается по этому поводу къ магистрату и самъ назначаетъ, кого должны прислать къ нему въ Петербургъ: „ибо мнѣ самому живучи въ Петербургѣ, какъ ходить за дѣлами, такъ и ни единаго изъ подкомандныхъ своихъ не имѣя при себѣ въ дѣлахъ и порядкахъ мѣскихъ знающаго человѣка, весьма неприлично, да и вамъ самимъ надлежало бы уже нынѣ быть то совѣстно, не присылая ко мнѣ чрезъ толь долгое время никакого депутата: да при томъ же для подъему моего въ Кіевъ, по обычаямъ прежде бывшихъ антецессоровъ моихъ, съ надлежащимъ къ пути

магистратъ писалъ, что 11-го мая атаманъ козачій Семенъ Костовскій, явившись съ козакомъ Носкомъ въ магистратѣ, „именемъ сотничьимъ объявили, дабы на козачьихъ дворахъ новоуниеныхъ постоевъ не ставили", а ежели де ставить учнутъ, то они бить будутъ.

расходомъ съ оними жъ нарочними зъ магистрата прислать надлежитъ, что и предлагается".

Родственникъ войта бурмистръ Василій Гудимъ, правившій въ этомъ году (1755) магистратской экономіей, прислалъ ему въ Петербургъ чрезъ мѣщанина Александра Оришкевича 300 рублей, по всей вѣроятности, въ счетъ войтовскихъ доходовъ; но магистратъ упорно отмалчивался отъ „предложеній" войта, который видимо уже раздражался такимъ отношеніемъ къ нему его „подкомандниxъ". 17 октября 1755 г. онъ написалъ въ магистратъ такое краткое посланіе:

„На посланныя къ вамъ прошлого сентября 14-го, 25-го и сего октября 2-го чиселъ предложенія никакова отвѣта не получилъ, о чемъ и нынѣ подтверждается о немедленной высылкѣ нарочныхъ, а именно старшаго канцеляриста Величковскаго, да лавника пана Равича или пана Федора Ризенка, съ обстоятельнымъ доношеніемъ въ госуд. коллегію для резолюціи, выписавъ о всѣхъ сборахъ мѣскихъ и о другихъ нуждахъ гродскихъ, такожъ и на проѣздъ для подъему моего въ Кіевъ, по обычаю антецессоровъ моихъ, съ надлежащимъ къ пути расходомъ, съ оными жъ прислать, впрочіемъ же какъ о обращеніи дѣлъ мѣскихъ и о правленіи гродскомъ, не упуская почты, письменно репортовать предлагается".

Названный выше бурмистръ Василій Гудимъ находилъ эти „предложенія" Сычевскаго слишкомъ „мягкими и ласковыми" и рекомендовалъ ему писать „повелительнѣе" [1]).

[1]) Письмо этого бурмистра отъ 19-го мая 1755 г. знакомитъ нѣсколько съ существовавшими въ средѣ магистратскихъ урядниковъ отношеніями и съ денежными затрудненіями, а потому привожу его цѣликомъ.

„Высокоблагородній господинъ маіоръ и кіевскаго магистрата господинъ войтъ милостивый осударъ и братъ.

Чрезъ сію оказію имѣю донесть вамъ нѣчто мало о обращеніяхъ и порядкахъ магистратовихъ: яко в нинѣшнемъ моемъ правленіи, поневажъ я началъ уже воспящать, дабы ранговіе доходи ваши кому неналежно не доставались, но собиралисі бы въ едино мѣсто, панъ Ященко всячески усилуясь, чтобъ тѣмъ всѣмъ, какъ и прошлого году, владѣть и користиться, сего мая 12 д. подалъ на мене въ магистратъ кіевскій протестъ, якобы я на крайнее его безчестіе не допускаю ему правленія, желая самъ распространяться на самоволіи, а онъ де старѣйшій и заслуженнѣйшій и всегда бивалъ субделегатомъ. И того ради покорнѣйше прошу и

Неизвѣстно, что собственно удерживало Сычевскаго такъ долго въ Петербургѣ, а между тѣмъ магистратъ видимо былъ недоволенъ этимъ пребываніемъ его въ столицѣ безъ всякой пользы для города и, какъ видно, со всѣмъ уже не разсчитывалъ на его личное „хожденіе" по городскимъ дѣламъ.

Послѣднее изъ имѣвшихся у меня писемъ Сычевскаго въ магистратъ изъ Петербурга писано 23 ноября 1755 г. „Неоднократніе къ вамъ,—писалъ въ немъ войтъ,—посланніе отъ меня предложенія о высылкѣ за дѣлами гродскими въ Питербурхъ нарочнихъ, о чемъ и нынѣ въ несумнѣнности предлагается, не упущая времени, съ надлежащимъ ихъ наставленіемъ и къ пути и прожитію на всякіе нужные въ Питербурхи расходы, слѣдуючіе къ пользѣ гродской, тако жъ и для подъему моего съ Питербурха на проѣздъ до Кіева, по обычаю стародавнему, онихъ нарочнихъ снабдить".

Когда впослѣдствіи магистратскіе чины упрекали Сычевскаго въ томъ, что онъ, проживая такъ долго въ Петербургѣ, ничего полезнаго не исходатайствовалъ для города, то онъ оправдывался тѣмъ, что такъ какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ по-

---

братерски совѣтую написать въ магистратъ властію своею и приказу, по примѣру другихъ командъ, кому именно до пріѣзду вашего на вашемъ мѣсцѣ правленіе имѣть, такожъ и о прочіихъ дѣлахъ повелителнѣе писать, ибо хотя и пишете въ магистратъ о какомъ дѣлѣ, то оніе ваши писанія или ордери, понеже изволите весьма мягко и ласково писать, недоброхоты ваши пренебрегая очень за мало вмѣняютъ и тимъ самимъ болше въ намѣреніи своемъ храбрять и во всемъ самоволить хотятъ, а по ордерамъ вашимъ ничего исполненія не дѣлаютъ.

При семъ еще доношу вамъ, что въ магистратѣ весьма мало въ зборѣ денегъ и Богъ вѣсть, откуду ихъ собиратъ, яко уже нынѣ, по милостиво жалованному на Малую Россію указу, всякіе збори умаляются, а висилать о томъ просить, какъ ви изволили писать, наши ниже думаютъ. Сего же м-ця отставной полковникъ сербскій, въ коего заняли тысячу рублей на поѣздку московскую, просилъ на магистратовихъ и въ господина генерала, что ему долгу не платятъ, а срокъ уже давно миновалъ, почему и приказано заплатить или упросить, и потому ми обще ходили къ реченному полковнику и заледво заледво умолили, что еще отсрочилъ на три м-цѣ, но на томъ принуждени подписаться, кой полковникъ сего же мая 14 го и преставился, а магистратской облѣкъ достался подобно греческимъ ченцамъ, и то по виходѣ упрошенного срока ченцамъ или кому доведется неотмѣнно должно будетъ заплатить, хоть у кого занявши. И исъ тѣхъ мѣръ и повторе васъ прошу писать приказно и обстоятелно, какъ кому въ званіи своемъ быть и поступать, ибо

лучилъ на чинъ свой грамоту, „а отъ магистрата депутатовъ и на расходъ денегъ не прислано, то по тому резону войтъ безъ полученія резолюціи отправился въ Кіевъ къ командѣ".

А между тѣмъ магистратъ и отъ посылки депутатовъ въ Петербургъ уклонялся, можно думать, именно потому, что тамъ находился Сычевскій, который, очевидно, не только не могъ помогать, а скорѣе препятствовалъ бы въ самомъ существенномъ и интересномъ для магистрата вопросѣ—въ огражденіи магистрата отъ „касательствъ малороссійской команды". Для „хожденій" по этому дѣлу, да и по другимъ городскимъ дѣламъ, въ пр. сенатѣ и коллегіи ин. дѣлъ магистратъ ежегодно посылалъ въ столицу своихъ депутатовъ, которые и „стряпали" тамъ постоянно и настойчиво, и только во время пребыванія Сычевскаго въ Петербургѣ эти „стряпчіе" тамъ отсутствовали. Конечно, не экономничаніе городскими средствами удерживало магистратъ отъ посылки ихъ.

Сычевскій, занявъ передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга въ походной канцеляріи гетмана 200 рублей на счетъ магистрата на дорогу, прибылъ въ Кіевъ „къ командѣ" въ концѣ февраля 1756 г. т. е. два года спустя послѣ своего назначенія.

II.

Прибывъ въ Кіевъ, Сычевскій прежде всего обратилъ вниманіе на магистратскую „экономію", на городскіе доходы и расходы и на способъ управленія ими. Онъ сталъ употреблять „ежечастые годовымъ бурмистру и райцѣ притверженія", установилъ съ 1756 г. шнуровыя книги и потребовалъ произвести ревизію отчетности за прошлые годы, начиная съ 1730-го г.

я подъ нинѣшной случай и правленію своему не радъ, яко на мене всѣ враждуютъ и злобствуютъ и ненавидятъ, и для того наче всего щасливѣйшого и скорѣйшого вашего пріѣзду нестерпимо желаю, а хотя письменнимъ увѣдомленіемъ, въ кое время васъ надѣяться, не оставить и тѣмъ обрадовать прошу. Симъ прекратя и на предписанное резолюціи ожидая, зъ должнимъ моимъ упокореніемъ пребиваю вамъ осудару моему доброжелателной слуга и братъ Василій Гудимъ бурмистръ м. кіевского".

Основываясь главнымъ образомъ на грамотахъ Петра В., въ которыхъ было выражено, что „войтъ съ урядовыми магистратъ и судъ майдебурской управляютъ и нижній городъ строятъ", Сычевскій считалъ себя въ правѣ участвовать въ управленіи „экономіей" и даже имѣть въ этомъ случаѣ первый голосъ. И всѣ другіе привилегіи и указы онъ толковалъ въ томъ смыслѣ, что вообще „управленіе экономіи магистратской и строеніе города *въ первенствѣ зависитъ на должности войта*, а по немъ на должности годовыхъ бурмистра и райцы". Магистратскіе же чиновники полагали, что войтъ долженъ вѣдать лишь судебную часть и въ этомъ смыслѣ толковали какъ прежнія всѣ грамоты и привилегіи, такъ и грамоту данную собственно Сычевскому 31-го декабря 1755 г., въ которой говорилось: „а ему войту судъ между мѣщанами и посполитствомъ правдиво по ихъ правамъ и обыкновеніямъ производить и въ протчемъ во всемъ указы исполнять и по онымъ прилежно поступать". На этомъ основаніи урядники и устраняли войта отъ хозяйственной части и смотрѣли на заводимые имъ порядки, какъ на незаконное вмѣшательство въ управленіе ею. Годовые бурмистръ Рагуцкій и райца Александренко „по упрямству своему" отказались принять заведенныя Сычевскимъ шнуровыя книги и продолжали вести свое дѣло по старому, записывая городскіе доходы и расходы въ свои партикулярныя книги, „не для чего иного,—полагалъ войтъ—какъ только для собственнаго пользованія своего изъ магистратской экономіи"; но затѣмъ другіе уже очередные бурмистры и райцы, „ощутя оныхъ шнуровыхъ книгъ порядокъ, отъ 1757 г. начали оныя содержать".

Что касается до ревизіи годовой отчетности, то магистратъ и отъ нея устранилъ войта. Вообще вопросъ о ревизіи счетовъ, на которую претендовала и „высшая команда", — была ли она въ рукахъ генералъ-губернатора или гетмана,—весьма заботилъ магистратскихъ урядниковъ, почему они и искали при всякомъ удобномъ случаѣ оффиціальнаго признанія независимости этой стороны своей дѣятельности отъ контроля какой бы то ни было власти. Недостаточная опредѣленность выраженій въ

оффиціальныхъ актахъ, правительственныхъ указахъ, вела къ различнымъ толкованіямъ. Такъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1759 г. послѣдовалъ указъ пр. Сената, въ которомъ, между прочимъ, повелѣно магистрату „о всѣхъ приходахъ и расходахъ имѣть порядочныя книги и *между собою* счеты производить *передъ старшими съ поспольства*". Ссылаясь на эти выраженія, магистратскіе чины считали себя въ правѣ устранять войта отъ ревизіи счетовъ; Сычевскій же полагалъ, что это выраженіе „предъ старшими съ поспольства" употреблено въ томъ именно смыслѣ, „чтобъ войтъ, яко перво-градоначальникъ, съ годовыми бурмистрами и райцами оные счеты производили для подлинного вѣроятія при бытности первѣйшихъ мѣщанъ". Потребованная же войтомъ повѣрка счетовъ съ 1730-го года такъ и не была произведена, а Сычевскій, какъ видно, полагалъ, что при ней обнаружились бы злоупотребленія правившихъ въ тѣ годы бурмистровъ и райцевъ. Жалуясь на то, что этой повѣрки магистратскіе урядники „и сами между собою не произвели", а между тѣмъ многіе изъ правившихъ въ тѣ годы бурмистры и райцы уже померли, такъ что и взыскивать на нихъ возможные начеты теперь трудно, войтъ заявлялъ, что, благодаря именно такой безпорядочности въ управленіи городскими финансами, и произошло то, что „городъ въ доброе состояніе не приведенъ и не устроенъ и отъ бывшаго наводненія обывательскія строенія разоряются; къ тому жъ бывшія магистратскія три мельницы на каналѣ, продолжающемся съ Кудрявца въ Днѣпръ, чрезъ непочинку и неустроеніе до основанія разорились, а съ оныхъ мельницъ прежде не малая прибыль въ магистратъ происходила".

По прибытіи своемъ въ Кіевъ Сычевскій письменными „ордерами" потребовалъ, чтобы „кварталовый урядникъ", завѣдывавшій магистратскими шинками, представлялъ ему еженедѣльно репорты о наличности магистратской горѣлки въ погребахъ и объ отпускѣ ея въ шинки, а урядникъ почтовый представлялъ бы такіе же репорты о состояніи почтоваго двора и вѣдомости о проѣзжающихъ и о прогонныхъ деньгахъ, чтобы можно было контролировать дѣятельность этихъ урядниковъ. Такое вмѣ-

шательство войта въ эти дѣла, требованіе репортовъ, при томъ репортовъ лично войту, а не магистрату, очевидно, крайне не нравилось урядникамъ, которые, вѣроятно были не безгрѣшны и своихъ личныхъ выгодъ не забывали.

Обычный въ тѣ времена порядокъ управленія экономіей въ объясненіяхъ магистратскихъ урядниковъ изображается такъ: „по избраніи на публичной элекціи бурмистра и райца, такожъ шафарей медового и пивного и урядниковъ, приводятся оные всѣ къ присягѣ, по которой обовязуются, какъ найлучше, къ пожитку мѣскому радѣть и стараться, и по учиненіи той присяги вручаются имъ отъ магистрата для записки приходовъ и расходовъ книги; а при томъ подъ ихъ же, бурмистра и райцы, вѣдѣніемъ и управленіемъ состоитъ магистратскій кварталъ и почта; и тѣ книги правящій бурмистръ и райца къ счету предъ старшими и знатнѣйшими изъ посполъства представляютъ въ магистратъ; а чтобъ о тѣхъ доходахъ и расходахъ кому какіе доклады подавать и безъ тѣхъ докладовъ и опредѣленій не дѣйствовать, того ничего не показано". По словамъ же Сычевскаго, публичная элекція хотя и бываетъ ежегодно, но на ней выбираются „точію низшіе отъ бурмистровъ и райцовъ магистратскіе урядники, развѣ по умертвіи коего бурмистра и райцы другіе на ихъ мѣсто на той же элекціи выбираются; оные жъ бурмистры и райцы, находящіеся въ наличности, *по очередямъ, а не выбору на элекціи* въ годовое правленіе магистратской экономіи вступаютъ и чрезъ очередь одинъ другому въ оное правленіе вступить сами между собою никогда не допускаютъ; и по вступленіи съ оной магистратской экономіи единственно содержаніе свое имѣютъ не только въ томъ году, когда годовыми бываютъ, но и на послѣдующіе года снабдѣваются, и, оставя свои купеческіе промыслы и въ содержаніи себя надѣясь на одну магистратскую экономію, продолжаютъ винное куреніе на завладѣнныхъ магистратскихъ угодьяхъ и оную горѣлку во время своего правленія экономіи въ магистратъ какою хотятъ цѣною вмѣщаютъ и пользуются, и особливо всѣ бурмистры и райцы во оной экономіи поступаютъ противъ совѣсти своей съ превеликимъ ущербомъ". Не подавая

по истеченіи года своего управленія къ своевременной ревизіи своихъ книгъ, бурмистръ и райцы, по словамъ Сычевскаго, представляли ихъ обыкновенно лишь нѣсколько лѣтъ спустя, „уровня расходъ съ приходомъ“.

Признавая незаконнымъ вмѣшательство войта въ экономію, какъ распорядителя, а тѣмъ болѣе „командира“, магистратскіе урядники признавали однако за нимъ и въ этой области право на совѣщательный голосъ и по отношенію къ Сычевскому выражали неудовольствіе лишь противъ тѣхъ мѣръ, какія онъ принималъ единолично, безъ общаго согласія; а стремленію его упорядочить хозяйственную часть на первыхъ порахъ даже сочувствовали. Такъ по отношенію къ главнѣйшему источнику городскихъ доходовъ, допускавшему притомъ наибольше злоупотребленій, а именно—къ продажѣ питій, составлявшей монополію города, состоялось въ магистратѣ общее опредѣленіе, подписанное всѣми бурмистрами и райцами, „дабы годовые бурмистръ и райца *по докладу* горѣлку покупали, чтобъ въ покупкѣ оной къ партикулярной прибыли какова подлогу не учинилось“. Но, видно, опредѣленіе это не особенно строго исполнялось и нарушали его не только „правящіе“ бурмистры и райцы, но и самъ Сычевскій. Такъ въ томъ же 1757 г. правящій бурмистръ Семенъ Козельскій купилъ безъ всякаго „докладу“ и общаго опредѣленія у свата своего Огіевскаго, сотника кролевецкаго, нѣсколько десятковъ бочекъ горѣлки для магистратскихъ шинковъ; въ 1759 году правящіе годовые бурмистръ Богдановичъ и райца Іосифъ Гудимъ купили такимъ же образомъ горѣлку безъ общаго согласія, взявши при этомъ „за подвышеніе цѣны“ взятку—по ведру отъ бочки; да и самъ Сычевскій, какъ впослѣдствіи заявляли магистратскіе, „съ прибытія своего изъ Москвы и горѣлку на магистратъ, чего ему крайне не слѣдовало, куповать началъ“ безъ общаго о томъ опредѣленія. Статья эта была, какъ видно, наиболѣе лакомая. Устроивши собственную винокурню, каждый „урядовый“ желалъ выгоднѣе сбыть выкуренную имъ горѣлку, а наиболѣе выгоднымъ сбытомъ являлась продажа оптомъ въ магистратъ. Не чужды были такія же желанія и Сычевскому, который тоже

очень скоро обзавелся собственною винокурнею и нерѣдко „усиловался“, какъ заявляли урядники, сбывать свою горѣлку въ магистратъ, Самъ то онъ заявлялъ, что продавалъ свою горѣлку „по добровольному договору и по учиненіи о добротѣ пробы“, при чемъ де „добровольно ихъ годовыхъ просилъ, чтобъ въ покупкѣ оной имѣли респектъ, а чтобъ высшую цѣну противъ продавцовъ дали, къ тому не принуждалъ, точію добровольно о томъ говорилъ за труда его при магистратѣ, и оные годовые въ покупкѣ войтовой горѣлки какову цѣну по согласію своему положатъ было безъ обиды его, войта, на той цѣнѣ онъ ту свою горѣлку и уступалъ“.

Отбываніе постойной повинности, на которую вообще жаловались въ это время кіевляне, тоже возбуждало несогласія между Сычевскимъ и магистратомъ.

По грамотѣ Петра В. отъ постоевъ были освобождены домы тѣхъ магистратскихъ чиновъ, которые въ данное время несли дѣйствительную службу и которыхъ ежегодно состояло 24 человѣка: войтъ, писарь, очередные бурмистръ и райца, два шафаря, лавникъ, инстигаторъ, городничій и 15 урядниковъ, отправлявшихъ различныя магистратскія должности. Только дома этихъ лицъ и должны быть, по мнѣнію Сычевскаго, свободны отъ постою. По заведенному же издавна въ кіевскомъ магистратѣ „партикулярному установленію“ было на лицо 7 бурмистровъ и 7 райцевъ, изъ которыхъ по очереди ежегодно вступали въ должность по одному, а неочередные призывались въ магистратъ для общихъ совѣтовъ по дѣламъ, касающимся ихъ управленія. Всѣ же эти лица, по словамъ Сычевскаго, „до третей части города Кіева домами своими занимаютъ“, а потому, по его мнѣнію, „понеже оные неочередные бурмистры и райцы, тако жъ лавники, урядники, шафари, инстигаторы и городничіе не управляютъ магистрата и суда майдебурскаго и и города не строятъ, для того и домы ихъ отъ постоевъ уволнены быть не должны“.

Но, несмотря на разногласія и возникавшія недоразумѣнія между войтомъ и магистратомъ, соръ изъ избы не выно-

сился и первые пять лѣтъ войтовства Сычевскаго прошли довольно мирно.

Сычевскій пріѣхалъ въ Кіевъ холостякомъ. Въ 1758 г. онъ два раза ѣздилъ свататься въ Черниговъ, но неудачно, и только осенью 1759 г. женился въ Хоролѣ на дочери полкового обозмаго Еремѣя Родзянки Софіи. По всей вѣроятности, съ этого времени онъ и началъ расширять свое собственное хозяйство, пользуясь довольно значительными ранговыми угодьями. Эта хозяйственная его дѣятельность не обходилась безъ злоупотребленій, которыя и вызывали враждебное къ нему отношеніе. Такъ уже въ іюнѣ м-цѣ 1759 г. присутствовавшій въ магистратѣ бурмистръ С. Козельскій „неоднократно выговаривалъ“ войту за то, что онъ такъ широко пользуется работою жителей с. Преорки, гдѣ былъ его ранговой хуторъ, и требуетъ отъ нихъ панщины, какъ отъ своихъ подданныхъ. Вообще подгородніе жители сс. Преорки, Сырца и Кореневщины въ прежнее время оказывали извѣстное „вспоможеніе“ предшественникамъ Сычевскаго въ ихъ хуторскомъ хозяйствѣ; но, какъ свидѣтельствовали впослѣдствіи магистратскіе урядники, „таковыхъ отяготительныхъ съ принужденіемъ, грабленіемъ и побоями панщинъ, каковыми войтъ Сычевскій тѣхъ подгородних жителей отягощалъ, никогда не бывало“. Тѣмъ не менѣе въ томъ же 1759 году магистратъ не отказалъ войту въ перестройкѣ на его хуторѣ имѣвшихся винокурни и мельницы на счетъ магистрата. Въ нарушеніе интересовъ магистрата, который пользовался исключительнымъ правомъ шинковать горѣлкой, Сычевскій на Осетскомъ хуторѣ завелъ собственный шинокъ и не допускалъ тамъ продажи магистратской водки, которой, какъ значится по книгамъ 1752—1754 годовъ, продавалось тамъ до 150 ведеръ въ годъ. Но обо всѣхъ этихъ „пользованіяхъ“ Сычевскаго скажемъ ниже. Въ сущности не эта сторона дѣла,—по отношенію къ ней у всѣхъ магистратскихъ урядниковъ было „рыльце въ пушку“,—и не „вмѣшательство въ правленіе экономіи“ привело магистратъ къ рѣшительному разрыву съ войтомъ.

Существенный интересъ для кіевскаго магистрата и всего мѣщанства въ годы войтовства Сычевскаго представлялъ вопросъ

объ отношеніяхъ города къ „малороссійской командѣ" т. е. къ гетману. Я имѣлъ уже случай указать[1]) на нѣкоторыя причины, побуждавшія кіевскій магистратъ предпочитать „вышнюю команду" кіевскаго генералъ-губернатора и всячески хлопотать объ освобожденіи отъ какого бы то ни было касательства „малороссійской команды", начальства полковаго, войсковой генеральной канцеляріи и в. генеральнаго суда. Но кромѣ указанныхъ уже причинъ были, какъ видно, и многія другія. Такъ крайне тягостнымъ для всего мѣщанства было вмѣшательство войск. генер. суда въ судебную дѣятельность магистрата, и объ избавленіи отъ этого вмѣшательства, вносившаго разорительную волокиту, магистратъ хлопоталъ настойчиво: каждый разъ, посылая своихъ депутатовъ въ столицу съ прошеніями по разнымъ городскимъ дѣламъ, магистратъ включалъ и это ходатайство, но удовлетворено оно было окончательно только лишь указомъ пр. Сената 6 ноября 1760 г.[2]).

И вотъ въ этомъ то всегдашнемъ стремленіи освободиться отъ касательства къ нему „малороссійской команды" магистратъ

---

[1]) Кіев. Стар. 1886 г. декабрь „Кіевскія смуты средины прошлаго столѣтія".

[2]) Указъ этотъ окончательно устанавливавшій независимость магистрата отъ власти гетмана, данъ былъ по поводу послѣдней жалобы магистрата на войск. ген. судъ. Ссылаясь на жалованныя грамоты, которыя предоставляютъ „магистрату и мѣщанамъ судиться по майдебурскимъ правамъ, и только они мѣщане предъ своимъ войтомъ, а войтъ съ урядовыми предъ маэстатомъ королевскимъ отвѣтствовать имѣютъ", магистратъ жаловался, что „ген. войск. канцелярія и судъ войск. генер. присылаемыми въ магистратъ кіевской указами по челобитческимъ и другимъ дѣламъ велятъ разсмотреніе чинить по малороссійскимъ правамъ, и по которымъ дѣламъ показано будетъ на магистратское рѣшеніе недовольство, тѣ къ разсмотрѣнію во оныя мѣста присылать, а до разсмотрѣнія и рѣшенія тѣхъ дѣлъ въ оныхъ мѣстахъ, по учиненнымъ въ магистратѣ рѣшеніямъ исполненія не чинить, а взятыя изъ магистрата дѣла, перевершивая по малороссійскимъ правамъ, велятъ по тѣмъ своимъ рѣшеніямъ исполненіе чинить, понуждая магистратъ чрезъ нарочно присланныхъ по инструкціямъ, которые присланные во ономъ магистратѣ присутствующимъ чиновникамъ не малые обиды чинятъ, а по нѣкоторымъ челобитческимъ дѣламъ отъ магистрата отвѣты берутъ и штрафы налагаютъ и нѣкоторыхъ чиновниковъ магистратскихъ туда къ отвѣтамъ сыскиваютъ, и, хотя по какимъ неправильнымъ представленіямъ на магистратъ кіевской, слѣдовать опредѣляютъ"; потому и просилъ магистратъ „о бытіи ему и всѣмъ мѣщанамъ подъ апелляціею пр. Сената, а г. войск. канцеляріи и суду ген. никакова дѣла до оного магистрата не имѣть".

кіевскій и не находилъ себѣ сочувствія, а тѣмъ менѣе содѣйствія, въ своемъ войтѣ, который, какъ видно, предпочиталъ для себя лично именно названную выше команду. Зависимость въ своей судебной и административной дѣятельности отъ тутъ же въ Кіевѣ находившейся кіево-губернской канцеляріи и отъ кіевскаго губернатора была для Сычевскаго невыгодна и онъ предпочиталъ въ этомъ случаѣ зависимость отъ далекаго Глухова, въ чемъ и расходился съ желаніями магистрата и всего кіевскаго мѣщанства. Заботясь о подтвержденіи прежнихъ своихъ грамотъ и привилегій, магистратъ кіевскій много разъ обращался къ правительству съ прошеніями о подтвержденіи независимости его отъ власти гетмана. Но вотъ въ 1733 году послѣдовало опредѣленіе пр. Сената: „быть имъ, кіевскимъ мѣщанамъ, подъ вѣдѣніемъ гетмана и кіевскихъ губернаторовъ". Эта двойственность „высшей команды" повела лишь къ различнымъ безпорядкамъ, о которыхъ и представлялъ пр. Сенату въ 1737 г. князь Барятинскій, бывшій въ „правленіи гетманскаго уряду". Признавъ, что „тѣ непорядки произошли чрезъ выданные отъ гетмана Апостола, въ противность данныхъ кіевскому магистрату правъ, привилегій и жалованныхъ грамотъ, универсалы", пр. Сенатъ опредѣлилъ: „для лучшаго порядку и непоколебимаго содержанія впредь, по силѣ жалованныхъ грамотъ, при ихъ правахъ и привилегіяхъ, тому магистрату быть въ вѣдомствѣ губернаторскомъ, а другимъ до нихъ ничѣмъ не касаться". Это опредѣленіе 1737 г. было затѣмъ вновь подтверждено пр. Сенатомъ и въ указѣ 1743 г. октября 24.

Но въ 1751 году графъ Разумовскій сталъ просить, чтобы кіевскій магистратъ былъ подчиненъ ему, „такъ чтобъ и тамошній губернаторъ до него не интересовался". Коллегія ин. дѣлъ по этому поводу въ докладѣ своемъ, хотя и сообщила обстоятельную справку о независимости кіевскаго магистрата отъ власти гетмана, тѣмъ не менѣе представляла „на высочайшее благоизобрѣтеніе: не будетъ ли Е. И. В. угодно, изъ высочайшей своей къ нынѣшему гетману милости и для особливой къ его персонѣ довѣренности, тотъ кіевскій магистратъ и мѣщанъ тамошнихъ въ вѣдомство ему отдать повелѣть". Но импе-

ратрица, прочитавъ этотъ докладъ, приказала еще разъ „подлинно выправиться съ прежними дѣлами, и ежели у гетмана Скоропадскаго былъ въ вѣдомствѣ кіевскій магистратъ, то и у нынѣшняго гетмана въ вѣдомствѣ оному быть, а ежели у Скоропадскаго въ вѣдомствѣ не былъ, то и у нынѣшняго не быть". Коллегія сдѣлала благопріятную для кіевлянъ „выправку" и вновь представила по этому дѣлу докладъ, въ которомъ и прописала, что „хотя единожды опредѣлено было въ Сенатѣ въ 1733 г., чтобъ имъ, кіевскимъ мѣщанамъ, подъ вѣдѣніемъ тогда бывшаго гетмана Апостола и кіевскихъ губернаторовъ быть, но потомъ и сіе въ 1737 году отмѣнено и велѣно тому магистрату быть въ вѣдомствѣ губернаторскомъ по прежнему" [1]).

На докладъ этотъ послѣдовала высочайшая резолюція: „быть кіевскому магистрату при своихъ привилегіяхъ по прежнему, а гетману въ вѣдомство не отдавать". Это было 22 марта 1754 года, т. е. уже послѣ назначенія Сычевскаго на войтовство; но тогда же представленный „къ высочайшей апробаціи" согласный съ послѣдовавшею резолюціей „концептъ грамоты" къ гр. Разумовскому очень долго оставался безъ такой „апробаціи". Только лишь 26 октября 1760 г. послѣдовалъ указъ пр. Сената „о вѣданіи кіевскихъ мѣщанъ судомъ и управленіемъ по магдебургскимъ правамъ въ магистратѣ, о бытіи оному маги-

---

[1]) Этотъ докладъ, надо думать, составленъ былъ не безъ участія кіевскихъ магистратскихъ дѣльцевъ, „стряпавшихъ" въ столицѣ по этому дѣлу. Въ представленной отъ коллегіи „выправкѣ" на поставленный вопросъ объ отношеніяхъ къ гетману Скоропадскому читаемъ такой отвѣтъ, составленный, думается мнѣ, подъ вліяніемъ даваемыхъ магистратскими дѣльцами „справокъ": „чтобъ у гетмана Скоропадскаго, также и другихъ прежде бывшихъ до него гетмановъ въ вѣдомствѣ кіевскій магистратъ былъ, того по дѣламъ извѣстія не нашлося. Хотя же гетманъ Скоропадскій и предъ нимъ бывшій Мазепа, при случавшихся кіевскимъ войтомъ отъѣздахъ въ Москву для челобитья о магистратскихъ нуждахъ, рекомендаціи свои къ е. и. в. государю Петру Великому о милостивомъ на челобитье ихъ призрѣніи давали, такожъ къ выбору на мѣсто умершихъ войтовъ отъ себя нарочныхъ персонъ посылали, но сіе они, гетманы, чинили *по единой только просьбѣ кіевскихъ мѣщанъ*, изъ имѣвшагося ихъ къ нимъ, гетманамъ, своего партикулярнаго респекта, а по привилегіямъ ихъ мѣщанскимъ они чинить того были не должны, ибо по тѣмъ привилегіямъ они, мѣщане, нигдѣ кромѣ своего магистрата не судими, а на оной магистратъ апелляція у е. и. в. въ коллегіи ин. дѣлъ, а до того была въ Сенатѣ".

страту подъ апелляціями пр. Сената и объ охраненіи отъ обидъ, какъ магистрата, такъ и мѣщанъ кіевскому губернатору".

Такимъ образомъ это въ высшей степени интересное для кіевлянъ дѣло, возбужденное притязаніями гр. Разумовскаго, тянулось девять лѣтъ, вызывая необходимость производить по немъ „хожденія", требовавшія, конечно, и умѣлыхъ дѣльцевъ и немалыхъ расходовъ. Мнѣ кажется, что это продолжительное ожиданіе опредѣленнаго рѣшенія по такому существенному вопросу не мало вліяло на отношенія между магистратомъ и войтомъ Сычевскимъ. Послѣдній, разсчитывая на возможность иного рѣшенія, до полученія указа магистрату отъ 6 ноября 1760 г., не переставалъ при удобномъ случаѣ показывать свою личную склонность къ „малороссійской командѣ", тѣмъ болѣе, что у него завязались и родственныя отношенія съ малороссійскою старшиною. А между тѣмъ онъ хорошо зналъ настроеніе магистрата и вообще кіевскаго мѣщанства по отношенію къ этой „командѣ", зналъ постоянныя жалобы на нее. Не раздѣляя въ этомъ случаѣ стремленій магистрата и мѣщанства, Сычевскій, конечно, возбуждалъ къ себѣ неудовольствіе, которое такъ рѣзко и выразилось въ первой поѣздкѣ его съ депутатами въ столицу въ 1762 г., когда явилась необходимость, при наступленіи новаго царствованія, хлопотать о „подтвержденіи" недавно полученнаго освобожденія отъ гетманской власти.

III.

По вступленіи на престолъ императора Петра III кіевскій магистратъ въ январѣ мѣсяцѣ 1762 г. постановилъ отправить въ столицу депутацію для обычнаго отъ города всеподданнѣйшаго поздравленія и для испрошенія при этомъ обычнаго же подтвержденія жалованныхъ городу грамотъ. Кромѣ самого войта, депутатами отправились писарь Давидовскій, райца Кулешъ, лавникъ Александровичъ и урядникъ Прилуцкій. На поѣздку эту ассигновано было магистратомъ и выдано на руки райцѣ Кулешу 1700 рублей, да взято было, кромѣ всякаго рода „харчевыхъ припасовъ", 10 анталовъ венгерскаго вина на

600 р. и волосскаго вина 274 кварты на 38 р. 36 к. Для депутатовъ, ѣхавшихъ съ прислугой и собственною кладью, куплены были на счетъ магистрата особыя кибитки, а писарю Давидовскому коляска. Обозъ вышелъ не маленькій.

Тронулись въ путь въ концѣ февраля мѣсяца. Уже передъ отъѣздомъ обнаружилось враждебное отношеніе урядниковъ къ своему войту, который, какъ видно, ожидалъ отъ предстоящей поѣздки не чего иного, какъ отмѣны недавно лишь подтвержденной независимости магистрата кіевскаго отъ власти гетмана. По всей вѣроятности, всѣ депутаты знали, что гетманъ Разумовскій попалъ въ милость при новомъ дворѣ, а потому и могъ теперь разсчитывать на удовлетвореніе давняго своего ходатайства о подчиненіи ему кіевскаго магистрата.

Первымъ выѣхалъ изъ Кіева Сычевскій съ женою и ожидалъ въ Глуховѣ депутатовъ больше недѣли. Прибыли они въ Глуховъ не одновременно: сначала Кулешъ и Прилуцкій съ обозомъ, а затѣмъ черезъ 4 дня Александровичъ и Давидовскій. Послѣдніе, оставаясь въ Кіевѣ „по своей партикулярной прихоти и ослушности", пріѣхали въ Глуховъ на почтовыхъ лошадяхъ, за что войтъ и сдѣлалъ имъ выговоръ, за напрасную трату магистратскихъ денегъ на почтовыхъ лошадей. Начались постоянныя дорожныя ссоры депутатовъ съ войтомъ. По словамъ послѣдняго, Александровичъ, „а паче Давидовскій во всей дорогѣ, какія возмогли, противности и непочтеніе войту являли, къ чему и райцу Кулеша и урядника Прилуцкого склоняли", и всѣ они „по единому своему недоброхотству и непочтенію во всей дорогѣ и въ Петербургѣ нарочито его, войта, озлобляли, а какъ онъ войтъ за какую винность либо упрямость ихъ репремандовалъ, они ему въ отвѣтъ сурово съ укореніемъ чести отговаривали".

Выѣхавши изъ Глухова, Сычевскій остановился на ночлегъ въ слободѣ Полковничей въ домѣ родственника своего бунчуковаго товарища Степана Кулябки; урядники же не захотѣли воспользоваться этимъ гостепріимствомъ войтовскаго родича и остановились со своимъ обозомъ въ шинку того же Кулябки въ четырехъ верстахъ отъ слободы. На другой день урядники,

„для единой пакости войту“, не ожидая его, двинулись сами въ дальнѣйшій путь, заставивъ его догонять ихъ, за что „какими словами онымъ урядникамъ онъ войтъ выговаривалъ, таковыми взаимно словами и они войту съ неучтивостію же выговаривали, а брани никакой не было“... При этомъ писарь Давидовскій, по словамъ войта, самъ похвалялся, что вернется обратно въ Кіевъ; по словамъ же урядниковъ, войтъ приказывалъ писарю вернуться.

Подъ г. Мценскомъ произошло столкновеніе обозныхъ служителей съ мѣстными крестьянами. Кто то изъ извощиковъ Прилуцкаго разобралъ на дрова чужой овинъ. Собравшіеся крестьяне хотѣли было уже тащить нашихъ кіевлянъ въ городъ къ воеводѣ. По словамъ Сычевскаго, „до такого худа“ привелъ дѣло это Давидовскій по своей горячности, войтъ же „тотчасъ оной шумъ и смятеніе уговорилъ и успокоилъ“, но при этомъ назвалъ Давидовскаго предъ крестьянами своимъ писаремъ, „а не командиромъ того обозу“, чѣмъ и обидѣлъ писаря, который „укорительно войту выговаривалъ: я здѣсь съ тобою равенъ, а признаю тебя только въ магистратѣ за войта; а что ты штабъофицеръ—мнѣ въ томъ нужды нѣтъ“.

Подъѣзжая къ Москвѣ, лавникъ Александровичъ предложилъ всей компаніи кіевлянъ заѣхать въ Даниловъ монастырь къ игумену, съ которымъ онъ былъ знакомъ и имѣлъ къ нему письмо. Разсчитывая найти въ монастырѣ удобный ночлегъ для всего обоза, депутаты отправили Александровича впередъ, и онъ дѣйствительно приготовилъ имъ квартиру; но войту она показалась крайне неудобною и онъ самъ себѣ нашелъ другую—въ слободѣ у діакона и остановился тамъ отдѣльно отъ прочихъ. Это подало поводъ ко взаимной перебранкѣ. Въ г. Торжкѣ Давидовскій, Кулешъ и Александровичъ заѣзжали къ архимандриту въ монастырь, гдѣ и ночевали; войтъ же съ обозомъ, не ожидая ихъ, поѣхалъ дальше, за что они послѣ бранили Прилуцкаго—зачѣмъ де онъ послушался войта и безъ нихъ тронулся въ путь.

Словомъ, вся дорога прошла не спокойно. Брань была взаимная: войтъ, изображая изъ себя командира, постоянно сер-

дился и бранилъ своихъ спутниковъ, а тѣ въ долгу не оставались.

Прибывъ въ Москву, войтъ прежде всего запечаталъ своею печатью ящикъ съ деньгами, хранившійся у Кулеша, и, вопреки постановленію магистрата, уполномочившаго производить надлежащіе расходы лавника Александровича и урядника Прилуцкаго, приказалъ „безъ вѣдома и приказу его, войта, тѣхъ денегъ никуда не употреблять". Находя же, что имѣвшихся у нихъ денегъ недостаточно для предстоящаго жительства въ Петербургѣ и возвращенія въ Кіевъ, войтъ, съ общаго согласія, занялъ на счетъ магистрата 500 рублей у архимандрита Новоспасскаго монастыря Мисаила, который, по словамъ Сычевскаго, „по подпису однихъ урядниковъ на ономъ обликѣ не утвердился" и выдалъ деньги только тогда, когда обликъ былъ подписанъ войтомъ. Подобнаго рода обстоятельства Сычевскій подчеркивалъ, какъ доказательство того, что всѣ молъ люди естественно признавали его первенствующее значеніе, какъ „командира".

Въ г. Твери Сычевскій оставилъ своихъ спутниковъ съ обозомъ и, взявши съ собой одного Прилуцкаго, поѣхалъ впередъ, чтобы, какъ онъ объяснялъ,—прибывъ раньше въ Петербургъ, пріискать тамъ удобную для всей депутаціи квартиру съ хорошимъ погребомъ „къ постановленію проваженного на презентъ отъ магистрата къ высочайшему двору и кому надлежало венгерскаго вина, дабы до отдачи выстояться и послѣ пути исправиться могло". Такую квартиру съ каменнымъ погребомъ и нашелъ онъ въ домѣ грузинскаго царевича Александра Бакаровича, на Милліонной улицѣ вблизи высочайшаго двора.

Когда же прибыли въ Петербургъ и урядники съ обозомъ, то, по словамъ войта, „по одному лишь своему упрямству стали особливо сами собою въ самой негодной квартирѣ и вино поставили тамъ же въ ледникѣ, которое чрезъ то и совсѣмъ испортиться могло бы, ежели бы долговременно продержалось". Козьма Кулешъ, явившись къ войту, упрекалъ его „неучтиво" за наемъ особой квартиры, а войтъ его за это „взаимно репремандовалъ".

Затѣмъ войтъ нанялъ новую квартиру для себя и для урядниковъ у придворнаго коммиссара Василія Вельяминова, но и туда урядники переселиться не захотѣли. Такъ войтъ и оставался съ женою на особой квартирѣ, отдѣльно отъ депутатовъ.

Хожденія свои начали депутаты съ генералъ-прокурора Александра Ивановича Глѣбова, которому и заявили, что они желаютъ быть представленными государю и при поднесеніи отъ города „презента" подать прошеніе о подтвержденіи жалованныхъ городу грамотъ и привилегій. Глѣбовъ назначилъ имъ время, когда они должны явиться во дворецъ, но относительно прошенія совѣтовалъ подать его не лично государю, а въ прав. сенатъ.

Начался выборъ презента по магазинамъ, при чемъ между войтомъ и урядниками происходили несогласія и ссоры. Руководителемъ въ этомъ выборѣ явился придворный камердинеръ Степанъ Андріевскій, старый знакомый и землякъ кіевлянъ. Остановились, наконецъ, на фарфоровомъ сервизѣ, который и былъ купленъ 3-го мая у купца Погонполя. При этой покупкѣ произошла крупная перебранка Сычевскаго съ Давидовскимъ. Войтъ, желая и здѣсь показать себя „командиромъ", приказалъ писарю составить записку о покупкѣ, а писарь „по всегдашней завзятости сурово кричалъ на войта, сказывая: мнѣ де не должно по такимъ дѣламъ записокъ чинить". По словамъ Сычевскаго, онъ при этомъ писаря не бранилъ, а только „сказывалъ ему: я по прошенію твоему хлѣбъ тебѣ писарской далъ и за таковое благодѣяніе не точію долженъ ты во всѣхъ повелѣніяхъ, яко командира, слушаться, но по примѣру честныхъ людей за оное благодѣяніе портретъ мой имѣть". Видно, эти послѣднія слова были особенно обидны Давидовскому, такъ какъ впослѣдствіи, при перечисленіи разныхъ обидъ, нанесенныхъ войтомъ всѣмъ урядникамъ, особою статьею упомянулъ, что де войтъ „ему, писарю, выговаривалъ, что онъ долженъ его войта имѣть у себя портретъ".

Наконецъ, депутація была представлена государю, „презентъ" принятъ ко двору, а имѣвшееся въ рукахъ писаря магистратское прошеніе такъ и осталось не поданнымъ. Урядники

винили въ этомъ войта, который сдѣлалъ это по своему „недоброхотству", а войтъ, ссылаясь на совѣтъ Глѣбова, утверждалъ, что и сами урядники не имѣли въ виду подавать это прошеніе на аудіенціи лично государю. Опять поѣхали къ Глѣбову совѣтоваться о томъ, какъ бы имъ все таки подать привезенное прошеніе государю. Глѣбовъ, прочитавши прошеніе, по словамъ войта, отказался посредничать въ подачѣ его и совѣтовалъ имъ искать другаго посредника. Урядники видѣли, что войтъ, уклоняясь всячески отъ подачи этого прошенія, терялъ только время въ разъѣздахъ по разнымъ вліятельнымъ лицамъ. Обращались они всѣ вмѣстѣ и къ кабинетному секретарю Волкову, прося его подать ихъ прошеніе государю, презентовали ему при этомъ и анталъ венгерскаго вина, но успѣха не имѣли. Урядники и здѣсь усматривали происки войта, который отдалъ Волкову прошеніе „подъ видомъ усмотренія, а самимъ дѣломъ для удержанія онаго". Нѣсколько разъ затѣмъ они ходили безъ войта къ Волкову, но ни резолюціи по прошенію, ни самаго прошенія обратно не получили.

Между тѣмъ 20-го мая послѣдовалъ именной высочайшій указъ о бытіи городу Кіеву „въ точной и полной командѣ гетмана" [1])...

---

[1]) Высочайшій указъ Императора Петра III-го гетману Разумовскому о бытіи кіевскому магистрату въ его командѣ данъ 5-го іюля 1762 г.:

„Въ имянномъ Нашемъ за подписаніемъ собственныя нашея руки указѣ, мая 20-го дня сего 1762 года Сенату данномъ, написано: всеподданнѣйше представлено намъ отъ гетмана малороссійскаго графа Разумовскаго, что магистратъ кіевскій, такъ какъ и всѣ протчихъ малороссійскихъ городовъ магистраты были до сего у всѣхъ его антецессоровъ, гетмановъ малороссійскихъ, въ точномъ гетманскомъ вѣденіи и командѣ, а въ небытность гетмановъ во всѣхъ тѣхъ малороссійскихъ мѣстахъ, гдѣ протчіе магистраты вѣдоми были, а въ прошломъ году Сенатъ исключилъ помянутой магистратъ совсѣмъ отъ гетманской команды, сверхъ же того магистратъ кіевскій исходатайствовалъ себѣ въ Сенатѣ, имѣя немалые доходы и деревни, въ которыхъ онъ отчету никуда не отдаетъ, увольненіе отъ всѣхъ общенародныхъ малороссійскихъ податей, защищаяся привилегіями королей польскихъ таковыми, каковыя и протчіе малороссійскіе города имѣютъ, а напослѣдокъ для собственнаго своего прибытка и козаковъ, которые поселеніе въ Кіевѣ издревле имѣютъ . . . . . своими Сенатскимъ же указомъ повеля . . . . . . домы, земли и всѣ свои старинныя жилища, выслать изъ города Кіева въ совершенное разореніе, что видя теперь протчіе жители по вольности своего перехода, дабы избѣжать имъ податей, бѣгутъ

Сычевскій, принесшій 23 мая копію этого указа къ своимъ товарищамъ, по словамъ ихъ „похвалялся и палочьемъ бить ихъ, сказуя: что я желалъ, то и получилъ".

Не отрицая этихъ послѣднихъ словъ, войтъ впослѣдствіи объяснялъ лишь, что сказалъ ихъ „въ томъ разумѣніи, что въ ономъ указѣ между прочимъ повелѣно о магистратскихъ доходахъ и расходахъ рощеты учинить".

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что насколько были огорчены послѣдовавшимъ указомъ кіевляне депутаты, настолько обрадовался ему войтъ, уже не одинъ разъ успѣвшій представиться новой своей „высшей командѣ", т. е. гетману.

Но какъ ни были обезкуражены магистратскіе урядники такимъ оборотомъ дѣла, они, какъ видно, питали еще нѣкоторую надежду на возможность отмѣны огорчившаго ихъ указа, послѣдовавшаго не по докладу пр. Сената, а прямо изъ кабинета, и потому настойчиво просили войта продолжать съ ними „хожденіе" по этому дѣлу. Но войтъ, не сочувствуя урядникамъ вообще въ ихъ стремленіяхъ, рѣшительно заявилъ, что „опасенъ

на поселеніе въ мѣщанство кіевское и въ мѣста, сему магистрату принадлежащія, и тѣмъ не токмо . . . . . въ правленіи гетманскомъ нарушенъ . . . . . малороссійскому народу слѣдуетъ отягощеніе. Того ради симъ нашимъ указомъ всемилостивѣйше повелѣли мы: 1-е магистрату кіевскому быть въ точной и полной гетманской командѣ такъ, какъ протчихъ малороссійскихъ городовъ магистраты состоятъ, 2-е ему же гетману препоручается вѣдать всѣ ихъ магистратскія учрежденія и доходы, дабы войтъ со всѣмъ магистратомъ и мѣщанами поступали по его гетманскимъ повелѣніямъ и отдавали во всемъ отчетъ кому отъ гетмана малороссійскаго приказано будетъ, 3-е отъ общенародныхъ повинностей таковыхъ, каковыя имянно въ магистратскихъ привилегіяхъ не изображены, и располагаются на весь народъ малороссійской безъ исключенія, магистратъ кіевскій не исключать и въ ревизію такъ какъ и протчихъ обывателей малороссійскихъ писать. не обходя никого изъ магистратскихъ, и предается все вышепомянутое на доброе учрежденіе гетмана, а кіевской губернской канцеляріи ничѣмъ до магистрата не касаться, 4-е сотника и козаковъ кіевскихъ изъ города Кіева не выводить и остаться имъ въ Кіевѣ на прежнихъ ихъ старинныхъ жилищахъ при всѣхъ козацкихъ тамо дозволенныхъ имъ вольностяхъ; и во исполненіе онаго нашего всемилостивѣйшаго указа въ нашемъ Сенатѣ определено: о бытіи кіевскому магистрату въ точной и полной гетманской командѣ и о чиненіи впротчемъ во всѣмъ непремѣнного исполненія по оному имянному нашему высочайшему указу изъ нашего Сената послать къ вамъ, нашему гетману, грамоту, а въ кіевскую губернскую канцелярію и въ кіевскій же магистратъ указы".

тое учинить", чтобы подать самому государю прошеніе объ отмѣнѣ только что даннаго имъ указа. Ходили они совѣтоваться и къ старому знакомому кіевлянъ сенатору Костюрину, который, прослуживъ въ Кіевѣ съ 1753 по 1758-й годъ и въ званіи вице-губернатора управляя губерніей, хорошо зналъ кіевскія городскія дѣла и отношенія. Костюринъ сказалъ имъ, что де „опасно надъ оной имянной указъ просить", при чемъ, по словамъ Сычевскаго, говорилъ, между прочимъ, обращаясь къ урядникамъ: „а вы, бурмистры и райцы, о расходахъ магистратскихъ, о коихъ я знаю довольно, не можете ничѣмъ оправдаться, только возьмите сумку на плечи, и, положа каменья, въ Кіевѣ изъ мосту въ Днѣпръ бросайтесь". По словамъ же урядниковъ, Костюринъ, когда они были у него въ другой разъ одни безъ войта, совѣтовалъ имъ прибѣгнуть для подачи прошенія государю къ посредничеству генерала Мельгунова и оберъ-маршала Нарышкина, „а отъ Сената де докладомъ взнесено будетъ". Но войтъ рѣшительно отказался отъ подачи прошенія, какъ лично государю, такъ и въ пр. Сенатъ. Между тѣмъ, послѣ объявленнаго высочайшаго указа 20-го мая, необходимо было и всей депутаціи явиться къ гетману Разумовскому, какъ къ своей „вышней командѣ". При этомъ представленіи, по словамъ войта, гетманъ, принимая его отдѣльно отъ другихъ въ своей спальнѣ, говорилъ ему съ укоромъ: „я не надѣялся по твоему штабъофицерскому чину, чтобы ты, увѣряясь на одни мнимыя на удачу кіянъ прошенія, отважился представить въ Сенатъ о небытіи подъ командою моею городу Кіеву, какъ то учинилъ ты въ 1760-мъ году". Когда же войтъ сталъ просить у гетмана себѣ „впредь милости и респекту", то гетманъ „сказывалъ командирскимъ повелѣніемъ, чтобъ онъ, войтъ, поосторожнѣе и рачительнѣе поступалъ, какъ штабъ-офицеру надлежитъ". Вышедши же изъ спальни въ пріемную, гдѣ находились депутаты, гетманъ выразилъ имъ свое неудовольствіе и грозилъ: „слушайте вы, кіяне,—ежели впредь будете шалить, то я съ вами не такъ уже буду поступать".

Этотъ „репримандъ" былъ, надо полагать, для магистратскихъ урядниковъ тѣмъ чувствительнѣе, что здѣсь же находился

тогда и давній врагъ магистрата кіевскаго, бывшій сотникъ кіевскій, теперь эсаулъ Павелъ Гудимъ, который могъ торжествовать, видя униженіе магистратскихъ депутатовъ. Въ заключеніе аудіенціи гетманъ приказалъ кіевлянамъ, не мѣшкая въ столицѣ, отправляться во своясн немедленно. Такое же приказаніе „съ угроженіемъ" повторилъ онъ и войту, когда тотъ вновь явился къ нему по должности. Тогда же гетманъ приказалъ генеральному писарю Туманскому изготовить на имя магистрата ордеръ о присылкѣ къ гетману копій со всѣхъ жалованныхъ городу Кіеву грамотъ и привилегій, каковой ордеръ и данъ былъ 12-го іюня.

Когда магистратскіе урядники шли представляться гетману, то войтъ настаивалъ, чтобъ они не надѣвали своихъ сабель, съ которыми имѣли обыкновеніе являться въ парадныхъ случаяхъ. Это ношеніе урядниками сабель порицала находившаяся при гетманѣ старшина, а подскарбій Гудовичъ ставилъ это даже въ вину самому Сычевскому, который де долженъ запретить урядникамъ ношеніе сабель; урядники же, видя въ этомъ нарушеніе правъ своихъ и проявленіе лишь „недоброхотства" войтовскаго, говорили, что еслибъ даже кто изъ войсковой старшины и упоминалъ объ этомъ, то войтъ „не токмо такова указу имъ, чиновникамъ, чинить не долженъ, но еще, яко градоначальникъ, за нихъ въ томъ и обстаивать долженъ". Не смотря на запрещеніе войта, урядники продолжали носить въ столицѣ сабли свои, по мнѣнію войта, „не для чего иного, какъ точно для честолюбія своего отъ незнающихъ людей простой ихъ, урядниковъ, породы и достоинства".

12-го іюня писарь Давидовскій получилъ изъ походной канцеляріи гетмана вмѣстѣ съ упомянутымъ выше указомъ о присылкѣ копій и паспортъ для всѣхъ депутатовъ на обратный путь. Депутаты вынуждены были подчиниться и, прекративъ всякія попытки подать прошеніе объ освобожденіи города отъ гетманской команды, оставили столицу.

Возвращаясь домой съ такимъ гостинцемъ, съ такою горькою пилюлею магистрату кіевскому, какъ указъ 20-го мая, озлобленные депутаты и въ этомъ обратномъ пути то и дѣло

ссорились съ войтомъ. Прибыла депутація въ Кіевъ въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Не дешево обошлась городу эта печальная поѣздка депутатовъ. Наличными деньгами поглотила она 2200 р., да издержали на венгерское и волоское вино 661 р. 31 к., а на какую сумму взято было „харчевыхъ припасовъ“—неизвѣстно [1]).

Въ расходованіи этихъ денегъ, надо думать, всѣ были одинаково грѣшны, хотя въ злоупотребленіяхъ винили войтъ урядниковъ, а урядники войта, когда имъ пришлось впослѣдствіи давать показанія объ этихъ расходахъ въ качествѣ „сторонъ“. Урядники заявляли, что войтъ, выѣхавши раньше другихъ въ Глуховъ, сдѣлалъ въ Нѣжинѣ для себя нѣкоторыя покупки на 14 р. и велѣлъ этотъ расходъ внести въ реестръ на счетъ магистрата, а затѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ магистратскія деньги расходовались де только по приказу войта, при чемъ „сверхъ вымышляемыхъ имъ по прихотямъ своимъ для собственнаго своего употребленія покупокъ, яко то французскаго хлѣба, барабантской оливы, живой рыбы и ренскаго уксусу, на самой ему въ Москвѣ и Петербургѣ наемъ лошадей, на починку коляски и на мазь оной тѣхъ магистратскихъ денегъ издержано не мало; а при томъ войтъ, стоя въ С.-Петербургѣ съ женою своею, до отъѣзду ея оттоль, особливою квартирою, велѣлъ покупать и въ ту квартиру особливые харчи; да и въ возвратномъ пути по прибытіи въ Москву не сталъ купно въ одной съ чиновниками квартирѣ, какая довольно для всѣхъ вмѣстительна была, сыскавъ себѣ особливую, велѣлъ также и въ ту особливые жъ покупать харчи; съ припасовъ же, отъ магистрата данныхъ, войтъ приватнымъ персонамъ пораздавалъ и какъ хотя надъ тѣми припасами сбытковалъ;—бывшему въ С.-Петербургѣ дядѣ своему бунч. тов. Ивану Миклашевскому ежечасто какъ горѣлку, такъ и сало давалъ; къ тому жъ приватныхъ своихъ гостей какъ пищею, изъ магистратскихъ денегъ купленною, такъ и волоскимъ магистратскимъ виномъ довольствовалъ,

---

[1]) Въ числѣ ихъ были, между прочимъ, грибы, которые покупались тогда, въ Кіевѣ по 3 р. 30 коп. за тысячу. Грибы эти, „презентовались“ разнымъ лицамъ очевидно, какъ лакомый кіевскій гостинецъ.

а при томъ нѣсколько разъ, будучи въ гостяхъ, и отголь къ ур. Прилуцкому за тѣмъ волоскимъ виномъ присылалъ". Этого злополучнаго Прилуцкаго, завѣдывавшаго „харчевыми припасами", войтъ въ Петербургѣ „почти всякой день бранилъ и безчестилъ, называя плутомъ и прочими неудобосносными словами".

Сычевскій же въ свою очередь заявлялъ, что онъ, желая именно воздержать урядниковъ отъ излишнихъ расходовъ, дѣйствительно въ Петербургѣ „многократно напоминалъ" Прилуцкому за то, что „урядникамъ еженедѣльно всякому по погребцу водки наливаетъ и сахаръ выдаетъ со излишествомъ, да на харчи и на покупку полпива ежедневно издерживаетъ много излишнихъ денегъ, и что они урядники на себя партикулярно издержатъ, то въ расходъ магистратскій ставятъ, и онъ Прилуцкій принимаетъ и вноситъ въ реестръ безъ вѣдома войтова; но какъ Прилуцкій всегда отговаривался, что то все дѣлать повелѣваютъ съ угроженіемъ урядники, то войтъ нѣсколько кратъ его перво репремандовалъ, а потомъ, видя его упрямство и въ повелѣніи неисполненіе, называлъ плутомъ и бранилъ временно, а не ежеденно".

Противъ обвиненій урядниковъ войтъ заявлялъ, что вообще на свое содержаніе онъ пользовался магистратскими деньгами и припасами только „съ вѣдома и согласія" урядниковъ, которые „со излишествомъ противъ него" на себя расходовали. Относительно же раздачи грибовъ разнымъ лицамъ, въ чемъ упрекали его урядники, Сычевскій обстоятельно показалъ, что роздалъ онъ ихъ все болѣе или менѣе нужнымъ, вліятельнымъ лицамъ [1]). Войтъ не отрицалъ, что посылалъ водку и сало родичу своему Миклашевскому, но послалъ то за всю бытность свою въ Петербургѣ не болѣе 4 штофовъ водки и до 20 кусковъ сала и дѣлалъ это „не безъ резону и не во излишность

---

[1]) Такъ дано было 500 грибовъ полковницѣ Чичериной потому, что дядя ея генералъ-маіоръ Ник. Ив. Чичеринъ, состоявшій тогда въ Кіевѣ оберъ комендантомъ, „находился въ правленіи кіевск. губ. канцеляріи и въ случающихся требованіяхъ магистратскихъ благопріятствовалъ"; 500 шт. дано архим. Мисаилу „за одолженіе имъ въ заемъ на счетъ магистрата 500 рублей", надворному совѣтнику Ладыгину

магистратскаго расходу", а имѣлъ на это право, такъ какъ лично для себя не бралъ магистратской водки, которою пользовались другіе депутаты, а употреблялъ всегда собственную водку и вишневку, которыми и урядниковъ „ежечасто почтовалъ и никакого отъ нихъ зачету не требовалъ"; если же для гостей своихъ иногда и требовалъ чего либо изъ „харчей" магистратскихъ, то и урядники угощали всегда своихъ гостей тѣми же харчами. Сычевскій указалъ и на то, что онъ самъ часто бывалъ и обѣдалъ въ гостяхъ, и уже по этому де одному на содержаніе его расходъ былъ незначителенъ. Такъ, почти ежедневно онъ бывалъ на обѣдѣ у грузинскаго царевича Леона Бакаровича и вотъ сюда то однажды онъ и потребовалъ, по просьбѣ царевича, волоскаго вина изъ магистратскаго запаса, „яко въ Петербургѣ волоскаго вина не имѣлось", да и выдалъ его Прилуцкій всего бутылокъ шесть.

Урядники обвиняли войта въ томъ, что онъ, взявши съ собой жену съ женской прислугой, тѣмъ самымъ увеличилъ дорожные расходы на лошадей, а затѣмъ отправилъ изъ Петербурга жену отдѣльно, раньше чѣмъ выѣхалъ самъ, тоже на магистратскій счетъ. Войтъ же утверждалъ, что для жены своей нанималъ подводы въ оба пути на собственныя свои деньги, на свой счетъ и продовольствовалъ: „точію когда урядники хотя и малую какую склонность являютъ было къ войту, то онъ, войтъ съ женою и со оными урядниками вмѣстѣ по согласію изъ магистратскихъ припасовъ харчи обще употребляли, и въ такомъ случаѣ люди, въ томъ числѣ и женска полу три души, около войта кормились вмѣстѣ съ партикулярными оныхъ урядниковъ служительми; когда же не согласны были, то войтъ съ женою своею больше своими харчами кормились, но и въ таковыхъ случаяхъ они, урядники, а паче расходчикъ Прилуцкій, приходя къ войту, не единожды объявлялъ, чтобъ онъ войтъ

дано 500 „по прошенію у войта и у оныхъ урядниковъ"; дворецкому кн. Долгорукой (а не самой княгинѣ, какъ говорили урядники) Мелетію Витвицкому дано 500 „за угощеніе имъ войта и оныхъ урядниковъ по знаемости". Не упомянулъ войтъ лишь о тысячѣ грибовъ, розданной имъ въ Москвѣ „на съѣзжей полицмейстерскимъ офицерамъ, когда просилъ о поворованныхъ у него служанкою егожъ деньгахъ".

бралъ магистратскіе припасы для себя и для людей своихъ безъ сумнѣнія".

Урядники же пользовались магистратскими подводами „съ излишествомъ", взявши съ собой изъ Кіева напр. Александровичъ—кадку масла, да вина волоскаго и водки нѣсколько боченковъ „для собственного своего презенту", а Прилуцкій—для продажи „табакъ папушной".

Вообще, надо думать, обѣ стороны не особенно то щадили „коштъ магистратской" въ этой поѣздкѣ, доставившей городу Кіеву лишь такой печальный сюрпризъ, какъ предоставленіе его „въ точную и полную команду" гетмана.

А. Андріевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВОЛЫНСКІЙ ВОПРОСЪ 1097–1102 Г.[1]

Предметъ настоящей работы составляютъ взаимныя отношенія южнорусскихъ князей конца XI и начала XII в. Предметъ, конечно, очень не новый: любечскій съѣздъ, ослѣпленіе Василька, волынская война 1098—1099 г., уветичскій съѣздъ съ его ближайшими послѣдствіями—всѣ эти факты, объединяемые мною подъ общимъ именемъ „волынскаго вопроса", такъ какъ вопросъ о владѣніи Волынью составляетъ тотъ центральный пункъ, къ которому привели и около котораго сгруппировались современныя княжескія отношенія—эти факты хорошо извѣстны, благодаря своему интересу, драматизму, богатству подробностей, и обстоятельно излагаются во всякомъ сколько нибудь подробномъ курсѣ исторіи. Но нельзя сказать, чтобы эти факты, при всей своей общеизвѣстности, были вполнѣ понятны, была ясна ихъ зависимость и связь относительно предшествующаго и послѣдующаго. Взаимныя, напримѣръ, цѣлованія князей въ Любечѣ и послѣдовавшее ослѣпленіе Василька; единодушный взрывъ негодованія при вѣсти объ этомъ преступленіи и затѣмъ—передача Волыни Святополку и намѣреніе „братьи" лишить волости самого пострадавшаго—Василька; первенствующая роль Мономаха въ началѣ этихъ событій и странное,

[1]) Первоначально содержаніе этой работы входило, какъ эпизодъ, въ мою „Исторію Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV в.", которая печатается одновременно съ этимъ; но затѣмъ я счелъ за лучшее выдѣлить этотъ эпизодъ и дать ему самостоятельное бытіе, чтобы имѣть возможность подробнѣе обосновать и развить проводимые относительно него взгляды, чего нельзя было сдѣлать въ рамкахъ упомянутой „Исторіи".

пассивное положеніе его въ дальнѣйшемъ теченіи вопроса—эти факты, какъ они передаются въ источникахъ, являются неожиданными, непонятными. Перипетіи событій въ источникахъ часто не мотивированы, или мотивированы недостаточно, фальшиво, большая же часть ученыхъ, излагая эти событія, обыкновенно скользитъ, такъ сказать, по поверхности извѣстій, не подвергая ихъ болѣе глубокому анализу. Если же были высказываемы относительно ихъ справедливыя соображенія, то и они не всегда принимались въ разсчетъ послѣдующими изслѣдователями и не содѣйствовали въ должной мѣрѣ правильному пониманію событій. Между тѣмъ правильная оцѣнка этихъ событій и сама по себѣ представляетъ научный интересъ, и важна въ томъ отношеніи, что отъ нея получаетъ то или иное освѣщеніе вся вообще княжеская политика того періода и личности участниковъ этихъ событій, крупныхъ историческихъ дѣятелей того времени.

Существенный вопросъ въ данномъ случаѣ—вопросъ объ источникахъ. Для изученія волынскаго вопроса существуетъ ихъ нѣсколько. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ сказаніе нѣкоего Василя, включенное въ Начальную лѣтопись [1]). Можно колебаться въ опредѣленіи предѣловъ этого сказанія; наиболѣе вѣроятно, что оно обнимаетъ собою разсказъ о событіяхъ отъ любечскаго съѣзда до конца волынской войны [2]). Написано

---

[1]) О немъ спеціальная работа г. Хрущова: „Сказаніе о Василькѣ Ростиславичѣ" въ „Чтеніяхъ историческаго общества Нестора". I, стр. 44 сл., потомъ вошедшая въ его книгу „О древнерусскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ". 1878 г., стр. 31 сл.

[2]) Кончая словами: „а Володимеръ вда сынови своему Ярославу" (Лаврент. лѣт., изд. 1872 г., стр. 264). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 22) склоняется къ тому предположенію, что Василю принадлежитъ не весь разсказъ о Василькѣ; но разсказъ собственно о волынской войнѣ носитъ также ясныя черты отдѣльнаго сказанія, а какихъ либо слѣдовъ спайки его со сказаніемъ объ ослѣпленіи Василька не замѣтно. Наоборотъ Погодинъ предполагалъ за сочиненіемъ Василя гораздо большіе размѣры, приписывая ему же нѣкоторыя вставныя извѣстія со смерти Всеволода, въ томъ числѣ и извѣстный разсказъ о борьбѣ Олега съ Мстиславомъ (1096 г.) (см. его Хронологическій указатель древн. русск. исторіи въ Ученыхъ Зап. Академіи, VII, I, стр. 74—80). Г. Хрущовъ описанія любечскаго съѣзда не причисляетъ къ сказанію (Чтенія, стр. 55).

оно, повидимому, въ промежутокъ между 1112 г. (смерть Давыда Игоревича) и 1124 (смерть Василька), слѣдовательно спустя лѣтъ пятнадцать — двадцать послѣ описываемыхъ событій [1]). Авторомъ его было лицо, какъ видно, близкое къ Васильку [2]) и дому Всеволода, но ближе намъ неизвѣстное. Другой источникъ—погодныя записи, вошедшія также въ составъ Начальной лѣтописи; четыре краткія записи относятся къ событіямъ 1098—99 г., описываемымъ въ Сказаніи, но онѣ не зависятъ отъ него: такъ въ записяхъ приведена точная дата смерти Мстислава Святополковича, отсутствующая въ Сказаніи, судя по этой же датѣ и общему характеру записей, надо думать, что онѣ приблизительно современны описываемымъ событіямъ. И сказаніе,

---

[1]) Говоря о переводѣ Давыда въ Дорогобужь, авторъ Сказанія прибавляетъ: „в немже и умре“, а о Василькѣ замѣчаетъ: „и есть та рана на Василкѣ и нынѣ“ (Лаврент. лѣт., стр. 251 и 263), см. упомянутую статью г. Хрущова въ Чтеніяхъ, стр. 58. Надо, впрочемъ, замѣтить, что это упоминаніе о смерти Давыда находится въ самомъ концѣ Сказанія, который очень сходенъ съ заключительными словами лѣтописнаго разсказа объ увѣтичскомъ съѣздѣ: „даша ему Дорогобужь, в немже и умре, а Святополкъ перея Володимерь, и посади въ немъ сына своего Ярослава“ (Сказаніе), „и посемь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь, в немже и умре, а Володимеръ вда сынови своему Ярославу“ (лѣтопись)—Лавр. л. с. 263 и 264, Ипатск. стр. 179 и 181. Совпаденіе это, конечно, не случайное и должно быть объяснено заимствованіемъ; я думаю, что заимствовалъ составитель лѣтописной записи, потому что слова—„Святополкъ перея“ и пр. въ Сказаніи являются необходимымъ заключеніемъ о послѣдующей судьбѣ Волыни (другое обстоятельство въ пользу такого заключенія будетъ приведено ниже). Противоположное мнѣніе было высказано Погодинымъ въ упомянутомъ „Хронологическомъ указателѣ“ (стр. 81).

Нѣкоторые ученые обратили вниманіе на то обстоятельство, что Сказаніе говоритъ о характерѣ Мономаха въ прошедшемъ времени: „Володимеръ бо такъ бяше любезнивъ, любовь имѣя к митрополитомъ“..; въ Ипатской лѣт. (изд. 1871 г., стр. 172): „Володимеръ же такъ есть любьзнивъ“, но дальше слѣдуютъ прошедшія времена: „и приходящая к нему напиташе и напояше“. Это подало поводъ къ предположенію, что этотъ отзывъ сдѣланъ уже послѣ смерти Мономаха (1125 г.)—см. Monumenta Poloniae histor. Бѣлевскаго, I, р. 526 и у К. Н. Бестужева-Рюмина, О сост. р. лѣт., стр. 30. Собственно прошедшее время не можетъ служить рѣшительнымъ аргументомъ, (авторъ могъ говорить о Мономахѣ и при жизни его въ прошедшемъ времени, съ точки зрѣнія описываемыхъ событій), но нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что Сказаніе позже подверглось нѣкоторымъ добавленіямъ и измѣненіямъ.

[2]) Г. Хрущовъ справедливо замѣчаетъ, что многое Василь описалъ со словъ самого Василька (Чтенія, стр. 60).

и записи, кромѣ Начальной лѣтописи, переданы затѣмъ и въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ съ нѣкоторыми варіантами и добавленіями; варіанты и добавленія встрѣчаются также и въ польскихъ сводахъ, основывавшихся на русскихъ лѣтописяхъ, какъ Длугоша, Стрыйковскаго [1]). Нѣсколько краткихъ извѣстій, относящихся къ нашему вопросу, находится въ поученіи Мономаха и, наконецъ, въ Печерскомъ Патерикѣ, въ житіяхъ св. Прохора, Василія и Ѳеодора.

Изучая и сравнивая извѣстія нашихъ источниковъ, я пришелъ къ убѣжденію, что главный источникъ—Сказаніе, которому слѣдуютъ до настоящаго времени ученые въ изложеніи и оцѣнкѣ описываемыхъ въ немъ событій, — это сказаніе, при всѣхъ своихъ литературныхъ достоинствахъ, въ противность господствующему мнѣнію, не безукоризненно, какъ историческій источникъ. Въ общемъ на фактическую сторону его можно положиться—авторъ стоялъ близко къ описываемымъ событіямъ и дѣчтелямъ и имѣлъ о нихъ достаточно свѣдѣній, но освѣщеніе, мотивы, которые даетъ онъ по временамъ (въ другихъ случаяхъ изложеніе Сказанія объективно и личность автора мало выступаетъ) — иногда сомнительны. Во первыхъ, авторъ — въ значительной степени моралистъ, онъ съ особенною любовью останавливается на эпизодахъ, которые могутъ дать читателю нравственный урокъ [2]), и въ этихъ видахъ, можетъ быть, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сгущаетъ или смягчаетъ краски; во вторыхъ, онъ переноситъ на описываемое время въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вѣроятно безсознательно, условія позднѣйшія, современныя его авторству. Онъ слишкомъ расположенъ къ Мономаху, рисуетъ въ его лицѣ идеалъ правды, любви, патріотизма, и даетъ ему слишкомъ первенствующую роль въ

---

[1]) Впрочемъ эти добавленія сводовъ, гусскихъ и польскихъ, въ большинствѣ— просто домыслы составителей.

[2]) Такой поучительный характеръ имѣютъ, напримѣръ: разсказъ объ ужасѣ князей при вѣсти объ ослѣпленіи Василька, похвала Мономаху, разсказъ о казни Ростиславичами Давыдовыхъ бояръ (се же второе мщенье створи, его же не бяше лѣпо створити и пр.), о битвѣ на Рожни полѣ; подобныхъ примѣровъ или менѣе ясныхъ можно привести и больше.

событіяхъ, потому что смотритъ на него съ точки зрѣнія послѣдующаго времени, когда Мономахъ былъ окруженъ ореоломъ славы и популярности, былъ дѣйствительно первымъ человѣкомъ на Руси. Относительно описываемаго времени такой взглядъ, по моему мнѣнію, въ значительной степени несправедливъ: факты, сообщаемые самимъ Сказаніемъ и другими источниками, совершенно ясно показываютъ, что въ описываемыхъ событіяхъ Мономахъ далеко не игралъ такой исключительной роли. Отношенія Мономаха и Святославичей (которые въ Сказаніи стоятъ на второмъ планѣ, въ роли послушныхъ помощниковъ Мономаха) къ Святополку авторъ выводитъ изъ нравственныхъ и патріотическихъ мотивовъ: послѣдующіе факты стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ такими мотивами. Правда, замѣчали по этому поводу, что въ обществѣ мало-культурномъ нравственныя движенія не отличаются устойчивостью, проходятъ быстро, почти безслѣдно, уступая мѣсто личнымъ интересамъ[1]); положимъ, но князья, проливающіе слезы по поводу преступленія Святополка и затѣмъ награждающіе его Волынью, представляютъ все таки такую неожиданную метаморфозу, что невольно приходишь въ сомнѣніе относительно того, дѣйствительно ли нравственные мотивы имѣли такое значеніе, не возникли ли они просто изъ субъективнаго и ретроспективнаго взгляда автора. Опять таки сопоставленіе извѣстныхъ намъ фактовъ должно, по моему мнѣнію, привести къ тому выводу, что дѣйствительные мотивы, руководившіе дѣйствіями князей, были не нравственные, а политическіе, что въ современной политикѣ, въ междукняжескихъ отношеніяхъ можно найти объясненіе многихъ фактовъ этого времени, которые сами по себѣ, при томъ освѣщеніи, какое даютъ имъ источники, являются странными и неожиданными. Чтобы дать возможно справедливое объясненіе и оцѣнку разсматриваемымъ событіямъ, мы устранимъ все то, въ чемъ можетъ быть заподозрено субъективное произведеніе

---

[1]) Лашнюковъ. Владиміръ Мономахъ и его время, стр. 26 (въ „Пособіи къ изученію русской исторіи критическимъ методомъ. Кіевъ. 1874, раньше въ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1873 г.).

автора Сказанія, удержимъ изъ него лишь голый остовъ фактовъ и сопоставимъ полученныя такимъ образомъ данныя съ извѣстіями, очень скудными впрочемъ, другихъ источниковъ и фактами предшествующаго времени. Это сопоставленіе должно вмѣстѣ послужить и оправданіемъ высказаннаго мною взгляда на Сказаніе.

Причины, создавшія конфликтъ конца XI в., глубоко коренились въ общемъ направленіи политики русскихъ князей второй половины этого столѣтія. Политика эта характеризуется по преимуществу собираніемъ земель: эта традиція, завѣщанная предшествующимъ временемъ, долго еще жила въ періодъ удѣльно—вѣчевой и только постепенно ослабѣла и исчезла, наткнувшись на слишкомъ большія препятствія. Благодаря тому, что старшій и сильнѣйшій изъ сыновей Ярослава—Изяславъ—не годился для роли объединителя, собираніе волостей производится сначала тремя старшими Ярославичами сообща, затѣмъ является дуумвиратъ Святослава и Всеволода, который смѣняется дуумвиратомъ Изяслава и Всеволода, и наконецъ собирательною политикою занялся Всеволодъ единолично. Собравъ въ своихъ рукахъ большую половину волостей (Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Смоленскъ, Ростово - Суздальская волость, подъ конецъ еще Новгородъ) и удовлетворивъ сыновей Изяслава (имъ были предоставлены: Новгородъ, Волынь и Туровская земля, но первыя двѣ волости были потомъ ими утрачены), онъ всѣми мѣрами старается уберечь свои владѣнія отъ притязаній изгоевъ—въ этомъ содержаніе его княженія. Политика его своекорыстна и недальновидна. Одного за другимъ надѣляетъ онъ болѣе сговорчивыхъ претендентовъ: такъ, даетъ Давыду Игоревичу Дорогобужъ, потомъ Владиміръ (волынскій), Ростиславичамъ—Червенскіе города, все это на счетъ Изяславова дома, которому принадлежала Волынь; онъ же, вѣроятно, далъ Смоленскъ Давыду Святославичу; за то во чтобы то ни стало старается онъ сохранить за собою Черниговъ и устранить Олега Святославича, главнаго, энергичнѣйшаго претендента. Но эти частныя соглашенія были только палліативами, и умирая, Всеволодъ оставилъ Мономаху свою тяжбу съ племянниками не

оконченною, нерѣшенною; она возобновилась при первомъ удобномъ случаѣ—именно послѣ пораженія Святополка и Мономаха половцами въ 1093 г. Немедленно явился Олегъ съ половцами и принудилъ Мономаха очистить Черниговъ. Затѣмъ, воспользовавшись этимъ временемъ, половцы предприняли рядъ набѣговъ на пограничныя волости; эти набѣги, весьма частые и интенсивные, совершенно связывали руки Мономаху и его единственному союзнику — Святополку. При такихъ условіяхъ дальнѣйшая борьба съ Олегомъ была немыслима, и Мономахъ очень хорошо понималъ это: онъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы разорвать союзъ Олега съ половцами, установить прочныя отношенія къ нему и такимъ образомъ развязать себѣ руки для борьбы съ половцами. Съ этою цѣлью вмѣстѣ съ Святополкомъ они требуютъ, чтобы Олегъ принялъ участіе въ походѣ на половцевъ, чтобы онъ убилъ сына хана Итлара, жившаго у него; послѣ отказа—пытаются повліять на него при помощи общественнаго мнѣнія, приглашая явиться на общій совѣтъ всего населенія, „да порядъ положимъ о Русьстѣй землѣ, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ“ [1]). Послѣ новаго отказа Олега, его лишили черниговской волости, но это опять таки не устраняло затрудненій и обѣщало лишь новыя претензіи и нападенія со стороны Олега. Потому Мономахъ со Святополкомъ, отпуская Олега, берутъ съ него обѣщаніе, что онъ явится съ братомъ Давыдомъ въ Кіевъ на общій совѣтъ. Олегъ все таки не рѣшался отдаться на волю ихъ и задумалъ еще разъ добиваться силою волостей, къ тому же захватъ Мурома, совершенный въ это время сыномъ Мономаха, Изяславомъ, не могъ внушить особеннаго довѣрія къ миролюбію Мономаха. Борьба Олега съ этимъ Изяславомъ и Мстиславомъ Мономаховичемъ кончилась для него опять совершенно неудачно. Но Мономахъ желалъ только прочнаго мира и въ этомъ отношеніи былъ искрененъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Олегу. Послѣдній, наконецъ, сдался и согласился передать свое дѣло на судъ братіи; для рѣшенія его былъ созванъ съѣздъ въ Любечѣ.

---

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 222 (Ипат. лѣт., стр. 160).

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію постановленій этого съѣзда, я еще остановлюсь нѣсколько на отношеніяхъ Мономаха и Святополка. Отъ нашествія половцевъ въ 1093 г. и до любечскаго съѣзда мы видимъ ихъ въ тѣсномъ союзѣ: они помогаютъ другъ другу въ борьбѣ противъ половцевъ, а Святополкъ кромѣ того и въ борьбѣ Мономаха съ Олегомъ, хотя въ вопросѣ объ изгояхъ онъ вовсе, повидимому, не былъ заинтересованъ, такъ какъ не владѣлъ изгойскими волостями; самыя половецкія нашествія 1093—1096 гг., стоявшія, несомнѣнно, въ извѣстной связи съ борьбою Мономаха и Олега, для Святополка въ значительной степени поэтому были на чужомъ пиру похмельемъ. Какимъ образомъ возникъ этотъ союзъ, лѣтописи не объясняютъ; начался онъ помощью Мономаха Святополку въ въ 1093 г. противъ половцевъ; думаю, что Мономахъ, какъ человѣкъ умный, за помощь противъ половцевъ могъ пользоваться помощью Святополка и противъ другихъ своихъ враговъ; можетъ быть и такъ, что Святополкъ за свое содѣйствіе получилъ или имѣлъ получить какое нибудь вознагражденіе. Иное освѣщеніе этимъ отношеніямъ даетъ Татищевскій сводъ; по извѣстіямъ его, Мономахъ былъ приглашаемъ по смерти Всеволода на кіевскій столъ населеніемъ, но отказался отъ него въ пользу Святополка [1]); среди князей Святополкъ не пользовался никакимъ авторитетомъ [2]), „и ежели бы Владиміръ его не охранялъ, то бъ давно Кіева Святославичами лишенъ былъ“. Такимъ образомъ, по этому воззрѣнію, Святополкъ былъ обязанъ Мономаху своимъ столомъ, находился подъ его опекою и долженъ былъ, слѣдовательно, помогать ему изъ благодарности. Такой взглядъ на отношенія ихъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, находимъ потомъ у Карамзина, у Н. Полевого (Карамзинъ прямо заявляетъ, что „только сильная рука Мономаха держала его (Святополка) 20 лѣтъ на престолѣ“) [3]), и въ на-

---

[1]) Исторія Россійская, т. II, стр. 146.

[2]) „Наложницу свою поялъ въ жену и тако ее любилъ, что безъ слезъ на малое время разлучиться не могъ, и много ея слушая отъ князей терпѣлъ поношеніе, а часто и вредъ съ сожалѣніемъ.“ (Ист. Россійск., II, стр. 211).

[3]) Исторія государ. россійск., II, стр. 84 (изд. 1842 г.). Исторія русск. народа, II, стр. 323—324.

стоящее время онъ является, можно сказать, общепринятымъ, хотя у новѣйшихъ историковъ и не высказывается съ полною опредѣленностью [1]). Но второе извѣстіе Татищева—о претензіяхъ Ольговичей, отъ которыхъ оборонялъ Мономаха Святополкъ—совершенно не согласуется съ тѣмъ, что мы достовѣрно знаемъ объ отношеніяхъ ихъ, а что касается до призванія Мономаха на столъ по смерти Всеволода, то это извѣстіе, пользующееся въ наукѣ значительнымъ довѣріемъ, если и не опровергается, то нисколько и не подтверждается разсказомъ Начальной лѣтописи, тамъ сказано просто: „Володимеръ нача размышляти река: аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко (то) есть столъ преже отца его былъ“ [2]). Весьма возможно, что извѣстіе Татищевскаго свода есть тоже результатъ ретроспективнаго взгляда на Мономаха, который я выше отмѣтилъ у автора Сказанія: популярность его въ XII в. перенесъ онъ и на XI в., но популярность эта создалась главнымъ образомъ во время половецкихъ походовъ 1103—1111 гг.; для того, чтобы предполагать ее въ болѣе раннее время, мы не имѣемъ достаточныхъ основаній. Во всякомъ случаѣ, если бы даже кіевляне приглашали Мономаха на столъ въ 1093 г., для того, чтобы отклонить это предложеніе, не нужно было особеннаго великодушія, а только немного благоразумія. Святополкъ добровольно не уступилъ бы Кіева, а пріобрѣтать новаго врага, имѣя и безъ того въ тылу такого соперника, какъ Олегъ, Мономаху было вовсе не интересно. Все это я говорю къ тому, что нѣтъ основаній думать, будто Святополкъ былъ въ дѣйствительности обязанъ Мономаху и долженъ былъ помогать ему изъ благодарности. Началомъ союза ихъ было, думаю, не отреченіе Мономаха отъ Кіева, а приходъ его на помощь Святополку въ томъ же 1093 г.; въ это время, при первой встрѣчѣ, они „взяста межи собою распря и которы, и уладившася цѣловаста крестъ межи собою“ [3]). Этихъ распрь и которъ никакъ

---

[1]) См. впрочемъ Русскую исторію К. Н. Бестужева-Рюмина, I, стр. 165.

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 210 (Ипат. лѣт., стр. 152). Подробнѣе объ этомъ въ моей Исторіи Кіевской земли, гл. II.

[3]) Лаврент. лѣт., стр. 211 (Ипат., стр. 153).

нельзя относить къ данному походу, какъ дѣлаютъ нѣкоторые [1]), это видно и изъ контекста [2]); предметомъ ихъ было, вѣроятно, установленіе взаимныхъ отношеній. Спорные вопросы были разрѣшены, князья уладились и цѣловали крестъ другъ другу, и затѣмъ мы видимъ Святополка дѣятельнымъ союзникомъ Мономаха.

Возвращаюсь къ любечскому съѣзду; судя по всему, онъ былъ по преимуществу дѣломъ Мономаха, который былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы установить прочныя отношенія къ прочимъ князьямъ и обезопасить свою волость отъ половцевъ; въ этомъ же направленіи долженъ былъ вліять на своего союзника и Святополкъ, волость котораго также подвергалась страшнымъ опустошеніямъ. Половецкія нападенія были выставлены и на съѣздѣ, какъ побудительный поводъ къ установленію мира (а половци землю нашу несуть розно, и ради суть, еже межю нами рати), а какъ средство, было принято распредѣленіе волостей между князьями сообразно отчинамъ: „кождо да держить отчину свою". Отчинами для князей, правдоподобно, должны были служить надѣлы, назначенные Ярославомъ, но принципъ отчинности былъ проведенъ съ значительными ограниченіями. Только Святославичи получили свои ископныя волости—сѣверскую и муромо-рязанскую земли, Святополкъ получилъ только Кіевъ съ Туровомъ, а Новгородъ по прежнему остался во владѣніи Мономахова сына, Мстислава (послѣдній былъ посланъ туда Всеволодомъ по просьбѣ новгородцевъ, когда Святополкъ перешелъ изъ Новгорода въ Туровъ, и въ началѣ 1095 г. самовольно призванъ снова новгородцами изъ Ростова [3])—онъ имѣлъ такимъ образомъ за собою народный выборъ). Мономахъ, кромѣ Переяславля и ростово-суздальской земли, сохранилъ за собою Смоленскъ и Новгородъ. Что касается Давыда Игоревича и

[1]) См. напр. у Н. Полевого, II, стр. 326.

[2]) „И рѣша имъ мужи смысленіи:" „почто вы распрю имата межи собою? а погании губять землю Руськую; послѣди ся уладита, а нынѣ поидита противу поганымъ любо с миромъ, любо ратью"; въ Никоновской лѣт. (Полн. собр. русск. лѣт. X, стр. 120): „послѣди смирится, что есть обида межи собою".

[3]) Лавр. лѣт., стр. 221 и 266 (Ипат. лѣт., стр. 160 и 182).

Ростиславичей, то за ними были оставлены тѣ волости, какія получены ими были при Всеволодѣ—Волынь и Червенскіе города. Такимъ образомъ исходнымъ пунктомъ для утвержденія большинства волостей служило распредѣленіе ихъ при Всеволодѣ; такая постановка вопроса была выгодна только для Мономаха: очевидно, устроивъ съѣздъ, онъ съумѣлъ рѣшительно повліять и на его постановленія.

Но обдѣленные князья не могли быть довольны такимъ оборотомъ дѣла, особенно если принять предположеніе, что это распредѣленіе волостей должно было считаться окончательнымъ и онѣ, по всей вѣроятности, должны были закрѣпиться затѣмъ въ нисходящихъ линіяхъ за отдѣльными семьями [1]). Поэтому слова Сказанія объ искренности и единодушіи князей: „и на томъ цѣловаша кресть: да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси и кресть честьный; рекоша вси: да будеть нань хрестъ честный и вся земля руськая; и цѣловавшеся поидоша всвояси. И приде Святополкъ с Давыдомь Кыеву, и ради быша людье вси, но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей“ [2])—эти слова нельзя принять съ полнымъ довѣріемъ; едва ли это не литературный пріемъ, не антитеза, имѣющая цѣлью ярче оттѣнить контрастъ взаимныхъ цѣлованій и послѣдующаго ослѣпленія. Самыя постановленія любечскаго съѣзда заключали въ себѣ поводы для послѣдующаго столкновенія [3]). Особенно имѣли поводы быть недовольными Давыдъ Игоревичъ и Святополкъ; первый долженъ подѣлиться своею отчиною съ Ростиславичами, второй—съ Мономахомъ, отъ котораго, можетъ быть, ожидалъ напротивъ уступокъ за помощь противъ Олега; что потеря Новгорода, исконнаго аннекса Кіева, была ему очень чувствительна, это показываютъ его позднѣйшія попытки возвратить его. И то стремленіе къ возвращенію и закрѣпленію

---

[1]) Такого мнѣнія о любечскихъ постановленіяхъ держится проф. Сергѣевичъ (Вѣче и князь, стр. 321—2) и оно, мнѣ кажется, подтверждается историческими фактами, особенно позднѣйшими отношеніями Мономаха къ Святославичамъ, съ одной стороны, и Ярославу Святополковичу, съ другой.

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 247—8 (Ипат. лѣт., стр. 167—8).

[3]) Это замѣтилъ уже Полевой въ своей Исторіи русск. нар., II, стр. 344.

отчинъ, которое породило всю предшествующую борьбу изгоевъ и совершенно ясно обозначилось въ постановленіяхъ любечскаго съѣзда, руководитъ и послѣдующими дѣйствіями Давыда и Святополка. На первыхъ порахъ они выступили союзниками, но союзъ этотъ не былъ проченъ: Волынь была отчиною имъ обоимъ, Давыду—по Ярославлю дѣленію, Святополку—какъ владѣніе его отца и затѣмъ брата Ярополка; въ этомъ лежала возможность коллизіи.

Вѣроятно, уже на съѣздѣ выяснились княжескія отношенія, но Мономахъ успѣлъ задержать на время объединеніе недовольныхъ—иначе распредѣленіе волостей вышло бы, вѣрно, значительно иное. Сближеніе недовольныхъ произошло немедленно послѣ съѣзда; Святополкъ возвращался съ него вмѣстѣ съ Давыдомъ, и послѣдній сообщилъ ему свое открытіе: будто Мономахъ вступилъ въ заговоръ съ Василькомъ противъ Святополка и Давыда, съ цѣлью захвата волостей; Мономахъ долженъ былъ получить Кіевъ, а Василько—Волынь, Погорину [1]) и туровскую волость [2]). По словамъ Сказанія, Давыду сообщили объ этомъ „нѣкоторые мужи" его, которые и поплатились потомъ, а Давыдъ только „ялъ вѣру лживымъ словамъ". Конечно, мы не можемъ опредѣлить, насколько справедливо это утвержденіе и чтó въ дѣйствительности принадлежало Давыду, а чтó его мужамъ. Весьма вѣроятно, что и раньше существовало недовѣріе, соперничество между Давыдомъ и Ростиславичами, какъ раньше между Ростиславичами и Ярополкомъ: сидя по сосѣдству, да еще въ земляхъ, не такъ давно составлявшихъ одну владимірскую волость, они не могли обойтись безъ этого. Мы знаемъ, что Василько въ это время занимался обширными военными приготовленіями—эти приготовленія должны были очень безпо-

---

[1]) Погорина, область по среднему теченію р. Горыни, весьма долго занимала межеумочное положеніе между кіевскою землею и Волынью; подробнѣе о ней въ Исторіи кіевской земли, стр. 3, 14—15.

[2]) Такъ передаетъ это сообщеніе Святополкъ Мономаху и Святославичамъ въ Сказаніи (Лаврент. лѣт., стр. 253, Ипат., стр. 172): сходныя слова вкладываетъ авторъ и въ уста Давыду относительно Василька (Лаврент., стр. 249, Ипат., стр. 168).

коить Давыда [1]). Поэтому и безъ наговора своихъ мужей Давыдъ имѣлъ поводы искать средствъ къ тому, чтобы обезпечить себя отъ опаснаго сосѣда. Охлажденіе между Святополкомъ и Мономахомъ, которое должно было обнаружиться во время любечскаго съѣзда, дало возможность Давыду пріобрѣсть союзника и приступить къ болѣе энергическимъ мѣрамъ противъ Василька. Его сообщеніе Святополку, какъ оно передается въ Сказаніи (эта передача не возбуждаетъ противъ себя подозрѣній) составлено очень искусно: чтобъ заинтересовать Святополка, претензіи Василька распространены не только на Волынь, но и на Погорину и туровскую волость Святополка, и въ союзники его приданъ Мономахъ, въ качествѣ претендента на Кіевъ. Сказаніе категорически утверждаетъ, что это сообщеніе было клеветою [2]). Что Мономахъ не имѣлъ въ виду отнимать Кіева у Святополка, это болѣе, чѣмъ вѣроятно: подобный образъ дѣйствій былъ не въ его характерѣ. Но что онъ, замѣтивъ неудовольствіе Святополка, могъ сблизиться съ Василькомъ, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, и такое сближеніе (скорѣе оборонительнаго характера, чѣмъ наступательнаго) могло, пожалуй, возбудить толки и подозрѣнія среди присутствовавшихъ на съѣздѣ. Чтобы подѣйствовать на Святополка вѣрнѣе, Давыдъ сталъ еще обвинять Василька, будто онъ убилъ или, вѣроятнѣе, участвовалъ въ убійствѣ брата Святополка—Ярополка [3]), и совѣтовалъ схватить Ва-

---

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 256—257 (Ипат. лѣт., стр. 174); ср. у Соловьева, II, стр. 52.

[2]) „А Василко сего не вѣдяше, ни Володимеръ, Лавр. лѣт., стр. 248 (Ип. лѣт., стр. 168).

[3]) Вопросъ объ этомъ убійствѣ (Лавр. лѣт., стр. 199—200, Ипат. лѣт., стр. 144—145)—очень темный. Обыкновенно полагаютъ, что подозрѣвали въ участіи въ этомъ убійствѣ Рюрика Ростиславича, къ которому бѣжалъ убійца; но были въ ученой литературѣ попытки доказать, что истиннымъ виновникомъ убійства Ярополка былъ самъ Давыдъ Игоревичъ, пожавшій плоды его (ему достался владимірскій столъ по смерти Ярополка), и что обвиненіе въ убійствѣ Василька есть выдумка Давыда („Смерть Ярополка Изяславича"—въ Современникѣ, т. XVI, отд. II, стр. 29—32, также Исторія галицко-русск. княжества Зубрицкаго, II, стр. 27, Владиміръ Мономахъ И. В. Лашнюкова, стр. 8); возраженія, см. у Соловьева (II, стр. 30—31). Наоборотъ, Погодинъ въ своемъ Хронологическомъ указателѣ (стр 67) категорически приписываетъ присылку убійцы Ростиславичамъ. Можетъ быть,

силька [1]). Но Святополкъ не рѣшался; поимка или убійство Василька не представляли для него выгоды и отвлекали его отъ дѣйствительныхъ его интересовъ, отъ истиннаго его соперника—Мономаха; ему опять грозило на чужомъ пиру похмелье; притомъ рискъ былъ слишкомъ великъ: Давыдъ былъ единствен- союзникомъ Святополка, пока отношенія съ Святославичаминымъ не были улажены; однако, какъ человѣкъ слабохарактерный, онъ въ концѣ концовъ подпалъ вліянію Давыда; Василько былъ завлеченъ и схваченъ. Но прежде какихъ либо рѣшительныхъ дѣйствій Святополкъ считалъ необходимымъ заручиться поддержкою кіевскаго населенія; созвавъ вѣче, онъ сообщилъ ему извѣстіе о заговорѣ, но „бояре и людье" дали отвѣтъ очень уклончивый: если Василько виноватъ, то, конечно, его слѣдуетъ наказать, если Давыдъ лжетъ, пусть его Богъ судитъ, дѣло это ваше, рѣшайте, какъ знаете—такой, въ сущности, смыслъ имѣютъ слова, влагаемыя въ уста вѣчу Сказаніемъ [2]): населеніе не настолько дорожило личностью Святополка, чтобы связывать себя въ его интересахъ какими либо обязательствами. Между тѣмъ духовенство (игумены) рѣшительно стало ходатайствовать за Василька, Святополкъ готовъ былъ уступить, но новыя настоянія Давыда взяли свое: Василько былъ отвезенъ въ Звенигородъ [3]) и ослѣпленъ (7 ноября 1097 г.); затѣмъ его въ без-

---

Давыдъ сообщилъ Святополку какія нибудь подробности, бросавшія тѣнь на Ростиславичей и неизвѣстныя Святополку, такъ какъ послѣдняго въ моментъ смерти брата не было на югѣ—онъ былъ въ Новгородѣ.

[1]) Татищевъ (II, стр. 172) замѣчаетъ: „и какъ на Владимира силы его ради и любви въ народѣ ничего начать не смѣли, то стали совѣтовать о Василькѣ". Но затрогивать Мономаха было и не въ интересахъ Давыда.

[2]) „Тобѣ, княже, достоитъ блюсти головы своее, да аще есть право молвилъ Давыдъ, да приметь Василько казнь, аще ли не право глагола Давыдъ, да приметь месть отъ Бога и отвѣчаеть предъ Богомь" (Лавр. лѣт., стр. 250, Ипат. лѣт., стр. 169—70).

[3]) Звенигородъ—въ Ипатск. лѣт. (стр. 170) и у Длугоша (l. IV, p. 326—Zmigrod), въ Лаврент., Никоновск., Воскресенск. (въ послѣдней однако проскользнулъ Звенигородъ вмѣсто Звиждия—П. с. р. л., VII, стр. 13)—Бѣлгородъ. М. А. Максимовичъ справедливо указалъ, что читаемое въ лѣтописи поясненіе: „иже градъ малъ у Киева яко 10 верстъ в дале" не идетъ къ Бѣлгороду, городу извѣстному, при-

чувственномъ состояніи уложили на телѣгу и повезли по владимірской дорогѣ; на шестой день онъ былъ уже во Владимірѣ.

По словамъ Сказанія вѣсть объ этомъ произвела потрясающее дѣйствіе на князей: Мономахъ „ужасеся и всплакавъ и рече: сего не было есть в Русьскѣй земьли ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла. И ту абье посла к Давыду и к Олгови Святославичема, глаголя: поидѣта къ Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся створи се в Русьскѣй земли, оже вверже в ны ножь; да аще сего не правимъ, то большее зло встанеть в насъ и начнеть братъ брата закалати, и погыбнеть земля Русьская и врази наши, Половци, пришедше возмуть землю Русьскую. Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста велми и плакастася, рекуща: яко сего не было в родѣ нашемь. И ту абье собравша воѣ, придоста к Володимеру", и всѣ вмѣстѣ двинулись къ Кіеву [1]). Итакъ въ Сказаніи—порывъ, непосредственное дѣйствіе негодованія; Мономахъ—блюститель интересовъ братьи и Русской земли, хозяинъ Русской земли, которому послушно повинуются Святославичи. Но обращаясь къ погоднымъ записямъ Начальной лѣтописи, находимъ извѣстіе объ этомъ походѣ уже подъ слѣдующимъ 6606 г. [2]), слѣдовательно онъ случился не раньше марта или по крайней мѣрѣ незадолго до марта 1098 г. Если теперь сопоставить съ этимъ нѣкоторыя данныя, сообщаемыя Сказаніемъ, то выходитъ, что походъ этотъ случился именно, надо думать, въ самомъ началѣ февраля или концѣ января: передъ началомъ великаго поста („яко

томъ отстоящему дальше отъ Кіева (Собраніе сочиненій, II, стр. 320). Звенигородъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Сиракова городища у с. Хотова,—см. рефератъ В. Б. Антоновича въ „Чтеніяхъ общества Нестора", кн. I, стр. 37. Василька увезли, какъ видно, ночью, немедленно по ослѣпленіи, и на обѣдъ поспѣли въ Звиждень; отъ Сиракова городища до нынѣшняго села Здвижки по прямой линіи около 80 верстъ.

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 252—3, Ипат., стр. 171.

[2]) „Приде Володіmeръ, и Давыдъ и Олегъ на Святополка и сташа у Городца, и створиша миръ". Лавр. лѣт., стр. 263, Ипат., стр. 179. Городецъ съ наибольшею вѣроятностью пріурочивается къ замчищу у с. Вигуровщины, за Днѣпромъ у Кіева, см. спеціальную работу г. Гошкевича—Дворецъ кн. Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ. Кіевъ. 1890 г., стр. 20 сл.

приближися постъ великый") 1098 г. [1]) во Владиміръ, гдѣ Давыдъ держалъ въ заключеніи Василька, дошелъ слухъ, что Мономахъ и Святополкъ идутъ на Давыда [2]). Такой слухъ могъ явиться только послѣ похода князей къ Кіеву: раньше, конечно, никому не пришло бы въ голову, что Святополкъ выступитъ въ роли мстителя за Василька, а Мономахъ—въ роли его союзника; слухъ этотъ, очевидно, былъ недоразумѣніемъ и ему естественнѣе всего было явиться немедленно за соглашеніемъ князей, пока условія его не были хорошо извѣстны. Свидѣтельство современной событію записи, притомъ находящей себѣ подтвержденіе въ самомъ Сказаніи, заслуживаетъ, конечно, большаго довѣрія, чѣмъ разсказъ Сказанія; послѣдній имѣетъ цѣлью дать эффектную картину всеобщаго ужаса предъ преступленіемъ и въ жертву эффекту авторъ принесъ историческую точность [3]).

Такимъ образомъ походъ князей на Святополка является отдѣленнымъ отъ ослѣпленія Василька тремя мѣсяцами, хотя извѣстіе объ ослѣпленіи должно было донестись въ Переяславль и Черниговъ уже черезъ нѣсколько дней [4]). Какъ прошли эти

---

[1]) Пасха въ 1096 г. была 28 марта (Арцыбашевъ. Два съѣзда князей, стр. 261), слѣдовательно сыропустъ—7 февраля. Переговоры могли затянуться, поэтому извѣстіе попало подъ 1098 мартовскій годъ.

[2]) Лаврент., стр. 255 (Ипатск., стр. 173).

[3]) Г. Хрущовъ замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „потребность отдохнуть на Мономахѣ, послѣ разсказа о гнусномъ дѣлѣ, потребность представить Владиміра защитникомъ праваго дѣла—вотъ что заставило автора прямо съ осени перенестись къ событію весеннему и потомъ возвратиться къ продолженію своего разсказа. Такое отступленіе отъ хронологіи ясно говоритъ за то, что сказаніе было вполнѣ независимо отъ лѣтописи". (Чтенія с. 56).

[4]) На это обратилъ вниманіе уже Карамзинъ (II, пр. 186); чтобы объяснить это промедленіе, онъ предполагалъ, что Мономахъ былъ задержанъ набѣгомъ половцевъ, о которомъ говоритъ въ Поученіи (Лавр., стр. 241): „и тогда же Торци придоша ко мнѣ ис Половець Читѣевичи, идохомъ противу имъ на Сулу", но предшествующее: „с Давыдомь смирившеся"... относится, вѣроятно, къ примиренію съ Давыдомъ Святославичемъ въ 1096 г., къ тому же приблизительно времени относится, вѣроятно, и походъ. Во всякомъ случаѣ важно то, что походъ князей на Святополка не былъ такимъ непосредственнымъ движеніемъ, какимъ его представляетъ Сказаніе. Послѣдующіе историки часто не обращали на это вниманія и вслѣдъ за Сказаніемъ говорили о немедленномъ походѣ (наприм. Соловьевъ, II, стр. 55, Ко-

нѣсколько мѣсяцевъ, мы, конечно, не можемъ знать, но можемъ замѣтить, что Мономаху, который вовсе не былъ тогда хозяиномъ въ Русской землѣ, и недавно еще не на животъ, а на смерть боролся со Святославичами, вѣроятно, нужно было время для того, чтобы превратить враждебныя отношенія въ союзныя.

Походъ князей, слѣдовательно, не былъ непосредственнымъ движеніемъ чувства, а результатомъ болѣе хладнокровныхъ соображеній. Какую же цѣль имѣли въ виду князья, идя на Святополка „поправити сего зла"? Позже мы встрѣчаемъ въ устахъ князей, какъ правовую норму, положеніе, что князь за проступокъ лишается волости: „оже ся князь извинить, то въ волость, а мужь у голову" [1]; Давыдъ Игоревичъ въ концѣ концовъ былъ дѣйствительно лишенъ волости; *по виду*, и относительно Святополка князья имѣли такое же намѣреніе. Но выгнать Святополка—это значило вызвать новую борьбу, возобновить съ новой силой всѣ тѣ неурядицы, которыя съ такимъ трудомъ удалось прекратить любечскимъ съѣздомъ. Мономахъ едва ли могъ желать этого. Себѣ взять Кіевъ въ данныхъ обстоятельствахъ онъ не могъ: положеніе его еще не было достаточно авторитетно и прочно; отдать его Олегу Святославичу, старѣйшему послѣ Святополка,—выигрышъ болѣе чѣмъ сомнительный. Мотивъ у Мономаха въ дѣйствительности былъ, вѣроятно, иной. До него должно было дойти извѣстіе о союзѣ Святополка и Давыда, равно какъ и то, что союзъ этотъ былъ направленъ не только противъ Василька, но и противъ него самого [2]; и это извѣстіе должно было его встревожить: Мономаху приходилось опасаться враждебныхъ дѣйствій со стороны союзниковъ, поводы для того существовали, и Мономахъ, вѣроятно, это сознавалъ; между тѣмъ онъ былъ одинокъ; примиреніе со Свято-

стомаровъ, Русск. ист. въ жизнеоп., I, стр. 51, изд. 1888 г., Иловайскій. Исторія Россіи, I, стр. 131); у Погодина въ Хронолог. указат. (стр. 54—5) созывъ князей Мономахомъ поставленъ подъ 1097 г., а походъ ихъ къ Кіеву — подъ 1098 (январьскимъ).

[1]) Ипат. лѣт., стр. 409.

[2]) О заговорѣ Мономаха Святополкъ заявлялъ по Сказанію на вѣчѣ; такъ или иначе, Мономахъ навѣрно хорошо зналъ, что дѣлается въ Кіевѣ, у Святополка.

славичами было слишкомъ свѣжо, чтобъ на него можно было разсчитывать, и перспектива борьбы со Святополкомъ ему, вѣроятно, не улыбалась. Разстроить этотъ новый союзъ, смирить Святополка, заставить его отказаться отъ претензій, подчинить его снова своему вліянію—вотъ что, вѣроятно, было истинною цѣлью Мономаха, когда онъ сближался со Святославичами и устраивалъ походъ на Кіевъ. Какими доводами привлекъ онъ къ участью Святославичей, мы не знаемъ; вѣроятно онъ успѣлъ убѣдить ихъ, что новый союзъ и для нихъ опасенъ [1]).

Собравъ войска, Мономахъ и Святославичи сошлись у Городца. Предварительно послали они пословъ къ Святополку, укоряя его, что онъ не передалъ дѣла на общій судъ, а расправился самоправно [2]). Святополкъ сваливалъ вину на Давыда, который наговорилъ ему, оправдывался: „и не язъ его ослепилъ, но Давыдъ, и велъ и к собѣ“. Это было совсѣмъ жалкое оправданіе, и послы отвѣчали, что это пустая отговорка, потому что Василько ослѣпленъ въ городѣ Святополка; можемъ прибавить еще, что, по Сказанію, изъ трехъ исполнителей ослѣпленія двое были служители Святополка. Князья послѣ этого стали готовиться къ переправѣ. Святополкъ оробѣлъ: кіевляне не обнаружили намѣренія поддержать его, Давыдъ, повидимому, тоже не подалъ помощи, и онъ собрался было бѣжать изъ Кіева [3]). Но тутъ вмѣшалось кіевское земство; ставъ въ положеніе верховнаго распорядителя земли, вѣче удержало Свято-

---

[1]) Татищевъ (II, стр. 178), довольно неправдоподобно, замѣчаетъ по этому поводу, что Святославичи, „вѣдая на себя Святополкову тайную злобу, болѣе другихъ зла отъ него, наипаче когда онъ съ Владиміромъ былъ въ согласіи, опасались“.

[2]) По свидѣтельству Татищевскаго свода, „Олегъ, властолюбіемъ разжигаемъ“, настаивалъ на немедленномъ изгнаніи Святополка, „надѣяся себѣ по старѣйшинству, а не по достоинству престолъ достать“, но Давыдъ Святославичъ и стоялъ на томъ, чтобы сначала попросить объясненія у Святополка (Ист. Рос., II, стр. 178). Эта подробность очень сомнительна и не согласуется съ общимъ образомъ дѣйствій Олега; можетъ быть, этотъ неудачный домыслъ, или недоразумѣніе, Татищева далъ поводъ къ уже приведенному выше замѣчанію его, что Святославичи хотѣли Святополка лишить стола, но Мономахъ его оберегалъ.

[3]) По Длугошу (l. IV, p. 327)—къ половцамъ.

полка и отрядило митрополита Николу и княгиню Анну[1]), мачеху Мономаха, къ союзникамъ съ просьбою не губить Русской (т. е. кіевской) земли, отложить усобицу и обратить соединенныя силы противъ половцевъ. Каковы бы ни были намѣренія союзниковъ, просьба кіевскаго населенія, выраженная черезъ такихъ авторитетныхъ, умно выбранныхъ представителей, должна была быть уважена: Мономахъ былъ вообще очень чутокъ и внимателенъ къ общественному мнѣнію, а Святославичи сами по себѣ не могли выступить активно. По Сказанію, Мономахъ опять восплакалъ, „рече: по истинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хочемъ погубити и преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю акы матерь, и митрополита такоже чтяше, санъ святительскый, и не преслуша молбы его“. Князья повели дипломатическую пересылку между собою и окончательно рѣшили такъ: „се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и; Святополкъ же емъся по се, и цѣловаша крестъ межи собою, миръ створше“ [2]).

Образъ дѣйствій князей, какъ онъ представленъ въ Сказаніи, является очень страннымъ, если принять, что союзники, идя на Святополка, руководились негодованіемъ на преступленіе и желаніемъ „поправити сего зла“. Объ участіи Давыда въ ослѣпленіи князья должны были знать заранѣе; ничего особеннаго въ свое оправданіе Святополкъ во время послѣднихъ пересылокъ сказать не могъ: виновность его была очевидна, факты были на лицо. И князья не только не принимаютъ какихъ либо карательныхъ мѣръ относительно Святополка (чему не препятствовало и вмѣшательство кіевскаго вѣча), но, поручая ему схватить или прогнать Давыда, они тѣмъ самымъ отдаютъ въ его власть Волынь, потому что она, сдѣлавшись вакантною, по принципу, выставленному на любечскомъ съѣздѣ, должна была перейти не къ кому иному, какъ къ Святополку, какъ его отчина. О Василькѣ въ описаніи переговоровъ нѣтъ и рѣчи,

---

[1]) Анною называютъ княгиню Всеволожу Никоновск. лѣт. (П. с. р. л. IX. стр. 132) и Татищевъ (II, стр. 180).

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 253—5. Ипат., стр. 171—173.

хотя онъ еще находился въ плѣну у Давыда: князья-мстители вовсе не заботятся о немъ, и только благодаря своему брату Василько былъ потомъ освобожденъ. Между тѣмъ съ точки зрѣнія политическихъ соображеній все это легко объясняется: Мономахъ попугалъ Святополка и разстроилъ угрожавшій ему союзъ: подавъ надежду на Волынь, онъ обратилъ Святополка противъ его недавняго союзника—Давыда. Если принять, что Мономахъ съ самаго начала не имѣлъ намѣренія сгонять Святополка, и походъ къ Кіеву былъ лишь демонстраціей, то посольство кіевлянъ было очень кстати, дало ему благовидный поводъ отъ угрозъ перейти къ уступкамъ. Достигъ ли Мономахъ второй половины предполагаемой цѣли, смирилъ ли онъ и подчинилъ себѣ Святополка? Можетъ быть да, а можетъ быть и нѣтъ; дѣло въ томъ, что вскорѣ мы видимъ Святополка въ союзѣ съ Святославичами—обстоятельство очень важное, ибо оно дало прочное положеніе Святополку; какъ произошло это сближеніе, мы не знаемъ; союзъ Святославичей съ недавнимъ врагомъ Мономахомъ едва ли отличался искренностью, и разстроить его Святополку было, вѣроятно, не трудно. Если этотъ поворотъ въ политикѣ начался еще во время самихъ переговоровъ подъ Кіевомъ, что возможно, то Святополку нечего было особенно робѣть передъ Мономахомъ и добиваться его расположенія. Во всякомъ случаѣ позже Святополкъ держитъ себя относительно Мономаха вполнѣ независимо.

Василько, какъ упомянуто, находился въ то время въ плѣну у Давыда. Когда во Владиміръ дошли слухи, будто Мономахъ со Святополкомъ собираются на Давыда, послѣдній обратился къ посредничеству Василька, прося его повліять на Мономаха, чтобы онъ не предпринималъ этого похода. Василько обѣщалъ, но неизвѣстно, посылалъ ли онъ дѣйствительно посланца, и имѣло ли это какое нибудь вліяніе [1]). Передъ Пасхою

---

[1]) Своды Воскресенскій (П. с. р. л., VII, стр. 15), Софійскій (I, стр. 182, изд. П. М. Строева), Тверской (П. с. р. л. XV, стр. 186), Татищевскій (II, стр. 184) говорятъ, что Василько послалъ пословъ къ Мономаху, и послѣдній вслѣдствіе этого вернулся со Святополкомъ. Это извѣстіе (принятое Арцыбашевымъ—Повѣствов. о Россіи, I, кн. 2, пр. 303 и раньше, въ статьѣ Два съѣзда князей—Вѣ-

1098 г. Давыдъ предпринялъ походъ съ цѣлью захватить волость Василька (теребовльскую), но у Бужска [1]) встрѣтилъ его Володарь; захваченный врасплохъ, Давыдъ выпросилъ себѣ пропускъ, обѣщавъ освободить Василька; это было исполнено, и противники примирились. Такимъ образомъ надежды Давыда—объединить волынскія волости не сбылись. Наоборотъ, сами Ростиславичи предприняли вслѣдъ за тѣмъ походъ уже на волость Давыда—сожгли Всеволожъ [2]) и подступили ко Владиміру; впрочемъ, судя по Сказанію, они не имѣли въ виду, какъ и позже, во время борьбы со Святополкомъ, территоріальныхъ пріобрѣтеній и ограничились мщеніемъ. По требованію ихъ были выданы двое Давыдовыхъ бояръ—Лазарь и Василь, виновники ослѣпленія Василька (ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ се зло) и казнены, а третій—Турякъ—успѣлъ бѣжать въ Кіевъ. Ростиславичи удовольствовались этимъ и ушли [3]).

Святополкъ не вмѣшался въ эту борьбу. Получивъ полномочіе на пріобрѣтеніе Волыни, онъ повелъ дѣло не торопясь, осторожно. Неудача Давыда въ борьбѣ съ Ростиславичами дала ему, вѣроятно, первый толчекъ къ приготовленіямъ [4]). Онъ заручился поддержкою Святославичей, снесся съ Ростиславичами и польскимъ в. кн. Владиславомъ Германомъ, своимъ родственникомъ по матери [5]); Ростиславичамъ Святополкъ, по словамъ Сказанія, объявилъ, что не имѣетъ никакихъ видовъ на ихъ

стникъ Европы 1823, XII, стр. 261), есть, вѣроятно, домыслъ, притомъ неудачный. По Сказанію, Владиміръ вовсе и не собирался итти на Давыда. Вѣроятнѣе всего, что (Василько), размолвившись съ Давыдомъ изъ-за Кулмѣя, котораго Василько хотѣлъ послать къ Мономаху, а Давыдъ не согласился, Василько вовсе не посылалъ никого къ Мономаху. Иначе Давыдъ долженъ былъ бы въ благодарность отпустить Василька и о такомъ нарушеніи этого обѣщанія авторъ Сказанія, вѣроятно, упомянулъ бы.

[1]) Теперь мѣстечкоבускъ въ Галиччинѣ на З. Бугѣ.

[2]) Мѣстонахожденіе его неизвѣстно—см. Ист. волынск. земли г. Андріяшева, стр. 57.

[3]) Лаврент. лѣт., стр. 255—59 (Ипат., стр. 173—6).

[4]) Это прямо утверждаетъ Татищевскій сводъ (II, стр. 187).

[5]) Объ этомъ родствѣ см. у г. Линниченка, Взаимныя отношенія Руси и Польши, I, стр. 52.

волости и цѣловалъ на томъ крестъ [1]). Раннею весною [2]), уже 1099 г.—Святополкъ отправился къ Берестью, на свиданіе съ Владиславомъ. Давыдъ, услышавъ объ этомъ, также отправился „в Ляхы", искать помощи. Свиданіе произошло на берегу З. Буга [3]); Владиславъ, получивъ отъ обоихъ искателей богатые дары, принялъ сторону Святополка, хотя реальной помощи не оказалъ и ему. „Сотворивши совѣтъ" съ поляками, Святополкъ пошелъ въ Пинскъ и отсюда послалъ „по воѣ", затѣмъ отправился въ Дорогобужъ и, дождавшись здѣсь войскъ, двинулся на Давыда ко Владиміру; очевидно, къ Берестью ходилъ онъ налегкѣ; въ дальнѣйшемъ разсказѣ видимъ у него ополченіе Туровской земли, а къ Дорогобужу ходилъ онъ (что было вовсе не по дорогѣ ко Владиміру), вѣроятно, на встрѣчу войскамъ, шедшимъ къ нему изъ Кіевской области. Давыдъ былъ осажденъ во Владимірѣ и послѣ семинедѣльной осады, не получивъ отъ поляковъ обѣщанной помощи, „поча молитися: пусти мя изъ града"; вѣроятно, онъ отступился отъ своей волости, и на томъ цѣловали крестъ. Выпущенный изъ города Давыдъ отправился въ Червень, а оттуда „в ляхы" [4]).

Завладѣвъ волостью Давыда, Святополкъ заблагоразсудилъ прихватить и остальную часть своей отчины: „нача думати на

---

[1]) Лавр. лѣт., стр. 260 (Ипат. стр. 177).

[2]) Осада Владиміра Святополкомъ начата была въ половинѣ февраля, такъ какъ продолжалась семь недѣль и окончилась въ великую субботу—9 апрѣля (см. у Карамзина, II, пр. 188). Осадѣ предшествовало путешествіе къ Берестью и сборъ войскъ, такъ что изъ Кіева Святополкъ отправился не позже начала февраля. Въ погодныхъ записяхъ походъ его отнесенъ къ 6607 г. (Лавр. лѣт., стр. 263, Ипат. стр. 179).

[3]) Что этому свиданію еще раньше предшествовали сношенія Святополка съ Владиславомъ, это нужно заключить и изъ обстоятельствъ, а также изъ словъ поляковъ Давыду въ Сказаніи: „поиди с нами Берестью, яко се вабить ны Святополкъ на снемъ". Татищевъ сообщаетъ разныя подробности этого свиданія, пиры и пр.; по его словамъ, поляки обѣщали Святополку выдать Давыда, если онъ бѣжитъ къ нимъ; при этомъ же рѣшено было выдать дочь Владислава—Сбыславу за Ярослава Святополковича (Ист. Рос. II. с. 187—8). Объ этихъ сношеніяхъ съ поляками см. у г. Линниченка, Взаимн. отнош. I. с. 132—134.

[4]) Лаврент. лѣт. стр. 259—260 (Ипат. лѣт. стр. 176). По словамъ Татищева (II с. 188), Давыдъ, сдавался, выговорилъ себѣ Червень у Святополка; это, вѣроятно, опять таки его догадка.

Володаря и Василька, глаголя: яко се есть волость отца моего и брата". Дѣйствительно, Изяславъ, а послѣ его смерти—Ярополкъ, владѣя Волынью, владѣли и городами Ростиславичей, пока Всеволодъ не выдѣлилъ ихъ въ отдѣльную волость; такимъ образомъ Святополкъ имѣлъ полное основаніе считать ихъ своею отчиною. „Надѣяся на множество вой", Святополкъ двинулся на Ростиславичей, преступивъ крестное цѣлованіе; съ нимъ были его сыновья—Мстиславъ и Ярославъ, двое племянниковъ—сыновья убитаго Ярополка Изяславича, и сынъ Давыда Святославича—Святоша. Но правое дѣло взяло верхъ, Святополкъ былъ разбитъ на Рожнѣ полѣ [1]); оставивъ на Волыни сыновей, онъ отправился въ Кіевъ, желая, можетъ быть, собрать новыя силы [2]), и уже больше не принималъ личнаго участія въ войнѣ [3]). Одинъ изъ сыновей его, Мстиславъ, остался во Владимірѣ, а Ярославъ отправился къ угорскому королю—просить помощи противъ Ростиславичей. Между тѣмъ общій врагъ сблизилъ Ростиславичей съ Давыдомъ, который вернулся изъ Польши. Давыдъ отправился за помощью къ половцамъ и вернулся со знаменитымъ Бонякомъ. У Перемышля произошла битва съ Ярославомъ и его уграми. Угры потерпѣли совершенное пораженіе, и Ярославъ черезъ Польшу бѣжалъ въ Туровскую волость [4]). Давыдъ тогда принялся отвоевывать свои вла-

---

[1]) Мѣстность эта, какъ видно изъ разсказа Лав. л. подъ 1144 г., находилась у верховья р. Серета, но ближе неизвѣстна—см. Барсова Геог. нач. л. с.118 и 290, изд. 1885г.

[2]) Такъ объясняетъ это Длугошъ (р. 329).

[3]) Если разсказъ Печерскаго Патерика о св. Прохорѣ и конфискаціи соли Святополкомъ пріуроченъ вѣрно, то можно сдѣлать предположеніе, что эта афера съ солью и вызванное ею неудовольствіе народа удержали Святополка въ Кіевѣ. По свидѣтельству Патерика, соль вздорожала, „егда же Святополкъ съ Давыдомъ Игоревичемъ рать зачаста про Василькову слѣпоту, его же ослѣпи Святополкъ, послушавъ Давыда Игоревича, с Володаремъ и съ самѣмъ Василкомъ" (Патерикъ въ „Памятникахъ рус. литер. XII и XIII в." изд. г. Яковлевымъ с. 154). Тутъ, вѣроятно, напутано переписчикомъ. Изъ Сказанія неизвѣстно, чтобы Святополкъ въ союзѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ велъ войну съ Ростиславичами, да и строй рѣчи странный (рать зачаста про Василкову слѣпоту . . . . съ Василкомъ), выходитъ какая-то иронія, которую трудно допустить въ этомъ памятникѣ.

[4]) По Сказанію, въ битвѣ участвовало на сторонѣ Ростиславичей—400 чел., а угровъ—100 тысячъ, цифра, конечно, преувеличенная; у Длугоша угровъ—восемь тысячъ (р. 329).

дѣнія. Началась упорная осада Владиміра. Мстиславъ былъ убитъ во время одного изъ приступовъ (12 іюня 1099 г.)[1]); гарнизонъ не рѣшился сдаться и, утаивъ смерть Мстислава отъ населенія, далъ знать Святополку[2]). Святоша, сидѣвшій въ Луцкѣ (этотъ городъ былъ, очевидно, отданъ ему Святополкомъ за оказанную помощь[3]), принужденъ былъ подчиниться Давыду и цѣловалъ крестъ къ нему. Помощь присланная Святополкомъ, подъ начальствомъ тысяцкаго Путяты, отбила Давыда отъ Владиміра: воины Путяты захватили его врасплохъ, одновременно напали владимірскій гарнизонъ и Святоша. Давыдъ снова прибѣгнулъ къ помощи Боняка; сначала приступили къ Луцку: Святоша очистилъ городъ и ушелъ въ Черниговъ, затѣмъ напали на Владиміръ. Посадникъ Святополка Василь (Путята еще раньше вернулся въ Кіевъ) покинулъ городъ и бѣжалъ; это было, вѣроятно, въ концѣ лѣта или началѣ осени 1099 г. Такъ попытка Святополка завладѣть Волынью окончилась совершенною неудачею[4]).

М. Грушевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Лавр. с. 263 (Ипат. с. 180).

[2]) Затруднительно рѣшить, кто были „людье“, просившіе помощи у Святополка, и „гражане“ (ниже, въ разсказѣ о приходѣ Путяты подъ Владиміръ)—Святополковъ гарнизонъ или владимірское населеніе? Вѣроятнѣе, что эти „людье“, боявшіеся „да аще ся вдамы, Святополкъ погубитъ ны вся“ и противополагающіе себя другимъ „людямъ“, собирающимся сдать городъ, и эти „гражане“, такъ усердно сѣкущіе „воѣ Давыдовы“, были гарнизономъ Святополка (ср. Андріяшева ор. с. с. 114), но г. Хрущовъ, напримѣръ, видитъ здѣсь владимірцевъ (Чтенія с. 57).

[3]) Г. Андріяшевъ (ор. с. с. 36) категорически утверждаетъ, что Святоша только стоялъ съ войскомъ, а не владѣлъ Луцкомъ, но это, по моему, невѣроятно: Святоша занималъ Луцкъ до похода Давыда на Волынь; стѣсненный послѣднимъ онъ заключаетъ съ нимъ договоръ и остается въ Луцкѣ же, только Давыдъ помѣщаетъ у него, очевидно для обезпеченія, своихъ мужей. Перейдя затѣмъ, послѣ прихода Путяты на сторону Святополка, онъ сохраняетъ за собою Луцкъ и теперь, и только послѣ новыхъ успѣховъ Давыда, не надѣясь удержать городъ за собою, ушелъ въ Сѣверщину. Очевидно, дѣло шло о чемъ-то большемъ, чѣмъ о занятіи города гарнизономъ. Что Святославичи, въ частности Святоша, за свою помощь должны были получить вознагражденіе отъ Святополка, это понятно само по себѣ.

[4]) Лавр. с. 260—263 (Ипат. с. 176—179).

Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка.

Извѣстно, что въ XVI—XVII вѣкахъ въ южнорусскихъ земляхъ Литвы и Польши существовалъ особый взглядъ на бракъ. Тамъ господствовали идеи брака, который называютъ теперь гражданскимъ: нотаріальный договоръ имѣлъ значеніе такое же, какъ и благословеніе церкви, расторженіе браковъ происходило легко и часто; для этого достаточно было взаимнаго согласія супруговъ и подтвержденія ихъ согласія гражданскою властью, которая давала имъ „распустные листы", или же сами супруги давали другъ другу подобныя удостовѣренія, предоставлявшія имъ право вступить въ другой бракъ.

Причину подобныхъ явленій тогдашней жизни, противорѣчащихъ праву церковному, нѣкоторые указываютъ во вліяніи реформатскаго ученія или въ соціальныхъ условіяхъ тогдашней жизни (Ор. Левицкій, О семейныхъ обычаяхъ въ юго-зап. Руси. „Русск. Стар." 1880, ноябрь). Проф. Владимірскій-Будановъ, въ ст. „Черты семейнаго права западной Россіи", (въ 4-й книгѣ „Чтеній истор. общества Нестора Лѣтописца") считаетъ такія анормальныя явленія остаткомъ обычнаго права, существовавшаго на Руси во времена язычества. „Ни въ какой области права, говоритъ профессоръ, обычаи не оказались столь жизненными и живучими, какъ именно въ семейной сферѣ; не только въ прежніе долгіе вѣка по принятіи христіанства дохристіанскіе обычаи не поддавались истребленію, но живутъ и въ наши дни въ формѣ семейныхъ обрядовъ, которые предста-

вляютъ замѣчательно вѣрно сохранившійся памятникъ временъ язычества“ (стр. 42).

Конечно, церковь всегда старалась устранить все, противорѣчащее духу христіанства въ области семейнаго права. Въ представленныхъ проф. В.-Будановымъ фактахъ видна эта борьба церкви и закона съ вѣковымъ обычнымъ правомъ. И уже въ XVI в. въ культурныхъ центрахъ западной Россіи видна регламентація семейнаго права въ духѣ христіанства; но чѣмъ дальше отъ центровъ умственной жизни тогдашняго общества, тѣмъ больше господствуетъ прежнее языческое право. Такъ, въ томъ же XVI в. въ Подоліи, въ украинныхъ повѣтахъ (барскомъ и каменецкомъ), по свидѣтельству описей (люстрацій) государственныхъ имуществъ, существовали такіе государственные доходы: 1) *поемщизна*, что сами чиновники—люстраторы объясняютъ такъ: „когда который человѣкъ обычаемъ пограничнымъ самовольнымъ возметъ себѣ чью дѣвку или вдову или разведенную въ качествѣ жены и съ нею желаетъ жить, тогда даетъ три гривны на зàмокъ“; 2) *разводы*,—„когда кто хочетъ жену отпустить или жена мужа, то тотъ кто причиненъ (т. е. кто требуетъ того) даетъ три гривны“, и наконецъ 3) *куница*,—„когда кто благопристойно (законно—„stateczniе“) беретъ дѣвку замужъ въ частно-владѣльческое село (изъ казеннаго), то, по принятому обычаю той краины, даетъ подарокъ въ пользу замка“.—но послѣдній доходъ, по замѣчанію люстраторовъ, наименѣе значительный (тамъ-же стр. 44—45).

Таковы были черты семейнаго права въ XVI в. не только въ Подоліи, но во всей Руси Литовской.

Затѣмъ вышеуказанный взглядъ на бракъ къ началу XVIII вѣка почти изчезъ вездѣ, кромѣ Подоліи.

Въ этой же мѣстности, вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій края, обычное семейное право, господствовавшее здѣсь въ XVI вѣкѣ, существовало еще и въ половинѣ XVIII вѣка, хотя отчасти въ измѣненномъ видѣ. Лишенное какой бы то ни было регламентаціи и совершенно отрицаемое церковнымъ и гражданскимъ законодательствомъ, оно порождало настоящее безладье въ семейной жизни народа, и духовнымъ властямъ

пришлось вести упорную борьбу съ ненормальностями въ области семейныхъ отношеній того времени.

Въ нашемъ пользованіи были три тома декретовъ каменецкой уніатской консисторіи, обнимающіе время съ 1737 по 1754 г. Книги эти принадлежатъ архиву Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета. При чтеніи этихъ декретовъ поражаетъ масса дѣлъ о незаконныхъ бракахъ,—изъ 1000 слишкомъ прочитанныхъ нами декретовъ, почти 10-я часть ихъ занята дѣлами подобнаго рода: или священникъ привлекается въ судъ за обвѣнчаніе двое-и трое-женца или двое-и троемужней женщины, или привлекаются въ судъ сами эти лица, вступившія въ такіе незаконные браки, или вторая жена жалуется суду, что мужъ покинулъ ее и живетъ съ первой своей женой, и т. п. дѣла. Настоящая статья и составлена на основаніи матеріаловъ, заимствованныхъ нами изъ указанныхъ консисторскихъ декретовъ.

Причинами подобныхъ явленій въ Подоліи въ первой половинѣ XVIII вѣка были: 1, хаотическое состояніе страны въ предшествовавшій періодъ, въ эпоху козацко-шляхетскихъ войнъ и турецкаго владычества, а также соціально-политическія условія народной жизни въ Подоліи въ первой половинѣ XVIII в. и 2, вліяніе магометанъ, господствовавшихъ въ Подоліи болѣе четверти вѣка (съ 1672 по 1699 гг.) и затѣмъ въ XVIII в. жившихъ по сосѣдству съ Подоліей, въ Бессарабіи.

Извѣстно, что еще съ половины XVII вѣка началось движеніе подольскаго народа на востокъ, за Днѣпръ. Турецкое занятіе края усилило это движеніе: народъ сталъ двигаться не только на востокъ, но и на западъ, и на сѣверъ. Къ концу владычества турокъ, Подолія сильно обезлюдѣла. Многія села и мѣстечки стояли въ развалинахъ. Незначительная только часть населенія пряталась по горамъ, ущельямъ и пещерамъ днѣстровскаго бассейна, по лѣсамъ, болотамъ и камышамъ прибугскихъ равнинъ. Но вотъ, съ выходомъ турокъ изъ Подоліи, сталъ возвращаться народъ на свои родныя пепелища. По брачнымъ дѣламъ въ указанныхъ выше декретахъ консисторіи можно прослѣдить, откуда въ то время двигался народъ въ Подолію:

движется онъ съ востока, изъ Украйны и Брацлавщины, изъ за Кальника и Тульчина, движется съ запада—изъ Угорщины, Покутья и Подгорья, движется, наконецъ, и съ сѣвера—Полѣсья.

Польское правительство, занявъ Подолію, принялось регулировать внутреннюю жизнь страны, но не всегда удачно, и это породило массу внутреннихъ безпорядковъ. Такъ, простой народъ сталъ селиться на слободахъ польскихъ землевладѣльцевъ; послѣдніе, для привлеченія къ себѣ рабочихъ рукъ, предоставляютъ поселенцамъ извѣстныя льготы на извѣстный срокъ. По прошествіи срока паны требуютъ исполненія условій—повиновенія, притѣсняютъ крестьянъ, вслѣдствіе чего происходитъ нарушеніе обязательствъ съ обѣихъ сторонъ. Народъ протестуетъ или массами — посредствомъ возстаній (таковы возстанія 1702, 1734, 1750 и 1768 гг.), или же въ одиночку—посредствомъ побѣговъ отъ одного землевладѣльца къ другому, чему иногда сами землевладѣльцы способствовали, приманивая къ себѣ переселенцевъ. Народъ, привыкши бродяжничать въ эпоху „руины“ продолжаетъ бродяжничать и теперь, въ первой половинѣ XVIII в.

И вотъ крестьянинъ, ушедшій изъ Подоліи въ чужіе края и успѣвшій тамъ жениться, при первой возможности идетъ на свою покинутую родину, не особенно безпокоясь о томъ, идетъ ли съ нимъ его жена, или остается на своей родинѣ. Если только жена не сопровождаетъ его, онъ на новомъ мѣстѣ женится на другой, не особенно заботясь также о томъ, благословила ли его бракъ церковь, или нѣтъ. Затѣмъ, если ему на новомъ мѣстѣ не живется, онъ, увлекаемый жаждой лучшей доли, а иногда и привычкой къ бродяжничеству, переходитъ въ третье мѣсто и тамъ опять женится. Такихъ переходовъ и женитьбъ онъ могъ сдѣлать нѣсколько. Тоже дѣлаютъ и женщины: онѣ переходятъ отъ одного мужа (находящагося въ живыхъ) къ другому, отъ другого къ третьему.

И нужно сказать, что при такомъ положеніи вещей трудно было тогдашнимъ властямъ—духовнымъ и гражданскимъ—контролировать заключеніе браковъ. При вѣчныхъ переходахъ и бродяжничествѣ народа нельзя было знать, гдѣ находится то или другое лицо. Народныя возстанія и ихъ усмиренія, а также

свирѣпствовавшія тогда моровыя повѣтрія (какъ въ зиму 1737—1738 гг.) уничтожали людей безъ счета, много пропадало ихъ безъ вѣсти, и никакими документами и свидѣтельскими показаніями нельзя было доказать смерть того или другого человѣка—супруга. Часто лицо, потерявшее супруга и желавшее вступить въ новое супружество, для доказательства своей правоспособности, должно было посылать довѣренныхъ лицъ за нѣсколько сотъ и даже тысячъ верстъ, чтобы найти какіе нибудь слѣды смерти или гибели супруга, но весьма рѣдко посылаемые находили требуемыя свѣдѣнія.

Нужно прибавить къ этому, что въ началѣ прошлаго вѣка и метрическія книги не всегда велись въ приходахъ; въ ревизіяхъ („визитахъ") подольскихъ церквей прошлаго вѣка весьма часто находимъ настоятельныя требованія визитаторовъ, чтобы парохи вели метрическія книги; только съ третьяго десятилѣтія прошлаго вѣка метрическія книги являются въ большей части приходовъ (въ то время уніатскихъ).

И по необходимости мужъ или жена, при продолжительной отлучкѣ своего „подружья", вступаетъ въ новое супружество, но чрезъ нѣсколько времени (иногда чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ) является мнимо умершій и начинается процессъ, обыкновенно оканчивающійся расторженіемъ послѣдняго брака.

Но если были случаи, вытекавшіе изъ необходимости выйти изъ затруднительнаго положенія, то еще больше было такихъ, что совершались въ силу установившагося обычая. Здѣсь могли имѣть мѣсто преданія XVI и XVII вѣка, которыя находили поддержку для своего существованія въ соціальномъ бытѣ народа.

Въ XVIII в. въ Подоліи находимъ то, что было въ XVI вѣкѣ въ другихъ южно-русскихъ земляхъ Литвы и Польши.

Такъ, въ консисторскихъ декретахъ прошлаго вѣка встрѣчаемъ, что иногда супруги расходились по взаимному согласію, и ихъ согласіе оформливалось выдачей другъ другу „разводныхъ листовъ", и затѣмъ такія лица вступали въ другія супружества. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1744 году было возбуждено дѣло противъ священника (пароха) с. Карповецъ, обвинявшагося въ совершеніи незаконнаго брака. Изъ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось: пономарь меджибожской Успенской церкви Иванъ Лось назадъ тому 30 лѣтъ женился на какой-то Ксеніи, но найдя себя физически неспособнымъ къ супружеской жизни, отпустилъ жену, послѣ чего она вышла замужъ за другаго, который чрезъ 16 лѣтъ „во время инкурсіи“ убитъ россійскими войсками, а послѣ его смерти Ксенія опять вышла замужъ и жила съ третьимъ мужемъ въ с. Книжповцахъ. Духовный судъ не призналъ послѣдняго брака законнымъ и присудилъ возвратить Ксенію къ первому мужу—меджибожскому пономарю.

Въ 1738 г. инстигаторъ (прокуроръ) духовнаго суда привлекъ къ отвѣтственности уроженаго Василія Корницкаго, жителя с. Дьяковецъ, за то, что онъ въ супружество взялъ Анну, чужую жену и, забывши страхъ Божій, жилъ съ ней незаконно. Корницкій оправдывался на судѣ тѣмъ, что его жена дѣйствительно сначала вышла было замужъ за Попеля, будучи къ этому приневолена,—и хотя считалась его женой пять лѣтъ, но съ нимъ супружески не жила, и въ 1728 г., по взаимному согласію ея и мужа ея Попеля, „была квитована скриптомъ“ (kwitowana z przyiazni skriptem), который и представленъ Корницкимъ въ судъ; затѣмъ, изъ дальнѣйшаго разбора оказалось, что Анна вышла замужъ за дьячка Занькевича и, поживши съ нимъ годъ, осталась вдовой и тогда уже, будучи вдовой, сочеталась бракомъ въ третій разъ съ Корницкимъ.—Судъ призналъ послѣдній бракъ незаконнымъ и опредѣлилъ расторгнуть его.

Или еще фактъ. Крестьянка с. Вихровецъ, бывшая замужемъ за Ѳеодоромъ, получила отъ мужа бумагу (kartę), освобождающую ее отъ супружества съ нимъ и дозволяющую ей выйти замужъ за другаго, и дѣйствительно вышла за Петра, жителя также вихровецкаго. При дачѣ Ѳеодоромъ разводнаго листа присутствовалъ и парохъ (священникъ) вихровецкій, который затѣмъ совершалъ и бракосочетаніе этой крестьянки съ Петромъ, за что (въ 1741 г.) былъ наказанъ „трехнедѣльной реколлекціей въ каѳедрѣ съ дисциплиной при двухъ „Miserere

теі"[1]), штрафомъ въ 20 гривенъ и отрѣшеніемъ отъ священнодѣйствій на три четверти года".

Но не всегда разводъ оформлялся дачей разводныхъ листовъ, чаще всего просто расходились и вступали въ новый бракъ безъ всякихъ формальностей на бумагѣ.

И народъ такъ сжился съ такими явленіями, что явный двоеженецъ нисколько не стѣснялся своимъ положеніемъ. Такъ, мы находимъ, что крестьянинъ, имѣя жену и дѣтей въ подольскомъ селѣ (въ Балинѣ, камен. у.) ушелъ на Украйну, тамъ женился на другой, привелъ эту вторую жену въ свое родное село, гдѣ была его первая жена, и жилъ тамъ съ этой новой женой (1739 г.) Или такой фактъ: Агафья, дочь Сугака, мѣщанина черковскаго, обывателька каменецкая, заявляетъ въ 1753 г. въ консисторіи претензію на своего мужа, что онъ оставилъ ее и живетъ съ своей первой женой въ с. Ходоровцахъ, по какой жалобѣ судья позволилъ Агафьѣ вступить въ другой бракъ.

Конечно, въ декреты внесены только тѣ случаи, когда совершенъ былъ незаконно бракъ священникомъ съ записью въ метрики, что подавало поводъ къ процессу. А сколько было случаевъ, когда не было поводовъ привлекать къ суду!

Если подобное безладье въ дѣлѣ совершенія браковъ поддерживалось въ Подоліи, благодаря хаотическому состоянію страны въ гражданскомъ отношеніи, то нужно сказать, что этому безладью не мало способствовали и неурядицы въ церковной жизни. Религіозныя смуты въ Подоліи, вызванныя введеніемъ уніи въ началѣ XVIII в. и стараніемъ польскаго правительства сблизить обрядъ русской церкви съ латинскою, приводили къ тому, что крестьяне украдкой переправлялись чрезъ Днѣстръ въ Волощину и тамъ получали благословеніе браковъ отъ православныхъ молдавскихъ священниковъ. Конечно, этимъ средствомъ часто пользовались тѣ, кто хотѣлъ вступить въ незаконный бракъ. Такихъ незаконныхъ браковъ, совершенныхъ на Волощинѣ, встрѣчается въ декретахъ очень много.

---

[1]) Т. е. въ теченіе двукратнаго чтенія псалма „Помилуй мя Боже".

Кромѣ того, существовало и другое болѣе удобное средство получить благословеніе незаконнаго брака. Въ то время въ Подоліи и Брацлавщинѣ было очень много праздношатающихся священниковъ. Такіе священники были большею частью если не родомъ изъ Волощины, то получали тамъ рукоположеніе; были между ними и мнимые священники — искатели приключеній и наживы, выдававшіе себя за священниковъ и желавшіе въ мутной водѣ ловить рыбу.

Эти праздношатающіеся священники за вознагражденіе охотно благословляли незаконные браки, часто безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей и церковныхъ требованій— безъ оглашенія, въ простой хатѣ, или даже гдѣ нибудь въ полѣ, безъ свидѣтелей, ночью. Такъ, въ 1742 г. декретомъ консисторіи былъ расторгнутъ совершенный назадъ тому лѣтъ 12 бракъ какого-то крестьянина Стефана съ Ксеніей, такъ какъ оказалось, что Ксенія имѣетъ другого мужа въ живыхъ, а вѣнчалъ ихъ (Стефана и Ксенію) какой-то бродяга (włoczęga) подъ селомъ Балакирами. Урож. Комарницкій, житель с. Тарновы Подлѣской, при жизни своей первой жены женился на другой въ Зиньковѣ и бракъ былъ совершенъ въ хатѣ безъ оглашеній какимъ-то бродягой, о которомъ консисторія сомнѣвалась, былъ ли онъ духовнымъ лицомъ (1746 г.). Въ 1752 г. однимъ декретомъ было расторгнуто четыре брака крестьянъ сс. Сказинецъ, Савинецъ, Франовки и Шидловецъ; эти браки были совершены въ Лисоводахъ праздношатающимся пресвитеромъ, называвшимъ себя Мастыкашею.

Какъ мы сказали раньше, этой всеобщей распущенности нравовъ подольскаго народа способствовала, кромѣ хаотическаго состоянія страны, еще одна, можетъ быть даже главная, причина — это вліяніе магометанства. 27-лѣтнее господство въ странѣ турокъ во второй половинѣ XVII в. должно было оставить свои слѣды; да и въ XVIII в. магометане жили въ смежности съ Подоліей, только Днѣстръ отдѣлялъ ихъ отъ подолянъ: въ Хотинѣ были турецкія войска, во многихъ мѣстахъ за Днѣстромъ землевладѣльцами были турки, у которыхъ подольскіе крестьяне служили работниками, приходили косить сѣно,

жать пшеницу и т. п., какъ это видно изъ декретовъ консисторіи.

Во время господства въ Подоліи турокъ было много случаевъ принятія магометанства христіанами, много было такъ называемыхъ „потурнаковъ" какъ изъ крестьянъ, такъ и изъ среды поляковъ-шляхтичей. И послѣ, въ XVIII в., были случаи совращенія въ магометанство. Такъ, въ 1745 г. жительница с. Нѣгина Маріанна, желающая вступить въ бракъ, представила въ уніатскую консисторію показанія нѣкоего жителя Чернокозинецъ, данныя имъ католической каменецкой консисторіи. слѣдующаго содержанія: „мужъ Маріанны служилъ въ Ботушанахъ, на Волощинѣ, у липка (татарина) Гордзики, будучи уже бусурманиномъ; когда онъ безнадежно заболѣлъ и увидѣлъ близкую свою смерть, то часто говорилъ о своей женѣ Маріаннѣ, оставшейся въ Подольѣ, сожалѣлъ, что сдѣлался бусурманиномъ;—это меня Богъ наказываетъ за то, что я отступилъ отъ св. вѣры—говорилъ онъ".

Въ 1752 г. въ консисторскій судъ были привлечены два крестьянина—одинъ изъ с. Цвикловецъ, другой изъ с. Тутновецъ за то, что „они, забывши страхъ Божій и любовь къ ближнему, способствовали побѣгу дезертира изъ Каменецкой крѣпости, переправили его чрезъ Днѣстръ и отдали въ услуженіе турку въ Хотинѣ, гдѣ онъ отрекся отъ христіанской вѣры, и они тѣмъ самымъ были причиной его отреченія и гибели его души.

Если были факты совращенія жителей Подоліи въ магометанскую религію, то нельзя не допустить, что магометанство вліяло и на семейную жизнь христіанскаго населенія Подоліи. Сейчасъ за Днѣстромъ, въ Хотинѣ, паши и аги держали многолюдные гаремы, наполняемые обыкновенно женщинами с подольскаго берега. Часто подольскія женщины изъ крестьянокъ и мѣщанокъ принимали магометанство, жили съ турками за Днѣстромъ, а потомъ возвращались въ Подолье. Такъ, жена мѣщанина г. Могилева, „по діавольскому навожденію и подущенію" турка Измаила въ с. Кишновѣ, въ предѣлахъ валахійскихъ, измѣнила вѣрѣ, а потомъ возвратилась въ Могилевъ и стала опять жить съ первымъ своимъ мужемъ (1744 г.). Какая-то

обывателька Дзвиняцкая проситъ консисторію разрѣшить ей вступить въ бракъ (1747 г.); изъ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось, что она замужемъ не была, а только 5 лѣтъ жила на Волошской сторонѣ съ турчиномъ, за что въ наказаніе было назначено ей: купить 2 двухфунтовыя свѣчи въ приходскую церковь, лежать крестомъ три литургіи, а для тѣлеснаго наказанія отправлена въ панскій дворъ;—тѣмъ не менѣе вступленіе въ бракъ ей позволено. Въ одномъ дѣлѣ 1747 г. указывается, что жены двухъ крестьянъ с. Браги (надъ Днѣстромъ) также жили съ турчинами въ Хотинѣ.

Многіе изъ такихъ женщинъ добровольно дѣлались женами турокъ, поступали въ гаремы; иногда же это дѣлалось противъ ихъ воли: татары, жившіе въ Волощинѣ, такъ называемые липки, часто дѣлали набѣги на приднѣстровскія села и уводили красивыхъ, молодыхъ женщинъ, которыя поступали въ гаремы не только ханскихъ пашей, но даже цареградскихъ визирей и султановъ. Поднѣстровье всегда славилось красивыми женщинами. Вообще, нужно сказать, земли украинскія, еще съ XVI в., пополняли гаремы цареградскіе и крымскіе. Въ XVI—XVII в. „смуглыя худощавыя черкешенки, говоритъ д-ръ Антоній І., вышли изъ моды, славянскіе блондинки имѣли предъ ними преимущество; для ханскихъ гаремовъ искали бранокъ (плѣнницъ) надъ Днѣпромъ, а для султановъ самыми привлекательными были красавицы изъ—надъ Днѣстра. Поразительная была красота тамошнихъ женщинъ, даже принадлежавшихъ къ самому низшему классу народа: высокія, съ правильными чертами лица, тѣло стройное, движенія гармоничныя, волосы бѣлорусые мягкіе, густые и длинные, очи свѣтлыя—и не голубыя, и не зеленныя, что-то среднее между сапфиромъ и изумрудомъ, съ сильнымъ блескомъ; въ нихъ была видна рѣзвость кошки и полное слезъ смущеніе серны“. Такъ описываетъ д-ръ Антоній І. поднѣстровскихъ женщинъ, заимствуя краски изъ записокъ какого-то армянина XVII—XVIII в. (Dr. Antoni I., Nowe opowiadania historyczne,—въ разсказѣ подъ заглавіемъ: „Losy kresowego miasteczka“, стр. 99—100).

Женщина, взятая въ турецкій гаремъ, если это было не далеко отъ Подоліи, напр. въ Хотинѣ, жила тамъ до тѣхъ поръ, пока ей жилось хорошо; если же ей было плохо, и она тосковала въ неволѣ, то уходила оттуда тайно или старалась освободиться отъ неволи законнымъ порядкомъ. Такъ въ „Архивѣ Ю.-З. Р." (ч. V т. 1 стр. 271) находимъ слѣдующій фактъ. Жена какого-то мѣрочника (мельника) изъ Карвасаръ, предмѣстья Каменца, Анна бросила мужа своего и жила преступно, а когда была наказана розгами, ушла въ Хотинъ, приняла магометанство и сдѣлалась женой нѣкоего турка Кольфа, жителя хотинскаго, но жила съ нимъ недолго, чрезъ двѣ недѣли забрала у турка мѣшочекъ съ левами, кунтушъ кармазиновый французскаго сукна, кафтанъ зеленый, два платка, шелковый и бумажный, и ушла въ Исаковцы. Но за такой поступокъ она жестоко поплатилась: судъ, для пресѣченія подобнаго своеволія, присудилъ эту крестьянку къ смертной казни чрезъ усѣченіе головы на рынкѣ, во время ярмарки.

Но бывали случаи, что подобные побѣги сходили благополучно. Иногда же плѣнницы гаремовъ достигали свободы законнымъ путемъ. Плѣнница присылала жалобу къ каменецкому коменданту съ просьбой освободить ее отъ заключенія. Жалобу эту нужно было посылать крайне осторожно, втихомолку и чрезъ вѣрныя руки, потому что такая жалоба, перехваченная на дорогѣ турецкой властью, была смертнымъ приговоромъ для жалобщицы:—зашитая въ мѣшокъ, какъ невѣрная жена правовѣрнаго мусульманина, она шла на дно Днѣстра. Въ декретахъ встрѣчаемъ подобные случаи. Если же просьба доходила до каменецкаго коменданта, онъ оффиціально требовалъ отдачи плѣнницы, и турки отдавали ее.

Такія женщины, возвращавшіяся изъ гаремовъ къ прежнимъ своимъ домашнимъ очагамъ, безъ сомнѣнія не приносили сюда убѣжденій высокой нравственности и скромности, у турокъ этому онѣ не могли научиться (Dr. Antoni. I., Zam. Pod. na kresach multan. I. 242,—изд. 2-ое).

Такова была семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Такою она представляется при чтеніи

вышеуказанныхъ декретовъ каменецкой уніатской консисторіи прошлаго вѣка. И католическій каменецкій епископъ Сѣраковскій (1739—1742 г.), во время своей генеральной ревизіи приходскихъ костеловъ Подоліи, нашелъ семейную жизнь своей паствы весьма неудовлетворительной. „Брачные союзы, говоритъ онъ въ одномъ эдиктѣ, совершенно не уважались: мужья безъ всякой нужды, по одной прихоти, разводились съ тремя женами и женились на четвертой; многоженство было обыкновеннымъ явленіемъ; жены изъ одной прихоти самовольно бросали мужей и мужья женъ и, какъ бы въ ветхомъ завѣтѣ, мужья разводились съ своими женами per libellum repudii, съ взаимнымъ позволеніемъ другъ другу вступить въ другой бракъ; жены съ чужими мужьями жили „на вѣру“, или вѣрнѣе „безъ вѣры и противъ вѣры“, о чемъ мы, замѣчаетъ епископъ, достаточно наслушались съ тяжелой болью въ сердцѣ во время генеральной визиты. (Симашкевичъ, Р. католичество и его іерархія въ Подоліи. Кам.-Под. 1872, стр. 337).

Е. С.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году. [1]

IV.

По Днѣпру отъ Кіева до Канева.

Для путешествія императрицы по Днѣпру предварительныя распоряженія начались еще въ 1784 году: посланы были морскіе офицеры для промѣра рѣкъ Днѣпра и Сожа, а въ Смоленскѣ начали строить суда для императорской днѣпровской флотиліи; въ 1785 году, когда рѣшено было начать водяное путешествіе изъ Кіева, построенныя галеры перевели изъ Смоленска въ Кіевъ; 20 мая онѣ прибыли туда. 21-го мая, въ день тезоименитства в. к. Константина Павловича, послѣ оффиціальнаго угощенія у правителя кіевскаго намѣстничества, капитанъ-лейтенантъ Пущинъ, завѣдывавшій этими галерами, пригласилъ правителя намѣстничества и всѣхъ бывшихъ у него гостей посмотрѣть приведенныя имъ суда, стоявшія у берега Днѣпра возлѣ Кіева. По вступленіи на первое судно правителя, генералитета и всѣхъ присутствовавшихъ, эскадра, по сдѣланному сигналу, отваливъ отъ берега съ поднятыми флагами и съ музыкою, плыла внизъ по Днѣпру, въ виду нѣсколькихъ тысячъ собравшихся на берегу дворянъ, духовенства и городскихъ жителей; при прохожденіи мимо Кіево-Печерской крѣпости, съ обѣихъ сторонъ производилась обыкновенная пушечная пальба, а потомъ эскадра стала на якорѣ ниже города въ 4-хъ верстахъ, гдѣ впадаетъ въ Днѣпръ рѣка Лыбедь, въ заливѣ Михайловскомъ;

---

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1891 г. № 3.

здѣсь для эскадры назначено было удобное мѣсто для стоянія (Москов. Вѣд. № 52, 1785 г.). Въ 1786 г. въ іюлѣ отправленъ былъ изъ Петербурга въ Кіевъ вице-адмиралъ Пущинъ съ подробными наставленіями для командованія днѣпровскою флотиліею. Сверхъ того Пущину повелѣно было осмотрѣть днѣпровскіе пороги, чтобъ убѣдиться, можно ли будетъ плыть императрицѣ далѣе Новыхъ Кайдакъ.

9 сентября Пущинъ увѣдомилъ А. А. Безбородка, что, проплывъ Днѣпромъ до пороговъ съ правителемъ намѣстничества Ширковымъ, онъ осмотрѣлъ пороги съ большимъ затрудненіемъ; „имѣя при себѣ сына своего капитана-лейтенанта и штурмана, ходя въ разныхъ мѣстахъ къ утесистымъ большимъ горамъ и каменьямъ, ѣздя съ нуждою верхомъ и въ роспускахъ".

Пущину хотѣлось во что бы то ни стало доплыть до Херсона. Но не только большой лодки, а даже и челнока ниже пороговъ онъ не сыскалъ, а потому возвратился въ Кіевъ 5-го сентября. Пущинъ прислалъ Безбородку экстрактъ изъ журнала своего плаванія, въ которомъ, между прочимъ, было записано, что онъ ѣхалъ отъ Кіева до Новыхъ Кайдакъ, гдѣ начинаются пороги, 12 дней. Лоцмана объявили Пущину, что переводъ галеръ черезъ пороги можно сдѣлать, если поставить знаки, но и при этомъ не безопасно. (Изъ дѣлъ Госуд. Архива).

29 января 1787 г. вице-адмиралъ Пущинъ донесъ о числѣ морскихъ служащихъ при днѣпровской флотиліи; ихъ тогда было: флотскихъ офицеровъ 23, лѣкарь и подлѣкарь 2; прочихъ нижнихъ чиновъ—писарей, боцмановъ, матросовъ 424, трубачей 31 челов., штурмановъ 23. Всего съ артиллерійскою командою и съ разными мастеровыми было 567 челов. Пущинъ просилъ прибавки изъ солдатъ 990 челов. для гребки. 22 апрѣля 1787 г., какъ мы видѣли, для путешествія императрицы по Днѣпру галеры были приведены и стояли у Кіево-Подола за Братскимъ Богоявленскимъ монастыремъ, у берега, и поставлены на якорныя мѣста, съ учрежденіемъ карауловъ и съ назначеніемъ, гдѣ кому помѣститься. Размѣщеніе галеръ было произведено въ слѣдующемъ порядкѣ.

1. *Ильма*, для морской и подрядческой провизіи.

2. *Ингулъ*, для гардероба императрицы.

3. *Донъ*, для кондитера съ его должностью, подъ вино и подъ провизію, для должностей кофешенкской и тафельдекерской.

4. *Самара*, кухня для пріуготовленія на вечерній и на разные расхожіе столы кушанья.

5. *Кубанъ*, кухня для обѣденныхъ столовъ.

6. *Десна*, семибаношная [1]), столовая.

7. *Сожъ*, десятибаношная, для господъ: гофмаршала, тайнаго совѣтника Стрекалова, лейбъ-медикуса Рожерсона, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Храповицкаго и будущихъ при нихъ.

8. *Сновъ*, десятибаношная, для генералъ-адъютанта графа Ангальта, тайнаго совѣтника графа Безбородка, генералъ-маіора Левашева, шталмейстера Ребиндера, или кому приказано будетъ. съ помѣщеніемъ самонужнѣйшихъ людей для генералъ-адъютанта и для канцеляріи графа Безбородка.

9. *Днѣпръ*, двѣнадцатибаношная, для императрицы.

10. *Бугъ*, двѣнадцатибаношная, для князя Григорія Александровича Потемкина и для помѣщенія графинѣ Александрѣ Васильевнѣ Браницкой и графинѣ Катеринѣ Васильевнѣ Скавронской.

11. *Ипуть*, десятибаношная, для господъ: оберъ-шталмейстера Нарышкина, оберъ-камергера Шувалова и тайныхъ совѣтниковъ Черткова и Нелединскаго-Мелецкаго.

12. *Сеймъ*, двѣнадцатибаношная, для римско-императорскаго посла, министровъ: французскаго графа Сегюра, великобританскаго г-на Фицъ-Герберта и принца де-Линій.

13. Трешкоутъ *Орелъ*, для графа Чернышева и графини. его дочери.

14. *Остеръ*, для камергеровъ: Валуева, Салтыкова, камеръ-юнкеровъ: Бибикова и Кочубея и для двухъ или трехъ гвардіи капитановъ.

15. *Трубежъ*, лейбъ и гофъ-хирургамъ: Кельхену, Вейкарту, Мессингу и аптекарю Гревве и двумъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ чинамъ.

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ.

16. *Лыбедь*, камеръ-пажамъ и кого помѣстить нужно будетъ.

17. *Тясминъ* и 18. *Стугна*, для конюшенной команды.

19. *Тавель*, для морскихъ припасовъ.

20. *Самиръ*, морская гошпиталь.

21. Сверхъ вышеписанныхъ, судно кіевскаго губернатора Ширкова къ слѣдованію его съ губернскимъ предводителемъ дворянства, для препровожденія императрицы до границы, раздѣляющей кіевскую губернію съ губерніею другого намѣстничества.

У вышеписанныхъ галеръ, трешкоута и водовиковъ назначены были мелкія гребныя суда.

У галеры *Днѣпра*, для высочайшихъ ея императорскаго величества выѣздовъ, подъ командою флота капитана Ивана Петровича Пущина: шлюпка 12-ти весельная одна, при ней собственныхъ ея и. в—ва судовъ квартирмейстеръ одинъ и надлежащее число гребцовъ; катеръ 16-ти весельный одинъ, при немъ морскаго флота мичманъ одинъ и надлежащее число матросовъ.

Для командующаго флотиліею, вице-адмирала, шлюпка 12-ти весельная одна вѣдомства его съ морскими служителями, да для разныхъ разъѣздовъ баркасъ 8-ми весельной одинъ, съ служителями-же морскаго флота.

У прочихъ галеръ и судовъ у каждаго по одному баркасу и по другому катеру, состоящіе подъ командою капитанъ-лейтенантовъ, находящихся въ помянутой флотиліи, съ употребленіемъ на тѣхъ судахъ морскихъ служителей и воинской команды пѣхотныхъ полковъ: днѣпровскаго и черниговскаго.

22 апрѣля Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ: „Выѣхали изъ Кіева на галерахъ“. (См. Днев. Храпов.).

Передъ отъѣздомъ императрица приказала Храповицкому: „Со дня отъѣзда моего, когда паки начнете журналъ для пересылки въ обѣи столицы, включите имена особъ, кои на суда сядутъ, дабы видѣли во всей Европы, какъ врутъ газеты, когда пишутъ, что тотъ умеръ или другой отдалился. (Р. Арх., 1872, XI. Письма Екат. II къ Храповицкому, стр. 2068).

22 апрѣля предъ полуднемъ, въ исходѣ 12-го часа, императрица прибыла къ берегу рѣки Днѣпра, на приготовленную

пристань, противъ стоявшаго флота, гдѣ, вышедъ со всею высочайшею свитою изъ экипажей, переѣхала въ императорской своей шлюпкѣ на столовую галеру Десну, причемъ въ шлюпку императрицы приглашены были статсъ-дамы: графиня А. В. Браницкая, графиня К. В. Скавронская, камеръ-фрейлина А. С. Протасова, князь Г. А. Потемкинъ, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ и римско-императорскій посолъ графъ Кобенцель. За императрицею, въ шлюбкахъ же и баркасахъ, слѣдовали прочія составляющія свиту персоны: фрейлина графиня Катерина Ивановна Чернышева; адмиралтейской коллегіи вице - президентъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ; оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ; оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ; гофмейстеръ, тайный совѣтникъ графъ А. А. Безбородко; генералъ-адъютантъ графъ Ѳ. А. Ангальтъ; вице-адмиралъ и генералъ-интендантъ Петръ Ивановичъ Пущинъ; тайный совѣтникъ Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ; гофмаршалъ и тайный совѣтникъ князь Ѳ. С. Барятинскій; графъ Штакельбергъ, россійскій полномочный посолъ при королѣ польскомъ; графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, министръ при дворѣ неаполитанскомъ; шталмейстеръ Василій Михайловичъ Ребиндеръ; генералъ-поручикъ графъ Михаилъ Петровичъ Румянцевъ; генералъ-маіоръ и флигель-адъютантъ Василій Ивановичъ Левашевъ; тайный совѣтникъ Евграфъ Александровичъ Чертковъ; тайный совѣтникъ Александръ Юрьевичъ Нелединской-Мелецкой; камергеръ Петръ Степановичъ Валуевъ; камергеръ Василій Петровичъ Салтыковъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ и лейбъмедикъ Иванъ Самойловичъ Рожерсонъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Васильевичъ Храповицкій; камеръюнкеры: графъ Юрій Александровичъ Головкинъ; Александръ Александровичъ Бибиковъ; Викторъ Павловичъ Кочубей. Иностранные: французскій полномочный министръ графъ Сегюръ; великобританскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ г. Фицъ-Гербертъ; графъ Браницкій, гетманъ, великій коронный польскій; принцъ де-Линій; принцъ де-Нассау. Полковники: флигель-адъютантъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ; Иванъ Степановичъ Рибопьеръ; Дмитрій Ѳеодоровичъ Козловъ;

флота капитанъ полковничьяго ранга Иванъ Петровичъ Пущинъ. Слѣдовавшіе для провожанія императрицы до границы: кіевскій губернаторъ С. Е. Ширковъ; губернскій предводитель дворянства Капнистъ.

Во время высочайшаго шествія отъ пристани до столовой галеры стоящіе на галерахъ и на прочихъ судахъ караулы отдавали фронтомъ честь и играла музыка на трубахъ съ литаврами и били въ барабаны. На галерѣ Деснѣ императрицу встрѣтилъ гофмаршалъ и затѣмъ былъ обѣдъ на 41 кувертъ.

По окончаніи стола императрица перешла съ столовой галеры, въ сопровожденіи статсъ-дамъ, камеръ-фрейлины и прочихъ тѣхъ же особъ, съ коими предъ тѣмъ прибыла, на свою галеру Днѣпръ, слѣдовавшую подъ вице-адмиральскимъ флагомъ; на этой галерѣ назначено было также помѣщеніе камеръ-фрейлинѣ А. С. Протасовой и генералъ-маіору А. М. Дмитріеву-Мамонову. Тотчасъ по прибытіи императрицы, съ галеры Днѣпръ пушечнымъ выстрѣломъ данъ сигналъ, чтобы всѣ суда изготовились къ походу, и въ исходѣ 3-го часа передовыя суда и галеры, поднявши якорь, пошли въ путь; въ это же время изъ поставленныхъ на Подолѣ на берегу Днѣпра пушекъ началась пальба, а въ городѣ во всѣхъ церквахъ начался колокольный звонъ и стоявшіе на берегу Днѣпра и на плотахъ мѣщане и ремесленники стрѣляли изъ ружей бѣглымъ огнемъ съ криками ура!, повторявшимися стоявшимъ на берегу народомъ.

Потомъ, когда императорскія галеры проходили мимо Печерской крѣпости, изъ крѣпости вице-адмиральскому флагу салютовано пушечною пальбою, съ галеры же Днѣпра отвѣтствовано 9-ю выстрѣлами; въ 6 часовъ, по пушечному выстрѣлу съ галеры Днѣпра, всѣ суда легли на якорь противъ Китаевой пустыни, проплывъ отъ якорнаго мѣста, бывшаго при Кіево-Подолѣ, 10 верстъ. Когда всѣ галеры установились въ порядкѣ, на галерѣ Днѣпръ выставленъ былъ сигнальный флагъ, чтобы вся свита собралась на галеру императрицы, что тогда же было исполнено, и всѣ, не исключая и чужестранныхъ министровъ, съѣхались на шлюпкахъ на галеру Днѣпръ. Императрица не замедлила выдти въ залъ, и послѣ бесѣды, въ 8 ч. вечера

удалилась въ свои внутренніе на галерѣ покои. Все общество путешествующихъ, по приглашенію гофмаршала кн. Барятинскаго, опять въ шлюпкахъ переѣхало на галеру Десну, гдѣ нѣкоторые изъ свиты остались ужинать.

Въ 10 часовъ вечера, начиная съ галеры Днѣпръ, во всей флотиліи, заиграла музыка на трубахъ съ литаврами, а къ вечерней зарѣ забили барабаны; послѣ музыки и по совершеніи военными командами надлежащей молитвы, съ первой галеры выпалили изъ пушки „на ночлегъ".

23 апрѣля, въ пятницу, по утру, въ исходѣ 4-го часа, съ галеры Днѣпра сдѣланъ былъ сигналъ выставленнымъ флагомъ: всей флотиліи сниматься съ якоря и идти въ путь; плаваніе продолжалось до 9-ти часовъ утра, а въ это время съ галеры Днѣпръ поданъ сигналъ прочимъ галерамъ пушечнымъ выстрѣломъ: *лечь на якорь*. Флотилія остановилась противъ рѣчки Березовки, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны по теченію и отстоящей отъ Китаевой пустыни въ 24 верстахъ. По полудни, въ 12 часовъ, на столовой галерѣ Десна, началась суета и бѣготня,—приготовляли обѣдъ. Осмотрѣвъ всѣ приготовленія къ столу, гофмаршалъ приказалъ выкинуть алый флагъ, какъ условленный сигналъ для съѣзда къ обѣденному столу лицъ свиты. Когда всѣ собрались, гофмаршалъ донесъ императрицѣ, которая вскорѣ и прибыла на галеру Десну, въ своей императорской шлюпкѣ, въ которую были приглашены: графиня А. В. Браницкая, графиня К. В. Скавронская, А. С. Протасова, князь Г. А. Потемкинъ, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, римско-императорскій посолъ графъ Кобенцель и принцъ де-Линій; при отъѣздѣ съ галеры Днѣпра и по прибытію на галеру Десну, по всей флотиліи въ честь императрицы гремѣла музыка на трубахъ съ литаврами и барабаннымъ боемъ:

Обѣдъ былъ на 39 кувертовъ, приглашенъ былъ кіевскій губернаторъ Ширковъ и во время стола играла духовая музыка. Послѣ стола, въ четверть 2-го часа, императрица возвратилась на свою галеру Днѣпръ, причемъ въ шлюпку императрицы приглашены были статсъ-дамы, камеръ-фрейлина и др. персоны. Потомъ, въ половинѣ 2-го часа, на галерѣ Днѣпръ сдѣланъ

былъ сигналъ, по которому всѣ суда снялись съ якоря и продолжали путь до 7-ми часовъ вечера, а въ это время, по сигналу же, стали на якорь близъ села Видочева, отстоящаго отъ рѣчки Березовки въ 13 верстахъ.

Вскорѣ, на галерѣ выставленъ былъ сигнальный флагъ къ съѣзду свитѣ на галеру Днѣпръ, а когда всѣ собрались, императрица вышла въ залу и играла въ карты, приглася за свой столъ князя Г. А. Потемкина, А. М. Дмитріева-Мамонова и великобританскаго посланника Фицъ-Герберта. Въ половинѣ 9-го часа императрица удалилась во внутренніе покои. Въ этотъ же день императрица писала къ Брюсу: „Въ тотъ часъ вчерась, какъ я собиралась выѣхать изъ Кіева, получила я ваше письмо отъ 11 апрѣля съ приложеніями и потомъ сѣла я въ карету и поѣхала къ пристани подольской, откуда водою до моей галеры и, отобѣдавъ на галерѣ, пустилась благополучно въ путь, но понеже судовъ много, то галера Днѣпръ, на которой я подняла якорь, не прежде какъ въ исходѣ четвертаго часа; отошедъ же отъ Подола и прошедъ Печерскую крѣпость, противу пустыни паки легли на якоря, гдѣ ночевали и съ свѣтомъ вмѣстѣ пустились паки въ путь, а теперь мы въ виду мѣстечка Триполи паки легли на якоря. Дни теплые и прекрасные и всѣ здоровы. (См. Прилож. къ К. Ф. Ж. 1787.)

24 апрѣля, въ субботу, по утру, въ исходѣ 5-го часа, по данному съ галеры Днѣпръ сигналу, всѣ галеры и суда снялись съ якоря и продолжали путь до 10 часовъ утра-жъ, прошедъ, между тѣмъ, въ 8-мъ часу, мѣсто границы, раздѣляющей Россію съ Польшею, которое находится по теченію Днѣпра съ правой стороны, близъ деревни Кабной, лежащей на россійскомъ берегу, съ лѣвой стороны, и потомъ, по сигналу же, стали на якорь, близъ малороссійскаго села Ячники, отстоящаго отъ села Видочева въ 22 верстахъ.

Императрица обѣдала со свитою на галерѣ Деснѣ.

По возвращеніи императрицы на галеру Днѣпръ, по полудни въ 2 часа, данъ сигналъ, по которому всѣ суда снялись съ якоря и продолжали путь до половины 7-го часа вечера. Между тѣмъ, въ 5 часовъ, приглася камеръ-фрейлину Про-

тасову, камеръ-юнгферу М. С. Перекусихину и генералъ-маіора Дмитріева-Мамонова въ свою шлюпку, императрица придумала оригинальную прогулку по водѣ,—она приказала плыть шлюпкѣ внизъ по Днѣпру, возлѣ и мимо идущихъ галеръ, на которыхъ военные полковые музыканты играли на трубахъ съ литаврами, а солдаты отдавали императрицѣ честь съ барабаннымъ боемъ. По возвращеніи на галеру Днѣпръ, во время плаванія мимо монастырскихъ селъ Гучинки и Трехтемирова [1]), находящихся съ лѣвой стороны по теченію Днѣпра; тутъ на берегу стояли народъ и священники съ крестами, а въ то же время по правую сторону по теченію Днѣпра расположенный тамъ отрядъ польской конницы салютовалъ идущимъ галерамъ музыкою на трубахъ съ литаврами; потомъ съ галеры Днѣпръ данъ сигналъ стать на якорь; это было въ виду города Переяславля; послѣ обѣда флотилія проплыла 21 версту. Когда стали на якорь, по сигналу съ галеры Днѣпръ флагомъ вся свита и иностранные посланники съѣхались на галеру Днѣпръ, гдѣ въ залѣ императрица играла до 9 ч. вечера въ карты, приглася за свой столъ Дмитріева-Мамонова и посланника Фицъ-Герберта. Въ этотъ день императрица писала къ барону Гримму:

„22 апрѣля я выѣхала изъ Кіева и вотъ теперь мы уже третій день плывемъ на веслахъ по Днѣпру; всѣ мы здоровы. Все, что могу вамъ сказать, что изъ всѣхъ моихъ путешествій по водѣ теперешняя очень затруднительна потому что эта рѣка очень извилиста, на ней множество острововъ, островковъ и подводныхъ камней и поэтому мы все шли на веслахъ, не употребивъ ни разу парусовъ. Днѣпръ гораздо быстрѣе Невы. Теперь мы между двумя берегами: съ одной стороны гористый принадлежитъ Польшѣ, съ другой русской — очень плоской.... Богъ знаетъ откуда отправлю это письмо. Завтра или послѣзавтра надѣюсь видѣть на моей галерѣ короля польскаго“.

---

[1]) Мѣстечко Трехтемировъ извѣстно было тогда по ломкѣ и обдѣлкѣ жерновыхъ камней, развозимыхъ не только по польской Украинѣ, но и по всей почти Малороссіи (см. Путешествіе ея величества въ 1787 г. Печатано при Горномъ училищѣ въ 1786, стр. 44).

На слѣдующій день предстояло свиданіе съ королемъ польскимъ въ мѣстечкѣ Каневѣ.

Сегюръ, французскій посланникъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ слѣдующія любопытныя подробности о плаваніи по Днѣпру до Канева.

„Императрица пустилась въ путь на галерѣ, въ сопровожденіи великолѣпнѣйшей флотиліи, которая когда либо шла по широкой рѣкѣ. Она состояла изъ 80 судовъ съ 3000 человѣкъ матросовъ и солдатъ. Впереди шли семь нарядныхъ галеръ огромной величины, искусно расписанныхъ, съ множествомъ ловкихъ матросовъ въ одинаковой одеждѣ. Комнаты, устроенныя на палубахъ, блистали золотомъ и шелками. Одна изъ тѣхъ галеръ, которыя слѣдовали за царскою, была назначена Кобенцелю и Фицъ-Герберту, другая де-Линю и мнѣ, прочія были отданы князю Потемкину и его племянницамъ, оберъ-камергеру, шталмейстеру, министрамъ и сановникамъ, которые удостоились чести сопровождать императрицу. На остальныхъ судахъ помѣстились разные служители, пожитки, провизія. Г-жа Протасова и каждый изъ насъ имѣлъ комнату и еще нарядный и роскошный кабинетъ съ покойными диванами, съ чудесною кроватью подъ штофною занавѣсью и съ письменнымъ столомъ краснаго дерева. На каждой изъ галеръ была своя музыка. Множество лодокъ и шлюпокъ носилось впереди и вокругъ этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебствомъ“.

„Мы подвигались медленно, часто останавливались и, пользуясь остановками, садились на легкія суда и катались вдоль берега, вокругъ зеленѣющихъ островковъ, которыми усѣяна рѣка. Множество народа громкими кликами привѣтствовало императрицу, когда, при громѣ пушекъ, матросы мѣрно ударяли по волнамъ Борисѳена своими блестящими, расписанными веслами. По берегамъ появлялись толпы любопытныхъ, которые безпрестанно мѣнялись и стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы видѣть торжественный поѣздъ и поднести въ даръ императрицѣ произведенія различныхъ мѣстностей. Порою на береговыхъ равнинахъ Днѣпра маневрировали легкіе отряды козаковъ. Города, деревни, усадьбы, а иногда простыя хижины такъ были изу-

крашены цвѣтами, расписанными декораціями и тріумфальными воротами, что видъ ихъ обманывалъ взоръ, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебно созданными замками, великолѣпными садами. Снѣгъ сталлъ; земля покрылась яркою зеленью; луга запестрѣли цвѣтами; солнечные лучи оживляли, одушевляли и украшали всѣ предметы. Гармоническіе звуки музыки съ нашихъ галеръ, различные наряды побережныхъ зрителей разнообразили эту роскошную и живую картину".

„Когда мы подъѣзжали къ большимъ городамъ, то передъ нами на опредѣленныхъ мѣстахъ выравнивались строемъ превосходные полки, блиставшіе красивымъ оружіемъ и богатымъ нарядомъ. Противоположность ихъ щегольскаго вида съ паружностью Румянцевскихъ солдатъ уже доказывала намъ, что мы оставляемъ области этого маститаго, знаменитаго воина и вступаемъ въ мѣста, которыя судьба подчинила власти Потемкина. Стихіи, весна, природа и искусство, казалось, соединялись для торжества этого могучаго любимца. Окружая императрицу такими дивами, когда она проѣзжала страны, недавно покоренныя его оружіемъ, онъ надѣялся возбудить ея самолюбіе и внушить ей желаніе и смѣлость рѣшиться на новыя завоеванія".

„Мы были свободны только по утрамъ и пріятно проводили ихъ въ чтеніи, въ разговорахъ, въ переходахъ съ одной галеры на другія и въ прогулкахъ по берегамъ. Въ часъ мы отправлялись на царскую галеру и обѣдали съ императрицей. Столъ ея, какъ всегда, былъ накрытъ на десять приборовъ. Только разъ въ недѣлю она сзывала всю свиту, имѣвшую честь сопровождать ее. Тогда столъ устраивался на огромномъ суднѣ, гдѣ помѣщалось до 60 человѣкъ".

Я никогда не видѣлъ императрицу болѣе любезною, какъ въ первый день нашего плаванія; за обѣдомъ было очень весело: мы всѣ рады были, что выѣхали изъ скучнаго Кіева, гдѣ льды держали насъ цѣлые три мѣсяца. Весна молодила наши умы. Прекрасная погода, великолѣпіе нашего флота, величественная рѣка, движеніе, радость зрителей, толпившихся по берегу, азіятская или воинственная пестрота въ разнообразныхъ нарядахъ тридцати различныхъ народовъ, наконецъ, увѣренность видѣть

каждый день новые, любопытные предметы, все это возбуждало и подстрекало воображеніе, которое въ стремленіи своемъ опережало насъ самихъ. Не останавливаясь долго на одномъ предметѣ, мы въ разговорахъ нашихъ безпрестанно переходили отъ одного къ другому. Мы сравнивали прежнія времена съ новыми, Францію съ Греціей, Англію съ Карѳагеномъ, Пруссію съ Македоніею, имперію Екатерины съ Кировою, разсказывали анекдоты старые и новые; императрица сообщила намъ нѣсколько случаевъ изъ жизни Петра Великаго и Елизаветы. Когда мы дивились скорости, съ какою она успѣла смягчить нравы, недавно еще столь грубые и суровые, она сказала намъ: „Правда, наши старики должны находить различіе при сравненіи ихъ времени съ нынѣшнимъ. Я не могу безъ ужаса думать о положеніи народа въ правленіи императрицы Анны, или лучше сказать, ея министра Бирона; этотъ жестокій человѣкъ, которому она довѣрялась, лишилъ жизни и сослалъ болѣе семидесяти тысячъ человѣкъ".

„Мы говорили о дикихъ племенахъ, населявшихъ отдаленные края ея имперіи: „Потокъ времени еще не коснулся до этихъ кочующихъ народовъ, сказала государыня:—они издавна сохраняютъ первоначальную простоту нравовъ; живутъ подъ шатрами, питаются мясомъ и скопами своихъ стадъ, подчинены начальникамъ, которые скорѣе отцы ихъ, нежели владыки. Можно считать ихъ счастливцами, потому что нужды ихъ ограничены и легко удовлетворимы. Если бы по прежнимъ намѣреніямъ моимъ я ихъ образовала, то это, можетъ быть, послужило бы къ ихъ развращенію. Небольшая дань мѣхами ихъ не обременяетъ, потому что они охотятся по привычкѣ и по страсти"

„Въ одномъ только отношеніи эти древнія орды гунновъ, киргизовъ, татаръ, извѣстныя прежде подъ многими названіями, значительно измѣнились. Долго они наводили страхъ своими кочеваньемъ, набѣгами и грабежами; но теперь образованные народы лишили ихъ возможности дѣлать новыя завоеванія, и эти племена потеряли прежній воинственный духъ свой. Когда зашелъ разговоръ объ ихъ вѣрѣ, шаманахъ или волхвахъ и идолахъ императрица сказала намъ, что иныя изъ этихъ пле-

менъ придерживаются какихъ то непонятныхъ вѣрованій, что жрецы ихъ сохранили древнѣйшій сборникъ молитвъ, притчъ и духовныхъ пѣсней, писанныхъ на языкѣ, совершенно неизвѣстномъ, и которыя они читаютъ по преданію, не понимая смысла ихъ".

„Это возбудило мое любопытство, сказала она:—я обратилась съ запросами къ ученымъ, но они объ этомъ предметѣ, какъ и о многихъ иныхъ, оказались ничего незнающими. Наконецъ, недавно уже открыли, впрочемъ еще не навѣрно, что эти молитвы писаны на древнемъ, священномъ языкѣ индусовъ, на санскритскомъ".

„Такъ какъ въ продолженіи этой бесѣды императрица въ бѣгломъ очеркѣ изобразила ученія законодателей Греціи, Азіи, Рима и Аравіи, то я замѣтилъ ей, что она послѣ этого, кажется, потеряла право смѣяться надъ учеными, по старой своей привычкѣ".

„Точно, прибавилъ де-Линь,—послѣ всего, что мы слышали, мы, по совѣсти, принуждены включить васъ въ число тѣхъ ученыхъ, на которыхъ вы такъ нападаете".

„Да, я знаю,—сказала императрица,—я вообще вамъ нравлюсь, и вы хвалите меня „цѣликомъ", но, разбирая меня по подробнѣе, осуждаете во мнѣ многое. Я безпрестанно дѣлаю ошибки противъ языка и правописанія. Сегюръ знаетъ, что у меня иногда претупая голова, потому что ему не удалось заставить меня сочинить шесть стиховъ. Безъ шутокъ, я думаю, несмотря на ваши похвалы, что, если бы я была частною женщиною во Франціи, то ваши милыя парижскія дамы не нашли бы меня довольно любезною для того, чтобы отъужинать съ нами".

„Прошу васъ вспомнить, государыня, возразилъ я, что я здѣсь представитель Франціи и не долженъ допускать клеветъ на ея счетъ".

„Но императрица, бывшая въ духѣ, продолжала въ томъ же тонѣ: „Какъ вы полагаете, чѣмъ бы я была, если бы родилась мужчиною и частнымъ человѣкомъ"?

„Въ отвѣтъ на это Фицъ-Гербертъ сказалъ, что она была бы мудрымъ законовѣдцемъ, Кобенцель полагалъ, что она бы сдѣ-

лалась великимъ министромъ, а я увѣрялъ ее, что она сдѣлалась бы знаменитымъ полководцемъ".

„На этотъ разъ вы ошибаетесь, возразила она:—я знаю свою горячую голову; я бы отважилась на все для славы и въ чинѣ поручика въ первую компанію не снесла бы головы".

„Въ другой разъ мы говорили о предположеніяхъ, которыя тогда дѣлались въ Европѣ по поводу ея путешествія. Мы всѣ были одинаковаго мнѣнія и увѣряли, что вездѣ будутъ думать, будто она съ императоромъ хочетъ завоевать Турцію, Персію даже, можетъ быть, Индію и Японію, наконецъ, что странствующій кабинетъ Екатерины занимаетъ и тревожитъ всѣ прочіе".

„Стало быть этотъ петербургскій кабинетъ, находящійся теперь на волнахъ Днѣпра, кажется весьма значительнымъ, если такъ тревожитъ другіе?"

„Точно такъ, государыня, сказалъ тогда де-Линь,—а между тѣмъ я не знаю ни одного, который былъ бы такъ малъ: онъ и весь то въ нѣсколько дюймовъ, потому что простирается отъ одного виска до другого и отъ переносицы до волосъ".

25 апрѣля флотилія приближалась къ Каневу, гдѣ назначено было свиданіе съ королемъ польскимъ.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ПРЕВРАЩЕНІЯХЪ ВЪ МАЛОРУССКИХЪ СКАЗКАХЪ.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

Превращенія приписываются нѣкоторымъ изъ миѳическихъ существъ низшаго разряда, которыя въ представленіи народа сохранились до настоящаго времени, каковы: *вовкулакъ*, *упырь*, *мавки*; а также народная фантазія большею способностью превращеній надѣлила *черта*, который, повидимому, совпалъ съ личностью *дьявола*, заимствованнаго изъ христіанскаго вѣроученія, сохраняя впрочемъ въ себѣ довольно ясные аттрибуты низшихъ языческихъ божествъ, какъ-то: Пана, Сильвана, Сатира.

Вовкулакомъ называется человѣкъ, который надѣленъ способностью превращаться въ волка; такая способность дается за грѣхи тѣхъ родителей, которые предъ праздниками или постами имѣли плотскія сношенія, или же работали въ праздники [2]. Въ *вовкулака* обращаются только на время, но никто изъ волка не можетъ сдѣлаться человѣкомъ, потому что это дается въ наказаніе отъ Бога [3]. О превращеніяхъ *вовкулака* народъ говоритъ: „Вовкулакъ ходыть у лисъ до настоящихъ вовкивъ и тамъ воны бигають, щобъ поймать що небудь и зъисты. Свитомъ вовкулакъ иде до дому и передъ селомъ знову перекидается въ чоловика, а жинка ёго вже знае, ничого вже ёму й не

---

[1]) „Кіевская Старина", 1891, 3.

[2]) Труды Эти. Эксп. I, 206.

[3]) Ibidem.

каже" [1]). Вовкулакъ представляется человѣкомъ понурымъ, и если онъ дѣлается волкомъ, то только давитъ, но не ѣстъ овецъ [2]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (кіевск. губ.) *вовкулакъ* и *упырь* въ представленіи народа отождествляются и имъ приписываются тѣ же самыя злобныя свойства.

Мавки, или *лоскотницы*—это превращенные черти. Онѣ принимаютъ видъ молодыхъ красивыхъ дѣвушекъ, завлекаютъ встрѣчныхъ и щекочутъ ихъ до смерти. По другому воззрѣнію, *мавки*—это „украденныя дьяволомъ дѣти" [3]). Почти вездѣ въ Малороссіи *мавки* отождествляются съ русалками, въ которыхъ превращаются дѣвушки-утопленницы и утонувшія дѣти.

Морськи люды—это тѣ воины Фараона, которыхъ потопило море; „съ тѣхъ поръ они и превратились въ морскихъ людей, принявъ форму въ нижней части тѣла — рыбью, а верхняя осталась человѣческою. „Морськи люды" сочиняютъ пѣсни и перекладываютъ ихъ на ноты" [4]).—Интересенъ разсказъ о *морскихъ женщинахъ*. Онѣ „отличаются необыкновенною красотою и увлекательнымъ голосомъ. Имъ-то и приписываютъ произведеніе всѣхъ извѣстныхъ въ народѣ пѣсенъ и сказокъ. Вѣрятъ, что женщины эти подплываютъ къ кораблямъ и начинаютъ пѣть и, если по неопытности плывущихъ на кораблѣ, ихъ не отгонятъ пушечными выстрѣлами, то онѣ до того успѣваютъ увлечь слухъ, что всѣ на кораблѣ засыпаютъ, и тогда „морськи люды" опрокидываютъ корабль" [5]). Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ заимствованіемъ греческаго преданія о сладкогласномъ пѣніи *сиренъ*.

Чертъ способенъ принимать самые разнообразные виды: то онъ является въ видѣ пана, одѣтаго по нѣмецки, во фракѣ, то въ видѣ чернаго человѣка съ когтями, хвостомъ и рогами, въ видѣ козленка, кота, собаки и др. „Видѣвшій чертей замѣчаетъ у нихъ рога на головѣ, тщательно закрываемые круглою шля-

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem, I, 206 – 7.
[4]) Ibidem, I, 211.
[5]) Ibidem.

ной съ широкими полями, собачью морду, хвостъ крючкомъ, когти на рукахъ и ногахъ. Одежда ихъ: коротенькая курточка, узкіе панталоны. Чертъ любитъ иногда принимать на себя видъ заблудившагося козлёнка; онъ является проѣзжему, и такъ жалобно блеетъ, что путникъ беретъ его къ себѣ въ повозку и лаская говоритъ: „козочка, козочка". а онъ повторяетъ: „козочка, козочка". Путникъ въ испугѣ бросаетъ его на землю, послѣ чего мнимый козленокъ исчезаетъ" [1]).—Чертъ не всегда приноситъ людямъ несчастье; онъ часто даетъ имъ деньги, а слѣдовательно, и благостояніе. Чертъ является человѣку въ видѣ козленка, который разсыпается деньгами. Послѣ того, какъ бѣдный человѣкъ закопалъ „злыдни". онъ вдругъ слышитъ, что-то кричитъ *на горищи*: „изсады, изсады"! Человѣкъ взялъ бичовку, полѣзъ—видитъ *козиня зъ рижкамы* (а то бувъ чортяка, не при хати згадуючи). Только что хотѣлъ онъ *изсадыть, а гроши такъ и посыпались у сини* [2]).—Чертъ является въ видѣ *хорта* (борзой собаки). Полевой сторожъ увидѣлъ бѣлаго *хорта*, далъ ему хлѣба; потомъ этотъ *полёвый* посланъ былъ съ письмомъ; возвращаясь, онъ зашелъ на хуторъ, гдѣ его хозяинъ принялъ гостепріимно, а потомъ спросилъ: помнишь-ли ты меня, какъ ты меня накормилъ хлѣбомъ? Тутъ только *полёвый* догадался, что это былъ чертъ [3]). Чертъ является въ видѣ кота подлѣ креста, на границѣ, гдѣ хоронятъ тѣхъ, которые вѣшаются. Когда хотѣли ударить кота, то онъ сдѣлался, какъ верста [4]). Чертъ является въ видѣ *клубка*, который ночью катится предъ человѣкомъ, и когда тотъ рѣшился ударить его, то *не знать, гдѣ дѣвалось* [5]).

Любимымъ мѣстопребываніемъ черта считается мостъ, который часто вода вырываетъ; народъ говоритъ, что его рветъ *нечыста сыла*. Подъ мостомъ чертъ часто принимаетъ образъ дитяти. Одно такое дитя человѣкъ взялъ изъ подъ моста; кони

---

[1]) Ibidem, I, 188.

[2]) Драгомановъ, Мар. н. ск. и пр. 414.

[3]) Драгомановъ. Мар. н. ск. и пр. 45. Тр. Этн. Эксп. I, 188.

[4]) Драгамановъ, Мар. н. ск. и пр. 47.

[5]) Ibidem, 44.

его рвутся; онъ смотритъ, *а то уже не дитя—чоловикъ;* онъ ударилъ его *на війя,* и только вѣтеръ сорвался... „и каже: ну догадався, що зробыты зо мною!“ [1])—Черти въ видѣ дѣтей бѣгаютъ передъ лошадьми; эти дѣти тутъ же превращаются въ *бѣлыхъ хортовъ.* Когда человѣкъ выстрѣлилъ въ нихъ изъ ружья, то они только засмѣялись и спрятались подъ мостъ [2]).— Въ сказкѣ „Про бидного чоловика и чорта“ передается, что человѣкъ можетъ обратиться въ *чорта.* Одинъ бѣднякъ, который имѣлъ много дѣтей, а не имѣлъ *на что соли купить, чтобъ посолить борщъ,* пообѣщалъ черту дитя, если тотъ дастъ ему денегъ. Чертъ, услышавъ это, „приносыть ему казанокъ, три—чотыри гарци грошей“ и говоритъ, что дитяти ему не надо, а необходимо только выполнить слѣдующее условіе: одинъ разъ въ мѣсяцъ, *що новои субботы,* приносить *несолоный коржъ ярои пшеныци и чорного пивня* (нѣчто въ родѣ жертвы), деньги же можно отдать послѣ съ процентомъ. Когда черезъ пять-шесть лѣтъ вздумалъ этотъ человѣкъ отдать деньги, то оказалось, что добраго черта убилъ бичемъ *фурманъ,* а явился другой чертъ, его товарищъ, который сказалъ ему слѣдующее: „Спасыби тоби, що таки справны. За коржы и пивни спасыби; а гроши беры соби—воны твои. Якъ бы той бувъ живый, то винъ бы также не отбиравъ бы, и черезъ то не одбиравъ бы, то бувъ твій братъ ридный. Бо твоя мама стеряла дытыну, и отъ зъ той дытыны вырисъ той. Винъ бачывъ, що ты такый бидный шовъ черезъ лисъ и плакавъ. Отъ винъ и пожалувавъ тебе и давъ тоби грошей. Иды имъ хозяюй“ [3]).—Чертъ превращается въ чернаго пѣтуха. Крестьянинъ съ женой, возвращаясь съ ярмарки, нашелъ чернаго пѣтуха, привезъ его домой и посадилъ на печь, но не слыша пѣнія, посмотрѣлъ туда и увидѣлъ предъ пѣтухомъ кучи золота и серебра. Крестьянинъ догадался, какой это былъ пѣтухъ и бросилъ его съ моста въ воду. Мгновенно взбушевала рѣка и поднялся сильный вѣтеръ.

---

[1]) Ibidem, 46.

[2]) Ibidem.

[3]) Труды Эти. Экси. II, 379—80.

На печи же вмѣсто денегъ оказалась смола [1]).—Чертъ является въ видѣ *панича*, въ видѣ *пана*. Въ одномъ народномъ преданіи говорится, что на томъ мѣстѣ, гдѣ было *стерво* (падаль), выходилъ чертъ, *по-паньски вбраный*, ходилъ взадъ и впередъ, курилъ *люльку и ноги були зъ ратыцямы* [1]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ образъ черта своимъ даже внѣшнимъ видомъ напоминаетъ классическаго пана.—Черти, по народному повѣрью, принимаютъ образъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ мечтаютъ люди. „Молодымъ, распутнымъ людямъ являются въ образѣ красивыхъ, молодыхъ женщинъ; сребролюбцамъ—въ образѣ богача человѣка, раздающаго свои сокровища всѣмъ желающимъ" [3]). О многообразныхъ видахъ, какіе принимаетъ „Охъ, або чортъ", было уже сказано.

Доселѣ мы разсматривали превращенія человѣка или человѣкообразнаго миѳическаго существа въ животное или неодушевленный предметъ, теперь мы перейдемъ къ особаго рода превращеніямъ, такимъ, гдѣ волосъ, палочка, напр. превращаются въ коня, кости быка въ собакъ, въ яблоню,—щетка, гребенка—въ лѣсъ, горы. Во всѣхъ этихъ превращеніяхъ мы видимъ, что названные предметы достаются отъ необыкновенныхъ существъ, отъ чародѣевъ, или наконецъ отъ чудесныхъ животныхъ; такъ что всѣ эти превращенія, очевидно, производятся силою существъ миѳическихъ.

О превращеніи волосъ въ коней сказка передаетъ такимъ образомъ. Отецъ, умирая, завѣщалъ тремъ сынамъ своимъ приходить почевать на могилу. На первую ночь старшій, разумный сынъ не пошелъ, а пошелъ самый младшій—дурень,—отецъ привязалъ ему волосинку за лѣвое ухо; на вторую и третью ночь повторилась та же исторія, и дурень услышалъ о томъ, что ихъ царевна объявила, что выйдетъ за того за-мужъ, кто достанетъ ее на стеклянной горѣ. Дурень *присмалилъ* волосинку, и явился конь, на которомъ онъ, впрочемъ, не доскакалъ;

---

[1]) Ibidem, I, 184.

[2]) Драгоман. Млр. н. ск. и пр. 47; Труды Этн. Эксп. I, 184.

[3]) Труды Этн. Эксп. I, 184.

тогда *присмалилъ* волосинку—и явился второй конь, съ которымъ повторилась та же неудача, и только на третьемъ конѣ досталъ онъ царевну. При помощи этого чудеснаго коня онъ повоевалъ враговъ царя и исполнилъ нѣсколько чудесныхъ задачъ: добылъ семь кабановъ морскихъ, семь коровъ морскихъ и семь кобылъ морскихъ [1]).

Въ другой сказкѣ самъ конь даетъ Ивану три волосинки съ наказомъ присмалить ихъ, тогда онъ явится [2]). Появленіе коня здѣсь, очевидно, основывается на необыкновенномъ чутьѣ, которое, по народному представленію, сохраняется между предметомъ и частью, отдѣленною отъ этого предмета. Яснѣе указываетъ на превращеніе палочки въ коня сказка „Про дурня Терешка". Старый дѣдъ завѣщалъ, чтобы три сына его ходили каждую ночь на его могилу и *чыталы молытвы по кныжци*. Старшіе два сына исполнили эту обязанность очень небрежно и только третій—дурень исполнилъ какъ слѣдуетъ. Въ награду даетъ имъ отецъ три палочки, которыя обращаются въ коней; палочки старшихъ братьевъ—были худшіе кони, а съ помощью своего коня дурень добываетъ себѣ *панночку* [3]). Вѣдьма на *Лысой горѣ* даетъ своему мужу коня, который оказался потомъ *дручкомъ;* мужъ вышвырнулъ его, но дручокъ снова превратился въ коня [4]). Отголосокъ этого довѣрья можно отчасти видѣть въ дѣтскихъ играхъ, когда мальчики ѣздятъ на палочкахъ, воображая ихъ конями.

Существуетъ отдѣлъ превращеній, гдѣ брошенная щетка, гребенка, *рушныкъ,* превращаются въ лѣсъ, горы, рѣку. По большей части эти предметы получаются отъ волшебницы или отъ чудесныхъ животныхъ, и потому превращеніе ихъ совершается высшею силою. Вотъ какъ въ сказкѣ „Про стрильця" говорится о подобныхъ превращеніяхъ. Сынъ стрѣльца спасается отъ змѣя при помощи младшей дочери змѣя, которая

[1]) Труды Этн. Эксп. II, 274—6; 269—274.
[2]) Ibidem, II, 222.
[3]) Ibidem, II, 276—7.
[4]) Драгомановъ, Малор. нр. ск. и пр., 393—4.

его полюбила; онъ садится на нее, какъ на коня; „вона крыла роспъяла и летыть“. Вотъ змѣй нагоняетъ ихъ, она велитъ бросить щетку, и стала пуща такая, что змѣй еле могъ пробиться; во второй разъ, когда змѣй настигъ, дочь велитъ бросить гребенку, и стали горы; снова змѣй приблизился, тогда бросаютъ иголку и шпильку—и образуются лѣса, горы, скалы [1]). Въ другихъ сказкахъ съ подобными превращеніями, такія вещи, какъ гребенку, хустку даетъ чудесный волъ, бычокъ. Въ сказкѣ „про царевича Ивана и царивну Марусю“ говорится, что царскія дѣти спасались отъ змѣя при помощи вола. Когда змѣй настигъ ихъ, волъ и говоритъ: „е, Иванъ Ивановичъ, руській царевичъ, вже мени трохы прыпика; заглянь мени у праве вухо, та выйми гребиночку маеву та махны навхрестъ, то такъ теренъ и зробытся“. Этимъ они задержали змѣя, а когда добѣжали до моря, то волъ и говоритъ: „заглянь мени у праве вухо та выймы хустку; махны навхрестъ через море, то мы по води перейдемъ“ [2]). Въ варіантѣ этой сказки мы видимъ характерное видоизмѣненіе. Царевича и царевну спасаетъ „бычокъ поганый да кошлатый, що гидко на его й глянуть“. Это сказочный пріемъ, который такому незамѣчательному существу и приписываетъ именно чудесныя свойства. И дѣйствительно, бычокъ „понисъ ихъ, да такъ скоро, такъ скоро, що й витеръ не дожене,—такъ скоро“. Проснулся змѣй, пустился въ погоню и сталъ бросать за ними огнемъ,—бычокъ и спрашиваетъ: „а що дитки чы пече?“—пече, кажуть, та ще й дуже.—„Влизь, каже бычокъ, въ ливе ухо, а въ праве вылизь, выймы збрую на себе й на мене“. Онъ такъ и сдѣлалъ, но и черезъ сбрую стало печь; тогда бычокъ велѣлъ царевичу влѣзть въ лѣвое ухо и вылѣзть въ правое и вынуть оттуда гребенку. Царевичъ „махнувъ тымъ гребенцемъ назадъ, и ставъ лисъ такый густый та здоровый, що не проихать ёго, ни пишки пройты: такъ дерево коло дерева й поросло, да все таке-жъ-то претовсте, що й у чотырохъ не обыймешъ. Летыть

---

[1]) Труды этногр. эксп., II, 192.
[2]) Ibidem, 154,

той змій; долетивъ до лису—палыть, ломыть, трощыть,—таке лихо пиднялось въ тымъ лиси що ажъ земля реве". Когда змѣй опять сталъ жечь огнемъ, царевичъ вынулъ изъ уха „*биленькый платочокъ*, махнувъ назадъ—и стало море, таке велыке, таке велыке, що й коньця ниде не выдно; да такыи хвыли пиднялысь на тому мори престрашенны, да такъ лютують да бьють объ берегъ, що страшно на нихъ и глянуть" [1]). Быку здѣсь приписывается перенесеніе на себѣ и спасеніе дѣтей отъ змѣя; можетъ быть, здѣсь отразилось то значеніе, какое приписывается быку въ арійской, а особенно въ ассирійской и египетской (аписъ) миѳологіи. Эта же сказка содержитъ въ себѣ еще одно оригинальное миѳическое представленіе, по которому какъ бы изъ головы быка вынимаются задуманныя и осуществленныя чудесныя вещи.

Кости, голова, рога, сердце чудеснаго быка, коровы превращаются въ собакъ, въ яблоню, въ яворъ. Въ упомянутой уже сказкѣ: „Иванъ Ивановичъ, руськый царевичъ, его сестра и змій" бычекъ послѣ спасенія отъ змія царевича и царевны говоритъ имъ: „Ну, дитки, чы васъ до батька одвезты, чы, може, вы тутъ останетесь"?—„Да мы вже, кажуть, останемся тамъ, де вы будете; уже будемъ разомъ зъ вамы жыть до коньця вику".—„Я вже, каже бычокъ, не хочу жыть на свити; зарижте мене, мъясо понжте, а костки въ стриху заткнить, то выросте изъ моихъ костокъ *чуйко й буйко*. Воны вамъ стануть въ велыкый пригоди".—„Якъ же мы васъ заражемо? Вы насъ одъ смерты оборонылы, а мы от-це васъ будемъ ризать?!" (Замѣчательна здѣсь та форма вѣжливости, въ которой даже царскія дѣти обращаются къ бычку). Бычка зарѣзали и изъ костей его дѣйствительно выросли двѣ большія и сильныя собаки—*чуйко* и *буйко*, которыя исполняли большую и трудную службу для Ивана—царевича [2]). Въ варіантѣ этой сказки волъ, спасшій царскихъ дѣтей, велитъ имъ себя зарѣзать, рога свои положить подъ стрѣху, тогда „вашои хатки, говоритъ онъ, ни вогонь не

[1]) Труды этн. эксп., II, 142—3.
[2]) Ibidem, 143—152.

спале, не гримъ, и буде зъ мене дви собаки: чуйко и бачко—побаче" [1]). Эти собаки точно также оказались чудесными.

Въ другихъ аналогичныхъ сказкахъ голова коровы или быка превращается въ чудесную яблоню. Дочь дѣда, преслѣдуемая мачихой, спасается тѣмъ, что влѣзаетъ коровѣ въ правое ухо и вылѣзаетъ въ лѣвое и вынимаетъ оттуда требуемое полотно. Наконецъ корову подстерегли и зарѣзали. По совѣту коровы дѣдова дочь попросила себѣ голову коровы и закопала ее въ воротахъ. „Прыйшла, гляне—ажъ тамъ росте яблунька, та ще жъ яка! золотый на ній лысточокъ, а лысточокъ срибный. Вона любуетьця на ту яблуньку, а пташкы спиваютъ: соловьи, зозули, райськи птыци—та такъ и вкрылы яблуньку". Яблоки на ней выросли одно золотое, а другое серебряное. Ѣхалъ мимо панъ, увидѣлъ чудесную яблоню и хотѣлъ сорвать яблокъ, но никто не могъ сорвать ихъ, только дѣдова дочь. Панъ сдѣлалъ ей предложеніе, „узявъ іи за руку и посадывъ биля себе въ карети. Воны поихали, *и яблунька пишла за ными*" [2]). Въ сходной сказкѣ, волъ, во всемъ помогавшій дѣдовой дочкѣ, передъ своей смертью совѣтуетъ ей найти въ его кишкахъ камешекъ и посадить его подлѣ воротъ. Изъ этого камешка выросла чудесная яблонька съ золотыми и серебряными яблоками [3]). По другому варіанту, дѣдова дочь должна найти въ кишкахъ два зерна—одно золотое, а другое серебряное, или два камешка—одинъ золотой, а другой серебряный, изъ которыхъ выростаютъ двѣ яблони [4]). Интересенъ въ этомъ родѣ слѣдующій рядъ превращеній. Козакъ, получивъ способность превращеній, дѣлается бѣлымъ жеребцомъ, поступаетъ на службу къ *чернокнижнику*, чтобы отомстить послѣднему. Жена чародѣя узнала коня и заставила убить его; но конь попросилъ дивчину, чтобы она одинъ его *волосъ* воткнула среди двора, и выросъ изъ него *яворъ*. Но и яворъ узнали и велѣли срубить и сжечь. Дивчина объ этомъ сказала явору. „Яворъ одказуе їй: не

---

[1]) Ibidem, 154—6.

[2]) Ibidem, II, 459—464.

[3]) Ibidem. 450—451.

[4]) Драгоман., Мал. н. ск. и пр. 362; Труды этн. эксп., II, 466—7.

журысь дивчынко, я не пропаду, тилько выломы изъ мене гиллячку и пусты на воду, то я все таки живъ буду!“ Изъ вѣтки потомъ сдѣлался *качуръ*, который и убилъ чародѣя [1]). Эта сказка дѣлаетъ для насъ вполнѣ яснымъ происхожденіе олицетвореній: конь, яворъ обладаетъ способностью говорить, потому что это превращенный человѣкъ.

Сказки знакомятъ насъ еще съ превращеніями такого рода, когда человѣкъ, искупавшійся въ кипящемъ молокѣ или кипящей водѣ, дѣлается моложе, красивѣе. Въ сказкѣ передается, что бѣдный паробокъ, послѣ ряда неудачъ, женится на панѣ, которая оказалась сестрою солнца. Панъ, которому понравилась молодая жена, хочетъ согнать этого человѣка со свѣту и приказываетъ ему съ этою цѣлью исполнить трудныя задачи, которыя тотъ и исполняетъ при помощи своей жены и солнца. Наконецъ, панъ велѣлъ ему искупаться въ кипяткѣ. „Нагрилы котелъ зъ водою, той ускочивъ и выскочивъ ще хорошчимъ. Панъ зъ его дядькомъ и соби ускочылы тай зварылысь“ [2]). Въ другой сказкѣ, по приказу пана, сирота добываетъ морскую дѣвицу, которой любуется солнце. Она „велила подоить коровы, и молоко зварыла въ такимъ велыкимъ котли, що можно плавать чоловикови та й каже Ивану: „Скупайся въ цёму молоци, що кыпыть“. Иванъ скочывъ, унирнувъ тры разы и выскочивъ такый гарный, якъ квиточка. Отъ, вона до свого пана старого и каже: „Ты-бъ, голубчику, покупався ще: дывысь, якъ Иванъ помолодшавъ и ты будешъ такый гарный“. Панъ якъ ускочивъ, такъ и кисткы ёго разсыпались; а Иванъ оженывся съ тею панною, що зъ мора винъ доставъ. Жывуть и хлибъ жують“ [3]). Обыченъ также пріемъ, когда морской конь, помогавшій дураку во всемъ, совѣтуетъ ему не купаться до тѣхъ поръ, пока онъ три раза не прыснетъ. Вотъ подходятъ къ нагрѣтому котлу, „а тутъ уже кинь стоить. Прыхнувъ—той кинь разъ, прыхнувъ другый разъ, якъ третій разъ прыхнувъ, той скынувъ зъ себе сорочку и скочивъ въ котелъ, покупавсь тамъ и вылизъ. Поба-

---

[1]) Труды этн. эксп., II, 441—3.
[2]) Ibidem, 11.

чивъ панъ, що той ще кращчій вылизъ изъ молока, якъ бувъ, да и каже: „Нагрійте, каже, молока; я ще покупаюсь“. Понятно, когда онъ вскочилъ, то только косточки *заторохкотилы* [1]). Можетъ быть, въ основаніи этого воззрѣнія лежитъ миѳическо-юридическій обычай *суда Божія*, или испытанія посредствомъ огня и воды, когда осужденный выскакивалъ изъ воды оправданнымъ, обновленнымъ.

На миѳическомъ воззрѣніи основаны также превращенія старика-дѣда, козленка, горящихъ угольевъ *въ деньги, въ кучу серебра, въ червонцы*. По народному преданію, *„лисовы люды“*—сѣдые засморканные старики, превращаются въ кучу серебра. „Одна дѣвушка, вышедши осенью въ лѣсъ, нашла подъ деревомъ лѣсного старика скорчившагося. Замѣтивъ, что онъ дрожитъ и крѣпко „засмаркался“, она, изъ состраданія, обтерла ему носъ своимъ передникомъ, и старикъ разсыпался передъ нею кучей серебра“ [2]). Золото въ миѳическую эпоху служило символомъ небеснаго огня, поэтому понятно превращеніе огня въ золото. По народному повѣрью, золото горитъ огнемъ въ день Пасхи. Въ сказкѣ, огонь, взятый въ день Пасхи, превращается въ золото. Не имѣя чѣмъ засвѣтить въ день Пасхи, бѣднякъ увидѣлъ на пригоркѣ огонь и пошелъ *позычать огня*. Пришелъ—видитъ дѣда (Бога) и проситъ у него огня. „Держы, сыну, прыпилъ: я тоби насыплю жару“, сказалъ *дидъ*.—Прогорыть пола, дидусю!—„Та ни, сыну, не прогорыть, держы прыпилъ: я тоби насыплю; да гляды несы да не заглядуй въ прыпилъ, ажъ покы не прыйдешъ до господы.—Отъ той чоловикъ загорнувъ той жаръ у полу и пойшовъ до дому. Колы дывытця въ хати ажъ то не огонь, а червоньци“ [3]): Тотъ же самый смыслъ лежитъ и въ превращеніи угольевъ въ червонцы. Дѣдъ *(щастья)* посовѣтовалъ купеческому сыну жениться на жидовской наймычкѣ, обѣщая, что она будетъ счастливая. Когда ей дали денегъ для закупки товару, то она купила „хуру уголля; прывезла, а винъ

---

[1]) Ibidem, III, 114.
[2]) Ibidem, I, 211.
[3]) Ibidem, II, 349.

(мужъ) побачывъ та думае соби: „дурне дурнымъ! брехавъ той дидъ, що вона щаслыва". Колы пиде на другый день брать на чай уголле—ажъ тамъ сами червинци. Винъ тоди думае соби: правда, що дидъ казавъ"[1]).—У чертей и въ заколдованныхъ мѣстахъ червонцы всегда обращаются въ уголья и наоборотъ; поэтому козакъ въ *каменномъ царствѣ* не беретъ золота, а уголья, которые обращаются въ *гроши*[2]).—Животныя, въ особенности тѣ, которыя имѣютъ нѣкоторое соотношеніе съ чертомъ, превращаются въ *гроши*. Бѣднякъ, который потерялъ послѣднее *борошно* по причинѣ вѣтра, идетъ *позыватъ* (жаловаться) вѣтеръ. Встрѣчаетъ его дѣдъ (Богъ), входитъ въ его положеніе, даетъ ему козу и говоритъ: „Якъ треба тоби буде грошей, то тилько скажы: „Коза—коза, розсыпся!" То зъ неи такъ гроши и посыплятця, да самисеньки чырвонци"[3]). Въ другомъ варіантѣ *дидъ* даетъ баранчика, который разсыпался золотомъ[4]). О томъ, что чертъ, превратившійся въ *козиня*, разсыпался *грошами*, было уже сказано[5]). Превращеніе черта въ *гроши* и особенно обладаніе послѣдними есть излюбленный мотивъ народнаго представленія. Въ одной сказкѣ чертъ желаетъ купить коня; ему сказали цѣну,—„той вынявъ гроши изъ мишка, саме золото, й дае ему и не считае, *бо звисно, у нечыстои сылы есть до биса грошей*"[6]). Въ томъ взглядѣ, что преимущественно дьяволъ обладаетъ угольями, обращающимися въ червонцы, которыми искушаетъ бѣднаго человѣка, сказалось несомнѣнно вліяніе позднѣйшаго христіанскаго воззрѣнія.

Слѣды превращеній, хотя и менѣе ясные, можно видѣть въ олицетвореніяхъ, богатѣйшемъ отдѣлѣ народной поэзіи. Мы уже встрѣчали такое явленіе, что *яворъ* говоритъ и представляется, какъ человѣкъ, потому что это дѣйствительно превращенный человѣкъ. Точно также кукушка, голуби, медвѣдь, жаба,

---

[1]) Ibidem, 423—4.

[2]) Ibidem, 439.

[3]) Ibidem, 347.

[4]) Ibidem, 351.

[5]) Драгомановъ, Млр. н. ск. и пр. 414.

[6]) Труды Этн. Эксп. II, 371.

черешня, яблоня говорятъ, потому что это превращенные люди, или же изъ членовъ тѣла человѣческаго, какъ изъ сѣмени, выросшія существа, которыя сохраняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ свойства человѣческія. Такое свойство имѣетъ черешня, выросшая на могилѣ убитаго брата. Панъ, который ѣхалъ мимо, сдѣлалъ изъ черешины дудочку, „иде соби и грае, а та дудочка говорыть:

„Не грай паноньку не грай,
Мого серденька не торкай,
Мене браты забылы,
Ножа въ серденько вбылы,
Черепочкомъ очи накрылы,
Черешыну за крыжа уткнулы,
И песочкомъ засыпалы".

Отецъ, мать и братья играли, и дудочка имъ прямо указала виновниковъ преступленія. Свойствомъ говорить обладаетъ и яблоня, выросшая изъ отрубленнаго пальца сына, любуются этимъ деревомъ родители и удивляются: „Хто бъ не вырвавъ яблучко—кровъ бижить зъ дерева, та все щось прыспивуе: „Обмана. обмана, батеньку-змію!" [1]).—Братъ, обращенный въ баранчика, ходитъ на берегъ къ сестрѣ, обращенной въ утку, и поетъ:

„Сестричко Оленко, приплынь, приплынь,
До бережечка,
Братикъ плаче, исты хоче" [2]).

О кукушкѣ (превращенной женщинѣ), которая пѣла надъ убитыми дѣтьми пѣсню, было уже сказано [3]). Слѣдующая пѣсня, которую поютъ голуби, очень поэтично приноровлена къ ихъ воркованью. Голуби взяли Марусю, понесли ее черезъ море, „та ще несуть та и спивають:

„Жила-була въ дида
Дочка Марусенька.
Бурку-ку!
Прилетило къ ній
Два голубоньки.
Бурку-ку!

[1]) Труды Эти. Эксп. II, 304 № 79.
[2]) Ibidem, 470.
[3]) Ibidem, 475.

Взяли іи съ кроватію
Бурку-ку!
Несуть іи съ кроватію
Бурку-ку!"[1])

Въ сказкахъ весьма часто встрѣчается, что не только животныя, но и неодушевленные предметы говорятъ. Въ сказкѣ „Довгомудъ" мы наглядно видимъ, какъ эти предметы принимаютъ человѣкообразныя формы. У одного хозяина *довгомудъ* выносилъ всю рѣпу. (Интересно, какъ представляетъ себѣ народъ это существо: „Довгомудъ—це колысь таки люде булы: чоловикъ не чоловикъ, вовкъ не вовкъ: рукы у него булы таки, якъ и въ чоловика, а тило усе въ волосси, а на голови шапка—хто іи зна, якои масты). Противъ этого довгомуда идетъ потерпѣвшій человѣкъ. „Иде, иде—лежыть на дорози довбня.—„Здоровъ!" говоритъ *довбня.*—Здоровъ.—„Куды идешъ?"—Довгомуда быты.—„Визьмы й мене!"—Иды. И пишлы. Идуть—идуть—ведмидь зострився". Медвѣдь точно также просится въ товарищи, затѣмъ волкъ, потомъ *лычко задрыпане*, наконецъ желудь попросился, и его приняли. Сказка въ заключеніе о нихъ говоритъ: „Оце вже стало *ихъ шисть чоловика*, и пришлы воны вси до довгомудовои хаты" [2]).—Интересенъ также разговоръ неодушевленныхъ предметовъ, какъ-то: кочерги, *рогача*, топора и долота. Эти предметы какъ бы заставляетъ принять олицетворенную форму злой духъ. Сказка, относящаяся сюда, передаетъ, что царь, возвращаясь со смотра, почувствовалъ жажду и подошелъ къ болоту напиться, гдѣ его и присосало. Онъ получилъ свободу только тогда, когда пообѣщалъ отдать черту то, чего дома онъ еще не знаетъ. Оказалось, что въ его отсутствіе жена родила сына и дочь. Чтобы не отдавать дѣтей, царь и царица рѣшили спрятать ихъ подъ поломъ. Черезъ годъ является *нечыста сыла* и требуетъ обѣщаннаго; ему объявляютъ, что онъ получитъ тогда, когда самъ найдетъ. „Отъ злый пойшовъ до кочерги и пытае: „Кочерга, кочерга, скажы, де мій подарунокъ дився?" Кочерга отвѣчаетъ: „Не знаю я. Я тилько

[1]) Ibidem, 92—3.

[2]) Труды Этн. Эксп. II, 95—96.

знаю, якъ изъ печы выгребты попелъ, чы тамъ огонь, да якъ добра кухарка, то на ничъ мене пудъ пичъ положыть, а якъ ни, то я оттакъ, якъ бачышъ, стою у кочергахъ по цилыхъ суткахъ". Съ подобнымъ вопросомъ обращается змѣй къ *рогачу* и *сокирѣ*, но тѣ отказались указать мѣсто сохраненія царскихъ дѣтей. Тогда змѣй съ необыкновенной лаской обращается къ долоту: „Долото, долото, скажи мини, де мій подарунокъ. Я тебе буду въ повази держать, озолочу твою голову, николы й обухъ не доторкнется до твоеи головы; а якъ не скажешъ, то день и ничъ будуть тебе по голови быть обухомъ.—Добре, каже долото, скажу тоби, де ты можешъ найты свій подарунокъ; возьмы мене, понесы въ комнаты и кыдай въ кожный хати: де застромлюсь у помистъ, то въ тией и шукай подъ помостомъ" [1]). Долото этимъ способомъ вызвалось сослужить службу змѣю.

Въ такой первобытной свѣжести существуетъ масса олицетвореній въ народной поэзіи, но они, сравнительно съ превращеніями, должны быть отнесены къ другой, болѣе поздней эпохѣ народнаго міровоззрѣнія.

Хр. Ящуржинскій.

---

[1]) Ibidem, 138—140 152.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА ПОЛЕТИКЪ.

I. Происхожденіе Полетикъ. Свѣдѣнія о жизни Григ. Андр. Полетики.

Въ числѣ авторовъ и переводчиковъ русскихъ книгъ, напечатанныхъ во второй половинѣ прошлаго вѣка встрѣчается немало малороссіянъ: Богаевскій, Галенковскій, Гамалѣя, Дараганъ, Яковъ Козельскій, Иванъ Лашкевичъ, Василій Лобысевичъ, Лукашевичъ, Левъ Максимовичъ, Марковичъ, Огіевскій, Парпура, Григорій Полетика и много другихъ, имена которыхъ, поискавши, можно найти въ каталогѣ Сопикова. Все это имена лицъ болѣе или менѣе причастныхъ къ тогдашней литературѣ, о которыхъ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній, не зная откуда и при какихъ условіяхъ приходили эти работники на литературную ниву... Въ числѣ этихъ лицъ Григорій Полетика занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ по своей любви къ просвѣщенію и по своей дѣятельности общественной въ качествѣ одного изъ депутатовъ Екатерининской коммиссіи.

Благодаря счастливой случайности, остатки бумагъ Гр. Андр. Полетики недавно пріобрѣтены извѣстнымъ собирателемъ памятниковъ малорусской старины В. В. Тарновскимъ. На основаніи этихъ остатковъ семейнаго архива, какъ видно нѣкогда очень богатаго, мы и можемъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ просвѣщенномъ малороссѣ конца XVIII в.—Родомъ Гр. А. Полетика былъ изъ Ромна, куда отецъ его Андрей перешелъ жить изъ Полтавы. „Родословіе“ Полетикъ, состав-

ленное впрочемъ самимъ Гр. А. П-кою, говоритъ, что они вышли изъ Волыни. Тамъ де жилъ „шляхтичъ“ Иванъ П-ка, который, въ войну поляковъ съ турками, былъ убитъ въ 1673 г., подъ Хотиномъ; послѣ смерти Ивана, вдова его отправила двухъ малолѣтнихъ своихъ сыновей, Павла и Григорія, въ Кіевъ „какъ для того, чтобы они не оставили вѣры своего исповѣданія, такъ и для обученія“; а въ Кіевѣ де жилъ тогда, „бывшій потомъ въ черниговскомъ полку седневскимъ сотникомъ и полковникомъ (?) зять бывшаго прежде гетмана Богдана Хмельницкаго,—малороссійскаго гетмана Семена Перевязки и свойственникъ малороссійскаго гетмана Демьяна Игнатьевича Многогрѣшнаго, а ихъ Павла и Григорія близкій родственникъ Полетикъ“. Разсчетъ вдовы былъ тотъ, продолжаетъ „родословіе“, что седневскій Полетика, „будучи бездѣтный и богатый человѣкъ, ибо онъ имѣлъ въ Малой Россіи, въ черниговскомъ полку, многія деревни, а именно Ивашковъ, Выхвостовъ, Мощонку, Пекуровку, Рудню и друг. (о чемъ, такъ какъ и о свойствѣ его съ вышеписанными гетманами, свидѣтельствуетъ бывшее въ Малой Россіи въ 1729 и 1730 гг. слѣдствіе)[1]), можетъ ихъ и обучить, и наслѣдниками сдѣлать; но они того своего родственника Полетики въ живыхъ не застали, почему они, обучась въ Кіевѣ и познакомясь съ дѣтьми бывшаго полтавскаго полковника Про-

---

[1]) Для поясненія полетикинскаго „родословія“, приводимъ здѣсь отрывки изъ генеральнаго слѣдствія, послужившіе источникомъ для свѣдѣній о седневскомъ Полетикѣ. *Ивашковка* — „старожилы того села, якъ они упомнятъ, сказкою показали, что владѣлъ онымъ *зять гетмана Перевязки нѣкій Полѣтика*.— *Пекуровка* — „владѣлъ послѣ лядского владѣнія, *гетмана Перевязки зять его, нѣкоторый Полѣтика*, будучи сотникомъ седневскимъ“... *Мощонка* — „показали старожилы, что владѣлъ онымъ селомъ перво, *сотникъ седневскій*, прозваніемъ *Полетика, свойственный гетмана Многогрѣшнаго*“... *Рудня* — „деревню Рудню поселилъ слободою тотъ же *Политика, зять гетмана Перевязки*“... Генер. слѣдствіе называетъ седневскаго Полетику то зятемъ гетмана Перевязки, то свойственникомъ гетмана Многогрѣшнаго; такъ повторяетъ и Гр. А. П-ка, прибавляя только при названіи Перевязки имя Семена, каковаго имени въ генер. слѣдствіи нѣтъ, да и не могло быть, потому что здѣсь Перевязка отождествляется съ Многогрѣшнымъ, такъ какъ дочь послѣдняго была замужемъ за седневскимъ сотникомъ Полетикою, послѣдній былъ живъ еще въ 1672 г. См. Акты юго-западн. Россіи, IX, 828. Изъ приведенныхъ мѣстъ генер. слѣдствія, между прочимъ, видно, что Многогрѣшный прозывался въ народѣ Перевязкою такъ, какъ Самойловичъ — Поповичемъ.

кофія Левенца, отлучились въ Полтаву и, сыскавъ сходныя для себя супружества, поженились..." Старшій изъ братьевъ поселился въ Решетиловкѣ и жилъ тамъ до 1709 г., когда былъ убитъ „на бывшей подъ Полтавою баталіи". Послѣ Павла остался старшимъ въ семьѣ сынъ его Андрей, который нашелъ лучшимъ, „удаляясь отъ татарскихъ набѣговъ", подвинуться на сѣверъ, гдѣ онъ и оселился съ матерью и младшими братьями,—въ Ромнѣ. Здѣсь Андрей П-ка женился на внучкѣ лубенскаго полковника Илляшенка и скоро сталъ роменскимъ войтомъ. Затѣмъ онъ началъ съ Полуботками процессъ за село Коровинцы,—которое сначала было пожаловано, въ 1690 г., дѣду его жены, а потомъ, въ 1708 г., Павлу Полуботку,—выигралъ этотъ процессъ и сталъ почти единственнымъ владѣльцемъ многоземельнаго села [1]). Оставивъ почему то роменское войтовство, Андрей П-ка „вступилъ значковымъ товарищемъ въ лубенскій полкъ" и отправлялъ козачью службу въ этомъ званіи до 1749 г., когда произведенъ былъ въ чинъ бунчуковаго товарища; затѣмъ еще оставался на службѣ до 1757 г., когда получилъ отставку, имѣя отъ роду 65 л. Умеръ Андрей П-ка въ 1773 г., оставивъ, кромѣ дочерей, пять сыновей, изъ которыхъ Григорій былъ старшимъ.

Гр. Андр. П-ка родился въ 1725 г. и учился въ кіевской академіи. Въ 1746 г. онъ поступилъ въ академію наукъ переводчикомъ, при чемъ предварительно былъ проэкзаменованъ Тредьяковскимъ, который въ своемъ донесеніи объ этомъ экзаменѣ президенту (гр. К. Разумовскому) пишетъ: „имѣвъ случай свидѣтельствовать въ искусствѣ россійскаго и латинскаго языковъ малороссіянина Григорія Полетику, который проситъ объ опредѣленіи себя переводчикомъ при академіи, пріемлю смѣлость симъ объявить мое мнѣніе объ искусствѣ помянутаго малороссіянина: помянутый малороссіянинъ, переводя съ латинскаго языка, показалъ себя, что онъ тотъ языкъ изрядно разумѣетъ, переводить съ него можетъ; однако россійскій его языкъ есть по большей части въ переводѣ—діалектъ малороссійской,

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1891 г., январь, стр. 188.

въ разсужденіи рѣчей и цѣлыхъ изображеній“ [1]). О служебной своей дѣятельности Полетика самъ говоритъ такъ: „будучи воспитанъ и обученъ языкамъ и наукамъ на коштѣ отца моего, въ службу вступилъ я въ 1746 г., въ с.-петербургскую академію наукъ, переводчикомъ, гдѣ и находился по 1748 г., въ ономъ году, по желанію моему, отъ оной академіи уволенъ и опредѣленъ въ св. правительствующій Синодъ переводчикомъ же. Въ Синодѣ Гр. П-ка оставался до 1764 г., когда былъ назначенъ „въ морской шляхетной кадетской корпусъ главнымъ надъ классами инспекторомъ“; на этомъ мѣстѣ П-ка пробылъ девять лѣтъ и въ 1773 г., „за болезньми“, уволенъ.—Будучи инспекторомъ морскаго корпуса, П—ка былъ выбранъ въ 1767 году, отъ шляхетства лубенскаго полка, депутатомъ въ коммиссію сочиненія новаго уложенія [2]).

Получивъ отъ отца, еще при его жизни, часть Коровинскаго имѣнія, Гр. П-ка значительно увеличилъ свое имущество, женившись въ 1762 г., на дочери отставнаго генеральнаго судьи Ивана Андреевича Гамалѣи, при чемъ получилъ, по особой сдѣлкѣ съ тещею, два села около Погара, Юдиновъ и Чеховку съ хуторами. — Кромѣ того, П-ка прикупилъ немало земель къ своему Коровинскому имѣнію и сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ малороссійскихъ помѣщиковъ конца XVIII в., такъ какъ въ 1780 г. за нимъ числилось крестьянъ: 1346 мужч. и 1339 женщ. [3]).

О литературныхъ занятіяхъ Гр. П-ки мы знаемъ немного. Будучи на службѣ въ Синодѣ, онъ написалъ для напечатанія въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, статью—„О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи“. Статью эту Ломоносовъ однакожъ не разрѣшилъ къ печатанію потому,—говоритъ авторъ

---

[1]) Пекарскій. Истор. акад. наукъ, II, 116—117.

[2]) Наказы малороссійскимъ депутатамъ. Изд. „Кіевской Старины“, стр. 277.

[3]) О богатствѣ Гр. А. Полетики можно судить уже и изъ того, что при посмертной описи имущества Гр. П-ки и жены его, въ 1785 г., однихъ женинныхъ бриллiантовъ оказалось на шесть тысячъ рублей, кромѣ разныхъ алмазныхъ и золотыхъ вещей.

Исторіи академіи наукъ,—что Полетика въ древней Россіи нестолько нашелъ училищъ сколько слѣдовало ихъ тамъ быть по мнѣнію Ломоносова. Къ этому Пекарскій добавляетъ, что „произведеніе Полетики для своего времени очень замѣчательно по обстоятельности заключавшихся въ немъ свѣдѣній о Петрѣ Могилѣ“ [1]).

Затѣмъ. въ каталогѣ Сопикова обозначены слѣдующія изданныя Гр. П-кою книги:

1759 г. — Епиктита, стоическаго философа, енхиридіонъ и апоѳегмы и Кевита Ѳивейскаго картина или изображеніе житія человѣческаго. Перевелъ съ греческаго Григорій Полѣтика. Спб.—Тоже изд. 2-е, 1767 г.

1762 г.—Ксенофонта, о достопамятныхъ дѣлахъ и разговорахъ Сократовыхъ и оправданіе Сократово предъ судіями. Перев. съ греч. Григорій Полетика. Спб.

1762 г.— Истинныя основанія и должности христіанскія вѣры или наставленіе язычникамъ, обращающимся въ христіанскую вѣру. Соч. Григорія Полетики. Спб.

1763 г.—Словарь на шести языкахъ: на россійскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англинскомъ, изд. Григ. Полетикою. Спб.

Изъ обнародованныхъ свѣдѣній о дѣятельности Гр. П-ки какъ депутата отъ лубенскаго шляхетства въ коммиссіи о сочиненіи уложенія, извѣстны: „Возраженіе депутата Гр. П-ки на наставленіе малороссійской коллегіи господину же депутату Дмитрію Наталину“ [2]) и его довольно обширное мнѣніе на читанный въ 1768 г., въ коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія „проектъ правамъ благородныхъ“ [3]). Въ этихъ двухъ запискахъ П-ка является съ одной стороны вообще защитникомъ автономности Малороссіи, а съ другой—ревнивымъ ходатаемъ объ утвержденіи за „малороссійскимъ шляхетствомъ“ тѣхъ „правъ и привилегій“, которыя де во „время бытности Малыя Россіи подъ Польшею подтверждаемы были“. Нѣтъ сомнѣнія, что эти двѣ записки, и въ особенности вторая, и создали Полетикѣ репутацію—человѣка, „славившагося своею ученостью и патріотизмомъ къ краю своему“.

Послѣ выхода П-ки въ 1773 г. въ отставку, онъ до самой смерти занятъ былъ веденіемъ разныхъ процессовъ за

---

[1]) Исторія академіи наукъ, II, 116 и 610.

[2]) Чтен. въ моск. общ. истор. и древ., 1858 г., кн. 3-я.

[3]) Сборн. русск. историч. общ., XXXVI, 346—356.

имѣнія. Особенно важенъ былъ для П-ки процессъ его съ братомъ жены, Мих. Ив. Гамалѣею, который оспаривалъ правильность той сдѣлки, по которой П-ки (мужъ и жена) пріобрѣли стародубскія имѣнія... Поѣхавъ въ Петербургъ, чтобы тамъ личнымъ ходатайствомъ направлять этотъ процессъ въ свою сторону, П-ка тамъ же заболѣлъ и умеръ 27 ноября 1784 года.

II. Шесть писемъ разныхъ лицъ о библіотекѣ Гр. Андр. Полетики.

Самую цѣнную часть сохранившихся остатковъ семейнаго архива Полетикъ составляетъ частная переписка какъ самаго Гр. А. П-ки, такъ и разныхъ членовъ его семьи, начиная отъ его отца и братьевъ и кончая письмами его дѣтей, внуковъ и разныхъ родичей и знакомыхъ. Изъ этихъ остатковъ видно, что значительная часть переписки Гр. А. П-ки растеряна...

На первый разъ приводимъ здѣсь шесть писемъ разныхъ лицъ, говорящихъ объ одномъ и томъ же предметѣ—о библіотекѣ Гр. А. П-ки, которую послѣдній дважды собиралъ въ своей жизни; разъ собранная —„изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ“—она погибла отъ пожара, а въ другой разъ собранная — уже незначительная по количеству книгъ,— она погибла отъ неумѣнія внуковъ оцѣнить значеніе дѣдовскаго собранія, несмотря на совѣты просвѣщенныхъ любителей письменной старины, напр. М. И. Ханенка [1]).

---

[1]) Мих. Ив. Ханенко (р. 1818 † 1853), младшій изъ трехъ братьевъ, — праправнуковъ автора изданнаго „Кіевск. Стар.“ въ 1884 г. „Дневника“ Н. Д. Ханенка,— извѣстенъ былъ, какъ и старшіе его братья, здравствующіе Ал. и Ив. Ив—чи, любовью къ письменнымъ памятникамъ мѣстной старины. Мих. Ив. учился въ москов. университетск. пансіонѣ и затѣмъ служилъ: сначала въ гвардіи, въ Финляндскомъ полку, а потомъ - новгородъ-сѣверскимъ предводителемъ дворянства. — Въ Черниг. Губ. Вѣд. 1852 г., имъ напечатаны интересные документы изъ бумагъ его прадѣда, въ томъ числѣ и любопытнѣйшее наставленіе Н. Д. Ханенка сыну Василію, при отправленіи его въ заграничный университетъ въ 1746 г., для окончанія образованія. См. Опис. Стар. Малор., I, 78.

1. 1771 г. Письмо Григорія Андреевича Полетики къ президенту адмиралтейской коллегіи Голенищеву-Кутузову съ просьбою о продолженіи отпуска и съ извѣстіемъ о гибели своей библіотеки.

Милостивый государь.

По милостивому вашего сіятельства и государственной адмиралтейской коллегіи снисхожденію, отпущенъ я въ годовой отпускъ въ домъ мой. Пользуясь симъ случаемъ, желалъ я поправить мое здоровье и состояніе; но по приключившимся мнѣ болѣзнямъ, ни того, ни другаго здѣлать не успѣлъ, а между тѣмъ имѣлъ нещастіе въ бывшій маія 23 дня въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ острову, пожаръ потерять всѣ мои пожитки и нужныя къ содержанію и пропитанію моему вещи, а что всего для меня болшей дороже—и всю мою библіотеку, состоявшую изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ, о которой какъ вручитель сего пріятель мой Василій Александровичъ Шарановъ, такъ и многіе другіе ваше сіятельство увѣрить могутъ, что она была одна изъ лучшихъ въ россійскомъ государствѣ библіотекъ; а особливо что касается до собранія моего россійскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, то безъ похвальбы могу предъ вашимъ сіятелствомъ выговорить, что таковаго не токмо ни у одного изъ партикулярныхъ людей не было, но и съ государственными россійскими библіотеками моя въ первенствѣ, въ рѣдкости и древности книгъ, препираться могла. Сіе нещастливое приключеніе столько меня поразило, что я еще больше въ здоровьѣ моемъ почувствовалъ ослабѣніе, о чемъ и атестатъ отъ доктора въ команду мою послалъ, и лишенъ будучи всѣхъ средствъ, къ питанію ума и тѣла моего служащихъ, не сыскиваю другаго способа, какъ только прибѣгнуть къ милости и великодушію вашего сіятелства и просить еще на годъ уволненія, чтобъ помощію онаго забыть и не быть принужденнымъ оплакивать не угасшій еще пепелъ лучшаго моего имѣнія, настоящей моей печали, а притомъ поправить хотя немного мое здоровье и домостроительство и привесть себя въ состояніе къ дальнѣйшему продолженію моей службы. Помилуйте, сіятелнѣйшій графъ,

печалнаго, нещастливаго и слабаго человѣка тоею милостію, которая вамъ ничего не стоитъ, и заставте, чтобъ я сіе мое уволненіе почиталъ за полученное отъ васъ награжденіе моихъ убытковъ и разоренія, и прибылъ по жизнь мою съ глубочайшею преданностію, милостивый государь, вашего сіятелства. *(Съ черновика).*

II. 1782 г. 3 іюня. Письмо могилевскаго архіепископа Георгія Кониссказо къ Григорію Андреевичу Полетикѣ, при посылкѣ польскихъ историческихъ книгъ.

2. Высокородный господинъ! коллежскій совѣтникъ!
Милостивый государь и благодѣтель мой!

Сего дни имѣлъ я честь почтеннѣйшое писаніе ваше, и въ любезнѣйшихъ вашихъ сыновяхъ, какъ самого васъ видѣть, радовался. Annales Rudawscy прошу принять въ число книгъ вашыхъ, при коемъ еще посилаются: Piasecy, chronicon и Starowolscy, tractatus tres, по требованію вашему, да сверхъ того: два томы Длугоша, съ коихъ вь послѣднемъ приданы старые полскія писатели, какъ то—Кадлубко, Sarnicius, Orechovius etc. и еще посилаются жъ: Regenwolscy systema chronologicus, и Pastory, historiae polonae plenior, Kojalowicza и Коберҗицкого какъ и Староволского, Eques polonus не находится у мене. Равно жъ къ благоденствію вашему не могутъ (sic) услужить вамъ ни однимъ гербаромъ, понеже самъ не имѣю. Въ слѣдующемъ сентябрѣ нужда будетъ мнѣ посилать нарочного въ Варшаву. Какіе вамъ надобны книги, изволте прислать мнѣ реестръ. Васъ поздравляю искреннѣйше и усерднѣйше новымъ дворянствомъ: промыслили вы благовременно. Естли не думаете дѣтей послать туди, откуду дворянство, для ученія, то совѣтовалъ бы я напредъ, послать ихъ въ Вилню, тамъ сего году открился новій университетъ и академія новымъ порядкомъ ученій и весма похвалнымъ; жалко, что не имѣю при себѣ печатныхъ о томъ рѣчей и расположенія; послалъ преосв. смоленскому, и получа обратно, пришлю вамъ; а тамъ можно бъ дѣтямъ и въ монастирѣ нашемъ квартеру имѣть. Не пишу болше, не хотя удерживать

птенцовъ любезнѣйшихъ, спѣшащихъ въ гнѣздечко свое. И такъ желаю вамъ со всѣмъ домовствомъ истиннаго благоденствія, остаюсь съ истиннымъ моимъ почитаніемъ и усердіемъ,

високородія вашего, милостивого государя и благодѣтеля моего, покорнѣйшій слуга Е. Георгій. Іюня 3 д. 1782 года. Могилевъ. *(Съ подлинника).*

III. 1812 г., 17 сентября. Письмо Петра Ивановича Полетики къ Василію Григорьевичу Полетикѣ съ просьбою прислать для графа Н. П. Румянцева списокъ книгъ и рукописей Григорія Андреевича Полетики и съ извѣщеніемъ—о желаніи Румянцева купить эти книги и рукописи.

Милостивый государь мой и любезный братецъ Васильевичъ (sic) (Должно быть—Василій Григорьевичъ).

Государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ поручилъ мнѣ на сихъ дняхъ, испросить у васъ подробную вѣдомость о книгахъ и рукописяхъ, покойнымъ родителемъ вашимъ и вами умноженныхъ. Графъ наиболѣе въ виду имѣетъ книги и рукописи, до отечественной исторіи касающіеся, и по всѣмъ отзывамъ его сіятельства, я полагать долженъ, что вамъ учинено будетъ предложеніе—оные уступить продажею. Въ слѣдствіе чего не признаете ли приличнымъ, любезный братецъ, при доставленіи къ графу желаемой вѣдомости, чрезъ кого либо изъ сдѣшнихъ пріятелей вашихъ, (ибо нѣтъ сомнѣнія, что при полученіи вами сего письма, я находится буду паки въ чужихъ краяхъ), увѣдомить сего послѣдняго о намѣреніи вашемъ касательно продажи вашей библіотеки, а также и полагаемой вами цѣны, симъ способомъ сократится нарочито и время, и переписка.

Я съ поспѣшностію пользуюсь симъ случаемъ, дабы возобновить себя въ памяти вашей и любезнѣйшей сестрицы Настасьѣ Фоминишнѣ, которой прошу васъ засвидѣтельствовать усерднѣйшее мое почтеніе.

Въ протчемъ съ истинною привязанностію честь имѣю быть, любезный братецъ, милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга и братъ Петръ Полѣтика.

IV. 1812 г., 25 ноября. Письмо Василія Григорьевича Полетики къ графу Н. П. Румянцеву.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Братъ мой Петръ Ивановичъ Полетика, въ письмѣ своемъ, отпущенномъ изъ Санктпетерборга отъ 17 сентября, а мною здѣсь полученномъ не прежде какъ 14 сего ноября, по приказанію вашего сіятельства, пишетъ ко мнѣ о доставленіи вашему сіятельству подробной описи книгамъ и рукописямъ, покойнымъ отцемъ моимъ собраннымъ и мною умноженнымъ. Полагая, что ваше сіятельство наиболѣе въ виду имѣть изволите книги и рукописи, до отечественной исторіи относящіяся, упоминаемыя княземъ Щербатовымъ и профессоромъ Шлецеромъ во введеніяхъ ихъ въ оную, я со всегдашнимъ сожалѣніемъ о безцѣнной ихъ для меня и потомства моего потери, доношу вашему сіятельству, что оныя всѣ почти въ бывшій въ Санктпетербургѣ, на Васильевскомъ острову, гдѣ тогда отецъ мой жилъ, въ 1771 году, пожаръ, со всею его библіотекою, состоявшею изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ сгорѣли, о которой многіе еще и теперь ваше сіятельство увѣрить могутъ, что она была одною изъ лучшихъ въ россійскомъ государствѣ библіотекъ; а особливо что касается до собранія сего россійскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, то смѣло могу предъ вашимъ сіятельствомъ выговорить, что таковаго не токмо ни у кого изъ частныхъ людей не было, но и съ государственными россійскими библіотеками библіотека отца моего о первенствѣ въ рѣдкости и древности книгъ препираться могла. Нѣкоторая только часть, исторгнутыхъ изъ пламени уцѣлѣла. Собранныя жъ съ великимъ трудомъ и стараніемъ отцемъ моимъ въ послѣднихъ дняхъ жизни его и напослѣдокъ мною и присовокупленныя къ первымъ, относятся по большей части до малороссійской исторіи, начертаніе которой было его, а наконецъ сдѣлалось моимъ предмѣтомъ. Въ теченіи сей зимы я имѣю необходимую надобность быть въ нашей сѣверной столицѣ. Тамъ предстану вашему сіятельству. Удостоившись же получить полное отъ васъ разрѣшеніе о содержаніи нужныхъ вамъ сочиненій въ книгахъ и рукописяхъ, и смотря

на оное, буду имѣть честь поднести вашему сіятельству опись находящимся у меня. Но, сіятельнѣйшій графъ, позвольте сказать себѣ предварительно, что я ни одной изъ нихъ не рѣшусь продать ни за какую цѣну, и что одна только переписка можетъ доставить ихъ въ другое мѣсто. Достояніе мое не велико; я имѣю дѣтей, стараясь о найлучшемъ воспитаніи которыхъ, я. вмѣсто сокровищъ свѣта, часто безполезныхъ, хочу оставить имъ сію пищу ума единственнымъ послѣ себя, для вящего ихъ къ пользѣ общей образованія наслѣдіемъ. Честь и долгъ имѣю быть съ глубочайшимъ къ особѣ вашей высокопочитаніемъ, милостивый государь, вашего сіятельства... (Василій Полетика). 25 ноября 1812 г. *(Съ черновика).*

V. Около 1850 г. Письмо Василія Васильевича Полетики къ Михайлу Осиповичу Судьенку, съ предложеніемъ купить рукописи, принадлежавшія его дѣду Гр. Андр. Полетикѣ.

Зная труды ваши и занятія по части русской исторіи, особливо же древней, и съ какимъ стараніемъ вы отыскиваете всѣ древніе источники, до оной относящіеся, я рѣшился обратиться къ вамъ, мил. госуд., и приложить у сего выписку о имѣющихся у меня рукописахъ. Рукописи сіи, вмѣстѣ съ прочими книгами, достались мнѣ по наслѣдству, принадлежали родному дѣду моему Григорію Андреевичу Полетики, въ свое время славившемуся ученостію, патріотизмомъ къ краю своему и трудами по части исторіи Малороссіи. Нѣкоторые изъ означенныхъ въ прилагаемомъ спискѣ труды его писаны собственною его рукою, а права и привилегіи малор. шляхетства, совмѣстно съ двумя мнѣніями его коммиссіи, имъ собственноручно подписаны и другаго экземпляра нигдѣ и ни у кого иного не находится. Что касается до переписки его, то утвердительно ничего не могу сказать вамъ, ибо я не имѣлъ еще времени пересмотрѣть оную и разсортировать; могу только прибавить, что собственноручныхъ писемъ его находится у меня довольно большое количество, исправно сохранненыхъ со дня его смерти. Естли вы найдете что либо соотвѣтствующее вамъ, какъ для пользы вашей, такъ собственно для науки, то я со всею готовностію могу

уступить вамъ по вашему увѣдомленію, было бы то за деньги или же за книги новѣйшихъ авторовъ, коими я хочу пополнить имѣющуюся у меня небольшую библіотеку, на каковой конецъ, по извѣщеніи вашемъ, пришлю вамъ и каталогъ,—тогда вы можете сообразить и назначить недостающихъ авторовъ въ оной.— Ожидая вашего, милостивый государь, увѣдомленія, прошу васъ въ случаѣ отвѣта въ семъ мѣсяцѣ или въ самомъ началѣ будущаго, адрессовать по прилагаемому адрессу письмо въ г. Погаръ, а съ 10 чиселъ мая въ г. Роменъ, куда я переѣзжаю на нѣсколько мѣсяцевъ и гдѣ находятся всѣ книги мои. *Съ черновика, къ которому приложенъ слѣдующій списокъ:*

Въ большую десть.

1) Рукописное собраніе грамотъ, статей, писемъ и прочихъ сочиненій, касающихся до малороссійской исторіи 6

2) Договорныя малоросс. гетмановъ статьи, грамоты и прочія сочиненія рукописныя 1

3) Малороссійскій лѣтописецъ, рукописный 1

4) Історія о зачатіи Москвы, рукописная. 1

5) Собраніе разныхъ привилегій польскихъ и руских, рукописное. . . . 1

6 Каталогъ эпископовъ, патріарховъ святыя великія византійскія церкви, такой же каталогъ кіевскихъ митрополитовъ и прочія сочиненія, рукописныя. . 1

7) Малороссійскій лѣтописецъ Самуила Величка, рукописный. 1

8) Дѣйствія презѣлной брани Богдана Хмельницкаго съ поляками, рук. . 1

9) Малороссійскій рукописецъ, рукописный. 1

10) Книга, содержащая въ себѣ описаніе мытарствъ, соборъ бывшій при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и сочиненія Максима Грека, рукописная 1

11) Каталогъ и лѣтописаніе изъ бытности (sic) архіереевъ россійскихъ, рукописные 1

12 Права и привилегіи малорос. шляхетства, тутъ же собраны и двѣ рѣчи предка моего, бывшаго депутатомъ при Екатеринѣ. 1

13 Разсмотрѣніе лѣтъ Р. Х. согласующихъ съ лѣтами бытія міра и каталогъ патріарховъ константинопольскихъ, тако жъ митрополитовъ и архіереевъ россійскихъ, рукописныя 1

14) Малороссійскій лѣтописецъ, рукописный 1

15) Иго законное неудобоносимое, сочиненіе Ѳ. Прокоповича и иго Христово благо, его же, собственною рукою Стефана Яворскаго, писанное, неполное 1

Въ меньшую четверть листа.

16) Начало государей и великихъ князей россійскихъ и родословіе разныхъ знатныхъ фамилій россійскихъ, рукописные 1

17) Лѣтописецъ кн. Курбскаго, томъ 1, рукописный 1

18) Собраніе разныхъ сочиненій Ѳ. Прокоповича, рукописи. 1

19) Сатиры кн. Антіоха Кантемира, рукописи 1
20) Лѣтописецъ либо хроника о землѣ польской 1
21) Старинная книга Острожской печати, безъ заглавія и конца 1
Календарей 1749 год. 52, 56, 57, 66, 67 по 1811 всего 49
Календарей историческихъ, географическихъ, економическихъ и календ. съ наставленіями съ 1768 по 1786 всего 63

VI. 1850 г. 14 мая. Письмо Михаила Ивановича Ханенка къ Василію Васильевичу Полетикѣ съ извѣстіемъ о возвращеніи рукописи „права и привиллегіи“ и съ просьбою беречь рукописи, собранныя его дѣдомъ и отцомъ.

Милостивый государь Василій Васильевичъ! Я имѣлъ удовольствіе получить Ваше письмо и готовъ былъ бы немедленно исполнить ваше требованіе о присылкѣ находящейся у меня вашей книги: *права и привиллегій*, еслибы не находилъ къ этому препятствій. Книга ваша такой высокой важности для исторіи, всѣхъ насъ и въ особенности васъ, что я ее не имѣю права пересылать чрезъ какія бы то не было постороннія руки, кромѣ того еслибы вы кому поручили. Какъ и чѣмъ бы я могъ замѣнить ее утрату? Извините меня,—я такъ думаю и такъ свято чту вашу драгоцѣнность. Получивъ ваше письмо, я былъ готовъ самъ ѣхать и вручить ее вамъ лично, какъ нечаянное требованіе въ Черниговъ, на чрезвычайное собраніе, помѣшало мнѣ это исполнить.—Я ее беру съ собой, если васъ тамъ не встрѣчу и возвратившись не застану въ Юдиновѣ, то укажите мнѣ, куда ее переслать по почтѣ, это будетъ вѣрно и я ее отправляю казенной посылкой. Напишите мнѣ, когда вы будете въ Коровинцахъ, я думалъ самъ васъ посѣтить тамъ и порится (sic) въ вашей исторической Калифорніи.

Какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть васъ, сколько я долженъ передать вамъ вѣстей и просьбъ и предложеній отъ Бодянскаго. Можетъ быть мы не увидимся, вы будете въ Кіевѣ, да и въ другихъ мѣстахъ встрѣтите людей, которые уже знаютъ о вашемъ кладѣ, черезъ меня; они, вѣроятно, будутъ просить васъ о вашихъ рукописяхъ; умоляю васъ всѣмъ святымъ вашей родины, не давать имъ никому и ничего, кромѣ *лѣтописи Велички* для Кіевскаго Археографическаго общества, которому она нужна и

принесетъ пользу общую. Я, руководясь Вашимъ позволеніемъ, вошелъ въ сношеніе съ Бодянскимъ, обѣщалъ ему и онъ взялся быть разбирателемъ и обнародователемъ этой драгоцѣнной старины нашей. Этотъ ученый выше всѣхъ много и несравненно; онъ трудится, терпитъ, страдаетъ для нашей родины и дѣлаетъ это съ величайшимъ самоотверженіемъ, въ высокой степени безъинтересно. Всѣхъ остальныхъ водятъ не тѣ чувства: самолюбіе или желаніе выработать на чужой щетъ копѣйку, а во главѣ ихъ стоитъ Погодинъ. Вѣрьте мнѣ, что я говорю это, сильно убѣдившись во всемъ и много любя нашу страну и ее исторію. Увѣренъ, что вы не измѣните вашихъ предположеній и тѣмъ достигните благой цѣли.

Свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе Вашей супругѣ и моему старому товарищу, ежели онъ съ вами.

Оъ отличнымъ уваженіемъ и глубочайшимъ почтеніемъ, имѣю честь быть, милостивый государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Михаилъ Ханенко. 1850 г., 14 мая. Юхновъ. *(Съ подлинника).*

III. Догадка объ авторѣ „Исторіи Русовъ“.

Изъ приведенныхъ писемъ мы видимъ, что за двадцатипятилѣтнее свое пребываніе въ Петербургѣ (1746—771), Гр. П-ка успѣлъ составить библіотеку „изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ“ и что „она была одна лучшихъ въ россійскомъ государствѣ библіотекъ, а особливо что касается до собранія россійскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, то таковаго не токмо ни у одного изъ партикулярныхъ людей не было, но и съ государственными россійскими библіотеками“ библіотека Гр. П-ки „въ первенствѣ, въ рѣдкости и древности книгъ препираться могла....“. И когда это книжное богатство почти все погибло въ огнѣ, П-ка, какъ видно, началъ снова собирать книги и рукописи... Собираніе это онъ продолжалъ почти до самой смерти, какъ видно изъ письма къ нему архіеп. Георгія Конисскаго. Послѣдній, какъ видимъ, посылаетъ Гр. П-кѣ, по его заказу, классическія старопольскія историческія сочине-

нія (Кадлубка, Длугоша, Пасторія, Сарницкаго, Орѣховскаго, Пясецкаго, Рудавскаго...). Собиралъ эти послѣднія книги П-ка, интересуясь исторіей Малороссіи; такъ можно думать напр. потому, что въ 1781 г. онъ проситъ своего двоюроднаго брата Гр. Ив. Полетику, одного изъ чиновниковъ русскаго посольства въ Вѣнѣ, достать ему книгу—„Marcina Borzymowskiego, Nawigacya do Lubeka“, напечатанную въ Люблинѣ въ 1662 г., объясняя, что въ этой книгѣ ему нужна только статья—o początku kozaczyny [1]). — Съ какою же цѣлью собиралъ Гр. П-ка подобнаго рода книги?—На этотъ вопросъ мы находимъ нѣкоторый отвѣтъ въ письмѣ Вас. Гр. П-ки къ гр. Румянцеву (№ IV),—гдѣ читаемъ: „собранныя съ великимъ трудомъ и стараніемъ отцемъ моимъ въ послѣднихъ дняхъ жизни и напослѣдокъ мною, относятся по большей части до малороссійской исторіи, *начертаніе которой было его, а наконецъ сдѣлалось моимъ предметомъ...*“ Такимъ образомъ старшій сынъ Гр. П-ки, Василій (р. 1765 † 1845), которому отецъ завѣщалъ свою библіотеку [2]), свидѣтельствуетъ, что отецъ его писалъ исторію Малороссіи, которую онъ, сынъ, продолжаетъ. Рождается въ высшей степени любопытный вопросъ: гдѣ же эта оконченная или неоконченная исторія Малороссіи, которую началъ отецъ, умершій 1784 г., и продолжаетъ его сынъ еще и въ 1812 г.?—Никакихъ слѣдовъ этой исторіи въ пріобрѣтенныхъ В. В. Тарновскимъ остаткахъ Полетикинскаго семейнаго архива мы не нашли [3]). Извѣстно, что часть Полетикинскихъ бумагъ прі-

---

[1]) Исполняя это порученіе Гр. А. П-ки Гр. Ив. П-ка пишетъ къ какому то гр. Ржевускому: „au cas, qu'on ne pourra pas trouver ce livre, m-r le comte de Rzevusky est prié d'avoir la bonté de s'informer si le même livre ne se trouve pas à Varsovie dans la biblioteque du feu comte de Zalusky et dans le cas qu'il s'y trouve, d'en faire faire *un extrait du chapitre qui traite: o „początku kozaczyny“*.

[2]) „Какъ старшій сынъ мой Василій Полетика до сего времени оказываетъ къ наукамъ бо̀льшую отъ другихъ охоту.... то библіотека моя, вся состоящая изъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, также и всѣ письма и извѣстія подлинныя и копіи, *касающіяся до ученыхъ дѣлъ и исторіи*, отказываются мною ему одному....“. Пунктъ 9-й изъ завѣщанія Гр. А. П-ки, написаннаго за нѣсколько дней до смерти.

[3]) Сохранилась впрочемъ составленная Гр. А. П-кою „опись ученымъ и правнымъ дѣламъ“, въ которой между прочимъ значится: „№ 50. Оглавленія грамо-

обрѣтена была раньше М. О. Судьенкомъ[1]), который, какъ любитель мѣстной письменной старины, конечно пересмотрѣлъ эти бумаги и еслибы бы нашелъ въ нихъ историческія писанія Гр. А. П-ки, то конечно о томъ извѣстилъ бы хотя Бодянскаго, съ которымъ дѣлился своими открытіями въ письменной малорусской старинѣ. Между тѣмъ мы имѣемъ—„Исторію Русовъ“, которой авторъ также неизвѣстенъ, какъ и авторъ написаннаго къ ней предисловія. Въ этомъ предисловіи, между прочимъ, упоминается и Гр. А. П-ка:—„извѣстный ученостью и знатностью депутатъ шляхетства малороссійскаго г. Полетика, отправляясь по должности депутатства въ великую имперскую коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія, имѣлъ надобность необходимую отыскать отечественную исторію (т. е. исторію Малороссіи). Онъ относился о семъ къ *первоначальному учителю своему*, архіепископу бѣлорусскому Георгію Конискому... И сей то архіерей сообщилъ г. Полетикѣ лѣтопись или исторію сію (т. е. „Исторію Русовъ“).... Г. Полетика, сличивъ ее со многими другими лѣтописями малороссійскими и нашедъ отъ тѣхъ превосходнѣйшею, всегда ея держался въ справкахъ и сочиненіяхъ по коммиссіи. И такъ исторія сія, прошедшая столько отличныхъ умовъ, кажется, должна быть достовѣрною....“. Какъ видимъ, автору этого предисловія извѣстны отношенія Гр. А. П-ки къ Георгію Конисскому; онъ свидѣтельствуетъ, что послѣдній былъ учителемъ П-ки въ кіевской академіи[2]), каковой фактъ могъ знать только человѣкъ близко знавшій Гр. П-ку. Но главное, авторъ предисловія утверждаетъ, что „Исторія Русовъ“ была хорошо извѣстна Гр. П-кѣ, была имъ одобрена, послѣ предварительнаго де сличенія съ подобными этой исторіи

тамъ, статьямъ, письмамъ и *прочимъ сочиненіямъ до малороссійской исторіи принадлежащимъ* и № 110. Письма до разныхъ (лицъ?) *къ малороссійской исторіи принадлежащія*“.

[1]) М. О. Судьенко купилъ Полетикинскія рукописи у внука Гр. А. П—ки, Василія В—ча, при посредствѣ М. И. Ханенка, и заплатилъ 2000 р. (Сообщено А. И. Ханенкомъ).

[2]) Гр. П—ка окончилъ кіевскую академію въ 1746 г., а Конисскій, по свидѣтельству Аскоченскаго (Кіевъ и проч. II, 119), сталъ тамъ учителемъ піитики съ 1745 г.

сочиненіями, которыя тутъ же называются лѣтописями малороссійскими... Но намъ теперь извѣстны, должно быть, всѣ эти лѣтописи и мы можемъ утвердительно сказать, что никакихъ такихъ лѣтописей, которыя похожи были бы въ литературномъ отношеніи на „Исторію Русовъ“ не было, да и не могло быть, почему не могло быть и никакого съ ними сличенія... Авторъ предисловія что то знаетъ о происхожденіи „Исторіи Русовъ“, но разсказываетъ небылицу, что будто эта „исторія“ „ведена была съ давнихъ лѣтъ въ кафедральномъ могилевскомъ монастырѣ искусными людьми“ и проч. Авторъ предисловія настолько, повидимому, былъ знакомъ съ малороссійскимъ лѣтописаніемъ, что, говоря о написаніи „Исторіи Русовъ“ въ могилевскомъ монастырѣ, просто кого то морочитъ... Кому же нужно было это мороченье?—Только тому, кто зналъ имя дѣйствительнаго автора „Исторіи Русовъ“ и кому почему то нужно было закрыть слѣды къ имени [1].... Не оставили никакихъ слѣдовъ объ имени автора и тѣ обстоятельства, при которыхъ въ первый разъ была найдена рукопись „Исторіи Русовъ“ [2]). Приходится догадываться.... Такая догадка заключается и въ вопросѣ, который мы здѣсь ставимъ: почему авторомъ этой анонимной „Исторіи“ не могъ быть Гр. А. П-ка и почему предисловія къ ней не могъ написать сынъ его

---

[1]) Ср. у Максимовича. Соч. I, 306.

[2]) По разсказу А. И. Ханенка, слышанному нами отъ него на дняхъ, въ первый разъ рукопись „Исторіи Русовъ“ найдена была около 1828 г, въ библіотекѣ м. Гринева (старод. у.) при описи гриневскаго имущества, когда оно переходило отъ кн. Лобанова-Ростовскаго (получившаго Гриневъ въ приданое отъ гр. И. А. Безбородко) къ кн. Голицыну; нашли рукопись описывавшіе гриневскую движимость два члена одного изъ стародубскихъ судовъ (Ст. Лайкевичъ и Ал. Гамалѣя), которые эту рукопись показали стародубскому помѣщику Ст. Мих. Шираю (тогдашнему губ. предводителю); послѣдній, снявъ съ этого списка копію, оригиналъ затѣмъ вернулъ въ гриневскую библіотеку. Съ копіи Ширая снимали для себя копіи и нѣкоторые стародубскіе помѣщики; одну изъ первыхъ копій снялъ *Як. Павл. Полетика (родной внукъ Гр. А. П—ки)*, а съ этой копіи снялъ копію для себя и А. И. Ханенко, отославшій потомъ свой списокъ Бодянскому, когда тотъ задумалъ напечатать „Исторію Русовъ“. Какъ извѣстно, Ширай послалъ копію „Исторіи Русовъ“ и Бантышъ-Каменскому, но, какъ говоритъ послѣдній, этотъ списокъ оканчивался только 1708-мъ годомъ. По свидѣтельству А. И. Ханенка, у Ширая былъ полный списокъ „Исторіи“ и посылка его Бант.-Кам—у въ неполномъ видѣ должна быть объяснена какою нибудь случайностью.

Василій?—Давно извѣстенъ тотъ фактъ, что авторъ „Исторіи Русовъ“ былъ „горячій украинскій патріотъ“ [1]). Такимъ „горячимъ украинскимъ патріотомъ“ былъ и Гр. А. П-ка, по свидѣтельству людей близко къ нему стоявшихъ и хорошо его знавшихъ. Въ этомъ отношеніи очень интересно письмо къ Гр. А. П-кѣ, писанное къ нему въ августѣ 1781 г. генераломъ Андреемъ Милорадовичемъ, однимъ изъ довѣренныхъ лицъ гр. П. А. Румянцева, по представленію котораго Мил—чъ былъ, въ томъ же 1781 г., назначенъ правителемъ вновь открытаго черниговскаго намѣстничества. Письмо Мил—ча настолько интересно, что мы приведемъ его здѣсь полностью: „М. Г. мой Григ. Андр.! Требованіе ваше исполнено. Братца вашего и моего истиннаго пріятеля Григорія Ивановича родственики всѣ какими чинами по запискѣ были означены, такъ и произведены. Если не въ трудъ вамъ, покорно прошу сообщить ко мнѣ—каково положеніе во всемъ собраніемъ въ Глуховѣ знатнѣйшаго шляхетства здѣлано? [2]) И по секрету прыложыть перваго изъ нихъ съ вамы прымырывшагося (?) вашего начертанія привѣтствіе. Я злоупотребленія нималаго не учиню, будте увѣрены. Пребывающій съ непреложнымъ усердіемъ и отличнымъ почтеніемъ вашимъ, милостиваго государя моего, вѣрнопокорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ. Ч. 13 авгус. 781 Вышенки“.

P. S. Посланъ сего податель г-нъ Хорошкевичъ по нѣкоторому дѣлу въ Глуховъ есть изъ вѣрныхъ для меня, можете съ нимъ писать ко мнѣ откровенно, хотя у насъ никакихъ секретовъ нѣтъ. А вы держитеся однакожъ моихъ совѣтовъ—не подавать безумнымъ меча: *фамилія ваша, имѣніе, немолодые лѣта* [3]) да будутъ смягченіемъ патріотыческой горячности иногда не въ попадъ. Вы не думайте, чтобъ въ Глуховѣ съ вамы равно соображали. Не всему вѣру емлите, чтобъ къ искушенію не

[1]) См. живую характеристику автора „Исторіи Русовъ“ въ статьѣ—„Въ защиту неизвѣстнаго покойника“, напечат. въ газ. *Порядокъ* 1881 г. № 128. Статья эта заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ возраженіе противъ отзыва Костомарова объ этомъ „неизвѣстномъ покойникѣ“. Отзывъ Костомарова былъ напечатанъ въ той же газетѣ Порядокъ, № 97.

[2]) Мы не знаемъ—о какомъ „собраніи знати. шляхетства“ здѣсь говорится.

[3]) Слова эти подчеркнуты Милорадовичемъ.

послужило. Оставимъ дѣла судбою своею влекомые. Раздерыте сіе письмо ничего незначущее".

Это любопытное письмо, въ которомъ многое остается непонятнымъ, представляетъ однакоже несомнѣнное свидѣтельство, что Гр. А. П-ка отличался тою „патріотическою горячностью", слѣды которой можно видѣть и въ „Исторіи Русовъ"....

„Косвенныя улики", по которымъ автора „Исторіи Русовъ" можно подозрѣвать въ Гр. А. П-кѣ, повидимому, есть... Къ числу этого рода уликъ можетъ быть отнесено и то любопытное переиначенье факта, которое видимъ въ „Исторіи Русовъ" относительно конца гетманства Многогрѣшнаго. Какъ записано *во всѣхъ* малороссійскихъ лѣтописяхъ, большихъ и малыхъ, гетманъ Многогрѣшный въ 1672 г., въ великій постъ, былъ арестованъ своею же старшиною, въ Батуринѣ, за измѣну, и отвезенъ въ Москву, откуда былъ сосланъ затѣмъ въ Сибирь... Этотъ арестъ Многогрѣшнаго своими же, въ гетманскомъ домѣ, и особенно участіе въ этомъ арестѣ генер. писаря Карпа Мокріевича—былъ фактомъ до такой степени громкимъ въ исторіи гетманщины XVII в., что никакой ошибки въ разсказѣ объ этомъ событіи въ малороссійскихъ исторіяхъ быть не могло. А между тѣмъ въ „Исторіи Русовъ" мы читаемъ вотъ что: „въ 1672 г., февраля 7-го дня, гетманъ Многогрѣшный *отъ ранъ своихъ умеръ и съ великими почестями, военными и церковными, въ Батуринѣ погребенъ*. Всѣ чины и народъ съ чистосердечнымъ сокрушеніемъ оплакивали сего достойнаго ихъ начальника. Онъ, при всей своей нарочитой кротости, былъ хорошій вождь въ войскѣ, отличный политикъ и справедливый судія въ правленіи. Послѣ Зиновія Хмельницкаго одному ему приписать можно превосходныя качества"... Кому нужно было и ради какого интереса—выдумывать этотъ явно ложный панегирикъ?—Недавно умершій Карповъ, указывая на приведенное мѣсто изъ „Исторіи Русовъ", видитъ въ немъ—„замѣчательнѣйшее незнаніе автора ея событій и наклонность его постоянно разсказывать нелѣпости, но съ извѣстнымъ неприличнымъ оттѣнкомъ"...[1]) Но здѣсь нѣтъ *незна-*

[1]) Карповъ. Критическій обзоръ разработки главн. русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся. (М. 1870), стр. 117.

нія событій, потому что рѣчь идетъ о событіи ужъ очень извѣстномъ... Нѣтъ здѣсь и „наклонности постоянно разсказывать нелѣпости“, какъ думалъ предубѣжденный критикъ. Въ описаніи небывалыхъ похоронъ Многогрѣшнаго въ Батуринѣ мы видимъ намѣренно выдуманный фактъ... Кѣмъ же?—Можетъ быть, позднѣйшимъ родичемъ одного изъ зятей гетмана Многогрѣшнаго[1]), которому та или другая тенденція могла подсказать желаніе обѣлить въ потомствѣ тестя того седневского Полетики, отъ котораго предки Гр. А. П—ки ожидали великихъ и богатыхъ милостей.—Конечно, это предположеніе составляетъ не болѣе какъ одну нашу догадку, могущую тоже быть „косвенною уликою“, что „Исторія Русовъ“ первоначально вышла изъ подъ пера Гр. А. Полетики, а потомъ, можетъ, была дополняема и сыномъ его Василіемъ....

Подтвердятся ли наши „косвенныя улики“—„прямыми“ или будутъ вовсе отвергнуты, Гр. А. П-ка все таки останется однимъ изъ замѣтныхъ общественныхъ дѣятелей к. XVIII в., заслуживающимъ сохраненія его портрета. Послѣдній здѣсь и прилагается, снятый съ писаннаго масляными красками оригинала, который прежде находился въ числѣ семейныхъ портретовъ Полетикъ въ с. Коровинцахъ, а нынѣ принадлежитъ намъ.

29 марта 1891 г.

Ал. Лазаревскій.

[1]) Двѣ дочери Многогрѣшнаго были замужемъ: одна за Полетикою, а другая за лубенск. полковникомъ Нестеренкомъ. Акты ю.-з. Россіи, IX, 828.—Хотя Гр. А. П-ка въ своемъ „родословіи“ и называетъ тестемъ седневскаго Полетики—Перевязку, но мы думаемъ, что авторъ „родословія“ только боялся расходиться съ найденными имъ въ генер. слѣдствіи фактами, а въ дѣйствительности зналъ, по обычному семейному преданію, такой крупный въ исторіи рода фактъ, какъ свойство съ Полетиками гетмана Многогрѣшнаго..

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

V.

Житомиръ.—Выборы.—Житомирская округа и ея жители.—Лошади.—Объ умственномъ движеніи и матеріальныхъ улучшеніяхъ въ житомирской округѣ.—О сословіяхъ, входившихъ въ составъ мѣстнаго общества.

Мнѣ было лѣтъ 17, когда подошло время дворянскихъ выборовъ въ волынской губерніи, къ которой тогда принадлежалъ Бердичевъ со своею округой. Я былъ еще несовершеннолѣтнимъ, такъ какъ по закону только 18-лѣтній дворянинъ получалъ право голоса, а 24-лѣтній—право быть избираемымъ и занимать выборныя должности, но мать моя хотѣла, чтобы я познакомился съ дворянами и вошелъ въ ихъ кругъ. Я поѣхалъ на выборы съ моимъ младшимъ дядей Іосифомъ Гленбоцкимъ. Я былъ принятъ какъ дворянинъ, имѣющій право подавать голосъ, можетъ быть, благодаря стараніямъ моихъ дядей или пріятелей моего покойнаго отца. Мы съ дядей заняли половину каменнаго дома, а другую половину занималъ Михаилъ Чацкій, который былъ выбранъ волынскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Прислуги у насъ было много, жили шумно, потому что такъ хотѣла моя мать. Мы держали открытый столъ для всѣхъ помѣщиковъ, множество экипажей, верховыхъ лошадей... Я пріобрѣлъ значеніе и сразу привлекъ къ себѣ сердца помѣщиковъ.

---

[1]) „Кіевская Старина" 1891 г., № 3.

Выборы происходили каждые три года. Выборными были слѣдующія должностныя лица: губернскій предводитель дворянства („маршалокъ“), первый сановникъ, глава дворянства; предсѣдатели перваго и второго департаментовъ, въ первомъ разбирались уголовныя дѣла и предсѣдателемъ его выбирали человѣка богатаго, со значеніемъ и вѣсомъ у правительства, чаще всего какого нибудь магната; во второмъ предсѣдателемъ избирался человѣкъ разумный и добросовѣстный, знающій законы и указы, пользующійся уваженіемъ среди дворянства, хотя бы даже и небогатый; затѣмъ шли уѣздные предводители 12 уѣздовъ, составлявшихъ тогда волынскую губернію; далѣе, уѣздные подкоморіи,—должность болѣе почетная, чѣмъ сопряженная съ обязанностями и работой; депутаты двухъ департаментовъ; уѣздные хорунжіе, замѣстители предводителей,—они должны были постоянно быть въ движеніи, въ разъѣздахъ, и потому на эту должность выбирали болѣе молодыхъ и богатыхъ; уѣздные судьи, подсудки, кромѣ того въ каждомъ уѣздѣ выбирался еще писарь изъ людей, владѣющихъ перомъ, дѣльныхъ, не гулякъ и т. д. Всѣ эти должностныя лица жалованья не получали. Движимые дворянскими чувствами, они жертвовали охотно своимъ имущество на пользу дворянства.

Должности исправниковъ и засѣдателей или ассесоровъ были тогда выборныя и платныя; потомъ ихъ стали замѣщать по назначенію отъ правительства, и исправники и засѣдатели стали такими же коронными чиновниками, какъ и многіе другіе чиновники, назначаемые правительствомъ.

Дворянскій домъ или залъ для выборовъ представлялъ огромное каменное зданіе, находившееся въ полномъ распоряженіи дворянства. Голосованіе происходило иногда въ большомъ порядкѣ, вполнѣ пристойно, а иногда съ шумомъ и крикомъ. Дворянство было похоже на молоко, поставленное на огонь: прекрасно кипятится—любо смотрѣть, вдругъ начинаетъ пѣниться и все выливается изъ кастрюли.

При выборахъ въ губернскія должности важную роль играли овручане; въ этомъ уѣздѣ имѣющихъ право голоса дворянъ было болѣе четырехсотъ. Житомирцы были богаче и очень

горды,—не давали большимъ панамъ командовать собою, но отличались рознью и самолюбіемъ. Овручане были бѣдны, но многочисленны, многіе изъ нихъ не имѣли ни одной ревизской души, но голосовали, какъ имѣющіе 25 душъ, записанныхъ за ними болѣе богатыми, такъ какъ нужно было владѣть 25 душами, чтобы имѣть право голоса. Такіе меценаты брали овручанъ въ свою свиту и распоряжались ихъ голосами на выборахъ.

Однимъ изъ меценатовъ этого рода былъ генералъ Корженевскій; онъ владѣлъ частью Житомира, называвшейся Коденкой. Тамъ были домики, какъ бы нарочно построенные для выборной агитаціи. Жилище было обширное, удобное, съ огородами, садами, огороженное кругомъ, точно островъ. Туда привозили овручанъ въ крытыхъ еврейскихъ бричкахъ, и панъ Корженевскій, бывшій предводитель овручскій, давалъ у себя пріютъ братьямъ-шляхтичамъ овручанамъ. Паны Третьяки, Ружанскій, Барановскій привозили овручскую шляхту, поселялись съ нею въ огороженныхъ дворахъ, жили тамъ и заботились, чтобы шляхта не имѣла никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, пока не окончатся губернскіе выборы.

По избраніи губернскихъ должностныхъ лицъ, выпускали овручанъ на волю и они наполняли кофейни и шляхетскіе кабаки. Тогда нельзя было становиться имъ поперекъ дороги.

Житомирцы дѣлились на двѣ партіи: шляхта, сблизившаяся съ овручанами, сторонники равенства, хоть, можетъ быть, они и не знали, что это демократизмъ; другая партія считалась аристократическою.

Выпущенные на волю овручане, вмѣстѣ съ житомирцами, вносили въ шляхту другихъ уѣздовъ жизнь и разгулъ, потому что тогда этимъ отличались названные уѣзды. Шумѣли, кричали на выборахъ, но дракъ не было.

Удивительно, что хотя Житомиръ былъ только губернскимъ городомъ, а Кіевъ былъ главнымъ городомъ трехъ губерній, имѣлъ университетъ (?), множество памятниковъ, дорогихъ славянскому сердцу, отличался такимъ дивнымъ мѣстоположеніемъ, что во многихъ отношеніяхъ не уступалъ Стамбулу, польской шляхтѣ

тамъ было не по себѣ, тогда какъ въ дрянномъ Бердичевѣ, въ грязи, среди евреевъ, царила свобода и разгулъ, шляхта чувствовала себя какъ дома и предавалась полетамъ высокой фантазіи. По крайней мѣрѣ до 1831 года, только здѣсь братались поляки съ русскими, была какая то взаимная откровенность, безъ заднихъ мыслей, стремленій, предположеній и комбинацій. Политическіе разговоры велись по славянски и о славянствѣ. Большую помощь въ этомъ дѣлѣ оказывало постоянное пребываніе въ Бердичевѣ кавалерійской дивизіи, офицеры которой были людьми хорошо выдержанными, хорошо воспитанными и сходными по своей широкой натурѣ съ польской шляхтой. Польская молодежь поступала въ русскіе полки, браталась съ русскими, и смѣло можно сказать, что, можетъ быть, во всей Польшѣ только одна бердичевская шляхта знала, что такое славянство, и имѣла къ нему тяготѣніе. Бердичевскіе поляки видѣли на ярмаркахъ Александра Карагеоргіевича, сына сербскаго богатыря, а позднѣе князя этого разумнаго славянскаго народа, а вмѣстѣ съ нимъ Янковича, Менадовича и другихъ сербовъ, бѣжавшихъ тогда изъ своего отечества; видѣли они также болгаръ—Априлева и Палаузова—и черногорцевъ. Съ ними знакомились и потомъ дѣлали охотничьи экскурсіи въ Новую Сербію, гдѣ было мѣстопребываніе этихъ выходцевъ; знали, гдѣ они живутъ и какъ они живутъ; знали, что есть выходцы—запорожцы, вооруженные рыцари за Дунаемъ, что есть некрасовцы. Шляхта узнавала изъ этихъ живыхъ книгъ славянства о томъ, что и не снилось ни великополянамъ, ни слѣпымъ мазурамъ, ни краковянамъ, ни даже галичанамъ. Великополяне, мудрые философы, знали и разсуждали о великихъ оботритахъ, объ онѣмечившихся славянахъ и сами по немногу нѣмечились, потому что это былъ западъ и цивилизація: Кантъ, Гегель, Шлегель... Для краковянъ и мазуровъ славяне были схизматиками, погибшими душами. Галичане знали тогда славаковъ, которые продавали порошокъ для истребленія блохъ, слыхали о Ганкѣ и Шафарикѣ, но все повторяли: мадьяры—„братанки и до шабли, и до чарки“—все за насъ знаютъ и сдѣлаютъ. У насъ было иначе: мы читали сочиненія,

выходившія въ Харьковѣ, въ Одессѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ уже занимались основательно славянствомъ. Этого не могло быть подъ властью нѣмецкихъ монарховъ, которые старались убѣдить, что „slavi sunt sclavi“ (славяне—рабы), что римляне пользовались славянами какъ гладіаторами, а германцы какъ конюхами, что разсказы о царяхъ сербскихъ, о короляхъ боснійскихъ, а также о болгарскихъ—все это миѳы. Это незнакомство со славянами, это слабое пониманіе сущности славянства было, есть и еще долго будетъ великимъ зломъ для поляковъ.

Польское общество не завязало никакихъ сношеній съ русскимъ обществомъ главнымъ образомъ потому, что всѣ высшіе чиновники въ то время были или поляки, или курляндцы. Губернаторомъ послѣ генерала Гижицкаго, человѣка вздорнаго и нелюбимаго шляхтой за свое грубое обхожденіе, былъ назначенъ Андржейковичъ, литовецъ, человѣкъ радушный, хорошо воспитанный.

Русскіе чиновники были большею частью изъ малороссовъ, которые предпочитали жизнь въ домашнемъ кругу жизни общественной. Малороссы народъ трудолюбивый, добросовѣстно исполняютъ свои обязанности, не гуляки, не пьяницы, не требуютъ большихъ денегъ и не копятъ ихъ, но стремятся къ домашней жизни, любятъ семью, соловья, цвѣты...

По селамъ помѣщичье житье было шумное, пышное и архи-цивилизованное; почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ была библіотека довольно обширная и хорошо подобранная изъ книгъ на различныхъ языкахъ, вездѣ выписывали газеты виленскія, варшавскія, а во многихъ мѣстахъ французскія; умственное движеніе было большое. Въ то время существовало два кружка: литературный и философскій. Что касается литературы, то вся молодежь и женщины были за романтическую литературу. Адамъ Мицкевичъ, Байронъ, Пушкинъ были кумирами этого кружка. Другой кружокъ, состоявшій изъ стариковъ и упрямцевъ, единственной цѣлью которыхъ было показать, что они имѣютъ свое мнѣніе, стоялъ за классицизмъ, и Людвикъ Осинскій былъ ихъ учителемъ. У нихъ на всѣ разсужденія, на всѣ просьбы послушать былъ только одинъ отвѣтъ: брали

книжку Мицкевича, какъ дѣлалъ это Осинскій, раскрывали и громко читали: „Ciemno wszędzie, głucho wszędzie!", закрывали книжку, говорили: „должно быть будетъ глупо" (głupie będzie), и клали ее на столъ. Изъ за этого дѣло доходило до бурныхъ споровъ, даже до поединковъ; но, къ счастью, сторонниковъ классицизма было мало и ода къ молодости, повторяемая и превозносимая всѣми, добила классицизмъ.

Въ философіи были сторонники Канта и сторонники Яна Снядецкаго, но послѣдніе, благодаря національному чувству и здравому смыслу, хотя и не всегда присущимъ полякамъ въ точныхъ наукахъ и въ политикѣ, взяли верхъ надъ сторонниками нѣмецкой философіи, которой не понимали даже ея поклонники. Янъ и Андрей Снядецкіе считались величайшими мужами науки въ Польшѣ.

Этотъ бѣглый обзоръ делекаго прошлаго показываетъ всеобщее умственное движеніе въ юго-западной Россіи.

Не встрѣчалось болѣе или менѣе значительной деревни, гдѣ не было бы уютнаго и красиваго помѣщичьяго домика; даже въ маленькихъ деревушкахъ, которыя сдавались въ аренду или гдѣ жили экономы, были опрятные и благоустроенные домики; хозяйственныя постройки соотвѣтствовали домомъ; особеннымъ великолѣпіемъ отличались конюшни. Крестьянскія хаты, особенно въ окрестностяхъ Бердичева, были очень опрятны; тамъ было множество садовъ и обиліе воды. Среди степи эти села казались рощами; народъ былъ зажиточный, бойкій, необыкновенно смышленый, привязанный къ добрымъ и справедливымъ панамъ; козацкій духъ сохранился здѣсь, быть можетъ, болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Украинѣ.

Каковы были люди, таковы и кони. Въ то время какъ Вацлавъ Ржевускій холилъ арабовъ изъ пустыни на паркетахъ савраньской конюшни, въ то время какъ князья Сангушки скрещивали арабскую, англійскую и польскую породы, чтобы имѣть лошадей въ родѣ англійскихъ, президентъ Ивановскій нашелъ, такъ сказать откопалъ породу тѣхъ старинныхъ польскихъ коней, *джаметовъ*, на предкахъ которыхъ гусары и панцырники разносили въ теченіи вѣковъ рыцарскую славу Польши,

потому что эти кони походили на того коня, верхомъ на которомъ изображенъ Янъ III въ Варшавѣ. У Іеронима Сабанскаго были огромные табуны лошадей, которыхъ звали нѣкогда *елонками*, употреблявшихся подъ легкія хоругви копейниковъ—уланъ и козаковъ; небольшія, подвижныя, быстрыя, выносливыя, какъ лошади арабовъ пустыни. По примѣру этихъ двухъ помѣщиковъ, вся бердичевская округа стала разводить лошадей, не для бѣговъ, а для ѣзды, и скорѣе подъ верхъ, чѣмъ для упряжки. Эти лошади очень цѣнились и за нихъ дорого платили. Въ польскомъ войскѣ и въ русской гвардіи въ Петербургѣ лучшія офицерскія и унтеръ-офицерскія лошади были изъ окрестностей Бердичева.

По поводу лошадей разскажу одинъ забавный случай.

У президента Ивановскаго была дочь, очень красивая, хорошо воспитанная и съ большимъ приданымъ. Претенденты на ея руку съѣхались со всѣхъ концовъ Польши. Однажды явилось ихъ двое: графъ К. изъ Познани и графъ Ск. изъ Галичины, оба были люди молодые, свѣтскіе. При видѣ образцоваго украинскаго хозяйства Ивановскаго, они начали говорить объ улучшенномъ нѣмецкомъ. Не замѣтивъ у президента ни одной овцы, ни одного барана, они стали цифрами доказывать, что мериносы обогащаютъ край, а лошади доводятъ его до нищеты, и что слѣдуетъ завести мериносовъ вмѣсто табуновъ лошадей, которыхъ у президента было множество.

Ивановскій, бывшій тогда уже семидесятилѣтнимъ старцемъ, слушалъ пораженный и, наконецъ, вскочилъ.

— Вы, панове, поляки?

И когда тѣ отвѣчали утвердительно, покраснѣлъ такъ, что даже паръ съ лысины пошелъ.

— А на чемъ вы будете выгонять нѣмцевъ изъ польской земли? Можетъ быть на баранахъ? Фи, стыдитесь, панове, вы какіе то пастухи! Поѣзжайте себѣ съ Богомъ, здѣсь для васъ нѣтъ мѣста!

Выпроводилъ изъ дому графовъ и выдалъ дочь за подольскаго шляхтича—домосѣда, но владѣвшаго табунами прекрасныхъ польскихъ лошадей.

Президента Ивановскаго одобряли и брали съ него примѣръ во всей бердичевской округѣ: разводили лошадей, чтобы выгнать нѣмцевъ изъ славянскихъ земель. Можетъ быть, это когда нибудь и случится. Дай Боже!

Я былъ помѣщикомъ, и признаюсь, былъ очень счастливъ. Я любилъ свою мать и былъ любимъ ею; въ семьѣ нашей господствовала сердечность и непринужденное доброжелательство, выражавшееся въ стараніи сдѣлать пріятное другъ другу. Больше всего я любилъ охоту, собакъ и лошадей. Въ Гальчинцѣ, гдѣ я родился и жилъ, собиралась окрестная молодежь; у насъ была библіотека, состоявшая изъ нѣсколькихъ тысячъ томовъ очень цѣнныхъ сочиненій и многихъ рукописей; она была открыта для моихъ пріятелей и товарищей моихъ забавъ.

Охотились, забавлялись, подчасъ танцовали, но болѣе всего читали и разсуждали. Смѣло могу сказать, что, ставши съ Яномъ Омецинскимъ во главѣ этой молодежи,—онъ вслѣдствіе своихъ знаній и уваженія, которое къ нему имѣли, такъ какъ былъ на нѣсколько лѣтъ старше меня, а я вслѣдствіе моего значительнаго состоянія и доброжелательства,—мы внушили этой молодежи интересъ къ знанію, къ мѣстнымъ дѣламъ и преданіямъ, и къ жизни истинно шляхетской, къ саблѣ, перу,—словомъ, ко всему достойному. Въ это время наше общество дѣлилось въ политическомъ и соціальномъ отношеніи слѣдующимъ образомъ:

Богатые паны, владѣвшіе нѣсколькими, а то и нѣсколькими десятками селъ и даже мѣстечекъ, стариннаго шляхетскаго рода, владѣльцы тѣхъ же имѣній, которыя принадлежали ихъ отцамъ и праотцамъ. Это было первое условіе такъ называемаго въ другихъ мѣстахъ магнатства. У насъ ихъ звали свояками (koligatami). Они стояли во главѣ этой привилегированной шляхты по рожденію. Въ нее вступали люди извѣстные въ наукѣ, писатели ученые и уважаемые, люди, занимающіе высокія дворянскія должности, имѣющіе военные чины, особенно въ польскомъ войскѣ. Во время Наполеона I быть солдатомъ подъ командой генерала Домбровскаго, значило быть паномъ, хотя бы у него не было ни денегъ, ни имѣній, колигатомъ, желан-

нымъ въ обществѣ колигатовъ; такой человѣкъ могъ ни о чемъ не заботиться и жить себѣ спокойно.

Только въ бердичевской округѣ генерала Домбровскаго, творца польскихъ легіоновъ, цѣнили далеко выше, чѣмъ кн. Іосифа Понятовскаго, гулящаго всадника изъ его отряда. Мазурка Домбровскаго была въ сердцахъ и на устахъ всѣхъ, кто носилъ польское имя. Славу и заслуги Домбровскаго превозносили натощакъ, а богатырскіе подвиги князя Іосифа на веселѣ или совсѣмъ пьяные. Люди, которые нажили имѣнія предпріятіями, торговлей или ремеслами, всегда считались выскочками.

Титулованные, графы, бароны пріобрѣвшіе эти титулы съ помощью денегъ или интригъ, не пользовались уваженіемъ между шляхтой. Даже если кто нибудь изъ лучшихъ семействъ пріобрѣталъ титулъ, то тотчасъ исключался изъ общества, а чаще всего становился посмѣшищемъ единственно потому, что былъ графомъ или барономъ; послѣднихъ больше всего было изъ евреевъ.

Панки или полупанки, владѣльцы мелкихъ деревень или частей деревень, арендаторы, высшіе оффиціалисты крупныхъ пановъ, казенныхъ и монастырскихъ имѣній, составляли особый классъ, пользовавшійся юридически тѣми же правами и привилегіями, что и первый, но въ обществѣ ихъ скорѣе терпѣли, чѣмъ принимали. Отсюда происходила нелюбовь и предубѣжденіе противъ демократіи. Демократы стремились во что бы то ни стало подорвать благосостояніе пановъ, а крестьянъ прижать еще сильнѣе. Тогда не существовало ни демократическихъ теорій, ни демократическихъ обществъ, но уже были поползновенія, которыя неизбѣжно породили нынѣшнюю польскую демократію. А ничего не было легче, какъ примирить пановъ съ панками и полупанками; требовалось только немного разуму и много сердечности.

Чиншевая шляхта была бѣдна и забита, и потому упала духомъ и утратила шляхетскую гордость. Добрый панъ, который былъ матерью для крестьянъ, несмотря на всѣ свои достоинства, являлся мачихой для шляхты. Квартиры для

солдатъ, подводы для войскъ, казенныя повинности, все это долженъ былъ отбывать чиншевой шляхтичъ.

Въ селахъ, которыя не были собственностью пановъ, а принадлежали чиншевой шляхтѣ, она пользовалась необузданной свободой. Настоящимъ паномъ тамъ былъ шинкарь—еврей, умѣвшій обойтись со всѣми, и шляхтичи—собственники и ихъ жены ходили къ нему по очереди караулить и отбывать разныя повинности, но, когда наступалъ срокъ заключенія условія или расплаты, сейчасъ парха-жида въ ухо и за пейсы... Били, били, а когда пропивали все, снова шли къ нему на работу.

Такая жизнь извращала умъ и дурно вліяла на чувство, а высокая фантазія и сознаніе своего достоинства направлялись на дурное, на процессы, драки... Не дай Богъ было жить въ сосѣдствѣ съ такимъ селомъ. Шляхта этой категоріи, исповѣдывавшая православіе, жила въ братскихъ отношеніяхъ съ крестьянами, вслѣдствіе единства вѣры и языка, но шляхтакатолическая была съ ними въ непріязненныхъ отношеніяхъ, и потому ее употребляли для экзекуцій за недоимки и неисполненіе приказаній. Это были самые тяжелые экзекуціонеры, потому что, помимо всего, угнетали еще православныхъ во имя религіи и римской церкви, видя въ нихъ схизматиковъ. Мѣщанство состояло изъ евреевъ, великороссовъ и украинцевъ. Великоросы и евреи занимались торговлей, съемкой садовъ, извозомъ; они были люди хозяйственные и зажиточные. Мѣщане—украинцы, представлявшіе нѣчто среднее между чиншевиками-шляхтичами и крестьянами. Владѣльцу они платили чиншъ втрое большій нежели шляхта, а сверхъ того казенныя подати и отбывали рекрутскую и другія повинности. Они напоминали коровъ, у которыхъ много хозяевъ. Ихъ доили до крови и выдоили всю высокую фантазію, потому что они не имѣли такой, какъ имѣла шляхта и крестьяне. Даже евреи свирѣпствовали надъ ними. Мѣщанство поставляло евреямъ наймитовъ и наймичекъ.

Вольные крестьяне почти всѣ жили въ лѣсахъ, въ качествѣ бутниковъ, плотниковъ, рудокоповъ, чернорабочихъ при обработкѣ лѣсныхъ матеріаловъ. Поселенія ихъ были очень многочисленны въ Гутахъ, Рудняхъ и пр. Это былъ народъ красивый, крѣп-

кій, трудолюбивый и бойкій, превосходные работники; были такіе, что зарабатывали до ста злотыхъ (sic) въ день шлифованьемъ и рѣзьбой по стеклу, отливкой зеркалъ, обработкой желѣза и другими подобными трудами. Они не были прикрѣплены къ землѣ, не были также крѣпостными того или другого пана или казны, имѣли право переходить съ мѣста на мѣсто, по выполненіи предписанныхъ обязанностей.

Однако паны и правительство стѣснили эти вольности или безначаліе, которое, можетъ быть, могло привести къ хорошимъ результатамъ, но скорѣе къ дурнымъ.

Въ слободахъ паны торговали всѣмъ, начиная съ дерева на постройку хатъ до уборовъ, жизненныхъ припасовъ, женскихъ украшеній, содержали шинки съ разными напитками, торговали даже дѣтскими игрушками. Всѣ эти товары были панскіе, а панъ былъ главнымъ и единственнымъ торговцемъ и отпускалъ все въ кредитъ безъ всякихъ затрудненій, записывая такіе долги въ шнуровыя книги, какъ капиталъ, на который присчитывается законный процентъ; въ тѣ же книги заносились и заработки, но уже безъ процентовъ. Въ концѣ года разсчетъ. Капиталъ росъ долго, но я никогда не слыхалъ, чтобы заработокъ равнялся ему. Черезъ нѣсколько лѣтъ каждый вольный поселенецъ имѣетъ уже нѣсколько тысячъ долгу и утрачиваетъ свою свободу, пока не выплатитъ долга, а такъ какъ выплатить не можетъ, то попадаетъ въ такую же крѣпостную зависимость, какъ и ревизскіе крестьяне. Этотъ способъ лишенія человѣка вольности посредствомъ втягиванія въ долги, хотя кажется на первый взглядъ несправедливымъ, законенъ тамъ, гдѣ собственность является основой общества. Не совсѣмъ безвыгодно это и для самихъ вольныхъ поселенцевъ, потому что принуждаетъ ихъ оставаться на мѣстѣ, а только камень, остающійся долго на мѣстѣ, обростаетъ... Съ другой стороны это устраняетъ коварную конкуренцію спекуляторовъ, которые, основывая новыя фабрики, разсчитывали бы на барышъ вслѣдствіе уничтоженія прежнихъ, приманивая къ себѣ рабочихъ обѣщаніями. Не такъ то удобно это дѣлать, когда нельзя имѣть этихъ рабочихъ иначе, какъ уплативъ готовыя деньги за ихъ

долговой капиталъ. Это средство, несмотря на то, что оно, по видимому, безправственно, обезпечиваетъ существованіе фабрикъ, ихъ улучшеніе и разростаніе. Можетъ быть, эта система долгового капитала, улучшенная въ смыслѣ добросовѣстности и потребностей мѣста и времени, была бы наиболѣе подходящей при переходѣ изъ крѣпостного состоянія къ полному освобожденію, потому что служила бы преградою безначалію, дабы оно не перешло въ своеволіе, распущенность и, можетъ быть, преступленіе.

Если крѣпостные, ревизскія души, какъ было въ то время, имѣли пана добраго и хорошо понимающаго свои интересы, то положеніе ихъ было такъ хорошо, такъ благопріятно въ матеріальномъ отношеніи, какъ только можно было пожелать. Три дня въ недѣлю панщины, 12 дней въ годъ на починку дорогъ, плотинъ и мостовъ, 12 дней въ годъ *толоки* и *даровызны* въ пользу владѣльца, все это не было очень отяготительно, подати было невелики. Панъ не допускалъ крестьянъ, какъ свою собственность, умирать съ голоду или жить въ нуждѣ, не допускалъ ихъ даже оставаться безъ заработка; всегда были готовы помощь, поощреніе, защита отъ всего худого; во многихъ мѣстахъ допускалось даже просвѣщеніе. Послѣ работы крестьянинъ могъ ложиться спать, не думая о завтрашнемъ днѣ, и въ случаяхъ нужды всегда могъ имѣть увѣренность: „панъ дастъ“.

У худого пана для крѣпостныхъ былъ адъ. Въ описываемое время былъ начатъ процессъ противъ пана Г. въ Кіевѣ и этотъ помѣщикъ былъ посаженъ въ тюрьму за жестокости надъ крестьянами. Онъ подвѣшивалъ женщинъ къ потолку за волосы и понемногу подрѣзывалъ косу бритвой, пока не оставалось такъ мало волосъ, что они не могли удержать тѣла; женщина обрывалась и на крючкѣ оставался кусокъ кожи съ волосами. Другой помѣщикъ, панъ И. А. приказывалъ пахать, запрягши въ плугъ бабъ и дѣвокъ. Бѣдняжки падали, таща плугъ, а панскіе живодеры били батогами этихъ обращенныхъ волею панскою въ рабочій скотъ крестьянокъ. Панъ Б., гусарскій офицеръ, пригласилъ къ себѣ въ гости товарищей гусаровъ и велѣлъ

дворовымъ козакамъ и гусарамъ-вѣстовымъ собрать силой молодицъ и дѣвокъ для участія въ увеселеніяхъ. Они гуляли, пока мужья, братья и отцы этихъ несчастныхъ жертвъ разврата не привезли возовъ сухого сѣна и соломы, обложили ими домъ, какъ валомъ, и зажгли. Дворъ горѣлъ, а крестьяне стали съ ружьями, косами и топорами вокругъ, какъ духи-мстители. Ни одна живая душа не вышла со двора,—всѣ сгорѣли вмѣстѣ. Крестьянъ сослали въ Сибирь, село опустѣло, а пожарище осталось, какъ напоминаніе о суровой карѣ. Видѣли мы и пановъ В. и Д., ставящихъ на карту и проигрывающихъ своихъ крѣпостныхъ,—женъ и дочерей одному, а мужей и отцовъ другому. Видѣли многихъ, продававшихъ ревизскія души, какъ рабочій скотъ, хуже собакъ, потому что дешевле. Высочайшіе указы запрещали продавать крестьянъ безъ земли, но не было запрета покупать землю безъ крестьянъ. Обыкновенно сегодня продавалась земля съ крестьянами, а завтра покупалась та же земля безъ крестьянъ, и крестьяне одни оставались у покупателя. Можно было дѣлать что угодно, но только осторожно, обойти законъ, обмануть законъ, потому что это было не наше. Не знаю, не было ли бы то же самое, если бы было наше.

Были добрые паны, но такихъ было мало; вообще стыдились выказывать доброту и человѣчность, потому что кто не приказывать дать полсотни горячихъ за сорванную грушу, тотъ не былъ хватомъ.

И такіе то люди стали впослѣдствіи самыми ярыми демократами!

Такія отношенія между владѣльцами и крестьянами вселяли взаимную ненависть въ тѣхъ и другихъ. Обвинять въ этомъ правительство и чиновниковъ нельзя, никто не могъ бы указать ни малѣйшаго ихъ дѣйствія, которое способствовало бы этому; напротивъ, отъ этого отечески предостерегали; притомъ и охраняли шляхту отъ оскорбленій и мести. Правительство предоставляло владѣльцамъ полную свободу заниматься улучшеніемъ быта своихъ крѣпостныхъ, даже поощряло это и награждало тѣхъ, которые отечески обхо-

дились съ крестьянами, а чиновникамъ были даны строгія приказанія не вмѣшиваться въ отношенія между помѣщиками и крестьянами и, сказать правду, въ этомъ отношеніи мы не испытывали никакихъ стѣсненій или непріятностей со стороны чиновниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мистерія страстей Христовыхъ.

Въ числѣ рукописей, присланныхъ на археологическую и библіографическую выставку, устроенную въ 1888 году львовскимъ ставропигійскимъ институтомъ къ празднику 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси, была, между прочимъ, одна рукопись, присланная изъ церковной библіотеки небольшаго села Смерекова, львовскаго уѣзда, но недопущенная на выставку завѣдывавшимъ библіографическимъ отдѣломъ крилошаниномъ А. С. Петрушевичемъ потому, что въ ней-де нѣтъ ничего интереснаго. И дѣйствительно, все время выставки рукопись эта пролежала въ подвалѣ института, закупоренная, вмѣстѣ съ прочимъ непригоднымъ хламомъ, въ большой деревянный ящикъ. По окончаніи выставки сеніоръ института, д-ръ Исидоръ Шараневичъ, счелъ нужнымъ еще разъ просмотрѣть весь этотъ хламъ, прежде чѣмъ возвратить всякую вещь по принадлежности. Пользуясь благосклоннымъ позволеніемъ этого почтеннаго ученаго, я имѣлъ возможность тоже взглянуть на этотъ „хламъ" и среди него нашелъ рукопись, описаніе которой здѣсь прилагаю. Это дѣйствительно невзрачная тетрадь въ четверку обыкновенной писчей бумаги, въ древнемъ, рваномъ переплетѣ, состоящемъ изъ склеенныхъ вмѣстѣ нѣсколькихъ листовъ исписанной бумаги, очевидно, какихъ то школьныхъ упражненій въ чистописаніи. На корешкѣ наклеена бумажка съ надписью старымъ почеркомъ, сходнымъ съ тѣмъ, какимъ написана послѣдняя часть рукописи: *„Начало церковнаго пѣснопѣнія, въ веси Смерековѣ, писано Anno*

1670". Кто бы, однако, судя по этой надписи, думалъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ элементарной теоріей или руководствомъ церковнаго пѣнія, тотъ бы совершенно ошибся. Это „Начало церковнаго пѣнія", или, какъ читаемъ на заглавномъ листѣ, „Начало вослѣдовании церковнаго пѣныя и собрания вселѣтьнаго по уставу святыя восточныя иерусалимскыя церквы" есть не болѣе, какъ церковный календарь съ присовокупленіемъ чиновъ богослужебныхъ, относящихся къ каждому празднику года или, такъ называемая, „пасхальная таблица." Въ нашей рукописи мы имѣемъ нѣсколько такихъ таблицъ, писанныхъ неодновременно. И такъ первая таблица, обнимающая весь годъ, начиная съ марта мѣсяца, а кончая февралемъ, а кромѣ того, табличка нарочитыхъ праздниковъ и „кругъ солнцу на 28 лѣтъ", помѣщаются на 16 страницахъ. На заглавной страницѣ внизу мы находимъ замѣтку: *„Нача здатыся року 1607, мѣсяца октоврыя, дня 5, в повѣтѣ львовьскомъ в селѣ Смерековѣ. Захарко"*. Слѣдуетъ на 10 страницахъ другимъ, болѣе позднимъ почеркомъ расписаніе круга луны на нѣсколько лѣтъ, послѣ чего на 38 страницахъ слѣдуетъ вторая таблица пасхальная на весь годъ, съ присовокупленіемъ многихъ замысловатыхъ „круговъ", служащихъ для высчитыванія времени праздниковъ и т. п., и объясненіе, какъ пользоваться этими кругами. Таблица эта, въ главномъ совершенно сходная съ первой, имѣетъ тоже особое заглавіе: „Вослѣдованіе церковна пѣнія и собранія вселѣтнаго по уставу святыя восточныя Іерусалимскія церкви". Внизу этой страницы читаемъ: *„Р. Б. 1655 мѣсяцъ Іюнь, д. 20"*. Если бы смерековская рукопись не заключала въ себѣ ничего болѣе, кромѣ этихъ таблицъ, то мнѣніе крил. Петрушевича объ ея неинтересности можно бы было назвать справедливымъ. Но остальныя 24 страницы этой рукописи, писанныя скорописью, нѣсколько болѣе позднимъ почеркомъ, дѣлаютъ эту рукопись одной изъ самыхъ интересныхъ, какія только встрѣчались намъ на выставкѣ. На этихъ страницахъ, какъ-то не впопадъ переплетенныхъ, такъ что начальные листы отошли на конецъ, мы находимъ полный и очень исправный списокъ одного изъ самыхъ древнихъ памятниковъ драматическаго искусства въ южной Руси,

мистерію о страстяхъ Христовыхъ, носящую въ рукописи латинское заглавіе „*Dialogus de passione Christi*“.

Я не буду разсказывать здѣсь о томъ, какъ начались въ южной Руси драматическія представленія: это извѣстно русскимъ читателямъ изъ работъ по этому вопросу А. Н. Веселовскаго, Н. И. Петрова, П. О. Морозова и др. Скажу только, что изъ довольно (какъ должно полагать) обширнаго репертуара мистерій и moralitè XVII стол. сохранилась только одна п. з. „Дѣйствіе на страсти Христовы списанная“ въ единственной рукописи кіевской духовной академіи. Н. И. Петровъ полагаетъ, что мистерія эта (скорѣй moralitè, такъ какъ въ ней главнымъ образомъ дѣйствуютъ фигуры аллегорическія, а не лица, взятыя изъ священнаго писанія) написана между 1670 и 1686 годами[1]). Но основанія, на какія ссылается г. Петровъ при установленіи этой даты, не препятствуютъ отнести время написанія „Дѣйствія“ къ болѣе раннему времени, а именно къ эпохѣ войнъ Хмельницкаго 1648—1654. Такъ или иначе, нашъ „Dialogus“, если и не самый древній, то во всякомъ случаѣ, одинъ изъ древнихъ памятниковъ драматической южнорусской литературы чисто церковнаго содержанія (оставляя въ сторонѣ гораздо болѣе раннія интермедіи Гаваттовича), сохранившійся вполнѣ до нашихъ дней.

„Dialogus“ этотъ состоитъ изъ пролога, писаннаго на польскомъ языкѣ и заключающаго въ себѣ сценарій драмы, и пяти сценъ, изъ коихъ три первыя можно считать мистеріей, двѣ же послѣднія переходятъ въ родъ moralitè. Собственно всю драму гораздо лучше было бы назвать драмой „страстей Маріи“, такъ какъ опасенія, тревоги и отчаяніе Матери Іисусовой составляютъ главный сюжетъ драматическаго дѣйствія. Дѣйствіе это, несмотря на всю наивность концепціи, обозначено довольно рельефно, очерчено рядомъ сценъ, постепенно усиливающихъ эффектъ. Вообще, ежели сравнить нашъ „Dialogus“ съ содержаніемъ „Дѣйствія“, изложеннымъ у г. Петрова, нельзя не при-

---

[1]) Н. И. Петровъ, „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка,“ стр. 31.

знать, что „Dialogus“ стоитъ гораздо выше, какъ произведеніе литературное. Нѣкоторыя мѣста его, какъ наприм. „ляментъ Маріи“ (стихи 293—320), поражаютъ даже современнаго читателя поэтической силой. Такой же поэтической силы и апострофа церкви къ Христу (ст. 515—536). Когда и кѣмъ написанъ „Dialogus“, объ этомъ мы не можемъ ничего положительнаго сказать. Прологъ не содержитъ въ этомъ отношеніи никакого намека. Вмѣсто того прологъ обнаруживаетъ одно интересное обстоятельство,—что „Dialogus“ нашъ не есть (какъ бы это могло показаться изъ самаго текста) простой переводъ съ польскаго, но написанъ былъ самостоятельно, болѣе или менѣе оригинально, на томъ языкѣ, на какомъ и до насъ дошелъ. Авторъ пролога говоритъ:

Taką my Tragedią wysławim po Panie,
A to się wszystko *ruskim dialektem* stanie.

Правда, „діалектъ“, на которомъ написанъ „Dialogus“,—очень макароническъ и отличается множествомъ полонизмовъ. Кажется, что авторъ или думалъ по польски, или имѣлъ передъ собой образецъ или образцы польскіе, изъ которыхъ мѣстами почти цѣликомъ заимствовалъ цѣлые стихи. Съ другой стороны, однакожъ, нельзя не замѣтить, что мы имѣемъ здѣсь тоже не менѣе значительный процентъ малорусскихъ народныхъ формъ и словъ, а также стиховъ, обнаруживающихъ самостоятельныя риѳмы. О размѣрѣ заимствованія или перевода нашей мистеріи нельзя сказать ничего положительнаго, покуда не будетъ отысканъ образецъ, послужившій для нея моделью.

Изъ пролога можно также догадываться, что „Dialogus“ нашъ написанъ былъ для сцены и дѣйствительно разыгрывался. Гдѣ и кѣмъ, объ этомъ возможны только догадки. Нѣтъ сомнѣнія, что не былъ онъ написанъ и сценированъ въ небольшой, глухой деревенькѣ Смерековѣ. Переписчикъ, который сберегъ его для насъ, вѣроятно, сдѣлалъ копію съ оригинала, находившагося гдѣ-нибудь въ большомъ городѣ или въ монастырѣ, устраивавшемъ набожныя театральныя зрѣлища. Такими центрами, изъ которыхъ переписчикъ могъ принесть „Dialogus“, могли быть Львовъ или Жолковъ, вблизи котораго находится

базиліанскій монастырь въ Креховѣ, основанный еще въ 1618 г. [1]). Съ не меньшей вѣроятностію можно предполагать, что „Dialogus“ не вышелъ изъ круговъ львовскаго ставропигійскаго братства, въ которомъ сохранялись строгія традиціи „славяно-русскаго“, т. е. церковнаго языка, а макаронизмъ польскаго съ народнымъ былъ почти немыслимъ. Всего болѣе, кажется мнѣ, имѣетъ за собой то предположеніе, что „Dialogus“ былъ разыгрываемъ, а можетъ быть, и написанъ въ Жолквѣ, при дворѣ могучихъ въ то время пановъ Собѣсскихъ, у которыхъ, какъ извѣстно, стремленіе къ „европеизированію“, собственно же къ офранцуженію, уживалось съ нѣкоторыми остатками русскихъ родовыхъ традицій. Жолковъ былъ въ то время значительнымъ городомъ, славился своими пивоваренными заводами [2]), имѣлъ множество ремесленныхъ цеховъ; Янъ Собѣсскій основалъ въ немъ новый базиліанскій монастырь въ 1682 г., которому въ 1690 г. подарилъ чудотворныя мощи св. Іоанна Сучавскаго. Въ лѣтописи этого города читаемъ подъ 1660 годомъ: „W tym roku zaprowadzono nowy zwyczaj obchodzenia Wielkiejnocy. W wieczor pod czas rezurekcyi, na wałach z dział bito, na drugi zaś dzień rano po ulicach bębniono na jutrznią“ [3]). Можно предположить, что вся „новость“ не состояла въ одной пальбѣ изъ пушекъ, но что или въ доминиканскомъ монастырѣ (основанномъ матерью Яна Собѣсскаго по смерти сына Марка, павшаго въ битвѣ подъ Батогомъ 1652 г.), или въ замкѣ Собѣсскихъ устраивались драматическіе спектакли въ религіозномъ духѣ. Польскій прологъ обращался въ такомъ случаѣ, вѣроятно, къ панамъ шляхтѣ и вообще къ такъ называемымъ honoratiores, самая же мистерія имѣла въ виду массу мѣщанства, кореннаго русскаго, хотя въ значительной степени ополяченнаго.

Прилагаемый здѣсь текстъ мистеріи списанъ мною буквально съ смерековской рукописи. Я позволилъ себѣ только по-

---

[1]) См. Шематизмъ провинціи св. Спасителя чина св. Василія Великаго въ Галиціи, и Короткій поглядъ на монастыри и монашество руске отъ заведеня на Руси вѣры Христовой ажъ по нынѣшное время. Во Львовѣ 1867.

[2]) См. Ks. Sadok Barącz, Pamiątki miasta Żółkwi. Lwów, 1852, стр. 30.

[3]) Ibidem. стр. 44

ставить знаки препинанія (въ рукописи послѣ каждаго стиха есть точка), развязать малочисленныя сокращенія и надстрочныя буквы снесть въ строку. Послѣ надстрочныхъ буквъ, оканчивающихъ слово, я не ставилъ твердаго знака, гдѣ таковой въ рукописи не былъ обозначенъ точкой или какимъ-нибудь другимъ знакомъ. Вмѣсто латинскаго *g* въ первой половинѣ рукописи послѣдовательно пишется *kı*, во второй же половинѣ (сцена 4 и 5) пишется латинское *g*, я писалъ повсюду послѣдовательно *kı*. Начертанія отдѣльныхъ словъ писаны иногда латинскими буквами (особенно „okrucieństwo“, хотя есть и „окруценство“); я для однообразія употреблялъ повсюду русскія буквы. Вотъ и всѣ отступленія, какія я позволилъ себѣ при списываньи текста. Прилагаю здѣсь для русскихъ читателей, мало знакомыхъ съ польскимъ языкомъ, объясненіе нѣкоторыхъ менѣе понятныхъ польскихъ словъ, встрѣчающихся въ нашей мистеріи: Troskiwy—печальный, rozrzewnić—тронуть, frasowliwy—озабоченный, ogroyec—садъ, odchłań—бездна, віеле—много, нестейтежъ или нестейтыжъ (niestetyż)—увы, литувати, улитуватися—сжалиться, скронѣ—виски, лобъ, розкга—вѣтвь, вшакъ—вѣдь, тыліо—только, препомняти—позабыть, спозреня (spojrzenie)--взоръ, здрой—источникъ, ребелія—бунтъ, скиненье—мановеніе, стескнитися—стосковаться, лепей (lepiej)—лучше, мевати ся (miewać się) frequentativum отъ мати ся, жродло (старопол. żródło) — источникъ, декретъ феровати—произнесть приговоръ, лютость (староп. lutość—litość)—милосердіе, лканье—всхлипыванье, кгротъ—остріе, оружіе, облюбеница—невѣста, облюбенецъ—женихъ, на выліотъ—насквозь, дзѣся—сегодня, упрейме—вѣжливо, усердно, лекгувати тестаментомъ—отказывать по завѣщанію, злецати—ввѣрять, десператъ—отчаянный человѣкъ, разъ—ударъ, звитязтво—побѣда, радити (ст. 510) вм. рядити—управлять, любъ (ст. 519)—хотя, позорне—великолѣпно, притомный часъ (ст. 560)—настоящее время.

Миронъ

Dialogus de passione Christi.

PROLOGUS.

Troskliwe wasze serca byśmy rozrzewnili,
Krótką my traiediią sprawie omyślili.
Będzie to na wzruszenie skruchi chrześciańskiey,
Jak tez na wysławienie srogiey męki Pańskiey.
5 Wydzie Anyoł z kielichem Chrystusa szukaiąc,
Na ludzi y na swoie szczęście narzekaiąc,
Że w takiey iest usłudze, a gdy zchodzić zechce,
Panna mu w drogę zaydzie frasowliwa wielce.
Będzie prosić o kielich śmiertelny Anyoła,
10 Lecz iey Anyoł odpowie, że nie odda zgoła.
A tak kiedy Anyoła iuże nie uprosi,
Wielki żal swóy szeroce przed wami ogłosi.
Anyoł przydzie, a potym Chrystusa w ogroycu
Obaczycie modląc się Niebieskiemu Oycu.
15 I po krótkiem spiewaniu s teyże lewey strony,
Pokaże sie z kielichem y Anyoł z zapony,
Będzie kielich podawał z żalem Chrystusowi
A Chrystus mu na wszystko szeroce odmowi.
Iednakże obaczywszy w odchłani zamknionych,
20 I wołanie nieznośne usłyszawszy onych,
Wezmie kielich z wielkiego swego użalenia—
I takim sie sposobem druga zamknie scena.
Wydzież Chrystus z kielichem, ale tuż znienacka
Pokaże sie w żałośći jego swięta Matka,—
25 Gdzie go wielce hamując gdy iuż niewhamuie,
Pod tenże krzyż z nim oraz s theatrum zstępuie.
Scena czwarta nastąpi, gdzie Panieńskie serce
Od żalu nieznośnego bronić Boga zechce,
Będzie o miecz upraszać, lecz mu zganią męstwo,
30 Gdy weń ostry miecz wbiie srogie okrucieństwo.
Serce same tu czyni, potym Cerkiew nowa
Iako oblubienica wydzie Chrystusowa.

Wiara, nadzieia, miłość onę przywitaią,
Tamże też oraz do niey upraszać się maią.
35 Cerkiew ie miło przymie, y wnet Chrystusowi
Pokłon znaczny uczyni y żal swóy opowi,
Taką my tragedią wysławim po Panie,
A to sie wszystko ruskim dialektem stanie.
Czego raczcie posłuchać choć sercem teskliwym.
40 Tesknić trzeba po Bogu chrześcianom prawdziwym [1]).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Ангелъ. О мѣзерний чловече, подлое створеніе
Уродилесь ся праве на едно грѣшенье!
В кождыхъ своихъ забавахъ завше согрѣшаешъ,
Якъ віеле працъ, такъ віеле грѣховъ исполняешъ.—
45 В чомъ и собѣ, мизерный, не помалу шкодишъ,
И Бога до зневаги значнои приводишъ.
Перве бовѣмъ для тебе рачил ся втѣлити,
Тераз юже, нестейтежъ, муситъ и умрѣти.
Юж юбо, юж несу до Ісуса чашу,
50 Абы выпилъ, о люде, за невдячность вашу.
Несу, мизерный Ангелъ, а и самъ не знаю,
Якъ предъ моимъ Ісусомъ показатся маю,
Якъ предъ Его незмѣрнымъ маестатомъ стану,
Якъ на пренаучестнѣйше лице Его гляну,

[1]) Чтобы растрогать ваши печальныя сердца, мы сочинили краткую трагедію. Она послужитъ къ возбужденію христіанскаго сокрушенія, равно такъ и для прославленія тяжкихъ страданій Господнихъ. Выдетъ ангелъ съ чашей, ищущій Христа и жалующійся на людей и на свою долю, что ему приходится исполнить такую обязанность, и когда онъ вознамѣрится уходить, на встрѣчу ему выдетъ Пресв. Дѣва, очень озабоченная, будетъ просить у ангела смертельную чашу, но ангелъ ей отвѣтитъ, что не отдастъ ни подъ какимъ видомъ. Когда Пр. Дѣва не вымолитъ у ангела чаши, то выразитъ пространно передъ вами свою горесть. Ангелъ придетъ, а потомъ вы увидите въ саду Христа, молящагося Небесному Отцу. И послѣ краткаго пѣнія съ этой же лѣвой стороны изъ за занавѣса покажется ангелъ съ чашей, съ печалью будетъ подносить чашу Христу, а Христосъ будетъ отказываться въ длинной рѣчи. Но, увидѣвъ заключенныхъ въ безднѣ и

55 Що тамъ буду мовити, которыми словы!
Подамъ тож срокгий напой моему Христови.
Радь, кто можетъ, якъ бымъ моглъ собѣ поступити,
Альбо того келиха якъ бымъ моглъ позбыти.
Самъ бымъ я его выпилъ, лечъ буду караный,
60 Бо для Христа конечне той напой посланый.
Отмѣнилъ бымъ, лечъ и то, вижъ, Отецъ познаетъ.
Который всѣ скритости на видоку маетъ.
Далбымъ кому иншому, лечъ нѣхто не приймет,
Бо умерти жаденъ ся чловекъ не подийметъ.
65 Згола якъ поступити в томъ разѣ не знаю,
Хочай розумъ ангельский быстровидный маю.
Чи единъ же я Ангелъ такъ естъ нещасливый,
Же Ти такъ услугую, Отче мой правдивый!
Коли Ісусъ на землю зишол ся родити,
70 Иншимъ в той часъ Ангеломъ казалесь служити.
А гды на смерть, на раны Его декретуешъ,
Мнѣ ко нему, нестейтыжъ, ити приказуешъ.
Нехай же южъ щоколвекъ зо мною ся стане,
Я иду, где мнѣ кажешъ, Творче мой и Пане.
75 Насвентша Панъна. Стуй, Ангеле, где идешъ, кого то шукаешъ?
Гостемъ будучи въ свѣтѣ, за чемъ же пытаешъ?
Ангелъ. Ісуса Назарея, еслись коли знала,
Албо еслись принамнѣ о онымъ слышала,—

услышавъ ихъ невыносимые вопли, вслѣдствіе своего милосердія, возьметъ чашу, и таким образомъ окончится вторая скена.

Христосъ выдетъ съ чашей, но тутъ внезапно предстанетъ въ горести Его святая Мать. Она Его уговариваетъ и, не уговоривши, уходитъ вмѣстѣ съ Нимъ со сцены подъ тотъ же крестъ. Начинается четвертое дѣйствіе, гдѣ сердце Богородицы, вслѣдствіе невыносимаго сожалѣнія, захочетъ защищать Бога, будетъ просить меча, но ему измѣняетъ мужество, когда въ него вонзаетъ острый мечъ жестокость. Сердце дѣйствуетъ одно, а потомъ выдетъ Новая Церковь, какъ невѣста Христова. Вѣра, Надежда и Любовь будутъ ее привѣтствовать и вмѣстѣ съ тѣмъ просить принять ихъ. Церковь ихъ любовно приметъ и тотчасъ воздастъ поклоненіе Христу и разскажетъ о своей горести. Такую трагедію исполнимъ мы во славу Господа и все это будетъ изложено на русскомъ языкѣ. Благоволите выслушать это, хотя съ тоской въ сердцѣ, ибо истиннымъ христіанамъ подобаетъ сокрушаться о Богѣ.

Того я, нендзный Ангелъ, на земли шукаю,
80 И ему овый келихъ выпитъ дати маю.

Паннна. Ах, Ангеле, почекай, стуй, стуй, не спѣшися.
Ни в кого, якъ у Мене о Нюмъ довѣсися.
Я естемъ его Мати! Постуйже зо Мною,
Нехъ щоколвекъ, Ангеле, помовлю с тобою.
85 И на Сына Моего такъ срокгіе муки
Ангелскіе святые несутъ твои руки?
И Его жъ то с келихомъ смертелнымъ шукаешъ?
Отожъ Его внутръ Мене предъ собою маешъ.
Тутъ есть Сынъ Мой, тутъ завше Я Его ховаю,—
90 Ве внутрностяхъ и в серцу Ісуса Я маю.
Дай же теды, Ангеле, Мнѣ келихъ выпити,
Если хочешъ Ісуса Мого напоити!

Ангелъ. Пречистая Дѣвице, поневажъ Тя знаю,
Матку Бога моего, про то ся кланяю.
95 Але того келиха, Госпоже и Мати,
Жаднымъ нѣкгды способомъ не могу Ти дати.
Бо гдыб то волно было, з небаб не спустили
Ангелы, алебъ сами той келихъ выпили.
И я бы не отмовилъ за Христа, моего
100 Створителя, и Сына, о Панно, Твоего.
Лечъ же Ему самому казано подати,
Претож Его самого пойду я шукати.

Панна. Ах, почекай, для Бога! Стуй, стуй, погамуйся!
Надъ утрапленнымъ серцемъ Моимъ улитуйся!
105 Чи не вѣришъ же Минѣ, же ту Сына маю
И же Его в нутрностяхъ по всякъ часъ ховаю?
Тутъ есть Сынъ мой, тутъ живетъ! Вчиниж милосердне,
Дай Ми келихъ выпити, молю тя усердне!

Ангелъ. Вѣрую, же Ты в серцу милость к Нему маешъ,
110 Але Его самого в Собѣ не ховаешъ.
Мнѣ зась самому треба тотъ келихъ отдати,
Претож Его самого пойду я шукати.

Панна. Принамнѣйже, Ангеле, то рач учинити,

Щоколвекъ с того кубка рач Мнѣ удѣлити!
115 Вдаръ копѣю у серце, люб на Мои скронѣ
Терновой той окрутной дай мѣсце коронѣ,
Або в руки гвоздіе Мои рач убити,
Любъ щоколвекъ,—тилко хтѣй и Мнѣ удѣлити.
Нехай не всѣ мордерства Ісусъ Мой поноситъ,—
120 О то тебе пендзная Матка Его проситъ.

В пеклѣ. Будь милостивъ, Господи, змилуйся надъ нами!
Покажи милосердіе Твое надъ вязнями,
Снийди с небеси, Творче, выбавъ насъ з неволѣ,
Учини, о Господи, дость Отцевской воли!

125 Ангелъ. Ово, Панно, за тых то Богъ маетъ умерти,
За тыхъ маетъ ганебно укусити смерти.
Нехже теды все тое будетъ Му отдано,
Щоколвекъ есть отъ Отца презъ мене послано.

Панна *(ляменьтуеть)*. Ах, нендзнаяж Я Матка, Матка утраплена,
130 Нендзне болю, фрасунку и лезъ наполнена.
Радь хто можетъ, куды бымъ могла ся удати,
Якъ бымъ Мого Ісуса могла уховати!
Вступилабымъ на небо до Отца з слезами,
Тамъ бымъ Его просила, павши пред ногами.
135 Леч тамъ небо не пустит, бо там со слезами
Нѣхто некгды не вступитъ, толко з утѣхами.
Била бым ся з Ангеломъ, келихъ бымъ отняла,
Алемъ не есть Яковомъ, певне бымъ програла,
Ах, згола, якъ фрасунку позбыти, не знаю,
130 Хто бы Мя моглъ потѣшить, никого не маю.
Гавріиле Ангеле, где ся забавляешъ,
Чемъ Мя теразъ недзнои не поздоровляешъ?
Чемъ ся теразъ до Мене, Ангеле, не спѣшишъ,
Чемъ не мовишъ: радуй ся! чему Мя не тѣшишъ?
145 Пред тымъ Мя называлесь благословенною
Межи всѣми невѣсты и увелбенною.
Пред тымъ Мя в Назаретѣ з розкгою виталесь

И „радуйся, Маріе!" щораз повтаралесь.
А теразъ, ахъ, нестийтежъ, якъ бы теж не было,
150 Такъ ся рихло все тое впреки отменило.
З рожчки твоей крестъ вырослъ на Сына Моего,
Котрогомъ мѣла подлугъ словеси твоего.
З радости зась овои лезъ не погамую,
Лзами ся уставичне нендзная частую.
155 Гавріиле, принамнѣй в тымъ мнѣ прислужися,
З Ангелами другими Отцу помолися.
Падь у ногъ Его, абы хтѣлъ милостивъ быти
И отъ Моего Сына хтѣлъ смерть отдалити.
О, о, о, Отче Святый, рач ся злитовати!
160 Со слезами молюся Я, нендзная Мати.
Даруй Мя тымъ, нехай Я за Сына Моего
Полкну смерть и всѣ муки з келиха Твоего.
Вшакъ презъ жону грѣхъ стался на початку в раю,
Нехай же теж Я жона за грѣхъ умираю!
165 Отче Святый, Ты Отецъ, а Я Его Мати,
Чемуж ся в Немъ такъ якъ Я не рачишъ кохати?
Ямъ Го млекомъ кормила, с перси источивши,
А Ты поишъ, желѣзомъ келихъ наполнивши.
Чи юж то теразъ Твои перси зжелѣзнѣли,
170 Которыи от вѣку мяткосерди были?
Чи едномусь то тылio Сыну такъ суровый,
Который есть, былъ завше милости готовый?
Ахъ Отче, Отче Святый, а чи препомнялесь,
Кгды з Сыномъ Ми в Египетъ бѣжати казалесь?
175 А теразъ Самъ такъ сродзе Его преслѣдуешъ,
Смертоноснымъ келихомъ, якъ лотра, честуешъ.
Не допустилесь Его Іроду згубити,
Чи для тогож, абысь Го Самъ моглъ уморити?
Ах Сыну Мой укоханый, юже теж незнаю,
180 Якъ Ся теразъ той смерти уховати маю.
Юже тераз не можетъ Насъ яма искрити,
Анѣ жадное мѣстце можетъ утаити,
Кгдыж не Іродъ, лечъ Той Тя самъ на смерть сказуетъ,

Котрый еднымъ спозренямъ весь свѣтъ опатруетъ.
185 Вступи теды, о Сыну, до Моей утробы,
Нехай оразъ с Тобою буду в едномъ гробѣ!
Вниди, Сыну, до сердца и хтѣй тамъ умрѣти,
Гдесь ся теж на початку рачилъ уродити!

СЦЕНА ДРУГАЯ

Ангелъ до Христа с келихомъ.

Ангелъ. Вырокъ Отца Твоего естъ еще предъ вѣки,
190 Абысь поднялъ, Христе мой, смерть за человѣки.
З чимъ мя теразъ до Тебе Отецъ присылаетъ,
Абысь келихъ той выпилъ, о то Тя жадаетъ.

Христосъ. А то що есть, Ангеле? Чи южъ то до бою?
Чи южъ то и Ангели воюют зо Мною?
195 Щом такого провинилъ, же Мя преслѣдуютъ,
Чловеци и Ангели смерть на Мя готуютъ?
Вижу, земля и небо зброю на ся взяло,
Бы якъ неприятеля Мене поконало.
Ей, принамнѣй, Ангеле, вспомни собѣ тое,
200 Жем Я есть твой створитель, ты створеніе Мое.
Изъ иншого, молю тя, участуй Мя здрою,
Понехай ребелію, отдали преч зброю!

Ангелъ. Милосердный мой Пане и Боже Сіону!
Ям нанизший есть слуга у Твоего трону,
205 И всѣ хоры Ангеловъ Тобѣ ся кланяютъ,
Ребелии жадной, Господи, не знаютъ.
Всѣ на Твою услугу без жадной вымовы
За намнѣйшимъ скиненемъ завше суть готовы.
А же тераз таким Тя келихомъ частую,
210 Вѣдаешъ, же Твоему Отцу услугую.
Онъ мя выслалъ до Тебе, и оные муки
Приказалъ ми конечне, абым Ти далъ в руки.
Прийми теды Ісусе той келихъ от мене
И выпий за чловѣка грѣшнаго збавеніе!

215 Христосъ. О Отче Мой небесный, Отче добротливый!
Спул-судія, Спул-творче, Спул-Боже правдивый!
Чи юже ся то Тобѣ стескнило за Мною,
Же мешкаю от вѣка, Отче Мой, с Тобою?
Чи южесь то умыслилъ Мене, Сына, збыти,
220 Кгды Ми Ангеломъ кажешъ такъ горце служити?
Ей Отче, Отче Мой, любо Тя ображаютъ
Люде, лепей ся еднакъ у Тебе меваютъ.
Тысь выправилъ Ангеловъ до Лотова дому,
Бы го предъ западненемъ вывели з Содому.
225 З Твоего розказаня Ангелъ з рыбы жолчи
Товии далъ старому лекарство на очи.
З Твоей воли Даниилъ в яскини зе лвами
Жилъ беспечне, бось го стрегль з Своими слугами.
А ку Минѣ, Сынови, милости не маешъ,
230 На Мое затраченя Ангеловъ зсылаешъ,
Нехай же, Отче, нехай, литость Твоя прийдетъ!
Кажи, нехай отъ Мене чаша та отийдетъ!
Чи такіе у Тебе, Отче несмертелный,
На емпири предвѣчномъ походятъ цистерны?
235 Чи такое ся родитъ вино в Твоей винници?
Чи такіе у Тебе жродла и криници?
Вѣдаю, же и люде з Ангелы посполу
З лѣпшого пют келиха у Твоего столу.
Вѣдаю, же и звѣри, коли наповаешъ,
240 Прагненя ихъ, о Отче, завше угашаешъ.
А на Мене не хочешъ милосерднымъ быти,
Хочешъ Мя такъ срокгою смертю упоити.
Да мимо идетъ прето, Отче, чаша сия!
Учини для Своея милости святыя!
245 Ангелъ. Южъ то есть не отъ Мене, Христѐ мой коханый,—
От Отца предвѣчнаго декретъ ферованый,
Абысь рачилъ той келихъ приняти отъ мене,
И отважне выпити за Свое створене.
Христосъ. О якъ же ся, нестийтежъ, теразъ ошукалемъ,
250 Же ся отъ васъ помоги з неба сподѣвалемъ!

Хвалилем ся пред всѣми завше ворогами,
Же суть Ангелы в Мого Отца миліонами.
А ты тераз, Ангеле, литости не маешъ,
Же ся ты с тымъ келихомъ моцно наражаешъ.

255 Ангелъ. Нещасливый я Ангелъ, и самъ юж не знаю,
Якъ в томъ такъ срокгомъ разѣ поступити маю.
Вшакъ вѣдаешъ, Господи, же не моя воля,
Але Отца Твоего, Небеснаго Кроля.
Онъ Тя выслалъ, Онъ Тобѣ рачилъ приказати,
260 Абы згола той келихъ Тобѣ былъ отдати.
Если теды не приймешъ (що и я жадаю),
Я ся назадъ з келихомъ зараз повертаю.

В пеклѣ. Будь милостивъ, Господи, змилуй ся надъ нами,
Покажи милосердіе Твое надъ вязнями!
265 Снийди с небеси, Творче, выбавъ насъ з неволѣ,
Учини, о Господи, дость Отцевской воли!

Христосъ. Стой, Ангеле, почекай, дай Ми чашу в руки!
Юже тыж ся отважу на всѣ тые муки.
Проразило Мя пекло, ляменты и лканя,
270 Сердце Мое зранили людскіе воланя.
И маетъ же такъ марне от Мене створеный
Чоловѣкъ загинути в пеклѣ зануреный?
И будетъ же такъ много смерть людьми радити,
Албо шатанъ пекелный будетъ ли губити?
275 Иду на крестъ, на кгроты, и теж на катовнѣ!
Стану предъ судіями, умру неотмовнѣ.

СЦЕНА ТРЕТЯ.

Naswiętsza Panna. А где есь ся запустилъ, Сыну Мой и Боже?
На которое мѣсто идешъ в той дорозе?
Кого тамъ овымъ кубкомъ хочешъ упоити?
280 Чи теж хочешъ Самъ з его где колвекъ выпити?
Повѣж Ми, о Ісусе, нехай и Я, Мати,
Буду вѣдати, где ся будешъ обертати?

Христосъ. На Голгофу спѣшу ся на смерть и на муки,
Иду, якъ видишъ Матко, в таковые руки.
285 Иду на крестъ, на кгроты, на всякіе раны,
Поневаж тотъ от Отца декретъ ферованый,
Абымъ смертію Моею смерть могъ поконати,
И страчоную свѣтлость чловѣкови дати,
Тебе теды, о Матко, юже здѣсь жегнаю,
290 За матерскую милость Тобѣ ся кланяю.
Жесь Мя млекомъ кормила, жесь Ми житя дала,
За то Тебе чекае в небѣ вѣчна хвала.

Панна. Ахъ, ахъ, сладкий Іусе, ахъ Сину коханый,
Чи и Ты юж, Боже Мой, будешъ крижованый!
295 Нещасливам Я матка, жем ся дочекала,
Чого некгды жадная матка не дознала.
Тебе, едну утѣху и едно коханя,
Едну мою утѣху и едно стараня,
С паненскоей Моеи утробы сплодивши
300 И якъ агнца от перси млеком утучивши,
Такъ срокгими муками, в незносной сромотѣ
Маю Тебе видѣти на горѣ Голгоѳѣ!
Ахъ, повѣж Ми, Сину Мой, чи юж неотмѣнный
Декретъ, бысь мѣлъ умрѣти, бывши Богъ безвинный?
305 Чи юж то тое лице будетъ попліовано?
Чи юж то тое тѣло будетъ бичовано?
Чи юж то тые руки будутъ пригвозджены?
Чи юж то святый Ти бокъ будетъ прободеный?
Глава тая чи юж то тернемъ окруженна?
310 Ахъ, до мозгу самого будетъ проpаженна?
Ноги тыи святыи чи юж пригвонзятся
И ко Кресту, нестейтыж! ахъ! ахъ, пригвоздятся?
Ахъ, принамнѣ, гвоздіе, вы ся ужалѣте,
Не будте такъ твердыми, але ся змягчѣте!
315 Вѣдайте, же в Божески уходите кости.
Угнѣтеся покорне, зостанте без злости!
Ахъ, Христе Мой, Сину Мой, пойду Я с Тобою,

Нехай ораз обое умремо з собою.
Албо дай Ми выпити тот келихъ за Себе!
320 Того прошу з слезами, Сину Мой, у Тебе.

Христосъ. Не дамъ, Матко и Панно, бо кгды Ми давано,
Бым самъ выпилъ конечне, такъ Ми приказано.
Бысь зась ораз зо Мною мѣла умирати,
Сама того не зыч Ми, Пречистая Мати,
325 Бо мусѣл бым срожшіе муки подносити,
Если бым был с собою на Крестѣ прибитый.
Станем в той часъ з собою, кгды сядемъ на тронѣ,
Тераз нех стоят лотры на обыдвѣ стронѣ.

Въ пеклѣ. Будь милостивъ, Господи, змилуй ся надъ нами,
330 Покажи милосердіе Твое надъ вязнями!
Снийди с небеси, Творче, выбавъ насъ з неволѣ,
Учини, о Господи, досТь Отцевской воли!

Христосъ. Ово мизерный чловекъ, нендзное створеня,
На якое приходитъ отъ смерти зганбленя,
335 Же го не тилко завше з живота злупляют,
Але и до отхлани, якъ угль, укидают.
И маетъ милосердіе Мое то терпѣти,
Же бымся за чловѣка не хотѣлъ помстити?
Згола того юж далей не вытерплю, смерти,
340 Бы Ми пришло ганебне самому умерти!

Панна. Стуй, стуй, Сину! Принамнѣй нех под Крестом стану,
И принамнѣй през слезы на смерть Твою гляну!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТА.

Сердце найсвятѣйшой Богородици. Литуй кождый Ісуса, ктоколвекъ Го знаетъ,
Литуй, если хочъ намнѣ хто литости маетъ!

345 А то бовѣмъ южъ пошол в катовскіе руки,
Пошол, пошол, нестийтежъ, на срокгіе муки!
Я, серце Матки Его, що чинить, не знаю,
Которое милостю къ Ісусу палаю.
Ратуй, ратуй, кто можетъ! Ангели, ратуйте.
350 Любъ вы ся, о чловѣци, над Христомъ литуйте!
Возмѣте оружіе, приймѣть на ся зброю,
Противъ смерти всѣ станте з Ісусомъ до бою.
Або мене принамнѣй, сердце, зоружѣте,
Меч острый люб иншую зброю ми дадѣте!
355 Я юж пойду Ісуса мого боронити,
Я Му не дам такъ смертю срокгою умрѣти.

Окруценство. Ово меч, которого ты, сердце, жадаешъ,
От мене, окруценства, досыть острый маешъ.

Сердце. Стуй, паненскоемъ серце! Если мене знаешъ,
360 Чему ми тамтымъ краемъ меча не подаешъ?

Окруценство. Я, тиранством будучи, такъ давати маю?
Нѣкгды того способу я не заживаю.
Уродивши ся в свѣтѣ отъ давного вѣка,
Завше острым кождого частую чловѣка.
365 А ты хочеш от мене иначей приняти!
Згола такъ, якъ я хочу, мусиш его взяти.

Сердце. Ахъ, для Бога, ям хтѣло Христа боронити,
А ты мене самое хочешъ поразити.
Молю тебе, подай ми меч той овым краемъ!
370 Вжды якъ въ свѣтѣ несется, тымъ дай обычаемъ!

Окруценство. И в свѣтѣ я, тиранство, той обычай маю,
Же кождого чловѣка остремъ прорàжаю.
А то бовѣмъ и тераз тожем учинило,
Колим твого Ісуса гвоздми пригвоздило.

375 И копѣя, и гвозди, и тросмь и корона
Острем аже през кости Его проражона.
И кровъ тая з Него то, котрая потокомъ
Жилами протѣкала и пробитымъ бокомъ.
Тѣло Его от костей аже отпадало,
380 Не мало ся и костей в ним покгрухотало.
А ранъ не переличишъ на всюмъ Его тѣлѣ,
Которыи для мнозтва ледво се зместили.
А що еще болшая—на крестѣ прибитый,
Од острои копѣи ажъ мусѣлъ умрѣти.
385 А ты острем не хочеш того меча взяти,—
Певне, же тя о тое не буду благати.
Тысь Го, сердце, приняло, кгды Онъ зишолъ зъ неба,
Претож и тебе мнѣ вчастовати потреба.
Возмижъ ми той мечъ рихло, юже мя не збудешъ,
390 Бым тя не проразило! Певне ту не будешъ.
Меча сь потребовало, овожъ его маешъ,
А чогож еще болѣ от мене чекаешъ?

Сердце. Ахъ, ахъ, проразилъ мя меч! Ах, заледве дышу,
Кгды о такъ срокгой смерти Iсусовой слышу.
395 Всѣ ж, али всѣ фрасунки до мене вступили
И темныи слез хмуры всего мя окрыли!
Згасъ абовѣмъ свѣтилникъ над солнце яснѣйшiй,
Умеръ срокгою смертю Iсусъ мой наймильшiй.
Юж з Ним мои утѣхи всѣ поумирали,
400. Единъ острый яко меч жаль и лзы зостали.
Ахъ, тиранство, тиранство, чогось доказало,
Гдысь кровлю чистою барана сь змазало!
Забилось Го ганебне, без жадной литости,
Зранилось Му все тѣло, зкгрухотало кости.
405 И, що еще болшое, на крестѣ сь прибило,
А в том и менесь, сердце, мечем проразило,
Сердце я панянъское Пречистои Матки,
С которой ся народил Iсус мой пресладкий,—
А претож таким острымъ мечем проражено.

410 Же юж мого Ісуса на крестъ пригвозджено.
Буду в жалю и плачу цалый вѣкъ мой жити,
З острым тым мечем буду по всякъ час ходити.

СЦЕНА ПЯТА.

Любовь. Ахъ витай, монархинѣ, витай церкви нова,
Витай облюбеницо вѣрная Христова!
415 Литуй над Облюбенца своего ранами,
Литуй оразъ над нами, онаго цнотами.
А то видиш, якіе незносные раны
На пречистое тѣло Его суть заданы!
Видиш, як есть сромотне не крестъ подвыженный,
420 А на выліот острыми гвоздми прободенный!
Видиш, якъ срокгим кубком есть участованый,
Который Му от Отца был з неба зесланый!
Що все, облюбеницо, рачил Онъ поднятн,
Абы тя, нову церковь, моглъ избудовати.
425 Живот Свой тобѣ отдал, Самъ рачил умрѣти,
Абы тылко ти, церкви, могла вѣчне жити.
Положился на землю, дал ся поконати,
Бысь якъ на фундаментѣ могла на Нѣмъ стати.
Литуй теды, о церкви, над Его ранами,
430 Литуй ораз над нами, Онаго цнотами!
Ям любовъ, овъ надѣя, овъ засе и вѣра,
Цноты есмо значные, лечъ выгнаны з мира.
Синикгокга абовѣмъ такъ ся роспалала,
Же и Бога забила и нас отогнала.
435 Претож ся юж до тебе дзѣся утекаемъ,
До тебе переходимъ, тобѣ ся отдаемъ.
Пригорни насъ до себе, почни з нами жити.
Знай, же ти завше будем упрейме служити.
Припомни Авраама и Давида кроля,
440 Возми собѣ на память Мойсея и Ноя:
Уважъ, якъ они Богу кохаными были,
А в томъ нѣхто, тылко мы имъ, цноты, служили.
И синакгокга поты в ласце зоставала,

Поки вѣру, надѣю и любовъ ховала.
445 И ты теды, о церкви, хотѣй нас приняти,
Хочеш ли вѣчне з Богомъ в небѣ кролевати.
Самъ Христосъ, коли новый тестаментъ будуетъ,
Тобѣ тым тестаментомъ всѣхъ нас трохъ лекгуетъ.
Любовъ естем, а прето тобѣ мя злецаетъ,
450 Же ничто по всѣхъ добрахъ, хто любви не маетъ.
Пригорниж мя до себе, дай ми в себе жити,
Вѣрне тобѣ, о церкви, шлюбую служити.

Вѣра. Церкви, рач теж приняти и мене другую,
И я тобѣ служити вѣрне обецую.
455 Вѣра естем, от Папа той привилей маю,
Же и горы на мѣсце з мѣсца преставляю.
Самъ бовѣмъ Панъ обецал, кгды чого хто прагнетъ,
Нехъ вѣруетъ, по вѣрѣ все ся ему станетъ.
Прийми теды и мене, нех живу с тобою!
460 З миру естем выгнана—литуй надо мною!

Надѣя. Розумѣю, же мене захочешъ приняти,
Бо ся схочеш кролевства в небѣ сподѣвати.
Кгдыж дармо без надѣи люде неба прагнутъ:
Десперати кролевства нѣкгды не осягнутъ.
465 Нехай в Бога хто вѣрит, нехай Его любит,
Леч еще без надѣи душу свою згубит.
Тобѣ теды належит, котраясь от Папа
На вѣчное кролевство дзѣся обебрана,
Абысь вѣру, надѣю и любовъ приняла,
470 И оные статечне по всякъ час ховала.
Прийми, церкви святая, кгдыж есть тая воля
Облюбенца твоего, Небеснаго Кроля,
Котрый умерлъ для тебе, бысь ты вѣчне жила,
Вѣру, надѣю, любовъ завше к нему мѣла.

475 Церковъ. О нещасливый выдокъ, видокъ оплаканый!
О тяжкий разъ и нѣкгды въ свѣтѣ неслыханый!
Синакгокго, а що то, що то учинилась,
О, тиранъско розуму, якъ вижу, позбылась.

Бога, Который тебе над усѣ народы
480 Любил и от вшелякой боронил пригоды,
Бога, Который, праве змордовал вшехмоцность,
Выславуючи твою чудами велможность,
Бога, Который рѣкам казал уставати
Або морю для тебе впол ся роздѣляти,
485 Котрый небу для тебе казал хлѣбъ родити
И каменямъ вас въ пущи водою поити—
Тогось тераз, нестейтыжъ, такъ зесромотила,
Нага, ранна, на крестѣ ганебне забила!
Церквою тя названо, о нендзная цорко,
490 Синакгокго невдячна, щирая ящорко!
Кгды тя такъ милосердямъ Богъ обогацаетъ,
Же якъ бы ве внутрностяхъ самыхъ тя ховаетъ,—
Ты, нестейтежъ, внутрности Его прогружаешъ
И власного ганебне Отца забиваешъ.
495 И овые вжды цноты що ти провинили?
Если ж тые не вѣрне по всякъ часъ служили?
Любовъ, вѣра, надѣя такъ тя выславляла,
Же вскорѣ в звитязтвах есь весь свѣтъ превыжшала.
А ты тераз, безбожна, литости не маешъ,
500 Сромотне ихъ от себе ото выганяешъ.
Я теды юж, о цноты, над вами литую,
И якъ мати власная до серца приймую.
З вами живу по всякъ часъ и з вами вмираю
Васъ ажъ до страшнаго дня вцале доховаю.
505 Любо то васъ выгнано, леч в моемъ мешканю
Не такъ жити будете, яко на выгнаню.
И вам в самыхъ внутрностяхъ мѣсце позваляю,
Серце, розумъ и волю вамъ в моцъ полецаю.
Не я вами, вы мною, о цноты, владѣте,
510 Всѣми чувствы моими, всѣмъ тѣломъ радѣте!
А ты, Христе, мой Пане, на крестѣ распятый,
Жесь мя смертю своею рачил збудовати,
Претож низко колѣна свои прекланяю
Страсти твои святыи от днесь величаю.

515 Укрижованый Пане, добрый есь заисте,
Добротливый пред смертю и при смерти, Христе!
Здавна Ты милосердя к человѣку маешъ,
Которое при смерти ему освѣдчаешъ.
Любъ албовѣмъ и руки звязаные маешъ,
520 Еднакъ спасеніе наше ими содѣваешъ.
Кгды на хрестѣ южъ раны у слупа относишъ,
Бремя еднакъ на ономъ грѣховное носишъ.
Кгды южъ от слины лица Твоего не знати,
Рачиш ним еднак наша сердца освѣшчати.
525 Укрижованый Пане, добрый есь заисте,
Щодробливый пред смертю и при смерти, Христе!
Смерть твоя, Христе, моимъ есть повстаніемъ, знаешъ,
Бо мя в той часъ будуешъ, коли умираешъ.
Тебе на крестъ, Христе мой, южъ-южъ распинаютъ,
530 А мои ся на той часъ стѣны росширяютъ.
Тебе з креста на землю мертвого здеймуютъ,
А мои ся на той часъ стѣны подеймуютъ.
Тебе плащеницею чистою ввиваютъ,
И каменемъ во гробѣ нага закриваютъ,
535 А я, церковъ, южъ зовсѣмъ бывши збудована,
Отомъ вышла на видокъ, позорне убрана.
Укрижованый Пане, добрый есь заисте,
Щодробливый пред смертю и при смерти, Христе!
За що я Тебе тераз благодару, Пане,
540 И буду благодарить, поки мене стане.
В пѣснехъ моихъ буду Тя завше выславляти,
Страстемъ Твоимъ пречестнымъ буду ся кланяти.
Слезъ для Твоей смерти нѣкгды не вгамую
І всѣ народы ними годно участую.
545 Згромаджу всѣ краины ко кресту Твоему,
Поклонимся вси Тебѣ, Господу своему.
Вѣру, надѣю, любовъ Тобѣ доховаю,
Котріи дзѣсь от Тебе повѣрены маю.
Выпилесь за насъ келихъ ганебпои муки,
550 Претож его от дзѣся взявши, Пане, в руки

Буду завше в покорѣ любезной носити
И онымъ всѣ народы вѣчные поити.
Вспанялыи олтарѣ для Него выставлю,
И докола ереовъ у Него поставлю.
555 Крестъ Твой в вѣрѣ, надѣи, любви буду мѣти,
Которыи за себе то будутъ носити.
Такъ буду добродѣйства Твои завдячати,
Которысь мнѣ, церквѣ, рачил показати.
А ты, Пане мой, Боже, рач милостивъ быти,
560 И в притомныи часы рач мя боронити!
Ты естесь Панъ от вѣка щодробливый, гойный,
Отдали ж от нас плакги, повѣтря, глад, войны!
Укрижованый Пане, добрый есь заисте,
564 Щодробливый пред смертю и по смерти, Христе!

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ „Турбаевской катастрофѣ“. Въ № 3-мъ «Кіевской Старины» помѣщено подъ выписаннымъ выше заглавіемъ описаніе общественной драмы, разыгравшейся въ одномъ селѣ полтавской губ. въ іюлѣ 1789 г., съ ея любопытными послѣдствіями.

Уже послѣ того какъ статья была напечатана, получила я два другихъ судебныхъ дѣла, поясняющихъ то основное дѣло, которымъ я пользовалась.

Первое дѣло, или точнѣе отрывокъ изъ дѣла,— «О противозаконныхъ якобы поступкахъ бывшаго въ мѣстечкѣ Останьѣ начальника, сотеннаго атамана Михна, по жалобамъ на него премьеръ-майора Ивана и полковника Петра Базилевскихъ, 1782 г. іюля 4-го». Слѣдовательно, велось это дѣло за семь лѣтъ до катастрофы, на территоріи Останья, которое принадлежало не убитымъ, а другимъ двумъ ихъ братьямъ. Но, очевидно, положеніе и здѣсь было почти такое же, какъ и въ Турбаяхъ. Противозаконные поступки атамана Михна заключались въ томъ, что онъ укрылъ въ своемъ дворѣ женщину козачьяго званія, деверя которой Базилевскіе захватили въ свой дворъ «и тамо чинили ему батожьемъ распросъ и другіе сверхъ человѣчества утѣсненія и тиранства.» Атаманъ обязанъ былъ вступиться за козаковъ, на которыхъ Базилевскіе не имѣли ни малѣйшихъ правъ. Но тѣмъ не менѣе Базилевскіе подали жалобу на Михна «за учиненное имъ якобы въ мѣстечку Останьи между ихъ подданными возмущеніе, чрезъ которое будто бы ихъ подданные отъ надлежащаго повиновенія и подданническихъ повинностей отложились.» Но даже тогдашній судъ, подкупной и дрожащій передъ могуществомъ Базилевскихъ, нижній голтвянскій земскій судъ, выѣзжая въ мѣстечко для разслѣдованія дѣла, не могъ найти какихъ-либо слѣдовъ возмущенія. А между тѣмъ атаманъ Михно, представляя свои оправданія,

сдѣлалъ Базилевскимъ такую зацѣпку, которую власти не могли оставить безъ вниманія. Онъ указалъ и приложеннымъ документомъ доказывалъ, что Базилевскіе совсѣмъ не имѣли на Остапье никакихъ правъ. Документъ этотъ—универсалъ Разумовскаго. Вотъ онъ:

«Господамъ генеральнымъ малороссійскимъ старшинамъ, полковникамъ, бунчуковымъ товарищамъ, полковымъ старшинамъ, сотникамъ съ сотенными урядами, а особливо сотнику остаповскому съ урядомъ же, и всѣмъ прочимъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, симъ нашимъ универсаломъ объявляется: Сего августа 11-го дня полку миргородскаго сотникъ остаповскій Федоръ Базилевскій подалъ намъ доношеніе и онымъ представляя о службахъ предковъ его, дѣда, бывшаго обознаго полковаго миргородскаго, и отца, того-жъ полку сотника бѣлоцерковскаго, тако-жь и самимъ имъ сотникомъ остаповскимъ Базилевскимъ съ 1724 году всероссійскому Ея Имераторскаго Величества престолу во всякой вѣрности продолженныхъ, о чемъ-де состоявшее въ нашу генеральную войсковую канцелярію въ прошломъ 1741 году отъ полковника миргородскаго, всей полковой старшины и сотниковъ того полку доношеніе съ удостоеніемъ его, Базилевскаго, къ полученію за тѣ службы въ награжденіе свободныхъ посполитыхъ дворовъ, въ мѣстечку Остапьѣ и деревнѣ Болбасовкѣ имѣющихся свидѣтельствуетъ, просилъ разсмотрѣнія о надачѣ по тому удостоенію ему, Базилевскому, въ награжденіе за показанныя службы вышеписанныхъ въ мѣстечку Остапьѣ и деревнѣ Болбасовкѣ имѣючихся свободныхъ посполитыхъ дворовъ въ вѣчное и потомственное владѣніе къ содержанію его и наслѣдниковъ своихъ, еденъ сынъ канцеляристомъ войсковымъ, другой—въ кадетскомъ корпусѣ. А понеже и по справкѣ въ нашей генеральной войсковой канцеляріи явилось, что еще въ 1747 году полковникъ и вся старшина полковая, такъ же и сотники миргородскаго полку въ ту генеральную канцелярію чрезъ доношеніе свидѣтельствовали о вѣрныхъ, безпорочныхъ и ревностныхъ какъ дѣда и отца, такъ и самаго его, сотника Базилевскаго, службахъ—яко же де оные имъ полковнику, старшинѣ и сотникамъ извѣстны и признавали быти достойна къ полученію въ вѣчное владѣніе свободныхъ войсковыхъ мѣстечка Остапья и деревни Болбасовки съ принадлежащими грунтами и угодьи. Съ доношенія-жъ оного значится, кромѣ прежнихъ службъ предковъ дѣда и отца ихъ сотника Базилевскаго, особь самого его, что онъ началъ продолжать ту свою службу съ 1724 году, бывалъ по разныхъ походахъ, какъ-то въ днѣпровскомъ, хотѣнскомъ, въ турецкихъ компанѣяхъ, въ предосторож-

ности отъ непріятельскихъ нападеній по Днѣпрѣ, также на линѣи многими годами и въ разныхъ исправленіяхъ, коммиссіяхъ находился, того ради мы, гетманъ, кавалеръ, по данной намъ отъ Ея Императорскаго Величества власти, респектуя на оные многіе отправленные какъ предками его, сотника остаповскаго Базилевскаго, такъ и самимъ имъ съ 1724 году продолженные службы и къ которымъ еще и впредь въ немъ и въ оныхъ сынахъ его надежды предусматриваются, определяемъ ему, сотнику Базилевскому, въ спокойное владѣніе въ мѣстечку Останьи оставшіеся отъ роздачи грузинамъ находящіеся въ свободности посполитые дворы и хаты съ принадлежащими къ нимъ грунтами и угодьи и симъ нашимъ универсаломъ утверждая, предлагаемъ, дабы никто во владѣніи оными посполитыми съ принадлежащими къ онымъ грунтами и угодіи препятствія не чинилъ. А войтъ и оные оставшіеся отъ раздачи въ свободности посполитые во всемъ ему, сотнику Базилевскому, яко владѣльцу своему, всякое подданническое послушаніе и повинности отбывали бы безпрекословно; козаки-жъ того мѣстечка Останья должны быть всегда сохраняемы при ихъ владѣніи ненарушно. Во утвержденіе чего и сей нашъ универсалъ за подписомъ нашимъ и націоналною печатью данъ въ Борзнѣ. Августа дня 1757 году. Гетманъ графъ Кириллъ Разумовскій».

Изъ этого универсала видно, что хотя Базилевскій хлопоталъ о предоставленіи ему посполитыхъ Останья въ вѣчное и потомственное владѣніе, но даны они ему были лишь «въ спокойное владѣніе», безъ упоминанія о правахъ передачи по наслѣдству, слѣд. въ пожизненное пользованіе. Чѣмъ разрѣшилось это затѣянное дѣло для одной и для другой стороны—неизвѣстно, но Остапье осталось за Базилевскими.

Второй документъ интереснѣе и прямо относится къ турбаевской катастрофѣ. Онъ называется: «Экстрактъ изъ дѣла о арестанту отставному полковому канцеляристу Осипу Коробкѣ за дачу повода къ взбунтованію села Турбаевъ жителямъ въ неповиновеніи надворнымъ совѣтникамъ Степану и Ивану Базилевскимъ къ подданнической повинности и непослушаніи нижняго земскаго голтвянскаго суда, прибывшаго въ то село къ исполненію рѣшенія прав. сената, послѣдовавшаго по дѣлу ихъ съ оными Базилевскими и т. д.»

Вмѣстѣ съ вставочнымъ эпизодомъ о Коробкѣ, дѣло это прямо уясняетъ обстоятельства, непосредственно предшествовавшія взрыву, которыя мало выяснены въ основномъ дѣлѣ о турбаевской катастрофѣ. У турбаевцевъ былъ ходатай по ихъ дѣламъ въ Петербургѣ, атаманъ Кириллъ Золотаревскій. Коробка, отставной полковой канцеляристъ, 38 лѣтъ, изъ лубенскаго уѣзда, также проживалъ въ Петербургѣ по

какимъ-то своимъ дѣламъ, познакомился съ Золотаревскимъ, помогалъ ему въ хожденіи по турбаевскому дѣлу, и когда Золотаревскій умеръ, естественно оказался турбаевскимъ повѣреннымъ. Когда состоялось сенатское рѣшеніе объ освобожденіи 76 человѣкъ съ ихъ родомъ, записанныхъ полковникомъ Капнистомъ въ козацкіе компуты 1738 г. изъ подданства Базилевскихъ, Коробка привезъ копію съ этого рѣшенія въ Турбаи. Затѣмъ онъ составилъ какой то документъ, который долженъ былъ служить къ выясненію темнаго вопроса о родахъ, происшедшихъ отъ 76 человѣкъ, записанныхъ въ компуты. Такъ какъ этотъ документъ составлялся на основаніи показаній турбаевцевъ, которые постоянно и упорно твердили, что они, природные турбаевцы, всѣ козаки, то, вѣроятно, и составленъ былъ документъ въ этомъ духѣ: надо думать, что не внесены были только захожіе въ Турбаи или переселенные Базилевскими изъ другихъ мѣстъ, да, можетъ быть, и тѣхъ различали не строго. Какъ бы то ни было, Коробкѣ приходилось нѣсколько разъ пріѣзжать въ Турбаи и проживать здѣсь по недѣлямъ. При этомъ онъ старался не попадаться на глаза Базилевскимъ или властямъ: уже передъ тѣмъ одного ходатая Базилевскіе успѣли упрятать въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Чѣмъ руководствовался Коробка, держась за опасное турбаевское дѣло, трудно сказать: можетъ быть, корыстными побужденіями, такъ какъ турбаевцы, видимо, крайне дорожили своимъ повѣреннымъ и не жалѣли издержекъ на его вознагражденіе, можетъ быть, отчасти и сожалѣніемъ къ положенію турбаевцевъ, которые, «будучи простолюдины, видѣли себя такъ угнетенными, что не только не имѣли ни отъ кого покровительства, но по устрашенію оныхъ Базилевскихъ не могли пріискать себѣ въ близости ихъ селенія къ написанію имъ куда слѣдуетъ письменной жалобы грамотѣ вѣдущаго человѣка». Базилевскіе были, конечно, крайне заинтересованы въ томъ, чтобы убрать Коробку, и доносили на него, какъ на возмутителя. Положеніе дѣлъ какъ-бы оправдывало доносы и жалобы Базилевскихъ—Турбаи дѣйствительно волновались, и еще до перваго пріѣзда суда въ январѣ 1789 г., уже совсѣмъ отказались отъ повиновенія своимъ панамъ. Мало того, турбаевцы «разнесли ложные слухи въ другія владѣнія (Базилевскихъ), будто бы всѣ и прочихъ ихъ селеній подданные отсуждаются въ козаки, и что кто только изъ подданныхъ ихъ останется въ должномъ своимъ владѣльцамъ повиновеніи, тѣмъ грозятъ казнію, каковы зловредныя ихъ къ уловленію невѣждъ вымыслы столько подѣйствовали въ сердцахъ къ разврату склонныхъ людей, что другихъ селеній многіе поддан-

ные ихъ, также экономическіе и дворовые служители у непремѣнныхъ должностей бывшіе, остановя свои работы и должности, винокуренные, скотскіе и др. заводы, бросивъ въ кадяхъ заторы, не сдавъ ни отчету, ни того, что въ чьемъ вѣдѣніи было, и захватя, что кто могъ, прочее же оставивъ на расхищеніе другимъ, убрались всѣ въ то же мятежниковъ сконище, и не только не упражняются въ нужныхъ работахъ, но паче провождаютъ время въ пьянствѣ и буйствѣ». Очень любопытно, что возмутившіеся турбаевцы, «назвавъ беззаконное свое сконище коммиссіею, разсѣяли слухъ, что въ той ихъ коммиссіи дѣлается всему Базилевскихъ владѣнію какая то перепись, и что всѣ приступившіе въ ихъ сконище изъ за Базилевскихъ въ свою бунтовщичью ревизію переписаны, и таковыми нелѣпыми разглашеніями напитавъ сердца невѣждъ, склонныхъ къ праздной и безначальственной жизни, и притомъ удостовѣрясь, что готовы они всякое блаженство промѣнять на праздность и безначаліе, учредили съ тѣхъ ихъ подданныхъ сборъ на содержаніе начальниковъ бунта, называемаго ими коммиссіею, и взыскиваютъ, смотря по имѣнію человѣка, съ каждаго отъ пяти до шестидесяти рублей, такимъ образомъ приводя тамошнихъ Базилевскихъ подданныхъ до такой нищеты, что многіе, продавши послѣднюю съ плечей шубу, вносятъ требуемую съ нихъ сумму, подушнаго же оклада и другихъ указныхъ выстатченій не платятъ и многіе платить уже не въ состояніи»...

Все это сильно преувеличено; но несомнѣнно ясно одно, что Турбаи еще за полгода до окончательнаго взрыва, разрѣшившагося кровавымъ истребленіемъ Базилевскихъ, находились уже въ состояніи полнаго броженія. При чемъ тутъ былъ Коробка, помимо своей оффиціальной роли ходатая, трудно сказать съ полною увѣренностью: вѣрнѣе, что не при чемъ. Турбаевцы узнали о состоявшемся въ ихъ пользу рѣшеніи, и этимъ вполнѣ объясняется ихъ возбужденное состояніе. Правда, противъ Коробки были нѣкоторыя свидѣтельскія показанія, какъ бы уличающія его въ подстрекательствѣ. Но свидѣтелями были крѣпостные Базилевскихъ изъ другихъ селеній, слѣд. люди, находившіеся подъ давленіемъ своихъ господъ, да и показанія ихъ не отличаются точностью и опредѣленностью. Показываютъ чаще всего, что слышали, будто Коробка говорилъ, что если кто въ козаки писаться не будетъ, всѣхъ тѣхъ катъ будетъ бить кнутомъ; но самая безсмысленность этого утвержденія заставлятъ сомнѣваться въ его справедливости. Опредѣленнѣе всего, и повидимому правдивѣе, показанія на счетъ сборовъ, которые турбаевцы дѣлали въ пользу

Коробки. Сбирали со двора отъ 1 руб. до 15 рублей, такъ что Коробка получилъ, кажется, рублей до 700; да еще собрали для него же болѣе 200 смушковъ, сыра и масла, сукна, справили ему линтваревый кожухъ, юхтовые чоботы, штаны синяго сукна, смушевую шапку; сверхъ того ѣздили къ нему въ домъ на работу. Однако всѣ эти блага Коробка могъ получить отъ турбаевцевъ и просто какъ повѣренный: турбаевцы были люди зажиточные и дѣйствительно доведены до отчаянія невозможностью добиться осуществленія своихъ законныхъ правъ. Однако судъ непремѣнно хотѣлъ принести Базилевскимъ въ жертву Коробку. Турбаевцы помогли суду своею безтактностью. Разъ уѣхавъ ни съ чѣмъ, судъ снова появляется въ Турбаяхъ въ усиленномъ составѣ и съ разсчетомъ на содѣйствіе военной команды, которая оказалась расквартированной въ Турбаяхъ: онъ имѣлъ въ виду не только приведеніе въ исполненіе сенатскаго рѣшенія, но и обвиненіе Коробки. Коробка, какъ уже сказано выше, старался укрываться, какъ отъ Базилевскихъ, такъ и отъ начальства; а разыскивать его среди бунтующихъ турбаевцевъ было дѣло нелегкое. Однако суду удалось какъ-то «ласкательнымъ образомъ» его вытребовать, и онъ явился самъ. Но когда турбаевцы увидали, что изъ представителя ихъ интересовъ Коробка превращается передъ лицемъ суда въ подсудимаго, они начали грозить суду, что пойдутъ на Базилевскихъ и разнесутъ ихъ въ прахъ, а когда угроза не подѣйствовала, кинулись и, насильно выхвативъ Коробку, увели его съ собой. Потомъ онъ снова былъ взятъ судомъ, и уже увезенъ изъ Турбаевъ. Коробкѣ было поставлено въ вину, «что онъ, будучи грамотенъ и, какъ показуетъ, указы и законы знающъ, долженъ былъ вѣрителей своихъ, яко простолюдиновъ, кои, увѣривъ ему, дѣйствительно могли бы его слушать, приводить въ скромность, молчаливость и терпѣніе,—буде-бы въ томъ онъ не успѣвалъ и къ таковому добронравію привернуть не моглъ, то, во избѣжаніе законнаго истязанія, и вовсе бы въ ихъ дѣло не мѣшался, чѣмъ бы вездѣ могъ заслужить себѣ похвалу». За эту его, повидимому, единственную доказанную вину Коробка былъ присужденъ къ наказанію плетьми на мѣстѣ преступленія, т. е. въ Турбаяхъ. Но Турбаи въ это время были уже въ такомъ состояніи, что нечего было и думать являться туда съ Коробкой. Турбаевцы съ страшной наглядностью доказали, что они умѣютъ дѣйствовать и безъ уроковъ и подстрекательствъ Коробки.

А. Е.

Полковничьи чиншевики. Восемь лѣтъ назадъ, по приглашенію покойнаго Г. П. Галагана, мы пересмотрѣли его семейный архивъ, (въ прилуцкомъ с. Сокиринцахъ), о которомъ и сообщили въ свое время нѣкоторыя свѣдѣнія («Кіевская Старина» 1883 г., ноябрь). Тогда же списали мы три печатаемые здѣсь документа, подобныхъ которымъ никогда ни прежде, ни послѣ не встрѣчали. Изъ этихъ «универсальныхъ писаній» видно, что прилуцкіе полковники, начиначиная съ Дмитрія Горленка, установили за собою право—освобождать нѣкоторыхъ своихъ полчанъ отъ, «общенародныхъ» повинностей—за извѣстную плату, поступавшую въ личный ихъ доходъ. Освобождаемый отъ повинностей платилъ полковнику ежегодно извѣстный «чиншъ» и затѣмъ получалъ отъ него освободительный листъ, приглашавшій мѣстныя власти—не трогать такого чиншевика... Изъ этихъ листовъ видно, что платежъ чинша производился ежегодно, до тѣхъ поръ вѣроятно, пока ставало средствъ у чиншевика... Ясно не видно къ какому классу принадлежали полковничьи чиншевики, но можно догадываться, что это были прежде всего люди посполитаго званія, такъ какъ козаки не несли тѣхъ повинностей, за рѣдкими исключеніями, о которыхъ говорятъ освободительные листы; затѣмъ можно полагать, что эти чиншевики принадлежали къ достаточному мѣщанству, которому, по его занятіямъ промыслами, могло быть очень выгодно такое освобожденіе отъ повинностей.— Откупались отъ повинностей не единичные люди; какъ видно, явленіе это было довольно распространено: въ архивѣ Гр. П. Галагана мы нашли 28 такихъ освободительныхъ листовъ, данныхъ разнымъ лицамъ... Нахожденіе этихъ листовъ въ сокиринскомъ архивѣ, показываетъ, что они были возвращаемы дававшему ихъ полковнику. Вѣроятно, былъ такой порядокъ, что въ случаѣ невозобновленія чинша, «листъ» долженъ былъ быть возвращенъ, во избѣжаніе злоупотребленій...

Интересно знать—было ли прилуцкое увольненіе посполитыхъ отъ общественныхъ повинностей—общимъ явленіемъ въ старой Малороссіи или этотъ полковничій доходъ практиковался въ одномъ только прилуцкомъ полку, измышленный первоначально такимъ искусникомъ въ накопленіи богатствъ, какимъ былъ Дмитрій Лазаревичъ Горленко [1]).

А. Л.

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1889 г., октябрь, стр. 190.

1) Его царского пресвѣтлого величества войска запорожского полковникъ прилуцкій Игнатій Івановичъ Кгалакганъ. Всѣмъ кому о томъ вѣдати належатиметъ, а меновите пану сотникови журавскому зъ товариствомъ, и войтови съ посполитими людьми, симъ писаніемъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ Василь Бущанъ, житель журавскій, далъ намъ роковій чиншъ копъ шѣсть зъ братомъ своимъ, за рокъ 1714, котораго мы Василя и брата его уволняемъ отъ всякихъ посполитыхъ дачокъ, такъ побоpовихъ, яко воженя подводъ отъ станцій компанѣйцевъ и великороссійскихъ людей и всякихъ тяглостей мирскихъ и сторожовщины, на цѣлій годъ отъ ниже написанного числа, и для того даемо имъ сей нашъ листъ уволненій, жадаючи, абы имъ и найменшой въ томъ заживаню волности, нѣ отъ кого не дѣялось кривды и долегливости жадной, мѣти хочемъ и приказуемъ. Данъ въ Прилуци, декамбря 22, року, 1714. Звышъ менованный полковникъ прилуцкій. За сей рокъ 1715, дали чиншъ Василь копъ 6, зъ братомъ своимъ, волни во всемъ. Декабра 9, и за сей 1716 годъ отдалъ Василь копъ шесть. Воленъ зостаетъ отъ тяглостей посполитихъ.

2) Его царского пресвѣтлого величества в. запор. полк. прил. Ігн. Ив. Кгалакганъ. Всѣмъ кому бы колвѣкъ о томъ вѣдати надлежало, а меновите пану сотникови журавскому, атаманови городовому зъ товариствомъ, и войтови тамошнему зъ посполствомъ, симъ нашимъ унѣверсалнымъ ознаймуемъ писаніемъ, ижъ Степанъ Андрѣенко и Мартинъ Яценко, брати въ первыхъ [1]), жителѣ журавскіе, будучи зъ небожчика блаженной памяти пана Івана Носа, бывшаго полковника прилуцкого, въ зимувчикахъ [2]), просили теперъ насъ о принятю ихъ на чиншъ. Мы прето прошенію ихъ не отмовляючи, взглядомъ того, же оніе когда и въ зимувчикахъ были, мало громадской повинности отбували, принялисмо на чиншъ и одобравши въ нихъ на годъ теперешній якъ нижей въ листѣ положенного числа, начался изнову въ пр .. 1717 року о томъ же часѣ кончити мѣется

[1]) Двоюродные.

[2]) Мы не умѣемъ объяснить этого названія. Не были ли это богатые мѣщане, которыхъ полковники брали въ личную услугу, какъ брали козаковъ—въ „курѣнчики“, для освобожденія отъ тѣхъ же общенародныхъ повинностей?—„Зимовчиками“ они могли называться потому, что работали на полковниковъ *зимою*, когда шла молотьба хлѣба, когда требовались лишнія рабочія руки для ухода за скотомъ...

належитый датокъ, а именно въ Мартина Яценка копъ шесть, а въ Степана Андрѣенка золотихъ десять, уволняемъ ихъ на ввесь сей оплаченний годъ отъ воження подводъ, компанѣйскихъ станцій, такъ же поборовихъ датковъ и всякихъ громадскихъ повинностей и варуемъ того пилно, абы нѣхто такъ зъ помянутой старшины журавской, яко и изъ кого колвекъ, жадного и найменшого въ томъ оnимъ Яценку и Андрѣенку, неважился чинити налогу, упоминаемъ и властію нашею приказуемъ. Данъ въ Прилуцѣ, декамбр. 5, р. 1716. Звишъ менованный полковникъ прилуцкій.

3) Его царского пресв. величества войска запор. полк. прил. Ігн. Ів. Кгалакганъ. Всѣмъ хто бы того потребовалъ вѣдати, а меновите пану сотникови ичанскому, атаманови городовому зъ товариствомъ, и войтови тамошнему зъ посполствомъ, симъ нашимъ универсалнимъ ознаймуемъ писаннемъ, ижъ Марья Романиха Оковитая, жителка ичанская, презентовала намъ чиншовій листъ на уживанне волности ей отъ бившого антецессора нашего пана Горленка виданній, которій мы теперь ствержаючи, беремо оную подъ свою полковничую оборону и одобравши въ неи (якъ она и за пана Горленка по пять копъ—рокъ седѣла) належного на сей рокъ 1717 мѣючійся, одъ ниже въ листѣ положенного числа почати изнову въ прійдучомъ 1718 року, о томъ же часѣ кончити, чиншу копъ пять, уволняемъ помянутую Романиху Оковитую отъ вожения подводъ, поборовихъ датковъ, компанѣйскихъ станцій и всякихъ посполитихъ громадскихъ повинностей, въ которомъ то заживанню ей волности. дабы такъ одъ помянутой старшины ичанской, яко и одъ кого колвекъ, жадной и найменшой онуй же Оковитой не чинилося трудности, перепони и долегливости, пилно мѣти хочемъ и властію нашею приказуемъ. Данъ въ Прилуцѣ, іюня 3. р. 1717. Звишъ менованный полковникъ прилуцкій 1718 року, 19, Марья Романиха Оковитая отдала чиншевого датку копъ пять, свободна есть. И за сей 1719 рокъ, іюля 4, Марья Оковитая отдала належній чиншъ, копъ 5, волна есть отъ всякихъ посполитихъ тяглостей.

Мамаевъ дубъ. Въ недавно пріобрѣтенныхъ нами отдѣльныхъ рисункахъ д-ра Делафлиза находится изображеніе усохшаго дерева, съ обрубленными вѣтвями, съ слѣдующею подписью: «Мамаевъ дубъ въ рочищѣ васильковскомъ мотронинской дачи (чигиринск. у.), у кото-

раго разбойникъ Мамай часто весьма располагался таборомъ, какъ говоритъ мѣстное изустное преданіе; дубъ сей имѣетъ толщины $3^{1}/_{3}$ аршина, въ раздѣленіи вѣтвей (?), и старожилы говорятъ, что около ста лѣтъ какъ дерево это уже безъ листья. Надобно полагать, что разбойникъ Мамай существовалъ назадъ далеко за сто лѣтъ. Во время пребыванія у сего дерева пиры его обозначались кровавою местью на полякахъ и жидахъ, которыхъ попадавшихся въ его руки, онъ вѣшалъ на гольяхъ сего дерева, на которомъ и самъ будучи пойманъ, по распоряженію польскаго правительства, повѣшенъ».

Легендарный Мамай пользовался у народа большою популярностью, что доказывается распространеніемъ въ Малороссіи и особенно въ Новороссіи его изображеній. Образчикъ этихъ рисунковъ можно видѣть въ приложеніи къ изданной въ 1852 г., въ Одессѣ, Исторіи о козакахъ запорожскихъ [1]) Въ собраніи В. В. Тарновскаго такихъ рисунковъ шесть или семь и все—варіанты. Особенно интересенъ изъ нихъ рисунокъ «Мамая», пріобрѣтенный изъ имущества умершаго П. А. Лукашевича († 1887 г.), несомнѣнно относящійся къ XVII в. (Остальные—позднѣйшіе). «Мамай» послужилъ фабулою и для повѣсти, написанной извѣстнымъ бытописателемъ Запорожья, А. А. Скальковскимъ [2]). Въ заключеніи этой повѣсти г. Скальковскій говоритъ—«о Мамаѣ сохранилось много преданій и памятниковъ; много крестовъ каменныхъ и *бабъ* обломанныхъ называются мамаями; но самый обыкновенный изъ нихъ есть одна оригинальная картина, которой лучшій экземпляръ можно видѣть въ домѣ князя Воронцова, въ Мошнахъ (кіевск. губ.), но тысячи копій вы найдете во всей Украйнѣ»... Тутъ же говорится и о мамаевомъ дубѣ, стволъ котораго, по словамъ г. Скальковскаго, «весь избуравленъ отыскивателями кладовъ».

А. Л.

Позднѣйшая память о Б. Хмельницкомъ въ с. Суботовѣ.

Въ тѣхъ же отдѣльныхъ рисункахъ доктора Деляфлиза [3]), между прочимъ, находится рисунокъ камня съ слѣдующею его подписью: «Ка-

---

[1]) А надписи въ стихахъ, обыкновенно встрѣчающіяся на этихъ картинахъ.— См. въ Записк. о южн. Руси, I, 316 и слѣд.

[2]) Повѣсть „Мамай" составляетъ 3-й и 4-й выпуски „Порубежниковъ", Одесса, 1849—50, 4 вып.

[3]) См. „Кіевск. Стар." 1891 г., № 3, стр. 508.

мень вышиною десять футовъ, вкопанный въ улицѣ Субботовѣ, возлѣ церкви. Жители (мѣстные) называютъ его бабою; женщины и дѣти боятся проходить возлѣ сего камня ночью. Старики говорятъ, что во время гетмана Хмельницкаго, привязывали къ этому камню преступниковъ для наказанія оныхъ». Судя по надписямъ на другихъ рисункахъ, приведенная замѣтка сдѣлана въ 1851 г. -Интересно бы знать сохранится ли и теперь этотъ камень?

А. Л.

Рукописное евангеліе будто бы гетмана Сагайдачнаго.

Въ «Кіевлянинѣ» 1890 г. № 276, нѣкто г. В. Г—скій, сообщая описаніе одного стариннаго южнорусскаго евангелія, одну изъ имѣющихся въ послѣднемъ подписей по листамъ приписываетъ гетману Сагайдачному. Въ своемъ описаніи г. Г—скій говоритъ: «въ церковно-историческомъ древлехранилищѣ, учрежденномъ при Александро-Невскомъ братствѣ во Владимірѣ губерн. (на Клязьмѣ), въ числѣ другихъ рукописей, находится рукописное четверо-евангеліе съ вкладной подписью по листамъ гетмана Конашевича-Сагайдачнаго. Евангеліе это писано на бумагѣ красивымъ уставомъ на 402 л., въ переплетѣ, обложенномъ темно-зеленымъ бархатомъ. На верхней крышкѣ переплета, по угламъ четыре евангелиста, въ срединѣ Распятіе—серебряные вызолоченные, южно-русской работы начала XVII в. Застежки утеряны, но четыре «жука» на другой сторонѣ изъ красной мѣди уцѣлѣли. Письмо рукописи тщательное и красивое; украшеній въ видѣ заставокъ, рисунковъ и т. п. въ евангеліи нѣтъ, кромѣ четырехъ крупныхъ инниціальныхъ буквъ, нарисованныхъ киноварью. Хотя выходный листъ и утерянъ, но, судя по почерку и другимъ признакамъ, евангеліе это можно отнести къ концу XV и никакъ не позднѣе начала XVI вѣка. Фабричное клеймо на бумагѣ—вепрь.

Не сообщая о времени и мѣстѣ своего написанія, рукопись взамѣнъ того въ цѣломъ рядѣ подписей по листамъ даетъ возможность прослѣдить дальнѣйшую судьбу этого евангелія, которая довольно замѣчательна. Первая по времени написанія полууставная надпись находится на 13—22 листахъ: «лѣта зод (7074—1566) марта кє (25) дн далъ къ прчстой бдце печерской вдом великихъ чудотворцев антона и феwдоса печерськых свен'с'кого монастыря Михайло Феодорович' Сычев' евангел҃ тетро (т. е. четвере-евангеліе) в десть волочено бархатомъ чернымъ а на немъ серебряны позоло-

чены и евангелисты серебряны позолочены защепки и гвозди серебряны, а нам за то его помпнати и родители его». На лист. 1—41 небрежной скорописью 16 вѣка написана другая вкладная запись: «лѣта: ӡ҃ч҃ (7090—1582) году Истома Уколовъ бых у льтовском городе у Пропоиску и купилъ се евангелья у льтовских людей у черкас҃, а взяли се евангелья льтовские люди у прчстые бцы Свенского монастыря... Истома Уколовъ о девеностомъ году прѣставился и дала се евангелья по Истомѣ по Уколовѣ в домъ Прстыя Бгдцы въ монастырь, что въ Стародубѣ на посаде жена его Анна и се евангелья отъ Прстыя Бцы изъ монастыря никому не износить, а хто изнесетъ се евангелья и тотъ судитца перед Спасомъ, а имя Истоте Ѳролъ да дѣти его Иоаннъ да Михаила и все на нихъ написалъ»... Очевидно, что завѣщаніе М. Ѳ. Сычева, по которому это евангеліе должно было поступить изъ Свѣнскаго монастыря (нынѣ въ орловской губ.) въ Кіево-Печерскій монастырь, не было исполнено; впрочемъ, можетъ быть, оно попало въ Пропойскъ въ руки черкассъ, т. е. козаковъ, уже изъ Печерскаго монастыря. Но недолго оно оставалось и въ Стародубѣ. На лист. 119—121 читаемъ слѣдующую надпись, написанную краснымъ почеркомъ: «Сие евангеліе оправил срѣбромъ булатном (?) коношевичъ козакъ войска запорозкаго за отпущеніе грѣхов своих и за отца своего коноша (коношъ—историческое имя Конона) и за матерь свою полагію до храму прстой Бцы Чигиринской». Упоминаемый въ записи козакъ Коношевъ, безъ сомнѣнія, есть извѣстный гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, получившій образованіе въ знаменитомъ училищѣ Острожскомъ, защитникъ православія и ктиторъ Богоявленскаго монастыря, пожертвовавшій много тысячъ на Богоявленскій храмъ и на содержаніе братской школы, ставшей впослѣдствіи духовною академіею. По словамъ М. Максимовича, незадолго до своей смерти, послѣдовавшей 10 апрѣля 1622 г. отъ ранъ, полученныхъ подъ Хотиномъ, гетманъ Коношевичъ сдѣлалъ богатые вклады въ пользу кіевскаго братства, львовскаго и друг. церквей и монастырей. Вѣроятно, тогда имъ пожертвовано въ чигиринскую церковь и это евангеліе, пріобрѣтенное имъ во время многочисленныхъ походовъ въ числѣ прочей военной добычи. Судя по красивому почерку этой записи, можно думать, что ее сдѣлалъ самъ гетманъ, получившій хорошее образованіе. Изъ Чигирина евангеліе было передано въ XVIII в., какъ значится въ позднѣйшей надписи, «капитаномъ отъ

кавалеріи петербургскаго полку Іваномъ сномъ Борѣтинскимъ въ (неизвѣстно какую) церковь пр̃стой Бц̃ы», а затѣмъ, переходя изъ рукъ въ руки, попало въ церковь с. Карачарова муромскаго у. владим. губ. и отсюда уже въ церковно-историческое древнехранилище Александро-Невскаго братства».

Думается, что въ «Конашевичѣ, козакѣ войска запорожскаго» видѣть гетмана Сагайдачнаго нѣтъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ козаковъ Конашевичей (Конашъ—Кононъ) было, конечно, немало; еслибы упомянутый здѣсь Конашевичъ былъ гетманъ, то, конечно, онъ не упустилъ бы указать на свое общественное положеніе и въ надписи.—Но если приведенная догадка г. Г—скаго не представляетъ вѣроятія, то за то приведенная имъ надпись 1582 г. заключаетъ въ себѣ интересное свѣдѣніе о существованіи въ Стародубѣ, въ к. XVI в. монастыря. До сихъ поръ свѣдѣній о существованіи въ Стародубѣ какого бы то ни было монастыря не было и приведенная надпись вдовы Истомы Уколова заключаетъ въ себѣ совершенно новое свидѣтельство—о существованіи въ Стародубѣ, на посадѣ, въ к. XVI в. монастыря пресв. Богородицы.

А. Л.

Къ свѣдѣніямъ о гибели провинціальныхъ архивовъ. Въ «Елисаветградск. Вѣстн.» 1891 г., № 33 описывается уничтоженіе одного изъ многихъ погибшихъ и гибнущихъ архивовъ. На этотъ разъ идетъ рѣчь объ архивѣ елисаветградскаго собора.—Въ сообщенной замѣткѣ читаемъ: «Въ числѣ архивовъ, имѣющихъ особый интересъ и значеніе, слѣдуетъ отмѣтить церковные архивы; между тѣмъ и они находятся большей частью въ весьма печальномъ положеніи. Нагляднымъ доказательствомъ тому можетъ служить архивъ при нашемъ соборѣ, валяющійся гдѣ-то въ погребѣ; намъ приходилось видѣть много документовъ конца XVIII ст. и начала XIX ст. изъ соборнаго архива, употребленныхъ вмѣсто оберточной бумаги,—въ числѣ документовъ попадались часто листы изъ метрическихъ книгъ начала XIX ст. и даже сороковыхъ годовъ. Наконецъ, изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ намъ извѣстно, что *уже много лѣтъ подъ рядъ сторожа цѣлыми мѣшками носятъ архивныя дѣла для подтопки печей*, а можетъ быть и продаютъ «дѣла»,—намъ приходилось поднимать на улицѣ засаленные листы изъ нихъ. Такіе же засаленные листы, служившіе, должно быть, для заворачиванія

сельдей, намъ приходилось видѣть здѣсь въ городѣ и изъ метрическихъ книгъ с. Капижа, начала этого столѣтія.

Въ числѣ документовъ, данныхъ намъ, говоритъ авторъ замѣтки, вмѣсто оберточной бумаги, между прочимъ, нѣкоторые относились ко времени дѣятельности бывшихъ въ началѣ XIX ст. *ольвіопольскаго и новомиргородскаго духовныхъ правленій* (1797—1805 гг.). Затѣмъ одинъ разъ намъ завернули покупку въ листъ изъ дознанія, произведеннаго новомиргородскимъ духовнымъ правленіемъ 28 февраля 1797 года, на основаніи указа отъ екатеринославской духовной консисторіи отъ 17 января того же года «о праздно проживающемъ священникѣ Игнатіи Бужницкомъ; изъ показанія его видно, что онъ, будучи воспитанъ въ духѣ православной вѣры, въ 1793 г. былъ рукоположенъ во священники уніатскимъ митрополитомъ Ѳеодосіемъ въ г. Радомыслѣ; а въ 1794 г., когда многіе уніатскіе священники начали переходить въ православіе, перешелъ и онъ; оставшись вмѣстѣ съ тѣмъ безъ мѣста, онъ, очевидно, бѣжалъ къ намъ въ Новомиргородъ, гдѣ и проживалъ «праздно». Въ показаніи своемъ онъ заявляетъ желаніе быть священникомъ въ с. Эрделевкѣ (бывшаго) *новомиргородскаго* уѣзда. Затѣмъ, въ другой разъ покупку завернули въ другой листъ, изъ того же дѣла о Бужницкомъ, который оказался указомъ екатеринославской духовной консисторіи отъ 11 іюля 1797 года, на имя новомиргородскаго духовнаго правленія, о назначеніи Игнатія Бужницкаго священникомъ въ помѣщичье село Акимовку новомиргородскаго уѣзда, причемъ въ указѣ этомъ сообщается, что всѣ прихожане изъявили желаніе имѣть у себя священникомъ Бужницкаго, кромѣ помѣщицы Миклоевой; въ виду того его высокопреосвященство *Гавріилъ митрополитъ екатеринославскій и Херсонеса-Таврическаго* повелѣлъ, не взирая на несогласіе Миклоевой, опредѣлить священника Бужницкаго на приходъ въ Акимовку, а «буде же оная помѣщица вдаль священнику мѣшать будетъ, то духовному правленію просить защищенія оному священнику отъ команды свѣтской противъ оной помѣщицы Миклоевой». Однимъ словомъ, повторяется обыденное явленіе... Единственное средство для предотвращенія гибели указаннаго и, разумѣется, многихъ другихъ архивовъ заключается въ учрежденіи мѣстной архивной коммиссіи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи. Выпускъ 2-й. Изданъ подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1889 г. XXIV+551

1-й выпускъ этого изданія вышелъ еще въ 1876 году. Теперь оно продолжается подъ редакціей академика Н. Ѳ. Дубровина. Въ 1-мъ отдѣленіи помѣщены Высочайшіе указы и рескрипты, состоявшіеся по собственной Е. И. В. канцеляріи (въ 1812 году), и Высочайшіе указы, объявленные граф. Аракчеевымъ. 2-е отдѣленіе заключаетъ въ себѣ разнообразные матеріалы; нѣкоторые при нихъ относятся къ западной и южной Россіи (нач. XIX в.). Таковы докладныя записки сенатора Алексѣева относительно губерній сѣверозападнаго и югозападнаго края (относительно переселенія евреевъ изъ селъ и деревень въ города и мѣстечки, относительно почтъ, относительно мѣръ для нихъ благоустройства). Къ нимъ приложена записка о необходимости перевести губернскія учрежденія изъ Житомира въ г. Дубно. Мысль эта принадлежала губернатору Комбурлею, но Алексѣевъ съ нимъ былъ вполнѣ согласенъ. О Житомирѣ въ запискѣ говорится такъ: онъ стоитъ на самой границѣ губерніи, не имѣетъ коммерціи, ни особенныхъ какихъ выгодъ и не иное что есть, какъ мѣстечко жидовское, присутственныхъ мѣстъ и другихъ казенныхъ зданій въ немъ также не устроено; а хотя губернскія мѣста находятся въ старомъ іезуитскомъ зданіи, но по ветхости его и по неудобству необходимо должно выстроить вновь. Мѣстечко Дубно есть одно удобнѣйшее для устроенія въ немъ губернскаго хорошаго города. Будучи уже довольно обстроено каменнымъ строеніемъ, имѣетъ купечество богатое, изъ коего иностранные купцы имѣютъ хорошіе магазейны, а многіе изъ евреевъ производятъ довольно порядочный торгъ и живутъ въ хоро-

шихъ домахъ». Въ другомъ приложеніи говорится объ устройствѣ сельскихъ запасныхъ магазиновъ въ волынской губерніи, въ третьемъ—о рекрутскихъ призывныхъ участкахъ, въ четвертомъ — объ усиленіи кордонной стражи на границѣ въ той же губерніи. Къ полтавской губерніи относится всеподданнѣйшій рапортъ малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Репнина (1817 г.) объ иностранныхъ суконщикахъ (стр. 515—519). Иностранные суконщики были вызваны правительствомъ изъ заграницы и поселены въ г. г. Полтавѣ, Кременчугѣ и Константиноградѣ. Но они очутились въ самомъ жалкомъ состояніи и, конечно, возлагавшихся на нихъ надеждъ не оправдали. «Состояніе сихъ иностранцевъ, говоритъ кн. Репнинъ, дѣйствительно бѣдственное; они, получая при переселеніи и обзаведеніи ихъ денежныя пособія, состоятъ доселѣ должными казнѣ данною имъ въ ссуду значительною суммою. Таковое положеніе удерживаетъ ихъ отъ всѣхъ предпріятій и весьма немногіе отъ нихъ, заплатя долги, получили свободу къ вольному по ремесламъ ихъ промыслу; нѣкоторые изъ нихъ бѣжали, а другіе умерли, и претензія на сихъ послѣднихъ содѣлалась невозможною ко взысканію; вообще на состоящихъ нынѣ 115 сем. считается долгу ассигнаціями 102518 руб., талеровъ 1261, рейхсталеровъ 44, флориновъ 146». Всего было израсходовано на нихъ 453348 р. ассигн., 2381 тал., 48 рейхсталеровъ, 146 флор (на ссуду, на постройку домовъ, амбара, водяной сукновальной мельницы и колодезей, на инструменты для суконной фабрики). И чтоже? Дома и пр. были выстроены такъ непрочно, что понадобилось нарядить цѣлое слѣдствіе о постройкахъ; «иностранные суконщики при домахъ, ими занимаемыхъ, не только не имѣютъ никаковыхъ способовъ къ обзаведенію себя хозяйственнымъ способомъ, но даже и самыхъ огородовъ»; они находились въ постоянныхъ распряхъ другъ съ другомъ, благодаря различію вѣроисповѣданій (одни были католики, другіе лютеране). Репнинъ проектировалъ цѣлый рядъ мѣръ для приведенія ихъ въ лучшее состояніе. Онъ предлагалъ *простить имъ всѣ долги* (по ссудѣ данной правительствомъ), прибавить огородовъ и сѣнокоса и отдать имъ безденежно вмѣстѣ съ усадьбами въ вѣчное и потомственное владѣніе (подъ условіемъ 10-ти лѣтняго пребыванія на одномъ мѣстѣ и занятія своимъ промысломъ), дать заимообразно по 100 руб. на семейство, подарить казенные инструменты, изъять ихъ подъ казеннаго вѣдомства и предоставить автономію. Какова была судьба этого представленія мы не знаемъ. Но во всякомъ случаѣ оно является любопытной темною страничкой изъ исторіи иностранной колонизаціи въ

южной Россіи. Поселеніе каждаго семейства обошлось правительству въ среднемъ болѣе 400 руб., а пользы изъ этого не вышло никакой. «По издѣлію суконному, говорится въ заключеніе записки, съ 1809 года по сіе время въ оборотѣ было капитала до 270000 руб.; выгодъ же отъ оного примѣрно положить можно до 27000 руб., которые выручаются чрезъ продажу состоящаго теперь въ наличности валенаго сукна 4000 и суровья 19000 арш.».

Значительное мѣсто въ Сборникѣ занимаетъ переписка извѣстстнаго Вас. Наз. Каразина по Филотехническому обществу (1814—1818 г., стр. 445—513). Перечень содержащихся здѣсь документовъ сдѣланъ мною въ другомъ мѣстѣ (въ 3-мъ томѣ Сборника харьк. ист. фил. общ.). Здѣсь же замѣчу только, что редакторъ Сборника академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ не свѣрилъ своихъ матеріаловъ съ тѣмъ что было уже извѣстно раньше, и напечаталъ нѣкоторые документы въ другой разъ (напримѣръ отчеты о дѣятельности Филотехн. общ. послѣ Успенскаго съѣзда 1814 г. и др.).

Изданъ Сборникъ, съ внѣшней стороны, прекрасно, даже роскошно и снабженъ алфавитнымъ указателемъ именъ.

Д. И. Багалѣй.

Акты Московскаго государства, изданные импер. академіей наукъ подъ редакціей Н. А Попова. Томъ I. Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1571—1634. Спб. 1890, XLIV, 766.

Мысль объ этомъ изданіи принадлежитъ еще покойному академику Н. В. Калачову, исполненіе же ея выпало на долю преемнику Н. В. въ должности директора Архива Мин. Юстиціи Н. А. Попова. Послѣдній, по плану академіи, рѣшилъ заняться сестематическимъ извлеченіемъ изъ ввѣреннаго его попеченіямъ архива актовъ московскаго государства, заключающихся въ дѣлахъ двухъ главнѣйшихъ приказовъ — разряднаго и вотчиннаго. Разрядный приказъ, какъ извѣстно, дѣлился на столы (о столахъ этихъ былъ прочитанъ г. Гоздаво-Голомбіевскимъ рефератъ на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ). Московскій столъ заключаетъ въ себѣ древнѣйшіе документы. Часть ихъ и напечатана въ вышедшемъ теперь 1-мъ томѣ «Актовъ московскаго государства». Нѣкоторые изъ нихъ относятся къ южнорусскимъ областямъ—лѣвобережной Малороссіи и слободской Украйнѣ. Отмѣтимъ тѣ, и другіе. Къ 1614 году относится цѣлый рядъ отписокъ воеводъ о воровскихъ черкасахъ, т. е. малороссійскихъ козакахъ, громившихъ

различныя области и украйны (въ особенности сѣверныя). Документъ подъ № 162 говоритъ о выѣздѣ на государево имя въ 1623 г., въ Путивль изъ новгородъ-сѣверскаго уѣзда 16 крестьянскихъ семействъ; актъ подъ № 163 —о намѣреніи воровскихъ козаковъ, явившихся въ Новгородъ-Сѣверскъ, грабить по дорогамъ русскихъ торговыхъ людей. Къ Новгородъ-Сѣверску относится еще № 294 (1630 г.), заключающій въ себѣ челобитье дворянъ и дѣтей боярскихъ объ освобожденіи ихъ отъ платы за перевозъ черезъ р. Сеймъ, №№ 315 и 396), содержащіе отписки сѣвскаго воеводы о вышедшихъ изъ новгородъ-сѣверскаго Спасскаго монастыря черномъ попѣ Іонѣ со старцемъ Авраміемъ и черномъ попѣ Нифонтѣ со старцемъ Селиверстомъ, № 497 съ челобитьемъ новгородъ-сѣверца Люшнина о пожалованіи его за службу и № 512 со свѣдѣніями о службѣ новгородъ-сѣверскаго воеводы Болтина. Интересны воеводскія отписки о польскихъ (т. е. полевыхъ, степныхъ) вѣстяхъ, доставленныхъ разными выходцами и языками; таковы вѣсти, сообщенныя запорожскимъ выходцемъ Онуфріемъ Семеновымъ въ 1632 г. (№ 327), русскимъ выходцемъ Иваномъ Даниловымъ (№ 328), торговымъ человѣкомъ Ив. Лѣховымъ (№ 329), крестьяниномъ Ѳед. Олѳеровымъ (№ 331), литовскимъ выходцемъ Яномъ Заблоцкимъ (№ 332), путивльскими торговыми людьми (№ 333), рыльскими торговыми людьми (№ 336 и 432), «полонянникомъ» — черкашениномъ Алешкою Боровскимъ (№ 346), который потомъ былъ сосланъ въ Казань (№ 403), запорожскимъ козакомъ Максимомъ Михайловымъ (№ 424), казачьимъ сыномъ Гр. Алексѣевымъ и литвиномъ М. Марковымъ (№ 427), сѣвскими торговыми людьми (№ 435), запорожскимъ выходцемъ Иваномъ Павловымъ (№ 436), крестьянами (№ 547), литовскими и польскими языками (№ 637 и 645), малороссійскими языками (№ 649, 673 и 661), нѣмчиномъ (№ 654). Нѣсколько актовъ относится къ г. Стародубу (Сѣверскому). Таковъ наказъ Ляпунову о сборѣ въ стародубскомъ уѣздѣ кормовыхъ дѣтей боярскихъ и козаковъ, убѣжавшихъ изъ подъ Смоленска (1633 г., № 478), государева грамота къ русскимъ служилымъ людямъ, стоявшимъ въ стародубскомъ уѣздѣ, съ запрещеніемъ идти войной на «черкасскіе города» (№ 486), дѣло по челобитью Ив. Варѣева съ товарищами о пожалованіи ихъ за сеунчъ о взятіи г. Стародуба (1633 г., № 500), отписка стародубскаго воеводы о боѣ его близь города съ дѣтьми боярскими и козаками, сбѣжавшими изъ подъ Смоленска (№ 505, о пребываніи ихъ въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ сообщаютъ акты подъ № 509 и 522), челобитье Ив. Еропкина и Ник. Оладьина о по-

жалованіи ихъ за стародубскую службу (№ 595 и 601). О военныхъ дѣйствіяхъ малороссійскихъ козаковъ противъ русскихъ украинныхъ городовъ сообщаютъ свѣдѣнія документы подъ № 529, (приступъ къ Путивлю въ 1633 г.), 538 и 680 (приступъ къ Бѣлгороду въ томъ же году), 540 (къ Стародубу), 640 и 658 (къ Сѣвску), 663 (къ Курску), № 704 (къ бѣлогородскому Николаевскому мон).

Интересны сказки «о службахъ» русскихъ воеводъ и служилыхъ людей, напр., кн. Вас. Ромодановскаго о его дѣйствіяхъ въ стародубскомъ и новгородъ-сѣверскомъ уѣздахъ (№602), путивльскихъ воеводъ кн. Н. Гагарина и Андрея Усова (№ 646), Ивана Волжина (№ 690) и др.

Изъ этого перечня уже видно, что въ «Актахъ» содержится не мало матеріаловъ, разъясняющихъ намъ исторію Сѣверщины въ 1-й половину XVII в.; большая часть этихъ данныхъ относится ко 2-й польской войнѣ, закончившейся извѣстнымъ Поляновскимъ миромъ (1634 г.). Стародубскій и новгородъ-сѣверскій уѣзды въ это время также служили ареною борьбы воюющихъ сторонъ. Извѣстія сообщаемыя перепиской между Россіей и Польшею, (Чтенія Москов. Общ., 62, кн. 4) значительно пополняются нынѣшнимъ Сборникомъ. Къ сожалѣнію, ни А. М. Лазаревскій (въ своемъ «Описаніи Старой Малороссіи»), ни я (въ своей рецензіи на его трудъ) не могли воспользоваться этими данными.

Къ территоріи слободской Украйны относятся также не мало актовъ. Таковые документы о сторожевой и станичной службѣ на «польской», т. е. южной степной полевой украйнѣ. Таковы матеріалы, касающіеся жизни въ степи черкасъ, положенія Святогорскаго и Савинскаго мон. далеко выдвинувшихся тогда (въ 1-й пол. XVII в.) въ степь, и извѣстнаго основателя г. чугуева гетмана Якова Острявицы. (Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ см. въ моемъ Критико-библіографическомъ очеркѣ матеріаловъ по исторіи слоб. Украйны, напечатанномъ въ 3-мъ томѣ Сборника харьк. ист. фил. общ.).

Д. И. Багалѣй.

Памятная книжка волынской губ., изд. волынск. губернск. статистич. комитета. Составлена подъ редакціей члена-секретаря комитета И. Ф. Мацкевича Житоміръ. 1890.

Памятная книжка волынской губ. на 1891 г. состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: общекалендарныхъ свѣдѣній, адресъ-календаря, матеріаловъ по статистикѣ губерніи за 1889 г. и справочныхъ свѣ-

дѣній, т. е. составлена по той же программѣ, что и въ предыдущіе годы. Въ послѣднемъ отдѣлѣ, впрочемъ, находимъ оффиціальныя свѣдѣнія объ ярмарочныхъ оборотахъ въ 1889 г. Изъ находящагося въ томъ же отдѣлѣ списка волостныхъ старшинъ видно, что въ числѣ 207 старшинъ было грамотныхъ всего 41 (т. е. 19,8%), малограмотныхъ—19 (или 9,1%) и неграмотныхъ 147 (71%). Болѣе всего неграмотныхъ въ заславскомъ уѣздѣ (14 неграмотныхъ старшинъ изъ 16, т. е. 87,5%); наибольшій процентъ грамотныхъ старшинъ выпадаетъ на лубенскій (43,2%) и луцкій (35,3%) уѣзды.—Въ приложеніи къ «Памятной книжкѣ» помѣщенъ «Выводъ изъ статистическихъ таблицъ волынской губ. за 1888», въ которомъ статистическія свѣдѣнія приведены въ извѣстную систему, сопоставлены въ различныхъ комбинаціяхъ. За это нужно быть благодарнымъ редактору, такъ какъ матеріалы по статистикѣ губерніи (въ III отд.) предлагаются въ очень неудобномъ видѣ, даже безъ процентныхъ вычисленій въ нѣкоторыхъ нужныхъ случаяхъ, такъ что самому читателю предоставлялось иллюстрировать голыя цифры замѣтками на поляхъ.—Сравнивая Памятную книжку волынской губ. съ другими подобными же изданіями, приходимъ къ невыгодной для первой заключеніямъ. Въ то время, какъ памятныя книжки напримѣръ сѣверо-западнаго края отводятъ мѣсто матеріаламъ по этнографіи, археологіи губерніи, наше изданіе ограничивается однѣми статистическими данными. А между тѣмъ матеріалъ долженъ быть. Мы знаемъ, напримѣръ, что волынскій статистическій комитетъ представилъ на послѣдній археологическій съѣздъ археологическую карту волынск. губ.—Отчего бы не напечатать матеріалы, помогшіе составленію этой карты, въ Памятной книжкѣ?

Арк. Л—нко.

По поводу рецензіи книги «Вольности запорожскихъ козаковъ».

Въ уважаемомъ мной журналѣ «Кіевская Старина», за февраль мѣсяцъ текущаго года, В. Н. Ястребовъ помѣстилъ подробную и съ тѣмъ вмѣстѣ совершенно безпристрастную рецензію на мой новый трудъ «Вольности запорожскихъ козаковъ». Соглашаясь въ общемъ съ г. Ястребовымъ, что вся моя работа носитъ «спѣшный характеръ» и оттого въ ней замѣчаются «нѣкоторые недостатки, промахи и неточности", я въ частности», я въ частности не могу согласиться съ моимъ рецензентомъ въ слѣдующихъ пяти положеніяхъ.

Во первыхъ, г. рецензентъ приписываетъ мнѣ положеніе, будто бы я, «игнорируя и смѣшивая эпохи, нахожу крѣпость Александровскую, теперь городъ Александровскъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ о. Хортицы, еще при Константинѣ Багрянородномъ (стр. 40). Ничего подобнаго у меня нѣтъ и быть не можетъ, потому что Константинъ Багрянородный жилъ въ X вѣкѣ, а крѣпость Александровская основана во второй половинѣ XVIII. Въ моей книгѣ на указанной страницѣ разсказывается лишь о томъ, какъ избѣгали пороговъ наши предки, славяне-язычники, а потомъ впослѣдствіи запорожскіе козаки. Думаю, что поставленіе времени запорожскихъ козаковъ со временемъ славянъ-язычниковъ не есть смѣшеніе и игнорированіе эпохъ, въ противномъ случаѣ смѣшеніемъ эпохъ будетъ и то, если мы скажемъ, что начало міра, по еврейскому счисленію, было за 5508 лѣтъ до Р. Х., а начало русскому государству, по лѣтописному преданію, въ 862 году по Р. Хр.

Во-вторыхъ, г. рецензентъ доказываетъ, будто бы, по-моему, въ *настоящее время* рѣка Бугъ течетъ близь Екатерининскаго шанца, что рѣчка Журавка впадаетъ въ Синюху противъ польскаго города Семлека, что Тарговица приходится устьемъ противъ польскаго города Тарговицы, что рѣка Ингулъ течетъ черезъ Елисаветградскую провинцію, мимо крѣпости св. Елизаветы и что въ Черномъ лѣсѣ водятся дикіе кабаны, дикія козы и т. п. Смѣю увѣрить моего рецензента, что мнѣ не менѣе, какъ и ему извѣстно, что въ настоящее время нѣтъ ни Екатерининскаго шанца, ни Елисаветградской провинціи, ни *польскихъ* городовъ Семлека и Тарговицы, какъ нѣтъ дикихъ кабановъ въ Черномъ лѣсѣ. Если же у меня говорится объ этомъ (131, 139, 250) въ настоящемъ времени — «течетъ», «впадаетъ», «водится», то это просто значитъ то, что я, по общепринятому азбучному правилу, употребилъ, для такъ называемой живости рѣчи, форму настоящаго времени вмѣсто формы прошедшей. Неужели же мнѣ поставятъ въ вину, если я, повѣствуя о какомъ либо историческомъ событіи, напримѣръ Полтавской битвѣ, скажу: «И вотъ Петръ выѣзжаетъ на ратное поле» вмѣсто «И вотъ Петръ выѣхалъ на ратное поле»? И неужели и тутъ станутъ доказывать мнѣ, что я смѣшиваю эпохи или не знаю, что теперь царя Петра совсѣмъ нѣтъ въ живыхъ?...

Въ-третьихъ, г. рецензентъ совѣтуетъ мнѣ возможно осторожнѣе относиться къ картѣ Риччи Заннони и не слишкомъ ссылаться на нее. Цѣну картѣ Риччи Заннони я знаю также не менѣе самаго

г-на рецензента, какъ вслѣдствіе близкаго моего знакомства съ ней, такъ и вслѣдствіе указанія на нее извѣстнаго историка запорожской Сѣчи, А. А. Скальковскаго. Не вездѣ довѣряя показанію этой карты, я всегда въ моемъ трудѣ старался болѣе всего обосноваться на картѣ Исленьева и употреблялъ такой пріемъ: «Кривой-Ташлыкъ на картѣ Риччи Заннони=Терновка на картѣ Исленьева», «Хольникъ на картѣ Риччи Заннони=Ольшанка на картѣ Исленьева» (137) и др.

Въ-четвертыхъ, г. рецензентъ упрекаетъ меня въ небрежности цитатъ и въ смѣшеніи сочиненія Боплана съ сочиненіемъ Русова и барона Тотта. Здѣсь я менѣе, чѣмъ гдѣ-либо виновенъ. Такъ, на страницѣ 287 моей книги, въ выноскахъ 2 и 3, допущена простая типографская опечатка, перемѣщеніе выноски: вмѣсто второй поставлена третья, а вмѣсто третьей вторая, отъ этого и вышло, что, дѣлая выдержку изъ Русова, я ссылаюсь на Боплана, а дѣлая выдержку изъ Боплана, ссылаюсь на Русова. Сочиненіе Русова «Русскіе тракты» (Кіевъ, 1876) и сочиненіе Боплана «Описаніе Украйны» (СПБ., 1832) я всегда твердо различалъ и ни на минуту не смѣшивалъ. Что касается до »Мемуаровъ» барона Тотта, то я ихъ цитировалъ по выдержкамъ, приведеннымъ Устряловымъ, въ приложеніяхъ къ сочиненію Боплана, потому что въ отдѣльномъ изданіи этой, весьма интересной, книги мнѣ не удалось найти, оттого-то я и сослался на Боплана; мой же рецензентъ, упрекая меня въ этомъ, замѣчаетъ, что подобный пріемъ «можетъ ввести невѣдущаго въ курьезное заблужденіе, будто мемуары барона Тотта *помѣщены* въ «Описаніи Боплана». Не знаю, у кого больше на этотъ разъ курьеза—у автора ли «Вольностей» или у рецензента ихъ.... Также точно простая опечатка на страницѣ 117 моего труда возводится моимъ рецензентомъ въ курьезъ моего изложенія. Напечатано: Какъ большинство рѣкъ, имѣющихъ рыхлые берега, покрытыхъ лѣсною растительностію и *оттою* ежегодно размываемыхъ водой, такъ и Днѣпръ»... Надо было бы: Какъ большинство рѣкъ, имѣющихъ рыхлые берега, покрытые лѣсною растительностію и *весною* ежегодно размываемые водой». На эту опечатку я обращалъ вниманіе еще тогда, когда разсылалъ свою книгу въ редакціи журналовъ для рецензіи, а въ томъ числѣ и въ редакцію «Кіевской Старины» [1]).

---

[1]) Дѣйствительно г. Эварницкій въ письмѣ своемъ въ редакцію указалъ нѣсколько опечатокъ, и этимъ указаніемъ мы воспользовались, выпустивъ соотвѣтствующія мѣста въ рецензіи г. Ястребова. Но въ данномъ случаѣ мы никакъ не можемъ

Наконецъ, *въ пятыхъ*, г. рецензентъ поставляетъ мнѣ на видъ, что между документами, приложенными въ концѣ моей книги, есть и такіе, которые должны быть причислены къ категоріи «бумажнаго хлама» и тутъ же указываетъ на первый документъ «Жалобу пана Кущинскаго пану Василію Тимофѣевичу на портного Булавку за дурно сдѣланный кафтанъ». Хотя г. Ястребовъ и относитъ подобный документъ къ разряду хлама, но я, по моему крайнему разумѣнію, нахожу въ означенномъ документѣ большой интересъ потому, что онъ даетъ полное и даже чисто спеціальное описаніе козацкаго платья, именно верхняго кафтана, покрой котораго для насъ остался почти неизвѣстенъ, потому что ни одного изъ такихъ кафтановъ не сохранилось до нашего времени. Да и вообще, при утерѣ сѣчеваго архива, нужно дорожить даже и «хламомъ» запорожскимъ, если таковой гдѣ-бы то ни было могъ сыскаться, потому что всякій историческій документъ имѣетъ извѣстную цѣну и извѣстный интересъ. Я понимаю восторгъ генерала-лейтенанта В. П. Коховскаго, директора Соляного городка, открывшаго у себя названный документъ о козацкомъ кафтанѣ, упивавшагося имъ въ теченіи нѣсколькихъ дней и теперь совершенно довольнаго тѣмъ, что онъ нашелъ мѣсто въ печати.

Въ изложенныхъ пяти пунктахъ я считаю себя совершенно правымъ и потому принимаю замѣчанія г. Ястребова безъ существеннаго для меня значенія, за остальныя же его указанія выражаю ему искреннюю признательность, хотя не могу не замѣтить, что всѣ они большею частью касаются скорѣе частностей, нежели общей постановки дѣла.

Д. И. Эварницкій.

Отвѣтъ Д. И. Эварницкому

На пять тезисовъ, выставленныхъ противъ меня г. Эварницкимъ, отвѣчу по порядку:

1) Г. Эварницкій съ большимъ успѣхомъ доказалъ, что онъ знаетъ столѣтіе царствованія Константина Багрянороднаго; да я и не сомнѣвался въ этомъ; въ доказательство неудовлетворительности метода его труда я сказалъ только: «такъ, при Константинѣ Багр. на

согласиться съ г. Эварницкимъ, что имѣемъ здѣсь дѣло съ рядомъ типографскихъ опечатокъ (покрытыхъ, *оттого*, размываемыхъ), а думаемъ, что это недосмотръ автора—Ред.

Днѣпрѣ *оказывается* крѣпость Александровская» (стр. 41); замѣтьте: вовсе не говорю, что г. Эварницкій ее *находитъ*, а говорю: *оказывается*, а почему?—очевидно,—по неудовлетворительности его метода. Напрасно г. Эварницкій настаиваетъ, будто ничего подобнаго у него нѣтъ и быть не можетъ. Развернувъ книгу на указанной мною страницѣ, онъ, вслѣдъ за цитатой изъ Константина Багр. (по Лербергу) о плаваніи руссовъ, прочтетъ свои собственныя слова: «...всѣ суда, шедшія по Днѣпру сверху внизъ въ лѣтнее время, всегда останавливались у пороговъ; тутъ съ нихъ снимали товары и везли 70 верстъ сухимъ путемъ *до крѣпости Александровской, стоявшей* у устья р. Сухой Московки» и пр. Значитъ, *нѣчто подобное* путаницѣ въ географической номенклатурѣ у г. Эварницкаго и есть, и быть можетъ.

2) Во второмъ пунктѣ г. Эварницкій всенародно объявляетъ, что ему извѣстно также существованіе настоящаго повѣствовательнаго въ русской грамматикѣ; охотно допускаю и это, но, признаюсь, не догадался, что всѣ тѣ мѣста, на которыя я указывалъ, представляютъ образчики примѣненія авторомъ этого самаго правила. Да полно и такъ ли? Раскрываемъ стр. 138—139 «Вольностей» и читаемъ: «Ингулъ ...начало беретъ въ степи изъ ручьевъ, близь лѣса Нерубая, выше м. Цыбулева, теперь д. Федоровки или Бровковой (sic) херсонск. губ., елисаветгр. у.; черезъ елисаветградскую провинцію течетъ самымъ малымъ потокомъ, у самой крѣпости св. Елисаветы въ лѣтнее время онъ почти не виденъ: здѣсь его всегда переѣзжаютъ въ бродъ и только для пѣшихъ кладутъ доску» и пр. Или еще лучше на стр. 250: «Черный лѣсъ и Чута состоятъ изъ дуба, клена, береста, осины, орѣшника и др.; въ немъ водятся волки, лисицы, зайцы, дикие кабаны, дикія козы и множество разнаго рода птицъ». Неужели въ приведенныхъ мѣстахъ настоящее время способствуетъ оживленію рѣчи и не подаетъ повода къ недоразумѣніямъ? И неужели—добавимъ—такъ необходимы были г. Эварницкому для оживленія рѣчи крѣпость св. Елисаветы и елисаветградская провинція, отъ начала которыхъ до конца Запорожья не прошло и полныхъ 25 лѣтъ?

3) На благой совѣтъ мой не довѣряться безъ критики картѣ Риччи Заннони, совѣтъ, поводомъ для котораго послужилъ указанный мною промахъ г. Эварницкаго, сдѣланный именно изъ лишняго довѣрія къ названной картѣ, г. Эварницкій, молчаливо признавая свой промахъ, обидчиво замѣчаетъ, что цѣну этой картѣ знаетъ не хуже

меня. Отвѣчу на это кратко: тѣмъ хуже для него!... Просилъ бы его вообще замѣтить, что съ его познаніями, о которыхъ говоритъ онъ самъ излишне много, я имѣлъ дѣло постольку, поскольку они выразились въ его книгѣ, послужившей предметомъ для разбора.

4) Во первыхъ, что касается опечатокъ, то напрасно г. Эварницкій полагаетъ, будто онѣ совсѣмъ не лежатъ на отвѣтственности автора (который, къ тому же, въ данномъ случаѣ былъ также и издателемъ) и представляютъ нѣчто неприкосновенное; нельзя же отъ читателей требовать такой проницательности, чтобы вмѣсто *оттого* они читали *весною!*—Во вторыхъ, если г. Эварницкій говоритъ, будто ему «Мемуаровъ» бар. Тотта не удалось найти, то это произошло, безъ сомнѣнія, оттого, что онъ и не искалъ ихъ; въ продажѣ оба изданія этого труда, который почему то и г. Эварницкій находитъ интереснымъ, стоютъ всего 1 р. 50 к. (XXVI Каталогъ Киммеля, стр. 45) и потому авторъ нашъ, имѣющій счастливое преимущество работать въ Петербургѣ, свободно могъ пользоваться «Мемуарами» въ оригиналѣ, не прибѣгая къ сомнительному способу цитированія по выдержкамъ въ приложеніяхъ и примѣчаніяхъ къ труду Боплана, называя надерганные имъ клочки — «Мемуарами бар. де-Тотта о туркахъ и татарахъ, въ Описаніи Украйны Боплана». Стало быть, rira bien qui rira le dernier.

5) Я утверждалъ, что № 1 въ приложеніи къ «Вольностямъ» не имѣетъ никакого отношенія къ Запорожью; на это г. Эварницкій, возражаетъ, что документъ этотъ интересенъ описаніемъ козацкаго (?) платья. Но позвольте, г. Эварницкій! Кто же такой былъ этотъ панъ Кущинскій, заказавшій себѣ въ Полтавѣ платье въ 1732 г.: запорожецъ, украинецъ, литвинъ, полякъ или еврей? и подлинно ли запорожскій костюмъ сшилъ ему портной Булавка, или какой иной? что касается меня,—я не знаю, ибо въ документѣ указаній на то не нахожу; не знаете, вѣрно, тоже и вы.—Въ заключеніе, г. Эварницкій выступаетъ ратоборцемъ архивнаго хлама, предпочтительно—запорожскаго, въ подтвержденіе высказывая справедливую, хотя и не блещущую новизною мысль, что всякій историческій документъ имѣетъ извѣстную (вѣрно!) цѣну и извѣстный (вѣрно тоже!) интересъ. Добавимъ отъ себя опущенное нашимъ авторомъ, хотя, конечно, также не новое: но есть документы не историческіе, которые для печати интереса не представляютъ, они принадлежатъ къ категоріи бумажнаго хлама, имѣютъ опредѣленную цѣну съ пуда и успѣшно удовлетворя-

ютъ разнымъ, хозяйственнымъ большею частію, надобностямъ. Отлагая шутки въ сторону, замѣчу, что при печатаніи документовъ не мѣшало бы кратко опредѣлить ихъ значеніе и степень интереса.

В. Ястребовъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 3.—Русская Мысль № 3.—Сѣверный Вѣстникъ № 3.—Русскій Вѣстникъ № 3.—Наблюдатель № 3.—Русское Обозрѣніе № 3.

Вѣстникъ Европы. III. 1891 г. *А. Веселовскаго. «Мертвыя души»*. Излагаются источники и планъ поэмы и тѣ элементы, изъ которыхъ сложилось ея художественное и соціальное значеніе (стр. 61—102).

Въ отдѣлѣ литературное обозрѣніе одобрительный отзывъ А. П. о «Культурныхъ переживаніяхъ» Н. Сумцова, печатавшихся въ нашемъ журналѣ въ 1890 году (стр. 439—441).

Русская Мысль III. 1891 г. *Всев. Миллеръ. «Экскурсы въ область русскаго эпоса»*. Разборъ эпоса о Добрынѣ-змѣеборцѣ (стр. 48—70)

Въ библіографическомъ отдѣлѣ: отзывы о «Сочиненіяхъ А. А. Котляревскаго», бывшаго професс. кіевскаго университета, съ указаніемъ на важное значеніе его извѣстной статьи: «Были ли малоруссы исконными обитателями полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV в.?» (стр. 141—144).

Сѣверный Вѣстникъ III. 1891 г. *А. Кз.* Замѣтка по поводу III т. «Исторіи Россіи» Иловайскаго, въ которой не только отвергается всякое научное значеніе названной книги, какъ историческаго изслѣдованія, но и значеніе ея какъ серьезнаго и полезнаго компилятивнаго труда (96—100).

Въ отдѣлѣ критики сочувственный отзывъ о книгѣ Эварницкаго: «Вольности запорожскихъ козаковъ» (стр. 121).

Наблюдатель. III. 1891 г. Въ отдѣлѣ— «Наши внутреннія дѣла»: замѣтка по поводу примѣненія тѣлеснаго наказанія судомъ земскихъ начальниковъ въ роменскомъ уѣздѣ полтавской губерніи (стр. 37—40).

Опечатка.

Въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины" текущаго года на стр. 353 строка 22 сверху вмѣсто слова *Великомъ* слѣдуетъ читать *Багрянородномъ*.

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ПОДСКАРБІЯ

ЯКОВА МАРКОВИЧА

(1717—1767 г).

Предисловіе.

(первое).

Болѣе тридцати лѣтъ назадъ были изданы „Дневныя Записки" генеральнаго подскарбія Якова Марковича (М. 1859. 2 ч., въ 8 д. л.), который, будучи однимъ изъ образованнѣйшихъ малороссіянъ перв. полов. XVIII в. (р. 1696 † 1773), оставилъ намъ въ своемъ дневникѣ очень цѣнное пособіе для изученія внутренней жизни въ Малороссіи XVIII в. Дневникъ веденъ, безъ перерыва, въ теченіе того полувѣка (1717—1767), который былъ временемъ постепеннаго сокращенія автономной жизни старой Малороссіи и перехода ея къ общегражданскимъ формамъ государства. Начавъ свой дневникъ при Скоропадскомъ, Марковичъ пересталъ его писать только при Румянцевѣ... Издателемъ и редакторомъ „Дневныхъ Записокъ" былъ родной внукъ ихъ автора, Ал. Мих. Марковичъ (р. 1790 † 1865), принадлежавшій также, въ свою очередь, къ образованнѣйшимъ малороссіянамъ первой половины настоящаго вѣка. Оцѣнивъ по достоинству значеніе дневника, какъ историческаго памятника, Ал. Мих—чъ издалъ его однако же такъ, какъ въ его время большею частью издавались подобные памятники,—вспомнимъ напр. какъ первоначально были напечатаны записки Болотова,—редакторъ „Дневныхъ Записокъ" нашелъ нужнымъ значительно ихъ сократить и подновить языкъ... Отсюда необходимость переизданія этого памятника.

Вновь издается дневникъ Марковича по подлиннику въ полномъ его видѣ, безъ сокращеній и, разумѣется, безъ какихъ

либо измѣненій текста [1]). Поясняя нѣкоторыя мѣста дневника въ примѣчаніяхъ, мы печатаемъ послѣднія, для удобства читателя, подъ строкою.

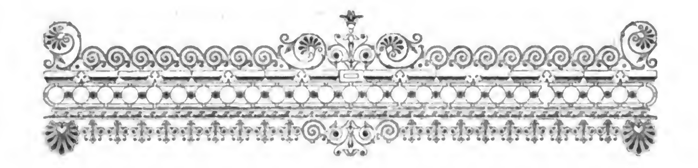
Болѣе подробныя свѣдѣнія объ авторѣ дневника и описаніе рукописи будутъ приведены дальше, во второмъ предисловіи. Здѣсь скажемъ лишь, что Марковичъ началъ писать свой дневникъ по слѣдующему случаю: встрѣтивъ въ одной тетради своего тестя, извѣстнаго черниговскаго полковника Павла Полуботка, написанную послѣднимъ коротенькую малороссійскую лѣтопись, Марковичъ эту „кроничку“ сначала дополнилъ нѣсколькими фактами, потомъ—продолжилъ нѣсколькими годами, а затѣмъ—войдя во вкусъ—сталъ изо дня въ день вести свой „домашній протоколъ“, какъ называетъ онъ этотъ дневникъ. Поэтому мы нашли не лишнимъ внести въ текстъ дневника и лѣтописанье Полуботка, напечатавъ послѣднее мелкимъ шрифтомъ, для отличія его отъ прибавокъ Марковича.

28 февраля 1891 г.

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Подлинникъ дневника принадлежитъ правнуку ихъ автора—Пармену Андреевичу Марковичу и сохраняется въ той же усадьбѣ глуховскаго села Сваркова, которую когда-то съ такою любовью устраивалъ Яковъ Марковичъ.



1452. Турки Константинополь взяли [1].

1497. Ляхи зъ волохами войну точили и волохи ляховъ били, и побравши многихъ въ неволю, въ плугъ запрагали, орали оними и жолуде сѣяли, що и до сего часу лядскою называется дубровою. За Котноромъ на горѣ, до Ясъ едучи.

1577. Земля трасляся.

1591. Бидло велми здихало и невидимо по окнахъ были слова написани.

1614. Царъ Феодоръ черицемъ сталъ.

1617. Война Сагайдачного.

1622. Петръ Конашевичъ Сагайдачний умеръ.

1625. Комисѣя война.

1630 Іовъ Борецкий, митрополитъ кіевскій, умеръ въ 1630.

1633. Первая война Московская Шейнова на Смоленскъ, за цара Михаила Феодоровича.

1634. Тимошъ умеръ. Арендаренка гетманомъ учинено.

1635. Кумейская война.

1647. Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, умеръ.

1648. Хмелницкий у Бороша (sic) листи укравъ и войну первую началъ.

Того жъ року ляхи зъ Украини поутѣкали.

---

[1]) При началѣ лѣтописи въ рукописи рукою Ал. Мих. М—ча написано: „Писано рукою Полуботка. (Книга эта ему принадлежала, а послѣ перешла къ зятю его Якову Марковичу, который продолжалъ вписывать въ нее примѣчательные акты)“.

1649. Обобранъ зосталъ на кролевство Жикгмунтъ Казимеръ третий.

1650. Берестецкая война; въ томъ року Хмелницкий зъ козаками ляховъ былъ, Калиновского, Маховского и иншихъ многихъ у неволю татаромъ отдано, а другихъ побыто.

1651. Хмелницкий цару Алексѣю Михайловичу зо всѣми козацкими войсками поклонился.

1654. Дрижиполская война.

1655. Царъ Алексѣй Михайловичъ Вилню и Брестя Литовское взялъ.

Того жъ року на козацкого гетмана Івана Золотаренка подъ Старимъ Быховомъ простий человѣкъ засѣвши, забылъ зъ мушкета и тѣло его провяжено черезъ Нѣжинъ до Корсуна, где, подчасъ похорону его, церковъ святаго Николая зъ людми згорѣла.

1656. Селивестръ Косовъ, метрополитъ кіевский, умеръ.

1657. Хмелницкий померъ. Силвестръ Косовъ, митрополитъ киевский, умеръ.

1658. Іванъ Виговский зосталъ гетманомъ и цару Московскому присягу виконалъ. Пушкара убыто.

1659. Подъ Конотопомъ була бытва. Юрася Хмелницкого гетманомъ учинено по змѣнѣ Выговского.

1660. Хмелницкий змѣнилъ и Василя Шереметева въ неволю взято.

1661. Въ Кіеви, за воеводы Івана Ржевского, татаре много людей порубили и въ неволю побрали. Іорданский монастирь паненский спалили.

Того жъ року, Сомка гетманомъ учинено.

1662. Хмелницкий чернцемъ сталъ, а на его мѣсцу сталъ гетманомъ Павелъ Тетера.

1363. Подъ Нѣжиномъ була великая рада войска московского и козацкого, и тамъ учинено гетманомъ Бруховецкого. Сомка и Васюту страчено въ Борзнѣ.

1664. Була на небѣ метла зъ звѣздъ, и една зходила зъ полночи на заходъ солнца, другая зъ вечера на заходъ солнца, якая комета тривала недель двѣ.

1665. Гетманъ Бруховецкый на Москву ездилъ и, оженившися тамъ, зъ великымъ жалованемъ повернулся.

Того жъ року, монастиръ Межигорскый вигорѣлъ.

1666. Воеводи стали по украинскыхъ городахъ.

1667. На заднѣпру учинено гетманомъ Петра Дорошенка.

Тогда жъ подъ Чигиринъ турки приходили у превеликой силѣ.

1668. Бруховецкого убыто на Говтвахъ, за Зѣнковомъ.

1669. Учинено гетманомъ Демяна Многогрѣшного.

1671. Королемъ обобрано въ Полщѣ Михаила Вишневецкого Коробута.

1672. Многогрѣшного на Москву взято.

Того жъ року, царъ турецкый зъ ханомъ кримскымъ и Дорошенкомъ, Каменецъ Подольскый взялъ, и того жъ року сталъ гетманомъ Іванъ Самойловичъ.

1674. Григорій Ромодановскій зъ гетманомъ Самойловичемъ Дорошенка въ Чигиринѣ взяли. Мурашка Волоскую землю воевалъ, залогу турецкую у волохахъ взялъ.

Того жъ року, Ладижинъ взятъ, Умань; уманцемъ голови луплено, дѣтей забирано и, вибравши дванадцять тисячъ, въ неволю запроважено.

1675. Померъ въ Чигиринѣ метрополитъ Токалскый.

Того жъ року, турки виходили подъ Чигиринъ, и вбачивши войска великіе московскые, поутѣкали.

Того жъ року, царъ Алексѣй Михайловичъ померъ.

1676. Помазанъ на царство царъ Феодоръ Алексѣевичъ.

1678. Чигиринъ взято.

1679. Войска великіе стояли подъ Кіевомъ, ожидаючи бѣсурманского приходу.

1680. Зима була барзо легкая, да суша была великая.

1681. Царъ Феодоръ Алексѣевичъ померъ и, збунтовавшися, стрѣлцѣ многихъ бояръ побыли.

1683. Помазано на царство царя Іоанна и Петра Алексѣевичовъ.

1686. Первый походъ подъ Перекопъ, въ якомъ походѣ гетмана Самойловича взято, вмѣсто его Мазепу гетманомъ учинено.

1689. Саранча була. Того жъ року, другій былъ походъ подъ Перекопъ.

1695. Казикерменъ взято.

Того жъ року, царь Іоаннъ Алексѣевичъ померъ.

1696. Озовъ взято. Тогда Яковъ Марковичъ родился.

1697. Царь Петръ Алексѣевичъ ходилъ въ иноземскіе краи.

1699. Голодный рокъ былъ. Леонтій Свѣчка, полк. луб., умеръ

1700. Святѣйшій патріархъ Андріанъ номеръ.

1701. Подъ Ругодевъ ходили.

1702. Зими не было, тилко тиждень снѣгъ лежалъ. Гамаль Гришко умеръ [1]).

1703. Івана Івановича, полковника ахтирского, взято.

1704. Іустинъ Базилевичъ митрополитою сталъ бѣлогородскимъ и Ругодевъ взятъ того жъ року. Яковъ Лизогубъ, полк. чер., умеръ [2]).

1706. Царь Петръ Алексѣевичъ зо всею арміею былъ въ Чернѣговѣ и, когда чинено смотръ въ полкахъ драгунскихъ и пѣхотныхъ, свѣтлого дня перунъ на церковъ Тройцѣ святой ударилъ. Михаилъ Миклашевскій, полк. стар., убитъ отъ шведовъ. Иванъ Мировичъ, полк. переясл., взятъ.

1707. Кіево Печерская фортеца строилася козацкими войсками. Варлаамъ Ясѣнскій умеръ.

1708. Булавинъ былъ появился на Дону, якого розбито. Тогда митрополитою сталъ Іоасафъ Кроковскій.

Того жъ року Кочубеевѣ и Іскрѣ шіи втято, и того жъ року Мазепа змѣнилъ, а гетманомъ сталъ Іванъ Скоропадскій.

1709. Подъ Полтавою була енералная баталія зъ шведомъ, гдѣ шведскіе войска розбити зостали, а король шведскый зъ Мазепою въ малолюдствіи утѣкъ до Бендеру.

1710. Въ Кіевѣ було моровое повѣтре, и того жъ року въ Чернѣговѣ, на подолѣ, отчасти було, толко ускромилося.

1711. Въ Чернѣговѣ, Седневѣ и Сосницѣ було моровее повѣтре и по многихъ селахъ.

Того жъ року, за Прутомъ царъ Петръ Алексѣевичъ боталію зъ турками чинилъ. По скончени тоей боталіи послани до Порти Отоманской, при великомъ вейзировѣ, посли царского величества Петръ Павловичъ Шафѣровъ (для укончения примиря) зъ Михаиломъ Борисовымъ Шереметовомъ.

Того жъ року войска були подъ Каменымъ Затономъ и вивозивши оттоль борошенные запаси до Орла [3]) и до инишихъ мѣстечокъ полтавского полку, Каменный Затонъ, Самаръ и Кодакъ роскидали. Въ томъ походѣ панъ Михайло Максимовичъ, панъ Тризничъ, судія

---

[1]) Григорій Гамалѣя, бывшій лубенскій полковникъ.

[2]) Должно быть Ефимъ Лизогубъ—сынъ Якова, умершаго въ 1698 г.

[3]) Мѣстечко кобеляцкаго уѣзда.

полку черн҃говского, и панъ Стефанъ Войцеховичъ, реентъ канцеляріи войсковой, померли. Тогди жъ и саранча була.

Того жъ року преосвященного Іоанна Максимовича на Сибѣрскую взято митрополію.

1712. Стояли войска московскіе по надъ берегомъ днѣпровымъ, почавши отъ Лоева ажъ до Навозу [1]), для которихъ мости козаки поробыли були черезъ Днѣпръ, толко жъ не переходили на той бокъ, але пошли ку Смоленску.

1713. Войска козацкіе стояли подъ Кіевомъ и робыли валъ, почавши отъ московского города, поузъ Лыбедь, до Подолу.

Того жъ року обобранъ зосталъ на архіепископію черн҃говскую архимандритъ новгородскый на Стритеніе Господне Антоній Стаховскый, а посвятившися пріехалъ на престолъ въ катедру мало не въ рукъ (рокъ?) передъ Рождествомъ Христовымъ.

1714. Послы царского величества Петръ Павловичъ Шафѣровъ, Толстой, Безстужій и Михайло Борисовичъ Шереметевъ, отпущены отъ Порти Отоманской, по учиненю мирнихъ договоровъ, одколь поворочаючи, Михайло Борисовичъ Шереметевъ въ дорозѣ померъ, и тѣло его припроважено до Кіева, и поховано въ манастиру Печерскомъ. Король шведскый зъ Орликомъ пошолъ въ свою землю, а Горленко, полковникъ бывшій прилуцкий, зъ товарищи пришолъ на Украину и удержанъ въ Глуховѣ, а потомъ взятъ на Москву, где подъ Дѣвичимъ жилъ, зъ Максимовичомъ Антоновичомъ и Ломиковскимъ.

Василий Савичъ, полк.(овникъ) луб., умеръ.

1715. Отпущены зъ Москви панъ Михайло Гамалѣя, Кандиба и прочіи, на Украину, а въ Новгородку сталъ сталъ сотникомъ бувшій протопопа гадяцкій Федоръ Лисовскый.

Въ томъ же року мѣсяця іюня 10 дня преставился въ Тоболску преосвященный митрополитъ сибѣрскый его милость отецъ Іоаннъ Максимовичъ.

Въ Глуховѣ въ мѣсяцю марту 13 числѣ, упалъ верхъ церкви святой Тройци мурованой, въ день по полудню.

Того жъ року, декабрь. Енералъ Репъ въ Полщи умеръ.

Того жъ року, уже на зиму, гетманъ Іоаннъ Скоропадскій въ войско вийшолъ и стоялъ у Гадячомъ самъ, а около него полки всѣ.

Сего року, въ лѣтѣ, генералъ маіоръ Бауръ померъ.

---

[1]) Село черниговскаго уѣзда.

1717 годъ.

Януар. 13, въ недѣлю, Стефанъ Бутовичъ, асаулъ енералный, преставился.

Того жъ року, февр. 8, въ пятокъ, на Феодора Стратилата, Евфимія Полуботкова [1]) преставилась.

Того жъ року, государь царь Петръ Алексѣевичъ зъ Парижа и Амстердаму, куда перегринуючи два года замедлѣлъ, въ осени, къ С.-Питербурху возвратилъся.

1718 годъ.

Януаръ. Гетманъ Іоаннъ Скоропадскій въ Москву ездилъ, а при немъ полковниковъ было 4: чернѣговскій Павелъ Полуботокъ, лубенскій Андрей Марковичъ, гадяцкій Михайло Милорадовичъ, полтавскій Іванъ Чернякъ, писарь енералный Семенъ Савичъ, бунчучный Яковъ Лизогубъ и прочіи бунчуковіи, бо и самъ государь царь Петръ Алексѣевичъ зъ Санктпитербурху тогда жъ приехалъ зъ царицею Екатериною Алексѣевною.

Того жъ року, и мѣсяця, повернулъся царевичъ Алексѣй Петровичъ зъ Германѣи отъ цесара, куда былъ ушолъ, а приехалъ къ государю въ Москву, где его отъ наслѣдія царства отдалено, а на томъ же юнѣйшого сина царевича Петра Петровича уставлено, на що першее царевичъ Алексѣй присягу виконалъ, а потомъ и всѣ, тогда жъ и гетманъ въ недѣлю, въ церквѣ соборной, на тое жъ присягалъ. А зъ Москви гетманъ Скоропадскій, по желанію царского величества, о серединѣ поста великого, въ Санктпитербурхъ поехалъ, где при великой милости государевой найдовалъся и по отездѣ на море государевомъ (которій юля 16 имѣлъ) виѣхалъ въ Украину оттуда, того жъ року 1718 іюля 23, а приѣхалъ въ Глуховъ августа 22, въ пятокъ, передъ заходомъ слонца.

Того жъ року, подъ часъ бытности гетманской въ Санктпитербурхе, царевичъ Алексѣй Петровичъ, оддаленій одъ наслѣдія, мѣсяця юня 28 преставился.

---

[1]) Первая жена Павла Полуботка.

Того жъ року, на Москвѣ, въ вел. постъ, за волею и сватанемъ самаго царя и царици, дочерь гетманскую за сина Петра Андреевича Толстого засватано.

Того жъ року, преосвященній митрополитъ кіевскій Іоасафъ Кроковскій въ Санктпитербурхъ по указу государевомъ через умисльного посланця, капитана преображенского полку Писарева, за нѣякуюсь вину, взятъ зъ Кіева о праздницѣ сошествія Святаго Духа, а зъ нимъ купно и архимандритъ печерскій Іоаникій Сенютовичъ; але митрополитъ за слабостю и немощію своею до самого С.-Питербурху не допроваженъ и за Москвою, въ Тверѣ, померъ, где архиерей тверскій его погреблъ.

Того жъ року, по Воскресеніи Христовомъ, мая—Печерскій монастиръ, кромѣ печеръ, весь згорѣлъ зо всѣми скарбамы и церковнимы украшеніямы. Потомъ, на третій день, Подолъ—Кіевъ мало не въвесь, кромѣ коллеgіума да побережныхъ дворовъ, тако жъ погорѣлъ.

Того жъ року по томъ кіевскомъ пожару, Чернѣговъ, старое мѣсто, все вигорѣло, тилко въ мѣстѣ заледво осталася катедра архиепископа чернѣговского, якую уже й занявшуюся заледво угасили.

Той же рокъ на овощи всякіе такъ оскудній былъ, же барзо рѣдко где можно было знайти овощи якойнибудь.

Того жъ року, авгус. 9, зъ субботи на неделю, противъ 10 числа, на святаго апостола Матфія, родился Петръ синъ у пол. луб. [1]).

Того жъ року, септеврія.—Петръ Івановичъ генералъ маіоръ Яковлевъ, стоявшии въ Лубняхъ, отъ горячки захоровавши, своей хороби 11 дня преставилъся.

Того жъ року, отъ весни козацкіе войска мѣли походъ ажъ до Царичина, къ Волзѣ рѣцѣ, надъ которими былъ гетманомъ наказнымъ Іванъ Сулима, хоружій енералній, а бавилися тамъ долго и повернулись около початку зимы.

Того жъ року, Лукянъ Жораковскій, полковникъ нѣжинскій, передъ Вознесеніемъ, мая мѣсяца преставился.

---

[1]) Т. е у Андрея Марковича, отца автора дневника.

Того жъ року, мѣсяця октоврія 12, въ недѣлю, въ Глуховѣ веселіе було: гетманъ Скоропадскій дочерь свою Уліяну отдалъ за сина Петра Андреевича Толстого, тайного совѣтника, Петра Петровича, зъ которимъ приехали браття его въ сватахъ: братъ родній старшій Іванъ Петровичъ, а другій въ первихъ Борисъ Івановичъ, и нѣсколько при нихъ особъ великороссійскихъ.

Тогда жъ, въ купѣ зъ сими, приехалъ секретарь зъ Москви Михайло Павловичъ Шафѣровъ до гетмана зъ грамотою, обявляющою рожденіе дочери царскому величеству Наталіи Петровни, якая сего жъ году, авгус. 21, родилася.

Того жъ року, еще въ февр., Александеръ Васильевичъ Кикинъ, ближайшій двору царевому, за тое что подмовилъ царевича Алексѣя Петровича уйти зъ С.-Питербурха до цесара, казненъ былъ на Москвѣ: руки и ноги ему ламано и голову оттявши, на паль зложено.

Такъ же и Досифея, епископа ростовского, ростригши, казнено, а тѣло его спалено. Тогди жъ Степана Глѣбова живого на желѣзний колъ зъсажено. А тое чинилося при гетману, въ Москвѣ.

Король шведскій Кароль убытъ въ Норвекгіи, подъ городомъ названнимъ Фридерштатъ, отъ дацкого войска, картечою зъ города вистреленною, октовр.

1719 годъ.

Марта 3. Царское величество царь Петръ ездилъ зъ царицею Екатериною въ Алонецъ, где новіе лѣчителніе води винайшолъ, а повернулъся оттуду въ С.-Питербурхъ.

На королевство шведское избрана сестра убытого короля шведского, а жена князя Гессенъ Кассель и коронована февр. 6.

Баталѣя въ Мекленбургіи була, гановерци зъ рускимы имѣли войну; гановерцовъ було въ Мекленбургіи—8000 нарознь, а руских войскъ 2000, про то збыти зостали гановерци.

Борисъ Петровичъ Шереметевъ, фелтмаршалъ, въ вовторникъ, въ неделѣ вел. поста, февр., умеръ въ Москвѣ, а для погребенія попроваженъ въ С.-Питербурхъ, въ остатнѣхъ дняхъ того жъ поста.

Князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, кгубернаторъ сѣбирскій, отъ кгубернѣи отставленъ, за караулъ посаженъ, и всѣ животи его на государя взяти апр., за нѣкоторіе его до кгубернѣи належніе преступленія.

Сего жъ году, проявился въ С.-Питербурсѣ присланній отъ короля прусского къ государу силній человѣкъ, которій пушку у 250 фунтовъ или у 50 каменей, едною рукою поднимаетъ; тако жъ ослонъ у 12 фунтовъ зубамы подиймаетъ, за еденъ конецъ взявши; канатъ, якого три лошади не могутъ разорвать, перериваетъ; лошадей двое его не могутъ зъ мѣста двигнути, когда обопрется; желѣзній гвоздь, у палецъ товстій и довгій у пять, въ сукъ вмѣсто свердла рукамы скрутитъ; ногамы да головою ляжетъ на стулахъ, а все тѣло виситъ, да на томъ тѣлѣ камене, у двохъ человѣка заледво зтащивши, положатъ и розбываютъ etc

Сего жъ году, въ постъ вел., синъ Петра Андреевича Толстаго, а зять гетманскій, Петръ Петровичъ, отъ самого государя пожалованъ въ полковники нѣжинскіе, у графа Гаврила Івановича Головкина.

Королева шведская королевскую свою власть отдала мужу своему князю Гессенъ Кассель, которій потомъ отъ веѣхъ за цѣлого принятъ зосталъ короля и коронованъ.

Того жъ року, мѣсяца априля, царевичъ Петръ Петровичъ наслѣдственній въ С.-Питербурсѣ преставился.

1720 годъ.

Генв. 7. Вийшолъ новий монаршии указъ, повелѣваючій всѣмъ въ поготовости бути противъ шведовъ и ихъ союзниковъ.

Синъ полковника лубенского Андрея Марковича, Андрей, поялъ себѣ въ жону дочерь полковника сумского Івана Кондратіева.

Марта — числа. Свѣтлѣйшій князь Александеръ Даниловичъ Меншиковъ, фелтмаршалъ и губернаторъ с.-питербурскій, пріехалъ въ Украину зъ Ст.-Питербурха, которого ясневелм. гетманъ Іоаннъ Скоропадскій поткалъ въ Шептакахъ и принималъ, а сталъ онъ квартерою въ Нѣжинѣ.

Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, мая въ первихъ числехъ, въ Гадячое зъ своей квартерѣ, отъ Нѣжина, ездилъ, куда и его велможность панъ гетманъ Іванъ Скоропадскій зъ Глухова пріехалъ былъ и вся енералная старшина, такожъ и полковники. Ясневелможній самъ, якъ туда въ Гадячъ виехалъ немощнимъ отъ болѣзни подагричной, такъ и оттуду повернулъся весма ослабѣлимъ, и заледво у Глуховѣ по волѣ до первобитного здоровя прійшолъ. Тамъ, въ Гадячомъ, якіе трактата чинилися нижей изображено есть [1]).

Зъ Украини, по указу царского величества Петра Первого, виставчено муки житной четвертей московскихъ 30,000 и спроважено въ Смоленскъ подрядами; таковій указъ въ листѣ присланъ былъ; ради исполненія указу сего, паны полковники всѣ пріѣздили въ Глуховъ, декабря 8 числ. [2]).

Свѣтлѣйшій князь Менщиковъ выѣхалъ зъ Украины въ лѣтѣ, мѣсяця июля въ первыхъ числехъ.

Панъ асаулъ генералный Василій Жураховскій, обозный прилуцкій Огроновичъ и судя гадяцкій Грабянка, мѣсяця декавр. первыхъ числъ, посланы отъ цѣлой Украины въ Санктъ-Питербургъ зъ прошеніемъ о милость въ нуждахъ малороссійскихъ, куда потомъ въ своемъ дѣлѣ и полковникъ нѣжинскій Петръ Петровичъ Толстой, сего жъ мѣсяця числа 18-го, въ недѣлю, зъ Глухова выехалъ.

Въ семъ году великороссійская армия новымъ образцемъ на зимовой квартери стала въ Украинѣ, такъ же по городкамъ и значнѣйшимъ селамъ, цѣлыми поставлялися ротами, при которыхъ и стайнѣ такъ великіе подѣлано, жебы конѣ цѣлой роти могли въ едной змѣститися.

Панъ писарь енералній Семенъ Савичъ другую себѣ получилъ жену, бувшую сотникову ічанскую Стороженкову, въ октовр. мѣсяцѣ.

---

[1]) Вписанные здѣсь въ дневникѣ — „пункты, князеви свѣтлѣйшему отъ цѣлой Украины поданные" и отвѣты кн. Меньшикова, напечатаны въ приложеніяхъ къ изданію 1859 г., г. I, стр. 462—492.

[2]) Вписанный при этомъ указъ слѣдующаго содержанія: „Господинъ гетманъ. Увѣдомились мы, что на Украине въ малороссійскихъ городѣхъ, за помощію божіею, хлѣбъ уродился и въ покупке гораздо дешевъ. Того ради прикажѣте купить до 30000 четвертей муки, расположа на всѣ полки по ровному числу, и перевезть въ

1721 годъ.

Въ януар. первыхъ числехъ, принесенъ указъ зъ С.-Питербурху. чрезъ собственоручній весь листъ царскимъ величествомъ писанний. до ясневельможного, жебы 10 тисячей козаковъ до Ладоги ишло на робленне каналу, окроме кашеваровъ и тѣхъ, которіе при обозу будуть, по якому и февр. 1-хъ числъ вийшло помянутое указное число, где главнѣйшихъ комендѣровъ было 3: полковникъ чернѣговскій Павелъ Полуботокъ, лубенскій Андрей Марковичъ. хоружій енер. въ мѣсто цѣлого полковника переясловского Іванъ Сулима. а зъ инших полковъ наказніе.

Въ февр. мѣс., на всеидной, захоровалемъ на болѣзнь мою скорбутико мелянхолію. По отходѣ родителя моего, полковника лубенского Андрея Марковича, зъ волѣ рейментарской, содержалемъ правленіе полку лубенского до повороту его зъ канала.

1722 годъ.

Гетманъ Скоропадскій ездилъ въ Москву, и съ нимъ писарь генералный Савичъ, бунчучній генер. Яковъ Лизогубъ, полковникъ нѣжинскій Петръ Толстой и сама гетманова Скоропадская. Повернувся въ юнѣ, въ Глуховъ, боленъ и преставился.

Колегія малороссійская устроена, въ которой члени были: 6 штапъ офицеровъ, а президентъ оной брегадиръ Степанъ Веляминовъ.

Архиепископъ, а не митрополитъ, въ Кіевѣ устроенъ Варлаамъ Ванатовичъ, прежде бывшій архимандритъ Печерского монастира.

1723 годъ.

Въ януар., присиланъ былъ зъ Москви отъ самого імператорскаго величества капитанъ лейбъ кгвардіи Александеръ Лукинъ въ Глуховъ и взялъ за караулъ комендантa глуховскаго Писарева и повезлъ въ Москву.

Смоленскъ, по первому зимному пути сего 1720 году, и въ тимъ приложите свой трудъ, чтобъ оное исполнить, а денги за оной хлѣбъ указали мы послать къ вамъ зъ камеръ коллегіи господину президенту князю Голицыну. Зъ С.-Питербурха, ноевр. 4 1720 рок. Петръ".

Правителѣ малороссійскіе, Павелъ Полуботокъ, полковникъ чернѣговскій и наказній гетманъ, зъ старшиною енер., послали къ государю, въ Москву, прошеніе свое о избраніи нового гетмана на мѣсто покойного Скоропадского, черезъ нарочнихъ посланниковъ Грабянку, судю гадяцкого, Войцеховича, седневского, Холодовича, воронѣжского, и Добронѣзкого, переяславского, сотниковъ, и Гамалѣю Стефана, бунчукового товариша.

Въ февр., присланъ зъ Москви въ Глуховъ, отъ тайной канцеляріи, оберъ лейтнантъ князь Волконской отъ лейбъ кгвардія, и указъ привезлъ, даби асаулъ енер. Жураковскій и протчіе бывшіе на межѣ почеповской [1]), ехали въ Москву для отвѣтствія взглядомъ межования того.

Сего жъ февр. 20, въ среду сирную, полковникъ лубенскій Андрей Марковичъ, по именному указу імператорского величества, главнимъ опредѣленій комендѣромъ надъ десятотисячнимъ числомъ войска запор., маршъ свой воспринялъ зъ Ромна къ крѣпости Святого Креста, близъ Дербенѣ, у Каспѣйского моря, обрѣтаючойся.

(Здѣсь въ рукописи, кажется, недостаетъ листа).

Отвѣтніе писма отъ п. Петра Апостола и Луки француза, же онъ по воскресеніи будетъ тутъ. Нѣкоторіе справи въ жалобахъ на п. Данила Савуского занесеннихъ, окончили, обвинивши его. Жиди привезли позовъ на Чернѣцкого и перехриста Алексѣя, за арестъ оnихъ въ Ромнѣ учиненний.

Перемѣна воздуха стала, ибо у вечору виясnилось небо и морозъ хорошъ былъ черезъ ночь.

Писали глинчане, что принуждаетъ ихъ коммиссаръ ингермоланского полку, по указу самого полковника, до репараціи города и ордеръ полковничій сюда прислали.

У вечеру, поздно, пріехалъ отпущенний зъ обозу слуга род(ителскій) Ігнатъ въ домъ зъ листамы о заводѣ хоролцовъ зъ лукомцами знаймур (?)

---

[1]) См. Опис. Стар. Малор., I, 278 и 285.

8 (марта). Отправленъ листъ и унѣверсалъ до Леонтія, вручаючій ему економство, а листъ, жебы осторожность въ хуторѣ Криворудномъ имѣли.

Отписали до Глинска и до Чернухъ, же оправлять теперъ города нелзя, але передомъ виганять въ походъ до Ладокги, о чомъ и до полковника, господина Шереметева, писалемъ.

Отправилемъ въ Глуховъ, до правителей, листъ, питаючись ихъ, що далѣй зъ вязнямы великороссійскимы, тутъ въ Ромнѣ пойманними, чинить.

9. Принесенъ листъ отъ сотника сенецкого, что онъ любо и не радъ, однакъ муситъ до канала ити, а требуетъ до себе сотника цѣлого, асаулу полкового наказного и капеляна, тако жъ и объ указѣ господина полковника Шереметева, чтобъ городъ оправлять, ознаймуетъ, о чомъ и городискій сотникъ пишетъ. Тако жъ и тое ознаймуетъ, что гайворонскіе козаки, висланніе въ низовій походъ, знову повернулися до домовъ своихъ.

Зъ Глухова писма принесенны отъ правителей о перестереженню воровскихъ денегъ, указъ сенатскій и ихъ унѣверсалъ, и денги присланы отъ его мил. панъ тестя зъ наставленіемъ, якъ на урядѣ наказництва полкового мнѣ поступать, а цедулою обявляетъ. что въ Москвѣ п. Борзаковскій Андрей 3 февр. померъ [1]) и тамъ погребенъ; а потомъ тамъ же и панъ Войцеховичъ, сотникъ седневскій, хоровавши черезъ 9 день на горячку, преставился, февр. 20-го год. 9 зъ полдня [2]). Тогда жъ и отъ Орановского о домовихъ поведеніяхъ зъ Глухова писано сюда.

10. Неделя. Отправили писма до Глухова черезъ Іваницю, слугу ясневел., до ясневелм., до наказного гетмана и до другихъ; до чернѣговского (полковника) зъ отвѣтствіемъ о преставленіи п. Войцеховича сожалытелнимъ. Тамъ же и тое писалемъ, что комендѣри русскіе Інгермоландского полку, получивши указъ отъ полковника, остановку чинятъ въ виправѣ на каналъ.

---

[1]) См. Русск. Арх. 1880 г., I, 172.

[2]) См. Сулимовск. Арх., XV.

Виправили въ Кіевъ братьевъ Марка, Луку и Івана, при отцу Василію Савѣцкомъ, где вина купити и зѣлля достати розного полѣцили, которихъ випроважалисмо зъ родителкою за городъ и тамъ до пизна простояли. Архимандритъ обѣдалъ у насъ зъ Афонской гори монастира Ксенохъ (?) прозиваемого св. Георгія.

11. Тотъ же архимандритъ воду святивъ и мощи показовалъ святихъ и о себѣ свѣдителство князя кгубернатора кіевского Івана Юровича Трубецкого презентовалъ. П. писаръ Савѣцкій приѣхалъ зъ обозу, отпущенъ зоставши, и привезлъ писма родителскіе. Писали до п.п. сотниковъ чорнуского и лохвицкого, тако жъ и до Петровского, жебы до Ладоги ишли. До атамана пѣратинского писалемъ, ганячи ему за тое, что виганялъ людей безъ указу на оправку города.

Приехалъ вчорайшого дня зъ Смѣлого атаманъ зъ жалобою, же поручикъ виганяетъ всѣхъ до роботи города. Приехали коммиссаре полковіе въ Роменъ, для ревизіи полку гадяцкого. Емщикъ чили почтарь роменскій, возившій Казѣмира, посиланного за покупкою лѣкарствъ въ Москву, повернулся самъ зъ Руд. (?), а оттоль Казѣмиръ за родителемъ въ низовій поехалъ походъ. Писали до лубенского сотника, чтобъ зъ сотнѣ своей 200 человѣка до канала выготовалъ.

12. Шлафрокъ покроялъ кравецъ. День барзо хорошій бувъ. Отправили атамана смѣловского зъ указомъ откритимъ, жебы поручика не слухать, а передомъ виправлять до Ладоги. Принесенни зь Глухова 3 листи; 1, о видачѣ по зол. 1 компанѣйцямъ за овесъ, другій, о видачѣ онимъ же возовъ, зъ другимы рѣчами, 3, о присилцѣ грошей на Печерскій монастиръ[1]). Виданъ указъ откритій атаманови смѣловскому, жебы не до города, але до канала козаковъ виганялъ. Принесенъ отвѣтъ отъ п. сотника лубенского о прошлорочной роботѣ у канала.— Охоту излишнюю показали на Монастырищи[2]), где и важились; я зъ одежою легкою, юпкою, кафтаномъ и кунтушемъ легкимъ, суконнимъ, важилемъ 6 каменей[3]) ровно.

---

[1]) См. „Кіевск. Старина" 1884 г, январь, стр. 77.

[2]) Урочище около г. Ромна, на берегу Сулы; здѣсь, по преданію, существовалъ когда то монастырь.

[3]) Камень=50 фунтовъ.

13. Отправили въ Глуховъ до правителей листи, зъ обявленіемъ о виправѣ до канала другимъ вигономъ до роботи городовой оффѣцерами затѣваемимъ, перешкодоючойся; о компанѣйцяхъ, жебы на 10 человѣка возъ дать для провіянта. Отправили асаулу компанѣйского зъ указамы, жебы по два зол. на два мѣсяця видано зъ сотень. До полковника Шереметева писалемъ, протестуючись, что за трудностями въ вигонѣ людей до городовой роботы, чинячойся одъ офѣцеровъ, остановка въ виправѣ до каналовъ учинится. Послали указъ о перестерѣганню воровскихъ денегъ въ Лохвицю до Юзка, жебы по всѣхъ сотняхъ розвезлъ и денги обявилъ, и отъ нихъ отвѣти получилъ. Повернулся зъ табору, отъ Красной Яруги, отпущеній п. Василь, сотниченко глинскій[1]), а зъ нимъ и Казѣмиръ, слуга, и листи нѣкоторіе попривозили, особливе родителскіе. Зъ Рѣчицѣ отъ Якова прійшло писмо, же не випускаютъ и треба туда Чернѣцкому и Алексѣю ѣхать. П. Лисенко, асаулъ полк. чернѣговскій, випровадивши полкъ чернѣговскій въ низовій походъ, самъ поворочаючись въ Роменъ, заехалъ и былъ у мене. Была жалоба на Борсукову сотню, полку вѣжинского, отъ атамана бубновского, же, стоявши въ полѣ край скирты и не загасивши огня, отехали, которій вѣтромъ роздутій, покотивши до цѣлой прійшолъ скирти и всю спалилъ, для чего сотнянъ тихъ у Ромнѣ грабежемъ принудили до нагороди шкодуючому. П. сотникъ сенчанскій пріехалъ. До Глухова, къ Орановскому писалемъ о винѣ венкгерскомъ, а до смѣловского атамана о возахъ, зъ Глухова випроваженнихъ, а на дорозѣ за распутіемъ остоявшихся, жебы, извѣстившись, где они, и мене увѣдомилъ.

14. Петру Калениченку до ярмарку борзенского далемъ на на покупки грошей зол. 40. Тузлукъ дарованъ. Отъ п. Петровского листъ принесенъ, въ якимъ виражаетъ, же за слабостю своею въ походъ до Ладоги ити не может; тако жъ и отъ п. сотника чорнуского писано, же атаманъ тамошній въ арештѣ у капитана Караблина за не вигонъ людей до роботи валовой, а самъ пойдетъ до канала, тилко зъ тиждень въ дому позабавитъ. До полковника Ше-

[1]) Жуковскій.

ремотева писалемъ листъ зъ жалобою за вигонъ людей всѣхъ токаревскихъ и лучанскихъ и за побой, учиненній въ Луцѣ [1]) отъ наехавшаго въ дворъ дракгуна.

15. Виправилемъ Алексѣя Перехриста въ Глуховъ, зъ листами до правителей, прося о писма до трибуналу литовского о заарештованю въ Рѣчицѣ возовъ родителскихъ. Тамъ же и о насиліи отъ оффѣцеровъ, вигономъ людей всѣхъ на валовую роботу чиначомся, писалемъ. Атаманомъ роменскимъ Василя Гиню Савуска устроили. Отправилемъ листъ до Петровского, Максимовича и лохвицкого сотника о виходѣ ихъ до Ладокги непремѣнномъ. Панъ Яснополскій приехалъ зъ обозу, отпущенъ въ Роменъ для болѣзнуючей жени своей, и листъ привезлъ отъ родителя, о скоромъ его знову въ походъ виезду писанній. Получилъ листъ отъ еи милости паней Павловой [2]) о учинившомся оной въ грошахъ крадѣжствѣ, зъ прошеніемъ на розискъ кого о прислане. Поданъ листъ отъ п. сотника чернусского о томъ, что капитанъ Караблинъ за тое, же не вистачилъ до города для роботи 1500 человѣка, прислалъ въ его сотничій домъ для екзекуціи 25 человѣка дракгунъ. Родителка послала въ Андрѣевку. Братъ, панъ Андрѣй, зъ Сумъ приехалъ въ Роменъ. Купилемъ меду вѣдерокъ 7, по 8 зол. и 3 шага; купилемъ мѣди камень за 49 зол. Вози зъ Глухова, для забрання отсюду жита и въ Глуховъ перевезення, прибули сего вечора.

16. Виправили п. Данила Савущенка зъ указами, во всѣ сотнѣ, чтобъ виходили козаки въ ладожскую дорогу зъ поспѣшеніемъ. Отъ полковника Шереметева получилемъ отвѣтъ, что онъ посилалъ по селахъ драгунъ для вигону людей до роботи городовой по требованію старшини, и что онъ виходячимъ козакамъ до Ладокги такого въ вигонѣ насилія не чинилъ и но писалъ до ротнихъ комендѣровъ о томъ. Пана Василя Дяченка послалемъ на розискъ въ Лохвицю о украденнихъ грошахъ п. Павловой. Попъ Симеонъ, бившій капелянъ вятского полку, привезлъ за собою зъ Харкова листъ, отъ его милости господина енер. барона Аларта до родителя писа-

[1]) Сс. Токари и Лука—лохвицкаго уѣзда.

[2]) Вдова Павла Имшенецкаго, родная сестра гетманши Скоропадской.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1891 г. продолжается:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй**. За редактора **Е. Кивлицкій**.

Дозволено Ценз. Кіевъ, 13-го апрѣля 1891 г.

Kievskaiā starina

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Mai

МАЙ.

God' desiātyi Tom god

Годъ десятый. ТОМЪ XXXIII. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1891.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

ПИСАНКИ.

Содержаніе:

Писанки въ старинной и современной этнографіи.— Матеріалы и пособія при составленіи настоящей статьи.—Религіозно-символическое значеніе и обрядовое употребленіе крашеныхъ яицъ въ древнихъ культахъ.—Отраженіе древней символики яица въ сказкахъ.—Преданія и сказанія о происхожденіи писанокъ.—Народныя названія для крашанокъ и писанокъ.—Сфера распространенія писанокъ въ настоящее время.—Время приготовленія писанокъ.—Мистическо-обрядовая обстановка.—Принадлежности писаночнаго дѣла: кисточка и краски.—Способы приготовленія писанокъ.—Употребленіе крашанокъ и писанокъ при поздравленіи съ праздникомъ въ обмѣнъ или подарокъ, для полученія красоты и здоровья, для плодородія почвы и роенія пчелъ, во избѣжаніе громоваго удара и пожара, для излѣченія болѣзней, для прогнанія вѣдьмъ и отъ сглаза, при поминовеніи умершихъ и въ дѣтскихъ играхъ.—Значеніе малорусской игры въ навкотка и чешской игры въ помлазку.

Орнаментація писанокъ: геометрическая, растительная, животная, бытовая и религіозная.—Архаическія черты орнамента: плетенка, трезубецъ, солнечные кружки, пентаграмъ, меандръ, свастика, пѣтушки.—Какія мѣстныя растенія входятъ въ писаночную орнаментику.—О названіяхъ и происхожденіи нѣкоторыхъ писанокъ съ предметнымъ орнаментомъ: бесагъ, калитокъ и др.—Упадокъ обычая приготовленія писанокъ.—Заключеніе.

Научное изученіе писанокъ въ западной Европѣ началось въ концѣ XVII в. Въ 1682 г. вышло въ Гейдельбергѣ сочиненіе Рихтера „Dissertatio de ovis paschalibus, von Oster-Eiern", въ которомъ высказано мнѣніе о древнегреческомъ происхожденіи писанокъ. Въ описаніи нѣмецкихъ пасхальныхъ яицъ отмѣчено, что крашанки закапывали подъ Пасху въ землю и потомъ показывали ихъ дѣтямъ и говорили, что ихъ снесли

зайцы, причемъ возникло и особое для нихъ названіе Haseneier, Коберъ въ „Dissertatio de ovo paschali" (Лейпцигъ, 1690) высказывалъ мнѣніе о церковно-христіанскомъ происхожденіи писанокъ. Такое же мнѣніе проводится въ сочиненіи Краскія „Dissertatio de ovo paschali" (Франкфуртъ на Одерѣ, 1705 г.). Краскій видитъ въ писанкахъ символъ будущаго воскресенія мертвыхъ. Въ книгѣ есть указанія на нѣкоторые народные обряды, напр., катаніе писанокъ. Въ томъ же направленіи писали о пасхальныхъ яйцахъ Эрдманъ въ 1705 г. и Енсенъ въ 1706 г. Послѣдній утверждалъ, что крашанки знаменуютъ пролитую за родъ человѣческій кровь Спасителя. Въ сочиненіяхъ нѣмецкихъ ученыхъ послѣдняго времени, касавшихся писанокъ, Сепа (Das Heidenthum, 1853), Вундерлиха (Das christliche Kirchenjahr, 1884) и Кольбе, (Hessische Volks-Sitten, 1888), проводится то мнѣніе, что писанки происходятъ изъ языческой древности и служили нѣкогда символомъ весенняго солнца (*Zibrt*, Nektere wyklady o puvodu kraslic, 1890).

Въ нѣмецкой наукѣ интересъ къ писанкамъ заглохъ. Въ XVII в. находили нужнымъ посвящать писанкамъ спеціальныя изслѣдованія, а въ XVIII и въ XIX говорятъ о нихъ лишь мимоходомъ, при разсмотрѣніи другихъ обычаевъ, связанныхъ съ народнымъ календаремъ.

Въ Россіи, если не считать иностранныхъ путешественниковъ XVII вѣка Олеарія и Боплана, упоминающихъ о писанкахъ, впервые на писанки обращено вниманіе въ концѣ 70 годовъ. Въ статьѣ Ѳ. К. Волкова „Отличительныя черты южнорусской народной орнаментики" въ „Трудахъ 3 археологическаго съѣзда (въ Кіевѣ) 1878 г." на стр. 318 и 325 находится маленькая замѣтка объ орнаментаціи писанокъ. Въ 1879 году вышли „Украинскіе узоры" г-жи Косачъ. Въ предисловіи на стр. 13—14 находится замѣтка объ орнаментикѣ писанокъ, а въ атласѣ 23 цвѣтныхъ копіи. Въ 1882 г. Кольбергъ сдѣлалъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о галицко-русскихъ писанкахъ въ „Pokucie". Въ 1887 г. была небольшая замѣтка Бартельса объ украинскихъ писанкахъ въ Zeitschrift für Ethnologie и о польскихъ въ журналѣ Wisła. Въ этомъ году вышло

двѣ монографіи о писанкахъ, на польскомъ языкѣ о польскихъ писанкахъ, — г. Удзѣлы „Piski w miescie Ropczycach i w okolicy“ и болѣе обширная на чешскомъ языкѣ о моравскихъ писанкахъ подъ заглавіемъ „Moravske ornamenty“ со статьями Ванкеля и Страпечки. Чешское сочиненіе снабжено большимъ атласомъ съ рисунками писанокъ. Статья Ванкеля, извѣстнаго археолога, представляетъ солидное изслѣдованіе объ археологическомъ значеніи писанокъ.

Въ послѣдніе годы обнаруживается уже большой интересъ къ писанкамъ среди этнографовъ всѣхъ славянскихъ странъ, преимущественно у поляковъ. Въ 76 № „Харьковскихъ Губерн. Вѣдомостей“ 1889 г. я обратился къ публикѣ съ просьбой о доставленіи мнѣ свѣдѣній о писанкахъ по приложенной тогда же мной программѣ изъ 8 §§. Моя статья была перепечатана цѣликомъ или отчасти въ „Елисаветградскомъ Вѣстникѣ“, „Волыни“, „Кіевской Старинѣ“ и „Этнографическомъ Обозрѣніи“. Въ томъ же году, независимо отъ моего обращенія къ публикѣ, въ 328 № польскаго иллюстрированнаго „Tygodnik'a“ а затѣмъ и въ другихъ иллюстрированныхъ польскихъ изданіяхъ появилась просьба къ публикѣ о собираніи и доставленіи писанокъ и свѣдѣній о нихъ, подписанная двумя молодыми польскими учеными, этнографомъ Вольскимъ и археологомъ Довгирдомъ, съ присоединеніемъ небольшой руководящей программки и четырехъ снимковъ съ писанокъ, трехъ польскихъ и одной украинской. Въ концѣ 1889 г. въ новомъ сербскомъ журналѣ „Гласник земальског Музеја“ (III, 60) г. Свитличъ въ статьѣ „Украшня шарена јаја“ сообщилъ, что Волтровичъ собираетъ въ Сербіи и Босніи писанки для изученія ихъ орнаментики.

Изъ этихъ обращеній къ интеллигентной публикѣ наиболѣе счастливымъ оказалось польское. Въ № 4 „Tygodnik'a“ и немного позднѣе въ IV книгѣ „Wisła“ 1890 г. Вольскій и Довгирдъ сообщили, что они изъ разныхъ мѣстностей Польши и лѣвобережной Малороссіи получили нѣсколько десятковъ описаній писанокъ и 2800 экземпляровъ писанокъ, изъ 220 селъ. Сами собиратели удивлены успѣхомъ своего обращенія къ обществу и замѣчаютъ, что „rezultat wypadł nadspodziewanie

świetnie". Любопытно, что наибольшее число коллекцій дали губерніи съ преобладающимъ или сплошнымъ малорусскимъ населеніемъ: подольская 13, кіевская 5, волынская 4, сѣдлецкая 6, тогда какъ изъ варшавской 3, сувалкской 2, петроковской, калишской и плоцкой по 1 коллекціи.

Во 2 кн. „Wisła" 1890 г. была небольшая замѣтка г-жи Садовской о писанкахъ въ новоминскомъ у. варшавской губ. и въ 4 кн. „Wisła" 1890 г. небольшая статья г. Довгирда о способахъ приготовленія писанокъ въ Польшѣ и главныхъ особенностяхъ въ разрисовкѣ пасхальныхъ яицъ.

Въ № 15 „Tygodnik illustr. dla dzieci" 1889 г. напечатана замѣтка Зѣля о галицко-русскихъ писанкахъ (Покутье), съ приложеніемъ 48 рисунковъ.

Другія библіографическія указанія будутъ сдѣланы нами въ текстѣ статьи въ надлежащихъ мѣстахъ. Указаній этихъ немного, такъ какъ литература предмета крайне незначительна. Главный матеріалъ состоитъ въ письменныхъ сообщеніяхъ и въ коллекціяхъ писанокъ, любезно доставленныхъ мнѣ изъ разныхъ мѣстностей южной Россіи любителями отечественной этнографіи.

Сообщенія о писанкахъ мной получены отъ слѣдующихъ лицъ: 1) свящ. Измаила Дмитріева, 2) Д. Л. Глинскаго, 3) И. И. Манжуры, 4) М. П. Савинова, 5) NN (при посредствѣ П. В. И.), 6) М. Д. Счубака, 7) В. Н. Свѣтъ, 8) Д. Пелихова, 9) А. А. Склобинской, 10) г. Ѳ. В., 11) И. А. Карловича, 12) г. Патеры (изъ Праги), 13) С. Вольскаго, 14) свящ. Ѳеодора Родкевича (при посредствѣ М. П. Савинова), 15) г. Степанова, 16) г-жи Проскуры, 17) г. Донцова, 18) г. Товпекина, 19) г. Жукова, 20) г. Дудка, 21) г. Мишнева, 22) г. Лапушняка, 23) г. Андреева, 24) г. Росавскаго, 25) г. П. Щ., 26) г. Прасолова, 27) г. Дружинина, 28) г. Трофимовскаго, 29) Вл. Кобеляцкаго и 30) Е. Барановской. По мѣстностямъ: изъ Подоліи №№ 4, 14; Волыни 2, Екатеринославщины 3, Кіевщины 10, Харьковщины 1, 5, 6, 7, 8, 9, Кубанской области 15—30.

Моя коллекція писанокъ составилась изъ слѣдующихъ:

Изъ харьковской губерніи: харьковскаго у. с. Островерховки—5 (отъ г. Савинова), Коротича 4 (куплены на мѣстѣ), зміевскаго 1 (студ. Бобина), изюмскаго 1 (студ. Бобина), богодуховскаго, г. Краснокутска 4 (студ. Бобина), г. Купянска 6 (П. В. Иванова), ахтырскаго 17 малярскихъ, 20 полу-малярскихъ и 14 простыхъ (куплены на мѣстѣ) и лебединскаго 36 (отъ свящ. Дмитріева).

Екатеринославской губ.—16 (студ. Бобина).

Полтавской г., полтавскаго уѣзда 7 (П. И. Петрушевскаго).

Волынской г., острожскаго у. с. Гульчи 45 (отъ Д. Л. Глинскаго).

Подольской губ. 37 (отъ свящ. Родкевича).

Кубанской обл. 16 (отъ г-жи Е. Барановской).

Курской г., курскаго у. с. Воробьевки 3 (отъ г. Болтенкова); щигровскаго уѣзда 4 (отъ М. Е. Халанскаго).

Вологодской г. 6 деревянныхъ (отъ М. П. Савинова).

Изъ Болгаріи 1 монастырская

Всѣмъ моимъ сотрудникамъ и корреспондентамъ, поименованнымъ въ этомъ спискѣ, приношу мою глубокую благодарность.

Въ печати были указанія еще на слѣдующія коллекціи писанокъ:

1) Г. Вольскаго и Довгирда въ Варшавѣ (весьма обширная и цѣнная; выставлена въ этнографическомъ музеѣ; много малорусскихъ писанокъ),
2) Бартельса въ музеѣ берлинскаго антропологическ. общества (малорусскія),
3) Въ музеѣ краковской академіи наукъ,
4) Въ техническомъ музеѣ Адріана Баранецкаго въ Краковѣ (много малор.),
5) Во Львовѣ въ музеѣ графа Дзѣдушицкаго,
6) Во Львовѣ въ Техническомъ музеѣ,
7) Въ Моравіи въ Брно въ Патріотическомъ музеѣ,
8) Въ Прагѣ въ музеѣ Напрстка,
9) Г-жи Косачевой въ Кіевѣ,
10) Г. Павлика (галицко-русскихъ писанокъ).
11) Въ лубенскомъ музеѣ г-жи Скаржинской (около 300) и
13) Н. А. Янчука въ Москвѣ.

Яйцо получило важное религіозно-обрядовое и символическое значеніе задолго до христіанства въ повѣрьяхъ и бытѣ древнихъ культурныхъ народовъ, какъ символъ солнца, которое занимаетъ первое мѣсто въ языческихъ культахъ. Чествованіе яица обусловлено было мыслью о весеннемъ возрожденіи солнца, а вмѣстѣ съ нимъ всей творческой силы природы.

Въ сказкахъ зооморфическій образъ солнца жаръ-птица однимъ своимъ перомъ освѣщаетъ большой садъ. Чародѣй (зимній холодъ) похищаетъ ее; но она до похищенія успѣваетъ снести золотое яицо, которое является затѣмъ новымъ источникомъ жизни, свѣта и тепла. Своими жаркими лучами солнце-яицо согрѣваетъ холодныя зимнія тучи, разгоняетъ туманъ, заставляетъ облака лить дождевые потоки, и на землѣ воцаряется лѣто.

Оттого у народовъ древнихъ и новыхъ, дикихъ и цивилизованныхъ, распространены сказки о яицѣ, какъ источникѣ жизни и вселенной. Яицами одаривали другъ друга въ началѣ новаго года; ихъ величали въ священныхъ пѣснопѣніяхъ. Ме-

таллическія изображенія яицъ клали въ храмахъ. (*Успенскій*, Опытъ повѣств. о древн. рус., 643). Зарывали яицо въ томъ мѣстѣ, которое избиралось для построенія города; существованіемъ этого обычая объясняютъ преданіе, что Неаполь построенъ на яицѣ (*Воеводскій*, Каннибализмъ, 3).

У древнихъ египтянъ яицо было аттрибутомъ Кнефа. Идолъ этого божества изображался гермафродитомъ, съ головой ястреба и съ яицомъ въ устахъ. Изъ того яица произошелъ фтасъ, или огонь (*Успенскій*, Опытъ повѣств., 642). Яицо было также аттрибутомъ солнечнаго бога египтянъ Пта. На одномъ сохранившемся барельефѣ Пта держитъ въ рукѣ яицо, а изъ находящейся внизу пояснительной надписи видно, что это яицо изображаетъ солнце. Другая надпись гласитъ, что Пта катаетъ яицо свое по небу (*Рославскій-Петровскій*, Египетъ, 61).

Индійское преданіе о созданіи міра говоритъ о золотомъ яицѣ, которое плавало въ водахъ, т. е. солнце на воздушномъ океанѣ (*Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. слав., I, 535).

Греческіе и римскіе философы, исходя изъ народнаго міровоззрѣнія, происхожденіе вселенной вели отъ яица (ab ovo). По преданію, записанному Геродотомъ, міръ созданъ изъ яица, положеннаго баснословной птицей Фениксомъ въ святилищѣ Геліоса. Эти классическія сказанія отразились въ византійской литературѣ; такъ, въ одной рукописи: „о яицѣ свидѣтельство Іоанна Дамаскина: небо и земля по всему подобны яицу—скорлупа аки небо, плева аки облаци, бѣлокъ аки вода, желтокъ аки земля“ (*Аѳанас.*, I, 536).

Римляне красили яица и употребляли ихъ при различныхъ игрищахъ и обрядахъ, на что есть указанія у Ювенала, Овидія и Плинія (кн. 19 и 24). Плутархъ даетъ объясненіе, что яицо изображаетъ творца, все въ себѣ заключающаго (*Успенскій*, 642).

Корнелій Брюнъ, бывшій въ Персіи въ 1704 г., говоритъ, что персы на новый годъ (20 мая) привѣтствовали другъ друга подаркомъ разноцвѣтно окрашенныхъ яицъ (ib. 641).

Въ миѳологіи полинезійцевъ видимый міръ олицетворенъ въ видѣ курицы, въ которой скрывался создатель міра богъ Тангароа. Онъ вышелъ изъ яица. Изъ обломковъ этого яица

образовались полинезійскіе острова (*Reville,* Les religions des peuples non civilisés, II, 25). Въ варіантѣ (съ о. Самоа) первоначально было только небо, а земля была покрыта водой. Тогда Тонгароа послалъ свою дочь въ образѣ бекаса на землю, и она отыскала остріе скалы, выдающейся надъ моремъ, и посѣяла землю и растенія (*Кристманъ и Оберлендеръ,* Новая Зеландія и ост. острова Южн. океана, 366).

Замѣчательно сходное сказаніе о сотвореніи міра представляетъ финская Калевала. Мать воды Ильматаръ жила сначала въ воздухѣ, потомъ спустилась на океанъ, покрывавшій всю землю. 700 лѣтъ она качалась на его волнахъ. Дикая утка, принявъ колѣно Ильматаръ за землю, устроила на немъ гнѣздо и положила одно желѣзное и 6 золотыхъ яицъ. Ильматаръ вздрогнула и яица разбились и упали въ море. Изъ этихъ яицъ и образовался весь видимый міръ: изъ нижней части—земля; изъ верхней—небесный сводъ; изъ желтка—солнце; изъ бѣлка—мѣсяцъ (*Калевала,* въ пер. Гранстрема, 5).

Въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ славянскихъ народовъ сохранилось много остатковъ этого общечеловѣческаго космогоническаго миѳа. Сказки на тему о происхожденіи міра изъ яица записаны у поляковъ (*Zbiór wiadomości* do antrop. kraj., II, 125), чеховъ (*Stranečka,* Moravske ornamenty, 8), хорутанъ (*Аѳанасьевъ,* Поэт. воззр. слав., I, 531), въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ русскихъ сказкахъ этого мотива и родственныхъ имъ славянскихъ обнаруживается замѣна основныхъ элементовъ другими, какъ слѣдствіе затемнѣнія космогоническаго миѳа: вмѣсто солнца, луны, земли изъ яица выходитъ городъ, ярмарочная площадь и т. п. Въ малорусской сказкѣ о первомъ вѣкѣ творенія мышь и воробей дѣлились просомъ и завели драку. Собрались звѣри противъ птицъ; но птицы звѣрей одолѣли. Человѣкъ помогъ птицѣ. За это онъ получилъ яицо, въ которомъ заключалось цѣлое царство (*Кулишъ,* Записки о южн. Руси, II, 31). Въ бѣлорусскихъ сказкахъ герой получаетъ золотое, серебряное и мѣдное яица (обычное троеніе), которыя бросаетъ на землю, и изъ яицъ являются дворцы золотой, серебряный и мѣдный (*Романовъ,* Бѣлор. сборн., III, 84—85).

Варіантомъ этихъ сказокъ можно признать тѣ многочисленныя сказки, въ которыхъ жизнь или смерть скрыты въ яицѣ. Въ великорусской сказкѣ душа Коша (Кощея) Безсмертнаго скрыта въ яицѣ, которое въ уточкѣ, а утка въ запертомъ сундукѣ. Иванъ царевичъ досталъ и разбилъ яицо, послѣ чего умеръ и Кошъ Безсмертный (*Садовниковъ*, Сказки самарск. края. 201). Въ бѣлорусской сказкѣ смерть Кащея въ яицѣ, а яицо въ птицѣ, а птица въ гнѣздѣ на камнѣ, подъ дубомъ, на одномъ островѣ (*Романовъ*, Бѣлор. сборн., III, 72). Тожественный разсказъ встрѣчается въ сказкахъ индійскихъ (у *Минаева*, 97, 109), во французской (*Cosquin*, Contes popul., № 15), въ сицилійской (у *Gensenbach'a*, Sicil. Märchen, II, 215), зулусской (*Басни и сказки* дикихъ народовъ, № 64). Сходные разсказы въ Калилѣ и Димнѣ (въ пер. *Аттаи*, 154) и въ одной древне-египетской повѣсти (*Maspero*, Contes pop. de l'Egypte ancienne, 182).

Доказательства солнечнаго значенія писанокъ находятся еще въ играхъ молодежи на Свѣтлой недѣлѣ и въ орнаментаціи писанокъ; но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

О началѣ обыкновенія употреблять на Пасху красныя яица въ Греціи сохранилось особое преданіе, въ которомъ основательни цей этого обычая является св. Марія Магдалина. По вознесеніи Спасителя на небо, св. Марія Магдалина, пришедъ въ Римъ для проповѣданія Евангелія,предстала предъ императоромъ Тиберіемъ, поднесла ему красное яицо и сказала: „Христосъ воскресе!“ Такимъ образомъ она начала свою проповѣдь. Первые христіане, узнавъ объ этомъ приношеніи св. Магдалины, начали подражать—дарить другъ другу яица. Константинъ Экономидъ (греческій ученый 30-хъ годовъ) въ одной рукописи X вѣка, находящейся въ монастырѣ св. Аѳанасія (вблизи Ѳессалоникъ), нашелъ замѣчаніе, что крашанки существуютъ отъ апостольскихъ временъ, такъ какъ начало обычаю положила св. Магдалина (*Калинскій*, въ Запискахъ геогр. общ. 1877, VII, 461).

Преданіе это извѣстно также въ Малороссіи. Въ с. Тарасовкѣ купянскаго у. харьк. губ. недавно записанъ слѣдующій разсказъ: „Марія Магдалина прійшла до гробу Господьняго и не знайшла Господа. Ангелъ ей провозгласывъ, що Христосъ

воскресъ, вона изляка́лась и зрадувалась и побигла до дому, прибигла и побачила крашеныи яица и каже „Христосъ воскресъ“ и забрала ти яица и, только выйшла зъ дому, а ій назустричъ Апостоли святи; вона съ радощей стала даваты имъ ти яица и казала „Христосъ воскресъ“ и циловались воны отъ радости. У Бога всякій шагъ человика по назначенью, вона давала яица, шо у неи большь ничего не було, а то къ тому прійшлось, шо яице мертве, а съ него живе курча выходе, такъ Христосъ бувъ мертвый и намъ дарувавъ жизнь“ (сообщила В. Н. Свѣтъ).

Въ полтавской губ. Ст. Рудапскимъ записанъ слѣдующій прекрасный разсказъ о происхожденіи крашанокъ: „Идепъ убогый нисъ соби до миста яйця продаваты; але на той саме часъ вели жиды роспынаты Бога. И ото Богъ несе хреста тай падае, а вбогому и жалко стало, и кинувъ винъ кошикъ тай помо́гае Богови хреста нести. Допомигъ, коли вертае до кошика, ажъ тамъ уси его яйця стали крашанками та писанками (*Драгомановъ*, Малор. нар. преданія, 145).

Въ с. Араповкѣ купянскаго у. записано два народныхъ толкованія. По одному писанки пишутъ въ знакъ того, что когда жиды мучили Спасителя, то все тѣло его „попысали“ (т. е. избили бичами). По другому—„якъ воскресъ Іисусъ Христосъ изъ мертвыхъ, то винъ и сказавъ тимъ жидамъ, що стерегли Его гробъ: „идить и скажить всимъ: Христосъ воскресъ! А щобъ вамъ повирылы, нате вамъ оцей знакъ и давъ всимъ имъ по крашанци, котори винъ взявъ изъ свого гробу“ (сообщ. М. Д. Скубакъ).

Въ кубанской области въ Зеленчукской станицѣ записаны слѣдующія объясненія: въ 1) въ красный цвѣтъ красятъ яица потому, что изъ ребра Іисуса Христа отъ прободенія истекла кровь; 2) яица красятъ въ память усѣченія главы Іоанна Крестителя: когда принесли голову, то Иродъ покраснѣлъ отъ стыда и жалости, и съ тѣхъ поръ даже плоды стали краснѣть (сообщила О. Проскура).

Въ станицѣ Бжедуховской записано слѣдующее толкованіе: однажды на первый день Пасхи нѣкій православный встрѣтился

съ знакомымъ евреемъ, шедшимъ съ базара, на которомъ онъ купилъ нѣсколько свѣжихъ куриныхъ яицъ. Православный предложилъ еврею похристосоваться, но еврей отказался, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ не имѣетъ крашанокъ, дабы помѣняться по православному обычаю съ русскимъ.

— А что же у тебя въ платкѣ? Кажется яйца? спрашиваетъ сей послѣдній.

— Да, отвѣчаетъ еврей, это яйца, но не крашеныя, а свѣжія.

И чтобы увѣрить въ этомъ православнаго, приподнялъ узелокъ, но, заглянувъ въ него, увидѣлъ, что бѣлыя свѣжія яйца превратились въ писанки. Опомнившись отъ изумленія, еврей похристосовался съ русскимъ и пожелалъ принять крещеніе (сообщ. А. Прасоловъ).

Въ Харьковѣ я слышалъ такой разсказъ: еврей не вѣрилъ, когда ему говорили, что Христосъ воскресъ. „Тогда я повѣрю, сказалъ онъ, указывая на яица, когда эти бѣлыя яица покраснѣютъ“, и яица моментально обратились въ крашанки. Этотъ мотивъ представляетъ передѣлку весьма распространеннаго мотива объ ожившемъ пѣтухѣ. Во II т. „Объясненій малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ“ (колядки и щедривки) А. А. Потебни (с. 765) указана литература этой легенды. Въ сочиненіи Чайльда объ англійскихъ и шотландскихъ пѣсняхъ указаны многочисленные западно-европейскіе варіанты этой легенды. Къ этимъ указаніямъ нужно добавить малорусскую легенду объ однобокой рыбѣ (изъ каневскаго у.) въ „Трудахъ“ Чубинскаго, I, 67.

Поляки сѣдлецкой губерніи говорятъ, что въ писанки обратились тѣ камни, которыми былъ убитъ св. Стефанъ первомученикъ; въ память объ этомъ событіи и приготовляютъ теперь писанки (*Ulanowska*, въ Zbiór wiadom. VIII, 294). Въ с. Ропчицахъ записано другое польское преданіе о происхожденіи писанокъ: жиды, желая склонить Пилата къ смертному приговору надъ Іисусомъ, дарили дѣтямъ Пилата крашеныя яица (*Udziela*, Piski, 4).

Преданія о происхожденіи писанокъ встрѣчаются рѣдко. Большею частью крестьяне не даютъ объясненія обычая. „Са-

мые тщательные мои распросы, пишетъ мнѣ одинъ священникъ, у наиболѣе сообразительныхъ изъ простонародія лицъ въ моемъ приходѣ не дали нужныхъ свѣдѣній. Эти лица отвѣчали одно и то же: „такъ издавна ведется“.

Кромѣ приведенныхъ религіозныхъ преданій о происхожденіи писанокъ, другихъ отраженій ихъ въ литературѣ, кажется, не существуетъ, если не считать немногихъ пословицъ, напр. „хвора, хвора, а сама якъ пысанка“ (въ купянск. у.).

Общія названія писанокъ опредѣляются способомъ приготовленія и цвѣтомъ ихъ.

Крашанками у малоруссовъ, поляковъ и великоруссовъ называются яица, выкрашенныя въ одинъ цвѣтъ безъ узоровъ. Къ крашанкамъ относятся также яица, выкрашенныя подъ дерево или подъ мраморъ. Въ Екатеринославщинѣ вообще всякое яицо, даже дикой птицы, называется крашанкой: „горобьяча крашанка, дрохвынача“ и т. п. Это расширеніе значенія крашанки произошло отъ того, что слово „яицо“ считается у малоруссовъ екатерин. губ. неприличнымъ. Если кто имъ обмолвится въ компаніи, то конфузится, а присутствующіе смотрятъ на него удивленно—будто услыхали что непристойное. Пасхальное красное яицо называется „червона крашанка“.

Писанками у малоруссовъ великоруссовъ и поляковъ называются пасхальныя яица, раскрашенныя въ два, три цвѣта и болѣе.

Piski—мѣстное польское (у Тарнова) названіе писанокъ.

Галунки въ подольской г. крашанки, отъ сл. галунъ—квасцы.

Malowanki—у поляковъ крашанки.

Rysowanki и Byczki—мѣстныя польскія названія для писанокъ и крашанокъ.

Skrobanki—польскія писанки, на которыхъ рисунокъ вырѣзанъ иглой или ножемъ.

Kraslicy у чеховъ и моравовъ крашанки и писанки.

Pyrič и červenati—хорутанскія названія для крашанокъ и писанокъ.

Marguczej—названіе крашеныхъ яицъ въ Литвѣ.

Районъ распространенія писанокъ обширенъ; но съ теченіемъ времени онъ все болѣе суживается и уменьшается. Въ

прошломъ вѣкѣ писанки были извѣстны во всей Европѣ и въ передней Азіи (у грековъ и персовъ шіитовъ). Нынѣ онѣ распространены почти повсемѣстно среди малоруссовъ (отъ Галиціи до Кубани), поляковъ, чеховъ, сербовъ, болгаръ, румынъ, грековъ, литовцевъ, латышей. Въ южныхъ великорусскихъ губерніяхъ въ ходу писанки, въ сѣверныхъ — деревянныя крашанки. Въ восточной Сибири, по недостатку куръ, писанками служатъ пестрыя яица дикихъ птицъ, добываемыя съ большимъ трудомъ на приморскихъ скалахъ (*Mazurewicz*, Wisła, 1889, 713—714). У малоазіатскихъ грековъ въ Чистый четвергъ несутъ въ церковь на Страсти столько писанокъ, сколько въ домѣ членовъ семейства; сохраняютъ эти писанки до Пасхи (*Carnoy et Nicolaides*, Traditions de l'Asie Mineure, 302). Обрядовое употребленіе яицъ на Свѣтлой недѣлѣ весьма обычно въ въ Германіи (*Heineke*, Revue d. trad. popul. 1889, VI, 351); кое-гдѣ въ нѣмецкихъ странахъ сохранились и писанки. Во Франціи сохраняются еще одноцвѣтныя (красныя) крашанки. Онѣ были выставлены на съѣздѣ фольклористовъ въ Парижѣ въ 1889 г. (*Zmigrodzki*, Wisła, 1889, 971).

Время появленія писанокъ у русскихъ славянъ не поддается опредѣленію. Неизвѣстно, употреблялись ли писанки на Руси до принятія христіанства или же онѣ появились здѣсь подъ вліяніемъ христіанства, занесены сюда изъ Византіи и Болгаріи. Отрицать до-христіанское существованіе писанокъ на Руси вполнѣ нельзя, если принять во вниманіе обширное религіозно-обрядовое употребленіе у древнихъ славянъ пѣтуха и куръ. Болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе о византійскомъ происхожденіи русскихъ писанокъ; на это указываютъ связанныя съ ними религіозныя преданія. Можно предположить, что онѣ проникли въ Россію въ глубокой древности, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ писанки были уже въ сѣверной и южной Руси. Въ московской Руси цари въ Свѣтлый праздникъ раздавали приближеннымъ яица гусиныя, утиныя, куриныя, деревянныя, расписанныя по золоту яркими красками. Приготовленіемъ такихъ яицъ къ празднику Пасхи въ старину въ московской Руси занимались пекари, иконописцы,

травщики оружейной палаты и монахи Троицко-Сергіевской Лавры (*Калинскій*, 461, вз. изъ Домаш. быта русск. царей, Забѣлина). Этотъ обычай привлекъ къ себѣ вниманіе иностранцевъ, посѣщавшихъ московское государство; о немъ упоминаютъ Герберштейнъ, Іовій, Маржеретъ, Петрей, Олеарій и др. (*Терещенко*, Бытъ русск. нар., VI, 93). Въ XVIII ст. писанки и крашанки были въ употребленіи среди высшихъ слоевъ общества. Суворовъ, отслушавъ заутреню и раннюю обѣдню, становился въ рядъ съ священниками и христовался со всѣми безъ разбора. Позади Суворова стояли деньщики съ корзинами крашеныхъ яицъ, и онъ каждому подавалъ яицо, а самъ ни отъ кого не принималъ (ib., 90). Въ помѣщичьихъ семьяхъ недавняго времени еще соблюдали подобный обычай; но затѣмъ обычай христосованія съ одариваніемъ писанками вышелъ изъ употребленія у интеллигентныхъ слоевъ общества, и крашанки удержались на пасхальномъ столѣ какъ украшеніе.

Бопланъ, служившій въ Украинѣ въ половинѣ XVII в., говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ Страстную субботу (?) всѣ идутъ въ церковь, для присутствованія при церемоніи, которая состоитъ въ томъ, что кладутъ во гробъ изображеніе Спасителя и потомъ вынимаютъ оное съ большимъ торжествомъ. Послѣ сего мужчины и женщины, юноши и дѣвицы, преклонивъ колѣни предъ владыкою, т. е. епископомъ, подаютъ ему по яицу, росписанному красною или желтою краской, говоря: „Христосъ воскресъ!“ Епископъ, взявъ яицо, отвѣчаетъ: „Во истину воскресъ“, и цѣлуетъ женщинъ и дѣвицъ... Митрополитъ Могила, глава всѣхъ украинскихъ епископовъ, исполняетъ обрядъ сей въ Кіевѣ такъ же, какъ и самый бѣдный сельскій священникъ, который по малороссійски называется господиномъ (панъ отецъ). Въ продолженіи восьми дней нельзя выйти изъ дома безъ добраго запаса крашеныхъ яицъ, чтобы христосоваться оными со всѣми друзьями“ (*Бопланъ*, Описаніе Украины, 77—79).

Время приготовленія писанокъ, за немногими исключеніями, четвергъ, пятница и суббота Страстной недѣли. Въ Черноморіи въ станицѣ Старокорсунской окрашиваніе яицъ

обязательно начинается въ Чистый четвергъ, когда зазвонятъ къ страстямъ. Въ этотъ день окрашивается не болѣе десяти яицъ, которыя завязываются въ особый узелокъ и такъ остаются до перваго дня Пасхи (сообщ. Мишневъ). Тоже соблюдается во многихъ другихъ мѣстностяхъ Черноморіи. Въ Зеленчукѣ красятъ въ четвергъ, а при надобности и въ остальные два дня Страстной седьмицы, причемъ успѣваютъ за это время въ большей семьѣ окрасить около сотни яицъ (сообщ. Проскура). Тожественный обычай существуетъ у малоазіатскихъ грековъ въ окрестностяхъ Смирны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши. Въ Малороссіи во многихъ мѣстахъ писанки начинаютъ приготовлять исподоволь съ начала или съ половины поста, а крашанки на послѣднихъ дняхъ Страстной седьмицы. Въ Барсуковской станицѣ кубанской области крашанки приготовляютъ въ Страстную субботу, а писанки съ 5 недѣли Великаго поста (сообщ. К. Донцовъ). Такое же обыкновеніе бытуетъ въ с. Калиновкѣ купянскаго у. (сообщ. г. Пелиховъ), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши (*Wisła*, 1890, IV, 824). Въ сѣверныхъ частяхъ польскихъ этнографическихъ предѣловъ красятъ яица отъ Проводской недѣли до Зеленыхъ святокъ (ib., 824). У Тарнова приготовляютъ писанки съ полудня понедѣльника Свѣтлой недѣли до Зеленыхъ святокъ (*Udziela*, 4). Въ Босніи—отъ Великой пятницы до Вознесенія (*Гласник* зем. Музеја, 1889, III). Вообще, время приготовленія писанокъ обусловливается случайными соображеніями экономическаго свойства.

Окрашиваніе яицъ въ четвергъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ станицѣ Гурійской, кубанской области, обусловлено тѣмъ повѣрьемъ, что если покраска яицъ произведена въ четвергъ Страстной недѣли, то таковыя писанки и крашанки не протухаютъ въ теченіи двѣнадцати дней и болѣе, въ какомъ бы мѣстѣ онѣ ни хранились, тогда какъ другія крашанки, буде онѣ изготовлены раньше четверга или позже, скоро портятся и дѣлаются негодными къ употребленію (сообщ. Лапушнякъ).

Окраска яицъ производится исключительно женщинами. въ однихъ мѣстахъ дѣвушками, въ другихъ, гдѣ обычай уже

погибаетъ, немногими старухами. Кое-гдѣ съ упадкомъ обычая выступили на сцену маляры. У поляковъ (*Udziela*, 5; *Wisła*, 1890, II, 461) и у малоруссовъ каменецъ-подольской губерніи ямпольскаго у. (сообщ. Савинова) расписываютъ яица дивчата. Онѣ сходятся по 2, по 3 и болѣе въ одной хатѣ и весело принимаются за пріятную работу, иногда въ присутствіи парубковъ. Въ харьковской губерніи работаютъ большею частью старухи, въ одиночку.

Въ опытныхъ рукахъ расписываніе идетъ бойко, и яйцо быстро покрывается изящнымъ рисункомъ. Вотъ какъ описываетъ г. Глинскій работу лучшей мастерицы писаночнаго дѣла въ с. Гульчѣ острожскаго уѣзда Маріи Суходоловой: „Суходолова не только ознакомила меня съ теоріей своего искусства, но и ознакомила меня съ нимъ практически. Она показала всѣ необходимыя принадлежности писаночнаго дѣла и въ моемъ присутствіи расписала въ простую писанку одно яицо. Суходолова положительно поражаетъ въ этомъ дѣлѣ ловкостью пріемовъ и пріобрѣтеннымъ навыкомъ. Расписываніе писанки въ довольно сложный узоръ у ней шло такъ же скоро и ловко, какъ переписка у любого каллиграфа. Держа яицо въ указательномъ и большомъ пальцахъ лѣвой руки, она держала кисточку въ правой рукѣ, какъ писчее перо, и слегка касалась яица правымъ мизинцомъ, чтобы фиксировать пишущую руку. Линіи изъ подъ кисточки выходили совершенно ровныя и правильныя“ (*Елисав. Вѣстн.*, 1889, № 103).

Мѣстами приготовленіе писанокъ обставлено нѣкоторой обрядностью. Въ каменецъ-подольской губерніи и въ кубанской области къ приготовленію писанокъ приступаютъ отговѣвшись. Въ слоб. Анниной лебед. у. женщина, приготовляющая писанки, воду для мойки яицъ и составленія красокъ беретъ изъ долины снѣговую, несетъ эту воду рано утромъ, не поворачиваясь назадъ или въ сторону, при встрѣчѣ съ кѣмъ-либо не здоровается и не отвѣчаетъ ни на привѣтствія, ни на вопросы, словомъ, соблюдаетъ строгое безмолвіе (сообщ. Дмитріевъ). Здѣсь къ обычаю раскраски яицъ примкнуло повѣрье о таинственно-цѣлеб-

номъ и могущественномъ значеніи непочатой воды, повѣрье. бытующее въ Россіи, Германіи и Франціи.

Въ с. Гульчѣ острожскаго у. яица держатъ въ краскѣ въ теченіи двухъ или трехъ „Отченашей", т. е. такого времени, сколько требуется, чтобы прочитать два, три раза молитву „Отче нашъ" (*Елисав. Вѣстн.*, 1889, № 103).

Принадлежностей писаночнаго дѣла немного: горшокъ съ воскомъ, черепокъ съ горячими угольями, на которыхъ растапливается воскъ, кисточка домашняго издѣлія и краски. Эти простыя принадлежности, въ особенности краски, заслуживаютъ вниманія.

Краски бываютъ домашняго изготовленія или покупныя. Первыя добываются изъ тѣхъ растеній, которыя входятъ въ мѣстную огородную или лѣсную флору. Такъ:

Желтая краска добывается изъ коры дикорастущихъ яблонь, изъ шелухи лука или, что встрѣчается рѣже, изъ цвѣтковъ бузины. Желтая краска получается такимъ образомъ: въ горшокъ складывается яблоновая кора или шелуха лука, наливается холодной водой и кипятится. Въ станицѣ Барсуковской кубан. обл. цвѣтъ темно-желтый или „гавановый" получается изъ шелухи спѣлаго лука, а свѣтло-желтый изъ мѣстнаго цвѣтка серпія (сообщ. Донцовъ). Въ купянскомъ у. желтую краску добываютъ изъ отвара купавокъ—Pyrethrum cor. (сообщ. П. В. Ив.), у поляковъ — изъ желтыхъ цвѣтковъ Caltha palustris (Udziela).

Синій цвѣтъ добывается въ ст. Удобной кубанской области изъ луковичнаго растенія, называемаго толкачики, по цвѣту— синька. Это растеніе рано показывается изъ земли вмѣстѣ съ подснѣжникомъ; если перекипятить краску, то яица окрашиваются въ темно-синій и черный цвѣта (сообщ. Жуковъ). Въ екатеринославской губ. изъ отвара гречаной половы получается цвѣтъ индиго (сообщ. Манжура), въ харьк. губ. изъ сушеныхъ цвѣтовъ синей мальвы Althea rosea (сообщ. П. В. И.).

Голубая краска для писанокъ въ кубанской области добывается изъ весеннихъ цвѣточковъ кіёчки, иначе называемыхъ барашки (с. Кобеляцкаго).

Зеленая краска добывается изъ ягодъ черники или ягодъ дикорастущей бузины, которыя растираются съ растворомъ желтой краски въ кашицу (въ Подоліи), изъ сережекъ осины или „котиковъ“ (тамъ же), изъ листьевъ жита (у поляковъ), изъ цвѣтовъ темно-красной рожи въ соединеніи съ желтой краской (харьк. губ.), изъ пролѣсковъ—scilla (харьк. и екат. губ.), изъ мха (у поляковъ варшавск. губ.).

Черная краска съ сизымъ отливомъ цвѣта воронова крыла добывается изъ коры ольхи (сообщ. Прасолова) и молодыхъ листьевъ черноклена—Acer tataricum (сообщ. П. В. И.).

Красная краска въ Полѣсьѣ изъ мѣстной кошенили или „червеца“ (*Левченко*, въ Зап. ю. з. о. географическ. общ., II. 149).

Мраморная краска получается изъ смѣшенія навара сухихъ листьевъ съ сытовымъ медомъ или чаще отъ завертыванія яицъ въ цвѣтную бумагу или лоскутки ситцевой матеріи.

Красный и синій цвѣта въ настоящее время получаются большею частью отъ анилиновыхъ красокъ. Фуксинъ и мителеповая синька, благодаря своей дешевизнѣ и цвѣтовымъ достоинствамъ во многихъ мѣстахъ вытѣснили старинныя краски домашняго приготовленія. Мѣстами слышится еще протестъ противъ фуксина. Такъ, въ с. Кубанскомъ куб. обл. записано народное повѣрье, что грѣшно красить пасхальныя яица въ фуксинъ, но почему грѣшно, никто не можетъ объяснить, и въ самомъ с. Кубанскомъ фуксинъ оказывается наиболѣе употребительной краской при окрашиваніи пасхальныхъ яицъ (сообщ. Дружининъ). Крестьяне считаютъ фуксинъ ядовитой краской и называютъ ее „въѣдливой“, такъ какъ скорлупа яица окрашивается не только снаружи, но и внутри, а при скважинѣ окрашивается и бѣлокъ. Красный сандалъ и фуксинъ покупаются въ лавочкахъ или вымѣниваются (въ кубан. обл.) у мелкихъ подъѣзжающихъ къ каждому двору торговцевъ за яица, щетину и свиное сало (сообщ. Проскура).

Кромѣ красокъ для приготовленія писанокъ необходима еще обезцвѣчивающая жидкость. Таковой большею частью бываетъ бураковый квасъ или растворъ квасцовъ (галунъ).

Единственнымъ орудіемъ при раскраскѣ яицъ служитъ тонкая жестяная трубочка около сантиметра длиною, укрѣпленная нитками въ разщеплинѣ одного конца небольшой палочки. Трубочки изготовляются самими мастерицами изъ кусочковъ тонкой жести, которую для образованія трубочки загибаютъ на иголкѣ. Кисточки употребляются разныхъ калибровъ, смотря по тому, какой толщины требуются линіи въ рисункѣ писанки. При расписываніи трубочка обмакивается въ растопленный воскъ и однимъ концомъ трубочки выводится задуманный узоръ. Такъ приготовляютъ кисточку на Волыни въ острож. у. (*Елисав. Вѣст.*, 1889, № 103).

Въ купянскомъ у. харьк. губ. кисточка приготовляется такимъ же образомъ изъ четырехъ-угольнаго кусочка фольги (длиною около дюйма и шириною въ 1½ линіи), загнутаго на иголкѣ (сообщ. Скубакъ и Пелиховъ).

Въ д. Кислицкой ямпольскаго у. каменецъ-подольской губ. кисточка приготовляется слѣдующимъ образомъ: Одна изъ дѣвушекъ вынимаетъ изъ уха сережку, отламываетъ отъ нея „дротъ“, т. е. то металлическое колѣнце, которое продѣвается въ ухо; этотъ дротъ привязывается къ деревянной палочкѣ, и дѣвушка говоритъ: „треба разводыть писанки!“ Это значитъ, что пора приступить къ дѣлу. Дротъ, прикрѣпленный или привязанный къ палочкѣ, называется кисточкой. Кисточка обмакивается въ растопленный воскъ и на яицо кладутся восковые узоры.

Тожественная съ волынской и харьковской польская кисточка—„pisak“ (*Wisła* 1890, 820), сходная сербская—„шаралікъ“ (*Гласник. з. муз.*, 1889, III).

Кисточки, употребляемыя на Волыни, въ Харьковщинѣ и въ Польшѣ, представляютъ то удобство, что воскъ располагается по яицу равномѣрно, ровными линіями. Отъ серьги же и т. п. орудій получаются утолщенные концы линій.

Въ ст. Кубанской куб. обл. поверхность яица поливаютъ воскомъ изъ соломенной трубочки (сообщ. Дружининъ).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., Неберджаевской станицѣ куб. обл., держатъ восковую свѣчу въ наклоненномъ положеніи, чтобы частицы расплавленнаго воска отдѣлялись отъ свѣчи, и

выводятъ на скорлупѣ яица разныя фигуры (сообщ. Щ.). При такой раскраскѣ не можетъ быть и рѣчи о той тонкости, правильности и изящности рисунка, какія свойства имѣютъ писанки, разрисованныя посредствомъ трубочки—кисточки.

Приготовленіе писанокъ обыкновенно идетъ такъ: когда сдѣланъ или написанъ на натуральномъ фонѣ яйца узоръ, яйцо кладутъ обыкновенно прежде всего въ растворъ желтой краски. Вынувъ изъ краски, мы, слѣдовательно, получимъ желтый фонъ и на немъ бѣлый узоръ, такъ какъ краска не могла окрасить только тѣхъ мѣстъ, которыя были покрыты воскомъ. По желтому фону опять пишутъ воскомъ и кладутъ въ зеленую краску; получится, слѣдовательно, зеленый фонъ и на немъ узоръ бѣлаго и желтаго цвѣта. По зеленому фону пишутъ опять и яйцо опускаютъ въ „бураковый квасъ“ для обезцвѣчиванія: получится опять вмѣсто зеленаго фона—фонъ натуральной яичной скорлупы, и затѣмъ яйцо опускаютъ или въ красную, или въ синюю краску, смотря по желанію. Опускать яйцо въ красную или синюю краску безъ предварительнаго обезцвѣчиванія отъ предъидущей краски нельзя, потому что отъ смѣшенія зеленой съ красной не можетъ получиться красный цвѣтъ, а равно также не получится синій цвѣтъ требуемаго тона отъ смѣшенія зеленаго съ синимъ. Красить же яйцо непосредственно послѣ желтой въ зеленой краскѣ напротивъ рекомендуется, какъ лучшее средство сдѣлать зеленую краску болѣе интенсивной и болѣе прочной. Что касается обезцвѣчиванія, то требуется послѣ опусканія яйца въ „бураковый квасъ“ хорошенько вытереть яйцо сначала суконной, а затѣмъ полотняной тряпочкой. Когда яйцо выкрашено въ красной краскѣ, по красному фону опять пишутъ воскомъ и т. д. Такимъ образомъ рисунокъ писанки можетъ состоять изъ нѣсколькихъ цвѣтовъ, смотря по желанію пишущей. Фономъ писанки будетъ тотъ цвѣтъ, въ какую краску было опущено яйцо въ послѣдній разъ. Если желательно имѣть фономъ натуральный цвѣтъ яичной скурлупы, то яйцо въ заключеніе обезцвѣчиваютъ. Когда окраска и расписываніе закончены, яйцо слегка нагрѣваютъ передъ пламенемъ, чтобы обтаялъ воскъ изатѣмъ уже готовыя писанки пекутъ, для чего ставятъ ихъ

въ мискѣ въ не очень горячую печь на 10—15 минутъ. Этимъ и заканчивается вся техническая сторона дѣла. Описанный методъ даетъ писанкамъ не только хорошаго тона краски, но и сообщаетъ послѣднимъ довольно значительную прочность. Что же касается самихъ манипуляцій расписыванія, то онѣ требуютъ не мало времени, терпѣнія и ловкости.

Этотъ способъ разрисовки яицъ встрѣчается въ Малороссіи, Галичинѣ, въ кубанской области, у поляковъ, чеховъ, боснійскихъ сербовъ.

Иногда прибѣгаютъ къ такому способу: окрашиваютъ яйцо и потомъ острой иглой или ножикомъ вырѣзываютъ рисунокъ. У литовцевъ и поляковъ такія писанки называются скробанками. Обычай этотъ бытуетъ у литовцевъ ковенской и ломжинской губ. (*Wisła*, 1890, 822), у чехо-моравовъ, извѣстенъ въ Великороссіи, на что есть указаніе въ „Пошехонской Старинѣ“ Салтыкова (стр. 264 въ изд. 1890 г.), извѣстенъ и въ Малороссіи. (Въ Украинскихъ узорахъ г-жи Косачевой, см. писанку подъ № 6, по окрашенному въ красный цвѣтъ яйцу ножемъ выцарапаны цвѣты).

Въ монастыряхъ и въ семьяхъ интеллигентнаго общества способы приготовленія писанокъ весьма разнообразны и искусственны: обклеиваютъ яйцо разноцвѣтными кусками шелковой матеріи или картинками, обклеиваютъ волошскіе орѣхи воскомъ и на немъ проводятъ разноцвѣтныя нити и проч. Городскихъ и монастырскихъ писанокъ мы не касаемся.

Обрядовое употребленіе крашанокъ и писанокъ пріурочено къ послѣднимъ днямъ Великаго поста, Свѣтлой и Ѳоминой недѣлямъ, преимущественно къ первымъ днямъ Пасхи.

Въ Бжедуховской станицѣ кубанской области, прикладываясь въ Страстную пятницу къ плащаницѣ, кладутъ около нея красныя яйца (сообщ. Прасолова).

Въ купянскомъ у. харьк. губ. одинъ изъ членовъ семейства выстаиваетъ Дѣянія и утреню въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье съ писанкой въ карманѣ, которую затѣмъ сохраняетъ, какъ домашній талисманъ, въ теченіе года (сообщ. Пелихова).

На Волыни писанками украшаютъ корзины съ хлѣбомъ, когда несутъ его въ церковь святить (*Елисавет. Вѣстн.* 1889, № 103).

Обычно употребленіе крашанокъ и писанокъ при разговѣніи и христосованіи. Въ Малороссіи, кубанской области (по сообщ. Мишнева), въ Галиціи („*Зоря Галицкая*“ 507) начинаютъ разговляться съ освященнаго краснаго яйца.

На Волыни писанки идутъ на пасхальные подарки почетнымъ и уважаемымъ лицамъ (*Елисав. Вѣст.* 1889, № 103).

Дѣвушки дарятъ писанки своимъ женихамъ; изрѣдка наоборотъ парубки дивчатамъ. Въ повѣсти Квитки „Отъ тоби и скарбъ“ мастерица Оришка приготовила „хорошу та гарну пысанку Тымоси, писаревому сыну, то отъ се писля Провидъ подае за нёго рушныкы, а писля Ушéстьтя на Клечáлный, и весилля буде“. Въ Подоліи на третій день Свѣтлой недѣли хлопцы нанимаютъ музыку и приглашаютъ дивчатъ танцовать, а дивчата при этомъ одариваютъ парубковъ писанками (сообщ. Савинова). Въ купянскомъ у. (с. Тарасовкѣ) женихъ обязательно даритъ невѣстѣ писанку (сообщ. Свѣтъ).

Въ Старой Сербіи молодки (того года обвѣнчанныя) на другой день Пасхи послѣ крестнаго хода на улицѣ обходятъ вмѣстѣ съ свекровями мужчинъ, даря каждому по два красныхъ яйца (*Ястребовъ*, Об. и пѣс. турец. сербовъ, 121).

По чешскому народному повѣрью обмѣнъ крашанками скрѣпляетъ дружбу (*Straněcka*, 10).

Въ Кіевщинѣ и въ Подоліи на второй день Пасхи дѣти идутъ христосоваться по хатамъ; крашанки и писанки у хозяйки лежатъ на припечкѣ, а пасха на столѣ; если хозяйка довольна, она даетъ дѣтямъ по яйцу; если недовольна—по ломтю пасхи (сообщ. Савинова; *Максимовичъ*, Собр. соч., II, 471).

Въ Кіевщинѣ и въ Галиціи на второй день Пасхи еще на разсвѣтѣ парубки ходятъ по тѣмъ хатамъ, гдѣ есть взрослыя дивчата, и если застаютъ спящей или неодѣтой, то обливаютъ водой. Дѣвушки заблаговременно поджидаютъ ихъ и кладутъ имъ въ ведро пару крашанокъ (*Максимовичъ*, Собр. соч., II, 472). Обычай этотъ существуетъ издавна. Бопланъ въ „Описа-

ніи Украины" (1650 г.) говоритъ: „утромъ на другой день Пасхи молодые люди толпами разгуливаютъ по улицамъ, ловятъ встрѣчающихся дѣвицъ, ведутъ плѣнницъ къ колодцу и обливаютъ съ головы до ногъ 5 или 6 ведрами воды, такъ что на бѣдненькихъ не остается сухой нитки. Эта забава дозволяется только до полудня. Во вторникъ настаетъ очередь для дѣвицъ, которыя мстятъ шалунамъ съ большой хитростью: притаившись въ какомъ нибудь домѣ и приготовивъ кружки съ водою, онѣ ставятъ на караулъ дѣвочку, которая при появленіи молодаго человѣка подаетъ знакъ; дѣвицы выбѣгаютъ изъ засады и ловятъ его съ ужаснымъ крикомъ, на который сбѣгаются подруги ихъ изъ сосѣднихъ домовъ. Двѣ или три сильныя дѣвушки держатъ молодца за руки, а прочія окачиваютъ его водою изъ кружекъ" (стр. 79).

Обычай этотъ встрѣчается и за предѣлами Малороссіи. Въ Чехіи онъ называется помлазкой и состоитъ въ томъ, что молодые люди, парни и дѣвицы, сначала бьютъ другъ друга вербовыми вѣтками, а потомъ одариваютъ другъ друга писанками, или краслицами. Въ чешскихъ письменныхъ памятникахъ XIV в. упоминается уже этотъ обычай, съ указаніемъ, что и писанки при этомъ употреблялись. Въ одной церковной проповѣди 1610 г. находится подробное описаніе помлазки въ Прагѣ; на улицахъ продавались разукрашенные прутья; парни покупали ихъ, ходили съ ними по улицамъ и били женщинъ по рукамъ, требуя себѣ писанокъ. Наравнѣ съ пасхальной помлазкой въ Чехіи издавна бытуетъ обычай обливанія водой и одариванія писанками (*Zibrt*, Staročeske vyročni obyčeje, 77—83).

Обычаи пасхальнаго обливанія водой съ одариваніемъ писанками былъ, а мѣстами и нынѣ сохраняется у поляковъ. У витебскихъ латышей обрызгиваютъ водой и одариваютъ яйцами пастуховъ на Юрьевъ день, при выгонѣ въ поле скота. (*Вольтеръ*, Матер. для этногр. латыш. племени, 3). Сходные обычаи нѣмецкіе и славянскіе, см. въ „Поэтич. воззрѣніяхъ" *Аѳанасьева*, (III, 490—492).

Сопоставляя эти весенніе обычаи, можно прійти къ тому заключенію, что въ основѣ лежитъ символическое изображеніе

весенней природы, причемъ яйцо означаетъ солнце, вода—дождь, и самый обрядъ выражаетъ желаніе плодородія, а въ переносномъ на людей смыслѣ силы, здоровья и радости.

Красное яйцо даетъ здоровье, силу и красоту. Крестьяне, заслышавъ впервые весенній громъ, умываются съ краснаго яйца на красоту, счастье и здоровье. На Юрьевъ день, выгоняя скотъ въ поле, гладятъ лошадей по хребту отъ головы до хвоста пасхальнымъ яйцомъ и приговариваютъ, „какъ яичко гладко и кругло, такъ моя лошадушка будь и гладка, и сыта“ (*Аѳанасьевъ* Поэт. воззр., I, 538). Въ Купянскомъ у. харьк. губ. въ Страстную субботу кладутъ въ воду двѣ крашанки и монету. Собираясь къ заутренѣ въ Свѣтлое Воскресенье, умываются этой водой или всѣ члены семейства, или только молодежь для полученія здоровья и красоты.

Красное яйцо даетъ также плодородіе. Въ Великороссіи на праздникъ Пасхи крестьяне ставятъ на столъ кадку съ зернами пшеницы, зарывая въ ней яйцо, и зерна эти берегутъ для посѣва. Отправляясь сѣять ленъ, кладутъ въ мѣшокъ, наполненный сѣменами, яйца, а при посѣвѣ конопли разбрасываютъ по полю яичную скорлупу. Въ день Вознесенія ходятъ на поля, засѣянныя рожью, и подкидываютъ кверху красныя яйца, чтобы рожь такъ же высоко поднялась, какъ подброшенное яйцо (*Аѳанасьевъ*, I, 537). Въ лебединскомъ у. харьк. губ. изъ пасхальныхъ яицъ оставляютъ пару крашанокъ до Юрьева дня (23 апр.), а въ этотъ день идутъ на жита, качаютъ крашанки по зелени и зарываютъ ихъ въ землю на нивѣ, чтобы хлѣбъ былъ полный и не вылегалъ. Во время сбора хлѣба откапываютъ зарытыя яйца (сообщ. Дмитріева). Въ Чехіи закапываютъ на нивѣ скорлупу пасхальныхъ яицъ (Stranečka, 9).

Еще въ 1856 г. Максимовичъ замѣтилъ въ статьѣ „Дни и мѣсяцы украинскаго селянина“, что пасѣчникъ (въ Кіевщинѣ) идетъ на пасѣку похристосоваться съ своими пчелами и несетъ имъ безконечникъ—писанку, испещренную вокругъ одною непрерывною чертою; онъ кладетъ ее подъ первый или покутній улей, называемый хозяиномъ, на которомъ всегда лежитъ ладанъ, и главный улей, Зосимъ, стоитъ всегда середь пасѣки

(Собр. соч., II, 472). Точно такое обыкновеніе существуетъ нынѣ въ купянскомъ уѣздѣ (сообщенія изъ двухъ селъ NN и Склобинской). Въ екатериносл. губ. скорлупа отъ освященныхъ яицъ идетъ на весеннюю закормку пчелъ (сообщ. Манжуры).

Въ купянскомъ уѣздѣ крашанки или только скорлупа отъ нихъ предохраняютъ хлѣбъ отъ мышей: когда привезутъ съ поля снопы новаго хлѣба, то, положивъ накрестъ четыре снопа, кладутъ подъ нихъ скорлупу крашанокъ и кости отъ пасхальнаго поросенка, и затѣмъ накладываютъ стогъ.

Въ лебединскомъ уѣздѣ пару первыхъ крашанокъ откладываютъ отдѣльно и берегутъ въ домѣ, какъ средство, предотвращающее громовой ударъ надъ дворомъ (сообщ. Дмитріева). Въ Чехіи для предохраненія избы отъ громоваго удара бросаютъ черезъ нее яйцо, снесенное въ зеленый четвергъ и освященное на Свѣтлый праздникъ (*Stranečka*, 7; *Аѳанас.*, I, 538).

Въ Великороссіи при пожарахъ обносятъ вокругъ загорѣвшагося зданія яйцо, которымъ христосовались въ первый день Свѣтлаго праздника, и вѣрятъ, что огонь далѣе не распространится. Яйцо это, брошенное въ пламя пожара, тотчасъ погашаетъ его (*Аѳан.*, I, 538). Въ купянскомъ у. сохраняютъ пасхальное яйцо, полученное въ церкви отъ священника, какъ предохранительное средство отъ пожара (сообщ. Свѣтъ). Въ томъ же уѣздѣ записано повѣрье, что въ случаѣ пожара помогаетъ первая пара яицъ, окрашенная во время выноса плащаницы (сообщ. NN). Въ Небердж аевской станицѣ кубанской области предохранительнымъ средствомъ отъ пожара считается писанка, полученная въ первый день Пасхи отъ священника. Въ случаѣ пожара эту писанку бросаютъ въ ту сторону, откуда дуетъ вѣтеръ, чтобы дать ему другое направленіе (сообщ. П. Щ). Точно такой обычай существуетъ у хорватовъ.

Писанкамъ приписывается еще важное лѣчебное значеніе. Въ с. Калиновой купянскаго у., если кто давно страдаетъ лихорадкой и ничто не помогаетъ, то на шею больнаго вѣшаютъ крашанку, которая была въ церкви въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье (сообщ. Пелихова). Тожественное повѣрье записано въ кубанской области. Въ Тенгинской станицѣ больныхъ ли-

хорадкой окуриваютъ скорлупой освященныхъ писанокъ или вѣшаютъ скорлупу на шею (сообщ. Расавскаго). Тоже и въ Старокорсунской станицѣ (сообщ. Мишнева).

Въ лебединскомъ у. и на Кубани крашанками лѣчатъ отъ желтяницъ: засушиваютъ нѣсколько свяченыхъ крашанокъ, растираютъ въ порошокъ желтокъ и даютъ съ водою во время разлитія желчи (сообщ. Мишнева) или подкуриваютъ больнаго желтяницами скорлупами крашанокъ (сообщ. Дмитріева).

Въ с. Арановкѣ купянскаго у. крашанки употребляются какъ лѣкарство отъ рожи или бышихи (сообщ. Скубака).

Писанки имѣютъ важное предохранительное значеніе отъ сглазу и порчи коровъ вѣдьмами, а также и отъ порчи куръ. Въ купянскомъ уѣздѣ и на Кубани распухшее вымя подкуриваютъ писаночной скорлупой (сообщ. Склобинской, Товпекина и Дудка). Особенно характерно употребленіе писаночныхъ скорлупъ и другихъ освященныхъ остатковъ пасхальнаго стола, какъ оберега отъ колдовства, въ станицѣ Зеленчукской кубанской области. Собравъ остатки (скорлупу, хлѣбныя крошки и т. п.), просверливаютъ рогъ у коровы, предварительно окропленной святой водой, и залѣпливаютъ щель. Дѣлаютъ это для охраны коровы отъ чародѣйской порчи (сообщ. О. Проскура).

Въ купянскомъ у. и на Кубани писанки несутъ на кладбище и кладутъ на могилы или зарываютъ въ землю. Въ с. Араповкѣ отмѣченъ такой обычай: „На велыкдень йдутъ на кладовыще и закопують писанки; на другый день одкопують и роздають дитямъ. Якъ вси крашанки цилы, такъ значыть душа покойныка угодна Богу, а якъ собаки або хто другый ихъ поодрыва, такъ душа невгодна Богу и незвисно чимъ помогты тій души" (с. Скубакъ). Существуетъ повѣрье, что если положить на могилу ту крашанку, которая впервые была получена на Пасху, то покойникъ слышитъ все, что говорятъ ему (сообщ. Донцова, Пелихова, Проскуры). Въ Старокорсунской станицѣ въ первый день Пасхи старшій въ семьѣ несетъ въ церковь писанки, приготовленныя въ четвергъ и раздаетъ ихъ на поминовеніе младенцевъ, умершихъ некрещеными (сообщ. Мишнева). Въ связи съ этимъ повѣрьемъ стоитъ замѣченный въ

купянскомъ у. обычай бросать скорлупу писанокъ въ рѣку для русалокъ и утопленниковъ. По народнымъ преданіямъ въ старину ходили къ рѣкѣ христосоваться съ русалками и раздавали при этомъ крашанки и писанки, покотивъ ихъ предварительно по берегу (сообщ. Скубакъ). Послѣдняя подробность приводитъ къ весьма распространенной игрѣ въ „котка".

Древнѣйшія документальныя свидѣтельства о катаніи яицъ на Пасху относятся къ XIV в., а о битьѣ яицъ къ XVII в.

Въ Россіи монастырскіе наказы XVII в. запрещаютъ пасхальную игру въ битки яицъ (*Аѳанас.*, I, 537). Можно предположить за этими играми глубокую древность, если вѣрно наше мнѣніе, что въ обычаѣ катить яйцо нѣкогда символически выражалось движеніе солнца по тверди небесной. Въ Великороссіи эта дѣтская игра обычна въ настоящее время. Наглядно ее можно видѣть на рисункахъ Каразина и Васнецова въ № 12 „Нивы" 1885 г.

Мѣстные малорусскіе варіанты игры въ пасхальныя яйца незначительны.

Въ купянскомъ у. харьковской губ. различаютъ двѣ игры въ крашанки: 1) навбытка и 2) навкотка. Навбытка играютъ такъ: мальчикъ, постукавъ носкомъ и гузкою яйца о свои зубы, выбираетъ битокъ. Онъ держитъ въ рукѣ яйцо такъ, чтобы былъ виденъ только носокъ его, въ который бьетъ носкомъ своего яйца другой мальчикъ. Затѣмъ бьютъ гузкою о гузку. Выигрываетъ тотъ, у кого яйцо осталось цѣлымъ. Въ навкотка играютъ такимъ образомъ: катаютъ по желобочку изъ лубка яйца, иногда просто съ бугорка и чье яйцо, катясь, ударится или цокнетъ о другое, тотъ выигрываетъ (*Ивановъ*, Игры крест. дѣт., 41). При этомъ дѣло не всегда ведется дѣтьми начисто: иногда дѣти за нѣсколько дней до праздника приготовляютъ крѣпкія битки такимъ образомъ: прокалываютъ шиломъ дырочку въ скорлупѣ, выпускаютъ содержимое яйца и наливаютъ воску, отчего яйцо дѣлается крѣпкимъ. Дѣлаютъ также искусственныя яйца изъ крупичатаго тѣста и окрашиваютъ красной краской (сообщ. Скубакъ).

Въ Полтавщинѣ отмѣчена тожественная игра въ навбитки (*Сементовскій*, въ Маякѣ, 1843. XI).

Въ екатеринославской губ. играютъ „у слипця" и „у китця". Первая игра ведется такъ: играющихъ двое. Одинъ ставитъ яйцо на конъ, а другой отходитъ на нѣсколько шаговъ и плотно закрываетъ шапкою глаза. Затѣмъ разъ или нѣсколько оборачивается кругомъ, обыкновенно чѣмъ дальше лежитъ яйцо—тѣмъ оборотовъ меньше, напр. одинъ, а чѣмъ ближе тѣмъ больше (не больше 3-хъ), и затѣмъ идетъ къ яйцу. Если пойдетъ по его направленію и остановится около него, то выигрываетъ. У китця—тоже играютъ двое. Одинъ кладетъ яйцо на конъ, а другой, отошедши на условленное разстояніе, становится въ солдатскую позицію (пятки вмѣстѣ, носки врозь), перегибается и опускаетъ руку съ яйцомъ къ землѣ такъ, чтобы она какъ разъ приходилась между носками сапоговъ и тихо катитъ яйцо. Если попадетъ въ поставленное, то и выигрываетъ. „Навбитки" встрѣчаются рѣдко, какъ случайность, а не игра. (Сообщ. И. И. Манжура).

Въ кіевской губ. (каневскаго у.) „котючка", или катаніе писанокъ бываетъ въ первые два дня Пасхи, а „навбитки" въ первые три дня Пасхи и на проводы. Эти игры почти тожественны съ харьковскими навбитки и навкотки (*Чубинскій*, Труды, IV, 43).

Въ Галиціи существуетъ также игра въ навбитки „проба писанокъ". Парубки играютъ писанками, полученными отъ дивчатъ (*Лозинскій*, „Зоря Галицкая", 1860, 509).

Въ кубанской области дѣти также играютъ въ „битки" и „катанье" или „навбитки" и „катки" (сообщ. Донцева и Дудка).

Игра въ крашанки не ограничивается Свѣтлой и Проводской недѣлями. Во многихъ мѣстахъ Украины дивчата послѣ обѣда въ Юрьевъ день выходятъ катать крашанки въ поле на житахъ и тамъ закапываютъ ихъ въ землю до начатія жатвы (*Максимовичъ*, Собр. соч., II, 485).

У поляковъ плоцкой губ. на Пасху дѣти и взрослые играютъ въ битки и котки, причемъ самыя игры эти тожественны съ малорусскими (*Zbidr Wiadomosci*, II, 17).

Что игра „у китця“ имѣетъ миѳо-символическое значеніе, видно изъ того, что она бываетъ у латышей весной въ честь солнечнаго бога Усеня. Когда пастухи въ первый разъ выгоняютъ коней на ночлегъ, хозяйки даютъ имъ по 4 или по 10 яицъ на лошадь. Пастухи дѣлаютъ углемъ мѣтки на яйцахъ и варятъ ихъ. Иногда бросаютъ яйцо въ густой кустъ вербы, чтобы лошади были хороши, или кладутъ яйцо въ дубъ, чтобы лошади были сильны. Въ польской Лифляндіи этотъ пиръ устраивается обыкновенно наканунѣ Егорова дня. Пастухи бьются яйцами, причемъ тотъ, у кого яйцо крѣпче, приговариваетъ „мой конь сильнѣе“. Въ одной пѣснѣ приглашаютъ принести Усеню въ жертву сто яицъ; въ другой пѣснѣ самъ Усень раздаетъ яйца (*Вольтеръ,* Матер. для этногр. латыш. племени, 26—28).

Катаніе писанокъ, какъ символъ движенія солнца, соотвѣтствуетъ катанію по столу другого солнечнаго символа свадебнаго вѣнка (подроб. см. въ моемъ соч. О свадебныхъ обрядахъ 79—89). Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсняхъ находятся указанія, что дѣвушки, свивши вѣнокъ, катили его по столу *Метлин.,* 143, *Шеинъ,* 361).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ покатить предметъ по землѣ могло означать посвященіе предмета солнцу или точнѣе жертвоприношеніе. Такое значеніе, повидимому, имѣетъ слѣдующій базарный обычай, отмѣченный Г. Ѳ. Квиткой въ „Солдатскомъ портретѣ“. Торговка Явдоха вышла на базаръ съ паляницами (круглый хлѣбъ): „отъ молодыци и кричать Явдоси: а ну, паньматко, выбирай мисце, на щаслыву продажу. Ты въ насъ голова, де ты сядешъ, то и мы биля тебе. Явдоха и узяла зъ чужой коробки паляныцю, стала насходъ сонця, тричи перехрестылась, та и покотыла паляныцю навпаки сонця“. Паляниця упала около солдатскаго портрета. Бабы, принявшія портретъ за живаго солдата не захотѣли садиться около солдата и Явдоха „поворожыла“ другою паляныцею. Эта своеобразная ворожба указываетъ на культъ солнца.

Писанки рѣдко поступаютъ въ продажу. Въ слободѣ Боромлѣ ахтырскаго уѣзда я встрѣчалъ ихъ на базарѣ

въ послѣдніе дни Страстной седьмицы. Малярской работы покупалъ по 5 коп. за писанку, простой „бабской“ по 1 коп. Въ повѣсти Квитки „Отъ тоби и скарбъ“, написанной въ началѣ 30-хъ годовъ, дѣвушка-мастерица одну изъ писанокъ, лучшую по рисунку, откладываетъ своему жениху, „а уси прочіи понесе вона зъ сестрами завтра у велыкодну суботу на мисто у городъ та попродавшы, накуплять скиндячокъ, стричокъ, шпалеривъ на голубы, шушыхы и усего, чого имъ треба, а чого не попродають, такъ празныкамы пидъ колыскамы поминяють на горихы, на мочени кисличкы, на горохвьяныкы и на усякы ласощи“. Писанки идутъ на уплату за качели и въ настоящее время въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ Харьковщинѣ (сооб. Скубинскій), въ кубанской области (с. Донцова).

На Волыни (с. Глинскаго) и на Кубани (с. Расавскаго и Е. Барановской), изрѣдка въ Харьковщинѣ вѣшаютъ писанки подъ иконами или подъ лампадками. Въ Темрюкѣ въ сырой писанкѣ дѣлаютъ на противоположныхъ концахъ по дырочкѣ, вытягиваютъ ртомъ содержимое яица, затѣмъ продѣваютъ насквозь ленточку или ниточку и привязываютъ къ лампадкѣ (с. Барановской).

На Волыни изъ скорлупы писанокъ, которую стараются сохранить въ возможной цѣлости при помощи воска, выдѣлываютъ такія бездѣлушки какъ кувшинчики, рюмочки, крошечныя вазочки (Елисаветгр. Вѣстн., 1889, № 103).

Писанки или ихъ скорлупа сохраняются въ теченіе года, до слѣдующей Пасхи (с. Пелихова), или до лѣта (Udziela), или до Вознесенія Господня (с. Савинова).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЙТОВСТВО ИВАНА СЫЧЕВСКАГО ВЪ КІЕВѢ.[1]

(1754—1766 г.).

IV.

Вѣсть о подчиненіи г. Кіева власти гетмана пришла въ Кіевъ, конечно, раньше пріѣзда депутатовъ и, огорчивъ магистратъ и мѣстное мѣщанство, обрадовала мѣстныхъ козаковъ, а главнымъ образомъ сотника ихъ Михаила Гудима, отецъ котораго, какъ упомянуто выше, присутствовалъ при аудіенціи магистратскихъ урядниковъ у гетмана и слышалъ, какъ последній „командирски репремандовалъ ихъ". Сотникъ, продолжавшій вести такую же войну съ магистратомъ, какую велъ и отецъ его, поднялъ теперь голову. Объ этомъ можно заключить, между прочимъ, по одному дѣлу[2]), возбужденному имъ тотчасъ по полученіи указа о бытіи Кіеву подъ властію гетмана. Изъ дѣла этого видно также, что названному указу давали распространительное толкованіе не только кіевскіе козаки, но и войск. генеральная канцелярія. По ходатайству полковой кіевской старшины, войсковая генеральная канцелярія хотѣла было возложить на магистратскихъ урядниковъ обязанность, до сихъ поръ исполняемую козацкой старшиной, принимать изъ кіев. губ. канцеляріи и препровождать въ Глуховъ въ малороссійскій скарбъ таможенные сборы. Магистратъ не

[1]) „Кіевская Старина", 1891, 4.

[2]) См. „Историч. мат. изъ архива кіев. губ. пр." вып. 10, стр. 11—14.

исполнилъ предписанія генеральной канцеляріи, сославшись, между прочимъ, на грамоту, данную гетману Апостолу 16 февраля 1732, которою велѣно „магистрата кіевскаго урядниковъ и мѣщанъ ни въ какіе наряды не употреблять". Тогда в. генеральная канцелярія, указавъ на недавно послѣдовавшій указъ, предоставлявшій гетману Разумовскому высшую команду надъ кіевскимъ магистратомъ, въ повторительномъ ордерѣ своемъ высказала, что, по этому указу, магистратъ обязанъ *„и во всѣхъ повелѣніяхъ* чинить непремѣнное исполненіе". Но магистратъ и вторичнаго ордера не послушался, ссылаясь на то, что присланъ онъ „безъ точнаго повелѣнія самого гетмана". Магистратскіе урядники, очевидно, были весьма искусны въ составленіи такихъ отписокъ съ казуистическими тонкостями: „быть въ точной и полной командѣ гетмана" для нихъ не значило еще подчиняться ордерамъ его генеральной канцеляріи. Послѣдняя, донося объ этомъ гетману и прося его резолюціи, писала 26-го октября, что де „со всего видно, что магистратъ кіевскій ген. войск. канцеляріи ордеровъ ослушается, да и впредь, чтобъ исполненіе по предложеніямъ ея чинилъ, не надежно, кромѣ ожидаемыхъ излишнихъ переписокъ". Правда, гетманъ не желая, какъ видно, огорчать магистратъ, далъ по этому дѣлу въ ноябрѣ мѣсяцѣ приказъ, „чтобъ помянутая сумма принимана и отвозима въ Глуховъ чрезъ козаковъ, а урядниковъ и мѣщанъ кіевскихъ къ тому не употреблять"; но въ глазахъ козаковъ это было лишь проявленіе „командирской милости", а не осуществленіе „права" магистратскаго. Они ожидали, что съ поступленіемъ магистрата въ „полную и точную команду гетмана" долженъ наступить и конецъ особымъ „правамъ" магистрата и привилегіямъ. Такому ожиданію, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ одной изъ существенныхъ привилегій, возбуждавшихъ постоянное неудовольствіе мѣстныхъ козаковъ и породившихъ вѣковую борьбу ихъ съ магистратомъ,—къ монопольной продажѣ питій—подавалъ поводъ тогда же полученный ордеръ гетмана въ отвѣтъ на магистратское прошеніе объ удержаніи козаковъ отъ причиняемыхъ ими обидъ магистрату: „а что касается до чинимаго козаками

шинкованья, писалъ гетманъ, то и оное козакамъ *впредь до имѣючого быть разсмотрѣнія* магистрата кіевского о томъ привилегій и грамотъ, кои всѣ представить намъ отъ того магистрата велѣно, нынѣ накрѣпко запретить". Такое запрещеніе „впредь до разсмотрѣнія", являясь въ глазахъ козаковъ, какъ бы временною лишь мѣрою, оживило ихъ надежду на отмѣну ненавистной имъ магистратской привилегіи.

Между тѣмъ магистратъ не терялъ надежды освободиться отъ гетманской власти. Скоро по возвращеніи депутатовъ пришла вѣсть о совершившемся въ столицѣ переворотѣ, о вступленіи на престолъ императрицы Екатерины Второй. Опять заговорили въ магистратѣ о посылкѣ отъ города депутаціи; но никто уже не довѣрялъ войту, признавая именно его „вредителемъ" привилегій города, а между тѣмъ безъ участія его въ депутаціи нельзя было обойтись. Нѣсколько разъ по пріѣздѣ его изъ Петербурга, приходили къ нему магистратскіе урядники и просили, чтобы „учинилъ обще съ ними въ Пр. Сенатъ представленіе", согласное съ ихъ желаніями, но онъ рѣшительно отъ этого отказался. Тогда магистратъ, составивъ такое представленіе безъ участія и безъ вѣдома войта, отправилъ его съ райцею Θедоромъ Ризенкомъ, Сычевскій же, узнавши объ этомъ, сначала послалъ было въ домъ Ризенка нарочныхъ „съ такимъ умышленіемъ, чтобъ его удержать и къ той поѣздкѣ не допустить, а послѣ вслѣдъ за нимъ, Ризенкомъ, въ Москву писалъ къ его сіятельству о томъ ихъ представленіи". По такому доносу Сычевскаго, генеральный подскарбій Гудовичъ разыскивалъ Ризенка въ Москвѣ, допрашивалъ бывшаго въ то время въ Москвѣ медоваго шафара Андреева о томъ, пріѣхалъ ли Ризенко и съ какимъ именно представленіемъ отъ магистрата; но Ризенко успѣлъ ускользнуть отъ такого сыску и подалъ все таки привезенное имъ магистратское прошеніе въ Пр. Сенатъ и, „употребивъ удобвозможныя къ сокрытію себя мѣры, принужденъ скорѣе оттоль изъ Москвы и безъ полученія резолюціи возвратиться въ Кіевъ" видно, этотъ Θедоръ Ризенко былъ мастеръ въ „хожденіи по дѣламъ" магистратскимъ и недаромъ его особенно не долюбливалъ войтъ Сычевскій и не-

однократно называлъ „ябедникомъ", что иногда въ тѣ времена было синонимомъ хорошаго юриста, „доки",

Вопросъ о посылкѣ отъ города депутаціи ко двору заботилъ однако и Сычевскаго: не раздѣляя стремленій мѣщанства къ освобожденію отъ власти гетмана, не сочувствуя подачѣ въ этомъ смыслѣ прошенія отъ города, Сычевскій тѣмъ не менѣе желалъ представиться ко двору во главѣ городской депутаціи. Самъ ли онъ подписалъ, какъ говорили впослѣдствіи магистратскіе урядники, или съ общаго, хотя бы и вынужденнаго, согласія, но въ концѣ концовъ только лишь 12 декабря 1762 г. состоялось опредѣленіе магистрата о посылкѣ депутаціи, „какъ для отданія всеподданѣйшаго рабскаго Е. И. В. поклона и принесенія вседолжнѣйшаго поздравленія съ всесчастливѣйшимъ Е. И. В. восшествіемъ на престолъ и всеблагополучно совершившейся коронаціей, такъ и для испрошенія на вольности и цѣлости здѣшняго города отъ Е. И. В. подтвердительной грамоты". Составлено было въ магистратѣ и подписано всѣми магистратскими чиновниками и другими гражданами прошеніе объ отмѣнѣ указа отъ 20 мая и о подтвержденіи прежнихъ жалованныхъ грамотъ. Прошеніе это подписалъ вмѣстѣ съ другими и Сычевскій, но при этомъ настаивалъ на томъ, что для представленія его государынѣ необходимо прибѣгнуть къ посредству гетмана, „яко тогда городомъ Кіевомъ, по имянному указу бывшаго государя Петра III, командующаго".

По этому поводу между войтомъ и магистратскими урядниками возникли пререканія, не предвѣщавшія ничего добраго. Одинъ только изъ бурмистровъ Василій Гудимъ, соглашаясь съ войтомъ, говорилъ, что „надобно де о томъ къ его сіятельству писать", но писарь Давидовскій, настойчиво возражая, убѣдилъ всѣхъ другихъ никакого письменнаго прошенія къ гетману не подписывать и къ посредству его при подачѣ городскаго прошенія императрицѣ не прибѣгать. Очевидно, урядники опасались, что войтъ и совсѣмъ не подастъ вручаемаго ему городскаго прошенія, недовѣріе свое выражали ему въ глаза, а потому онъ, видя, что „къ совѣту его въ прошеніи посредства къ его сіятельству не склонились, знаменемъ крестнымъ увѣрялъ

ихъ, урядниковъ, что оное прошеніе конечно имѣетъ подать ея императорскому величеству". Но, видно, и такой клятвѣ войта, крестнымъ знаменемъ сопровождаемой, не вѣрилъ магистратъ, а потому на всякій случай подписалъ и другой экземпляръ такого же прошенія, но безъ подписи войта, и вручилъ депутатамъ. Вмѣстѣ съ войтомъ опредѣлено было ѣхать въ Москву райцамъ Даніилу Величковскому и Іосифу Гудиму, медовому шафару Евфимію Чишиничу, лавнику Василію Ризенку и инстигатору Василію Копыстенскому.

На дорожные расходы и „для поднесенія презентовъ" выдана была на руки райцамъ тысяча рублей съ тѣмъ, чтобы болѣе значительные расходы производили они сами, получая росписки, а мелочные чрезъ другихъ урядниковъ, которымъ и выдана была для записыванія этихъ мелкихъ расходовъ особая шнуровая книга. Пріѣхавши въ Москву, депутаты долго не могли пріискать себѣ общей квартиры,—по войтовой ли переборчивости, какъ говорили урядники, или потому что „по тогдашнему въ Москвѣ великому съѣзду народа крайне невозможно было вскорѣ оной квартиры пріискать", какъ объяснилъ войтъ,—и прожили первыя двѣ недѣли „съ прошенія" въ Новоспасскомъ монастырѣ. Войтъ, все оттягивая представленіе ко двору, самъ ежедневно разъѣзжалъ „по единственной своей приватѣ и партикулярству", а урядникамъ приказалъ пріискивать „вседолжнѣйшаго презенту", причемъ, отвергая пріисканные ими, „нарочно ихъ проводилъ и проволакивалъ съ единымъ тѣмъ умышленіемъ, чтобъ ихъ къ высочайшему Е. И. В. лицу не допустить и вотще ихъ оттоль отправить", а, наконецъ, когда они уже пріискали презентъ, онъ объявилъ имъ, что гетманъ приказалъ ему „никакихъ презентовъ къ поднесенію Е. И. В. не покупать", а онъ безъ позволенія гетмана ничего предпринимать не намѣренъ.

Только послѣ „непрестанныхъ докукъ и напоминаній, что они пріѣхали не всуе жить и магистратскій коштъ иждивать, войтъ склонился къ тому, чтобъ съ ними поѣхать къ высочайшему двору", но все таки заставилъ ихъ ожидать дежурства при дворѣ графа Разумовскаго.

Ежедневныя поѣздки войта къ гетманскому двору не могли, конечно, быть тайною для урядниковъ, которые, имѣя и тамъ своихъ знакомыхъ и благопріятелей, ревниво слѣдили за своимъ войтомъ и знали о его жалобахъ на магистратъ. А съ такихъ жалобъ и началъ Сычевскій свои представленія къ гетману: такъ, тотчасъ по пріѣздѣ онъ подалъ ему (21 февраля) письменное доношеніе о томъ, что де по прошлогоднему ордеру о присылкѣ копій съ жалованныхъ грамотъ и вѣдомостей о доходахъ и расходахъ—„и понынѣ исполненія не учинено". Но, помимо всякаго рода „ослушностей", о которыхъ успѣлъ наговорить войтъ, въ глазахъ гетмана немалою „продерзостію" являлось и привезенное депутатами городское прошеніе къ государынѣ, и еще болѣе желаніе обойти при подачѣ его посредничество гетмана [1]), о чемъ, конечно, сообщилъ ему Сычевскій.

Хотя урядники и считали это посредничество излишнимъ, такъ какъ „прежніе войты никогда при представленіяхъ своихъ къ государю къ посредству гетмановъ не прибѣгали", но на этотъ разъ должны были подчиниться требованію своего войта, съ которымъ вмѣстѣ и явились, наконецъ, къ графу Разумовскому.

Во время этой аудіенціи гетманъ, принимая войта отдѣльно въ своей спальнѣ, въ присутствіи генеральныхъ обознаго Кочубея и судьи Журмана, взялъ у него магистратское прошеніе и, „увидя, что оное безъ посредства его производится, приказалъ, чтобъ того прошенія за подписомъ руки его, войта, не подавалъ, при томъ сказывая формально: пусть де они сами подаютъ". Вышедши же въ пріемную, гетманъ, по словамъ

---

[1]) Ревниво оберегая свою власть надъ кіевскимъ магистратомъ, гр. Разумовскій всячески устранялъ непосредственныя сношенія этого послѣдняго съ высшими правительственными учрежденіями и лицами. Предписавъ 13-го января этого же 1763 г. магистрату „отъ отправленія въ Москву въ комиссію новосочиняемаго уложенія депутатовъ изъ кіевскихъ мѣщанъ удержаться", хотя объ этой отправкѣ былъ полученъ сенатскій указъ, гр. Разумовскій недовольный тѣмъ, что указы изъ Сената адресовались непосредственно въ магистратъ, обратился въ пр. Сенатъ съ просьбой, чтобы „яко оный кіевскій магистратъ, равно какъ и другіе малороссійскіе магистраты, въ точной моей состоитъ командѣ, то въ случаѣ какой къ тому магистрату надобности, ко мнѣ и предложенія чинить повелѣть". См. „Истор. матер. изъ арх. кіев. губ. пр." вып. 8 стр. 172—174.

войта, „публично выговаривалъ: вотъ де сіи люди, которые сами собою хотятъ быть, и оборотясь ближе ко онымъ урядникамъ, съ командирскимъ гнѣвомъ формально жъ сказывалъ имъ: для чего вы упрямитесь и не хотите быть подъ моею командою? у меня подъ командою и лутчіе васъ хотятъ быть; да и какая вамъ отъ меня обида или отягощеніе и нарушеніе вольностей вашихъ?".

Недѣлю спустя послѣ этой аудіенціи, депутаты были представлены гетманомъ и государынѣ, причемъ войтъ, слѣдуя, какъ онъ увѣрялъ, запрещенію гетмана, городскаго прошенія, бывшаго у него въ рукахъ, не подалъ, чѣмъ и возмутилъ до крайности всѣхъ урядниковъ. Вернувшись домой, они стали требовать отъ войта отдачи имъ прошенія, но онъ не отдалъ, говоря, что они могутъ подать такое же прошеніе, но безъ его подписи. Такимъ образомъ и оказалось, что магистратъ не напрасно вручилъ дубликатъ этого прошенія урядникамъ и не напрасно не вѣрилъ даже клятвенному обѣщанію своего войта.

Неизвѣстно, когда и какъ, но настойчивые кіевляне нашли случай, помимо войта, подать свое прошеніе лично императрицѣ. Когда узналъ объ этомъ Сычевскій, тотчасъ „прибѣжавъ въ квартиру съ крайне яростнымъ видомъ, немалые произносилъ похвалки" и, чтобы не допустить ихъ къ дальнѣйшему „хожденію" по тому прошенію, явился въ походную канцелярію гетмана, донесъ о подачѣ урядниками городскаго прошенія и получилъ приказаніе гетмана о немедленномъ отъѣздѣ всей депутаціи въ Кіевъ. Когда же урядники на это объявленное имъ войтомъ приказаніе стали говорить, что они „ко пр. Сенату имѣютъ гродское дѣло и до окончанія оного ѣхать имъ отголь невозможно, то онъ, войтъ, необычайно разъярясь, не уважая того, что, куда онъ съ чиновниками отъ города пріѣхалъ, есть мѣсто государственной резиденціи и состоитъ въ ономъ всевысочайшее Е. И. В. присутствіе, такъ непристойно и азартно съ магистратскими чиновниками поступилъ, что первѣе въ нихъ зашнурную и мелочного расходу тетрадь и магистратскія деньги насильно захватилъ, и послѣ, за отходомъ ихъ съ квартиры для объявленія о томъ, кому надлежитъ, онъ, Сы-

чевскій, съ бывшимъ при немъ солдатомъ, всѣхъ ихъ отъ сундуковъ замки топоромъ поломавъ и тѣ сундуки поразбивавъ, всѣ деньги себѣ захватилъ; не удоволясь же тѣмъ разореніемъ, еще въ походную е. с. канцелярію подалъ на нихъ неправедное доношеніе, яко бы они ему ослушны являются", почему они и были гетманскими посланцами „сысканы и изъ той походной канцеляріи дотоль не выпущены, доколѣ отъ себе не дали подписки, что они имѣютъ явиться въ Кіевъ къ 30-му числу мая".

Передъ отъѣздомъ своимъ войтъ получилъ 16 апрѣля отъ гетмана повторительный ордеръ кіевскому магистрату, чтобы „все повелѣнное имъ", т. е. затребованныя копіи городскихъ крѣпостей и грамотъ, равно и вѣдомости о доходахъ и расходахъ, было прислано непремѣнно къ 25-му мая. Затѣмъ, войтъ, „совершивъ уже всѣ свои злобныя предпріятія—какъ говорили урядники—не возвративъ съ нихъ, чиновниковъ, ни единому съ тѣхъ захваченныхъ ихъ собственныхъ денегъ, самъ уѣхалъ въ Кіевъ".

V.

Еще до пріѣзда Сычевскаго магистратскіе чиновники, узнавъ о его поведеніи въ столицѣ, собрали всѣхъ выборныхъ и многихъ изъ мѣщанства и рѣшили подать на него жалобу въ пр. Сенатъ. Жалоба была подписана 3-го апрѣля. Она была необычно кратка и обвиняла войта только въ неподачѣ прошенія отъ города. Въ ней кіевляне писали, что они „заподлѣнно извѣстились, что войтъ Сычевскій, по крайнему видимому своему къ здѣшнимъ гражданамъ особливому недоброхотству, зломыслію и ненависти, какъ прежде врученную ему отъ насъ челобитную бывшому императору Петру III персонально не подалъ, чрезъ что и преждеутвержденнымъ вольностямъ и цѣлостямъ градскимъ извѣстное отъ оного императора знатное послѣдовало нарушеніе, такъ и нынѣшнюю челобитную, не подавая оной ея императорскому величеству, утаилъ у себя и затѣмъ точно, чтобъ онъ высочайшему лицу, какъ всегда прежде бывало, представленъ

былъ, о томъ и малѣйше стараться не похотѣлъ. По каковимъ его, войта Сычевскаго, всему здѣшнему обществу великовреднимъ и недоброжелателнимъ поступкамъ, мы нижайшіе впредь за войта его себѣ имѣть всѣ обще отнюдь не желаемъ; для того высоко-правительствующаго Сената съ глубочайшимъ нашимъ упокореніемъ всенижайше просимъ означенного Сычевского, яко явного кіевскому магистрату и гражданству недоброхота и вредителя отъ того кіевского войтовства отрѣшить, а вмѣсто его иного изъ кіевскихъ мѣщанъ достойного, по древнему обикновенію, вольними отъ народа голосами выбрать повелѣть".

Подписали это прошеніе 6 бурмистровъ, 2 райца, 14 шафарей, 4 лавника, 4 инстигатора и старосты 12-ти цеховъ числомъ 40 человѣкъ, и всего подписей 70.

Сычевскій прибылъ въ Кіевъ 26-го апрѣля и началъ открытую войну съ магистратомъ. На другой же день по пріѣздѣ онъ предъявилъ гетманскій ордеръ и потребовалъ, чтобы упоминаемые въ немъ копіи изготовлены были непремѣнно къ 10-му мая, о чемъ далъ и письменный отъ себя ордеръ писарю Давидовскому. Потребовавъ къ себѣ въ домъ правившихъ тогда магистратскою экономіей бурмистра Кузьму Кулеша и райцу Ѳедора Ризенка, вручилъ имъ „партикулярно написанный къ нимъ въ томъ его домѣ ордеръ, чтобы они по экономіи магистратской поступали по тому его ордеру". Затѣмъ, позвавши къ себѣ въ домъ же инстигатора Купріевича, сталъ бранить его за то, что тотъ отвелъ постой въ квартирѣ таможеннаго директора Лапина, при чемъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, бранилъ его матерно и похвалялся бить батожьемъ. Такую же „похвалку" и на бурмистровъ и райцевъ — „положивши ихъ въ шеренгу, бить батожьемъ", произносилъ въ домѣ своемъ войтъ не стѣсняясь при другихъ урядникахъ, которымъ и приказывалъ еще передать его слова въ магистратѣ, такъ сказать, для общаго свѣдѣнія. Очевидно, войтъ чувствовалъ свою силу и не церемонился въ обращеніяхъ своихъ съ урядниками. Когда Коробчевскій принесъ ему первый недѣльный рапортъ о состояніи „квартала", т. е. мелочныхъ расходовъ, Сычевскій напус-

тился на него за то, что тотъ не далъ изъ квартала войтовой женѣ, когда войтъ былъ въ Москвѣ, порожней бочки, бранилъ его матерно, обзывалъ „дуракомъ и прочими поносными словами“. Когда почтовый урядникъ Балуцкій, по приказу же войта, явился съ вопросомъ,—давать ли прибывшему курьеру лошадей, войтъ—„сказывая—доколь я съ вами буду мучиться,—сталъ его бранить матерно и называлъ канальею и похвалялся бить дубьемъ“. Надо думать, что и урядники намѣренно досаждали войту, создавая изъ его же приказовъ разныя для него затрудненія. При первомъ же появленіи войта въ магистратѣ его встрѣтили разговорами не мирнаго характера: 6-го мая произошла ссора въ самомъ присутствіи „въ судовой избѣ при зерцалѣ“. Ризенко сталъ укорять войта и называлъ его „предателемъ города и обидителемъ и нарушителемъ цѣлостей гродскихъ“, а войтъ за это, называя Ризенка ябедникомъ, а отца его банкротомъ, всячески его бранилъ. Сцена окончилась составленіемъ протокола о нарушеніи войтомъ законныхъ установленій, грамотъ и обычаевъ, по которымъ де войтъ долженъ „всѣ дѣла отправлять и по магистратской экономіи разсужденія и учрежденія держать съ общаго всѣхъ магистратскихъ чиновниковъ согласія, а не самимъ собою“; а 13-го мая послали отъ магистрата жалобу на войта къ графу Разумовскому. Указавъ въ этой жалобѣ на необычное „партикулярное ордированіе“ войта, на незаконное назначеніе постоевъ въ домахъ магистратскихъ чиновниковъ, минуя дома своихъ родственниковъ, магистратъ писалъ, что вообще войтъ „нынѣ сталъ сурово и необычайно поступать, что намъ снесть никоимъ образомъ невозможно, ибо иныхъ въ домѣ своемъ, а другихъ въ судовой избѣ при зерцалѣ, безъ и малѣйшей причины и винности, какъ хотя ругаетъ и безчеститъ и притомъ немалые похвалки произноситъ, сказуя: я де всѣхъ васъ переберу; да и по дѣламъ, принимая въ домѣ своемъ доношенія и разныя письма, самъ безъ общого совѣту и разсужденія резолвуетъ и еднимъ словомъ заключитъ—что хотя самъ дѣйствуетъ“, а потому въ заключеніе магистратъ проситъ, чтобы повелѣно было войту „самимъ собою ничего не дѣйствовать и ордеровъ партикулярно зъ дому

своего къ магистратскимъ чиновникамъ не насылать, постоевъ въ домѣхъ урядниковъ не ставить [1]) и отъ таковыхъ суровыхъ поступковъ воздержаться".

По всей вѣроятности, одновременно, такъ какъ одновременно были получены въ Москвѣ, послалъ и войтъ къ гетману съ своей стороны жалобу на магистратскихъ чиновниковъ. Сообщивъ о состоявшемся протоколѣ 6-го мая, войтъ писалъ, что, не повинуясь ему и не допуская его къ „заведенію порядковъ", чиновники „и присутствія моего при дѣлахъ въ магистратѣ не желаютъ, какъ то и челобитныя двѣ, возмутивъ все гражданство, сочинили: одну въ Сенатъ послали объ отрѣшеніи меня отъ войтовства и, по прежнимъ обычаямъ, о дозволеніи выборовъ кандидатовъ на войтовство, а другую челобитную явочную въ губ. кіевскую канцелярію". Копію съ послѣдней Сычевскій и приложилъ къ своему доношенію, въ заключеніи котораго писалъ, что де „чрезъ учинившееся всѣхъ подкомандныхъ недоброхотство и ослушность, а на то особливой ни отколь у себя и не имѣя команды, которою въ исправленіе и послушность подкомандныхъ во всемъ привесть и исправить можно было", онъ и должность свою исполнять „крайне не въ состояніи".

Между тѣмъ наступалъ уже послѣдній срокъ для отправки къ гетману затребованныхъ имъ годъ тому назадъ копій и вѣдомостей. Когда все это было, наконецъ, приготовлено, урядники нѣсколько разъ просили войта подписать въ магистратѣ

[1]) Въ описываемое время въ Кіевѣ особенно чувствительна была тягость этой повинности, и исполненіе ея, какъ видно, содѣйствовало лишь обостренію отношеній между магистратомъ и войтомъ. Съ мая мѣсяца въ городъ вступили на постоянныя квартиры молдавскій гусарскій полкъ, полевой артиллеріи первый канонирскій, части нижегородскаго и пермскаго полковъ, а въ то же время прибыли „ревизоры двороваго числа" и ожидалось прибытіе изъ Константинополя рос. посла князя Долгорукова съ большою свитой. Требовалось множество квартиръ, распредѣленіе которыхъ между прибывшими воинскими чинами вызывало массу жалобъ съ обѣихъ сторонъ, хозяевъ домовъ и квартирантовъ. Когда обнаружился совершенный недостатокъ квартиръ въ городѣ, пришлось размѣстить канонирскій полкъ въ подгородьяхъ—Преваркѣ, Сырцѣ и Кореневщинѣ. Въ виду такихъ то затрудненій, Сычевскій,—какъ самъ объяснялъ впослѣдствіи, „принужденъ былъ приказать квартермистрамъ магистратскимъ, по требованію бретадирши Подгоричаниновой, квартиру отвесть на время, а не вовсе, въ домахъ райцовъ Іосифа Вас

приготовленные документы и отправить ихъ съ нарочнымъ однимъ изъ магистратскихъ урядниковъ. Но войтъ потребовалъ, чтобы доставили ихъ для подписи къ нему на домъ, имѣя якобы въ виду собственноручно запечатать и, „не теряя магистратскаго лишняго кошту, по почтѣ ординарной послать“. Но такое экономничаніе въ магистратѣ показалось и неприличнымъ для такого случая, и подозрительнымъ. Бурмистры и райцы, „вѣдая, что не токмо таковыхъ, но и никакихъ изъ приказовъ заготовленныхъ дѣлъ въ партикулярныхъ домахъ печатать не должно, предразсуждая жъ и то, чтобъ изъ такова по почтѣ оныхъ крѣпостей отправленія не причтено бъ какова имъ отъ его сіятельства грубости или презрѣнія, а паче чтобъ гдѣ либо по почтѣ оное дѣло не пріостановилось“, порѣшили отправить съ этимъ дѣломъ въ Москву нарочнаго. Собравшіеся 20-го мая въ магистратѣ бурмистры и райцы еще разъ посылали къ войту сначала райцу Ризенка, а потомъ и писаря Давидовскаго, но и они не успѣли убѣдить войта явиться въ магистратъ для подписи отправляемыхъ документовъ. Тогда они подписали все сами и отправили чрезъ нарочныхъ лавника Летушевича и канцеляриста Коцюбу, вручивъ имъ и рапортъ о происшедшемъ у нихъ по поводу этой отправки несогласіи съ войтомъ. Наканунѣ этого дня прибыли изъ Москвы Василій Ризенко и В. Копыстенскій и сообщили товарищамъ, что хотя райцы Величковскій и Іосифъ Гудимъ, да шафаръ Чашиничъ остались въ Москвѣ „стряпать“ по городскому прошенію, но, стѣсненные данною ими въ походной канцеляріи подпискою, „опасны въ Москвѣ жить“. Въ виду этого, конечно, магистрату необходимо было командировать новыхъ повѣренныхъ для „хожденія“ по городскому дѣлу. Это хожденіе и было поручено посланнымъ съ крѣпостями лицамъ. Войтъ же, не сочувствуя магистратскимъ

Гудима и Данила Величковскаго для того, что оные райцы въ томъ 1763-мъ году годовыми не были; а у годовыхъ бурмистра Козмы Кулеша и райцы Федора Ризенка насланною экзекуціею отъ брегадира Подгоричанина заняты были домы потому, что о наличности квартиръ оному брегадиру отъ магистрата чрезъ долгое время вѣдомости не подано, и о увольненіи домовъ оныхъ годовыхъ хотя къ нему, брегадиру, отъ войта прошеніе было, однако не увольнено“.

домогательствомъ, зная при томъ, что они непріятны и гетману, немедленно донесъ послѣднему, что магистратъ отправилъ нарочныхъ именно съ цѣлію „тамо жить и стряпать подъ видомъ якобы посылки крѣпостей", что эта отправка крѣпостей не по почтѣ, а чрезъ нарочныхъ, сдѣлана именно съ тѣмъ, чтобы „оныхъ нарочно отправленныхъ бывшіе въ Москвѣ и стряпчество прикрыто быть могло". Въ заключеніе же своего доношенія войтъ жаловался, что де „всѣ обществомъ, на единое мнѣ недоброхотство и ослушность, во всемъ поступаютъ и, сами собою собираясь въ магистратѣ, что хотятъ дѣйствуютъ и всѣми мѣрами стараются какъ отъ званія войтовского отрѣшить, такъ и въ гнѣвъ бы ясневельможности вашей привесть".

Одновременно съ этимъ Сычевскій донесъ и въ Глуховъ въ войсковую генеральную канцелярію, что Лятушевичъ и Коцюба отправились въ Москву „стряпчими по поднесенному отъ магистратскихъ урядниковъ безъ дозволенія и вѣдома его сіятельства въ пр. Сенатъ прошенія объ отмѣнѣ бывшаго государя Петра III указу о небытіи г. Кіеву подъ командою его сіятельства и о пр.", причемъ войтъ просилъ генеральную канцелярію „перенять" этихъ нарочныхъ въ Глуховѣ и воротить ихъ въ Кіевъ, „дабы оные безъ вѣдома его сіятельства постороннихъ представленій взносить не могли."

Вслѣдствіе этого донесенія, въ кіевскомъ магистратѣ былъ полученъ 17 іюня ордеръ генеральной канцеляріи, которымъ предписывалось „впредь, не дѣлая таковыхъ самовольствъ и затрудненій главнымъ командирамъ, мимо вѣдома учрежденнаго командира, оного-жъ войта, никакихъ дѣлъ магистратскимъ урядникамъ самымъ собою не производить и никуда не отправлять и его, войта, командира своего, не пренебрегать, но во всемъ ему быть послушнымъ." Съ этимъ ордеромъ прибылъ въ Кіевъ полковый кіевскій судья Борсукъ, которому и приказано было отъ войск. генер. канцеляріи произвести слѣдствіе по взаимнымъ жалобамъ войта и магистрата. Но магистратскіе урядники даже „вступить въ оное слѣдствіе" отказались, и Борсукъ, потративъ напрасныя къ тому усилія, въ іюлѣ мѣсяцѣ донесъ объ этомъ гетману, заявивъ, что „не точію его, Бор-

сука, полковаго старшины, но хотя бы кто изъ генеральной старшины присланъ былъ, то оные магистратскіе урядники не послушаются."

Между тѣмъ магистратъ 5-го іюня подписалъ вторую обстоятельную жалобу на войта и отправилъ ее въ пр. Сенатъ [1]), прося объ отрѣшеніи Сычевскаго отъ войтовства.

Посланные же отъ магистрата повѣренные Лятушевичъ и Коцюба не застали уже гетмана въ Москвѣ и оставили приве-

---

[1]) Жалоба эта состояла изъ 12-ти пунктовъ:

въ 1-мъ говорится о томъ, что Сычевскій многихъ магистрат. урядниковъ и мѣщанъ „безъ всякой малѣйшей причины, какъ хотя, ругаетъ, безчеститъ и похвалки произноситъ публично—всѣхъ насъ, положивши въ шеренгу, кіями бить";

во 2-мъ—объ утѣсненіи постоями урядниковъ, дома которыхъ должны быть свободны отъ постоя;

въ 3-мъ—о томъ, что С—скій, завладѣвъ подгородними „такою обтяжаетъ панщиною, что оной тѣмъ преорскимъ, кореневскимъ и сырецкимъ жителямъ снесть никоимъ образомъ не возможно;" здѣсь обстоятельно перечислены случаи вымогательства со стороны С—го;

въ 4-мъ—о несправедливомъ завладѣніи о. Осетщинкой и устройствѣ тамъ собственнаго шинка;

въ 5-мъ—о томъ, что С—скій слишкомъ широко пользовался для частныхъ своихъ надобностей мѣщанскими подводами, изъ рыбальскаго цеха рыбою, а также съ 1759 г. самъ на себя собиралъ „десятиною хлѣбъ съ пахатныхъ магистратскихъ земель;"

въ 6-мъ—подробное перечисленіе обидъ, причиненныхъ войтомъ во время поѣздокъ съ депутатами въ столицы;

въ 7-мъ—о тѣхъ „помѣшательствахъ," какія вносилъ войтъ въ маг. экономію своими личными распоряженіями;

въ 8-мъ—о навязываніи магистрату собственной горѣлки, которую принуждены были покупать у войта по возвышенной цѣнѣ;

въ 9-мъ—о сдѣланныхъ С—мъ на счетъ маг—та займахъ и о его вымогательствѣ „презентовъ" изъ городскихъ суммъ;

въ 10-мъ—о самовольномъ завладѣніи городскими сѣнокосами;

въ 11-мъ—о завладѣніи Осетщинскимъ озеромъ;

въ 12-мъ—о томъ, что С—ій все то, что урядники для пользы градской ни придумаютъ, особенно по отношенію къ „послѣдовавшему крѣпостей маг-та кіев. уничтоженію," какое ходатайство въ Пр. Сенатъ ни предложать, онъ „все то пренебрегаетъ и не допускаетъ и такъ еще насъ къ е.-с. г. гетману описуетъ, что не токмо отъ насъ то, что онъ въ тѣхъ своихъ представленіяхъ пишетъ, могло происходить, но и въ умѣ того не содержано, приводя все, чѣмъ бы насъ къ каковому штрафу и крайнему уничтоженію привесть и нами, какъ бы своими подданными, овладѣть."

зенныя ими копіи въ гетманской походной канцеляріи, которая затѣмъ и препроводила эти копіи въ Глуховъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ графъ Разумовскій былъ въ Батуринѣ и къ нему отправился Сычевскій, причемъ предъ отъѣздомъ своимъ требовалъ, чтобы съ нимъ ѣхали, въ качествѣ „ассистентовъ,“ нѣсколько человѣкъ магистратскихъ урядниковъ, и, взявши съ собой подлинныя магистратскія крѣпости (королевскія привилегіи, гетманскія грамоты и императорскіе указы) представили бы ихъ гетману; но урядники рѣшительно отъ этой поѣздки отказались.

По всей вѣроятности, при личномъ свиданіи съ гетманомъ Сычевскій набросилъ тѣнь сомнѣнія на самую вѣрность отправленныхъ магистратомъ копій. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи, объясняя свой отказъ въ подписаніи копій, онъ прямо заявлялъ, что сомнѣвался въ вѣрности ихъ, потому де, что эти копіи съ подлинными латинскими и польскими „чрезъ постороннихъ вѣрныхъ переводчиковъ онъ войтъ не апробовалъ,“ а переводили ихъ „бывшій мѣщанинъ, что нынѣ священникъ Успенской соборной церкви, Леванда и урядникъ Коробчевскій, да канцеляристъ Данило Слюсарскій, кои имъ, урядникамъ, согласны и отъ оныхъ урядниковъ, а не отъ войта опредѣлены были.“

Подъ вліяніемъ такого рода доносовъ Сычевскаго, и графъ Разумовскій могъ усомниться въ вѣрности переводовъ и точности копій, а потому и командировалъ въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Кіевъ старшаго войсковаго канцеляриста Туманскаго провѣрить и сличить эти копіи съ подлинными крѣпостями, причемъ ордеромъ своимъ отрѣшалъ отъ должности магистратскаго писаря Давидовскаго [1]), а на его мѣсто своею властію назначалъ, помимо обычнаго выбора, канцеляриста Кузминскаго.

---

[1]) О писарѣ Давидовскомъ подалъ Сычевскій гетману 13-го октября 1763 г. такое „всенижайшое доношеніе“: „со вступленія моего по пожалованію въ магистратъ кіев. войтомъ, пропискалъ было я изъ войсковыхъ канцеляристовъ въ оной маг-тъ писаря Якова Давидовскаго, надѣясь на его справность въ письменныхъ дѣлахъ, уповалъ и о добромъ его поведеніи, и вмѣстилъ его въ ту должность. Съ общаго урядниковъ тамошнихъ согласія, онъ опр едѣленъ до дальшого впредь о его добромъ поведеніи усмотрѣнія, дабы потому и испросить было высокую в. яв. о настоя-

VI.

Какую „исторію" подняло въ Кіевѣ это освидѣтельствованіе копій, разсказано уже было мною коротко, согласно доносенію о томъ Сычевскаго, въ статьѣ „Кіевскія смуты прошлаго столѣтія" [1]). Все мѣщанство кіевское было возмущено дѣйствіями войта и „малороссійской команды," доведшей заслуженныхъ магистратскихъ урядниковъ до крайняго униженія. По этому поводу кіевскій магистратъ впослѣдствіи отправилъ въ пр. Сенатъ третью жалобу на войта, въ которой и изложилъ обстоятельно всю эту исторію съ злополучнымъ освидѣтельствованіемъ копій и его послѣдствіями. Подписана она была 10-го февраля 1764 г. [2]) въ отсутствіи войта, который находился въ теченіи всего февраля мѣсяца въ Глуховѣ. Для пополненія вышеупомянутаго разсказа, я передамъ здѣсь существенное содержаніе этой жалобы, придерживаясь текста ея и опуская повторенія, обычныя титулованія и т. п. „Минувшаго 1763 г. декабря 11-го дня войтъ,— писали урядники—первѣе чрезъ потыжниковъ, а потомъ и самоперсонально, будучи въ магистратѣ, отдалъ словесной свой приказъ, чтобъ какъ всѣ чиновники магистратскіе, такъ и мѣщанство декабря на 12-е число собрались въ магистратѣ, а зачѣмъ

щемъ опредѣленіи аппробацію въ тотъ чинъ. Но помянутый войск. канц-тъ, вступя въ должность писарскую въ маг-тѣ кіев., не токмо не старался оказать достойнымъ себя того званія и рекомендаціи у в. яв., но своими худыми съ нѣкоторыми бездѣльниками умышленіями навелъ на меня отъ народа негодованіе и, не радя по должности своей о дѣлахъ, привелъ оныя въ крайній непорядокъ и тѣмъ приводилъ меня къ отвѣту у в. яв. неоднократно. Къ тому-жъ оной Д—скій по чину моему неприличніе грубости и ослушности оказываетъ и, по своей должности, какъ въ представляемихъ къ слушанію дѣлахъ, такъ и въ присутственномъ мѣстѣ, съ крайнимъ пренебреженіемъ чести и чина моего всегда поступаетъ, къ чему и прочихъ урядниковъ и ему единогласниковъ приводитъ и наущаетъ, чрезъ что крайнѣйшую я себѣ чувствую обиду и поношеніе. Того ради всенижайше прошу в. яв. повелѣть въ оной маг-тъ кіев. опредѣлить изъ войск. канцеляристовъ надежнаго честнаго и исправнаго человѣка въ должность писарскую, дабы я, видя его во всемъ доброе поведеніе, могъ съ проч. урядниками несумнѣнно, учиня на тотъ чину ему выборы, просить у в. яв. высокой о настоящемъ опредѣленіи конфирмаціи."

[1]) См. Кіев. Стар. 1886 г. Декабрь.

[2]) Подписали ее пять бурмистровъ: Василій Балабуха, Василій Гудимъ, Семенъ Козельскій, Аѳанасій Александровичъ и Козьма Кулешъ и одинъ райца Иванъ Силенко-Нечай.

именно—про то ничего не обьявилъ; чему всѣ обще повинуясь когда собрались въ магистратъ, то застали въ судовой конторѣ какъ самого войта, такъ еще и присланнаго изъ Глухова старш. войск. канцеляриста Осипа Туманскаго, гдѣ сперва предъ нѣкоторыми изъ насъ, бурмистрами и райцами, объявленъ и вычитанъ его сіятельства ордеръ объ отставкѣ писаря магистратскаго Давидовскаго отъ писарства по причинѣ яко бы его войту непослушанія и въ должности неисправности и объ опредѣленіи на онаго Давидовскаго мѣсто иного писаря изъ войсковыхъ канцеляристовъ Михаила Кузминскаго; потомъ предъ тѣми же бурмистрами и райцами объявя и другой е. с. ордеръ о сводѣ и освидѣтельствованіи имъ прежде отправленныхъ изъ магистрата копій съ крѣпостей (якіе при томъ ордерѣ обратно присланы) съ имѣющимися въ магистратѣ ихъ оригиналами, Сычевскій и Туманскій, такъ еще и аблшитованнаго полкового асаула Павла Гудима сынъ Иванъ и войск. канцеляристъ Катериничъ, невѣдомо зачѣмъ тогда въ магистратѣ бывшіе, пошедъ въ скарбовую избу, велѣли бывшіе тамо сундуки съ крѣпостьми внесть въ судовую контору.“ При этомъ Туманскій писаря Давидовскаго „выслалъ вонъ изъ магистрата, о чемъ собравшееся, по приказу войта, мѣщанство извѣстясь и не вѣдая тому точной причины, когда вошли въ судовую контору для спросу о той перемѣнѣ, то увидѣли тамо, что Туманскій съ асаулинымъ сыномъ Иваномъ отомкнувъ оные сундуки переворачивали и перекидывали не только привилегіи королевскія и гетманскіе универсалы, но и высочайшія государственныя грамоты, какъ бы чего другого между оними доискуясь“ [1]). На требованіе по этому

[1]) Что войтъ съ Туманскимъ „доискивались“ какихъ то универсаловъ, съ которыхъ яко бы копіи списаны не были и не отправлены къ гетману, это видно и изъ собственныхъ объясненій войта, который самое возмущеніе урядниковъ и цехмистеровъ объяснялъ тѣмъ, что они боялись наказанія за неотсылку этихъ копій, „а больше предразсуждая, что магистратъ и все мѣщанство по онымъ *утаеннымъ гетманскимъ универсаламъ* въ точной у прежнихъ гетмановъ командѣ были и *имъ уже невозможно будетъ отъ команды его сіятельства отбитись*“, потому де и подняли крикъ. Хотя въ данномъ случаѣ, быть можетъ, и не таковы были мотивы у мѣщанства, но что „отбитись отъ команды“ гетмана настойчиво оно желало—это ясно видѣлъ Сычевскій.

поводу со стороны мѣщанства объясненій, войтъ приказалъ Катериничу прочитать гетманскій ордеръ объ отрѣшеніи Давидовскаго отъ должности, „а другого ордера о крѣпостяхъ сперва не только имъ не объявлено, но еще за требованіе ихъ о томъ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ, по войтовскому и Туманскаго приказу, выведено изъ конторы съ нечестію вонъ, послѣ же того, по единогласному всего мѣщанства востребованію, всилу дозволили новому писарю Кузминскому выше писанный о крѣпостяхъ ордеръ предъ обществомъ вычитать. Однакъ скоро по вычетѣ оного, единственно для народнаго устрашенія и смущенія, сысканъ отъ нихъ, Сычевскаго и Туманскаго, въ магистратъ и сотникъ кіевскій Михайло Гудимъ съ вооруженными своими козаками, съ которыми магистратъ съ давнихъ временъ безпрестанную имѣетъ приказную ссору, и при томъ они жъ, войтъ и Туманскій, запечатавъ своими печатьми сундуки съ крѣпостми и ключи отъ сундуковъ взявши, отдали тѣмъ козакамъ всѣ въ сундукахъ крѣпости подъ караулъ, сами же изъ магистрата отойшли“. Видя во всемъ этомъ „явной всему городу и цѣлостямъ нашимъ вредъ, пачежъ еще и опасеніе дабы тѣмижъ козаками крѣпости изъ магистрата не унесены“, урядники посылали къ войту и Туманскому, заявляя, что „вчатой ими поступокъ цѣлостямъ градскимъ вредной“, и просили перенести непремѣнно сундуки въ скарбовую избу и снять караулъ. Только поздно вечеромъ войтъ прислалъ Ивана Гудиму съ разрѣшеніемъ перенести сундуки, но при этомъ они были Гудимомъ запечатаны печатью Туманскаго, а при скарбовой избѣ оставленъ караулъ, и „козаки поочередно такъ крѣпко караулили, что и рочное правленіе экономіи гродской содержащихъ туда не пустили; словомъ заключить, всѣ цѣлости гродскія, всю сумму доходовъ магистратскихъ и протчое въ той избѣ содержимое самовольно насильственнымъ образомъ заарествовали“.

Два дня затѣмъ не появлялись войтъ и Туманскій въ магистратѣ, а 15-го декабря прибыли съ намѣреніемъ приступить къ освидѣтельствованію копій [1]), для чего и приказали пере-

[1]) Событія этого то дня, 15-го декабря, и разсказаны въ упомянутой выше статьѣ „Кіевскія смуты“, согласно донесенію Сычевскаго.

нести сундуки изъ скарбовой въ судейскую камеру. Тогда рочный райца Θедоръ Ризенко „со всякою учтивостію сказалъ, что лучше бы пойтить въ скарбовую избу и тамо, чего надобно, съ крѣпостей свидѣтельствовать, нежели дѣлать переноску съ мѣста на мѣсто; Туманскій причтя себѣ тое въ нѣякуюсь противность и не почитая судовой конторы при государственномъ зерцалѣ, ругалъ его, Ризенка, и называлъ плутомъ, да хотѣлъ еще и подъ караулъ кіевскимъ козакамъ его отдать и принуждалъ паки внесть туда сундукъ съ гетманскими универсалами; а по приноскѣ поставлено и при судовой конторѣ у дверей козачій караулъ; съ чего предстоявшій народъ въ немалое упалъ смущеніе, о чемъ и сами они, войтъ и Туманскій, довольно примѣтивъ, изъ магистрата отойшли и ключи отъ сундуковъ отдали правящимъ бурмистру и райцѣ и козачій караулъ сняли; и тогда уже собравшійся народъ, отложа все сумнительство и смущеніе, разошлись отъ магистрата по домамъ и больше къ магистрату не собирались. И такъ они, войтъ и Туманскій, тѣмъ весь городъ въ смущеніе и смятеніе привели, а повелѣнного освидѣтельствованія копій съ оригиналами не учиня, изъ нихъ первѣе Туманскій въ Глуховъ, а потомъ и войтъ въ Хороль къ тестю своему отъѣхали". Магистратскіе чиновники и съ своей стороны послали къ гетману обо всемъ происшедшемъ донесеніе, которое и подписали болѣе полутораста человѣкъ гражданъ.

„Того жъ декабря 31-го дня рано нарочные кіевскіе и другіе козаки нечаяннымъ образомъ, какъ бы по важному какому дѣлу, бурмистра Василія Балабуху, шафарей Осипа Козельскаго и Герасима Кувичинскаго, лавниковъ Илію Скребѣцкаго и Луку Лятушевича, шафара пивного Матвѣя Коробку, инстигатора Гаврила Ядрилу и мѣщанъ Артема Андреева, Романа Чишинича и Семена Балабуху,—иныхъ изъ торговыхъ лавокъ, другихъ на базарѣ и по улицамъ, прочихъ же изъ домовъ подхвативъ, привели въ домъ абшит. полк. асаула Павла Гудима предъ бывшаго тамо на квартирѣ нарочно присланнаго генеральнаго асаула Ивана Скоропадскаго, кой, объявя всѣмъ его сіятельства унѣверсалъ о взятіи какъ ихъ всѣхъ, такъ еще

и рочнихъ праздщихъ бурмистра Козьму Кулеша и райцу Өедора Ризенка, такожъ писаря Давидовскаго, лавника Василя Ризенка, инстигатора Василя Копистенскаго и мѣщанъ Григорія Кривобока и Якова Булавинца, и присылкѣ въ Глуховъ подъ найкрѣпчайшимъ карауломъ (изъ коихъ тогда Давидовскій, Василь Ризенко и Копистенскій, Кривобокъ и Булавинецъ въ отлучкахъ изъ Кіева были) отдалъ онихъ всѣхъ подхваченнихъ кіевскому козачему сотнику Михайлу Гудиму подъ караулъ, которой потому содержалъ ихъ въ козачей судовой избѣ; а генваря 2-го въ самую глубокую полночь, какъ ихъ, такъ еще и бурмистра Кулеша и райцу Ризенка, да явившихся съ отлучокъ лавника Ризенка жъ и инстигатора Копистенскаго, отправилъ на ихъ собственномъ коштѣ, за многочисленнымъ козачимъ конвоемъ, въ Глуховъ, а послѣ, тогожъ генваря 2-го д., за силу того жъ унѣверсала, всѣ безъ остатка высокомонаршія, всемилостивѣйше магистрату кіевскому и мѣщанству жалованныя, грамоты, королевскія привилегіи, гетманскіе унѣверсалы и протчія крѣпости забравъ съ собою, отъѣхалъ въ Глуховъ для представленія его сіятельству. Войтъ же Сычевскій, хотя за нимъ, какъ объявлялъ Скоропадскій, нарочный изъ генер. войс. канцеляріи посыланъ ни въ Кіевъ, ни въ Глуховъ къ очной ставкѣ, чувствуя свою неправость, не явился“.

„По привозѣ же вышеписанныхъ чиновниковъ и мѣщанъ кіевскихъ того жъ генваря 6-го дня рано въ Глуховъ, сперва всѣхъ въ одномъ постояломъ домѣ подъ карауломъ содержано до самой ночи, а ночью противъ 7 числа чрезъ посланнихъ жолдановъ побрато и порознь, иниxъ по квартерамъ, другихъ въ жолдачнихъ избахъ, прочихъ же между колодниками розсажено подъ найкрѣпчайшій караулъ, и тожъ порознь въ войск. ген. канцелярію за карауломъ приводя, допрашивано по заготовленнимъ пунктамъ, при чемъ по болшой части дѣйствовалъ самъ Туманскій и, чимъ оные чиновники и мѣщане себя оправдали, того онъ воспящалъ имъ говорить и писать только тое, что слѣдовало къ ихъ обвиненію принуждалъ съ произнесеніемъ притомъ многихъ бранныхъ рѣчей и разныхъ угроженій и похвалокъ; каковое произвожденіе допросовъ продолжалось денно

и ночно того жъ генваря до 8 числа, а оного числа, изготовивъ еще по прихоти своей и повинное его сіятельству отъ ихъ доношеніе, на ономъ и на вышеписанныхъ допросахъ подписатись всѣхъ, хотя нѣкоторыя и не хотѣли, принудилъ, и съ тѣмъ всимъ представлено ихъ его сіятельству, почему сперва послѣдовала была е. с. резолюція—всѣхъ публично плетьми наказать и лишить чиновъ, а послѣ, оного жъ генваря 9-го числа, при самомъ уже его сіятельства выѣздѣ изъ Глухова въ С.-Петербургъ, тое тѣлесное наказаніе, по прошенію генеральной старшины, отставлено, и только самихъ чиновъ лишено, кромѣ бурмистровъ Балабухи и Кулеша, за глубокую онихъ старость, да инстигатора Копистенскаго и Семена Балабуху за неподписаніе ихъ на поднесенномъ нами его с—ву представленіи, на которомъ больше полтораста человѣкъ подписались, которые потому при своихъ чинахъ по той же резолюціи остались. Да при отпускѣ оныхъ чиновниковъ изъ Глухова изъ забратыхъ магистратскихъ крѣпостей едни только высокомонаршія грамоты сполна всѣ отданы, а съ привилегіевъ королевскихъ удержано числомъ двѣнадцать, въ томъ числѣ 5 на латинскомъ, а 7 на польскомъ діалектахъ, да листъ канонѣковъ кіевскихъ о невзиманіи съ мѣщанъ мита 1616 года октября 15 д., и одинъ королевскій привилей въ ген. войск. канцеляріи невѣдомо гдѣ потерянъ, тако жъ гетманскихъ универсаловъ сто дванадцать съ сундукомъ магистратскимъ взято въ С.-Петербургъ въ походную е. с. канцелярію".

Признавая такое отношеніе къ своимъ чиновникамъ результатомъ несправедливаго доноса Сычевскаго, изобразившаго событія 15-го декабря какъ „явное возмущеніе" народа яко бы по наущенію самихъ чиновниковъ, тогда какъ самъ былъ во всемъ виновенъ, магистратъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что гетманъ этому доносу повѣрилъ и „призналъ за противность высочайшей Е. И. В. власти, ввѣренной же его сіятельству командѣ неповиновеніе", а представленіе магистрата, тогда же посланное „отъ всего гражданства въ самой точной справедливости", призналъ за „ябедническія извиненія". Въ заключеніе магистратъ просилъ „невинно лишеннымъ чиновъ всѣмъ по

прежнему чины ихъ привратить, войта же Сычевскаго отъ войтовства и насланнаго, въ нарушеніе всѣхъ крѣпостей и цѣлостей нашихъ, писаря Кузмѣнского отъ писарской должности отрѣшить, на мѣсто же его вольными голосами иного изъ здѣшнихъ мѣщанъ выбрать дозволить, якожъ никогда ниотколь никакіе чиновники, въ томъ числѣ и писарь, въ магистратъ кіевскій насыланы не были—и какъ съ онымъ войтомъ, такъ и съ Туманскимъ, за выпеписанной ихъ дерзостной самовольной поступокъ и напрасное на чиновниковъ его сіятельству представленіе и послѣдовавшое чрезъ то онимъ озлобленіе, страданіе невинно подъ карауломъ, лишеніе чиновъ, безчестіе, убытокъ и разореніе,—учинить въ силѣ Е. И. В. указовъ; особливо же, кому надлежитъ, повелѣть удержанныя напрасно королевскія привилегіи паки въ магистратъ возвратить".

Но раньше полученія въ пр. Сенатѣ этой третьей жалобы магистрата на своего войта послѣдовало освобожденіе Кіева отъ власти гетмана, а по прежнимъ двумъ жалобамъ состоялся 4-го марта 1764 г. на имя кіевскаго генералъ-губернатора Ивана Ѳед. Глѣбова указъ пр. Сената, въ которомъ было прописано: „какъ уже именнымъ Е. И. В. указомъ, писаннымъ собственною Е. И. В. рукою на докладѣ отъ Сената генваря 3-го дня сего 1764 г., повелѣно г. Кіева магистрату и мѣщанамъ быть въ содержанія по жалованнымъ грамотамъ государя императора Петра Великаго, съ таковымъ еще прибавленіемъ, чтобы оной магистратъ и мѣщане въ своихъ дѣлахъ имѣли апелляцію у кіевскаго генералъ-губернатора, того ради означенныя кіев. магистрата доношенія, отослать на разсмотрѣніе и рѣшеніе къ вамъ, генералъ-аншефу и кіевскому генералъ-губернатору, при указѣ и велѣть, ежели вамъ по разсмотрѣніи чего собою рѣшить не можно будетъ, то бъ вы представили въ пр. Сенатъ съ приложеніемъ своего мнѣнія".

Теперь магистратъ кіевскій пріободрился и встрѣтилъ своего войта, при появленіи его въ магистратѣ, явно враждебно. Сычевскій, зная уже о послѣдовавшемъ указѣ, обратился теперь и съ своей стороны съ жалобой къ генералъ-губернатору, заявляя, что „за нападеніями и шумами необичними" онъ и дол-

жности своей въ магистратѣ отправлять не можетъ, „и въ худомъ случаѣ крайнюю опасность имѣетъ". Въ доношеніи своемъ онъ сообщалъ, что, когда онъ 2-го апрѣля явился въ магистратъ „для исполненія дѣлъ и окончанія колодничихъ и челобитческихъ исковъ", то рочный бурмистръ Семенъ Козельскій „съ немалою яростію и шумомъ при зерцалѣ выговаривалъ: я де твоихъ ордеровъ и опредѣленіевъ ни въ чемъ не слушаю, понеже ты высокомонаршихъ грамотъ и цѣлостей города Кіева нарушитель, съ пріумноженіемъ досадительныхъ и ругательныхъ словъ, причемъ прискоча мѣщанинъ Василь Ризенко съ таковою жъ яростію и съ укорительствомъ требовалъ отъ меня отдачи яко бы арестованныхъ мною собственныхъ его денегъ и о протчемъ, да мѣщанинъ Гавріилъ Ядешло, по требованію моему, по нѣкоторой градской надобности имѣющихся въ магистратѣ гродскихъ крѣпостей и копій, протестовалъ предъ всѣми урядниками, запрещая онихъ давать, сказывая съ яростію: мы де имѣемъ съ тобою приказную ссору; и увидя таковыя необычайныя, послѣдовавшія на меня нападенія, дабы съ того не приключился мнѣ каковой худой случай, принужденъ изъ засѣданія моего встать и опротестовать рочному райцѣ и приказнымъ канцеляристамъ, и отъ таковыхъ затѣенъ, оставя всѣ дѣла, изъ магистратской палаты отъишелъ".

Генералъ-губернаторъ Глѣбовъ, присоединивъ и это доношеніе, отправилъ полученныя имъ изъ пр. Сената двѣ магистратскія жалобы къ коменданту кіевскому полковнику Алексѣю Ермолову и поручилъ ему, выбравъ въ помощь себѣ „способнаго къ тому" штабъ-офицера, произвести слѣдствіе по взаимнымъ жалобамъ „всего гражданства" и войта Сычевскаго, о чемъ далъ знать и магистрату. Ермоловъ же представилъ, что „по великости тѣхъ дѣлъ въ произвожденіи оныхъ съ однимъ штабъ-офицеромъ исправиться невозможно", а потому Глѣбовъ разрѣшилъ ему выбрать по своему усмотрѣнію еще одного. Такимъ образомъ слѣдственная комиссія составилась изъ Ермолова, подполковника Петра Синельникова, секундъ-маіора Ефрема Гущина и гарнизоннаго аудитора Ивана Андреева. Дѣло, очевидно, принимало неблагопріятный оборотъ для войта, которому

приходилось являться въ коммиссію въ роли отвѣтчика. Желая въ свою очередь быть обвинителемъ, онъ подалъ въ кіев. губ. канцелярію написанное имъ 19-го апрѣля на высочайшее имя обширное доношеніе въ 25-ти пунктахъ о „непорядкахъ“ въ городскомъ хозяйствѣ.

Доношеніе это являлось уже, очевидно, несвоевременнымъ и, какъ видно изъ слѣдственнаго производства, роли обвинителя Сычевскому не доставило, такъ какъ по немъ и разбирательства не было. Но доношеніе это представляетъ не малый интересъ, характеризуя до извѣстной степени тогдашнее городское хозяйство и способы его управленія, а потому и привожу его цѣликомъ въ приложеніи.

Той же коммиссіи, которой предстояло производить слѣдствіе по жалобамъ магистрата на войта Сычевскаго, поручено было и разслѣдованіе дѣла „о боѣ кіевской сотни козаками кіев. магистрата урядника Киселевскаго и о шинкованіи оной же сотни сотникомъ, сотенною старшиною и козаками хлѣбнымъ виномъ“, при чемъ къ этому слѣдствію былъ опредѣленъ и депутатъ „съ малороссійской стороны“ бунчуковый товарищъ Григорій Иваненко.

VII.

11-го мая 1764 г. состоялось первое засѣданіе слѣдственной коммиссіи для предварительнаго ознакомленія съ порученнымъ ея разбирательству дѣломъ. Главнымъ документомъ, изъ котораго надо было исходить, была вторая жалоба магистрата въ пр. Сенатъ отъ 5-го іюня 1763 г. Всѣ подписавшіе эту жалобу особымъ доношеніемъ въ слѣдственную коммиссію довѣряли вести въ ней дѣло ихъ по этой жалобѣ бывшему писарю магистратскому Якову Давидовскому и бывшему же райцѣ Ѳедору Рызенку. Эти повѣренные, равно и войтъ Сычевскій, вызванные 19-го мая въ коммиссію, письменно въ ней заявили, что назначенными слѣдователями они довольны и „подозрѣнія никакова не имѣютъ“, а 24-го мая дали подписку въ томъ, что будутъ являться въ коммиссію ежедневно въ 8 ч. утра впредь до окон-

чанія дѣла; войтъ же Сычевскій при этомъ выдалъ вѣрющее письмо для хожденія по его дѣлу бывшему писарю хорольской сотни Григорію Иванову, но просилъ, чтобы разрѣшено было и ему самому вмѣстѣ съ повѣреннымъ являться въ коммиссію для „сказанія судныхъ рѣчей“. Коммиссія сначала отказала было въ этой просьбѣ, но Сычевскій въ особомъ доношеніи представилъ множество разныхъ статей законовъ, которыя доказывали его право являться самому вмѣстѣ съ повѣреннымъ, а потому коммиссія и должна была согласиться. Только со 2-го іюня началось собственно производство слѣдствія. Въ этотъ день Сычевскій далъ краткій отвѣтъ лишь на одинъ первый пунктъ магистратской жалобы [1]), заявивъ, что де послѣ этого магистратскіе повѣренные должны представить по тому же пункту „доказательства“, на которыя онъ уже затѣмъ будетъ давать „оправданія“. Коммиссія была, какъ видно, въ затрудненіи и не знала, можно ли допустить такой порядокъ производства слѣдствія. Но магистратскіе повѣренные рѣшительно запротестовали, требуя, чтобы, въ силу правъ магдебургскихъ, войтъ давалъ разомъ по всѣмъ пунктамъ жалобы свои отвѣты, и что только тогда повѣренные магистрата будутъ представлять по всѣмъ же пунктамъ свои доказательства. Потребована была изъ магистрата справка изъ „Книги порядка“, согласно съ которой коммиссія и рѣшила потребовать отъ Сычевскаго отвѣта на всю совокупность заключающихся противъ него въ магистратской жалобѣ обвиненій. Сычевскій долженъ былъ подчиниться и давалъ свои отвѣты съ 3-го по 10-ое іюня, разбивъ ихъ на 32 пункта, по которымъ уже магистратскіе повѣренные и представляли свои доказательства съ 15-го іюня по 6-ое іюля. Затѣмъ Сычевскій, когда 21-го іюля былъ приглашенъ въ коммис-

---

[1]) Отвѣтъ этотъ, заключая простое отрицаніе кратко и въ общихъ словахъ выраженнаго въ первомъ пунктѣ магистратской жалобы обвиненія противъ войта, формулированъ былъ Сычевскимъ весьма искусно, именно такъ: „кіевскаго магистрата урядниковъ и мѣщанъ, *честныхъ и въ винностяхъ не явившихся*, ни въ домѣ, ни въ магистратѣ при зерцалѣ напрасно отвѣтчикъ не безчестилъ и не ругалъ и, положивши всѣхъ въ шеренгу, *безвинно* кіями бить не похвалялся и плетьми не билъ“.

сію, сталъ просить о назначеніи ему каникулярнаго срока, и хотя магистратскіе повѣренные представляли извѣстныя статьи магдебургскаго права, по которымъ такого срока давать ему не слѣдовало, срокъ этотъ все таки былъ данъ и коммиссія возобновила производство дѣла лишь 25-го августа, пославъ повѣстки обѣимъ сторонамъ. Сычевскій заявилъ, что онъ по болѣзни явиться въ засѣданіе не можетъ, и коммиссія по освидѣтельствованіи признала его дѣйствительно больнымъ. Но, видно, генералъ-губернаторъ не совсѣмъ этому довѣрялъ, а потому 27-го августа предписалъ коммиссіи больше истекшаго Сычевскому сроку уже не давать. Тѣмъ не менѣе только съ 6-го сентября началъ Сычевскій давать на доказательства магистратскихъ повѣренныхъ свои оправданія, что и тянулось почти три мѣсяца—по 2-е декабря.

Этимъ, собственно говоря, и можно было бы закончить слѣдствіе, такъ какъ данными до сихъ поръ показаніями обѣихъ сторонъ исчерпывалась вся сущность дѣла. Оставалось коммиссіи самой произвести провѣрку представленныхъ данныхъ, дать присягу тѣмъ лицамъ, на которыхъ обѣ стороны дѣлали ссылку, и можно было бы рѣшить—въ чемъ кто правъ, кто виноватъ. Но слѣдствіе тянулось еще почти два года и кончилось совсѣмъ безъ такого рѣшенія...

Пользуясь показаніями обѣихъ сторонъ, попытаюсь изложить тѣ свѣдѣнія, какія можно извлечь изъ нихъ, объ обстоятельствахъ, порождавшихъ несогласія между войтомъ и магистратомъ и давшихъ основаніе этому послѣднему просить объ отрѣшеніи войта отъ должности.

Свѣдѣнія эти, вмѣстѣ съ помѣщаемыми въ приложеніи жалобами магистрата и войта Сычевскаго, могутъ дать представленіе о городскомъ хозяйствѣ и управленіи, равно и о нѣкоторыхъ „правахъ и обычаяхъ“ кіевлянъ того времени.

а) Обвиняя войта *въ грубомъ обращеніи* его съ урядниками и мѣщанами, магистратскіе повѣренные представили большой перечень случаевъ такого обращенія; но войтъ всѣ эти случаи объяснялъ тѣмъ, что упомянутыя лица заслуживали почему либо выговора и наказанія. Такъ, по его словамъ, почтоваго

урядника Балицкаго бранилъ онъ за то, что тотъ, „какъ и протчіе урядники магистратскіе имѣя себѣ данные отъ войта ордеры во огорченіе и чтобъ войту по онымъ ордерамъ учинить подлогъ“, часто медлилъ, въ отпускѣ лошадей, дѣлалъ задержки проѣзжающимъ курьерамъ, ссылаясь на необходимость дѣлать докладъ войту, и являлся къ войту всегда пьянъ, а „многіе рейторы въ потребное время на почтѣ сыскать его не могли“, жаловались войту, который, чтобы самому не отвѣчать за „медлительное отправленіе курьеровъ, не утерпѣлъ“ изругать его, „сказывая—долго ли де мнѣ съ вами мучиться, при чемъ и дубьемъ бить похвалялся“. Не отрицалъ войтъ и того, что бранилъ и похвалялся бить кварталоваго урядника Коробчевскаго, но оправдывалъ себя тѣмъ, что Коробчевскій самъ съ грубою бранью отказалъ войтовой женѣ въ пустой услугѣ, говоря—„не дождетъ де войтъ больше у насъ войтовать“. Тотъ же Коробчевскій былъ не исправенъ въ „выдачѣ смотрителю фонтала Донцу волны“, не сдѣлавъ своевременно доклада объ этомъ въ магистратѣ, а затѣмъ „когда ни приносилъ къ войту недѣльные репорты о расходѣ съ кварталу, то за одно упрямство ни въ чемъ исправно не показывалъ, а на остатокъ и оныхъ репортовъ по упрямству не сталъ подавать“.

Словомъ, войтъ увѣрялъ, что вообще „бранилъ и штрафовать похвалялся“ урядниковъ магистратскихъ „не безвинно, но за ихъ ослушности и продерзости“. Что же касается до наказанія плетьми мѣщанина Тедрины, котораго, какъ заявляли повѣренные магистратскіе, онъ въ 1756 году, скоро по прибытіи своемъ въ Кіевъ, „безъ всякаго судового разсмотрѣнія и опредѣленія приказалъ бить какъ вора плетьми нещадно“, то Сычевскій далъ такое объясненіе: по словесному въ магистратъ представленію медоваго шафара Іосифа Васильева Гудима, мѣщанинъ Иванъ Тедрина за купленный у него шафаремъ для магистрата медъ сырецъ не только упрямился принимать данные ему „двукопѣешники“, но и народъ смущалъ, совѣтуя не брать ихъ, тогда какъ объ изъятіи изъ обращенія этой монеты указъ еще публикованъ не былъ; призванный въ магистратъ, Тедрина и здѣсь „показалъ противность и шумѣлъ“,

отказываясь брать двукопѣешники, а потому „*по согласію* войта и годовыхъ бурмистра и райцы, наказать плетью приказывалъ", имѣя при этомъ въ виду и то, что де „въ привилегіи короля польского Жигмунта 1544 г. марта 10, между прочимъ, дана власть войту мѣста Кіева всѣ дѣла кременальныя и поточныя судити и винныхъ наказывать".

б) Обвиняя войта въ *излишнихъ пользованіяхъ изъ магистратскихъ суммъ*, магистратскіе повѣренные указывали на то, что уже на первыхъ порахъ своего войтовства, еще не являясь къ должности, проживая въ Москвѣ и Петербургѣ, Сычевскій широко пользовался магистратскими средствами. „Что же онъ, войтъ, показалъ, яко прежде его бывшіе кіевскіе войты для полученія на чинъ грамотъ жили на коштѣ магистратскомъ, то и то ему не въ резонъ, потому что тѣ бывшіе войты съ чиновниками магистрата отъѣзжали не для единаго только полученія на чинъ свой грамотъ, но и за другими магистратскими и гражданскими дѣлами, въ разсужденіи коихъ дѣлъ и коштъ имъ отъ магистрата данъ"; Сычевскій же, проживая въ столицѣ въ ожиданіи грамоты на свой чинъ, не исходатайствовалъ по городскимъ дѣламъ никакой полезной для города резолюціи только лишь „чрезъ свое нестарательство".

Что же касается до покупокъ для войта изъ квартала, то Сычевскій утверждалъ, что такія покупки были рѣдки и дѣлались по совѣту правящихъ бурмистра и райцы для пріема въ торжественные дни чиновниковъ магистратскихъ. Повѣренные же магистрата, ссылаясь на расходныя книги, указывали на цѣлый рядъ покупокъ, сдѣланныхъ единственно по требованію войта и для собственнаго его и „приватныхъ его гостей употребленія", какъ то: въ 1756 г. на 22 р. 41 к., въ 1757-мъ—на 1 р. 32 к., въ 1759 г. на 7 р. 30 к. Кромѣ такихъ покупокъ войтъ изъ магистрата бралъ презенты: „въ 1756-мъ году полотна голендерскаго штуку въ 22 р. и денегъ 80 р., того жъ году марта 30-го на именинны свои 20 р., въ 1757 г. тожъ на именинны свои полотна голендерскаго штуку въ 22 р., въ 1759 и 1761 гг. на именинны по 20 р., да того жъ 1759 г., по пріѣздѣ изъ Чернигова, гдѣ тогда заручилъ было себѣ невѣсту

штуку голанд. полотна въ 20 р., послѣ свадьбы своей, за пріѣздомъ изъ Хороля съ женою въ Кіевъ, штуку полотна въ 20 р., на именинны жены своей въ 1761 г. сентября 17 д. полотна батисту въ 4 р. 50 к. Что же онъ, войтъ, показалъ, яко таковые презенты изъ оного магистрата бралъ безъ всякаго вымогательства, то и то ему ни въ какой резонъ, потому что во 1-хъ онъ изъ такова приказу, гдѣ самъ первое у правленія имѣетъ мѣсто и получаетъ изъ оного какъ годовой юргельтъ, такъ и акциденціи,—брать тѣхъ презентовъ не долженъ былъ, 2) что прошлого 1762 г., по прибытіи своемъ изъ С.-Петербурга, хотя въ день тѣхъ своихъ именинъ здѣсь въ Кіевѣ и не былъ, однако у правящихъ того года бурмистра В. Гудима и райцы Силенка-Нечая въ судейской избѣ при зерцалѣ требовалъ, дабы оные за тѣ его именинны ему дали 20 р., увѣряя ихъ, чтобъ они за то ничего не опасывались, ибо де и прошедшихъ годовъ таковыя деньги въ день именинъ его ему даваны, почему оные бурмистръ и райца принуждены оныя деньги 20 р. ему и дать". Въ оправданіяхъ своихъ войтъ Сычевскій не отрицалъ уже, что расходы изъ квартала для него дѣлались, но говорилъ, что „въ томъ винности за собою не признаетъ по тому резону, что не точію предъ нимъ войтомъ, яко то Полоцкому и Войничу, но и годовымъ бурмистру и райцѣ, тако жъ магистратскому писарю Рогуцкому, отъ магистра изъ кварталу ежеденно исправленіе на столъ ихъ давано, почему и ему, войту, по прежнему обыкновенію, съ совѣту и согласія годовыхъ бурмистра и райцы, *по требованію его, войта*, кварталовые урядники производженіе и исправленіе на столъ его учинили; сверхъ же того, ни по какимъ домогательствамъ, но изъ доброй воли, каковы приносили презенты изъ магистрата, оные войтъ принималъ и благодарилъ, для того что они, истцы, и бывшіе предъ ними бурмистры и райцы прежнимъ войтамъ и кому прилично было изъ магистратскаго кошту разными вещами презентовали и презентуютъ; въ 1762 г. у тогдашнихъ годовыхъ бурмистра и райцы о именинныхъ деньгахъ только припоминалъ, а не требовалъ, и по добровольному ихъ согласію тѣ 20 р. они ему выдали, потому что магистратскіе урядники о дачѣ въ именинны войту

штуки полотна или за оную денегъ 20 рублевъ между собою словесно уставили было, которое установленіе онъ, войтъ, отставилъ 1763 году мая 1-го дня". Отдавая все это на присягу урядникамъ или самому себѣ, войтъ прибѣгаетъ къ любопытному оправданію себя, улавливая, такъ сказать, магистратскихъ урядниковъ въ противорѣчіи самимъ себѣ: они вѣдь, говоритъ онъ, утверждаютъ, что войтъ не долженъ вмѣшиваться въ управленіе экономіей, которою сами они должны распоряжаться, слѣдовательно, „и презенты производятъ по своему усмотрѣнію", а онъ тутъ ни при чемъ.

в) Обвиненіе въ *пользованіи почтовыми лошадьми* безъ уплаты прогоновъ и подводами мѣщанъ кіевскихъ и подгородныхъ повѣренные магистратскіе подкрѣпляли при слѣдствіи обстоятельнымъ перечисленіемъ за всѣ годы войтовства тѣхъ случаевъ, когда Сычевскій бралъ для своихъ частныхъ поѣздокъ мѣщанъ иногда человѣкъ по шести съ собственными ихъ лошадьми, равно и лошадей почтовыхъ, причемъ поѣздки эти бывали иногда довольно продолжительны—иногда больше мѣсяца. Особенно часто ѣздилъ войтъ самъ или посылалъ къ тестю своему въ Хоролъ. Такъ напр. въ январѣ 1760 г., ѣдучи съ женой въ Хоролъ, войтъ взялъ трехъ мѣщанъ, которые и пробыли съ нимъ пять недѣль въ поѣздкахъ; а въ 1761 г. въ маѣ мѣсяцѣ четыре недѣли ѣздили съ войтомъ въ Ахтырку, Коплуновку и Никитовку пять человѣкъ мѣщанъ, изъ которыхъ одинъ, „что за купечествомъ своимъ вскорѣ въ ту дорогу прибраться не могъ, будучи сысканъ, по приказу войта, держанъ на почтѣ подъ карауломъ"; въ августѣ того же года шесть мѣщанъ проѣздили съ войтомъ и по его посылкамъ три недѣли; поѣздки въ Глуховъ продолжались не меньше четырехъ недѣль; причемъ и такіе случаи бывали, что командируемый войтомъ мѣщанинъ принужденъ бывалъ нанимать за себя другого. Сычевскій же утверждалъ, что всѣ эти люди ѣздили съ нимъ или по приказамъ годовыхъ урядниковъ или „по его прошенію, по доброй своей волѣ" и жалобы на него не заносили; какъ доказательство, между прочимъ, онъ представилъ ордеръ бурмистра Тихоновича и райца Кузьмы Кулеша о поѣздкѣ съ нимъ мѣщанъ

и, хотя повѣренные заявляли, что и этотъ ордеръ данъ по приказу войта, онъ считалъ, что относительно всѣхъ случаевъ, перечисленныхъ повѣренными и отданныхъ ему на присягу, ему „надъ письменной оного ордера доводъ присягать по праву не доводится“. По поводу заявленія магистратскихъ повѣренныхъ, что упомянутые мѣщане не жаловались изъ боязни, чтобы онъ „яко командиръ, какова отмщенія надъ ними не учинилъ или къ вящшему какому не подвергль озлобленію“, Сычевскій дѣлаетъ интересную характеристику кіевскаго мѣщанства, его „завзятости“.

Признавая такое заявленіе повѣренныхъ несправедливымъ, онъ говоритъ, что „по свирѣпости здѣшнихъ магистратскихъ урядниковъ и мѣщанъ противъ всѣхъ малороссійскихъ жителей, безъ воли и соизволенія оныхъ урядниковъ и мѣщанъ, притомъ же и безъ прошенія оного войта, по одному приказу его, не точію онъ, войтъ, могъ бы ихъ, мѣщанъ и реестровыхъ, тако жъ почтовыя лошади магистратскія для себя употребить самовольно, но и первѣйшій генералитетъ по какой приватной надобности своей склонить ихъ не могъ бы, и они бы, магистратскіе урядники и мѣщане, не утерпѣли за малѣйшую какую обиду свою жалобы, гдѣ надлежитъ, представлять, какъ то въ прошломъ 1763 году за взятыя излишне подводы россійскимъ посланникомъ княземъ Долгоруковымъ, во время проѣзду его въ Константинополь, отъ магистрата въ пр. Сенатъ взнесено доношеніемъ съ прошеніемъ удовольствія; да и прежде того, тако жъ и нынѣ, большею частію за одни лишимыя имъ, истцамъ, обиды не малыя докуки пр. Сенату происходятъ“. Указавъ затѣмъ на то, что никто изъ мѣщанъ, ѣздившихъ съ нимъ, не только раньше не протестовалъ, но и на жалобѣ магистратской въ пр. Сенатъ не подписался, Сычевскій утверждалъ, что подписавшіе эту жалобу по одному лишь своему къ нему „недоброхотству, чѣмъ бы могли его, войта, изобидить, въ тотъ искъ свой ихъ, мѣщанъ и реестровыхъ, включили несправедливо, и что раньше дѣйствительно ему „во употребленіи оныхъ мѣщанъ и реестровыхъ, тако жъ и почтовыхъ лошадей, *по тогдашней склонности къ войту,* бывшіе въ тѣхъ годахъ бурми-

стры и райцы, также и почтовые урядники, соглашались и дозволяли, въ томъ во всемъ онъ отдаетъ имъ на присягу“.

г) Что войтъ *пользовался безденежно рыбою* изъ рыбальского цеха—это тоже доказывали повѣренные магистрата цѣлымъ рядомъ случаевъ со ссылкою на цеховыя записи рыбальскихъ ключниковъ, причемъ заявили, что въ 1762 г. жена войта, позвавъ къ себѣ ключника Сердюченка, „за то, что удобной ей рыбы не купилъ, хотѣла его бить плетьми, однакожъ едва прошеніемъ у ее отъ того свободился“. Войтъ же, оправдываясь тѣмъ, что никто ему никогда объ уплатѣ должныхъ имъ за рыбу денегъ не упоминалъ, иначе онъ бы ихъ уплатилъ, относительно ключника Сердюченка объяснялъ, что бить его хотѣли по приговору въ цеховомъ дворѣ, согласно заявленію рыбальскаго старосты Прилуцкого, которому дѣйствительно жаловалась жена войтова на грубость Сердюченка, не только не купившаго на присланныя ею деньги рыбы, но еще выбранившаго ее при посланномъ „матерно, при томъ сказывая срамными словами: пусть де войтова жена нѣчто скушаетъ“; а затѣмъ его и не били, потому что онъ приходилъ къ войтовой женѣ и, „признавая свое невѣжество, просилъ прощенія“.

д) *Что войтъ взималъ дань дегтемъ* съ промышленниковъ истцы доказывали подробнымъ перечисленіемъ случаевъ насильнаго взиманія этой дани, а также сослались на поданную въ апрѣлѣ 1763 г. въ магистратъ жалобу подгородныхъ жителей. На возраженіе же Сычевскаго, видѣвшаго во всемъ этомъ лишь интригу противъ него одних магистратскихъ урядниковъ, что де никто изъ указанныхъ ими лицъ не подписалъ поданнаго на него въ пр. Сенатъ доношенія, повѣренные магистрата отвѣчали, что жалоба указанныхъ дегтярниковъ, какъ и вообще жителей подгородій, заключается уже въ общемъ выраженіи магистратскаго доношенія, что де „нѣтъ въ томъ подгородьи такова двора, которой бы обидимъ не былъ“.

Войтъ же, находя, что все доказательство ихъ по этому поводу „по праву нерезонное“, а потому и присяга по немъ неумѣстна, объяснилъ объ этой дегтевой дани слѣдующее: съ прибытія его, войта, въ Кіевъ, жители Преорки, Сырца и Коре-

нёвщины „безъ всякаго требованія его, сами отъ себя добровольно“ подарили ему одну небольшую бочку дегтю отъ всего общества, а затѣмъ не помнитъ, до женитьбы его давали ли ему ежегодно по такой же бочкѣ; послѣ же женитьбы его тамошніе старосты дѣйствительно собирали для него деготь отъ промышленниковъ дегтевыхъ и „кто что похотѣлъ оного дегтю давали по ковшу или и полное ведро добровольно“, а онъ этого дѣлать старостамъ не приказывалъ, что и даетъ имъ на присягу.

е) *Пользованіе магистратскими средствами для починокъ* разнаго рода строеній въ своемъ хуторѣ Сычевскій оправдывалъ тѣмъ, что этимъ хуторомъ, какъ ранговымъ, онъ владѣлъ временно, и починки въ немъ и постройки производились и при прежнихъ войтахъ на счетъ магистрата по распоряженію рочныхъ бурмистровъ и райцевъ. Истцы же, отрицая это, доказывали, что хуторъ на Преоркѣ дозволено было занять войту Полоцкому въ уваженіе понесенныхъ имъ трудовъ по городскимъ дѣламъ, и Полоцкій на этомъ хуторѣ построилъ на собственный свой счетъ винокурню на 2 или 3 котла и амбаръ для храненія хлѣба и водки, а затѣмъ и Войничъ съ разрѣшенія же магистрата, тоже въ уваженіе трудовъ его на пользу города, владѣя тѣмъ хуторомъ, на собственный же счетъ перестроилъ амбаръ на избу, а другую свою избу перевезъ и поставилъ тамъ, и все, что нужно было „оные войты перестраивали и починяли за свои деньги, напротивъ же того войтъ Сычевскій самовольно, безъ и малѣйшаго какова либо ему дозволенія и отводу магистратскаго, тѣмъ хуторомъ завладѣлъ и съ оного, какъ хотя, единственно самъ користовался“, производя и починки на счетъ магистрата; хотя же Сычевскій сослался на опредѣленіе магистрата 1761 г. о починкѣ въ его хуторѣ „мельничной скрыни и лотоковъ“ и о починкѣ избъ и амбаровъ на счетъ магистрата, то опредѣленіе это подписано имъ самимъ, а еслибы бывшіе тогда рочные бурмистры Александровичъ и райца Іосифъ Гудимъ „къ тому какое согласіе имѣли, конечно бъ и сами на томъ опредѣленіи подписались, а хотя бы, паче чаянія, какое въ томъ и было ихъ согласіе, то ему, Сычевскому, ни въ какое оправданіе, потому что

онъ, вѣдая, что у нихъ сумма не какая либо ихъ партикулярная, но магистратская, для таковой партикулярной своей пользы и согласоваться не долженъ, а долженъ былъ объявить всему магистрату".

Сычевскій же, возражая, что де и въ такомъ случаѣ виноваты сами рочные бурмистръ и райца, не спросившіе согласія всего магистрата, отрицалъ самую „партикулярность" этихъ расходовъ и въ оправданіяхъ своихъ представлялъ, что „какіе ни есть въ окружности города Кіева и внутрь Малой Россіи ранговые чиновничьи угодьи, оные либо жительствующими при тѣхъ угодьяхъ людьми, либо изъ другихъ какихъ доходовъ, а а не коштомъ по рангу содержащихъ тѣ угодья чиновниковъ починяются".

А. Андріевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

V.

Свиданіе съ польскимъ королемъ въ Каневѣ.

24 апрѣля 1787 г. съ галеры „Днѣпръ“ императрица писала къ барону Гримму.

„Я выѣхала изъ Кіева 22 этого мѣсяца, и вотъ уже три дня мы плывемъ по Борисѳену на веслахъ, всѣ здоровехоньки. Новостей для васъ никакихъ не имѣю, кромѣ того только, что изъ всѣхъ моихъ плаваній это едва ли не самое затруднительное, потому что эта рѣка представляетъ столько изгибовъ, такое множество острововъ и островковъ, что до сихъ поръ намъ не приходилось пускать въ дѣло паруса; она гораздо быстрѣе Невы. Теперь мы находимся между двухъ береговъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Польшѣ: польскій берегъ гористъ, а русскій очень низменный. Богъ вѣсть, откуда пойдетъ это письмо. Надѣюсь завтра или послѣ завтра принимать польскаго короля у себя на галерѣ (Русск. Архивъ, 1878, стр. 170).

Статсъ-секретарь Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ.

„25 апрѣля. Пріятное свиданіе съ королемъ польскимъ на галерахъ, предъ Каневомъ“.

Сохранилось въ старинныхъ рукописяхъ любопытное свѣдѣніе о Каневѣ, составленное въ 1795 г.

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1891 г., № 4.

„Мѣстечко Каневъ лежитъ на правомъ берегу судоходной рѣки Днѣпра, на возвышенномъ мѣстѣ не болѣе отъ упомянутой рѣки полверсты, отъ востока и полудня закрывается оно горами; а отъ запада и сѣвера къ рѣкѣ Днѣпру открыто, одна изъ тѣхъ горъ, лежащая на востокъ и возвышеннѣйшая протчихъ называется *Московскою горою*, на ней видны еще и теперь слѣды деревяннаго укрѣпленія, и по увѣренію жителей находили тамъ въ нѣдрахъ земли разныя военныя орудія, подъ сею горою протекаетъ небольшая рѣчка, называемая Дунаецъ, она имѣетъ свое начало отъ двухъ ключей: отъ одного выходящаго изъ горы, къ востоку лежащей, а другаго отъ селенія Яблунева, и, протекая чрезъ самое мѣстечко Каневъ, впадаетъ въ другую рѣчку, называемую *Каневку*, которая выходитъ съ сѣверной стороны вразсужденіи Канева и, протекая подъ самыми почти домами каневскихъ жителей, сливается съ упомянутою рѣчкою Дунайцомъ при горѣ Московской, тамъ впадаетъ въ Днѣпръ, гдѣ нѣсколько ниже есть мѣсто выгодное для пристани небольшихъ судовъ.

Мѣстечко Каневъ существовало въ XI столѣтіи, и было не изъ послѣднихъ; въ 1150 году отъ кіевскаго князя Изяслава посланъ былъ сынъ Мстиславъ для приведенія его въ лучшее состояніе, но князь Мстиславъ сынъ Юрія Владиміровича Долгорукова до того его не допустилъ.

Въ 1155 г. по просьбѣ половцовъ учиненъ въ немъ половецкими и россійскими плѣнниками размѣнъ. Въ 1156 и 1157 году былъ въ немъ съѣздъ россійскихъ князей, гдѣ съ великимъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ и половцами заключенъ былъ миръ; а въ 1239 году татарскимъ ханомъ Батіемъ разоренъ до основанія, и съ того времени находился подъ владѣніемъ татарскимъ, имѣя разныя перемѣны отъ учинившихся бѣглецовъ, назвавшихъ себя черкасами, а потомъ козаками (сіе извѣстіе взято изъ записаній путешествія ея императорскаго величества по Днѣпру 1787 г.). Въ 1552 г. отъ польскаго короля Жигизмунта-Августа, то мѣстечко Каневъ получило на волность и право мѣщанское жителей привилегію, которую въ 1792 году подтвердилъ нынѣшній король Станиславъ Августъ.

Въ 1795 году въ томъ мѣстечкѣ церквей: греко-восточныхъ. Древняя, греческой архитектуры, каменная, о трехъ престолахъ, неизвѣстно кѣмъ и въ которомъ году выстроена, а по преданію народному разорена татарскимъ ханомъ Батіемъ съ коего времени и по нынѣ въ пустѣ состоитъ. По описанію имѣющемуся въ переяславскомъ Вознесенскомъ монастырѣ значитъ, что сія церковь была монастырь Успенскій и въ немъ находился архимандритомъ Макарій Каневскій Іовруцкій, кой измученъ отъ татаръ, мощи его взяты въ переяславскій монастырь и нынѣ почиваютъ въ ономъ. 1

Деревянныхъ 2

Базыліянская деревянная 1

Училище каменное о двухъ этажахъ 1

Гдѣ и базыліянскіе ксіонзы пребываніе имѣютъ. Оное построено въ 1784 году коштомъ князя Станислава Понятовскаго и въ томъ году коммиссія эдукаціонная вызначала изъ кассы на содержаніе учителей тысячу восемьсотъ злотыхъ польскихъ, потомъ прибавлено въ 785 году 3850 злотыхъ, которые и были отпущаемы по ассигнаціи той коммиссіи изъ Житомира состоящему при томъ училищѣ главному архомандриту Физикевичу по 1792 годъ, а въ 1793-мъ та коммиссія опредѣлила получать архимандриту Физикевичу на содержаніе того училища по пять тысячъ злотыхъ въ Варшавѣ изъ кассы генеральной коммиссіи эдукаціонной, которую сумму за вступленіемъ россійскихъ войскъ въ Польшу получилъ уже онъ Физикевичъ и за прошлое время изъ собираемыхъ доходовъ присоединенныхъ къ Россіи губерній отъ вице-губернатора Граховскаго. При томъ училищѣ подъ смотрѣніемъ его архимандрита Физиневича (который пребываніе свое имѣетъ въ отданномъ ему въ арендное содержаніе селѣ Піяхъ) состоитъ учителей изъ законниковъ, которые отъ него Физикевича годовое получаютъ жалованье.

Имъ жалованье:

Вице ректоръ . . . . 16 р.

Префектъ профессоръ математики, ліогики, алгебры и садовничества . . . . 22 р.

Профессоръ правописанія, права экономическаго, латины и языка французскаго и казнодей .	30 р.
Профессоръ перваго класса польскаго языка .	14 р.

Учениковъ въ 795 году состояло:

Шляхтичей	61
Поповичей	54
Мѣщанскихъ	14

Обучаются оные латинскаго языка, должностямъ дѣтей къ родителямъ и родителей къ дѣтямъ, господина къ слугѣ, а слуги къ господину, ариѳметикѣ, геометріи, астрономической наукѣ, о добродѣтели и порокахъ, исторіи съ географіею и натуральной, о судахъ, поэзіи, риторыки, экономіи политической, физики, менералогіи, исторіи своего народа и право народовъ и сверхъ того желающіе обучаются по два часа въ недѣлю французскаго языка.

Въ ономъ мѣстечкѣ деревяннаго строенія число домовъ: купеческихъ—9, мѣщанскихъ въ 224 дворахъ—240, шляхетскихъ—12, еврейскихъ (купеческихъ—2, евр. мѣщанскихъ—28, евр. въѣздныхъ—3), магистратской судейской домъ—1, магистской шинковой—1, для полиціи—1, постоялый—1, лавокъ каменныхъ—7, школъ еврейскихъ—2, баня—1, священническихъ—3, русскихъ школъ—2, шпиталь при церквѣ—1, князя Понятовскаго, состоящихъ нынѣ въ казенномъ вѣдѣніи домовъ—5, мельницъ на рѣкѣ Дунайцѣ, протекающемъ чрезъ мѣстечко, состоитъ—14.

Въ семъ мѣстечкѣ купцовъ: христіанъ—43, евреевъ—5, мѣщанъ—852, евреевъ—96.

Купцы и мѣщане упражняются разнымъ торговымъ небольшимъ промысломъ и отправляютъ Днѣпромъ разные съ лѣса подѣлки, до деревенской экономіи надлежащія, хлѣбомъ, желѣзомъ, брусьями, конопляным маслом, дегтемъ, рыбою, солью, и прочимъ жизненнымъ припасомъ, а притомъ большею частію и въ собственномъ для себя на землѣ имъ принадлежащей хлѣбопашествѣ, дрова и на селитьбу получаютъ изъ своихъ лѣсовъ“ [1]).

---

[1]) Выписано изъ дѣла № 256 по оп. 390 московскаго отдѣла Общаго Архива.

25 апрѣля, въ воскресенье, въ четверть 10-го часа утра, императорская флотилія приблизилась къ Каневу.

На польскомъ берегу началась пушечная стрѣльба, съ галеры Днѣпръ отвѣчали 9-ю выстрѣлами,—потомъ всѣ галеры и прочія суда легли на якорь, составя противъ мѣстечка Канева полукружіе изъ семи галеръ и одного трешкоута; водовики и другія суда пристали къ русскому берегу (К.-Фур. Ж.).

Въ Каневѣ ожидалъ императрицу король польскій. Станиславъ Понятовскій при свиданіи съ Екатериной имѣлъ въ виду политическую цѣль, которая выяснилась еще 17 марта 1787 г. при свиданіи съ нимъ Безбородка и графа Штакельберга, пріѣзжавшихъ тогда къ нему изъ Канева. Въ этотъ день Штакельбергъ, представляя Безбородка королю, сказалъ: „Рѣдкое событіе—подчиненный представляетъ королю своего начальника, ваше величество!“ Король все еще не зналъ, будетъ ли скоро война у Россіи съ Турціею, и спросилъ объ этомъ у Безбородка. „Не такъ близко къ разрыву, какъ думаютъ“,—сказалъ Безбородко.

„Вамъ—сказалъ король—должны быть извѣстны мои и моего народа желанія приносить пользу Россіи; и теперь заявляю, это искреннее желаніе и ожидаю приглашенія и соглашенія“.

Канцлеръ отвѣчалъ: „Намѣренія вашего величества вполнѣ извѣстны; нужно, однако, болѣе спокойнаго времени, привести ихъ въ исполненіе“.

Этотъ отвѣтъ привелъ короля въ робость, по собственному его признанію.

Въ его запискѣ, представленной императрицѣ, была просьба о дозволеніи собрать конфедерованный сеймъ съ цѣлью провести, посредствомъ большинства голосовъ, такіе законы и постановленія, которыхъ нельзя было провести посредствомъ единогласія ни за что. Король не посмѣлъ тогда распространяться объ этомъ съ Безбородкомъ, а только сказалъ:

„Пока я буду заботиться только о томъ, чтобъ охранить себя противъ туземной злобы, которая особенно показала себя на двухъ послѣднихъ сеймахъ; при всемъ моемъ искреннѣйшемъ желаніи, я не могу сдѣлать ничего“.

Безбородко отвѣчалъ: „Противъ этого уже приняты и впредъ будутъ принимаемы надлежащія мѣры, чтобъ ваше величество не терпѣли подобныхъ непріятностей".

На другой день король разговаривалъ съ Безбородкомъ при Штакельбергѣ. Штакельбергъ сказалъ ему:

„Императрица велѣла передать вашему величеству: до будущаго сейма еще полтора года; будетъ время подумать. Что же касается до союза съ Россіею, то это такая вещь, которая мнѣ особенно нравится. Надобно это устроить, но только вполнѣ устроить".

„Я съ своей стороны—сказалъ Безбородко—буду совѣтовать государынѣ собрать сконфедерованный сеймъ".

Станислава Августа не пустили въ Кіевъ подъ разными предлогами. Въ Кіевѣ, между прочимъ, думали, что онъ подлаживается къ императрицѣ съ цѣлію упрочить преемство престола за своими племянниками. Это также не было въ то время въ видахъ Россіи, по крайней мѣрѣ, безусловно [1]).

Пробывши полтора мѣсяца въ Каневѣ, Станиславъ-Августъ, наконецъ, дождался Екатерины. 25 апрѣля флотилія прибыла къ Каневу.

Оффиціальныя свѣдѣнія о свиданіи въ Каневѣ, записанныя въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ, слѣдующія:

Въ 11-мъ часу утра, въ двѣнадцати-весельной императорской шлюпкѣ отправились въ Каневъ гофмейстеръ А. А. Безбородко и гофмаршалъ князь Ѳ. С. Барятинскій; за ними слѣдовалъ императорскій катеръ и восемь шлюпокъ.

Король сѣлъ въ императорскую шлюпку съ Безбородкомъ и Барятинскимъ и поплылъ къ галерѣ „*Днѣпръ*"; въ это время со всей флотиліи загремѣли пушечные выстрѣлы, стоявшіе на вахтахъ солдаты отдавали честь ружьемъ, а музыканты играли въ трубы и били въ барабаны. На галерѣ „Днѣпръ", при выходѣ короля изъ шлюпки, встрѣтилъ его князь Потемкинъ со всею императорскою свитою и проводилъ во внутренніе покои императрицы. Свита короля осталась въ залѣ съ свитою императорскою.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1869 года, книга 4-я, апрѣль.

Королевская свита состояла изъ слѣдующихъ лицъ: великій маршалъ коронный графъ Мнишекъ и его супруга, великій подскарбій князь Понятовскій, литовскій гетманъ графъ Тышкевичъ, посланникъ польскій при россійскомъ дворѣ Деболи, епископъ и коадъюторъ смоленскій Нарушевичъ, великій писарь коронный Дзедушицкій, непремѣнный членъ совѣта гр. Платеръ, генералъ-поручикъ Комаржевскій и камеръ-юнкеръ Шидловскій.

Обѣдъ былъ на столовой галерѣ „Десна". При столѣ сидѣли слѣдующимъ порядкомъ: ея императорское величество, съ правой ея величества стороны: 1) его величество Станиславъ-Августъ, король польскій, 2) графиня Мнишекъ, 3) графъ Мнишекъ, 4) И. И. Шуваловъ, 5) графъ А. А. Безбородко, 6) графъ Ангальтъ, 7) П. И. Пущинъ, 8) С. Ѳ. Стрекаловъ, 9) В. М. Ребиндеръ, 10) графъ М. П. Румянцевъ, 11) В. И. Левашевъ, 12) А. Ю. Нелединскій-Мелецкій, 13) А. В. Храповицкій, 14) И. С. Рожерсонъ, 15) англійскій министръ г. Фицъ-Гербертъ, 16) французскій графъ Сегюръ, 17) польскій г. Деболи, 18) россійскій при польскомъ дворѣ графъ Штакельбергъ, 19) принцъ де-Линь, 20) князь Понятовскій. Съ лѣвой ея величества стороны: 21) австрійскій посолъ графъ Кобенцель, 22) графиня А. В. Браницкая, 23) князь Г. А. Потемкинъ, 24) графиня К. В. Скавронская, 25) графъ Браницкій, 26) А. С. Протасова, 27) графъ И. Г. Чернышевъ, 28) графиня К. П. Чернышева, 29) Е. А. Чертковъ, 30) князь Ѳ. С. Барятинской, 31) польскій генералъ-поручикъ Комаржевскій, 32) польскій камергеръ Шидловскій, 33) польскій графъ Платеръ, 34) великій писарь коронный Дзедушицкій, 35) епископъ Нарушевичъ, 36) Л. А. Нарышкинъ, 37) А. М. Мамоновъ, 38) камеръ-юнкеръ графъ Ю. А. Головкинъ. За непомѣщеніемъ на столовой галерѣ Деснѣ, кушали на губернаторскомъ суднѣ придворные, въ свитѣ ея величества находящіеся, кавалеры и свиты же его величества короля польскаго знатные чины, въ 24-хъ персонахъ.

Во время стола ея имп. величества играла духовая музыка, и ея величество благоволила пить за здравіе его величества короля польскаго, безъ пушечной пальбы; кубокъ же подавалъ ея величеству мундшенкъ.

Послѣ стола, во 2-мъ часу, императрица переѣхала на своей шлюпкѣ на галеру „Днѣпръ“ съ Протасовою и Мамоновымъ, а король, въ другой шлюпкѣ съ свитою своею, на приготовленную галеру „Бугъ“, куда вскорѣ императрица прислала Станиславу-Августу съ Мамоновымъ [1]) орденъ св. Андрея, украшенный бриліантами.

Орденъ былъ посланъ при слѣдующемъ письмѣ:

„Monsieur mon Frère. S. André, selon la tradition, prêcha sur les bords de Borysthène; nul part il n'est plus convenable de se decorer de son ordre. Je prie votre majésté d'en recevoir les marques, comme celle de la haute considuation et amitié sincere, avec laquelle je suis etc. etc. (Госуд. арх. IV, 171). Король, съ своей стороны, прислалъ императрицѣ орденъ Бѣлаго Орла, который она получила въ Кайдакахъ 7 мая (тамъ же).

Въ 6-мъ часу вечера король пріѣхалъ на галеру „Днѣпръ“, гдѣ, вмѣстѣ съ императрицею, они были воспріемниками при міропомазаніи сына генералъ-маіора графа Тарновскаго, при чемъ младенцу наречено имя: Владиславъ-Станиславъ-Павелъ.

Вечеромъ, въ 8 часу, Понятовскій простился съ императрицею и уѣхалъ на императорской шлюпкѣ въ Каневъ при пушечной пальбѣ съ флотиліи.

Король пригласилъ съ собою въ Каневъ: кн. Потемкина, Ив. Ив. Шувалова, графа Штакельберга, принца де-Линь и иностранныхъ посланниковъ.

Когда стемнѣло, съ флотиліи видна была великолѣпная картина: въ Каневѣ на горѣ виденъ былъ обелискъ съ вензелевымъ именемъ императрицы, освѣщенный разными огнями; гора до самаго берега Днѣпра была также иллюминована. Затѣмъ, послѣ пушечной пальбы, зажженъ былъ фейерверкъ.

Послѣ свиданія съ королемъ императрица писала къ Брюсу 26 апрѣля.

„Вчерашней день моя галера была грузна, мы цѣлый день стояли на якорѣ противу Канева, мои шлюпки посланы были въ 11-ть часовъ по короля польскаго и онъ съ своей свитою

[1]) Госуд. арх. XI. III.

чрезъ часъ пріѣхалъ на мою галеру, и мы были вмѣстѣ часовъ девять, потомъ шлюпки мои отвезли паки его величество, а сего утра на разсвѣтѣ мы паки подняли якоря и пошли въ путь".

Оффиціальныя, выписанныя нами весьма краткія свѣдѣнія о свиданіи императрицы съ королемъ польскимъ въ Каневѣ, дополняются очень любопытными подробными описаніями этого свиданія, оставленными намъ очевидцами, а одна дама, бывшая при дворѣ Станислава, писала въ своемъ дневникѣ [1]):

„Наконецъ наступилъ день, такъ долго ожиданный. Послѣ противныхъ вѣтровъ, погода настала прекрасная; сдѣлалось совершенно тихо, и вчера, въ воскресенье, 6 мая, въ 8 часовъ утра, показался первый вымпелъ флотиліи. Принцъ де-Линь и принцъ Нассаусскій прибыли на шлюпкѣ часовъ въ десять. Лишь только завидѣли издали яхту императрицы, начали салютовать ей изъ пушекъ. Графъ Безбородко съ гофмаршаломъ княземъ Барятинскимъ прибыли на императорской шлюпкѣ, чтобы перевезти короля на яхту. Король взялъ съ собою, на шлюпку, принца де-Линя, князя Станислава Понятовскаго, г. Витворта (Whitworth), г. гетмана Тышкевича, господина и госпожу Мнишекъ; прочіе изъ его свиты сѣли на другія лодки. Капитанъ Пущинъ, сынъ адмирала, бывшій при рулѣ, испрашивалъ у короля приказанія отправиться; тотъ отвѣчалъ ему, что графъ Понятовскій не можетъ тутъ приказывать. Пушки флотиліи салютовали ему, и онъ принятъ былъ императрицею и всѣмъ дворомъ какъ король. Вступивъ на яхту императрицы, онъ встрѣтилъ тутъ весь дворъ въ каютъ-компаніи, король вошелъ одинъ въ аппартаментъ ея императорскаго величества; двери оставались незапертыми нѣсколько минутъ. Онъ ввелъ и госпожу Мнишекъ. Императрица сказала ей: „Il est impossible de se défendre du premier moment d'embarras". На что та отвѣчала: „Ce lui que Vous voyez au roi ne peut pas Vous déplaire, madame, car c'et l'embarras du sentiment et de la réconnaissance".

Ея величество, обнявъ госпожу Мнишекъ, прибавила: „Я рада, что слышу отъ васъ увѣренія въ чувствахъ короля; я

[1]) См. Сынъ Отечества 1843 г., № 3, мартъ.

охотно имъ вѣрю".—Потомъ императрица представила королю госпожу Браницкую и Скавронскую, какъ своихъ питомицъ; обѣ были одѣты великолѣпно. Передъ обѣдомъ, императрица сѣла съ королемъ на яхту; при нихъ находились: князь Потемкинъ, г. Кобенцель, госпожа Браницкая и госпожа Мнишекъ. Накрапывалъ дождикъ. Король распустилъ зонтикъ, чтобы защитить императрицу; она отблагодарила его, сказавъ: „Je crains que Vous n'ayez le bras fatigué!"—„Qu'il vous serve en attendant de cette manière", отвѣчалъ король. Этотъ отвѣтъ очень понравился императрицѣ. Дорогой, императрица изъявила королю желаніе провести съ нимъ день его тезоименитства, который для нея тѣмъ дороже, что это тоже день рожденія великаго князя Константина, или отпраздновать его сегодня же, наканунѣ празднованія св. Станислава. Въ самомъ дѣлѣ за столомъ пили за здоровье короля, стóя, при залпахъ изъ пушекъ. Обѣдъ былъ на сорокъ слишкомъ кувертовъ на особой яхтѣ. За нимъ присутствовали вся свита короля, дворъ императрицы, иностранные министры и принцы и придворныя дамы императрицы: Браницкая, Скавронская, Протасова и Чернышева. Веселость, умъ и любезность двухъ вѣнценосныхъ особъ оживляли всѣхъ. Вставъ изъ за стола, король взялъ трость императрицы изъ рукъ ея пажа, чтобы представить самому, а императрица, обратившись къ свитѣ, спросила шляпу короля, чтобы вручить ему лично; при этомъ король сказалъ: „Ваше величество уже пожаловали мнѣ такую, которая получше этой". Слова эти очень понравились императрицѣ, которая создана цѣнить умъ и чувство. Она была столь добра, что замѣтила госпожѣ маршальшѣ, какъ хорошъ и великолѣпенъ ея костюмъ. Пребываніе здѣсь императрицы сокращено было отъѣздомъ императора Леопольда въ Херсонъ; объ этомъ уже здѣсь было извѣстно, и ей не хотѣлось заставить его слишкомъ долго ожидать себя. Король сопровождалъ императрицу на ея яхту, гдѣ оставался нѣкоторое время и имѣлъ случай видѣть портретъ ея императорскаго величества, снятый въ Кіевѣ; онъ будетъ имѣть съ него копію, потому что портретъ хорошо сдѣланъ, похожъ: императрица изображена въ очень миломъ костюмѣ,

мѣховой шапкѣ и дорожномъ платьѣ. Потомъ король обратился на приготовленную для него яхту, бывшую князя Потемкина. Лишь только онъ на нее прибылъ, какъ явился господинъ Мамоновъ съ грамотой императрицы такого содержанія: „Преданіе повѣствуетъ, что св. Андрей проповѣдывалъ на берегахъ Борисѳена. Сіе обстоятельство доставляетъ мнѣ случай просить васъ принять и носить, по установленію, знаки его ордена“. Король дѣйствительно тотчасъ надѣлъ бриллiантовую звѣзду и ленту съ такимъ же крестомъ, которыя императрица имѣла на себѣ утромъ: украшенія, которыми облекались всѣ государи при императрицѣ, король шведскій и король прусскій. Послѣобѣденное время прошло въ визитахъ графа Понятовскаго разнымъ особамъ.

Между шестымъ и седьмымъ часомъ происходило, на яхтѣ императрицы, крещеніе сына госпожи Тарновской, урожденной Устржицкой (Ustrzicka). Король и императрица воспринимали отъ купели; епископъ Нарушевичъ совершалъ обрядъ. Послѣ того императрица усадила всѣхъ за игру, а сама бесѣдовала у окна съ королемъ; это продолжалось почти до десяти часовъ; въ теченіе этого времени, король одинъ или два раза выходилъ во внутренніе аппартаменты императрицы, бесѣдуя съ нею. Когда наступилъ часъ обыкновеннаго удаленія ея, король раскланялся съ нею, и былъ осыпанъ знаками величайшей благосклонности. Онъ возвратился въ Каневъ на императорской яхтѣ, съ тѣми же лицами, которыя сопровождали его сюда.

Во время одного разговора короля съ императрицею говорено было о пожарахъ, опустошившихъ нѣсколько русскихъ городовъ, которые потомъ выстроены изъ камня. Ея императорское величество соизволила сказать: „Надобно предохранить ихъ на будущее время отъ подобныхъ несчастій“, на что король замѣтилъ: „Ваше величество всегда находите прекрасныя причины для прекрасныхъ дѣлъ“. Это замѣчаніе доставило удовольствіе императрицѣ. При отъѣздѣ короля съ императорской яхты, ему салютовали пушками съ флотиліи, какъ утромъ. Иллюминація обелиска съ вензелемъ императрицы была весьма удачна: также милы были жирандоль съ букетомъ, въ четыре

тысячи ракетъ, и огненная гора, которая казалась лавою. Вечеромъ иностранные министры, статсъ-дамы и придворные императрицы ужинали въ Каневѣ, исключая князя Потемкина, который отправился въ Кременчугъ. Король во весь этотъ день былъ въ мундирѣ конной гвардіи и, между прочимъ, сказалъ однажды императрицѣ: „Я никогда не употреблялъ такъ долго зрительной трубы, сколько въ это время, имѣя въ виду Каневъ съ его живописными берегами“. Флотилія отплыла сегодня утромъ часа въ четыре, и императрица проснулась верстахъ въ тридцати или сорока отсюда“.

Другой очевидецъ этого свиданія, графъ Сегюръ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ:

„Екатерина послала на красивой шлюпкѣ нѣсколько генераловъ встрѣтить короля польскаго. Король, чтобы избавиться отъ затруднительнаго этикета, хотѣлъ сохранить инкогнито, несообразное, впрочемъ, съ торжественностію встрѣчи, и сказалъ посланнымъ, которые его сопровождали: „Господа, король польскій поручилъ мнѣ предоставить вамъ графа Понятовскаго“.

Когда онъ вступилъ на императорскую галеру, мы окружили его, желая замѣтить первыя впечатлѣнія и слышать первыя слова двухъ державныхъ особъ, которыя находились въ положеніи далеко несходномъ съ тѣмъ, въ какомъ они были нѣкогда. Но мы обманулись въ нашихъ ожиданіяхъ, потому что, послѣ взаимнаго поклона важнаго, гордаго и холоднаго, Екатерина подала руку королю, и они вошли въ кабинетъ, въ которомъ пробыли съ полчаса. Они вышли, и такъ какъ мы не могли слышать ихъ разговоровъ, то старались прочитать въ чертахъ ихъ лицъ помыслы ихъ; но въ нихъ ничего не высказалось ясно. Черты императрицы выражали какое то необыкновенное безпокойство и принужденность, а въ глазахъ короля виднѣлся отпечатокъ грусти, которую не скрыла его принужденная улыбка.

Король обращался къ тѣмъ изъ насъ, которыхъ зналъ; прочихъ представила ему императрица. Со мною онъ былъ очень любезенъ. Все было расчислено, чтобы напомнить день, который съ обѣихъ сторонъ желали провести скорѣе. Всѣ пе-

ресѣли въ красивыя шлюпки, чтобы переправиться на галеру, гдѣ долженъ былъ происходить обѣдъ. Трудно было представить себѣ судно великолѣпнѣе, изящнѣе и роскошнѣе этого. За столомъ по правую руку возлѣ императрицы сидѣлъ король, по лѣвую — Кобенцель; князь Потемкинъ, Фитцъ-Гербертъ и я помѣстились противъ ихъ величествъ.

За обѣдомъ мало ѣли, мало говорили, только смотрѣли другъ на друга, слушали прекрасную музыку и пили за здравіе короля, при грохотѣ пушечнаго залпа [1]). По выходѣ изъ за стола король взялъ изъ рукъ пажа перчатки и вѣеръ императрицы и подалъ ей. Послѣ того онъ сталъ искать и никакъ не могъ найти своей шляпы; императрица, замѣтивъ это, велѣла принести шляпу и подала ее королю. Принимая ее, Станиславъ сказалъ: „Когда то, ваше величество, вы пожаловали мнѣ другую шляпу, которая была гораздо лучше этой".

Мы возвратились на царскую галеру. Король пробылъ еще немного времени и въ восемь часовъ уѣхалъ въ Каневъ.

Когда наступила ночная темнота, каневская гора зардѣлась огнями; по уступамъ ея была прорыта канава, наполненная горючимъ веществомъ; его зажгли, и оно казалось лавою, текущею съ огнедышащей горы; сходство было тѣмъ разительнѣе, что на вершинѣ горы взрывъ болѣе 100,000 ракетъ озарилъ воздухъ и удвоилъ свѣтъ, отразившись въ водахъ Днѣпра. Флотъ нашъ тоже былъ великолѣпно освѣщенъ, такъ что на этотъ разъ для насъ не было ночи. Король пригласилъ насъ къ себѣ, и мы отправились. Онъ далъ великолѣпный балъ, но императрица отказалась участвовать въ немъ. Напрасно Станиславъ упрашивалъ ее остаться еще хоть сутки: пора милостей для него миновала! Екатерина сказала ему, что боится опоздать и заставить ждать императора, который долженъ былъ съѣхаться съ нею въ Херсонѣ. Мы уѣхали на другое утро: такъ минуло это свиданіе, которое, несмотря на пышную торжественность, займетъ скорѣе мѣсто въ исторіи, нежели въ романѣ..." (Изъ *записокъ* Сегюра. Спб. 1865 г.).

---

[1]) Въ Камеръ-Фурьерск. журн. сказано, что не было пальбы.

Королю хотѣлось еще остаться при императрицѣ на день или на два; через Мамонова онъ сдѣлалъ даже объ этомъ предложеніе, но получилъ отказъ.—Это видно изъ письма императрицы къ Потемкину 25 апрѣля: „Сказывалъ мнѣ Александръ Матвѣевичъ желаніе гостя, чтобъ осталась здѣсь еще на одинъ или два дня, но ты самъ знаешь, что по причинѣ свиданія съ императоромъ сіе сдѣлать нельзя и такъ пожалуй, дай ему учтивымъ образомъ чувствовать, что перемѣну дѣлать въ моемъ путешествіи возможности нѣту. Да сверхъ того всякая перемѣна намѣренія, ты самъ знаешь, что мнѣ непріятна“.

Вечеръ 25 апрѣля, до 8-ми часовъ императрица проводила съ Станиславомъ въ разговорѣ и наконецъ дала ему почувствовать, что время разставаться. Станиславъ-Августъ шепотомъ сказалъ Потемкину:

„Есть ли надежда, что можно оставаться долѣе?“

Потемкинъ отвѣчалъ: „нѣтъ“.

Вслѣдъ за тѣмъ Потемкинъ ввелъ короля въ особый кабинетъ, и тамъ императрица сказала ему.

„Уже поздно: я знаю, что вы приглашали гостей на ужинъ; плаваніе продолжительно, это вынуждаетъ меня, къ моему сожалѣнію, проститься съ вашимъ величествомъ“.

Король выразилъ сожалѣніе, что такъ мало дозволили ему бесѣдовать съ его покровительницею.

„Не допускайте къ себѣ черныхъ мыслей; разсчитывайте на мою дружбу и мои намѣренія, дружелюбныя къ вамъ и къ вашему государству“ сказала Екатерина.

Этимъ кончилось свиданіе. Король, во время бесѣды съ императрицею, подалъ ей собственноручно еще одну записку о польскихъ дѣлахъ, но не получилъ отъ нея отвѣта, подъ тѣмъ предлогомъ, что она не успѣла ее прочитать.

Станиславъ-Августъ естественно былъ недоволенъ этимъ свиданіемъ, прождавши семь недѣль въ Каневѣ [1]).

Екатерина осталась также не очень довольна свиданіемъ со Станиславомъ.

---

[1]) См. Вѣстникъ Европы. 1869. Апрѣль.

Храповицкій записалъ въ дневникѣ своемъ, 26 апрѣля, по отъѣздѣ изъ Канева: „Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, были довольны, что избавились вчерашняго безпокойства, князь Потемкинъ ни слова не говорилъ: принуждена была говорить безпрестанно; языкъ засохъ; почти осердили, прося остаться. Король торговался на три, на два дня, или хотя для обѣда на другой день".

На третій день по своемъ отъѣздѣ, Станиславъ-Августъ прислалъ графу Безбородку портретъ свой, богато украшенный бриллiантами.

25 апрѣля, на Днѣпрѣ, противъ Канева, императрица пожаловала чинамъ польскимъ: камергеру Шидловскому перстень въ 2800 р., маіору и унтеръ-шталмейстеру Политальскому перстень въ 850 р., камергеру Моравскому табакерку въ 1.400 р., лейбъ-медику Беклеру табакерку въ 930 р., адъютанту королевскому Бишевскому перстень въ 900 р., адъютанту королевскому Киркову перстень въ 900 р., кабинетъ-секретарю Дембовскому перстень антикомъ въ 950 р., послу при польскомъ дворѣ графу Штакельбергу табакерку овальную, съ портретомъ, голубую, въ 3.350 р., польскому посланнику Деболи табакерку съ вензелемъ въ 2.000 р., великому писарю Дзедушицкому табакерку съ вензелемъ въ 2.800 р., маіору и унтеръ-шталмейстеру Гордону часы золотые съ финифтью и бриллiантами въ 750 р., полковнику Слонинскому табакерку въ 1.100 р., кабинетъ-секретарю Серчинскому табакерку въ 1.000 р. (Изъ приходо-расходныхъ книгъ 1787 г. кабинета Е. В.)

Сверхъ того, когда гр. Штакельбергъ отпущенъ былъ на другой день свиданія съ польскимъ королемъ въ Каневѣ, то между прочими подарками, которые поручено ему было раздать въ свитѣ короля находящимся, послана съ нимъ андреевская лента для г. Тышкевича и двѣ александровскія гг. Платеру и Комаржевскому. (Госуд. арх. XI. 101).

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЛЫНСКІЙ ВОПРОСЪ 1097-1102 Г.[1]

(ОКОНЧАНІЕ)

Съ концомъ волынской компаніи прекращается разсказъ Сказанія; авторъ его прибавляетъ только нѣсколько словъ объ окончательномъ рѣшеніи вопроса. По другимъ источникамъ мы можемъ до нѣкоторой степени возстановить дальнѣйшія его перипетіи. Потерпѣвъ неудачу въ войнѣ, Святополкъ обратился къ дипломатіи. Вѣроятно, ссылаясь на первое постановленіе князей (у Городца) относительно Давыда, онъ приглашалъ ихъ принять мѣры съ своей стороны къ удаленію послѣдняго изъ волости, такъ какъ самому Святополку это не удалось; при этомъ подразумѣвалось, конечно, что Волынь все таки должна перейти къ Святополку. Ему удалось, какъ видно, склонить на свою сторону не только Святославичей, но и Мономаха. Давыда рѣшено было подвергнуть суду княжескаго съѣзда и лишить волости. Вѣроятно, такое рѣшеніе было принято на первомъ съѣздѣ князей въ Вѣтичахъ или Увѣтичахъ (подъ Кіевомъ, за Днѣпромъ, у с. Хотяновки), который происходилъ 10 августа 1100 г.; здѣсь „братья створиша міръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ“ [2]). Если это „створиша міръ“ должно быть принимаемо въ собственномъ смыслѣ, а не въ значеніи уладились, пришли къ соглашенію, то придется предположить

---

[1]) См „Кіевская Старина“. 1891 г., № 4.

[2]) Лавр. с. 263 (Ипат. с. 180). Соловьевъ полагалъ, что 14 августа съѣзжались представители князей, которые уговорились относительно общаго княжескаго съѣзда и назначили его на 30 августа; но для такого предположенія лѣтопись не

какую-нибудь, неизвѣстную намъ, ссору между ними—и вѣроятнѣе всего, между Святополкомъ и Мономахомъ или, быть можетъ, между Мономахомъ и Святославичами. Разсказъ лѣтописи даетъ основаніе предполагать, что еще раньше, вѣроятно, во время войны со Святополкомъ, Давыдъ Игоревичъ обращался къ братіи съ какою-то жалобою. Теперь, повидимому, этою жалобою воспользовались, какъ предлогомъ для составленія общаго съѣзда и приглашенія на него Давыда [1]). 30 августа въ тѣхъ же Увѣтичахъ произошелъ второй съѣздъ, уже съ участіемъ Давыда. Давыдъ явился смѣло: „на что мя есте привабили? осе есмъ, кому до мене обида? И отвѣща ему Володимеръ: ты еси прислалъ к намъ: хочю, братья, прити к вамъ и пожаловатися своея обиды; да се еси пришелъ и сѣдишь с братьею своею на одиномъ коврѣ, то чему не жалуешься, до кого ти насъ жалоба? и не отвѣща Давыдъ ничтоже“. Вѣроятно, по тону отвѣта Давыдъ догадался, что его дѣло было уже рѣшено и всякіе разговоры безполезны. Князья разошлись и совѣщались со своими дружинами, „а Давыдъ Игоревичъ сѣдяше кромѣ, и не припустяху его к собѣ“; Святополкъ же, соучастникъ преступленія Давыда, явился теперь его судьею, да одновременно еще и лицомъ заинтересованнымъ въ обвиненіи. По совѣщаніи князья отправили къ Давыду своихъ бояръ-пословъ и объявили рѣшеніе: Давыдъ лишался волости за свое преступленіе и ему предоставлялись во владѣніе только Бужскъ и Острогъ [2]); кромѣ того князья, каждый отъ себя, сдѣлали въ его пользу пожертво-

---

даетъ основаній. Татищевъ говоритъ еще, что на первый съѣздъ явились съ жалобою послы Володаря Ростиславича. Приведенное опредѣленіе мѣстности Увѣтичей принадлежитъ проф. В. Б. Антоновичу, см. о ней еще Ист. Кіев. з. с. 22.

[1]) Въ Сказаніи: „привабиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володиміря, но даша ему Дорогобужь“. (Лавр. с. 263). Въ Никоновск. л. (П. с. р. л. IX с. 136): „и начаша посылати по Давыда Игоревичя, любовію водяще его къ себѣ и обѣщевающе ему столъ градъ Володимерь“; прибавленіе очень любопытное и невѣроятное, если это только не распространеніе слова „привабиша“.

[2]) О Бужскомъ и Острогѣ, начиная съ Татищева и по сіе время, идетъ разногласіе. Въ лѣтописи стоитъ: „в Бужьскѣмъ (Божескомъ) въ Острозѣ“; Татищевъ (II, стр. 196), затѣмъ Зубрицкій, Соловьевъ, Костомаровъ, Иловайскій, Андріяшевъ, видятъ здѣсь два отдѣльные города; Карамзинъ (II, пр. 193), Погодинъ,

ванія: Святополкъ далъ Дубенъ и Черторыйскъ [1]), Мономахъ— 200 гривенъ, Святославичи тоже 200 гривенъ [2]); краткость лѣтописнаго извѣстія оставляетъ насъ въ неизвѣстности относительно значенія этихъ прибавокъ отъ братіи, были ли онѣ просто подачками „на бѣдность“ (это было бы довольно характерно, особенно со стороны Святополка) или имѣли другой смыслъ. Этимъ не ограничились постановленія съѣзда: было рѣшено отобрать волость и у Василька, „послашася слы своя къ Володареви и к Василкови: поими брата своего Василка к собѣ, и буди вама едина власть, Перемышль; да аще вамъ любъ, да сѣдита, аще ли ни, да пусти Василка сѣмо, да его кормимъ сдѣ, а холопы наша выдайта и смерды“. Предложеніе это было, вѣроятно, мотивировано тѣмъ, что Василько, какъ слѣпецъ, не можетъ самъ управлять волостью [3]), но то былъ, конечно, лишь благовидный предлогъ, это ясно; спрашивается только, кому

Бѣляевъ, Барсовъ—одинъ, Бужскій острогъ,—дѣйствительно Острогъ нигдѣ больше не упоминается до XIV в., хотя это и не можетъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ. Что касается мѣстоположенія, то Острогъ существуетъ по нынѣ, а вопросъ о Бужскахъ—Божскахъ—одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ въ мѣстной исторической географіи. Съ значительною вѣроятностью можно установить два города этого имени, одинъ въ области западнаго Буга, другой—южнаго (собственно Божскъ); нужно ли всѣ упоминанія относить къ этимъ двумъ городамъ, или слѣдуетъ предположить еще третій, гдѣ нибудь въ Погоринѣ (тогда Божскій 1100 г. можно бы отождествить съ Бужскомъ 1152 г., упоминаемымъ среди городовъ южной Погорины)—слишкомъ трудно рѣшить. См. Барсова, Геогр. нач. лѣт. 1885 г., стр 118, 140, Н. П. Дашкевича, Болоховская земля—въ Трудахъ III археол. съѣзда II. стр. 75—77, 84—5 и др., также Ист. кіевской земли, стр. 45—6.

[1]) Черторыйскъ (мѣстечко луцкаго у. на р. Стыри) принадлежалъ, вѣроятно къ туровской волости Святополка, Дубенъ, если не былъ выдѣленъ изъ Давыдовыхъ же владѣній, долженъ былъ принадлежать тогда къ Погоринѣ.

[2]) И. В. Лашнюковъ недоумѣваетъ, почему Мономахъ одинъ даетъ 200 гр., а Святославичи—оба вмѣстѣ, и подозрѣваетъ здѣсь тайный умыселъ со стороны Мономаха (ор. с. с. 25); но послѣдній на съѣздѣ былъ представителемъ отдѣльной княжеской линіи (Всеволода), какъ Давыдъ и Олегъ вмѣстѣ—другой линіи (Святослава). Зубрицкій (ор. с. II, стр. 37) и Шараневичъ (ор. с. с. 31), вслѣдъ за Длугошемъ (III, р. 344) и Стрыйковскимъ (I, р. 179), полагаютъ, что князья обѣщали Давыду платить по 200 гривенъ ежегодно; но это было бы, пожалуй, больше чѣмъ сколько назначили князья Давыду сообща, сколько далъ ближайше заинтересованный Святополкъ.

[3]) Ср. Соловьева, Ист. отнош. княз. Рюрик. дома, стр. 121.

должна была поступить Теребовльская волость Василька? Конечно, рѣшить этого окончательно мы не можемъ, но соображая, что она принадлежала также къ отчинѣ Святополка, думаю, что и предложеніе это было сдѣлано въ интересахъ Святополка, равно какъ и требованіе выдать холопей и смердовъ: послѣдніе въ большинствѣ, если не исключительно, были изъ волостей волынскихъ, захвачены во время войны съ Ростиславичами, слѣдовательно возвратить ихъ нужно было преимущественно Святополку"[1]).

Такимъ образомъ увѣтичскій съѣздъ работалъ въ интересахъ Святополка. Святославичи поддерживали его, вѣроятно, подъ условіемъ вознагражденія (вспомнимъ передачу Луцка Святошѣ Давыдовичу); какую же роль игралъ во всемъ этомъ Мономахъ? Большею частью его считаютъ иниціаторомъ и распорядителемъ и этого съѣзда, виновникомъ его постановленій[2]); при этомъ въ его дѣйствіяхъ одни видятъ несправедливую потачку Святополку, своекорыстные виды на Волынь, другіе же не освѣщаютъ этого поступка, или стараются оправдать Мономаха. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что Мономахъ собственно не былъ здѣсь активнымъ лицомъ. Если онъ благопріятствовалъ политикѣ Святополка, то не по своей охотѣ, не изъ ненависти къ Олегу, не потому, что берегъ в. княжество для себя и „сгибался предъ Святополкомъ, чтобы не нарушить внѣшняго почтенія къ званію в. князя", какъ объяснялъ одинъ историкъ[3]), а потому, что оставшись одинокимъ, безъ союзниковъ, не желалъ расходиться съ партіею Святополка, боялся ссориться съ

---

[1]) Ср. Полевого, Ист. рус. народа, II, стр. 357. У Татищева (II, стр. 197): „взятыхъ въ плѣнъ холопей и подлыхъ Володимирскихъ всѣхъ освободить, понеже Володимиръ дали сыну Святополчу Ярославцу".

[2]) Такъ В. Пассекъ въ своей „Княжеской и до княжеской Руси" (въ Чтеніяхъ московскаго общества ист. и древн., 1870, кн., III), сочиненіи, отличающемся въ отношеніи Мономаха особеннымъ панегиризмомъ, признавалъ, что увѣтичскій съѣздъ, былъ произведеніемъ Мономаха, какъ и любечскій, и постановленія его были „не что иное, какъ снисходительное исполненіе требованій Мономаха, при заключеніи имъ мира со Святополкомъ, относительно преслѣдованія Давыда", стр. 93 (187).

[3]) Полевой, Исторія русск. народа, II, стр. 358—359.

послѣднимъ; въ описаніи увѣтичскаго съѣзда Мономахъ, правда, играетъ видную роль и усердно дѣйствуетъ въ пользу Святополка, но это еще не значитъ, чтобы онъ дѣлалъ это по своей охотѣ. Постановленіе увѣтичскаго съѣзда было глубоко несправедливо и такой благоразумный и заботливый въ отношеніи легальности человѣкъ, какъ Мономахъ, не принялъ бы въ немъ участья, если бы не былъ къ тому вынужденъ; что до поддержки авторитета в. князя, то тогда въ этомъ отношеніи не существовало особенной щепетильности. Высказаны были еще предположенія, что Мономахъ дѣйствовалъ изъ корыстныхъ разсчетовъ, что онъ желалъ пріобрѣсть Волынь себѣ и имѣлъ въ виду вымѣнять ее потомъ у Святополка [1]), или, какъ думаетъ другой, новѣйшій изслѣдователь, Мономахъ „зналъ, что послѣ смерти Святополка в. княземъ будетъ онъ и тогда ему легче будетъ прибрать Волынь къ рукамъ“ [2]). Эти объясненія, по моему, несправедливы; о мѣнѣ я буду говорить ниже, что касается второго мнѣнія, то мы, конечно, знаемъ, что Мономахъ наслѣдовалъ Святополку, и въ 1118 г. отобралъ Волынь у его сына Ярослава, но чтобъ Мономахъ въ 1100 г. это настолько ясно предвидѣлъ, что даже волости набиралъ для Святополка, это невѣроятно и психологически, и исторически: Мономахъ вовсе не былъ прямымъ наслѣдникомъ Святополка; если принять, что на любечскомъ съѣздѣ было установлено преемство князей по прямой линіи, законнымъ преемникомъ Святополка былъ его сынъ Ярославъ (и это мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ), если преемство въ родѣ, какъ думаютъ чаще,—то Святославичи; вокняженіе Мономаха въ Кіевѣ въ обоихъ случаяхъ было въ сущности счастливою случайностью, обусловленною народнымъ избраніемъ. Что Мономахъ дѣйствовалъ на увѣтичскомъ съѣздѣ подъ давленіемъ обстоятельствъ, въ угоду господствующей партіи, это довольно убѣдительно показываетъ слѣдующій эпизодъ.

Во вступленіи къ своему Поученію Мономахъ разсказываетъ, что поводомъ къ его составленію былъ такой случай:

[1]) Лашнюковъ, Владиміръ Мономахъ, стр. 25.

[2]) Андріяшевъ, Очеркъ ист. волынск. земли, стр. 115.

„усрѣтоша мя слы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: потъснися к намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимемъ, еже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ; и рѣхъ: аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити“ [1]). Подъ братьею, принимая въ соображеніе извѣстія Сказанія, нельзя разумѣть никого, кромѣ Святополка и Святославичей. Относительно времени, къ которому относится этотъ случай, существуетъ разногласіе. Погодинъ, въ спеціальномъ изслѣдованіи объ этомъ памятникѣ, полагалъ, что здѣсь идетъ рѣчь о походѣ Святополка на Ростиславичей 1099 г. [2]), но мнѣ болѣе справедливымъ кажется мнѣніе, что упомянутый походъ затѣвался уже послѣ уветичскаго съѣзда, вслѣдствіе отказа Ростиславичей въ уступкѣ Теребовля [3]): „братья“, лично заин-

[1]) Лаврент. л., стр. 232—233.

[2]) „О Поученіи Мономаха“ — въ Извѣстіяхъ II отд. академіи наукъ, т. X, стр. 237 (ср. также Хронологическій указатель его же, стр. 102 и 106); выводъ Погодина относительно времени составленія Поученія (1099 г.) принятъ и г. Протопоповымъ въ его сочиненіи „Поученіе Владиміра Мономаха, какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси“ (Журн. Мин Нар. Просв., 1874, кн. II, стр. 236). Погодинъ указываетъ на то, что, по свидѣтельству Поученія, оно написано черезъ три года послѣ перехода Мономаха изъ Чернигова въ Переяславль (конецъ 1094 или начало 1095 г.): „и сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы“ (Лавр. л., стр. 240), но этотъ доводъ не особенно убѣдителенъ: едва ли здѣсь опредѣляется промежутокъ; въ самомъ Поученіи упоминается о четырехъ зимахъ послѣ похода на Олега и осады Стародуба (1096 г.), а та въ которую къ Мономаху пришли послы отъ братьи, будетъ уже пятою („и потомь паки идохомъ къ Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихомъ Смоленску; и сы нынѣ иду Ростову“, стр. 241). Но самое главное то, что до уветичскаго съѣзда упомянутое посольство къ Мономаху могло быть отправлено не позже того времени, когда Давыдъ Игоревичъ сталъ отвоевывать Волынь у Святополка: борьба съ Ростиславичами послѣ этого отошла на задній планъ и Святополкъ просилъ бы помощи противъ Давыда; по этому самому оно не могло быть отправлено и до похода Святополка на Давыда; остается промежутокъ—апрѣль—май 1099 г., а посольство явилось къ Мономаху зимою, во время саннаго пути (с. 232, ср. и с. 241), какъ справедливо признаетъ и Погодинъ; не сходясь съ условіями 1099 г., это обстоятельство вполнѣ подходитъ во времени послѣ уветичскаго съѣзда, бывшаго въ августѣ, (существуетъ и другое толкованіе выраженія: „сѣдя на санехъ“—въ смыслѣ „приближаясь къ смерти“ (сани—принадлежность похоронъ), но если поученіе было писано въ 1099—1100 г, то Мономаху не было еще и полныхъ пятидесяти лѣтъ).

[3]) Такого мнѣнія держатся: Зубрицкій (II с. 37—8), Соловьевъ (II с. 62), Бѣляевъ (Разск. изъ рус. ист. I, с. 144), Костомаровъ (Русск. ист. I, с. 57), Шараневичъ (ор. с. с. 31).

тересованная въ этомъ, пригласила въ походъ и Мономаха, какъ участника увѣтичскихъ постановленій. Но будь то до увѣтичскаго съѣзда или послѣ него, для насъ любопытно здѣсь именно отношеніе Мономаха къ братіи: послѣдняя чувствуетъ за собою силу и нисколько не заботится о мнѣніи Мономаха, самое предложеніе, въ передачѣ Мономаха, поставлено очень рѣзко: „если не хочешь, то мы считаемъ себя ничѣмъ не связанными въ отношеніи тебя“, и Мономахъ не протестовалъ, а обратился за утѣшеніемъ къ псалтири. Если принять, что это случилось послѣ увѣтичскаго съѣзда, то нужно это понимать такъ, что Мономахъ счелъ невозможнымъ, слишкомъ неловкимъ для себя, выступать открыто для отобранія у Ростиславичей волостей, утвержденныхъ за ними на Любечскомъ съѣздѣ (объ этомъ крестномъ цѣлованіи и говоритъ Мономахъ), хотя и участвовалъ въ увѣтичскихъ постановленіяхъ—это участіе, слѣдовательно, не было искреннимъ поступкомъ Мономаха. Если же это произошло еще въ 1099 г., то, значитъ, Мономахъ, противъ воли и убѣжденія, въ концѣ концовъ подчинился партіи Святополка и принялъ участіе въ постановленіяхъ относительно Ростиславичей и Давыда, благо, нѣкоторая внѣшняя благовидность была для того [1]). Итакъ, въ томъ и другомъ случаѣ несомнѣнно, что Мономахъ не былъ хозяиномъ во всемъ этомъ дѣлѣ, дѣйствовалъ подъ давленіемъ обстоятельствъ, сообразуясь въ своей политикѣ съ желаніями руководящей партіи—Святополка и его союзниковъ—Святославичей.

Ростиславичи отказались подчиниться увѣтичскимъ постановленіямъ и уступить теребовльскую волость. Были ли сдѣланы попытки понудить ихъ силою къ тому, предпринятъ ли былъ на нихъ походъ, источники не говорятъ; во всякомъ случаѣ они сохранили свои владѣнія.

Переходъ Волыни во власть Святополка вызвалъ протестъ со стороны его племянника Ярослава Ярополковича. Ярополкъ владѣлъ Волынью въ то время, какъ Святополкъ княжилъ въ

---

[1]) При такой точкѣ зрѣнія объясняется и вышеприведенное выраженіе лѣтописи о первомъ съѣздѣ въ Увѣтичахъ: „братья створиша міръ межи собою“.

Новгородѣ. Двое сыновей Ярополка, какъ упомянуто, помогали Святополку во время волынской войны [1]) и, вѣроятно, разсчитывали на волости, но обманулись. На слѣдующій годъ послѣ увѣтичскаго съѣзда (въ 1101 г.) Ярославъ Ярополковичъ засѣлъ въ Берестьи (неизвѣстно, была ли то волость его, или онъ захватилъ этотъ городъ силою [2]) и началъ борьбу съ дядею. Она оказалась ему не подъ силу; осажденный, онъ вынужденъ былъ сдаться и въ оковахъ приведенъ въ Кіевъ. По ходатайству митрополита и игуменовъ его освободили изъ оковъ, заставивъ предварительно присягнуть на мощахъ Бориса и Глѣба; въ слѣдующемъ году онъ бѣжалъ. Повидимому, Ярославъ пробирался въ Польшу, но Ярославъ Святополчичъ настигъ его и захватилъ какою то хитростью („перьльсти“) на р. Нурѣ (правомъ притокѣ З. Буга). Ярославъ Ярополковичъ былъ снова отведенъ въ Кіевъ и посаженъ въ оковы; такъ онъ и скончался въ слѣдующемъ году (1103) [3]).

Давыдъ Игоревичъ, судя по извѣстіямъ источниковъ, покорно подчинился рѣшенію братьевъ; испытанныя передряги, видимо, смирили его. Онъ сидѣлъ сначала въ Бужскѣ, „и по семь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь“—его первоначальную волость. Въ какомъ отношеніи стояло это къ первоначальному надѣленію Давыда — прибавилъ ли ему владѣній Святополкъ, или обмѣнилъ на прежнія, мы не знаемъ [4]). Дорогобужъ былъ однимъ изъ центральныхъ городовъ Погорины и съ нимъ часто связывалось владѣнье всею этою областью; изъ прежнихъ городовъ Давыда Черторыйскъ навѣрное находился

---

[1]) Лаврент. л. с. 260 (въ Ипатск.—на стр. 177—это мѣсто пропущено).

[2]) Въ Лавр. с. 265 (также Никоновск. и Воскресенск.) „заратися“, въ Ипатск. (с. 181)—„затворися Ярославъ Ярополчичь у Берестьи“; Татищевъ (II, с. 197) прибавляетъ: „князь берестскій“.

[3]) Лавр. с. 265—266 (Ипатск. с. 181—182), подъ 1102 г.—ошибочно (см. Карамзинъ, II, пр. 209, Погодинъ, Изслѣдованія, лекціи etc. IV, с. 34 и Хронологическій указатель, с. 58).

[4]) У Татищева (II с. 197) Святополкъ прибавляетъ Давыду Дорогобужъ. По Сказанію, этотъ городъ былъ данъ Давыду совѣтомъ князей; подробный разсказъ лѣтописи заслуживаетъ, конечно, болѣе довѣрія, но это обстоятельство любопытно, ибо показываетъ, что заключеніе Сказанія не заимствовано изъ лѣтописи.

внѣ Погорины, а Острогъ входилъ, несомнѣнно въ составъ ея (о Божскѣ и Дубнѣ нельзя сказать этого съ увѣренностью); можетъ быть Святополкъ округлилъ владѣнія Давыда въ Погоринѣ и взамѣнъ взялъ волости, находившіяся внѣ ея. Что касается времени этого событія (въ источникахъ недатированнаго), то, по справедливому замѣчанію г. Андріяшева, оно произошло очень скоро послѣ увѣтичскаго съѣзда, такъ что авторъ Сказанія даже не упомянулъ о надѣленіи Давыда Дубномъ, Черторыйскомъ и прочими городами[1]). Въ Дорогобужѣ и скончался Давыдъ въ 1112 г.[2]).

Въ сыновья Давыду даютъ обыкновенно т. н. Всеволодка, князя Городна (мѣстечко въ пинскомъ уѣздѣ, между устьями Горыни и Стыра); происхожденіе этого князя въ лѣтописяхъ нигдѣ не указано, предположеніе, что онъ былъ сыномъ Давыда, довольно вѣроятно[3]). Въ такомъ случаѣ по смерти Давыда, дорогобужская волость была отобрана у его сына Святополкомъ или кѣмъ нибудь изъ его преемниковъ и замѣнена Городномъ— изъ туровскихъ волостей[4]).

Пріобрѣтеніе Волыни не удовлетворило Святополка; его, очевидно, гораздо больше интересовалъ Новгородъ, исконный аннексъ Кіева, и онъ не медля обратился къ Мономаху съ

---

[1]) Очеркъ ист. волынск. зем. с. 115.

[2]) Ипатск. л. с. 197, Лавр. с. 275 (подъ 1113 г.).

[3]) Давыдовичемъ Всеволодко названъ у Татищева (II с. 265) и въ старомъ изданіи Радзивилловскаго (Кенигсбергскаго) списка (Библіотека россійская историческая I, 1767, с. 195), но въ подлинникѣ послѣдней Всеволодко Давыдовичемъ не названъ (см Лавр. л. с. 293, въ разночтеніяхъ), это прибавленіе взято, вѣроятно, изъ Татищева, который такимъ образомъ является единственнымъ источникомъ Карамзинъ принялъ это извѣстіе, или домыслъ, а за нимъ и послѣдующіе ученые (Ист. гос. росс. II., пр, 250, Погодинъ, Изслѣдованія VI, с. 96, родословные таблицы Строева и Соловьева—въ ключѣ къ Ист. гос. Росс., роспись 3 и въ Ист. Россіи, табл. 2).

[4]) Что Городенъ принадлежалъ къ туровской волости, это нужно заключить изъ положенія его—между Пинскомъ и Дубровицею, тоже городомъ турово-пинской волости (сравни Лавр. с. 374 и Ипат. с. 426 и 466), г. Довнаръ-Запольскій въ своемъ „Очеркѣ исторіи кривичской и дреговичской земель" впрочемъ причисляетъ Городенъ, какъ и Дубровицу, къ древлянскимъ городамъ (с. 58). Во владѣніи Всеволодка и трехъ его сыновей Городенъ оставался почти все XII ст. (Ипат. с. 210 и 426, Погодинъ, Изслѣдов. VI с. 96, 181—2).

предложеніемъ обмѣнять Волынь на Новгородъ [1]) Объ этихъ переговорахъ лѣтопись разсказываетъ подъ 1102 г. такъ: „приде Мстиславъ, сынъ Володимеръ, с. Новгородци, бѣ бо Святополкъ с Володимеромъ рядъ имѣлъ, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой въ немь, а Володимеру посадити сынъ свой в Володимери, и приде Мстиславъ Кыеву, и сѣдоша въ избѣ, и рѣша мужи Володимери: и се прислалъ Володимеръ сына своего, да се сѣдять новгородци, да поимше сына твоего и идуть Новугороду, а Мьстиславъ да идеть Володимерю". И рѣша новгородци Святополку: „се мы, княже, прислани к тобѣ, и ркли ны тако: не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли двѣ главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли и; а сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь, а ты еси шелъ отъ насъ". И Святополкъ же многу прю имѣвъ с ними, онѣмъ же не хотѣвшимъ, поимше Мстислава, придоша Новугороду" [2]). Кто былъ иниціаторомъ, лѣтопись прямо не говоритъ, но само писаніе показываетъ, что имъ былъ Святополкъ: если бы въ мѣнѣ заинтересованъ былъ Мономахъ, ему незачѣмъ было посылать новгородскихъ пословъ предъ лицо Святополка, и послѣдній не сталъ бы препираться съ ними такъ усердно. Мономаху же эта мѣна, повидимому, была прямо не желательна, иначе, какъ справедливо замѣтилъ Соловьевъ [3]), онъ могъ вмѣстѣ съ Святополкомъ преодолѣть сопротивленіе новгородцевъ; можетъ быть, владѣніе Волынью казалось ему непрочнымъ, затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что она была бы для него владѣньемъ черезполоснымъ, охваченнымъ волостями Святополка; но онъ не нашелъ возможнымъ уклониться отъ предложенія Святополка—опять фактъ любопытный для характеристики существовавшихъ между ними отношеній. Отказъ новгородцевъ вывелъ Мономаха изъ затрудненія; а чтобы Святополкъ не

---

[1]) Если среди волостей Давыда были волынскія (можетъ быть Дубенъ, Бужскъ), и Дорогобужъ былъ данъ въ обмѣнъ за нихъ, то передача послѣдняго Святополкомъ стояла, быть можетъ, въ связи съ намѣреніями промѣнять Волынь: для этого онъ счелъ нужнымъ освободить ее отъ прочихъ владѣтелей.

[2]) Лавр. с. 265—266 (Ипат. с. 181—2).

[3]) Ист. Россіи II, с. 64.

заподозрилъ его во лжи или какихъ либо козняхъ, онъ и препроводилъ новгородцевъ къ нему [1]). Святополкъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, и Новгородъ навсегда ускользнулъ изъ подъ власти его и его рода.

Этимъ собственно закончился волынскій вопросъ. Оглядываясь на его перипетіи, мы видимъ, что почву для него подготовили политическія отношенія второй половины XI в., результаты которой были закрѣплены любечскимъ съѣздомъ; толчекъ дала размолвка Святополка съ Мономахомъ. Политика послѣдняго дала совсѣмъ неожиданное направленіе вопросу: вмѣсто борьбы Давыда Игоревича съ Ростиславичами за объединеніе Волыни и Святополка съ Мономахомъ—за Новгородъ, вышла борьба Святополка съ Давыдомъ и Ростиславичами—для объединенія опять таки другой своей, волынской отчины. Его поддержали Святославичи, вѣроятно, изъ разсчетовъ корыстныхъ, Мономахъ—чтобы отвлечь его отъ болѣе непріятныхъ для него (Мономаха) претензій. Но Святополкъ успѣлъ осуществить свое намѣреніе только отчасти: Ростиславичи сохранили свои владѣнія. Его столкновеніе съ ними, впрочемъ, имѣло, какъ кажется, важное значеніе для послѣдующаго: оно въ значительной степени опредѣлило послѣдующую политику галицкихъ князей (хотя, какъ было замѣчено уже, соперничество между Ростиславичами и волынскими князьями существовало и раньше): галицкіе князья зорко слѣдятъ за своими волынскими сосѣдями, всячески стараются препятствовать ихъ усиленію и особенно боятся соединенія въ однѣхъ рукахъ Волыни съ Кіевомъ; они помнили, что ихъ владѣнія тянули нѣкогда ко Владиміру и боялись, что волынскіе князья, усилившись, захотятъ возвратить эти волости (что, дѣйствительно, и случилось при Романѣ). Особенно характерный примѣръ этой политики представляетъ поведеніе Володимірка, который дружилъ сначала съ Всеволодомъ Ольговичемъ, пока на Волыни сидѣли Мономаховичи, а

---

[1]) Я остановился на объясненіи этого факта потому собственно, что И. В. Лашнюковъ, какъ упомянуто выше, полагалъ, что Мономахъ хотѣлъ вымѣнять Волынь у Святополка и съ этой цѣлью еще раньше настаивалъ на передачѣ Волыни этому послѣднему (ор. с. с. 25).

потомъ сразу „раскоторася“ съ нимъ, „же сѣде сынъ его Володимири“ [1]).

Въ общемъ весь разсмотрѣнный эпизодъ производитъ весьма тяжелое впечатлѣніе: въ политикѣ, въ княжескихъ отношеніяхъ господствуютъ корыстные разсчеты, эгоизмъ, который кажется тѣмъ противнѣе, что въ нашихъ источникахъ по временамъ одѣвается въ личину благочестія, патріотизма; выгода заставляетъ примириться со всякими злодѣяніями и дѣлаетъ приспѣшниками насилій даже такихъ благочестивыхъ людей, какъ Давыдъ Святославичъ и Святоша, такого любимца духовенства, какъ Мономахъ. Только духовенство въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей среди этой оргіи эгоизма не спѣшно и не замѣтно совершало свою миссію—распространенія гуманности и нравственнаго подъема [2]).

Изъ дѣятелей этой поры яснѣе другихъ выступаютъ: Мономахъ, Святополкъ, Давыдъ Игоревичъ и Василько; къ установившейся характеристикѣ послѣднихъ я не имѣю прибавить ничего существеннаго. Святополкъ обрисованъ очень полно въ Сказаніи; рѣшившись на преступленіе подъ вліяніемъ Давыда, онъ робѣетъ и теряется въ опасности, но когда оказывается, что обстоятельства за него, тогда онъ дѣйствуетъ смѣло, нагло, увѣренный въ безнаказанности. Благодаря стеченію обстоятельствъ, ему удалось сыграть въ современной политикѣ роль гораздо болѣе значительную, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ и чѣмъ сколько можно было ожидать, судя по его невеликимъ способностямъ. Мнѣніе, что онъ дѣйствовалъ подъ опекою Мономаха, съ его благосклоннаго соизволенія, совершенно несправедливо; напротивъ, Мономахъ, такъ сказать, былъ сбитъ съ позиціи, дѣйствовалъ въ интересахъ Святополка, хотя, видимо, не сочувствовалъ имъ. Что касается до самого Мономаха, то въ разсмотрѣнныхъ событіяхъ онъ является мнѣ не столько братолюбцемъ и добрымъ страдальцемъ за русскую

[1]) Ипат. л. с. 225.

[2]) На пространствѣ немногихъ, разсматриваемыхъ нами, годовъ, имѣемъ два случая заступничества кіевскаго духовенства предъ Святополкомъ: за Василька и Ярослава Ярополчича.

землю, сколько политикомъ, осторожнымъ, благоразумнымъ, лавирующимъ среди современныхъ политическихъ отношеній и уступающимъ тамъ, гдѣ чуялъ серьезныя препятствія, серьезную борьбу. Мнѣ кажется, что и въ событіяхъ послѣдующей политической дѣятельности его отражается тотъ же характеръ, еще болѣе скраденный обстановкою, внѣшностью; въ сущности онъ является продолжателемъ политики своего отца, только болѣе энергичнымъ, талантливымъ, болѣе чуткимъ въ отношеніи благопристойности [1]).

---

[1]) Воззрѣнія на характеръ Мономаха весьма видоизмѣнялись у отдѣльныхъ ученыхъ, не то что характеристика Святополка, которая установилась еще съ Татищева. Къ Мономаху наши источники относятся очень благопріятно, въ своихъ произведеніяхъ онъ выступаетъ тоже въ очень выгодномъ свѣтѣ, и на первыхъ порахъ въ такомъ же ореолѣ онъ явился и въ исторіи: Татищевъ (II, с. 229) повторяетъ о немъ отзывы лѣтописей, у Карамзина Мономахъ былъ однимъ изъ любимыхъ героевъ (характеристику см. въ т. II, с. 98). Въ противоположность последнему, Н. Полевой въ своей „Исторіи русскаго народа", признавая за Мономахомъ превосходство надъ современниками относительно ума, энергіи и пониманія нуждъ современной Руси, о характерѣ и дѣятельности его сдѣлалъ весьма строгій отзывъ, считая его человѣкомъ хитрымъ, вѣроломнымъ, своекорыстнымъ (см. особенно с. 305, 377 второго тома). Этотъ взглядъ, однако, не получилъ права гражданства въ наукѣ и восторженное отношеніе къ Мономаху встрѣчается и позже (напр. у Хлѣбникова „Общество и государство" (373—374). М. П. Погодинъ посвятилъ вопросу спеціальное „Изслѣдованіе о жизни и дѣлахъ Владиміра Мономаха" (въ Хронолог. указателѣ с. 95—124); ругнувъ „какографію" Н. Полевого и его „бездарныхъ подражателей, уродующихъ русскую исторію", покойный академикъ удовольствовался тѣмъ, что привелъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣ извѣстія о Мономахѣ, безъ критической оцѣнки, и, подведя имъ итогъ (с. 121—124), заявилъ, что „самая строгая историческая критика должна преклониться предъ личностью Мономаха" (с. 124) Н. И. Костомаровъ относился къ традиціонной характеристикѣ Мономаха съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, но признавалъ за нимъ ту заслугу, что въ непросвѣщенной, эгоистичной средѣ тѣхъ временъ „одинъ Мономахъ держалъ знамя общей для всѣхъ правды и собиралъ подъ него силы русской земли (Русск. ист. въ жизнеоп. I, стр. 68). Соловьевъ, отрицая въ Мономахѣ передового человѣка, считая его „лицомъ съ характеромъ чисто охранительнымъ", признавалъ за нимъ тѣ высокія нравственныя достоинства, которыя придаютъ ему источники (Ист. Рос. II, с. 38—40, еще благопріятнѣе характеристика въ Ист. отнош. княз. Рюрик. дома с. 104—6); приблизительно на этой же точкѣ зрѣнія стоятъ г. Иловайскій (Ист. России, I, с. 142—3, 147—8) и Протопоповъ въ изслѣдованіи „Поученіе Мономаха" (Ж. М. Н. П. 1874, II, с. 238—243). Наоборотъ, по мнѣнію И. В. Лашнюкова дѣятельность Мономаха не была чисто консервативною (ор. с. с. 37), съ другой стороны — въ этой дѣятельности онъ усматривалъ эгоизмъ и даже жестокость, хотя въ то же

Этимъ я закончу свои соображенія, навѣянныя изученіемъ источниковъ нашей исторіи. Тревожа покой давно почившихъ дѣятелей, я имѣлъ цѣлью дать болѣе справедливое и безпристрастное объясненіе и оцѣнку ихъ дѣятельности; насколько удалось мнѣ приблизиться къ осуществленію этой цѣли, предоставляю судить людямъ болѣе меня компетентнымъ, повторяя слова стараго списателя: „чтите исправливая Бога дѣля, а не кленитe, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ".

М. Грушевскій.

время находилъ въ Мономахѣ „гармонію нравственной чистоты и высокаго героизма съ свѣтлымъ умомъ, житейскимъ тактомъ, широтою натуры" (с. 25, 38, 39). Скептическое отношеніе къ Мономаху и у нѣкоторыхъ новѣйшихъ кіевскихъ историковъ— у П. В. Голубовскаго (Исторія сѣверск. зем. с. 81, 89, 101), Д. И. Багалѣя (Ист. сѣв. з. с. 173), Андріяшева (Ист. волын. з. с. 115).

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

VI.

Путешествіе.—Царство Польское.—Польская уланская дивизія.

Когда польская молодежь бердичевской округи и умомъ, и сердцемъ стремилась сдѣлаться людьми сабли и пера, начали поговаривать о намѣреніяхъ императора Николая объявить войну Турціи за освобожденіе христіанъ и славянъ. Несмотря на національный духъ, пылкій и легко возбуждаемый, который господствовалъ въ этой округѣ и который воспоминаніями о конфедераціяхъ, св. Маркѣ и болѣе всего католицизмомъ раздѣлялъ поляковъ отъ русскихъ и мѣшалъ возрастанію того соглашенія, сѣмена котораго были брошены въ сердца польской молодежи продолжительнымъ общеніемъ и братаньемъ съ русскими офицерами и воспоминаніями объ обществѣ зеленой книги, несмотря на историческое напоминаніе о союзѣ наступательномъ и оборонительномъ между Польшей и Турціей, которое оглашалось и защищалось семействомъ Ржевускихъ по той причинѣ, что ихъ предокъ подписалъ, какъ уполномоченный короля и Рѣчи Посполитой, этотъ трактатъ вѣчнаго мира, и Потоцкимъ, владѣльцемъ Бѣлиловки, бывшимъ посломъ короля Станислава и Рѣчи Посполитой въ Стамбулѣ, общій голосъ, даже голосъ старшаго поколѣнія поляковъ, признавалъ эту войну справед-

[1]) См. „Кіевская Старина", 1891 г., № 4.

ливой, логичной и необходимой, потому что она была за христіанъ и славянъ, которые, будучи оставлены на произволъ судьбы, могли бы утратить и вѣру, и народность.

Камергеръ и подканцлеръ Каменскіе объѣзжали сосѣдей, говоря: „Война нужна и должна быть, чтобы не прошла давность, такъ какъ иначе дверь захлопнется. Потому что въ политикѣ, господа, какъ и въ судѣ, есть давность, не требовать чего нибудь въ теченіе срока, установленнаго закономъ, значитъ утратить даже право домогательства. У государя такіе юристы, какихъ нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ. Нессельроде и кн. Адамъ Чарторыйскій принадлежатъ къ одной школѣ. Нельзя засыпать, чтобы, проснувшись, не увидѣть христіанъ обращенными въ мусульманство, а славянъ потурченными. Грѣхъ былъ бы и предъ Богомъ, и предъ людьми за гибель столькихъ душъ. Должна быть война не на животъ, а на смерть".

Подкоморій прибавлялъ, что пошлетъ на войну трехъ своихъ сыновей, а четвертый, ксендзъ, будетъ молиться за нихъ Богу. Камергеръ потиралъ руки и говорилъ: „и я послалъ бы свою Януарію, да вотъ если она попадетъ въ какой нибудь гаремъ! Еще еслибы она попала въ Роксоланы, это бы ничего, но въ одалиски я не согласенъ, пусть лучше охотится на тетеревовъ, учитъ молодежь стрѣлять изъ шалашей, и это на что нибудь пригодится".

Маршалокъ Пильховскій, встрѣтившись на какомъ то съѣздѣ съ сенаторомъ Ржевускимъ изъ Погребищъ и съ Потоцкимъ изъ Бѣлиловки, началъ разсуждать о трактатахъ и сыпалъ, какъ градомъ, аргументами въ пользу нарушенія послѣдняго союза Польши съ Турціей. Потоцкій сказалъ ему, что онъ не можетъ объ этомъ судить, какъ человѣкъ несвѣдущій въ общественныхъ дѣлахъ, что судить объ этомъ имѣютъ право только такіе люди, какъ онъ, Потоцкій, люди, обладающіе научными свѣдѣніями и политическимъ смысломъ, избранные въ представители Польши королемъ и Рѣчью Посполитою.

Пильховскій возразилъ: „Рѣчь Посполитая знала, какую голову послать къ такимъ головамъ, а его величество король— какихъ пословъ послать".

Оскорбленіе привело бы къ вызову на поединокъ, еслибы сенаторъ Ржевускій не пришелъ на помощь Потоцкому, въ своей искусной рѣчи немилосердно побивая Пильховскаго историческими аргументами. Пильховскій уже было сложилъ оружіе, когда сенаторъ съ высокомѣріемъ закончилъ: „союзъ долженъ былъ быть спасительнымъ, если мой предокъ подписалъ его, потому что это былъ Ржевускій, а не кто иной!“

Пильховскій вскочилъ.

„Панъ сенаторъ, мы знаемъ, что Ржевускіе—люди умные, не то что другіе, и вотъ вслѣдствіе то этого ума они и готовы служить за деньги тому,—кто больше дастъ“.

Поднялся большой шумъ, но маршалокъ Пильховскій всѣхъ перекричалъ, и когда хотѣли покончить дѣло возліяніями, Пильховскій сталъ на колѣна съ чаркой въ рукѣ, и когда всѣ также стали на колѣна подлѣ него, провозгласилъ тостъ:

„На здоровье намъ, мелкой шляхтѣ, и на горе и стыдъ вамъ, великимъ панамъ!“

И Ржевускій, и Потоцкій выпили этотъ тостъ и, убрались изъ шляхетской компаніи, а шляхта кричала браво и носила на рукахъ запыхавшагося маршалка, а потомъ пили тосты: за Бѣлаго царя, за христіанъ, за погибель невѣрныхъ.

Этотъ случай показываетъ настроеніе умовъ среди помѣщиковъ.

Въ это время появился въ Бердичевѣ молодой капитанъ Милорадовичъ, адъютантъ фельдмаршала Сакена, родомъ сербъ, очень горячій славянскій патріотъ; онъ сошелся съ польской молодежью, говорилъ вездѣ о страданіяхъ славянъ, и поляки, зажиточная шляхта, начали вступать въ русскіе гусарскіе и уланскіе полки. Между этими поляками были: два брата Грузинскихъ, трое Каменскихъ, двое Трипольскихъ, Карлъ Бучинскій, Берчковскій, Антоній Бардецкій, Красовскій — всѣ изъ одной округи; и дивизіи третья гусарская и шестая уланская наполнились волонтерами изъ сыновей зажиточнѣйшихъ помѣщиковъ юго-западнаго края.

Одинъ изъ этой молодежи, Микульскій, сынъ скарбника нурскаго, былъ прикомандированъ къ коммиссаріату въ Бесса-

рабіи, въ Измаилѣ, съ порученіемъ вступить въ соглашеніе съ запорожцами, жившими на правомъ берегу Дуная подъ властью и покровительствомъ турецкаго правительства. Микульскій былъ очень хорошо знакомъ съ исторіей козаковъ; упоминаю объ этомъ потому, что отъ него перваго получили мы обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ вооруженныхъ выходцахъ изъ запорожскаго войска. Онъ такъ добросовѣстно и точно занимался выполненіемъ возложеннаго порученія, что спустя много лѣтъ я нашелъ на мѣстѣ все въ такомъ же видѣ, въ какомъ тогда описывалъ Микульскій, который былъ съ нами въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Я былъ тогда еще слишкомъ молодъ, чтобы вступить въ армію, чего мнѣ очень хотѣлось. Моя мать, которая вовсе не хотѣла видѣть меня военнымъ, рѣшила послать меня въ Варшаву, въ университетъ, чтобы тамъ изученіемъ права и администраціи я закончилъ свое образованіе.

Карлъ Ружицкій, бывшій ремонтеромъ 2-го полка польскихъ уланъ, ради возможности сидѣть дома и дослуживать до пенсіи, какъ разъ въ это время высылалъ 19 сѣрыхъ лошадей, почти все изъ нашего табуна, въ полкъ съ подпоручикомъ Августиномъ Сѣрковскимъ, но теперь онъ рѣшилъ ѣхать самъ, чтобы отвезти меня въ Варшаву и разсчитаться и переговорить съ Дверницкимъ, въ то время полковникомъ и командиромъ 2-го уланскаго полка, расположеннаго тогда въ Красноставѣ.

Іосифъ Дверницкій, родомъ изъ юго-западной Руси, былъ несомнѣнно однимъ изъ лучшихъ кавалерійскихъ офицеровъ въ польскомъ войскѣ, какъ на маневрахъ, такъ и на полѣ битвы. Уставъ, написанный имъ по польски и по русски, былъ утвержденъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ и сдѣланъ обязательнымъ элементарнымъ уставомъ въ обоихъ войскахъ единаго монарха. Но этотъ же Дверницкій, снискавши любезностями, за которыми у него никогда не было остановки, и подарками, которые онъ умѣлъ подносить во время, расположеніе генерала Коруты и генерала Ружницкаго, проматывалъ деньги, свои и казенныя, а полковое хозяйство у него было въ плачевномъ положеніи: жалованье не всегда платилось, ремонт-

ныя лошади не покупались, какъ слѣдовало по закону, по которому восьмая часть лошадей ежегодно продавалась и на ихъ мѣсто покупались новыя.

За привилегію сидѣть дома Ружицкій долженъ былъ доставлять лошадей въ кредитъ, т. е. платить за нихъ до разсчета съ полковникомъ. Офицеры и юнкера, которые хотѣли безъ отпуска пользоваться отпускомъ и считаться прикомандированными къ ремонту, были обложены такой же контрибуціей. Такимъ образомъ собиралось иногда до 30 лошадей, хорошихъ, породистыхъ, но все таки и этого количества было мало. Наибольшая часть контрибуціи бралась изъ нашего табуна, а съ Ружицкимъ разсчитывались деньгами, которыхъ онъ, кажется, никогда не видѣлъ. Но все таки наши лошади пріобрѣли себѣ славу, и это было удовлетвореніемъ для моей матери.

Я разставался съ матерью и съ родственниками съ горькимъ чувствомъ, какъ будто отправлялся на тотъ свѣтъ. Эта Варшава, не знаю почему, казалась мнѣ такой чужой, такой не козацкой, не славянской, не нашей, что я предпочелъ бы поѣхать въ древній Кіевъ или даже въ заднѣпровскій Харьковъ; но дѣлать было нечего: такъ хотѣла моя мать и такъ должно было быть. Все въ Гальчинцѣ казалось мнѣ такимъ прекраснымъ, такимъ очаровательнымъ, что я не могъ досыта насмотрѣться на каждый предметъ, а Долотъ такъ терся возлѣ меня, такъ ласкался, словно хотѣлъ сказать: „не ѣзди, останься съ нами". Игнатъ, старый слуга моего отца, который няньчилъ меня ребенкомъ, возилъ въ школу и почти ни на шагъ не отходилъ отъ меня, плакалъ, но все твердилъ: „Надо ѣхать, пани велитъ—она знаетъ, что дѣлаетъ". Старый Янекъ ворчалъ, что меня увозятъ какъ разъ въ то время, когда я сталъ дѣлаться добрымъ охотникомъ, а Топчевскій поклялся мнѣ самымъ торжественнымъ образомъ, что не позволитъ охотиться за зайцами и лисицами на гальчинецкихъ земляхъ, а будутъ охотиться далеко въ чужихъ владѣніяхъ, и что я могу быть увѣренъ, что моя охота будетъ въ такомъ же состояніи, какъ я ее оставляю. Оранскій обѣщалъ также заботиться о

моихъ книгахъ и древностяхъ. Я попрощался съ матерью; она меня благословляла и цѣловала, но не проронила ни одной слезы. Сестры плакали; вся громада прощалась, и мнѣ казалось, что я ѣду за море или по крайней мѣрѣ за горы и рѣки.

Янъ Омецинскій ѣхалъ съ нами до Кременца. Ѣхали мы по польски, по шляхетски. Наши верховыя лошади и нѣсколько борзыхъ для подарковъ пошли съ подпоручикомъ Сѣрковскимъ и съ ремонтомъ прямо на Устилугъ, мы ѣхали въ двухъ экипажахъ съ чемоданами и сундуками; бричка съ кухней, поваромъ и лягавой собакой слѣдовала за нами. Такимъ образомъ мы тронулись въ путь.

Мы проѣхали черезъ Бердичевъ; весь городъ и евреи представлялись моимъ глазамъ въ такомъ прекрасномъ свѣтѣ, что мнѣ не хотѣлось ихъ покидать, и въ тотъ моментъ я былъ убѣжденъ, что не встрѣчу подобнаго города, гдѣ можно достать все кромѣ птичьяго молока, какъ издавна говорили о Бердичевѣ, а нѣкоторые шляхтичи добавляли, что кто знаетъ, можетъ быть жиды нашли бы и птичье молоко, еслибы это принесло имъ хорошій барышъ.

Я не думаю описывать дорогу по лѣсамъ и пескамъ, да и что бы я сказалъ о ней кромѣ того, что за лѣсомъ шелъ песокъ, а за пескомъ опять лѣсъ. Не буду также перечислять городовъ, селъ, рѣкъ, ручьевъ, пригорковъ, болотъ, потому что это можно найти на стратегической картѣ. Разскажу только о томъ, что мнѣ пришлось видѣть болѣе любопытнаго, но разскажу сообразно своимъ взглядамъ на вещи.

Къ обѣду мы пріѣхали въ Жидовцы. Обѣдъ былъ гигіеничный, но удовлетворилъ бы гастронома, были даже жареные дрозды, а вино было такое, какое пили наши отцы еще до саксонцевъ. Достопримѣчательностью здѣсь былъ старый Шлемеръ, родомъ чехъ, допотопный бердичевскій врачъ. Жилъ онъ за полмили отъ города; практиковать началъ еще при саксонцахъ. Каждый день, съ восходомъ солнца, садился онъ въ маленькую коляску, запряженную парой чубарыхъ лошадокъ: кучеръ его одѣтъ въ миндальнаго цвѣта кафтанъ съ блестящими пуговицами, въ круглой лакированной шляпѣ съ павлиньимъ

перомъ; камердинеръ былъ въ желтыхъ брюкахъ до колѣнъ, въ коричневомъ фракѣ, въ ярко-зеленомъ жилетѣ, въ напудренномъ парикѣ, въ складной шляпѣ, красныхъ чулкахъ, башмакахъ съ пряжками, словно римскій монсиньоръ. Самъ баринъ и лѣтомъ, и зимой ходилъ въ свѣтло-зеленомъ фракѣ съ перламутровыми пуговицами, венгерскихъ брюкахъ перловаго цвѣта и венгерскихъ сапогахъ съ отворотами, на головѣ фуражка съ поднятымъ вверхъ козырькомъ, въ дамскихъ перчаткахъ, съ нимъ всегда была палка съ золотой собачьей головкой и довольно большая шкатулка, оправленная въ червонное золото. Коляска, лимонно-желтаго цвѣта, была обита внутри краснымъ сафьяномъ съ желтой тесьмой; за коляской бѣжали двѣ собаки, изъ породы такъ называемыхъ „лампартовъ“, такой же масти какъ и лошади. Такимъ образомъ объѣзжалъ онъ всѣ улицы города, не останавливаясь, а подвигаясь медленно, шагъ за шагомъ. Евреи подходили, объясняли свои болѣзни и бросали полтинники въ шкатулку, а докторъ давалъ имъ маленькіе флакончики съ фіалковымъ масломъ. Это было универсальное лѣкарство, такъ же хорошо помогавшее при мигрени, какъ и при вывихѣ ноги, при лихорадкѣ, какъ и при ранѣ. Паціенты употребляли его и должно быть вылечивались, потому что приходили снова и платили деньги. Если самъ Шлемеръ отправлялся съ визитомъ къ какому нибудь богатому паціенту или на съѣздъ помѣщиковъ, такъ какъ онъ принималъ участіе въ выборахъ, то объѣзжалъ Бердичевъ его камердинеръ и результатъ получался тотъ же. Такъ шло дѣло втеченіе 78 лѣтъ до 1831 г. У Шлемера была прекрасная деревня и огромные капиталы въ звонкой монетѣ, находившіеся на храненіи у босыхъ кармелитовъ. У него была сестра, чешка, двумя годами моложе него, оставшаяся въ дѣвицахъ, потому что не хотѣла выходить за нѣмца, а славянина не находилось, и вторая жена, пани Софья, 18-лѣтняя барыня, довольно красивая; мужъ онъ былъ примѣрный на рѣдкость. У него былъ табунъ лошадей прекрасной породы и ежегодно, въ день св. Михаила, онъ дарилъ мнѣ одну изъ нихъ въ знакъ пріязни и въ память того, что, пріѣхавши изъ Чехіи, онъ началъ свою карьеру въ качествѣ врача при архидіаконѣ Ѳаддеѣ

Чайковскомъ, а послѣ его смерти перешелъ къ кіевскому уніатскому митрополиту Росцишевскому и, двигаясь дальше и дальше, сдѣлался наконецъ богачемъ. Когда то Шлемеръ былъ красивымъ мужчиной и пользовался большимъ успѣхомъ у прекраснаго пола; первая его жена, урожденная Звольская, которую онъ развелъ съ ея первымъ мужемъ, была одной изъ красивѣйшихъ женщинъ на Украинѣ. У Шлемера была псарня, и всѣ собаки назывались *Попе*, или *Линда*; какъ только издыхалъ одинъ изъ сопровождавшихъ его псовъ, то тотчасъ замѣнялся новымъ. Кучера и камердинеры смѣнялись, но ихъ костюмъ оставался неизмѣннымъ. Скорѣе могъ измѣниться самъ Шлемеръ, чѣмъ его свѣтло-зеленый фракъ или желтая коляска.

Изъ Жидовцевъ мы поѣхали въ Адамполь къ моей двоюродной сестрѣ Өеодосіи Третьяковой, которую я очень любилъ, потому что она была мужчиной по уму и женщиной по сердцу. Добрая мать для своихъ дѣтей, распорядительная хозяйка—она вела все хозяйство,—пани Третьякова была всей душей предана славѣ дома Ястржембцевъ, я былъ Веніаминомъ ея сердца, она надѣялась, что обо мнѣ будутъ упоминать въ исторіи. Въ это время она была сильно разгнѣвана на то, что какой то Чайковскій герба Дубъ изъ Галичины въ послѣднемъ изданіи какого то гербовника помѣстилъ рыцарскій родъ Ястржембцевъ между родами герба Дубъ, родами мирныхъ землевладѣльцевъ. Это ее очень огорчило и она готовилась къ процессу предъ высшимъ судомъ за такое поношеніе. Мужъ моей двоюродной сестры, Михаилъ Третьякъ, очень честный и благовоспитанный помѣщикъ, постоянно трудился надъ разрѣшеніемъ философскихъ вопросовъ; что это были за вопросы, неизвѣстно, потому что изъ его трудовъ ни одинъ не вышелъ въ свѣтъ.

У Игнатія Стемпковскаго, внука извѣстнаго региментаря, въ Жолудкахъ, мы нашли очень любопытную коллекцію шапокъ; въ длинной галлереѣ было ихъ, занумерованныхъ и съ надписаніемъ даты, страны и моды, 1812, начиная съ тѣхъ, которыя носили строители вавилонской башни, когда всѣ гово-

рили еще на одномъ языкѣ, до шапочки въ формѣ дыни, только что привезенной изъ Варшавы, куда она прибыла прямо изъ Лондона изъ жокей-клуба.

У Эдуарда Петриковскаго также была коллекція, но уже не шапокъ, а батоговъ, канчуковъ, ногаекъ, арапниковъ, плетокъ, хлыстовъ и т. п., ихъ было до тысячи, также съ надписями, съ датами и объясненіями относительно каждаго рода; мы насчитали 64, относящихся къ ордену іезуитовъ,—должно быть превелебные отцы хорошо вколачивали разумъ въ головы своихъ питомцевъ.

Посѣтили мы и Волицу надъ Случью, потому что тамъ была достопримѣчательность, о которой я упоминалъ въ прежнихъ моихъ сочиненіяхъ, и о которой разскажу еще разъ, какъ объ очень любопытномъ феноменѣ. Это былъ Алоизій Выжиковскій. Потомокъ богатой и знатной фамиліи на Украинѣ, унаслѣдовавшій отъ отца состояніе въ нѣсколько милліоновъ, онъ на двадцатомъ году былъ капитаномъ гвардейскихъ драгунъ, адъютантомъ фельдмаршала Витгенштейна, чуть не попалъ въ флигель-адъютанты, на 24-мъ году онъ сталъ мужемъ самой красивой женщины, какую только можно вообразить, Людвики Грузинской. Вслѣдствіе своего обжорства и сластолюбія, онъ прожилъ состояніе, испортилъ карьеру, свелъ въ гробъ жену отъ огорченія, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ честнымъ и благовоспитаннымъ человѣкомъ, уважаемымъ помѣщикомъ, котораго нельзя было ни въ чемъ упрекнуть. Обжорство было его страстью, болѣзнью и природнымъ свойствомъ; ни собственный его разумъ, ни совѣты пріятелей, ни просьбы родныхъ, ни запрещенія врачей, ни даже страхъ смерти не могли сдержать его. У него было три повара: одинъ для приготовленія мясныхъ блюдъ, другой—рыбныхъ, третій—печеній и овощей и кондитеръ, и, дѣйствительно, всѣ были мастерами своего дѣла. Ѣлъ панъ Алоизій весь день почти безпрестанно.

Мы застали п. Алоизія уже превратившимся изъ владѣльца Рогинецъ, стоившихъ четыре милліона, въ помѣщика

Волицы, цѣнность которой не превышала 300,000 злотыхъ польскихъ. Жена его была уже больна; тетка Шидловская всячески бранила Алоизія, а онъ ѣлъ, пилъ и думалъ только о забавахъ. По случаю нашего пріѣзда онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ сосѣдей и устроилъ балъ съ танцами.

Наконецъ, мы пріѣхали въ Устилугъ, гдѣ ждалъ насъ поручикъ Сѣрковскій съ 19-ю ремонтными лошадьми. Въ ту же ночь съ другого берега рѣки были переправлены, но не по мосту, а вплавь 81 бѣлая лошадь. Не теряя времени, уланы приготовили краску изъ синьки съ углемъ и принялись раскрашивать приведенныхъ лошадей. На другой день, около полудня, когда лошади обсохли и казались темно-сѣрыми, мы переѣхали черезъ мостъ и остановились у таможни, гдѣ насъ ждали директоръ таможни, отставной маіоръ польскихъ войскъ Вежлуцкій, и маіоръ Быдловскій, адъютантъ генерала Ружницкаго. Они осмотрѣли коней по одиночкѣ, хвалили ихъ породистость и особенно темно-сѣрую масть, которая доказывала ихъ молодость и крѣпость, и затѣмъ каждый отъ себя послалъ рапортъ своему начальству о томъ, что изъ Украины приведено для ремонта 2-го уланскаго полка сто темно-сѣрыхъ молодыхъ лошадей прекрасной породы.

Такъ обдѣлывалъ дѣла Дверницкій: старыхъ полковыхъ клячъ, едва волочившихъ ноги, онъ перекрашивалъ въ горячихъ жеребцовъ и ему вѣрили.

Скоро мы пріѣхали въ Красноставъ, гдѣ былъ расположенъ 2-й уланскій полкъ и гдѣ жили полковникъ Дверницкій и бригадный командиръ герцогъ Адамъ Виртембергскій, мать котораго была урожденная княжна Чарторыйская.

Теперь я былъ уже въ царствѣ польскомъ, въ Красноставѣ, принадлежавшемъ магнату-демократу. Шляхтѣ онъ нашептывалъ: „шляхтичъ на загродѣ равенъ воеводѣ“, такъ какъ зналъ, что ниодинъ изъ участниковъ съѣзда не можетъ претендовать на канцлерство или на гетманство, а бла-

годаря вызванному этимъ „nie pozwalam!“, этому несчастному liberum veto, не дадутъ достигнуть этого званія и другимъ. Во всякомъ случаѣ это былъ великій государственный человѣкъ и великій военачальникъ.

На площади была квартира Дверницкаго. Дворъ былъ наполненъ осѣдланными конями, экипажами, уланами, евреями и собаками разныхъ породъ. Вездѣ было движеніе и жизнь. Въ передней солдаты и унтеръ-офицеры угощались зельтерской водой съ шампанскимъ. Въ комнатахъ было полно офицеровъ и штатскихъ. Одни играли въ карты, другіе въ билліардъ; нѣкоторые пили шампанское или венгерское; иные ѣли, курили трубки, громко разговаривали. Красивая пани Деболина играла на фортепіано какую то арію, а полковникъ, съ огромнымъ брюхомъ, завитой, расфранченный пѣлъ подъ ея аккомпаниментъ. Музыка гремѣла въ залѣ, а уланы кутили. Подполковникъ Гавронскій, также украинецъ, худощавый, тонконогій точно каланча, съ желтымъ какъ пергаментъ лицомъ, прохаживался среди веселой толпы и ворчалъ:

— Офицеръ не получалъ жалованья, не даютъ жалованья и солдатамъ, половины лошадей въ полку нѣтъ, долговъ полно, что это будетъ?

Метельскій, которому подъ Смоленскомъ въ то время, когда онъ велъ свой отрядъ въ атаку, пуля попала въ губу и вышла черезъ щеку, чтó онъ замѣтилъ только на взятой батареѣ, теперь полковой квартирмейстеръ, услышавъ ворчанье Гавронскаго, подошелъ:

— Эхъ, подполковникъ, будемъ пользоваться жизнью, пока позволяютъ годы. Сегодня мы господа, а завтра Богъ знаетъ, что съ нами будетъ. Такъ то.

Въ полкъ пріѣхали двое юношей опредѣляться въ юнкера: Людвигъ Піотровскій и Феликсъ Якубовскій. Дверницкій сталъ ихъ разспрашивать о родственникахъ и объ имуществѣ, потому что они оба были изъ Украины.

Первому, который сказалъ, что дѣла его отца разстроены, онъ посовѣтовалъ ѣхать къ полковнику Томинскому для поступленія въ 1-й полкъ, тамъ-де мундиръ гранатовый съ малиновымъ воротникомъ, или къ полковнику Рутою, въ 4-й полкъ,—тамъ вороные козацкіе кони. Второму же, который сообщилъ, что у его отца много имѣній и что онъ пріѣхалъ на четверкѣ сѣрыхъ лошадей и привелъ еще трехъ верховыхъ, тоже сѣрыхъ, сказалъ: „Къ тебѣ будетъ идти бѣлый воротникъ, оставайся съ нами, черезъ мѣсяцъ мы произведемъ тебя въ подпрапорщики" и затѣмъ обратился къ Олтаржевскому: „Капитанъ! Осмотрите этихъ лошадей, и если окажутся хорошими, возьмите въ эскадронъ. Потомъ разсчитаемся".

Гуляли, шумѣли; ни офицеры, ни солдаты и не вспоминали о жалованьи, и все какимъ то образомъ держалось.

Таковъ то былъ полковникъ Дверницкій, безъ сомнѣнія самый способный и самый образованный изъ кавалерійскихъ офицеровъ польскаго войска, хотя и не начавшій свою службу съ рядового, потому что поступилъ въ 1809 г. въ уланскій полкъ Тржецѣвскаго прямо эскадроннымъ командиромъ. Никто лучше него не зналъ службы обозной, полевой, никто не превосходилъ его на ученіяхъ и маневрахъ, никто не могъ быстрѣе и удачнѣе его приложить теорію къ практикѣ. Въ кампанію 1812 г. онъ, послѣ генерала Квасневскаго, выказалъ наиболѣе достоинствъ кавалерійскаго офицера, а въ 1813 г., командовалъ сборнымъ полкомъ кракусовъ. По возвращеніи въ Польшу, онъ получилъ порученіе организовать и принять въ командованіе 2-й уланскій полкъ. Очень тучный, онъ вскакивалъ на коня безъ стременъ, легко танцовалъ мазурку, любилъ веселиться и принимать гостей. Почти всѣ офицеры въ его полку были родомъ изъ Украины, Подоліи и Волыни, многіе изъ нихъ были сыновья богатыхъ родителей и хорошо воспитаны; чтобы угодить полковнику, они держали танцовальныхъ учителей, а кто не умѣлъ танцовать—учился; у всѣхъ были охотничьи ружья, борзыя, гончія и лягавыя,—охота была модной забавой въ этомъ полку; полковой

оркестръ былъ превосходно составленъ изъ хорошихъ музыкантовъ. Веселились постоянно. Что же касается жалованья, то его не платили даже солдатамъ и никто не жаловался на полковника. Помѣщики доставляли провіантъ для людей, фуражъ для лошадей и едва ли когда нибудь получали за это деньги, но за то веселились и охотились у полковника. Меня увѣряли, что во 2-мъ уланскомъ полку никогда не было болѣе 500 лошадей, а полагалось 800, но и въ Варшавѣ, и въ провинціи на маневры, парады и смотры полкъ выступалъ съ полнымъ комплектомъ лошадей. Дѣло въ томъ, что у всѣхъ офицеровъ упряжныя, верховыя и охотничьи лошади были сѣрыя; кромѣ того помѣщики, купцы, даже извозчики доставляли, въ случаѣ надобности, своихъ лошадей, — такъ всѣ любили полковника. Дверницкій такимъ образомъ объяснялъ эту любовь. Съ полякомъ, говорилъ онъ, нельзя иначе поладить, какъ только прикинувшись глупѣе него, чтобы всякъ думалъ: я этого простака буду водить за носъ, какъ мнѣ вздумается. И тогда ему не придетъ и въ голову никакая оппозиція и имъ можно играть какъ пѣшкой. И онъ былъ вполнѣ правъ; будучи человѣкомъ умнымъ и хорошо воспитаннымъ, даже ученымъ, онъ часто прикидывался простакомъ, и въ теченіе всей жизни распоряжался поляками и былъ любимъ ими. Каждый думалъ про него: „пороху онъ не выдумаетъ, но человѣкъ хорошій, и лучше пусть онъ пляшетъ подъ нашу дудку, чѣмъ имѣть такого, который заставилъ бы насъ плясать подъ свою дудку“.

Дверницкій не былъ демократомъ, скорѣе онъ былъ консерваторомъ, даже монархистомъ и добрымъ шляхтичемъ, но, имѣя зубъ противъ кн. Адама Чарторыйскаго, состоялъ въ оппозиціи противъ аристократіи. Эти отношенія возникли по слѣдующему поводу.

Дверницкій, притѣсняемый генераломъ Ружицкимъ за безпорядки по командованію полкомъ, находился въ очень печальномъ положеніи. Ему нужно было 100,000 злотыхъ, чтобы замять дѣло. Онъ отправился прямо въ Пулавы къ кн. Адаму Чарторыйскому и тотъ велѣлъ выдать ему требуемую сумму, на которую полковникъ выдалъ росписку съ обозначеніемъ срока.

Срокъ прошелъ, а полковникъ изворачивался, какъ лисица, чтобы не встрѣтиться съ княземъ Адамомъ. Послѣдній же, напротивъ, старался увидѣться съ нимъ,—не ради полученія денегъ, а потому, что слышалъ о его выдающихся качествахъ и хотѣлъ завязать съ нимъ болѣе близкія отношенія. Однажды онъ встрѣтилъ Дверницкаго въ Варшавѣ, пригласилъ въ свой экипажъ и привезъ во дворецъ Чарторыйскихъ, гдѣ, наговоривши много комплиментовъ, сказалъ:

— Чтобы не было ничего, что заставляло бы полковника уклоняться отъ встрѣчъ со мною, уничтожимъ этотъ пустякъ.

И бросилъ росписку въ огонь. Дверницкій ничего не отвѣтилъ, распрощался очень вѣжливо, но потомъ обидѣлся за такой поступокъ со шляхетской подписью, хотя и признавался, что никогда не заплатилъ бы этого долга.

Я видѣлъ всѣ четыре уланскіе полка собранными подъ Левартовымъ. Ничего красивѣе, великолѣпнѣе, образцовѣе нельзя было встрѣтить. Старые уланы совершенно пасовали предъ отважной и разгульной молодежью, большею частью изъ юго-западной Россіи, которая стремилась облечься въ уланскія куртки и шапки, чтобы подъ руководствомъ старыхъ и опытныхъ учителей утвердиться въ воинской отвагѣ и патріотизмѣ. Какъ великолѣпно выглядѣлъ 1-й эскадронъ 4-го уланскаго полка, состоявшій изъ сѣдоусыхъ старцевъ съ крестами на груди подъ командой семидесятилѣтняго капитана Филибана, гдѣ младшимъ подпоручикомъ былъ 55-лѣтній Крыжановскій. Какъ красиво выглядѣли они рядомъ съ молодыми уланами, у которыхъ едва пробивались черные усики на верхней губѣ, щеки которыхъ были покрыты румянцемъ, какъ у дѣвушекъ, такими ловкими, что казалось, будто они скачутъ вмѣстѣ съ конемъ. Красиво выглядѣли и Метельскій съ прострѣленнымъ лицомъ, и Кобылинскій съ выбитымъ пулею глазомъ, и Гавронскій, исколотый пиками, рядомъ съ мужественнымъ Ковальскимъ, Олтаржевскимъ и другими. Такой гармоніи нигдѣ и никогда

не видывали у поляковъ, потому что тогда во главѣ ихъ стоялъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, котораго боялись, но котораго любили. Молодые почитали старшихъ; старые не чувствовали нерасположенія и зависти къ молодымъ. Былъ порядокъ, была дисциплина. Была гроза и былъ страхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Переселеніе заштатныхъ церковниковъ въ Новороссію при Екатеринѣ II [1].

Екатерина II, указами отъ 19 апрѣля 1788 г. на имя военной коллегіи, а также генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, предписала „обратить оставшихся сверхъ штата и надобности церковниковъ на службу военную“, при этомъ предоставила малороссійскому генералъ-губернатору гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому употребить по своему усмотрѣнію находившихся въ трехъ малороссійскихъ губерніяхъ сверхштатныхъ церковниковъ. За отсутствіемъ Румянцева, Екатерина не могла получить свѣдѣній, какимъ образомъ исполнено ея приказаніе, а между тѣмъ ей стало извѣстно,—какъ говорится въ указахъ отъ 1 іюня 1789 г., посланныхъ губернаторамъ—кіевскому Ширкову, черниговскому—Милорадовичу и новгородсѣверскому Бибикову,—„что флоту черноморскому настоитъ надобность въ людяхъ къ званіямъ учениковъ корабельнаго строенія, клерковъ, штурмановъ и тому подобныхъ“, а потому она повелѣла—„по учиненіи справки съ преосвященными, митрополитомъ и епископами, объ остающихся сверхъ надобности церковныхъ, священническихъ и дьяконскихъ дѣтяхъ, такожъ церковникахъ и ихъ дѣтяхъ, обратить ихъ, по сношенію съ нашимъ генералъ-фельдмаршаломъ, екатер., тавр. и харьков. генералъ-губернаторомъ кн. Гр. Алекс. Потемкинымъ-Таврическимъ, для опредѣленія по надобности въ адмиралтействѣ и флотѣ черноморскомъ

[1]) Составлено на основаніи дѣлъ, хранящихся въ Николаевскомъ портовомъ архивѣ.

по его разсмотрѣнію, и въ слѣдствіе того отправить оныхъ, куда отъ помянутаго генерала назначено будетъ, впрочемъ, есть ли между ними найдутся и женатые, оные съ семействомъ ихъ по близости мѣстъ посланы и тамъ выгоднымъ образомъ помѣщены быть могутъ".

Исполняя высочайшую волю, черниговскій губернаторъ Милорадовичъ отправилъ въ Херсонъ въ 4-хъ партіяхъ исключенныхъ преосвященнымъ черниговскимъ и нѣжинскимъ Іерофеемъ изъ духовнаго штата церковниковъ. Такихъ оказалось 100 д. м. п. (изъ нихъ безсемейныхъ 24) и женщинъ 75, всего 175 д. Къ заштатнымъ церковникамъ были присоединены и тѣ (изъ заштатныхъ же церковниковъ), „кои (говорится въ отношеніи губерн. Милорадовича черн. адм. правленію, отъ 27 сент. 1789 г.), будучи по желанію своему причислены въ мѣщанство (въ 1784 г.), не удовлетворяли обязанностямъ зъ симъ званіемъ сопряженнымъ и, умножая только число праздныхъ людей, не платили исправно въ казну податей и служили въ тягость обществу". Такихъ набралось м. п. 244 (безсем. 32, сем. 212), женск. 194, а всего 438 д. об. п. Всего же назначено было къ отправленію 613 д. об. п. „По лучшей удобности", церковники „собраны были въ г. „Прилуку и м. Опошное", а отсюда уже 4 партіями съ 4 офицерами отправлены 15, 17 и 18 сентября 1789 г. по главнымъ трактамъ черезъ Кременчугъ въ Херсонъ, куда и прибыли въ октябрѣ того же года въ числѣ 611 д. об. п.[1]). На продовольствіе ихъ и снаряженіе было израсходовано 1366 р. 66 коп., причемъ въ дорогѣ на каждую мужскую душу „во мѣсто мѣсячного провіанта" давалось по $76^3/_4$ коп.

Изъ кіевскаго намѣстничества партія церковниковъ въ 85 д. об. п. была отправлена 7 сентября 1789 г. На эту партію израсходовано было кіевскимъ губернаторомъ (за счетъ черноморскаго адмиралтейскаго правленія) 140 р. $5^1/_2$ к. (церковни-

---

[1]) Изъ нихъ мужск. п. 344; при этомъ оказалось: способныхъ къ службѣ 87, къ помѣщенію въ школу отъ 7 и выше лѣтъ—92, въ работники—92, въ госпиталь престарѣлыхъ и дряхлыхъ 7, да малолѣтнихъ отъ 1 до 7 л.—66.

камъ было дано изъ кіевскаго провіантскаго магазина 7 четв. и 3 четверика муки, 3 четвер. и $5^1/_2$ гарнца крупъ—все это стоило 26 р. $5^1/_2$ коп., да на „заплату прогоновъ подъ свозъ провіанта, екипажа на случай больныхъ[1]) за 10 подводъ по числу 570 верстъ выдано 114 р.“,—всего 140 р. $5^1/_2$ коп.

Относительно времени отправленія церковниковъ изъ новгородсѣв. губ. свѣдѣній при дѣлахъ я не нашелъ. Изъ одной вѣдомости, относящейся къ 23 января 1793 г., видно, что въ Богоявленскѣ въ это время было 76 сем. церк. (112 м. и 152 ж. п.), присланныхъ сюда изъ вышеназванной губерніи.

Желая поскорѣе исполнить повелѣніе Екатерины, начальство трехъ малороссійскихъ губерній чрезвычайно торопилось со сборомъ заштатныхъ церковниковъ и отправленіемъ ихъ въ новороссійскій край. Вслѣдствіе этого вышло немало недоразумѣній, породившихъ переписку между подлежащими правительственными мѣстами.—Случайно къ церковникамъ сопричислены были нѣкоторыя такія лица, которыя принадлежали не къ духовному сословію, а къ дворянскому, мѣщанскому и козачьему. Затѣмъ, нѣкоторые церковники, имѣвшіе въ Малороссіи довольно благоустроенныя хозяйства, принуждены были оставить ихъ, не успѣвъ даже какъ слѣдуетъ распорядиться на ихъ счетъ. Вмѣстѣ съ здоровыми людьми были препровождены и слабые, совершенно неспособные къ труду, люди, которые ни черноморскому адмиралтейству, ни краю вообще никакой пользы принести не могли... Всѣ подобныя лица, по прибытіи въ Новороссію и по водвореніи на новыхъ мѣстахъ, обращались къ своему начальству съ прошеніями или объ исключеніи изъ списка церковниковъ, или о разрѣшеніи временно возвратиться

---

[1]) Хотя „на случай больныхъ“ были и подводы, однако, на больныхъ не обращали особеннаго вниманія. Былъ, напр., одинъ такой случай (послужившій предметомъ переписки между кіев. губ. и черн. адм. пр.): Лукьянъ Рудченко съ женою, отправленный съ церковниками, вдругъ оказался на прежнемъ мѣстожительствѣ. А случилось это вотъ какъ. Съ Рудченкомъ въ дорогѣ приключилась болѣзнь; офицеръ, сопровождавшій ихъ партію, не долго думая, оставилъ его съ женою въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ, среди степи, внѣ поселенія, откуда Рудченко и добрался домой.

на покинутыя мѣста. Изъ прошеній нѣкоторыя довольно характерны. Напр., хоть бы взять прошеніе (отъ 28 ноября 1789 г.) Назара Перебійноса. Предки его, отецъ и онъ самъ—козаки слободскаго ахтырскаго полка. „Лѣтъ 36 тому назадъ",—говорится въ прошеніи,—„Перебійносъ отправился въ запорожскую Сѣчь; жилъ тамъ 20 лѣтъ, отправлялъ козачью службу и бывалъ неоднократно во многихъ походахъ противъ турокъ. Послѣ разрушенія Сѣчи прибылъ онъ (лѣтъ 6 тому назадъ) въ черниговское намѣстничество, въ зеньковскій у., въ с. Белское, гдѣ отправлялъ службу козачью „безъ всякихъ противныхъ законамъ пороковъ". Въ этомъ мѣстѣ жительства онъ оставилъ порядочный домъ „зъ жилымъ грунтомъ и винокурнею, пахотнаго на 57 дней поля, а сѣнокосу на 500 коп., равно лѣсныя и другія угодья". Попалъ же онъ въ заштатные церковники (и какъ таковой отправленъ въ Новороссію), потому что по просьбѣ священника и прихожанъ находился въ должности ктитора 4 года. „Вслѣдствіе занятія этой должности", говоритъ въ прошеніи Перебійносъ, „я записанъ по послѣдней ревизіи въ духовной сказкѣ". Онъ просилъ отпустить его на прежнее мѣстожительство, гдѣ остался его престарѣлый отецъ; если же начальство нашло бы невозможнымъ это исполнить, „то", говорится дальше, „прошу хотя той милости, чтобъ послать меня для жительства въ кошъ запорожской, какъ я природной козакъ и желаю охотно тамъ продолжать службу". За неграмотнаго Перебійноса писалъ это прошеніе Андрей Басовъ, попавшій въ число церковниковъ также по недоразумѣнію. Предки его, отецъ и онъ самъ—были козаки. Въ 1775 г., по просьбѣ жителей с. Талалаевки, роменскаго у., и помѣщиковъ, сталъ онъ исправлять дьячковскую должность (до 1783 г.), затѣмъ записался въ мѣщанство, и хотя платилъ подати всегда аккуратно, попалъ все-таки въ церковники. Басовъ также просилъ разрѣшенія возвратиться въ Малороссію къ престарѣлому отцу, оставшемуся безъ всякой помощи. Нѣкоторые церковники были совершенно обезпечены дома; ихъ, однако, выпроводили съ родины, и имущества ихъ остались безъ призора. Фалѣеву было подано 18 декабря 1789 г. прошеніе двумя братьями Раков-

скими. Они оставили на прежнемъ мѣстожительствѣ—жилой дворъ съ хатами и коморками рубленными и сараями плетеными, поля пахотнаго дней на 100, сѣнокосу копенъ на 100, а лѣсныхъ угодій на 1 т. руб., мельницу вѣтряную, рогатаго скота 20 шт., овецъ 20, свиней 30, хлѣба разнаго рода не малое количество, птицъ, гусей, „утей" и проч. Братья просили отпустить ихъ на 2 мѣсяца для продажи имѣнія. Подобныхъ прошеній при дѣлахъ находится нѣсколько. Нерѣдко въ число церковниковъ попадали люди, родители которыхъ временно занимали дьячковскую должность, принадлежа въ то же время, напр., къ мѣщанскому сословію. Таковъ былъ случай съ дослужившимся уже до коллежскаго канцеляриста и уволеннымъ отъ службы жителемъ гадяцкаго у. Иваномъ Нироновичемъ; отецъ его—мѣщанинъ—временно былъ дьячкомъ.

Получавшие временный отпускъ возвращались въ новороссійскій край (нѣкоторые съ оставленными въ Малороссіи семьями); при этомъ, иные привозили съ собой документы, доказывавшіе ихъ не духовное происхожденіе и дававшіе имъ возможность уничтожить зависимость свою отъ черноморскаго адмиралтейства. Нѣкоторые, впрочемъ, и не желали послѣдняго. Такъ, доказавшій свое дворянство Яковъ Костырка (изъ дворянъ кіевской губ.) былъ уволенъ изъ числа поселенныхъ въ новороссійскомъ краѣ церковниковъ; но онъ заявилъ, что, не имѣя въ Малороссіи „ни мало земли и никакова жилища, возвращаться туда не намѣренъ, а желаетъ остаться въ с. Покровскомъ съ его дядею поселяниномъ Томашевскимъ" и просилъ позволенія остаться навсегда въ числѣ поселянъ покровскихъ на равномъ съ ними положеніи, „каково опредѣлено будетъ".

Возвращусь назадъ. Вслѣдствіе распоряженія высшаго начальства, церковники нѣсколькими партіями были препровождены въ Херсонъ,—гдѣ долго не оставались. Относительно ихъ Потемкинъ послалъ оберъ-интенданту Аѳанасьеву ордеръ (отъ 13 октября 1789 г.) слѣдующаго содержанія: „Прибывшихъ къ вамъ церковниковъ предписываю отправить въ Николаевъ для поселенія тамо. Господину ст. сов. и кав. Фалѣеву препоручилъ я

поселить ихъ тамо, преподавъ имъ всевозможное способствованіе". Фалѣеву же было приказано, въ виду близкаго наступленія зимняго времени, размѣстить пока церковниковъ на купленныхъ для адмиралтейства Медеровой (Балацково) или Христофоровой дачѣ (по Ингулу, выше Николаева). Фалѣевъ, съ своей стороны, отдавъ приказаніе канцеляріи строенія г. Николаева выстроить къ веснѣ для церковниковъ жилища, распорядился, чтобы управляющій названными выше дачами приготовилъ, сколько возможно, хатъ для помѣщенія въ нихъ на зиму церковниковъ. Понятно, ни въ Христофоровкѣ, ни въ Балацковомъ помѣстить всѣхъ присланныхъ въ Новороссійскій край заштатныхъ церковниковъ нельзя было,—часть изъ нихъ попала и въ слободу Привольную.

Потемкинъ скоро измѣнилъ свое первоначальное распоряженіе о сосредоточеніи всѣхъ церковниковъ въ Николаевѣ, приказавъ Фалѣеву, ордеромъ отъ 25 апр. 1790 г., всѣхъ ихъ поселить въ Богоявленскѣ (въ 12 в. отъ Николаева). Однако, повелѣніе это было исполнено не вполнѣ точно,—церковниковъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ—въ слоб. Покровской (теперь Копани), Знаменкѣ, Богдановкѣ и въ Николаевѣ, гдѣ было оставлено въ распоряженіи канцеляріи строенія г. Николаева 15 душъ [1]); главная же масса, все таки, находилась въ Богоявленскѣ.

Каково же было положеніе поселенцевъ? Въ какія отношенія къ адмиралтейству стали они? Что предполагалъ сдѣлать Потемкинъ съ церковниками, видно изъ имѣющейся въ дѣлахъ Николаевскаго портоваго архива записки „О предположеніяхъ его свѣтлости кн. Гр. Ал. Потемкина-Таврическаго въ разсужденіи флота Черноморскаго". Здѣсь читаемъ: „поселены въ оныхъ (т. е. въ Богоявленскѣ, Воскресенскомъ и Покровскомъ) изъ заштатныхъ церковниковъ, безпашпортныхъ, бродящихъ и

[1]) Изъ этого числа 10 было грамотныхъ. Что касается возраста, то самому старшему было 38 л. и 2 самимъ млад. по 16 л. Изъ 15 душъ этихъ 2 доказали свое дворянское происхожденіе, 3—были дѣти священниковъ. 12 изъ нихъ просилось въ Богоявленскъ на поселеніе; тяготясь работами (плотничьими и друг.) въ адмиралтействѣ, они желали заняться земледѣліемъ.

не имѣющихъ пристанища нигдѣ, выходцевъ изъ Польши, и рекрутъ женатыхъ; всѣхъ оныхъ приказалъ (Потемкинъ) научить мастерствамъ, потребнымъ адмиралтейству, чтобъ въ случаѣ нужномъ употребить къ онымъ за плату; главнымъ же упражненіемъ ихъ да будетъ земледѣліе, ибо, если гдѣ оное распространить можно съ правильнымъ успѣхомъ къ общей пользѣ, то въ семъ найпаче краю. Чего для и училище въ Богоявленскѣ заведено, гдѣ бы не только сихъ, но и всѣхъ. желающихъ сіе знать, учить опредѣленъ къ сему профессоръ земледѣлія Ливановъ и 3 адъюнкта: Гребницкій, Козловъ и Сапанкевичъ, которые показаніемъ легкаго способа въ паханіи земли, въ другихъ частяхъ домоводства, охоту къ тому возбудили въ сердцахъ екатеринославскихъ помѣщиковъ".

О положеніи церковниковъ въ Богоявленскѣ (какъ и другихъ здѣсь поселенныхъ) сообщаетъ свѣдѣнія упомянутый выше Гребницкій (въ рапортѣ капитану надъ николаевскимъ портомъ Овцыну, отъ 29 янв. 1793 г.): „положенія имъ нѣтъ никакого болѣе, какъ только что покойный господинъ оберъштеръ кригсъ коммиссаръ и кавалеръ Михайло Леонтьевичъ Фалѣевъ словесно мнѣ приказалъ, дабы они одинъ день въ недѣлю ходили на казенную работу, какъ то: пахать, сѣять, боронить, заготовлять ежегодно сѣно казеннымъ воламъ, пашущимъ землю для вновь заводимыхъ около Богоявленска и города Николаева казенныхъ садовъ, огородовъ и лѣсовъ". Затѣмъ ужъ исключительно о церковникахъ говорится: „прежде сего изъ церьковниковъ въ Богоявленскѣ поселяне получали провіантъ, а нынѣ съ прошедшаго 1792 года іюля съ перваго имъ отказано покойнымъ господ. оберъ-шт. кр. ком. и кавалеромъ Фалѣевымъ, болѣе же они никакого довольствія не получали и не получаютъ, кромѣ только что имъ давались казенный скотъ, земледѣльческія орудія и для посѣва на первой случай сѣмена разные".

Въ 1795 г. была произведена ревизія; изъ церковниковъ въ Богоявленскѣ оказалось—349 м. и 329 ж. п., въ слоб. Покровской—40 м. 32 ж. Всѣ эти церковники никакихъ вообще податей не платили, потому что были поселены здѣсь для

адмиралтейскихъ работъ. Когда же вознесенское намѣстническое правленіе пожелало „положить ихъ въ окладъ къ платежу государственныхъ податей“ и потребовало представленія ревизскихъ сказокъ адмиралтейскихъ селеній, въ томъ числѣ, значитъ, и тѣхъ, въ которыхъ были церковники, то вице-адмиралъ Мордвиновъ сообщилъ Зубову (преемнику Потемкина по управленію Новорос. краемъ), что означенныя селенія принадлежатъ вѣдомству черноморскаго адмиралтейскаго правленія и жители ихъ не должны платить никакихъ податей въ государственную казну. Завязалась переписка. Между прочимъ, по требованію Зубова, Мордвиновъ приказалъ инженеру Князеву сообщить подробныя свѣдѣнія объ адмиралтейскихъ селеніяхъ. — Изъ рапорта Князева отъ 15 апр. 1796 г. видно, что „Богоявленское (прежде Витовка) населено заштатными церковниками, оставшимися отъ помѣщенія въ званіе учениковъ корабельнаго строенія, клерками, штурманами и тому подоб., въ сходство Высоч. ук. отъ 1 іюня 1789 г. и повелѣнія Потемкина отъ 25 апр. 1790 г., даннаго Фалѣеву. Покровское--прежде Копанки, населено церковниками и вольнопоселившимися.—Всѣ были свободны отъ податей и даже на первый случай отъ казны были довольствуемы провіантомъ и снабжаемы для обзаведенія хозяйства скотомъ, сѣменами и другими къ хозяйству потребностями.—Были употребляемы частью въ казенныя работы при заведенномъ покойнымъ княземъ хлѣбопашествѣ на аглицкій способъ, виноградныхъ и фруктовыхъ садахъ, лѣсахъ и огородахъ въ Богоявленскѣ и Николаевѣ для адмиралтейства, а затѣмъ... богоявленскіе и покровскіе съ 1794 г., по общему ихъ желанію, вмѣсто слѣдуемыхъ отъ нихъ работъ платятъ, для найму за нихъ другихъ людей, въ годъ по 4 р. съ души м. п.; за эти деньги и нанимаются вольные люди и мастера въ казенныя работы, они же, оставаясь безотлучно въ селеніяхъ, упражняются въ хозяйствѣ и у произведенія хлѣбопашества, котораго, какъ всѣмъ извѣстно, въ сей новой странѣ весьма еще мало заведено“.

На церковниковъ начальство смотрѣло какъ на крѣпостныхъ и даже по своему соображенію устраивало ихъ браки.

Такъ, офицеръ, присматривавшій за церковниками, временно поселенными въ слоб. Привольной, 2 января 1790 г. спрашивалъ Фалѣева—какъ быть: „отдавать ли дѣвокъ замужъ изъ церковниковъ, которыхъ сватаютъ балацковскіе и привольненскіе жители и 36 изъ нихъ же самихъ, такъ какъ на это раньше Фалѣевымъ не было дано никакихъ указаній. Фалѣевъ разрѣшилъ недоумѣніе офицера, изъявивъ свое согласіе на заключеніе такихъ браковъ. Такъ же поступали и съ поселенными въ Богоявленскѣ. Въ одномъ изъ рапортовъ Гребницкаго читаемъ: „въ замужество вышло по приказанію вашего высокоблагородія (Фалѣева) за адмиралтейскихъ служителей 17“.

Не всѣмъ церковникамъ правилась жизнь на новыхъ мѣстахъ. Тѣмъ болѣе, что, несмотря на заботы о нихъ начальства, многіе испытывали изрядную нужду и даже, какъ это явствуетъ изъ рапорта Князева Мордвинову, отъ 8 іюня 1793 года, не имѣли порядочныхъ хатъ. Князевъ, на основаніи донесенія Гребницкаго, писалъ: „Богоявленскіе поселяне живутъ стѣсняясь въ одной избѣ по 3 семьи... 29 связей, покрытые землею во время дождя чрезвычайно текутъ и дѣлается въ оныхъ гнилость и худой воздухъ, отъ чего было и есть много больныхъ“.

Многихъ изъ поселенныхъ заштатныхъ церковниковъ потянуло скоро на старыя насиженныя мѣста, въ родную Малороссію. Не успѣли привести церковниковъ въ Николаевъ, какъ городничій послѣдняго вошелъ съ рапортомъ по начальству о бѣгствѣ нѣсколькихъ изъ нихъ. То же явленіе замѣчается и впослѣдствіи, по водвореніи на извѣстныхъ мѣстахъ. Церковники, при этомъ, желая заручиться хотя какимъ нибудь письменнымъ видомъ, который давалъ бы имъ возможность пройти безпрепятственно заставы, прибѣгали даже къ помощи лицъ, фабриковавшихъ для нихъ проходныя свидѣтельства. Тѣ же, которые не хотѣли подвергать себя риску быть пойманными и затѣмъ наказанными за бѣгство, предпочитали иныя средства. Они обращались къ начальству съ просьбами о разрѣшеніи вернуться въ Малороссію, представляя къ тому разные уважительные мотивы. Такъ, Князевъ обратился 20 мая 1793 г. съ

рапортомъ къ вице-адмиралу Мардвинову (тогдашнему главнокомандующему черноморскимъ флотомъ и портами), въ которомъ указалъ на то, что, по увѣдомленію Гребницкаго, въ Богоявленскѣ изъ поселенныхъ тамъ сверхштатныхъ церковниковъ и ихъ женъ „многіе суть престарѣлые, увѣченные и къ работѣ вовсе неспособные, которые сами себя по слабости здоровья не могутъ прокормить“. Гребницкій, по просьбѣ этихъ церковниковъ, ходатайствовалъ объ увольненіи на прежнее ихъ мѣстожительство, „гдѣ удобнѣе могутъ они себѣ между своими ближними отыскать пропитаніе“. Мордвиновъ согласился удовлетворить просьбу престарѣлыхъ церковниковъ, подъ условіемъ, впрочемъ, что ихъ ближайшіе родственники обяжутся дать имъ пріютъ и не позволятъ „шататься по міру“. Этимъ отпускаемымъ на волю церковникамъ захотѣлось взять съ собой подростающихъ и малолѣтнихъ дѣтей; но начальство находило это убыточнымъ для казны.

„Они“, писалъ Мордвинову Князевъ, „просятся туда и съ имѣющимися при нихъ дѣтьми подростающими и малолѣтными, на коихъ изъ казны снабденіе, содержаніе и издержки такъ же употреблены были, и кои чрезъ нѣсколько лѣтъ могутъ уже быть для домоводства и супружества годными и здѣшнему казенному вѣдомству полезными. Итакъ когда оныхъ дѣтей съ ними отпустить, то казнѣ будетъ убытокъ, а когда же ихъ здѣсь оставить, то нѣкому будетъ пещися и о нихъ воспитаніи и о содержаніи“. Какъ отнесся къ этому Мордвиновъ, изъ дѣлъ не видно.

П. Ивановъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Дѣла о Марковичахъ въ Тайной канцеляріи. Составляя свою монографію о Марковичахъ, напечатанную въ «Кіевской Старинѣ» за 1890 годъ, я не зналъ, что въ С. Петербургскомъ Государственномъ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ находится два дѣла о Марковичахъ нашего рода, которыя нѣкогда производились въ Тайной канцеляріи. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе изъ одной статьи, тоже напечатанной въ «Кіевской Старинѣ» 1890 года, я воспользовался своимъ пребываніемъ въ С.-Петербургѣ въ началѣ 1891 года, чтобъ познакомиться съ дѣлами о Марковичахъ, чего и достигъ, благодаря любезности лицъ, завѣдующихъ Государственнымъ архивомъ, исходатайствовавшихъ мнѣ у г. министра иностранныхъ дѣлъ разрѣшеніе на занятія въ этомъ архивѣ.

Кстати сказать, С.-Петербургскій Государственный Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ заключаетъ въ себѣ массу дѣлъ, почти всегда полныхъ величайшаго историческаго интереса. Исходатайствовать разрѣшеніе работать въ немъ нетрудно для всякаго лица, сколько нибудь извѣстнаго по своимъ работамъ, такъ какъ большинство дѣлъ уже имѣетъ только историческое значеніе. Въ лицахъ, завѣдующихъ архивомъ, занимающійся встрѣтитъ полную готовность помочь указаніемъ и совѣтомъ. Но все это, къ сожалѣнію, парализуется отсутствіемъ въ печати описанія архива, или хотя бы простого указателя хранящихся въ немъ дѣлъ, такъ что приходится разыскивать дѣла на авось. Поэтому появленіе печатнаго описанія архива составляетъ предметъ первой необходимости, особенно потому, что въ настоящее время для этой цѣли можно воспользоваться тѣмъ знаніемъ архива, каковымъ

обладаетъ г. помощникъ директора Н. А. Гюббенетъ. За напечатаніе описанія были бы очень благодарны всѣ тѣ, кому дороги судьбы русской исторической науки.

Послѣ этого невольнаго, но необходимаго, отступленія, обратимся къ разсмотрѣннымъ нами дѣламъ о Марковичахъ.

Какъ извѣстно, возвысившіеся при импер. Елисаветѣ Петровнѣ, Разумовскіе были изъ простого козачьяго рода и вдругъ поднялись до самыхъ аристократическихъ вершинъ, оставивъ далеко за собою многихъ аристократовъ, жившихъ въ той же мѣстности, откуда были и Разумовскіе. Это не могло не внушать зависти малорусскимъ аристократамъ, свысока глядѣвшимъ на Разумовскихъ, что и выражалось иногда въ неосторожныхъ относительно ихъ рѣчахъ, за которыя потомъ приходилось дорого платиться.

Разумовскіе, особенно фаворитъ императрицы графъ Алексѣй Григорьевичъ, были люди добрые и притомъ сохраняли малорусскія симпатіи; но всегда былъ возможенъ случай, что изъ за собственныхъ интересовъ или изъ за интересовъ близкихъ лицъ они могли причинить какую нибудь непріятность своему же брату-малороссу, что того не могло не сердить, и сердце свое онъ срывалъ въ неосторожныхъ рѣчахъ, а тѣ приводили его въ тайную канцелярію.

Именно на такой почвѣ и разыгрались оба дѣла о Марковичахъ, видныхъ людяхъ изъ малороссійской знати въ половинѣ XVIII вѣка, богатыхъ и гордыхъ.

Первое изъ нихъ (Дѣло тайной канцеляріи, 1747 г., № 1170; довольно ветхое, нѣкоторые листы совершенно истлѣли) заключалось въ слѣдующемъ:

Въ 1743 году Маркъ Андреевичъ Марковичъ (въ напечатанной нами родословной № 8), сынъ извѣстнаго полковника лубенскаго, а затѣмъ генеральнаго подскарбія Андрея Марковича и братъ не менѣе извѣстнаго составителя Дневныхъ записокъ Якова Андреевича Марковича, человѣкъ уже въ лѣтахъ, лично хлопоталъ въ Петербургѣ въ Сенатѣ о дачѣ ему слободы Андреевки. Но получить ее ему не удалось, такъ какъ она была пожалована Ал. Гр. Разумовскому. Марковича это ужасно разсердило, скрыть онъ этого не съумѣлъ и, возвращаясь въ 1743 г. домой въ Ромны, вмѣстѣ съ священникомъ роменской соборной Успенской церкви, Петромъ Яновскимъ и переводчикомъ иностранной коллегіи Полетикою, страшно и неприлично

ругалъ Разумовскаго, говорилъ, что онъ недавно вышелъ въ люди и скоро пропадетъ. Наша де фамилія, похвалялся Марко вичъ, всегда славна, и кто на насъ возставалъ, тотъ и пропадалъ, напр. генералы Вейсбахъ и Мининъ.

Яновскій объ этой брани 28 августа 1744 г. разсказалъ роменскому крестовому протоіерею Евстафію Стефановичу, который немедленно подалъ доносъ матери Разумовскаго въ селѣ Адамовкѣ, прописавъ всѣ обстоятельства. Доносъ этотъ попалъ въ руки управителя имѣніями Разумовскихъ Семена Пустоты, который его уничтожилъ, по дальнѣйшему показанію Стефановича, будто бы изъ за подарковъ, полученныхъ отъ Марковича. Стефановичъ послалъ второй доносъ съ Демьяномъ Быстрицкимъ; но братъ Марковича, Иванъ, осторожно прочелъ въ Ромнахъ доносъ и передалъ его Пустотѣ, который и этотъ доносъ уничтожилъ. По словамъ Стефановича, М. А. Марковичъ сталъ тогда очень обижать его, отнялъ у него домъ, жена Марковича ругала Стефановича, грозила батожьемъ и пр. Марковичъ даже возбудилъ противъ него въ кіевской консисторіи обвиненіе въ опороченіи чести его ложнымъ доносомъ, почему консисторія и потребовала отъ Стефановича присылки уполномоченнаго лица для объясненій.

Но третій доносъ Стефановича, посланный изъ Роменъ 25 іюля 1747 г., дошелъ до Тайной канцеляріи. Въ доносѣ этомъ Стефановичъ къ обвиненіямъ противъ Марковича и Пустоты присоединяетъ указаніе, что въ 1728 г. на отца Марковича Андрея подано было 700 челобитныхъ, но кн. Шаховской (министръ при гетманѣ Апостолѣ съ 1730 г.), получивъ отъ Марковича подарки, спряталъ всѣ челобитныя въ долгій языкъ.

Тайная канцелярія по челобитью Стефановича начала дѣло, но почему то тянула его очень долго; 3 сентября допрошенъ былъ Полетика, который подтвердилъ обвиненіе. Въ началѣ 1749 г. Марковичъ и Пустота взяты были въ Москву и доставлены въ канцелярію, гдѣ Марковичъ, послѣ двукратнаго наказанія плетьми, сознался, что дѣйствительно бранилъ Разумовскаго, но говорилъ, что былъ въ это время пьянъ. Пустота тоже сознался, что покрывалъ Марковича, какъ хорошаго знакомаго, но подарковъ отъ него за то не бралъ; лишь на свадьбу подарилъ ему Марковичъ коня.

Дѣло опять остановилось и на этотъ разъ, кажется, до 1754 г., когда Тайная канцелярія рапортомъ за подписью графа А. Шува-

лова Сенату, изложивъ кратко дѣло о Марковичѣ, предложила вмѣнить ему въ наказаніе долгій арестъ подъ карауломъ въ Тайной канцеляріи и плети, а затѣмъ все же заточить его до конца жизни въ монастырь. Отвѣтъ на этотъ рапортъ не состоялся, такъ какъ 13 іюля 1754 г. оберъ секретарь М. Хрущовъ донесъ Тайной конторѣ, что ночью на 27 мая этого года арестантъ Марковичъ умеръ и тѣло его погребено при церкви Преображенія Господня, что въ Преображенскихъ солдатскихъ слободахъ.

Родные Марковича въ Малороссіи знали уже тогда о его смерти въ Москвѣ, но получили свѣдѣнія неточныя. Братъ его Яковъ Марковичъ въ Дневныхъ запискахъ подъ 10 іюня занесъ слѣдующее: получилъ письмо отъ Ив. Галяховскаго о кончинѣ брата моего Марка въ Москвѣ, бывшаго тамъ подъ арестомъ. Погребенъ онъ въ церкви св. Апостоловъ Петра и Павла. На основаніи этого указанія и мы сообщили въ монографіи о Марковичахъ о мѣстѣ погребенія М. А. Марковича свѣдѣніе невѣрное.

Вещи умершаго Марковича доставлены были изъ Москвы въ Малороссію къ Якову Марковичу въ концѣ іюня И. Галяховскимъ и И. Чупенко, а имъ были, конечно, переданы прямымъ наслѣдникамъ покойнаго.

Второе дѣло о Марковичѣ, производившееся одновременно съ первымъ въ Тайной канцеляріи (дѣло 1748 г. № 1073), было нѣсколько важнѣе. Объектомъ его былъ двоюродный братъ предшествующаго М. А. Марковича, Василій Ѳедоровичъ Марковичъ (въ нашей родословной № 15). Онъ былъ изъ прилучанъ, служилъ въ Петербургѣ въ Преображенскомъ полку и былъ въ чинѣ капитана-лейтенанта. Ханенко въ 1745—1746 г. постоянно встрѣчалъ его въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ былъ близкимъ къ гр. Ал. Гр. Разумовскому лицомъ; но, какъ видно, Марковичъ Разумовскаго не любилъ, что его и погубило.

Еще въ 1744 г. Василій Марковичъ словесно жаловался лично императрицѣ въ Глуховѣ на какую то обиду и милостивое получилъ слово (Зап. Як. Марковича, подъ 6 августа). Можетъ быть неисполненіе обѣщанія было причиною его неудовольствія, хотя онъ послѣ этого продолжалъ служить въ гвардіи; но только онъ сталъ питать къ Разумовскому враждебныя чувства, которыя и выражалъ при близкомъ человѣкѣ—солдатѣ Преображенскаго полка Моисеѣ Березинскомъ, который въ маѣ 1748 г. подалъ Разумовскому въ собственныя руки доносъ на В. Ѳ. Марковича въ томъ, что онъ въ теченіи 1747—

1748 г. не разъ бранилъ Разумовскихъ, говоря: Богъ его знаетъ откуда они взялись. Марковичъ предсказывалъ, что Разумовскіе скоро пропадутъ и всѣ, даже родные, отъ нихъ отчураются. Онъ объяснялъ постройку въ новомъ дворцѣ крыльца изъ покоевъ Разумовскаго тѣмъ, чтобы онъ могъ убѣжать, когда на него прійдетъ бѣда, какъ на прежнихъ временщиковъ. Марковичъ говорилъ, что онъ ничего бы такъ не желалъ, какъ бить кнутомъ Кирилла Разумовскаго, и, лежа на постели, закрывъ глаза, въ присутствіи Березинскаго уже фантазировалъ, какъ онъ осуществляетъ это желаніе.

Доносъ былъ немаловажный. Разумовскій вручилъ его самой императрицѣ, которая передала его графу А. Шувалову для производства слѣдствія, приказавъ донести ей о показаніяхъ Марковича.

Когда Марковича взяли подъ арестъ, онъ, не зная, что на него сдѣлалъ доносъ Березинскій и что его тоже возьмутъ въ Тайную канцелярію, поручилъ ему жжечь письма, лежащія у него въ подголовьи. Березинскій и это сообщилъ канцеляріи.

Въ Тайной канцеляріи Марковичъ показалъ, что онъ бываетъ постоянно пьянъ, отчего бываетъ у него даже помѣшательство. Потомъ Марковичъ дополнилъ свое показаніе. Кирилла Разумовскаго онъ, Марковичъ, бранилъ потому, что тотъ, ко всѣмъ показываетъ себя несклоннымъ, не такъ, какъ гр. Ал. Гр—чъ, который со всѣми обращается склонно. Относительно приказанія Березинскому сжечь бумаги, Марковичъ объяснилъ, что самъ не знаетъ, почему онъ это сказалъ; онъ былъ въ безпамятствѣ отъ страха, а въ письмахъ у него ничего нѣтъ.

Березинскій показалъ въ канцеляріи то же, что писалъ въ доносѣ. Какъ ему, такъ и Марковичу было подъ страхомъ смертной казни запрещено говорить кому либо о томъ, что они показали въ Тайной канцеляріи.

На послѣдующихъ допросахъ Марковичъ показывалъ все одно и тоже, а затѣмъ сталъ просить о разрѣшеніи ему постричься въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей: Софійскомъ, или Печерскомъ, чего онъ будто бы давно желалъ, такъ какъ не можетъ жить съ женою; у него моча не держится. Онъ говорилъ, что и жена его тоже давно желаетъ итти въ монастырь.

Какъ водится, дѣло затянулось. Лѣтомъ 1748 г. изъ Тайной канцеляріи было донесено, что арестантъ Марковичъ очень боленъ,

часто приходитъ въ безпамятство. На это доношеніе состоялась 11-го октября того же года резолюція: Марковича приказано, крѣпко допросивъ, за его непристойныя слова, сослать въ Тобольскъ на вѣчное житье, а Березинскаго пожаловать въ сержанты. Допросили Марковича еще разъ — онъ сдѣлалъ прежнія показанія; но 13-го октября съ нимъ случился эпилептическій припадокъ. Стали бить его плетьми—онъ показывалъ все тоже.

Указомъ 2 марта 1749 г. велѣно было отправить Марковича въ Соловецкій монастырь, гдѣ жить ему безвыходно, а, если онъ пожелаетъ, постричь его.

Люди, бывшіе съ Марковичемъ, отправлены были въ г. Прилуки къ женѣ его. Дѣтей у нихъ тогда уже не было; единственный, кажется, ихъ сынъ Евграфъ (у насъ въ родословной № 35) умеръ раньше.

По прибытіи въ Соловецкій монастырь Марковичъ постричься не пожелалъ; наоборотъ онъ велъ себя вообще бурно, ругалъ начальствующихъ лицъ и братію и въ заключеніе, въ 1750 г., отправилъ въ Тайную канцелярію доносъ на многихъ монаховъ, обвиняя ихъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1-мъ пунктомъ.

Повидимому, Марковичъ желалъ быть вызваннымъ въ Тайную канцелярію, но въ виду его прежняго безумія, его туда не вызвали, а предложили написать и прислать подробное обвиненіе, что онъ и сдѣлалъ. Въ дѣлѣ сохранилась эта обширная и мало интересная кляуза на разные монастырскіе непорядки. Изъ за этого доноса у монастыря съ Тайной канцеляріей пошла долгая переписка, неимѣвшая собственно къ Марковичу никакого отношенія.

Скончался В. Ѳ. Марковичъ 9 февраля 1759 года въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ и похороненъ.

Алексѣй Маркевичъ.

Отрывки изъ фамильныхъ преданій и архивовъ [1]. *IV. Изъ переписки Д. П. Трощинскаго съ кн. Н. Г. Репнинымъ.* 1) Милостивый государь мой князь Николай Григорьевичъ! Сколь пріятно мнѣ извѣстить ваше сіятельство, что государь императоръ всемилости-

---

[1]) „Кіевская Старина", 1891, 2.

вѣйше повелѣть изволилъ отпускъ вашъ продолжить еще на 28 дней, столь прискорбія для меня достойна причина, ради которой вы сей отсрочки желали. Болѣзнь почтеннѣйшаго моего благодѣтеля князя Николая Васильевича[1]), къ коему душевная моя преданность никогда не измѣнялась и котораго не хотѣлъ я особеннымъ письмомъ безпокоить, наводитъ мнѣ чувствительную горесть и я отъ искренняго сердца прошу Бога, чтобъ онъ сохранилъ на должайшее время драгоцѣнные его дни. Имѣю честь впрочемъ быть съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою, Дмитрій Трощинскій. Спб. Марта 15-го 1801 г.

P.S. По желанію вашему посылаю сіе на нарочной стафетѣ,— абшидъ вашъ объявится въ сегодняшнемъ приказѣ.

2) Милостивый государь мой Дмитрій Прокофьевичъ. Гдѣ вы бы и въ какомъ бы положеніи ни были, не можетъ сердце мое васъ инако почитать, какъ искреннимъ себѣ другомъ, а потому свѣдавъ, что вы участіе имѣли во всемилостивѣйшемъ опредѣленіи князя Григорія Семеновича[2]) въ военную службу, нимало не удивился тому, но не менѣе однакожъ душевно вамъ благодаренъ за сей знакъ вашего дружескаго собственно мнѣ одолженія. Сердце и душа моя вамъ коротко извѣстны; они все тѣже, что прежде были и все тѣже навсегда останутся. Съ симъ внутреннимъ расположеніемъ я, васъ дружески обнимая, желаю вамъ искренно всего того, что только полезно вамъ быть можетъ и при томъ поставить васъ въ состояніе съ успѣхомъ служить отечеству и всѣмъ добрымъ людямъ. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга, князь Репнинъ. Москва, 8 апрѣля 1801 года.

3) Милостивый государь мой Дмитрій Прокофьевичъ. Податель сего господинъ Кнауфъ, имѣющій дѣла съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ[3]), который, нечаянно уѣхавъ отсель въ Петербургъ, упросилъ себѣ опекуномъ Гавріила Романовича Державина[4]), просилъ у меня рекомендательнаго письма къ вашему превосходи-

---

[1]) Фельдмаршалъ кн. Н. В. Репнинъ умеръ 12 мая 1801 г.

[2]) Волконскій.

[3]) Род. 1773 † 1844. Извѣстный любимецъ императора Александра I, министръ народн. просв. и духовныхъ дѣлъ.

[4]) Державинъ, при вступленіи на престолъ 12 марта 1801 г. императора Александра I, оставилъ постъ государствен. казначея, оставаясь лишь сенаторомъ.

тельству. Я его предъявленныхъ дѣлъ основательно не знаю и о подкрѣпленіи неправды просить конечно никогда не стану, а потому поручаю его, господина Кнауфа, въ милость и покровительство вашего превосходительства только поколику законная справедливость ему принадлежитъ; отказать же сего письма не могъ потому, что товарищъ его въ торговлѣ, Цаути, коротко со мною знакомый, мнѣ въ переводахъ денежныхъ часто помогалъ и разныя по той части одолженія дѣлалъ, коего просьбы за его товарища мнѣ нельзя было не принять, въ чемъ предъ вами извиняюсь. Съ совершеннымъ почтеніемъ и искренною преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства покорный слуга князь Репнинъ. Москва, 18 апр. 1801 г.

4) Милостивый государь мой князь Николай Григорьевичъ! Не могу довольно изъяснить чувствованія признательности и благодарности, коими обязанъ я вашему сіятельству за сообщеніе мнѣ списка съ высочайшей грамоты, пожалованной дворянству полтавской губерніи 18 мая сего года.

Когда его величество государь императоръ лично своею особою подъемлетъ, наравнѣ съ послѣднимъ изъ подвластныхъ своихъ, всѣ труды, пренебрегаетъ всѣми неудобствами климата и полевой жизни, вдается во всѣ опасности, для чести и славы своего отечества и престола, то какія усилія, какія пожертвованія, какіе подвиги могутъ быть невозможны для вѣрноподданныхъ сыновъ его.

Какъ старѣйшему между дворянствомъ полтавской губерніи, мнѣ пріятно было видѣть и еще пріятнѣе свидѣтельствовать о томъ усердіи и соревнованіи, которыми одушевлялись всѣ сословія къ скорѣйшему исполненію высочайшей воли и коихъ многократные опыты, дознанные мною втеченіе долголѣтней жизни моей, составляютъ священное достояніе и отличительную черту добраго и вѣрнаго народа русскаго. Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и искреннѣйшею преданностью имѣю честь пребыть навсегда, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. М. Ярески, іюня 25-го 1828.

5) Милостивый государь мой князь Николай Григорьевичъ! Я не спѣшилъ поздравлять ваше сіятельство съ возвышеніемъ васъ въ чинъ полнаго генерала, считая, что по справедливости вамъ оный давно слѣдовалъ, и въ чемъ я, какъ издавна душевно вамъ преданный, ощущаю теперь сердечное удовольствіе.

Извините меня, ваше сіятельство, что осмѣливаюсь представить при семъ письмо одного несчастнаго. Я не вхожу въ существо дѣла его, не могу ничего сказать ни въ защиту, ни въ обвиненіе его, а только знаю, что законы вездѣ достигнутъ осужденнаго, гдѣ бы сей ни находился. Итакъ единымъ чувствомъ сожалѣнія къ болѣзненному его состоянію убѣждаюсь просить милостиваго вашего снисхожденія и благодѣтельнаго начальническаго покровительства въ томъ, чтобы онъ отпущенъ былъ въ домъ свой до окончательнаго рѣшенія судьбы его.

Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и нелицемѣрною приверженностью имѣю честь пребыть во всю жизнь, милостивый государь мой, вашего сіятельства вѣрный и покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. Ярески, августа 5-го 1828.

V. Письма М. М. Сперанскаго къ кн. Н. Г. Репнину. 1) Спб. 21-го февраля 1826 г. Что сказать мнѣ въ утѣшеніе вашему сіятельству? Представлю въ примѣръ почтеннѣйшую родительницу вашу: въ послѣднее свиданіе я нашелъ ее спокойнѣе, нежели прежде, она вся въ вѣрѣ и преданности и увѣрена, что и вы тѣже чувства имѣть будете.

Новости, какія у насъ есть, разскажетъ вамъ лично князь Прозоровскій [1]). Правительство день ото дня болѣе пріобрѣтаетъ къ себѣ довѣрія и любви и слѣдовательно истинной твердости. Дай Богъ, чтобы все сіе болѣе и болѣе преуспѣвало къ счастію Россіи.

По письмамъ ожидаемъ сюда графа В. П. Кочубея [2]) въ маѣ, а можетъ быть и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Говорятъ также и о прибытіи барона Строганова [3]) но нѣтъ еще ничего вѣрнаго; прочее все по старому. Пріймите свидѣтельство совершеннаго почтенія и преданности, М. Сперанскій.

P. S. Всѣ мы, и въ томъ числѣ вашъ двухлѣтній крестникъ, свидѣтельствуемъ свое искреннее почитаніе.

2) Спб. 4 апрѣля 1826. Пользуюсь отъѣздомъ Семена Михайловича Кочубея [4]) чтобъ представить вашему сіятельству свидѣтель-

---

[1]) Князь Дмитрій Александровичъ, дѣйствит. статскій совѣтникъ, † 1869, женатый на княжнѣ Минѣ Ивановнѣ Волконской.

[2]) Графъ, впослѣдствіи князь, Викторъ Павловичъ, род. 1768 † 1834, предсѣдатель государственнаго совѣта, комитета министровъ и канцлеръ.

[3]) Баронъ, впослѣдствіи графъ, Сергѣй Григорьевичъ, род. 1794 † 1882, членъ государственнаго совѣта.

[4]) Дѣйств. статскій совѣтникъ, полтавскій предводитель дворянства.

ство моего почитанія. Онъ возвращается во свояси съ тѣмъ же сердцемъ, исполненнымъ преданностью къ Вышнему Промыслу, съ коимъ и сюда пріѣхалъ. Сколь тягостенъ для него былъ крестъ, столь пріятно чувство, что онъ несъ его съ твердостью и безъ ропота.

Тамъ, гдѣ общее добро, общая безопасность требуютъ жертвъ собственнаго спокойствія, всѣ люди благомыслящіе приносятъ ихъ съ готовностью и безъ всякихъ личныхъ разсчетовъ. Ожидаемъ сюда графа Виктора Павловича и не можемъ дождаться. По послѣднимъ письмамъ онъ опять боленъ подагрою, все однакоже есть надежда видѣть его къ коронаціи. Въ сіе время всеобщаго торжества надѣюсь и ваше сіятельство видѣть въ Москвѣ. Всѣ генералъ-губернаторы, по всей вѣроятности, тамъ соберутся. Пріймите свидѣтельство совершеннаго почтенія и преданности, съ которыми честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою, М. Сперанскій.

PS. Крестникъ вашъ свидѣтельствуетъ вамъ свой поклонъ.

3) Спб. 2 ноября 1828 г. Съ искреннею благодарностью принялъ я все, что угодно вамъ было предназначить для Имберга. Увѣренъ, что нельзя ничего придумать для него лучше и онъ долженъ только умѣть заслужить продолженіе вашего о немъ попеченія. Хотя чинъ не удался, но отзывъ вашъ о немъ не будетъ оставленъ безъ уваженія и въ свое время можетъ быть приведенъ въ свое дѣйствіе.

Излишнимъ считаю препоручать вамъ моего Александра Алексѣевича. Вы прежде меня его знали и были къ нему милостивы. Мнѣ остается только быть за него благодарнымъ, а ему руководствоваться въ предстоящихъ ему дѣлахъ вашими совѣтами и наставленіями. Пріймите свидѣтельство совершеннаго почтенія и преданности, съ коими честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою. М. Сперанскій.

М. М. Сперанскій (род. 1772 † 1839), быстро возвысившійся, благодаря геніальнымъ способностямъ, до высшихъ служебныхъ степеней, неожиданно, какъ извѣстно, палъ 17-го марта 1812 г., вслѣдствіе происковъ его враговъ, въ особенности министра полиціи Балашова и барона Армфельда.

Періодъ 1808—1811 годовъ былъ эпохой наивысшаго значенія и вліянія Сперанскаго, о которомъ именно въ это время извѣстный Жозефъ-де-Местръ писалъ, что онъ «первый и даже единственный, министръ» имперіи. За это время Сперанскій, по порученію Але-

ксандра I, составилъ планъ общей политической реформы, которая охватывала весь строй политическихъ и гражданскихъ отношеній. Законодательство, судъ, администрація (отъ волости до высшихъ учрежденій), крѣпостное состояніе,—ничего не было забыто въ этомъ планѣ.

Въ ноябрѣ 1809 года императоръ одобрилъ планъ и рѣшилъ постепенно приводить его въ исполненіе. Реформа государственнаго совѣта (1810 г.), реформа министерствъ (1810—11 г.), реформа сената (1811—12 г.) явились другъ за другомъ изъ подъ пера Сперанскаго, какъ первые шаги этого общаго плана («Русская Мысль». 1890. Ноябрь. Южаковъ. Паденіе Сперанскаго).

И въ самый разгаръ этой реформаторской дѣятельности Сперанскій неожиданно подвергся немилости Александра I, увезенъ въ Нижній Новгородъ, а потомъ въ Пермь. Когда кончились Наполеоновскія войны, Сперанскій былъ назначенъ сначала губернаторомъ въ Пензу, а 1819 г. сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1821 г. онъ былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта, а съ восшествіемъ на престолъ императора Николая I Сперанскому поручена была кодификація законовъ, такъ блистательно имъ выполненная.

Въ 1831 г. Сперанскій сдѣлался полтавскимъ помѣщикомъ, купивши въ золотоношскомъ уѣздѣ помѣстье Буромку, съ 4,913 ревизскими душами и 19,000 десятинъ, состоящее изъ с. Большой Буромки, д. Малой Буромки и Лещовки, и находящееся въ 45 верстахъ отъ Золотоноши. Первоначально дѣла въ этомъ помѣстьи вели управляющіе но съ 1842 г. въ Буромкѣ поселилась сама владѣлица, единственная дочь Сперанскаго, Елисавета Михайловна, вышедшая за мужъ за д. т. с. Фролова-Багрѣева и приняла всѣ мѣры къ раціональному веденію хозяйства, а также къ улучшенію экономическаго положенія крестьянъ. Въ Буромкѣ были устроены больница, ссудо-сберегательная касса, начальное и рисовальное училища, разныя мастерскія и ясли для крестьянскихъ ребятишекъ, на время отсутствія родителей по работамъ. Усердно помогалъ владѣлицѣ въ ея разнообразной дѣятельности, приглашенный врачемъ буромской больницы, австрійскій докторъ медицины І. Г. Прейсъ. Къ благоустройству буромской больницы косвенное содѣйствіе оказалъ переводъ Сперанскаго творенія Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу», доходъ со втораго изданія котораго былъ предоставленъ Фроловой-Багрѣевой въ пользу больницы. При этой больницѣ былъ устроенъ «ботаническій» садъ, въ которомъ разводились различныя врачебныя травы и овощи;

недостававшія лѣкарства покупались въ г. Ромнѣ, частью на тамошней ярмаркѣ, а частью въ аптекѣ.

Благодаря хорошо устроенной больницѣ, Прейсу легче было бороться съ предубѣжденіемъ крестьянъ противъ врачебной помощи и напротивъ того съ довѣрчивымъ отношеніемъ къ лѣченію знахарей, вредъ отъ лѣченія которыхъ превосходилъ, по его замѣчанію, всякое вѣроятіе. «Я знаю здѣсь—пишетъ Прейсъ въ своемъ подробномъ, написанномъ по нѣмецки, описаніи буромской больницы—множество людей, которые подверглись параличу, чахоткѣ, ослѣпли, умерли мучительною смертью, оттого только, что слушались совѣтовъ этихъ незаконныхъ дѣтей Эскулапа. Нигдѣ не встрѣчалъ я такихъ выродившихся болѣзненныхъ формъ, какъ здѣсь; и во все теченіе десятилѣтней практики моей въ званіи главнаго врача разныхъ большихъ госпиталей въ Австріи, не попадалось мнѣ столько и такихъ страшныхъ случаевъ болѣзни рака (cancer), какъ приходится мнѣ наблюдать здѣсь ежегодно, а причиной всему—бабье лѣченіе».

Отъ Елисаветы Михайловны Фроловой-Багрѣевой Буромка досталась по наслѣдству ея единственной дочери, вышедшей за князя Родіона Николаевича Кантакузина, а въ настоящее время принадлежитъ ихъ сыну князю Михаилу Родіоновичу Кантакузину, директору департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, которому и разрѣшено высочайшимъ указомъ 19-го мая 1872 г. прибавить къ своей фамиліи, для увѣковѣченія заслугъ М. М. Сперанскаго (возведеннаго въ графское достоинство въ январѣ 1838 г.), слова «графъ Сперанскій».

Н. В. Стороженко.

Указъ 1734 г. о бытіи въ Кіевѣ войтомъ Козьмѣ Кричевцу [1]) и свѣдѣніе объ испр. въ 1739 г. должн. кіевскаго войта Быковскомъ. Въ 1734 г. августа 9 на имя кіевскаго генералъ-губернатора богемскаго графа фонъ-Вейсбаха съ товарищи послѣдо-

[1]) Этого войта не находимъ въ спискѣ, напечатанномъ Н. Закревскимъ въ его „Описаніи Кіева“ (см. изд. 1868 г., т. II, стр. 896). Списокъ этотъ вообще не только не полонъ, но и не отличается точностію въ показаніяхъ времени войтовства помѣщенныхъ въ немъ лицъ: такъ напр. войтовство Павла Войнича показано отъ 1735 по 1743 г., тогда какъ онъ войтовствовалъ до самой смерти своей въ октябрѣ 1751 года. То же самое надо замѣтить и относительно списка генералъ-

валъ изъ пр. Сената такой указъ: «По указу е. и. в. пр. Сенатъ, слушавъ выписки изъ присланной при листѣ гетмана Апостола кiев. магистрата элекціи и поданной на имя е. и. в. челобитной и изъ доношенія генерала Нарышкина, также и изъ доношеній вашихъ, присланныхъ въ кол. ин. дѣлъ, а потомъ и въ кабинетъ е. и. в., и приложенныхъ при томъ кіевск. магистрата доношеній же и аттестаты о кандидатахъ на мѣсто умершаго кіевск. войта Дмитрія Полоцкаго, *приказали*: по силѣ прежнихъ правъ и привелей королей польскихъ, по которымъ велѣно опредѣлять войта изъ мѣщанъ кіевскихъ, и по даннымъ въ подтвержденіе тѣхъ правъ и привелей, по подданствѣ Малороссіи подъ державу россійскую, жалованнымъ грамотамъ въ 7162, 7185, въ 7207, въ 1700 и 1710 годахъ, а особливо по жалованной е. и. в. грамотѣ 1730 г., по которой велѣно прежнимъ правамъ и прочимъ учрежденіямъ и употребленіямъ быть во всемъ противъ прежняго, и по общему кіевск. магистрата выбору и по поданной на имя е. и. в. челобитной,—быть въ Кіевѣ войтомъ изъ кандидатовъ кіевскихъ мѣщанъ бурмистру Козьмѣ Кричевцу и привесть его къ присягѣ, а бунч. тов. Быковскому, по содержанію ихъ правъ и привилегій и жалов. грамотъ, войтомъ быть не надлежитъ, ибо онъ Быковскій въ воинскомъ чину бунчуковымъ товарищемъ. И. г. генералу и кав. и кіевск. губерніи генералъ-губернатору богемскому графу фонъ-Вейзбаху съ товарищи о семъ вѣдать, а къ правленію гетманскаго уряду о приводѣ его Кричевца къ присягѣ и для вѣдома въ кіевск. магистратъ указы изъ Сената посланы».

Упоминаемый въ этомъ указѣ бунч. тов. Быковскій, по всей вѣроятности, есть тотъ самый, о которомъ данъ былъ въ кіевск. губ. канц. изъ пр. Сената указъ отъ 27-го мая 1740 года такого содержанія:

«... по доношенію оной канцеляріи и приложенному при томъ экстракту и мнѣнію г. генералъ-лейт. Леонтьева іюля 18 прошлаго 1739 г., *приказали*: гадяцкаго полку съ судьи Василія Быковскаго (который во время слѣдствія о кіевск. войтѣ съ бурмистры и райцы правилъ въ кіевск. магистратѣ войтовскую должность и взялъ себѣ изъ мѣстной суммы собою своевольно денегъ двѣсти рублей и отвѣтомъ показалъ, якобы оные употребилъ на ратушскіе расходы, а ни-

---

губернаторовъ, въ которомъ, между прочимъ, графъ фонъ-Вейзбахъ названъ Гейсбаромъ, М. И. Леонтьевъ показанъ генералъ-губернаторомъ съ 1738 по 1766 г., тогда какъ онъ въ 1751 г. умеръ.

какова въ томъ подлиннаго свидѣтельства и магистратскаго о употребленіи тѣхъ денегъ въ расходъ приговору и никакихъ записокъ не объявилъ), по мнѣнію его, г. генералъ-лейтенанта, для представленныхъ въ ономъ резоновъ, взыскать съ него, Быковскаго, немедленно и отдать въ тотъ магистратъ, а за самовольное тѣхъ денегъ взятье штрафовать его, Быковскаго, ген. войск. канцеляріи по своему разсмотрѣнію, о чемъ въ г. в. к. и указъ посланъ».

А. Андріевскій.

Жалоба кіевскаго магистрата на карантинныхъ откупщиковъ (1750 г.). Въ маѣ мѣсяцѣ 1750 г. кіевскій магистратъ подалъ на высочайшее имя въ коллегію иностранныхъ дѣлъ нижеслѣдующее прошеніе:

1.

«За мѣстечкомъ Васильковомъ близъ границы польской устроенъ дворъ карантинной для иностранныхъ купцовъ грековъ, арменъ и другихъ чужоземцовъ, и прошлыхъ годовъ отъ содержателей того двора значала отъ кіевскихъ мѣщанъ купеческихъ промышленниковъ никакихъ нетребовано взятковъ.

2.

А якъ начали греки тотъ дворъ карантинной арендовать, яко и нынѣ содержуючій области турецкой родимецъ Янъ Кацело, не взирая на всевысочайшіе жалованные грамоты, указы, привиліи и другіе крѣпости, коими кіевскому купечеству торговать безпошлинно утверждено, и митрополиту кіевскому въ Пробытомъ валу и на рѣчкѣ Борщовки и въ Бѣлогородкѣ и въ иныхъ мѣстахъ духовнымъ властямъ въ монастырскихъ маетностяхъ мыта и мостовщины съ кіевскихъ мѣщанъ не имать, понеже во всей Малой Россіи мостовое и погребельное и перевозной зборъ отставленъ и збирать имяннымъ блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоановны въ 1730 году указомъ не велѣно, своего ради прибытку и отъ кіевскихъ купцовъ въ Волощину за виномъ волоскимъ, за чорносливою, за орѣхами, за бакаліею и за другими товары ѣздячихъ, которіе въ томъ дворѣ карантинномъ не стоювали и не стоятъ, но токмо мимо того двора на иные форпосты по пашпортамъ, зъ канцеляріи кіево-губернской даннымъ, проѣзжаючихъ нотоль не пропускаютъ, поколь онимъ грекамъ и ему Яну Кацелѣ довольствіе ими требуемое не воспослѣдуетъ,

и взимаютъ зъ буты вина по два рубли, по рублю и мало ниже, а со сливъ, орѣховъ и другихъ отъ воза по пятьдесятъ копіекъ, по 60 и по 70 и по рублю, насильство и остановку дѣлаютъ.

3.

И по таковому ихъ карантиннаго двора содержащихъ откупщикомъ, самовольству по челобитью мѣщанъ кіевскихъ купеческихъ промышленниковъ о происходящихъ обидахъ остановкѣ и въ купечествѣ помѣшательства не единожды куда надлежало любо и было представленіе съ прошеніемъ содержанія кіевскихъ мѣщанъ въ силѣ высоч. всемил. жалованныхъ грамотъ, указовъ и привилеевъ въ цѣлости ненарушимой, токмо успѣху ни малѣйшого получить не могли, но еще съ продаваемого собою волоского вина указного скотного въ магистратъ кіевскій не даютъ и давать не хотятъ и по разнымъ на нихъ, карантинщиковъ, по купеческимъ заводамъ въ магистратъ кіевскій заносимымъ жалобамъ, укрываясь тѣмъ карантиннаго двора откупомъ, къ расправѣ не стаютъ; а таковыхъ всевысоч. гос. импер. Петра Великаго 1710 г. жалов. магистрату кіевск. грамотою всемилостивѣйше повелѣно вѣдать и судить въ торговыхъ дѣлѣхъ на ратуши войту съ урядники.

И дабы высоч. в. и в. указомъ повелѣно было сіе наше челобитье въ кол. ин. д. принявъ записать, о запрещеніи силою всевысочайшихъ крѣпостей, въ кіевскомъ магистратѣ имѣющихся, взиманія зъ кіевскихъ купеческихъ промышленниковъ откупщикомъ карантиннаго двора небывалыхъ прежде сего зборовъ и о платежѣ въ магистратъ кіевскій зъ продажного ими волоского вина указныхъ скотныхъ денегъ и о прислушаніи и отвѣтѣ въ магистратъ кіевскій по жалобамъ на нихъ взнесеннымъ, всемилостивѣйшій выдать указъ».

А. Андріевскій.

Къ турбаевской катастрофѣ. Турбаевская катастрофа очень долго помнилась въ Малороссіи. Еще въ началѣ 50-хъ годовъ я слыхалъ о ней отъ дѣда, который, порицая жестокихъ помѣщиковъ, какихъ не мало было у насъ въ прилуцкомъ уѣздѣ, постоянно прибавлялъ: дождутся они того, что сталось съ турбаевскими Базилевскими. Но разсказать мнѣ, что именно случилось съ этими Базилевскими, онъ не пожелалъ, ограничившись тѣмъ, что ихъ, молъ, крестьяне замучили. Дѣдъ, впрочемъ, упрекалъ въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами еще болѣе мать убитыхъ Базилевскихъ, вдову

Ѳеодора Базилевскаго, которой онъ приписывалъ и образованіе колоссальнаго состоянія Базилевскихъ. Скупа она была до скаредности, сама выѣзжала на возѣ съ яйцами на базаръ для продажи яицъ и пр. Она устроила дѣло такъ, что козаки стали крестьянами, и разорила ихъ. Дѣти же пострадали за грѣхи отцовъ. Такъ ли это было, сказать не могу, и передаю воспоминанія дѣда о Базилевской лишь какъ преданіе.

Старый Прилучанинъ.

Ѳ. И. Каминскій (Некрологъ). Въ ночь на 20-е марта скончался отъ чахотки въ хуторѣ Кругликъ, близъ Лубенъ, полтавской губ., сотрудникъ нашего журнала Ѳедоръ Ивановичъ Каминскій. Покойный былъ сынъ священника изъ минской губ. Первоначальное образованіе получилъ въ одномъ изъ духовныхъ училищъ той же минской губ., а затѣмъ въ переяславской семинаріи. Въ 60-хъ г.г. онъ поступилъ вольнослушателемъ въ кіевскій университетъ (въ то время окончившихъ семинарію въ студенты не принимали) на физико-математическій факультетъ и усердно занимался изученіемъ естественныхъ наукъ. По выслушаніи университетскаго курса, Ѳ. И. поступилъ учителемъ географіи въ переяславское духовное училище и въ тоже время сталъ давать уроки въ частномъ женскомъ пансіонѣ. Въ Переяславѣ Каминскій прослужилъ, если не ошибаемся, года три. Статьи о злоупотребленіяхъ тогдашнихъ переяславскихъ воротилъ, помѣщенныя покойнымъ въ одной изъ кіевскихъ газетъ, навлекли на него цѣлый рядъ преслѣдованій, заставившихъ его перейти на службу въ хорольское (полтавской г.) уѣздное училище. Въ Хоролѣ К—ій пробылъ не долго и въ 1872 г. перешелъ учителемъ приготовительнаго класса въ открытую тогда лубенскую гимназію и вмѣстѣ занялъ мѣсто библіотекаря при гимназіи. Въ лубенской женской гимназіи онъ преподавалъ естественную исторію. Лѣтъ черезъ 10 Ѳ. И. былъ переведенъ учителемъ приготовительнаго класса въ прилуцкую гимназію, а вскорѣ оказался вынужденнымъ вовсе оставить службу. Послѣ того онъ поступилъ домашнимъ учителемъ въ семейство владѣтельницы х. Кругляка лубенск. у. Е. Н. Скаржинской, гдѣ и провелъ остатокъ своей жизни. Каминскій скончался далеко еще не старымъ человѣкомъ: ему было не болѣе 46 лѣтъ отъ роду. Тяжелыя житейскія условія и семейныя несчастья разрушили его крѣпкій организмъ. Живя въ Лубнахъ, Ѳ. И. предпринялъ нѣсколько археологическихъ

раскопокъ, для которыхъ окрестности Лубенъ и весь уѣздъ представляютъ богатый матеіралъ. Особенно значительно изслѣдованіе, произведенное имъ въ с. Гонцахъ лубенск. уѣзда. Здѣсь имъ сдѣлано важное въ области археологіи открытіе—это былъ первый констатированный и научно описанный случай нахожденія въ Россіи остатковъ человѣка палеолитической эпохи, (такихъ фактовъ въ Россіи вообще извѣстно очень мало,—послѣ открытія К-го ихъ обнаружено было только 4). Работа эта («Слѣды древнѣйшей эпохи каменнаго вѣка по р. Сулѣ и ея притокамъ») была помѣщена въ «Трудахъ 3-го археологическаго съѣзда» въ Кіевѣ (т. I. стр. 147—152), на засѣданіяхъ котораго читалась въ качествѣ реферата. Открытіе К-го было описано въ книгѣ гр. А. С. Уварова «Каменный вѣкъ», откуда перешло въ иностранныя археологическія изданія. Другія археологическія работы К-го не были опубликованы. Объ одной изъ нихъ «Раскопкѣ кургановъ (скиѳскаго типа) въ окрестностяхъ Лубенъ» докладывалъ въ одномъ изъ засѣданій Общества Нестора лѣтописца проф. В. Б. Антоновичъ по замѣткамъ, доставленнымъ съ мѣста раскопки. Всѣ археолегическія находки К-го собраны въ частномъ музеѣ Е. Н. Скаржинской, о составѣ котораго говорилось недавно въ «Кіевской Старинѣ». Въ составленіи этого собранія покойный принималъ дѣятельное участіе и судьба его всецѣло занимала Ѳ. И-ча въ послѣдніе годы его далеко нерадостной жизни. Въ нашемъ журналѣ помѣщено было разновременно нѣсколько небольшихъ замѣтокъ покойнаго.

Своимъ толковымъ и увлекательнымъ преподованіемъ и гуманностью Ѳ. И. пріобрѣлъ себѣ любовь и уваженіе не только своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто зналъ его, какъ преподавателя. Въ жизни Ѳ. И. былъ однимъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ высшіе интересы составляютъ весь ея смыслъ и содержаніе, однимъ изъ немногихъ идеалистовъ нашего времени. Въ памяти знавшихъ его останется воспоминаніе о немъ, какъ о человѣкѣ безукоризненной честности и душевнаго благородства.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. И. Костомаровъ. Литературное наслѣдіе. (Автобіографія. Стихотворенія. Сцены. Историческіе отрывки. Малорусская народная поэзія. Послѣдняя работа). Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и библіографическимъ указателемъ. Спб. 1890.

Книга, заглавіе которой мы выписали, не могла не занять виднаго мѣста въ нашей текущей литературѣ уже въ виду одного имени Костомарова, и мы обязаны дать о ней отчетъ въ литературной хроникѣ нашего журнала, хотя бы даже и нѣсколько поздно.

Автобіографія Н. И. Костомарова въ ея довольно полномъ видѣ является въ настоящемъ изданіи посмертныхъ работъ покойнаго историка наиболѣе замѣтнымъ литературнымъ фактомъ. Въ данномъ случаѣ впрочемъ играетъ роль не столько новизна всего въ ней сообщаемаго, сколько полнота впечатлѣнія при чтеніи въ ней о такихъ даже событіяхъ въ жизни Костомарова, о которыхъ было извѣстно и раньше. Эту полноту пересказу о уже извѣстномъ даетъ талантливое изложеніе автобіографа, умѣющаго облекать въ плоть и кровь все достойное вниманія. Въ добавокъ въ данной работѣ яркой нитью проходитъ очевидная для всякаго цѣльность личности покойнаго историка, разъ ставшаго въ молодости на опредѣленный жизненный путь и никогда съ него не сворачивавшаго до конца дней своихъ.

Въ смыслѣ установки міросозерцанія и выбора спеціальности наиболѣе существеннымъ моментомъ для Костомарова было время послѣ окончанія имъ университетскаго курса въ Харьковѣ въ 1837 году. До этого года жизнь Костомарова не представляла ничего особеннаго. Все въ ней было заурядно: и пребываніе въ домѣ родительскомъ среди помѣщичьей обстановки, создававшейся у насъ подчасъ, какъ это было въ семьѣ Костомаровыхъ, изъ смѣси всякой европей-

ской культурной завали XVIII вѣка и русскаго крѣпостничества, да и обученіе «чему нибудь» и «какъ-нибудь» сперва въ дворянскихъ пансіонахъ, потомъ въ гимназіи и университетѣ. Конечно личность Костомарова и тогда была отмѣчена особой печатью, такъ что еще въ пансіонахъ его величали enfant miraculeux, но все же его выдающіяся способности не прорывались тогда замѣтно и культивировались шаблонно. Повторяемъ поэтому, только послѣ окончанія университета и послѣ неудачной попытки служить въ военной службѣ начинается для Костомарова иная жизнь.

Идея возрожденія славянскихъ народностей, пробившаяся и въ русскій міръ съ австрійско-турецкаго славянскаго запада, получила въ то время въ Харьковѣ права гражданства среди немногихъ литераторовъ и ученыхъ, и Костомаровъ сталъ однимъ изъ усердныхъ ея адептовъ, а нѣсколько позднѣе съ неменьшею стремительностью усвоилъ онъ себѣ и менѣе реальную идею славянской взаимности, также носившуюся тогда въ воздухѣ и трактовавшуюся на разные лады людьми разныхъ лагерей. Подъ вліяніемъ этихъ идей — Костомаровъ тогда же занялся окружавшимъ его малорусскимъ міромъ и впервые созналъ свою принадлежность къ этому міру по рожденію (острогожскій уѣздъ воронежской губерніи), о чемъ не догадывался, благодаря воспитанію, раньше, живя въ помѣщичьей обстановкѣ, игнорировавшей крестьянскую культуру. Одновременно съ этимъ, подъ вліяніемъ европейски образованнаго профессора всеобщей исторіи въ харьковскомъ университетѣ, Лунина, Н. И. занялся серьезно исторіей и почувствовалъ ясное влеченіе къ этой наукѣ. Страницы автобіографіи, передающія о тогдашнемъ настроеніи будущаго историка, кажутся намъ преисполненными жизни и рельефно выражающими духъ той знаменательной для Костомарова поры.

«Осенью 1837 г. я отправился въ Харьковъ, читаемъ въ автобіографіи. Чувствуя, что въ моемъ образованіи многое было упущено и желая дополнить его, я принялся прилежно слушать лекціи Лунина. Исторія сдѣлалась для меня любимымъ до страсти предметомъ; я читалъ много всякаго рода историческихъ книгъ, вдумывался въ науку и пришелъ къ такому вопросу: отчего это во всѣхъ исторіяхъ толкують о выдающихся государственныхъ дѣятеляхъ, иногда о законахъ и учрежденіяхъ, но какъ будто пренебрегаютъ жизнью народной массы? Бѣдный мужикъ, земледѣлецъ-труженикъ какъ будто

не существуетъ для исторіи; отчего исторія не говоритъ намъ ничего о его бытѣ, о его духовной жизни, о его чувствованіяхъ, способѣ его радостей и печалей? Скоро я пришелъ къ убѣжденію, что исторію нужно изучать не только по мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, а и въ живомъ народѣ. Не можетъ быть, чтобы вѣка прошедшей жизни не отпечатались въ жизни и воспоминаніяхъ потомковъ; нужно только приняться поискать—и вѣрно найдется многое, что до сихъ поръ упущено наукою. Но съ чего начать? Конечно, съ изученія своего русскаго народа; а такъ какъ я жилъ тогда въ Малороссіи, то и начать съ его малорусской вѣтви. Эта мысль обратила меня къ чтенію народныхъ памятниковъ. Первый разъ въ жизни добылъ я малорусскія пѣсни изданія Максимовича 1827 г., великорусскія пѣсни Сахарова и принялся читать ихъ. Меня поразила и увлекла неподдѣльная прелесть малорусской народной поэзіи: я никакъ не подозрѣвалъ, чтобы такое изящество, такая глубина и свѣжесть чувства были въ произведеніяхъ народа, столько близкаго ко мнѣ и о которомъ я, какъ увидѣлъ, ничего не зналъ. Малорусскія пѣсни до того охватили все мое чувство и воображеніе, что въ какой-нибудь мѣсяцъ я уже зналъ наизустъ сборникъ Максимовича, потомъ принялся за другой сборникъ его же, познакомился съ историческими думами и еще болѣе пристрастился къ поэзіи этого народа» . . . . . «отъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ перешелъ я къ чтенію малорусскихъ сочиненій, которыхъ, какъ извѣстно, было въ то время очень мало До тѣхъ поръ я не читалъ ни одной малорусской книги, кромѣ Энеиды Котляревскаго, которую еще въ дѣтствѣ, при отцѣ, вздумалъ было читать, но, мало понимая, бросилъ ее. Теперь, вооружившись новыми взглядами, я досталъ повѣсти Квитки, изданныя въ то время подъ псевдонимомъ Грицька Основьяненко. Мое знаніе малорусскаго языка было до того слабо, что я не могъ понять «Солдатскаго портрета» и очень досадовалъ, что не было словаря; за неимѣніемъ послѣдняго служилъ мнѣ мой слуга, уроженецъ нашей слободы по имени Ѳома Голубченко, молодой парень лѣтъ шестнадцати. Кромѣ того, гдѣ только я встрѣчался съ коротко-знакомыми малороссами, то безъ церемоніи осаждалъ ихъ вопросами: что значитъ такое-то слово или такой то оборотъ рѣчи. Въ короткое время я перечиталъ все, что только было печатнаго по малорусски, но этого мнѣ казалось мало; я хотѣлъ поближе познакомиться съ самимъ народомъ не изъ книгъ, но изъ живой рѣчи, изъ живого

обращенія съ нимъ. Съ этою цѣлью я началъ дѣлать этнографическія экскурсіи изъ Харькова по сосѣднимъ селамъ, по шинкамъ, которые въ то время были настоящими народными клубами»... (стр. 28—29). Въ такомъ стремленіи изучить малорусскій народъ ревностно поддерживалъ Костомарова И. И. Срезневскій, бывшій въ то время адъюнктъ-профессоромъ по статистикѣ, но питавшій особенную любовь къ славянскимъ языкамъ и литературамъ, а въ томъ числѣ къ языку и литературѣ малороссовъ.

Подъ вліяніемъ овладѣвшихъ тогда Костомаровымъ идей была написана имъ магистерская диссертація «Объ уніи» и затѣмъ, по уничтоженіи ея, другая—«Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Безъ указанныхъ идей необъяснимо было бы и малорусское писательство Костомарова подъ псевдонимомъ Іереміи Галки, оставленное имъ впослѣдствіи. Наконецъ, все подъ вліяніемъ тѣхъ же идей, главный интересъ для Костомарова сосредоточивался потомъ на эпохѣ Богдана Хмельницкаго, ради изученія которой онъ долженъ былъ долго собирать источники первой руки. Учительство его сперва въ Ровно, потомъ въ Кіевѣ и профессорство въ Кіевѣ, а далѣе многіе годы въ Саратовѣ прошли въ занятіяхъ этой эпохой.

Къ сожалѣнію и на этотъ разъ въ автобіографіи почти ничего не говорится о послѣднемъ времени пребыванія Костомарова въ Кіевѣ.

Пропускъ объ отмѣченной важной порѣ въ жизни Костомарова до извѣстной степени восполняется очеркомъ жизни его въ ссылкѣ въ Саратовѣ. Широкую дорогу профессорской дѣятельности смѣнило поднадзорное житье на обыкновенный обывательскій ладъ. Для людей широкаго размаха съ незаурядными способностями такое состояніе было тяжело, хотя въ глазахъ нѣкоторыхъ и принесло пользу Костомарову, такъ какъ освободило его отъ мечтаній (Полевой. Историкъ-идеалистъ. «Историческій Вѣстникъ». 1891 г., кн. II). Для Костомарова, конечно, легче было выбиться изъ этого положенія, чѣмъ другимъ, но это не значитъ, что онъ не испыталъ всѣхъ тягостей ссылки. Благодаря своимъ талантамъ, онъ вскорѣ и въ Саратовѣ пригодился мѣстной администраціи для нѣкоторыхъ литературныхъ работъ. Сверхъ того, проникшись

симпатіей и къ великороссамъ, Костомаровъ занялся собираніемъ пѣсенъ саратовскаго края, а потомъ статистикой его и изслѣдованіемъ «внутренняго быта древней Россіи»; но больше всего вниманія въ это время удѣлилъ онъ работѣ надъ бунтомъ Стеньки Разина, работѣ, для которой Саратовъ, какъ одинъ изъ центровъ Поволжья, мѣста дѣйствія Разина, былъ вполнѣ удобенъ. Не исчезла въ это время и ранѣе проявленная Костомаровымъ привычка лично обозрѣвать тѣ историческія мѣстности, о которыхъ ему приходилось поминать въ своихъ работахъ, и онъ объѣздилъ южное Поволжье и Крымъ, какъ во время своего пребыванія въ Ровно и въ Кіевѣ, объѣздилъ тѣ мѣста юго-западнаго края, которыя чѣмъ нибудь были отмѣчены въ историческомъ отношеніи. Для историка-художника, какимъ былъ Костомаровъ, это было существенно важно и давало возможность провѣрки источниковъ письменныхъ.

Высочайшій манифестъ, послѣдовавшій послѣ коронаціи Императора Александра II, освободилъ Костомарова изъ подъ надзора, а еще раньше снято было съ него запрещеніе печатать свои труды. Оставалось до поры до времени въ силѣ только воспрещеніе служить Костомарову по ученой части, но въ 1859 г. и это ограниченіе пало. Петербургскій университетъ избралъ тогда Костомарова профессоромъ по каѳедрѣ русской исторіи, и вскорѣ онъ былъ утвержденъ въ этой должности.

Съ этого момента Костомаровъ съ новой силой воодушевился идеей, возбужденной въ немъ вопросомъ о славянской взаимности еще до Саратова, — а именно идеей автономности для различныхъ этнографическихъ группъ, приходящихъ между собой въ соприкосновеніе, другими словами—идеей федерализма, примѣненной къ русской древне-исторической почвѣ (стр. 113—114).

Вникая въ смыслъ всего писаннаго затѣмъ Костомаровымъ, нельзя не видѣть, что онъ никогда не забывалъ этого основнаго взгляда своего на развитіе древне-русской жизни. Но, конечно, наиболѣе ярко и широко его идеи сказались въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Основѣ» 1861 года—«О федеративномъ началѣ древней Руси», «Двѣ русскія народности», «Черты южно-русской исторіи». Статьи эти, по утвержденію Костомарова, были имъ составлены на основаніи того, что онъ читалъ раньше въ университетѣ, а послѣдняя

статья заключала въ себѣ сплошное историческое повѣствованіе событій удѣльно-вѣчеваго періода въ южной Руси до татаръ. Съ неменьшей яркостью тотъ же принципъ автономности и федерализма выступаетъ и въ сравнительно болѣе позднихъ работахъ историка— въ статьѣ «Начало единодержавія въ древней Руси», появившейся въ 1870 г. въ «Вѣстникѣ Европы», и затѣмъ въ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей».

Только широкими воззрѣніями Костомарова можетъ быть объясненъ огромный кругъ темъ, которыхъ онъ касался, работая и по исторіи Малороссіи, и по исторіи Московскаго государства, и по исторіи Польши. Но эти воззрѣнія, хотя и обосно ванныя строгимъ документальнымъ изученіемъ прошлыхъ судебъ, были несочувственны многимъ и на Костомарова стали сыпаться укоры въ проведеніи въ современную жизнь идей, не соотвѣтствующихъ ея господствующему строю. Особеннымъ же нападкамъ въ эпоху польскаго возстанія 1863 г. подверглась статья «Двѣ русскія народности», которую «Русскій Вѣстникъ» обозвалъ даже «позорною» (стр. 121). Возбужденная такимъ образомъ реакціонной литературой подозрительность относительно Костомарова пошла даже такъ далеко, что выставленную имъ въ спорѣ съ Погодинымъ «о началѣ Руси» литовскую теорію о происхожденіи Руси подвергли въ литературѣ разсмотрѣнію чуть не съ точки зрѣнія политической благонадежности (стр. 121).

Отъ подобныхъ кривотолковъ, разъ они начались, ничто не спасало Костомарова. Какъ ни тщательно онъ работалъ надъ документами архивовъ и для своихъ непосредственныхъ изданій, и въ качествѣ члена археографической коммиссіи, противники его всегда находили его мнѣнія неосновательными, какъ напр. мнѣніе о Димитріи Донскомъ и о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ Смутной эпохи. Нѣкоторые, какъ, напр., недавно г. Полевой (статья «Историкъ-идеалистъ» въ Историческій Вѣстникъ, кн. II), рѣшались и рѣшаются утверждать, что затраченнаго Костомаровымъ времени на ознакомленіе съ этой эпохой было недостаточно для того, чтобы составить о ней основательное сужденіе. Они между тѣмъ опускаютъ изъ виду и крайнюю интензивность труда Костомарова, и его изъ ряду вонъ выходящую способность быстраго схватыванія характерныхъ чертъ вѣка. Притомъ же отъ Костомарова, какъ

отъ историка-художника, едва ли всегда можно требовать полной безошибочности въ деталяхъ, особенно въ виду того, что брать ему для изслѣдованій приходилось не отдѣльныя событія, а цѣлыя эпохи.

Оставленіе Костомаровымъ университетской каѳедры въ 1862 г. не было, какъ извѣстно, прекращеніемъ его литературной и ученой дѣятельности. Не произошло отъ этого и измѣненій въ проводимыхъ имъ воззрѣніяхъ (стр. 153).

Предъ нами такимъ образомъ при чтеніи автобіографіи Костомарова проходитъ жизнь вполнѣ цѣльная, ненарушенная въ своемъ нормальномъ развитіи даже грубыми ударами судьбы, жизнь, отданная нелегкому служенію наукѣ и интересамъ родной страны и уже потому самому свободная отъ упрековъ въ эгоизмѣ.

Въ «Литературномъ наслѣдіи» находимъ мы и замѣчательную статью «Семейный бытъ въ произведеніяхъ южно русскаго народнаго пѣсеннаго творчества». Статья эта вмѣстѣ со статьею «Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» («Бесѣда» 1872 г.) и со статьею «Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» («Рус. Мысль» 1880 и 1883) составляетъ передѣлку магистерской диссертаціи покойнаго и представляетъ собою образецъ блестящаго изслѣдованія южно-русской народной поэзіи, причемъ выводы автора относительно народнаго міровоззрѣнія не идутъ далѣе предлагаемыхъ фактовъ и не переходятъ въ вѣроятныя гаданія. Названная работа можетъ также служить прекраснымъ доказательствомъ неизмѣнности вкусовъ и воззрѣній нашего историка-этнографа, вернувшагося подъ конецъ жизни къ переработкѣ сюжета, интересовавшаго его сорокъ лѣтъ назадъ.

Я. Ш.

Этнографическое Обозрѣніе. Изданіе этнографическаго отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ подъ ред. секретаря отдѣла Н. А. Янчука. Москва. 1889—1890 г. кн. I—VII.

Живая Старина. Изд. при импер. русск. географическомъ обществѣ подъ ред. предсѣд. этнографич. отд. В. И. Ламанскаго. Спб. 1890. Выпускъ I-й.

Быстро возрастающій повсюду въ Россіи интересъ къ этнографическимъ занятіямъ привелъ, почти одновременно, два спеціальныхъ учрежденія—одно въ Петербургѣ, другое въ Москвѣ—къ сознанію необходимости періодическихъ изданій, посвященныхъ этнографіи. Обычныя рамки дѣятельности ученыхъ обществъ, даже столь дѣятельныхъ и богатыхъ денежными средствами, какъ географическое, не удовлетворяютъ болѣе назрѣвшимъ потребностямъ въ расширеніи и углубленіи этого рода изученій. И вотъ передъ нами сразу два новыя изданія. Оба изданія выходятъ по четыре книжки одинаковаго размѣра въ годъ, и подписная цѣна тому и другому почти одна и та же; оба привѣтствуютъ другъ друга и оба преслѣдуютъ, понятно, только однѣ научныя цѣли. Спрашивается, чѣмъ же обусловливается появленіе сразу двухъ этнографическихъ журналовъ и какія особенности отличаютъ тотъ и другой?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, выкажемъ сожалѣніе, что, живя въ провинціи, мы пользуемся въ настоящій моментъ только первымъ выпускомъ «Живой Старины», ибо 2-й выпускъ, разобранный уже въ нѣкоторыхъ столичныхъ изданіяхъ, и 3-й до насъ не дошли еще. Поэтому мы вынуждены ограничиться впечатлѣніемъ одной только первой книжки «Живой Старины», хотя, впрочемъ, она—то и представляетъ особый интересъ вводной статьей редактора, въ которой задачи этнографіи и самаго изданія выяснены съ совершенной ясностью и полнотой. Въ первой книгѣ «Этнографическаго Обозрѣнія» также находимъ руководящую статью Д. Н. Анучина «О задачахъ русской этнографіи». Въ этихъ-то статьяхъ и раскрывается различіе въ пониманіи обоими изданіями предмета и задачъ этнографическихъ изученій. Полемизируя съ г. Пыпинымъ

(статьи котораго о задачахъ этнографіи, напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы», памятны, конечно, читателямъ), Д. Н. Анучинъ выражаетъ неудовлетворенность тѣмъ предпочтеніемъ собиранію матеріаловъ, которое до сихъ поръ оказывается въ нашихъ этнографическихъ занятіяхъ; по его мнѣнію, матеріаловъ существуетъ уже очень много и одной изъ ближайшихъ задачъ русской этнографіи должно служить сведеніе ихъ воедино путемъ тщательныхъ монографическихъ работъ и потомъ пополненіе оставшихся пробѣловъ въ накопленіи матеріаловъ. Но этимъ, по мнѣнію проф. Анучина, не исчерпываются задачи этнографіи: «этнографія не можетъ быть наукой чисто описательной и ея конечныя задачи должны заключаться въ объясненіи и истолкованіи фактовъ народной жизни и взаимнаго отношенія и распредѣленія племенъ»; такимъ образомъ, онъ указываетъ особый кругъ работъ въ области этнографіи—аналитическихъ работъ по изученію всевозможныхъ сторонъ матеріальнаго и духовнаго міра, отмѣчаетъ далѣе особую категорію изслѣдованій по взаимнымъ отношеніямъ племенъ, ихъ смѣшенію, взаимодѣйствію и т. п., и наконецъ, ставитъ на видъ важность русскихъ этнографическихъ изслѣдованій для исторіи культуры вообще и исторіи первобытной культуры въ особенности; покончивъ собственно съ теоретической стороной дѣла, авторъ, въ заключеніе, упоминаетъ и о прикладномъ значеніи этнографіи въ вопросахъ организаціи и улучшенія народнаго быта. Итакъ, «Этнографическое Обозрѣніе» отдаетъ предпочтеніе фольклору и въ вышедшихъ семи книжкахъ заключаетъ нѣсколько замѣчательныхъ по эрудиціи статей В. Ѳ. Миллера, В. В. Каллаша и Н. Ѳ. Сумцова изъ области сравнительной этнографіи; фольклоръ прокрадывается и въ объясненіе фамильнаго преданія о Дан. Лавр. Ханенко, сбившемъ выстрѣломъ головной уборъ съ козачки, отвоевываетъ себѣ почетное мѣсто въ изслѣдованіи легендъ о Паліѣ и Мазепѣ, не говоря уже о былинныхъ сюжетахъ, раньше подвергавшихся изслѣдованію въ этомъ направленіи. Понятно отсюда, что «Этнографическое Обозрѣніе», преслѣдуя главную цѣль — изученіе народностей Россіи, изрѣдка даетъ мѣсто и статьямъ обще-этнографическимъ, даже переводнымъ, если онѣ имѣютъ руководящее значеніе. Понятно также то вниманіе, которое удѣлено здѣсь библіографіи; въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» читатель находитъ, кромѣ обстоятельныхъ разборовъ отдѣльныхъ изданій по своей спеціальности, и

тщательный обзоръ журналовъ, и обозрѣніе всевозможныхъ газетъ, и, наконецъ, спеціальные труды по библіографіи отдѣльныхъ областей Россіи; все, сколько нибудь важное и интересное въ любой провинціальной газеткѣ передается въ сокращеніи, такъ что каждое такое обозрѣніе представляетъ сводъ всѣхъ новѣйшихъ работъ по этнографіи Россіи. Сырого матеріала относительно мало, а тотъ, который есть, служитъ дополненіемъ и разъясненіемъ статей, или, въ крайнемъ случаѣ, обставляется богатымъ литературнымъ аппаратомъ.

Обращаемся теперь къ «Живой Старинѣ». В. И. Ламанскій основной задачей этнографическаго изученія Россіи признаетъ коллективный систематическій трудъ, посвященный полному этнографическому описанію ея; въ немъ, въ этомъ трудѣ, «должны найти мѣсто антропологическія, археологическія и историко-этнологическія, лингвистическія, этнографическія изысканія, какъ о нѣкогда обитавшихъ, такъ и о всѣхъ нынѣ обитающихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи народностяхъ, съ географическимъ описаніемъ ихъ областей, территорій, съ историческимъ обзоромъ ихъ новѣйшихъ судебъ, ихъ отношеній къ прочимъ инородцамъ и къ русскому племени, съ подробнымъ изложеніемъ и характеристикою ихъ внѣшнихъ и внутреннихъ свойствъ и особенностей..., съ приложеніемъ результатовъ антропологическихъ измѣреній, изображеній типовъ, костюмовъ, жилищъ, утвари и пр.». Проф. Ламанскій признаетъ законность сравнительно-этнографическихъ изученій, но, въ то же время не считаетъ ихъ собственно-этнографическими въ тѣсномъ смыслѣ слова и особенно предупреждаетъ отъ неосторожнаго пользованія сравнительнымъ методомъ провинціальныхъ дѣятелей, рекомендуя имъ безхитростное и лукаво не мудрствующее, по его выраженію, проникновеніе въ окружающую ихъ жизнь. На этихъ провинціальныхъ работникахъ покоятся особыя надежды и симпатіи автора. Возникновеніе провинціальныхъ ученыхъ обществъ, работы статистическихъ комитетовъ, появленіе провинціальныхъ, особенно уѣздныхъ, музеевъ признается имъ знаменіемъ времени, свѣтлымъ симптомомъ поворота на путь народнаго самосознанія, уваженія къ народному обычаю, къ свободѣ и разнообразію жизни.

Статей по общей этнографіи въ «Живой Старинѣ», разумѣется, нѣтъ вовсе; за то удѣлено довольно мѣста славяновѣдѣнію, конечно— въ интересахъ изученія русскаго народа; въ ней есть особый отдѣлъ: «изслѣдованія, наблюденія и разсужденія», но онъ не занимаетъ исключительнаго положенія, напротивъ, въ «Живой Старинѣ» отведено видное мѣсто сырымъ матеріаламъ, которымъ посвящена особая рубрика: «Памятники языка и народной словесности», кромѣ «Смѣси», состоящей изъ мелкихъ сообщеній также строго-фактическаго характера.

Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ оба журнала, укажемъ теперь въ нихъ статьи, касающіяся южной Россіи. Начнемъ снова со старѣйшаго изъ нихъ, съ «Этнографическаго Обозрѣнія». Съ указанной стороны обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія статьи:

В. В. Каллаша, «Палій и Мазепа въ народной поэзіи» (кн. II). Въ приложеніи находимъ 13 легендъ о названныхъ лицахъ (4 записаны вновь) и черногорскую пѣсню о Петрѣ В. и Мазепѣ.

П. И. «Сила родительскаго проклятія по народнымъ разсказамъ купянск. у. харьк. губ.» (кн. III); содержитъ 11 разсказовъ.

М. К. Васильева, «Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украинскаго народа» (кн. IV); матеріалы: I) Доля (5 разсказовъ), II) Бѣда (одноглазый великанъ), III) Мара, IV) Болѣзни, V) Недѣля и Пятница.

М. Запольскаго, «Чародѣйство въ сѣверо-западномъ краѣ» по даннымъ судебныхъ процессовъ XVII и начала XVIII в. (кн. V).

В. Б. Антоновича, «Заклинанія противъ чаръ» (кн. V),—двѣ формулы заклинаній списаны авторомъ съ документа XVII ст., происходящаго изъ Галиціи.

П. И., «Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ» (кн. V и VII) представляетъ много интереснаго фактическаго матеріала, въ видѣ легендъ, приводимыхъ частію цѣликомъ, частію въ сокращеніи, и повѣствующихъ о Поныдилкѣ, о происхожденіи главенства мужа, о богачѣ и бѣднякѣ, о молитвѣ, объ Іисусѣ Христѣ и апостолѣ Петрѣ, о колосѣ, о Маркѣ богатомъ, объ апостолѣ Петрѣ, какъ повелителѣ волковъ, о цыганахъ и солдатахъ, о томъ, «чого на хахлу чортова голова» и «де взялись хахлы и москали?» Мѣсто записи—купянскій уѣздъ. Признавая, что въ созданіи легендъ большое участіе принимали книжные, въ частности апокрифическіе сюжеты и эпизоды, авторъ, однако, полагаетъ, что въ концѣ концовъ послѣдніе настолько подчинились мѣстнымъ вліяніямъ, что въ настоящее время могутъ

служить удобнымъ матеріаломъ для изученія народнаго міросозерцанія: поэтому онъ и располагаетъ ихъ по отдѣльнымъ рубрикамъ этическаго характера. Мы считаемъ это неосторожнымъ шагомъ: по нашему мнѣнію, раньше внимательнаго расчлененія легенды на элементы заносные и туземные нельзя дѣлать никакихъ надежныхъ заключеній въ такомъ родѣ.

М. М. Плохинскаго «Цыгане старой Малороссіи» (кн. VII)— интересная статья, написана по документамъ харьковскаго историческаго архива.

Е. Р. Романова «Очеркъ быта нищихъ могилевской губ. и ихъ условный языкъ (любѐцкій лѐментъ») (кн. VII) съ приложеніемъ словарика этого языка въ 1000 словъ.

В Н. Сѣтъ, «О черничкахъ, по наблюденіямъ въ с. Тарасовкѣ харьк. губ. купянск. у.» (кн. I).

Далѣе, укажемъ изслѣдованія, имѣющія опредѣленный характеръ фольклора, авторы которыхъ пользовались и малорусскимъ матеріаломъ:

В. Ѳ. Миллеръ, «Кавказскія сказанія о циклопахъ» (кн. IV).

Н. Ѳ Сумцова, «Воронъ въ народной словесности» (ibid.).

Его же «Къ исторіи сказаній объ искусномъ стрѣлкѣ» (кн. V). Фамильное преданіе Ханенковъ даетъ поводъ автору къ сопоставленію преданій и разсказовъ на эту тему германскихъ, норвежскихъ, швейцарскихъ, финнскихъ, венгерскихъ, армянскихъ, румынскихъ, персидскихъ, болгарскихъ и сербскихъ, но, несмотря на широкую начитанность автора, происхожденіе малорусскаго сказанія ему выяснить не удалось.

Отмѣтимъ также мелкія замѣтки и статейки, относящіяся къ югу Россіи:

В. В. Каллаша: 1) О прозваніи Ильи Муромца, 2) Къ малорусскимъ легендамъ объ Ильѣ Муромцѣ, 3) Къ былинамъ о Соловьѣ Разбойникѣ, 4) Малорусскія пѣсни о Дунаѣ богатырѣ, 5) Тугаринъ, 6) О Журилѣ—Чурилѣ—Цюрилѣ, 7) Журъ, 8) Къ бѣлорусскому народному снотолкователю, 9) Превращенія въ растенія и животныхъ, 10) Сонъ-трава, 11) Полозы, 12) Укрощеніе змѣй, 13) Алеша Поповичъ, 14) Кожемяка—Янъ Усмошвецъ, 15) О хожденіи русскихъ богатырей въ Царьградъ, 16) Татуировка и окрашиваніе труповъ, 17) Чоботько или Чоботокъ (кн. III, IV и V).

Н. Ѳ. Сумцова, 1) Объ укрощеніи змѣй, 2) Сонъ-трава, 3) Розмай-зилье, 4) Жемчужная трава, 5) Васильки, 6) Обжинки, 7) Спа-

сова борода, 8) Символика краснаго цвѣта, 9) Татуированіе у католиковъ Босніи и Герцеговины (кн. I и V).

А. Соболевскаго, О происхожденіи былиннаго Ильи (кн. VI).

М. К. Васильева, Пѣсенные мотивы о превращеніяхъ (ibid).

Далѣе, мы находимъ извѣстія объ этнографическихъ музеяхъ, трудахъ ученыхъ обществъ, некрологи этнографовъ (между прочимъ обширную статью о Кольбергѣ). Въ библіографическомъ отдѣлѣ напечатаны отзывы о слѣдующихъ отдѣльныхъ изданіяхъ: «Бѣлоруссія и Литва» изд. П. Н. Батюшкова, Чтенія историческаго общества Нестора лѣтописца, Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества т. II, Сборникъ херсонск. земства (послѣдній надлежало бы отнести въ отдѣлъ періодическихъ изданій), «Матеріалы» Шейна, хронологическая классификація могилъ южной Россіи Самоквасова.

Переходимъ къ «Живой Старинѣ». Въ I выпускѣ ея находимъ начало сравнительнаго изслѣдованія *И. Н. Жданова* «Пѣсни о князѣ Михаилѣ», въ ученый аппаратъ котораго, на ряду съ словенскими, моравскими, сербскими и французскими, вошли и малорусскія пѣсни; статью крестьянина-этнографа кіевской губ. *И. Савченкова* «Старое и новое», трактующую о крестьянскомъ малорусскомъ костюмѣ; 8 пѣсенъ, записанныхъ въ с. Молодовѣ гродненск. губ. кобринск. у. г-жею *Сакович*ъ; *Е. Р. Романова* «Катрушницкій лѣмезенъ»—условный языкъ шерстобитовъ м. Дрибина чаусскаго у. могилевск. г., языкъ, въ которомъ попадаются слова древне-русскія, литовскія, нѣмецкія, татарскія, еврейскія и даже греческія и латинскія; въ приложеніи къ статьѣ—словарикъ, заключающій 372 слова;—некрологи Кольберга и Микуцкаго; отзывы о книгахъ: Чтенія въ обществѣ Нестора лѣтописца, «Матеріалы» Шейна, Двинскіе или Борисовы камни А. Сапунова, Обзоръ фонетич. особ. малорусск. рѣчи В. Науменка, Пѣсни о князѣ Романѣ И. Н. Жданова, Wisła.

Заканчивая этимъ характеристику двухъ этнографическихъ изданій, пожелаемъ успѣха имъ обоимъ. Правда, въ пониманіи предмета и задачъ этнографическихъ занятій, мы склоняемся къ гг. Пыпину и Ламанскому, но полагаемъ, что и фольклоръ можетъ и долженъ принести большую пользу, особенно, когда сравнительный методъ находится въ рукахъ лицъ съ такой неоспоримой эрудиціей, какъ руководители «Этнографическаго Обозрѣнія».

В. Я.

Gustave Schlumberger. Un Empereur bizantin au dixieme siècle, Nicéphore Phocas. Paris, chez Firmin-Didot, 1890.

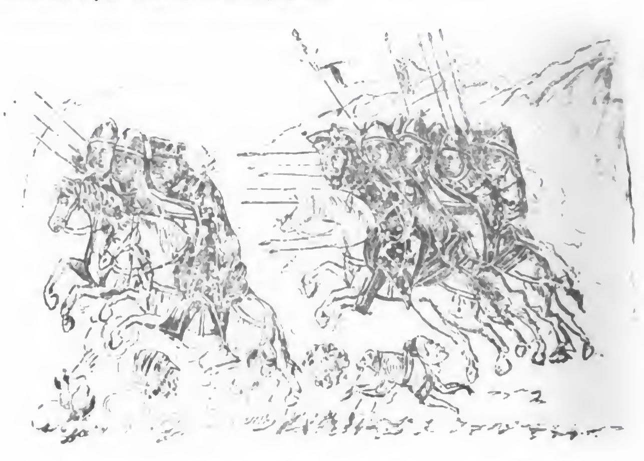
Говоря объ отношеніяхъ между Болгаріей и Византіей въ царствованіе императора Никифора Фоки, г. Шлюмберже, французскій академикъ, давно уже извѣстный своими многочисленными изслѣдованіями въ области исторіи и нумизматики, не могъ разумѣется пройти молчаніемъ и тѣхъ отношеній, которыя возникли въ то время между Болгаріей и Русью. Сдѣлавши краткій очеркъ положенія дѣлъ въ Болгаріи въ X вѣкѣ и изложивши свой взглядъ на то положеніе, которое долженъ былъ занять воинственный и славолюбивый императоръ по отношенію къ ослабѣвшей уже, раздираемой внутренними несогласіями и управлявшейся въ то время слабымъ царемъ Петромъ—Болгаріи, авторъ приходитъ къ заключенію, что окончательное завоеваніе этой страны не могло не быть государственной необходимостью для Византіи и затѣмъ приступаетъ къ изслѣдованію тѣхъ мотивовъ, которые заставили Никифора обратиться за содѣйствіемъ къ Руси. «Были ли его войска недостаточно подготовлены, говоритъ онъ, желалъ ли онъ щадить кровь «воиновъ Христа», во всякомъ случаѣ Никифоръ рѣшился выполнить свой планъ относительно Болгаріи при помощи чужихъ рукъ. Его дипломатическій геній, тонкій и гибкій, скрывавшійся всегда въ глубинѣ души каждаго изъ государственныхъ людей Византіи, внушилъ ему проектъ диверсіи безконечно гибельной для его противника. Онъ рѣшился нанести ударъ Болгаріи съ сѣвера, руками сосѣднихъ ей съ этой стороны варваровъ и достигнуть такимъ образомъ своей цѣли—окончательнаго уничтоженія Болгаріи—не потерявши ни одного изъ своихъ воиновъ».

«Дунайская граница Болгаріи, говоритъ г. Шлюмберже далѣе, была очень плохо защищена. Войска царя Петра не были достаточно сильны, чтобы оказать серьезное сопротивленіе многочисленной арміи враговъ, которая бы съумѣла перейти при благопріятныхъ условіяхъ великую рѣку. Надо было найти эту армію и заставить ее двинуться въ желаемомъ направленіи. Никифоръ не счелъ возможнымъ возложить эту важную миссію на мадъяръ, утомленныхъ уже въ то время войною съ Оттономъ I. Точно также оставилъ онъ въ сторонѣ и печенѣговъ, которыхъ совѣтовалъ направить на Болгарію еще Константинъ Багрянородный въ виду ихъ значительной отдаленности

отъ Византіи [1]), не разсчитывая на продолжительность ихъ содѣйствія. О хозарахъ нельзя было и думать, такъ какъ имъ для этого надо было пройти сквозь страну печенѣговъ. Оставалось обратиться къ идолопоклонникамъ—россамъ—народу воинственному и побѣдоносному по преимуществу, во главѣ котораго стоялъ молодой и смѣлый князь, славолюбивый и постоянно жаждавшій войны. Базилевсъ навѣрно разсчитывалъ, что Болгарія не въ состояніи будетъ сопротивляться такому врагу, съ другой же стороны онъ думалъ, что россы не представятъ никакой серьезной опасности для Византіи, имѣя своимъ центромъ далекій Кіевъ. На этотъ разъ осторожный обыкновенно государственный человѣкъ сдѣлалъ очень важную ошибку: направивши необдуманно русскихъ на Дунай, чтобы раздавить царство Симеона, Никифоръ приготовилъ, не подозрѣвая этого, своему преемнику одну изъ самыхъ ужасныхъ бурь, какимъ когда бы то ни было подвергалась Византія». Далѣе г. Шлюмберже разсказываетъ исторію миссіи Колосира, уроженца Херсонеса и сына начальника управлявшаго этой греческой колоніей. Этотъ полу-скифъ, полу-грекъ, какъ характеризуетъ его авторъ, съ дѣтства обучившійся во дворцѣ своего отца коварной и сложной политикѣ византійцевъ на берегахъ Днѣпра и Дона и изучившій внимательно знаменитыя инструкціи импер. Константина, написанныя для руководства базиликовъ, посылавшихся въ страны хозаръ, печенѣговъ и россовъ, сейчасъ же сообразилъ какую выгоду онъ можетъ извлечь изъ своей миссіи для своихъ личныхъ разсчетовъ. Онъ отправился въ Кіевъ съ многочисленной свитой, состоявшей изъ воиновъ, священниковъ, монаховъ и писцовъ, и большимъ количествомъ золота (ему отпущено 1500 литръ—около 100 тысячъ номизматовъ), показывающимъ какую важность придавалъ Никифоръ успѣху этой миссіи. Первая остановка Колосира по пути была на томъ плоскомъ островѣ св. Георгія, гдѣ русскіе мореходы рѣзали куръ въ честь мѣстнаго божества и клали свои приношенія у подножія громаднаго дуба; затѣмъ посольство миновало пороги, на характерныя названія которыхъ (Ne dors pas, Sa sonnate, L'Insatiable, Des tourbillins, Aux flots boullonantes и проч.) нашъ французскій авторъ обращаетъ особенное вниманіе, проѣхало степи, не

[1]) Здѣсь авторъ ссылается на книгу профес. Дринова (Южные славяне и Византія въ X в. М. 1876), которою, какъ и прочими русскими источниками, онъ пользовался при помощи одного изъ нашихъ соотечественниковъ, живущихъ въ Парижѣ, о чемъ и упоминается въ предисловіи.

безъ того чтобы не подѣлиться частью своей казны съ печенѣгами и наконецъ въѣхало черезъ хозарское предмѣстье «въ дикую еще тогда столицу Руси, въ которой однимъ вѣкомъ позже Титмаръ насчитывалъ уже больше 400 церквей».



Успѣху миссіи Колосира, по мнѣнію г. Шлюмберже, много содѣйствовало и то, что кромѣ привезеннаго золота самолюбивый и своекорыстный херсонесецъ не посовѣстился измѣнить своему повелителю и уговаривалъ Святослава идти на Болгарію, указавъ ему на

возможность воспользоваться этимъ и для нападенія на самую Византію и далъ ему для этого нѣкоторыя свѣдѣнія. Далѣе г. Шлюмберже дѣлаетъ большія выписки изъ начальной лѣтописи (по франц. переводу г. Louis Léger), дополняетъ сдѣланныя еще раньше по той же лѣтописи характеристики Святослава и Ольги и переходитъ, наконецъ, къ описанію самого похода. Относительно него онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что русскіе воины отправились въ ладьяхъ, не взявши съ собой лошадей и добыли ихъ себѣ уже высадившись въ Болгаріи, гдѣ сражались часто на коняхъ, какъ это видно на приложенныхъ къ книгѣ рисункахъ, снятыхъ съ знаменитыхъ миніатюръ ватиканской рукописи хроники Манассіи.

Оставляя затѣмъ дальнѣйшее описаніе похода, сдѣланное на основаніи византійскихъ источниковъ, нашей начальной лѣтописи, а также сочиненій Черткова и проф. Дринова, мы должны обратить вниманіе читателей на только что упомянутые приложенные къ книгѣ г. Шлюмберже рисунки, два изъ которыхъ, благодаря любезности автора и вниманію издателя, мы имѣемъ возможность воспроизвесть у себя. Рисунки эти, какъ мы сказали, сдѣланы съ миніатюръ, украшающихъ рукопись перевода стихотворной хроники Манассіи, хранящуюся въ славянскомъ отдѣлѣ Ватиканской библіотеки подъ № 2. Переводъ этой хроники былъ сдѣланъ—еще въ XII в., но сама рукопись относится къ XIV в.; она была описана, между прочимъ, въ статьѣ о славянскихъ рукописяхъ Ватиканск. библіотеки, помѣщенной въ журналѣ Мин. нар. просвѣщ. т. XXII, 2. 1839 и затѣмъ въ Описаніи рукописей Румянцевскаго музея въ Москвѣ. Второе описаніе сдѣлано по копіи Ватик. рукописи исполненной Штрандмономъ и находящейся въ Румянц. музеѣ подъ № 269. На одномъ изъ этихъ рисунковъ одѣтые въ панцыри и вооруженные копьями, щитами и мечами русскіе всадники устремляются на болгаръ, которые бѣгутъ въ страхѣ. Болгары вооружены луками и стрѣлами. Одинъ изъ нихъ, посреди кучи труповъ и отрубленныхъ головъ, старается прикрыться своимъ лукомъ. На другомъ можно видѣть тѣхъ же одѣтыхъ въ панцыри воиновъ, угоняющихъ стада быковъ и овецъ. Замѣчательно хорошо исполнена также приложенная къ книгѣ г. Шлюмберже артистическая хромолитографія, изображающая цѣлое кавалерійское сраженіе между россами и болгарами. Кромѣ того, въ книгѣ г. Шлюмберже находится еще много другихъ рисунковъ, относящихся къ исторіи южной Руси, какъ напр., виды Кіева, гробницы Ярослава, изображенія русскихъ воиновъ и ладьи изъ житія св. Бориса и Глѣба,

а также весьма интересны портреты болгарскихъ царей, снятые съ оргиналовъ принадлежащихъ лорду Zouche. Вообще, благодаря автору и издателю его сочиненія г. Firmin-Didot, не щадившимъ издержекъ, книга эта издана съ роскошью не совсѣмъ обыкновенной даже для французскихъ ученыхъ изданій. В.

Извѣстія таврической ученой архивной коммиссіи. № 11. Годъ пятый. Симферополь 1891 года.

Нашъ журналъ не разъ уже имѣлъ случай выразить сочувствіе къ дѣятельности вообще всѣхъ архивныхъ коммиссій, занявшихся собираніемъ письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ мѣстной старины, и въ частности къ дѣятельности таврической коммиссіи, обнаруживающей большую энергію сравнительно съ другими. Предъ нами уже 11-я книжка «Извѣстій» этой коммиссіи; подобно предъидущимъ, она полна самыхъ интересныхъ статей и матеріаловъ.

Наибольшую важность представляютъ сообщенные г. Ѳ. Лашковымъ «Памятники дипломатическихъ сношеній крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII вв., хранящіеся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ». Въ настоящемъ выпускѣ «Извѣстій», напечатано 12 «шертныхъ» грамотъ (договоровъ о мирѣ) крымскихъ хановъ Богатырь-Гирея, Исламъ-Гирея и Магметъ-Гирея съ московскими государями Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и Алексѣемъ Михайловичемъ за время 1641 по 1656 годъ. Такимъ образомъ грамоты относятся къ важнѣйшему въ южнорусской исторіи періоду—къ періоду войнъ Хмельницкаго, въ которыхъ принимали участіе и татары; тѣмъ не менѣе въ грамотахъ ничего не говорится объ этихъ событіяхъ и, какъ историческій матеріалъ, онѣ мало содержательны; предметомъ договора всегда являются набѣги татаръ и казна (поминки и дары) хану, царямъ и царевичамъ. Казны этой татары требуютъ все большей, «безъ убавки»; однажды казна была прислана съ убавкой и царскимъ посланникамъ «учинилась за то многая тѣснота и безчестье» ханы домогаются этихъ даровъ настойчиво за каждый годъ для себя и для своихъ приближенныхъ, обязываясь лишь на русскіе «украинные городы и уѣзды, по селамъ и по деревнямъ в'весну и в'лѣто и в'осень и во всякое время войною не приходить и царскаго величества городскихъ и уѣздныхъ людей не воевать и по дорогамъ станичниковъ и

проѣзжихъ людей в' полонъ не имать и не грабить и в' Крымъ и в' Азовъ не водить и украинымъ городамъ и московскому государству лиха и дурна никакова не хотѣть». Къ эпохѣ войнъ Хмельницкаго относится за 1648 годъ двѣ грамоты, одна за 1654 и одна за 1656 годъ. Въ 1648 году, когда московскій государь держался въ сторонѣ отъ событій въ южной Россіи, упоминаній объ этихъ послѣднихъ, конечно, и не могло быть; но къ удивленію нѣтъ на нихъ ни малѣйшаго намека и въ грамотѣ 1654 года, когда состоялось уже возсоединеніе Малороссіи: повторяются прежнія требованія «большой казны» и обѣщаніе не ходить войной на украинные городы; въ грамотѣ же 1656 г. прибавлено только: «на запорожскихъ черкасъ войною самимъ не ходить» и далѣе: «никакихъ татаръ не посылать царскаго величества к'недругамъ к'полскому Яну-Казимеру королю, и к'венгерскому, и к'волосскому, и к'мутьянскому на помочь крымскихъ и нагайскихъ, и азовскихъ татаръ и никакихъ воинскихъ людей не посылать же». Изданныя г. Лашковымъ «шертныя грамоты» не совсѣмъ удобны для пользованія вслѣдствіе отсутствія при нихъ краткой описи, которая бы знакомила читателя съ содержаніемъ грамоты и не возможны для провѣрки, потому что, ни подъ одной грамотой не сообщается изъ какой связки и изъ какой группы дѣлъ архива она заимствована. Это такое важное неудобство, что даже исправленіе его въ концѣ сборника мало облегчаетъ быстрое ознакомленіе съ грамотой.

Вторая группа матеріаловъ настоящаго выпуска *«Ордера кн. Потемкина правителю таврической области»*,—сообщенная г. *Г. Кирѣенко* имѣетъ тѣже недостатки, какъ и «Памятники дипломатическихъ сношеній» т. е отсутствіе заголовковъ и указаній, откуда документы заимствованы. Эта группа матеріаловъ имѣетъ и еще одно серьезное неудобство—отсутствіе всякой системы; если шертныя грамоты можно издавать, руководствуясь одной хронологической системой, въ виду ихъ важности, однообразія, и отношенія къ одному государству, то этого нельзя допускать при изданіи «ордеровъ», касающихся всѣхъ сторонъ жизни края и потому весьма разнообразныхъ по содержанію. Какой, напр., резонъ помѣщать рядомъ разрѣшеніе Потемкинымъ директору ботаническаго сада Гендерсону и мамзелѣ Кертландъ пріѣхать «въ Елисаветъ» (градъ, разумѣется), его же, Потемкина, распоряженіе о высылкѣ въ Кременчугъ всѣхъ муллъ, возбуждавшихъ населеніе противъ Россіи во время войны ея съ Турціей и учредившихъ постъ, молитвы и жертвоприношенія ради успѣховъ турецкаго меча, а рядомъ ордеръ о

высылкѣ ему, Потемкину, уздечекъ и сыромятныхъ ремней? При расположеніи по содержанію получили большее значеніе и такіе ордеры, которые теперь кажутся малозначущими. Напечатанные въ настоящемъ выпускѣ ордеры обнимаютъ время со 2-го марта по 19-е мая 1788 г. «Матеріалы архива канцеляріи таврическаго губернатора, относящіеся къ путешествію императрицы Екатерины II въ Крымъ въ 1787 году» есть собственно не сырые, а прекрасно, по своей точности и обстоятельности обработанные въ видѣ статьи г. Арсеніемъ Маркевичемъ матеріалы. Авторомъ живо представлена картина всѣхъ приготовленій къ пріѣзду и встрѣчѣ государыни; постройки дворцовъ и улицъ, бѣленіе и чистка городовъ, устройство и обсадка деревьями дорогъ, сооруженіе мостовъ на рѣкахъ и соляныхъ складовъ у озеръ, устройство тріумфальныхъ воротъ и наряды людей и лошадей, убранство художниками новыхъ дворцовъ, приготовленіе фейерверковъ и мундировъ для тѣхъ чиновъ, которые должны были отдавать поклонъ и проч.,—все это показываетъ ту массу труда и денежныхъ средствъ, которая потребовалась для достойной встрѣчи государыни. Для большей наглядноси авторъ сообщаетъ въ приложенія «опись карасубазарскаго дворца, составленную 15 апрѣля 1788 года.

Въ небольшой, но серьезной, строго научной замѣткѣ объ *«Эрѣ г. Херсониса Таврическаго»* г. Полидоръ Ваькь думаетъ, что таковую слѣдуетъ считать отъ 29 года до Рожд. Хр.

Г. А. Стивенъ, описывая подробно «раскопку кургана близъ Симферополя лѣтомъ 1890 года» и перечисляя всѣ добытые при этомъ предметы, воздерживается отъ научной оцѣнки ихъ, и совѣтуетъ искать ее въ отчетахъ Императорской археологической коммиссіи. Повторить эту оцѣнку, съ необходимыми оговорками пожалуй, было бы весьма кстати и въ «Извѣстіяхъ».

Книжка заканчивается «протоколами засѣданій таврической ученой архивной коммиссіи», изъ которыхъ мы видимъ, что въ осеннемъ полугодіи (съ сентября) прошлаго года коммиссія имѣла три засѣданія, въ которыхъ обсуждались текущія дѣла и читались членами сообщенія, вошедшія въ настоящій II-й выпускъ. Изъ этихъ же протоколовъ мы узнаетъ, что члены коммиссіи дѣятельно занимаются разборомъ старыхъ дѣлъ мѣстныхъ архивовъ; но должны замѣтить, что какъ въ описяхъ печатавшихся въ предыдущихъ номерахъ «Извѣстій», такъ и въ указаніи г. предсѣдатеkя коммиссіи объ имѣющемъ начаться просмотрѣ дѣлъ таврическаго губернскаго правленія, мы не видимъ, чтобы при раз

борѣ этомъ гг. члены руководились какой-либо системой, оставляя то или другое дѣло. А между тѣмъ программа выбора дѣлъ для вѣчнаго храненія должна быть строго выработана; архивныя коммиссіи должны сохранить такой матеріалъ, который давалъ бы возможность изученія края во всѣхъ проявленіяхъ его жизни; критеріемъ должны служить и роль учрежденія, архивъ котораго разбирается, и особенности мѣстной жизни. Если такой программы не существуетъ, то всѣ архивныя коммиссіи, пріостановясь съ разрѣшеніемъ уничтожить старыя дѣла, должны выработать ее и, собравшись на ближайшемъ археологическомъ съѣздѣ, обсудить сообща и принять въ общее руководство. Мы не раздѣляемъ мнѣнія коммиссіи относительно способа составленія описей, принятаго коммиссіей въ своихъ прежнихъ выпускахъ, и думаемъ, что дѣла, расположенныя сначала по содержанію, а потомъ географически и хронологически, не имѣютъ въ силу уже такого распредѣленія надобности въ отдѣльныхъ описяхъ, а для нихъ вполнѣ достаточно лишь общихъ обозрѣній.

И. Каманинъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 4. — Русская Мысль № 4. — Сѣверный Вѣстникъ № 4. — Русскій Вѣстникъ № 4. — Наблюдатель № 4. — Русское Обозрѣніе № 4. — Русская Старина №№ 3—4. — Русскій Архивъ №№ 3—4. — Историческій Вѣстникъ №№ 3—4.

Вѣстникъ Европы IV. 1891 г. А. В—нъ «Люди сороковыхъ годовъ» — разборъ «воспоминаній» Фета, гдѣ встрѣчается указаніе на близкое знакомство Тургенева съ Шевченкомъ, по поводу котораго авторъ (Фетъ) выражаетъ свое крайнее удивленіе (стр. 690).

Русская Мысль IV. 1891 г. Вс. Миллера «Экскурсы въ область русскаго эпоса (продолженіе). Черты сходства иранскаго и южно-русскаго эпоса въ ихъ богатыряхъ Рустемѣ и Ильѣ-Муромцѣ» (стр. 67—96).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ—разборъ журнала: «Кіевская Старина» за время съ іюня 1890 по мартъ 1891 г. съ указаніемъ на статьи гг. Теличенко, Шульгина, И. Житецкаго, Рыльскаго и др. (стр. 203—206).

Русская Старина IV. 1891 г. Н. М. Колмакова. Очерки и воспоминанія. Воспоминанія, относящіяся ко времени дѣтства и ранняго воспитанія автора

(первая четверть XIX вѣка), прошедшія въ предѣлахъ Малороссіи (стр. 23—43).

Дневникъ академика А. В. Никитенка. Подъ 16-го февраля 1814 года отмѣченъ любительскій спектакль, на которомъ мѣстными малороссами съ успѣхомъ были сыграны двѣ пьесы Основьяненко: «Щыра любовь» и «Сватанье на Гончаривци» (стр. 151).

Дозволено ценз. Кіевъ, 16-го мая 1891 г.

ній, о учиненю сатисфакцѣи зъ человѣка лохвицкого, завювшого коня его, якій листъ посладемъ туда жъ въ Лохвицю, до п. Василя. Тогда жъ, злециввши правленіе п. Савѣцкому, писареви полковому, поехалемъ въ Андрѣевку, зъ братомъ п. Андрѣемъ, куди пизно уже самъ я приехалемъ, для того же блудили по степу.

17. Неделя. Въ Андрѣевцѣ всенощное и кресту въ неделю крестопоклонную церемонѣю отправляно. Туда жъ отъ сенецкого сотника пріѣхалъ козакъ зъ писмомъ, же Петровскій не хочетъ жадною мѣрою въ войско до канала ити, до которого отписалемъ, жебы онъ теперъ виходилъ наказнимъ на время, для порядку, а цѣлимъ наказнимъ лохвицкій албо чорнусскій п.п. сотники имѣютъ бути, а онъ повернется. Ездилисмо зъ братомъ п. Андрѣемъ въ поле, гдѣ зайцовъ нѣсколко гонили, а одного толко затравили. Тогда жъ у вечеру пріѣхали въ Андрѣевку, до родителки, глинскіе—п. суддѣная бувшая, зъ сотниковою глинскою[1]), п. Заруднимъ, п. Зарудною и п. Василь, сотниченко, зъ узваромъ отъ дочки своей новорожденной. Тогда жъ принесени зъ Глухова писма одъ панеи тещи и другихъ, въ которихъ было написанно, что покойного п. Войцеховича тѣло припроважено зъ Москви въ Березу село, близъ Глухова стоячое, куда панъ тесть зъ енералними персонами, пп. писаремъ и бунчучнимъ, ездилъ и, тамъ панихиду совершивши, отпустилъ оное въ Седневъ, до дому небожчиковского. Тамъ же виражения дивная, якоби смерть его, же зъ великою рефлексіею и при зрѣніи лица Богоматерного, такожъ и радости вѣчной и мукъ геенскихъ, окончилъ жизнь свою, передомъ жегнателніе до своихъ пописавши листи и своему имѣнію порадокъ учинивши. Того жъ вечора, п. Зарудній, зъ нами въ компанѣи бувшій, отъ люлки п. Андрѣемъ тягненной, а зъ порохомъ наложенной, случаемъ зовсѣмъ брови, вѣки и часть усовъ спалилъ.

18. Рано, пожегнавши родителку, первей отправилемъ листъ до сотника лубенского, писавшого о томъ, что, по опредѣленію моемъ, не можна такое число винайти товариства ку виправѣ до канала, зъ

---

[1]) Жуковскіе.

таковимъ предложеннемъ, жебы конечне старался тую квоту вислать. А потомъ виѣхалемъ въ Кривую Руду, на Токарѣ, где зачулемъ о винайденню грошей п. Павловой, украденнихъ будто Іваномъ токаровскимъ; а оттоль на Пѣски Великіе, а съ Пѣсокъ—шляхомъ гадяцкимъ на шляхъ Ромодановскій, у футора п. полковника гадяцкого, на рѣчцѣ Бодаквѣ стоячомъ, зъехалемъ, въ якомъ футорѣ и полудновалемъ; а проехавши миль зо 3, ночовалемъ въ полѣ противъ Снѣтина, у футора п. Якова Новѣцкого, тамъ же близъ того шляху обрѣтаючогося. Того жъ дня градъ зъ снѣгомъ и вѣтромъ холоднимъ вирывался.

19. Отъ того мѣстца проехавши миль зо 4, обѣдалемъ на степу, у футорѣ нѣякогось Демченка, козака хоролского, полку миргородского; а оттоль поѣхавши шляхомъ же Ромодановского мил. зо три, зехалемъ потимъ на степъ криворудскій на низъ и на дорогу лубенскую; да приехалемъ еще заранни въ футоръ родителскій на Жостеръ, до Строкачовъ. Туды жъ потимъ и п. Леонтій, економъ, зъ господаремъ Андрѣйцемъ, Ігнатомъ род. и Алексѣйцемъ моимъ слугами, приехали зъ футора моего Криворудского, где до стада моего дрикганта темногнѣдого род.(ителского) определили.

20. Рано оставивши въ Строкачахъ Леонтія, поехалемъ въ Криворудскій футоръ родителскій и тамъ своихъ трехъ дрикгантовъ осмотрѣлемъ и видѣлемъ кози окочуючіеся; а оттуду на обѣдъ приехалемъ въ мой Криворудскій же футоръ, куда потомъ и п. атаманъ лукомскій Гордѣевичъ приехалъ, где велми малій порадокъ, за недбалствомъ старости, увидѣлемъ. Потомъ, по отездѣ лукомского атамана, приехалъ горошинскій атаманъ Омелянъ, риби и пива привозилъ, и немного бавившись, знову отехалъ. Въ Чигиринъ Дуброву писалемъ до п. Занковского, о присланню сюда риби хорошой.— Ревидовалемъ статокъ згодившійся тутъ, корови дойніе зъ телятами, тѣлніе и яловіе; а такъ дойнихъ коровъ показалось 36, тѣлнихъ 13, яловихъ 18, назимковъ, бичковъ и телицъ 54, овецъ, затимъ же котніе, нелзя било перепускать. У вечору на листъ старости буромского, о вигонѣ всѣхъ людей буромскихъ до Горошина на робленне валу писаній, отписалемъ. Такожъ и до Занковского о томъ, чтобъ

въ Горошинъ зъехавши, учинилъ розискъ о супплѣкантови, жителеви горошинскому жъ, и мене по тому увѣдомилъ. До стар.(осты) буромского жъ писалемъ о присланню двохъ возъ въ футоръ мой воловихъ.

21. Передъ виездомъ моимъ зъ футора Криворудского, дворника за небрежене велѣлемъ скарати, тако жъ и овчара вибити за дѣло, якого не велѣлемъ збырать (?) до святъ. Молодика Алексѣйца оставилемъ въ Кривой Рудѣ, для отлученния на кущѣ (на косяки) кобилъ, а самъ поехалемъ рано на перевозъ висше у милю отъ Горошина, где атаманови приехавшому горошинскому говорилемъ, чтобъ паръ 5 огаровъ (гончихъ собакъ) постарался достать; а до перевозу зъ футора дорожкою поузъ Стовповаху могилу (?), якая была въ лѣвой руцѣ, болшъ одъ милѣ, оттуду миля до Оржицѣ, где обѣдалемъ. Тамъ же, бившій атаманъ лукомлскій, бувши у мене, просилъ позволення, жебы дерево готовое лежачое, обернути до церкви на опасанне въ томъ селѣ, где онъ живетъ, чому соизволилемъ. Тамъ же, на прошеніе попа оржицкого Антонія, писалемъ до лукомлского атамана, чтобъ его, попа, росправилъ зъ соперники его. Оттуду поехалъ до Юсковецъ мил. 4 вел (?). а оттоль заразъ до Пулинецъ и тамъ, взявши въ проводники атамана тамошнего, за неисправность и противность его, пріехалемъ ноччю уже въ Воробѣ, куда зъ Юсковецъ, чили Пулинецъ, миль добрихъ 3 есть.

22. Виехалемъ оттуду рано и пріехалемъ въ Сухоносовку, въ милю легкую отъ Воробіовъ отстоящую, где бувъ отецъ намѣстникъ Красногорскій нинѣшній у мене [1]), зъ отданнемъ визити и просилъ о уволненню отъ походу настоящого ладожского монастирскихъ бояръ, козаковъ, въ чомъ я на отвѣтъ родителскій зсилался, зъ моимъ отреченіемъ. Тамъ же у козака сухоносовского Яковенка купилемъ мѣстце себѣ на дворъ, цѣною у 100 зол., якое недалече отъ церкви понадъ ровомъ, где криниця течетъ, стоитъ и задатку 20 зол. того жъ часу старостѣ казалемъ дати, якіе колоти (?) первей лѣчили, а потимъ самъ Яковенко взялъ. Тамъ же старосту за нед-

[1]) Намѣстникъ Красногорскаго монастыря, находившагося около м. Чернухъ.

балство около футора, наказовалемъ словесно и приказалемъ, жебы заразъ ехалъ въ футори зъ Алексѣйцемъ, стадо все перелевѣдовать и разлучить на кущи, и весь порадокъ тамъ устроилъ за преслушаніемъ, подъ опасеніемъ 100 ударовъ кіевихъ. Тамъ же врученни мнѣ листи, отъ ихъ милостей пановъ правителей зъ Глухова отпущенніе, подъ еднимъ блянкетомъ, въ которомъ листовъ два: о висилцѣ скорой козаковъ до Ладокги писанниxъ заключено, зъ котoрихъ въ едномъ и тое упомянуто, что за нескорую висилку намѣреніе есть правителское, куда надлежитъ мене въ отвѣтъ представити. Да въ томъ же пакетѣ и унѣверсалъ приложенъ, въ якомъ приказуютъ правителѣ ослушнихъ до помянутого походу въ колодки забывать и отсилать въ Глуховъ, для наказанія. Оттуду поехавши, приехалемъ въ Лохвицю передъ заходомъ слонца и сталемъ въ дворѣ п. тіотки Павловой, где поданъ мнѣ пакетъ, отъ п. писара полкового Савѣцкого отправленній, въ которомъ листъ правителскій и унѣверсалъ приложенни были. Въ листѣ вираженно тое, чтобъ на поруки плѣнника бодаквянского, въ Глуховѣ обрѣтаючогося, сродники его въ Глуховъ же поехали, о чомъ прежде именемъ моимъ п. писаръ писалъ до сотника сенецкого; а въ унѣверсалѣ вираженно тое, чтобъ дракгунамъ, на карауля зъ квартиръ маршируючимъ, по 6 зол. давати въ зимніе мѣсяци, за порціи и рацію, а лѣтнихъ мѣсяцевъ, почавши отъ мая, за самую рацію по 3 зол. давать, соломи дать на постѣль, якая мѣетъ зъ изидовъ (остатковъ отъ корма) конскихъ бути, онимъ не вимагать. Тогда жъ явился вахмистръ нижегородского полку зъ листомъ подполковника своего Шхонмана ко мнѣ зъ прошеніемъ писаннимъ, чтобъ въ томъ, же люде его служивіе, збѣгши отъ его дому и забравши лошадѣ, явились въ сотнѣ лохвицкой и оніе лошадѣ продали въ Луцѣ, жителемъ тамошнимъ, учиненна была справедливость. Тогда жъ листъ отъ г. полковника Шереметева черезъ коммиссара полкового Григоріевича врученъ мнѣ, въ якомъ предлагаетъ тое, что надлежитъ розисковать о дракгуну, ездившомъ въ Луку для вигону и войта побившомъ, понеже будто сего дракгунъ не дѣлалъ. Тогда жъ п. сотникови лохвицкому, згодившомуся въ Лохвицѣ, предлагалемъ

упоминателно, что по сюю пору не виходилъ въ указанную до канала дорогу.

23. Рано отправилемъ во всѣ сотни указы упоминателніе о невиходѣ въ походъ ладожскій, зъ таковимъ предложеніемъ, что они будутъ отвѣтствовать за тое сами и унѣверсалу правителского копѣи во всѣ сотни послалемъ. Писалемъ особливе до п. сотника сенецкого, упоминаючи, же по сей часъ не виходилъ зъ дому, которому для лутшого порадку на время наказнимъ вийти опредѣлилемъ, поколь, злучившись зъ полкомъ, здать п. Гамалѣи, лохвицкому сотникови, урядъ тотъ. О томъ же ознаймуючи и до п. сотника чорнуского писалемъ и же не вийшолъ по сейчасъ зъ дому упоминалемъ. До п. сотника наказн. глинского писалемъ, жебы висилалъ заразъ козаковъ, до Ладокги означеннихъ, якихъ (якъ онъ писалъ) якоби капитанъ не пускаетъ туда, приганяючи до роботи валовой. До пана писара полкового писалемъ, жебы Дейнека вмѣсто Остапенка ишолъ до Ладокги.

(Засимъ вырванъ листъ).

29. Писалемъ до старшини сенецкой о видане медвежовского человѣка въ Медвежое, на розискъ. Повторне писалемъ до Лентовича, старости короваевского, о присланне коровинского Олихвѣра въ Роменъ, на судъ зъ роменскимъ Кириченкомъ. Повторне писалемъ до атамана смѣловского о присланне въ колодкахъ козаковъ тихъ, которіе зъ п. Громичиною заводъ мѣютъ, за ихъ ослушность

30. Получилемъ листи отъ коммиссара полкового Григорія, зъ которихъ въ едномъ отвѣтуетъ, что п. сотникъ лохвицкій, еще позапрошлого року до канала идучи, взявши зъ собою ратушнихъ 600 зол., для вспоможення въ нуждѣ тоей сотнѣ товариства случитись тамъ могучой, всѣ оніе не на общіе, но на приватніе свои интерессы изжилъ, жебы зъ сихъ грошей п. сотникъ часть половинную на товариство опредѣлилъ; а въ другомъ пишетъ, что на листъ мой, до полковника г. Шереметева писанній, о томъ, чтобъ поноравить мало зъ роботою городовою людямъ, жадного подлинного не учинилъ отвѣту, а на форпости коммендеруючимся не по 6 зол., але по пол. 8 велѣлъ брати, вмѣсто провіянта и фуража,

и когда въ томъ обстоялъ чорнусскій коммиссаръ, то за тое капитанъ Караблинъ оного за карауломъ на морозѣ такъ долго держалъ, покамѣстъ далъ пол. 8 зол. Зъ Глухова принесоми два листи: одинъ отъ правителей, о висилце въ Медвожое кого зъ старшини роменской, на розискъ, а другій отъ его мил. пана писара енер. отвѣтній, зъ компліментомъ, где и цѣдула приложенна зъ таковимъ требованіемъ, чтобъ пану писареви пол. Савѣцкому позволить ехать въ Гадячъ, чили въ Лютенку, розискать зъ п. Турковскимъ о заводѣ между п. Бороховичевою и соперники ея вщавшомся [1]).

31. Недѣля. П. Яснопольскій рано виехалъ зъ Ромна въ походъ слѣдовать за его родительскою милостю въ низовій, черезъ которого писалемъ до родителя и брата Семена, о дочерѣ моей и протч. Дочерь моя крещенна отцемъ Василіемъ Савѣцкимъ; воспріемникъ отъ купели бувъ п. Федоръ Билимъ, а воспріемницею родителка. Листъ принесенъ отъ правителей о уволненню отъ походу ладожского п. сотника лохвицкого. Тамъ же въ листѣ приписалъ своеручно панъ тесть, же панъ Войцеховичъ покойній погребенъ зосталъ въ Седневѣ мѣстечку, въ церквѣ св. Георгія, марта 22. Отправилемъ листъ до п. сотника лохвицкого отвѣтній, жебы зъ тихъ 600 зол. на ему зависячихъ грошей, 300 зол. опредѣлилъ для товарыства, а если бы вознегодовалъ онъ походомъ нинѣшнимъ и не хотѣлъ бы ити въ оній, то долженъ всѣ тіи грошы отдать.

1. Априль. До п. Петровского писалемъ, жебы албо ишовъ въ походъ, албо далъ мнѣ подлинній отвѣтъ, якое его есть предсявзате. До п. п. сотниковъ сенецкого и чорнусского писалемъ о опредѣленіи Петровского, обявляючи правителскомъ и тое предлагаючи, если онъ не пойдетъ, то п. чорнускому быть наказнимъ, которому и унѣверсалъ родителскій утвержаючи комменду, послалемъ. Писалемъ листи до всѣхъ п. п. сотниковъ, въ пересторогу предлагаючи, жеби еслибъ зборщики по полученнихъ зъ коллегіи

[1]) Дочь генер. писаря Савича Марья была замужемъ (первымъ бракомъ) за Романомъ Өедоровичемъ Бороховичемъ. Второй ея мужъ былъ майоръ Юрій Өедоровичъ Еропкинъ.

указахъ 24 марта, неразумѣючи сили въ онихъ виpаженной, похотѣли надъ указъ у людей домогатись, въ томъ онимъ старшина обстояла. Тежъ до всѣхъ п. п. сотниковъ писалемъ, предлагаючи, чтобъ дали знать, для чего по тихъ сотняхъ, где вигону людей кгвалтовного на роботу валовую не было, остановка стала въ виправѣ до Ладокги. Зъ Полтави отъ коммендантa Чечерина приехали въ Роменъ капралъ и 2 солдати зъ листомъ, ко мнѣ писанымъ, въ которомъ требуетъ по указу, зъ коллекгіи къ себѣ будто засланномъ, Коропки нѣякогось къ допросу въ Полтаву зъ запорожцами. а указъ тому капралу видалъ взять колодниковъ русскихъ, зде въ Ромнѣ держимыхъ, которіе его людми себе назвали. До которого отвѣтовалемъ, что Коропки жадного въ Ромнѣ не опиталемъ, мещанина (якъ онъ пишетъ) роменского, кромѣ козака значкового, который пошолъ въ походъ низовій, где и тое приложилемъ, что ежели таковіе и впредъ случатимутся потребы о видачѣ людей нѣкоторыхъ, то жебы онъ писалъ до правителей въ Глуховъ и оттуда ко мнѣ требовалъ указу, безъ которого не смѣю я нѣчого дѣлати. А о выдачѣ колодниковъ чили воровъ русскихъ, отписалемъ, что тожъ безъ волѣ правителской видати оныхъ не смѣю, понеже повелѣли они мнѣ толко объ онихъ увѣдомить его коммендантa, а не видавать, а до того, что и шкоди, починеннiи воровствомъ ихъ, не суть пополненни. Молодикамъ своимъ барму, сукно и грошей по пол. 8 зол. раздалемъ. Того же дня, вѣлчура лямпартовая и шлафрокъ блакитного штофу мнѣ покраяно. До п. сотника чорнуского писалемъ, по прошенію законника Красногорского монастыра, жебы козаковъ пѣщанскихъ, определенних на послугу къ монастыру, не выганялъ въ войско, але якъ можно и слушне, такъ бы и учинилъ. Цедулою упомянулемъ его зъ устрашеніемъ о нескоромъ его порушенню въ походъ. Виехалемъ зъ Ромна въ Глуховъ и пизно приехалемъ въ Смѣлое, где и заночевалемъ.

2. На дорогѣ принесенъ и врученъ листъ засталъ отъ правителей, о заборонепню зъборщикамъ заказанныхъ зборовъ збирать. Обѣдъ кушалемъ на Кроснахъ, а передъ вечеромъ приехалемъ до перевозу, где п. Павла Корнѣенка засталемъ, едучого въ Глуховъ.

Перевезшись, ночовалемъ въ Мутинѣ, въ дворѣ ясневельможного, где дубогаевскій староста Давидъ и ченцѣ мутинскіе два были.

3. Рано поехалемъ зъ Мутина черезъ Ворголъ на Уздицѣ, але въ Верглѣ споткавшись зъ п. Демяномъ Якубовичомъ, заехалисмо до п. Стефана Миклашевского и тамъ обѣдъ кушалисмо. Тамъ извѣстилемся о п. Федоровой Кочубеевой умершой и п. асаулѣ енер, зъ товарищи зъ Москви повернувшимся. Заехалемъ въ уздицкую пасѣку и тамъ пчолъ поставленныхъ видѣлемъ числомъ 63. Оттуду поехавши, прибылемъ въ Калюжного футоръ, и тамъ немного забавивши, ноччю поехалемъ въ Глуховъ и приехавши, всего осмотрѣлемъ въ дворѣ. Тамъ же поотбиралемъ листи, къ себѣ писанніе отъ п. Орановского, а писанніе отъ многихъ персонъ зъ подякованнемъ за родинного звару розсилку и зъ поздравленіемъ дочерію; а одъ козака роменскаго одобралемъ листовъ два правительскихъ, еденъ о п. Павловой, жебы тамъ погодилися зъ соперниками своимы, а другой отъ Троцкой, жебы курѣнскій дозорца покабанщини не вимагалъ съ купленнихъ млиновъ частей тоя жъ Троцкой и третій зъ табели.

4. Поехалемъ зъ Глухова передъ свѣтомъ, въ село Сварковъ, где и обѣдалемъ. Тамъ же атаманови сварковскому, призвавши его передъ себе, казалемъ, жебы въ шинкованню перепони не чинилъ, въ видаванню провіанту солдатамъ указного толко обстоялъ и зъ братчиковъ и титаровавшихъ доводячеся на церковъ доправилъ. Тамъ же, въ пасѣцѣ бувши, видѣлемъ пчолъ 47 цѣлихъ. Оттуду, поехавши на Калюжного хуторъ и тамъ приказавши дворовіе господареви нѣкоторіе интересса, яко то: поправку скорую возовъ воловихъ и подвишенне греблѣ на ставу, а особливе зъ тютюнникомъ торгъ учинивши ведлугъ тютюну, жебы гроши и борошно всякое давать такою ценою, якъ на мѣстѣ продается, а всего тютюну камень по 9 шаговъ пріймать. Тое все приказавши, приехалемъ ноччю въ Тулиголовы.

5. Въ Тулиголовахъ переночовавши, полдня пробавилемъ, где усмотрѣвши нѣкоторіе непорадки, Остапа скаралемъ; ему жъ и меморіалъ пунктами до чинення далемъ. Горѣлки въ тотъ часъ у імбарѣ было куховъ великихъ 5, а малихъ 4, а 6-я великая насипалася

у винницѣ набѣжкою. Оттуду поехавши, приехалемъ въ Мутинъ, и тамъ старостѣ мутинскому Коржу отдалемъ листъ п. господара ясневел., жебы не потягалъ до мужицтва рибалокъ нашихъ двохъ. Того жъ дня переехавши черезъ Сеймъ, ночовалемъ не доехавши Кросенъ, въ полю.

6. Приехалемъ на обѣдъ въ Смѣлое и извѣстилемся, же подводи воловіе, по жито зъ Глухова приездившіе, взяли зъ Сухоносовки привезенного жита, а лежавшого въ Смѣломъ, четвериковъ 55 роменской мѣри. При заходѣ слонца приехалемъ въ Роменъ, где подавани листи, зъ розниxъ сторонъ ко мнѣ писанніе. Того жъ вечора п. Туранскій Демянъ приехалъ въ Роменъ зъ листомъ, ко мнѣ писаннимъ, правителскимъ, виражаючимъ тое, же онъ посланъ въ Лохвицю викорстать (?) п. обозного до Ладокги наказнимъ, куда онъ и поехалъ. Тамъ же въ листѣ и тое предложено, жебы козаковъ, нехотѣвшихъ въ Ладокгу ити, публѣчно карать для постраху протчимъ.

7. Неделя. Рано врученъ мнѣ отъ полковника Шереметева листъ о покражѣ, прапорщику полку его учинившойся въ Пѣратинѣ, предлагаючій, жебы туда отъ себе послать на розискъ, а и онъ пошлетъ, до которого отписалемъ, злецаючи тотъ розыскъ Григор., коммиссару полковому. Веселой и шумной черезъ день держалисмося компанѣи.

8. Панъ сотникъ чорнускій Максимовичъ, мимоездомъ зъ Чорнухъ до обозу, заехалъ въ Роменъ и отехалъ. До п. Павловой послалемъ правительскій листъ о заводѣ ея зъ Нещеретомъ, якъ окончити предлагаючій. Ораповскому економское правленіе господарства моего вручилемъ и наказъ далемъ.

9. Алексѣя и Чернецкого виправили въ Рѣчицю. Алексѣеви реестрикъ данъ купить книгъ полскихъ да 2 антали вина венкгер., а Чернецкому казалемъ купить локоть атласу рожевого. Послалемъ листи въ Глуховъ до Молчанова, о присланю отъ него подводъ для взяття отсель хлѣба ему; до господара—о присилцѣ нѣкоторыхъ рѣчей при подводахъ, мѣючихъ для жита по святахъ висилатись. П. сотникъ сенчанскій повернулся зъ Пѣщаного Броду, здавши коммендy зъ себе п. сотникови чорнусскому.

10. Отправилемъ листъ до п. чорнусского въ обозъ, жебы онъ описался до п. полковника гадяцкого, требуючи себѣ въ семъ походѣ наставленія, а особливо извѣстія—гдѣ мѣетъ получать провіянтъ на козаковъ и фуражъ. Такожъ и о томъ писалемъ, жебы въ себѣ порадное имѣлъ вѣденіе о взиманіи провіянта и фуража на дорозѣ и на мѣстцу, и о роботѣ козаковъ у канала, и о протчемъ всемъ. Отъ его жъ принесенъ ко мнѣ листъ зъ вѣденіемъ, же еще не все товариство зъ сотень постягалось до обозу и присланнѣ священника виражаючій. Тогда жъ отъ коммиссара полкового Григорія принесенъ листъ о томъ, что присланъ къ полковнику указъ по 6, а не по 7 зол. брать на форпости отправляючимся и что передъ симъ много лисше перебрано.

11. Листъ принесенъ отъ п. сотника городисского, объявляючій о утекшихъ козакахъ отъ обозу рушившого въ низовій походъ, до которого отписано, жебы тихъ утѣкачовъ по святахъ въ колодкахъ сюда, въ Роменъ, присылалъ. Алексѣецъ, посиланный зъ зваромъ до Чернѣгова, приехалъ. Панъ писаръ полков. Савѣцкій повернулся зъ Лютенки, куда ездилъ на розыскъ въ заводѣ п. Бороховичевой старой и молодой [1]).

12. До п. п. сотниковъ въ копіяхъ правителскіе листы послани. Тамъ же и о утѣкачахъ зъ ладожского походу написано, жебы, въ колодки забивши, до обозу онихъ отсилать. Алексѣйця отправилемъ знову зъ зваромъ до тещи и швакгровъ въ Орловку, которому полѣцено риби лящовъ живыхъ на плодъ у пана Григорія [2]) випросить. Ему на купленне плити дано грошей зол. 40. П. Кграбянка, судя гадяцкій, повернувшись зъ Москвы, бувъ мимоездомъ въ Ромнѣ.

13. Принесенъ листъ правителскій зъ Глухова тое предлагаючій, жебы при п. обозномъ, висилаючомся до Ладокги наказнимъ, еще другого цѣлого сотника къ чорнусскому виправить; тако жъ и о томъ предложене въ томъ же листѣ, жебы на ваканси.

---

[1]) См. выше, стр. 22.

[2]) Сынъ стародубскаго полковника Лукьяна Жоравки, женатый на родной сестрѣ жены Марковича, т. е. на дочери Полуботка.

избравши, кого въ урядъ по одному кандидату, посилать въ Глуховъ, где поставленни будутъ при виконанню присяги. Писалемъ до лохвицкого п. сотника, жебы по тому правителскому указу виходилъ въ походъ въ Ладокгу. Отъ его жъ получилемъ листъ вимѣраючійся, же послалъ давно и сотника наказного, и все товариство випроводилъ, хочъ не скоро, поневажъ онихъ и туремнимъ вязненемъ принуждалъ, але за убожествомъ не возможно было скоро ихъ випроводить. Коней зъ Сухоносовки, чили зъ Кривой Руди, иждżалихъ, припровожено въ Роменъ, моихъ 15.

14. Недѣля. Занемогъ былъ на желудокъ.

15. Гостей великороссійскихъ и всѣхъ роменчанъ знатнѣйшихъ трактовали въ дому род. Листи принесени зъ Глухова, отъ Молчанова, о присилкѣ борошна, отъ князя Четвертенского [1]) о купленномъ винѣ и отъ господаря о томъ же винѣ, же оное за 200 зол. куплено de siccis; въ его жъ листѣ и потребы прислани золотіе.

16. Во вторникъ ездили въ пасѣку Засулскую, где пять пчолъ даровала родителка; отецъ Савѣцкій и Нестер.(овичъ) по 1.

17. Отправили въ Глуховъ Павла важничого для покупки вина и зъ листами, вѣншуючими святъ первѣйшимъ персонамъ; до пана тестя приложилемъ о п. сотникови лохвицкомъ, о показанщинѣ не бывалой въ здешнемъ полку и о непорожнихъ мѣстцахъ урядовыхъ, кромѣ судейства.

18. Отъ отца ігумена мгарского присланъ зъ повѣншованнемъ законникъ отецъ Демчинскій. У п. писара полк. обѣдъ кушали. Вахмистръ приходилъ о реванжъ упоминаючись за афронтъ, своему порутчикови Хлопова полку учиненній, зъ того, что кгранадѣра, за нашъ караулъ постерегши его воровство, взято.

19. П. Занковскій, сотникъ наказ. чигиринъ-дубровскій, подалъ доношеніе листомъ о утискахъ козакамъ, форпости отправуючимъ, отъ дракгунъ, на форпостахъ стоячихъ, чинячихся и о инשихъ обыдахъ. До господина генорала лейтнанта де Вейзбаха послали въ Харковъ писма, одно отъ правителей, а другое отъ мене, о пре-

[1]) Князь Юрій Четвертинскій—племянникъ митрополита Гедеона Четвертинскаго и зять гетмана Самойловича. См. Историч. Вѣстн. 1881 г., августъ, 719—722.

дерзостехъ андріяшовского прикажчика [1]), а другій листъ до Ропша, въ Полтаву, зъ скаргою на Шереметова полковника и подкомандныхъ его. Отъ п. бунчучного слуга бувъ зъ арештомъ на двори роменского жителя, задолжавшагося ему, якіе двори оному по арешту и отдали. Супплѣку худолѣевского человѣка на атамана за срубъ лѣса далемъ Занковскому, чтобъ онъ розискалъ мимоездомъ. П. Демянъ Туранскій [2]) зъ Лохвицѣ въ Роменъ приехалъ, тогда жъ и отехалъ.

20. Занковскому далемъ грошей зол. 20 на подрядъ уліовъ 200, у Чигиринъ-Дубровѣ. Отецъ Пясецкій, новопоставленний намѣстникъ Красногорскій, бувъ въ Ромнѣ. До пана тестя дичину послалемъ въ Глуховъ.

21. Недѣля. Принимали п.п. сотниковъ и протчіихъ, пріехавшихъ зъ повѣншованнемъ святъ, когда и оберъ фискалъ бувъ, которому о продерзости подпорутчика обявлялемъ.

22. Посилалемъ до подпорутчика п. Григораша зъ требоваленіемъ сатисфакціи на вахмистра, которій нѣчого не здѣлалъ, а тилко зъ спесею отправилъ посланнихъ. Алексѣецъ зъ Глухова зъ писмами повернулся въ Роменъ, особливо отъ п. Григорія зъ Новгородка о томъ, что въ осени обѣщаетъ дать лящовъ на плодъ въ Глуховъ. П. Павлова отехала въ Лохвицю. П. сотникъ наказній глинскій далъ за рукою сказку о учинившомся побиттю надъ греченкомъ перекоповскимъ [3]) батожжемъ въ Глинску, по указу подполковника інгер. полку Реткина. Послали листъ правителскій козакамы стойчиками до п. обозного лубенского.

23. Атаманъ сенецкій приездилъ зъ тимъ, что 40 человѣкъ не стало будто до Ладокги, которого страфовалемъ за таковую остановку. На жито ездили, бо Георгія свято було. Табель спорадивши, далемъ Орановскому сухоносовского и криворудского господарствъ. Отъ п. суддѣиной глинской пчолъ 5 прислано.

24. Ездилемъ въ Коцупѣевщину, где молодикамъ конѣ поопредѣлялемъ: Александру дрикганта гнѣдого, Алексѣйцеви рижого.

---

[1]) С. Андріяшевка, лохвицк. у., принадлежала Вейсбаху.

[2]) Сынъ генер. судьи Алексѣя Туранскаго.

[3]) С. Перекоповка, роменск. у.

Роману шлапака, Демянови кологривого, Гаврилови хлопцямъ (?) Вѣжевскому рижостροкатенкого, Козлу давного (?), Орановского слузѣ мисливого. Также видѣлемъ воли свои 10, отъ возовъ воловихъ оставшіеся. Кувшика, сотни глинской козака, заводъ окончили.

25. Принесени листи зъ Глухова, черезъ Павла важничого, припроводившого вино 2 антали венкгер., на подводахъ воловихъ, приехавшихъ по жито, зъ якихъ писемъ въ едномъ правителскомъ виражено тое, чтобъ п. сотникъ лохвицкій ехалъ въ Ладокгу.

26. Вѣтеръ такъ великій бувъ, же много шкоди людямъ учинилось: стрѣхи и дахи (крыши) зъ будинковъ зривало. Получилемъ позволение материнское пасѣку устроить на Плавинищахъ [1]) Листи, обявляючіе объ обыдахъ, починеннихъ отъ ингерманландского полку, подавалемъ пану писареви полков. для обявленія тому, хто мѣлъ бы присланъ быти на розискъ отъ енерала Роппа, до которого о томъ писали. Виехалемъ у вечеру въ Глуховъ. На ночь приехалемъ въ Симѣлое.

27. Оттуду на ночъ приехалемъ въ Мутинъ; стрѣтилемся на дорозѣ зъ п. Ясноползкимъ, господаремъ.

28. Неделя. Ездилемъ на службу до монастирця Мутинского и оттуду назадъ на обѣдъ зъ Заборовскимъ повернулемся. Отправилемъ рано Леска, сторожа, въ Глуховъ до правителей, о старостахъ коровинскомъ, медвежовскомъ и аксютинскомъ, заборонюючихъ людямъ ити на городовую роботу. Приехалемъ на ночъ въ Тулиголовъ.

29. Въ Тулиголовахъ, на бутурлиновскомъ млину, казалемъ колесо подъ субуйникъ (?) перемѣнить и медведокъ здѣлать. На ночъ приехалемъ въ Глуховъ.

30. Бувъ въ правителей.

Май. 1. У прокурора Хрущова, Михайла Семеновича, былемъ и долго въ него сидѣлемъ.

2. Рано ездилемъ до пана тестя и, тамъ у паней тещи водки випивши, на обѣдъ въ домъ отехалемъ. Увечору у Кошеліова сидѣлемъ и тамъ извѣстилемся о писму отъ комменданата полтавского

---

[1]) Плавинищи—село около Ромна, при р. Сулѣ.

писанномъ, что не видали зъ Ромна колодниковъ людей его, на мене зъ жалобою. Далемъ отцу Стефану сварковскому на 10 четвериковъ жита, у новину, зол. 40.

3. Капитанъ, зъ С.-Питербурху посланій до пана родича о поспѣшеніи ихъ въ Терекъ, обѣдавъ у мене, которому и листи далемъ до его родителской милости. Виехалемъ у вечеру въ Гамалѣевку до ясневел., а ночовалемъ въ Словутѣ [1]) Передъ выездомъ получилемъ зъ канцелляріи унѣверсалъ о поготовости всѣхъ козаковъ до службы воинской и другій о поготовости жъ бунчуковихъ, въ полку лубенскомъ обрѣтаючихся. Тогда жъ у Остапа шинковыхъ взялемъ 30 рублей, зъ якихъ 20 руб. далемъ на расходи господареви.

4. Зъ Словута писалемъ до п. Федора писаревича [2]), прosячи его о инстанцію до пана писара, чтобъ вещи старости короваевского, оставленніе въ куренѣ, отданни были ему невозбранно. Пріехалемъ на службу въ Гамалѣевку, где засталемъ п. судію енер. и панию его, которіе по обѣдѣ и отохали въ Глуховъ.

6. Неделя. День неделній тамъ же въ Гамалѣевцѣ отправилемъ и у столу, зорвавшуюся доткливую паней рѣчъ Маріянни, загамовалемъ [3]). Тогда жъ зъ Ромна принесени писма отъ паней родителки о пожару, случившомся близъ греблѣ, и о побиттю сотника наказного отъ подпоручника, учинившомся на томъ же пожару. Отъ Якова Дуброви о его приездѣ зъ Рѣчицѣ, зъ лѣкарствами. Отъ паней моей о виездѣ Калницкого зъ волами въ С.П.Бурхъ. Листи отъ его мил. п. родит. принесени.

6 Виехалемъ по обѣдѣ зъ Гамалѣевки въ Глуховъ и оттуда жъ отпустилемъ п. сотника наказного глинского въ Роменъ и Глинскъ, черезъ которого и писалемъ на листы тіе отвѣтуючи; ему жъ полѣцилемъ и коня виторговать у обозненка гнѣдого бѣгуна. Черезъ его жъ во всѣ сотнѣ послалемъ унѣверсали о поготовости всѣхъ козаковъ къ службѣ и до п. писара полк.

---

[1]) С. Слоутъ—около Глухова.

[2]) Сына генер. писаря Семена Савича.

[3]) Т. е. рѣчь, обращенную къ панеи, подъ которою здѣсь слѣдуетъ разумѣть гетману Скоропадскую.

7. Ездилемъ на Красную-горку [1]), где оглядалемъ свиней, зъ которихъ опоросило по сказкамъ свинара 15, а поросятъ будетъ малихъ зъ 50, кабановъ въ сажу 13. Бувъ у Щепотева и Жданова, посидѣлемъ долго.

8. Принесени зъ Ромна 2 листи, одинъ отъ родителки, зъ Луки писанній, о приездившихъ туда прикажчику андріяшовскомъ, писару генерала Девейзбаха и подпоручтику и упоминаючихся о тое, чтобъ андріяшовцѣ, за межу, учиненную къ Андріевцѣ, поля пахали и сѣножати косили. Отъ моей паней, о меду полкуфѣ, присланного прѣсного отъ Орановского, и дѣжечцѣ патоки, тако жъ и о дворѣ шинковномъ, же оного не хочетъ стар. засулскій оправляти.

9. У полковника Ушакова пили и у прокурора—на Николая.

10. П.п. Василь Дяченко, атаманъ роменскій Гиня и протчіе, отехали зъ Глухова, черезъ которихъ писалемъ до родителки, отвѣтуючи на писмо, же нѣчого того смотрѣть, же генералскій писаръ упоминается неслушне поля за межою оставшогося. До своей паней писалемъ о своемъ виездѣ, до стар. засулского о направкѣ двора шинковного. Въ нуждахъ полку лубенского составивши доношеніе пунктами 19, у войсковую енер. канцеллярію подалемъ правителямъ своимъ, прося рѣшенія. Ездилемъ въ Калюжного хуторъ, гдѣ обихавши цѣлини и облоги, казалемъ лисомъ (?) зорувать все по волѣ. Тамъ же видѣлемъ конѣ робочіе хуторніе 8, зъ которихъ кобилу бѣлую колгачую (?) далемъ тютюнникови, за 8 копъ.

11. Зъ Калюжного хутора отправилемъ въ Роменъ до родителки о томъ, что еще откритого указу нема, шобъ не пропускать въ Кримъ. До атамана роменского—о зробленню колесъ воловихъ паръ 20. До стар. Засулского—о зробленню сохъ цѣлинниxъ, воловихъ 6. Ездилемъ оттуду въ Сварковъ и тамъ погребъ казалемъ робити, а землею будинокъ висипать. На ночъ въ Глуховъ приехалемъ.

12. Недѣля. Обѣдавъ у мене п. Володковскій зъ канцеляристамы Листъ до коровин. стар. сбъ Гириченку (?) непослушномъ за. . . . . (?).

---

[1]) Предмѣстье г. Глухова.

13. П. Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, обѣдалъ у мене. Тонконогъ [1]) бувъ и упоминался о плату компанѣйскую. У Сергіихи взяли грошей за цукеръ 130 зол., а 10 копъ отвернула за должокъ паней, а еще за 10 головъ канарского неплатила фунт. 40.

14. Пересмотрѣвалъ цукеръ, зъ которого канарскихъ головъ 10, а простого головъ 5, итого 15. Ѣздилъ въ Калюжного хуторъ и тамъ ночлѣгъ мѣлъ. На свѣтелку тутъ зробить сторговался зъ теслями 12 зол.

15. Уговорился зъ Лаврѣномъ, мѣрочникомъ, на греблю калюжновскую подвисшить оную, отъ руки дать ему сукна на кунтушъ и грошей . . . . (?). Тогда жъ билемъ и въ Сварковѣ, где росказовалемъ майстровѣ двѣ свѣтлички придѣлать и сходи на гору въ селѣ зробить. Пасѣка перевезена зъ Сваркова въ Уздицю. Листъ принесенъ зъ канцелляріи енер. о прибитіи сюда къ . . . . . (?) Александровича. Резолюцію на часть пунктовъ въ доношеніи моемъ виражениихъ, чинили правители. Листи послалемъ въ Роменъ до родителя, до родителки и до Орановского, о зробленню колѣсъ воловихъ 40 и о возахъ.

16. Уляна, дочь п. Андрѣя Полуботка, умерла въ ночѣ, а ховали рано, у Михайла церквѣ; положили близъ гроба п. писаревой енер. Пожегналемъ п. тестя у вечеру. Ясневелможная приехала у вечору жъ. Атаманъ отъ Тонконога бувъ зъ листомъ, упоминаючись о плату, на которомъ помѣтивши, отослалемъ въ Роменъ.

17. Пожегналемъ ясневел(можную) по обѣдѣ. Вина венкгерского 2 антали за баренки (?) виторговалемъ. Грошей господареви на расходи далемъ рублей 30.

18. Виехалемъ зъ Глухова къ Ромну въ Тулиголови, где горѣлки куховъ 8, 1 самой оковитой, 4 перегоняной, а 3 простой, примѣшавши по 2 носатки оковитой, казалемъ виготовати, для чого и Гаврила тамъ зостановилемъ. Лозовского наинформовалемъ въ Стародубъ къ ярмарку...

(Засимъ вырваны листы).

---

[1]) Полковникъ компанейскаго полка.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1891 г. продолжается:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй**. За редактора **Е. Кивлицкій**.

Дозволено Цензур. Кіевъ, 16-го мая 1891 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮНЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXIII. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

ІОСИФЪ ШУМЛЯНСКІЙ,

ПОСЛѢДНІЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЕПИСКОПЪ ЛЬВОВСКІЙ И ЕГО „МЕТРИКА".

I.

Послѣ Брестскаго собора 1596 г. только двѣ южно-русскія епархіи,—львовская и перемышльская, остались въ православіи. Только со времени реорганизаціи православной митрополіи въ Кіевѣ православіе начало подниматься и въ другихъ епархіяхъ, начало отнимать у уніи захваченныя ею церкви, а съ 1632 г. возвратилась вновь къ православію самая большая епархія—луцкая, съ изъятіемъ архимандріи жидичинской съ шестью монастырями и 100 приходскими церквями[1]). Но римская іерархія зорко слѣдила за каждымъ шагомъ, который дѣлало православіе, стараясь парализовать успѣхи его. Съ разныхъ сторонъ, систематически и неусыпно, велись подкопы подъ православіе; воспитаніе юношества, фанатизирующія толпу іезуитскія проповѣди, теологическія сочиненія и диспуты, печатные и рукописные памфлеты и пасквили и въ концѣ концовъ протекція могущественныхъ пановъ, распоряженія правительства, все пускалось въ дѣло, все должно было служить одной цѣли. Что конечной цѣлью этой дѣятельности было не столько обращеніе православныхъ въ унію, сколько полное окатоличеніе и ополяченіе южноруссовъ, на это мы имѣемъ множество доказательствъ на протяженіи 200 лѣтъ, начиная съ жалобы Велямина Рут-

---

[1]) Ed. Likowski, Geschichte des allmaeligen Verfalls der unirten ruthenischen Kirche im XVIII und XIX Jahrhundert. Posen. 1885. Bd. I, 1.

K

скаго, уніатскаго митрополита, котораго папа Урбанъ VIII называлъ „Atlas unionis“ и который въ 1624 году писалъ римской конгрегаціи propagandae fidei, между прочимъ, слѣдующее: „Потерявъ дворянство вслѣдствіе его перехода въ латинство, лишенные всѣхъ украшеній, начали мы примѣчать, что мы лишены всякой человѣческой помощи, что корни зла расширяются и растутъ изо дня въ день; какъ будто пробужденные отъ сна, мы чувствуемъ наше глубокое паденіе и, сравнивая прошлое состояніе съ теперешними обстоятельствами, чувствуемъ боль при одномъ воспоминаніи о своихъ бѣдствіяхъ и принуждены стараться, чтобъ зло и впредь не увеличивалось“ [1]).

Но даже и для такой persona gratissima, какой былъ Рутскій, и въ Римѣ, и у польскаго короля, оказалось невозможнымъ поставить преграду подпольной работѣ іезуитовъ и возрастающему подъ ихъ вліяніемъ католическому фанатизму и нетерпимости къ „диссидентамъ“ всего польскаго общества. Самое главное, на что опирались всѣ антиправославныя дѣйствія, всѣ происки столицы римской, ея легатовъ и агентовъ и въ чемъ польское общество находило обильную пищу для своего неблагожелательства по отношенію къ православію и особенно къ православному и даже уніатскому духовенству, было право патроната, самый глубокій и злой недугъ, который подтачивалъ православіе въ Польшѣ. Право это, которое въ отношеніи къ православнымъ въ Польшѣ еще въ началѣ XVI стол. превратилось въ *обязательную симонію*, было главной причиной глубокаго паденія православной церкви, вызвавшей и сдѣлавшей возможной брестскую унію,—оно представляло главный рычагъ для окончательнаго упраздненія православія и въ тѣхъ епархіяхъ, которыя въ XVII вѣкѣ еще держались православія.

---

[1]) Praecipuis amissis per transitum ad latinos, exspoliati omnibus ornamentis coepimus advertere, omni humano auxilio nos destitui, radices malorum pullulare, incrementum in dies accipere, unde veluti ex somno expergefacti sentimus, unde excidimus et praeteritum statum cum praesenti conditione comparando, recordatione ipsa affligimur, et compellimur obviare, ne malum ulterius serpat“. *M. Malinowski*, Kirchen-und Staatssatzungen bezüglich des griechisch-katholischen Ritus der Ruthenen in Galizien. Lemberg, 1861, стр. 33.

Какъ безцеремонно эксплоатировалось это право во вредъ православію въ XVII вѣкѣ, это, какъ нельзя лучше, показываетъ исторія избранія православнымъ епископомъ львовскимъ Іосифа Шумлянскаго въ 1667 году. Это одинъ изъ самыхъ постыдныхъ эпизодовъ въ исторіи южно-русской церкви подъ польскимъ владычествомъ; онъ былъ разсказанъ въ 1888 году обстоятельно молодымъ польскимъ ученымъ Жигмонтомъ Лисевичемъ [1]). Считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ почтеннаго труда г. Лисевича.

Въ началѣ 1667 года умеръ епископъ львовскій Аѳанасій Желиборскій. Еще при его жизни выдвинули латиняне и уніаты кандидатомъ на его мѣсто Яна Шумлянскаго, товарища панцырной роты королевской. Молодой, свѣтскій „паничъ", онъ успѣлъ уже неоднократно отличиться на военномъ поприщѣ: сражался въ битвѣ при Чудновѣ, ходилъ съ королемъ Яномъ Казиміромъ въ разрушительный походъ на лѣвобережную Украину и вообще имѣлъ всѣ качества пригодныя болѣе хорунжему или поручику, но никакъ не святителю православному. Въ это время онъ даже не былъ православнымъ. Происходя изъ православной, русской и довольно зажиточной шляхетской семьи, онъ еще въ юности перешелъ въ унію [2]). Но то, что въ нормальныхъ обстоятельствахъ было бы для него непреодолимою преградой, при польскихъ порядкахъ было самой лучшей рекомендаціей, и заставило большинство ополяченной червоннорусской шляхты, а также латинское духовенство и многихъ польскихъ сановниковъ съ гетманомъ короннымъ Яномъ Собѣсскимъ во главѣ оказывать Шумлянскому протекцію. Являлась надежда повторить ту же самую исторію, которая продѣлана была съ митрополитомъ Михаиломъ Рагозою, и съ помощью этого кандидата нанести рѣшительный ударъ православію въ его послѣдней, до сихъ поръ непобѣдимой крѣпости. И вотъ, очевидно по указаніямъ свыше, Янъ Шумлянскій отрекается отъ уніи,

---

[1]) Dr. Żygmunt Lisiewicz, Walka o biskupstwo, episod z dziejów kościoła wschodniego. Lwów, 1888.

[2]) *А. С. Петрушевичъ.* Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 г., подъ годами 1667 стр. 150, 1669 ст. 155 и т. д.

дѣлается вновь православнымъ и разъѣзжаетъ по странѣ, собирая себѣ приверженцевъ на случай смерти Желиборскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ гетманъ Собѣсскій дѣйствовалъ въ пользу Шумлянскаго при королевскомъ дворѣ, такъ что въ моментъ смерти Желиборскаго Шумлянскій могъ разсчитывать на сильную протекцію, которой, повидимому, ничто не могло противустоять.

Нечего и говорить, что православные, узнавъ о кандидатурѣ Шумлянскаго, уніата, еретика и апостата, пришли въ ужасъ. Братство ставропигійское, самое могущественное и вліятельное, и слышать не хотѣло о немъ. У братства былъ, кромѣ того, свой кандидатъ, тоже шляхтичъ, хотя и не столь зажиточный, какъ Шумлянскій, человѣкъ, впрочемъ, ничѣмъ не выдающійся, „homo ineptus", какъ говорили о немъ, Свистельницкій. Сторону послѣдняго принялъ и Антоній Винницкій, епископъ перемышльскій, назначенный временнымъ администраторомъ львовской епархіи. Когда въ концѣ января 1667 г. приверженцы Шумлянскаго собрались въ церкви св. Юрія во Львовѣ, чтобъ избрать его въ епископы, Винницкій воспротивился его избранію и распустилъ собраніе. Но приверженцы Шумлянскаго этимъ не устрашились; они вышли изъ церкви, пошли въ частный домъ и тамъ совершили актъ избранія и составили протоколъ, съ которымъ Шумлянскій немедленно отправился къ королю. Само собою разумѣется, что въ Варшавѣ не встрѣтилъ онъ никакихъ препятствій, и уже 27 февраля имѣлъ въ рукахъ королевскую привилегію, назначавшую его епископомъ львовскимъ: „Имѣя in consideratione заслуги шляхетнаго Яна Шумлянскаго, какія онъ оказывалъ намъ доброхотно въ военныхъ оказіяхъ, служа подъ панцырной хоругвью, именно при Чудновѣ, гдѣ принялъ много поврежденій на тѣлѣ, и еще болѣе въ заднѣпровской Украинѣ, и желая, чтобъ онѣ не остались безъ достойной ремунераціи и нашей королевской милости, мы рѣшились, согласно съ единодушной элекціей людей духовныхъ и мірскихъ, гражданъ воеводства русскаго, дать и конферовать ему владычество львовское, галицкое и Каменца Подольскаго". Эти слова привилегіи, говоритъ польскій исто-

рикъ [1]),—открываютъ намъ всю глубину паденія восточной церкви въ Польшѣ въ то время. Король назначаетъ епископомъ человѣка мірского, и для оправданія не можетъ привести ничего лучшаго, какъ только то, что кандидатъ умѣлъ хорошо драться съ врагомъ".

Но далеко не такъ легко было Шумлянскому управляться въ своей епархіи, которую нужно было завоевывать систематически. И вотъ онъ, названный епископъ, при саблѣ и шпорахъ, разъѣзжаетъ по селамъ и мѣстечкамъ, вербуя приверженцевъ. Апрѣля 12 подтвердили его избраніе духовные и мірскіе люди, собравшіеся въ Гошевскомъ монастырѣ, а 12 мая тоже сдѣлали православные, собравшіеся въ Сварычевскомъ монастырѣ.

Только теперь вспомнилъ Шумлянскій, что онъ еще совсѣмъ мірской человѣкъ. Обратился онъ къ епископу Антонію Винницкому, чтобы тотъ посвятилъ его въ духовное званіе, но получилъ отказъ. Тогда съ толпой своихъ приверженцевъ онъ напалъ на монастырь въ Креховѣ, требуя отъ игумена постриженія въ монахи. Но и сюда Винницкій прислалъ письмо, запрещая игумену слушаться этого еретика и измѣнника. Игуменъ Винницкаго не послушался, постригъ Шумлянскаго и назвалъ его Іосифомъ [2]), послѣ чего луцкій епископъ Гедеонъ Четвертинскій посвятилъ его въ діаконы и въ іереи. Но отсюда до посвященія въ епископы было еще далеко. Митрополитъ Винницкій ни за что не соглашался рукополагать его. Шумлянскій отправился въ Яссы, чтобы тамъ добиться своего. Но приверженцы Свистельницкаго, узнавъ объ этомъ, послали въ Яссы письма, въ которыхъ Шумлянскій представленъ былъ отступникомъ отъ православія и чуть ли не польскимъ шпіономъ. Поэтому не только молдавскіе епископы отказались рукополагать его, но даже господарь хотѣлъ его арестовать и отправить въ Константинополь. Шумлянскому не оставалось ничего, какъ уходить тайкомъ изъ Молдавіи.

Между тѣмъ во Львовѣ приверженцы Свистельницкаго собрались въ церкви св. Юрія, избрали его въ епископы и тоже

[1]) Żygm. Lisiewicz, Op. cit., стр. 4.

[2]) *А. С. Петрушевичъ*. Сводная лѣтопись 1600—1700 гг., стр. 150.

отправили въ Варшаву искать королевскаго утвержденія. Но избраніе это было далеко не блестящее и происходило при закрытыхъ дверяхъ, такъ какъ Шумлянскому, еще передъ отъѣздомъ въ Молдавію, посчастливилось перетянуть на свою сторону львовское ставропигійское братство и большинство львовскаго православнаго духовенства. И въ Варшавѣ встрѣтилъ Свистельницкій большія препятствія. Надежду его поддерживало только то обстоятельство, что благосклонный къ нему перемышльскій епископъ Антоній Винницкій съ августа 1667 года сдѣлался кіевскимъ митрополитомъ. Но все-таки Свистельницкому пришлось ждать довольно долго. А между тѣмъ Шумлянскій на обратномъ пути изъ Молдавіи познакомился съ греческими изгнанниками: филиппопольскимъ митрополитомъ Софроніемъ, хіосскимъ Ѳеофаномъ и іерусалимскимъ архимандритомъ Даніиломъ. Они, конечно за хорошее вознагражденіе, оказались готовыми посвятить его въ епископы, и дѣйствительно, 1 февраля 1668 года, въ деревнѣ Высочкѣ, Шумлянскій получилъ епископскую хиротонію [1]).

Теперь Шумлянскій чувствовалъ себя побѣдителемъ и съ толпою своихъ приверженцевъ отправился во Львовъ, совершая по дорогѣ разныя безчинства, грабежи и насилія надъ приверженцами Винницкаго и Свистельницкаго. Въ началѣ марта онъ былъ уже во Львовѣ и готовился овладѣть епископской каѳедрой, какъ вдругъ пришло изъ Варшавы извѣстіе, что его соперникъ Свистельницкій 5 марта получилъ королевскую номинацію на мѣсто львовскаго епископа.

Какимъ образомъ произошла эта номинація, неизвѣстно. Кажется, не обошлось тутъ безъ обмана, такъ какъ король позже утверждалъ, что привилегію эту подписалъ онъ, не прочитавши и не зная, что подписываетъ. Эта двойная номинація

---

[1]) Посвященіе это представляетъ, впрочемъ, много сомнительнаго. Въ грамотѣ Софронія, митрополита филиппопольскаго, писанной въ Высочкѣ 1 февраля 1668 года, говорится о хиротоніи Шумлянскаго, совершенной имъ однимъ. (Акты, отн. къ исторіи западной Россіи, т. V, № 7); въ грамотѣ митрополита Тукальскаго, признающей Шумлянскаго епископомъ, говорится, что онъ посвященъ митрополитами Софроніемъ и Ѳеофаномъ (Акты, т. V, № 72); въ грамотѣ же іерусалимскаго

сдѣлала неизбѣжной упорную и скандальную борьбу между двумя обладателями одной епископіи. Борьба эта длилась цѣлыхъ 6 лѣтъ и кончилась побѣдой Шумлянскаго. Въ апрѣлѣ 1668 г., когда Свистельницкій пріѣхалъ во Львовъ и приготовлялся къ хиротоніи, приверженцы Шумлянскаго сговорились съ комендантомъ львовскаго замка, напали на монастырь св. Юрія, гдѣ находились въ то время митрополитъ Винницкій и Свистельницкій, избили и перевязали ихъ слугъ и хотѣли убить самого Винницкаго, который на копьѣ спустился черезъ окно изъ монастыря, былъ раненъ въ руку и едва успѣлъ спрятаться въ дупло дерева. Приверженцы Шумлянскаго овладѣли монастыремъ и церковью и разграбили до чиста всѣ пожитки митрополита и Свистельницкаго.

Винницкій 2 мая предалъ Шумлянскаго анаѳемѣ и рукоположилъ Свистельницкаго въ епископы въ львовской Успенской церкви. Но Шумлянскій не обращалъ на это никакого вниманія; 12 іюля 1668 года онъ успѣлъ исходатайствовать у короля кассацію назначенія Свистельницкаго. Съ этимъ документомъ въ рукахъ и съ многочисленной вооруженной свитой онъ отправился въ Галичъ, гдѣ жилъ Свистельницкій, считавшій себя единственнымъ настоящимъ епископомъ. Приверженцы Шумлянскаго захватили Свистельницкаго въ расплохъ, связали его, но Шумлянскій велѣлъ его немедленно освободить. Въ Галичѣ народъ и слышать не хотѣлъ о Шумлянскомъ, въ него бросали камнями и однажды бросились даже на него, „чтобъ Іосифа сдѣлать Іосафатомъ“, т. е., чтобъ убить его, какъ злополучнаго Кунцевича. Въ концѣ концовъ Свистельницкій съ толпой своихъ родственниковъ 20 іюля напалъ на домъ Шумлянскаго въ Крылосѣ вблизи Галича. Шумлянскаго стащили съ постели, зять Свистельницкаго выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но не попалъ, потомъ пустилъ въ него стрѣлой и ранилъ въ правую сторону груди. Шумлянскій упалъ въ обмо-

---

патріарха Досифея, писанной въ Яссахъ въ 1670 г., говорится, что Шумлянскій „иной Искаріотъ“ рукоположенъ былъ „отъ двухъ изверженныхъ архіереевъ, иже за своя велика беззаконія изгнаны быша отъ архіерейскаго чина“ (*А. С. Петрушевичъ*. Іосифъ Шумлянскій. „Галичанинъ“, 1862, вып. I, стр. 119—120).

ровъ. Враги били его уже безчувственнаго, ранили его брата и многихъ слугъ, убили на смерть одного слугу, который хотѣлъ его защищать, и, ограбивъ дворецъ, увезли съ собою епископа и его брата, связанныхъ, почти голыхъ. Кажется, что тутъ бы пришлось Шумлянскому и голову сложить, когда бъ одинъ изъ слугъ Свистельницкаго не разрѣзалъ веревки и не выпустилъ плѣнниковъ, которые успѣли спрятаться въ тростникахъ болота.

Шумлянскій не простилъ своему врагу этого насилія. Въ началѣ августа, когда Свистельницкій пришелъ въ церковь и началъ въ епископскомъ облаченіи отправлять богослуженіе, Шумлянскій съ толпой своихъ приверженцевъ ворвался въ церковь, велѣлъ отвести Свистельницкаго отъ алтаря, обругалъ его крайне грубыми словами и, въ виду собравшагося народа, вытолкалъ изъ церкви вонъ. Церковь велѣлъ запереть, запечаталъ и наложилъ на нее интердиктъ. Свистельницкій жаловался въ судъ, но это ни къ чему не повело, и вотъ онъ разослалъ посланіе къ духовенству, представляя Шумлянскаго, какъ еретика, богохульника и жестокаго человѣка. Посланіе это попалось въ руки Шумлянскому, и онъ обжаловалъ Свистельницкаго передъ каптуровымъ судомъ (существовавшимъ во время безкоролевья по случаю отреченія отъ престола Яна Казиміра), какъ бунтовщика, возбуждающаго духовенство противъ законной власти. Свистельницкій на судъ не явился и былъ осужденъ. Конечно, это не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій, такъ какъ Свистельницкій путемъ протестацій и новыхъ жалобъ умѣлъ затянуть дѣло до безконечности.

Шумлянскій, между тѣмъ, объѣзжалъ свою епархію, повсюду посвящалъ новыхъ пресвитеровъ, которые дѣлались его приверженцами, и такимъ образомъ подготовлялъ для себя почву не только въ воеводствѣ русскомъ, но и въ Подоліи. Но вотъ королемъ польскимъ избранъ былъ безсильный и слабоумный Михаилъ Корыбутъ Вишневецкій, и началась новая неурядица. Прежде всего Шумлянскій, съ помощью своего личнаго друга, Яна Собѣсскаго, получилъ подтвержденіе своей привилегіи на львовское епископство отъ 3 октября 1669 г. Кромѣ того, онъ получилъ утвержденіе въ своемъ санѣ отъ патріарха

александрійскаго. Такъ какъ въ это время проѣзжалъ черезъ Молдавію патріархъ іерусалимскій, то Свистельницкій хотѣлъ при помощи драгоцѣнныхъ подарковъ, добиться отъ него признанія единственнымъ легальнымъ епископомъ, но Шумлянскій перехватилъ его слугъ и подарки. Но вотъ Свистельницкій 20 сентября 1670 г. съумѣлъ получить изъ королевской канцеляріи новую королевскую привилегію, которая утверждала его на епископскомъ престолѣ. Осуществленія этой привилегіи Свистельницкій, конечно, не могъ добиться, такъ какъ духовенство стояло на сторонѣ Шумлянскаго, а король письмомъ отъ 4 ноября 1671 г. призналъ за Шумлянскимъ достоинство епископа, и привилегіей отъ 30 октября 1672 года призналъ его единственнымъ легальнымъ епископомъ львовскимъ. Въ отвѣтъ на это Свистельницкій въ половинѣ марта 1673 года добылъ себѣ новую королевскую привилегію, устраняющую Шумлянскаго отъ епископіи, послѣ чего Шумлянскій въ половинѣ апрѣля добылъ привилегію для себя, а Свистельницкій 19 мая опять привилегію для себя. Эта постыдная комедія съ королевскими привилегіями, упраздняющими то одного, то другаго епископа львовскаго, вѣроятно, продолжалась бы до безконечности, еслибы король Михаилъ не умеръ скоропостижно.

Только избраніе Яна Собѣсскаго въ короли положило конецъ этой тяжбѣ. Собѣсскій былъ личный другъ Шумлянскаго; только теперь полная побѣда послѣдняго была прочной и несомнѣнной. Универсаломъ отъ 4 іюля 1673 года новый король утвердилъ Шумлянскаго въ санѣ и правахъ львовскаго епископа, и Свистельницкій теперь даже не помышлялъ о дальнѣйшей борьбѣ. Онъ умеръ въ Галичѣ 1676 года, совершенно забытый.

Еще одного не доставало Шумлянскому для полной побѣды — признанія его со стороны митрополита кіевскаго. Но и этого онъ вскорѣ добился. Привилегіей отъ 10 марта 1675 года король назначилъ его администраторомъ кіевской епархіи, „чтобы вмѣсто больнаго и престарѣлаго отца митрополита управлялъ кіевской епархіей такъ долго, покуда будетъ живъ этотъ о. митрополитъ“. Винницкій понялъ, что Шумлян-

скій, до сихъ поръ не признанный имъ, теперь сила, съ которой задираться опасно. Онъ помирился съ нимъ и призналъ его легальнымъ епископомъ львовскимъ, галицкимъ и каменецкимъ.

Шумлянскій вполнѣ оправдалъ надежды, какія возлагали на него латинники и уніаты. Какъ только онъ почувствовалъ, что позиція его вполнѣ обезпечена, сейчасъ, 7 марта 1677 г., написалъ папѣ Иннокентію XI письмо, въ которомъ отрекается отъ православія и объявляетъ готовность принять унію подъ условіемъ, чтобъ это его заявленіе до поры до времени оставалось тайной, чтобъ уніатскіе епископы были допущены въ сенатъ, чтобъ церковныя братства подчинены были епископской юрисдикціи и проч.[1]). Въ тотъ самый день онъ произнесъ уніатское исповѣданіе вѣры въ Варшавѣ въ присутствіи короля и уніатскаго митрополита Кипріана Жоховскаго.

Но папа, хотя и очень обрадовался обращенію львовскаго православнаго епископа, все таки 11 сентября написалъ ему, что не позволитъ того, „ut sit occultus unitus", и что ежели хочетъ онъ отречься отъ православія, пусть сдѣлаетъ это сейчасъ и совсѣмъ гласно. Шумлянскій не согласился на это предложеніе: онъ зналъ, что его время еще не пришло и рѣшился подождать, оставаясь „occultus unitus" еще цѣлыхъ 12 лѣтъ. Впрочемъ, онъ не переставалъ дѣйствовать въ пользу уніи, и, вѣроятно, его вліянію должно приписать то, что 26 марта 1681 г., епископъ перемышльскій Иннокентій Винницкій также заявилъ въ Варшавѣ негласно, въ присутствіи кіевскаго уніатскаго епископа Станислава Витвицкаго, гетмана литовскаго Станислава Яблоновскаго и еще трехъ сановниковъ, что отрекается отъ православія и готовъ принять унію [2]). И дѣйствительно, онъ началъ въ своей епархіи оживленную агитацію въ пользу уніи посредствомъ увѣщаній на помѣстныхъ соборахъ, и спустя 10 лѣтъ, 1692 г. онъ могъ уже дерзнуть открыто перейти въ унію съ цѣлымъ своимъ капитуломъ. За нимъ послѣдовали мно-

---

[1]) А. С. Петрушевичъ. Op. cit., стр. 185.

[2]) *А. С. Петрушевичъ*. Op. cit. 199.

гіе шляхетскіе роды, а въ 1694 г. также игумены монастырей Лавровскаго, Добромильскаго, Лишнянскаго, Дерижицкаго, Щеплотскаго, Черниловскаго, Углицкаго и др. [1]), такъ что уже 16 марта 1694 г. Винницкій могъ писать папскому нунцію кардиналу Барберини, что болѣе чѣмъ 800 церквей, 3,000 шляхты и нѣсколько сотъ тысячъ душъ его епархіи присоединилось уже къ уніи [2]).

Этотъ крупный фактъ не могъ не остаться безъ вліянія и на львовскую епархію. Шумлянскій работалъ усердно, чтобы обезпечить себѣ возможность безпрепятственной измѣны православію. Для этой цѣли ему казалось необходимымъ расторгнуть и ту небольшую зависимость, которая до сихъ поръ соединяла его съ кіевской митрополіей. Онъ пожелалъ самъ сдѣлаться митрополитомъ, и въ 1689 г. выслалъ своего довѣреннаго, игумена Плесниско-Подгорецкаго монастыря Парфенія Ломиковскаго, въ Москву къ патріарху Іоакиму съ просьбой возобновить древнюю галицкую митрополію и сдѣлать его митрополитомъ, зависимымъ только отъ патріарха, но не отъ митрополита кіевскаго. Онъ хорошо зналъ, что при увеличивающемся соперничествѣ Польши съ Москвой зависимость это будетъ равняться нулю точно такъ же, какъ зависимость русской православной церкви отъ патріарховъ греческихъ была фактически уничтожена конституціей короля Іоанна III, запрещавшей подданнымъ польскаго государства всякія религіозныя сношенія съ Царьградомъ и другими восточными престолами [3]). Но патріархъ московскій, очевидно, понялъ въ чемъ дѣло и отослалъ Ломиковскаго ни съ чѣмъ.

Эта неудача не озадачила Шумлянскаго, тѣмъ болѣе, что и король Іоаннъ III не переставалъ побуждать его, чтобъ онъ скорѣе дѣлалъ то, что обѣщалъ. Въ 1694 году Шумлянскій рѣшился, наконецъ, созвать синодъ духовныхъ и мірскихъ лю-

---

[1]) *Петрушевичъ*. Op. cit., 241.

[2]) Тамъ же, 674 и Likowski, Op. cit., I, 2.

[3]) Науковый Сборникъ Гал. русск. Матицы, 1868, стр. 82—85, гдѣ напечатанъ отвѣтъ патріарха Іоакима Шумлянскому. О посольствѣ Ломиковскаго въ Москву, см. тамъ же стр. 85—87, его-же Сводную лѣтоп. 1600—1700, стр. 222—

дей своей епархіи для совѣщаній по дѣламъ уніи. На этотъ синодъ король прислалъ своего посланника, Христофора Скарбка, который долженъ былъ представить собраннымъ соображенія о пользѣ перехода въ унію. Самымъ вѣскимъ доказательствомъ съ его стороны было то, что „народъ русскій, несмотря на то, что отличается своей вѣрностью, дѣльностью и храбростью, изъ за своей религіи не можетъ быть допущенъ въ городахъ и мѣстечкахъ къ высшимъ должностямъ. Поэтому король, по своей врожденной добротѣ, желая сравнять его cum similibus sibi, заявляетъ, что, принявъ унію, русскіе на основаніи общихъ правъ будутъ имѣть свободный доступъ ко всѣмъ почестямъ и повышеніямъ“ [1]).

Изъ православныхъ явился рьянымъ защитникомъ уніи одинъ только Шумлянскій, а когда большинство собранныхъ объявило свое несогласіе на унію, онъ сказалъ рѣшительно, что „я самъ пойду этимъ путемъ, который указываетъ мнѣ король. Кто хочетъ идти за мной пусть идетъ, а кто не хочетъ — его воля“ [2]). Но хотя одна часть бѣлаго духовенства изъявила свою готовность идти съ Шумлянскимъ, онъ все таки и на этотъ разъ угрозы своей не исполнилъ и рѣшился еще ждать.

Но вотъ въ 1696 году умеръ Янъ Собѣсскій, тотъ король, который при своемъ вступленіи на престолъ польскій писалъ папѣ Иннокентію IX: „Ежели когда нибудь буду въ состояніи соединить многія русскія церкви моего государства съ апостольскимъ престоломъ (т. е. съ Римомъ), то это дѣло буду считать самымъ значительнымъ изъ всего сдѣланнаго мною во славу Христа“ [3]). Шумлянскій, лишенный своего могущественнаго покровителя, струсилъ. Православные считали его уже открытымъ уніатомъ; большинство чернаго духовенства въ его епархіи и братство ставропигійское были противъ уніи; будущій король

223 и изданную мною „Лѣтопись Подгорецкаго монастыря“ „Кіевская Старина“, 1890 г., іюль, стр. 127. О запрещеніи православнымъ сношеній съ Царьградомъ, см. Likowski Op. cit. t. II., Annexe, стр. 288.

[1]) Likowski, Op. cit., t. II, Annexa, стр. 286.

[2]) Тамъ же, 289.

[3]) *Theiner*, Monumenta Poloniae historica, т. III, стр. 696.

польскій могъ оказаться приверженцемъ религіозной терпимости. И вотъ Шумлянскій спѣшитъ оправдать себя въ глазахъ православныхъ. Вскорѣ послѣ смерти Собѣсскаго онъ отправляетъ письма кіевскому митрополиту и бѣлгородскому воеводѣ, боярину Борису Петровичу Шереметеву, заявляя въ нихъ, что „умеръ король, умерла и унія; я якомъ былъ неотмѣнно православнымъ церкви святой сыномъ, такъ естемъ, и неотмѣнно въ православіи святомъ зоставатиму". Что было, то дѣлалось подъ давленіемъ покойнаго короля, который „опуталъ" будто бы Шумлянскаго и былъ „такъ тяжелъ" для православныхъ, что „нельзя было и головы поднять" [1]).

Но тревога была непродолжительна. На польскій престолъ взошелъ саксонскій курфюрстъ Августъ II, который совсѣмъ не думалъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши и реформировать ихъ. Онъ предоставилъ все естественному теченію; вліяніе католическаго духовенства во время его правленія скорѣе усилилось, чѣмъ ослабѣло. Унія и латинизація южноруссовъ дѣлали быстрые шаги впередъ. Въ 1698 году приняло унію ставропигійское православное братство въ Замостьѣ [2]). Это придало храбрости и Шумлянскому, и потому 14 апрѣля 1700 г., въ недѣлю Мироносицъ, онъ созвалъ второй мѣстный синодъ своей епархіи во Львовъ въ церковь св. Юрія. Подробности совѣщаній этого синода намъ не извѣстны. Извѣстно только его рѣшеніе, чтобы Шумлянскій самъ ѣхалъ въ Варшаву, гдѣ въ то время происходили совѣщанія сената, и чтобъ тамъ именемъ духовенства принялъ унію и объявилъ это универсалами всему духовенству. Изъ кого состояло большинство собранныхъ, принявшихъ такое рѣшеніе, мы не знаемъ; должно быть, Шумлянскому удалось перетянуть на свою сторону игуменовъ всѣхъ болѣе важныхъ монастырей за изъятіемъ Скитскаго. Изъ мірскихъ людей рѣшенію этому воспротивилось братство ставропигійское львовское, но Шумлянскій, очевидно, чуялъ за собой

---

[1]) *Самоила Величка* Лѣтопись, Кіевъ 1855, т. III, стр. 389, 393; *Петрушевичъ*. Свод. лѣтоп. 1600—1700, стр. 253—255.

[2]) *Петрушевичъ*, Op. cit. 258

силу, когда рѣшился пренебречь этимъ сопротивленіемъ. Не теряя времени, онъ поѣхалъ въ Варшаву, гдѣ, по словамъ современной записки, „sub auspiciis короля Августа II, счастливо привелъ къ концу это дѣло съ помощью Яблоновскаго. Въ сенатѣ о. Шумлянскій получилъ изданный уже дипломъ, гарантирующій духовныя вольности и исповѣданіе вѣры по греческому обряду, и, увѣрившись въ дальнѣйшей благосклонности короля и сената, въ присутствіи того жъ короля, всего сената и собранныхъ въ большомъ количествѣ сановниковъ коронныхъ и литовскихъ и шляхты произнесъ исповѣданіе вѣры 16 мая 1700 г. въ костелѣ оо. капуциновъ, послѣ же, 1 іюля того же года, возобновилъ это исповѣданіе съ своимъ клиромъ и именемъ клира во Львовѣ“ [1]).

Однакоже, во Львовѣ дѣло не пошло такъ гладко, какъ бы могло казаться, судя по словамъ этой реляціи. Напротивъ, Шумлянскій встрѣтилъ здѣсь неожиданное, упорное сопротивленіе преимущественно со стороны братства ставропигійскаго. Въ самый праздникъ свв. Петра и Павла Шумлянскій задумалъ отслужить уніатское богослуженіе въ братской церкви Успенія Богородицы. На это богослуженіе пригласилъ онъ множество высокихъ польскихъ сановниковъ, духовныхъ и мірскихъ. Но когда они собрались, то нашли дверь въ церковь наглухо запертой. Братство наотрѣзъ отказалось ее отпереть. Тогда Шумлянскій топорами приказалъ вырубить дверь, вошелъ такимъ образомъ въ церковь и отслужилъ литургію, несмотря на громкія порицанія со стороны православныхъ. Но братство не отступило, а король Августъ II подтвердилъ его привилегіи. И вотъ началась новая тяжба. Шумлянскій, по своему обыкновенію, не разбиралъ средствъ: гдѣ увѣщанія и угрозы не помогали, пускалъ въ дѣло палки и сабли. Но когда и это вѣрное средство не могло сломить упорныхъ братчиковъ, Шумлянскій письмомъ отъ 10 іюля 1704 года изъявилъ готовность подтвердить всѣ привилегіи братства, только бы оно подчинилось римскому престолу [2]). Нашествіе шведовъ въ томъ же 1704 году и со-

---

[1]) Likowski, Op. cit. т. II, Annexa, стр. 289—290.

[2]) *А. С. Петрушевичъ.* Сводная лѣтопись 1700—1771 г. Львовъ, 1887, стр. 23.

вершенное разграбленіе ими Ставропигіи, которой потери современники оцѣнили въ 120,000 злотыхъ, надломили бодрость и неустрашимость братчиковъ. Они нуждались во всемъ, и борьба съ могущественнымъ епископомъ была имъ не подъ силу, тѣмъ болѣе, что тотъ еще прежде значительно подорвалъ главный источникъ ихъ силы, основавъ у себя въ Свято-Юрьевскомъ монастырѣ типографію. Типографія ставропигійская была самымъ значительнымъ источникомъ доходовъ братства. Оно имѣло на нее королевскія привилегіи и ревниво оберегало свою монополію печатанія книгъ для церковнаго употребленія [1]). Но съ Шумлянскимъ ничего не могло оно подѣлать, тѣмъ болѣе теперь, послѣ перехода въ унію всей львовской епархіи. Книги ставропигійскаго изданія, значитъ православныя, преслѣдовались и истреблялись церковной властью, и намъ кажется, что это было главной причиной, склонившей братство къ переходу въ унію. И дѣйствительно, „сообразивъ непріязненныя отношенія епископа I. Шумлянскаго къ львовской ставропигіи и также запрещеніе подъ страхомъ смертной казни всякихъ сношеній съ царьградскимъ патріархомъ... при совершенномъ ополяченіи русскаго дворянства“, какъ пишется въ ставропигійской лѣтописи, братство въ началѣ 1708 года приняло унію съ тѣмъ условіемъ, чтобы оно подчинено было не львовскому епископу, но непосредственно куріи римской [2]). Это была послѣдняя и самая крупная побѣда Шумлянскаго.

Послѣ перехода львовской ставропигіи въ унію православіе совершенно пало въ его епархіи. Въ православіи остался только единственный Скитскій монастырь въ Карпатскихъ горахъ, который непоколебимо былъ вѣренъ православію даже до австрійскихъ временъ. Послѣ одержанія этой побѣды Шумлянскій умеръ 16 іюля 1708 г. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ записалъ щедрыя дотаціи Свято-Юрьевской каѳедральной церкви и митрополичьему престолу. Страхъ смерти и глубокое раскаяніе—вотъ

---

[1]) *Władysław Łoziński*, Lwów starożytny, t. II. Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII wieku. Lwów 1890 г., стр. 256—260.

[2]) *А. С Петрушевичъ*, Сводная лѣтопись 1700—1771 г. стр. 40.

основныя ноты этого интереснаго документа, составленнаго на польскомъ языкѣ, которымъ Шумлянскій, очевидно, пользовался всегда въ обычной жизни [1]).

II.

Анализируя разсказанные нами факты,—а они далеко не исчерпаны,—мы можемъ составить себѣ довольно отчетливое, хотя далеко не лестное, понятіе о характерѣ послѣдняго православнаго епископа львовскаго. Несокрушимая энергія въ преслѣдованіи своей цѣли, шаткая нравственность, не пренебрегающая никакими средствами, ведущими къ назначенной цѣли, смѣсь рыцарской отваги, варварской жестокости и іезуитскаго лицемѣрія—вотъ самыя выдающіяся черты его характера. Военный по внутреннему влеченію, онъ 24 лѣтъ отъ роду ироніей судьбы поставленъ былъ на одномъ изъ самыхъ высокихъ мѣстъ въ православной іерархіи, поставленъ среди обстоятельствъ, которыя заставляли его продолжать военное ремесло и подъ епископской митрой. И онъ продолжаетъ его съ безалаберностью кондотьера, издѣвается надъ побѣжденными противниками и обогащаетъ на ихъ счетъ своихъ приверженцевъ. Вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ Іоанномъ Собѣсскимъ онъ участвуетъ въ битвѣ съ турками подъ Журавномъ 1676 г., гдѣ направленная въ него пуля убила стоявшаго сзади пѣвца, и подъ Вѣной 1683 г., гдѣ былъ раненъ въ лѣвое плечо [2]). Его переходы изъ православія въ унію, изъ уніи въ православіе, и опять обратно, показываютъ, что религіозные вопросы были для него только частью политики, а политика его была нескончаемымъ рядомъ обмановъ, лицемѣрія, хитростей и предательствъ. Его миролюбивыя клятвы обыкновенно опаснѣе, чѣмъ его наѣзды; даже самыя, повидимому, искреннія свои убѣжденія онъ готовъ былъ въ данный моментъ втоптать въ грязь, лишь бы достигнуть намѣченной цѣли. Ни благодарности къ своимъ благодѣтелямъ, ни вѣрности

[1]) Науковый сборникъ гал. р. Матицы, 1868 г., стр. 87—104.

[2]) *А. С. Петрушевичъ.* Свод. лѣтоп. 1600—1771 г., стр. 161, 204.

своему государю у него какъ бы не существовало. Не успѣлъ Іоаннъ III закрыть глаза, какъ онъ первый бросаетъ камнемъ въ его память. Какъ видимъ, полнѣйшій типъ человѣка второй половины XVII в., той грубой эпохи непрестанныхъ жестокихъ войнъ и глубокаго упадка того, что называлось польской культурой, и что въ XVI вѣкѣ дѣйствительно представляло значительную культурную силу.

Но характеристика наша была бы неполна и несправедлива, еслибы мы ограничились этими фактами и не приняли во вниманіе цѣлаго ряда обстоятельствъ и фактовъ, значительно смягчающихъ эту характеристику. Прежде всего нужно обратить вниманіе на труды Шумлянскаго по упроченію матеріальнаго благосостоянія львовскихъ епископовъ. Имѣніе епископское Перегиньско отдано было его предшественникомъ во владѣніе панамъ Малаховскимъ, которые начали считать его своимъ. Шумлянскій отнялъ его у гетмана Малаховскаго въ 1689 г. [1]), и ввелъ тамъ собственную администрацію. Онъ украсилъ каѳедральныя церкви львовскую св. Юра и крылосскую и завѣщалъ имъ богатую церковную утварь; имѣлъ попеченіе о монастыряхъ и даже о бѣломъ духовенствѣ. По его просьбѣ король Михаилъ издалъ привилегію, въ которой духовенство православное поставлено было на равнѣ съ латинскимъ, освобождено отъ юрисдикціи мірскихъ людей и подчинено исключительно власти своего епископа. Въ той же привилегіи рѣшенъ вопросъ о т. наз. *куничномъ*, которое православные священники до сихъ поръ обязывались платить панамъ, а съ тѣхъ поръ должны были въ суммѣ 6 зол. польс. платить епископу [2]). Все это должно было содѣйствовать укрѣпленію русской іерархіи—все равно православной или уніатской. Нельзя забывать, что между условіями, на какихъ Шумлянскій приступилъ къ уніи, были и такія: 4) духовенство должно подлежать юрисдикціи и визитаціи епископа, 11) мѣщане въ городахъ должны, по примѣру Литвы, имѣть дома in circulo civitatis (вопреки польскому обычаю, вы-

---

[1]) *А. С. Петрушевичъ*. Свод. лѣтоп. 1600—1771 г., стр. 221, 226, 227.

[2]) *Ż. Lisiewicz*, Op. cit. 29—30.

тѣснявшему русскихъ православныхъ мѣщанъ изъ рынка въ предмѣстья), 16) въ коронныхъ владѣніяхъ священниковъ долженъ назначать епископъ (ограниченіе права патроната); для нихъ должны быть основаны семинаріи, а мірскіе люди, окончившіе школы, должны быть допускаемы къ студіямъ философскимъ и богословскимъ; 18) король долженъ напомнить папѣ, чтобы тотъ запретилъ переходить изъ одного обряда въ другой (т. е. изъ православія или уніи въ латинство); чтобъ епископы латинскіе не вмѣшивались въ дѣла уніатовъ и не давали защиты отлученнымъ отъ церкви" [1]). Конечно, другіе пункты условій обезпечивали значительныя выгоды для самого Шумлянскаго лично и для русской іерархіи вообще, такъ что договоръ его съ польскимъ правительствомъ на счетъ уніи нельзя назвать свободнымъ отъ эгоистическихъ побужденій. Но все таки нужно признать, что условія поставлены были умно и продиктованы довольно широкимъ, практическимъ взглядомъ на вещи. Самымъ большимъ ихъ недостаткомъ было то, что они не были исполнены; польское правительство было для этого слишкомъ безсильно, а польское общество слишкомъ низко пало, было слишкомъ близоруко, чтобъ сообразить собственную пользу и принять во вниманіе такія настоятельныя потребности русской церкви, какъ духовныя семинаріи и т. д. Конечно, это не уменьшаетъ вины Шумлянскаго, который, зная все это, долженъ бы былъ на собственныя средства помочь бѣдѣ, вмѣсто того чтобъ покупать золотые кресты съ дорогими каменьями и то множество драгоцѣнной утвари, о которой подробно говоритъ его духовная. Но когда мы сообразимъ, что Шумлянскій не былъ Петромъ Могилой, и что онъ былъ едва ли не первымъ православнымъ архіереемъ, который ясно и опредѣленно поставилъ польскому правительству на видъ его обязанности относительно православнаго духовенства, особенно низшаго, то мы все таки должны будемъ признать за нимъ нѣкоторую заслугу.

Самыя интересныя и даже симпатичныя черты характера и дѣятельности Шумлянскаго мы открываемъ въ тѣхъ письмен-

[1]) *А. С. Петрушевичъ*, Свод. лѣтоп. 1600—1700 г., стр. 199—300.

ныхъ произведеніяхъ, какія остались послѣ него. Произведеній этихъ, несомнѣнно принадлежащихъ Шумлянскому, мы имѣемъ два: упомянутое выше его духовное завѣщаніе, продиктованное имъ 12 ноября 1707 года секретарю Александру Корепдовичу, и изданная имъ въ 1686 году „Метрика", о которой рѣчь впереди. Правда, въ текстѣ „Метрики" Шумлянскій неоднократно упоминаетъ еще объ одномъ своемъ сочиненіи, изданномъ имъ въ типографіи Уневскаго монастыря въ 1680 г., подъ заглавіемъ „Зерцало" или „Зверцадло", въ которомъ, по его словамъ, „описалася наука о седми сакраментахъ святыхъ, о десяторомъ бозскомъ приказаню и о артикулахъ вѣры св. православно-каѳолической". Сочиненіе это, неизвѣстно даже на польскомъ или на русскомъ языкѣ составленное, кажется, не дошло до насъ, по крайней мѣрѣ библіографы о немъ ничего не упоминаютъ [1]).

Духовное завѣщаніе Шумлянскаго, какъ юридическій документъ, конечно, литературной цѣнности не имѣетъ, но оно чрезвычайно важно для характеристики личности львовскаго епископа въ послѣднюю эпоху его жизни. Оно составлено на языкѣ польскомъ, по тогдашнему обычаю щедро пересыпанномъ латинскими фразами. Подлинникъ его на пяти листахъ хранится въ архивѣ львовскаго митрополичьяго капитула при церкви св. Юрія; текстъ изданъ А. С. Петрушевичемъ въ „Науковомъ сборникѣ Гал. русской Матицы" 1868 г., стр. 87—104. Изъ него мы узнаемъ, что Шумлянскій родился въ 1643 году и вступилъ на епископскій престолъ 24 лѣтъ отъ роду.

Въ началѣ своей духовной Шумлянскій разсуждаетъ о скоромъ увяданіи всего земного, упоминаетъ о своей первой духовной, составленной и закрѣпленной въ актахъ гродскихъ въ 1704 году; эту духовную онъ уничтожаетъ. Вслѣдъ за тѣмъ, обращаясь къ Богу, который, его „недостойнаго возвысилъ на это церковное достоинство, въ жизни столько разъ щедро надѣлялъ его благодѣяніями и милостями, всю жизнь охранялъ его въ

---

[1]) Извѣстны только два уневскія изданія „Зерцала Богословіи" Кирилла Транквиліона Ставровецкаго 1692 и 1696 годовъ. (Максимовичъ. Сочиненія т. III, стр. 686—7). Можетъ быть, то же сочиненіе издано было и въ 1680 г., издержками Шумлянскаго, что и дало ему поводъ упомянуть о книгѣ, какъ о своемъ изданіи.

стольких опасностяхъ и случайностяхъ, и никогда не попустилъ врагамъ его торжествовать надъ нимъ", онъ заявляетъ, что „живетъ и умереть хочетъ въ той вѣрѣ, которая имѣетъ въ себѣ всеобщее согласіе, любовь и единство христіанское древнее св. отцовъ, церкви Восточной и Западной". Онъ кается въ своихъ грѣхахъ, хотя, конечно, въ самихъ общихъ выраженіяхъ, и горячо проситъ Бога, „чтобы при послѣднемъ исходѣ души изъ тѣла, когда уже силы, умъ и всѣ чувства будутъ слабѣть и прекращаться, когда ужасный моментъ приближающейся смерти отниметъ чувства и рѣчь", Онъ бы „не попустилъ ядовитому врагу душъ нашихъ, который особенно въ тотъ моментъ набрасываетъ свои проклятыя сѣти, вредить ему". Онъ проситъ похоронить его въ епископской церкви св. Юрія „absque omni pompa, но при возможно большемъ участіи духовныхъ монаховъ, бѣдныхъ и увѣчныхъ".

Всю богатую церковную утварь онъ отказываетъ епископской церкви св. Юрія, замѣчая притомъ, что, вступая на престолъ, не обрѣлъ при этой церкви ничего подобнаго, но нашелъ церковь и епископію „multis calamitatibus temporum разоренною". Кромѣ того, онъ завѣщаетъ 6000 зол. святоюрьевскимъ монахамъ „ad victum et amictum" (на пропитаніе и одѣяніе), 10000 зол. на епископскую церковь въ Крылосѣ близь Галича, 600 зол. на окончательное обновленіе древней церкви св. Иліи въ Крылосѣ, „qua nihil vetustius videtur" и которая, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, есть памятникъ древне русскаго зодчества еще княжеской эпохи, 3000 зол. монастырю въ Гошевѣ (близь Стрыя), 1000 зол. *православному* монастырю Скитскому въ воспоминаніе его матери, которой бренные останки погребены въ томъ монастырѣ, 1000 зол. монастырю Креховскому, которому онъ уже прежде достойно заплатилъ за оказанную ему въ 1679 году услугу. На свои похороны онъ завѣщалъ 2000 зол., да кромѣ того 1000 зол. для бѣдныхъ, 1000 для монаховъ святоюрскихъ, 800 зол. архидіакону Парѳенію Ломиковскому, 400 зол. о. Паковскому, который много лѣтъ служилъ ему очень усердно и полезно, 300 зол. о. Жуковскому, 100 зол. о. Никодиму. „Малое то возмездіе за ихъ услуги—добавляетъ

Шумлянскій,—но пусть и это примутъ какъ знакъ моей благодарности".

Интересно въ высшей степени отношеніе Шумлянскаго къ прислугѣ и крестьянамъ. „Прислугу разсчитайте, говоритъ онъ исполнителямъ своей духовной,—а ежели который взялъ ливрею, которой еще не заслужилъ, таковому ее оставить. Тоже самое должно относиться и до моихъ „покоевыхъ", которымъ отдаю въ даръ лошадей, на которыхъ мнѣ служатъ". Упоминая о епископскомъ имѣніи Перегинскѣ, которое онъ „съ большимъ трудомъ и затратами отобралъ" изъ рукъ мірскихъ людей, онъ приказываетъ своимъ наслѣдникамъ „чтобъ имѣли неусыпное попеченіе о подданныхъ, удержали ихъ при данныхъ имъ правахъ и ни въ чемъ ихъ не обижали. Въ случаѣ же какого нибудь притѣсненія per succeda neos meos тѣмъ-же подданнымъ или нарушенія правъ мною утвержденныхъ, оставляю имъ свободу жаловаться ubi de jure venerit, даже на епископа, причемъ духовная власть должна принять ихъ сторону". Изъ одного пункта этой духовной мы узнаемъ, что когда панцырная хоругвь брацлавскаго воеводы Конецпольскаго какъ то наѣхала на Перегинскъ и ограбила тамошнихъ крестьянъ, Шумлянскій началъ искъ противъ Конецпольскаго, велѣлъ оцѣнить убытки, понесенные крестьянами, которые составили громадную въ то время сумму 20,000 зол., и выигралъ дѣло въ судѣ гетманскомъ, на который онъ явился самолично и подтвердилъ присягой эту претензію. Мы не знаемъ, когда это было, но за то узнаемъ, что, несмотря на рѣшеніе суда, во время составленія духовной деньги не были еще получены Шумлянскимъ. „Такъ какъ ограбленные крестьяне, говоритъ Шумлянскій,—этой несносной аггравацiей изведены были ни во что и не имѣли даже средствъ пропитанія, потому я долженъ былъ для ихъ поддержанія расходоваться proprio aere и издержать собственныя деньги на ихъ содержаніе, не дожидаясь выигранной въ судѣ суммы". Кажется, что Шумлянскій не много имѣлъ надежды получить эту сумму, и потому онъ завѣщалъ ее на галицкую каѳедральную церковь.

Изъ другаго пункта духовной мы узнаемъ, что Шумлянскій за сумму 2000 зол. выкупилъ изъ львовской замковой тюрьмы нѣкоего Стефана Перевозника Надѣйчицкаго, подданнаго пани Выговской, вмѣстѣ съ его женой. За что они попали въ тюрьму— неизвѣстно; выкупную сумму пани Выговская въ моментъ составленія духовной еще не возвратила Шумлянскому. Въ концѣ Шумлянскій, попрощавшись съ шляхтой своей епархіи, своими родными и всѣмъ клиромъ мірскимъ и монастырскимъ, опять обращается къ Богу, „жалѣя о всѣхъ своихъ грѣхахъ, молясь, чтобъ въ послѣднюю страшную минуту, когда духи смертные будутъ въ немъ состязаться и чувства прекращаться, когда смерть снимать будетъ бренное облаченіе, Богъ помиловалъ его душу и принялъ ее до своей святой хвалы".

Какъ ни думать объ этихъ словахъ, диктованныхъ въ виду близкой смерти, въ приступахъ болѣзни, но, во всякомъ случаѣ, они обнаруживаютъ въ Шумлянскомъ живую вѣру въ загробную жизнь и непрестанный страхъ передъ переходомъ въ эту жизнь. По обычаю богатыхъ пановъ, онъ завѣщаетъ богатыя даянія на церкви и на бѣдныхъ, но все таки совѣсть его не можетъ успокоиться, и ему все мерещатся „враги души", вспоминаются обрывки пѣсни, рисующей въ грандіозныхъ словахъ и картинахъ весь ужасъ суда Божія.

Еще болѣе интереса, и притомъ болѣе широкаго, представляетъ другое сочиненіе Шумлянскаго, написанное на довольно чистомъ южнорусскомъ, или собственно томъ литературномъ малорусскомъ языкѣ, какой выработался было въ южной Руси трудами полемистовъ XVI и начала XVII в., и цѣлой плеяды писателей, стоявшихъ въ связи съ Петромъ Могилой и его коллегіей. Это и есть упомянутая уже нами „Метрика", къ разбору которой мы теперь и обратимся.

Хотя о „Метрикѣ" Шумлянскаго упоминали уже Зубрицкій, Максимовичъ, а за ними прочіе русскіе библіографы, но подробнаго описанія этой въ высшей степени интересной книги до сихъ поръ, кажется, нигдѣ не было. Такъ какъ полные экземпляры ея попадаются довольно рѣдко (напр. на археологической и библіографической выставкѣ Ставропигійскаго института 1888

года, столь богатой старопечатными изданіями, не было ни одного экземпляра этой книги), то предлагаемъ здѣсь ея точное описаніе и обзоръ ея содержанія. Экземпляръ, который имѣется у насъ подъ рукою, есть собственность учителя львовской реальной школы, г. Володиміра Шухевича; прежде онъ принадлежалъ церкви въ селѣ Кричкѣ надворнянскаго уѣзда, въ Карпатскихъ горахъ. Это книга въ старинномъ, кожанномъ переплетѣ, въ четвертую долю листа, напечатанная на толстой сѣрой бумагѣ, нѣкоторые листы имѣютъ какіе то неразборчивые водяные знаки. Ни страницы, ни листы не нумерованы, а только внизу тѣхъ страницъ (да и то не всѣхъ), на которыхъ есть текстъ печатанный, есть типографскія помѣты тетрадямъ. Вся книга состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ первая имѣетъ 13 тетрадей по 4 и 6 листовъ, всего листовъ 62; два листочка при концѣ вырѣзаны. Только первыя 19 страницъ имѣютъ текстъ печатный; на 20-й страницѣ (на оборотѣ 10-го листа) начинаются метрическія записки, которыя идутъ до конца, обнимая періодъ времени отъ 1688 до 1776 года. Типографскія помѣтки находимъ въ этой части: на 3 страницѣ Ад҃ (значитъ, передъ теперешнею первой страницей былъ еще одинъ листокъ, можетъ быть бѣлый), на стр. 7 помѣта Б, стр. 9 н҃к, стр. 15 Є. Далѣе никакихъ помѣтокъ нѣтъ.

Вторая часть имѣетъ 8 тетрадей, изъ коихъ 5 первыхъ по четыре листа, а 3 послѣднія по 6; самая послѣдняя имѣла ихъ болѣе, но они вырѣзаны. Текстъ печатный обнимаетъ 9 первыхъ страницъ: на 10-й начинаются записки съ дня 18 января 1689 и кончая годомъ 1776. Типографская помѣта имѣется только одна А на 3 страницѣ. Третья часть имѣетъ 16 тетрадей въ четыре листа. Къ первой тетрадкѣ приклеенъ листъ заглавный, въ нѣкоторыхъ тетрадкахъ, гдѣ была бѣлая бумага, по нѣскольку листовъ вырѣзано. Всѣхъ листовъ 61, изъ коихъ 38 вмѣщаютъ печатный текстъ. Типографскія помѣтки имѣются въ этой части внизу стр.: 3 А, 11, Б 13 ББ, 19 В, 23 Вг, 27 F, 29 ГБ, 31 опять ГБ, 35 f, 37 ДБ, 39 Дг, 43 Є, 45 ЄБ, 47 опять ЄБ, 51 Ж, 55 Жг, 57 ЖБ (sić), 59 З҃, 61 З҃Ъ, 63 З҃г, 67 з, 69 ЗБ, 71 зг, 75 И.

Печатный текстъ во всѣхъ трехъ частяхъ обведенъ черными линейками съ верху и съ одной стороны двойными какъ будто рубриками. Въ верхней рубрикѣ идетъ такъ называемая живая пагинація, въ боковыхъ дѣлаются выноски. Внизу справа есть кустодіи. Текстъ печатанъ четкимъ красивымъ шрифтомъ, похожимъ на древнюю рукопись, и отчасти на шрифтъ изданій острожскихъ. Заглавія и нѣкоторыя слова и строки въ текстѣ всѣхъ трехъ частей напечатаны красными чернилами. Начальныя буквы текста большія въ орнаментахъ и въ каемкѣ, въ третьей части онѣ тоже напечатаны красными чернилами.

Вотъ заглавіе, начала и концы печатнаго текста всѣхъ трехъ частей, причемъ подчеркнутыя слова означаютъ, что они напечатаны краснымъ.

„Мéтрика.

Котораѧ що̀ значитъ, длѧ чего̀, и ꙗкъ давно̀ єстъ в церкве Бжой, ту́тъ вкоротцѣ опи́суетсѧ.

Іѡсифъ Шумлѧнскій

Млтію Бжіею православный єппъ Лвовскій, Га́лицкій, и Каменца-Подолскаго. Администра́торъ Митропо́лїи Кіевской. Архімандрыта Печерскій.

Ва́мъ Пречтнымъ намѣстнико́мъ, ѧ́лбо протопопо́мъ, чтным їере́омъ, благоговѣйнымъ дїаконо́мъ и всемꙋ̀ освѧщенномꙋ дꙋ́ховномꙋ церковномꙋ кли́рꙋ“. Въ концѣ первой страницы начинается текстъ, который продолжается до страницы 19, гдѣ подъ заставкой читаемъ: „А ꙗкъ то́й папѣръ запи́шеш, мо́жешъ собѣ̀ зно́вꙋ єго̀ причини́ти а́лбо и ѧ́ннꙋю книгꙋ го́лого папе́рꙋ ꙋказа́ти, и тїи Ме́трики з аппара́тами церковными хова́ти, а пото́мъ пред на́съ єппа на собо́рахъ помѣстны порѧдне презентова́ти. В пи́сꙋй же ту́тъ заразъ в Бжїй ча́съ“.

Часть вторая имѣетъ заглавіе, помѣщенное въ широкой архитектонической рамкѣ. Внизу посрединѣ мы видимъ изображеніе брака въ Канѣ Галилейской съ цитатой „Іѡ(аннъ) Зачало ѕ“; съ двухъ сторонъ этого рисунка гербы подъ коронами, одинъ съ изображеніемъ вола, другой, кажется, колокола.

Выше обозначенъ годъ изданія: ҂ѕ҃ Б҃о, а съ другой стороны ҂ахпз. Все это составляетъ какъ бы нижній этажъ рисунка. Въ среднемъ этажѣ, представляющемъ колонны, окаймляющія заглавіе, изображено Благовѣщеніе, но довольно оригинально, такъ какъ архангелъ изображенъ на колоннѣ съ лѣвой стороны заглавія, а святая Дѣва на другой колоннѣ съ правой стороны. Въ концѣ, въ верхней части рисунка, на архитектоническихъ полулукахъ сидитъ съ каждой стороны по одному ангелу; тотъ, что справа, держитъ въ одной рукѣ епископскій жезлъ, а другой опирается на щитъ подъ епископской митрой съ гербомъ (три поперечныя бревна неодинаковой длины); тотъ, что слѣва, держитъ длинную булаву и тоже опирается на щитъ съ гербомъ подъ короной. Посерединѣ въ сіяніи вензель ІХС. Слѣдующее заглавіе напечатано безъ употребленія красныхъ чернилъ: „Метрика или вторая книга. Въ супружество вѣнчаныхъ для снаднѣйшои інформаціи духовныхъ свѣцкихъ. З' тоей Типографіи Епископ. Львовской, и за того его Млсти. Отца Епипа Льво: Благословенїе выдана в лѣто гсе ҂ахпз“. Оборотъ этой страницы весь занятъ рисункомъ, представляющимъ обрядъ вѣнчанія. На фонѣ церковной архитектуры (колонны, въ глубинѣ на высотѣ перваго этажа галлерея, въ которой помѣщенъ хоръ пѣвчихъ съ нотами въ рукахъ и съ регентомъ, дающимъ тактъ поднятой вверхъ рукой) іерей съ сіяньемъ вокругъ головы вѣнчаетъ молодую пару; за молодой двѣ дѣвушки, за молодымъ два парня съ зажженными свѣчами и два старика. На двухъ церковныхъ плитахъ опять читаемъ ҂ѕ҃о ҂ахпз. Надъ хоромъ пѣвчихъ изображена лента съ надписью: „Тайна S супружества“, а внизу подъ рисункомъ подписано: „Чтна женитва, и ложе не скверно. Евр: Гла. гі“. На слѣдующей страницѣ заглавіе: „Наука албо способъ Іереом мірскимъ ω тайнѣ стго супружества“. Тактъ печатный кончается на 9 стр. слѣдующими словами: „Писанїе же отъ пастыря Твоего которое будешъ мѣти іерею или от его наместника должен еси все пораду в писати в Метрику сію“.

Заглавіе третьей части вставлено тоже въ архитектоническій рисунокъ, на которомъ внизу изображена, кажется,

проповѣдь св. Іоанна въ пустынѣ съ цитатой вверху Мѳ: зд҃ є҃, и съ подписью внизу ҂ро ахпз. На колоннахъ съ обѣихъ сторонъ заглавія изображены св. Георгій и св. Прокопій, надъ ними два ангела держатъ ленту съ надписью: „Иже сотвори и научи сей Велій наречется“. Въ серединѣ рисунка читаемъ: „Книга третая в которой описуются урочистіе ст҃а, которіе должни св҃щенници в ню по Бж: литур: свои парохіано заповѣдати и от рово хранити мѣю. З тоиж Т҃: епископи лвовской, и затоґож его мл о҃ца еппа лвовскаго, благословеніемъ выдана. Року ахпз.
На оборотѣ той же страницы изображенъ деисусъ церковный. въ царскихъ дверяхъ стоитъ священникъ въ полномъ облаченіи, справа отъ него въ церкви стоятъ мужчины, слѣва женщины и какой то калѣка. Внизу подписано: „Проповѣдуй слово Бж҃іе часто благовременнѣ, и безвременнѣ, обличи запрети умоли, съ всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ. К Тимо: в. гл҃а д. зд: ст҃з“. Текстъ печатный этой части имѣетъ три статьи. Прежде всего имѣется: „Предмова до св҃щенниковъ мірскихъ, о ст҃ахъ“, затѣмъ на страницѣ 9 слѣдуетъ „Ст҃а урочистіе, которіе конечне належитъ парохіано от св҃щенника парохіалного в неделю по службѣ Бжой оповѣдати начинше от септеврія, ажъ до дне остатного августа“. Въ концѣ на стр. 21 начинается „Нравоученіе от насъ еппа, вамъ мірскимъ іереомъ таковое преподается“.
Текстъ нравоученія вмѣстѣ съ добавленнымъ къ нему „Супплементомъ“ кончается на стр. 76 слѣдующимъ postscriptum'омъ. положеннымъ подъ заставкой: „Ажесьмо те присмотрѣлися. Св҃щенническому образу, и на него взираючи, и сами себе до того аплѣковали ото выставляемъ вамъ образ св҃щеническій.

Миронъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСАНКИ.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

Въ научномъ отношеніи писанки заслуживаютъ вниманія и изученія преимущественно по рисунку. Въ орнаментаціи сказывается все значеніе ихъ археологическое и эстетическое.

Разнообразныя формы писаночныхъ рисунковъ мы раздѣляемъ на слѣдующіе разряды орнаментаціи: геометрическій, солярный, растительный, животный, предметно-бытовой и религіозный. Солярная орнаментація близко подходитъ къ геометрической, почти сливается съ нею.

Въ археологическомъ отношеніи наиболѣе любопытной по обломкамъ древности представляется геометрическая орнаментація, въ художественномъ геометрическая и растительная.

Геометрическая и растительная формы орнаментаціи существуютъ съ незапамятныхъ временъ. Въ памятникахъ, открытыхъ въ Санторинѣ и въ Микенахъ, рядомъ съ геометрической орнаментаціей стоитъ уже растительная, весьма развитая.

Родиной геометрической орнаментаціи считаютъ Элладу. Существуетъ болѣе вѣроятная теорія, что геометрическій стиль принесенъ индоевропейскими народами изъ первоначальной арійской родины. Французскій ученый Дюмонъ допускаетъ вліяніе финикійской или вообще азіатской промышленности на происхожденіе и развитіе геометрическаго стиля орнаментаціи (*Павлуцкій*, Греч. расписн. вазы, 61—64). Первоначальныя,

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1891, 5.

формы геометрической орнаментаціи такъ просты и незатѣйливы, что возникнуть онѣ могли у разныхъ народовъ древности самостоятельно, и нѣтъ надобности доискиваться родины геометрическаго орнамента. Разумѣется, вполнѣ возможно, что съ теченіемъ времени болѣе развитый геометрическій орнаментъ одного народа оказывалъ вліяніе на орнаментацію другихъ пародовъ, и здѣсь скорѣе всего можно выдвинуть вліяніе азіатскаго востока, гдѣ искони геометрическая орнаментація отличается изяществомъ и сложностью. Въ пользу мнѣнія о самостоятельномъ зарожденіи, а мѣстами и самостоятельномъ развитіи геометрическаго стиля говоритъ чрезвычайное его распространеніе во всѣхъ странахъ по берегамъ Средиземнаго моря, въ Германіи, Венгріи, Даніи, Швеціи, Россіи, Индіи, Китаѣ. Фрагменты вазъ съ геометрическимъ украшеніемъ найдены также въ Іерусалимѣ и въ Куюнджикѣ въ Ассиріи (*Павлуц.*, 62).

За немногими исключеніями, когда геометрическіе или растительные рисунки разбросаны по всей поверхности яица, обыкновенно поверхность яица раздѣляется продольной или поперечной чертой, иногда двумя продольными или двумя поперечными, иногда многими продольными или четырьмя или даже шестью поперечными. Этими главными линіями опредѣляется форма рисунка. Поперечная линія или полоска въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи (напр. въ лебединскомъ у. харьк. губ.) называется поясомъ, а самая писанка поясныцей или безпоясныцей. Къ основнымъ и поперечнымъ линіямъ иногда присоединяются косыя и ломаныя линіи, образующія въ пересѣченіи съ прямыми и поперечными треугольники и розетки. Образцомъ рисунка изъ пересѣкающихся продольныхъ и косыхъ линій могутъ служить писанки №№ 1 и 2 въ „Украинскихъ узорахъ“ Косачевой. Въ особенности красивъ бываетъ сложный линейный рисунокъ на писанкахъ подъ названіемъ *„сорокаклынци“*. Здѣсь дѣйствительно бываетъ сорокъ треугольниковъ. Такія писанки встрѣчаются на Волыни, въ Подоліи, въ Харьковщинѣ (сообщенія и коллекціи Глинскаго, Скубака, Савинова), въ Болгаріи. Иногда писанки этого рисунка называются „клынци“; тогда бываетъ только 24 треугольника. При разрисовкѣ

писанки прямыми и косыми линіями треугольники представляются настолько естественно вытекающей формой рисунка, что мы не видимъ надобности выводить ее преемственно изъ того архаическаго троеграна, который встрѣчается на древнихъ бронзахъ, тканяхъ и мозаикахъ съ символическимъ значеніемъ (*Wankel*, 15). Нужно, впрочемъ, оговорить, что троегранъ на моравскихъ писанкахъ иногда имѣетъ самостоятельное значеніе сравнительно съ ближайшими къ нему геометрическими фигурами, напр. на 20, 22 и 24 писанкахъ въ атласѣ Страпечки и Ванклевой, и при ограниченности наличнаго матеріала мы не беремъ на себя смѣлости совсѣмъ устранить архаическій троегранъ изъ писаночной орнаментаціи.

Къ простѣйшему линейному орнаменту на писанкахъ относится еще *плетенка*. Это одна изъ древнѣйшихъ орнаментацій, извѣстная уже въ эпоху обитанія въ Европѣ мамонта, отмѣченная на каменныхъ, глиняныхъ и бронзовыхъ издѣліяхъ первобытной эпохи (*Wankel*, 24). На родосскихъ вазахъ (энохое, гидріяхъ, амфорахъ), выражающихъ въ своей орнаментаціи вліяніе азіатскихъ мотивовъ, плетенка часто встрѣчается (*Павлуцкій*, 69). Встрѣчается этотъ орнаментъ и на писанкахъ славянскихъ народовъ, моравскихъ (въ атласѣ *Ванклевой*, 4, 21, 43, 44, 45), великорусскихъ и малорусскихъ. Самый простой, наиболѣе архаическій рисунокъ плетенки мы видѣли на одной малорусской писанкѣ изъ черниговской губерніи. Тожественный рисунокъ на моравской писанкѣ въ атласѣ *Ванклевой* подъ № 21. Въ моей коллекціи есть плетенка на великорусской писанкѣ изъ щигровскаго у. курской губ.

Точечная орнаментика чрезвычайно распространена на древнихъ греческихъ сосудахъ и вещахъ греческихъ съ береговъ Мраморнаго и Чернаго морей, на серебряныхъ и золотыхъ скиѳскихъ вещахъ, въ новое время въ орнаментикѣ всѣхъ славянъ, преимущественно сербовъ и чехо-моравовъ, надъ окнами и дверями, на стѣнахъ, на вышивкахъ, въ Россіи на ярмахъ и дугахъ, у чехо-моравовъ очень часто и въ обиліи на писанкахъ (въ атласѣ *Ванклевой* №№ 12, 13, 15, 17, 18, 20, 21, 24, 26, 29, въ большомъ количествѣ точекъ №№ 31, 32, 34,

35, 36; въ связи съ растеніями 37—42). Сочетанія точекъ весьма разнообразны; точки идутъ въ-рядъ одна за другой, или стоятъ въ видѣ треугольника или по четыре квадратомъ, или прикрѣплены ножками къ линіямъ, или окружаютъ листья и цвѣты. На малорусскихъ писанкахъ точечная орнаментика не имѣетъ опредѣленнаго характера и не имѣетъ важнаго самостоятельнаго значенія. Изрѣдка она встрѣчается въ пояскѣ на крестовыхъ писанкахъ (у *Косачевой* №№ 12 и 19), чаще вокругъ листьевъ и цвѣтовъ, причемъ переходитъ вполнѣ въ растительный орнаментъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ к.-подольской губ. писанки съ точечными украшеніями называются капанками (накапано воскомъ).

Изрѣдка на малорусскихъ писанкахъ (въ нашихъ коллекціяхъ на подольскихъ писанкахъ) и весьма часто на моравскихъ встрѣчается *трезубецъ*, въ огромномъ большинствѣ случаевъ безъ ножки, въ видѣ Мы не расположены придавать этому значку архаичное значеніе, такъ какъ полагаемъ, что онъ появился на писанкахъ независимо отъ древнихъ письменъ, напр., рунъ, гдѣ трезубецъ обозначалъ при положеніи остріями вверхъ мужа, человѣка, мѣсяцъ, при положеніи внизъ— небо, облако, независимо отъ письменъ финикійскаго и греческаго, гдѣ этотъ знакъ означалъ буквы m, t, psi (*Wankel*, 17). На писанкахъ трезубецъ появляется въ концѣ линій, по нашему предположенію, какъ естественный результатъ разрисовки яица шпилькой, когда остатокъ расплавленнаго воска, удержавшійся на концѣ шпильки, расходуется на оконечности линій.

Самостоятельное положеніе на писанкахъ имѣетъ близкій къ трезубцу знакъ трискелъ или *трикветръ* Этотъ знакъ встрѣчается на малорусскихъ писанкахъ (въ Подоліи), отмѣченныхъ въ моей коллекціи подъ народными названіями рута, орѣховый листъ и пауки, и на моравскихъ въ атласѣ Ванклевой рис. № 26. Этотъ знакъ имѣлъ въ древности мистическое и миѳическое значенія, какъ символъ движенія солнца по тверди небесной и плодородія. У финикіянъ трикветръ былъ символомъ Ваала. Въ позднее время этотъ знакъ въ Сициліи вошелъ въ геральдику. Часто онъ встрѣчается въ Даніи на

древнихъ бронзовыхъ ножахъ, сѣкирахъ, фибулахъ, въ курганныхъ вещахъ въ Силезіи, Венгріи, Малороссіи, Италіи, Малой Азіи, Сиріи (*Wankel*, 19—20). На нѣкоторыхъ писанкахъ трикветръ получилъ значеніе растительнаго орнамента.

Въ геометрической орнаментаціи на малорусскихъ, великорусскихъ и моравскихъ писанкахъ часто встрѣчается солнечный знакъ иногда съ точкой въ серединѣ круга, иногда съ загнуты ми въ концѣ лучами, иногда съ точками вокругъ круга, замѣняющими лучи. Въ атласѣ моравскихъ писанокъ Ванклевой см. №№ 31, 33, 26, 47, 25, 26, въ статьѣ Ванкеля рисунки на с. 20. Въ моихъ коллекціяхъ солнечный знакъ имѣетъ одна писанка изъ Боромли ахтырскаго уѣзда, три писанки изъ к.-подольской, 1 изъ Волыни и 1 изъ курской губерніи (великорусская). Волынская писанка вся состоитъ изъ такихъ кружковъ съ лучами; на другихъ писанкахъ они являются дополненіемъ къ другимъ рисункамъ. Вообще, этотъ орнаментъ имѣетъ на писанкахъ вполнѣ самостоятельное положеніе, и, по всей вѣроятности, символизировалъ въ древности солнце. Принимая эту гипотезу, мы естественно должны признать писанки съ солнечнымъ символомъ древнѣйшими по рисунку. По двумъ писанкамъ нашей коллекціи, подольской и курской, можно догадаться, въ какой обстановкѣ солнечный знакъ является на писанкахъ изстари: на обѣихъ писанкахъ, особенно отчетливо на подольской, нарисованы деревья и солнечные знаки по сторонамъ ихъ. Подольская писанка и названіе носитъ „сосенка". Рисунокъ знаменуетъ весеннее возрожденіе природы подъ лучами солнца. Этотъ знакъ съ его варіантами, какъ символъ солнца, встрѣчается на многихъ памятникахъ доисторическихъ временъ, на костяныхъ, бронзовыхъ и глиняныхъ издѣліяхъ, въ древне-египетскихъ храмахъ и пирамидахъ, на старинныхъ славянскихъ вышивкахъ.

Весьма часто на писанкахъ встрѣчается изображеніе *звѣзды*, чаще всего такъ называемой греческой звѣзды Въ атласѣ Ванклевой съ такой звѣздой писанки подъ №№ 1, 2, 7, 8, 25, 44. Въ Украинскихъ узорахъ г-жи Косаче вой см. л. 15 №№ 3, 4, 10, 11, 12, 13. Въ Tygodnik illustr. dla dzieci 1889 г.

№ 15 рис. подъ № 25. Въ моихъ коллекціяхъ около 10 писанокъ съ греческой звѣздой, изъ харьковской, полтавской, волынской и к.-подольской губерній. Это самая распространенная и самая изящная форма звѣзды. Встрѣчаются другія формы звѣзды, напр., съ закругленными концами лучей. Эта форма звѣзды при грубомъ исполненіи не отличается отъ растительныхъ формъ орнамента. Самой простой и грубой формы звѣзды можно признать четыреугольную, встрѣчающуюся изрѣдка на малорусскихъ писанкахъ. Писанки со звѣздами часто встрѣчаются на Кубани и въ Польшѣ. Рисуютъ звѣзды чаще на широкихъ продольныхъ сторонахъ яица, иногда на окраинахъ верхней и нижней; лучи расходятся, какъ въ греческой звѣздѣ, или сходятся къ центральной точкѣ.

Весьма любопытнымъ въ археологическомъ отношеніи писаночнымъ орнаментомъ представляется *пентаграмъ* Этотъ мистическій знакъ имѣетъ весьма широкое распространеніе и глубокую древность. На Каролинскихъ островахъ пентаграмъ вырѣзываютъ на кожѣ при татуировкѣ (*Wankel*, 21). У лопарей пятиугольникъ обычное оленье клеймо и въ то же время амулетъ (*Харузинъ*, 252). Въ Марокко женщины навѣшиваютъ своимъ дѣтямъ на шею амулеты съ знакомъ пентаграма. Антіохъ Сотеръ въ походѣ на галатовъ ввелъ этотъ амулетъ въ своихъ войскахъ. Тѣлохранители византійскихъ императоровъ имѣли пентаграмъ на своихъ щитахъ. Его находятъ на доисторическихъ мечахъ, гдѣ онъ, вѣроятно, имѣлъ охранительное значеніе амулета. Его рисовали въ старинное время надъ дверями для охраны дома отъ чародѣевъ и злыхъ духовъ. Пентаграмъ имѣлъ таинственное значеніе у пиѳагорейцевъ и у древнихъ индусовъ (*Wankel* 21). Въ индійской символикѣ Шиву обозначали треугольникомъ остріемъ вверхъ въ видѣ пирамиды, Вишну — треугольникомъ въ обратномъ видѣ остріемъ внизъ, а положенные одинъ на другой треугольники эти составляли особый знакъ, который служилъ символомъ огня и воды, зла и добра, вообще символомъ вселенной (*Nowosielski*, Lud. ukr. I, 185). Пентаграмъ встрѣчается на моравскихъ писанкахъ (см. въ атласѣ Ванклевой № 32).

Къ числу весьма характерныхъ архаичныхъ элементовъ геометрической орнаментаціи принадлежитъ также *меандръ* или Меандръ встрѣчается въ орнаментаціи на край немъ востокѣ на памятникахъ Индіи и Китая, весьма часто и въ разнообразныхъ сочетаніяхъ на древнихъ греческихъ вазахъ, весьма часто на этрусскихъ вазахъ, на многихъ предметахъ древности, найденныхъ въ славянскихъ странахъ, въ новое время у славянъ на вышивкахъ и гончарныхъ издѣліяхъ, у чехо-моравовъ на писанкахъ. Меандръ не встрѣчается на памятникахъ иранскаго и семитическаго племенъ. Одни ученые родиной меандра считаютъ древнюю Грецію, другіе Этрурію. Ванкель полагаетъ, что славянамъ издревле былъ извѣстенъ этотъ орнаментъ. По всей вѣроятности, народы на извѣстной стадіи духовнаго развитія самостоятельно выработали и полюбили эту форму орнаментаціи, оказавшуюся особенно пригодной въ архитектурѣ и мозаикѣ.

Одинъ ученый, занимавшійся въ 70-хъ годахъ изученіемъ малорусской орнаментики и собиравшій съ этой цѣлью, между прочимъ, писанки, недавно сообщилъ мнѣ, что въ его коллекціи было нѣсколько писанокъ съ изображеніемъ свастики. Недавно въ польскомъ этнографическомъ журналѣ „Висла" (1889, стр. 970) было также указаніе, что *свастика* встрѣчается на малорусскихъ писанкахъ. Въ моихъ коллекціяхъ такихъ писанокъ нѣтъ. Свастика является исконнымъ религіозно-мистическимъ и символическимъ знакомъ. Самое слово svastika древне-индійское (sv—asti) и означаетъ добро есть, на здоровье. Другой научный терминъ этого знака, рѣже встрѣчающійся, „тетраскелъ" (четыреногъ). Свастика встрѣчается на древнихъ памятникахъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Ее нашли у монгольскихъ народовъ, у финикійцевъ и этрусковъ, у финновъ, у американцевъ. У галловъ и германцевъ она является въ концѣ бронзоваго вѣка; у римлянъ лишь въ III в. по Р. Хр.; этруски, повидимому, употребляли ее для украшенія. Предполагаютъ, что азіатскіе туранцы заимствовали свастику отъ арійцевъ. Вообще, свастика—любимый религіозный символъ арійцевъ. Относительно происхожденія этого знака су-

ществуетъ въ наукѣ гипотеза, что свастика была первоначально орудіемъ для добыванія огня, употреблялась при священныхъ обрядахъ и впослѣдствіи стала знаменовать высшее божество солнца, Аполлона, Одина. И теперь свѣтъ очаровываетъ дѣтей. Въ глубокой древности онъ очаровывалъ и взрослаго человѣка. Намъ, ослабляющимъ мракъ ночи факелами, лампами и электричествомъ, трудно представить себѣ ужасъ пра-человѣка предъ глубокой тьмой, которую его фантазія населяла страшилищами и радость его при свѣтѣ и всякомъ его символѣ (*Трачевскій*, въ IV т., Труд. одес. арх. съѣзда 14; *Wisła*, 1889, 710, и 970; *Wankel*, 18).

Нѣсколько спиральныхъ линій, колецъ или завитушекъ, обходящихъ вокругъ писанки, составляютъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ въ Малороссіи писаночныхъ рисунковъ, такъ называемый *безконечникъ*. Въ „Украинскихъ узорахъ" Косачевой, см. подъ № 21. Въ моихъ коллекціяхъ находится 8 безконечниковъ изъ харьковской, волынской, к.-подольской губерній и кубанской области. Изящный безконечникъ изъ г. Краснокутска богодуховскаго у. по рисунку вполнѣ сходенъ съ безконечникомъ изъ с. Гульчи, острожскаго у., волынской губерніи. Въ народѣ писанки этого рисунка имѣютъ обрядо-мистическое значеніе. Пасѣчникъ идетъ на Пасху христосоваться съ пчелами и несетъ имъ безконечникъ, который кладетъ подъ первый или покутній улей, называемый у заднѣпровцевъ хозяиномъ, на которомъ всегда лежитъ ладанъ (*Максимовичъ*, Собр. соч., II, 472). Тожественный обычай существуетъ нынѣ въ купянскомъ у., харьк. губ.: „Писанку безконешникъ пасяшныки кладутъ пидъ вулій и бережутъ іи, щобъ безконечно роились бджолы. И сему суща правда! Безконешною вона зветця потому, що стики іи ни розглядай, а начала и кинця въ неи не найдешь: одни вылюжки та карлючки" (сообщ. А. А. Склобинская). Безконечники бываютъ различныхъ формъ: цвѣтныя кольца или спиральныя линіи идутъ поперекъ яйца, или, что рѣдко встрѣчается, вдоль. Писанки послѣдняго рода найдены мной въ одной записи изъ к.-подольской губерніи и въ коллекціи свящ. Дмитріева изъ лебединскаго у., харьк. губ.

Религіозно-христіанскія формы рисунка мало распространены сравнительно съ другими формами писаночной орнаментаціи. То, что слабо въ этомъ отношеніи въ настоящее время, навѣрно можно сказать, было слабо и неразвито и въ старину. Это вовсе не говоритъ противъ народнаго чувства религіозности. Это чувство издавна велико. Не подъ силу было простому неграмотному крестьянину ввести въ писанки христіанскую орнаментацію. Съ появленіемъ въ селѣ грамотныхъ маляровъ и съ распространеніемъ грамотности среди крестьянъ и на писанкахъ появились надписи религіознаго характера, изображенія Спасителя, пресв. Дѣвы Маріи, ангеловъ, чаши.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи, напр., въ к.-подольской губерніи, религіозная тенденція захватила одну изъ самыхъ популярныхъ писанокъ геометрическаго стиля—сорокаклинцы: писанка стала означать или сорокадневный постъ или сорокъ мучениковъ. Мѣстами ее раскрашиваютъ въ день 40 мучениковъ (с. Роткевича). Въ принадлежащей мнѣ коллекціи писанокъ изъ подольской губ. находится писанка подъ названіемъ „плащаница" въ видѣ равносторонняго четырехконечнаго креста съ какими-то четырьмя своеобразными цвѣтными завитушками по угламъ въ пересѣченіи крестовыхъ линій. Въ с. Островерховкѣ, харьковскаго уѣзда, мастерица Головчиха, между прочимъ, расписываетъ одну писанку подъ названіемъ иконостасъ (с. Савинова). Въ Галиціи встрѣчаются писанки „церковка", „дзвинъ" и „поповы ризы". (Tygodn. ill. dla dzieci, 1889, № 15).

Весьма распространены *крестовыя* писанки. Извѣстно, что крестъ задолго до появленія христіанства занималъ видное мѣсто въ орнаментикѣ и, повидимому, въ символикѣ. На глиняныхъ сосудахъ, найденныхъ на островахъ Эгейскаго моря, относимыхъ археологами къ X в. до Р. Хр., крестъ составляетъ уже обычное орнаментальное украшеніе (*Павлуцкій*, 60). Нѣтъ, однако, никакого основанія писаночные кресты возводить въ дохристіанское время. Несомнѣнно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ христіанской орнаментикой, вполнѣ доступной для народа по простотѣ рисунка. Формы креста на писанкахъ весьма разнообразны. Чаще всего встрѣчается обыкновенный греческій крестъ

четырехконечный и равносторонній, на моравскихъ писанкахъ такой же крестъ съ ручками или утолщеніями въ концахъ въ формѣ, ☩ иногда андреевскій крестъ въ видѣ буквы X. Эти формы креста, преимущественно греческій простой и съ ручками встрѣчаются на малорусскихъ и моравскихъ писанкахъ въ связи съ разными элементами геометрическаго стиля (у Ванклевой №№ 11, 12, 20, 23; у Косачевой №№ 14, 20). Всѣ эти формы креста были весьма распространены на византійскомъ Востокѣ. Православныя церкви строились и строятся обыкновенно въ видѣ греческаго креста. Такой крестъ часто рисовали на одѣяніяхъ святыхъ. Греческій крестъ съ ручками вошелъ въ орнаментику константинопольскаго Софійскаго храма. Въ настоящее время сербы католики въ Босніи вырѣзываютъ крестъ съ утолщеніями на концахъ, на рукѣ (*Гликъ* въ Гласник. зем. Музеа 1889, III, 81). Что касается до латинскаго креста, съ удлиненнымъ нижнимъ концомъ, того креста, въ формѣ котораго на католическомъ Западѣ построено большинство церквей романскаго и готическаго стилей, то такой крестъ мы нашли только въ одной коллекціи писанокъ изъ с. Балаклѣи, зміевскаго у., харьковской губерніи. Присутствіе на малорусскихъ и чехо-моравскихъ писанкахъ андреевскаго и греческаго крестовъ говоритъ въ пользу предположенія о византійскомъ происхожденіи писаночной орнаментики у народовъ славянскихъ.

Своеобразными крестовыми писанками можно признать въ атласѣ Косачевой № 14 (восьмиконечный крестъ), 19 (четырехконечный крестъ изъ цвѣтовъ), 20 (два небольшихъ равносторонихъ четырехконечныхъ креста, причемъ одинъ вставленъ въ другой). Въ моихъ коллекціяхъ есть нѣсколько грубо исполненныхъ крестовъ изъ цвѣтовъ и одинъ довольно изящный рисунокъ креста, положеннаго на звѣзду. Моравскія крестовыя писанки въ атласѣ Ванклевой подъ № 3 (напоминаетъ малорусскую у Косачевой подъ № 19), подъ № 27 (превосходный рисунокъ четырехконечнаго креста краснаго цвѣта изъ четырехугольниковъ на черномъ фонѣ и подъ № 47 (красный крестъ, состоящій изъ многихъ малыхъ крестовъ, на черномъ фонѣ).

Въ Темрюкѣ кубанской области на писанкахъ геометрическаго или растительнаго стиля непремѣнно ставится одинъ маленькій крестикъ. Такой крестикъ находится на писанкахъ: „сорокъ висимъ клинцивъ", „безконечникъ", „повна рожа" и др.

Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ харьковской губ. (с. Свѣтъ), въ к.-подольской (с. Руткевича), въ кубанской области (с. Дружинина и Товпекина), встрѣчаются изрѣдка писанки малярской работы съ изображеніемъ Спасителя, Богоматери, ангеловъ, съ надписями „Христосъ воскресъ", съ изображеніемъ чаши или сердца, пронзеннаго стрѣлой.

Растительная орнаментика встрѣчается на многихъ писанкахъ; по распространенности и по художественности она не уступаетъ геометрической орнаментикѣ. Рисуютъ или цѣлое растеніе, или, сообразно съ небольшой поверхностью яйца, отдѣльныя части растенія, листья, цвѣты въ одиночку, цвѣты съ ножками и листьями. Растительной орнаментикой опредѣляется часто названіе писанки: рожевка, хрѣновый листъ, сосна и пр. При сложной растительной орнаментикѣ иногда писанки получаютъ сложную описательную терминологію. Самымъ характернымъ примѣромъ могутъ служить писанки изъ лебединскаго у., харьковской г., любезно доставленныя мнѣ свящ. о. Измаиломъ Дмитріевымъ, при хорошо составленной объяснительной запискѣ. Въ этой коллекціи 19 писанокъ разрисованы въ строгой системѣ по тремъ основаніямъ; вишневому листу, дубовому листу и розѣ, причемъ вся разница рисунка опредѣляется тѣмъ, на широкихъ или узкихъ сторонахъ яйца нарисованы листья, велика ли форма листа или не велика и, наконецъ, имѣется ли поперечная линія—поясокъ или нѣтъ такого, каковой орнаментикой опредѣляется и самая терминологія писанокъ, именно:

Вишневый листъ.

1) Вишневый листъ безпоясныця;
2) Вишневый листъ на 8 листьевъ;
3) Вишневый листъ на 4 листа по желтому полю;
4) Вишневый листъ на 4 листа по бѣлому полю.

Дубовый листъ.

1) Дубовый листъ на 8 листьевъ;
2) Дубовый листъ безпоясныця;
3) Дубовый листъ подпоясныця на 4 листа;
4) Дубовый листъ подпоясныця на 4 листа съ желудями;
5) Дубовый листъ на 2 листа;
6) Дубовый листъ, боковая продольная на 2 листа;
7) Дубовый листъ боковая поперечная на 2 листа.

Рожевка.

1) Рожевка на 6 квитокъ;
2) Рожевка на 4 рожи (пивквитки);
3) Рожевка на 2 рожи (пивквитки);
4) Рожевка на 2 рожи шелудывка (не повна квитка);
5) Рожевка сторчевая, повна на 2 рожи;
6) Рожевка сторчевая, на 2 рожи шелудывка;
7) Рожевка боковая, на 2 рожи шелудывка;
8) Рожевка на 4 листа по жовтому полю.

Въ объясненіе этой терминологіи можно добавить, что терминъ „рожевка сторчевая повна на 2 рожи“ означаетъ, что розы нарисованы на верхнемъ и нижнемъ концахъ яйца, спускаются на его середину, на которой нѣтъ пояска, а когда проводится поясокъ, то сторчевыя розы бываютъ меньшаго размѣра, оттого и сама писанка „шелудивка“—неполная, а, когда розы нарисованы на широкихъ сторонахъ писанки, то получается боковая писанка [1]). Писанка „боковая рожа шелудывка“ встрѣчается также въ г. Темрюкѣ, кубанской области, (с. Барановской).

Вишневый листъ, дубовый листъ и роза (также рожа—malva) встрѣчаются на писанкахъ въ Галиціи, Екатеринославщинѣ, кубанской области и въ другихъ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ. Роза встрѣчается чаще другихъ цвѣтовъ.

---

[1]) Эта сложная терминологія, отмѣчона только въ слободѣ Анниной лебединскаго уѣзда; въ другихъ мѣстностяхъ названія писанокъ состоятъ обыкновенно изъ одного слова (саквы, сосна, крестата и пр.), изрѣдка двухъ (бараньи роги, курячи лапы), смотря по рисунку.

И въ повѣсти Квитки „Отъ тоби и скарбъ“ отмѣчена „кохвейна (по цвѣту) рожа на усе яице и не упысалася, такъ вже и лыстьтячко дрибнесенько вже на самому кинци ледве прытулылы“. Формы листьевъ часто бываютъ настолько неопредѣленнаго характера, что по нимъ трудно опредѣлить природу растенія. Въ моей коллекціи есть писанка „полева рожа“ изъ с. Островерховки харьковскаго уѣзда, которая по рисунку напоминаетъ писанки дубоваго листа изъ лебединскаго уѣзда.

„Рожевкѣ сторчевой на дви рожи шелудывкѣ“ лебединскаго у. соотвѣтствуетъ по рисунку галицко-русская „подлужна рожа“ (Tygod. illustr. dla dzieci 1889, № 15, подъ № 26). Въ к.-подольской губ. извѣстна писанка „ружа съ гребинцями“ (роза на серединѣ яица, а ее накрестъ раздѣляютъ четыре линіи, оканчивающіяся гребешками), въ кубанской области „перевита рожа“ съ цвѣтами на продольныхъ линіяхъ.

Изъ другихъ растеній чаще всего на писанкахъ изображается сосна: этотъ орнаментъ можетъ быть очень древнимъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ соединенъ съ солнечными кружками, что въ совокупности должно было выражать возрождающуюся весной природу. Между писанками сосенками встрѣчаются и очень красивыя, какъ можно видѣть въ моей коллекціи на волынской писанкѣ. Писанки сосны извѣстны въ курской губерніи, на Кубани, въ Галиціи. У галичанъ различаютъ писанки—сосну большую (одна вѣточка вдоль всего яица) и сосну малую (четыре вѣточки накрестъ).

Изъ произведеній украинской флоры на писанкахъ мы далѣе встрѣтили: козодрисъ (польск. kosodrzew, kosówka—pinus mughus), гвоздику, фіалку, виноградъ, сливы (плоды), руту, барвинковый листъ, попову мудь (цвѣточки), орѣховый листъ. Эти растительные орнаменты украшаютъ писанки изъ к.-подольской губ. (дост. свящ. Родкевичемъ). Гвоздики встрѣчаются на харьковскихъ и галицко-русскихъ писанкахъ. Въ к.-подольской губ. рисуютъ еще писанку „полунышница“ (с. Савинова), отъ сл. полуница—клубника. Въ слободѣ Анниной лебединскаго у. знаютъ писанку „хрѣновый листъ“ оригинальнаго рисунка (изъ цвѣтныхъ параллельно расположенныхъ полосъ).

Въ Темрюкѣ одна писанка носитъ названіе „огирки“ (огурцы).

На польскихъ писанкахъ встрѣчаются „пальмы“ или вѣтки въ родѣ сосны (*Udziela*, 9). Изъ соединенія звѣздъ и сосенъ образуются разные писаночные рисунки. Далѣе извѣстны писанки „въ метёлки“, „въ мачки“—очень изящная, по синему фону вырѣзаны мелкіе маковые листочки, бѣлые по цвѣту скорлупы (въ Вислѣ, 1890 г. III).

Въ атласѣ моравскихъ писанокъ встрѣчаются очень изящные рисунки листьевъ, цвѣтовъ и растительныхъ колокольчиковъ (№№ 3, 4, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 26, 28, 30, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 47, 48); къ сожалѣнію, въ атласѣ нѣтъ никакихъ указаній на природу или названіе изображаемыхъ на писанкахъ растеній. Въ художественномъ отношеніи наилучшими представляются №№ 39—42 (листы и колокольчики въ спиральной формѣ обходятъ вокругъ всего яица).

На сербскихъ писанкахъ встрѣчаются изображенія гіацинтовъ (сумбулъ), тюльпановъ, яблокъ (Гласник земальског музеја, 1889, III, 60).

Животный орнаментъ на писанкахъ рѣдко встрѣчается. Древность его не поддается точному опредѣленію. Однѣ формы животнаго орнамента могутъ происходить изъ глубокой древности, напримѣръ, изображеніе пѣтуха, другія (ракъ, курячи лапы и пр.) могутъ быть разсматриваемы какъ случайная игра фантазіи, опирающаяся на обстановкѣ современнаго народнаго быта. Если же остановиться на вопросѣ о древности животной орнаментаціи вообще, то, не вдаваясь въ подробности, достаточно будетъ здѣсь замѣтить, что рисунки и рѣзьба фигуръ животныхъ составляли занятіе древнѣйшихъ пещерныхъ обитателей Европы и выполнялись ими уже настолько художественно, что иные изслѣдователи считали эти рисунки на камнѣ, кости и бронзѣ за современную поддѣлку. Искусство раскрашиванія возникло также въ глубокой древности. Дикари, разрисовывавшіе себѣ тѣло углемъ, красною глиной, красною и желтою охрою, могли раскрашивать тѣми же красками вырѣзанныя фигуры или яица. Путешественники по Австраліи, за-

ходя въ пещеры, удивляются искусству, съ какимъ сдѣланы на стѣнахъ фрески, изобращающія кенгуру, эму и пляску туземцевъ (*Тайлоръ*, Антропологія, 300).

Въ животной орнаментикѣ писанокъ изрѣдка встрѣчается цѣлое животное, большею частью части его (рога, лапы), въ зависимости отъ малаго объема матеріала.

Самымъ распространеннымъ и, повидимому, самымъ древнимъ животнымъ украшеніемъ писанокъ оказывается птичка, имѣющая большею частью видъ пѣтушка. Въ повѣсти Г. Ѳ. Квитки „Отъ тоби и скарбъ"—„Орышка напысала вышневыхъ пташечокъ, шо цилуются, а кругомъ усёго яица та пидпысала слова, шо дякъ Симейонъ скомпоновавъ и спысавъ на бумазци:

Христосъ воскресе вельце!
Поцилуймося мое серце!

такъ Орышка зъ тіи бумажкы сама спысовала, та тильки, не вміючи пысьма, на лыхо соби почала не зъ тиеи рукы, якъ треба, такъ хто письменный, то ничого и не розбере и не скаже, що воно и е, чи то слова, чи такъ що надряпано". Подобное обыкновеніе бытуетъ и нынѣ въ харьковской губ. Въ купянскомъ у. маляры и живописцы рисуютъ на писанкахъ цѣлующихся голубей (с. Пелихова). Но эта форма животнаго орнамента не имѣетъ характера древности; вмѣсто свойственной древности серьезности замысла здѣсь выступаетъ эротическое сентиментальное начало.

Гораздо болѣе древними представляются намъ пѣтушки на великорусской писанкѣ въ моихъ коллекціяхъ и на трехъ моравскихъ писанкахъ въ атласѣ Ванклевой (№№ 29, 30 и 48). Здѣсь пѣтушки окружены деревьями и цвѣтами, а въ № 48 добавлены еще солнечные символическіе знаки въ видѣ звѣздочекъ.

Пѣтухи и голуби встрѣчаются на сербскихъ писанкахъ (*Гласник* зем. музеја, 1889, III, 62). Изъ Болгаріи доставленъ мнѣ снимокъ съ одной писанки, на одной сторонѣ которой изображена большая птица въ стоящемъ положеніи, на другой—на-лету. Породу птицы трудно опредѣлить.

Писаночный пѣтухъ представляетъ зооморфическій образъ солнца, что подтверждается несомнѣнно солярнымъ значеніемъ

пѣтуха во многихъ повѣрьяхъ, поговоркахъ, сказкахъ и обрядахъ. Какъ провозвѣстникъ дневнаго разсвѣта, пѣтухъ издревле получилъ значеніе солнечнаго символа. Въ загадкѣ „сидыть пивень на верби, спустывъ косы до земли“ выступаетъ солнце и его лучи. Во всѣхъ странахъ Европы голосу пѣтуха приписывается могучая сила: демоны, мертвецы, упыри исчезаютъ при первомъ крикѣ пѣтуха. Деревянное изображеніе пѣтушка на крышѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи и Россіи служитъ охранительнымъ талисманомъ (*Аванасьевъ*, Поэт. воззр., I, 518).

Въ моей коллекціи писанокъ изъ к.-подольской губ. (дост. свящ. Родкевичемъ) находится писанка подъ названіемъ пчела. Догадаться по рисунку трудно: туловище дѣйствительно пчелиное, длинное, съ желтыми поперечными полосками; головка въ видѣ перекладины такого же рисунка; но на мѣстѣ крыльевъ и впереди головки большіе треугольники краснаго цвѣта. Свящ. Родкевичъ высказываетъ при этомъ предположеніе, не указываетъ ли писанка пчела на 17 марта, день св. Алексѣя человѣка Божія, который, по мѣстнымъ народнымъ повѣрьямъ, покровительствуетъ пчеловодству.

Въ той же коллекціи находится другая рѣдкая писанка—ракъ. Здѣсь уже никоимъ образомъ нельзя догадаться по рисунку, что мы имѣемъ передъ собою рака. Рисунокъ представляетъ сходство съ безконечникомъ: спиральная линія обходитъ всю широкую половину яица, обращенную къ зрителю, а среди этой линіи находится маленькая крестообразная фигурка.

Въ той же коллекціи находится писанка „пауки“, которую, не зная названія, можно признать писанкой растительнаго орнамента. Никакого подобія пауковъ: поясокъ раздѣляетъ писанку на 2 продольныхъ части; каждую половину писанки крестовый цвѣтокъ раздѣляетъ на 4 части, въ которыя вставлены по 3 загнутыхъ въ кружокъ линіи, сидящихъ на одной ножкѣ.

Въ той же к.-подольской коллекціи находится писанка „шарпаньская муха“, нѣсколько напоминающая большую муху: брюшко съ длинной головкой, 2 крылышка около брюшка и 2 длинныхъ крылышка по бокамъ; мастерица сфальшила, изобра-

зивъ рядомъ съ головкой и такой же величины 2 крыла, такъ что муха выходитъ трехъ-головая.

На галицко-русскихъ писанкахъ встрѣчаются иногда изображенія улитокъ, и сами писанки съ такимъ рисункомъ называются слимаки (*Ziel*, въ Tygodn. illust. dla dzieci, 1889, № 15).

Въ той же галицко-русской мѣстности (Покутье) встрѣчается писанка съ извивающейся линіей по яйцу, и называется такая писанка ужемъ (ib.).

Въ коллекціи писанокъ, принадлежавшей бывшему юго-западному отдѣлу Географическаго общества, была, какъ мы слышали, писанка съ изображеніемъ рыбы; нельзя сдѣлать изъ этого единственнаго экземпляра писанки-рыбы какое-либо заключеніе о символическомъ значеніи этой писанки (въ катакомбахъ рыба—символъ Христа); проще предположить о случайномъ появленіи этого рисунка.

Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ Галиціи и въ Польшѣ встрѣчаются писанки „бараньи роги“, „курячьи лапы“, „качачьи лапы“, „гусячьи лапы“, „утиныя шейки“, „заячьи ушки“, съ соотвѣтствующими рисунками, напр., четырьмя накрестъ положенными линіями съ загнутыми концами (рога), съ 3 или 4 линіями расходящимися изъ одной точки (лапки).

Въ печати были высказаны мнѣнія о вліяніи на писаночный орнаментъ рисунковъ ковровъ, ситца, разныхъ узорочій (Глинскій, Довгирдъ); но по извѣстнымъ намъ коллекціямъ и рисункамъ мы не можемъ указать на это вліяніе. Мы считаемъ писаночную орнаментику оригинальной, во многихъ случаяхъ традиціонной, во многихъ—случайной, какъ проявленіе свободнаго эстетическаго творчества, причемъ матеріалъ даетъ мѣстная флора и разные предметы домашняго хозяйства.

Многіе писаночные рисунки имѣютъ *бытовое* содержаніе. Таковы писанки „гребень“, „грабли“, „сокира“, „свитая лента“, „зонтикъ“ (въ Галиціи), „люлька“ (трубка, въ к.-подольской губ.), „вовчи зубы“ (принадлежности ткацкаго станка, тамъ же), „човныки“, „саквы“ (мѣшки), „чоботы“, „крутые рукава“, „бак-

лажокъ", „скрыпка", „боченочекъ", „мотовыльце" (въ Темрюкѣ [1]).

Изъ предметныхъ орнаментовъ отмѣтимъ слѣдующіе: Въ к.-подольской губерніи встрѣчается писанка „бесаги", на которой красной краской по темному фону изображены молдавскіе двойные мѣшки бесаги, которые перевѣшиваютъ черезъ плечо на грудь и спину (с. Родкевича). Подобнаго рисунка писанка встрѣчается въ Барсуковской ст. кубанской области (с. Донцова).

Писанки въ формѣ лѣстницы рисуютъ въ Тенгинской ст. кубан. обл. (с. Росавскаго), въ курской губ. (великорусская писанка въ моей коллекціи); у поляковъ драбинки имѣютъ 9 или 10 ступенекъ (Udziela, 9).

Писанки „калиткы" (кошельки) встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи въ К.-подольской г. Свящ. Родкевичъ высказываетъ оригинальное предположеніе относительно происхожденія и значенія этого орнамента въ писанкахъ каменецъ-подольской губерніи. Въ числѣ орудій, изображаемыхъ на иконахъ Страстей Христовыхъ, находится также Іудинъ кошелекъ или касса, и возникаетъ вопросъ не означаютъ ли писанки „калытки" Іудина торга при продажѣ Спасителя. Писанка „калыточка" встрѣчается также въ купянскомъ у. харьковской губ. (с. Свѣтъ).

Обычай приготовленія писанокъ къ Пасхѣ идетъ къ исчезновенію; мѣстами онъ уже прекратился; мѣстами сильно ослабѣлъ. На мою просьбу о присылкѣ писанокъ и свѣдѣній о нихъ извѣстный этнографъ И. И. Манжура отвѣтилъ мнѣ: „На послѣднихъ дняхъ Страстной, какъ я не искалъ писанокъ на двухъ екатеринославскихъ базарахъ, тамъ ихъ и слѣда не оказалось. Не оказалось ихъ также въ ближайшихъ окрестностяхъ города, хотя тамъ еще ихъ помнятъ; но производство уже умерло". Другой почтенный изслѣдователь народной жизни П. В. Ивановъ пишетъ мнѣ: „Въ г. Купянскѣ въ послѣдніе годы писанокъ уже не пишутъ, какъ это бывало прежде, не про-

---

[1]) Съ черноморской писанкой „мотовыльце" вполнѣ сходна одна болгарская писанка изъ Добруджи.

даютъ; лавочная сахарная и фарфоровая писанка вытѣснила изъ употребленія домашнюю, хотя еще живы женщины, писавшія съ своими матерями и распродававшія въ прежніе годы въ теченіе поста сотни писанокъ. Нѣтъ выгоды, не стоитъ писать— вотъ ихъ отвѣтъ на вопросъ, почему онѣ не приготовляютъ теперь писанокъ". Въ Харьковѣ лѣтъ двадцать на окраинахъ еще писали писанки, а теперь здѣсь исчезъ этотъ обычай; ограничиваются простыми крашанками или лавочными сахарными и стеклянными писанками; на базарѣ я нашелъ въ прошломъ году на Страстной недѣлѣ 4 писанки изъ с. Коротича, отстоящаго отъ города верстъ на 15.

Въ другихъ мѣстностяхъ хранителемъ обычая является какая-нибудь одна старуха, со смертью которой умретъ и послѣдній слѣдъ обычая. Такъ, въ слоб. Анниной лебед. у. рисуютъ писанки маляръ и одна старуха, въ слоб. Боромлѣ ахтырскаго у. одинъ старикъ и одна старуха, въ с. Островерховкѣ харьк. у. старуха Арина Головчыха, а въ Темрюкѣ старуха Акулина Фаленко.

Упадокъ обычая рѣзко обнаруживается въ слабости и порчѣ рисунка: линіи неправильны, неровны, орнаментація сдѣлана небрежно, грубо. Единственное орудіе—кисточка—заброшено, и капаютъ на яицо прямо съ горящей восковой свѣчи. Оттого и писанки Харьковщины, Екатеринославщины, Полтавщины значительно грубѣе и однообразнѣе волынскихъ и подольскихъ писанокъ, слабѣе польскихъ и чешскихъ. Недостатки писанокъ лѣвобережной Украины не слѣдуетъ, мы думаемъ, объяснять сравнительно восточнымъ ея положеніемъ, удаленностью отъ западнаго славянства, отъ богатыхъ въ художественномъ отношеніи источниковъ европейской культуры. Дѣло въ томъ, что въ лѣвобережной Малороссіи и среди великорусскаго населенія курской губ. попадаются писанки, весьма изящныя по рисунку и яркія по окраскѣ; но встрѣчаются онѣ рѣдко, въ немногихъ мѣстностяхъ, повидимому, какъ обломокъ лучшаго въ прошломъ состоянія писаночнаго дѣла. Этетическое чувство и любовь къ изящному малорусскому народу свойственны не менѣе, чѣмъ народамъ западно-славянскимъ. Матеріалъ, собранный мною, настолько малъ въ коли-

чественномъ отношеніи, что нѣтъ возможности намѣтить въ писаночномъ дѣлѣ историческія градаціи или мѣстныя вліянія. Легко выдѣляются только малярскія писанки, по замысловатости рисунка (напр. „прободенное сердце"), по присутствію позолоты и по надписямъ. Коллекціи крестьянскихъ писанокъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ экземпляровъ, встрѣчающихся повсемѣстно (напр., безконечники), оказываются весьма разнообразными по силѣ и яркости окраски, по преобладанію того или другаго цвѣта, по выбору растительныхъ орнаментовъ.

Въ заключеніе статьи не могу не высказать двухъ пожеланій: первое, чтобы наше образованное общество и люди науки обратили серьезное вниманіе на угасающій обычай приготовленія писанокъ, собрали, что еще можно собрать, и продолжили мой настоящій трудъ на основаніи новаго матеріала. Второе пожеланіе состоитъ въ томъ, чтобы нашъ народъ путемъ просвѣщенія развилъ тѣ богатыя художественныя дарованія, которыя онъ выразилъ въ писанкахъ, въ изяществѣ рисунка, въ умѣломъ подборѣ красокъ, въ чистотѣ и благородствѣ всей писаночной орнаментики.

Дополненія.

Во время печатанія статьи мы собрали еще слѣдующіе новые матеріалы, восполняющіе свѣдѣнія о писанкахъ:

1) Сообщеніе учителя г. Иваника изъ Кабардинской станицы, майкопскаго отдѣла, кубанской области: писанокъ не приготовляютъ, однѣ крашанки; сказаній, поговорокъ и проч. т. п. не имѣютъ; приготовляютъ крашанки на Страстной къ Пасхѣ и потомъ къ радоницѣ, скорлупы не сохраняютъ; красятъ красной, желтой, голубой и черной красками, которыя берутъ въ мѣстной лавочкѣ.

2) При любезномъ посредствѣ Б. Г. Филонова, я получилъ изъ с. Балаклѣи, зміевскаго у. 20 крестьянскихъ писанокъ. Писанки трехцвѣтныя, по красному фону бѣлые и желтые рисунки, блѣдныя, грубой работы, геометрическаго и растительнаго стилей; нѣсколько крестовыхъ съ 4-конечнымъ латинскимъ

крестомъ; одинъ безконечникъ (14 бѣлыхъ параллельныхъ линій по красному фону).

Въ смоленской губ. существуетъ обычай носить во время Пасхи церковныя иконы. Ношеніемъ этимъ занимаются особыя лица, называемыя „богоносцами", изъ бойкихъ крестьянъ. Богоносецъ за Святую недѣлю собираетъ иногда до 200 яицъ. Онъ большой охотникъ „биться на битки", и нерѣдко случается, что однимъ яйцомъ выбиваетъ цѣлый десятокъ яицъ. Часто можно встрѣтить у него яйцо цесарки, которое считается всеразрушающимъ биткомъ. Въ битьѣ яицъ иногда принимаютъ участіе батюшка, дьячекъ, пономарь; игра эта и теперь довольно популярна среди крестьянской молодежи. Строго преслѣдуется каменное яйцо и, по обычному праву, такое яйцо перѣдко запускается въ голову его владѣльца. („Смол. Вѣстн.", переп. въ „Днѣ" 1891 № 1032).

Въ I кн. „Вислы" за 1891 г., с. 166 г. Глогеръ указываетъ на *древнѣйшее свидѣтельство* о писанкахъ XIII вѣка въ хроникѣ Кадлубка.

Въ той же книгѣ „Вислы" приведена выдержка изъ соч. Миличевича „Живот срба селяка" о приготовленіи писанокъ въ Сербіи, сходномъ съ приготовленіемъ ихъ въ Малороссіи.

Названіе писанки „бесачи" по изображенію двойныхъ переметныхъ сумъ румынское, а у румынъ бесачи сохраняются съ древнихъ временъ: у римлянъ bisaccium встрѣчается у Петронія († 67 г. по Р. Х.).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Поправка. На стр. 183, 4 строка снизу должно читать: „правобережной", вмѣсто „лѣвобережной".

ВОЙТОВСТВО ИВАНА СЫЧЕВСКАГО ВЪ КІЕВѢ.[1]

(1754—1766 г.).

(ОКОНЧАНІЕ).

VIII.

ж) Свое *пользованіе земельными угодьями* и работою жителей Преорки, Сырца и Кореніовщины Сычевскій основывалъ на привилегіяхъ королей Владислава IV 1644 г., мая 20 и Яна Казимира 1659 г., апрѣля 3 д., по которымъ де и предшественникамъ его тѣ угодья на рангъ принадлежали, а подгородніе жители у нихъ же находились „въ послушаніи". По словамъ Сычевскаго, преорскіе, сырецкіе и кореневскіе жители, по тѣмъ привилегіямъ, „дѣйствительно принадлежали къ послушанію прежнимъ войтамъ, какъ до отнятія оныхъ селъ, Преорки, Сырца и Кореневщины, кіевскими козаками, такъ и послѣ привернения оныхъ же селъ по прежнему подъ магистратъ, по силѣ высоч. грамоты императора Петра Первого 7207 г. апрѣля 10 д., по прошенію войта Быковского съ урядниками, оному войту и по немъ наступившимъ войтамъ Полоцкому и Войничу послушны были беспеременно".

Магистратскіе повѣренные доказывали, что Сычевскій неправильно толковалъ самыя грамоты, которыми названныя подгородья даны были вовсе не на рангъ войтовскій, а „въ помощь магистрату". Что же до прежнихъ войтовъ, то, по ихъ увѣ-

---

[1]) См. „Кіевская Старина", 1891 г., № 5.

ренію, подгородніе жители войту Быковскому „никакова послушанія не чинили", а Войничу добровольно „оказывали вспоможеніе толокою" на заведенномъ имъ, Войничемъ, хуторѣ; сѣнокосы же всегда отдавались войтами жителямъ „съ копици". Сычевскій въ своемъ оправданіи, настаивая на правильности своего толкованія упомянутыхъ выше грамотъ, не отрицалъ, что прежнимъ войтамъ подгородніе жители разныя работы „исправляли толокою, т. е. обществомъ охочихъ людей," но объяснялъ, что это „въ волѣ оныхъ прежнихъ войтовъ состояло: употреблять оныхъ людей вдругъ всѣхъ, т. е. толокою или по очереди", а что всѣ эти жители и прежнимъ войтомъ „послушны были *по должности* за панщину, яко то въ плетеніи огородовъ, въ паханіи на огородину земли, въ посѣяніи, полотьи и въ снятіи оной огородины или овощей и въ прочихъ по экономіи войтовской разныхъ надобностяхъ"—это Сычевскій отдавалъ на присягу тѣмъ же свидѣтелямъ, на которыхъ ссылались и истцы. При этомъ самъ онъ признавалъ, что количество этой работы подгороднихъ жителей дѣйствительно при немъ значительно увеличилось сравнительно съ прежнимъ временемъ и объяснялъ это такъ: „и яко за прежнихъ войтовъ въ Преоркѣ, Сырцѣ и Кореневщинѣ весьма малое поселеніе людей имѣлось, такъ оные по меншей части прежнимъ войтамъ послушны были, а нынѣ населились уже села и размножились люди далеко болшею частію противъ прежняго, коихъ нынѣ находится до *трехсотъ дворовъ*, для того и послушаніе противъ прежняго, т. е. привозомъ до винокурни колодокъ и въ рубкѣ оныхъ, тако жъ въ паханіи огородной земли и въ дачѣ отъ себя трехъ сторожей". На паемъ этихъ трехъ сторожей по 11 р. въ годъ каждому, какъ видно изъ дѣла, собирались съ подгороднихъ жителей деньги.

Увѣряя, что отъ него подгороднимъ жителямъ „противъ прежнихъ ни малѣйшей обиды не происходило", Сычевскій подачу ими въ апрѣлѣ 1763 г. жалобы въ магистратъ объяснялъ однимъ лишь подстрекательствомъ бурмистра Семена Козельскаго и другихъ урядниковъ, которые де хотя и заявляли ему словесно, что онъ подгородними людьми „непалежно владѣетъ", но письменно пикуда не представляли, никогда нигдѣ не протесто-

вали, а только уже послѣ ссоры съ нимъ послали канцеляриста Ивана Виткевича въ подгородья собрать жалобы на войта и составить отъ обывателей доношеніе въ магистратъ. Въ виду же того, что магистратскіе урядники „съ начала принятія оныхъ людей войтомъ въ свое послушаніе чрезъ всѣ прошедшіе года умолчали", то, по мнѣнію Сычевскаго, и теперь, „по праву о томъ молчать должны уже были", и вопросъ этотъ долженъ быть изъятъ изъ слѣдственнаго производства. Что же касается перечисленныхъ истцами разнаго рода обидъ и грабежей, произведенныхъ въ подгородьяхъ дворникомъ войта и старостою, то „онъ, войтъ, за дворника своего винности за собою не чувствуетъ" и готовъ утвердить присягою лишь то, что онъ дворнику своему „ни у кого напрасно забирать скота и никакихъ обидъ никому причинять" не приказывалъ.

Не такъ легко, какъ относительно „послушанія" преорскихъ обывателей, можно было Сычевскому доказать законность своего владѣнія Осетщиною и поселившимися въ ней людьми. Какъ указали магистратскіе повѣренные, онъ и самъ хорошо зналъ, что Осетщина жалованными грамотами укрѣплена за кіевскими мѣщанами, а не за войтомъ, почему самъ и доносилъ, когда это нужно было, въ 1761 году въ полковую кіев. канцелярію (и въ кіев.-губернскую тоже), что „оные осетскіе люди не какіе либо его собственные или ранговые, но суть единственно утвержденные кіевскому магистрату".

Нѣкоторою частью сѣнокоса въ Осетщинѣ, дѣйствительно, владѣли прежніе войты, но съ особаго каждый разъ дозволенія магистрата. Войтъ Полоцкій первый, когда еще въ Осетщинѣ никакого поселенія не было, построилъ тамъ, съ разрѣшенія магистрата, для содержанія скота „хуторець" на собственный свой счетъ. Сычевскій тоже владѣлъ тамъ небольшою частію сѣнокоса, но утверждалъ, что поселившіеся именно на этой части жители „были послушны" и раньше не магистрату, а войту; „что онъ, Сычевскій, во ономъ островѣ Осетщинѣ имѣющимися людьми владѣетъ и собственную свою горѣлку на продажу производитъ съ прибытія своего въ Кіевъ"—объ этомъ никто изъ магистратскихъ раньше „не искалъ, ниже протесто-

валъ", и потому теперь „по праву и молчать уже должны", Сычевскій кромѣ того утверждалъ, что въ Осетщинѣ всегда существовала продажа горѣлки войтовской собственно, а не магистратской; если же это было не такъ въ тѣ годы, на которые ссылаются истцы, въ 1752—1754, то это потому, что тогда совсѣмъ не было въ Кіевѣ войта.

Если Сычевскій пользовался лишь небольшою частью сѣнокосовъ въ Осетщинѣ и работою поселившихся на этой части обывателей по праву, на основаніи грамотъ, какъ онъ ихъ понималъ, и по примѣру прежнихъ войтовъ, то остальною частью завладѣлъ уже самъ безъ всякаго права. Этому завладѣнію онъ далъ такое объясненіе: когда жители Осетщины заявили ему, что они, не имѣя ни пахатной, ни сѣнокосной земли, не въ состояніи будучи „выстатчать указанные порціоны и прочіе общенародные повинности", вынуждены будутъ разойтись, если имъ не будетъ предоставлена хоть небольшая часть сѣнокоса по другой сторонѣ Осетецкаго озера, тогда онъ дозволилъ имъ пользоваться указанными сѣнокосами съ третьей копны, т. е. одну они получали себѣ, а двѣ доставляли войту.

Между тѣмъ, по словамъ магистратскихъ урядниковъ, прежде изъ этихъ то сѣнокосовъ, между прочимъ, довольствовались и магистратскія почтовыя лошади. Сычевскій же утверждалъ, что раньше этими магистратскими сѣнокосами, по обѣимъ сторонамъ осетщинскаго озера, пользовались магистратскіе урядники, какъ собственными, безъ всякаго опредѣленія и утвержденія, а рочные бурмистръ и райца, по своему усмотрѣнію, отводили ихъ, кому хотѣли, не представляя никакой отъ того прибыли въ магистратъ.

Выгодной статьей ранговыхъ „принадлежностей" войта былъ сѣнокосъ подъ самымъ городомъ на Оболоньи. Въ первые три года своего войтовства Сычевскій отдавалъ этотъ сѣнокосъ съ половины преорскимъ жителямъ, которые „косили и убирали сѣно на собственныхъ харчахъ, взимая на себя половинную часть". Но затѣмъ онъ нашелъ, что осетщинскіе и другіе подгородніе жители должны и этотъ сѣнокосъ ему косить и убирать „безъ заплаты и безъ харчей, *за панщину*, по примѣру

другихъ ранговыхъ селъ жителей", и только де по „респекту его, войта, дабы они въ томъ обиды признавать не могли", онъ установилъ такъ, что на Оболоньи сѣнокосъ его косили осетскіе жители „за панщину", а убирали—подгородніе жители „за заплату". Не отрицалъ Сычевскій и того, что при уборкѣ и перевозкѣ сѣна въ городской дворъ его или въ преорскій хуторъ взимались съ работавшихъ по наряду „заклады, дабы безъ окончанія не оставили должности своей", но увѣрялъ, что „въ томъ никакой обиды имъ не послѣдовало, ибо оные заклады въ цѣлости имъ возвращеваны".

Что касается до обвиненій въ „здырствѣ" денегъ за спашъ травы и т. п. ущербы, то Сычевскій, предоставляя требовать отвѣтовъ по всѣмъ подробностямъ этихъ обвиненій отъ его дворника и старостъ, самъ заявилъ, что вообще онъ въ случаяхъ нарушенія его хозяйственныхъ интересовъ „за прямыя обиды скотъ, по правамъ, удерживать и награжденіе, по порядку, безъ обиды обывательской требовать по праву дозволялъ". Видно, что въ этихъ случаяхъ дѣятельное участіе въ управленіи его хозяйствомъ принимала жена, на которую особеннно и жаловались подгородніе жители, указывая примѣры взиманія несоразмѣрнаго съ причиненнымъ убыткомъ денежнаго штрафа[1]. Сычевскій въ своихъ оправданіяхъ по этому пункту, между прочимъ, увѣрялъ, что „во взятіи оныхъ денегъ съ обывателей поступала она, жена войтова, *съ разсмотрѣніемъ*, дабы никакой обиды признавать не могли", при чемъ ссылался на слова самихъ же истцовъ, упомянувшихъ, что у одного изъ обывателей, нѣкоего Забуги, она „взяла было по разсмотрѣнію спаши денегъ два рубля, однако па прошеніе его, Забуги, опослѣ возвратила тридцать копѣекъ"...

---

[1]) Въ первомъ своемъ отвѣтѣ Сычевскій, настаивая на томъ, что такъ какъ объ этомъ раньше никакихъ жалобъ не было, а еслибы ему самому кто либо изъ обывателей жаловался, то, конечно, былъ бы удовлетворенъ,—заявлялъ, что вообще на его ранговомъ сѣнокосѣ на Оболоньи „неточію мѣщанской скотъ причинялъ не малой убытокъ травы, но и сами мѣщане, пріѣзжая на возахъ, выкашиваютъ траву тайно, и какъ оной скотъ или мѣщане на томъ сѣнокосѣ пойманы бываютъ, то по добровольному ихъ уговору, съ разсмотрѣніемъ обиды, учиня награжденіе, отпускались, а по большей части отпущаемы были и безъ всякаго награжденія".

Видно, Сычевскіе достаточно широко пользовались обычными пріемами устрашенія обывателей, которые сами или скотомъ своимъ могли по сосѣдству причинять малѣйшій ущербъ войтовскому хозяйству. Любилъ, должно быть, войтъ и „добровольные подарки“ отъ обывателей. Такимъ подаркомъ призналъ онъ и того приблудившагося въ его хуторъ вола, вопросъ о которомъ возникъ при слѣдствіи. Однажды мѣщанинъ Хоменко, цехмистеръ рѣзницкій, опозналъ своего вола во дворѣ войта и сталъ требовать его возвращенія. Войтъ же, „сторговавъ оного за шесть рублей, ни денегъ, ни вола Хоменку по сіе время не отдалъ“. Сычевскій же на слѣдствіи показалъ, что вола этого Хоменко продалъ ему „по добровольной склонности“ за 6 р., тогда же получилъ четыре рубли, а остальные якобы, „доброхотствуя ему, войту, подарилъ“ и никогда послѣ не требовалъ.

Владѣлъ еще войтъ на Осетскомъ островѣ „рыбнымъ уходомъ“, который повѣренные называли озеромъ. (По словамъ войта, этотъ „уходъ издавна, по простому нарѣчію, названъ *панское озеро*, для того что всегда во владѣніи прежнихъ войтовъ находилось“). Во время весенняго разлива сюда заходила изъ Днѣпра рыба, а при спадѣ водъ она „закочивается, и ежели бы не была закочена, то-бъ обратно въ Днѣпръ ушла; и по изловленіи оной рыбы единожды въ годъ во время осенное болѣе никакой рыбы въ томъ уходѣ не остается“. Магистратскіе повѣренные, основываясь на грамотѣ Петра Великаго, по которой предоставлено рыбными ловлями владѣть „мѣщанамъ кіевскимъ“, оспаривали исключительное право войта владѣть этимъ озеромъ и утверждали, что прежніе войты „обще съ магистратскими урядниками на всѣхъ рыбу раздѣляли“. Сычевскій же, толковалъ упомянутую грамоту по своему и на основаніи ея спорнымъ рыбнымъ уходомъ „самъ пользовался и въ продажу отпускалъ“, ничего не удѣляя кіевскимъ мѣщанамъ. Это спорное озеро представляло, какъ видно, не маловажную статью дохода въ общемъ бюджетѣ войта[1]).

---

[1]) По поводу пользованія этимъ озеромъ въ слѣдственныхъ показаніяхъ упоминается одинъ мелкій случай, не лишенный интереса для характеристики хозяйничанья войтовскаго. Когда въ отсутствіи войта въ 1762 году жена его объявила

з) Къ числу излишнихъ и незаконныхъ „пользованій" Сычевскаго магистратскіе урядники относили и то, что онъ, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, навязывалъ свою горѣлку покупать для магистратскихъ шинковъ, о чемъ было упомянуто уже выше (гл. II).

На преорскомъ своемъ хуторѣ Сычевскій имѣлъ винокурню, на которой почти всѣ работы производились „прислушающими" людьми безплатно. Это была несомнѣнно одна изъ выгоднѣйшихъ хозяйственныхъ статей. Продажа хлѣбнаго вина изъ магистратскихъ шинковъ составляла тогда самую крупную статью городскихъ доходовъ. Такъ въ 1761 году въ общей суммѣ этихъ доходовъ 6464 р. 13 коп. значится— съ шинковъ за хлѣбное вино 5059 р. 92 к.[1]). Магистратскими шинками, конечно, не ограничивался сбытъ вина, куреніемъ котораго занимались тогда многіе изъ состоятельныхъ кіевлянъ. Для храненія выкуреннаго вина Сычевскій пользовался обширными магистратскими погребами „съ вѣдома и дозволенія", какъ онъ заявлялъ, годовыхъ бурмистровъ и райцовъ, которые де не только сами дозволяли, но, когда вновь выстроенные погреба стояли пустыми, просили даже яко бы войта, чтобы онъ ставилъ въ нихъ свою горѣлку, „ибо де чрезъ содержаніе го-

кварталовому урядннку Николаю Леонтовичу и мѣщанину Чишиничу, что хочетъ отдать уходъ рыбный въ откупъ, тогда они отправились туда и тайно наловили рыбы, учинивъ при этомъ „слѣдъ", о которомъ и донесли войтовой женѣ осетскіе жители. „Имѣется же тамо испрежде подлогъ таковъ, что ежели хотя единожды въ въ уходъ слѣдъ учинится, то всю рыбу городскіе рыбалки и тамошніе жители воровски выловлятъ и оберечь никакимъ образомъ уже невозможно". Узнавъ объ этомъ, жена войта позвала Леонтовича и Чишинича и „пеняла", говоря, что намѣрена „за учиненной ими слѣдъ просить сатисфакціи". Тогда сошлись на томъ, что когда войтова жена отъ себя выловитъ всю рыбу, если окажется убытокъ противъ цѣны прежнихъ годовъ, то они его обязьваются пополнить. Изловивши рыбу, Сычевская приказала мелкую распродать на базарѣ, а „большую и средственную извялить". Леонтовичъ и Чишиничъ, „видя что извяленной рыбы явилось добротою хорошею, оставя свой прежній договоръ, просили уступить имъ оную извяленную всю рыбу за цѣну и торгуясь отъ 14-ти, за 10 рублей купили и тѣ деньги добровольно уплатили". Повѣренные же заявляли, что названные мѣщане принуждены были уплатить 10 рублей за трухлую и негодную рыбу.

[1]) См. Истор. мат. „Изъ архива кіевск. губ. пр". вып. 8, стр. 167, „Свѣдѣнія о городскихъ доходахъ и расходахъ г. Кіева въ 1761 году".

рѣлки погребъ лучше выстаиваться будетъ". Конечно, еслибы и не было со стороны войта „усилованій" въ сбытѣ своей горѣлки магистрату, то уже самый „респектъ" къ нему и „труды по магистрату", какъ онъ самъ признавалъ, побуждали рочныхъ урядниковъ предпочитать при покупкѣ для магистрата горѣлку войтовскую, при чемъ, вѣроятно, не обходилось и безъ „подвышенія цѣны" сравнительно съ назначенною другими продавцами.

IX.

Однимъ изъ главныхъ своихъ „недоброхотовъ", возбудившихъ противъ него и все мѣщанство, Сычевскій признавалъ магистратскаго писаря Якова Давыдовскаго, о разнаго рода „неисправностяхъ" котораго онъ и включилъ при слѣдствіи въ своихъ показаніяхъ многія „посторонпія рѣчи", затягивавшія лишь слѣдствіе.

Яковъ Давыдовскій, сынъ козачій, родомъ изъ м. Ични, служилъ сначала полковымъ канцеляристомъ въ прилуцкой полковой канцеляріи пять лѣтъ, а съ 1747-го года, въ званіи войскового канцеляриста, въ генеральномъ судѣ, отъ котораго и выданъ ему въ январѣ 1757 г. аттестатъ о „безпорочной и трудолюбной" службѣ. Пріѣхавъ въ Кіевъ, Давыдовскій здѣсь женился, пріобрѣлъ домъ и въ мартѣ 1757 года, во время бывшей „публичной элекціи", избранъ магистратскимъ писаремъ, очевидно, съ согласія и даже по рекомендаціи самого войта Сычевскаго.

По всей вѣроятности, Давыдовскій, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ не былъ искусенъ „въ тонкомъ знаніи правъ магдебургскихъ". По словамъ войта, онъ „и читать онихъ правъ на польскомъ и латинскомъ діалектахъ совершенно не умѣетъ, выписки же, по дѣламъ магистратскимъ, съ правъ магдебургскихъ справляютъ магистратскіе канцеляристы Лукьяновичъ, Виткевичъ и Слюсарскій". Объ этомъ незнаніи Давыдовскимъ правъ еще въ 1761-мъ году подано было въ магистратъ особое

доношеніе[1]), которымъ подписавшіе его шесть урядниковъ просили объ отрѣшеніи Давыдовскаго отъ должности и объ избраніи на его мѣсто кого либо изъ мѣстныхъ мѣщанъ „ученыхъ людей“, при чемъ указывали на то, что онъ сынъ козачій и уже по этому одному не долженъ занимать уряда въ магистратѣ.

Большая часть „неисправностей“ писаря, заявленныхъ Сычевскимъ при слѣдствіи, заключалась въ неподписаніи имъ магистратскихъ опредѣленій и доношеній, по которымъ, случалось, магистратскіе урядники подвергались отъ в. генер. суда штрафу или выговору. Такъ, уже послѣ злополучной исторіи съ освидѣтельствованіемъ копій, генеральный судъ въ январѣ 1764 года оштрафовалъ войта и урядниковъ, подписавшихъ приговоръ по одному исковому дѣлу: они уплатили по 12 р. 14 к. каждый, а писарь „за неподписаніе приговора отъ взысканія на немъ штрафа обойденъ“. По словамъ Давыдовскаго, подписываться писарю на магистратскихъ опредѣленіяхъ „за прежнихъ писарей обыкновенія не было“; Сычевскій же утверждалъ, что Давыдовскій въ упомянутомъ случаѣ не подписывался единственно „для способнѣйшаго извиненія себе въ случаѣ по дѣламъ отвѣта и штрафа удаленія“. Но изъ всѣхъ этихъ объясненій можно заключить лишь, что Давыдовскій былъ человѣкъ осторожный и устранялся отъ отвѣтственности, которая при зависимости судебной дѣятельности магистрата отъ войскового генеральнаго суда являлась крайне неопредѣленною и часто неожиданною.

Еще въ 1760-мъ году особыми опредѣленіями магистрата 13-го мая и 21-го декабря постановлено было, чтобы писарь магистратскій подписывался на всѣхъ приговорахъ выше райцовъ и засѣдалъ за однимъ столомъ съ войтомъ и урядниками. Такое опредѣленіе, по словамъ Сычевскаго, состоялось именно потому, что Давыдовскій „по многократнимъ его, войта, словеснимъ приказаніямъ на дѣлахъ и приговорахъ магистратскихъ

[1]) Доношеніе это указываетъ, между прочимъ, на то, какъ тяготились кіевляне тою неурядицею въ судѣ, какая происходила отъ примѣненія разныхъ законовъ. Оно же свидѣтельствуетъ и о томъ живомъ интересѣ, какой возбуждалъ во всемъ населеніи вопросъ о совершенномъ выселеніи козаковъ изъ Кіева.

по одному упрямству своему не подписовался, усиловуясь засѣдать за судейскимъ столомъ и вишше райцевъ подписываться“. При этомъ Сычевскій отдавалъ на присягу самимъ урядникамъ, что они дѣйствительно сами просили его, чтобы писарю подписываться на всѣхъ приговорахъ магистратскихъ и дѣлахъ, чтобы „какова по дѣламъ отъ него, писаря, подлогу, а онимъ всѣмъ урядникамъ штрафу и отвѣту слѣдовать впредь болѣе не могло“.

Что Давыдовскій, по должности своей писарской, подводилъ магистратскихъ урядниковъ, кромѣ штрафа, къ другимъ непріятностямъ, на это въ объясненіяхъ Сычевскаго находимъ два указанія. Въ 1763-мъ году, въ отсутствіи войта изъ Кіева, бригадиръ молд. гус полка Иванъ Подгоричанинъ жаловался г. Разумовскому на „причиненные отъ магистрата письменными сношеніями неучтивства и на всѣхъ штабъ и оберъ офицеровъ порицанія“. Это обидѣвшее гг. офицеровъ сношеніе сочинялъ Давыдовскій; ордеромъ же гетмана приказано было подписавшимъ урядникамъ всѣхъ офицеровъ „публично о прощеніи просить и удовольствовать“, что и было ими исполнено. Затѣмъ, когда мѣщанинъ Іосифъ Козельскій подалъ въ магистратъ жалобу на постояльца своего, того же молд. гус. полка майора Якима Бедрягу за причиненныя имъ обиды, то Давыдовскій, въ отсутствіи войта, сочинилъ по поводу этой жалобы особое отъ всего магистрата представленіе въ пр. Сенатъ, за что и послѣдовалъ изъ пр. Сената указъ 12 февраля 1764 г. съ строгимъ выговоромъ всему магистрату, чтобы впредь, „низшей команды по порядку не прося, вышпей командѣ представлять не дерзалъ подъ неупустительнымъ штрафомъ“.

Изъ приведенныхъ уже раньше свѣдѣній о первой поѣздкѣ войта съ депутаціей въ столицу въ 1762 году видно, въ какихъ явно враждебныхъ отношеніяхъ находились между собой въ это время Сычевскій и Давыдовскій. Естественно поэтому, что Сычевскій, когда представилась къ тому возможность, позаботился объ отрѣшеніи Давыдовскаго отъ писарства, изобразивъ въ своемъ донесеніи гетману въ надлежащемъ свѣтѣ и его „упрямство и непослушаніе“ при составленіи и отправкѣ къ гетману копій съ магистратскихъ крѣпостей, а затѣмъ и его подстрекатель-

ство и руководительство народнымъ „смятеніемъ“ при злополучномъ ихъ освидѣтельствованіи 12—15 декабря 1763 г. Но при этомъ Сычевскому почему то хотѣлось изобразить отрѣшеніе Давыдовскаго отъ писарства результатомъ не только одного его, войта, донесеній, но также и жалобы нѣкоторыхъ мѣщанъ, тогда же поданной гетману.

Дѣйствительно, мѣщанинъ Өедоръ Доброгорскій [1]),—по наущенію самого войта, какъ утверждали магистратскіе повѣренные,—составилъ къ гетману прошеніе объ отрѣшеніи Давыдовскаго отъ писарства за причиненныя яко бы имъ обиды, при чемъ просилъ и о томъ, чтобы гетманъ ходатайствовалъ объ удержаніи навсегда города Кіева въ своей командѣ. Однако

---

[1]) Этотъ Доброгорскій въ 1758 году былъ асауломъ „реестровой хоругвы“, какъ это видно изъ даннаго ему 22-го іюля того года ордера, подписаннаго Петромъ Тихоновичемъ и Козьмой Кулешемъ. Этотъ ордеръ представилъ въ коммиссію Сычевскій, какъ доказательство того, что сами магистратскіе урядники добровольно яко бы наряжали для него мѣщанъ въ поѣздки. Вотъ этотъ ордеръ: „По полученіи сего имѣете вы з состоящихъ вѣдомствѣ вашемъ реестровыхъ товарищей, добрихъ и надежныхъ людей, двоихъ человѣкъ, для поѣздки з его высокоблагородіемъ господиномъ войтомъ въ нѣкоторіе малороссійскіе мѣста снарядивъ, его в—дію представить немедленно, и асаулу Доброгорскому учинить по сему“.

Это, вѣроятно, былъ тотъ же Өедоръ Доброгорскій, который въ 1748 году возбудилъ памятное для кіевлянъ дѣло противъ общаго ихъ врага козацкаго сотника Павла Гудима, обвинивъ его въ политическомъ преступленіи, въ оскорбленіи величества, за что этотъ злостный корчемникъ и „обидитель“ мѣщанства кіевскаго и понесъ тяжкое наказаніе—битъ батогами, по указу Тайн. канц. (см. „Кіевскія смуты прош. ст.“. „Кіевская Старина“ 1896 г. Декабрь).

Въ жалобѣ на писаря Давидовскаго, поданной гетману 15-го ноября 1763 г. и подписанной, кромѣ самого Доброгорскаго, еще 13-ю лицами, говорится, что Давидовскій „отъ времени принятія его въ ту должность войтомъ И. Сычевскимъ, надъ волю и согласіе всѣхъ насъ, но входящимъ въ оной магистратъ отъ насъ дѣломъ въ разныхъ претенсіяхъ, поступаютъ въ отмѣну майдебургскихъ правъ, которые напечатаны на латинскомъ діалектѣ; ибо когда каковы приговоры ни пишетъ, всегда зъ своей головы составляетъ, а для того, что онъ ихъ читать не умѣетъ и потому совершеннаго приговора составить не можетъ, съ насъ же единственно затѣмъ многіе пришли до обиды и убытковъ; а хотя кто изъ судящихъ и чинили поводъ о привмѣщеніи тѣхъ правъ какъ должно въ дѣло, то помянутый Давидовскій, чрезъ незнаніе оныхъ правъ, ту ихъ присидящихъ у магистратѣ сентенсію усиловно отводитъ и тѣмъ наши иски неосновательными дѣлаетъ, норовя сторонѣ того, кто больше ему даровъ посулитъ, да и во всемъ нѣбы партикулярную какъ надъ подданными его чинитъ расправы“.

очень скоро подписавшіе это прошеніе мѣщане, явившись въ магистратъ, „принесши повинную, показали, что они на томъ прошеніи подписались чрезъ подлогъ его, ибо онъ, Доброгорскій, сказывалъ имъ, что оное доношеніе написано о сводѣ съ мѣщанскихъ квартиръ молдавскаго гусарскаго полка". Другіе же изъ подписавшихся уже въ слѣдственной коммиссіи просили исключить ихъ имена, заявляя, что они никогда ничѣмъ не были обижены Давыдовскимъ, а подписались на сочиненной Доброгорскимъ жалобѣ „по подъустительству и обману, иные пьяные, а другіе по малолѣтству отъ неразумія". Оказалось, что дѣйствительно Доброгорскій собиралъ на своемъ доносѣ подписи самымъ недобросовѣстнымъ образомъ. Между подписавшимися былъ, между прочимъ, одинъ ученикъ академіи „школы богословіи", который письменно въ слѣдственную коммиссію заявлялъ послѣ, что де онъ подписалъ вмѣсто своего отца упомянутый доносъ, увѣренный Доброгорскимъ, что это прошеніе отъ мѣщанства къ гетману именно о выводѣ изъ города гусаръ и вообще объ освобожденіи отъ постоевъ [1]) и что везетъ это прошеніе самъ Добро-

[1]) Что гусары были крайне непріятны не только для мѣщанъ-домовладѣльцевъ, но причиняли разныя непріятности вообще кіевлянамъ, въ томъ числѣ и студентамъ академіи, это можно видѣть, между прочимъ, изъ одного дѣла, напечатаннаго мною въ 10-мъ вып. „Историч. матер. изъ архива кіевск. губ. правл.". (стр. 71) о столкновеніи студентовъ академіи съ гусарами. Не мудрено поэтому, что въ числѣ подписавшихъ такого рода прошеніе, какъ о выводѣ изъ города гусаръ молдавскаго полка, подписалъ вмѣсто отца своего Прохора Лукьянова и студентъ Кириллъ Прохоровичъ. Само начальство академіи жаловалось, что расположившіеся въ 1763 году въ Кіевѣ полки артиллерійскій и гусарскій „студентомъ и ученикомъ той академіи такія начали причинять обиды и утѣсненія, что не только своего ученія производить имъ, студентамъ, нельзя, но и на квартирахъ жить въ Кіевѣ не безопасно". Особенно досаждали гусары, выгоняя зачастую учениковъ изъ квартиръ, издѣваясь надъ ними различными способами; а въ день Рождества Христова они напали было на самую бурсу и избили многихъ бурсаковъ, при чемъ даже „одному богослову руку саблею пробили, поэтѣ правую щеку разрубили" и т. п., а когда по этому поводу начальство послало жалобу къ бригадиру Подгоричани, то онъ, „поносяя всѣхъ студентовъ бранительными и укорительными словами, таковыя произнеслъ похвалки: я де велю этихъ плутовъ, мошенниковъ, пьяницъ, разбойниковъ всѣхъ выколоть и выстрѣлять". Тотъ же Подгоричани 31-го декабря послалъ графу Разумовскому жалобу на студентовъ, яко бы тѣ 25 го декабря сами напали на троихъ гусаръ, ѣхавшихъ мимо бурсы, избили ихъ дубьемъ и, затащивъ во дворъ, посадили на цѣпь.

горскій по порученію магистрата на магистратскій же счетъ. При этомъ студентъ заявлялъ, что Доброгорскій показывалъ ему „подлинный универсалъ его сіятельства о уволненіи дома его отъ постоевъ[1]), притомъ хвалился при дворѣ его сіятельства имѣючимися патронами", а кромѣ того „придополнилъ и сіе, яко бы отъ его сіятельства опредѣленъ уже сюда другой на мѣсто Давидовскаго писарь, только де надобно и отъ мѣщанъ, во угожденіе таковой е. с. воли, письменное о томъ прошеніе, которое де нимъ, Доброгорскимъ, уже изготовлено и многіе изъ мѣщанъ подписались".

Магистратъ, полагая, что съ такимъ человѣкомъ, какъ Доброгорскій, „не только магистрату и мѣщанству здѣшнему, но и ни единому честному человѣку, по книги Порядка части 3-й на стр. 123 напечатанному, судиться не должно", просилъ генералъ-губернатора, чтобы разрѣшилъ и не „вступать въ судной процессъ" съ Доброгорскимъ по жалобѣ его на писаря Давыдовскаго. А между тѣмъ, еще въ августѣ м-цѣ, послѣ отрѣше-

---

Очевидно, отношенія къ этимъ гусарамъ у всѣхъ кіевлянъ были крайне обостренныя, а потому Доброгорскій, собирая подписи среди малограмотнаго мѣщанства на своемъ доносѣ на писаря, придумалъ для обмана самый подходящій для даннаго момента мотивъ прошенія къ гетману.

[1]) Копія такого ордера, даннаго 13-го октября 1763 г., дѣйствительно встрѣтилась мнѣ въ одномъ изъ дѣлъ о Доброгорскомъ. Привожу ее цѣликомъ:

„Маг—та кіев. войту зъ урядниками, сотнику кіевскому зъ сотенною старшиною, проѣзжающимъ чрезъ Кіевъ и состоящимъ тамо великорос. гг. офицерамъ и всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, объявляется: кіевск. маг—та реестровой корогви асаулъ Өедоръ Доброгорскій подалъ намъ доношеніе, представляя, что отецъ его, оставя въ Польшѣ шляхетскіе свои добра, вышелъ съ нимъ Өедоромъ и меньшимъ его братомъ Иваномъ въ Малую Россію и служилъ Е. И. В. по смерть свою, а по немъ де оставшійся онъ Өедоръ и Иванъ Доброгорскіе отправляютъ службу—Иванъ въ венгерскомъ гусарскомъ полку вахмистромъ, а онъ, Өедоръ, въ магистратѣ чрезъ немалое уже время; но недавно де выстроенной его жилой домъ отъ маг—ту кіевск. отводимъ бываетъ во всечастые постои и тѣмъ ему, Доброгорскому, причиняется обида, а оной его домъ отъ того постою приходитъ къ разоренію; для чего просилъ онъ Доброгорскій о уволненіи отъ постоевъ оного дому нашего разсмотрѣнія, чего ради мы, респектомъ службъ, отцемъ его и имъ самимъ, Доброгорскимъ, отправленныхъ, оной его въ Кіевѣ имѣючойся жилой домъ отъ постоевъ увольняемъ впредь до нашего разсмотренія и приказываемъ войту маг—та кіевск. зъ урядомъ, сотнику кіевскому зъ сотенными старшинами оного просителева дому въ постои не отводить никому, а тѣ, кои постои имѣть въ Кіевѣ

нія Кузьминскаго, магистратъ вновь избралъ Давидовскаго писаремъ и просилъ генералъ-губернатора объ утвержденіи его въ этой должности. Глѣбовъ уважилъ ходатайство магистрата и въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не дождавшись изъ войск. генер. канцеляріи отвѣта на сдѣланный имъ запросъ о причинѣ лишенія чиновъ вообще магистратскихъ урядниковъ, предписалъ „впредь до имѣющаго быть о вышеписанномъ разсмотрѣнія, бывшему писарю Давидовскому быть въ ономъ кіевскомъ магистратѣ *за писаря* въ исправленіи писарской должности по прежнему“.

Такое возстановленіе энергичнѣйшаго и, очевидно, наиболѣе дѣловитаго изъ войтовскихъ „недоброхотовъ“, который являлся при производившемся слѣдствіи повѣреннымъ магистрата, было крайне непріятно для Сычевскаго, всячески усиливавшагося стать обвинителемъ этого „недоброхота“.

Магистратъ, видя, что слѣдствіе можетъ надолго затянуться, благодаря именно этимъ усиліямъ войта, вносившаго въ свои оправданія „стороннія и дѣлу сему непринадлежащія рѣчи“, главнымъ образомъ обвиненія противъ писаря, просилъ генералъ-губернатора, чтобы онъ приказалъ коммиссіи не принимать этихъ излишнихъ войтовскихъ рѣчей.—Генералъ-губернаторъ предписалъ выдѣлить всѣ такія уже данныя „рѣчи“ въ особую тетрадь, а больше ихъ не принимать и поскорѣе оканчивать слѣдствіе.

Хотя, какъ уже было сказано, въ началѣ декабря всѣ существенныя показанія были даны; но дѣло затянулось потому, что въ это время была препровождена въ коммиссію полученная генералъ-губернаторомъ изъ пр. Сената третья жалоба ма-

---

должествуютъ, занимать сами оного дому не имѣютъ; для чего и сей нашъ открытый ордеръ за подписомъ нашимъ и при войсковой печати ему, Доброгорскому, данъ, который онъ, Доброгорскій, долженъ объявить въ кіевскомъ магистратѣ и сот. тамош. правленіи ко исполненію и снятію копіи. Въ Глуховѣ 1763 году октября 13 д.“

Въ прошеніи своемъ объ освобожденіи отъ постоевъ Доброгорскій жаловался на весь кіевскій магистратъ, заявляя, что съ самаго поселенія его въ Кіевѣ урядники магистрата, „возненавидѣвъ его, затвердили ко мнѣ и къ домишку моему злобственныя примѣтки, употребляя меня въ неудобосносныя, случающіяся по магистрату, исправленія и наряды“.

гистрата, заключавшая въ себѣ, исключительно злополучную исторію съ освидѣтельствованіемъ копій и послѣдовавшими затѣмъ злоключеніями магистратскихъ урядниковъ. Въ сущности и по этому вопросу даны уже были Сычевскимъ „отвѣты“ и, послѣ „доказательствъ“ магистратскихъ повѣренныхъ, „оправданія“. Но Сычевскому почему то вновь хотѣлось возвратиться къ этому вопросу и, требуя выдачи себѣ на „правный срокъ“ копіи съ поступившей въ коммиссію жалобы, онъ просилъ, чтобы по ней вновь былъ продѣланъ „полный судъ“. Когда коммиссія ему въ этомъ отказала и особымъ своимъ опредѣленіемъ предоставила ему просто продолжить свои оправданія по жалобѣ магистрата, не требуя особыхъ „доказательствъ“, въ сущности уже данныхъ магистратскими повѣренными, тогда онъ заупрямился и не позволилъ своему повѣренному подписывать опредѣленія коммиссіи. Повѣреннаго задержали подъ карауломъ и продержали недѣли двѣ. Только лишь послѣ энергическаго приказанія генералъ-губернатора, къ которому обратился было Сычевскій съ жалобой на коммиссію, онъ началъ „чинить оправданія“ (вторичныя) по тому же пункту, что и продолжалось съ 22 декабря по 14 января слѣдующаго года, причемъ взводилъ новыя обвиненія на писаря Давидовскаго.

X.

Когда въ январѣ 1765 г. возобновилось производство слѣдствія, обѣ стороны стали добиваться пополненія своихъ рѣчей. Генералъ-губернаторъ, потребовавъ къ себѣ все слѣдственное дѣлопроизводство и лично разсмотрѣвъ его, нашелъ, что оно должно быть закончено, и предписалъ коммиссіи, не давая уже ни одной изъ сторонъ новыхъ сроковъ для письменныхъ отвѣтовъ, требовать лишь словесныхъ объясненій по каждому пункту отдѣльно.

Сычевскій, находя это распоряженіе стѣснительнымъ для себя, сталъ уклоняться отъ „хожденій“ въ коммиссію. Повѣренный его Ивановъ, испытавши „принужденіе“ въ подписаніи опредѣленій, а также и продолжительный арестъ, отказался отъ

дѣла, и Сычевскій вмѣсто него представилъ своимъ повѣреннымъ значковаго товарища Григорія Политанскаго. Недовольный дѣйствіями коммиссіи, находя, что опредѣленія ея, утвержденныя уже генералъ-губернаторомъ, „учинены въ обиду ему“, Сычевскій—явился 2 марта къ Глѣбову и просилъ отпуска къ „вышней командѣ для поднесенія апелляцій“. Такъ какъ ему было въ этомъ отказано, то онъ выѣхалъ изъ Кіева безъ отпуска, и генералъ-губернаторъ, узнавъ объ этомъ изъ донесенія магистрата, далъ знать „о сыску“ сбѣжавшаго войта въ Глуховъ въ в. генеральную канцелярію и въ обѣ столицы въ полицейскія конторы.

Изъ донесенія магистрата видно, что Сычевскій въ тотъ же день, когда являлся къ генералъ-губернатору съ прошеніемъ объ отпускѣ, выѣхалъ вмѣстѣ съ Павломъ Гудимомъ на его саняхъ въ с. Вигуровщину и тамъ уже, попрощавшись со своимъ спутникомъ, пересѣлъ въ свою кибитку, туда заранѣе отправленную, и уѣхалъ „невѣдомо куда“. Магистратъ на другой же день избралъ въ помощь правящимъ годовымъ бурмистру и райцѣ еще одного бурмистра Василія Балабуху, „чтобы въ теченіи дѣлъ магистратскихъ остановки быть не могло“. Тогда же генералъ-губернаторъ, очевидно, благоволя къ тогдашнему составу магистратскихъ чиновъ [1]), ордеромъ отъ 28 того же марта опредѣлилъ Якова Давыдовскаго по прежнему писаремъ, а не „за писаря“.

---

[1]) Вообще, надо замѣтить, Глѣбовъ въ борьбѣ кіевскаго магистрата съ „малороссійской командой“, какъ и съ мѣстными козаками, былъ на сторонѣ магистрата. Въ одной изъ черновыхъ его реляцій къ императрицѣ 1765 г. онъ, упомянувъ о послѣдовавшемъ было въ 1760 г. указѣ о выводѣ кіевскихъ козаковъ изъ Кіева, что подтверждено было затѣмъ и грамотою коллегіи иностранныхъ дѣлъ 1762 г., выражаетъ сожалѣніе, что „и до нынѣ оны никуда не выведены“, почему де и происходятъ постоянныя на нихъ жалобы. При этомъ онъ такъ объясняетъ самую исторію поселенія въ Кіевѣ козаковъ: „Сколь же давно и коими случаями помянутые козаки на Подолѣ жить стали? о томъ письменнаго доказательства ни по губ. канц., ниже по магистрату не находится, только старожилы объявляютъ, что по присовокупленіи Малой Россіи къ Россійской имперіи, когда г. Кіевъ отъ разныхъ военныхъ случаевъ, мороваго повѣтрія и пожаровъ великое претерпѣлъ разореніе, то изъ присыланныхъ отъ тогдашнихъ гетмановъ на станціи и для другихъ исправленій въ оной городъ компанейскихъ козаковъ нѣкоторые, поженясь на

Только лишь въ іюнѣ возвратился Сычевскій въ Кіевъ съ паспортомъ, выданнымъ ему изъ пр. Сената, а въ іюлѣ возобновилось слѣдствіе, къ которому онъ представилъ опять новаго отъ себя повѣреннаго войсковаго канцеляриста Илью Бажанова. Новый повѣренный, однако, не долго „стряпалъ“ по дѣлу войта, и уже 17 августа былъ замѣненъ какимъ то хорольскимъ козакомъ Андреемъ Данилевскимъ. Такъ какъ обѣ стороны вновь включали въ свои письменныя и устныя объясненія „стороннія рѣчи“, объ исключеніи которыхъ одна у другой затѣмъ настаивали передъ коммиссіей, то генералъ-губернаторъ далъ новое подтвержденіе объ окончаніи слѣдствія „въ самой скорости [1])“.

мѣщанскихъ дочеряхъ и вдовахъ, пустыя мѣщанскія земли занявъ, поселились, а потомъ у тѣхъ же гетмановъ испрося себѣ сотника, жительство свое тамъ утвердили, однако изъ всѣхъ сихъ козаковъ никто донынѣ никакихъ пахатныхъ земель или другихъ угодій ни на городской землѣ, ниже въ другихъ мѣстахъ, не имѣлъ и не имѣетъ“. Въ виду причиняемыхъ козаками обидъ мѣщанству кіевскому, главнымъ образомъ незаконнымъ шинкованьемъ, Глѣбовъ и находитъ справедливымъ совершенное удаленіе ихъ изъ Кіева съ предоставленіемъ имъ земель и угодій гдѣ либо въ Малороссіи, полагая, что только этою мѣрою „кіево-подольскіе мѣщане отъ излишнихъ хлопотъ и убытковъ избавлены быть могутъ. А буде нѣкоторые изъ тѣхъ козаковъ, или и всѣ они, какъ имѣющіе въ Кіевѣ на мѣщанскихъ земляхъ собственные свои дворы, заведенные по состоянію каждаго, домашнею экономіею, для избѣжанія убытка, по причинѣ высылки приключиться могущаго, пожелаютъ остаться въ Кіевѣ мѣщанами, то имъ въ томъ всемилостивѣйше дозволить, ибо они и безъ того отъ большой части изъ тамошнихъ мѣщанъ своевольно въ козаки записались“.

[1]) Генералъ-губернаторъ Глѣбовъ находилъ необходимымъ, чѣмъ бы слѣдствіе ни кончилось, избраніе новаго войта, о чемъ писалъ въ своей реляціи къ императрицѣ такъ (привожу эту выдержку по черновой реляціи, бывшей у меня меня въ рукахъ—безъ обозначенія мѣсяца и числа):

„Но какъ сей войтъ (Сычевскій) съ протчими магистратскими членами въ несогласіе и ссоры вступилъ, по коимъ слѣдствіе по указамъ пр. Сената уже болѣе года производится, а за упорствомъ и нерѣдко съ обоихъ сторонъ предъявляемыми оправданіями и доказательствами оное донынѣ не окончено, то хотя бы по производству войтъ иногда въ чемъ либо и правымъ нашелся, однако къ правленію способнымъ уже не признавается, ибо прочіе сочлены такъ его поступками огорчены, что, кажется, въ одномъ судебномъ мѣстѣ имъ, безъ всегдашнихъ другъ на друга недовѣрокъ и нареканій, быть уже невозможно, а между тѣмъ общество въ потребныхъ росправахъ великое претерпѣть можетъ утѣсненіе. По симъ обстоятельствамъ не соизволите ль В. И. В. указать на мѣсто Ивана Сычевскаго выборъ но-

Коммиссія, обязанная руководиться, какъ при слѣдственномъ процессѣ, такъ и при постановленіи приговора, магдебургскими правами, каждый разъ требовала изъ магистрата присылки выписей тѣхъ статей, на которыя ссылались истцы или отвѣтчикъ, а 7-го сентября потребовала всего сборника этихъ правъ „къ сочиненію по доношеніямъ обоихъ сторонъ надлежащаго опредѣленія". Магистратъ прислалъ „книги Порядокъ и Саксонъ на польскомъ и латинскомъ діалектахъ, тако жъ Саксонъ въ трехъ томахъ состоящій" съ реентомъ Мих. Лукіяновичемъ, которому и просилъ „при выпискѣ изъ тѣхъ книгъ каковихъ нынѣ потребно правъ вѣрить безсумнительно", по минованіи же надобности прислать книги обратно, „ибо и въ магистратѣ единыя токмо тѣ правныя книги состоятъ".

Такъ какъ слѣдственная коммиссія приступила все таки къ производству дѣла и по жалобѣ мѣщанина Доброгорскаго на писаря Давыдовскаго, то въ дѣло вступилъ и новый повѣренный, представленный Доброгорскимъ, кіевскій козак Никифоръ Дубовскій, а затѣмъ потребовался вызовъ значительнаго числа лицъ собственно по этому дѣлу и, наконецъ, пришлось допустить и Сычевскаго „къ сказанію оправданія по дѣлу о

вому войту, по общему кіев. мѣщанъ согласію, учинить, при чемъ командующій въ Кіевѣ можетъ пристойно внушить и стараться между тѣми четырмя кандидатами и такого представить, который В. И. В. угоденъ. Мнѣ видится, что не безъ пользы было бъ, когдабъ В. И. В. въ сей чинъ хотя и штабъ-офицера изъ великороссіянъ опредѣлить изволили, ибо знатность чина главнаго члена привела бы сочленовъ къ лучшему оного почитанію и къ наблюденію точной должности, для доставленія обществу спокойной жизни и высоч. интересу надлежащей пользы. В. И. В. такимъ образомъ привилегію ихъ о выборѣ обществомъ четырехъ кандидатовъ подтвердить изволили бъ, а удостоеніе изъ оныхъ одного войтомъ отъ монаршаго Вашего зависитъ благоволенія.

Сей примѣръ служить могъ бы и для будущихъ временъ, паче же полезнымъ былъ бы интересамъ В. И. В., ибо опредѣленной изъ великороссіянъ войтомъ могъ бы исподоволь вникнуть во внутренность всѣхъ ихъ обрядовъ и разобрать всѣ въ противность правъ и съ вредомъ общества производимыя дѣла.

А нынѣшнему войту Ивану Сычевскому не соизволитель по окончаніи слѣдствія всевысоч. милость показать опредѣленіемъ его въ комисары въ учрежденную съ польскимъ кіевскимъ воеводствомъ пограничную коммиссію, къ которой онъ по знанію польскаго языка и обыкновеній, способнымъ признавается, дабы и онъ, яко заслуженой В. И. В. рабъ, безъ пропитанія остатся не могъ".

неисправностяхъ писаря Давидовскаго", что и тянулъ онъ до 25-го октября. Видно, не легко было работать повѣреннымъ войта при всѣхъ этихъ „сказаніяхъ": такъ, недавно еще взявшійся за это Данилевскій „безвѣстно куда бѣжалъ", и войтъ вновь просилъ коммиссію принять, въ качествѣ его повѣреннаго, подканцеляриста кіев. дух. консисторіи Матвѣя Лысенка, а черезъ два мѣсяца опять представилъ новаго повѣреннаго— миргородскаго козака Алексѣя Дуброву.

Сычевскій былъ крайне обиженъ тѣмъ, что коммиссія обязывала его представить дворника Гунку для допросовъ его въ коммиссіи по магистратскимъ обвиненіямъ: онъ находилъ, что „ежели отъ магистратскихъ чиновниковъ на него, Гунку, какіе имѣютъ прошенія, то бъ о удовольствіи просили его, Сычевскаго", и жаловался на постановленіе коммиссіи генералъ-губернатору, который, однако, приказалъ, чтобы Сычевскій представлялъ своего дворника въ коммиссію „неотмѣнно". Тогда Сычевскій представилъ довѣренность этого Гунки на имя того же своего повѣреннаго Дуброву, который и долженъ былъ давать за него отвѣты. По отвѣтамъ же этимъ пришлось вызывать для доказательствъ массу подгороднихъ жителей, что могло бы до безконечности затянуть дѣло, еслибы не послѣдовалъ ордеръ оберъ-коменданта Ельчаникова, вступившаго тогда въ управленіе губерніей, о томъ, чтобы доказательства отъ подгороднихъ жителей коммиссія получила на мѣстѣ отъ всѣхъ и не вызывала каждаго порознь. Это было уже въ январѣ мѣсяцѣ 1766 г. послѣ отъѣзда генералъ-губернатора Глѣбова, которому, какъ онъ ни торопилъ коммиссію окончаніемъ слѣдствія, такъ и не удалось дождаться этого окончанія. Тѣмъ не менѣе, надо думать, что, благодаря именно мнѣнію Глѣбова обо всемъ этомъ дѣлѣ, магистратъ кіевскій избавленъ былъ отъ войтовства Сычевскаго: еще на имя Глѣбова, данъ былъ именной высоч. указъ о выборѣ новаго войта, „а Сычевскаго, по окончаніи его дѣла, если оправдается, опредѣлить на другое мѣсто *для спокойствія* того же магистрата", почему и предписано было магистрату произвести выборы, причемъ рекомендовано было, согласно тому же указу,

поставить въ число кандидатовъ и прокурора кіев. губ. канцеляріи Григорія Пивоварова [1]).

Уже по отъѣздѣ Глѣбова магистратъ 21-го марта произвелъ выборъ четырехъ кандидатовъ на должность войта, но, несмотря на надлежащія внушенія, Пивоваровъ въ число кандидатовъ включенъ не былъ. Для представленія результатовъ выбора въ Петербургъ командированъ былъ магистратомъ медовый шафарь Илья Скребицкій [2]). Но, видно, магистратъ потерпѣлъ неудачу. Въ іюнѣ прибылъ въ Кіевъ новый генералъ-губернаторъ Ф. М. Воейковъ, при которомъ и произведены были новые выборы кандидатовъ [3]), при чемъ избранъ былъ уже и Пивоваровъ, а 1-го ноября генералъ-губернаторъ сообщилъ магистрату о полу-

---

[1]) См. „Исторія Россіи“ С. Соловьева, т. 27, стр. 29. „Извольте магистрату приказать, писала Екатерина, выборъ сдѣлать по ихъ привилегіямъ четырехъ кандидатовъ; а Мы вамъ рекомендуемъ внушить имъ отъ себя, чтобъ четвертымъ кандидатомъ поставили кіевск. губер. канц. прокурора Пивоварова“. Ельчаниковъ въ рапортѣ Глѣбову писалъ, что его увѣряли, будто передъ выборами призываны были въ ратушу старшіе и чрезъ писаря Давидовскаго запрещено имъ было подавать голоса за Пивоварова и за кого бы то ни было изъ великороссіянъ, въ противномъ случаѣ чиновникъ будетъ лишенъ чина, а мѣщанинъ выгнанъ изъ города.

[2]) „Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр.“, вып. 8, стр. 81. Приведенныя здѣсь свѣдѣнія и заставляютъ думать, что Глѣбова тогда уже не было въ Кіевѣ и что къ нему, какъ своему доброжелателю, могъ посылать кіевскій магистратъ депутата вмѣстѣ съ представленіемъ выборовъ, ходатайствуя объ утвержденіи того, а не другаго изъ кандидатовъ. Во всякомъ случаѣ лично „внушить“ магистрату о выборѣ Пивоварова Глѣбовъ не могъ (у Соловьева сказано: „Глѣбовъ внушалъ“, надо полагать письменно).

[3]) Объ этомъ выборѣ у Соловьева разсказывается такъ: „Воейковъ началъ тѣмъ, что собралъ привилегированное мѣщанство, избирающее войта, и передъ ними изорвалъ ихъ прежній выборъ, приказавши собраться для новыхъ выборовъ. Въ назначенный день 3 августа генералъ-губернаторъ поѣхалъ самъ на выборы. Послѣ обыкновенныхъ переговоровъ между избирателями, всталъ одинъ магистратскій членъ и объявилъ имена новыхъ четырехъ кандидатовъ для общаго всего собранія разсужденія; едва только онъ успѣлъ назвать имена, какъ со всѣхъ сторонъ послышались голоса, что выборомъ довольны. Эти кандидаты были: Пивоваровъ, секретарь графа Григорія Орлова Григорій Козицкій, находящійся при великомъ князѣ наслѣдникѣ камердинеромъ Андріевскій и кіевскаго магистрата медовый шафаръ Дмитровичъ“. См. „Исторія Россіи“, т. 27, стр. 29.

Пивоваровъ до назначенія своего въ 1764 году іюня 9 прокуроромъ былъ коммиссаромъ пограничной съ брацлавскимъ воеводствомъ коммиссіи (См. „Ист. мат. изъ арх. кіев. губ. пр.“ вып. 1-й стр. 174).

ченномъ указѣ пр. Сената, утверждавшемъ Пивоварова въ должности кіевскаго войта.

Теперь для магистрата потеряло всякій интересъ продолженіе слѣдствія по жалобамъ его на Сычевскаго. Представленіе требуемыхъ въ коммиссію лицъ, преимущественно подгородныхъ жителей, соединено было съ крайними затрудненіями, причиняло и магистрату не мало безпокойства, вызывая въ этихъ лицахъ невыгодныя для него нареканія. Сычевскому же, какъ ни желательно было обличить „непорядочное" веденіе магистратскими урядниками городскаго хозяйства, теперь уже, потерявши мѣсто, не выгодно было тянуть это дѣло. Надо думать, что это и побудило обѣ стороны, какъ только состоялось назначеніе новаго войта, подать генералъ-губернатору прошеніе о прекращеніи слѣдствія. 11-го ноября и было подписано такое „мировое доношеніе", въ которомъ стороны заявляли: „какъ нынѣ мы всѣ истцы, также и я, отвѣтчикъ Сычевскій, согласясь добровольно, помирились съ тѣмъ, что мы, истцы, всѣ претенсіи, какіе ни были, оставляемъ, равнымъ образомъ и я, отвѣтчикъ, на бурмистровъ, цехмистровъ и протчихъ гражданъ доношеніе, состоящее въ 25 пунктахъ, совсѣмъ уничтожаю и оставляю съ тѣмъ, чтобъ впредь съ обоихъ сторонъ по тѣмъ произшедшимъ другъ на друга доношеніямъ нигдѣ ни подъ какимъ видомъ и претекстомъ отнюдь не искать и не возобновлять: того для вашего высокопревосходительства нижайше просимъ сіе наше мировое доношеніе принять и къ дѣламъ обосторонныхъ претенсій сообщить, и чтобъ по онымъ болѣе производства никакова чинено не было, о томъ куда надлежитъ предложить". Подписали: Сычевскій и 53 человѣка кіевскихъ гражданъ, разнаго рода урядниковъ [1]).

Этимъ документомъ, въ копіи сообщеннымъ въ слѣдственную коммиссію, и заканчивается ея дѣлопроизводство: коммиссія фак-

---

[1]) Бурмистровъ 5, писарь, райцъ 2, шафарей 17, инстигаторовъ 5, лавника 3 и рочные цехмистеры цеховъ: кравецкаго, кушнерскаго, шевскаго, ковальскаго, бондарскаго, рѣзницкаго, ткацкаго, гончарскаго, музицкаго, рыбальскаго, перепечайскаго и собранія малярскаго, сотники, урядникъ преварскихъ реестровыхъ людей и староста преварскій.

тически, такъ сказать, прекратила свое существованіе [1]). Но генералъ-губернаторъ Воейковъ, какъ видно, не считалъ себя въ правѣ прекратить производство слѣдствія, касавшагося не личныхъ какихъ-либо интересовъ, а чисто городскихъ, притомъ же начатаго по указу пр. Сената, а потому и представилъ „мировое доношеніе" въ пр. Сенатъ. Но прошелъ почти цѣлый годъ, пока получился отвѣтъ по этому поводу. Въ послѣдовавшемъ 25-го октября 1767 года на имя Воейкова указѣ сказано было, что пр. Сенатъ „и по поданному отъ нихъ мировому доношенію разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить по законамъ поручаетъ вамъ, г. генералъ-губернатору, тѣмъ паче что вамъ всѣ произшедшіе по тому дѣлу обстоятельствы наилучше свѣдомы и что кіевское мѣщанство, по именному Е. И. В. высоч. указу, состоитъ подъ единственною вашею аппелляціею, а пр. Сенатъ съ своей стороны предписать вамъ болѣе не находитъ, какъ токмо что если вы по приходнымъ и расходнымъ кіевскаго магистрата тѣхъ годовъ книгамъ усмотрите, что изъ ежегодного ихъ приходу дѣйствительно употреблено куда либо въ непозволенной расходъ или же остатками отъ прошедлого года кто изъ нихъ собственно интересовался, въ такомъ случаѣ имѣете вы то издержанное, взыскавъ съ кого надлежитъ, присовокупить къ магистратской суммѣ, да и впредь наблюдать, чтобъ какъ записка приходу ведена была исправно, такъ и расходъ чинимъ былъ на одни только городовые и другіе позволенные нужные исправленія".

Получивъ этотъ указъ, Воейковъ потребовалъ отъ магистрата обстоятельнаго репорта о томъ, за какіе именно годы войтовства Сычевскаго книги прихода и расхода не были свидѣтельствованы и если таковыя окажутся, то представить ихъ къ нему. Для свидѣтельствованія же вообще книгъ магистратскихъ онъ назначилъ надворнаго совѣтника Ефремова, причемъ, согласно мнѣнію этого послѣдняго, магистратъ обязывался на

[1]) За все время своего существованія коммиссія 8 разъ требовала и получила изъ магистрата разныя канцелярскія принадлежности и свѣчи, на что и израсходовалъ магистратъ за два года 5 руб. 47 коп. Изъ этихъ счетовъ видно, между прочимъ, что бумага стоила тогда бѣлая 7 коп., а сѣрая 4 к. за десть, 1/4 ф. сургуча 23 к., кварта чернилъ 2 к., сальныхъ свѣчей двѣ на копѣйку.

будущее время представлять на ревизію вмѣстѣ съ книгами и оправдательныя документы *по всѣмъ расходамъ* за подписью магистратскихъ присутствующихъ. Такое требованіе, очевидно, магистратъ признавалъ несогласнымъ съ своими правами и привилегіями, о чемъ въ обстоятельномъ доношеніи и представилъ на „благоразсмотрѣніе" генералъ-губернатора. Магистратъ настаивалъ на томъ, что, сосчитавъ своихъ расходчиковъ самъ по ихъ записямъ, въ общемъ, такъ сказать, присутствіи, онъ могъ представлять уже самыя эти записи своихъ урядниковъ, какъ документы, не прилагая никакихъ особыхъ росписокъ по мелочнымъ расходамъ при представленіи своихъ книгъ на ревизію генералъ-губернатора.

Относительно же начетовъ на магистратскихъ урядниковъ за прошлые годы у меня имѣется лишь свѣдѣніе относительно одного 1754 года, за который, по требованію Воейкова, взыскивался начетъ въ 129 р. 9 к. съ правившихъ въ томъ году бурмистра Михаила Іосифовича и райцы Семена Козельскаго. Іосифовича тогда уже не было въ живыхъ, а оставшіяся послѣ него четыре дочери дѣвицы находились въ такой бѣдности, что не только не могли уплатить начетныхъ денегъ, но и „пропитать себя отнюдь не имѣютъ чимъ". Магистратъ призналъ справедливымъ освободить ихъ отъ взысканія числившагося на отцѣ ихъ начета, о чемъ и представилъ генералъ-губернатору [1]), который уважилъ ходатайство магистрата, „съ тѣмъ однакожъ, что кіев. магистратъ не оставитъ того, чтобъ

---

[1]) „Понеже и самому магистрату довольно извѣстно, что умершій бурмистръ Іосифовичъ въ жизнь свою по разнымъ градскимъ дѣламъ, какъ здѣсь, такъ и по отправкѣ его отъ магистрата въ Глуховъ, Москву, С.-Петербургъ и въ другія мѣста, много трудился и по онымъ дѣламъ сыскалъ полезные оному магистрату и гражданству указы, при старости жъ своей въ такое пришелъ оскудѣніе и долги, что по смерти его онимъ его дочерямъ болѣе ничего не оставилъ, какъ только одиного жилого двора, да и тотъ дворъ пришелъ уже въ крайную обветшалость, которой ежели къ возвращенію въ магистратскую сумму вышеписанныхъ начетныхъ денегъ продать, то тѣми онихъ его дочерей къ тому привесть возможно, что оныя, по несостоянію ихъ къ выходу уже замужъ чрезъ прошедшіе ихъ удобные къ тому лѣта, принуждены будутъ дневнаго пропитанія лишиться и по чужимъ домамъ скитаться".

не найти какова либо средства и способу, чрезъ которой бы тѣ деньги въ магистратскую сумму возвратиться могли *хотя отъ доброхотныхъ дателей?*"... Надо думать, однако, что такихъ доброхотныхъ дателей не нашлось. Новый же войтъ, какъ видно, умѣлъ отписываться отъ генералъ-губернаторскихъ запросовъ, касавшихся городскаго хозяйства и магистратскихъ расходовъ. Относительно ревизіи этихъ послѣднихъ новый войтъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе урядниковъ кіевскаго магистрата, всячески устранявшихъ, на основаніи извѣстныхъ грамотъ, вмѣшательство въ эту область постороннихъ магистрату лицъ. Въ этомъ отношеніи весьма интересно упомянутое выше представленіе магистрата къ Воейкову отъ 18 января 1768 года: въ немъ цѣлымъ рядомъ ссылокъ па грамоты и указы доказывается, почему магистратъ не обязанъ исполнить повелѣніе генералъ-губернатора о томъ, чтобы „впредь о всѣхъ приходахъ и расходахъ приходчикамъ и расходчикамъ за подписью магистратскихъ присутствующихъ давать документы и оные при книгахъ сообщать" [1]).

---

[1]) (Послѣ изложенія полученнаго отъ Воейкова ордера, слѣдуетъ ссылка на жалованныя грамоты и на книги Порядокъ и Юсъ-Муниципале).

„... Почему оные бурмистръ и райца, вступя въ правленіе той магистратской экономіи, что принадлежитъ до большихъ городовыхъ строеній и другихъ расходовъ, оные зъ общаго согласія и определенія исправляютъ, а что касается до мелочныхъ расходовъ, какъ то: 1) на исправленіе и поправку подземныхъ трубъ, которыми вода въ фантальные и прочіе городовые колодези теченіе свое продолжаетъ, 2) на наемъ какъ подъ проѣзжающихъ чрезъ Кіевъ разныхъ персонъ и курьеровъ подводъ въ случаѣ неимѣнія за расходомъ почтовыхъ лошадей, такъ и къ поѣздкѣ въ разныя приказныя мѣста по магистратскимъ дѣламъ извощиковъ, 3) на подчинку въ самомъ магистратѣ и во всѣхъ питейныхъ и колодничихъ, также караульныхъ и лазаретныхъ избахъ печей, окошокъ, дверей и прочихъ необходимостей, 4) на покупку въ магистратскую канцелярію свѣчей, чернилъ, перъ, нитокъ, сундуковъ къ содержанію дѣлъ и другихъ по той канцеляріи потребностей, 1) на заплату какъ колодникамъ бываемымъ на магистратскихъ работахъ, такъ особливо и наемнымъ людямъ, за упускъ въ погреба съ купленымъ хлѣбнымъ виномъ бочекъ, 6) на исправленіе къ тѣмъ же магистратскимъ и городовымъ работамъ инструментовъ какъ то – заступовъ, лопатъ, свердловъ, топоровъ, да на косовицу вилъ, грабель и прочихъ къ тому потребныхъ припасовъ, 7) на покупку состоящимъ на почтѣ лошадямъ овса и на исправленіе на ту почту какъ вновь, такъ и на подчинку возовъ, саней и упряжи, а особливо и на деготь, 8) на покупку какъ съѣстныхъ, такъ и питейныхъ припасовъ для обсылки, по давнему обыкновенію, въ нарочные Рождества и Воскресенія Христова праздники и въ высокоторжественные дни, такъ и въ

Въ этомъ представленіи находимъ, между прочимъ, довольно обстоятельное перечисленіе тѣхъ расходовъ, которые, въ качествѣ мелочныхъ, производились рочными бурмистромъ и рай-

праздники жъ гдѣ храмъ есть, священниковъ и въ монастыри и переѣзжающимъ чрезъ Кіевъ и бываемымъ здѣсь по разнымъ дѣламъ и коммиссіямъ, а особливо и на содержаніе опредѣляемыхъ зъ разныхъ приказныхъ мѣстъ по дѣламъ градскимъ слѣдователей и бывшихъ при нихъ канцелярскихъ служителей,—

то оные всѣ мелочные расходы тѣ годовые бурмистръ и райца, по давнему обыкновенію, ко исправленію поручаютъ опредѣляемымъ ими, по усмотрѣнію ихъ, годовымъ же присяглымъ урядникамъ, выдавая имъ на всѣ тѣ мелочные расходы деньги съ записками и росписками, и притомъ за оными урядниками и сами тѣхъ же мелочныхъ расходовъ наблюдаютъ и по окончаніи года въ оныхъ расходахъ противъ имѣющихся у тѣхъ урядниковъ записокъ самы считаютъ; ибо какъ тѣ мелочные расходы непрестанно, а иные съ нихъ и въ единъ день сколько кратъ бываютъ, ежели объ нихъ подавать письменные доклады и по онымъ ожидать опредѣленій, то 1-е) что зъ того немалое происходить можетъ затрудненіе; 2-е) что для сочиненія тѣхъ докладовъ необходимо потребно будетъ учредить особливую контору и въ оную опредѣлить особливыхъ же канцелярскихъ, зъ чего оному магистрату не малый излишній воспослѣдовать можетъ убытокъ, 3-е) что дожидаясь по тѣмъ докладамъ опредѣленій, можетъ въ тѣхъ мѣлочныхъ, а наче въ экстраординарныхъ расходахъ произойти крайняя остановка, чрезъ что какъ тѣмъ годовымъ бурмистру и райцѣ, такъ и самому магистрату иногда не подпасть бы къ какому отвѣту и взысканію; къ томужъ и учиненная онымъ бурмистру и райцѣ отъ всѣхъ обще гражданъ въ той магистратской экономіи довѣренность и древнія обыкновенія останутся не въ силѣ. По вышеизображеннымъ же утвержденнымъ магистрату кіев. майдебурскимъ правамъ, управленіе городовой экономіи болѣе возложено на годовыхъ бурмистра и райцу, а чтобъ, имъ по той экономіи безъ письменнаго докладу и опредѣленія ничего не дѣйствовать, то по онымъ правамъ не значится.

Въ пополненіе жъ того, въ силу утвержденнаго магистрату майдебурскаго права и указа Пр. Сената 1739 года, оные бурмистры и райцы въ тѣхъ магистратскихъ приходахъ и расходахъ предъ старшими и знатнѣйшими зъ поспольства даютъ отчетъ, какъ уже и за бытности Вашего Высокопревосходительства троихъ годовъ—оные бурмистры и райцы дѣйствительно считаны и по свидѣтельству самимъ магистратомъ тѣхъ счетовъ, какъ оные, такъ и подлежащіе по большимъ расходамъ документы, по освидѣтелствованію жъ къ В. Впр—ву взнесены были, которые опредѣленнымъ отъ В. Вп—ва надв. сов. Ефремовымъ п ревидованы, и каковы на комъ по *учиненнымъ въ магистратѣ* кіевскомъ счетамъ и по освидѣтельствованію оного над. сов. Ефремова явились начетныя деньги, оные съ нихъ взысканы и къ магистратской суммѣ причислены".

Подписали это доношеніе: Григорій Пивоваровъ, бурмистры (и степенный) Данило Величковскій, Василій Балабуха, Аѳанасій Александровичъ, Козьма Кулешъ, бурмистръ и депутатъ Іосифъ Гудимъ, писарь Яковъ Давидовскій, райцы: Иванъ Силенко Нечай, Ѳедоръ Ризенко, Іосифъ Козельскій, Герасимъ Кувичинскій.

цею безъ всякаго доклада магистрату и общаго въ немъ опредѣленія. Такъ какъ представленіе это подписано и Пивоваровымъ, то можно думать, что и онъ не раздѣлялъ тѣхъ претензій, какія предъявлялъ войтъ Сычевскій относительно названныхъ мелочныхъ расходовъ, требуя и по нимъ особыхъ докладовъ магистрату или „ордеровъ“ войта.

Требованія же ген.-губ. Воейкова, желавшаго установить особый контроль надъ магист. хозяйствомъ, несомнѣнно вытекали изъ имѣвшихся у него объясненій войта Сычевскаго, которыя представляли въ этомъ случаѣ обильный матеріалъ, хотя и не всегда доброкачественный, для знакомства съ положеніемъ этого хозяйства. Хотя „доношеніе“ Сычевскаго отъ 19 апрѣля 1764 г. и не было предметомъ слѣдственнаго производства, но несомнѣнно, что въ рукахъ новаго генералъ-губернатора оно своими 25-ю пунктами набрасывало тѣнь на дѣятельность магистратскихъ чиновъ въ сферѣ хозяйственной,—возбуждало подозрѣнія, вызывало особыя мѣры для надзора надъ магистратскою экономіею, часто несогласныя ни съ дѣйствительно утвержденными правами магистрата, ни съ установившимися въ немъ издавна по обычаю порядками. Но подвергнуть разбирательству слѣдственной коммиссіи всѣ указанные Сычевскимъ „непорядки“ городскаго хозяйства не пришлось и Воейкову, который не закрывалъ формально коммиссіи до самаго января мѣсяца 1770 года, когда все слѣдственное производство было сдано въ архивъ. Вѣроятно, не безъ напоминанія обѣихъ сторонъ, магистрата и Сычевскаго, 30 іюня 1769 г. послѣдовалъ изъ пр. Сената на имя Воейкова указъ, которымъ повелѣно было „тому ихъ мировому доношенію быть въ своей силѣ, для чего и учрежденную на то слѣдственную коммиссію оставить и производимое дѣло взявъ отдать въ архивъ“.

Ал. Андріевскій.

Приложеніе.

Доношеніе войта Сычевскаго, поданное на Высочайшее имя въ Кіев. Губ. Канц. 19 апрѣля 1764 года.

„Въ прошломъ 1755-мъ году имяннымъ указомъ святоусопшей великой государыни императрицы Елисаветъ Петровны опредѣленъ я, нижайшій, въ городъ Кіевъ войтомъ, и въ томъ моемъ чину каковые дѣйствительно усмотрѣлъ по магистрату кіевскому въ издержаніи напрасно немалой магистратской суммы убытки, опредѣленной отъ вел. государей всероссійскихъ подтвердительными, по привилегіямъ королей польскихъ, высоч. грамотами на содержаніе города Кіева и въ завладеніи къ оному городу общихъ принадлежащихъ земель разными чинами и прочіе непорядки, о томъ, по присяжной моей должности, дерзаю съ рабскою своею должностію Вашему Императорскому Величеству подъ высоч. благоразсмотрѣніе всенижайше поднесть.

1. Кіевскіе магистратовые чиновники и мѣщане въ принадлежащихъ къ магистрату селахъ Проваркѣ, Сырцѣ и Куреневщинѣ искупили отъ нѣсколько лѣтъ самовольно живущихъ многихъ обывателей, кои до того всѣми сборами съ нихъ надлежали въ магистратскую сумму, яко то въ платежѣ поземельщины, въ дачѣ десятиннаго хлѣба, съ промысловъ дегтевыхъ, въ платежѣ денегъ; а они, магистратскіе чиновники и мѣщане, по скуплѣ у тѣхъ обывателей, устроя на земляхъ ихъ довольные хуторы, яко то винокурни, пруды, мельницы, по обязательствамъ въ магистратъ съ мельницъ надлежащихъ сборовъ не даютъ, а съ казановъ показанщины ничего не платятъ, и сверхъ того многими магистратскими завладѣли землями и тамошнихъ жителей въ послушаніе свое поработили, а за отходомъ тѣхъ обывателей съ подъ владѣнія магистратскаго въ прибыляхъ магистрату не малой послѣдовалъ ущербъ.

2. Бурмистръ и райца рочные на островахъ сѣнокосные луга магистратскіе безъ общаго опредѣленія, но самоизвольствомъ своимъ, сами искашиваютъ и заводятъ косить всѣмъ бурмистрамъ и райцамъ не очереднымъ и другимъ постороннимъ чиновникамъ, кои отъ многихъ лѣтъ оными лугами и завладѣли, яко собственными своими, а инымъ урядникамъ, въ нарушеніе интереса магистратскаго, во вѣчное владѣніе ствердить отважились; тѣ же луга разнымъ стороннимъ людямъ косить съ половины отъ себя даютъ и доводящеюся половинною частію сѣномъ сами партикулярно корыстуются, а на почтовыхъ лошадей сѣно на тѣхъ же лугахъ за деньги магистратскіе косятъ, показывая на то расходу до шестидесятъ рублевъ, и

оное за деньги магистратскіе кошенное сѣно рочные бурмистръ и райца при исходѣ своего года въ домы свои забираютъ, а поступающіе по нихъ въ самую распутицу дорогою цѣною, т. е. въ мартѣ мѣсяцѣ, покупаютъ сѣно на почтовыя лошади до травы по своему изволенію безъ общаго опредѣленія, съ чего въ приходѣ магистратскомъ знатной убытокъ происходитъ, какъ оной расходъ по книгамъ ихъ явствуетъ.

3. На магистратской землѣ заведенные грядины охочіе люди съ отдачею въ магистратъ поземельщины сѣютъ разную огородину и оные грядины, по усмотрѣнію своему, кому хотятъ по установленной отъ себя цѣнѣ рочные бурмистры и райци заводятъ; такожъ съ магистратскихъ наемныхъ лавокъ, въ мясномъ, крамномъ и житномъ рядахъ имѣющихся, куницу и сторожевое, съ вина волоскаго отъ продавцовъ шинковое, отъ всякаго двора поворотное и съ бань торговыхъ за откупъ квасковъ ячныхъ и съ разныхъ брагъ, съ преварскихъ, сырецкихъ и куреневскихъ обывателей куницу и съ земли сами собою, безъ докладу и опредѣленія магистратскаго, чрезъ опредѣленнаго отъ себя урядника и магистратового канцеляриста выбираютъ, и что оныхъ сборовъ и съ кого именно получатъ, яснаго показанія ни по третямъ, ни по окончаніи года въ магистратъ не представляютъ для прикрытія получаемыхъ съ того корыстей; оной же суммы въ годъ собирается болѣе тысячи рублевъ.

4. Имѣющимся внѣ города Кіева, разстояніемъ въ шесть верстъ, на рудни Преварки ранговымъ хуторомъ, т. е. мельницею и винокурнею, прежніе войты владѣли чрезъ многіе года и потому, слѣдовательно, и я, нижайшій, съ пожалованія моего въ тотъ чинъ, на рангъ тотъ хуторъ содержалъ и пользовался, и поселенные тамо на Преваркѣ, Сырцѣ и Куреневщинѣ съ разныхъ мѣстъ захожіе люди на магистратской землѣ въ магистратъ поземельщину платятъ, а особливо, яко оные въ числѣ мѣщанъ кіевскихъ не считаются, по старинному установленію отъ магистрата, такъ бывшимъ войтомъ, яко и мнѣ, до прописанного хутора безъизъятно послушны были привозомъ къ оной ранговой винокурни дровъ и прочихъ къ тому надобностей; а нынѣ бурмистры и райцы самовольно вышеписаннымъ людямъ, по недоброхотству ко мнѣ, приказали никакова послушанія не исполнять, безъ всякаго о томъ вышшей команды разсмотрѣнія и опредѣленія, отчего тотъ мой ранговой хуторъ впустѣ остался и я чрезъ немалое время съ оного никакой прибыли не получаю.

5. Бурмистръ и райца ежегодно, по перемѣнамъ вступя въ магистратскую экономію, безъ вѣдома войта покупаютъ простое вино у людей разнаго званія и съ оными сами одинолично договоръ

имѣютъ на немалую сумму т. е. отъ двадцати семи и осьми до тридцати тысячъ ратушныхъ десятиквартовыхъ ведръ, и при пріемѣ оного вина у продавцовъ по договору взымаютъ помѣрное, т. е. отъ всякаго ведра по полкварты, и тако бываетъ ежегодно въ приходѣ одного помѣрнаго безденежно отъ двадцати тысячъ тысяча, а отъ тридцати тысячъ—тысяча пятьсотъ ведръ, съ котораго помѣру употребляютъ, по усмотрѣнію своему, на войта, бурмистра и райцу рочныхъ, писаря и другихъ магистратскихъ урядниковъ и канцелярскихъ служителей по нѣкоторой части; а сколько оной горѣлки числомъ ведръ отъ продавцовъ получатъ и что изъ оной кому сколько произведется и что въ остаткѣ бываетъ, о томъ въ книги счетныя не вносятъ и въ магистратъ къ счету не представляютъ; тое же покупное вино они, райца и бурмистръ, принимаютъ отъ продавцовъ на мѣру, именуемую сотникъ, въ коемъ показываютъ якобы десято-квартовыхъ ведръ входитъ по десяти, а по вѣрной справкѣ въ оной мѣрѣ сотнику сверхъ является по три кварты, и таковыя фальшивыя мѣры, сотникъ именуемой, и кварты подѣлавъ, сами отъ себя въ противность праву магдебурскому, безъ опредѣленія магистратскаго, печатью магистратскою заклеймуютъ и отдачу въ шинки чрезъ кварталовыхъ урядниковъ производятъ; и что съ таковыхъ подступныхъ мѣръ каждаго года прибыли является, никакой наличности не показываютъ, но съ того сами собою они, бурмистръ и райца, при отдачѣ шинкарямъ взымаютъ у нихъ отъ ведра по копѣйкѣ, а кварталовые урядники отъ всякой бочки по 25 и 50 копѣекъ, а на усушку и на расходы разные, ими, бурмистромъ и райцею рочными, употребленные, и въ дачу, кому пожелаютъ, на порцію оной горѣлки, ставятъ расходъ съ налично купленной на магистратъ горѣлки, коей усушки въ годъ, по разсмотрѣнію своему, представляютъ до 350 ведръ, да на порцію до 258 ведръ и съ того числа иногда на усушку натурою показываютъ, а иногда деньгами полагаютъ 200 рублевъ и тое въ годовыхъ книгахъ означаютъ.

6. Оные жъ бурмистръ и райца рочные за магистратскую сумму съ купленной на магистратскую прибыль горѣлки употребляютъ на поклоны сами отъ себя ежегодно расходъ въ праздники Воскресенія и Рождества Христова войту, бурмистрамъ и райцамъ, писарю и прочимъ чиновникамъ магистратскимъ, не только налично служащимъ, но изимершихъ жонамъ, да особливо въ тѣ жъ празденства и въ высокоторжественные дни на поклоны съ магистратской суммы покупку вина волоскаго, сахару, хлѣба, мяса, курей, гусей, утокъ и рыбы исправляютъ и съ того обсылки чинятъ разнымъ духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ и о томъ, учиня валовыя вѣдомости, представляютъ въ

расходѣ болѣе тысячи рублевъ, показывая таковое произвожденіе по давнему узаконенію, а отъ кого таковое учрежденіе узаконено, какъ давно и почему,—о томъ никакихъ опредѣленій и на оные подтвержденій при магистратѣ не видится, и подъ показаніемъ володаго вѣдомостью расхода по видимому сами они, рочные бурмистръ и райца, съ согласниками не малую прибыль имѣютъ, для чего именныхъ о тѣхъ расходахъ вѣдомостей—сколько, когда и кому произведутъ—не подаютъ.

7. Рочные бурмистръ и райца сами собою, безъ магистратскаго опредѣленія, съ покупкой магистратской горѣлки простой на водку двоятъ и сахаромъ да пряными зельями и медомъ покупнымъ съ суммы магистратской заправляютъ и изъ той водки чрезъ опредѣленного урядника въ продажу и на поклоны разнымъ людямъ и чиновникамъ магистратскимъ производятъ, и оному уряднику годовой платежъ и акциденціи безъ всякаго отъ магистрата разсмотрѣнія и опредѣленія производятъ; а сколько въ годъ на тую водку вина простого сойдетъ и водки въ наличности примутъ и прянаго зелья и сахару и меду, у кого куплено бываетъ и что въ продажу и по какой цѣнѣ произведется, а особливо на поклоны и по какой надобности, за чьимъ опредѣленіемъ отпустится, о томъ ясныхъ вѣдомостей при окончаніи года для разсчету въ магистратъ не представляютъ, кромѣ показанія издержанной на то всей суммы по прошествіи многаго времени въ книгахъ своихъ годовыхъ вносятъ, почему въ магистратѣ о наличности показанной двойной горѣлки знать не по чему и о ненадлежномъ отпускѣ оной на поклоны учинить точной справки и тѣмъ напрасно производимую магистратскую сумму пресѣчь невозможно.

8. Ежегодно съ собранія общаго, называемаго елекція, поставляются по одному человѣку въ шафари, медовой и пивной, кои, принявъ въ свое вѣдомство магистратскіе бровары, покупаютъ на вареніе ими пива, меду и раздаютъ въ шинки на продажу, а особливо тотъ же медъ и пиво къ праздникамъ Рождества и Воскресенія Христова производятъ на обсылку войту, бурмистрамъ, райцамъ, шафарамъ, лавникамъ, инстигаторамъ, вдовамъ, женамъ бурмистерскимъ и раецкимъ, и всѣмъ канцелярскимъ служителямъ, да особливо годового войту, бурмистру, райцу и писарю меду по двѣ мѣрницы, да пива по четыре мѣрницы; при томъ же въ случающіяся коммиссіи по немалому числу отправляютъ; изъ того за тотъ медъ и пиво весьма малая прибыль въ магистратъ приходитъ, а иногда не только прибыль, но и убыль въ потеряніи магистратовой суммы является, на оныя же безденежныя дачи пива и меду выходитъ на сумму до трехсотъ рублей

9. Оные жъ рочные бурмистръ и райца покупное вино шинкарямъ въ магистратскіе шинки и въ разныхъ мѣщанскихъ домахъ кому хотятъ производятъ и съ оныхъ за таковое производеніе въ ту должность взымаютъ деньги по пяти и больше рублевъ; а тѣ шинкари, не имѣя за трудъ свой никакого награжденія, подставляютъ на проданное вино свои обидливыя мѣры и чрезъ то въ продажѣ вина на тѣ мѣры остановка чинится; сколько же шинкарей и домовъ шинковыхъ въ годъ и что произведено, о томъ для прикрытія своего подлогу въ магистратъ ни по мѣсячно, ни по третямъ года не репортуютъ, да и по прошествіи года, спустя много времени, сколько по своему усмотрѣнію пожелаютъ, на толикое число объ оныхъ шинкаряхъ и домахъ шинковыхъ въ книгахъ своихъ вѣдомости представляютъ.

10. Въ большой шинкъ магистратскій, называемый шпыкьнѣръ, бурмистръ и райца рочные отдаютъ магистратскую горѣлку на продажу, наливая оную въ имѣющіяся тамо большія бочки, называемыя буты, въ кои буты входитъ до 540 ведръ, и ту отдачу называютъ они фура; а при продажѣ той горѣлки опредѣленные къ тому урядники и наливайки, принимая отъ покупщиковъ деньги, вметаютъ въ запечатанную отъ оныхъ бурмистра и райцы скрынку въ скважину; по изшествіи же всякой фуры собранныя деньги съ тою запечатанною скрынкою приносятъ къ бурмистру и онъ съ райцею, вычитавъ по отдачи ведръ надлежащія деньги въ сумму магистратскую, а остальныя, называемыя ими скапины, коихъ чрезъ обманную продажу въ остаткѣ является на всякой фурѣ до 20-ти и больше рублей, у себя оставляютъ; а оныхъ фуръ выходитъ въ годъ по 15, либо по 16, и тако чрезъ круговой годъ, на всякой фурѣ смекая по 20 рублевъ, обходится триста рублевъ и болѣе, кои деньги оные рочные бурмистръ и райца на себя раздѣляютъ, какъ то съ оныхъ денегъ бурм. Аѳанасій Александренко и райца Іосифъ Гудимъ принесли мнѣ, войту, въ процентъ однажды двадцать рублевъ.

11. Рочные бурмистръ и райца сами собою, по обычаю прежнему, сытя медъ, называемой бурмистерской, покупая оной и надлежащія къ тому для разсыченія потребности съ магистратской суммы, отдаютъ въ продажу въ магистратскіе шинки шинкарямъ и тотъ же медъ раздаютъ въ праздники Рождества и Воскресенія Христова войту, бурмистрамъ, райцамъ, писарю и кому хотятъ, по своему изволенію; да годового войту, бурмистру, райцу и писарю по двѣ мѣрницы, тако жъ воску войту 12 фунтовъ, а бурмистру, райцѣ и писарю и прочимъ, по сколько кому хотятъ, а къ Рождеству Христову меду патоки войту одно ведро, бурмистрамъ, райцамъ и

писарю и прочимъ по скольку кому хотя, и такова безденежной дачи расхода ежегодно приходитъ болѣе ста рублевъ.

12. Бочки, покупаемыя съ горѣлкою у разныхъ продавцовъ, и по исходѣ горѣлки коихъ бываетъ въ годъ до шестисотъ, они, бурмистръ и райца рочные, спродываютъ охочимъ людямъ всякую бочку отъ 30 до 40 копѣекъ, и съ оныхъ денегъ войту въ презентъ даютъ по 20 рублевъ, а иные бурмистръ и райца въ своемъ году и ничего не даютъ, а прочіе деньги оные бурмистръ и райца на себя употребляютъ и о томъ въ магистратъ не репортуютъ и въ книгахъ своихъ годовыхъ не показываютъ, за оныя же всѣ бочки въ годъ прихода бываетъ до 150 ти рублевъ.

13. На почтовой магистратовой дворъ опредѣляется одинъ урядникъ и къ нему для письменныхъ дѣлъ канцеляристъ, кои и содержатъ съ магистратской суммы семь человѣкъ почтарей, производя всякому въ годъ по 16 р., и по приказу бурмистра и райцы рочныхъ, лошади, овесъ, снасти, упряжь и прочія потребности къ гону лошадей исправляютъ; и оного урядника иногда по четвертямъ года сами собою бурмистръ и райца перемѣняютъ безъ докладу о томъ въ магистратъ, а сколько чрезъ круговой годъ въ остаткѣ бываетъ годныхъ и негодныхъ лошадей, снастей, овса и другихъ всѣхъ потребностей, и такъ о годовомъ расходѣ, яко и объ оставшихся наличностяхъ именной вѣдомости ни по третямъ, ниже по прошествіи года, но спустя не малое время представляютъ весь расходъ въ своихъ книгахъ; а на оной почтовой дворъ отъ пятисотъ до тысячи рублевъ въ расходѣ въ годъ издерживается, какъ они, бурмистръ и райца, въ своихъ книгахъ показываютъ; съ чего видится, что они, бурмистръ и райца рочные, съ того почтоваго двора прибыль себѣ партикулярно имѣютъ.

14. Плоты дубовые, сосновые, строевые и дровяные, съ нагрузомъ, драны, на строеніе вновь и на починку мостовъ, караулень, полисадника, для покрытія ветхихъ магистратскихъ шинковъ, казенныхъ амбаровъ,—рочные бурмистръ и райца сами покупаютъ и сколько на то все и на какую надобность употреблено бываетъ магистратской суммы, никакихъ именныхъ вѣдомостей, ниже рапортовъ, по третямъ либо по прошествіи года не подаютъ; но продолживши не малое время, въ книгахъ своихъ показываютъ; съ оного же лѣсу войту, бурмистру, райцѣ, писарю, урядникамъ и прочимъ канцелярскимъ и другимъ служителямъ дачу производятъ до тысячи колодъ на сумму сто рублевъ и болѣе, да особливо драни войту, бурмистру, райцѣ и писарю 4000 на сумму 24 рубли, а о дачѣ оного лѣсу по крѣпостямъ утвержденія не имѣется.

15. Годовой платежъ чиновникамъ, при магистратѣ служащимъ, до найпослѣднѣйшого слуги, рочные бурмистръ и райца сами собою производятъ съ магистратской суммы безъ всякой на то магистратской ассигнаціи, и кому что произведено и за какую службу—именныхъ вѣдомостей ни по третямъ, ни по окончаніи года не представляютъ, но спустя не малое время въ книгахъ своихъ показываютъ; и сколько чиновниковъ и слугъ при магистратѣ и въ рядахъ должно содержать и на какомъ именно о платежѣ договорѣ, о томъ опредѣленія отъ магистрата не требуютъ, а отъ такого непорядка не что иное, какъ трата магистратской суммы усматривается.

16. Въ г. Кіевѣ при цехахъ кушнерскомъ, кравецкомъ, ковальскомъ, шевскомъ, рѣзницкомъ, рыбальскомъ и прочихъ имѣющіеся цеховые дворы и при оныхъ погреба отдаются въ наемъ по 20 рублевъ и тѣ деньги цехмистры рочные на себя взымаютъ, да въ тѣхъ же дворахъ продаются меды, прозываемые канунные, и какъ оной медъ, и свѣчи восковыя цехмистры на себя взымаютъ и прочимъ по своему усмотрѣнію, сколько кому хотя, въ дачу производятъ и съ того прибыли партикулярныя себѣ получаютъ; а въ продажѣ въ магистратскихъ шинкахъ меду остановка происходитъ; и другіе сборы по древнему узаконенію въ скрынку цеховую отъ ремесленыхъ людей собираются, а сколько оныхъ приходовъ всего въ наличности и съ чего на что въ расходѣ употребляется, въ магистратѣ ничего того неизвѣстно; въ тѣ же цехи цеховые кромѣ себя выбираютъ и перемѣняютъ, безъ дозволенія и опредѣленія магистратскаго, цехмистровъ неграмотнихъ и неуправительныхъ, которые не точію общаго прихода въ цѣлости содержать не могутъ, но и суды и росправы между собою маловажные производя, вмѣсто штрафа виновныхъ принуждаютъ къ покупкѣ вина волоскаго и горѣлки для удовольствія своего, либо налагаютъ на виновныхъ необычайной штрафъ; да иногда цехмистры съ своими ремесленными собираются въ цеховой домъ, вынимая изъ скрыньки общую сумму, покупаютъ вино волоское и горѣлку для своего удовольства, чрезъ что въ пріобрѣтеніи какова либо добра городу не имѣется.

17. Во время бываемой ежегодной елекціи на урядовые магистратовые—рочныхъ бурмистра, райцы, шафарей, лавника, инстигатора и урядниковъ—по окончаніи оной елекціи, рочные бурмистръ и райца даютъ для попою собравшемуся множество народу горѣлку магистратскую и, позвавъ всѣхъ церквей градскихъ священниковъ и ихъ причетниковъ, такожъ магистратовыхъ чиновниковъ въ магистратскую палату, на разныхъ столахъ трактуютъ съ магистратской суммы довольными заѣдками и подношеніемъ при томъ разнымъ довольнымъ же питьемъ, отчего напрасная трата умножилась.

18. По утвержденнымъ отъ святоусопшихъ В. И. В. предковъ высочайшимъ грамотамъ королевскіе привилія пожаловано войту, да бурмистру одному и райцы одному годовой платежъ; магистрата же кіевскаго войтъ съ бурмистрами и райцами съ общаго согласія, по усмотрѣнію своему, положили платежъ ежегодно производить: писарю магистратовому по 60 р., реенту письменныхъ дѣлъ по 40 р., медовому и пивному двумъ шафарамъ по 20 р., лавнику 20 р., городничему—40 р., инстигатору 16 р., урядникамъ 15-ти человѣкамъ каждому по 12 р., всего 180 р.; канцеляристамъ 15-ти человѣкамъ отъ 10 до 20 р. по усмотрѣнію,—всѣмъ 225 р., наливайкамъ тремъ по 8 р. всѣмъ 24 р., потыжникамъ тремъ по 10 р. всѣмъ 30 р., почтарямъ семи человѣкамъ по 16 р. всѣмъ 64 р., слугамъ магистратскимъ—13-ти человѣкамъ по 8 р. всѣмъ 104 р., сторожамъ тюремному и магистратскимъ четыремъ человѣкамъ по 10 р. всѣмъ 40 р., сторожамъ каморнымъ 19-ти человѣкамъ по 8 р. всѣмъ 152 р., часовому мастеру по 15 р., да воловикамъ, кои изъ улицъ въ городѣ навозъ свозятъ, шести человѣкамъ всѣмъ обще 156 р., итого всей суммы тысяча двѣсти шестьдесятъ восемъ рублевъ; а объ ономъ окладѣ и необходимо ль потребно при магистратѣ показанное число чиновъ и слугъ и всѣмъ ли имъ на денежномъ довольствіи, и на какомъ кому именно находиться, либо по усмотрѣнію маловажной должности каковымъ съ нихъ, чиновникамъ и слугамъ, за вольность, по очереди ту опредѣляемую имъ должность нести,—о томъ никакого утвержденія оной магистратъ ни отколь не имѣетъ; магистратская же вышеписанная сумма безъ таковаго утвержденія подъ сумнительнымъ видомъ производится.

19. На канцелярскіе расходы, бумагу, сургучъ, свѣчи сальныя, перья и чернило, оные жъ рочные бурмистръ и райца сами собою покупаютъ и исправляютъ чрезъ цѣлой годъ, а по окончаніи года о томъ вѣдомостей для счету не даютъ, но спустя многое время въ книгахъ своихъ издержанную на то сумму показываютъ, закрывая съ того свое пользованіе.

20. Оные жъ рочные бурмистръ и райца магистратскую сумму содержатъ въ своихъ рукахъ подъ особливымъ своимъ вѣдомствомъ и сколько оной ежегодно въ наличности имѣется и въ расходъ произойдетъ, о томъ по третямъ года, ниже по окончаніи оного, вѣдомостей мнѣ, войту, и въ магистратъ не представляютъ, но по своему изволенію о той суммѣ въ нѣсколько годъ однѣ книги подаютъ, съ чего примѣчается, что оные бурмистръ и райца тою суммою партикулярно пользуются; другіе же бурмистръ и райца, но

очереди вступивъ въ правленіе магистрата, яко бы за неимѣніемъ при магистратѣ наличныхъ денегъ, свою сумму до нѣсколько сотъ рублевъ въ заемъ вносятъ и оныя деньги продолжая нарочито во обращеніи экономіи магистратской берутъ проценты и тѣ проценты въ книгахъ своихъ безъ зазору показываютъ.

21. На каналѣ. продолжающемся съ вершины Кудрявца въ самой Днѣпръ рѣку, исправде устроены были отъ магистрата три мельницы по ряду, изъ коихъ не точію въ магистратъ знатная прибыль была, но вящше того, Боже сохрани пожарнаго случая, за окруженіемъ онымъ каналомъ третей части города Кіева, всего общества цѣлости состояла; тѣ же мельницы отъ нѣсколько лѣтъ до основанія разорились и каналъ весь въ такую порчь пришелъ, что и обывательскіе домы повредилъ; за неприращеніемъ же, по вышеизображенному несостоянію въ магистратской экономіи, суммы, а паче что изъ той суммы опредѣленные отъ магистрата, безъ согласія войта, иногда и по маловажнымъ дѣламъ, да и по своимъ партикулярнымъ, несъѣздне въ С.-Петербургѣ проживая, не однотысячные расходы денегъ издержуютъ, оныхъ мельницъ и канала и другихъ необходимыхъ надобностей городскихъ поисправить попрежнему не съ чего.

22. Въ праздники Рождества и Воскресенія Христова нѣкоторые рочные бурмистръ и райца съ магистратской суммы приносятъ войту въ презентъ ралцу по пяти рублевъ и себѣ съ той суммы по пяти жъ рублей ралцъ взымаютъ, изъ чего трата магистратской суммы продолжается напрасно, а особливо цехмистры всѣхъ цеховъ, собирая отъ своихъ подсудственныхъ ремесленыхъ людей по немалому числу денегъ, въ тѣ жъ празднества приносятъ войту отъ большихъ четырехъ цеховъ четыре рубли, а изъ инших поменьше, и таковые подобные ралцы производятъ бурмистру, райцѣ и писарю, а сами цеховые изъ той же суммы трактируются; такожъ отъ селъ Преварки, Сырца и Куреневщины староста, собирая съ обывателей тамошнихъ таковые жъ сборы, приносятъ ралцу войту по одному рублю, да бурмистру, райцѣ и писарю по 50 к. и по нѣсколько домовыхъ птицъ. Высокомонаршими же грамотами всемилостивѣйше утверждено съ мѣщанъ кіевскихъ никакихъ сборовъ не собирать; кои грамоты внуша, войтъ поудержался показанные ралцы принимать, а бурмистры, райцы и писарь до днесь взымаютъ.

23. Въ мясницкой скотобойнѣ, чтобъ цехмистры мясницкіе отъ скота разного, приводимого на убой въ бойню, и рыбальскіе старосты отъ рыбалокъ и другихъ пріѣзжающихъ съ рыбою людей никакихъ сборовъ не собирали, о томъ прежними указами въ магистратъ накрѣпко запрещено; однако они, мясницкіе цехмистры и

старосты рыбальскіе, презирая тое запрещеніе, отъ оного скота и рыбы понынѣ сборы собираютъ, да у рыбалокъ городскихъ и пріѣзжихъ людей перекупщики разные, покупая рыбу свѣжую и другую разную дешевою цѣною, продаютъ оную въ народъ двойною либо иногда и тройною цѣною съ самого утра до двѣнадцатого часа и далѣе, отчего здѣшніе жители въ покупкѣ оной рыбы имѣютъ тяжесть; а по указамъ и по праву магдебурскому дозволено перекупщикамъ хлѣба, рыбы и прочихъ съѣстныхъ вещей вольную продажу имѣть по прошествіи двѣнадцатого часа; и въ семъ 1764 году, въ бывшую елекцію, отъ мѣщанина кіевскаго Григорія Бѣлявскаго всему обществу о показанномъ съ скота сборѣ и на перекупщиковъ принесена была жалоба. Прочіе же сборы, каковы урядники магистратовые по самовольству съ разныхъ статей, яко то съ вагового, помѣрного и съ мѣстъ пустыхъ, въ противность высокомонаршихъ грамотъ запретительныхъ указовъ, на себя собираютъ и оными пользуются, объ оныхъ изъяснить подробно невозможно, для того что тѣ сборы собираютъ они тайно безъ вѣдома и согласія войта.

24. Магистратскіе урядники и мѣщане кіевскіе, имѣя винокуренные свои заводы, кои съ нихъ видомъ показываются въ экономіи магистратской первые рачители, а на ихъ смотря и прочіе въ городѣ Кіевѣ и въ селахъ Преваркѣ, Сырцѣ и Куреневщинѣ, гдѣ оные винокурни содержатъ, въ нарушеніе высокомонаршихъ грамотъ, виномъ шинкуютъ на кварты и ведра тайно дешевшею цѣною противъ установленной на продажу того вина магистратской цѣны, отчего въ прибыли магистратской суммы знатный ущербъ продолжается. Но что оные урядники по всей экономіи магистратской войту противны и не послушны, а при магистратѣ въ разныхъ должностяхъ служащіе о томъ подлинно вѣдая, но опасаясь отъ нихъ, урядниковъ, въ случаѣ доказательства, напраснаго разоренія, принуждены за страхъ молчать, для того оной продажи тайной вина пресѣкти не можно крайне. Въ оное же куреніе вина вступили многіе изъ купечества и мастеровыхъ людей, съ коихъ прежде городъ пользовался и процвѣталъ, а нынѣ они, промыслы и мастерства оставивъ, проживаютъ время на винокуреніи напрасно. Оного жъ винного куренія урядникамъ, мастеровымъ и мѣщанамъ по всѣмъ обстоятельствамъ не слѣдуетъ содержать, а пользоваться имъ свободно, по высокомонаршимъ грамотамъ, съ купеческаго промыслу и отъ мастероваго рукодѣлія.

25. Въ высокомонаршихъ В. И. В. предковъ, Государей Всероссійскихъ, грамотахъ и привиліяхъ королей польскихъ изображено: 1-е) въ грамотѣ Вел. Гос. Ц. и В. К. Алексѣя Михайловича

7162 года іюля 16 д., между прочимъ, пожаловано войта Богдана Самковского и бурмистра да райцу съ товарищи прежними правами и привилегіями, каковые даны имъ отъ королей польскихъ, и тѣхъ правъ и прилегіевъ ни въ чемъ нарушать не велѣно; 2-е) въ грамотѣ В. Г. Императора Петра I-го въ 7207 г. апрѣля 10 д., пожаловано войта кіевскаго Ивана Быковскаго и весь магистратъ, по прежнимъ жалованнымъ грамотамъ отца Его Государева, такожъ и Брата Его жъ Государева и по привиліямъ королей польскихъ, и между прочимъ повелѣно войту и урядовымъ управлять магистратъ и судъ магдебурскій и строить нижній городъ; 3-е) въ грамотѣ Г. И. Елисаветъ Петровны 1755 г. декабря 31 д. изъ кол. Ин. Д. всемилостивѣйше повелено секундъ-маіора Ивана Сычевскаго кіевскаго магистрата бурмистрамъ, райцамъ, шафарамъ, лавникамъ и инымъ магистратскимъ урядникамъ такожъ и мѣщанамъ и всему посполыству войтомъ признавать и надлежащимъ образомъ его почитать, и ему войту въ томъ пожалованномъ войтовскомъ урядѣ судъ между мѣщанами и посполитствомъ правдиво по ихъ правамъ и обыкновеніямъ производить и въ прочемъ во всемъ указы исполнять и по онымъ прилежно поступать; 4-е) въ привиліи короля Жигмунта 1544 г. марта 10 д. дозволено кіевскимъ мѣщанамъ пиво, медъ и горѣлку въ продажу свободно производить, а съ того приходы на покупки мѣскія употребляти; 5-е) въ привиліи короля Владислава IV-го 1644 г. мая 20 д. войту суды всякіе, къ войтовскому суду принадлежащіе, по праву магдебурскому, отправлять и урядъ тотъ со всѣми его доходами, пожитками и иными принадлежностьми, какъ антецессоры его держали, держати и спокойно употребляти и притомъ урядѣ войтовскомъ и его привилегіяхъ, такожъ пожиткахъ всякихъ, при повиновеніи отъ мѣщанъ и посполыства и при всякомъ почтеніи совершенно защищено; 6-е) въ привиліи того жъ короля Владислава IV-го 1645 г. марта 30 д. изображено—дабы урядъ войтовскій чрезъ лица на немъ бываемые способнѣе и удобнѣе отправляемъ былъ, опредѣлено войту на вѣчныя времена по пятисотъ золотыхъ польскихъ годоваго платежа съ провіантомъ ратуша кіевскаго, и тое жалованье настоящимъ и будущимъ на томъ уряды войтомъ всякого года сполна отдавать, а что въ счетахъ происходитиметь между иными расходами на потребность мѣста за квитанціею войтовскою принимано имѣетъ быть; 7-е) въ привиліи короля Іоанна Казимира 1650 г. генваря 12 д. пожаловано съ приходовъ мѣскихъ на всякой годъ бурмистру и райцѣ старшему рочнымъ урядникомъ по триста золотыхъ польскихъ и тотъ платежъ на будущее время подтверждено; 8-е) въ привиліи того жъ короля Іоанна Казимира 1659 г. апрѣля 3 д. подтвер-

ждено первую 1644 г. на урядъ войтовскій, другую 1645 г. о доходѣ годовомъ, войтовѣ пожалованномъ во вѣчность.

И какъ по онымъ государственнымъ высоч. грамотамъ и привиліямъ узаконено по квиту войтовскому о магистратскихъ приходахъ и расходахъ урядниковъ считать и емужъ, войту, съ урядниками магистратъ и судъ магдебурскій управлять и нижній городъ строить, такъ и по другимъ имѣющимся въ магистратѣ кіевскомъ грамотамъ магистратская экономія обще на должность войта съ урядниками зависитъ; и хотя отъ урядниковъ рочныхъ магистратскихъ ни въ чемъ къ оной экономіи допущенъ я не былъ, получая въ томъ отъ нихъ сухіе отказы, якобы опредѣленъ я только для управленія магистратскихъ судовъ, однако, по присяжной моей должности, дабы мнѣ предъ страшнымъ судомъ Божіимъ и предъ высоч. В. И. В. престоломъ не дать въ томъ отвѣта и, по силѣ вышеизображенной высоч. Вел. Гос. Имп. Петра I-го грамоты, нижній городъ Кіевъ, близъ границы лежащій, съ приращаемыхъ доходовъ магистратскихъ въ доброе и безопасное состояніе привести и укрѣпить и отъ великаго бываемаго наводненія и всегдашняго стремленія Днѣпровой воды обывательскія разоряемыя строенія и въ недалекости стоящія церкви отъ такого разоренія защитить, со вступленія моего въ отправленіе должности моей войтовской, видя въ приходахъ и расходахъ необычное помѣшательство и убытки, во всемъ свѣтѣ неслыханные, имѣлъ должность кому надлежало ордеры и приказы насылать, каковымъ порядкомъ ту экономію безпорочно содержать и книги шнуровыя къ тому учредить, а отъ 1730 чрезъ всѣ прошедшіе года распредѣливъ всѣмъ урядникамъ съ мѣщаны о приходахъ и расходахъ разсчеты учинить; но они урядники всѣ тѣ мои порядки донынѣ въ презрѣніи оставили, кромѣ, по усильному моему въ оныхъ урядниковъ домогательству, рочные бурм. Григорій Богдановичъ и райца Іосифъ Гудимъ считаны, на коихъ начету явилось болѣе тысячи рублевъ, но и за тотъ разсчетъ съ нихъ Іосифъ Гудимъ въ магистратъ письменно протестовалъ, показуя въ томъ протестѣ своемъ недовольство и что подобнымъ ему подозрѣніямъ всѣ магистратовые урядники подвержены; и за таковые мои устрояемые порядки оные маг. урядники, прикрывая свои винности, дабы имъ по счетамъ не остаться и впредь повадно было въ самовольномъ помѣшательствѣ экономіи магистратской партикулярно користоватись, предпріявъ ко мнѣ злобу, возмутили граждан кіевскихъ, якобы я всему гражданству недоброхотъ и обидитель, въ пр. Сенатъ взнесли на меня представленіе и просили безъ всякаго слѣдствія и доводу отрѣшенія меня отъ чина и по сердцу своему подобнаго имъ войта избрать, и надѣяся на удачной свой образецъ,

что иныхъ войтовъ бывшихъ, кои ихъ воли не склонялися, насильно позгонили. Оные жъ урядники, пополняя надо мною злобу свою, принадлежащихъ на рангъ мой войтовскій людей и земли поотбирали самовольно, какъ выше по 4-му пункту упомянуто, и положенного въ привиліи годового съ приходовъ ратушныхъ провіанта лишили; да кромѣ того, во всемъ правленіи моемъ магистрата противны и ослушны являясь, въ ономъ магистратѣ въ засѣданіи при зерцалѣ необыкновенные шумы и крики произносятъ и укоряютъ ругательно, о чемъ отъ меня къ г. генералу-аншефу кіевской губерніи генералу-губернатору И. Ф. Глѣбову словесное и письменное прошеніе, дабы подъ такимъ претекстомъ, ежели они урядники, по доносамъ своимъ, въ отрѣшеніи меня отъ чина желаемаго не получатъ, то по насильствамъ ихъ и самъ я того чина лишитися могу, отъ чего всего несносное поношеніе и разореніе претерпѣваю напрасно, а городъ Кіевъ въ неисправномъ строеніи и укрѣпленіи остается и экономія магистратская въ приращеніи суммы своей гибель претерпѣваетъ.

И дабы высоч. В. И. В. указомъ повелѣно было сіе мое доношеніе въ кіев. губ. канц. г. ген.-анш. кіев. губ. ген.-губернатору И. Ф. Глѣбову принять и о всемъ вышеписанномъ въ пр. Сенатъ подъ высокое благоразсмотрѣніе взнесть съ прошеніемъ на то указа, Всемилостивѣйшая Государиня, прошу В. И. В. о семъ моемъ доношеніи рѣшеніе учинить".

Дѣятели слободской Украины прошлаго вѣка.

По исторіи былой Слобожанщины до сихъ поръ еще не открыто, за весьма немногими исключеніями, неоффиціальныхъ историческихъ источниковъ, въ родѣ лѣтописей, записокъ, мемуаровъ. Недолгій періодъ своеобразной жизни этой области былъ преисполненъ почти постоянныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ треволненій, а малочисленная интеллигенція ея, насколько этотъ терминъ можетъ быть примѣненъ къ бывшей козацкой старшинѣ этаго края, подобно остальной массѣ населенія, была почти поголовно настолько занята обязательной военной службой, что позволить себѣ умственную роскошь лѣтописнаго труда, по всей видимости, было нѣкому и нѣкогда, не говоря уже о томъ, что такая „умственная роскошь", по условіямъ мѣста и времени, была далеко и небезопасна... При такихъ условіяхъ весьма естественно, что главными, если не исключительными, письменными матеріалами для исторіи Слобожанщины являются источники оффиціальные, такъ называемыя „дѣла" и вообще канцелярская письменность различныхъ мѣстныхъ вѣдомствъ. Чуждая по языку массѣ южно-русскаго населенія слободской Украины, она и по содержанію нерѣдко представляла собою массу безполезнаго канцелярскаго мусора; но и въ этомъ мусорѣ попадаются порою весьма цѣнныя данныя, а иногда даже такія характерныя подробности минувшей жизни, которымъ не часто удѣляютъ свое вниманіе самыя лѣтописи и мемуары.

Подготовительная разработка такой канцелярской письменности, какъ историческаго матеріала, представляетъ еще и дру-

гія значительныя неудобства. Обыкновенно, содержаніе каждаго подобнаго „дѣла“ бросаетъ на общій темный фонъ прошлой областной жизни лишь рѣдкіе и разрозненные лучи свѣта, причемъ случайно можетъ обнаружиться интересная частица общей картины былого: иногда здѣсь выступаютъ не только отдѣльныя фигуры, но и цѣлыя группы весьма своеобразныхъ дѣятелей и лицъ, невѣдомыхъ намъ, во всей непринужденности ихъ частной, интимной жизни и въ интересной сложности ихъ житейскихъ отношеній. Но остальное темное поле картины сразу поглощаетъ собой ближайшую массу другихъ группъ и жизненныхъ положеній, скрывая такимъ образомъ всю непосредственную обстановку освѣщенныхъ фактовъ и черезъ это затемняя иногда ихъ собственныя болѣе полныя очертанія и внутренній смыслъ. Конечно, дальнѣйшая разработка подобныхъ источниковъ, постепенно увеличивая число освѣщенныхъ пунктовъ общаго темнаго историческаго фона, мало по малу можетъ реставрировать все полотно исторической картины; а пока приходится довольствоваться и этими одинокими свѣтлыми пятнами...

Какъ извѣстно, Бѣлгородъ географически никогда не входилъ въ территорію слободской Украины, но имѣлъ для нея весьма важное значеніе, какъ административный центръ бѣлгородской губерніи, въ составъ которой въ прошломъ вѣкѣ входила и Слобожанщина. Бѣлгородская губернская канцелярія, съ своимъ высшимъ административнымъ персоналомъ во главѣ, была ближайшею властью, которая вліятельно „вѣдала“ сферу гражданской жизни всѣхъ слободскихъ полковъ, и представляла собою мѣстный руководящій центръ приказнаго режима. Вотъ почему мы имѣемъ основаніе думать, что интимный характеръ дѣятельности персонала этого центра, нравственные облики его властныхъ дѣятелей имѣютъ интересъ и для исторіи внутренней жизни Слобожанщины.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются извлеченія изъ одного „дѣла“, не лишенныя историческаго значенія. Въ этихъ матеріалахъ, при всей ихъ дѣловой сухости, довольно ясно прогля-

дываютъ нравственныя и бытовыя условія южнорусской жизни, не утратившія своей силы и для позднѣйшихъ поколѣній. Тутъ есть и спеціальныя слѣдственныя коммиссіи, съ участіемъ штабъ и оберъ-офицеровъ, и съ застѣнками, имѣвшія своимъ назначеніемъ блюсти и водворять оффиціальную правду, и нормальный аттрибутъ этихъ коммиссій—организованный и добровольческій доносъ, и наконецъ, насколько можно судить по нашимъ отрывочнымъ матеріаламъ, почти полное отсутствіе всякихъ идейныхъ теченій въ жизни, которая, видимо, шла только инертно, по колеѣ унаслѣдованныхъ привычекъ, не обременяя себя ни воспоминаніями, ни заботой о будущемъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1746 года, важный сановникъ—статскій совѣтникъ и бѣлгородскій вице-губернаторъ, Богданъ Ивановичъ Пассекъ пріѣхалъ въ Ахтырку и остановился въ домѣ мѣстнаго купца Самойла Соляника. Пассекъ явился въ патріархальный полковой городъ старой Слобожанщины не безъ помпы; при немъ упоминаются, только какъ разсыльные, какой то вахмистръ и 6 человѣкъ гренадеръ. Въ этотъ пріѣздъ явился къ Пассеку простой писецъ ахтырской полковой канцеляріи Павелъ Яготынецъ (Яготинецъ) и сдѣлалъ пріѣхавшему сановнику *доносъ* на ахтырскаго полковника Лесевицкаго и полковую старшину вообще. Яготинецъ заявилъ, что полковникъ Лесевицкій съ старшиной „похитилъ многое число денежной казны", причемъ обвинялъ его „и въ прочихъ разныхъ непорядочныхъ поступкахъ". Кромѣ того Яготинецъ объявилъ Пассеку „по присяжной должности", что изъ полковой канцеляріи, въ ея сношеніяхъ съ атаманами и командующими въ „описныхъ Перекрестовскихъ селахъ" [1]) посланы двѣ *фальшивыя инструкціи*, составленныя будто бы главнымъ образомъ полковымъ писаремъ Кардашевскимъ, для какихъ-то корыстныхъ цѣлей.—О послѣдствіяхъ этого доноса Яготинецъ уже въ августѣ 1751 года объяснилъ, что вице-губернаторъ Пассекъ, „ради взятковъ съ ахтыр-

[1]) Конфискованныя въ казну у ахтырскаго полковника Перекрестова еще Петромъ I-мъ.

ской старшины", скрылъ этотъ доносъ, а доносчикамъ велѣлъ молчать; только полковаго писаря Кордашевскаго продержалъ нѣсколько дней подъ арестомъ „не изъ чего другаго, токмо изъ одного того, чтобы ахтырскій полковникъ и старшина, зная свою въ томъ винность, имѣли чѣмъ либо одарить, кое по надобности его, Пассека, тою старшиною и исполнено".

Такъ показывалъ доносчикъ Яготинецъ о Пассекѣ въ слѣдственной бѣлгородской коммиссіи, по дѣлу „о губернаторѣ Салтыковѣ съ товарищи и о прочихъ", уже черезъ пять лѣтъ послѣ своего доноса въ Ахтыркѣ.

Жизненная карьера Яготинца, какъ спеціалиста-доносчика, хотя, можетъ быть, и по случайному канцелярскому воспитанію и вліянію приказныхъ товарищей, и своеобразная дѣятельность его сановнаго патрона Пассека могутъ послужить связующей нитью нашего разсказа.

Какъ видно изъ нашихъ матеріаловъ, въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка въ полковыхъ городахъ слободской Украины были коммиссары изъ великороссіянъ, которые назначались на эти должности непосредственно отъ бѣлгородской губернской канцеляріи и имѣли въ своемъ завѣдываніи казенные денежные сборы съ войсковаго населенія независимо отъ мѣстной полковой администраціи [1]).

Въ 1745 году такимъ коммиссаромъ въ Ахтыркѣ былъ мценскій дворянинъ Субочевъ, какъ видно, изъ класса такъ называемыхъ приказныхъ людей. Этотъ Субочевъ былъ почему-то скоро замѣненъ другимъ коммиссаромъ (изъ рыльской провинціи) и въ 1747 г. онъ жилъ уже въ Москвѣ, занимаясь „хожденіемъ" по дѣламъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ великорусскихъ городахъ. Въ этомъ же 1747 г. мы видимъ въ Москвѣ и Яготинца, гдѣ онъ теперь является уже старымъ пріятелемъ и постояннымъ гостемъ у Субочева. Въ рапортѣ ахтырской полковой канцеляріи въ слѣдственную бѣлгородскую ком-

---

[1]) Эта „денежная казна" собиралась въ ахтырскомъ полку съ козаковъ-подпомочниковъ, подсусѣдковъ и подданныхъ малороссіянъ, „кои платежемъ числятся въ дистриктъ ахтырскій".

миссію (въ апрѣлѣ 1751 года) сказано, что Яготинецъ, по переписи въ ахтырскомъ полку 1732 года гвардіи маіора Хрущова, состоялъ, вмѣстѣ съ отцомъ и братьями, въ подпомогчикахъ, и по этому званію платилъ окладъ, а съ 1739 года, „по разсмотрѣніи" полковой канцеляріи находился въ услуженіи для письма въ писцахъ, „а полковымъ и сотенскимъ писаремъ такожъ и никакимъ другимъ чиномъ не былъ", что въ бытность его канцелярскимъ писцомъ „при дистриктѣ" онъ принималъ „у пріѣзжихъ въ тотъ дистриктъ отъ разныхъ плательщиковъ самъ собой деньги", и не внося ихъ въ шнуровую книгу, самъ же отъ себя давалъ имъ въ пріемѣ тѣхъ денегъ росписки, „которые деньги себе и поворовавъ и черезъ то побегъ учинилъ и нѣкоторый лживый доносъ началъ имѣть, о чомъ въ 746 и 747 годѣхъ въ бѣлгородскую губернскую канцелярію з сообщеніемъ съ тѣхъ росписокъ копій представливано". Отсюда видно, какіе личные счеты возникли у Яготинца съ ахтырской полковой старшиной еще съ 1746 года. Не по своимъ частнымъ дѣламъ и не праздно проводилъ время въ Москвѣ Яготинецъ: онъ досталъ у своего приказнаго пріятеля Субочева какую-то черновую вѣдомость о денежныхъ сборахъ въ ахтырскомъ полку, за бытность Субочева ахтырскимъ коммиссаромъ; а самая эта вѣдомость, какъ видно, казалась Яготинцу важнымъ документомъ въ его обличеніяхъ противъ ахтырской полковой старшины. Самъ Субочевъ переходъ этой вѣдомости въ руки Яготинца объяснялъ нѣсколько иначе: что онъ, Субочевъ, за своимъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Муромъ, поручилъ Яготинцу ходатайствовать по какому-то дѣлу въ государственной вотчинной коллегіи и поэтому далъ ему даже „вѣрющее письмо". По этимъ, якобы дѣловымъ, причинамъ Яготинецъ бывалъ въ его, Субочева, квартирѣ и въ его отсутствіе; и вотъ въ одно изъ такихъ посѣщеній Яготинецъ изъ бумагъ Субочева самъ взялъ копію съ вѣдомости „записной денежной казны". Далѣе Субочевъ объяснилъ, что такой черновой или партикулярный документъ самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія („и по указамъ чернымъ письмамъ вѣрить не велѣно"), хотя вѣдомость эта по содержанію „не воровская", а правильная... и что въ бытность его,

Субочева, ахтырскимъ коммиссаромъ дѣйствительно было взято подъ росписки полковникомъ Иваномъ Лесевицкимъ „съ товарищи“, а кѣмъ именно и сколько было ими взято „денежной казны“, о томъ значится въ вѣдомости, „съ которой отъ него, Яготинца, сообщена копія“..., что дача (денегъ) полковнику и старшинѣ производилась Субочевымъ безъ указной въ шнуровыя книги записки.. за неприсылкою „отъ высшей команды“ шнуровой книги, а бывшая записная книга „учинена за печатью ахтырской полковой канцеляріи“... Въ заключеніе Субочевъ объяснилъ, что хотя полковникъ и судья Лесевицкіе, а по приказу полковника и другіе, брали у Субочева небольшими суммами деньги, но подъ росписки; и все взятое своевременно возвратили, исключая небольшой суммы, оставшейся за самимъ Яготинцемъ, „а послѣ его, Яготинца, доносу, тѣ деньги по злобѣ онаго полковника съ старшиною з жены его, Яготинцовой, взысканы-ль и въ казну положены-ль—того онъ, Субочевъ, не знаетъ“.

При оставленіи Субочевымъ должности ахтырскаго коммиссара, онъ получилъ квитанцію въ исправной сдачѣ денегъ, причемъ квитанція, писанная „черкасскою рукою“, была скрѣплена полковникомъ Ив. Лесевицкимъ, роднымъ его братомъ, судьей Константиномъ Лесевицкимъ, обознымъ Боярскимъ и полковымъ писаремъ. Сверхъ этого Субочевъ объяснилъ, что полковой судья Константинъ Лесевицкій никогда не принималъ отъ него, Субочева, денежной казны... „подъ свое вѣдомство..., что въ вѣдомствѣ его, Лесевицкаго, онъ, Субочевъ, не бывалъ“, а принялъ отъ него деньги ваканс-сотникъ Карповъ. Словомъ, бывшій ахтырскій коммиссаръ со своей стороны ни въ чемъ не обвинялъ ахтырскую полковую старшину. Все это показаніе свое Субочевъ давалъ уже въ іюнѣ 1751 года при допросѣ въ бѣлгородской слѣдственной коммиссіи.

Но кромѣ настойчиваго уличенія въ денежныхъ хищеніяхъ, Яготинецъ взвелъ на ахтырскую полковую старшину и тяжелое политическое обвиненіе: „о небытіи полковника Лесевицкаго и прочей старшины въ 1746 г. апрѣля 25 дня на высокоторжественный воспоминанія коронованія ея императорскаго величества

день у всенощнаго бдѣнія за пьянствомъ". Доносъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, получилъ серьезный ходъ: дѣло дошло до „канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ", откуда уже въ іюнѣ 1751 года, черезъ бѣлгородскую губернскую канцелярію, получился указъ, въ которомъ было сказано: „по опредѣленію въ С.-Петербургѣ тайной канцеляріи велѣно ахтырского полку писарю Павлу Яготинцу за ложное имъ... на полковника Лесевицкаго и на прочихъ старшинъ донесеніе..., чего по слѣдствію не явилось, учинить наказаніе—бить плетьми"..., причемъ добавлено, что если кромѣ этого дѣла въ бѣлгородской губернской канцеляріи нѣтъ другихъ дѣлъ, ни о Яготинцѣ, ни о полковникѣ Лесевицкомъ съ старшиной, то ихъ отъ той канцеляріи „учинить свободныхъ".

Кромѣ коммиссара Субочева, у Яготинца былъ еще пріятель въ самомъ Бѣлгородѣ—однодворецъ Борисъ Панковъ, который одно время, вмѣстѣ съ Яготинцемъ, состоялъ подъ какимъ-то слѣдствіемъ при бѣлгородской слѣдственной коммиссіи.

Яготинецъ и Панковъ составляли только малую часть цѣлой группы темныхъ личностей, служившихъ орудіемъ въ рукахъ главныхъ интригановъ въ темной бюрократической сферѣ бѣлгородской губернской канцеляріи и бывшей при ней слѣдственной коммиссіи.

Послѣ извѣстнаго уже намъ ахтырскаго доноса Пассеку, Яготинецъ является вполнѣ преданнымъ исполнителемъ и агентомъ въ его дѣлахъ, причемъ, судя по позднѣйшимъ, уже болѣе яснымъ и правдоподобнымъ, его объясненіямъ, главная цѣль всей подпольной махинаціи вице-губернатора Пассека заключалась въ подкопахъ противъ тогдашняго бѣлгородскаго губернатора Салтыкова, съ цѣлью самому занять его мѣсто.

По свидѣтельству нашего источника, центромъ и главнымъ организаторомъ вольнаго доноса въ Бѣлгородѣ въ это время былъ именно Пассекъ, какъ по всему видно, человѣкъ выдающейся энергіи и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго грубаго и неразборчиваго въ средствахъ приказнаго честолюбія. Какъ организаторъ и руководитель обширнаго доноснаго дѣла, онъ съ этой цѣлью завелъ у себя свою домашнюю *„затѣйную канцелярію"*. Такъ

послѣ называлъ эту приватную компанію доносчиковъ самъ Яготинецъ. Тутъ были отставные маіоры, поручики, однодворцы, гренадѐры и гвардейскіе солдаты, прогнанные за разные грѣхи писаря и даже простые господскіе люди. *„Затѣйная канцелярія“* доставляла обильный матеріалъ для бѣлгородской слѣдственной коммиссіи, которая въ своемъ составѣ дѣлилась на какія то партіи, конечно, по личнымъ счетамъ, причемъ на сторонѣ Пассека былъ, между прочимъ, другъ его дома по терминологіи интимной переписки доносчиковъ Яготинца и др.,—„старикъ“,—полковникъ Дуровъ. Этотъ „старикъ“ нерѣдко вмѣстѣ съ Пассекомъ вдохновлялъ Яготинца на доносы, указывалъ ему темы, читалъ приватно у себя на дому черновые проекты этихъ доносовъ, исправлялъ ихъ, и потомъ самъ же оффиціально принималъ въ слѣдственной коммиссіи. Внѣ этой партіи и даже, можетъ быть, противниками ея выступали другіе военные и статскіе чины коммиссіи, между прочимъ полковникъ Огаревъ и какой то Чемезовъ.

О личности самого губернатора Салтыкова—главнаго объекта преслѣдованій Пассека почему то ничего нѣтъ въ нашемъ „дѣлѣ“. Въ немъ нѣтъ ни прямыхъ фактическихъ обвиненій противъ него, ни его собственныхъ объясненій. Это полное отсутствіе данныхъ о самомъ губернаторѣ скорѣе всего можетъ быть объяснено особымъ о немъ производствомъ, которое не вошло въ наше „дѣло“,—или же, можетъ быть, составило неизвѣстный намъ особый его отдѣлъ.

Личность самого Пассека намъ невольно напоминаетъ извѣстнаго героя одной южнорусской сказки,—классическаго „горобця молодця“,—который, какъ извѣстно, пламенно преслѣдовалъ въ своей жизни одну только цѣль, чтобы его, „горобця молодця, былынка поколыхала“. Такой именно былинкой было для Пассека губернаторское кресло въ Бѣлгородѣ, и, какъ увидимъ ниже, онъ заплатилъ своей дальнѣйшей карьерой за эту свою задушевную мечту.

Здѣсь мы сдѣлаемъ небольшую мимоходную оговорку. Всѣ излагаемые нами факты почти исключительно заимствуются изъ показаній вольныхъ и невольныхъ кліентовъ слѣдственной

коммиссіи; а въ такихъ источникахъ, понятно, нельзя ждать полной объективности. Тутъ почти каждый участникъ не столько думаетъ объ „истинѣ“, сколько о самомъ себѣ. Поэтому руководящей нитью при пользованіи подобнымъ матеріаломъ можетъ быть отчасти и взаимное сопоставленіе обыкновенно пестраго его содержанія.

Въ нашемъ „дѣлѣ“ большая часть свѣдѣній взята изъ позднѣйшихъ показаній Яготинца, когда онъ увидѣлъ, что звѣда и такого могучаго человѣка, какимъ онъ долгое время считалъ своего патрона Пассека, быстро закатывается. Едва ли можно допустить, чтобы Яготинецъ въ своихъ показаніяхъ всецѣло изобрѣталъ самые факты, хотя, съ другой стороны, показанія его необходимо, конечно, принимать cum grano salis.

Доносныя махинаціи Пассека вначалѣ были весьма успѣшны: въ самой слѣдственной коммиссіи старшій членъ ея „старикъ“ полковникъ Дуровъ былъ для Пассека почти alter ego. Къ этому-то времени относится и поѣздка Яготинца въ Москву и Петербургъ, также по порученію Пассека; тогда же велась обширная переписка Яготинца съ однодворцемъ Панковымъ, какъ видно, также въ интересахъ ихъ общаго патрона. Послѣ, когда вѣтеръ подулъ въ другую сторону и дѣятельность бѣлгородскаго вице-губернатора попала на какіе-то подводные камни, эта интимная переписка пріятелей очутилась въ рукахъ бѣлгородской слѣдственной коммиссіи, гдѣ, между прочимъ, вызвала рядъ недоразумѣній тѣми „странными именами“ и условными выраженіями, которыя встрѣчались въ ней [1]). Такъ, въ этой перепискѣ, между прочимъ, говорилось: „пожалуй, батюшка-братецъ, стараніемъ вашимъ представляйте обо всемъ; авось не то, то другое попадется въ дѣло, а доказывать станемъ по нихъ всѣ, не одинъ; только бы порознь насъ нынѣ Чемезовъ не получилъ, ибо обѣщався . . . . . до смерти насъ за доносы помучить . . . . . упоминайте братъ, дабы прежде слѣдствія

---

[1]) Изъ этой переписки въ нашемъ дѣлѣ сохранились только немногіе отрывки въ копіяхъ, безъ начала и конца и помѣты времени. Судя по содержанію, большая часть отрывковъ принадлежитъ перу Яготинца.

доносителей не мучили подъ карауломъ, и другимъ страху не давали, ибо и Огаревъ только и зделалъ, что всѣхъ доносителей и просителей порозгонялъ нарочно отъ коммиссіи з Бѣлгорода, а которые подъ караулы нарочно въ желѣзы посаживалъ и не начинаетъ слѣдовать; Сабельникова дѣвку *Сусликъ* при Огареву бралъ изъ коммиссіи къ себѣ во дворъ и сѣкъ батожьемъ сильно . . . . . Правда, что пришло намъ погибать *чрезъ властную нашу надежду*, а не чрезъ себе; вотъ домы наши разорились до конца и мы страждемъ, а Богъ вѣсть, что еще впредь покажетца, пожалуй не молчите представленіями частыми (далѣе идетъ совѣтъ вызвать слѣдствіе надъ вышеозначеннымъ Огаревымъ) . . . . только бы подъячихъ отъ дѣлъ отрѣшено было всѣхъ и секретаря, а то докажемъ во всемъ . . . . . а они— каналіи—на то гнутъ, чтобы намъ и святой Руси не видать всѣмъ безъ слѣдствія; однако жъ Богъ наша надежда, не молчить, братъ, пожалуй; будемъ всѣ доказывать вмѣстѣ . . . . . *и козаки поможуть во всемъ* . . . . здѣлайте мнѣ хорошенько на имя рекетмейстера одного доношеніе, выбери силу со всѣхъ представленныхъ и съ моихъ цидулокъ, и указъ пропиши 722 г., мая 17-го, какъ ему велѣно таковыхъ содержащихся вездѣ освобождать и *государю представлять* . . . . . съ упоминаніемъ и секретныхъ дѣлъ и всѣхъ безпорядковъ и безстрастнихъ поступокъ, и о бунту Огарева съ товарищи . . . усили, братъ, пожалуй и аншефа съ нумеромъ, напиши и молебствіе прошлогоднее . . . . ". Видимо, идея доноса была уже настолько привита къ отдѣльнымъ грамотнымъ людямъ темной массы, что въ ихъ глазахъ она представлялась уже на степени какого то нравственнаго культа: въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ интимной переписки доносчиковъ слышится даже тонъ страданій за правду, за убѣжденія...

Уже изъ приведенныхъ нами фактовъ видно, какая мутная каша варилась въ приказной бѣлгородской сферѣ. Съ одной стороны Пассекъ съ своими, какъ видно, иногда весьма наивными клевретами, о которыхъ по всей вѣроятности можно было

бы сказать: не вѣдают бо еже творятъ; съ другой, кромѣ губернатора, какіе то безличные его пріятели или сторонники, почти кнутомъ разгонявшіе доносчиковъ, и въ числѣ этихъ противниковъ добровольческаго доноса мелкая подъяческая братія бѣлгородской канцеляріи, а въ числѣ союзниковъ „затѣйной канцеляріи“ Пассека, какіе то козаки, вѣроятно, бывшей сѣнянской сотни ахтырскаго полка [1]).

Судя по нашимъ матеріаламъ (прерываемымъ большими пробѣлами), Яготинецъ долго и преданно служилъ темнымъ дѣламъ Пассека, и только когда за свою наклонность защищать „правду“ ябедой и заказными доносами, онъ былъ наказанъ плетьми при бѣлгородской канцеляріи, то, по оффиціальному свидѣтельству своего бывшаго пріятеля Панкова, впалъ въ тяжелое раздумье: по наказаніи плетьми Яготинецъ вышелъ изъ прихожей камеры коммиссіи и на лѣстницѣ, ведшей на крышу канцеляріи, будто бы произнесъ такой монологъ: *„ой государь нашъ Богданъ Иванычъ!* самъ ты пропадешъ и насъ своимъ дѣломъ погубишь!“

При такомъ поворотѣ въ судьбѣ дѣятелей „затѣйной канцеляріи“, самъ Панковъ сознавался, что Яготинецъ былъ отправляемъ Пассекомъ въ Москву и Петербургъ, какъ и другіе, „для доносовъ и умноженія прошеніевъ“.

На допросѣ въ бѣлгородской слѣдственной коммиссіи въ іюнѣ 1751 года Яготинецъ весьма уклончиво объяснялъ темныя и условныя выраженія, а также и разныя обвиненія на нѣкоторыхъ чиновниковъ въ своей интимной перепискѣ съ однодворцемъ Панковымъ. Слѣдственная коммиссія письменно допрашивала: „писалъ ты... яко бы васъ мучатъ на смерть и воровскому де представленію Огареву не вѣрить и генералъ-аншефтъ Сусликово воровство явно закрываетъ, того ради показать тебѣ кто имянно и какимъ... образомъ тебя мучатъ и отъ Огарева какое и куды воровское представленіе имѣлось и генералъ-аншефтъ (Ф. Бисмаркъ) какое Сусликово воровство

---

[1]) Нынѣ селеніе Сѣнное богодуховского уѣзда харьковской губерніи.

закрываетъ и кто таковъ имянно Сусликъ и въ какомъ воровствѣ отъ аншефа закрытъ?".

Яготинецъ, какъ на эти, такъ и на послѣдующіе вопросы отвѣчалъ довольно уклончиво, часто ссылаясь на то, что онъ это дѣлалъ „с природной своей черкасской простоты", что его никто не мучилъ, а только, въ бытность его, Яготинца, подъ карауломъ, не давали ему „пропитанія", что отъ полковника Огарева „представленіе въ Правительствующій Сенатъ і въ государственную военную коллегію ..... было о содержаніи его, Яготинца, подъ карауломъ", что это представленіе полковникъ Огаревъ писалъ одинъ отъ себя безъ бывшаго въ слѣдственной коммиссіи присутствующаго полковника Дурова „въ томъ представленіи писалъ, что онъ его задержалъ въ колодке подъ карауломъ і якобы отъ ахтырскаго полку на писаря Перебиносова доносилъ неправилно... а генералъ-аншефъ и кавалеръ фонъ-Бисмаркъ Сусликово воровство, т. е ахтырскаго слободскаго полку полковника Ивана Лесевицкаго закрываетъ потому, что принявъ оной генералъ-аншефъ отъ него, Лесевицкаго, і протчихъ мимо оной коммиссіи на бывшаго присудствующаго полковника Дурова к подозренію о неприсудствіи ему въ оной комисіи по его Яготинця деламъ неправильные доношеніи, а о чемъ в тѣхъ доношеніяхъ значить именно и чинитъ к ихъ ползѣ всякія способы т. е. *въ конфирмаціи и наказанію сѣннянскихъ козаковъ* за присланнимъ ис комисіи в ахтырскую п лк. канцелярію о свободе ихъ и с подкараула указомъ и на него, Яготинця, многие отъ него доношеніи принималъ; въ разныя места представлялъ къ ихъ надобности. А сусликомъ называлъ онаго Лесевицкаго в такомъ случае, что онъ всегда безпрестанно бывалъ пьянъ, а по черкасскому наречію кто пьетъ, то и сусликъ".

Далѣе Яготинца спрашивали: „что значитъ его письмо къ Панкову, гдѣ Яготинецъ говоритъ, что ему, Панкову, худо будетъ, „видишь какая нынѣ правда и судъ, не хуже Шемякина, да прибирай всякия способы (приводилось въ вопросѣ письмо Яготинца) батюшки старику, къ доказательству врагу Огареву і причомъ подъячие все і секретарь радуются і раз-

глашають то, что по своимъ представленіямъ во всемъ на нихъ останется і Огаревъ де стоитъ с Чемезовымъ вмѣсте в Жеребцовомъ дворѣ и дрова палють государевы"...

По содержанію этихъ краткихъ извлеченій изъ писемъ слѣдственная коммиссія допрашивала Яготинца:

Какое это худо будетъ Панкову и гдѣ это производится судъ не хуже Шемякина, „і какому врагу Огареву къ доказательству старику способы пріискивать, і кто таковъ старикъ, і Огаревъ какой врагъ, і что подъячіе радуются и разглашаютъ"..., и какіе государевы дрова палились... и „какую ты Ивану Иванову сыну, а чей прозванія не показано, імянно отъ суслика оборону изделалъ, и кто онъ таковъ і сусликъ... и какия враги до вашихъ головъ добираются, въ томъ же твоемъ письмѣ написано Севергина совсемъ де повели было в застенокъ розыскивать, только запѣлъ соловья і к нему де шесть человѣкъ определено?". На все это коммиссія требовала объяснительныхъ отвѣтовъ.

Яготинецъ отвѣчалъ, что про худо для Панкова онъ писалъ потому, что Панковъ находился въ побѣгѣ отъ коммиссіи и чтобы поэтому имѣлъ осторожность, дабы его не поймали, такъ какъ о немъ были публикаціи; а про Шемякинъ судъ писалъ въ томъ смыслѣ, что начатое въ бѣлгородской губ. канцеляріи дѣло „по доносу ево на ахтырскаго полковника и протчихъ производилось в той канцеляріи не в силу о суде формы инымъ образомъ о чемъ отъ его и въ поданомъ въ Правительствующемъ Сенате доношеніи показано, и для того онъ с простоты своей оному Панкову Шемякинъ судъ и написалъ, а что бы онъ, Панковъ, прибиралъ способы батюшки старику, т. е. реченному полковнику Дурову, к доказательству врагу подполковнику Огареву по імѣющейся у нихъ между собою ссоре, а Огаревъ подлинно врагъ, т. е. по кресту сатане(?) і то онъ писалъ к сожалѣнію его полковника Дурова для того, что оный полковникъ, будучи при коммиссіи, чинилъ по имѣющимся ево в коммиссіи дѣламъ всякия к доносу ево способы и о немъ Яготинце сожеленіе, что жъ подъячіе і секретарь радуясь разглашаютъ, что по своимъ представленіямъ

на нихъ во всемъ оной полковникъ останется, слышалъ онъ, будучи в коммиссіи (а отъ кого за давностію не помнитъ)", и о сожиганіи казенныхъ дровъ Огаревымъ онъ, Яготинецъ, слышалъ еще въ прошломъ 1750 году отъ караульныхъ... „Ивану Дощечкину отъ Суслика (Лесевицкаго) оборону зделалъ такимъ случаемъ: какъ оной Дощечкинъ из Бѣлагорода отезжалъ в С.-Петербургъ, то при отездке далъ ему на нихъ, Лесовицкихъ, і прочихъ объявленіе, дабы онъ подалъ где надлежитъ, почему онъ бывшему въ Бѣлѣграде вице-губернатору Б. И. сыну Пассеку, по пріѣзде ево в С.-Петербургъ, і подалъ, а чего для онъ то объявленіе показанному Пассеку подалъ, того онъ не знаетъ, а оной Пассекъ предъявилъ в Прав. Сенате, а із Сената при указе отослано в *тайную канцелярію*, о чемъ іс тайной канцеляріи о изслѣдованіи оныхъ Лесовицкихъ с товарыщи и указъ во оную коммиссію присланъ, а они Лесовицкие імѣли на него вражду, п. ч. онъ с нимъ знаемость імѣетъ, чтожбы означенной Панковъ берегъ старика, т. е. полковника Дурова, от означеннаго Лесовицкаго с товарыщи потому, что они на него подали подозреніе, а до ихъ головъ, т. е. до него Панкова і его Яготинца, враги добираются означенной полковникъ Лесовицкій и протчіе ихъ согласники, на которыхъ отъ него, Яготинца, о інтересе доносъ показалъ, а назвалъ онъ оного Лесовицкаго и другихъ врагами, что по кресту всякъ христіанинъ на сатану врагъ, что жъ Севергина повели в застенокъ разыскивать, (то онъ, Яготинецъ, слышалъ отъ караульныхъ солдатъ), что оной Севергинъ приходя въ ту канцелярію на крыльце кричалъ: імѣетъ де онъ, Севергинъ, доказать по 1 и 2 пунктамъ . . . . " Далѣе Яготинецъ объясняетъ, что „кутком" онъ называлъ домъ вице-губернатора Пассека, откуда ему присылали пищу и вообще Пассекъ, самъ участвовавшій въ этой коммиссіи, оказывалъ ему, Яготинцу, всякое вниманіе.

Дальнѣйшіе вопросы и отвѣты подтверждаютъ, какъ уже замѣчено выше, что въ самой слѣдственной коммиссіи было по крайней мѣрѣ двѣ партіи: на одной сторонѣ былъ Пассекъ, чуть ли не душа и творецъ всей этой слѣдственной кутерьмы, полковникъ Дуровъ, ихъ мелкіе клевреты, Панковъ и Яготи-

нецъ съ компаніей другихъ безъименныхъ сотрудниковъ, а на другой—Огаревъ, какой-то подполковникъ Чемезовъ, почему то секретарь и подъячіе, вѣроятно, той же бѣлгородской канцеляріи. Эта послѣдняя партія, равно какъ и генералъ-аншефъ фонъ-Бисмаркъ были, повидимому, на сторонѣ полковника Лесевицкаго и, можно думать, вообще ахтырской полковой старшины. Яготинецъ въ своихъ письмахъ такъ и выражался, что ихъ враги (во главѣ которыхъ онъ, видимо, ставитъ Огарева) „всѣ вмѣстѣ одну думу думаютъ съ Чемезовымъ, секретаремъ и со всѣми подъячими". Судя по содержанію вопросовъ коммиссіи и отвѣтовъ Яготинца, можно полагать, что раскрытіе полной истины не составляло главной заботы ни вопрошавшихъ, ни отвѣчавшихъ. Можетъ быть, даже для самой слѣдственной коммиссіи такіе люди какъ Панковъ и Яготинецъ были въ своемъ родѣ опасные субъекты, ибо они уже знали доносные пути и въ высшія сферы; а въ положеніи Яготинца чистая правда тоже не могла быть удобна, уже въ виду одной близости застѣнка. Вѣроятно, поэтому какъ вопросы, такъ и отвѣты многаго не договаривали и, можетъ быть, даже стороны были довольны лаконизмомъ рѣчей, причемъ въ болѣе трудныхъ случаяхъ Яготинецъ многое сворачивалъ на свою „природную черкасскую простоту".

Только уже въ августѣ 1751 года существовавшая въ Бѣлгородѣ слѣдственная коммиссія „о губернаторѣ Салтыковѣ съ товарищи и о прочихъ" доносила въ прав. Сенатъ, что извѣстный намъ Павло Яготинецъ подалъ въ эту слѣдственную коммиссію „извинительное доношеніе", въ которомъ онъ объяснялъ, что прежніе его доносы въ Прав. Сенатъ, въ государственную юстицъ-коллегію и въ бѣлгородскую слѣдственную коммиссію „на губернатора съ товарищи и на протчихъ въ разныхъ обстоятельствахъ... чинены по наущенію статскаго совѣтника Пассека, по которымъ онъ ни въ чемъ доказать не можетъ"... и просилъ, чтобы „по всемъ поданнымъ отъ него на реченнаго губернатора съ товарищи доношеніямъ слѣдствія не производить"...

На этотъ разъ объясненія Яготинца были, повидимому, уже болѣе искренни, можетъ быть, даже и вполнѣ справедливы. Онъ разсказалъ теперь уже объ извѣстномъ намъ пріѣздѣ Пассека въ Ахтырку зимой 1746 года, и о томъ, какъ во время этого пріѣзда онъ, Яготинецъ, пользуясь содѣйствіемъ какого то козака Прокофія Власова, объяснилъ Пассеку возникшія, по мнѣнію Яготинца, злоупотребленія со стороны служащихъ ахтырской полковой канцеляріи относительно „описныхъ Перекрестовскихъ селъ и деревень“ (какія то двѣ „фальшивыя инструкціи“), что, благодаря даннымъ старшиною Пассеку взяткамъ, онъ, Пассекъ, велѣлъ объ этомъ доносѣ какъ ему, Яготинцу, такъ и полковому писарю Кардашевскому и женѣ вышеназваннаго козака Власова „подъ страстіемъ“ молчать, а Кардашевскаго все таки, ради внушенія спасительнаго страха старшинѣ, чтобы вѣрнѣе вызвать ее на дачу взятки, продержалъ нѣкоторое время подъ карауломъ. Далѣе, Яготинецъ писалъ, что, видя молчаніе и бездѣятельность Пассека, онъ сдѣлалъ тотъ же самый доносъ „обретающемуся“ въ описныхъ Перекрестовскихъ деревняхъ капитану Ребинину, а потомъ въ бѣлгородскую губ. канцелярію „о техъ ихъ полковника Лесевицкаго с старшиною похищеніи денежной казны *и въ разныхъ народныхъ обидахъ и налогахъ*“...

Доносъ этотъ, по свидѣтельству самого Яготинца, не прошелъ даромъ. Ахтырскій полковникъ и старшина „были сысканы“ въ бѣлгородской губернской канцеляріи, гдѣ и слѣдствіе производилось, „и во многихъ ихъ непорядкахъ и интересѣ и приличились“, но слѣдствіе это, объяснялъ Яготинецъ, къ окончанію не приведено. По этому дѣлу Яготинецъ сидѣлъ подъ карауломъ; а по освобожденіи изъ подъ караула въ томъ же 1746 г. статскій совѣтникъ Пассекъ, бывшій еще въ то время „присутствующимъ“, призвалъ Яготинца къ себѣ въ домъ и „только для одной съ г. губернаторомъ ссоры“ началъ говорить ему, что по его, Яготинца, доносу на ахтырскую старшину, вслѣдствіе происковъ губернатора Салтыкова, совѣтника Безобразова, прокурора Каминина „и прочихъ“ никакого слѣдствія не будетъ. При этомъ Пассекъ приказалъ Яготинцу „только для одной

своей надобности для прошенія о нихъ ѣхать въ Москву и С.-Петербургъ", обѣщавши дать на дорогу все потребное. При этомъ Пассекъ говорилъ также, что въ Москвѣ и С.-Петербургѣ „на онаго губернатора Салтыкова с товарищи просителей и доносителей довольно; и какъ де по ихъ, такъ и по моему прошенію ихъ, губернатора и протчихъ, отъ своихъ мѣстъ отрѣшатъ, а будетъ—де онъ... Пассекъ (въ оной губерніи) губернаторомъ".

Затѣмъ Яготинецъ подробно объясняетъ тѣ причины, которыя сдѣлали его послушнымъ орудіемъ Пассека: онъ, Яготинецъ, самъ лично слышалъ „обнадеживанія" своего патрона, что онъ, Пассекъ, будетъ въ Бѣлгородѣ „настоящимъ губернаторомъ" вмѣсто Салтыкова; что Салтыковъ, по словамъ Пассека, „чинитъ происки къ пользѣ ахтырской старшины", а еще болѣе, писалъ Яготинецъ, онъ сталъ ревностнымъ слугой сановнаго патрона потому, что Пассекъ въ то время былъ „командиръ" и поэтому Яготинецъ уже не могъ идти противъ его „повелѣнія" и долженъ былъ отправиться въ Москву „для прошенія на онаго губернатора".

Вся упомянутая выше доносная операція, какъ видно, была точно продѣлана въ Москвѣ Яготинцемъ и еще какимъ то крестьяниномъ Марковымъ, также по порученію Пассека, (согласно съ инструкціей Пассека онъ подалъ свое доношеніе въ контору Сената въ Москвѣ). Сенатъ снесся съ юстицъ-коллегіей, вслѣдствіе чего отъ губернатора Салтыкова „съ товарищи велѣно взять отвѣтъ". Но Москвой не ограничилось доносное радѣніе Яготинца: хорошо вооруженный наставленіями своего патрона, онъ отправился еще въ С.-Петербургъ, гдѣ также подалъ въ Прав. Сенатъ „доношеніе" и такимъ образомъ цѣль патрона была достигнута: изъ Петербурга получилось предписаніе въ бѣлгородскую слѣдственную коммиссію „о губернаторѣ Салтыковѣ съ товарищи" произвести по этому предмету изслѣдованіе.

Изъ своей доносной экспедиціи на сѣверъ Яготинецъ возвратился въ Бѣлгородъ въ концѣ іюля 1748 года, немедленно явился онъ въ домъ Пассека, гдѣ и прожилъ „на его коштѣ" семь дней. По словамъ Яготинца, Пассекъ и въ это время былъ еще

„надъ бѣлгородскою губерніею командиромъ“, т. е. нужно предполагать, что по причинѣ нахожденія подъ слѣдствіемъ губернатора Салтыкова, Пассекъ временно управлялъ губерніею. И вотъ въ это то время „командиръ бѣлгородской губерніи“ снисходилъ порой до крайне фамильярной простоты въ обращеніи съ своимъ вѣрнымъ клевретомъ Яготинцемъ, какъ показываетъ, напримѣръ, такой разсказываемый Яготинцемъ фактъ. Пассекъ былъ въ это время крупнымъ землевладѣльцемъ чугуевскаго уѣзда: ему принадлежали здѣсь села Рогань и Салтово. Въ одномъ изъ этихъ селъ проживалъ у Пассека маляръ Павелъ (фамиліи его Яготинецъ не припомнилъ). И вотъ этотъ маляръ. по заказу и композиціи Пассека, создалъ замѣчательную въ своемъ родѣ картину, которую Пассекъ удостоилъ показать и Яготинцу „къ единой себѣ похвалѣ, добавлялъ каявшійся доносчикъ, а надъ бѣдными (т. е. изображаемыми на картинѣ персонами) къ немалому... сумнительству“. На этой картинѣ были „написаны персоны“ соперниковъ Пассека: губернатора Салтыкова, коллежскаго совѣтника Безобразова, прокурора Коминина „и прочихъ, съ надписаніемъ надъ каждымъ срамныхъ и весьма укорительныхъ словъ, а себя“, откровенно продолжалъ Яготинецъ, „на особомъ мѣстѣ учиня и подписавъ к прописи къ бытію губернаторомъ и называя себе защитителемъ“... По поводу созерцанія картины Яготинецъ наивно сознается, что это обстоятельство „паки зело привело (его) къ содержанію стороны Пассека“. При этомъ случаѣ „командиръ“ губерніи говорилъ Яготинцу: „Видишь! Не токмо я въ дѣлѣ и персонально ихъ на словахъ укоряю, но и персоны ихъ для единаго ругательства и посмеянія пишу! Самъ же ты изо всего видишь, что имъ меня не перемочь, но я де ихъ перемогу и всехъ ихъ изъ Бѣлгорода выживу“.

Желая изобразить себя въ видѣ беззащитной жертвы Пассека, Яготинецъ, не измышляя, конечно, самихъ фактовъ, освѣщалъ и толковалъ ихъ по своему, и при этомъ крайне умалялъ свою собственную добрую волю—быть или не быть доносчикомъ, ссылаясь, между прочимъ, и на то, что онъ долженъ былъ исполнять повелѣнія своего могучаго патрона, „яко черкасскаго

простаго народа человѣкъ". По словамъ Яготинца, Пассекъ направлялъ удары своихъ подпольныхъ махинацій не только на ближайшихъ соперниковъ въ средѣ бѣлгородской бюрократіи, но успѣвалъ рыть ямы и далекимъ противникамъ: такъ, онъ преслѣдовалъ своей доносной интригой даже сенатскаго секретаря, какого то Судакова „и потому знатно не токмо кому въ дѣлахъ составы имѣлъ, но уже и ни къ чему непристойно означенное сочинялъ".

По отрѣшеніи Пассека отъ присутствія въ бѣлгородской губернской канцеляріи и по выѣздѣ его въ Москву, Яготинецъ, „по знаемости и обнадеживанію" почти ежедневно находился въ домѣ Пассека, при его женѣ и семействѣ, вмѣстѣ съ однодворцемъ Панковымъ и гренадеромъ Коневымъ. Все это были исполнительные агенты въ извѣстной уже намъ дѣятельности Пассека, и потому достаточно опытные люди въ этомъ дѣлѣ.

Въ это время уже сама жена Пассека всячески ободряла и обнадеживала „доносителей", чтобы они „не робѣли", по прежнему утверждала, что ея мужъ будетъ губернаторомъ, а Салтыкова отрѣшатъ; „къ тому-жъ обрѣтающійся въ оной коммиссіи бывшій присутствующій полковникъ Дуровъ имелъ зъ женою онаго Пассека неразрывную дружбу, и всегда днемъ и вечеромъ ѣзживалъ къ показанной женѣ его"...

Какъ видно, жена Пассека сама была ревностной сотрудницей мужа въ излюбленной имъ спеціальной дѣятельности приказной интриги. Такъ, Пассекъ уже изъ Москвы прислалъ черновой образецъ доноса на какихъ то князей Трубецкихъ „и протчихъ якобы о винокуреніи въ противность указовъ и въ завладѣніи однодворческихъ земель". Этотъ доносъ Пассекъ поручалъ Яготинцу переписать на бѣло и подать Дурову; но Яготинецъ объяснилъ теперь, что онъ всячески старался уклониться отъ этого доноса, такъ какъ самъ не зналъ ничего противозаконнаго за Трубецкимъ и „къ тому-жъ въ пользу его, Пассека, во многия постороннія доносы ввязался". Въ виду такого колебанія Яготинца, г-жа Пассекъ прислала ему черезъ однодворца Панкова 50 коп. денегъ, а чрезъ гренадера Конева 8 бѣлыхъ овчинъ на шубу, всякихъ харчей и еще нѣсколько денегъ.

Значеніе полковника Дурова усиливалось еще и тѣмъ, что, по словамъ Яготинца, „по указу государственной военной коллегіи (ему, Дурову) поручены были въ ведомство всѣ слободскіе полки“. При такой-то обстановкѣ, говорилъ Яготинецъ, боясь быть обвиненнымъ за свой доносъ и на ахтырскую полковую старшину, „а болѣе отъ вышепоказанной... природной простоты черкасской“... онъ, Яготинецъ, подавалъ полковнику Дурову „многія доношенія... на губернатора Салтыкова съ товарищи и на протчихъ“. Подача этихъ доносовъ была организована весьма старательно: прежде формальнаго поступленія доноса, Дуровъ предварительно у себя въ квартирѣ разсматривалъ, такъ сказать, проектъ доноса и затѣмъ уже „по аппробаціи веливалъ себѣ подавать“. Теперь только Яготинецъ, вспоминая всѣ эти „многія доношенія“, сознавался, что онъ не зналъ за губернаторомъ съ товарищи ничего изъ того, что было сочинено имъ въ доносахъ, и потому подтвердить эти доносы не можетъ ничѣмъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Яготинецъ и его сотрудники по доноснымъ дѣламъ, какъ видно, также возлагали всѣ свои упованія на многократныя обѣщанія супруговъ Пассековъ и ихъ преданнаго друга Дурова, въ томъ, что „дано будетъ наставленіе къ доказательству“, причемъ и Дуровъ „обязывался по коммиссіи по тѣмъ доношеніямъ во всемъ вспомогать и служить“. Такимъ образомъ, когда въ послѣднее время фортуна стала измѣнять Пассеку, Яготинецъ самъ уже во всемъ выдавалъ своего прежняго патрона. Но зато онъ и теперь не отказывался отъ своихъ доносовъ на ахтырскую старшину вообще и полковника Лесевицкаго въ особенности. Положеніе Яготинца, видимо, было весьма затруднительно; такъ какъ неуспѣхъ его доноса оставлялъ его, какъ ахтырскаго обывателя, подъ „командой“ неосновательно оговоренной имъ полковой старшины. Такъ объяснялъ свою доносную дѣятельность Яготинецъ уже въ августѣ 1751 года, когда повернулъ уже спиной къ бывшему патрону. Въ сентябрѣ того же 1751 года бѣлгородская слѣдственная коммиссія (все таки называвшаяся коммиссіей о губернаторѣ Салтыковѣ съ товарищи и прочихъ) доносила въ правительств. Сенатъ, что „состоящій“ при этой коммиссіи писарь

Яготинецъ подалъ „доношеніе“ на жену статскаго совѣтника Пассека Анастасію Яковлеву дочь и на бывшаго бѣлгородскаго магистрата президента Михаила Андреева „въ сочиненіи подписки“ однодворцевъ бѣлгородскаго уѣзда и другихъ городовъ и деревень, „и въ привлеканіи ихъ къ той подпискѣ приложить руки, яко бы они не желаютъ быть дѣйствительному статскому совѣтнику и бѣлгородскому губернатору Салтыкову въ оной губерніи губернаторомъ, а будьто желаютъ быть оному Пассеку“, и кромѣ того, что супруги Пассеки составили еще новый доносъ, будто бы отъ имени уже упомянутаго нами гренадера лейбъ-гвардіи преображенскаго полка Сидора Конева, опять таки на губернатора Салтыкова съ товарищи, причемъ этотъ доносъ назначался къ подачѣ ея императорскому величеству и въ сенатъ.

Въ этомъ послѣднемъ своемъ „доношеніи“ отъ 1751 г. Яготинецъ, между прочимъ, объяснилъ: вице-губернаторъ Пассекъ имѣлъ для своихъ доносныхъ дѣлъ (къ разнымъ въ составахъ доносамъ и челобитнымъ“...) „особливую затѣйную канцелярію“, при которой состояли „для письма многіе разные люди“. Эти „разные люди“ то привлекали своими извѣтами многихъ въ слѣдственную коммиссію, то сами съ перемѣной вѣтра попадали въ передѣлку. Тутъ же Яготинецъ объяснялъ, какъ иногда агенты Пассека якобы сами подводили его на доносы обильными угощеніями и пріятельскимъ обращеніемъ, причемъ опять ссылается на свою „природную черкасскую простоту... *а паче на незнаніе русскаго обходительства*“. Онъ припоминалъ теперь, какъ одинъ доносъ на Салтыкова, будтобы продиктованный ему, Яготинцу, въ пьяномъ видѣ, однимъ изъ дѣятелей „затѣйной канцеляріи“ Пассека, съ вѣдома и тайнаго поощренія самого Дурова, былъ этимъ послѣднимъ почему-то отправленъ на украинскую линію къ генералъ-маіору Лунину (или Лукину), отъ котораго по этому случаю получился ордеръ Дурову, чтобы Яготинца содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, чернилъ и бумаги не давать. Самое же письмо, т. е. доносъ Яготинца отосланъ былъ въ государственную коллегію, а затѣмъ въ правит. сенатъ.

На этотъ разъ Яготинецъ уже не щадилъ бывшихъ своихъ товарищей по доносу,—т. е. различныхъ „композиторовъ затѣйной канцеляріи“ бѣлгородскаго вице-губернатора, можетъ быть, и потому, что въ сентябрѣ 1751 г. онъ замѣтилъ уже явный перевѣсъ какой-то другой партіи въ слѣдственной коммиссіи. Теперь Яготинецъ утверждалъ, что согласники и агенты Пассека—полковникъ Дуровъ, маіоръ Жилинъ, и прапорщикъ Дощечкинъ, „яко одного... съ Пассекомъ совѣту и нынѣ, къ оному Пассеку великую склонность имѣя, чинятъ частыя сходбища и общія денно и нощные совѣты въ домѣ онаго Пассека и невѣдомо какіе хитростію своею составы составляютъ, знатно ни для чего другаго только для единаго того избывая явной своей вынности...“; при этомъ Яготинецъ добавлялъ, что Дощечкинъ и Жилинъ, „езживая на Болховецъ и въ другія мѣста, подбываютъ и научаютъ простой народъ однодворцевъ, составляя имъ вмѣстѣ съ полковникомъ Дуровымъ на господъ оной коммиссіи присутствующихъ некакое затѣйное высшей апеляціи представленіе...“

Въ заключеніе Яготинецъ объясняетъ, что Пассекъ и его семья склоняла „въ свой фарватеръ или дорогу“ разныхъ чернорабочихъ „композиторовъ“, въ родѣ гренадера Конева и ему подобныхъ, путемъ лести, а также деньгами и харчевыми припасами... и проситъ выслать въ слѣдственную коммиссію жену и сына Пассека и облегчить ему, Яготинцу, послѣдственное положеніе подъ крѣпкимъ карауломъ, дабы онъ не былъ безгласенъ, а могъ бы имѣть о себѣ свободный голосъ...“ и кромѣ того проситъ еще „за болѣзнію ногъ снять (съ него) желѣзы“, оставивъ его только подъ обыкновеннымъ присмотромъ слѣдственной коммиссіи.

На этихъ фактахъ обрываются въ нашемъ „дѣлѣ“ всѣ свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ бѣлгородскаго „командира“ и его темныхъ подручниковъ. Только случайно и еще на одинъ моментъ освѣщается судьба Пассека, можетъ быть, чрезъ 2—3 года послѣ разсказанныхъ нами его дѣяній.

Извѣстно, что епископъ Іосафъ Горленко былъ на бѣлгородской каѳедрѣ съ 1748 по день смерти—въ концѣ 1754 года.

Авторъ „Описанія харьковской епархіи“, излагая ревностно-христіанскую дѣятельность этого архипастыря, приводитъ изъ его жизни, между прочимъ, такой случай. „Архипастырь, говоритъ нашъ авторъ, творилъ дѣла званія своего въ отношеніи къ несчастнымъ, не взирая на разсчеты человѣческихъ страстей. Генералъ Богданъ Ивановичъ Пассекъ содержался въ Бѣлгородѣ подъ карауломъ. Святитель, не входя въ его дѣло, посылалъ къ нему кушанье со своего стола. Губернаторъ П. М. Свистуновъ счелъ это за защиту *государственнаго преступника*“ и захотѣлъ лично объяснить Іосафу всю неумѣстность его заботъ о важномъ подсудимомъ; но, какъ видно, Іосафъ вполнѣ успокоилъ губернатора, заявивъ ему полную готовность довести объ этихъ своихъ дѣлахъ до свѣдѣнія самой императрицы [1]).

Таковы были описанные нами въ случайныхъ и отрывочныхъ фактахъ дѣла и дѣятели въ Бѣлгородѣ и въ Ахтыркѣ; но въ этой мутной водѣ можно будетъ яснѣе разобраться только при дальнѣйшемъ ознакомленіи съ прошлымъ нашей провинціальной жизни.

А. Ш.

---

[1]) Историко-статистич. описаніе харьков. епархіи отд. I, стр. 34.

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

VI.[2]).

Смерть моей матери.— Домъ и семейство Северины Залевской.— Болѣзнь и смерть моего дяди, старосты бахтынскаго.

.... Я получилъ эстафету съ извѣстіемъ, что моя дорогая мать заболѣла и что я долженъ какъ можно скорѣе возвратиться домой, такъ какъ хотя болѣзнь ея и не безнадежна, но она хочетъ видѣть меня возлѣ себя. Въ ту же ночь я выѣхалъ на почтовыхъ изъ Варшавы. Я засталъ мать очень слабой. Послѣ трехмѣсячныхъ страданій она скончалась на моихъ рукахъ.

Послѣ смерти матери собрался семейный совѣтъ изъ дяди по отцу и дядей по матери. Исполняя волю покойной, они занялись формальностями по утвержденію ея завѣщанія, и согласно выраженному мною желанію, чтобы сестры получили равныя со мною части въ имѣніи (хотя я имѣлъ по закону право на полученіе трехъ четвертей), члены семейнаго совѣта скрѣпили это рѣшеніе своими подписями, взявъ съ меня обѣщаніе, что я по достиженіи совершеннолѣтія признаю этотъ раздѣлъ предъ судомъ. Имѣніе тотчасъ было оцѣнено; суммы для моихъ сестеръ опредѣлены, а мнѣ досталось три села: Гальчинецъ, Агатовка и Сіомаки со всѣмъ инвентаремъ и домашней утварью. Изъ гар-

---

[1]) „Кіевская Старина", 1891, 5.

[2]) Опускаемъ подробности пребыванія Ч—го въ Варшавѣ.

дероба моей матери я взялъ, по горячимъ просьбамъ сестеръ, шубу изъ чернобурыхъ лисицъ и брилліантовый перстень, принадлежавшіе моей бабкѣ и впослѣдствіи очень мнѣ пригодившіеся.

Я занялся хозяйствомъ и этотъ трудъ, вмѣстѣ съ охотой, былъ единственнымъ моимъ развлеченіемъ; шумныя забавы я разлюбилъ и избѣгалъ многолюдныхъ собраній, но все таки бывалъ у сосѣдей, даже влюблялся, потому что кто же не влюблялся въ молодости. О женитьбѣ я не могъ и думать, такъ какъ былъ совсѣмъ еще молокососомъ. Я былъ сильно влюбленъ въ панну Северину Залевскую изъ Пилипъ, дочь маршалка Залевскаго, которая была старше меня нѣсколькими годами, обладала всѣми прелестями русалки, много читала и была большой энтузіасткой; мы постоянно разсуждали о Байронѣ, о Шекспирѣ и Вальтеръ-Скоттѣ. Она видѣла во мнѣ будущаго писателя и украинскаго рыцаря и всегда говорила, что я рожденъ для великихъ дѣлъ. Слушая это, я однажды такъ расхрабрился, что сказалъ ей, что люблю ее столько же, а можетъ быть и больше, какъ и моего „Долота". У панны Северины было три тетки, старыя дѣвушки. Услышавъ такое своеобразное объясненіе, онѣ чуть не упали въ обморокъ. Я, однако, все таки стоялъ на своемъ и доказывалъ, что сравненіе съ „Долотомъ" есть доказательство самой горячей и искренней любви, потому что съ „Долотомъ" я никогда бы не разстался и никому бы его не отдалъ. Тетки кричали и называли меня варваромъ, но панна Северина вѣрила въ мою любовь.

У панны Северины, кромѣ упомянутыхъ трехъ тетокъ, было еще двѣ сестры, Юзефа и Роза. Очень часто въ Пилипахъ проживала графиня Гудовичъ съ тремя дочерями и пани Туркулъ, также съ очень красивыми дочерями.

Домъ Залевскихъ былъ очень пріятнымъ домомъ, гдѣ собиралось хорошее общество. Здѣсь много читали,—выписывались польскія и иностранныя періодическія изданія,—забавлялись, и танцовали. Душею общества былъ Игнатій Струмилло, котораго звали мѣшкомъ съ новостями, разсказами и остротами.

Полковникъ Гудовичъ имѣлъ страсть къ игрѣ на віолончели, но игралъ такъ немилосердно, что приходилось затыкать

уши и убѣгать изъ комнаты. Это не мѣшало, впрочемъ, ему въ каждый пріѣздъ свой въ Пилипы давать концертъ на віолончели.

Бывалъ тамъ и Фелиціанъ Мясковскій изъ Бабушекъ, владѣлецъ оазиса среди сыпучаго песка, написавшій о себѣ:

Ja Felician z Babuszek i prozą i wierszem
Jestem poetą pierwszem.

(т. е. Я Фелиціанъ изъ Бабушекъ—первый поэтъ и въ прозѣ, и въ стихахъ), паннѣ Розѣ онъ посвятилъ слѣдующій акростихъ:

Róża ma zakalce,
On ma długie palce,
Żeby wyjąc zakalce,
A nie kłuć palce.

(т. е. У розы есть шипы, а у него длинные пальцы, чтобы вынуть шипы и не уколоть пальцевъ) и былъ доволенъ, что начальныя буквы каждаго стиха составляли слово Roża, а когда Струмилло замѣтилъ ему, что не было значка надъ о и, слѣдовательно, не выходило Róża, то бѣднякъ такъ былъ опечаленъ, что поѣхалъ за совѣтомъ къ Константину Піотровскому, котораго называлъ патріархомъ поэтовъ, и въ Пилипы больше не возвращался.

Изъ другихъ посѣтителей замѣчателенъ былъ Викентій Омецинскій. Прежде онъ отличался такимъ мягкимъ сердцемъ и такою нервностью, что не могъ взять въ руки ружья, а когда однажды увидѣлъ зайца, растерзаннаго борзыми, то удалилъ всѣхъ борзыхъ изъ села; при видѣ убитой курицы у него дѣлалось сердцебіеніе. Однажды нѣкто Тележинскій, бывшій офицеръ польскихъ войскъ, человѣкъ самолюбивый и вспыльчивый, нанесъ тяжкое оскорбленіе его старику-отцу и сестрѣ. Омецинскій принужденъ былъ вызвать его на поединокъ. Секунданты, Янъ Омецинскій и Анастасій Дуниъ, не могли окончить дѣло миромъ. Тележинскій упорно не хотѣлъ извиниться. Викентій Омецинскій, зажмуривъ глаза и отвернувшись, выстрѣлилъ и такъ несчастливо, что положилъ противника на мѣстѣ. Началось слѣдствіе. Омецинскій былъ приговоренъ къ отдачѣ въ солдаты безъ выслуги, но, избѣгая наказанія, онъ уѣхалъ въ Грецію; тамъ онъ вступилъ въ ряды филэллиновъ и сдѣлался храб-

рымъ солдатомъ; потомъ, безъ всякой протекціи, единственно во вниманіе къ его храбрости, онъ былъ принятъ во французскую армію и сдѣлался адъютантомъ генерала Шнейдера. Дослужившись до чина капитана и получивъ орденъ почетнаго легіона, онъ былъ помилованъ, по ходатайству короля Карла X. Анастасій Дунинъ также долженъ былъ эмигрировать за границу, а Янъ Омецинскій представилъ 24 свидѣтеля-шляхтича, которые подъ присягой показали, что видѣли его въ день поединка въ Бердичевѣ, и благодаря этому былъ оправданъ.

Едва окончился у насъ срокъ траура по матери, какъ получено было извѣстіе, что дядя мой Каэтанъ Чайковскій, староста бахтынскій и подкоморій венденскій, сильно захворалъ и лежитъ въ постели въ Ходоровѣ, селѣ радомысльскаго уѣзда.

Староста былъ бездѣтенъ; девяносто съ лишнимъ лѣтъ прожилъ онъ на свѣтѣ и нажилъ милліоны, заключавшіеся въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ и долговыхъ обязательствахъ. Хотя объ его болѣзни не было объявлено ни въ газетахъ, ни черезъ нарочныхъ, но всѣ наслѣдники съѣхались въ одинъ день. Никакая колонна самаго лучшаго войска не выполнила бы такъ блистательно форсированнаго марша, какъ эти наслѣдники—дѣти трехъ его братьевъ и двухъ сестеръ.

Ходоровъ былъ плохенькой полѣсской деревушкой, расположенной среди лѣсовъ и болотъ; колеса ломались, лошади портили себѣ ноги по дорогѣ туда, но мы все таки доѣхали,—кто захочетъ, тотъ и можетъ. Въ домѣ, или вѣрнѣе домикѣ о шести комнатахъ, крытомъ дранью, не было ни одного замка, ни одной желѣзной задвижки, хоть староста былъ владѣльцемъ рудниковъ; вмѣсто стеколъ въ окнахъ была вставлена пропитанная масломъ бумага или пузыри, хотя у старосты былъ обширный и прекрасный стеклянный заводъ. Въ домѣ вовсе не было мебели столярной работы; всѣ столы, стулья и скамейки были сдѣланы самымъ первобытнымъ образомъ, да и ихъ было немного. На стѣнахъ мучнымъ клейстеромъ были приклеены картины, изображающія сцены изъ исторіи блуднаго сына, безъ рамъ, безъ стеколъ. Подъ этими картинами стояла скамья, гдѣ на сѣнникѣ, даже не покрытомъ простынею, лежалъ панъ ста-

роста; подъ головой у него была подушка со стараго козацкаго сѣдла, прикрытъ онъ былъ козацкой буркой, сильно полинявшей. Страдалъ онъ сильно, но каждаго изъ насъ узнавалъ и съ каждымъ здоровался.

Я привезъ съ собою искуснаго врача, доктора Клейна изъ Коростышева, и просилъ дядюшку, чтобы онъ позволилъ осмотрѣть себя. Сначала онъ не соглашался, говоря, что это повлечетъ за собою большія издержки, но послѣ того, какъ я поручился, что никакихъ издержекъ не будетъ и послѣ удостовѣренія доктора, что онъ его осмотритъ какъ пріятель, а не какъ врачъ, и никакого вознагражденія ни отъ него, ни отъ его наслѣдниковъ требовать не будетъ, староста въ припадкѣ жестокихъ мученій заговорилъ: „Охъ, если бы кто меня вылечилъ, далъ бы ему"... и послѣ паузы добавилъ: „два рубля серебромъ!". И только тогда позволилъ себя осмотрѣть. Докторъ Клейнъ сообщилъ намъ, что уже нѣтъ никакой надежды, что гангрена распространилась до живота и никакая операція невозможна. Послѣ осмотра староста позвалъ своего стараго слугу Данила и велѣлъ ему сосчитать сколько насъ всѣхъ. На его отвѣтъ, что тридцать восемь, а докторъ тридцать девятый, староста довольно громкимъ голосомъ сказалъ:

„Возьми ту черную курицу, что нѣсколько дней тому назадъ поймали на потравѣ, зарѣжь ее и свари имъ супъ, да не жалѣй воды! Теперь жарко,—не слѣдуетъ объѣдаться".

Никто изъ насъ не былъ смущенъ этимъ, но противно было видѣть такую скаредность при такомъ богатствѣ.

Пока староста умиралъ, Симфоріанъ Чайковскій, отставной гусарскій ротмистръ, который привезъ съ собою хорошаго повара, отперъ погреба и кладовыя, безъ всякаго протеста со стороны Данила, перешедшаго совершенно на сторону ротмистра, и нашелъ тамъ головы сахару, пряности, старое вино и все, чего только душа пожелаетъ, сваленнымъ въ кучи. Это были залоги и подарки старостѣ отъ евреевъ, которые занимали у него деньги. Нашлось и столовое бѣлье, и серебро, и хрусталь, и фарфоръ. Въ кухнѣ запылалъ огонь, въ хлѣбномъ амбарѣ былъ накрытъ столъ. Въ то время какъ староста мучился и

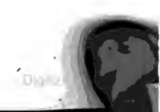
умиралъ, а ротмистръ, гордый своимъ успѣхомъ, прохаживался и поглядывалъ на приготовленія, одинъ изъ наслѣдниковъ, нарядившись въ шубу и шапку больного, медленнымъ шагомъ направился къ амбару. Увидѣвъ его, ротмистръ страшно перепугался и со словами: „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!“ пустился бѣжать и спрятался въ конопле́, будучи въ полной увѣренности, что староста поднялся со смертнаго одра. Едва нашли его послѣ смерти старосты, который скончался къ вечеру въ ужасныхъ мученіяхъ.

Еще передъ ужиномъ, въ присутствіи прибывшихъ судьи, подсудка, писаря и нѣсколькихъ сосѣдей, было вскрыто и прочитано завѣщаніе старосты. Завѣщаніе это было такъ же странно, какъ странна была и вся жизнь моего дядюшки.

Имущество было раздѣлено на четыре части. Первая изъ нихъ была завѣщана потомкамъ полковника Михаила Чайковскаго, т. е. двумъ его сыновьямъ—Проту и Симфоріану, съ оговоркой, что такъ какъ послѣдній ведетъ распутную жизнь и извѣстенъ за неисправимаго расточителя, то онъ не получитъ своей части въ распоряженіе, а будетъ пользоваться только процентами и находиться подъ опекой своего брата Прота. Подъ опекой же будутъ находиться и дѣти, и внуки Симфоріана Чайковскаго, и только правнуки, если семейный совѣтъ признаетъ, что они не унаслѣдовали дурныхъ качествъ своего предка, получатъ слѣдуемую имъ часть въ полное распоряженіе.

Вторую часть староста завѣщалъ потомкамъ Крыштофа Чайковскаго: четыремъ сестрамъ и брату поровну, потому что Эдуардъ Чайковскій занимался игрой на віолончели, а не былъ военнымъ, какъ его отецъ. Для віолончелиста де достаточно и и пятой части.

Третья часть досталась потомству Станислава Чайковскаго, т. е. мнѣ и моимъ тремъ сестрамъ, притомъ мнѣ три четверти, а сестрамъ четвертая—въ награду за то, что я допустилъ сестеръ къ равному участію при раздѣлѣ имѣнія, доставшагося отъ родителей, и за то, что я довелъ хозяйственную экономію до неслыханной до тѣхъ поръ степени совершенства, облагая охотничьихъ собакъ панщиной и тѣмъ опровергнувъ Завишу



Черниховскаго, утверждавшаго, что если бы охота была прибыльнымъ дѣломъ, то евреи давно уже взяли бы ее въ аренду [1])— дядюшка не любилъ Завиши Черниховскаго, какъ соперника въ дѣлѣ накопленія богатства.

Четвертая часть была предназначена потомству двухъ сестеръ старосты—пани Дзвонковской и пани Барановской.

Имущество стоило около восьми милліоновъ и заключалось въ земляхъ и въ обязательствахъ. Были процессы, подчасъ удивительные, какъ напр. съ какимъ то паномъ Михальскимъ, который жаловался, что староста продалъ ему изъ чудновскихъ лѣсовъ три тысячи корцевъ орѣховъ, изъ которыхъ двѣ тысячи корцевъ оказалось свистуновъ (пустыхъ).

Курьезнѣе всѣхъ былъ процессъ съ Несторомъ Барановскимъ, который, будучи долженъ старостѣ 300,000, присужденныхъ ко взысканію съ его имѣнія, захватилъ за какую то претензію въ 12,000, купленную у какого то кредитора старосты, Чудновскую Гуту, дававшую 400,000 годоваго дохода, и владѣлъ ею въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, да еще подсмѣивался надъ старостой, говоря: „Тогда увидишь свою Гуту, когда у меня выростутъ на ладони волосы!"

Части недвижимаго имущества были тотчасъ выдѣлены, а взысканіе долговъ поручено Проту Чайковскому. Я, какъ сынъ самаго младшаго брата, имѣлъ право выбора части. Я выбралъ Чудновскую Гуту, принадлежавшую прежде банкиру Теперу и Проту Потоцкому, съ селами: Чайковкой, Сенявкой, Крутымъ Потокомъ и Быковкой; тамъ было двѣ съ половиной тысячи душъ вольныхъ поселенцевъ, четыреста пятьдесятъ *волокъ* [2]) лѣсу, изъ котораго триста волокъ было мачтоваго, годнаго для бочарнаго дѣла и даже постройки цѣлыхъ кораблей. Лѣсъ этотъ былъ надъ Случью. Стеклянный заводъ (Гута) былъ самый лучшій и самый доходный во всемъ юго-западномъ краѣ, а издѣлія его были образцовыми. Въ Сенявѣ тоже былъ заводъ, въ Чайковкѣ и Крутомъ Потокѣ—желѣзные рудники, а въ Бы-

---

[1]) См. „Кіев. Старина".—Январь.

[2]) Волока—30 морговъ, т. е. болѣе 20 десятинъ.

ковкѣ производилась обработка мѣсныхъ матеріаловъ, тамъ же было одиннадцать волокъ пущи, гдѣ была столица лосей надслучанскаго полѣсья.

Не теряя времени, я поѣхалъ съ гальчинецкими козаками въ мои новыя владѣнія. Тамъ я засталъ Нестора Барановскаго. Безъ всякихъ разсужденій я велѣлъ козакамъ выбросить его вещи за окно, а его самого и его людей выпроводить за предѣлы моихъ владѣній, возному же велѣлъ завтра принять управленіе имѣніемъ отъ моего имени. Барановскій не оказалъ никакого сопротивленія и только все повторялъ: „Такъ таковъ то ты сынку, настоящій внучекъ стараго Гленбоцкаго!“ Вечеромъ того же дня онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ гости. Я принялъ его радушно, по помѣщичьи. Онъ смѣялся: „Вижу, что ты не бахтынецъ, а забіяка; воронъ ворону глазъ не выклюетъ. Не будемъ тягаться, какъ жиды, а будемъ жить, какъ братья“. И съ тѣхъ поръ мы были въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ и не вели другъ съ другомъ никакихъ процессовъ.

На собраніи наслѣдниковъ старосты бахтынскаго совѣщались, кому поручить управленіе имѣніями до законнаго утвержденія во владѣніи. Были между наслѣдниками и люди солидные, хорошіе хозяева, но былъ и Симфоріанъ Чайковскій, который уже три раза спустилъ до послѣдняго гроша значительныя имѣнія; въ первый разъ его выручило наслѣдство послѣ президента Проскуры, во второй—послѣ генеральши Герличъ. Теперь, когда онъ пріѣхалъ въ Ходоровъ, у него не было ничего кромѣ четверки лошадей, кареты и полтинника денегъ, какъ передавалъ мнѣ онъ самъ, прибавляя, что разсчитывалъ заѣхать въ Гальчинецъ и тамъ ожидать смерти старосты. За нѣсколько дней передъ этимъ, сведя счеты съ братомъ Протомъ, онъ отдалъ ему наслѣдственную деревню Минійки и, за уплатой долговъ, получилъ отъ него еще тысячу голландскихъ дукатовъ. Съ этими деньгами онъ отправился въ Радомысль и тамъ, какъ повѣтовый хорунжій, угощалъ дворянство, пока у него не остался только полтинникъ, съ которымъ онъ и намѣревался отправиться въ Гальчинецъ, когда до него дошла вѣсть о болѣзни дядюшки; тогда онъ поѣхалъ въ Ходоровъ. Здѣсь

онъ устроилъ лукулловскій пиръ на поминкахъ старосты и этимъ снискалъ расположеніе наслѣдниковъ. Первая Өеодосія Третьякова предложила, чтобы Симфоріана сдѣлать управляющимъ, такъ какъ у него нѣтъ ничего и онъ доказалъ свое умѣнье хозяйничать. Сестра ея съ жаромъ поддержала это предложеніе. Когда стали пить тосты, наслѣдники одинъ за другимъ стали просить Симфоріана принять на себя управленіе. Одинъ только его братъ Протъ сопротивлялся этому, но среди общихъ криковъ: „просимъ! просимъ!“, при звонѣ стакановъ, и онъ махнулъ рукой:

— Пусть и такъ будетъ!

И панъ Симфоріанъ сдѣлался распорядителемъ нераздѣленнаго имѣнія. Ему дали Ходоровъ, чтобы было гдѣ ему жить, и мѣстечко Торчинъ на Волыни, чтобы было откуда добывать на житье денегъ. Въ два мѣсяца онъ растратилъ доходы, распродалъ движимость, надѣлалъ долговъ и, наконецъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ въ корчмѣ, куда заѣхалъ по дорогѣ.

Этотъ семейный совѣтъ, эта оцѣнка, этотъ выборъ, равно какъ и исходъ всего этого—въ маломъ видѣ былъ изображеніемъ того, что дѣлали поляки въ своихъ дѣлахъ.

VII.

Фабрики и промыслы, учрежденные Протомъ Потоцкимъ.—Вольные поселенцы.—Освященіе воды въ Кіевѣ.—Городская милиція.—Контракты.—Северинъ Польховскій.—Брусиловъ.

Я сдѣлался владѣльцемъ многихъ помѣстій, но требовались издержки, необходимо было серьезно заняться этимъ новымъ родомъ хозяйства. Мой зять Карлъ Ружицкій вышелъ въ отставку и взялъ на себя управленіе фабриками во вновь унаслѣдованныхъ имѣніяхъ, а Гальчинецъ доставлялъ необходимыя деньги и хлѣбъ.

Чудновская Гута была основана въ послѣдніе годы правленія королей саксонской династіи графомъ Протомъ Потоцкимъ, который первый изъ поляковъ началъ фабрично-предпринимательское и торговое хозяйство въ большихъ размѣ-

рахъ, и банкиромъ Теперомъ, который былъ компаньономъ Потоцкаго. Выписаны были изъ Чехіи мастера, рѣзчики и рабочіе, и стеклянный заводъ сразу былъ поставленъ самымъ прекраснымъ образомъ. Это товарищество владѣло почти всѣми лѣсами по Тетереву и по верхней Случи, Чудновымъ и Мурованой Махновкой съ прилегающими селами, что составляло громадную площадь. Кромѣ главнаго стекляннаго завода, были устроены еще меньшіе, возобновлены старинныя желѣзоплавильни и заведены лѣсопильни. Край зажилъ новой жизнью, до тѣхъ поръ ему невѣдомой, мѣстныя природныя богатства открывались одно за другимъ, рабочіе съ ихъ семействами стекались со всѣхъ сторонъ. Пустынныя дотолѣ пущи и болота покрывались новыми поселеніями, уже извлекались громадные доходы, а край казался будущимъ Эльдорадо или Калифорніей, когда наступили религіозныя смуты, царствованіе Станислава-Августа Понятовскаго съ наѣздами, бунтами, возстаніями гайдамаковъ, конфедераціями, кончившееся раздѣломъ Польши. Всѣ эти неурядицы и потрясенія особенно сильно отозвались на юго-западной Руси, присоединенной Ягеллонами къ Польшѣ. Фабричное производство, уже доведенное до высокой степени совершенства, не могло устоять, пало и произошло распаденіе этого огромнаго имѣнія. Большія помѣстья образовались на мѣстѣ этого фабричнаго округа, но промышленность захирѣла. Достаточно было проѣхать по мѣстности, гдѣ были расположены заводы Прота Потоцкаго, и подумать о его дѣятельности, чтобы признать, что онъ былъ первымъ, а можетъ быть и единственнымъ, полякомъ—предпринимателемъ во имя добра, народнаго обогащенія, во имя будущаго. Онъ не пускался въ спекуляціи, которыми онъ или товарищество могли нажить большія деньги, какъ впослѣдствіи вошло въ обыкновеніе между польскими магнатами, бравшими примѣръ съ англичанъ, французовъ и нѣмцевъ, напротивъ, онъ добывалъ богатства изъ земли и давалъ ихъ народу, ради будущаго промышленнаго развитія и обогащенія края, и потому, хотя о немъ ничего не было пи-

сано, но его долго помнили въ народѣ и старики, и дѣти, и часто говорили: „такъ велѣлъ дѣлать панъ Протъ Потоцкій“.

Карлъ Ружицкій, какъ я узналъ впослѣдствіи, былъ хорошимъ воиномъ, но онъ оказался также и незауряднымъ хозяиномъ, что доказалъ управляя новопріобрѣтеннымъ имѣніемъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ привелъ стеклянный заводъ въ его прежнее прекрасное состояніе. Вольные поселенцы получили заработки и положеніе ихъ улучшилось.

Положеніе этихъ вольныхъ поселенцевъ было значительно лучше, чѣмъ положеніе крѣпостныхъ, даже тѣхъ, которые принадлежали добрымъ и справедливымъ помѣщикамъ. Одно сознаніе, что они не принадлежатъ пану, который можетъ торговать ими и распоряжаться ими по произволу, придавало имъ извѣстное достоинство и возбуждало стремленіе къ просвѣщенію. Я не зналъ ни одного изъ мастеровъ, который не умѣлъ бы читать, писать и считать. Эта группа вольныхъ поселенцевъ какъ бы намѣренно была заброшена сюда, чтобы приготовить пановъ и хлоповъ, владѣльцевъ и подданныхъ, къ перемѣнамъ, которыя, какъ слѣдовало предвидѣть, должны были произойти. Однимъ словомъ, это была какъ бы приготовительная школа и наглядное доказательство того, что и безъ крѣпостныхъ, можно было хозяйничать и извлекать доходы.

Русское правительство это хорошо понимало, но помѣщики-поляки не хотѣли уразумѣть этой истины.

Во время жаровъ на стеклянныхъ заводахъ работаютъ большею частью по ночамъ, и тогда заводъ кажется адомъ. Говорятъ, что іезуитъ Ротанъ, который проживалъ нѣкоторое время въ Романовѣ, прежде чѣмъ сдѣлался генераломъ ордена іезуитовъ въ Римѣ, осматривая чудновскій заводъ вмѣстѣ со второй женой сенатора-кардинала Илинскаго, урожденной Кракъ, сказалъ ей:

— Если бы адъ былъ таковъ, то еще полбѣды,—эти дьяволы имѣютъ видъ добрыхъ чертей. Панъ сенаторъ-кардиналъ могъ бы послать графиню сюда, это было бы полное очищеніе и разрѣшеніе отъ грѣховъ.

Графиня усмѣхнулась, но не тому что говорилъ іезуитъ, а вспомнивъ торжество, устроенное въ этихъ же лѣсахъ въ ея честь гусарами 3-й дивизіи.

Былъ морозъ въ 24 градуса. Мѣсяцъ и звѣзды свѣтили ярко. На прогалинѣ, среди сосноваго бору была устроена изъ ледяныхъ плитъ огромная зала съ кабинетами по бокамъ. Вмѣсто потолка былъ небесный сводъ. Полъ и сидѣнья были покрыты драгоцѣнными персидскими и турецкими коврами. Посреди этой огромной залы пылали смолистыя сосновыя колоды; огонь былъ урегулированъ такъ, что было тепло, какъ весной или въ началѣ осени, а освѣщена была зала такъ ярко канделябрами въ видѣ огненныхъ звѣздъ, что можно было видѣть всякую пылинку на коврѣ. Въ углахъ залы было помѣщено 4 гусарскихъ оркестра, игравшихъ одновременно. Генералъ Тыманъ и полковникъ Норвидъ, оба литвины, дѣти пущи, были хозяевами на этомъ пиршествѣ. Всѣ сосѣди были приглашены сюда. Танцовали, забавлялись, а подъ конецъ принесенъ былъ серебряный котелъ и въ немъ приготовленъ пуншъ; онъ былъ выпитъ и гусарскій праздникъ получилъ названіе гусарскаго пунша. Этотъ праздникъ, какъ я сказалъ, былъ устроенъ въ честь графини Илинской.

На этомъ гусарскомъ праздникѣ я познакомился съ Франциском Киркоромъ, въ то время подпоручикомъ 4-го полка польскихъ конныхъ егерей, пріѣхавшимъ на этотъ праздникъ съ подсудкомъ Садовскимъ, своимъ зятемъ, который былъ повѣреннымъ моего дяди, а потомъ моимъ. Мы очень сошлись другъ съ другомъ, хотя онъ былъ старше меня на нѣсколько лѣтъ. Никто изъ насъ и не предчувствовалъ тогда, что судьба снова сведетъ насъ вмѣстѣ уже въ иной странѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГЕТМАНЪ ДАНІИЛЪ АПОСТОЛЪ ВЪ РОЛИ КОЛОНИЗАТОРА.[1]

Съ переворотомъ Хмельницкаго, вызваннымъ главнымъ образомъ экономическими и соціальными причинами, во внутренней жизни Лѣвобережной Малороссіи начинается новая эра; всѣ прежніе порядки были „скасованы" козацкой саблей.

Не послѣднюю роль въ этой новой исторіи Украйны играла и колонизація края со всѣми ея послѣдствіями. При различныхъ условіяхъ она принимала различные виды—свободная „займанщина" уступала мѣсто владѣльческой колонизаціи въ формѣ „осады слободъ" на владѣльческихъ земляхъ. Хотя право на землю (верховное, такъ сказать), съ изгнаніемъ поляковъ, и перешло къ „войску", но никто изъ представителей „войска" не препятствовалъ этой колонизаціи, устремившейся на опустѣлыя земли.—Земли были „свободны" въ понятіи народа, и на этой-то почвѣ, на „заимкѣ" этихъ свободныхъ земель, выросло и первоначальное право поземельной собственности въ Украйнѣ.—Это право надолго сохранилось въ памяти малороссійскаго народа, и въ своихъ спорахъ съ нарождавшейся земельной аристократіей, онъ долго еще обосновывалъ его на первоначальной свободной „заимкѣ".

А земельная аристократія нарождалась довольно интенсивно. Мы уже упоминали, что верховное право на землю принадлежало „войску". Гетманъ, какъ высшій представитель этого

---

[1]) Въ основу настоящей замѣтки положено „дѣло" харьковскаго историческаго архива подъ № 3383; приняты во вниманіе также и печатные источники и пособія; ссылки на нихъ читатель найдетъ далѣе.

войска и страны, широко пользовался этимъ правомъ и щедрою рукой производилъ раздачу земель, какъ „на рангъ“ старшинѣ, такъ и за старыя заслуги. Самъ онъ также получалъ „на рангъ“ громадныя земельныя богатства. Такимъ образомъ, масса земель очутилась въ рукахъ старшины и державцевъ, и „займанщина“, въ своемъ первоначальномъ видѣ, должна была ослабѣть. Между тѣмъ населеніе было еще рѣдкое. Державцы, обладая земельными богатствами и недостаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, очень хорошо сознавали этотъ недостатокъ. И вотъ на этой почвѣ выросла новая система заселенія страны—„осадою“ слободъ на владѣльческихъ земляхъ.

Посмотримъ теперь, откуда набирались поселенцы этихъ слободъ. Уже изъ гетманскихъ универсаловъ конца XVII и первой четверти XVIII вѣка видно, что кромѣ „тяглыхъ“ крестьянъ, т. е. обладавшихъ осѣдлостью (пахатной землей, усадьбой, скотомъ и т. д.), были еще и необладавшіе осѣдлостью—„лезные“. Откуда могъ взяться въ Малороссіи этотъ безземельный классъ? Съ одной стороны это были „захожіе“—изъ Литвы, Великороссіи и правобережья, а съ другой—и люди мѣстные, предпочитавшіе покидать свои осѣдлости, вслѣдствіе возраставшихъ повинностей державцамъ. Вотъ съ этими то двумя элементами и предпочитали имѣть дѣло державцы.—Державцы привлекали поселенцевъ на слободы разными льготами; эти льготы, или „слободы“ давались имъ на извѣстный срокъ 5—10 лѣтъ. Но по минованіи этого срока, слобожане оказывались въ очень невыгодномъ положеніи: безправные на чужой землѣ и ставшіе сразу въ обязательныя отношенія къ державцѣ, они были, конечно, гораздо слабѣе коренного населенія, и гораздо легче попадали въ трудовую и личную зависимость отъ землевладѣльца (такъ, первыя купли крестьянъ въ Малороссіи были купли слобожанъ [1]).

Вотъ къ какимъ результатамъ приводила въ концѣ концовъ эта „слобода“.

Гетманъ въ Малороссіи былъ съ одной стороны высшимъ представителемъ власти, а съ другой крупнымъ поземельнымъ

---

[1]) См. А. М. Лазаревскаго „Посполитые въ Малороссіи“, стр. 97.

собственникомъ, интересы котораго вполнѣ совпадали съ интересами козацкой старшины. Такъ было и въ дѣлѣ заселенія слободъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ дошедшій до насъ документъ харьк. ист. архива, и нѣкоторые другіе источники.

Еще въ бытность свою миргородскимъ полковникомъ, Даніилъ Апостолъ не отставалъ отъ остальной старшины въ увеличеніи своихъ земельныхъ угодій. Онъ скупалъ земли въ Хомутцѣ, Сорочинцахъ и т. д., заселяя ихъ слободами. Такъ онъ поселилъ слободу въ урочищѣ Шарковщинѣ (около Кибинца), село Фидровку и Пустовойтово.—Въ 1689 г. онъ получилъ универсалъ на Хомутецъ, Бакумовку, Фидровку, а въ 1690 г. эти маетности были укрѣплены за нимъ царской грамотой. Въ 1710 г. онъ получилъ еще грамоту на нѣкоторыя маетности въ Полтавщинѣ и Черниговщинѣ [1]).

Сдѣлавшись гетманомъ, Апостолъ продолжалъ увеличивать свои земельныя богатства, а въ 1729 г. опять сталъ осаживать слободы на скупленныхъ земляхъ.

Кромѣ ранговой собственности, гетманъ могъ имѣть и личную, пріобрѣтенную различными путями, между прочимъ и скуплей земель.—Но все же общій характеръ гетманскихъ владѣній былъ ранговый, пожизненный.

Изъ описи имѣній [2]), принадлежавшихъ гетману Даніилу Апостолу на булаву, на кухню и т. д., составленной по указу императрицы кн. Шаховскимъ, видно, что населеніе этихъ имѣній несло тѣ же денежныя и натуральныя повинности, что и во владѣльческихъ имѣніяхъ. Можно только заранѣе сказать, что личная зависимость въ гетманскихъ владѣніяхъ была слабѣе. И дѣйствительно, изъ упомянутой описи видно, что главныя статьи дохода доставляли чиншевые, песшіе денежныя, и тяглые, несшіе смѣшанные повинности (денежно-натуральныя); болѣе бѣдное населеніе (пѣшіе и т. д.) было обложено меньшими денежными и натуральными налогами. Немало было и такихъ, которые не отбывали никакихъ повинностей (напр. подсусѣдки).

---

[1]) См. Русскій Архивъ 1875 г., т. I, стр. 93.

[2]) См. Судіенко. Матеріалы для отеч. исторія, т. I. ч. III.

Почти весь штатъ служащихъ былъ наемный. Въ личной зависимости были бояре, состоявшіе на посылкахъ, отбывавшіе сторожу при замкахъ и т. п...—Но все же личная зависимость была очень незначительна.

Что же могло заставить гетмана обратиться къ „осадѣ“ слободъ?

Конечно, это былъ тотъ же личный разсчетъ, какимъ руководствовались въ данномъ случаѣ и его современники-державцы: скупивъ въ *личную* собственность грунты и не имѣя достаточнаго количества рабочихъ рукъ для эксплуатаціи этихъ грунтовъ, онъ предпочиталъ имѣть дѣло со слобожанами.

Вотъ почему въ 1729 г. гетманъ Д. Апостолъ поручилъ мглинскому сотнику Алексѣю Есимонтовскому скупать на его имя грунта, намѣреваясь осадить слободы, въ стародубскомъ полку, въ мглинской сотнѣ, за рѣкою Ипутью.

Стародубскій полкъ составлялъ часть Сѣверщины, а этой части лѣвобережной Украйны вообще не посчастливилось. Яблоко раздора между Москвой и Литвой, она по Деулинскому перемирію отошла опять къ Рѣчи Посполитой.—Заведенные здѣсь во время владычества Москвы порядки, поляки не замедлили замѣнить своими. Присланные для разслѣдованія поземельныхъ владѣній польскіе чиновники въ большинствѣ случаевъ подѣлались мѣстными землевладѣльцами, и московскіе „боярскіе дѣти“ были замѣнены польскими панами. (Такъ, напр., Н. Абрамовичу принадлежалъ Мглинъ съ округомъ, Ал. Пясочинскому—Погаръ, Новгородъ-Сѣверскъ, Глуховъ и т. п. См. А. М. Лазаревскій „Описаніе старой Малороссіи, т. I).

Охватившее всю Украину возстаніе 1648 г., хотя нѣсколько позднѣе, коснулось и Сѣверщины. Послѣ пораженія поляковъ подъ Батогомъ, народъ болѣе энергично поднялся на пановъ, не остановился и передъ короннымъ литовскимъ войскомъ, и оно было изгнано изъ Стародуба. Въ 1654 г. Сѣверщина, вмѣстѣ со всей Украиной, была присоединена къ московскому государству.

Державческое землевладѣніе развивалось здѣсь болѣе интенсивно, чѣмъ въ остальной Украинѣ.

Сѣверщина привлекала не земельными богатствами, (такъ какъ почва здѣсь скудная), а различными побочными промыслами. Такъ здѣсь было очень развито бортное пчеловодство, было много лѣса, добывалась селитра и т. п. Кромѣ того, эта страна была неравномѣрно заселена. Особенно рѣдко было населеніе въ Поипутьи, въ предѣлахъ мглинской сотни, такъ какъ эта мѣстность была почти сплошь покрыта лѣсами. Заселеніе Поипутья продолжалось почти весь XVIII вѣкъ [1]).

Вотъ въ этой то мѣстности выступилъ и гетманъ въ роли колонизатора, поручивъ, какъ мы уже упоминали, скупать землю Ал. Есимонтовскому [2]). Въ томъ же 1729 г., Ал. Есимонтовскій извѣщалъ гетмана, что онъ скупилъ уже на его долю часть грунта далисицкаго и дроковскаго, лежащаго за Ипутью. Кромѣ того предлагалъ „для прислуги" и свой грунтъ въ урочищѣ Ловчомъ, между рѣчками Кременцомъ и Ржачей, въ мѣстности лѣсной, удобной для бортнаго пчеловодства и „сказуютъ угодное будетъ на слободу". Въ свою очередь, дроковскій козакъ Стефанъ Фирса, предлагалъ и свой грунтъ отчинный „з землею, двома стами бортными деревами.... обширне сягаючій", желая взамѣнъ его „общаго пашенного кгрунту въ селидбенихъ пляцахъ шисть шостокъ". Этотъ грунтъ, который хотѣлъ получить Фирса взамѣнъ своего, находился въ селѣ Новомъ Дроковѣ, во владѣніи „захожихъ" людей изъ маетности Хр. Романовской, по грамотѣ императрицы, но былъ ими проданъ хорунжему Мартину Лишню за 100 золотыхъ, которые Лишень далъ имъ на церковь. По разсмотрѣніи оказалось, что Лишень и такъ скупилъ уже очень много грунтовъ въ разныхъ селахъ „з жилими людми", а потому гетманъ счелъ себя въ правѣ издать универсалъ, запрещавшій Лишню дальнѣйшую скуплю грунтовъ, запретилъ ему также и „приворочать" въ подданство людей. Между прочимъ, относительно купленнаго Лишнемъ грунта у новодроковцевъ, рѣшилъ такъ: отдать, въ свою очередь, имъ 100 золо-

---

[1]) См. Лазаревскій. Опис. ст. Малороссіи, т. I, стр. 324.

[2]) Хар. Ист. Арх. Д. М. К. № 3383.

тыхъ на церковь, а грунтъ этотъ отдать Фирсѣ взамѣнъ его грунта. Вопросъ рѣшался просто.

Изъ приложенныхъ къ дѣлу купчихъ и изъ предыдущаго выясняется, какого рода грунта предназначались гетманомъ подъ слободы. Кромѣ грунта Ал. Есимонтовскаго, Фирсы и еще нѣкоторыхъ крупныхъ владѣльцевъ, это были по большей части грунта жителей села Н. Дрокова и нѣкоторыхъ другихъ окрестныхъ селъ. Н. Дроковъ былъ свободнымъ войсковымъ селомъ и до Апостола находился въ вѣдѣніи мглинской ратуши. Мѣстная старшина скупила постепенно грунты у ново-дроковцевъ [1]), и самъ гетманъ, какъ видимъ, дѣлалъ тоже самое: къ дѣлу приложено 16 купчихъ „урядовыхъ" на грунта мѣстныхъ жителей.

Вслѣдъ затѣмъ для осмотра этихъ скупленныхъ на имя гетмана грунтовъ были посланы особыя лица: бунч. тов. Парф. Пекалецкій, Ст. Уманецъ, городовой глуховскій атаманъ, и еще нѣкоторыя другія. Имъ выдана была гетманомъ особая инструкція, по которой они должны были дѣйствовать. Вотъ что они должны были сдѣлать: осмотрѣть купленные на гетмана грунта (отчинные и сѣнокосные), будутъ ли они удобны подъ слободу, сколько дворовъ тамъ можно осадить, донести какова величина („обширность") этихъ грунтовъ; осмотрѣть и выбрать мѣсто подъ греблю и подъ млинъ, есть-ли тамъ рѣчки и какія („тягучіе или весняніе").—Они же должны были осмотрѣть въ въ томъ же порядкѣ и грунтъ Ал. Есимонтовскаго (въ урочищѣ Ловчомъ), донести гетману стоятъ ли всѣ эти грунта тѣхъ денегъ, какія за нихъ заплачены по купчимъ,—и, наконецъ, разслѣдовать дѣла по всѣмъ челобитнымъ отъ мѣстныхъ жителей гетману (большинство этихъ „супплѣкъ" возникло вслѣдствіе захватовъ земель мѣстною старшиной). Въ своихъ розыскахъ они должны были руководствоваться показаніями мѣстныхъ и окрестныхъ жителей („розискать вправду якъ посилянами тамошними, такоже и покрестными людми").

Изъ послѣдующаго хода дѣла видно, что гетманскіе уполномоченные признали удобными эти грунта подъ слободы.

---

[1]) См. Лазаревскій. Оп. стар. Малороссіи, т. I, стр. 357.

Самое дѣло „осады“ слободъ Далисичи и Дрокова и досмотра за ними было поручено особымъ осадчимъ и досмотрщикамъ (Тимофею и Мартыну Лишнямъ). На ихъ обязанности лежалъ досмотръ за этими вновь осаживающимися слободами, они же должны были поселять тамъ и людей.

Кромѣ досмотрщиковъ и осадчихъ, назначены были еще и отченники, въ количествѣ 6 человѣкъ. Въ своемъ универсалѣ гетманъ мотивируетъ это назначеніе тѣмъ, что въ его слободахъ находятся и отчины, а потому назначаетъ туда отченниками жителей села Овчинца (сосѣднее село)—Онисима Галеенка съ товарищами [1].—За эту службу гетману, какъ тѣ, такъ и другіе освобождались отъ всѣхъ сотенныхъ повинностей, и не могли даже быть привлечены къ суду безъ гетманскаго указа.

Осадчимъ этимъ и отченникамъ дано было приказаніе не принимать на слободу бѣглыхъ великороссійскихъ и смоленской шляхты крестьянъ, также и малороссійскихъ людей всякаго званія; они должны были осаживать эти слободы заграничными свободными литовскими людьми [2].

---

[1] Хотя изъ послѣдующаго хода дѣла не выясняется прямо функція этахъ отченниковъ, но можно предполагать, что здѣсь дѣло идетъ о *бортникахъ*,—такъ какъ бортныя деревья обыкновенно называются „*верховою отчиной*“.

[2] Приводимъ отрывки изъ нѣскольких универсаловъ гетмана: „.... симъ нашимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ, мѣючи мы въ полку стародубскомъ, въ сотнѣ мглинской, въ урочищи Долисичахъ и Наросли купленніе отчинніе и сѣнокосніе кгрунта за рѣкою Ипуттю, между рѣчовъ Кременцомъ и Ржачею... намѣрилисмо на онихъ нашихъ кгрунтахъ осадити слободу.... тое еднакъ докладаомъ дабы той осадчій, кому занято на скупленнихъ кгрунтахъ слободы полѣцено, жадною мѣрою не важился великороссійскихъ и смоленской шляхты бѣглихъ крестянъ пріймати“.... Данъ въ Глуховѣ 2 авг. 1730 р.

Въ другомъ универсалѣ добавлено „.... не тилко великороссійскихъ и смоленской шляхты бѣглихъ крестянъ, но и рейменту нашого малороссійского всякаго званія людей пріймати, лечъ мѣетъ оную слободу заграцичними литовскими людми осажовати, отъ которой слободы занятя жебы окрестніе села въ владѣніи ихъ кгрунтовъ жадного не чинилося препятствія, онъ же осадчій накрѣпко остерегать мѣетъ“... Данъ въ г. Глуховѣ, дек. 14 дня 1729 р. (См. Судіенко Мат. для от. ист., т. I, стр. 80).

Вотъ еще отрывки изъ универсала о назначеніи Лишней и Галеенка.... „слободы наши, ново на купленнихъ кгрунтахъ селячіеся, Далисичи и Дроковъ, поручили въ досмотръ Тимофею и Мартину, хоружему сотнѣ мглинской Лишнямъ. Теди яко повинни оніе Лишнѣ слободы имѣть въ своемъ смотреніи и надзираніи и въ онихъ

Вотъ вся процедура „осады“ гетманскихъ слободъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, по просьбѣ бунч. тов. Петра Искрицкаго — роднаго племянника гетмана, эти грунты, вмѣстѣ со слободами, были отданы ему въ собственность („в держанне и владѣнне“), о чемъ извѣщались всѣ особымъ универсаломъ.

Но съ этой передачей не окончилась дѣятельность гетмана, какъ и самая исторія этихъ слободъ, на судьбу которыхъ гетманъ продолжалъ вліять своею властью, а поэтому мы и продолжимъ изложеніе дѣла.

Въ 1732 г. Искрицкій писалъ гетману отъ себя и отъ лица далисицкихъ жителей, жаловавшихся ему, что вслѣдствіе неотграниченія ихъ грунтовъ отъ сосѣдей, эти послѣдніе (В. Гудовичъ и др.), ихъ обижаютъ и пугаютъ, будто бы ихъ скоро изъ слободы „вынудятъ“. „Якими словами устрашенніе будучи, люде тіи (яко простъ народъ) много з нихъ уже поселившихся оборотилося во спять, туди откуда пришли были“, писалъ Искрицкій, и просилъ гетмана прислать людей для отмежеванія этихъ грунтовъ („чтобъ приходячимъ з заграниці людемъ селитися было безпечно“).

Просьба Искрицкаго была исполнена: гетманъ издалъ универсалъ, въ которомъ приказывалъ „искуснымъ людямъ“ ѣхать на мѣсто и обмежевать владѣнія Искрицкаго. Дѣло размежеванія поручено было гетманомъ вмѣстѣ съ полковникомъ Р. Тургеневымъ—Кузьмѣ Злотову, офицеру глуховскаго полка, бунч. тов. Мокріевичу, волынскому сотнику Линевичу и канцеляристу Платковскому. Они должны были ѣхать на мѣсто и установить межу на основаніи переданныхъ гетманомъ Искрицкому купчихъ, показаній самихъ продавцевъ и мѣстныхъ жителей, грунта которыхъ

поселять людей....; такъ ихъ же Лишніовъ принимаемъ въ свою оборону и протекцію и предлагаемъ, абы п. полковникъ стародубскій зъ старшиною полковою и п. сотникъ мглинскій нѣ до якихъ ихъ полковихъ и сотеннихъ повинностей и дѣлъ, такоже и до суду без нашого указу не потягали. Тутъ же докладаемъ, понеже въ тихъ нашихъ населяемихъ слободахъ имѣются и отчини наши купленніе, для якихъ смотрѣння и опредѣлены отченниками села Овчинца жителѣ Онисимъ Галеенокъ з товарищи 6 чел., того ради абы и тихъ отченниковъ нѣ до якихъ сотеннихъ шарварокъ не потягано до долшего нашого указу, рейментарски приказуемъ“... Данъ въ Глуховѣ дек. 23 д. року 1730. (См. ibid. стр. 95—6).

граничили съ дроковскими и далисицкими.—Этимъ лицамъ выдана была особая инструкція; на основаніи этой инструкціи дѣло размежеванія должно было производиться такъ: „.... собравъ тамошнихъ и посторонних селъ стороннихъ и старинних людей сколко пристойно и по отводу тихъ стороннихъ и старинних людей ограничить“.... Кромѣ того, при размежеваніи должны были присутствовать самъ Искрицкій и В. Гудовичъ (земли ихъ были смежны).—Посланные гетмана, обозначивъ межу обычными знаками, должны были еще снять планъ съ этихъ владѣній („чертижъ“).

Въ 1732 г. былъ изданъ гетманомъ новый универсалъ „повторной“. Этимъ универсаломъ подтверждались еще разъ за Искрицкимъ грунта въ Дроковѣ и Далисичахъ; между прочимъ, гетманъ приказывалъ поселившимся тамъ людямъ, и тѣмъ, которые будутъ селиться, отдавать Искрицкому обычныя повинности, быть у него въ подданствѣ и „послушенствѣ“ [1]).

Затѣмъ Искрицкій просилъ опять себѣ въ подданство двухъ свободныхъ посполитыхъ въ томъ же селѣ Дроковѣ. Гетманъ и это желаніе Искрицкаго исполнилъ и предложилъ имъ отбывать Искрицкому, „яко владельце своему, надлежащую подданскую повинность безъ всякаго противленія“.

Итакъ не только слобожане далисицкіе, но и жители бывшаго свободнаго войсковаго села, оказались сразу въ „подданскомъ послушенствѣ“ у своего державцы.

Но этимъ дѣло не окончилось. Въ 1733 г. Искрицкій опять жаловался гетману, что его слободы „притягаютъ къ общенароднымъ и консистентскимъ повинностямъ, между тѣмъ какъ гетманскимъ универсаломъ еще раньше этимъ слободамъ дана была свобода отъ всякихъ повинностей на 10 лѣтъ.—Искриц-

---

[1]) „Поселившіеся въ оной слободѣ Долисичахъ и впредь селится тамъ имѣючіе, такожъ и въ селѣ Дроковѣ на купленихъ кгрунтахъ, отъ насъ ему П. П. Искрицкому данныхъ, живучіе люде отдавали бъ ему, яко державце своему, обыклое подданское послушенство и повинности мѣти хочемъ и рейментарски приказуемъ“. Данъ въ Глуховѣ 1732 р.

кій жаловался еще, что мѣстная старшина скупила у его людей грунта безъ его вѣдома и разрѣшенія [1]).

Грунта, скупленные старшиной, Искрицкій просилъ гетмана заставить возвратить ему обратно, повинности просилъ снять, такъ какъ срокъ „слободы“ еще не истекъ.

Гетманъ издалъ универсалъ, въ которомъ всѣ просьбы Искрицкаго удовлетворялись, но со смертью Апостола дѣло со скупщиками земель перешло въ полковой судъ.

Остается еще невыясненнымъ, какъ велико было населеніе этихъ слободъ.—Вотъ какія разнорѣчивыя данныя имѣемъ мы для этого изъ самаго дѣла. Въ 1734 г., уже при Шаховскомъ, прося еще разъ снять съ его слободы Далисичей повинности на консистентовъ, Искрицкій говоритъ, что тамъ не болѣе 10 человѣкъ „самихъ обогшихъ“, а относительно Дрокова, что тамъ живутъ только подсосѣдки. Но мглинская старшина, жалуясь въ свою очередь на Искрицкаго также за скуплю земель у подданныхъ Есимонтовскаго, относительно повинностей его подданныхъ говоритъ „.... а что приказывалъ войтъ еднимъ его подданнимъ.... на лѣнѣйную работу людей висилать.... то того весма не доведется, ибо з его П. Искрицкого сорока человѣкъ и тридцати чвертокъ кгрунту, вийшло толко 1½ чел....“

Вотъ еще данныя для статистики и роста населенія.

Въ Н. Дроковѣ, по ревизіи 1723 г. числилось: коз. 19 дв., стр. 2 дв., крестьянъ 5 дв., 5 х.

По ревизіи 1781 г., коз. 15 дв., 17 х., стр. 9 дв. 11 х., посп. 20 дв., 21 х.

Въ Далисичахъ, по ревизіи 1781 г. кр. 57 дв. 60 х. [2]).

Изъ предыдущаго выясняется, въ какомъ положеніи оказались слободы, объ основаніи которыхъ хлопоталъ гетманъ;

---

[1]) .... „Въ власнихъ моихъ подданихъ дроковскихъ ... кгрунта ихъ подданическіе уже теперь за влаѣнія моего себѣ покуповали.... къ томужъ и полковая здешняя старшина во мѣсто того, чтобъ респектовать (якъ и на иншіе державскіе и свободніе войсковіе села шляховіе респектовали).... на село Дроковъ, въ коемъ стоять два форпоста.... наложили противъ прошлогодняго вчетверо.... одъ якой нестерпимой тяжести.... всѣ мои люде разволоктися хотятъ“.

[2]) См. Лазаревскаго „Описаніе стар. Малороссіи“, т. I, стр. 357, 354.

выясняется также, что колонизаторская дѣятельность гетмана Д. Апостола ничѣмъ не отличалась отъ таковой же дѣятельности его современниковъ,—державцевъ-хозяевъ.

Нарождавшаяся земельная аристократія, пользуясь властью и другими средствами, успѣла захватить въ свои руки земельный капиталъ; слѣдующимъ ея шагомъ было—овладѣть и трудомъ.—Контингентъ слобожанъ былъ для этого наиболѣе удобенъ, и колонизаторы не замедлили воспользоваться имъ для своей личной выгоды, которая преуспѣвала въ ущербъ выгодѣ низшихъ слоевъ населенія.

Такъ съ одной стороны заселялся край, а съ другой росла и богатѣла мѣстная старшина—будущее малороссійское дворянство.

Елена Радакова.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо Ходаковскаго къ З. Я. Карнѣеву. Ниже мы печатаемъ письмо извѣстнаго археолога, географа и этнографа Зоріана Доленги Ходаковскаго (собственно Адама Чарноцкаго) къ бывшему попечителю харьковскаго учебнаго округа Зах. Як. Карнѣеву (отъ 18 іюня 1819 г.). Оно было написано Ходаковскимъ по польски, но Карнѣевъ поручилъ перевести его на русскій языкъ лектору польскаго языка при харьковскомъ университетѣ П. Гулаву-Артемовскому (бывшему потомъ ректоромъ университета). Мы нашли и подлинникъ, и переводъ въ архивѣ харьковскаго университета (Дѣло по архиву № 572, картонъ № 29). Получивъ это письмо, попечитель передалъ его на разсмотрѣніе историко-филологическому факультету, который заявилъ, что необходимыя Ходаковскому свѣдѣнія могутъ сообщить директоръ училищъ войска донскаго и смотритель екатеринодарскаго училища; вмѣстѣ въ тѣмъ онъ находилъ полезнымъ напечатать данное письмо въ университетскомъ періодическомъ изданіи. Попечитель согласился съ первымъ предложеніемъ, но отвергъ второе «по нѣкоторымъ довольно важнымъ причинамъ», и потому оно напечатано не было.

Останавливаться на біографіи Ходаковскаго, послѣ спеціальнаго изслѣдованія, посвященнаго ему А. Н. Пыпинымъ (Вѣстникъ Европы, 1886, ноябрь), не приходится. Замѣтимъ только, что, по содержанію своему, настоящее письмо очень близко подходитъ къ статьѣ его «Розысканія касательно русской исторіи» (Вѣстн. Европы, 1819 г., октябрь, № 20, стр. 277—302), представляетъ какъ бы краткую программу ея. Да это и понятно: письмо было написано 18 іюня, а статья 29 іюля. Въ концѣ статьи есть указаніе и на настоящее письмо: «я писалъ, говоритъ здѣсь Ходаковскій, касательно Вот-

ской пятины и Чудской Украины къ преосв. Евгенію во Псковъ, о Болгаріи—къ е. пр—ву Магницкому, о козарской странѣ и семичахъ писалъ по польски къ е. пр—ву Карнѣеву въ Харьковъ. Во имя любви къ святой Руси всѣхъ молю, дабы благоволили способствовать мнѣ своею наукою и мѣстными свѣдѣніями». Лелевель говоритъ: «въ то время Зоріанъ любилъ писать научныя письма, хотя онѣ не доставляли ему никакихъ объясненій. Онъ самъ жалуется, что получилъ только четыре увѣдомленія изъ Россіи и одно изъ Польши». Мы должны замѣтить, что Ходаковскій, по свойству своихъ ученыхъ работъ, *долженъ* былъ обращаться съ запросами къ разнымъ лицамъ о мѣстныхъ древностяхъ и ихъ названіяхъ. Нѣкоторые изъ адресованныхъ къ нему отвѣтовъ, вызванныхъ его обращеніями, были въ свое время напечатаны (Макарова, Бояркина, Глаголева въ Вѣстникѣ Европы, 1820 и 1821 г.). Такъ какъ ни одно изъ тѣхъ ученыхъ писемъ, которыя любилъ писать Ходаковскій, еще не было опубликовано, то я рѣшился напечатать настоящее въ надеждѣ, что оно дастъ понятіе о вопросахъ, съ которыми обращался Ходаковскій къ различнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

Д. И. Багалѣй.

Ваше превосходительство!

До сихъ поръ не было примѣра, чтобы говорящій моимъ языкомъ, безъ побужденія какими нибудь особенными обстоятельствами, добровольно углублялся въ необъятное царство Россіи, влекомый любопытствомъ въ самыхъ нѣдрахъ ея изучать ея исторію. Другія времена,—другіе нравы. Уже царь польскій благодѣтельной десницею своею истребилъ въ сердцахъ двухъ народовъ то обоюдное чувство недоброхотства, которое поставляло вѣковыя преграды между дѣтьми матери славянской. Уже юнѣйшіе братья, возвративши права свои, безъ зависти взираютъ на старѣйшихъ, и благодушный мужъ, носившій съ толикою славою въ теченіе многихъ лѣтъ званіе правителя въ Минскѣ, перешедши на новое поприще въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія,—первый совѣтуетъ въ Харьковѣ учиться по польски. Въ столь благодатное время, прообразующее дни златые грядущимъ потомкамъ, предпринялъ я намѣреніе оказать услугу исторіи славянской того періода, который упреждаетъ христіанство въ нашихъ странахъ. Послѣ IX вѣковъ трудъ сего рода есть неслыханно труденъ, а, можетъ быть, и не совсѣмъ занимателенъ въ то время, которое ознаменовано на землѣ нашей безчисленнымъ множе-

ствомъ событій несравненно блистательнѣйшихъ и гораздо удивительнѣйшихъ. А и того болѣе, по появленіи на свѣтъ исторіи г. Карамзина, трудно показаться новымъ и снискать вниманіе. Къ счастью, однакожъ, моему можетъ послужить то, что сей великій писатель самъ признается въ скудости матеріаловъ и многократно обнаруживаетъ свое недоумѣніе. Я не намѣренъ длиннымъ разсужденіемъ утруждать ваше превосходительство, и спѣшу тотъ часъ къ тому предмету, который велитъ мнѣ обратиться къ вашему суду и въ немъ искать моей надежной помощи.

Г. Карамзинъ древнюю Русь со всѣми ея племенами обрѣзалъ до половины. Все пространство полунощи онъ подарилъ финнамъ и Біарміи, югъ уступилъ *козарамъ*. Угровъ же, которые два года сидѣли въ опредѣленномъ для себя мѣстѣ и пошли далѣе, онъ поселилъ на вѣки на забытыхъ *Семичахъ* (Т. II, пр. 146 и 245), гдѣ однакожъ объ нихъ упоминаетъ, несмотря на то, что древніе семичи въ тимскомъ уѣздѣ и Посемьѣ столько разъ упоминаемы (т. II, стр. 203 и пр. 320; т. III, пр. 71) достойны были вниманія исторіографа, тѣмъ болѣе что суличи, тиверіане, дулебы и драгомичи получили въ удѣлъ свой усадьбы, хоть разъ то упомянулъ объ нихъ Несторъ. Но да утѣшатся въ сей обидѣ семичи тѣмъ, что не одни они испытали подобный жребій забвенія, ибо подобной же участи подпали голяди надъ Протвой (т. II стр. 205 и пр. 299), будучи закрыты восточными кривичами. Мужественные ятвяги (jacwież) и жмудь, составляющіе и нынѣ особенную диецезію, лишены мѣста на географической картѣ автора. Литва получила въ подарокъ пространство нынѣшнихъ губерній литовскихъ, гдѣ между Вильною и Гродною было и теперь находится въ простонародіи нарѣчіе русское. Нашъ Плутархъ не зналъ того, что и донынѣ сохраняется старая граница нарѣчій русскаго и литовскаго и что Камера Гумбинская въ Пруссіи есть также Литва. Полочане теряютъ лѣвый берегъ Двины, несмотря на то, что Изяславъ (Заславъ на Свистоши), Минскъ, Борисовъ и Логойскъ во времена Владиміра I стояли на ихъ землѣ (т. II, стр. 165). Еще недавно половина воеводства полоцкаго находилась по сей же сторонѣ Двины. Динебургъ, Люцинъ (который совсѣмъ не былъ Лучиномъ, показаннымъ въ витебской губерніи т. III, пр. 12; ибо таковой находится въ дорогобужскомъ уѣздѣ, какъ сіе явствуетъ изъ государственныхъ грамотъ подъ № 144) и Резица составляли въ новѣйшія времена Ливонію польскую (Inflanty).

Въ нихъ существуетъ нарѣчіе литовское и сихъ трехъ повѣтовыхъ городовъ нельзя включить въ княжество полоцкое. Далѣе: и мнѣ бы казалось, что Мерія сидитъ на своемъ мѣстѣ, но Галичъ-Мерскій (т. III, пр. 364) въ костромской губерніи, такъ же рѣка Мерія, впадающая въ Волгу съ лѣвой стороны, ясно говорятъ объ иномъ или гораздо обширнѣйшемъ владѣніи. Равномѣрно и Весь находилась далѣе къ востоку, ежели *Весьегонскъ*, нынѣшній городъ надъ Мологою, и погостъ Ильинской въ *Веси*, нѣкогда почитаемыя въ Бежицкой пятинѣ, значитъ одно и тоже. Земгола (конецъ земли) долженствуетъ быть въ Семигалліи, гдѣ находятся города: Пильтинъ и Виндава; подвигать ее еще далѣе непростительно, ибо добрый нашъ царь почитается ея княземъ. Болгарія Серебряная или Камская находилась по обѣимъ сторонамъ Камы и Волги. Колыбель г. Карамзина окружаютъ многочисленныя городища въ симбирской и пензинской губ. Таковыя городища разсѣяны по всему пространству владѣній славянскихъ до самой Эльбы, Адріатическаго моря и горъ Байкальскихъ (отъ Ромеліи). Ихъ можно назвать исключительнымъ и древнимъ памятникомъ праотцевъ нашихъ идолопоклоннической эпохи и надъ нимъ конечно не трудились мусульмане въ Болгаріи Серебряной. Городища козарскія подъ Харьковомъ, надъ Донцомъ и подъ Воронежомъ (т. I, пр. 90) принадлежатъ также къ числу нашей собстренности славянской. Не спорю, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ назваться кагановыми городищами, ибо кіевскіе владѣтели и особливо Владимеръ I употребляли иногда титулъ кагана (хана), но изъ того не слѣдуетъ, якобы окопы сего рода суть произведенія казаровъ. Въ 1817 году мнѣ случилось быть за Брестомъ Литовскимъ по лѣвой сторонѣ Буга при деревнѣ Малашевичахъ на одномъ военномъ окопѣ, находящемся надъ Бродомъ, который издревле называется Бродомъ Кагановымъ и я ни мало не удивлялся такому названію, когда привелъ себѣ на мысль то, что симъ путемъ Владимеръ I ходилъ войною противъ ятвяговъ.

Говоря о городищахъ, имѣющихъ значеніе въ нашихъ лѣтописяхъ, совсѣмъ не надобно привязываться къ тому, какъ ихъ до нынѣ называл т. е. русскими, казарскими, кагановыми, а можетъ быть гдѣ нибудь и татарскими. Позднѣйшія происшествія, случившіяся при таковыхъ окопахъ, могли послужить къ присвоенію имъ придаточныхъ наименованій. Всего же болѣе должно обратить вниманіе на то, какого они вида и какъ далеко простираются на югъ къ Крыму и на востокъ къ Дону, гдѣ находился Саркеллъ? Въ пятилѣтнемъ стран-

ствованіи моемъ, на сей конецъ предпринятомъ, случилось мнѣ видѣть около тысячи городищъ между Днѣпромъ и Силезіею, и я нашелъ во всѣхъ нихъ то главнѣйшее сходство, что онѣ вездѣ насыпаны изъ чернозема, хоть возлѣ нихъ часто находится земля глинистая, или песчаная; я замѣтилъ также, что валы сіи суть округлые, часто неправильные, смотря по виду той горы, на которой ихъ насыпали, что они имѣютъ всегда входъ отъ востока и тѣмъ припоминаютъ нѣкоторой догматъ своего вѣроисповѣданія, что на сей предметъ всегда избирали самыя величественныя и прилегающія къ водѣ или колодцамъ мѣста и т. п. Внутри таковыхъ городищъ часто встрѣчаются столь тѣсныя впадины, что едва въ ней хижинка помѣститься можетъ, и я многократно находилъ въ нихъ ямки, называемыя котлами. Его преосвященство архіепископъ Евгеній въ своихъ разговорахъ о древностяхъ Великаго Новгорода, изданныхъ въ Москвѣ 1808 г. на стр. 6 говоритъ, что тамошнее городище есть также тѣсное. Г. Забловскій упоминаетъ о городищѣ въ пензенской губ. и о Чортовомъ подъ Елабугомъ и подъ островомъ въ псковской губ. и о множествѣ другихъ. На картѣ государства россійскаго, на ландкартахъ Польши, Силезіи, Богеміи (чеховъ), Моравіи, Венгріи славянской, Иллиріи, Сербіи, Босніи, Молдавіи и Черной и Задунайской Болгаріи, я означилъ безчисленное множество подобныхъ городищъ. Свадебныя пѣсни простонародныя, коихъ не мало собралъ я между рѣками Днѣпромъ и Саномъ (въ Галиціи), открываютъ существенное предназначеніе сихъ городковъ или городищъ; изъ нихъ видно то, что они служили въ древности нѣкоторыми священными оградами, въ нихъ любовники вѣнчались, въ нихъ отправлялись обряды, игры и хороводы; однимъ словомъ, это былъ нѣкоторый родъ приходовъ (parafie). На столь гигантской обширности праотеческаго нашего достоянія мнѣ невозможно уже гоняться за каждымъ городищемъ, ниже останавливаться съ наблюденіемъ при каждомъ, хотя бы то онѣ существовали и въ самой Москвѣ (Кар. Ист. т. V, пр. 402), подъ Кіевомъ съ лѣвой стороны Днѣпра (см. подъ 1026 годомъ) и въ самомъ Кіевѣ, какъ то показываютъ сіе привелегіи королей польскихъ; подъ Казанью (Кар. Ист. т. VIII, стр. 174 и пр. 324). Не стану говорить о городкѣ въ Краковѣ, гдѣ Анна Любомірская въ 1634 году основала монастырь доминикановъ, также о городищѣ въ Прагѣ Чешской около 1234 въ старомъ городѣ (гдѣ прежде былъ костеликъ святаго Ипполита). Для меня желательнѣе всего съ помощью таковыхъ памятниковъ древности открыть истинное и древнѣйшее пространство владѣній

славянъ, или увѣриться въ томъ, гдѣ именно назначить должно ту граничную украину, за которою бы больше ихъ не было.

Г. Орлай, отправляясь къ водамъ кавказскимъ, получилъ отъ меня по сему предмету нѣкоторыя замѣчанія и обѣщалъ собрать въ путешествіи своемъ нужныя для меня свѣдѣнія, но я сомнѣваюсь, позволитъ ли ему поспѣшность его въ пути выполнить данное обѣщаніе? Мнѣ однакожъ кажется, что, проживъ долѣе при Кавказѣ, онъ могъ бы какимъ нибудь образомъ узнать отъ другихъ племенъ, издревлѣ тамъ поселившихся, не называется ли у нихъ Каспійское море въ близкомъ, или подобномъ значеніи названію, Лукоморье, ибо г. Карамзинъ (см. Ист. Кар. т. II, пр. 64, т. III, пр. 2 и 70; лукоморскіе половцы пр. 74 и стр. 436), не согласивши въ одно, рѣшительно сказалъ, что оно значитъ: луговатый берегъ морской; а то, гдѣ онъ именно находился, оставилъ безъ всякаго объясненія. Взявъ однакожъ въ разсужденіе, что здѣсь дѣло идетъ о Лукоморьи въ то время, когда Игорь Святославичъ находился при Донѣ близь Кагальника, должно разумѣть подъ симъ названіемъ море Каспійское, которое было впереди Игоря, а не Азовское, которое оставалось въ противной сторонѣ и почти позади его.

Округъ императорскаго харьковскаго университета, находящійся подъ мудрымъ начальствомъ вашего превосходительства, занимаетъ все пространство странъ, составляющихъ любимѣйшій предметъ моихъ изслѣдованій и моего любопытства. Польза исторіи отечественной, ревность вашего превосходительства къ народному просвѣщенію и мои усиленнѣйшія просьбы да будутъ поручителями того, что ваше превосходительство соблаговолите великодушно обратить вниманіе ваше на то: Какія и какого рода суть городища въ тамошнихъ странахъ? Какъ далеко простираются на югъ и къ востоку? Имѣетъ ли земля донскихъ козаковъ, подпадавшая владычеству хановъ (kaganov), подобныя насыпи или городища? Также въ предѣлахъ, назначенныхъ г. Карамзинымъ для хвалисовъ по обѣимъ сторонамъ Урала, не встрѣтятся ли подобные же памятники собратніе? И что можно будетъ узнать о Лукоморьи? Наконецъ, какого суть рода славныя развалины на западномъ берегу Урала и близь устья сей рѣки? Я ничего еще объ этомъ удовлетворительно не знаю, и покорнѣйше прошу ваше превосходительство о милостивомъ снисхожденіи къ моей смѣлости и къ столь пространному письму. Отважившись писать оное, я руководимъ былъ надеждою на благодушіе ваше и оканчиваю изліяніемъ

глубокаго высокопочитанія, съ коимъ на всегда честь имѣю быть вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою Зоріанъ Доленга-Ходаковскій, членъ царскаго варшавскаго общества друзей наукъ.

Въ Гомелѣ
подъ Бѣлицею
18 іюня 1819 года.

Перевелъ съ польскаго лекторъ Петръ Артемовскій-Гулакъ.

Объ учрежденіи въ г. Кіевѣ запаснаго хлѣбнаго магазина (1754—56 гг.). Согласно требованію пр. Сената, кіев. губ. канцелярія въ 1754 г. составила «пункты», которые предполагалось принять во вниманіе при сочиненіи новаго уложенія [1]). Въ числѣ этихъ «пунктовъ» одинъ, именно 6-й, касался устройства въ г. Кіевѣ хлѣбнаго запаснаго магазина. По поводу этого проекта коллегія ин. дѣлъ потребовала отъ к. г. к. мнѣнія: «изъ какой суммы оной магазейнъ построить, такожь когда на безперервно всегдашнее время запасной хлѣбъ въ томъ магазейнѣ имѣть, то какимъ образомъ его отъ неминуемаго по долгому иногда лежанію вреда и гнилости сохранять». К. г. к. отвѣчала на это 15-го сентября 1755 г. такъ:

1) «Въ Кіевѣ нижнемъ городѣ на Подолѣ, гдѣ вси кіевскіе мѣщане и обиватели изъ малороссійскаго народа жительствуютъ, а хлѣбныхъ пашенъ не имѣютъ и всѣ содержать себе и пропитаніе имѣютъ отъ единого купеческого торгу и отъѣзжихъ промисловъ и отъ содержанія на магистратскихъ земляхъ хуторовъ и въ ныхъ винницъ, и для того въ нужномъ случаѣ кіевскіе подлого народа обыватели крайные подъемлють нужды; а реченной въ Кіевѣ магазейнъ впредь починкою содержать и хлѣбъ покупать отъ кіевскаго магистрата изъ народной магистратской суммы, для того что оной кіев. маг—тъ имѣетъ многіе въ томъ же ниж. г. на Подолѣ вольные шанки и прочіе доходы и за Кіевомъ Подоломъ предмѣстья, именуемія Сырецъ, Преверку и Кореневщину съ жилими обывателями, съ которыхъ получаютъ в маг—тъ доходы, и кіев. маг—тъ токмо платитъ в казну по 600 рублевъ в годъ и почту содержитъ.

2) Хлѣбъ в тотъ магистратскій магазейнъ надлежитъ покупать изъ той же магистратской суммы завремянно, усматривая урожая и са-

---

[1]) Пункты эти напечатаны при сообщеніи проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова въ „Кіев. Стар." 1888, № 5.

мыхъ дешевыхъ времянъ и доволныхъ на торгѣ привозовъ дешевими цѣнами, какъ то бываетъ въ 25 и въ 30 коп. четверть.

3) Когда на безперерывно всегдашнее время запасной хлѣбъ въ томъ магазейнѣ долговремянно будетъ лежать, то оной, для минованія вреда и гнилости, надлежитъ роздавать кіев. мѣщанамъ на винницы для передѣловъ на вино, ибо имъ мѣщанамъ никакова въ томъ убытка не признавается, но еще лежалой сухой хлѣбъ выходнѣе на вино бываетъ, нежели новой сыромолотной, а винницъ у нихъ, мѣщанъ, на хуторахъ великое число, и тѣмъ виномъ торгъ имѣютъ, а отъ оныхъ содержателей винницъ брать новой хлѣбъ въ магистратской магазейнъ.

4) Въ случаѣ нужды раздавать тотъ хлѣбъ бѣднымъ людямъ съ записками и съ поруками, а какъ хлѣбъ уродится и въ настоящую цѣну придетъ, сбирать въ магазейнъ по прежнему безъ излишества».

Представляя такое мнѣніе, к. г. к., очевидно не справлялась съ мнѣніями по этому вопросу кіев. магистрата, который, оказывается, совсѣмъ не сочувствовалъ мнѣнію к. губ. канцеляріи. Когда кол. ин. д. потребовала непосредственно отъ магистрата извѣстія о томъ, можетъ ли онъ употребить изъ своихъ средствъ необходимую для постройки и содержанія запаснаго хлѣбнаго магазина сумму и «не будетъ ли иногда въ магистратскихъ расходахъ помѣшательства и остановки», магистратъ доношеніемъ своемъ въ кол. ин. д. отъ 29-го марта 1756 г. отвѣчалъ, что «на постройку и впредь на почпнку показаннаго магазейна, тако жъ на покупку къ содержанію въ немъ прописаннаго числа пяти тысячей четвертей хлѣба толикой суммы денегъ выстатчить магистратъ кіевскій возможности не имѣетъ и въ магистратовыхъ указныхъ и другихъ расходахъ помѣшательство и остановка послѣдовать можетъ». Доношеніе это представляетъ особый интересъ потому, что въ немъ магистратъ, ходатайствуя о томъ, чтобы на него не возлагалась постройка и содержаніе проектированнаго запаснаго магазина, указываетъ на тѣ причины, по которымъ почти совсѣмъ прекратились «отъѣзжіе торговые промыслы» кіевскихъ мѣщанъ, явилось общее оскудѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ жалуется на тягость лежащихъ на магистратѣ повинностей.

«Жительствующіе в Кіевѣ ниж. г. на Подолѣ,—писалъ магистратъ,—кіевскіе мѣщане и обыватели, пахатныхъ грунтовъ не имѣя, содержуютъ себе и пропитаніе имѣютъ по бол. части от единного своего рукодѣлія и торгового промислу. А отъѣзжіе промислы прежнихъ временъ хотя отправляли, нѣкоторые за рубежъ в Цесарію, в

Волощину и протчіе турецкого владѣнія города, множайшіе жъ въ близостные от Кіева и от границы россійской польской области города и мѣстечки, инные, взимая на боргъ у купцовъ товары, отъѣзживали и тамо спродуя какъ тѣхъ своихъ вѣрителей купцовъ, такъ и свои нужные необходимости довольствовали, за якіе отъѣзжіе свои промислы, по силѣ высокомонаршихъ, в подтвержденіе древ. привиліевъ, каковы даны отъ королей польскихъ кіев. маг—ту, всем. жал. грамотъ, указовъ и гетм. универсаловъ, платили индукты и эвекты от воза шленскаго и гданскаго по три рубля, а от мѣлкихъ товаровъ от воза по двадцати копѣекъ безъ ревизіи; нинѣ же по учрежденіи указомъ Е. И. В. на всѣхъ границахъ таможенъ, в коихъ отъ проѣзжающихъ за границу и изъ за границы кіевскихъ мѣщанъ взимается внутренная пошлина и тарифъ и ко оплачиванію того кіев. мѣщане и обиватели, найпаче тѣ, которые часто з малимъ от ремества своего здѣланнимъ или у купцовъ на боргъ взимаемимъ товаромъ в близкіе польскіе городы и мѣстечка на торги и ярмонки отъѣзживали, в невозможности остались; а особливо за видерживаніемъ при границѣ карантина, в якомъ времени, умедливаніе и харчевіе издержки большіе, нежели въ дорожномъ проѣздѣ, происходимы бывають; для того упомянутые кіев. мѣщане оные свои отъѣзжіе торговые промыслы принуждены и оставить.

А любо хуторы и в нихъ винницы в подгородьи мѣскомъ на магистратовой землѣ кіев. мѣщане малое число содержатъ, но такъ оные до винницъ, яко и все мѣщанство в прокормленіе и в лавки для продажи, потребное хлѣба довольствіе прежде получали з заграницы, отколъ найвящше всякой хлѣбъ и другіе живности и протчіе домовые надобности въ привозѣ в Кіевѣ бывали, настоящаго же времени, за крайнимъ всего того неприводомъ предъявленного ради карантина, немалое оскудѣніе послѣдовало.

Кіев. же магистратъ, хотя по высокомонаршемъ жал. грамотамъ и содержитъ вольные въ нижнемъ городѣ Кіевѣ на Подолѣ шинки и за Кіевомъ Подоломъ подгородье Преорку, Спрецъ и Кореніовщину, точію въ тѣхъ магистратскихъ шинкахъ, за безперерывнимъ от козаковъ кіев. неуказныхъ шинковъ произвожденіемъ, весьма знатное помѣшательство и остановку имѣетъ; з жилыхъ же в подгородьи кіевскомъ обывателей никоихъ зборовъ въ маг—тъ не смлется; затѣмъ, яко оные, кои з мѣщанъ кіев. тамо жительствуютъ, тѣ, какъ и протчіе, жадныхъ пахатныхъ грунтовъ и иныхъ угодій не имѣя, от одного только ремесленого рукодѣлія и торгового промислу, посполитые же

закономъ на сторонѣ въ людей хлѣба, притяжаніемъ и поденними по людямъ работизними себе содержують. З доходячою отъ нихъ одною токмо за землю, на коей живутъ, годовою куничною въ ма—тъ кіев. уплатою и съ предъозначенныхъ вольныхъ шинковъ и другихъ пожалованныхъ употребленій кіев. маг—тъ, кромѣ платежа въ казну по шестисотъ рублевъ в годъ и содержанія в разныя мѣста почты, сверхъ того, что въ мимошедшее военное время на лоцманы и подводы многое число денегъ издержалъ и в долгахъ остался, особіе подъ проѣзжаючихъ чрез Кіевъ рос. и иностр. чрезвыч. пословъ до турец. границы и другимъ разнимъ персонамъ, нанимая дорогою цѣною подводы, какъ то и недавно прошлаго 1755 и сего 1756 годовъ подъ посланниковъ турецкаго Тефшердара, а россійского князя Долгорукова с Кіева до турец. городовъ Хотѣна и Бендеръ, на выдачу подводъ и дорожныхъ исправностей поставку издержалъ денегъ до полторы тысячи рублевъ. До того жъ строить около г. Кіева Подола полисадникъ, караульни и по проѣзжимъ улицамъ мосты и прочіе потребности исправляетъ.

Привозимой же в ниж. г. Кіевъ продажной хлѣбъ ниннѣшнихъ годовъ в дешевости не бываетъ, и тотъ, яко не сухой, но, по здѣшнему обыкновенію, сыромолотной, к прочному лежанію не способной, и если бы каковій либо хлѣбъ, по прописанному к. губ. канц. мнѣнію, убогимъ людямъ в роздачу былъ употребленъ, то оного, какъ обыкновенно тѣ люде з ежеденного заработыванія, готовой печеной на ринку хлѣбъ покупая, кормятся, ни в кое время собрать у ныхъ нѣ с чего бъ, можнѣйшіе же сами покупной хлѣбъ в запасѣ с потребу свою мѣвають». «И за вышеобъявленными всѣми обстоятельствами» магистратъ и находитъ невозможнымъ затрачивать свои средства на учрежденіе запаснаго хлѣбнаго магазина.

Тѣмъ не менѣе магазинъ этотъ былъ устроенъ, хотя о времени постройки его мнѣ не удалось встрѣтить свѣдѣнія, относительно же средствъ для этого имѣется указаніе въ указѣ пр. Сената кіев. губ. канц. въ 1766 году іюля 31 о томъ, чтобы вмѣсто отрѣшенныхъ указами 1754 и 1755 годовъ собираемыхъ кіевскимъ магистратомъ доходовъ на разныя городовыя издержки, *тожъ и на строеніе для граждан запасного магазина*, отпускать изъ таможенной суммы, имѣющейся въ кіев. губ. канц., въ кіев. магистратъ ежегодно по 1209 р. 12 к. Въ рукахъ моихъ имѣлся одинъ рапортъ кіев. магистрата въ к. губ. канц. отъ 22 го мая 1781 г. о состояніи запаснаго магазина и въ немъ сказано, что «съ накупленнаго въ прошломъ 1777 году въ тотъ магазейнъ двухъ

тысячъ четвертей немолотого хлѣба ржи, по опредѣленію магистрата, 779 году февраля 21 числа учиненному, которое бывшимъ кіев. г. оберъ-комендантомъ и кав. Елчаниновымъ апробовано, продано тысячу четвертей, затѣмъ и состоитъ оного провіанта нынѣ на лицо только одна тысяча».

Въ поданной въ томъ же 1781-мъ году въ маѣ мѣсяцѣ сек.-маіоромъ Алексѣемъ Токаревымъ вѣдомости объ осмотрѣ имъ подольскихъ улицъ, мостовъ, караулень и полисадниковъ, въ послѣднемъ пунктѣ ея, значится: «Запасной магазинъ во всякой исправности и въ ономъ въ третьемъ этажѣ въ превеликихъ закромахъ насыпано ржи, ко употребленію годная, а по объявленію того магазина содержателемъ состоитъ ржи въ закромахъ болѣе тысячи четвертей; а въѣздные мосты въ магазейнъ по обѣимъ сторонамъ вновь сдѣлать».

А. Андріевскій.

Проѣздъ турецкаго посла черезъ Кіевъ въ 1775 году [1]).

Къ «размѣнѣ» пословъ, россійскаго и турецкаго, опредѣленъ былъ рескриптомъ 25 апрѣля 1775 г. кіевскій генералъ-губернаторъ Воейковъ. Для руководства ему въ обычныхъ при такомъ случаѣ церемоніяхъ прислана была реляція генерала Кейта, бывшаго при такой «размѣнѣ» въ 1740 году. Выѣхавши изъ Кіева вмѣстѣ съ россійскимъ посломъ кн. Н. В. Репнинымъ, они прибыли 19 іюня въ м. Черчу, въ 40 верстахъ отъ Хотина, и послали нарочнаго къ хотинскому мухафизу съ извѣстіемъ о своемъ приближеніи. Продѣлавъ всѣ установленныя церемоніи, послы переѣхали границу, и Воейковъ, поручивъ препровожденіе турецкаго посла генералъ-маіору барону Игельстрому, самъ 6 іюля поспѣшилъ въ Кіевъ, чтобы приготовить надлежащую встрѣчу, и прибылъ сюда 23 іюля.

Для пріема посла «со всѣми характеру его приличными почестьми, къ томужъ сообразуясь съ пріемомъ, каковъ учиненъ былъ въ Хотинѣ отъ тамошняго паши россійскому послу», Воейковъ прежде всего выслалъ на встрѣчу ему моск. караб. полка подполковника Кастагарова «для встрѣчи у самаго перваго мѣста, что при въѣздѣ въ границы, и для поздравленія съ благополучнымъ прибытіемъ», причемъ, «примѣтя еще при размѣнѣ пословъ, что у г. турец-

---

[1]) Составлена замѣтка по черновымъ реляціямъ генералъ-губернатора.

каго посла нѣтъ такой кареты, въ которой бы онъ съ выгодою путь свой продолжать могъ, послалъ въ подарокъ свою четвероместную карету съ цугомъ лошадей». «По пробытіи въ карантинѣ пяти дней, да на половинѣ дороги отъ Василькова одного ночлега, наконецъ 13 сего августа имѣлъ г. посолъ свой церемоніальный въѣздъ въ здѣшній городъ съ слѣдующими почестьми.

Конная мѣщанская рота съ знаменемъ, литаврами и трубами, разстояніемъ болѣе десяти верстъ встрѣтя г. посла, препровождала его до квартеры. Предъ въѣздомъ въ здѣшнее предмѣстіе встрѣченъ былъ г. посолъ и поздравленъ съ благополучнымъ пріѣздомъ кол. сов. Москотипьевымъ и надв. сов. г. Кіева войтомъ Пивоваровымъ съ присутствующими въ кіев. маг—тѣ. Когда жъ г. посолъ поровнялся съ крѣпостію, то, въ честь его пріѣзда, учинено 25 пушечныхъ выстрѣловъ, вслѣдствіе учиненнаго о томъ при размѣнѣ пословъ соглашенія. Предъ посланничею квартирою постановлены были два баталіона гарнизонныхъ солдатъ съ ихъ штабъ и оберъ-офицерами, знаменами и хоромъ музыки, которые составляли улицу, чрезъ которую г. послу ѣхать надлежало, а къ нимъ примкнувъ карабинерной и козачій конвой, отдавали всѣ купно г. послу честь съ барабаннымъ боемъ и играніемъ музыкъ. По прибытіи г. посла въ квартиру для таковаго жъ привѣтствія съ благополучнымъ въ Кіевъ прибытіемъ ѣздилъ г. ген.-м. кіев. оберъ-комендатъ Ельчанановъ съ штабъ и оберъ-офицерами».

«Сохраняя равновѣсіе» и сообразуясь съ тѣмъ пріемомъ, какой былъ оказанъ нашему послу въ Хотинѣ, генералъ-губернаторъ въ день пріѣзда посла въ Кіевъ «велѣлъ приготовить великолѣпной обѣденной столъ въ его квартирѣ, по примѣру тому, какъ и отъ хотинскаго паши было сдѣлано».

«Все сіе принято было г. посломъ съ особливымъ удовольствіемъ и, въ знакъ благодарности, присланы мнѣ въ тотъ же день взаимные подарки, состоящіе изъ нѣсколькихъ турецкихъ шолковыхъ матерій, табаку съ трубками и прочихъ турецкихъ мелочей».

О пребываніи турецкаго посла въ Кіевѣ Воейковъ сообщалъ въ своей реляціи слѣдующее:

«15-го числа посыланъ былъ отъ меня г. послу подарокъ, состоящій изъ одного сорока соболей, которой принятъ благосклонно, а посыланный съ нимъ капитанъ Суковкинъ, въ знакъ благодарности, подаренъ двумя турецкими платками и десятью рублями, которые онъ тутъ же людямъ и роздалъ. Прочіе дни проходили во вза-

иныхъ пересылкахъ, навѣдываясь о здоровьи, а 22-го числа, какъ въ канунѣ отъѣзда, исполняя всевысоч. В. И. В. соизволеніе о угощеніи г. посла и въ отъѣздъ обѣденнымъ столомъ, приказано было приготовить оной въ посланничей квартирѣ; но коль скоро о семъ послу донесено было, то онъ, призвавъ къ себѣ посыланнаго моего, сказалъ, что онъ и безъ того оказанными отъ меня учтивостями много обязанъ, такъ что остается ему болѣе помышлять, чѣмъ полученныя ласковости и благосклонности заслужить, нежели давать себя вновь обременять оными, и потому принимаетъ предлагаемый отъ меня ему обѣденной столъ съ такою точно благодарностію и признаніемъ, какъ бы онъ имъ дѣйствительно пользовался. Съ симъ отзывомъ посыланныхъ отъ меня для приготовленія стола отпустилъ, и вслѣдъ за ними прислалъ ко мнѣ своего церемонимейстера съ повтореніемъ тѣхъ же словъ и благодарности. Присыланной подаренъ мною мѣхомъ горностаевымъ. Того жъ дня посланы отъ меня въ подарокъ г. послу 21 рысь, которыя приняты весьма благосклонно, и посыланные отпущены съ обыкновенными подарками. Въ тотъ же день приказано отъ меня съѣздить въ посланничью квартиру г. ген.-м. кіев. об.-ком. Елчанинову съ штабъ и оберъ-офицерами для привѣтствія и пожеланія г. послу добраго здоровья и благополучнаго продолженія пути.

23-го числа, какъ въ самой день отъѣзда, приказано отъ меня быть весьма рано въ посланничью квартиру кол. сов. Москотиньеву купно съ войтомъ нижняго города Пивоваровымъ и съ магистратскими присутствующими для привѣтствія и пожеланія г. послу благополучнаго пути, а магистратской конной ротѣ приказано г. посла проводить за Днѣпръ нѣсколько верстъ до мѣста, гдѣ г. посолъ завтракать остановится, откуда, начальнику ихъ учиня г. послу пристойное привѣтствіе, возвратиться. Въ проѣздъ г. посла мимо здѣшнѣй крѣпости учинена ему та же почесть, какъ и въ пріѣздъ его, двадцатью пятью пушечными выстрѣлами; а баталіоны гарнизонныхъ солдатъ въ строй выводимы не были, ибо г. посолъ просилъ меня, чтобъ ихъ отъ сего безпокойствія уволить. Симъ образомъ препровожденъ отсюда г. посолъ, пробывъ здѣсь чрезъ десять дней весьма спокойно и тихо, такъ что ни отъ кого ни малѣйшей жалобы не доходило».

А. Андріевскій.

Мертвая рука. (Къ 116 § «Культурныхъ переживаній»). Въ «Культурныхъ переживаніяхъ», напечатанныхъ въ «Кіевской Старинѣ», я помѣстилъ замѣтку (подъ № 116) о народномъ повѣріи о значеніи мертвой руки и свѣчи изъ человѣческаго жира, какъ вѣрнаго средства для усыпленія людей и безпрепятственнаго воровства. Въ замѣткѣ были приведены повѣрья этого рода малорусскія, великорусскія и латышское. Дополняю здѣсь эту замѣтку новыми фактами. До какой степени повѣрье о мертвой рукѣ сильно въ Малороссіи, даже въ промышленныхъ и торговыхъ пунктахъ, видно изъ слѣдующей корреспонденціи изъ слободы Боромли ахтырскаго уѣзда въ 132 № «Харьк. Вѣдом.» 1891 года. «Въ ночь съ 19 на 20 мая случилось изъ ряда вонъ выдающееся происшествіе. 18 мая былъ похороненъ крестьянинъ Буденный, страдавшій водянкою; его жена, придерживаясь народнаго повѣрья, что съ умершимъ надо класть въ гробъ монету, для того чтобы были деньги на расходы по похоронамъ, и забывъ это выполнить до погребенія, отправилась рано утромъ вложить монету въ могилу своего мужа; когда она явилась, то, къ ужасу своему, увидала, что могила до половины разрыта; она въ испугѣ бросилась въ волостное правленіе и заявила о случившемся. Немедленно было сообщено: становому приставу, врачу и судебному слѣдователю, которые, прибывъ на мѣсто происшествія, обнаружили, что могила совершенно разрыта. По вскрытіи гроба, оказалось, что у покойнаго Буденнаго на рукѣ все тѣло до кости вырѣзано. Подозрѣніе пало на одного крестьянина Борзаго, замѣченнаго въ воровствѣ, онъ содержится въ настоящее время подъ арестомъ. Со стороны судебнаго слѣдователя приняты мѣры къ выясненію этого преступленія. Существуетъ повѣріе, что если изъ человѣческаго жира сдѣлать свѣчу, то при входѣ въ избу ночью спящіе не просыпаются, пока эта свѣча будетъ горѣть; надо полагать, что Борзый съ этою цѣлью и рѣшился на святотатственный поступокъ. Подозрѣніе на него пало потому, что онъ разспрашивалъ, кого хоронили и гдѣ похоронили, и въ ту-же ночь его встрѣчали въ 2 часа на дорогѣ и въ его избѣ до 3 часовъ свѣтился огонекъ».

Нужно замѣтить, что слобода Боромля—одинъ изъ самыхъ бойкихъ торговыхъ центровъ, съ значительнымъ числомъ грамотныхъ крестьянъ. Здѣсь находится образцовое училище министерства народнаго просвѣщенія, женская школа, 5 каменныхъ храмовъ, волостное правленіе, земская больница, общественная библіотека, 19 лавокъ, вблизи крупные сахарные заводы и желѣзная дорога.

Нужно еще замѣтить, что населеніе во многомъ отрѣшилось отъ стараго украинскаго быта. Все женское населеніе усвоило уже мѣщанскій костюмъ; пѣсни искалѣчены по содержанію и напѣву внесеніемъ чуждыхъ элементовъ...

Крѣпче всего держится, очевидно, темное и грубое суевѣріе. Что оно можетъ еще долго сохраняться, даже при условіи значительно большаго распространенія грамотности, можно видѣть изъ слѣдующихъ проявленій его въ западной Европѣ:

Въ португальской сказкѣ разбойникъ подъ видомъ нищаго заходитъ въ домъ купца. Онъ зажигаетъ «мертвую руку», чтобы усыпить его дочерей; но старшая запираетъ его въ кладовой, велитъ отдать мертвую руку подъ двери, и когда разбойникъ протянулъ ее, то она отрубила часть его собственной руки. Въ лотарингской сходной сказкѣ также находится мертвая рука подъ другимъ названіемъ main de gloire. Либрехтъ въ «Zur Volkskunde» указываетъ, что «мертвой рукой» въ германскихъ повѣрьяхъ называется высушенная рука повѣшеннаго вора или свѣча изъ человѣческаго жира, имѣющая свойство наводить глубокій сонъ. Это повѣрье встрѣчалось въ старину во Франціи и въ Англіи и существуетъ еще въ Италіи (*Cosquin*, Contes populaires, I, 184).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Альбомъ офортовъ Шевченка. На дняхъ вышелъ въ Кіевѣ, изданный въ количествѣ ста экземпляровъ и не поступающій въ продажу, альбомъ фототипическихъ снимковъ съ гравюръ Шевченка a l'eau forte, озаглавленный «Офорты Шевченка въ коллекціи В. В. Тарновскаго». Всѣ гравюры, въ силу необходимости, исполнены въ одномъ форматѣ (3×4 в.), причемъ, однако, при каждой, вслѣдъ за подписью, указаны размѣры, какъ доски, такъ и самой гравюры и мѣсто нахожденія доски, если оно извѣстно. Воспроизведены также фототипіей двѣ обложки Шевченковской «Живописной Украины» (1844 г.) и подписи (legendes) художника подъ рисунками этого альбома.

Изданіе альбома принадлежитъ В. В. Тарновскому, собравшему въ своей великолѣпной южнорусской коллекціи массу работъ Шевченка и воспоминаній о немъ и большую часть его гравюръ. Въ настоящемъ альбомѣ не достаетъ лишь, кажется, трехъ или четырехъ (Король Лиръ, одинъ изъ собственныхъ портретовъ, варіантъ гравюры

«Дѣвушки у колодца» и пробныя гравюрки съ Рембрандта), снимки съ которыхъ будутъ добавлены, когда судьба приведетъ ихъ въ руки собирателя. Нельзя не засвидѣтельствовать здѣсь того высокаго уваженія, какое заслуживаютъ давнія, почтенныя и безкорыстнѣйшія усилія В. В. Тарновскаго по спасенію остатковъ памятниковъ южнорусской оригинальной культуры, историческаго быта и искусства. Съ неослабною и горячею любовью, неся огромныя затраты, уважаемый коллекціонеръ не устаетъ въ своей дѣятельности болѣе четверти вѣка, производя розыски какъ въ захолустной глуши, такъ и въ центрахъ, предпринимая съ этою цѣлью далекія поѣздки, разыскивая коммиссіонеровъ въ мѣстахъ съ историческимъ прошлымъ. Въ частности, напримѣръ, по гравюрамъ Шевченка, столь цѣнимымъ любителями и столь рѣдкимъ, г. Тарновскій достигъ собранія, какого нѣтъ ни у одного изъ самыхъ извѣстныхъ собирателей гравюръ въ Россіи, какъ Ровинскій и друг. Только собиратели офортовъ, допускающихъ возможность наименьшаго числа оттисковъ, поймутъ вполнѣ, что значитъ собрать 28 работъ одного мастера, т. е., въ данномъ случаѣ, почти весь трудъ его въ этой области искусства.

Изданный нынѣ альбомъ копій, облегчивъ вообще знакомство съ граверными работами украинскаго поэта, послужитъ драгоцѣннымъ подспорьемъ для собирателей офортовъ, области, въ которой, въ русской школѣ, Шевченко является однимъ изъ первыхъ мастеровъ. Этотъ родъ гравюры цѣнится особенно потому, что онъ наиболѣе индивидуаленъ. Офортъ требуетъ быстраго рисунка и не допускаетъ исправленій. Поэтому особенность руки и глаза художника, его оригинальныя черты и совокупность всѣхъ его усилій, характеризуемая словами «душевное настроеніе», передаются изъ всѣхъ видовъ гравюры, наиболѣе въ офортѣ. Черты Шевченка, какъ живописца, отразились также всего рельефнѣе въ этой излюбленной имъ отрасли гравюры.

По составу своему альбомъ состоитъ изъ снимковъ шести листовъ «Живописной Украины», четырехъ портретовъ лицъ художественнаго міра, шести снимковъ съ картинъ разныхъ художниковъ, трехъ композицій и семи портретовъ самого Шевченка. Если безусловной благодарности заслуживаетъ самая идея изданія, то исполненіе снимковъ мастерской г. Кульженко не всегда стоитъ на высотѣ задачи. Въ нѣкоторыхъ снимкахъ встрѣчаются блѣдныя пятна, въ другихъ не отвѣчаетъ оригиналу общій тонъ. Въ общемъ, однако, какъ одна изъ первыхъ попытокъ строго художественнаго мѣстнаго изданія, работа мастерской г. Кульженка можетъ все же считаться удовлетворительной.

В. Г.

Остатки домика И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Въ Полтавѣ, у соборной церкви, надъ возвышенностью, спускающеюся къ долинѣ Ворсклы есть два дворовыхъ мѣста; одно изъ нихъ принадлежитъ г. Ольховскому, другое—В. В. Сухиновой, которая живетъ на станціи Долинской харьково-николаевской ж. д. Прежде оба эти мѣста составляли одинъ дворъ, гдѣ жилъ родоначальникъ малорусской драматической литературы И. П. Котляревскій. Домъ его, говорятъ, стоялъ тамъ, гдѣ теперь проходитъ заборъ, раздѣляющій усадьбу на двѣ части. Въ кухнѣ флигеля отъ стараго дома сохранился одинъ лишь *трамъ*, или сволокъ, но и то уже не въ цѣломъ видѣ. Очевидно, съ двухъ концовъ онъ урѣзанъ, такъ что изъ надписи, бывшей на немъ, можно прочесть лишь слѣдующія слова: «... сей во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Року ҂аѱе мца ав...» По срединѣ этихъ словъ есть пустое мѣсто, какое оставляется на такихъ же трамахъ и въ настоящее время.

Если домъ, трамъ котораго сохранился до настоящаго времени, построенъ былъ въ 1705 году, то онъ могъ еще стоять въ то время, когда здѣсь жилъ Котляревскій. Узнать, когда именно былъ перестроенъ старый домъ и выстроенъ флигель, сохранившій его трамъ, намъ не удалось. Но, вѣроятно, это можно сдѣлать, если разспросить сосѣднихъ сторожиловъ.

Есть обыкновеніе сохранять вещи, напоминающіе о писателяхъ и художникахъ. Если отъ Котляревскаго осталось и не столько, сколько успѣли собрать почитатели Моцарта, Шекспира и др. художниковъ, то все-таки не мѣшало бы почитателямъ таланта Котляревскаго позаботиться, чтобы сохранить отъ гибели и то немногое, что осталось.

Говорятъ, что въ Полтавѣ явилась когда то мысль привести въ порядокъ его могилу. Было устроено гулянье, сборъ съ котораго долженъ былъ пойти на ея улучшеніе; но мы не знаемъ, чѣмъ это дѣло кончилось.

Теперь есть слухи, что оба мѣста, составляющія бывшій дворъ Котляревскаго будутъ продаваться въ іюнѣ или іюлѣ текущаго года. Кто купитъ это дворище? Цѣну обѣихъ усадебъ опредѣляютъ въ 8—12 тысячъ. Не могли ли бы труппы актеровъ, играющія постоянно «Наталку-Полтавку», воспрепятствовать какимъ нибудь способомъ исчезновенію предметовъ, напоминающихъ объ основателѣ мѣстной драматической литературы?

Театральныхъ школъ на югѣ Россіи нѣтъ; обучаются наши актеры на сценѣ, на глазахъ публики. Нельзя ли было бы мѣсто, гдѣ жилъ Котляревскій, употребить на устройство школы драматическаго искусства, сохранивъ въ ней въ такомъ или иномъ видѣ трамъ, подъ которымъ можетъ быть создавалась безсмертная комедія-оперетта?

Р.

Французскій поэтъ Гриценко. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Парижѣ вышли, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, двѣ небольшихъ книжки французскихъ стихотвореній, подписанныхъ характерною малороссійскою фамиліей. (V. De Gritzenko «Hellas», sonnets antiques. Paris 1886. Librairie des bibliophiles и его-же «Silhoutetes bibliques»). Это литературное явленіе въ своемъ родѣ единственное. Нѣсколько раньше, правда, извѣстная малороссійская писательница г. Марко Вовчокъ принимала участіе въ изданіи Этзéля «Magasin d'education et de recreation», гдѣ помѣстила переведенную съ малороссійскаго, историческую повѣсть «Маруся», оригиналъ которой такъ и не вышелъ въ свѣтъ. Но въ французскую поэзію сонеты г. Гриценка были, конечно, единственнымъ вкладомъ, сдѣланнымъ писателемъ южно-русскаго происхожденія.

Въ книжкѣ сонетовъ, озаглавленной «Эллада», г. Гриценко является восторженнымъ поклонниковъ той лучезарной, дивной Эллады, которая рисуется сквозь дымку историческихъ воспоминаній и воплощается въ поэзіи Гомера и Софокла, въ греческой миѳологіи и въ непревзойденныхъ до сихъ поръ античныхъ статуяхъ, гдѣ идеальная строгость искусства и высшая простота сказали свое послѣднее слово на вѣчное удивленіе вѣковъ. Ряды такихъ поклонниковъ древней Греціи, такъ же какъ Греціи философской и научной, значительно порѣдѣли у насъ подъ вліяніемъ аористовъ и другихъ грамматическихъ формъ, восхищеніе которыми обязательно для нашего юношества. Но на Западѣ этихъ поклонниковъ не мало, да и не переведутся они никогда и вѣчнымъ очарованіемъ останется волшебный миражъ колыбели просвѣщенія Эллады.

По всему складу своему г. Гриценко писатель чисто западный, лучше сказать космополитическій. Онъ принялъ характерный обликъ французскаго поэта группы, такъ называемыхъ, «парнассцевъ» и воспѣваетъ Грецію древнюю и новую. Немногимъ дано воплотить въ словѣ античную красоту. Въ русской поэзіи Пушкинъ, Майковъ въ

небольшихъ вещахъ достигали античной рельефности и ясности впечатлѣнія; у нѣмцевъ—Гете и Шиллеръ и въ современной французской литературѣ, мало извѣстный въ Россіи, но очень замѣчательный поэтъ, Леконтъ де Лиль, по стопамъ котораго очевидно стремится идти г. Гриценко.

Вся книжка его какъ бы навѣяна обращеніемъ вышеназваннаго поэта къ Элладѣ, въ его «Poemes antiques»:

Les Dieux sont en poussiere, et la terre est muette;
Rien ne parlera plus dans ton ciel deserté.
Dors! Mais, vivante en lui, chante au coeur du poète
L'hymne melodieux de la sainte beauté.
Elle seule survit, immuable, eternelle!..

Стихи г. Гриценка свидѣтельствуютъ о прекрасномъ классическомъ образованіи, даже эрудиціи, хотя остаются произведеніями дилетантскими, гдѣ поэзія проглядываетъ только иногда. Лучшая пьеса первой книжки, «Hélène», составляетъ перифразъ одного мѣста третьей пѣсни «Иліады», гдѣ описывается какое впечатлѣніе произвела красота Елены на троянскихъ старцевъ. Приводимъ этотъ сонетъ цѣликомъ, чтобы дать понятіе о манерѣ г. Гриценка:

Helène aux cheveux blonds. Helene aux pieds d'argent
Quitte d'un pas hatif sa couche nuptiale:
Elle reve au passé: sous son grand peplos blanc,
Elle pleure en songeant à la Sparte natale,
Et vers les hauts remparts s'en va languissamment.
Les viellards d'Ilios sur la crete murale,
Le front chenu, siegent majestueusement:
Ils admirent la reine et sa grace fatale!
Sur leurs fronts, qu'a ridés l'implacable viellesse,
Passe comme une brise, un regain de jeunesse;
Ils se disent entre eux, tout bas: „En verité,
Il est juste qu'ici nous souffrions pour elle
La guerre et tous ses maux, car aucune Immortelle
N'a de plus souveraine et divine beauté!"

Вступительный соннетъ близко напоминаетъ извѣстное начало поэмы «Rolla» Мюссе. Авторъ оплакиваетъ въ немъ отошедшіе въ вѣчность блаженные дни древней Греціи, то пантеистическое баснословіе, которое входило нераздѣльнымъ элементомъ въ жизнь древняго эллина и отъ котораго такъ далеко наше время:

Sur la cime des monts il n'est plus de Déesse,
Ni dans les flots d'azur: la moderne rudesse
Effarouche la Nymphe, et les bois sont deserts!

Въ пьесахъ «Гераклъ и Омфала», «Non licet omnibus adire Corinthum», «Өиванскія женщины» «Вакханка» и другихъ, г. Гриценко подражаетъ французскимъ авторамъ въ этомъ родѣ: Ожье, Банвилю, Ришпэну, Бурже, у которыхъ найдется по двѣ—три прекрасныхъ пьесы этого пошиба. Къ сожалѣнью, начитанность и литературное образованіе не достаточны еще тамъ, гдѣ собственныя силы не всегда приходятъ на выручку.

«Библейскіе силуэты» посвящены Леконту де Лиль, котораго авторъ прославляетъ за вѣрность традиціямъ древней поэзіи и называетъ эллинскимъ философомъ и представителемъ библейской правды. Г. Гриценко вдохновляется образами ветхаго завѣта и рисуетъ силуэты преимущественно женщинъ Библіи, какъ Руфь, Эсөирь, Юдиөь, Батсеба, мазь Соломона, Иродіада и просто «Израильская дѣва», которую онъ изображаетъ идеальными чертами. Въ этой книжкѣ слѣдуетъ отмѣтить пьесы «Руфь» и сонетъ III, какъ положительно прекрасныя. Послѣдняя пьеса воспѣваетъ Суламиту, послѣднюю любовь Соломона, которою вдохновлена была «Пѣсня пѣсней». Въ похвалу библейскимъ пьесамъ г. Гриценка достаточно сказать, что онѣ напоминаютъ тотъ типъ, образцомъ котораго служатъ «Еврейскія мелодіи» Байрона и не имѣютъ ничего общаго съ произведеніями современныхъ еврейскихъ стихотворцевъ, такъ же далекихъ отъ античной красоты, какъ величавый языкъ Библіи далекъ отъ современнаго еврейскаго жаргона.

Намъ ничего неизвѣстно о житейскомъ положеніи нашего соотечественника, выступившаго въ печати въ качествѣ французскаго поэта. Какъ приставка де, такъ и складъ образованія говорятъ о происхожденіи и школѣ, пройденной г. Гриценкомъ. Направленіе этого образованія носитъ характеръ нѣсколько исключительной крайности, но самая эта крайность предпочтительнѣе того самодовольнаго невѣжества, которое лѣзетъ изъ всѣхъ щелей въ наши дни.

В. Г.

Еврейская торговля антикварными рѣдкостями получила широкое развитіе въ юго-западномъ краѣ. Несмотря на многократныя распоряженія о томъ, чтобы всѣ предметы древности, находимые при раскопкахъ, поступали въ правительственные музеи и древнехранилища, евреи съумѣли повести дѣло такъ, что большинство такихъ предметовъ и нерѣдко самые драгоцѣнные изъ нихъ попадаютъ въ ихъ руки. Евреи, торгующіе антиквар-

ными рѣдкостями, размѣстили своихъ агентовъ не только въ самыхъ захолустныхъ уголкахъ юго-западнаго края, но и вообще на всемъ югѣ Россіи, какъ извѣстно, весьма богатомъ находками археологическихъ драгоцѣнностей. Какъ только еврейскій агентъ узнаетъ о находкѣ подобной драгоцѣнности или успѣетъ провѣдать о случайномъ нахожденіи ея у какого либо частнаго лица, въ большинствѣ случаевъ мало свѣдущаго въ предметахъ древности, онъ спѣшитъ увѣдомить о своемъ открытіи патрона, а послѣдній немедленно появляется на мѣсто нахожденія драгоцѣнности и пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы заполучить ее въ свои руки. Для пріобрѣтенія высмотрѣнной интересной вещицы евреи прибѣгаютъ обыкновенно къ тѣмъ пріемамъ, какіе рекомендовалъ нѣкогда одинъ археологъ - любитель, поучавшій другихъ археологовъ такими словами: «Когда ты найдешь интересную для тебя вещь, прежде всего попытайся купить ее; если откажутся продать ее, попытайся вымѣнять на другую вещь, если и въ этомъ тебѣ откажутъ—укради ее!» Но евреямъ въ такихъ случаяхъ приходится проявлять меньше настойчивости, чѣмъ любителямъ-археологамъ, такъ какъ имъ очень рѣдко случается имѣть дѣло съ любителями археологами, а несравненно чаще—съ случайными владѣльцами археологическихъ рѣдкостей, въ большинствѣ случаевъ не имѣющихъ даже приблизительнаго понятія о цѣнности ихъ археологическаго имущества. Поэтому евреямъ очень рѣдко приходится прибѣгать къ третьему способу приведеннаго выше наставленія археолога любителя, чаще—къ двумъ первымъ, но евреи поступаютъ, конечно, не въ ущербъ себѣ и, пріобрѣвъ вещи за безцѣнокъ, стараются сбыть ихъ повыгоднѣе. Для евреевъ, разумѣется, безразлично, кому будетъ продана добытая ими вещь, лишь-бы подороже продать ее. И вотъ, составивъ болѣе или менѣе значительную коллекцію такихъ вещей, среди которыхъ немало попадается христіанскихъ древностей (крестовъ, иконъ и проч.), евреи отправляются съ ними въ Москву, Варшаву и Петербургъ, тамъ распродаютъ ихъ частнымъ лицамъ и заграничнымъ агентамъ, и только незначительная часть русскихъ древностей, очень часто безцѣнныхъ по своему научному и историческому значенію, попадетъ изъ еврейскихъ рукъ въ частныя русскія собранія, большинство же ихъ увозится за границу и дѣлается достояніемъ западно-европейскихъ музеевъ, какъ, напр., краковскихъ и львовскихъ, или же частныхъ коллекцій заграничныхъ польскихъ магнатовъ. Нѣкоторые изъ евреевъ, торгующихъ антикварными рѣдкостями, не ѣздятъ ни въ Москву, ни въ Петербургъ, а сидятъ въ Кіевѣ и здѣсь ждутъ покупателей. Но отъ этого не легче, и русскія древности, все равно, тѣмъ или инымъ путемъ, благодаря предпріимчивости и посредничеству евреевъ, увозятся подальше отъ русскихъ правительственныхъ древнехранилищъ. (Кіевлянинъ, 1891, № 113)

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ имп. русскаго историческаго общества, томъ 68 й Спб. 1889 г., IX, 741.

Настоящій томъ «Сборника» заключаетъ въ себѣ богатые матеріалы для южно-русской исторіи. Онъ содержитъ въ себѣ дворянскіе депутатскіе наказы лѣвобережной Малороссіи и Слободской Украйны. Редакція «Кіевской Старины» не мало сдѣлала для уясненія роли малороссійскихъ депутатовъ въ знаменитой Екатерининской коммиссіи: она издала цѣлый томъ наказовъ и актовъ о выборахъ, она напечатала обширное изслѣдованіе о нихъ г. И. В. Теличенка и мою статью, посвященную выборамъ и дѣятельности въ коммиссіи слободско-украинскихъ (харьковскихъ) депутатовъ. Теперь умѣстно будетъ посмотрѣть, какія *новыя* данныя по этому вопросу заключаются въ настоящемъ томѣ «Сборника».

Редакторъ «Сборника» проф. В. И. Сергѣевичъ печатаетъ всѣ сохранившіеся наказы и челобитья цѣликомъ, подрядъ и поступаетъ такъ, конечно, потому, что въ его распоряженіи имѣются подлинники. Къ малороссійской губ. относится 10 дворянскихъ наказовъ и 7 челобитій. О своихъ нуждахъ заявило дворянство всѣхъ бывшихъ полковыхъ городовъ (а ихъ, какъ извѣстно, было 10) и кромѣ того, глуховское, батуринское и погарское шляхетство, конечно, потому, что Глуховъ, Батуринъ и Погаръ считались городами. Значительная часть этихъ документовъ была издана уже въ «Кіевской Старинѣ»; только тутъ они были перепечатаны съ копій, а въ «Сборникѣ» съ оригиналовъ. Впрочемъ разногласія между тѣми и другими не замѣчается.

И. В. Теличенко для своей работы воспользовался только наказами, изданными въ «Кіев. Стар.». Теперь новые наказы, напечатанные въ «Сборникѣ» отчасти подтверждаютъ, отчасти дополняютъ

сдѣланную имъ характеристику шляхетскихъ нуждъ и пожеланій Возьмемъ, напримѣръ, наказъ нѣжинскаго и батуринскаго шляхетства. 1-я статья его трактуетъ о непригодности нѣкоторыхъ параграфовъ Литовскаго Статута; здѣсь, между прочимъ, интересно указаніе на то, что «вслѣдствіе отсутствія законодательства на природномъ языкѣ приходится пользоваться имъ на польскомъ, отъ котораго между тѣмъ въ послѣднее время стали отставать»; во 2-й говорится о списках шляхетства; въ 3-ей о необходимости учрежденія въ Малороссіи дворянскаго корпуса и женскаго воспитательнаго училища, далѣе—объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими, объ утвержденіи за владѣльцами всѣхъ ихъ имѣній, о несправедливости наложеннаго Румянцевымъ подворнаго рублеваго оклада вмѣсто прежнихъ консистентскихъ дачъ, объ отягощеніяхъ посполитыхъ подданныхъ, объ учрежденіи въ Малороссіи государственнаго банка и хлѣбныхъ магазиновъ; все это такія просьбы, какія заявляло и дворянство другихъ повѣтовъ. Любопытно здѣсь указаніе на заимочный способъ возникновенія поземельной собственности. «Многіе изъ помѣщиковъ и старшинъ, говорится здѣсь, въ давнія времена занявъ пустыя въ свободности бывшія земли, поселили на оныхъ къ лучшему государству прибытку деревни, выростили рощи, основали земледѣліе, ввели скотоводство и разные промыслы и запрудили плотины, на которыхъ къ пользѣ жителей построили мельницы и изъ того государственную отправляли и отправляютъ службу. Таковыя владѣнія утверждены были здѣшнему народу, какъ нѣкоторыми статьями, подъ именемъ Займищъ, такъ правами и привилегіею». Конечно, эта страничка изъ исторіи шляхетскаго землевладѣнія смахиваетъ на идиллію—деревни селили для собственной пользы; плотины запруживали иногда ко вреду другихъ;—но она все таки интересна потому что даетъ данныя для характеристики старшинской заимки, какъ юридической нормы. Заслуживаетъ вниманія также проектъ старшинъ о заведеніи особой коммиссіи, которая бы разбирала жалобы мѣстнаго населенія на притѣсненія воинскихъ командъ, и о назначеніи коммиссаровъ, которые бы сопровождали эти команды при ихъ передвиженіяхъ по Малороссіи. Такого же приблизительно содержанія и дворянскіе наказы другихъ повѣтовъ. Наказъ лубенскаго шляхетства, депутатомъ котораго былъ извѣстный Григорій Андреевичъ Полѣтика, проникнутъ консервативнымъ духомъ. Всѣ первые параграфы его заняты фактическими справками о малороссійскихъ правахъ. «И какъ мы, говорится здѣсь, по безпристрастному нашему разумѣнію почитаемъ сіи права во всѣхъ

нашихъ нуждахъ достаточные, не лицепріемные, злымъ строгость обстоятельно и точно, а прямымъ обидимымъ выгоду предписывающими, то полагаемся надеждою на безприкладное Е. И. В. милосердіе, что тѣжъ самые права при насъ и впредь оставлены будутъ». Интересенъ здѣсь 8-й параграфъ, гдѣ всячески доказывается право козаковъ отчуждать свои грунты въ пользу старшинъ. Еще болѣе интересенъ 15-й параграфъ, въ которомъ ярко выражается отрицательное отношеніе старшинъ къ извѣстной генеральной описи Малороссіи, предпринятой Румянцевымъ. «За учрежденіемъ въ Малой Россіи коллегіи, читаемъ мы здѣсь, по предложенію генералъ-аншефа и кавалера Петра Александровича Румянцева въ Малой Россіи введена еще отличная перепись такимъ образомъ: переписуются жилые наши дворы, пахатные и сѣнокосные поля, лѣсы, луги, мельницы и протчія угодья и требуются показанія, сколько хлѣба засѣвается и сколько на какомъ мѣстѣ сѣна укашивается и сколько жъ съ мельницъ приходу въ годъ бываетъ; описывается скотъ нашъ и пчелы и ревидуются получаемые доходы; люди наши мужеска и женска полу и все ихъ имѣніе, не минуя и самихъ дворовыхъ служителей, по душамъ описуются. Таковой переписи съ самаго того времени, когда малороссійскій гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и со всѣмъ народомъ малороссійскимъ подъ всероссійскую державу поддался, въ Малой Россіи не бывало и чтобъ оной быть, на то нѣтъ и не бывало высокомонаршихъ указовъ, а имѣются точные таковые указы, что здѣсь подушевной переписи никогда не бываетъ. Да чтобъ и нынѣ оной быть, на сіе мы именнаго Е. И. В. всевысочайшаго указа не видимъ. По утвержденнымъ же всѣми въ Бозѣ почивающими Е. И. В. предками нашихъ правъ и стародавнихъ обычаевъ быть оной переписи не слѣдуетъ для того, что по праву книги Статутъ, по артикулу 15, раздѣлу 3, установлено: всѣ привилегіи, стародавнія, земскія и вновь отъ насъ данныя вольности и обычаи добрые, старинные сохранять и ни въ чемъ того не нарушать, а новаго ничего не устанавлять; а была ли бы надобность что новое прибавить къ добру Рѣчи Посполитой, тогда сего не имѣетъ чинить, ниже уставовъ какихъ дѣлать, кромѣ за согласіемъ общимъ. Нашего жъ согласія на обѣ объявленныя переписи не было и къ тому никого съ насъ не сзывано, но безъ всего тое приказано сдѣлать». Здѣсь прямо Генеральная опись выставляется дѣломъ незаконнымъ. Общій смыслъ параграфа тотъ, что такая перепись представляла небывалое, необычноеявленіе въ исторіи Малороссіи. Этотъ взглядъ на ген. опись былъ

усвоенъ и авторомъ «Исторіи Руссовъ», который свое картинное изображеніе описи начинаетъ такъ: «Графъ Румянцевъ въ 1767 г. повелѣлъ учинить всему народу и его имѣнію генеральную опись, которая какъ въ своемъ родѣ, такъ и въ способѣ ея произведенія, *была новость необыкновенная*». Въ наказѣ кіевскаго (т. е. собственно остерскаго и козелецкаго) шляхетства обращаетъ на себя вниманіе пунктъ о просвѣщеніи. «Ничто въ жизни для честнаго шляхетства, говорится тутъ, не можетъ быть столь полезно, а для интересовъ государственныхъ потребно, какъ знаніе наукъ, составляющее въ человѣкѣ цѣлость его собственнаго благоденствія и пользы государственной. Сему основанію послѣдуя, малороссійское шляхетство отдаютъ своихъ дѣтей въ разныя отдаленныя науки, какъ то: университетъ московскій, въ Санктъ-Петербургъ, а другіе посылаютъ въ чужія, далекія государства и, доставая наукъ, лишаются по своимъ недостаткамъ чрезъ великіе убытки имущества и приходятъ къ бѣдности. Мы со многихъ опытовъ несумнѣнно надѣемся, что сія наша ревность къ наукамъ отвѣчаетъ во угодность высочайшей В. И. В. волѣ и любви къ совершенному разума на сію степень возведенія вѣчно подданныхъ своихъ. Ваше И. В., яко премилосердая матерь, имѣя неусыпное попеченіе, всемилостивѣйше соизволили въ разныхъ мѣстахъ своего государства завести училища и утвердить университеты на коштѣ государственномъ для пользы юношества, въ просвѣщеніе ихъ разума и достиженіе разныхъ наукъ, а Малая Россія сего счастія въ полученіи еще не имѣетъ. Того для В. И. В. всеподданнѣйше просимъ, по примѣру другихъ мѣстъ, въ коихъ учреждены университеты, пожаловать и насъ высочайшею милостію во учрежденіи въ Малой Россіи университета въ городѣ Кіевѣ или въ томъ мѣстѣ, гдѣ заблагоусмотрѣно будетъ шефомъ нашимъ е. с. графомъ П. А. Румянцевымъ... На учрежденіе жъ и содержаніе онаго университета В. И. В. пожаловать сумму изъ малороссійскихъ таможенныхъ доходовъ, а особо и ту сумму, которая до сего, по высочайшимъ указамъ, обѣщана малороссійскому народу въ заплату за забратіе на счетъ чрезъ бывшее военное съ турками и Пруссіею время волы, лошади, возы, провіантъ, фуражъ и протчее». Стародубское шляхетство по этому поводу замѣтило, что существующія въ Малороссіи латинскія школы (3 гимназіи — въ Кіевѣ, Черниговѣ и Переяславѣ) «къ большему просвѣщенію разума человѣческаго и къ полученію другихъ нужныхъ для службы государственной и къ пользѣ всеобщей наукъ суть недостаточны» и потому ходатайствовало объ учрежденіи внутри Малороссіи университета. Погарское дворян-

ство подняло очень важный для него вопросъ о стародубскихъ раскольникахъ—просило о выводѣ ихъ изъ малороссійскихъ земель или, по крайней мѣрѣ, объ отдачѣ подъ вѣдомство малороссійскихъ судовъ.

Но кромѣ дворянскихъ депутатскихъ наказовъ лѣвобережной Малороссіи (т. е. нынѣшней черниговской и полтавской губ.), въ «Сборникѣ» помѣщена цѣлая серія такихъ же наказовъ слободско-украинской, т. е. нынѣшней харьковской губ. Слободская Украйна въ основной массѣ своего населенія представляла изъ себя такую же южно-русскую область, какъ и лѣвобережная Малороссія. Въ теченіе столѣтняго періода своего историческаго существованія она пользовалась значительною долею автономіи, хотя, конечно, сильно уступавшей автономіи Малороссіи. Тамъ во главѣ управленія стоялъ гетманъ; здѣсь такой мѣстной центральной власти не было. Слободская Украйна дѣлилась на 5 полковъ, во главѣ которыхъ стояли независимые другъ отъ друга полковники. Полковники зависѣли отъ бѣлгородскаго воеводы и разряднаго и великороссійскаго приказа, позже—отъ сената и военной коллегіи. Такое устройство существовало до 1765 года, т. е. до реформъ Щербинина. При немъ козацкіе полки были преобразованы въ гусарскіе, учреждена губернія (слободско-украинская), распадавшаяся на провинціи, которыя въ свою очередь дѣлились на коммиссарства. Реформа Щербинина вызвала нѣкоторое волненіе; инціаторомъ его среди старшины былъ полк. Краснокутскій, который за это былъ судимъ и сосланъ въ Казань [1]). Произведенный по сему дѣлу розыскъ долженъ былъ естественно устрашить другихъ. Выборы депутатовъ въ Екатер. коммиссію, имѣвшіе мѣсто 2 года спустя, и составленіе наказовъ прошли, вообще говоря, въ противоположность Малороссіи, спокойно [2]). Въ силу всего этого и въ наказахъ слободско-украинскихъ старшинъ очень скромно заявляется о сохраненіи старинныхъ правъ и преимуществъ. Реформа только что была введена; выборами руководилъ виновникъ ея Щербининъ, «правившій губернаторскую должность» въ Харьковѣ. Дворяне стараются въ своихъ наказахъ отмѣтить свои реальныя нужды и потребности, преимущественно экономическаго и отчасти соціальнаго характера; политическій элементъ въ нихъ очень слабъ. Ахтырскіе старшины, напримѣръ, просили отъ отмѣнѣ соляной монополіи,

[1]) См. объ этомъ ст. Ив. В. Теличенка „Протестъ слоб. старшины и козаковъ противъ реформъ 1765 г." въ „Кіев. Стар." 1888 г., т. XX, стр. 244—270.

[2]) См. объ этихъ выборахъ мою статью „Къ исторіи Екатерининской коммиссіи" въ „Кіев. Стар." 1885 г. сентябрь.

объ освобожденіи отъ обязанности участвовать въ починкѣ находящихся въ ахтырской провинціи значительныхъ мостовъ, о льготѣ по части продажи вина и расквартированія воинскихъ командъ, объ утвержденіи за ними земель, которыми они владѣли безъ крѣпостныхъ актовъ въ общихъ округахъ съ войсковыми обывателями. Всѣ эти просьбы имѣютъ въ виду исключительно сословные интересы дворянства. Но не довольствуясь этимъ, слободско-украинскіе дворяне выступили еще съ такимъ ходатайствомъ, какого постѣснялись добиваться малороссійскіе старшины—они просили о запрещеніи крестьянамъ ихъ вольнаго перехода съ одного мѣста на другое. «По высочайшей В. И. В. конфирмаціи здѣшней губерніи войсковымъ казеннымъ обывателямъ, писали ахтырскіе дворяне, переходъ на поселеніе въ другія постороннія мѣста запрещенъ. А какъ за нами имѣются подданные малороссіяне, состоящіе платежомъ положеннаго шестигривеннаго оклада и судомъ въ здѣшней губерніи, которые малороссіяне, по своей прежней заобинности не имѣя о каковой либо прочности содержанія въ хорошемъ порядкѣ домовъ и пашень, отъ одного къ другому владѣльцу, такожъ въ постороннія губерніи и безъизвѣстныя мѣста, что и сыскать ихъ всячески невозможно, переходятъ, оставляя не токмо владѣльческія отъ нихъ должныя работы и другія послуги, но и не заплатя указныхъ податей, кои, яко казенныя, принуждены тѣ владѣльцы отъ себя платить съ немалымъ убыткомъ, а оные чрезъ такой частый переходъ не токмо лишаются своего имѣнія и экономіи, но въ таковую нищету и бѣдность приходятъ, что и дневной пищи, а при томъ, по свободности своей, и работать прилежности не имѣютъ, а когда принуждать и приводить къ законному порядку в земледѣльству, почитаютъ за тягость. Въ разсужденіи тѣхъ ихъ обстоятельствъ, соблаговолено бъ было онымъ подданнымъ черкасомъ учинить въ переходѣ съ мѣста на мѣсто запрещеніе и безъ билетовъ не ходить; напротивъ того, помѣщики и владѣльцы должны подданного дворомъ къ подлежащему строенію, пахотною и сѣнокосною землею и на отапливаніе, гдѣ есть лѣсъ, снабдить, дабы по недостатку не могли переходить. А ежели по своевольству будутъ уходить, таковыхъ безъ письменныхъ владѣльческихъ видовъ не принимать, а когда будутъ принимаемы, на таковыхъ положить взыскивать штрафъ». Этотъ параграфъ представляетъ изъ себя теорію крѣпостнаго права; оно, по мнѣнію ахтырскихъ дворянъ, должно было принести одинаковую пользу и помѣщикамъ, и крестьянамъ; пользуясь же свободой, они не могли быть

достаточно усердны въ работѣ. Сумскіе дворяне также включили въ свой наказъ пунктъ о запрещеніи вольнаго перехода безъ билетовъ; притомъ они ссылаются на Высочайшій указъ 1763 года, (15 декабря), запретившій помѣщикамъ принимать крестьянъ, являвшихся безъ отпускныхъ билетовъ, и высказываютъ желаніе, чтобы билеты эти были оффиціально свидѣтельствованы, а за принятіе безъ нихъ крестьянъ назначенъ былъ штрафъ; а переходъ въ сосѣднія губ. былъ совершенно воспрещенъ. Остальные пункты челобитья сумчанъ касаются отчасти тѣхъ же вопросовъ, какіе были затронуты ахтырскими дворянами (льготъ по части повинностей съ ихъ подданныхъ, винокуренія, покупки и продажи соли, военныхъ постоевъ), отчасти новыхъ—гражданскаго суда, опеки надъ малолѣтними, (оба эти вопроса поставлены очень симпатично), гербовъ, положеній гг. Суджи, Мирополья и Бѣлополья. Дворянскіе гербы должны были получить всѣ лица, дослужившіеся до штабъ и оберъ офицерскихъ чиновъ. Дворянство харьковской провинціи ходатайствовало объ укрѣпленіи за нимъ грунтовъ, купленныхъ у козаковъ, о возвращеніи земель, отошедшихъ подъ Украинскую линію и въ вѣдѣніе новороссійской губерніи; остальныя пожеланія совпадали съ ходатайствами сумчанъ и ахтырцевъ. Острогожское дворянство, ближе всѣхъ другихъ соприкасавшееся съ великорусскимъ населеніемъ воронежскаго края, должно было отстаивать ту привилегію, которую никто не нарушалъ у жителей остальныхъ четырехъ провинцій, право свободнаго винокуренія. Оно же съ особенною энергіею старалось о переименованіи б. козацкихъ чиновъ въ великороссійскіе и вообще о даровaніи ему дворянства. Но самыя неумѣренныя желанія оно выразило по части надѣленія его землей. «Находившіеся въ службѣ и отставные здѣшніе уроженцы, говоритъ оно, дворяне и старшины землями, сѣнными покосы и протчими угодьи нынѣ владѣютъ одни по отводамъ и по указамъ канцелярій, другіе по своимъ стариннымъ заимкамъ, безъ данныхъ на то указовъ, иные же, не имѣя, по указамъ и по заимкамъ, особо никакихъ угодій, довольствуются въ обществѣ съ войсковыми жительми. Между всѣми оными есть такіе, кои по своимъ чинамъ въ землѣ и угодьяхъ имѣютъ крайній недостатокъ». На основаніи инструкціи губернатору велѣно было всѣ вообще земельныя дачи точно измѣрить и положить въ четверти. Острогожскіе же дворяне просили объ отводѣ имъ земель въ окружныхъ межахъ безъ измѣренія ихъ четвертями и десятинами. «Состоящія за дворянами и старшинами по отводамъ и указамъ отъ канцелярій и

по заимкамъ земли и угодья по тому ихъ владѣнiю, по урочищамъ же, за ними отказать и отмежевать. Владѣющихъ въ обществѣ съ войсковыми жительми снабдить по ихъ чинамъ особыми дачами по пропорцiи, установленной въ екатерининской провинцiи; а у коихъ изъ отведенныхъ по указамъ и изъ заимочной положенной пропорцiи недоставать будетъ, то и тѣмъ по ихъ чинамъ добавить». Чтобы понять всю серьезность этой просьбы, нужно вспомнить, какiе громадные участки получали помѣщики новороссiйскаго края: кусокъ въ 1200 дес. считался минимальнымъ надѣломъ. Но если раздача крупныхъ поземельныхъ дачъ въ Новороссiи не принесла ожидаемыхъ выгодъ, то здѣсь, въ слободской Украйнѣ, она была уже совсѣмъ излишня, безполезна, несправедлива и, наконецъ, невозможна. Изюмское дворянство въ этомъ отношенiи высказало больше скромности: оно ходатайствовало только объ оставленiи за нимъ права на совмѣстное (съ войсковыми обывателями) владѣнiе общественными землями. Относящiеся сюда параграфы очень любопытны; они содержатъ въ себѣ важныя данныя о характерѣ землевладѣнiя. «Изюмской же провинцiи войсковыя слободы по рѣкамъ Осколу и Донцу, состоящiя промежъ себя отъ 80 и за 100 в. разстоянiемъ, имѣютъ поселенiе, а внутрь, промежъ тѣхъ рѣкъ по разнымъ рѣчкамъ земляныя угодья, яко то: сѣнокосные луга и противъ тѣхъ луговъ пашенная земля, а за пашенною землею степъ...., а прочая за тѣмъ безводная степь какъ въ нашемъ, такъ войсковыхъ обывателей общемъ состоитъ владѣнiи и на тѣхъ земляхъ во многихъ имѣются села и деревни по извѣстному владѣнiю и урочищамъ, а у другихъ хутора и сѣнные луга съ обывательми черезъ межу и въ сосѣдствѣ на древнемъ сего народа обыкновенiи. Степь же какъ для весняного, лѣтняго, осенняго, такъ и зимняго времени обще блюдется для пастьбы скота, ибо въ здѣшнихъ мѣстахъ лошади, овцы, а иногда и скотъ рогатой и въ зимнее время, въ степи подъ снѣгомъ добывая ногами кормъ, довольствуется и никакихъ излишнихъ и за удовольствiемъ лежащихъ въ пустѣ земель, подлежащихъ къ описи, нѣтъ, но всѣ тѣ земли за вѣрныхъ предковъ нашихъ и наши службы не по уроку, и противъ великороссiйскихъ владѣльцевъ и обрядовъ, но по заимкамъ промежъ себя по раздѣлу, по черкасскому обыкновенiю, въ вѣчное владѣнiе всемилостивѣйше пожалованы».

Если эти общественныя земли будутъ отняты, писали изюмскiе дворяне, то многiе лишатся своего основнаго дохода отъ степнаго скотоводства. Посему пусть все останется по прежнему, т. е. «кто по

рѣчкѣ сѣнными лугами владѣетъ, то противъ тѣхъ луговъ земля и протчее по другія дачи владѣть, за законъ почитая спокойное и по 765-й годъ указное безспорное владѣніе; также имѣющимъ старшинамъ и ихъ чинамъ и ихъ подданнымъ въ войсковыхъ слободахъ скотинными выпуски, пашенными землями и общимъ степомъ со всѣ войсковыми обыватели пользоватись во обще и тѣхъ общихъ безводныхъ земель за излишнее наше владѣніе не причитать и оныхъ въ казенныя земли не описывать, дабы подъ именованіемъ казенными продажею и по другимъ раздачамъ отъ общества отойтить не могли, и оныхъ якобы въ пустѣ лежащихъ, а единственно нашихъ общихъ земель въ роздачу, кои издревле и всегда въ сей провинціи служили, никому иному не употреблять. утвердить то закономъ». Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такими общественными землями, которыя въ Малороссіи носили названіе *вольницъ* и которыя служили общимъ пастбищемъ для скота. Въ обширной изюмской провинціи такихъ вольницъ было, очевидно, еще не мало и благодаря имъ здѣсь и могло широко развиться степное скотоводство. Симпатичною чертою наказовъ слободско-украинскаго дворянства нужно признать ясно выраженное въ нихъ стремленіе къ просвѣщенію. Ахтырскіе дворяне ходатайствовали о пріемѣ ихъ дѣтей въ такъ называемые добавочные классы харьковскаго коллегіума; здѣсь, по инструкціи губернатору, должны были преподаваться французскій и нѣмецкій языки, математика, геометрія, рисованіе, инженерство, артиллерія и геодезія; неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, въ коллегіумъ поступало много дворянскихъ дѣтей, и онъ отличатся всесословнымъ характеромъ. Сумское дворянство пошло дальше и просило объ открытіи въ Сумахъ университета для дворянъ и городскаго училища. «Какъ во многихъ состоящихъ подъ высокою державою Е. И. В. городахъ учреждены воспитываемымъ дворянскимъ и протчаго званія дѣтямъ училища, отъ которыхъ и немалый плодъ отечеству приносится, а невѣжды и развращенные нравы, суевѣріе, расколы и протчее тому подобное, совсѣмъ къ сожитію благонравнаго народа непотребное, истребляется, то, взирая на толь высокоматернія Е. В. ко всѣмъ вѣрноподданнымъ изливаемыя щедроты и милости, необходимо нужно есть представить и о семъ, чтобъ повелѣно было и въ здѣшнемъ городѣ учредить училища—первое для благороднаго дворянства, второе—для церковническихъ, подъяческихъ, мѣщанскихъ и протчихъ тому подобныхъ дѣтей, и обучать оныхъ такъ, какъ въ учрежденномъ въ Москвѣ имп. университетѣ и въ городскихъ протчихъ училищахъ

предписано, чрезъ что можетъ произойти, что дворянство, а особливо не весьма достаточные, будутъ имѣть способъ не въ отдаленномъ отъ себя мѣстѣ и не съ такими издержками, какъ до сего происходило, но въ близости отъ домовъ и съ хорошимъ надзираніемъ для наученія дѣтей своихъ отдавать. Да и недостатокъ въ церковнослужителяхъ, разумѣющихъ принадлежащія до церковнаго служенія правила, проповѣдывать слово Божіе и научить простолюдиновъ Закона Божія, во многихъ мѣстахъ поправится. Какая жъ отъ наукъ можетъ въ просвѣщеніи разума послѣдовать польза, всему свѣту извѣстно».

Мы нарочно такъ подробно остановились на наказахъ слободскоукраинскихъ дворянъ, потому что они всѣ впервые теперь являются въ печати, если не считать краткихъ и случайныхъ отрывковъ изъ нихъ, приведенныхъ въ книгѣ проф. Ласкина «Законодательныя коммиссіи». Съ нетерпѣніемъ ждемъ того тома «Сборника», въ которомъ будутъ помѣщены городскіе наказы вообще и Малороссіи со Слободской Украйной въ частности.

Д. И. Багалѣй.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ Я. В. Абрамова. Спб. 1891 г. 96 стр. Цѣна 25 к.

Извѣстному издателю Ф. Павленкову пришла въ голову прекрасная мысль—познакомить русское общество съ біографіями и дѣятельностью наиболѣе замѣчательныхъ представителей науки, политики и искусства въ Европѣ и у насъ въ Россіи. Эта своеобразная библіотека начала выходить осенью 1890 года и закончится въ теченіи 2-хъ лѣтъ, т. е. въ 1893 году. Однимъ изъ выпусковъ ея является та книжечка, заглавіе которой мы выписали выше. Въ ней помѣщена біографія дѣятеля, имя котораго съ признательностью долженъ вспоминать всякій интеллигентный южанинъ—Василія Назарьевича Каразина, виновника основанія университета въ Харьковѣ. «Огромнѣйшему большинству нашего образованнаго общества, говоритъ г. Абрамовъ, Василій Назаровичъ Каразинъ неизвѣстенъ даже по имени. Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ самыхъ выразительныхъ примѣровъ несправедливости исторіи... Въ любой европейской странѣ такому человѣку давно былъ бы поставленъ памятникъ, его имя стояло бы на надлежащемъ мѣстѣ въ исторіи, его личность, мнѣнія и дѣятельность послужили бы предметомъ многочисленныхъ историческихъ работъ,

его біографія, наконецъ, сдѣлалась бы настольною книгою каждаго гражданина. У насъ же даже имя этого человѣка неизвѣстно». Немаловажную роль въ этомъ случаѣ играло, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что В. Н. Каразинъ былъ *провинціальнымъ* дѣятелемъ, и полной признательности со стороны всѣхъ читателей (столичныхъ и провинціальныхъ) заслуживаютъ какъ издатель, такъ и авторъ настоящаго сочиненія, за то что они воскресили имя этого забытаго дѣятеля и напомнили о немъ широкимъ кругамъ нашей читающей публики. Г. Абрамовъ правъ, когда говоритъ, что присяжные историки игнорировали дѣятельность В. Н. Каразина (это относится даже къ извѣстному автору «Общественнаго движенія при Александрѣ І-мъ» А. Н. Пыпину); но не правъ, утверждая, что «мы доселѣ не имѣемъ мало мальски связнаго біографическаго очерка, хотя бы чисто внѣшняго, посвященнаго этой замѣчательной личности». Самъ же онъ первымъ своимъ пособіемъ выставилъ «Украинскую старину» Г. П. Данилевскаго, конечно, имѣя въ виду помѣщенную въ ней біографію В. Н. Каразина. Біографія эта въ настоящее время уже не удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ спеціалиста, но для своего времени она, несомнѣнно, давала не мало, да и теперь еще прочтется съ пользою всякимъ, интересующимся личностью В. Н. Каразина. Будущій біографъ В. Н. Каразина возьметъ ее исходнымъ пунктомъ для своей работы. Покойный Гр. Петр. Данилевскій не былъ, правда, присяжнымъ историкомъ, но его «Украинская старина» --не историческій романъ, а сборникъ настоящихъ историческихъ монографій, имѣвшихъ въ свое время *научное* значеніе и съ этой точки зрѣнія оцѣненныхъ даже нашей академіей наукъ (за эту книгу онъ получилъ Уваровскую премію). И самому г. Абрамову,—что, впрочемъ, вполнѣ естественно—книга Г. П. Данилевскаго сослужила не малую службу. Спрашивается, какъ же послѣ этого г. Абрамовъ могъ сказать, что В. Н. Каразинъ «до сихъ поръ не заслужилъ чести имѣть хоть кое какую біографію, ни какъ ученый, ни какъ общественный дѣятель, хотя въ обоихъ отношеніяхъ онъ представляетъ собою выдающееся явленіе». Самъ г. Абрамовъ ставитъ себѣ скромную цѣль. «Приступая къ составленію настоящаго очерка, говоритъ онъ, мы не задавались цѣлью создать, такъ называемый, солидный трудъ. Подобная работа выходила бы за предѣлы нашей задачи и не соотвѣтствовала бы рамкамъ, поставленнымъ для цѣлаго изданія, въ которое нашъ этюдъ входитъ, какъ часть. Мы имѣли въ виду лишь дать популярный біографическій очеркъ человѣка, столь несправедливо забытаго нашимъ

обществомъ и нашею исторической наукою, и тѣмъ привлечь ихъ вниманіе къ этой оригинальной личности и видному дѣятелю нашей прошлой жизни». Такой цѣли авторъ вполнѣ достигаетъ; мало того, онъ даетъ даже нѣсколько больше, чѣмъ обѣщаетъ. Г. Абрамовъ отнесся къ своему дѣлу очень добросовѣстно и главное съ любовью; онъ познакомился со всѣми *важнѣйшими* источниками и пособіями по избранному имъ вопросу и на основаніи ихъ далъ намъ очень живо и тепло написанный очеркъ жизни и дѣятельности В. Н. Каразина. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что значительная часть этихъ матеріаловъ была издана уже послѣ выхода въ свѣтъ книги Г. П. Данилевскаго, и что г. Абрамовъ впервые сдѣлалъ краткую сводку ихъ, то его книжечка пріобрѣтаетъ нѣкоторое научное значеніе, а не является простою компиляціей извѣстныхъ пособій. Правда, г. Абрамовъ упустилъ изъ виду кое-какія существенныя печатныя данныя (въ родѣ, напримѣръ, записокъ Ярославскаго, статьи о. Ник. Лащенка о В. Н. Каразинѣ, какъ помѣщикѣ с. Кручина); правда, онъ не входитъ въ разсмотрѣніе причинъ различія во взглядахъ на дѣятельность и личность Каразина; но онъ и не обѣщалъ намъ этого. А между тѣмъ, вообще говоря, его взглядъ на дѣятельность Каразина стоитъ, какъ намъ кажется, ближе къ дѣйствительности, чѣмъ отзывъ спеціалиста историка — В. И. Семевскаго. У г. Абрамова тонъ нѣсколько приподнятый. Онъ не останавливается на отрицательныхъ чертахъ характера В. Н. Каразина, которыя были отмѣчены уже прежними изслѣдователями. Но за то у него получается выпуклая характеристика его кипучей энергической дѣятельности, въ которой онъ опередилъ свой вѣкъ. Г. же Семевскій несправедливо порицаетъ В. Н. Каразина за то, за что онъ заслуживаетъ похвалы — за его стремленіе облегчить по возможности участь своихъ крѣпостныхъ. Допустимъ, что форма этого облегченія была несовершенна, носила на себѣ печать «прожектерства», столь присущаго Каразину. Тѣмъ не менѣе ставить ему это въ вину, заподозривать искренность его намѣреній не приходится; для этого нужны доказательства, а ихъ нѣтъ. Суетливость В. Н. Каразина непріятно дѣйствовала на его современниковъ, а впечатлѣнія и отзывы этихъ послѣднихъ не остались безъ вліянія на нынѣшнихъ изслѣдователей; г. же Семевскій довѣрился имъ вполнѣ.

Книжечка г. Абрамова достаточно полно рисуетъ намъ дѣятельность Каразина и по прочтеніи ея остается впечатлѣніе, что виновникъ основанія харьковскаго университета былъ дѣйствительно богато

одаренъ природою, отличался разностороннимъ (можетъ быть, даже слишкомъ разностороннимъ) умомъ, широкимъ энциклопедическимъ, но не поверхностнымъ знаніемъ и главное неукротимымъ стремленіемъ къ общественной дѣятельности.

Вся книга состоитъ изъ 8 главъ; въ 1-й и 2-й гл. разсказывается біографія Каразина и излагается петербургскій періодъ его дѣятельности, (приближеніе къ Александру І-му, роль въ образованіи министерства народнаго просвѣщенія); въ 3-й говорится о заслугахъ, оказанныхъ имъ харьковскому университету; въ 4-й объ охлажденіи къ нему императора и внѣслужебной дѣятельности; 5-я посвящена уясненію его отношенія къ крестьянскому вопросу (въ теоріи и на практикѣ); въ 6-й изображается Каразинъ, какъ ученый и хозяинъ, и какъ организаторъ филотехническаго общества; въ 7-й приводится содержаніе его писемъ къ имп. Александру І-му и Николаю Павловичу, результатомъ которыхъ была высылка въ имѣніе; въ 8-й заключительной главѣ сообщаются краткія свѣдѣнія о послѣднемъ періодѣ его жизни. Не всѣ главы отличаются одинаковою обстоятельностью; лучшими мы признаемъ тѣ, въ которыхъ говорится о политическихъ идеяхъ В. Н. Каразина, отношеніи къ крестьянскому вопросу и научныхъ открытіяхъ; заслуги его на пользу харьковскаго университета очерчены блѣдно; личной жизни В. Н. Каразина г. Абрамовъ вовсе не касается и предоставляетъ это сдѣлать будущему біографу, «который будетъ располагать болѣе полными свѣдѣніями». Г. Абрамовъ, основываясь на «Украинской старинѣ», указываетъ, что сохранились «многотомныя записки В. Н. Каразина, которыя предполагалось издать еще въ 60-хъ годахъ, но которыя и доселѣ не появились въ свѣтъ». Но это, собственно, не записки, а громадная переписка В. Н. Каразина; къ сожалѣнію, впрочемъ, она, повидимому, погибла во время одного изъ пожаровъ, посѣтившихъ с. Кручикъ. Что же касается матеріаловъ, «хранящихся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ», то намъ они неизвѣстны.

Въ заключеніе замѣтимъ, что внѣшность изданія вполнѣ соотвѣтствуетъ его внутреннимъ достоинствамъ. *За 25 коп.* читатель получаетъ изящно изданную на прекрасной бумагѣ книжку, украшенную портретомъ В. Н. Каразина, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Гедономъ. Пожелаемъ самаго широкаго распространенія этому сочиненію; по дешевизнѣ, по легкости и интересу изложенія оно доступно всякому образованному человѣку.

Въ дальнѣйшихъ выпускахъ должны появиться біографіи слѣдующихъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему югу—Гоголя, Пирогова, Шевченка и Щепкина. Не сомнѣвается въ успѣхѣ задуманнаго г. Павленковымъ предпріятія.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, напоминаемъ читателямъ «Кіевской Старины», что при харьковскомъ университетѣ сосредоточенъ сборъ пожертвованій на памятникъ В. Н. Каразину. Для этой цѣли Высочайше разрѣшена подписка по всей россійской имперіи. Сборами завѣдуетъ коммиссія, состоящая изъ четырехъ профессоровъ. Подписные листы высылаются желающимъ. Пожертвованія принимаются и въ редакціи «Кіевской Старины». Фамиліи жертвователей будутъ своевременно опубликованы.

Д. И. Багалѣй.

В. И. Василенко. Мѣстечко Опошня, зѣньковскаго уѣзда, полтавской губерніи. Статистико-экономическій очеркъ.—Изданіе полтавскаго губернскаго статистическаго комитета. Полтава 1889. 40 стр.

Брошюра г. Василенка даетъ богатый и цѣнный статистическій матеріалъ для изученія жизни одного изъ крупнѣйшихъ поселковъ полтавской губерніи. Достоинство этого матеріала увеличивается еще тѣмъ, что собранъ онъ на мѣстѣ лично г. Василенкомъ, сначала въ качествѣ земскаго статистика, а затѣмъ въ качествѣ изслѣдователя кустарныхъ промысловъ. Матеріалъ относится главнымъ образомъ къ 1882 году и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія относительно землевладѣнія, земледѣлія, жизненной обстановки жителей, торговли, промысловъ (гончарнаго, сапожнаго), рабочей платы и т. д. Къ сожалѣнію только, при обработкѣ этого матеріала, авторъ не выработалъ предварительно опредѣленной системы и предлагаетъ его въ поэтическомъ безпорядкѣ, такъ что для читателя требуется нѣкоторыхъ усилій, чтобы представить себѣ картину, какъ живутъ въ Опошнѣ люди: о постройкахъ, напр., говорится немного при общемъ описаніи Опошни на стр. 9, болѣе же подробное описаніе ихъ почему то заняло мѣсто между земледѣльцами и ремесленниками (стр. 25—27); тамъ же помѣстились свѣдѣнія и о просвѣщеніи въ Опошнѣ [1]; о

---

[1]) Любопытны замѣчанія г. Василенка о переходномъ состояніи Опошни, гдѣ „деревенская простота состязается съ городомъ": украинская „мóва" замѣняется солдатско-мѣщанскимъ жаргономъ; свитки—„куцынами", чемарками, сюртуками; плахты—„спидныцями" и т. д. (стр. 24).

садоводствѣ говорится на стр. 10 и на стр. 36—40; цѣны на продукты разбросаны по всей брошюрѣ, и здѣсь ужъ нѣтъ возможности составить себѣ хоть какую-нибудь картину и т. д.

Общій выводъ, къ которому пришелъ г. Василенко при изученіи экономическаго состоянія опошнянскихъ жителей, очень неблагопріятенъ: въ большей части царитъ бѣдность (63,7%) и хозяева имѣютъ не болѣе 3 десятинъ полевой земли; имѣвшихъ отъ 3—6 дес. въ 1882 году въ Опошнѣ было 15,6%, а имѣвшихъ больше 6 дес.— 20,7%. Сравнивая данныя относительно козачьяго землевладѣнія, добытыя земской статистикой въ 1882 году, съ данными переписи козаковъ въ Опошнѣ въ 1835 году, авторъ разбираемой нами брошюры приходитъ къ заключенію, что «въ теченіе можно сказать полувѣка— бѣдность не уменьшилась, а возростаніе земельнаго обезпеченія незначительной части совершается на счетъ сокращенія пропорціи обычнаго уровня благосостоянія болѣе многолюдной группы хозяйствъ». Въ настоящее время около 2/3 козачьей группы находится въ бѣдности и нуждѣ.

Н. В.

Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій.—Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Собралъ Лаврентій Похилевичъ. Кіевъ, 1887. Стр. IX+305. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер 3 р.

Книга г. Похилевича является первымъ выпускомъ обширнаго труда, задуманнаго авторомъ и имѣющаго цѣлью историко-статистическое описаніе кіевской губерніи. Еще въ 1864 году г. Похилевичъ издалъ *Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи*—книгу, въ свое время обратившую на себя вниманіе и увѣнчанную Уваровской преміей. Съ той поры авторъ не переставалъ работать въ томъ же направленіи, собиралъ матеріалы, несмотря на всѣ затрудненія, встрѣчавшіяся ему на пути, на недоступность для него, какъ частнаго человѣка, въ общественныя библіотеки и правительственные архивы, «оберегаемые, какъ онъ выражается, угрюмыми архиваріусами» (стр. I). Но и при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ автору удалось собрать довольно цѣнный матеріалъ для исторіи, главнымъ образомъ, землевладѣнія въ кіевской губерніи и воспользоваться важными документами, относящимися преимущественно къ церквамъ и монастырямъ и хранящимся въ разныхъ архивахъ, частныхъ, церковныхъ, монастырскихъ, въ архивѣ дух. акад. и т. д. Съ этой стороны, ко-

нечно «замѣтки» г. Похилевича (какъ онъ самъ скромно называетъ свой трудъ) чрезвычайно полезная книга.

Архитектура книги очень проста. Начиная съ Вышгорода авторъ разсматриваетъ сначала села кіевскаго уѣзда, затѣмъ переходитъ къ радомысльскому. Подъ названіемъ каждаго села онъ излагаетъ его исторію, если ему удалось собрать хоть какія нибудь историческія или археологическія свѣдѣнія, сообщаетъ разстояніе села отъ ближайшихъ поселковъ, число жителей по вѣроисповѣданіямъ, по сословіямъ, количество надѣльной земли, сумму выкупныхъ платежей, городскаго налога, если дѣло идетъ о мѣстечкѣ или городѣ; сообщаетъ также и о крупныхъ владѣльцахъ. Для примѣра приводимъ описаніе первой попавшейся деревни—Креничъ, кіев. уѣзда: «Креничи,—въ 2 вер. отъ Подгорецъ, и въ 1 отъ Гвоздова, между горами со многими ключами, или криницами, образующими слабый ручеекъ; мѣстоположеніе благопріятствуетъ пчеловодству, которымъ нѣкоторые жители и занимаются съ успѣхомъ. Жит. об. п. 432; евр. 5; рев. 121; над. 478 дес.; вык. 581 р. 29 коп. Кромѣ того Иванъ Поремскій выкуп. изъ над. 6 дес. Универсаломъ Богдана Хмельницкаго 18 августа 1652 года, даннымъ кіевскому полковнику и всей старшинѣ, Креничи вмѣстѣ съ Ходосовкою *«наданы монастыреви паненскому Михайловскому* (т. е. Богословскому, что при Михайловскомъ мужскомъ). Села эти, по соединеніи всѣхъ кіевскихъ паненскихъ монастырей въ одинъ Флоровскій, стали принадлежать этому послѣднему (Акты зап. Рос., V, № 31). А въ универсалѣ Самуйловича 10 августа 1682 г. на имя игуменьи Меланіи сказано, что Креничи *«наданья пана Криницкаго»*. Слѣдовательно, до монастырскаго владѣнія Креничи составляли частную собственность. Дѣйствительно, въ 1586 году кіевскій гражданинъ Василій Ходыка купилъ *«у шляхтича Гулевича село Креничи о четырехъ миляхъ отъ замку кіевскаго»*; и съ того времени сталъ именоваться «Ходыкою-Криницкимъ». (Кіев. Ст. 1885, часть I).

Нѣкоторые изъ документовъ, главнымъ образомъ, конечно, тѣ, которые еще не были напечатаны, г. Похилевичъ приводитъ цѣликомъ, какъ напр., поземельные документы Миколинской обители (стр. 40—42), ржищевскаго монастыря (стр. 146—151) и т. д.; другіе только въ извлеченіи или въ пересказѣ. Съ своей точки зрѣнія мы можемъ, конечно, иногда и пожалѣть о такой неравномѣрности, хотя считаемъ несправедливымъ упрекать г. Похилевича: у него была своя опредѣленная цѣль, которой онъ достигалъ, приводя документы во всѣхъ трехъ видахъ. Спасибо и за то, что онъ даетъ.

Статистическую часть мы признаемъ гораздо слабѣе исторической; во первыхъ, черезчуръ мало свѣдѣній даетъ г. Похилевичъ, ограничивая ихъ почти только цифрами о населеніи, земельномъ надѣлѣ, платежахъ и не касаясь другихъ сторонъ жизни, а во вторыхъ не указываетъ намъ источника, откуда онъ заимствовалъ эти свѣдѣнія, въ особенности же свѣдѣнія о народонаселеніи, которыя добыть у насъ на Руси, какъ извѣстно, чрезвычайно трудно. Мы боимся, чтобы въ собираніи этихъ свѣдѣній не участвовали волость и полиція, а потому, пока г. Похилевичъ не укажетъ своего источника, будемъ относиться къ нимъ съ недовѣріемъ.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ указать на особенность книги г. Похилевича, которой желательно было бы не видѣть въ послѣдующихъ выпускахъ его труда. Мы разумѣемъ странное въ концѣ XIX в. пристрастіе автора къ архаизмамъ (вящій, весь, градъ, оный и т. д.). Нельзя пройти молчаніемъ идеи г. Похилевича сблизить славянскія нарѣчія введеніемъ *русскаго* алфавита.

Къ книгѣ г. Похилевича приложены подробныя карты кіевскаго и радомысльскаго уѣздовъ, составленныя по Шуберту, а также и указатели именъ географическихъ, личныхъ и «указатель *нѣсколькихъ* предметовъ, выдающихся и наиболѣе интересныхъ для любознательнаго читателя». Изъ обзора одного только этого указателя можно видѣть, какія любопытныя свѣдѣнія заключаются въ трудѣ г. Похилевича, которому мы искренно желаемъ поскорѣй довести до конца начатое дѣло.

Н. В.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы 5.—Русская Мысль 5.—Сѣверный Вѣстникъ 5.—Русскій Вѣстникъ 5.—Наблюдатель 5.—Русское Обозрѣніе 5.—Русская Старина 5.—Русскій Архивъ 5.—Историческій Вѣстникъ 5.

Русская Мысль V. *А. Я. Кониссхаго. Просвѣщеніе въ Галицкой Руси.*—Авторъ подробно излагаетъ успѣхи просвѣщенія среди русиновъ за послѣдніе 20 лѣтъ (стр. 20—41).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ краткіе отчеты о книгахъ: «Журналы и отчеты полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1890 г.», «Задачи сельско-хозяйственныхъ обществъ и кіевское сельско-хозяйственное общество. И. Рева» и «Труды перваго кіевскаго областнаго съѣзда. И. Рева» (стр. 241—242).

Русское Обозрѣніе V. Въ отдѣлѣ Критика и библіографія — статья *В. Майкова*: «Н. В Гоголь и С. Т. Аксаковъ», въ которой авторъ говоритъ не только объ увлеченіи Аксакова Гоголемъ, но и о вліяніи Гоголя на Аксакова въ его литературныхъ произведеніяхъ (стр. 438—455).

Русская Старина V. *Дневникъ А. В. Никитенко*. Нѣсколько словъ о цензурныхъ затрудненіяхъ при печатаніи статьи Костомарова: «Вѣче въ Россіи» (стр. 389, 414 и 415).

«Т. Г. Шевченко». В. Демича. Авторъ, по словамъ своего дяди—землемѣра Д. Демича, приводитъ краткія свѣдѣнія о пребываніи поэта въ с. Бѣгачѣ, черниговъ. губ., у князя Кекуатова, въ 1847 г., гдѣ, по словамъ Д. Демича, Ш-ко и былъ будто бы арестованъ. У Д. Демича сохранился «аттестатъ» отъ кн. Кекуатова, подписанный между прочимъ и художникомъ Т. Шевченко, а также нарисованная имъ икона (стр. 429—431).

«Т. Шевченко въ Закаспійскомъ краѣ». Родзевича. Приводится нѣсколько характерныхъ эпизодовъ изъ жизни поэта въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи на основаніи оффиціальной переписки, имѣющейся въ г. Асхабадѣ, въ архивѣ штаба войскъ закаспійской области. Переписка касается отсутствія болѣе 3-хъ лѣтъ формуляра Ш-ко, подробнаго разслѣдованія по поводу найденныхъ у него писемъ и стиховъ, отказа нарисовать для церкви Ново-Петровскаго укрѣпленія образа, отказа въ выдачѣ аттестата на званіе свободнаго художника, большаго переполоха, произведеннаго даннымъ Ш-ку комендантомъ крѣпости маіоромъ Усковымъ билетомъ на право свободнаго проѣзда въ С.-Петербургъ, минуя Уральскъ и пр.—Тутъ же указывается, что и до сихъ поръ въ укрѣпленіи есть посаженныя поэтомъ фруктовыя деревья и его «домикъ» (стр. 432—446).

Замѣтка Неклюдова о портретѣ Т. Г. Шевченко, написаннаго имъ самимъ въ 1859 г. Портретъ, доставшійся Неклюдову отъ Быковскаго, полученъ этимъ послѣднимъ отъ Дзюбика, которому подаренъ самимъ Шевченкомъ (стр. 447).

«Очерки и воспоминанія» Н. М. Колмакова (продолженіе). Указаніе на неудачное профессорство Н. В. Гоголя въ с.-петерб. у-тетѣ (стр. 460—461).

Бѣлозерская «Вас. Троф. Нарѣжный». Продолженіе біографіи (Р. Стар. № 9, 1890 г.) этого извѣстнаго общественнаго дѣятеля начала XIX вѣка и писателя, бравшаго сюжеты для своихъ произведеній изъ южно-русской жизни и исторіи (стр. 471—487).

Въ замѣткахъ—приведено письмо гетмана Мазепы къ Меньшикову отъ 1704 г. по поводу даннаго ему порученія найти подходящаго священника для Шлиссельбургской церкви (стр. 498).

Историческій Вѣстникъ V. *Воспоминанія С. В. Скалонъ*, рисующія бытъ и образъ жизни помѣщиковъ Малороссіи конца XVIII и начала XIX вѣка, въ частности жизнь и личность извѣстнаго вельможи и сподвижника Александра

І-го Д. П. Трощинскаго и отца г жи Скалонъ В. В. Капниста, бывшаго при Екатеринѣ II-й кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а потомъ генеральнымъ судьей въ полтавской губ., очень любившаго свой родной край и заботившагося о благосостояніи его населенія. Тутъ же посвящено нѣсколько строкъ Ник. Вас. Гоголю—въ дни его ранней молодости (338—367).

Въ отдѣлѣ критики—краткій отзывъ о книгахъ: «Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ...» Бублика, изд. 2-ое и «Козаки. Донцы. Уральцы. Кубанцы. Терцы. Очерки изъ исторіи старокозацкаго быта». Абаза (стр. 494—496).

(Іюнь) 23. Неделя. На службу Божую приехалемъ въ Смѣлое, где, куповавшого жито Андрѣя призвавши, увѣдомилемся отъ него, что подводи, виправленніе зъ дому по жито, взяли тутъ, въ Смѣломъ, жита четвериковъ 40, а осталось еще купленного у его 2 четверики, а буромского тутъ въ дворѣ 3. Еще жъ грошей у его осталось отъ покупки житной 20 зол. На дорозѣ, едучому мнѣ въ Роменъ, оттуду посланніе ко мнѣ указы колежскіе 3, о поташѣ одинъ, о откупѣ зборовъ другій, а третій о недѣйствіи безъ подпису колежского унѣверсаловъ правителскихъ въ генералнихъ дѣлехъ, врученни мнѣ стали.

24. Отправленъ почтарь въ Глуховъ зъ писмами до ясневел., и до брегадир., о овощахъ къ нимъ посланнихъ, а до паней особливе отъ мене, о виправѣ, висилаючойся до Царичина. До домашнихъ моихъ писалемъ, приказуючи кухву оковитой горѣлки здѣлать и въ барила перелить. Туда жъ отсель послалемъ коробку зъ 100 трубками пѣнковими, барилко вина полинного. Оттоль велѣлемъ прислать отласъ рожевій, булдинокъ паръ 4 и пару карабѣнеровъ. Грошей моихъ, присланнихъ прежде до п. асаула полкового, 40 рублей, а теперъ обискавшихся у п. атамана роменского, отобравши, далемъ Якову Дубровѣ, онъ далъ Плетюнцѣ до тихъ 70 рублей и другихъ отъ его данныхъ.

25. Виправленъ сторожъ поліовій сенецкій Джикгилъ въ Глуховъ, зъ писмами двома до старшини енер., о виправу енералную въ Терекъ упоминаючися. Другое о графскомъ приказчику, возбранившомъ ревѣдовать козаковъ въ Константиновѣ [1]) и о присланню подорожной отъ правителей. Особливе до коллекгіи доношеніе послано черезъ его жъ отвѣтное, о полученнихъ 3 указахъ: объ откупѣ зборовъ, о недѣйствіи по указахъ правителскихъ о генералнихъ дѣлахъ, безъ подпису колежского писанних, и о поташу. Писалемъ до паней своей о присилцѣ декокту и до Столповского о вѣдомостяхъ. Писалемъ до п. обозного, чтобъ пріехалъ въ Роменъ для общого совѣту,

[1]) М. Константиновъ, роменск. уѣзда, послѣ Мазепиной измѣны, подарено было Петромъ В. графу Головкину.

якъ артиллерію и иншіе дѣла полковіе споражать. Писалемъ до п.п. сотниковъ о присланню вѣденя о зборахъ ратушнихъ и о расходахъ онихъ, прежде нинѣшного указу шедшихъ на ратуши. До чорнуского п. сотника писалемъ о пѣщанскомъ человѣку, служившомъ при Грикгорашу, подъ часъ коммиссарства полкового, а теперъ атаманомъ тамошнимъ обиженнимъ. Праздновали день государева коронованія. По молебнѣ бувъ въ дому Бакѣева зъ товарищи и, по 2 чарки водки випивши, розийшлись по домахъ.

26. Послалемъ 4 кухви горѣлки при Андрѣю кролевецкомъ, зъ которихъ одну дать въ Лохвицѣ на шинкъ писалемъ до стар. лучанского, а зъ тихъ трехъ: одну въ Сухоносовцѣ, другую въ Лубняхъ, а третюю въ Кривой Рудѣ, для косарей, на шинкъ опредѣлити, о чомъ до Орановского писалемъ. До Занковского о приездѣ его въ Роменъ и о доправленню грошей покуховнихъ отъ шафара, 200 зол. и килкохъ шагъ, и чтобъ увѣдомился о двохъ палубцяхъ, робившихся для потреби моей въ Буромли. Зборщики полку всѣхъ сотенъ, отпущенніе зъ Глухова, являлися всѣ у мене и инструкцѣи, себѣ въ коллекгіи данніе, показовали. Худолѣй мимоездомъ въ Гадячъ бувъ у мене. Полубціовъ на двохъ колесахъ привезено пару, неокованнихъ и необбитихъ, зъ Александровки [1])

27. П. Андрѣй, швакгеръ, зъ Михайловки [2]) едучи въ Чернѣговъ, мимоездомъ бувъ въ Ромнѣ и въ дому. П. Андрѣй, братъ, приехалъ зъ Сумъ въ Роменъ, зъ братовою. Укази въ всѣ сотнѣ послалемъ зъ обстоятелнимъ виражееннемъ, якъ готоватись и якій приборъ повинни мѣти козаки и самимъ п. сотникомъ онихъ аппробовать. Послалемъ въ Глуховъ до паней своей, черезъ почтара нашего роменского, грошей рублей 30, да писалемъ до правителей два листи: еденъ о козакахъ, повернувшихся зъ Цербенѣ, якъ висилать ихъ въ походъ настоящій, а другій о бунчуковихъ, что онихъ тилко есть, сколко въ реестрѣ, оттуду присланнимъ, найдуется виражено, цедулъ двѣ: 1, о Чигириндубровѣ, где не могутъ на стоячій въ

---

[1]) Село лубенскаго уѣзда.

[2]) Село лебединскаго уѣзда, харьковской губ., принадлежавшее Полуботку.

лакгерѣ полкъ, дровъ настатчити, 2, о вѣденіяхъ дворовъ, шедшихъ до ратуша прежде вновъ принесенного указу. До ясневел. писалемъ и листъ отъ оной, писанній до імператрици, включилемъ. П. Петру Калениченку роестръ далемъ купить мнѣ въ Шліонску флинту и пару пистолетовъ гладкихъ, и ладовничку.

28. Родителка послала воловъ 10 своихъ, а я 4, и вручили п. Петру Калениченку продать въ Шліонску, що учинити и обѣщалея. Федора Юрченка зъ Демяномъ и Плетюнку зо всѣмъ отправили въ царичанскую дорогу. Федору зъ Демяномъ вручено: возовъ 7 воловихъ, кождій возъ по 4 воли, а въ тихъ возахъ, кромѣ харчи данной имъ, тютюну каменей 100, горѣлки простой 4, а оковитой 4 кухви, зъ якихъ куховъ попересипали въ барила, а барилъ всѣхъ 25, але и въ простіе 4 кухви, повсипали во всякую кухву по 2 носатки горѣлки оковитой; пшона четвериковъ роменской мѣри 9 и золот. сто; и сіе злѣценно Юрченку зъ Демяномъ. Плетюнцѣ зась дано грошей черезъ Якова 110 рублей: 10 рублей на проходъ, а 100 на купленне риби и соли въ Царичинѣ, зъ чимъ мѣетъ онъ назадъ вскорѣ и повернутись. Стар. Засулскій, бувши у мене, обявилъ, что въ пасѣцѣ моей на Плавинищахъ, 15 роювъ уже. Въ Сухоносовку до Орановского послали 6 воловъ. Въ Царичинъ пойшло воловъ: подъ возами 28, а про запасъ два, и того 30, а коней рижихъ двое. Бувъ въ пасѣцѣ и оглядѣлемъ старой пчоли 34, а роевъ 17. у Плавинищахъ. Зъ Чорного Яру, мая 26 отпущенній, Черевко приехалъ въ Роменъ и листи поприврозилъ.

29. Праздновали день ангела государевого: въ церквѣ молебенъ отпѣли соборомъ и на ономъ 3 рази зъ пушокъ стрѣляли; по молебнѣ, господинъ Бакѣевъ зъ товарищи въ дому бувъ и, по 3 чарки водки випивши, отишолъ. П. обозній рано явился мнѣ, зъ которимъ, тако жъ и зъ п. писаремъ полк., уговорили написать по сотняхъ, жебы отъ вдовъ, немогучихъ виспалать цѣлого козака въ походъ надлежащій, по коню взято подъ артиллерію полковую. Особливе коней купить за гроши полковіе. Принесенъ правителскій листъ, чтобъ юля 5 прислать въ Глуховъ извѣстіе, сколко въ полку лубенскомъ поставлено маяковъ и где и по сколко козаковъ при

оннхъ обрѣтается. Зъ Глухова повернулся . . . . (?) зъ листами, внешенамѣненнимъ правителскимъ и другимы.

30. Неделя. Казѣмиръ, слуга, посланний до родителя зъ лѣкарствами, повернулся назадъ. П. Кочубей и п. Трощинскій пизно приехали въ Роменъ, для ревизѣи всего полку. Писалемъ до п. сотниковъ о коняхъ подъ артиллерію, жебы у вдовъ побрать и присылали бъ до п. обозного.

Юль. 1. Орановскій приехалъ и о мѣдѣ взятой собою, говорилъ, что зъ оной въ Лубняхъ дѣлаютъ глеки и проч., а мѣди камень 1. П. Михайло батуринскій бувъ у мене, которому жита дать казалемъ четвер. 4. Взаимную въ контроверсѣяхъ зъ п.п. Кочубеемъ и Трощинскимъ, листовную въ Ромнѣ, имѣлисмо корреспонденцѣю. Бувъ городничій бодаквянскій зъ листомъ отца ігумена Михайловского кіевского просителнимъ о уменшенне стоялцовъ великорос., до которого отписалемъ.

2. Указъ въ потверженне другихъ указовъ, данъ атаманови роменскому, виганять людей до роботи валовой. П. суддѣ покойного синъ Яковъ приехалъ о чолобитчику лукомскомъ претендуючомъ много дечого, прося наставленія, що зъ нимъ чинити. Орановскому вмѣсто коней, данихъ прежде ему, въ перемѣну другихъ казалемъ дать. Попадя короваевская привезла унука своего и листъ отъ старости короваевского, въ якомъ ознаймуетъ о кобилахъ 12, отогнанихъ моихъ въ Кривую Руду, зъ которихъ лоша у дванадцятой здохло.

3. Комисаръ Григорій пріехалъ въ Роменъ, зазванній для ревѣзіи. Дацѣй лукомскій явился. До короваевского старости отписалемъ о виданне коня и харчевихъ рѣчей. Василь, молодикъ великій, виехалъ сего вечора у царичанскую дорогу. У Падка (?) меду купили вѣдерко по 9 зол. до вимѣру.

4. До п. сотника чорнуского писали, отвѣтуючи, чтобъ по прежнему зъ того человѣка папѣръ видаванъ былъ на росходи ратушніе, зъ которого и прежде видавалась, и приказуючи, жебы на жалобу Пѣщанского, служившого за писарчика при Григорашу, присилалъ конечне сюда атамана Пѣщанского. Повернулся сторожъ

зъ Глухова зъ листомъ отъ старшини енер., въ которомъ отвѣтуютъ, что промеморія еще не прислана въ канцелярію зъ коллегии—ежели висилать осталнихъ къ Дербенѣ или нѣтъ? И о томъ предложено въ листѣ томъ же, что бимъ готовался до походу. Тогда жъ указъ присланъ зъ енер. канцеляр. ко мнѣ, чтобимъ отобравши у сотниковъ репорти, сколко козаковъ до походу будетъ готовихъ, а сколко за скудостію въ домахъ останется, посилалъ до Глухова въ канцелляр.

5. Зъ пасѣчникомъ своимъ тутейшимъ плавинскимъ, уговоръ учинилемъ при п. писареви полковомъ: за лѣто все, поколь сховаетъ въ имшаникъ пчоли, дать ему грошей копъ 5, да харчъ наша, для чого и задатку далемъ таляра оному теперъ. Видѣлемся зъ Кочубеемъ. Послани указы до всѣхъ п. п. сотниковъ, чтобъ заразъ репортовали мене, сколко готовихъ, а сколко неготовихъ козаковъ до походу указанного. По жалобѣ Терновского, жителя сотнѣ лубенской, писано до старшини тамошней, жеби присилали сюда злодѣя, укравшого у него нѣкоторіе вещи, купно зъ тимъ, которій оніе переховувалъ.

6. Александръ пригналъ коней зъ футора Криворудского 4: сивострокатого, вороностерокатого, рижострокатого и голого, лошаковъ четвертаковъ. Орановскій отехалъ въ Сухоносовку, черезъ Глинскъ, где мѣлъ отъ паней судіиной отобрать грошей рублей 30, даннихъ зимою на жито.

7. Неделя. Оберъ фискалъ повернулся зъ Кіева, отъ князя Трубецкого, и видѣлся зъ мною въ церквѣ. П. сотникъ наказн. глинскій приехалъ и привезъ .....говъ (?) 5. П. Леонтія Янковского виправилемъ въ Волошиновку, куди зъ Лохвицѣ мѣлъ приехать и Григор. Остапенко, комиссаръ, розискать про подданнихъ паней суддѣной и п. сотника глинского etc. По жито подводи прійшли зъ Глухова.

8. Виправлени зъ житомъ подводи, на которіе наложено жита четвер. 60, а вола одного въ позику зъ Засулля взяли, для того что не было одного вола, затимъ що при виходѣ ихъ зъ Тулиголовъ захоровалъ. Бондарцеви Остапу данъ указъ, жебы артил-

лерію споражалъ до походу. П. п. Івану Остапенку и Петру Верещацѣ данъ указъ ехать до п. п. ревизоровъ, на мѣсто сотника наказного Савуска. Писалемъ до Данила Кулябки и Григорія, писар. лубенского, жеби зехали въ Юсковцѣ и розискали заводъ межи тамошними людми и трембачемъ.

9. Приехалъ человѣкъ господина Чечерина, коммендапта полтавского, зъ указомъ отъ коллегіи малороссійской, жеби жида Лейбу и двохъ воровъ колодниковъ, людей его Чечерина, поенлать въ Глуховъ. Повернулся зъ Сорочинецъ слуга п. Скоропадского Павелъ и подалъ мнѣ писмо отъ Луки француза, о его сюда прибытіи.

(Засимъ вырванъ листъ).

19. Ездилемъ до пасѣки своей на Плавинище, где опрочъ старой пчоли 34, показалось роевъ 48. Послали укази во всѣ сотнѣ — о перестереганню полтавцовъ, а барзѣй переволочанцовъ и щобъ безъ указу . . . . (?) не пропускать.

20. Коней двое своихъ продалемъ верховихъ, вороностроватого за 55 зол. да рижестрокатого за 50 зол. Бандурка зъ Кухтикомъ утекли.

21. Недѣля. Воловики по жито зъ Глухова прійшли. Бандурку и Кухтика зискано. Въ Глуховъ по самую (жену Марковича?) послалемъ конѣ черезъ Леска сторожа; черезъ его жъ послалемъ и доношеніе родителское въ малороссійскую коллегію, зъ экскузацѣею о умедленіи и оное, жеби далъ въ коллегію, писалемъ до чорнуского п. сотника, туда жъ поехавшого. Зъ Астраханѣ, отпущеніе роменцѣ отъ родителя, Бувшенко, Томенко и Билимовъ зять, повернулись и прибули въ Роменъ и писма попривозили.

22. Листъ черезъ тихъ же зъ Астраханѣ отпущенних до п. миргородского [1]), писанний зъ Царичина, отъ брегадира Шамардина принесенній, послалемъ въ Сорочинцѣ, черезъ сотника яресковского Коломина, черезъ его жъ и до Луки писалемъ и до самого п. миргородского. П. полковнѣкова сумская у вечеру отехала въъ

---

[1]) Полковника миргородского Данила Апостола, будущаго гетмана.

Суми. До Кочубея написалемъ отвѣтъ; и до Обозненка и Криштопенка писалемъ, чтобъ они имъ присутствовали. Зъ Глухова приносени двѣ писма правителскіе о Кочубею и Трощинскомъ, писанное зъ нарѣканнемъ одно, а другое о приборѣ въ походъ. Хлопцямъ и Мартину покрояно сукнѣ. Бандурка и Кухтикъ наказаніе за побѣгъ понесли.

23. Коня сивого купилемъ у Гудима старого, ценою за 90 зол., при битности брата п. Андрея и отца Александра Кролевецкого и другихъ слугъ. Жидовъ, на Дяченкову за проданній другимъ тютюнъ скаржившихся, росправилемъ, такожъ и Цися зъ супплѣкантомъ голѣнскимъ. Пожаръ близъ Николая свят. учинился у вечеру, але толко одна згорѣла хата, где дракгуне въ мѣсто того, чтобъ розривать хату, людей били и рабовали. Желѣза купилемъ полъзвязки и 6 фунт. родзѣнокъ. До Константинова зъ листомъ правителскимъ посилалемъ Котлубая.

24. Городничимъ устроилемъ Нестора и наказъ пунктами ему далемъ, якъ и чого смотрѣть. Воловики зъ житомъ въ Тулиголови посланни и черезъ нихъ послано 14 колѣсъ воловихъ и въ кучцѣ (клѣткѣ?) 2 пари огаровъ и о томъ до Остапа писано; а взято жита зъ ями тутъ 39 четвериковъ, пожичили у Василя писара 15 четвериковъ, а мѣли взять въ Смѣломъ 6 четвериковъ. Зъ Глухова писма принесени правителскіе: о дачѣ возовъ компанѣйцамъ, отъ самой и господара о поведеніяхъ домовихъ, и привозѣ лагонского вина въ Глуховъ зъ Березной. Отъ правителей доношеніе зъ поправкою назадъ прислано.

25. П. бунчучній зъ обознимъ прилуцкимъ и Столповскимъ канцеляристою, переехали Роменъ и поехали черезъ Сорочинцѣ чили Гадячъ, въ Ахтирку, до князя Михайла Михайловича Голицина. Греки купци були у мене зъ протестомъ на индуктарей, же у нихъ не по давнемъ обикновенію индукту взимаютъ и для того въ Свѣнскъ на ярмарокъ не поехали, але протестъ учинивши и подписавши своими руками, дали мнѣ. Прикажчикъ константиновскій бувъ у мене и говорилъ, что писано къ нему отъ правителей

нашихъ о зборщикахъ, жеби тамъ устроени били, а то по колежской промеморіи.

26. Г. генералъ маіоръ Роппъ переездомъ зъ Варви до Гадячого бувъ въ Ромнѣ и, часъ одинъ чили другій забавивши, и отехалъ почтою, а за почту прогоннихъ денегъ не платилъ. Малъ бувъ контентъ зъ господи, якая показанна була въ дворѣ п. суддѣной. Родителка до Андріевки виехала. Торгъ зъ жидами на тютюнъ учинили, подлѣйшій по 2, а лутшій по 3 зол.

27. Зборщиковъ два прислано на перемѣну зъ Лукомля и зъ Пѣратина. Раховано гданчанъ [1]) Чернѣцкого, Алексѣя, Якова и Селецкого, а раховали отецъ Савѣцкій, Яковъ дозорца, сотникъ наказ. Савуско и атаманъ Гѣня. Зъ Криму родителскихъ прійшло 5 возовъ зъ товарами. Указы знову послани въ сотнѣ о крайней готовности въ походъ. До Орановского о разныхъ интерессахъ, а до стар. буромского о палубахъ отвѣтъ, и до другихъ, до Леонтія и до Мацковского Василя, о видачѣ харчи на Кривую Руду писано.

(Засимъ вырванъ листъ или два).

Августъ. 24. Всѣ полки князь рано ревѣдовалъ, радемъ поставивши пѣшо и велѣвши стрелять имъ [2]). По ревѣзіи обѣдалъ у миргородского [3]). По обѣдѣ, комменду вручилъ миргородскому. Сотникъ сенецкій князеви супплѣку на мене подалъ, за посаженне его на армату, якую князь вичитать велѣвши, казалъ помиритись. После князь заездилъ до гадяцкого и прилуцкого полковниковъ, где немного посидѣвши, и отехалъ къ Красному Куту, 4 часа зъ полдня, а приехалъ въ Красній Кутъ 10 часа. За нимъ и я поехавши ночовалемъ, не доехавъ Красного Кута, на полѣ.

25. Недѣля. Приехалемъ у Красній Кутъ рано и, бувши у князя, обѣдалемъ зъ нимъ. Тамъ же изъ полковникомъ ахтирскимъ Лесевицкимъ видѣлемся и зъ полковникомъ Ларіоновимъ. По обѣдѣ

---

[1]) Возвратившихся изъ поѣздки въ Гданскъ (Данцигъ).

[2]) Говорится о смотрѣ козачьяго войска княземъ М. М. Голицынымъ на Коломакѣ. См. Русск. Арх. 1880 г., I, 195.

[3]) Т. е. миргородского полковника Апостола.

зъ Краснаго Кута за княземъ поехалемъ и дорогою едучи, о своей нуждѣ ему говорилемъ; и зъ нимъ же передъ вечоромъ приехалемъ въ Каплуновку; а передомъ стрѣлъ насъ полковникъ Загрязкой кіевского полку тамъ стоячого. Булисмо зъ княземъ у вечернѣ, а по вечернѣ бувъ за князя молебенъ, а по молебнѣ чудотворной иконѣ всѣ прикладовалися. Церковъ и иконостасъ хорошіе. Сотникъ балаклієвскій Лѣсаневичъ да писаръ полковій Узюмского полку були передъ княземъ и супплѣку дали на полковника узюмского Гахалстрова (?). Старшина енералная пріехали въ обозъ до Коломаку.

26. Муштровалъ князь полкъ кіевскій и конно и пѣшо, часовъ зъ 6. По муштрѣ, обѣдали у полковника Загрязкого. По обѣдѣ, поехалъ князь въ Ахтирку, за которимъ и я поехалемъ зъ Загрязкимъ и, опровадивши его за верстъ 5, пожекгналисмо и вернулися назадъ. Князь, при отклонѣ моемъ, милостиво мене отпустилъ. Ночовалемъ на той сторонѣ Красного Кута. Старшина енер. пріехавши въ обозъ, а не заставши князя, поехали за нимъ въ Ахтирку.

27. Обѣдъ мѣлемъ переехавши Красній Кутъ, куда пріехали писаръ полк. Савѣцкій и сотникъ сенецкій и сказали, что едутъ зъ супплѣкою, данною отъ ихъ миргородскому по приказанню миргородского жъ, и зъ мною обѣдали. Приехалемъ заранни до Буцкого броду сюда, и заехалемъ первей до прилуцкого полку, къ п. п. суддѣ и сотнику полковимъ, и взялемъ оттуду для свѣдителства сюди, въ лубенскій полкъ, Березинского. Пришли ко мнѣ обозній полковій и всѣ сотники и когда спиталемъ ониxъ про супплѣку, на мене написанную отъ нихъ до миргородского, первей обозній, а потомъ сотникъ чорнусскій, а послѣ и всѣ сказали, что они такой супплѣки не хотѣли писать, жебы мнѣ отставленну быти отъ комменди, тое жъ и не подписовалися бъ, але мусѣли тое учинити зъ принужденія миргородского п. полковника, которій того вечора, якого князь отехалъ, призвавши всѣхъ лубенцовъ до себе, публѣчно лаявъ родителя моего, а после приказалъ, жебы конечне написали на мене супплѣку, сказавши и тое, же если не напишутъ и не подпишутся, то онъ ихъ въ такіе заженетъ тарапати, що

трудно имъ війти будетъ, о чомъ я того жъ вечора, писалемъ до князя, до аттютанта Шипова и до Бирулева. Вечералемъ у лохвицкаго сотника зо всѣми.

28. Бувъ я рано у миргородского, которій ласкавъ ко мнѣ оказался. Обѣдалемъ у суддѣ миргородского. Холодовичъ отъ п. полковника нѣжинского передомъ пріѣхалъ, зъ которимъ у п. п. суддѣ и сотника полковихъ прилуцкихъ булисмо. Такъ же у Галагана, а оттоль у п. Стефана Миклашевского, где при мнѣ и сотникъ чернускій бувши явне тое говорилъ повторе, что приказовалъ онимъ миргородскій писать на мене суплѣку и же бранилъ родителя. Стаховичъ вечералъ и ночовалъ у мене.

29. Чернѣговскій полкъ прійшолъ. Ездилемъ зъ чернускимъ сотникомъ до п. Миклашевского, где многая о томъ же говорилъ при п. Миклашевскомъ; зъ нимъ же пріехавши въ обозъ, обѣдалемъ. Писма, до правителей отъ мене писанніе, знову зъ Ромна ко мнѣ прислано, и отъ Василя, писаря, грошей зол. 100 на служителей войсковихъ. Передъ вечеромъ полкъ нѣжинскій прійшолъ и я тогда жъ бувъ у нѣжинского п. полковника. Писалемъ до родителки о своей нуждѣ.

30. Писаръ и сенецкій (сотникъ) отъ князя повернулись; тако жъ и Гаврило молодикъ повернулся, зъ отвѣтомъ до мене княжимъ, же онъ не имѣетъ безъ изслѣдованія причины отставлять мене отъ комменди. Обѣдалемъ у нѣжинского зъ гадяцкимъ. Максимовичъ у вечеру передъ нѣжинскимъ говорилъ тое, что миргородскій велѣлъ суплѣку писать и бранилъ отца моего.

31. Отправилемъ 3 человѣка въ Роменъ и чрезъ нихъ писалемъ до коллекгіи о томъ, что обозній не вернулся въ Роменъ для правленія полкового, хочай ему и говорилемъ. До прокурора пространно, а до ясневелможной кратко, о своей нуждѣ писалемъ. До Занковского о удержанню ся его тамъ. До писара глух. о ревѣзѣи сенецкой, до господара пунктовъ нѣсколконадцять, о интерессахъ домовихъ. По обѣдѣ у гадяцкого зъ нѣжинскимъ булисмо, а потомъ зъ нѣжинскимъ и у мене були п. п. судця и сотникъ пол. прилуцкіе.

Септевр. 1. Неделя. У нѣжинского полковника бувъ банкетъ, але толко миргородскій да прилуцкій полковники не були. Листи

зъ Астраханѣ отъ отца, отпущенніе 7 и 12 юля, принесенни ко мнѣ зъ Ромна. Стародубскій полкъ прійшолъ.

2. Писма писалемъ до родителя въ Астрахань и до родителки о своемъ поведеніи. Обозній, бувши у мене рано, говорилъ тое, что оному приказовалъ миргородскій, жебы отпустить отсюду лукомского атамана да жебы тамъ атаманомъ не бувъ, але инного бъ избрано.

3. У нѣжинского пол. обѣдалемъ. Миргородскій листъ отъ старшини енер. и 2 суплѣки присилалъ до нѣжинского, жебы подписался о избраніи гетмана и отставцѣ зборовъ писанніе. Заѣздилемъ до прилуцкихъ (старшинъ), а оттоль до Миклашевского. Соколничій зъ Ромна пріехалъ зъ писмами, обявляючими тое, что присланъ въ Роменъ зъ коллекгіи указъ зъ солдатомъ взять нѣкоторихъ людей родителскихъ до коллекгіи респектомъ зборовъ.

4. Пѣлули пурктуючіе, у Алвиза взявши, пріймалемъ. Козакъ полтавского полку, бувши у мене, сказовалъ, что родитель мѣвъ по Преображеніи на море пойти. П. Григор. швакгоръ бувъ у мене.

5. Писма отправлени черезъ Леска сторожа въ Роменъ и грошей зол. 100 до панеи моей зъ писмомъ. До брегадира, прокурора и Кошеліова о взятихъ зъ Ромна людяхъ дворовихъ въ коллекгію взглядомъ зборовъ. Тогда жъ и до родителя въ Астрахань. Присилалъ миргородскій асаулу свого полкового Семена, что бимъ до его ехалъ зо всею старшиною. Тогда жъ бувъ я у его и подписался на суплѣцѣ, але подписавшись, говорилемъ о нѣкоторихъ термѣнахъ, что оніе досадни кажутся, вмѣсто протесту.

6. Писаръ пол. Савѣцкій приносилъ рано ко мнѣ суплѣку другую до п. миргородского писанную и подписанную отъ старшини, на якій я не подписалемся [1]). Почтарь зъ Ромна пріехалъ зъ листомъ Янковского, которимъ змѣнкуетъ, что отобранъ Бекетовимъ у Гадячу провіянтъ, привезенній зъ полку лубенского. Тотъ же почтарь привезлъ вина полинного барилко и барило пива. Заруднїй пріехалъ. Грошей по лѣчбѣ Якова показалось 150 зол., якіе въ

---

[1]) Говорится объ извѣстныхъ „Коломацкихъ челобитныхъ", напечатанныхъ въ приложеніи къ Кіевск. Стар. 1890 г., стр. 102—110.

скринку вложилемъ. Трембачамъ роздати гроши казалемъ и для того 100 зол., присланнихъ зъ Ромна, отдалемъ черезъ Городиского и Худолѣя обозного, которій и подавалъ по части, оставивши у себе 60 зол.

7. Соколничого отправилемъ и ему жъ вручилемъ листи до родителя, отъ мене и нѣжинского п. полковника писанніе и отъ его жъ до сотника глуховского. Лубенскій сотникъ пріехалъ въ обозъ. Обѣдалисмо у глинского наказного сотника.

8. Неделя. Служби Божой слухалемъ у нѣжинского; по обѣднѣ зъ прилуцкимъ полковникомъ були въ наметѣ, а потомъ поехалисмо до гадяцкого и тамъ всѣ обѣдалисмо.

9. У миргородского бувъ я рано и, мало посидѣвши, отійшолемъ. Коней 120 нѣжинского полку, короповской сотнѣ, у ночѣ зпужались и разбѣглись, але потомъ обискались. Обѣдалемъ у нѣжинского. По обѣдѣ ездилемъ до швакгра п. Григорія, оттоль до п. п. Миклашевскихъ, где въ карти игралемъ и вечералемъ у п. Стефана. Указы 2 принесенни у вечеру, отъ малороссійской коллегіи зъ Глухова отпущенніе, зъ которихъ въ одномъ предлагается тое, чтобъ хто хотѣлъ покупалъ медъ зборній десятинній [1]), а въ другомъ, якъ пенку (пеньку́) дѣлать и укази въ обоихъ тихъ указахъ для для публѣкацѣи всенародной включенни.

10. Почтара, которій сюда привозилъ пиво да вино, отпустилемъ назадъ зъ писмомъ, а зъ нимъ и Данила татарина захоровавшого. Стрелцовъ человѣка 9 послалемъ для добычи въ степъ. П. Григорій швакгеръ обѣдалъ у мене зъ п. судденкомъ нѣжинскимъ Василемъ и другими.

11. Черезъ слугу п. полковника нѣжинского, писалемъ въ Глуховъ до ясневелможной и до своей жени. Обѣдалемъ у нѣжинского полковника. Игравши въ карти, програлемъ 3 рублѣ.

12. Обѣдалемъ въ дому. Гаврила молодика послалемъ въ Полтаву для покупокъ нѣкоторихъ, которому и грошей на оніе далемъ рублей 10.

(Засимъ вырванъ листъ).

---

[1]) О „медовой десятинѣ", которая въ это время собиралась въ Малороссіи, по распоряженію Вельяминова, см. Русск. Арх. 1880 г., I, 159.

25. Надъ 200 козаками, оставленними у Буцкого броду, оставилемъ каммендѣромъ лохвицкого сотника Гамалѣю, а самъ передъ обѣдомъ рушилемъ оттуду къ Ахтирцѣ, полкъ отпустивши при обозномъ домой. Обѣдалемъ не дозжжая Красного-Кута, зъ п. Демяномъ Якубовичемъ, Раковичемъ и Левенцемъ. Мимоездомъ п. полковникъ гадяцкій постоялъ и, випивши зъ своею панею по кубку вина, отехалъ до Каплуновки. А ми, по обѣдѣ поехавши, ночовалисмо не доеждажая Ахтирки болшъ милѣ.

26. Приехалисмо къ Ахтирцѣ рано и переняввши миргородского, приездившого туда жъ, зъ нимъ сталисмо за городомъ, у левадѣ. Булисмо у князя, кушали и подпили значне. Князь ласкавъ до всѣхъ оказовался. Отпустивши всѣхъ, велѣлъ мнѣ удержатись. У вечеру отойшовши отъ его, булемъ у Бирулева, а оттоль до квартири своей поехалемъ и вечералемъ у п. Демяна Якубовича. Отдалемъ князови бандурку малого своего.

27. Рано булисмо у князя и, кагве (кофе) напившись, пошлисмо зъ нимъ до церкви. По службѣ, миргородскій подалъ князеви суплѣку за подписомъ цѣлихъ полковниковъ о томъ, чтобъ ихъ коллегія не посилала салдатъ зискуватъ, и князь обѣщался служить по возможности, а до того сказалъ, же онъ не надлежитъ (?). Миргородскій и протчіе отклонились, а мене удержалъ князь на обѣдъ; и обѣдалисмо зъ Милорадовичемъ гадяцкимъ пол. По обѣдѣ я, отехавши, ночовалемъ якъ бы у 3 милѣ, не доеждажая Комишевъ села, и вечералемъ тамъ у п. Демяна Якубовича.

28. Обѣдалисмо у Веприку, якъ бы у 2 милѣ отъ ночлега. По обѣдѣ завчасу приехавши въ Гадячъ, булисмо у Турковского, господара гадяцкого, и випивши по 3 кубки меду, отехалемъ и ночовалемъ у села Липового.

29. Неделя. Передъ Ромномъ стрѣтили мене братъ п. Андрѣй, Бутурлимъ и прочіе, и приехалисмо въ Роменъ на службу. Полянскій, Іванъ Макаровичъ, присилалъ офѣцера въ церковъ до мене, зъ поздравленіемъ приезду моего. Бакѣевъ по службѣ бувъ и простился зо мною, бо мѣлъ отехать къ Царицину. Худолѣй, Василь глинскій и проч. отехали домой.

30. Листи получилемъ отъ атамана чигириндубровского о Гордѣевичу, о коню, о которомъ писалъ енер. Роппъ, чтобъ заплатить оного утраченого капитанского. У оберъ-кригсъ-коммиссара Полянского былемъ у вечеру. Отъ Орановского листъ принесенъ зъ требованемъ денегъ на заплатку за пчоли.

1. Октовр. До Орановского писалемъ и грошей 10 рублей послалемъ. До родителя въ Астрахань писалемъ и до атамана отписалемъ чигир.-дубровского. Глинскій Василь и Зарудненко були въ Ромнѣ. Сенецкій сотникъ проехалъ черезъ Роменъ.

2. Листъ правителскій, 24 септ. отправленній зъ Глухова, принесенъ зъ требованіемъ о присилку вѣденія маетностей змѣнничихъ и другого вѣденія о умерших въ Терку и Ладозѣ козакахъ.

3. О присилкѣ тихъ вѣденій укази и листи къ сотникамъ порозсилалемъ. Писалемъ въ Глуховъ до ясневел. о своемъ приездѣ. До старшини енер. тожъ о приездѣ, а другой листъ, отвѣтуючи на ихъ писмо, и до господара. Ямщикъ на войта скаржился. Принесени зъ коллекгіи малорос. 2 укази. одинъ о непропуску старцовъ безъ пропускнихъ грамотъ монаршихъ, а другій о предуготовленія лѣса и дровъ на магазейны. Раховали Семениху, бувшую шинкарку лохвицкую, и показалась опа винна по реестру Романовомъ 177, а подлугъ еи сказки, 109 зол. и копѣекъ 5. У Мѣрочника, шинкара роменского, отобралъ Романъ грошей зол. 60.

4. Писалемъ до сотниковъ о приуготовленіи роботниковъ, дерева и драпѣ на магазейны. Особливо писалемъ о пересмотрѣ монаховъ зъ Греціи приеждяжаючихъ, на форпостахъ, до чигир.-дубр. сотника. Василь Дяченко, бувши у мене, принесъ табаку гишпанского и пуздерко въ ценѣ. У вечеру виехалемъ зъ Ромна въ Андрѣевку, и стрѣвшись зъ Григоріемъ, коммиссаромъ полковимъ, едучимъ въ Глуховъ до правителей зъ реестрами о собраннихъ денгахъ на церковъ Печерскую [1]) розговорувалемъ зъ нимъ долго, а приехалемъ потимъ на ночъ въ Андреевку. Отъ писара Савѣцкого писмо принесено о заводѣ походномъ и о его заочной будто

---

[1]) См. выше, стр. 14.

конфузіи зъ горливостю виражаючое. П. Василю Дяченку, за пуздерко, далемъ черезъ отца Савѣцкого 27 зол.

5. Бувъ глинскій сотникъ наказ. и прикажчикъ андріяшовскій Грудзѣнскій. Козаки зъ Царицина повернулись сотнѣ глинской, которіе туда посилани були зъ писмами

6. Желяза послали зъ Андрѣевки въ Глуховъ, зъ доношеніемъ въ коллегію малороссійс. Черезъ его жъ писалемъ до прокурора о присилцѣ ему и до господара. Зъ Ромна получилемъ листъ отъ Билима о злодѣяхъ, андрѣяшовскимъ прикажчикомъ пойманнихъ, и самихъ двохъ злодѣевъ. Зарудній зъ своею женою и сотничка глинская пріехали.

7. Рано поехалемъ зъ Андрѣевки степомъ ромадановскимъ и на обѣдъ приехалемъ къ Бодаквѣ, у футора гадяцкого полковника. Оттуду поехавши, ночлегъ мѣлъ на озницѣ (?) противъ Сенчи. Проехалъ писаръ Савѣцкій до Сорочинецъ зъ села своего.

8. Обѣдалисмо не доижджаючи Пѣсочокъ, села монастира мгарского; оттуду поехавши на ночъ, приехали къ Березнякамъ и тамъ вечернѣ вислухали.

9. Тамъ же въ Березнякахъ утренѣ и служби божой вислухали, а поехавши оттоль, на поздній обѣдъ приехали въ Криворудскій футоръ. По обѣдѣ зревѣдовали стадо конское.

10. Асаулу арматного поставилемъ сотникомъ наказнимъ лукомскимъ. Попъ лукомскій бувъ отецъ Петро. Писма зъ Ромна принесенни отъ Билима, о приехавшихъ салдатахъ и порутчику Пенякову въ Роменъ. Отъ сотника лубенского вѣденіе о умершихъ козакахъ въ походахъ ладожскомъ и дербенскомъ прислано. Зъ Луки отъ родителки прислано писмо о приехавшемъ капитану Сеничову для осмотру мѣста на магазени. Леонтій економъ бувъ.

11. При отездѣ зъ футора рубля грошей далемъ дворникови на розніе потреби. Былемъ у Жостѣру и своихъ 3 дрикгантовъ осмотрувалемъ и машталѣрови Іванови далемъ 6 зол., оттоль поехавши къ перевозу и перевезшись, на ночъ пріехалемъ въ Оржицю.

12. Зъ Оржицѣ послалемъ листъ откритій въ Лукомле Кузмѣ асауловѣ на сотництво наказное. Поехавши оттоль, обѣдалемъ въ

Денисовцѣ, гдѣ и Пѣковчиха [1]) видѣлася. Пріехалемъ на ночъ въ Короваи и въ лазнѣ зъ братомъ, п. Андреемъ, мился.

13. Неделя. Листъ принесенъ ко мнѣ отъ правителей о грошахъ печерскихъ писанній [2]) и о присилцѣ запорожця и Худолѣя. Отвѣтъ учинилемъ въ коллекгію на 2 укази, одинъ—о непропуску монаховъ зъ Греціи безъ жалованнихъ грамотъ, а другій—о магазенахъ, чтобъ предуготовленіе било. Родителка коня даровала молодого. Гуляли доволно.

14. Ездилемъ до Ангелювщини и вибралемъ двохъ лошаковъ третяковъ, воронихъ, одного легчаного, а другого дрикганчука. Старосту короваевского перемѣнили. Тіе лошаки послалемъ въ Криву́ю Руду, черезъ Мартина молодика. Пріехали на ночъ въ Пѣратинъ, где капитанъ Семичовъ бувъ и видѣлся зъ мною взглядомъ магазеновъ. Зборщики тамошніе були. Кватира була у п. Худолѣя.

15. Рано оттоль поехалемъ на обѣдъ въ Сухоносовку. Отецъ Пясецкій бувъ у мене. Писалемъ до Худолѣя въ Пѣратинъ о приездѣ его въ Глуховъ. До Милорадовича василковского отписалемъ и тогда жъ и тотъ листъ послалемъ.

16. Сотникъ чорнускій бувъ у мене. Обѣдали у отца Пясецкого. Зъ Горошина атаманъ прислалъ 2 пари огаровъ и пару журавлюв. Алексѣйцю конюшество вручилемъ и далемъ ему зол. 10 на потреби. Черезъ его жъ послалемъ въ Горошинъ до атамана зол. 50 на купленне лѣса. Орановскому коня гнѣденкого даровалемъ. Осмотрувалемъ набѣлу, которого тамъ показалось масла 12 и сира 12 дѣжокъ. Чорнускій сотникъ опроважалъ насъ и простился. Ночовали у 10 верст. отъ Лохвицѣ.

17. Пріехали на службу въ Луку. Подгуляли. Писма отъ лукомского сотника и отъ Савѣцкого писара. Отъ прикажчика константиновского. Гуляли доволно.

---

[1]) Вдова лукомскаго сотника Василія Матвѣевича Пиковца, вышедшая потомъ вторично замужъ за серба Славуя Требинскаго. Младшій сынъ „Пѣковчихи"—Степанъ впослѣдствіи сталъ зятемъ автора Дневника.

[2]) См. выше, стр. 14 и 46.

„Иллюстрированное Описаніе Французской Выставки въ Москвѣ“ выходитъ еженедѣльно, особыми приложеніями къ газетѣ „ЗАРЯ“, въ большомъ форматѣ, по образцу лучшихъ парижскихъ изданій, съ роскошными картинами въ краскахъ, съ рисунками и портретами, на веленевой бумагѣ, на русскомъ и французскомъ языкахъ. Вмѣстѣ взятыя, эти приложенія составятъ роскошный альбомъ выставки.

Подписчики на газету „ЗАРЯ“, желающіе получать означенныя особыя приложенія, благоволятъ на упаковку и пересылку ихъ доплачивать особо 3 рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Отдѣльно на „Иллюстрированное Описаніе Французской Выставки въ Москвѣ“ безъ газеты „ЗАРЯ“:

	Въ Россіи.	За границу.
На все изданіе	5 р.	7 р.

На газету „ЗАРЯ“ съ книгами и „Иллюстрированнымъ Описаніемъ Французской Выставки въ Москвѣ“:

На годъ съ 1-го января. .	9 р.	15 р.
На 8 мѣсяцевъ съ 1-го мая. .	7 р.	12 р.

На газету „ЗАРЯ“ съ книгами съ доставкой и пересылкой:

На годъ съ 1-го января .	6 р.	10 р.
На 8 мѣсяцевъ съ 1-го мая.	4 р.	8 р.

Требованія адресуются: въ Москву, въ главную контору газеты „ЗАРЯ“—Потровка, домъ Кредитнаго Общества, при типографіи И. И. Родзевича.

Дозволено ценз. Кіевъ, 15-го іюня 1891 г.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣр надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1891 г. продолжается:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй**. За редактора **Е. Кивлицкій**.

Дозволено Ценз. Кіевъ, 15-го іюня 1891 г.